ИСТОРИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

I.

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИСТОРИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р. Х. Аминова, М. А. Ахунова, Я. Г. Гулямов, К. Е. Житов, Х. З. Зияев, Х. Ш. Иноятов, Т. Н. Кары-Ниязов, И. М. Муминов, В. Я. Непомнин, М. К. Нурмухамедов, С. П. Толстов, Ш. З. Уразаев, В. А. Шишкин.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТОМ ПЕРВЫЙ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

ТАШКЕНТ · 1967

9(С52)
И90

Книга охватывает огромный период истории Узбекистана от первобытнообщинного строя до середины XIX в. По сравнению с предыдущими изданиями во многом пополнено содержание разделов, посвященных возникновению и развитию земледелия, скотоводства и других отраслей хозяйства первобытного общества, формированию рабовладельческого общества в специфических условиях Узбекистана.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Ответственный редактор
Я. Г. ГУЛЯМОВ

Редакционная коллегия тома—
М. А. АХУНОВА, Х. З. ЗИЯЕВ, Т. Н. КАРЫ-НИЯЗОВ, И. М. МУМИНОВ, Р. Н. НАБИЕВ, С. П. ТОЛСТОВ, В. А. ШИШКИН

1.6.4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предыдущие издания «Истории Узбекской ССР» (1947 и 1955 гг.) явились крупным событием в культурной жизни нашей республики. Благодаря усилиям большого авторского коллектива в этих трудах отражена многовековая история узбекского народа. В течение ряда лет они являлись в полном смысле слова настольными книгами для широких кругов общественности республики. Однако в этих изданиях имелись и существенные недостатки, обусловленные неправильной интерпретацией отдельных важнейших вопросов истории Узбекистана.

XX съезд КПСС положил начало новому этапу в развитии исторической науки, в том числе и историографии советского общества в Узбекистане. Именно после съезда и на основе его решений в исторической науке было покончено с неправомерным принижением руководящей и направляющей роли Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина, с ненаучным выпячиванием одних исторических фактов и замалчиванием других, с недооценкой роли народных масс— подлинных творцов истории. Огромную роль сыграли также решения октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, подвергшего резкой критике субъективизм и волюнтаризм в оценке общественных явлений и призвавшего советскую общественность, в том числе работников исторической науки, к глубокому, научно обоснованному объективному анализу процессов развития советского общества. XXIII съезд КПСС с особой

силой подчеркнул необходимость разработки важных проблем исторической науки «в тесной связи с практикой коммунистического строительства»[1], поскольку «развитие общественных наук и внедрение их рекомендаций в практику играют не менее важную роль, чем использование достижений естественных наук в сфере материального производства и развитии духовной жизни народа»[2]. Историческая наука в Узбекистане достигла больших успехов. Археологи, этнографы и историки, опираясь на марксистско-ленинское учение, создали многочисленные ценные труды, посвященные различным периодам истории узбекского народа и насыщенные значительным количеством нового фактического материала. Их отличительной особенностью является умелое применение ленинского принципа всестороннего классового анализа исторических процессов и явлений.

Авторский коллектив настоящего переиздания «Истории Узбекской ССР» опирался на новые достижения советской исторической науки, в связи с чем ряд событий в истории узбекского народа освещен по-новому.

I том написан И. М. Муминовым, Я. Г. Гулямовым, М. Э. Воронцом, А. Ю. Якубовским, А. А. Семеновым, В. А. Шишкиным, Р. Н. Набиевым, К. В. Тревер, О. Д. Чехович, С. А. Азимджановой, Т. А. Жданко, Т. Кадыровой, Р. Г. Мукминовой, Б. А. Ахмедовым, М. Р. Касымовым, А. А. Аскаровым, У. Исламовым.

Авторами II тома «Истории Узбекской ССР» являются И. М. Муминов, К. Е. Житов, Т. Н. Кары-Ниязов, А. В. Пясковский, Х. Т. Турсунов, В. Я. Непомнин, Х. Ш. Иноятов, А. И. Ишанов, О. А. Сухарева, М. Г. Вахабов, В. В. Решетов, Б. В. Лунин, П. А. Ковалев, А. М. Юлдашев, М. К. Мамаджанов, Н. П. Архангельский, Н. М. Маллаев, К. Ф. Касымбеков, П. Ш. Захидов, Д. А. Фахритдинов, Р. Х. Такташ, А. М. Рыбник, В. П. Дьяченко, Т. С. Вызго и Ф. М. Караматов, Р. Косбергенов.

III том «Истории Узбекской ССР» написан и подготовлен к печати И. М. Муминовым, К. Е. Житовым, Я. М. Досумовым, Х. Ш. Иноятовым, М. Х. Назаровым, А. И. Зевелевым, А. И. Ишановым, В. Я. Непомниным, Р. Х. Аминовой, Г. Р. Ризаевым, Х. Т. Турсуновым, О. Б. Джамаловым, М. Г. Вахабовым, М. Абдуллаевым, Г. Р. Рашидовым, М. А. Ахуновой, К. А. Акиловым, А. Ф. Яцышиной, М. Гулямовой, А. Ю. Ибра-

---

[1] Материалы XXIII съезда КПСС, М., Политиздат, 1966, стр. 86.
[2] Там же.

гимовой, Н. Б. Байковой, В. Ш. Багдасаровым, Р. А. Нуруллиным, З. Арифхановой, А. Зуфаровым.

IV том «Истории Узбекской ССР» подготовлен к изданию Р. Х. Аминовой, М. М. Мусаевым, В. Я. Непомниным, Х. Ш. Иноятовым, Ш. Ш. Абдуллаевым, Т. Д. Джураевым, М. М. Хайруллаевым, О. А. Сухаревой, М. А. Ахуновой, Г. Р. Ризаевым, К. А. Акиловым, А. Ф. Яцышиной, Ф. А. Ариповым, А. Ю. Ибрагимовой, Н. Р. Ибрагимовой, Л. Г. Тетеневой, В. И. Шаповаленко, Т. Рахимбабаевой, З. Арифхановой, М. Касымовой, К. Шаниязовым, С. Мирхасиловым, Х. Гуляямовым и Э. Воскобойниковым, Е. А. Дворкиной, А. С. Казаковой и К. Муминовым.

Фотоиллюстративный материал по всем четырем томам выполнен С. А. Давыдовым.

Редакционная коллегия выражает глубокую благодарность всем авторам, принимавшим участие в создании «Истории Узбекской ССР», а также рецензентам, чьи замечания и предложения оказали существенную помощь при подготовке издания к печати.

Авторы с благодарностью примут от читателей все замечания и пожелания, которые будут учтены при дальнейшей разработке проблем истории Узбекистана.

ВВЕДЕНИЕ

Узбекский народ — один из древнейших народов, внесший большой вклад в развитие мировой цивилизации. На территории Узбекистана еще в глубокой древности возникли очаги торгово-ремесленных центров и культуры. Такие города, как Бухара, Ташкент, Фергана, Термез, Хорезм (Ургенч, Кят) и другие, возникли многие сотни лет назад. Одним из древнейших городов мира является Самарканд, 2500-летие которого будет отмечаться в 1969 г.

Многовековая история Узбекистана нашла свое отражение в многочисленных рукописных источниках, составленных учеными средневекового Востока. Эти сочинения являются ценными материалами для изучения истории Узбекистана.

Научные исследования древней и средневековой истории Узбекистана весьма расширились со времени присоединения Средней Азии к России. Однако в условиях колониального режима изучение богатейшего историко-культурного прошлого Узбекистана и всей Средней Азии проводилось главным образом благодаря энтузиазму отдельных ученых Петербурга и Москвы и местных краеведов-любителей, не пользовавшихся сколько-нибудь широкой материальной и моральной поддержкой властей. Большой вклад в изучение истории Узбекистана, его материальной культуры внесли такие замечательные ученые и местные любители истории, как В. В. Бартольд, И. И. Веселовский, Мухаммед Салих, Абдулазим Сами,

В. В. Вельяминов-Зернов, В. В. Григорьев, В. В. Радлов, В. Л. Вяткин, А. А. Семенов и многие другие.

Следует подчеркнуть, что дореволюционные исследователи стояли в основном на идеалистических или, в лучшем случае, на стихийно материалистических позициях и потому не могли дать объективной всесторонней оценки исторического прошлого узбекского народа, особенно истории народных масс и их борьбы за свою свободу и независимость против чужеземных захватчиков и местных эксплуататоров. Буржуазные историки отодвигали вопросы социально-экономической истории на второй план, отводя решающую роль субъективным факторам, воздействию географической среды, личным качествам отдельных правителей, фаталистически трактовали исторические судьбы народов и государственных образований Средней Азии. К тому же фактического материала (данные археологических раскопок, сведения нумизматического, этнографического, антропологического характера, итоги изучения письменных источников и т. п.), накопленного в дореволюционные годы, было явно недостаточно для широких обобщений и воссоздания истории узбекского народа начиная с древнейших времен.

Многие важные проблемы исторического прошлого Узбекистана (первобытное общество, рабовладельческие отношения и др.) даже не выдвигались дореволюционными исследователями или ставились в самых общих чертах.

Положение дел коренным образом изменилось после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Коммунистическая партия и Советское правительство оказали широкую поддержку развитию науки в нашей стране, в том числе в Узбекистане.

На смену ученым-одиночкам и небольшим коллективам любителей науки пришли многочисленные научные учреждения и организации, библиотеки, музеи. В Узбекистане стали создаваться постоянно действующие научные экспедиции, развернувшие широкую работу по систематическому археологическому и этнографическому изучению территории республики (Термезская, Зарафшанская, Хорезмская и другие экспедиции).

В 1947 г. вышел в свет I том «Истории народов Узбекистана», а в 1955 г. второе издание «Истории Узбекской ССР» (I том, книга первая).

Со времени второго издания I тома «Истории Узбекской ССР» прошло более 12 лет. За это время советские историки добились новых успехов в своей деятельности. Увеличился запас сведений историко-этнографического характера. До-

полнительно введены в научный оборот многие письменные источники. На научных съездах, конференциях и симпозиумах, состоявшихся в 1955—1967 гг., обсуждались важные вопросы истории народов Средней Азии, согласовывалась точка зрения ученых на вопросы, связанные с научной периодизацией истории Узбекистана и т. д. В изучении истории Средней Азии имеют большое значение ценные труды В. В. Струве, С. П. Толстова, И. П. Петрушевского, Я. Г. Гулямова, В. А. Шишкина, Л. В. Ошанина, Х. З. Зияева, С. А. Азимджановой, Т. К. Кадыровой, Л. И. Альбаума, У. Шалекенова и др. В этих работах рассматриваются история классовой борьбы, аграрные отношения и другие стороны социально-экономических, политических и идейных отношений, правовых форм и институтов, международные связи, антропология в Узбекистане с древнейших времен до присоединения Средней Азии к России.

Впервые на основе глубокого исследования исторических источников введены в научный оборот документальные материалы, подготовленные О. Д. Чехович и Р. Г. Мукминовой. В области изучения истории культуры и искусства Узбекистана появились труды Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля.

В настоящем издании «Истории Узбекской ССР» не все части и разделы освещаются одинаково полно, что прежде всего связано с состоянием историографического обобщения некоторых важнейших проблем.

Так, вопрос о месте Узбекистана в истории развития первобытных обществ и антропогенеза в значительной мере решен благодаря работам, проводившимся А. П. Окладниковым, М. М. Герасимовым, Д. Н. Левом, М. Р. Касымовым в пещерах Тешикташа, Аманкутана, Обирахмата, Ходжикенте и др. По находкам открытых стоянок в Каракумах, Самарканде, кремнеобрабатывающих мастерских Капчигая, Каратау, Кул-булака и др. довольно четко представляется процесс развития человека в эпоху палеолита.

Усилиями Хорезмской экспедиции, руководимой С. П. Толстовым, и Махандарьинского археологического отряда, работавшего в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи, воссоздается образ жизни охотников и рыболовов эпохи неолита. Век бронзы в Узбекистане освещается благодаря раскопкам Хорезмской археологической экспедиции в Каракалпакии, Махандарьинского отряда в районе Заман-баба, раскопкам на оседло-земледельческих поселениях Чуста и Дальверзина в Ферганской долине, а также близ Термеза и Самарканда.

Менее полно раскрыта история зарождения и развития классового общества. Оживленные дискуссии о сущности ази-

атского способа производства, продолжающиеся с тридцатых годов, не позволяют прийти к общему мнению.

Рабство, как основа ранней классовой формации, в Средней Азии, безусловно, существовало, но в своем развитии отнюдь не достигло состояния классического рабства Греции и Рима.

Оно пережило несколько этапов. Труд рабов широко применялся с незапамятных времен. Трог Помпей (I в. до н. э.) отмечал своеобразие рабовладения у парфян, отличавшегося от классического рабства у эллинов. Богатые парфяне содержали большое количество рабов, воспитывали их как своих детей, обучали военному делу. Во время походов каждый парфянин гордился своими воинами, представленными в правительственных войсках.

Во время движения Маздака (VI в. н. э.) рабство как общественная категория не отрицалось восставшими. В VIII в. при заключении мирного договора с арабами Самарканд обязался уплачивать ежегодную дань деньгами и поставлять 3 тыс. рабов. Примерно через 40 лет беглые рабы, участники восстания Абумуслима, составили особый легион с отдельным лагерем. Военные дружины среднеазиатской дехканской аристократии в основном состояли из рабов. В источнике конца VIII в. сообщается, что городские тюрьмы и лагери переполнены рабами и никто из владельцев не требует их возвращения.

В IX—X вв. рабы (гулямы) из тюркских племен состояли в войсках. В дальнейшем, до окончательной ликвидации рабства во второй половине XIX в., рабов использовали как подсобных рабочих в крупных хозяйствах, в торговле, а также в качестве домашней прислуги. Однако рабство в эпоху феодализма по характеру и по своим масштабам отличалось от рабства древнейших времен.

Период, предшествовавший феодализму, еще ждет своих исследователей. Исторические события, такие как движение Маздака и Абруя в период зарождения феодализма, требуют обстоятельного изучения, сопоставления с антифеодальными движениями в странах Европы раннего средневековья.

В книге не рассмотрены вопросы о совместном исчезновении раннефеодальных антагонистических классов — дехканства и кедиверства, о положении кедиверов. Еще не изучены правовые и экономические взаимоотношения между этими классами.

Разделы и главы III части книги переработаны неравномерно. Например, главы, посвященные событиям VIII в., рас-

ширены и углублены по сравнению с предыдущим изданием (1955 г.).

Правовые установки, налоговая политика и все устои феодального государства в последующие времена всецело основаны на тех исторических нормах, которые сложились в результате почти столетней войны народов Средней Азии против халифата, за право утверждения терпимых норм податей, повинностей и т. п., приведшей в конце концов к отпадению от халифата Средней Азии и образованию мощного феодального государства Саманидов.

Разделы истории IX—XV вв. претерпели незначительные изменения в свете новейших археологических и нумизматических исследований. В эти главы внесены некоторые новые материалы, например, о развитии науки, культуры и общественной жизни, о внешних связях при Тимуре, уточнены отдельные исторические даты, решены конкретные вопросы аграрных отношений. Однако в целом история государств Саманидов, Караханидов, Тимура и Тимуридов требует дальнейшего разностороннего изучения.

Значительно переработаны и дополнены главы, касающиеся истории XVI в., а также XVIII — середины XIX вв. Этому помогли новейшие исследования по истории вакфных и городских хозяйств, углубленное изучение аграрных отношений в Узбекистане.

Первая часть I тома — «Первобытнообщинный строй» — написана Я. Г. Гулямовым, М. Э. Воронцом, М. Р. Касымовым, У. Исламовым и А. А. Аскаровым; вторая часть — «Рабовладельческий строй» — изложена и в новом издании дополнена К. В. Тревер, ею же написана I глава третьей части. Третья часть охватывает эпоху феодализма с VI до середины XIX в.; II—IX главы этой части, в которых излагаются события VIII—XV вв., для издания 1955 г. были написаны А. Ю. Якубовским, с некоторыми дополнениями Р. Н. Набиева. В новом (III) издании эта часть переработана с сокращениями и дополнениями В. А. Шишкиным (гл. IV—IX), Т. Кадыровой (гл. II, III), С. А. Азимджановой и Б. А. Ахмедовым (гл. XI, XII). В разделах культуры и науки с IX до середины XIX в. вопросы истории естественнонаучной и общественно-философской мысли изложены И. М. Муминовым.

Раздел истории эпохи феодализма с XVI в. до середины XVIII в. для издания 1955 г. был написан А. А. Семеновым и дополнен В. А. Шишкиным. В новом издании раздел по истории XVI в. значительно переработан и дополнен Р. Г. Мукминовой (гл. XIII), главы XIV и XV дополнены Б. А. Ахме-

довым. Автором XVI главы является О. Д. Чехович. Глава XVII написана Т. А. Жданко. При изложении истории ирригационной техники использованы материалы А. Р. Мухамеджанова, а также сведения по истории архитектуры, представленные М. С. Булатовым (гл. XII) и Н. С. Гражданкиной (гл. XIII).

Библиографический указатель составлен В. Д. Жуковым, О. Д. Чехович и Р. З. Бурнашевой указатель имен — Н. Б. Байковой, М. Ю. Усмановой, М. Усановой, Р. З. Бурнашевой и З. Алауддиновой.

Картографические и иллюстративные материалы подготовлены В. А. Нильсеным и А. Р. Мухамеджановым.

В своей основной части I том «Истории Узбекской ССР» соответствует первой книге I тома издания 1955 г., но хронологически он доведен до середины XIX в., охватывая начальные главы второй книги предыдущего издания. В процессе подготовки I тома были учтены ценные замечания, сделанные Х. Т. Турсуновым, З. Р. Нуритдиновым, Б. В. Луниным и другими.

ЧАСТЬ I

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ

ГЛАВА I

ПЕРВОБЫТНОЕ СТАДО

1. ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБИТАНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Эпоха первобытнообщинного строя охватывает приблизительно 800 тыс. лет. Этот огромный период археологи называют палеолитическим, а геологи — четвертичным.

В эпоху палеолита на территории земного шара происходили существенные физико-географические изменения. Не являясь существенной причиной общественного развития, они оказывали значительное влияние на развитие человеческого общества, поскольку низкий уровень развития производительных сил делал человека зависимым от природы.

В конце третичного — начале четвертичного периода[1] образовались целые горные страны такие, как Альпы и Кавказ, поднялись высочайшие хребты Гималаев, Тибета, Памира и Тянь-Шаня. Постепенное похолодание, продолжавшееся в течение четвертичного периода, привело к неоднократному развитию (и сокращению) обширного ледникового покрова в северной части Европы, Азии и Америки. В Европе по альпийской схеме установлено четыре ледниковых эпохи (Гюнцская, Миндельская, Рисская, Вюрмская с междуледниковыми этапами).

Исследователи четвертичной геологии Средней Азии устанавливают также от двух до четырех стадий оледенения, повлиявших на геологические условия Средней Азии. Высокогорные области здесь были покрыты снегом и ледниками в

---

[1] Третичный и четвертичный периоды — геологические эпохи жизни Земли.

QQL. N.Ver

гораздо большей степени, чем теперь. Так, ледник Федченко, имеющий около 77 *км* в длину при толщине 500 *м*, простирался в древности на 180 *км* и имел мощность до 1000 *м*. Нижняя граница древних ледников Средней Азии спускалась до 1800 *м* над ур. м., тогда как современные ледники не опускаются ниже 3200 *м*. Такие явления были возможны только при значительно большей влажности климата и более низкой среднегодовой температуре, чем в настоящее время. Предположение о значительно большей влажности климата в тот период подтверждается при изучении пустынь Каракум и Кызылкум, Голодной степи и других пустынных областей, современный рельеф которых образован преимущественно мощными речными наносами. В них мы наблюдаем глубоко врезанные древние русла кочующих рек — Келифский Узбой, Усть-Уртский Узбой и др., — а также большие, в древности обводненные пространства, например, Унгуз или Сары-Камышская впадина. Археологическими и геологическими исследованиями установлено, что такие реки, как Чу, Сарысу, Кашкадарья, Зарафшан. теряющиеся сейчас в песках, несли несравненно больше воды, причем, первые две впадали в Сырдарью, а последние — в Амударью.

В течение четвертичного периода образовались и древние речные террасы. На территории Узбекистана геологи выделяют Нанайскую (или Сохскую), Ташкентскую и Голодностепскую террасы, на которых неоднократно селились люди эпохи палеолита.

Ярким показателем влияния ледников на климатический режим Средней Азии и Казахстана могут служить находки останков вымерших ископаемых животных. Здесь обнаружены остатки костей мастодонта, южного и лесного слона, первобытной лошади, древнего верблюда, бизона, леопарда, оленя, пещерной гиены, мамонта, которые не могли бы существовать в этих местах при современных природных условиях. Очевидно, четвертичный период в Узбекистане, как и во всей Средней Азии и Казахстане, характеризовался менее резкими колебаниями, чем в настоящее время, а значительное количество атмосферных осадков способствовало развитию богатого растительного и животного мира.

Однако следует отметить, что в горных районах фауна почти не изменилась. Об этом свидетельствуют мустьерские пещерные стоянки Тешикташ, Аманкутан, Ходжикент и Обирахмат, где наряду с каменными орудиями найдены остатки костей медведя, леопарда, гиены, горного козла и других животных, которые и сейчас обитают или недавно обитали в этих местах. Такие факты дают основание утверждать, что

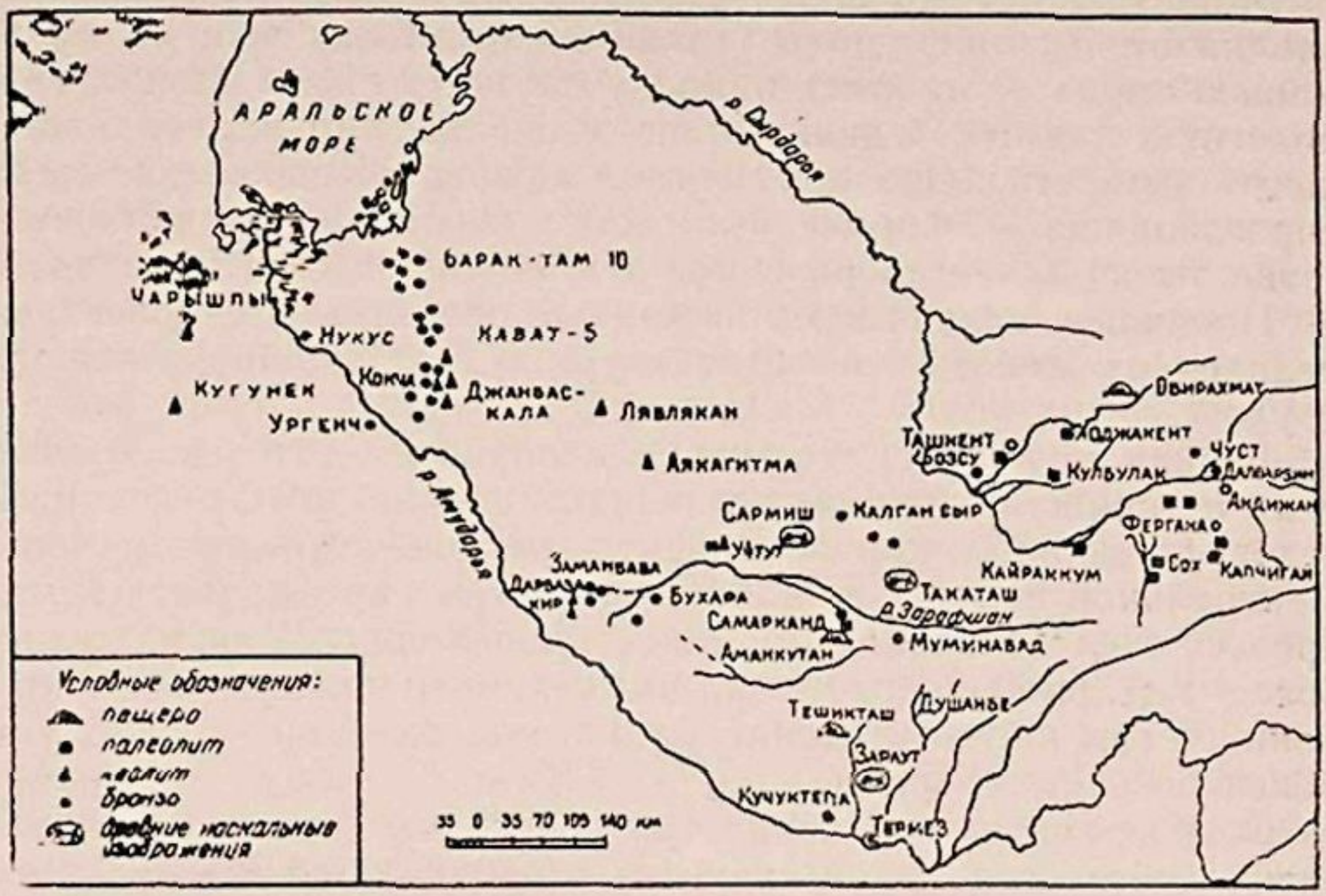


Рис. 1. Памятники первобытной культуры на территории Узбекистана.

природные условия равнинных территорий изменялись и в связи с уменьшением влажности и воды в реках равнины постепенно превращались в полупустынные или пустынные районы.

2. РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ

Одним из важнейших этапов в развитии природы был переход от животного к человеку. «Труд создал самого человека... Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который при всем сходстве с обезьяньим далеко превосходит его по величине и совершенству. А параллельно с дальнейшим развитием мозга шло дальнейшее развитие его ближайших орудий — органов чувств»[1].

Ф. Энгельс писал, что «самое существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае с о б и р а ю т, между тем как *люди п р о и з в о д я т. Это единственное, но в то же время* и основное различие делает невозможным простое перенесение законов животного общества в человеческое общество»[2].

---

[1] Ф. Э н г е л ь с. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, М., 1957, стр. 3, 8.

[2] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. XXVI, стр. 409.

Животное только пользуется дарами природы и приспосабливается к природным условиям, тогда как человек с помощью труда заставляет природу служить своим целям, господствует над ней. Однако процесс перехода от «присваивающего» хозяйства еще примитивных предков человека к его «производящей» форме был длительным и продолжался сотни тысяч лет — до развития земледелия и скотоводства.

Предками человека были стадные обезьяны и человек выделился из животного состояния в процессе общественного труда.

Возникает вопрос, где впервые появился человек. Ученые пока не пришли к единому мнению. Одни считают родиной человека африканский континент, другие — гористые районы Центральной и Восточной Азии, а третьи предполагают, что процесс очеловечивания обезьяны происходил на значительно более обширной территории, включающей южную половину Азии (в том числе Закавказье и Среднюю Азию), Европу и большую часть Африки.

С превращением в конце третичного периода человекообразных обезьян в людей начинается древнейший период истории человечества — древний каменный век (палеолит), который в свою очередь делится на: 1) период первобытного стада как исходного состояния становления человеческого общества, по археологической периодизации ему соответствует ранний (шелль, ашель) и средний (мустье) палеолит[1]: 2) родовое общество. соответствующее второй половине древнего каменного века, — позднему, или верхнему палеолиту.

Эпоха раннего палеолита началась около 800 тыс. лет назад и закончилась 100 тыс. лет назад. Она характеризуется становлением человека и человеческого общества, появлением первых орудий труда. Теплый климат раннечетвертичного (доледникового) периода способствовал развитию богатой субтропической фауны и флоры и позволил древнейшим предкам современных людей расселяться по огромной территории земного шара. Их костные остатки и примитивные орудия труда обнаружены археологами в Англии, Бельгии, Закавказье, Испании, Франции, а также во многих районах Африки и Азии.

Основоположники марксизма-ленинизма называют этот древнейший этап в развитии человеческого общества стадным

---

[1] Периоды получили свое название от мест, где были впервые найдены характерные памятники данного времени (город Шелль, Сент-Ашель и пещера Ле-Мустье во Франции).

периодом. К. Маркс подчеркивает, что первобытные люди вступили в историю как полуживотные; в это время человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы[1]. Он определялся тем уровнем развития производительных сил, при котором человек использовал естественные источники питания, ограничиваясь собирательством и охотой. Но и такие способы добывания средств к существованию требовали хотя бы самых примитивных орудий, при изготовлении которых начинается процесс труда.

При крайне несовершенной технике обработки камня орудия труда людей на первоначальном этапе развития человечества мало отличились друг от друга. Однако это не исключало некоторых локальных особенностей. Так, в Европе и Африке пользовались острыми ручными двусторонними рубилами, тогда как на обширной территории Азии были распространены главным образом чапперы — грубые рубящие орудия, которые представляют собой массивные куски камня— гальки, стесанные с одной, реже с обеих сторон. При помощи этих рубил древнейший человек мог выкапывать корни, добивать животных, резать, колоть и т. д.

Костные останки самых древних людей были найдены в Танганьике (Восточная Африка). Это так называемый Homo habilis «человек умелый». Объем его мозга 685 *см*^{3}, т. е. больше, чем у австралопитека (у зинджантропа — 530 *см*^{3}), но уступает минимальной величине мозга петикантропа (775—950 *см*^{3}). Большой интерес представляет стопа, резко отличающаяся от обезьяньей и, бесспорно, свидетельствующая о прямохождении этого гоминида. Вместе с костными останками найдено множество примитивных каменных орудий типа чапперов. Эти находки указывают на то, что сознательное изготовление и применение орудий труда проявилось на более древнем этапе развития человека и не является прерогативой питекантропов и синантропов.

Остатки костей питекантропа — древнего человека следующего этапа развития — были найдены на острове Ява, близ Триниля. В тех же геологических отложениях обнаружены примитивные, грубо обитые орудия, изготовленные питекантропами или их ближайшими потомками.

На более высокой ступени развития физического типа человека стоят синантропы, остатки костей которых найдены на севере Китая. По объему мозг синантропа несколько превы-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 185.

шал мозг питекантропа (1050—1200 $см^3$), но был меньше среднего объема мозга современного человека (1400—1600 $см^3$).

Вместе с остатками костей синантропа в культурном слое обнаружены грубые бесформенные каменные орудия, относящиеся примерно к ашельской эпохе. Там же найдены остатки угля, золы и костей различных животных, в том числе медведей, саблезубых тигров, диких лошадей, кабанов, буйволов, редко слонов и носорогов.

Наряду с охотой важным способом добывания средств к существованию было собирание кореньев, плодов, орехов, насекомых, ракушек и т. п. Синантроп пользовался огнем и, по-видимому, овладевал речью.

Останки первобытных людей были найдены в Европе близ г. Гейдельберга и в Южной Африке. В Средней Азии кости человека нижнего палеолита пока не обнаружены, однако известно, что в эту эпоху географические условия на территории Средней Азии и Южного Казахстана были вполне благоприятны для жизни древнего человека. Доказательством его обитания являются находки каменных орудий, относящихся к шелльскому и ашельскому времени, вместе с костями раннечетвертичных животных. Таковы шелльские и ашельские стоянки Бориказган, Танирказган в районе хребта Каратау в Южном Казахстане, где наряду с необработанными кусками камня найдено множество крупных рубящих орудий и других изделий. Рубящие орудия и скребло ашельского времени обнаружены на р. Онарча — одном из притоков р. Нарын на территории Киргизии.

В Ферганской долине орудия труда этого времени обнаружены в ущелье Бакиргансай около кишлака Кайрагач, на р. Исфайрам, недалеко от кишлака Пальман и на правом берегу сая Холкнмайн (Ходжахайр) у кишлака Ходжахайр. Они найдены также на Шуркуле и в Кайраккумах.

Большое количество изделий позднеашельского периода обнаружено на южном склоне горы Вауш у кишлака Учтут в долине р. Зарафшан Бухарской области Узбекской ССР.

К ашельскому времени относятся грубо обработанные рубила миндалевидной формы, найденные у кишлака Кызыл-Кала на р. Вахш в Южном Таджикистане. Ашельское ручное рубило с грубым волнистым рабочим лезвием найдено в окрестностях г. Красноводска на западе Туркмении. Эти находки свидетельствуют о том, что в раннем палеолите на обширной территории Средней Азии и Казахстана, в том числе и Узбекистана, обитали люди, основным источником существования которых была коллективная охота и собирательство.

3. СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Переход от раннего палеолита к среднему совпал с распространением рисского оледенения, резко ухудшившего климатические условия (100—40 тыс. лет тому назад).

В это время с севера на юг спускался огромный сплошной ледник. Во многих горных районах земного шара, в том числе в Средней Азии и Казахстане, он спустился намного ниже, чем в остальных местах и покрыл прилегающие горные территории.

В результате похолодания произошли изменения в животном и растительном мире. Теплолюбивые животные вымерли или (частично) переселились на юг. Их место заняли приспособившиеся к новым условиям мамонты, медведи, сибирские носороги, лошади, гигантские олени и другие животные, остатки костей которых найдены во многих районах Европы и Азии, в том числе в Средней Азии и Казахстане.

Оледенение и резкое похолодание вынудили людей постепенно совершенствовать охотничье хозяйство, приспосабливая его для охоты на крупных животных. Человек изобретает различные способы добывания огня, использует в качестве жилища не только естественные пещеры и гроты, но и впервые строит жилища на открытом воздухе. Люди этого времени объединяются в более крупные сплоченные коллективы, в которых появляются зачатки родового устройства и разделения труда по полу. В конце этого периода впервые возникает обряд захоронения — свидетельство значительных сдвигов в духовной жизни древнего человека.

В эпоху мустье появляются новые разнообразные орудия— остроконечники, скребла, ножи и т. д. В конце среднего палеолита создаются резцы, а также различные орудия, с помощью которых мустьерский человек мог резать, скоблить, прокалывать. Совершенствуются приемы обработки камня, появляются первые костяные орудия — все это свидетельствует о большом прогрессе в жизни мустьерского человека.

В эпоху мустье совершенствуется физический тип человека. Древнейший человек (Homo habilis), «человек умелый», питекантроп и синантроп — трансформируется в неандертальца (Homo neanderthalens), который приближается к человеку современного типа. У него проявляется прежде всего более высокая ступень развития головного мозга (появляется двигательный центр речи) и изменение физического облика, которое в большей степени обеспечивало свободу трудовых действий (прямохождение и освобождение передних конечностей).

Важнейшим достижением мустьерской эпохи был переход

от поддержания огня к добыванию его трением. Ф. Энгельс писал: «...Добывание огня трением превосходит еще паровую машину по своему всемирно-историческому освобождающему человечество действию. Ведь добывание огня трением впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства»[1].

Все это позволило мустьерскому человеку освоить значительные районы.

Костные остатки неандертальца обнаружены во многих местах Западной Европы, Африки и Передней Азии, а также на территории СССР, в том числе и Узбекистана.

В последние годы исследованы памятники эпохи мустье в Сурхандарье (Тешикташ), Самарканде (Аманкутан), в Ташкентской области (Ходжикент, Обирахмат) и Ферганской долине (Калача в окрестностях Ферганы, стоянки на р. Сох), в Чирчикско-Ангренском оазисе (Кульбулак), Бухарской области (Учтут) и т. д.

Мустьерская стоянка Тешикташ. Древнейший человек в Узбекистане. Грот Тешикташ, обследованный в 1938—1939 гг. А. П. Окладниковым, положил начало изучению палеолита в Средней Азии. Памятник расположен на высоте 1500 *м* над ур. м. в ущелье Заутолошсай в горах Байсунтау Сурхандарьинской области.

Культурные слои грота, достигающие 1,5 *м* (из пяти наслоений), насыщены каменными орудиями, обломками костей различных животных.

Центром жизни тешикташских обитателей были кострища, имевшие овальную форму и достигавшие в диаметре от 0,4 до 2,0 *м*. В каждом культурном слое обнаружены остатки одного, а иногда двух-трех кострищ, вокруг костров—большое количество костей горного козла, оленя, дикой лошади, леопарда, медведя, гиены, зайца, сурка, куропатки, голубя, утки и т. д.

Всего в гроте Тешикташ найдено около 3000 предметов, из них 339—вполне законченные орудия. Наиболее характерны остроконечники, изготовленные из треугольных удлиненных пластин, и скребла, употреблявшиеся в качестве режущего и скоблящего орудия. Здесь же обнаружены грубые ножевидные пластины, двусторонне обработанные «рубильца» и дисковидные нуклеусы.

Кроме каменных орудий, при раскопках пещеры Тешикташ найдены единичные обломки костей животных, покрытые

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, М., Госполитиздат, 1957, стр. 108.

поперечными нарезками и служившие в качестве наковаленок. Это первые попытки неандертальца освоить новый материал для изготовления орудий.

Грот Тешикташ дал исключительно важный материал для установления физического типа мустьерского человека. Здесь на глубине 25 *см* обнаружен скелет мальчика-неандертальца.

В неглубокой яме, вырытой в прослойке между первым и вторым культурными слоями, недалеко от очага найден череп мальчика и мелкие фрагменты костей скелета. Вокруг захоронения лежало несколько пар рогов горного козла. Преднамеренное захоронение с предметами, сопровождавшими человека в загробный мир, свидетельствует о зарождении примитивных идеологических представлений, из которых впоследствии развивается религия.

При большом объеме мозга (около 1490 $см^3$) череп тешикташского ребенка отличается сильной уплощенностью, высота черепной коробки больше, чем у питекантропа или синантропа, но меньше, чем у современных детей. Характерно положение затылочного отверстия черепа. Задний край его, как и у других ископаемых черепов этой эпохи, выше переднего, из чего следует вывод о не вполне закончившемся приспособлении черепа к вертикальному положению, связанному с прямохождением и полным освобождением передних конечностей для трудовых процессов.

Находка в Тешикташе доказывает, что и на территории Средней Азии человек прошел неандертальскую стадию развития, т. е. решительно опровергаются реакционные расистские теории о двух корнях происхождения человека.

Другим памятником этого времени является грот Амир-Темир, расположенный недалеко от Тешикташа. В нем обнаружены три культурных слоя: два из них относятся к позднему периоду каменного века, а третий к эпохе мустье.

В мустьерском слое обнаружен очаг с древесными углями, грубо обработанные скребла, дисковидные нуклеусы, отщепы и другие изделия, сходные с изделиями, обнаруженными в верхних слоях грота Тешикташ. Фауна мустьерского слоя грота Амир-Темир сходна с тешикташской.

Мустьерские памятники изучены в Самаркандской и Бухарской областях. Одним из таких памятников является пещерная стоянка Аманкутан, расположенная на высоком берегу Бульбульзарсая в районе кишлака Аманкутан в окрестностях Самарканда. Здесь мустьерские охотники жили не только на площадке у входа, но и в глубине пещеры.

Д. Н. Лев вскрыл несколько обжитых галерей, где расположены два культурных слоя, разделенных слоем известко-

вого туфа (0,8 *см*). Орудия, найденные в этих слоях, идентичны орудиям мустьерского времени. Каменные орудия, обнаруженные на стоянке Аманкутан, состоят из массивного скребла и пластин с заостренным рабочим краем, листовидных дву-

Рис. 2. Бюст мальчика из пещеры Тешикташ (реконструкция Герасимова).

сторонних обработанных орудий, остроконечников и дисковидных нуклеусов. Здесь же найдены остатки костей азиатского муфлона (116 особей), горного медведя (39 особей), пещерной гиены, дикобраза, сурка, пищухи и других животных, на которых охотились мустьерцы в районе Аманкутана.

В районе Такалыксая Д. Н. Лев открыл также пещерную стоянку, датируемую поздним мустье.

Памятники этого периода являются и каратауские мастерские по добыче и обработке камня, расположенные у выходов кремнистых пород на южных склонах гор Вауш и Калаваш-Кызыл в Бухарской области.

Южные склоны гор сложены плотными третичными известняками, песчано-кварцевыми и, частично, кремневыми и другими породами, перекрытыми аллювиальными отложениями.

Здесь исследованы три мастерские. Наиболее крупная из них Учтутская, дает археологический материал, начиная с позднего ашеля до неолита включительно, о чем свидетельствуют остатки каменных орудий и следы шахт. В другой, расположенной на левом берегу сая Вауш, к востоку от первой, содержится мустьерский комплекс изделий. В третьей мастерской у кишлака Иджонт, расположенной на склоне горы Калаваш-Кызыл, найден разновременный материал, в том числе изделия мустьерского времени.

Другим районом находок мустьерских памятников Узбекистана являются верховья р. Чирчик, где в последние годы открыты и исследованы пещерные стоянки Ходжикент и Обирахмат.

Гроты Ходжикент I и II расположены в известковой скале над кишлаком Ходжикент у левого берега р. Чирчик в 75 *км* к северо-востоку от Ташкента.

В верхней переотложенной части культурного слоя пещеры встречаются мустьерские орудия с обломками средневековой керамики, а ниже, в непотревоженной части, обнаружены остатки очага плохой сохранности диаметром более 0,4 *м*. Очаг был на 5—6 *см* ниже основного культурного слоя. Над ним и вокруг него находились каменные орудия и рога горных козлов. Эти орудия представлены удлиненными пластинами различных размеров, остроконечниками, одно- и двухплощадными дисковидными нуклеусами и отщепами.

Находки Ходжикента, как полагает А. П. Окладников, по времени очень близки к верхнему культурному слою грота Тешикташ.

Второй и, пожалуй, самой богатой по материалу, является пещера Обирахмат, открытая в 1962 г. А. Р. Мухамеджановым, расположенная в 100 *км* к северо-востоку от Ташкента на правом берегу сая Пальтау. Она сухая, светлая, непосредственно у ее восточного края со скалы низвергается водопад с хорошей питьевой водой. Пещера Обирахмат обращена на юг. В глубине ее расположена туфовая скала.

Результаты исследования пещеры показали, что здесь прослеживается более 20 культурных слоев. Значит пещера в

течение длительного времени служила жилищем первобытного человека[1].

В пещере выявлено несколько десятков тысяч экземпляров каменных изделий, среди которых, кроме пластин с ретушью, переходящих иногда в остроконечники, имеются типичные остроконечники, нуклеусы различных типов, пластинчатые отщепы. Подобраны резцы различных видов, долотовидные орудия, скребла и скребки. Некоторым орудиям из верхних слоев пещеры свойственны верхне-палеолитические черты.

Комплекс орудий из всех культурных слоев пещеры своеобразен и характеризуется призматической техникой расщепления и частично леваллаузско-октогональной техникой, которая относится к развитому и позднему мустье, переходящему в поздний палеолит.

Наряду с каменными орудиями, в культурных слоях пещеры Обирахмат обнаружены остатки костей животных и птиц тех же видов, что и в Тешикташе.

Отдельные мустьерские орудия найдены на р. Пскем и при слиянии рек Чаткал и Коксу, недалеко от с. Бурчмулла (Куприкбаши).

В бассейне р. Чирчик имеются и другие палеолитические стоянки, расположенные в районе урочища Каракамыш у древнего канала Бозсу, в 12—15 *км* к северо-западу от Янгиюля.

Одна из них, Бозсу I, в урочище Шаимкуприк, открыта в 1901 г. А. П. Павловым. В 1956 г. там произведены археологические работы. В переотложенном аллювии обнаружены остатки костей животных и многочисленные каменные орудия, относящиеся к разным периодам древнего каменного века. Среди мустьерских изделий стоянки Бозсу I выделяется несколько двухсторонне обработанных орудий типа ручных рубилец. Имеются также пластины, употреблявшиеся в качестве режущих орудий.

Остроконечники малочисленны, но различны по форме. Большинство из них напоминает равнобедренные треугольники. Остроконечники из широкой пластины отличаются тщательной вторичной обработкой, охватывающей оба, а иногда один край на спинке орудия. Значительную часть орудий стоянки Бозсу I составляют скребла из отщепов, которые бы-

---

[1] Пещерная стоянка Обирахмат открыта Бостандыкским археологическим отрядом, в состав которого входили А. Р. Мухамеджанов (начальник отряда), Х. Н. Насретдинов, А. А. Абдулхамидов.

ли сняты с одно- или двуплощадных подпризматических нуклеусов, характерных для эпохи мустье.

Другая стоянка — Бозсу II — расположена в урочище Шуралисай в районе одноименного канала Бозсу. Мустьерский комплекс орудий Бозсу II найден во вторичном залегании среди гальки, вымытой водами канала, и отложений в русле Бозсу.

Дальнейшие исследования вдоль канала Бозсу привели к открытию новых палеолитических местонахождений Бозсу—III, IV и V.

Памятники эпохи мустье в долине р. Ангрен обнаружены главным образом на южных склонах Чаткальского хребта, где образованы глубокие русла Кызылалмасая, Гышсая, Карабагсая. Из них отметим стоянку у родника Кульбулак, расположенную на 5—7 *м* выше русла Джарсая, левого притока Кызылалмасая.

В результате трехкратного заселения на стоянке образовались три культурных слоя толщиной по 9—12 *см* каждый, перемежающихся стерильными прослойками. Среди найденных орудий выделяются остроконечники, изготовленные из широких пластин треугольной формы, и пластины с хорошо отретушированными рабочими краями.

Инвентарь стоянки Кульбулак частично носит леваллуазский характер, однако отличается от инвентаря мустьерских памятников Узбекистана тем, что орудия имеют неровные края с зазубринками, выемками и выступами.

Со стоянкой Кульбулак связаны мастерские по добыче и обработке камня, расположенные по склонам Чаткала на берегах Кызылалмасая, Гышсая и др. Они существовали в течение длительного периода, начиная с эпохи мустье до неолита.

Следы деятельности мустьерского человека обнаружены на высокой террасе левого берега р. Ангрен у древних памятников Кухисим и Кухинон, где были собраны пластины, нуклеусы, отщепы и т. п.

Широко известны мустьерские памятники и в Ферганской долине. Открыты кайраккумские ашело-мустьерские местонахождения в юго-западной части Ферганской долины, а также памятники в окрестностях г. Ферганы, на северном склоне Алайского хребта и в долине р. Сох.

Мустьерские стоянки в окрестностях Ферганы расположены на адырах вдоль старого русла Кувасая, в 10 *км* к северо-востоку от Ферганы. Адыры, сложенные в нижней части галечниками, а в верхней лессовидными суглинками, геологически соответствуют ташкентскому комплексу. Поверхностный

слой адыра размыт, и в обнаженных слоях галечника обнаружено более десяти стоянок, давших исключительно богатый и разнообразный материал. Отметим тщательно обработанные остроконечники, значительное количество пластин и отщепов, имеющих ударную площадку с поперечным склоном. Для этого комплекса типичны дисковидные, одно- и двухплощадочные нуклеусы, а также скребла, характерные для эпохи мустье. Орудия того же времени найдены на адырах у кишлака Карамкуль.

Следы мустьерского человека обнаружены в предгорьях северного склона Алайского хребта в 25—30 *км* к югу от Ферганы.

Наиболее примечательны мустьерские стоянки Аирбаз 1—7. Они расположены на высоких террасах и тянутся к югу от кишлака Аирбаз по обоим берегам горного ручейка Халкнмайн (Ходжахайр). В основном комплекс орудий из стоянок 1—7 состоит из нуклеусов, различных типов скребел, пластин и других изделий.

Интересный материал для изучения жизни мустьерцев дают остатки кремнеобрабатывающей мастерской Капчигай, расположенной у Алайского хребта в глубине ущелья Данги, на выходах пластов черного кремня. Все склоны усеяны многочисленными обломками кремня, среди которых выделяются различные нуклеусы, пластины, остроконечники, разнообразные скребла и заготовки орудий.

Встречаются здесь и позднепалеолитические изделия. Это свидетельствует о длительной производственной деятельности первобытных людей, связанной с систематической разработкой исходного сырья.

В пещере Капчигай I, расположенной на высоком берегу левого притока ручейка Халкнмайн, примерно на 2—3 *км* выше Капчигайской мастерской, обнаружено мустьерское скребло и два отщепа, а также обломки трубчатых костей различных животных.

Другая группа мустьерских памятников расположена на берегах р. Сох между кишлаками Чонгара и Сарыкурган. На правом берегу р. Сох в районе кишлака Чонгара в галечниках третьей террасы установлено четыре мустьерских местонахождения с нуклеусами, пластинами и отщепами.

В том же районе на 12—15 *км* ниже кишлака Чонгара открыто более десяти пунктов, где найдены разнообразные комплексы мустьерских орудий. Среди них выделяются типично дисковидные многоплощадные нуклеусы, образующие несколько устойчивых серий, скребла с краем, хорошо обработанным ретушью. Характерны также крупные широкие пла-

стины с отретушированными рабочими краями и меньшие по размерам леваллуазские пластины.

Культура мустьерских памятников Узбекистана (несмотря на некоторые различия в технике обработки) носит леваллуа-мустьерский облик и близка к культуре памятников Кавказа, Среднего и Ближнего Востока.

Что касается занятий неандертальцев, то основными видами были охота и собирательство. Охота, которая была возможна только при участии большого коллектива. максимально сплачивала стадо, подготавливая формирование совершенно нового родового общества, связанного производственными и кровно-родственными родовыми узами.

ГЛАВА II

РОДОВОЕ ОБЩЕСТВО

1. ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Поздний, или верхний палеолит, длившийся примерно от 40 до 12 тысяч лет до н. э., совпал с вюрмской или валдайской фазой развития оледенения. В это время во многих частях земного шара, в том числе в Средней Азии и Казахстане, климат стал сухим и резко континентальным. Появились холодолюбивые животные, шерстистый носорог, дикая лошадь, бык, благородный олень и др. На территории нынешнего Узбекистана образовались речные террасы, соответствующие голодностепскому циклу.

Переход от первобытного стада к позднему палеолиту ознаменовался существенным изменением и развитием производительных сил, общественных отношений и физического облика человека.

Естественно, переход к верхнему палеолиту начался с изменения и развития производительных сил и прежде всего орудий производства. В это время для изготовления каменных орудий, наряду с техникой скола, стала применяться более совершенная отжимная техника. От призматических или конусовидных нуклеусов путем нажима отделяли тонкие ножевидные пластинки, из них делали ножи, проколки, резцы для сверления дерева и кости, скребки для скобления шкур и другие орудия труда. В позднем палеолите широко применялись изделия из кости и рога: иглы, шилья, гарпуны, стрелы, украшения и т. д.

В это время возникло также сверление, преимущественно кости, а иногда и камня.

Важнейшим достижением в позднем палеолите было изобретение наконечников копий, дротика и копьеметалки, способствовавшее развитию охоты. Вероятно, основным способом охоты была облава на крупных животных, в которой принимали участие большие группы охотников. Наряду с охотой достигло более высокого уровня и собирательство.

В эпоху палеолита люди впервые стали сооружать долговременные зимние жилища. В это время появилось и начало развиваться изобразительное искусство. Древние художники рисовали на камнях, гравировали на кости изображения животных, рыб и людей. Сохранились женские статуэтки из камня и кости, связанные с культом материнского рода и с охотничьими магическими обрядами.

В процессе труда изменился и физический тип человека. Неандертальца сменил кроманьонец—непосредственный предшественник человека современного физического типа, имевший характерные признаки черепа нынешнего человека: прямой лоб, надбровные дуги, подбородочный выступ. У него вполне сформировалась прямая походка.

Возникли человеческие расы и различные антропологические типы, приближающиеся к современным трем (европеоидной, негроидной и монголоидной) расам. Они отличаются друг от друга по второстепенным внешним признакам, но принадлежат к одному виду Homo sapiens и к одной стадии развития человечества.

Все эти изменения привели к тому, что первобытное стадо сменилось матриархальной родовой общиной. В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс характеризует материнский род как экзогамную группу людей, связанных узами родства и общностью происхождения по материнской линии. Экзогамия — запрет браков внутри рода — способствовала биологическому улучшению физического типа человека. В это время люди перешли к оседлой жизни и вели хозяйство в рамках родовой общины. Женщины занимали высокое общественное положение. В новом родовом обществе четко устанавливается разделение труда между полами: так, большой цикл работ, жизненно важных для общины — хранение и приготовление пищи, добывание топлива и поддержание огня, собирательство, воспитание детей, непосредственно связанных с оседлым существованием, выполняли женщины. Основным занятием мужчин была охота, изготовление орудий труда и т. д.

В родовом обществе распространились различные религиозные верования и обряды — анимизм, фетишизм, тотемизм,

магия (колдовство), которые начали зарождаться еще у неандертальцев.

Памятники позднего палеолита в Средней Азии немногочисленны. Видимо, еще слабо изучены стоянки того времени. На территории Узбекистана отметим самаркандскую стоянку, расположенную на территории городского парка. Она открыта в 1939 г. С 1958 г. на стоянке работает археологическая экспедиция АН УзССР и СамГУ под руководством Д. Н. Лева.

За период с 1958 по 1966 г. здесь проделаны значительные работы, установлено три культурных слоя, свидетельствующих о трехкратном, если судить по мощности культурных слоев, длительном заселении. На самаркандской стоянке найдена нижняя челюсть верхнепалеолитического человека. По определению М. М. Герасимова, она принадлежала молодой женщине кроманьонского типа.

В культурных слоях выявлено несколько бытовых очагов, вокруг них найдены каменные орудия и обломки костей животных. Среди орудий труда выделяются ножевидные пластинки, резцы, топоры и тесла. Наибольший интерес представляют орудия с выемками, изготовленные из грубых отщепов и пластин. Значительное место занимают скребки, сделанные из отщепов, концевые скребки из узких ножевидных пластин, нуклевидные орудия с подтесками по краям.

Кроме того, на стоянке обнаружены топоры, изготовленные в большинстве случаев из галек, редко из роговика. Лезвия их обработаны грубыми подтесками. Д. Н. Лев и П. П. Ефименко датируют стоянку началом позднего палеолита.

Сырье для изготовления каменных орудий было принесено обитателями поселения с возвышенности Чупан-Ата, расположенной примерно в 5—6 *км* от стоянки. На стоянке найдены были остатки различных видов животных — лошади, оленя, осла, верблюда, барана, зубра, — мясо которых было основным продуктом питания.

К данному этапу развития первобытной общины следует отнести позднепалеолитический комплекс орудий из мастерских, расположенных на склонах горы Каратау в Бухарской области. Здесь обнаружены призматические нуклеусы, ножевидные пластинки и скребки, изготовленные с помощью отжимной техники.

Подобные орудия найдены в стоянках Бозсу I и II, где, кроме мустьерских орудий, собраны пластинки, острия, скребки, конические и призматические нуклеусы, отщепы и пр. По мнению геологов, они были переотложены и залегли в отложениях голодностепского цикла.

Ангренские мастерские, стоянки Кульбулак у селения Гой-

тепа и пещера Акташ дали такие же верхнепалеолитические комплексы.

В позднем палеолите возникают некоторые локальные особенности техники хозяйства и культуры; на территории нашей страны по таким признакам выделены три большие области: Русская равнина, Сибирь и южные районы — Крым, Кавказ и Средняя Азия.

В южных областях культура развивалась несколько иначе, чем в северных, — обработка каменных орудий на юге имела свои специфические черты. Здесь собирательство было более эффективным. Видимо, раньше появились лук и стрела, охота стала одним из ведущих занятий. Возможно, здесь раньше, чем на севере, начался переход от преимущественного присвоения готовых продуктов природы к освоению различных способов увеличения их производства. Появление различий в формах культуры связано с повышением уровня развития техники и хозяйства.

2. МЕЗОЛИТ

На территории нынешнего Узбекистана 12—15 тыс. лет назад началась новая эпоха истории первобытного общества.

После окончательного отступления ледников климатические условия стабилизировались и стали близкими к современным.

Изменился и животный мир. Исчезли крупные животные, охота на которых являлась основой палеолитического хозяйства. Предметом охоты в горных районах, как и в предшествующую эпоху, были косули, горные козлы и бараны, а в равнинных районах — бизоны, сайгаки, лошади, ослы, зайцы. Охота не могла быть надежным источником добывания пищи, и люди вели полуголодное существование. Кроме того, оскудение охотничьих ресурсов поставило перед человеком задачу найти новые формы хозяйства, новые средства существования. Вслед за изменением ландшафта и животного мира менялся и образ жизни людей каменного века.

Человек сделал большие успехи в совершенствовании орудий труда. Уже в конце палеолита были изобретены метательные копья — дротики. Затем человек изобрел лук и стрелу, что явилось огромным достижением в истории человечества. Теперь можно было охотиться на птиц, мелких быстроногих животных, которые крайне редко становились добычей человека в эпоху палеолита.

Лук по сути дела был одним из первых механизмов, изобретенных человеком. В периодизации истории общества

Ф. Энгельс и Л. Морган не случайно придавали большое значение его появлению.

Конец высшей ступени дикости связывается также с появлением глиняной посуды. Оба достижения культуры являются важными вехами и в археологической периодизации. Эпоха от появления лука до изобретения керамики охватывает период примерно с 13-го до 5-го тысячелетия до н. э. и носит название мезолита.

В эпоху мезолита на обширных пространствах равнинной зоны Средней Азии существовал более влажный, чем теперь, климат. Вдоль рек и в болотистых низинах росли тугайные леса. Здесь найдены микролитические изделия, мелкие кремневые орудия геометрических очертаний, характеризующие эпоху мезолита.

В Узбекистане стоянка этого времени обнаружена в гроте Мачай Байсунского района Сурхандарьинской области. Грот имеет два слоя. Нижний, по предварительному определению специалистов, относится к раннему мезолиту, а орудия верхнего слоя характерны для позднего мезолита и раннего неолита.

Наслоения, насыщенные золой, угольками, костями, отбросами питания, обломками и целыми орудиями труда при сильной уплотненности их, достигают 40 *см,* что свидетельствует о длительном проживании человека в этом гроте.

В культурных слоях Мачайского грота найдено очень много костей диких животных — горного козла, медведя, оленя и даже черепахи. Для верхнего слоя грота Мачай характерно наличие очагов, сложенных из камней.

Орудия труда как по материалу, из которого они сделаны, так и по своему назначению очень разнообразны. Наряду с кремневыми встречаются орудия из яшмы и кварцита. Поражает большое количество костяных орудий. Имеются находки известковых и песчаниковых камней с желобками, образовавшимися в результате первичного обтачивания кости с последующим ее шлифованием. В конце мезолитического периода эта новая техника обработки орудий шлифованием начинает применяться и к каменным изделиям. При изготовлении орудий труда используются кости диких животных. Процесс изготовления орудий (проколок, наконечников стрел) значительно ускоряется, кроме того, в обиход входят совершенно новые формы — иглы с ушками, долотообразные, гребенчатые и многие другие орудия, которые трудно было бы изготовить из камня. Однако ассортимент каменных орудий в это время также существенно увеличивается. Растет число типов наконечников стрел, выемчатых орудий, резцов и др.

К мезолитическому и неолитическому периодам можно отнести наскальные красочные изображения, открытые в Ширабадском районе Сурхандарьинской области.

Рисунки обнаружены по обеим сторонам ущелья Зараутсай в горах Кугитанг. Наиболее сохранившиеся из них находятся на стенах и потолке неглубокого грота, носящего название Зараут-Камар. Рисунки выполнены красной охрой. Из двух хорошо сохранившихся композиций одна расположена в верхней части северо-западной стены грота, вторая — на той же стене, ниже первой. Обе композиции объединены стилистическими чертами и общей тематикой. В нижней сцене, которую можно назвать «охота на диких быков», воспроизведены несущиеся быки и мчащиеся за ними собаки и охотники. Охотники стреляют из луков, а некоторые из них, одетые в накидки-пелерины, *по-видимому, из пращей мечут камни, изображенные* на рисунке в виде крупных округлых пятен. Выше показана сцена окружения дикого быка двумя группами охотников.

Луки в руках охотников, домашние собаки, бегущие с ними, дикие первобытные быки — все это позволяет датировать рисунки временем мезолита и началом неолита. Не вызывает сомнения, что древние памятники изобразительного искусства являются ценнейшими историческими документами, дающими возможность понять процесс мышления человека столь отдаленной от нас эпохи и вскрыть ту материальную базу, на которой возникла рассматриваемая идеологическая надстройка.

Лук превзошел свою предшественницу — метательную доску — по легкости, удобству обращения, меткости и скорости стрельбы. Широкое распространение лука способствовало развитию охоты, облегчило повседневный труд охотников, позволило им обеспечить себя более или менее значительными запасами пищи.

3. НЕОЛИТ

На смену мезолиту пришел неолит. Слово *неолит* образовано от древнегреческих слов «неос» — новый и «литос» — камень, т. е. означает — новый каменный век.

В эпоху неолита мы наблюдаем новые крупные достижения человечества. В раннем неолите люди научились делать и обжигать глиняную посуду, что привело не только к улучшению их быта, но и к значительным сдвигам в хозяйственной жизни неолитического человека. Широкое применение находит топор, изобретенный в позднем мезолите. Теперь он становится главным орудием в хозяйстве человека, и люди постоянно совер-

шенствуют его путем полирования и сверления. Создаются и другие орудия, расширяется их ассортимент.

Ко времени неолита относится, по-видимому, возникновение судоходства и ткачества, и усовершенствования в области охоты, рыболовства, примитивного земледелия и начального скотоводства.

К началу V тысячелетия до н. э. развитие хозяйства в Средней Азии шло по двум направлениям. Одна группа племен, обитавших в предгорьях Копет-Дага и других местах, удобных для первобытного земледелия с искусственным орошением, перешла от первобытного собирательства, сочетавшегося с охотой и рыбной ловлей, к разведению культурных растений. Хозяйство этих племен быстро прогрессировало.

Другая группа племен, заселивших суровые пространства северных степей и пустынь Средней Азии, продолжала развивать охоту и рыболовство — основу их хозяйства на протяжении нескольких тысячелетий. Это обусловило более длительное сохранение микролитического инвентаря и, в частности, многих форм, исчезнувших или же исчезавших на юге с появлением земледелия.

В Узбекистане ранненеолитические памятники были найдены в Центральной Фергане. Здесь исследовано 24 стоянки, расположенные на берегах древних озер Узункуль и Тайпакуль, в юго-западной части Центральной Ферганы, в 12 *км* к северо-востоку от села Янгикурган.

На стоянках собраны коллекции каменных орудий, представленных многочисленными скребками, сверлами, наконечниками, проколками, вкладышами ножей, нуклеусами и др. В основном орудия изготовлены из микролитических пластинок. Отмечены единичные находки орудий труда, имеющих геометрические формы, свойственные мезолиту. Это так называемые сегменты и пластинки со скошенным краем.

Исследование многочисленных кремневых орудий свидетельствует о том, что ранненеолитические племена, обитавшие на берегах озер Центральной Ферганы, занимались охотой и рыболовно-охотничьим хозяйством. На стоянках Центральной Ферганы керамические изделия не обнаружены.

Значительное количество памятников развитой и поздней эпохи неолита исследовано в низовьях Амударьи и Зарафшана.

На территории древнего Хорезма открыта стоянка Джанбас 4, изучение которой дает наиболее полное представление о своеобразной неолитической культуре, названной по имени ближайшего населенного пункта кельтеминарской. Это культура охотников и рыболовов IV—III тысячелетий до н. э. Рас-

копки поселения дали обильный материал, характеризующий жизнь древних кельтеминарцев. Найдено огромное количество рыбьих костей, главным образом, сома и щуки. Среди останков животных оказались кости дикой свиньи, благородного оленя, косули, черепахи, птиц, скорлупа птичьих яиц, раковины моллюсков.

На стоянке Джанбас 4 исследовано большое общинное жилище с четко очертанными границами. Оно расположено на

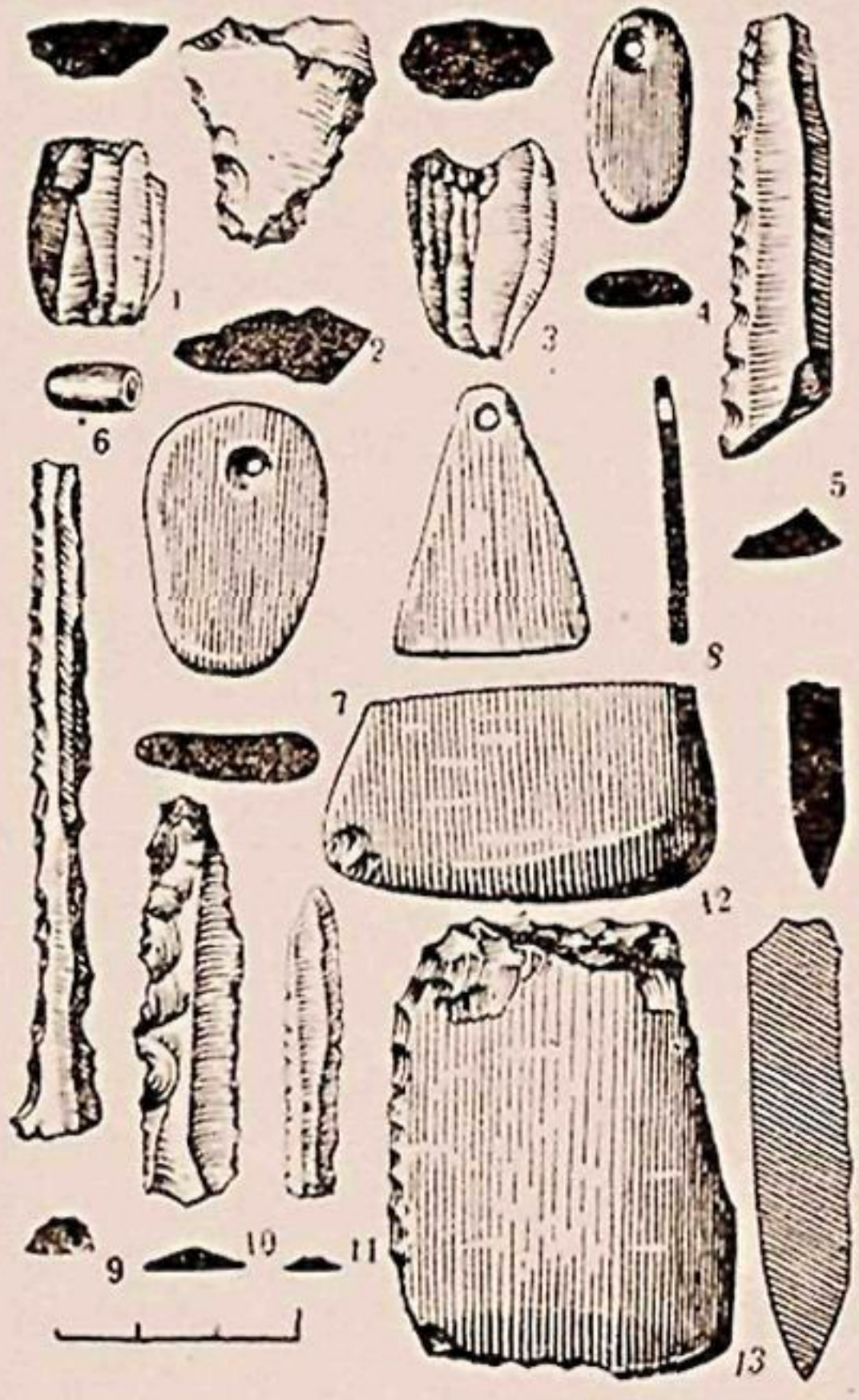


Рис. 3. Каменные изделия эпохи неолита.

песчаной дюне и имеет в плане овальную форму. Размеры жилища 24 *м* × 17 *м*, т. е. около 290 *м*². Глина при постройке жилища совершенно не использовалась. На столбы опирались радиально расположенные стропила кровли, на которых лежала частая обрешетка из жердей[1]. Везде на площади, занимаемой домом, встречается значительное количество обуглив-

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 61.

шегося камыша — остатки перекрытия крыши. В центре жилища большой (d—1,20) центральный очаг, а вокруг него несколько небольших очагов.

Некоторые исследователи, исходя из подробного плана остатков пожарища и разрезов наслоений, составленных С. П. Толстовым, интерпретировали это жилище как землянку с куполообразной кровлей[1].

Материальная культура обитателей жилища Джанбас 4 находилась на уровне вполне развитого неолита, хотя в технике изготовления каменных орудий имелись еще некоторые архаические черты (скобели древних форм в виде пластинок с боковыми выемками, наконечники стрел в виде узких ножевидных пластинок с боковой выемкой в основании и т. д.). Тем не менее, жители поселения широко пользовались наконечниками стрел, изготовленных новой, чисто неолитической техникой. Наконечники эти имели ромбическую, листовидную или треугольную форму, обе стороны их были тщательно обработаны ретушью.

*На стоянке найдены также обломки многочисленных гли*няных круглодонных сосудов. Среди них выделяются сосуды необычной ладьевидной формы в виде глубоких овальных чаш с округло заостренным дном. Сосуды покрыты сложным орнаментом в виде вдавленных ямок и резных линий, образующих треугольники и зигзаги. Больше всего древние кельтеминарцы любили украшать свою посуду волнистыми линиями, которые, вероятно, символизировали струи воды — источника жизни в пустыне.

Очень важны исследования неолитических стоянок в низовьях Зарафшана. Как удалось установить, Зарафшан в древности впадал в Амударью. Одним из крупных русел Зарафшана была Махандарья. На своем пути проток образовал озера Заманбаба и малый Тузкан и заканчивался солончаком Большой Тузкан.

Берега Махандарьи, протекавшей среди песчаной пустыни у подножья каменистых плато и гор, были зеленым оазисом, который привлекал к себе первобытного человека. Здесь человек получал необходимую для жизни пресную воду и обеспечивал себя пищей, занимаясь рыболовством, охотой на животных, приходивших к реке на водопой из тугаев; в летний зной он мог укрываться от жары в тени деревьев, которые росли на террасах Зарафшана. Именно этим можно объяснить большое количество стоянок первобытного человека

---

[1] М. П. Грязнов. О кельтеминарском доме. Новое в советской археологии, МИА, № 130, М., «Наука», 1965, стр. 99—102.

в долине Зарафшана и в непосредственной близости от нее, особенно по берегам бывших озер и разливов Махандарьи.

В районе Большого и Малого Тузкана, расположенного в 40 *км* к северо-западу от районного центра Каракуля, Бухарской области, обнаружено 45 стоянок неолитического периода. Все они расположены цепью на дюнных песках в непосредственной близости от берегов древних озер. На Большом Тузкане исследовано 35 дюнных стоянок, на Малом Тузкане — всего три. Неолитические стоянки открыты также во многих пунктах бассейна Махандарьи (Эчки-Кирон, Коронги-шор и др.) и в низовьях Кашкадарьи (Пайкенд).

Из всех исследованных стоянок только на двух — Дарбаза-Кыр I и Дарбаза-Кыр II — культурный слой сохранился нетронутым, а на всех остальных развеян.

Дарбаза-Кыр I — трехслойное поселение. Верхний слой, хотя и разрушен, но богат культурными остатками. В нем найдены шлифованные топоры, скребки, сверла, скобели, проколки и другие предметы. Второй культурный слой лежит на песке. Здесь найдено несколько кострищ. Культурные остатки во втором слое встречены в меньшем числе, чем в первом и третьем. Жилища в первом и втором слоях не обнаружены. Третий культурный слой, самый богатый и мощный, лежит на такыре. Здесь обнаружены очаги и остатки жилища. Среди остатков материальной культуры — кремневые орудия, шлифованные топоры, керамика с волнистым орнаментом и кости животных.

Эти слои довольно четко отделялись друг от друга своей расцветкой; кроме того, их разделял мощный слой надувного песка.

На стоянке Дарбаза-Кыр I найдены остатки жилища прямоугольной формы площадью 81 $м^2$ (7×11,6). Жилище вытянуто с востока на запад. В его центре две округлые ямы для опорных столбов. Такие же ямы отмечены и по четырем углам жилища. От стен остались два ряда ям (внешний и внутренний), служивших для установки каркаса стен и кровли. Жилище было наземным, типа четырехстенного каркасного шалаша, перекрытого камышовой кровлей. Вход в помещение с восточной стороны. Очаги располагались вне жилища.

Некоторые указания на семейно-родовые отношения, общий уровень производства и детали быта может дать изучение жилищ. В джанбаскалинском доме, по мнению С. П. Толстова, могли разместиться 100—125 чел. взрослого населения, а в дарбазакырском жилище — немногим более 30—35 чел. Это дает основание рассматривать такие жилища как большой дом материнского рода, где обитало несколько парных семей.

Основными видами хозяйственной деятельности населения низовьев Зарафшана в полупустынном районе в эпоху неолита были охота и рыболовство. Об этом свидетельствует не только характер самих поселений, всегда расположенных по берегам рек и озер, но главным образом найденные при раскопках орудия труда, оружие и кости животных.

Наибольшее значение, по-видимому, придавалось охоте на джейранов и диких лошадей, кости которых при раскопках стоянок встречаются особенно часто.

На тузканских стоянках найдено много кремневых наконечников стрел разнообразной формы. Это подтверждает мысль о том, что лук был основным оружием древнетузканского охотника. Кроме того, охотник вооружался каменным ножом из массивных пластин. В большом числе найдены микролиты--кремневые пластинки треугольной, ромбовидной или трапециевидной формы. Очевидно, они служили вкладышами и вставлялись в паз костяной или деревянной обоймы, образуя составное лезвие орудия.

Наряду с охотой, большое значение в хозяйстве имело рыболовство. По предварительным определениям Н. К. Верещагина, в Тузкане обнаружены кости щуки, сазана, сома и некоторых других видов рыб.

Древнее население низовьев Зарафшана широко занималось собирательством. Со сбором съедобных растений, возможно, связано появление вкладышей для серпа и зернотерки, встречающихся на стоянках.

О достижениях в технике шлифования камня наглядное представление дают топоры, найденные на стоянке Дарбаза-Кыр I. Пиление камня производилось каменными же пилками, найденными на стоянке. Широко применялось сверление. В неолите техника сверления камня поднялась на высокий уровень главным образом благодаря изобретению простейшего сверлильного станка — лучковой и дисковой дрели, а также применению полого сверления. Сверла найдены на всех стоянках Большого и Малого Тузкана.

Шкуры животных нужны были человеку для изготовления одежды, обуви и т. д. О способах обработки шкур можно судить только по наличию скребков и скобелей. Найденные на стоянках проколки и шилья позволяют предполагать существование в эпоху неолита в низовьях Зарафшана шитой меховой одежды. Наличие строгальных ножей на стоянках Тузкана свидетельствует о том, что тузканским обитателям была известна техника строгания.

Глина использовалась древними тузканцами для изготовления сосудов различного назначения, грузил и др. Много-

численные обломки глиняных сосудов и некоторое количество целых позволяют довольно точно восстановить технику их изготовления: сосуды делали вручную, без применения гончарного круга. Размер и форма сосудов различны. Сосуды украшались волнистым, прочерченным или вдавленным орнаментом, сплошь покрывавшим всю поверхность сосуда или только верхнюю часть. Орнамент наносился в основном тупой или заостренной палочкой.

Тузканцы, как и другие группы охотников, рыболовов и собирателей из степей и пустынь Средней Азии, несмотря на примитивность быта и хозяйства, не были изолированы друг от друга и от населения других, нередко весьма отдаленных областей. Они поддерживали не только культурные, но и генетические связи с племенами охотников и рыболовов низовьев Амударьи. Об этом свидетельствует общность материальной культуры этих областей.

Кроме того, тузканские племена имели тесные культурные связи с племенами, к памятникам которых принадлежит пещера Джебел. Об этом свидетельствуют кремневые орудия, характерные для тузканских стоянок, которые встречаются и в материалах джебельской пещеры.

Связь тузканских племен с племенами Южного Урала осуществлялась через Приаралье. Это подтверждается поразительным сходством орнаментации керамики и основных типов кремневых орудий Дарбаза-Кыра и южноуральской стоянки Чебаркуль II.

Бесспорно также влияние культуры земледельческих племен Иранского плато и южной Туркмении.

Культура среднеазиатских племен охотников и рыболовов эпохи неолита, вероятно, сложилась на основе культур типа прикаспийского мезолита (Джебел, Дам—дам-Чашма и др.).

Основной комплекс кремневого инвентаря и керамики раннеолитических стоянок Карим-Шакир, Джармо, Джейтун, *Джебел аналогичен кремневому материалу тузканских* стоянок.

Кельтеминарские племена в низовьях Зарафшана не исчезли бесследно. Существовавшие здесь заман-бабинские племена сложились на основе кельтеминарских племен Тузкана, т. е. тузканцы были предками заман-бабинцев—первых земледельцев на территории нынешнего Узбекистана.

4. ПЕРЕХОД К МЕТАЛЛУ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА

Еще на низших ступенях своего развития люди в поисках кремня и других прочных пород камня, несомненно, наталкивались на самородное золото и медь. Однако на территории

нынешнего Узбекистана медь впервые нашла применение лишь в конце III тысячелетия до нашей эры, т. е. несколько позже, чем у ранних земледельцев предгорной полосы Южного Туркменистана.

Медь как чистый металл не обладает большой твердостью, поэтому из нее не могли изготовлять рубящих и колющих орудий. Археологические данные подтверждают, что из меди изготовлялись небольшие ножи, шила, иглы, изредка топоры; преимущественно же украшения — браслеты, перстни, бусы, серьги и т. д.

Применение меди не дало качественных сдвигов и не составило особой эпохи, такой, как каменный век. Камень — основное сырье для изготовления орудий труда — продолжал занимать преобладающее место в первобытной технике. В силу этого ранняя пора применения металла получила название энеолита, т. е. медно-каменного века.

Материальные остатки этого времени на территории Узбекистана исследованы в низовьях Амударьи и Зарафшана. В дельтовых протоках Амударьи обследовано несколько групп памятников, зафиксирован комплекс стоянок в урочище Каунды, группа стоянок в районах колодца Таджиказган и в окрестностях Джанбас-Кала. Исследованы стоянки и в северной части Бухарской области, в районах земель древнего обводнения и орошения в низовьях Зарафшана.

Анализ материальных остатков показал, что культура этих памятников сложилась на базе кельтеминарской культуры местных тузканских племен, о чем свидетельствует сходство каменного и керамического инвентаря энеолитических памятников с материалами предшествующей ему эпохи.

Изучение материалов памятников низовьев Зарафшана и Хорезма показало, что в комплексах энеолитических стоянок появляются новые элементы и исчезают некоторые орудия труда, характерные для периода кельтеминарской культуры.

Особенно ярко изменения проявляются в формах и орнаментации керамики. Сосуды становятся более толстостенными с четко выраженным венчиком, округленными и раздутыми туловами. Остродонные формы сменяются уплощенным и плоским дном. Появляются прямоугольные сосуды, характерные для эпохи бронзы низовьев Зарафшана.

Орнамент керамических изделий менее насыщен, прост и состоит из ногтевых вдавлений, треугольников с поясками, елочек и «шагающей» гребенки, покрывающих чаще верхнюю часть сосуда. Преобладающее большинство сосудов вообще не орнаментировано. Появляются предметы, изготовленные из

меди—бусы и иголки (в комплексах стоянок Каптарни-куми и Большой Тузкан).

Племена этой эпохи, как показали остатки металлургического производства в энеолитических стоянках Лавлякан и Бешбулак в северной части Бухарской области, овладели плавкой и горячей обработкой меди.

Важным хозяйственным достижением этого времени было приобретение некоторых навыков в земледелии и скотоводстве. В Средней Азии, в частности, на территории Узбекистана, земледелие возникло в предгорных местностях, где были благоприятные естественно-географические условия.

Наблюдая за сезонностью поспевания дикорастущих злаков на аллювиальных наносах горных ручейков, древний человек стал переходить от случайных сборов к искусственному выращиванию необходимых растений.

Небольшие горные ручейки и речки, несущие дождевые потоки с гор, создавали в районах предгорий естественные лиманы с небольшой водосбросной площадью, которые легко поддавались обработке и служили полями для первых земледельцев. Археологические исследования, произведенные на юге Средней Азии, показали, что предгорная полоса явилась одним из районов возникновения и распространения земледелия с эпохи неолита. Естественные лиманы Узбекистана, где могло возникнуть раннее земледельческое хозяйство, как показывают результаты исследований археологической экспедиции АН УзССР, находятся в районах северного склона Нуратинского хребта, обращенного к пустыне Кызылкум и в предгорьях северо-восточной части Ферганской долины.

Оседлые земледельческие поселения, исследованные в зоне предгорных оазисов Узбекистана, главным образом в Восточной части Ферганской долины, относятся к эпохе бронзы.

Другой, более обширной зоной возникновения первобытного земледелия, явились районы пойменных и дельтовых бассейнов больших равнинных рек и их затухавших протоков. Если в районах предгорий юга Средней Азии земледелие возникло на основе самого первобытного способа добывания пищи (сбора дикорастущих растений), то в дельтовых оазисах больших равнинных рек, заходивших в зоны двух великих пустынь — Каракум и Кызылкум, оно появилось в результате тесной связи между земледельцами юга и охотниками-рыболовами северных областей Средней Азии, где были прекрасные условия и для развития земледелия.

Находки вкладышей каменных серпов, многочисленных обломков зернотерок со следами изношенности на вогнутой поверхности из стоянок Каптарни-куми, Большой Тузкан и др.

свидетельствуют о зарождении культуры земледелия в хозяйстве местных племен.

Исследование памятников этой эпохи в восточных районах Приаралья (Саксаульские стоянки) показало, что его население занималось разведением домашних животных (коровы, овцы, лошади).

Первобытный человек еще на низших ступенях своего развития, охотясь за стадами диких животных в горах и равнинных районах, приручил животных отдельных видов.

Возникновение скотоводства связано с одомашнением животных, которые становятся объектом специального разведения. Для этого необходима хотя бы относительная оседлость, тесно связанная с рыболовством и земледелием. Костные остатки домашних животных, обнаруженные в энеолитических стоянках (Саксаульских) подтверждают, что процесс возникновения скотоводства на территории Узбекистана происходил на том же рубеже, на котором возникло здесь раннее земледелие.

Скотоводство, как новая и важная отрасль хозяйственной деятельности древнего человека, давало ему не только молочную и мясную пищу, но и способствовало интенсивному развитию земледельческого хозяйства, что наложило сильный отпечаток на развитие общественных отношений в эпоху бронзы.

5. ОСВОЕНИЕ БРОНЗЫ. РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА. ПЕРЕХОД К ОТЦОВСКОМУ РОДУ

Первобытный человек в поисках нового материала для изготовления орудий труда постепенно осваивал выплавку, формовку и горячую обработку рудной меди, олова, свинца, серебра, золота и других металлов.

Бронза как сырье представляет собой сплав меди с оловом и обладает большими преимуществами перед медью. Она значительно тверже, более легкоплавка, отличается химической устойчивостью, хорошей ковкостью, отлично наполняет форму при отливке, дает острые края и имеет красивый внешний вид. Появление бронзы в производстве знаменовало новый, весьма важный этап в истории человечества — эпоху бронзы С этой эпохой связан весь дальнейший прогресс человеческого общества, распространение и развитие земледелия и скотоводства, огромные технические и культурные достижения.

Первобытное земледелие ко времени бронзового века прошло свой первый этап. Применение мотыги, обеспечившее коренное улучшение почв, способствовало интенсивному развитию земледелия.

В обширных районах древнего обводнения в бассейнах равнинных рек во II тысячелетии до н. э. осваивались такыры. Здесь складывались небольшие оазисы, представлявшие собой естественно образовавшиеся плоские лиманы. В этих дельто-

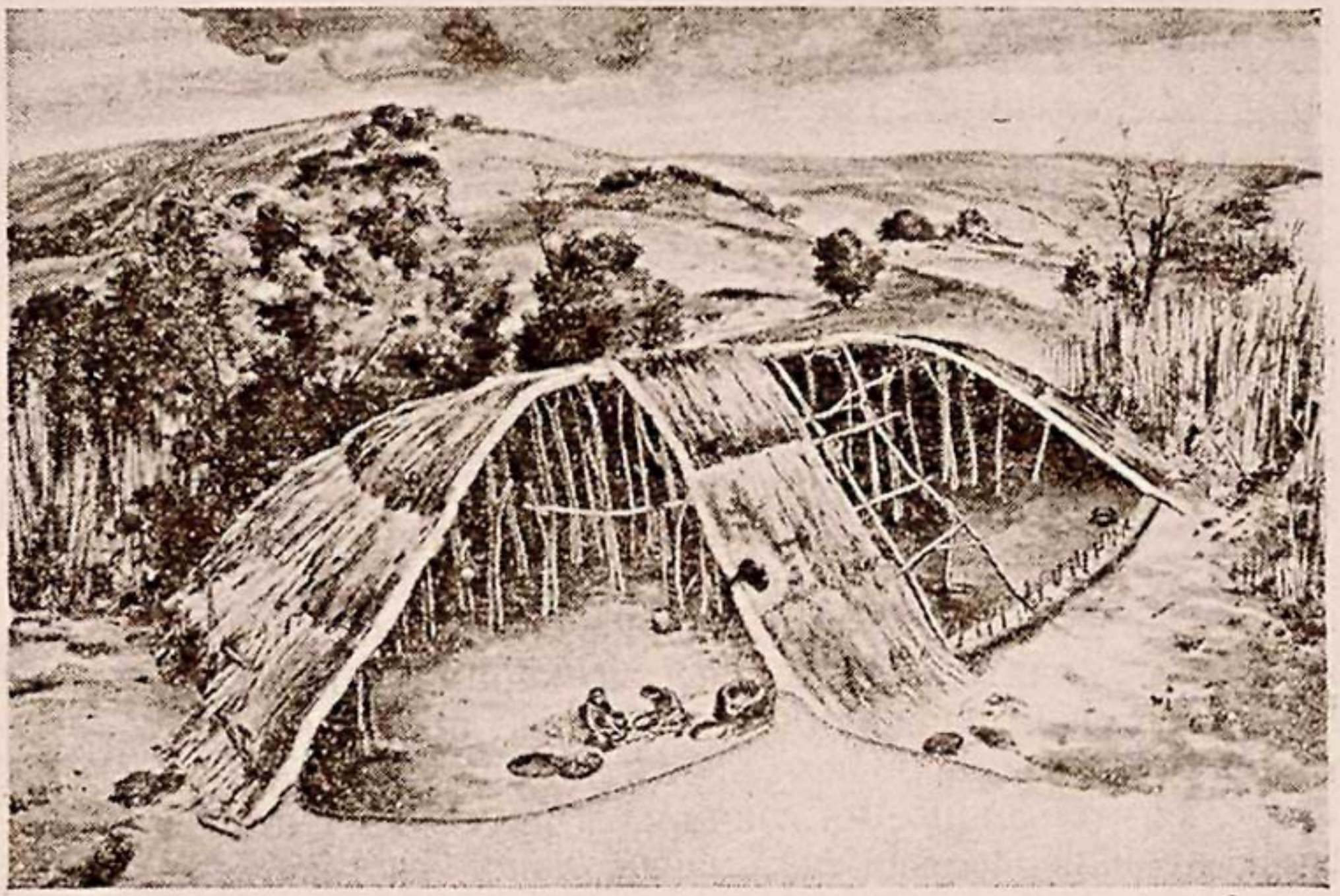


Рис. 4. Жилище скотоводческо-земледельческих племен Заман-бабы (Реконструкция И. К. Сазонова).

вых оазисах постепенно возникали поселения ранних земледельцев и оседлых скотоводов.

Для изучения хозяйства земледельческо-пастушеских племен эпохи бронзы исследовано значительное число памятников в низовьях Зарафшана. Материальная культура этих земледельцев по первому исследованному памятнику на берегу оз. Заман-баба в низовьях Зарафшана условно названа заманбабинской.

Исследование поселения заманбабинцев показало, что эти племена, занимавшиеся земледелием и скотоводством, жили в обширных жилищах полуземляночного и наземного типа площадью 100—150 $м^2$ и более. В землянке обычно имелись очаги и ямы, расположенные вдоль стен. В жилищах найдены многочисленные фрагменты керамики и различные предметы, а также масса кухонных отбросов, там же обнаружены лунки от столбов, обмазки глины с отпечатками тростника и соломы.

Видимо, перекрытие промазывалось глиной, смешанной с соломой.

Недалеко от поселения Заман-баба обнаружен могильник этои эпохи. В нем вскрыты 44 сильно разрушенные и выветренные могильные ямы. Отмечены одиночные, парные, а иногда и тройные захоронения (мужчина, женщина и ребенок). Встречаются и повторные захоронения. В каждой могиле разнообразные глиняные сосуды, либо их обломки, не имеющие наружных украшений. В двух могилах найдены сосуды, привезенные откуда-то с юга. В мужских погребениях как правило имеются кремневые орудия — лавролистные выемчатые наконечники стрел, ножевидные пластины и т. д., в женских — комочки красной и желтой охры, сурьмы, миниатюрные медные лопаточки и каменные украшения из лазурита, агата, бирюзы, сердолика, пемзы, а также бусы из золота.

В одной могиле найдена терракотовая статуэтка, изображающая богиню-мать, почитавшуюся многими древнеземледельческими племенами как символ плодородия.

В состав материалов могильника и поселений заманбабинцев входит значительное количество керамических изделий — яйцевидные и горошковидные сосуды, прямоугольные кормушки и чашки. В основном керамика лепная, но встречаются сосуды, изготовленные на гончарном круге. Почти все сосуды тонкие, звонкие, иногда покрыты красной охрой.

Для хозяйства этой культуры характерно мотыжное земледелие, играющее значительную роль в обеспечении населения продуктами питания. Большое число находок — кремневые вкладышевые серпы, обломки зернотерок, пестики и обугливщиеся зерна культурных злаков (пшеница, ячмень) является бесспорным свидетельством существования здесь земледелия.

Другой важной хозяйственной отраслью населения Заманбабы было оседлое скотоводство. Изучение костных материалов, обнаруженных на поселении показало, что более 80% костных остатков принадлежало домашним животным (корова, овца и коза).

Остатки материальной культуры с аналогичным хозяйством исследованы и в древнем Хорезме. Название этой культуры первобытных земледельческо-скотоводческих племен (суярганская), в свое время было введено в научный обиход С. П. Толстовым по первому памятнику, исследованному в сухом русле Суяргана —древнего дельтового протока Амударьи. Памятники суярганской культуры первобытного Хорезма расположены на ровных такырах в зоне древних разливов. Раскопки одного из таких памятников (стоянка Джанбас 6) показали, что эти земледельцы жили в прямоугольных

жилищах, перекрытых легким навесом на деревянных столбах. Культурный слой, состоящий из утоптанной земли, вместе с золой сохранился около очага, вокруг которого обнаружено множество фрагментов керамики и кухонных отбросов.

Здесь преобладает керамика с лощеной поверхностью, окрашенная красной охрой, и каменные зернотерки — орудия, связанные с первобытным земледелием.

Сложение суярганской культуры в Хорезме С. П. Толстов связывает с появлением нового этнического элемента из южных областей. Однако облик материальной культуры суярганцев свидетельствует о том, что в происхождении их много общего с предшествовавшими им позднекельтеминарцами — каменные изделия, форма и орнаментация сосудов, появление крашеной керамики суярганской культуры наряду с комплексом позднего кельтеминара.

В конце II тысячелетия до н. э. техника лощения и окрашивания в керамике суярганцев получает широкое распространение. Сочетание местных и южных анауских черт в керамике суярганцев указывает на связь двух культурных областей.

Культура бронзового века низовьев р. Зарафшан и Хорезма во II тысячелетии до н. э. служила связующим звеном между раннеземледельческой культурой прикопетдагской полосы и культурой более северных районов. Уровень развития земледельческого хозяйства здесь был значительно ниже, чем в предгорных районах. Отсутствие постоянного водного режима в дельтах Амударьи и Зарафшана значительно затрудняло развитие оседлого земледелия. Бывали такие сезоны, когда земледельцы из-за перемещения протоков дельты и резкого изменения режима разливов, не имели возможности засевать свои прежние участки. Оседлость заманбабинцев и суярганцев не была постоянной, что, несомненно, было обусловлено изменчивостью территории древних разливов. Эта зависимость продолжалась до тех пор, пока земледельцы не научились регулировать разливы равнинных рек и строить оросительные каналы.

Скотоводство наряду с земледелием составляло основу хозяйственной деятельности населения того времени. Во второй половине II тысячелетия до н. э. на территории Средней Азии, в частности Узбекистана, появились новые племена, занимавшиеся преимущественно скотоводством и примитивным земледелием. Материальная культура этих племен исследована на землях древнего Хорезма, в предгорьях и степях

Ташкентского оазиса[1], в Самаркандской области[2], в Ферганской долине и низовьях Зарафшана[3]. Эта культура получила название тазабагъябской, по имени одного из каналов, прорезавших древнее русло Акчадарьи, в низовьях последнего были сделаны первые находки.

Обследовано значительное количество стоянок этого времени в дельтах древних протоков Амударьи, более 30 стоянок по сухим руслам низовьев Зарафшана и Кашкадарьи и более 30 стоянок в Кайраккумах Ферганской долины.

Наибольший интерес среди памятников этого времени представляют стоянки Ангка 5 и Кават 3 в Хорезме, Гуджайли 9 в низовьях Зарафшана и поселение № 16 в Кайраккумах.

На стоянке Ангка 5 исследованы отдельные жилые дома. Один из них (дом № 1) представлял собой прямоугольное сооружение (8 *м* × 12*м*) с камышовым перекрытием, утоптанным полом и длинным узким входом с северо-восточной стороны. В центре дома — большой очаг, заполненный пеплом.

В жилище, вскрытом на стоянке Кават 3, выявлено большое количество лунок от столбов и отдельные, четко выраженные очажные ямы. Наиболее интересной находкой является слой камыша, видимо, от перекрытия, лежащий прямо на полу помещения.

Остатки жилищ с очагами и отбросами производства вокруг очагов обнаружены и на стоянке Гуджайли 9.

Обследовано несколько жилищ на кайраккумских стоянках. На поселении № 16 внутри одного жилища вскрыто семь очагов, вытянутых по одной оси. На территории поселения найдены костные остатки, керамика и др. Здесь раскопаны не только бронзовые изделия, но и литейные формы для отливки вислообушных топоров и кирок. Все это свидетельствует о высоком уровне литейной техники в эпоху бронзы.

Рассмотренные памятники тазабагьябской культуры характеризуют основные черты хозяйства и быта скотоводческих племен на территории нынешнего Узбекистана. Картину дополняют материалы из могильников данной культуры.

---

[1] Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области, КСИИМК, 1955, № 59, стр. 145—149.

[2] История таджикского народа, т. I, М., Изд-во восточн. лит., 1963, стр. 115—124.

[3] Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, Ташкент, 1956, стр. 156—157. А. Аскаров. Памятники андроновской культуры в низовьях Зарафшана. История материальной культуры Узбекистана, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 28—41; Я. Г. Гулямов, У. Исламов и А. Аскаров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана, Ташкент, Изд-во «Фан», 1966, стр 187—223.

В могильнике Кокча 3 в 5 *км* к югу от горы Кокча в Хорезме найдено более ста могильных ям прямоугольной формы. Покойники уложены в скорченном положении, женщины на левом, а мужчины на правом боку, головой на запад. Встречаются как одиночные, так и парные захоронения, причем не одновременные, много детских погребений.

Подобные могильники и единичные погребения исследованы в низовьях Зарафшана, в Ташкентской области, в Ферганской долине и в Самаркандской области. В каждой могиле стояли глиняные сосуды. В некоторых обнаружены бронзовые ножи, шилья и украшения из бронзы в виде браслетов и подвесок, биконических и цилиндрических бус.

Для этой культуры характерна однотипная грубая плоскодонная горшковидная керамика, поверхность которой часто украшена горизонтально расположенными зигзагами или «елочкой», рядами косых и коротких насечек, треугольников, меандров и заштрихованными лентами. Орнамент расположен зонально, что характерно для позднего этапа андроновской культуры Казахстана и Южного Зауралья[1].

Керамический материал тазабагъябской культуры, в отличие от заман-бабинской и даже суярганской, однотипен: горшки и сосуды имеют баночную форму.

Облик материальной культуры и обряд захоронения у тазабагъябских племен во всех своих проявлениях тяготеет к андроновскому кругу. Очевидно во второй половине II тысячелетия до н. э. в обширных районах Средней Азии появляется новая этническая группа, имеющая много общего в материальной культуре с племенами андроновской общины. Тазабагъябская культура древнего Хорезма сосуществовала с суярганской, однако в конце II тысячелетия до н. э. последняя, видимо, ассимилировала тазабагъябскую и получила свое дальнейшее развитие в культуре позднего бронзового века — амирабадской, одноименной современному каналу Амирабад.

Исследования памятников этой культуры, в частности, поселения в окрестностях замка Якка-Парсан дали ценные материалы по изучению земледельческого и скотоводческого хозяйства амирабадцев. На поселении Якка-Парсан 2, где до сих пор сохранились следы древних арыков, по которым шла вода из дамбированного русла, обнаружено около 20 домов, расположенных между двумя арыками.

Амирабадцы жили в полуземлянках, размерами 10 *м* ×

---

[1] Термин «андроновская культура» — условное название для племен с примитивным земледельческо-скотоводческим хозяйством, обитавших по берегам рек и озер Южной Сибири, Казахстана и Зауралья, по первым раскопкам у деревни Андроново близ Ачинска.

× 12 *м*, 12 *м* × 15 *м*. Наземная часть стен и перекрытия сооружались из дерева и камыша, покрытого сверху глиняной обмазкой. Вещественный материал как в жилищах, так и вокруг них обилен, — основную часть его составляет посуда, в большинстве лепная с залощенной поверхностью, часто керамика предварительно окрашена в красный цвет. Найдены бронзовые серпы, черешковые, втульчатые, листовидные наконечники стрел, отлитые в каменных литейных формах.

Археологическими работами последних лет установлено, что широкое освоение Ферганской долины ранними земледельцами относится к эпохе поздней бронзы. Условия предгорных равнин с небольшими горными саями, регулирование вод которых было под силу небольшим первобытным общинам, способствовали возникновению и развитию оседлого земледелия. Для этого периода характерны такие поселения как Чуст, Дальверзин, Ашкалтепа, Чимбай, Тергаучи и др. Они отличаются своеобразной расписной керамикой, что позволяет выделить эту группу памятников в самостоятельную археологическую культуру, названную по первому и наиболее изученному памятнику чустской. Чустское поселение расположено в 2,5 *км* к северу от г. Чуста Андижанской области.

В исследованных поселениях чустской культуры много крашеной лепной кухонной и столовой керамики. При всем разнообразии форм количественно преобладают миски, чаши с перегибом бортика и различные горшковидные сосуды. Парадная посуда окрашена красной охрой и залощена. Часто встречается черная роспись в виде веток, треугольников, ромбов, лент и других элементов с сетчатым заполнением.

Главным занятием было земледелие, основанное на искусственном орошении, а одним из основных орудий производства земледельцев — каменные зернотерки и песты, серповидные ножи и бронзовые серпы, найденные в большом количестве на поселениях.

Основными сельскохозяйственными культурами, как показали находки, были пшеница, ячмень и просо. Немаловажную роль в хозяйстве играло и скотоводство. В составе стада преобладал мелкий скот (овцы). Второе место занимал крупный рогатый скот и лошади.

Такие находки, как костяной челнок, большое количество грузил и пряслиц, свидетельствуют о значительной роли ткацкого производства в жизни населения.

Богатый набор металлических орудий труда (серпы, долота, ножи), предметов вооружения (наконечники стрел и копий), конской упряжи (удила и псалии), украшений и предметов туалета (зеркала, подвески, бусы), каменных литейных

форм для отливки различных бронзовых изделий и открытие остатков литейной печи (в Дальверзине) — показатель значительного развития местного металлургического производства. Чустская культура датируется концом II — первыми веками I тысячелетия до н. э.

Археологическими работами на чустском, дальверзинском и других поселениях установлено, что носители этой культуры *жили в глинобитных домах и в помещениях шалашного типа.* На чустском поселении выявлено несколько узких комнат с глинобитными стенами и отдельные участки кладки из сырцового кирпича.

В Дальверзине вскрыто три помещения прямоугольной формы (2,7 *м* × 5*м;* 5,4 *м* × 8 *м*) со стенами из сырцового кирпича. Существование сооружений шалашного типа на поселениях чустской культуры не вызывает особого сомнения, однако вряд ли эти сооружения были основным типом жилья оседлых земледельцев. Видимо, они представляют собой остатки летних навесов.

Поселения земледельцев были окружены мощными оборонительными стенами из пахсы и сырцового кирпича.

На юге Узбекистана был открыт и исследован уникальный памятник земледельческой культуры Кучуктепа, расположенный в 70 *км* к северо-западу от Термеза в Музрабатской степи. Памятник представляет собой небольшой холм с культурными остатками эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материальная культура поселения первого периода аналогична чустской и близка к памятникам Туркмении времени архаического Дахистана, Анау-IV, Яз-I—III — периода поздней бронзы.

Кухонная и столовая посуда поселения изготовлена на матерчатых шаблонах, встречаются также сосуды, сформованные на гончарном круге. Иногда сосуды покрыты темно-красным геометрическим орнаментом (треугольники). Комплекс орудий труда, керамика, предметы вооружения — все *это позволяет датировать культуру концом II — первой поло*виной I тысячелетия до н. э.

Поселение Кучуктепа пережило четыре строительных периода. Первые три относятся к эпохе поздней бронзы, а последний соответствует ахеменидскому периоду. В каждом горизонте вскрыты жилые комплексы, состоящие из многокомнатных домов с коридорами. Территория поселения ограждена оборонительной стеной, сложенной из пахсы и кирпича-сырца.

Возникновение укрепленных поселений в период поздней бронзы в Фергане и Сурхандарье представляет значительный интерес для изучения ранних этапов истории древних городов Узбекистана и в целом Средней Азии. Эти поселения свиде-

тельствуют о высоком уровне оседлого земледельческого хозяйства, о росте богатств большесемейных общин, о развитии имущественного расслоения в обществе и об усилении вооруженных столкновений между племенами оседлых земледельцев и подвижных скотоводов иной культуры.

Таким образом, изучение памятников бронзового века в предгорной полосе и в дельтах равнинных рек, освещает подлинную картину исторического процесса развития хозяйства и культуры этих двух зон в их взаимном переплетении вплоть до времени применения гончарного круга и искусственного орошения, т. е. до рубежа II—I тысячелетий до н. э.

Переход людей к мотыжному земледелию повлек за собой создание обвалованных лиманных полей, искусственное затопление значительных участков путем регулирования небольших горных саев и затухавших протоков в дельтах крупных равнинных рек: Амударьи, Сырдарьи и Зарафшана. В конце эпохи бронзы первобытный земледелец сделал еще шаг в развитии ирригационной техники, создал первые искусственные каналы, не превышавшие на первых порах несколько десятков метров.

Такие примитивные ирригационные системы обнаружены в Хорезме, в низовьях Зарафшана.

Развитие скотоводства создало условия для перехода оседлых племен к пашенному земледелию и привело к территориальной несовместимости этих двух основных отраслей хозяйства. Важным событием этого времени является отделение скотоводства от земледелия. «Пастушеские племена выделялись из остальной массы варваров; это было первое крупное общественное разделение труда»[1].

Интенсивное развитие пашенного земледелия, основанного на искусственном орошении, и отгонного скотоводства значительно подняло хозяйственное благосостояние общин, обеспеченных постоянным запасом пищи. Теперь охота и собирательство не играли существенной роли в хозяйстве. К этому времени относится приручение лошади и превращение ее в незаменимое ездовое животное как в быту, так и во время военных действий.

На базе экономики развивающейся земледельческой культуры и скотоводства установилось и укрепилось отцовское право в организациях больших семейных общин. Родство стало вестись по отцу, дети наследовали отцовское имущество,

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Политиздат, 1955, стр. 160.

внутриродовые отношения строились уже на началах экономического и правового господства отца.

Необходимость охраны имущества оседлых земледельцев и скотоводов привела к образованию военных племенных союзов. Родовые вожди и воины стали во главе общественной и экономической жизни родовых общин.

Изучение памятников эпохи бронзы на обширной территории от среднего и нижнего Поволжья до Восточного Казахстана и Северо-Западного Китая, а также стран среднего и ближнего Востока, показало исключительно большую подвижность племен и народов, развитие взаимообщения, которое сыграло важную роль в возникновении обмена между первобытными племенами.

Материальная культура племен Поволжья, Приуралья, Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии позволяет говорить о наличии тесных культурных и этнических связей между различными племенами на этой обширной территории.

Богатый комплекс памятников бронзового века на территории Средней Азии свидетельствует о развитой экономике и культуре оазисов и о раннем зарождении здесь классового рабовладельческого общества.

ЧАСТЬ II

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЙ СТРОЙ

В последней стадии первобытнообщинного строя появились предпосылки для сложения в Средней Азии классового общества. Вещественные и письменные источники, которыми располагает наука, не позволяют представить во всей полноте сложные социально-экономические процессы, сопровождавшие зарождение рабства. Среднеазиатское общество в своем развитии, видимо, шло несколько иным путем по сравнению со странами классической античности — Грецией и Римом, где рабовладельческие отношения достигли наивысшего развития и полностью определяли социально-экономическую жизнь. Рабство в Средней Азии, несомненно, существовало как уклад, но, видимо, не получило полного развития из-за большой роли общины, которую К. Маркс считал основой так называемого «азиатского способа производства».

В среднеазиатском оседло-земледельческом и скотоводческом обществе основную массу налогоплательщиков, приносивших ренту государству (собственники земли), составляли члены сельских родовых общин. Правительство частично поделило эту ренту среди военной родоплеменной аристократии и духовенства. Наряду с самими общинами на их же землях в ранний период рабовладельчества создавались латифундии рабовладельцев-аристократов, использовавших труд рабов, купленных или доставшихся им при дележе военной добычи. Рабы вели хозяйство, состояли в личной военной дружине рабовладельца.

С развитием орошаемого земледелия особенно много рабочей силы требовалось для сооружения и поддержания в

порядке больших ирригационных систем. На этих работах широко применялся рабский труд.

Археологические материалы показывают, что создание крупных оросительных каналов и возникновение в их зоне орошения крупных поселений в Средней Азии относится к VI—IV вв. до н. э. В политическом отношении это время отмечено появлением в Средней Азии первых признаков государственности и связано с упорной борьбой населения Средней Азии против попыток царей ахеменидского Ирана поработить эти богатые области. В последней трети IV в. до н. э. Средняя Азия выступает против еще более грозного противника, «завоевателя мира» Александра Македонского.

Период III—I вв. до н. э. ознаменовался дальнейшим развитием рабовладельческих отношений и видоизменением общинного уклада, в котором все большую роль играет труд рабов. Борьба с греко-македонскими завоевателями, которая привела к созданию независимых государств на территории Узбекистана и других республик Средней Азии, составляет политическое содержание этого периода. В культурной жизни III—I века до н. э. были временем сложных и интенсивно протекавших процессов взаимного обогащения эллинских и местных традиций — процессов, которые привели к созданию замечательных памятников восточно-эллинистической культуры.

В первые века нашей эры рабовладельческие отношения в Средней Азии достигли наивысшего расцвета. В этот период наблюдается максимальное развитие ирригационной сети, совершенствуется оросительная техника, возникают новые города и расширяются старые, высокого уровня достигает ремесленное производство. Активизации внутренних экономических процессов, несомненно, способствовала политическая стабильность, связанная с возникновением могущественного Кушанского царства. объединившего огромную территорию. Идеологическая жизнь кушанского периода, облеченная в форму религиозных перемен, отмечена превращением отдельных культов и верований в религиозные системы, например, зороастризм, а также проникновением на территорию Средней Азии одной из мировых религий — буддизма.

Уже в кушанский период намечаются первые признаки разложения рабовладельческого общества в Средней Азии. Появление сельских укрепленных усадеб — «замков» — свидетельствует о все возрастающей роли знатных землевладельцев, об ослаблении общинного уклада. В V—VI вв., в эфталитский период, все эти процессы завершаются распадом рабовладельческих отношений и зарождением феодализма.

ГЛАВА I

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА В ПЕРИОД ЗАРОЖДЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (VI—IV вв. до н. э.)

О жизни народов, населявших территорию Узбекистана в VI—IV вв., мы можем судить по письменным источникам, памятникам материальной культуры и искусства, а также по данным языка, топонимики, фольклора и этнографии.

К письменным источникам относятся документальные надписи Ахеменидов, высеченные на камне, вырезанные на глиняных табличках, и обрывки текстов того же времени на коже или на папирусе, повествования греческих историков: Геродота (V в. до н. э.), Ктесия и Ксенофонта (V—IV вв. до н. э.), Полибия (II в. до н. э.), Страбона (I в. до н. э.) и Птолемея (II в. н. э.), — священная книга зороастрийцев «Авеста» — сборник гимнов, молитв и ритуальных предписаний, разновременно составленных, в древнейшей части сложившихся в первой половине I тысячелетия до н. э.

Города и поселения, открытые археологическими раскопками, памятники искусства и быта, обнаруженные при раскопках и случайно найденные, восполняют данные письменных источников. К лингвистическим материалам относятся результаты анализа имен собственных, географических, этнических и других терминов, дошедших до нас в античных и восточных текстах.

Некоторые явления древней истории и культуры могут быть поняты только при сопоставлении их с дошедшими до нас пережитками в современном быту, фольклоре и в современной топонимике.

I. РАЗВИТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ОРОШЕНИЯ И КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА

Система орошения, основанная на использовании вод прежде всего таких рек, как Амударья и Зарафшан подобно тому, как в Египте — Нила, в Месопотамии — Тигра и Евфрата), определяла в Средней Азии не только характер и размеры земледелия, но и своеобразие развившейся здесь древней культуры, характер тех или иных религиозных представлений и культов.

Амударья носила в древности несколько названий. В Авесте она воспевается под именем Раха, Ранха, или Аранха. Греческие историки, начиная с Геродота, называют Амударью Араксом; это можно объяснить тем, что на малоизвестное местное название «Аранха» древние географы перенесли хорошо им знакомое и созвучное название реки Аракс на Кавказе.

Геродот сообщает, что Аракс (Амударья) разделяется на 360 каналов и сорока устьями теряется в болотах, и только один из рукавов, протекая по открытой местности, впадает в Каспийское море. Исходя из этого, исследователи пытались отождествить сухое русло Узбоя и каспийский проток Аракса. Новейшие археологические и геологические исследования показывают, что во времена Геродота течение по Узбою уже не существовало. Обводнение Узбоя надлежит приурочивать к предисторическому периоду, а сведения Геродота, очевидно, основаны на древних устных преданиях.

В период после похода Александра Македонского греческие авторы уточнили местное название Амударьи — Окс или Вахш (современное название Амударьи более позднего происхождения, его связывают со средневековым именем города на месте Чарджоу — Амуй или Амуль).

О Сырдарье в древности мы знаем еще меньше, чем об Амударье. Греческие историки называли среднее течение Сырдарьи Танаисом, перенося известное им название Дона — Танаиса, протекавшего по стране европейских скифов, на какое-то созвучное древнее местное название Сырдарьи. Наличие двух Танаисов, среднеазиатского и европейского, было отмечено во II в. н. э. греческим писателем Аррианом.

По словам Арриана, Сырдарью называли также «Яксартом» (в переводе с древнеиранского — «истинный жемчуг»). Это название, видимо, было распространено среди населения, жившего по Сырдарье между нынешними городами Ленинабадом и Ташкентом. Другое древнее название этой реки — Силис — источники связывают со скифами (т. е. сако-масса-

гетскими племенами); к нему, вероятно, восходит топоним «сыр» в современном названии.

Из названия других рек, кроме Амударьи и Сырдарьи, в письменных источниках сохранилось древнее имя Зарафшана. Греко-латинским авторам он известен под греческим названием Политимет — «многочтимый». Это, видимо, перевод древнего местного наименования, зафиксированного в более поздней пехлевийской литературе в форме Намик (древнеперсидское «Немахья» — «знатное», «почитаемое»). Одно из сообщений Страбона, которое можно приурочить к Зарафшану, дает основание говорить о возможно существовавшей сети каналов, отходивших от этой реки, которая, отдавая свои воды на орошение и входя «в пустынную, песчаную страну.., поглощается песками...».

Как везде на Востоке, так и в Средней Азии, в основе всей экономики лежало искусственное орошение, которое, по словам Ф. Энгельса, было делом общины, области или центральной власти. Письменные источники и археологические данные свидетельствуют о применении нескольких видов орошения в зависимости от природных условий. В горных районах практиковалось орошение ручьевое, при котором использовались горные ручьи, образующиеся при таянии снега. На равнинах существовало орошение речное, то есть использовались большие реки, их притоки и протоки, от них отводились каналы, которые иногда располагались веерообразно, применительно к рельефу местности. В предгорных районах устраивалось кяризное орошение, то есть практиковался отвод грунтовых вод при помощи подземных водосборных галерей, снабженных смотровыми колодцами, расположенными на некотором расстоянии друг от друга. По сообщению Полибия, подземные каналы (кяризы) при персах сооружались на средства частных лиц, причем орошаемые таким образом земли передавались им в пользование на пять поколений

В дельтах больших рек использовались весенние и летние разливы, и люди всецело зависели от степени и силы половодья. Недостаточное развитие техники ирригации еще не позволяло людям регулировать течение реки, выводить большие паводковые каналы из быстрых рек. Поэтому использовались лишь разливы боковых дельтовых протоков. Воды разливов собирались в естественных углублениях или обваловывались. Этот способ обеспечивал удержание большого количества влаги, достаточного для посевов культурных злаков — проса, ячменя, кунжута и пшеницы. В предгорных полосах, на участках, обнесенных валами, собирались воды горных селевых потоков и родников, и на этих землях, обла-

давших большим запасом влаги, производился посев зерновых.

Однако такие участки были очень ограниченных размеров, и техника ирригации здесь, особенно если учесть характер рельефа в предгорной полосе, не могла развиваться дальше. Искусственное орошение с помощью ирригационных каналов получило раньше всего развитие в низовьях рек, вдоль дельтовых протоков, где пассивное течение легче поддавалось регулировке, а создание регулировочных сооружений и каналов было доступно относительно небольшим общинам древних земледельцев.

Выше говорилось о возникновении в Средней Азии орошаемого земледелия еще в период перехода от материнского рода к отцовскому, в эпоху распространения бронзы. В те времена искусственное обводнение посевных участков производилось путем создания искусственных лиманов в низовьях горных ручьев и селевых потоков, на разливах боковых протоков больших рек. Эта картина наблюдается всюду в районе Копет-Дага, в южной Туркмении, в Фергане, на северных склонах Нуратинского хребта, в Хорезмском и Бухарском оазисах. Роды, племена и их союзы выступают защитниками орошаемых оазисов. В религиозных книгах, в частности в древнейших частях Авесты, орошение и вообще труд земледельца считается священным, богоугодным делом.

Экономический сдвиг, связанный с введением орошаемого земледелия, привел в конечном счете к перелому в общественной жизни, в результате которого оформились классовые отношения, возникли города, сложились деспотические царства.

Искусственное орошение особенно сильно развивалось в этот период в нижних бассейнах больших рек и саев — Амударьи, Сырдарьи, Зарафшана, ферганских саев и т. д. Каналы проводились вдоль старых затухающих протоков рек, где в прошлом обитали первобытные земледельцы, использовавшие воды разливов.

Постройка крупных оросительных сооружений, выводивших воду непосредственно из больших рек, была не под силу отдельным общинам. Только централизованное государство было в состоянии создавать и поддерживать силами многих тысяч рабов и общинников подобные сооружения.

Люди раннерабовладельческого периода не пользовались водоподъемной техникой, широко распространившейся позднее в Хорезме, и поэтому полностью зависели от летних паводков реки. Первые магистральные каналы Хорезма, тянувшиеся на 60—70 *км*, были весьма широкими (до 30—40 *м*)

и неглубокими. Древние ирригаторы исходили из расчета, что вода должна течь почти на уровне разливов реки, не ниже поверхности орошаемых участков, чтобы она свободно могла заливать их при поливе. Канал должен был забирать воды как можно больше, ибо ток ее по широкому и неглубокому руслу был сопряжен с максимальной испаряемостью, и вода зачастую не достигала отдаленных поливных участков. В позднерабовладельческий период каналы стали углублять, в связи с чем изменился весь характер ирригационной сети. В бассейне Зарафшана весьма ранняя земледельческая культура связана всюду с низовьями древнейших каналов и протоков. Крупные саи Ферганской долины, такие как Исфара, Сох, Кувасай и другие, в первобытные времена достигали Сырдарьи; позднее, люди начали отводить воду саев в сторону от основного русла, в результате чего образовались веерообразные оросительные системы.

Большие ирригационные работы проводились на территории нынешнего Узбекистана уже с VI—IV вв. до н. э., что подтверждается данными археологических исследований последних 25—30 лет.

В долинах больших рек Средней Азии, в связи с развитием искусственного орошения, земледелие становится основой хозяйства, а в степных и горных районах все большую роль начинает играть скотоводство и садоводство.

В Средней Азии, видимо, сравнительно рано установилось равновесие между оседлым (земледельческим) и кочевым (скотоводческим) населением, определявшееся особенностями хозяйственной деятельности и теми экономическими отношениями, которые складывались между земледельцами и скотоводами.

Скотоводство, продукция которого могла быть легко обменена на продукцию более передового земледелия и ремесла городов-оазисов, получило быстрое развитие. Соответственно изменился быт «номадов», которые, подчиняясь нуждам скотоводства, окончательно перешли к кочевому образу жизни. Быстрый рост степных стад, связанный с разделением труда между степью и оазисом, требовал значительного расширения пастбищ и изменения быта скотоводческого населения, которое должно было передвигаться вслед за стадами.

Пастьба огромных стад, принадлежавших кочевой аристократии, и обработка продуктов скотоводства требовали большого количества подневольного труда; в хозяйстве широко использовались военнопленные рабы, добываемые в результате непрерывных войн.

2. ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Наиболее ранние сведения о народонаселении оазисов и степей Средней Азии, Казахстана и Юго-Восточной Европы в этот древнейший период дают греческие писатели, в первую очередь Геродот, а также надписи персидских царей из династии Ахеменидов.

Антропологические свидетельства, которые успешно накапливаются в результате широко развернувшихся археологических исследований (погребения на оз. Заман-баба и др.), к сожалению, пока трудно точно согласовать с данными письменных источников.

По сообщениям древнегреческих историков, все кочевые и оседлые племена и народы негреческого происхождения, жившие в Европейской части СССР, в Казахстане и в Средней Азии до пределов Алтая, назывались общим собирательным именем скифы.

Из свидетельств отдельных греческих авторов явствует, что скифы (в персидских источниках — саки), жившие в разных частях упомянутой территории, именовались по-разному и говорили на разных языках. Всю закаспийскую равнину заселяли массагеты. К востоку от массагетов жили саки. Оседло-земледельческое население называлось обычно по имени местности: хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы, жители Маргианы и т. д. Скифы (саки) и остальные народности говорили на языках иранской группы, относящихся в основном к восточной ее ветви.

В триумфальных наскальных надписях, на мемориальных и погребальных плитах царей ахеменидского Ирана в Бехистуне, Накиш-и-Рустеме и в Персеполе перечисляются различные народы Средней Азии и Казахстана, среди которых хорезмийцы, согдийцы, бактрийцы, жители Маргианы и др., так же как в греческих источниках, упоминаются особо и называются по имени страны или оазиса.

И греческие, и персидские письменные источники не проводят, однако, резкой грани между народностями оазисов и племенами степей. Иногда они подчеркивают обратное. Например, Страбон говорит о том, что хорезмийцы входят «в состав массагетов и саков» и что «в древности согдийцы и бактрийцы мало отличались от номадов по образу жизни и нравам». Судя по изображениям хорезмийцев, согдийцев и бактрийцев на ахеменидских рельефах, эти народы почти не отличались по одежде, головным уборам и вооружению от

представителей сакских племен, также изображенных на рельефах.

Экономико-географическая и этнографическая карты Средней Азии, и в том числе территории Узбекистана, около середины I тысячелетия до н. э. представляются в следующем виде: области Гиркании, Парфии, Маргианы, Арии, Бактрианы, Хорезма, Согда составляют оазисы рек Атрека, Гургена, Мургаба, Герируда, Кундуза, низовьев Амударьи, Зарафшана. Они были заселены и полуоседлыми народностями, и племенами земледельцев, уже широко пользовавшихся искусственным орошением. К этой группе должен быть отнесен и Ферганский оазис. Название это отражено в имени упоминаемого греческими авторами народа париканиев. В степях, прилегающих к оазисам, жили полукочевые и кочевые племена, этнографически и лингвистически близко родственные обитателям оазисов, от которых они лишь недавно начали обособляться.

Ахеменидские надписи упоминают три племенные группы саков, которых греки причисляют к скифским народам:

1) «Сака-хаумаварка» — отождествляемые исследователями со «скифами-амюргиями» Геродота, «скифами царя Омарга» Ктесия Книдского (младшего современника Геродота) и сакараваками более поздних авторов.

2) «Сака-тиграхауда». Название это обычно переводится «саки в острых шапках», что соответствует в греческих текстах термину «ортокорибанты».

3) «Сака-тиай-тара-дарайя» — «заморские» или «заречные саки». Большинство авторов до недавнего времени отождествляло их с европейскими скифами. Однако в последние годы, особенно в связи с дешифровкой V столбца Бехистунской надписи, исследователи (акад. В. В. Струве) склонились к мнению, что речь идет о среднеазиатских «заречных» саках.

Из текста V столбца надписи вытекает, что сака-тиграхауда обитали в непосредственном соседстве с «заречными саками». Локализация сакских племенных групп остается дискуссионной. Одни авторы считают, что сака-хаумаварка жили на Мургабе, другие — на Памире (Р. Геррман, А. Н. Бернштам) или частично на Памире и в Фергане (К. В. Тревер). Существует точка зрения, согласно которой сака-хаумаварка составляли основу хорезмско-массагетской военной конфедерации, занимавшей Каракумы, Хорезмский оазис и низовья Сырдарьи (С. П. Толстов, Я. Г. Гулямов): сака-тиграхауда локализуются при этом к востоку от сака-хаумаварка, т. е. в среднем течении Сырдарьи в Ташкентской области и Южном Ка-

захстане, а «сака-тиай-тара-дарайя» — в горных и степных областях правобережья Амударьи на юге Средней Азии, рядом с согдийцами.

В надписях Ксеркса появляется четвертое имя — дага, тождественное с племенем дахи (латинское) и даи (греческое).

У более поздних греко-римских авторов (Полибий, Плиний, Птолемей и др.) появляется большое количество имен отдельных сакских и массагетских племен, локализация которых в течение ряда десятилетий была предметом длительных дискуссий. За последние годы, благодаря новым археологическим материалам, территория обитания многих из этих племен достаточно определилась и может быть нанесена на карту.

Массагеты — крупный союз племен в VII—V вв. до н. э., который включал в свой состав ряд собственно-сакских племен. О принадлежности основной массы их к фрако-киммерийским племенам свидетельствует само их название—«мазагета», т. е. «великие геты». Этническое имя геты (как и имя даки) было широко распространено на западе области фрако-киммерийских племен. По другой гипотезе, слово «массагеты» состоит из «мас»+«сака»+«та», т. е. — «большая сакская орда».

Весь бассейн Зарафшана был заселен согдийцами, говорившими на восточноиранском языке, родственном сакскому. На северо-западе они граничили с сака-хаумаварка, на западе с дирбеками.

По Гиссарскому хребту проходила граница между Согдианой и Бактрией, также заселенной ираноязычными племенами.

3. ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

О том, как складывались исторические судьбы народов Средней Азии в период до VI в. до н. э., известно очень мало. Отрывочные данные позволяют наметить только несколько событий и то полулегендарного характера.

Некоторые археологические находки на территории Северной Индии, Египта и других стран Востока, например, определенного вида лазурита, месторождением которого является только район Бадахшана в Средней Азии, позволяют говорить о торговых связях среднеазиатских народов с Северной Индией в III тысячелетии до н. э., а также о связях, но вряд ли непосредственных, с Месопотамией (предметы из бадахшанского лазурита обнаружены в инвентаре погребения царицы

Шубад, жившей в первой половине III тысячелетия до н. э.) и во II тысячелетии до н. э. — с Египтом.

Античные авторы I—II вв. сохранили легендарные сведения о вхождении областей Средней Азии в составе Ассирии при царице Шамурамат (Семирамида) в VIII в. до н. э. Легенда связывает Среднюю Азию с Ассирией и в VII в. до н. э., так Диодор рассказывает, что Ашурбанипал (668—626 гг.) вызвал к себе вспомогательное войско из Бактрии. У Ктесия имеется аналогичное сообщение относительно Согдианы, входившей, по его словам, в состав ассирийского государства.

Более определенны сведения о периоде, когда историческая традиция связывает судьбы народов Средней Азии с Мидией. Связь скифов с Мидией устанавливается на основании произведений Геродота и Эфора. В истории взаимоотношений Мидии и народов Средней Азии можно проследить несколько этапов, начиная с военной помощи саков и бактрийцев мидянам в VIII в. до н. э. в период образования их государства. В середине VII в. до н. э. среднеазиатские народы боролись уже против Мидии на стороне Ассирии и были, несомненно, также вовлечены в события, связанные с завоевательным движением скифов, направленным против царств и народов Передней Азии и Закавказья. В конце VIII в. до н. э. какие-то группы приаральских скифов бежали от междоусобиц в Мидию, где были радушно приняты царем Киаксаром, который якобы поручил им обучение мидийских мальчиков стрельбе из лука и скифскому языку. После падения Ассирии Мидия заняла ведущее положение в Азии, что привело к ожесточенной борьбе с нею.

В предании о скифской царице Зарине и мидийском военачальнике повествование начинается с военных действий между саками и мидянами. Анализ различных источников, несмотря на отрывочность и непоследовательность изложения в них событий, дает некоторое основание для предположения, что осногными соперниками Мидийского царства могли выступить хорезмийцы, действовавшие в военном контакте с окружающими их степными племенами Приаралья. В процессе этой борьбы мидяне переселили пленных саков на окраины государства — мера, впоследствии неоднократно применявшаяся и ахеменидскими царями по отношению к тому или иному народу.

Все эти даные относятся к предисторическому периоду в жизни народов Средней Азии. Они носят, как уже отмечалось, полулегендарный характер и почерпнуты античными историками, в том числе и Ктесием, сохранившим рассказ о Зарине,

вероятно, из мидийской исторической традиции, которая в свою очередь была связана с традицией ассирийской.

Когда персы во главе с Ахеменидами в 550 г. до н. э. положили конец владычеству мидян, а затем подчинили себе и ряд среднеазиатских областей, наступил этап, знаменующий собою начало нового исторического периода в жизни персидского государства, ставшего могучей деспотической державой, что засвидетельствовано письменными источниками и археологическими материалами.

Немногим больше двух веков продолжалось владычество Ахеменидов над рядом областей Средней Азии. В этот период произошло столкновение Ирана с Грецией, в борьбу которых оказались вовлеченными и народы Средней Азии, в частности саки, бактрийцы, хорезмийцы и согдийцы. Фактическая история этого периода нам известна лишь по отрывочным данным, на основании которых могут быть восстановлены, и то не всегда в достаточной мере достоверно, лишь главные события.

Ктесий и Ксенофонт сообщают, что Киром, создателем персидской державы, были подчинены сначала бактрийцы, а затем и саки. Кир попутно подчинил себе и Согд, упоминаемый в надписи Дария. Ктесий сохранил нам имя сакского царя Аморга, которого Кир захватил в плен, и имя его жены Спаретры. Последняя, по словам Ктесия, собрала войско из мужчин и женщин, разбила в бою Кира и освободила Аморга. После этого саки, по Ктесию, вступили в союз с Киром, и Аморг помогал Киру в его борьбе с дахами и с Мидией.

Геродот сообщает, что Кир, подчинив Мидию и Вавилон, направился на равнины к востоку от Каспийского моря, где обитали массагеты. По Геродоту, массагетами правила тогда царица Томирис. В борьбе с нею Кир, углубившийся в степи за Амударьей и оторванный от своего тыла, потерпел поражение и погиб в бою. Геродот сохранил нам детали этого похода, почерпнув описание его из эпического сказания о том, как Томирис велела окунуть голову павшего в бою Кира в мех, наполненный кровью, чтобы «напоить кровью ненасытного». Ктесий относит гибель Кира ко времени похода его против дербиков, которые, видимо, входили в массагетский племенной союз.

Саки при Кире пользовались большим почетом. Известно об участии их в торжественном выходе Кира в Вавилоне (как сообщает Ксенофонт) и в конских бегах, где победителем вышел сак. Это дает основание предполагать, что саки были объединены с Персией на правах не данников, а союзников, оказывавших ей военную помощь.

О событиях, происходивших на территории Средней Азии в период царствования сына Кира — Камбиса, в источниках сведений нет.

После Камбиса к власти приходит некий Гаумата, видимо, мидянин по происхождению. Использовав свое сходство с братом Камбиса — Бардией, убитым по приказу Камбиса, Гаумата провозгласил себя царем и в течение двух лет правил страной. Он завоевал симпатии некоторых слоев населения и покоренных Персией областей тем, что освободил народы их от взноса податей. Дарий, происходивший от младшей линии рода Ахеменидов, низложил Гаумату и воцарился в 521 г. до н. э. Ему пришлось привести в повиновение многие восставшие против него народы, в том числе и среднеазиатские. В надписи (относимой к 519 г. до н.э.), посвященной этим победам, Дарий перечисляет подвластные ему народы. Она высечена на скале Бехистун, мимо которой проходила дорога, соединяющая Вавилон с Экбатаной. Надпись помещена на высоте 500 *м* и украшена рельефными изображениями.

В этой надписи впервые упоминаются саки, согдийцы, хорезмийцы. Из других народов, перечисленных в тексте, с территорией Узбекистана связаны бактрийцы, поскольку в науке принято считать, что правобережье Амударьи (до Гиссарского хребта) тоже входило в состав древней Бактрии.

Из текста надписи мы узнаем, что во время пребывания Дария в Вавилоне, в первые годы его царствования, от него отделилось несколько народов, и среди них «партава, маргуш, сатагуш, сака», но только в одном случае дается описание хода борьбы с народом маргуш (Марг, Мерв), живущим на территории современного Туркменистана, а в административном отношении обычно объединенным с Бактрией. Восстание в Марге представляет особый интерес. Здесь мы имеем дело, прежде всего, с народным движением. Вождем восстания называется не царь, как во всех других случаях, а «мапишта»— «вождь», выдвинутый народными массами, по имени Фрада. Громадное число убитых при подавлении восстания, более 55 тысяч человек, даже в случае большого преувеличения этой цифры, свидетельствует об участии в восстании широких кругов населения.

Та же надпись в последней своей части сообщает о походе Дария против саков-тиграхауда. Надпись, довольно сильно попорченная, гласит: «Пошел я против сака-тиграхауда... к большой реке (или «морю»)... перешел... убил, другого схватили и связанного привели ко мне. Я судил его... Скунху по имени, его схватили. Там я другого главою поставил, согласно моей воле. После этого страна моею стала».

О походе против сако-тиграхауда рассказывает Полиэн (II в. до н. э.), причем отдельные детали — военные хитрости Дария (он одел персов в сакские одежды) и повесть о подвигах сака Ширака, который завел персов в пустыню, — заимствованы, вероятно, из эпической поэмы саков.

Бехистунская надпись украшена рельефом, на котором изображен Дарий в час триумфа над своими врагами. Имена их даются в пояснительных текстах у каждой фигуры. Дарий стоит, попирая ногами Гаумату, за царем видны две фигуры его сподвижников, а перед ним — восемь царей и вождей со связанными на спине руками и соединенные между собой веревкой, надетой на шеи. Седьмым из них является Фрада — народный вождь маргуш, а восьмым, в высокой остроконечной шапке — сак Скунха.

Первоначально, когда высекался рельеф (519 г. до н. э.), перед Дарием было только семь фигур. Как показало обследование рельефа, фигура сака Скунха добавлена позднее. По-видимому, сак Скунха был предводителем саков-тиграхауда, покоренных только в 494—493 гг. до н. э.

Среднеазиатские народы при Дарии еще более, чем при Кире, были втянуты в события, потрясшие и Персию, и Грецию. Они участвовали в походе, предпринятом Дарием в 490 г. против Афинского греческого государства. Официально поход был начат в наказание за помощь восставшим против Дария городам Малой Азии, по существу же — ради завоевания мирового господства и овладения торговыми путями и рынками Малой Азии и островами Архипелага, то есть против Афин, как государства, имевшего колонии и захватившего мировую (в масштабах того времени) торговлю. Во время знаменитого Марафонского сражения (490 г. до н. э.), в котором персы потерпели поражение, частичный успех по ходу боя выпал на долю сражавшихся в центре саков.

Позднее, когда Ксеркс, продолжая политику своего отца, выступил против Греции, то и в пехоте, и в коннице опять участвовали народы Средней Азии, а среди них — саки, хорезмийцы, согдийцы и бактрийцы. «...Где тот азиатский народ, — говорит Геродот, — который не был бы выведен в поход Ксерксом? Где та река, за исключением больших рек, воды в которой достало бы для войска ксерксова? Одни народы поставляли корабли, другие — пехоту, третьи обязаны были поставить конницу, четвертые, кроме воинов, должны были поставить суда для перевозки лошадей, пятые — длинные корабли для сооружения мостов, шестые — продовольствие и корабли». Воинами на этих кораблях, говорит Геродот, были персы, мидяне и саки.

В предпринятом вторично походе персы снова потерпели поражение, но греческие источники опять сообщают, что в битве при Фермопилах в 480 г. до н. э. особо отличилась пехота саков, а в битве при Платеях в 479 г. до н. э. «из варваров храбростью отличились пехота персов и конница саков». В походах Дария и Ксеркса, как мы видели, участвовали не только саки, но и бактрийцы, согдийцы, и хорезмийцы. Солдаты-хорезмийцы находились, между прочим, и в персидском гарнизоне на нильском острове Элефантине, в южном Египте; об этом сообщают найденные там папирусы, относимые к концу V в. до н. э.

Нам ничего неизвестно о событиях в жизни народов Средней Азии при последних Ахеменидах, кроме того обстоятельства, что восставшие против царя члены царского дома опирались обычно на среднеазиатские области, население которых и само неоднократно поднимало восстания против Ахеменидов; так было, когда происходили восстания против Дария, о которых он сообщает в Бехистунской надписи, и когда против Ксеркса брат его Масиста поднимал саков и бактрийцев, как говорит Геродот, и когда от Артаксеркса I, по словам Ктесия, временно отпала Бактрия.

В битве при Гавгамелах (331 г. до н. э.), когда последний Ахеменид Дарий III был разбит Александром, в составе его войска находились бактрийцы, согдийцы, саки («союзники Дария») и какие-то «скифские всадники». Эта битва положила конец владычеству Ахеменидов над народами Средней Азии.

О целях, преследовавшихся завоевательной политикой Ахеменидов, говорится у Геродота, который влагает в уста полководцу Ксеркса Мардонию следующие слова: «Мы покорили и поработили саков, индийцев, эфиопов, ассирян и многие другие могущественные народы не потому, что они причинили персам какую-нибудь обиду, а из желания приумножить наше могущество». Это откровенное признание, правда, вложенное в уста Мардония историком, а не почерпнутое из документов того времени, все же правдиво отражает действительное положение вещей.

4. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Постройка крупных и мелких оросительных каналов в бассейнах среднеазиатских рек и зарождение рабства сопровождались образованием крупных союзов племен и деспотических царств с учреждением в них трех основных ведомств, на которые указывает К. Маркс, когда он пишет о роли деспотических правительств стран Востока. Это 1) ведомство по

сбору податей и налогов с собственного населения; 2) ведомство военное по грабежу чужих племен и народов и 3) ведомство публичных работ, которое занималось вопросами мобилизации населения на общественно-хозяйственные мероприятия — постройка каналов, дамб, очистка оросительной сети, постройка оборонительных сооружений и т. п.

С усилением могущества военной знати, увеличением находящегося у нее в руках контингента рабов-пленников происходит интенсивный распад устоев родовых общин, усиление процесса формирования территориальных сельских общин в орошаемых оазисах.

Наряду с посевами зерновых и масличных культур, население занималось бахчеводством (тыквы, дыни), садоводством (урюк, персики, сливы) и виноградарством; было развито виноделие. В некоторых местах даже подати государству уплачивались вином.

Ведущими центрами экономической и культурной жизни обширных царств стали земледельческие оазисы с городами, в которых сосредоточивались ремесленные производства.

Как показали раскопки, крупные поселения с мощными оборонительными стенами из сырцового кирпича и пахсы воздвигались еще в конце II тысячелетия до н. э., в эпоху поздней бронзы (Чуст, Дальверзин в Ферганской долине и др.). К середине I тысячелетия до н. э. в связи с расширением земледельческих оазисов появляется новый тип больших поселений, окруженных оборонительными стенами. Многие городища Средней Азии в своих нижних слоях содержат археологические материалы VI—IV вв. до н. э. Таковы Кюзели-гыр в Хорезме, Гяур-Кала в Мерве, Яз-депе в Туркмении, городище древнего Самарканда Афрасиаб, Калаи-Мир и Кобадиан I в Южном Таджикистане и др. Находки из этих слоев, несмотря на значительную территориальную удаленность памятников друг от друга, дают сравнительно мало вариантов керамических форм и других предметов, свидетельствуя о культурном единообразии земледельческого населения Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. Этот ценный сравнительный материал позволяет датировать время возникновения названных городов, в том числе Самарканда, серединой первого тысячелетия до н. э. Таким образом, можно локализовать г. Мараканду в Самарканде.

В районах непрерывного орошения слои этого периода, как правило, перекрыты более поздними слоями, что сильно затрудняет их изучение на большой площади, поэтому особенный интерес представляет открытие и раскопки остатков сельского поселения Кучуктепа, расположенного в ныне безводной местности северо-западнее Термеза (раскопки Л. И.

Альбаума). Здесь обнаружены остатки жилого комплекса с глинобитными и пахсовыми стенами. Верхний слой на Кучук-тепе, как показывает состав находок (керамические сосуды, бронзовые наконечники стрел и др.), соответствуют нижним слоям перечисленных выше памятников.

О быте кочевого населения Средней Азии мы можем судить по результатам раскопок курганных могильников этого времени (в степи Малик в Бухарском оазисе могильник Ак-Там в Фергане, сакские курганы Памира, погребальные памятники в Хорезме и др.).

Распространение гончарного круга было связано с развитием обмена, необходимостью массового производства для рынка, что, в свою очередь, ускорило выделение из общины специалистов-ремесленников не только по металлу и гончарству, но и по другим ремеслам.

Археологические находки, встречающиеся на территории Средней Азии, и письменные источники свидетельствуют о различных видах занятий населения: о горных разработках и выплавке меди и железа, об изготовлении из металлов предметов вооружения и орудий труда, о гончарном производстве, о ткацком деле, ювелирном искусстве, строительном мастерстве (постройка зданий, мостов, дорог), кораблестроении и, наконец, о торговле, которая велась по древней магистрали Балх — Мерв — Экбатаны (Хамадан) на запад, а через Фергану и Иссык-Куль — на север: в Сибирь и на Алтай.

Об уровне развития ремесла можно судить по находкам предметов конской сбруи, доспехов и изысканных ювелирных изделий.

Геродот пишет о массагетах, что «сражаются они верхом на лошадях и пешие, знают оба способа войны; сражаются луками и копьями, вооружены обыкновенно и секирами. Все предметы у них из золота и меди; все, что требуется для *копий, стрел и секир, приготовляется из меди; головные* уборы, пояса и перевязи украшаются золотом. Грудные панцири для лошадей они делают из меди, а уздечки, удила и бляхи для сбруи — из золота. Железа и серебра они вовсе не употребляют, потому что этих металлов нет в их стране, тогда как золото и медь в изобилии». Геродот, конечно, имел в виду не всех массагетов, а лишь их привилегированных воинов-всадников.

По сообщению Страбона, «в состав массагетов и саков входят также атасии и хоразмии», к которым, следовательно, также можно отнести вышеприведенное свидетельство Геродота.

Крупные ремесленные и земледельческие центры существовали в долине Зарафшана (например Мараканда) и в Бактрии.

Территория Узбекистана и в древности отличалась своими природными богатствами. Письменные источники, археологические находки и анализ терминов дают возможность установить следующую, правда, далеко не полную картину нахождения полезных ископаемых в изучаемый период.

Разработка металлов, возможно, происходила в горах Каратау, на Мангышлаке (древние медные рудники), в районе гор Нур-Ата и в горах Кызылкумской пустыни (золото и медь). Судя по дошедшим до нас золотым предметам, деталям вооружения и украшениям VI—IV вв. до н. э., найденным на территории Средней Азии, нет никаких сомнений в том, что разработка и обработка золота производилась и в период владычества Ахеменидов. Можно полагать, что золото разрабатывалось на Зарафшане в Согде, в Усрушане на Чаткальском хребте и в Фергане. Что касается большого количества золота, которое потреблялось саками для изготовления украшений, то обычно принято считать, что оно добывалось главным образом на Алтае.

О серебряных разработках в VI—IV вв. до н. э. у нас данных нет, о меди в быту массагетов имеются сведения у Геродота и Страбона. В результате археологических изысканий выяснилось, что старые выплавки меди обычно находятся рядом со скоплениями медных шлаков в Каракалпакии, в южной части гор Букантау, вдоль хребта Керигетау и в Наукатском районе Ферганы.

О железе сведений в источниках не имеется, но возможно, что оно разрабатывалось в Карамазарском районе и в долине р. Ахангаран, где известна добыча его в более поздний период, а также в районе Ходжента и в Алмалыке (М. Е. Массон). Во всяком случае, при археологических раскопках культурных слоев VII—V вв. до н. э. на Кюзели-гыре (Хорезм), Гяур-Кале (Мерв), Афрасиабе, Кобадиане были найдены серпы, иглы и другие предметы из железа.

Существовала, видимо, и добыча жидкого горючего в виде какого-то «чистого светлого масла», источник которого забил ключом около палатки Александра Македонского, где-то на р. Ох (Теджен). Более поздние писатели сохранили нам сведения о выходе нефти в Фергане.

О бирюзе, встречающейся среди древнейших археологических находок и являющейся любимейшим камнем у многих народов Передней и Средней Азии, которому приписывались различные магические свойства, Плиний сообщает, что кроме

Индии и Гиркании, бирюза разрабатывалась и в стране саков, и в стране дахов. На территории Узбекистана, по данным М. Е. Массона, месторождением бирюзы могли являться Кызылкумские и Нур-Атинские горы, а также Актау (к югу от Самарканда). В горах Ходжента и в Исфаринских горах Ферганы мог также добываться этот голубой камень, цвет которого впоследствии старались воспроизвести мастера, изготовляя поливу для декоративных изразцов.

О других полудрагоценных и иных камнях, доставлявшихся из Средней Азии в Иран, сообщается в клинописном тексте одной из интереснейших надписей Дария, вырезанной на глиняной табличке и повествующей о постройке им дворца в Сузах Эта надпись сохранила нам некоторые данные о происхождении тех или иных материалов, поставлявшихся в Сузы из разных концов ахеменидской империи, в том числе и из Средней Азии. Как говорится в надписи, золото привозили не только из Сард (в Лидии), но также из Бактрии. Из Согда доставляли лазурит («касака капаутака»), то есть «синий камень» и киноварь («синкабруш»), а из Хорезма — камень ахшайна.Лазурит добывался в знаменитых разработках в Бадахшане, находившихся на территории Бактрийской сатрапии, в состав которой временами входил и Согд. Не исключена возможность, что имелись и другие разработки лазурита, местонахождение которых пока не установлено. Что же касается золота, привозимого якобы из Бактрии, то речь может идти о золоте, которое ахеменидские цари получали с далекого Алтая транзитом через Бактрию.

Золото, лазурит, бирюза, безусловно, добывались издавна, еще в доисторические периоды, и ими широко пользовались в качестве любимого украшения, что подтверждают массовые находки украшений в погребениях бронзового века и геолого-минералогические изыскания. Народы Средней Азии жили в широком общении со странами Ближнего Востока, поэтому нельзя связывать торговое и культурное общение исключительно с установлением власти Ахеменидов в Средней Азии.

5. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Авеста, возникшая в Средней Азии в VIII—VII вв. до н. э., несмотря на религиозно-мифологический характер, может служить ценным источником сведений о социальной и культурной жизни народов Средней Азии в этот отдаленный период. По данным Авесты, состоящая из отдельных семей («нмана») родовая община («вис») сообща владела землей; несколько родов составляли племя («занту»), а наиболее крупным объ-

единением была область («дахью»). Союзы племен на определенной территории возглавлялись царем («кави»). Существовал, видимо, и совет вождей племен. В Авесте упоминается о разделении общества на три касты — жрецов, воинов и земледельцев. В поздних разделах Авесты появляется четвертая каста — ремесленники. Царь, жрецы и военная аристократия были заинтересованы в набегах на соседние страны ради военной добычи и пополнения контингента рабов. К участию в подобных предприятиях часто привлекались кочевые племена, жаждавшие добычи. Таким образом, выступая как организующее начало, первоначальные государственные образования, возникшие в богатых оазисах, становились центрами больших царств типа древнехорезмийского и древнебактрийского.

В среднеазиатских оазисах общество, делясь на антагонистические классы и на социальные категории, одновременно сохраняло некоторые черты первобытнообщинного строя. Женщины пользовались значительной свободой и высоким общественным положением. С этим согласуется и рассказ Геродота о царице Томирис, ставшей во главе массагетского войска, разбившего Кира.

На этом же этапе развития находились, видимо, и саки, о которых Элиан сообщает, что у них существует обычай, по которому тот, кто хочет жениться, должен вступить в борьбу с девушкой, находясь с ней в подземном помещении; если ему не удастся побороть ее, он становится ее пленником. Сакские женщины делили с мужьями опасности войны, и когда они бывали в бою, то обращались притворно в бегство и стреляли с коней, оборачиваясь назад, как это делали и мужчины. Аналогичные рассказы о царице Спаретре, о воинственной царице Зарине, построившей якобы много городов, были, видимо, заимствованы греческими историками из сакского эпоса. Так и рассказ о сакском обычае, по которому невеста доставалась жениху только в том случае, если он мог одолеть ее в единоборстве, Элианом был, несомненно, заимствован из сакского эпоса, отдельные эпизоды которого сохранились в «Огуз-намэ». В этом дошедшем до нас эпическом сказании описывается единоборство Бейрека с Бану-Кечек, дочерью Бай-Биджана; герой должен был обогнать девушку на коне, расщепить на лету пущенную ею стрелу и, наконец, осилить ее в борьбе. Отклики этого же эпизода сохранились и в «Алпамыше», где соответственное условие жениху ставит Барчин. Этот обычай в форме пережитка сохранился у узбеков под названием «тартишмачок». Здесь жених имеет возможность

увезти невесту после того, как его сторона победит сторону невесты.

После насильственного установления власти персидской державы Ахеменидов над племенами и государствами Средней Азии среднеазиатские области, как и вся держава Ахеменидов, были разбиты на отдельные административно-военные единицы, которые назывались «хшатра» — в греческой передаче — сатрапии. Границы отдельных сатрапий совпадали в большинстве случаев с пределами исторически сложившихся стран и государств, попавших под власть Ахеменидов.

Сатрапия управлялась сатрапом (персидское «хшатрапа»), который назначался из персов, зачастую из числа членов царской семьи. На обязанности сатрапа лежало административное управление областью, сбор войска на местах, сбор дани, производившейся главным образом на началах откупа, а на пограничных территориях — командование военными силами. Для каждой области была установлена податная сумма в серебре или в золоте, поступавшая через сатрапа в определенные сроки в государственную казну.

Народы Средней Азии были распределены по трем податным округам и в списке Геродота значатся в следующем порядке: XII округ—«земли от бактрийцев до эглов» (согласно Птолемею — одно из согдийских племен к югу от Сырдарьи) вносили 360 талантов (около 860 тысяч рублей); XV округ — саки и каспии вносили 250 талантов (около 600 тысяч рублей); XVI округ — парфяне, хорезмийцы, согды и арии — платили 300 талантов (около 700 тысяч рублей).

Хотя персы и мидяне составляли надежную и привилегированную часть персидской армии, все же большинство ее комплектовалось из отрядов многочисленных народов и племен, подчиненных ахеменидскому государству. Здесь были согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы и саки.

Отряды, которые саки и другие народы обязаны были выставлять по требованию сатрапа, состояли из конницы, пехоты, воинов на колесницах (серпоносные колесницы бактрийцев) и моряков, которые, видимо, очень ценились персами.

Геродот дал описание «царской дороги», ведшей от Эфеса, с берегов Эгейского моря, к столице Лидии Сардам, а оттуда к Сузам, столице древнего Элама, то есть от Эгейского моря к Персидскому заливу. Этот путь протяжением в 14000 стадий (свыше 2000 *км*) проходил «от начала до конца по стране населенной и безопасной», причем был оборудован «царскими постоялыми дворами и прекрасными жилыми помещениями». Гостиницы, возведенные через каждые 25—30 *км,* служили, по словам Ксенофонта, местом отдыха и ночлега для

тех, кто ездил с поручениями, состоя на государственной службе, и для частных путешественников. Безопасность движения по этим дорогам обеспечивалась особыми дорожными военными отрядами. Кроме этого главного «царского пути», очевидно, существовали местные оборудованные дороги и в Средней Азии. По дорогам двигались войска, шли караваны, скакали царские гонцы. Сменяя друг друга эстафетным порядком, они доставляли указы царя или донесения сатрапов с предельной скоростью лошадиного бега на коротких расстояниях. По этим же дорогам разъезжали специальные должностные лица, носившие название «очей и ушей царя», которым вменялось в обязанность наблюдать за деятельностью сатрапов и различных должностных лиц.

Обмен и производство товаров для обмена начались в Средней Азии, в том числе на территории Узбекистана, задолго до вторжения персов. Ахемениды еще со времени Кира учредили свою монетную систему, которая прежде всего нужна была государству при сборе податей, ибо с населения требовали подати деньгами. Судя по редкости находок монет этого периода, можно прийти к выводу о том, что денежное обращение в торговле этого периода было слабым.

На рельефах, украшающих гробницу Дария в ущелье Накш-и-Рустем, сохранились изображения представителей всех подчиненных ему народов, причем точнейшим образом переданы их разнообразные этнические типы, прическа, одежда, вооружение. Клинописная пояснительная надпись дает перечень изображенных 28 фигур, среди которых имеются согдиец, бактриец, хорезмиец, сака-тиграхауда, сака-хаумаварка *и сака-тиай-тара-дарайя, то есть заречный. Изображения* этих среднеазиатских народов повторяются также и на гробницах других Ахеменидов и на дворце в Персеполе (в процессии данников).

Согдийцы и бактрийцы одеты почти одинаково; облегающая рубашка с поясом, от которого спереди свисают концы ремня или металлические наконечники; на голове — маленькие полусферические шапочки (типа современной тюбетейки). У согдийцев длинные узкие штаны, у бактрийцев — шаровары ниже колен, запущенные в высокие сапоги, носки которых загибаются вверх.

Почти одинакова одежда хорезмийцев и всех сакских народов: длинный кафтан без ворота, закругленные полы которого вверху и внизу расходятся и чем-то оторочены (мехом или каймой); длинные узкие штаны. На голове у хорезмийцев и саков-хаумаварка — шапки в виде башлыка, застегнутого под подбородком; саки-тиграхауда и саки заречные — в шап-

ках с наушниками и с длинным остроконечным верхом, который скульптору пришлось изобразить не вытянутым вверх как у сака Скунхи на Бехистунском рельефе, а опущенным вниз и назад, чтобы фигура могла уместиться вместе с другими в отведенной им полосе.

У всех шести фигур с пояса свисает длинный кинжал в ножнах скифского типа («акинак»). У всех шести фигур — бороды, причем у бактрийца и согдийца они более длинные. Общий для трех сакских народов и хорезмийцев своеобразный покрой кафтана подтверждает принадлежность хорезмийцев к сакским народам, входившим в массагетский союз. На это указывает находка в 1952 г. в крепости Гяур-Кала (II в. н. э.) на территории Каракалпакской АССР скульптурной головы в остроконечной шапке, подобной описанной выше.

По золотой пластинке с изображением сака, из состава знаменитого амударьинского клада, найденного на территории Таджикистана (Кобадиан), можно судить о способе ношения оружия — длинного кинжала, скифского акинака. Он подвешен к поясу, а нижним концом ножен прикреплен к бедру выше колена, чтобы не мешал при езде верхом и при ходьбе. На одном из рельефов, украшавших дворцы в Персеполе, изображены два воина-сака в остроконечных шапках (типа башлыка), вооруженные двумя копьями каждый и выпуклым круглым щитом, покрытым нашивными, сплетенными, вероятно, из тростника полосами.

Все эти изображения полностью совпадают с геродотовским описанием воинов-саков. На головах у них были остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо; воины имели туземные луки, короткие мечи (акинаки), секиры (сагарии). Саки славились своим военным искусством, главным образом стрельбой из лука; во время бегства они стреляли на скаку, оборачиваясь назад, и стяжали себе славу «изо всех стрелков в мире самых искусных, наудачу стрелы не пускающих». Этим же приемом стрельбы из лука пользовались против римлян парфяне.

Греческие историки сохранили нам еще некоторые детали, характеризующие военную технику и боевые приемы среднеазиатских народов, например, обычай дахов сидеть вдвоем на коне и обычай бактрийцев применять в бою серпоносные колесницы.

6. КУЛЬТУРА

Язык и письменность. Памятники, которые могли бы характеризовать язык и письменность народов и племен, жив-

ших на территории Узбекистана и Средней Азии в рассматриваемый период, весьма скудны.

Сохранившиеся в источниках топонимические названия и собственные имена позволяют рассматривать большую часть языков народностей и племен Средней Азии как языки иранской группы. Находки письменных памятников, относящихся к более поздним периодам, подтверждают это предположение.

В этот период мы можем говорить главным образом о племенных языках, ибо, несмотря на начавшийся усиленный процесс распада родов и формирования территориальных общин, языки, по-видимому, сохранили племенной характер, хотя в оазисах шел процесс формирования народностей.

Наряду с местными языками в это время был в ходу и древнеперсидский в качестве языка административного.

И в западных, и в восточных областях ахеменидского государства при международных дипломатических отношениях пользовались арамейской письменностью, которая происходила от финикийского алфавита, состоявшего лишь из 22 фонетических знаков, то есть значительно более простого, чем персидская клинопись. Арамейская письменность, как увидим дальше, на территории Средней Азии легла в основу согдийской и хорезмийской. Алфавит древнейшей хорезмийской надписи III в. до н. э. — арамейский.

В Бехистунской надписи Дарий сообщает, что копии с нее он разослал по всем подчиненным ему странам, начертав их на глиняных табличках и на выделанной коже с помощью пурпуровой краски и скрепив своей печатью. Действительно, фрагменты копии текста Бехистунской надписи на папирусе арамейским письмом сохранились среди документов архива на Нильском острове Элефантина в Египте, а дублет этой надписи на вавилонском языке найден был в Вавилоне. Копии с царских надписей и другие указы доставлялись, вероятно, и в среднеазиатские сатрапии.

Вопрос о народном сакском эпосе. В. В. Бартольд в ряде работ показал ошибочность утверждений некоторых западноевропейских ученых, что восточные области ахеменидского государства до сложения Греко-бактрийского царства были малокультурны. Не касаясь других сторон культуры, достаточно указать, что первенство в создании прославленного эпоса «Шах-намэ» принадлежит именно восточным областям ахеменидской державы; здесь же сложилась некогда и Авеста, герои которой совершают свои подвиги на территории Бактрии, Согда, Маргианы и Хорезма. В яштах Авесты воспеваются герои дахов, мифический богатырь Керешасп, палицей по-

ражающий дракона и легендарный Афрасиаб, боровшийся против мощного царя Ирана.

Эпические сказания массагетов использовал Геродот, передавая историю борьбы с Киром благородной и мужественной Томирис. В сказании нашли отражение черты матриархального строя, отклики которого сохранились в каракалпакском эпосе «Кырк-Кыз» — о Гуланм и ее 40 «амазонках».

Отдельные эпизоды эпоса саков можно усмотреть в рассказе Полиэна (II в.) о царице Спаретре, нанесшей поражение Киру и освободившей из плена своего мужа Аморга, а также в рассказе о сакском пастухе Шираке, жизнью своей поплатившемся за то, что завел в пустыню и тем загубил отряд персов.

Высказанное В. В. Бартольдом положение, что именно в ахеменидский период и именно в восточных областях ахеменидского государства начинаются литературная обработка эпических мотивов и приурочение их к историческим лицам, иллюстрируется им ссылкой на роман о сакской царице Зарине и мидийском царевиче Стриангии (этот же роман дал Маркварту основание утверждать, что отрывки из древнеиранского героического эпоса сохранены были Ктесием и что свои эпические мотивы персы получили с востока). Особенно ярко это положение В. В. Бартольда обосновывается сообщением современника Александра Македонского, Хареса Митиленского, который зафиксировал первоначальную сакскую версию одного из легендарных мотивов среднеазиатского эпоса, а также имена некоторых героев, тринадцать веков спустя воспетых Фердоуси. Это рассказ о двух братьях — Гуштаспе и Зариадре. Первый из них правил Мидией, а второй — страною от Каспийского моря до Танаиса (Сырдарьи). Зариадр и Одатида, дочь скифского царя Омарга, обитавшего за Танаисом, увидели один другого во сне и влюбились друг в друга. Несмотря на противодействие отца, Зариадр сумел с помощью одного только возницы переправиться через Танаис и увезти невесту в тот момент, когда ее выдавали замуж за другого.

Этот же эпизод рассказан и в «Шах-намэ», но там отражается более поздняя тенденция: героем является мидийский царь Гуштасп, и едет он за невестой не на восток, а на запад, к римскому императору — ее отцу. Харес Митиленский (IV в. до н. э.) указывал, что рассказ о любви Зариадра и Одатиды был в его время очень популярен «среди живших в Азии варваров», что в храмах, дворцах и частных домах часто встречались изображения на сюжеты из этого романа и что по этой же причине князья любили давать дочерям имя

Одатиды. В. В. Бартольд усматривает в лице Гуштаспа, брата Зариадра, связь с одним из исторических Гистаспов, правивших восточными областями при Ахеменидах. Некоторые сказания, вошедшие впоследствии в эпос «Шах-намэ», были, видимо, достоянием всего сакского народа.

С территорией Средней Азии связан один из главных героев «Шах-намэ» Афрасиаб. Трагический поединок Рустама с неузнанным им сыном своим, Сохрабом, сюжетно перекликается с русским былинным эпосом о богатырях Илье Муромце и Сокольнике и с армянским — о Давиде и его сыне Мхере.

Религия и культы. Ни по одному научному вопросу не было высказано такое количество самых разноречивых гипотез, как по вопросу о зороастризме, о родине этого учения.

По вопросу о родине Заратуштры существует «западная» теория, считающая Мидию страною, откуда началось распространение зороастризма, и теория «восточная», по которой колыбелью этого учения является Бактрия, Хорезм, Согд или Фергана. Наибольшее количество приверженцев в научной литературе имеет теория, связывающая первые шаги Заратуштры с Хорезмом, поскольку историческая традиция говорит о Хорезме, как о стране, где был впервые зажжен священный огонь зороастризма «атар-хурра», и как об обетованной стране «Эран-ведж» (в авестийской передаче — Айриана-ваэджа), где Ахурамазда явился Заратуштре. Описание Эран-веджа, соответствующее географическим и климатическим условиям Хорезма, дается в Авесте — священной книге зороастрийцев, состоящей из разновременно сложившихся частей: из гимнов, носящих название «Гаты» (древнейшей части), и «Яштов», в которых отразились народные эпические сказания о богах и героях, и затем из «Вендидада» — сборника ритуальных предписаний (позднейшая часть).

В Авесте дан перечень сотворенных Ахурамаздою стран («обителей благословения и избавления»). На первом месте — Эран-ведж, с которым «ничто в мире не равняется по красоте», затем — Согд, «богатый людьми и стадами», Моуру (Мерв), «могучий и священный», Бахди (Бактрия) — «страна с высоко поднятыми знаменами».

В Авесте дается также описание страны, где родился и начал свою деятельность Заратуштра. Это — «страна, где *управляют и предводительствуют многочисленными войсками* мужественные вожди, где высокие горы, изобилующие пастбищами и водами, производят все необходимое для скотоводства, где глубокие озера с обширными водами, где судоходные реки с широкими руслами стремят свои бурные волны по

странам: Иската (ассирийского «Ишкузаи» — Скифия), Поурута, Моуру (Мерв), Харева (Ария), Гава (область в Согде), Сугда (Согд), Хвайризема (Хорезм)».

Нет никакого сомнения в том, что «судоходными реками с широкими руслами» являются Амударья и Сырдарья, и это обстоятельство, вместе с перечнем стран, через которые они протекают, прочно обосновывает среднеазиатскую теорию происхождения Авесты, а значит и зороастризма. На данном этапе наших знаний едва ли имело бы значение приурочивать родину Заратуштры обязательно к Хорезму, Согду, Фергане или Бактрии.

В основу Авесты положена дуалистическая концепция всего мироздания и человеческой жизни: два брата, Ахурамазда — «благой господь» и Ангромайнью (Ахриман) — «враг человечества» — владычествуют над миром, причем извечная борьба между ними должна привести к победе добра.

Как известно, все народы на первобытной стадии своего мышления проходят через этап дуалистического восприятия ими мира, со сменой дня и ночи, лета и зимы, жизни и смерти, полезных и вредных животных. Но на историческом этапе развития общества добрые и злые космические силы превращаются в мифические и сказочные образы. У народов Средней Азии этот процесс в силу ряда причин затянулся, в результате чего отголоски дуалистического мировосприятия можно проследить вплоть до времен Мани (III в.), Маздака (конец V в.) и Муканны (VIII в.).

Надписи Дария ни разу не упоминают ни Заратуштры, ни его учения: терминология Ахеменидов в вопросах культа резко расходится с данными Авесты; на помощь царю призываются его специальный покровитель Ахурамазда вместе с богами царского рода («виса-бага»), то есть предками. Сочетание в религии Ахеменидов культа Ахурамазды, покровителя главы государства, с богами его рода, подтверждает, между прочим, высказанное выше положение о том, что в этот период Средняя Азия находилась в стадии перехода от родового общества к новым формам общественного развития.

В. В. Струве весьма убедительно объясняет отсутствие упоминания Заратуштры и Авесты в надписях первых Ахеменидов тем обстоятельством, что Дарий и Ксеркс, как бы отстраняя Заратуштру, самих себя провозгласили посредниками между Ахурамаздой и людьми. Это явствует из того, что Ксеркс называет себя «саошиант» — спаситель человечества, то есть применяет к себе эпитет Заратуштры. В ответ на это и Авеста, в свою очередь, ни разу не упоминает ахеменидских царей. Этому странному, казалось бы, отношению Ахе-

менидов к почитаемому народом пророку никаких объяснений не дается.

Приверженцы Заратуштры верили в конечную победу Ахурамазды. Учение это смешалось с издревле существовавшим поклонением стихиям — огню, воде, земле и воздуху, культ которых предписывал, например, не хоронить, не сжигать, не бросать в воду покойников — добычу Ахримана, а выносить трупы на каменистые холмы.

Вопрос о религиозных верованиях различных народов Средней Азии в древности еще ждет своего исследования объединенными усилиями историков, археологов, лингвистов и этнографов. Пока же мы можем установить на основании письменных источников и археологических данных, что у сакских народов, включая и массагетов, существовал культ двух начал, от которых зависит жизнь на земле,—культ солнца, воды, или огня и воды. О массагетах Страбон говорит, что «богом они почитают только солнце», в жертву ему приносят лошадей. Страна хорезмийцев, входивших в состав массагетского союза, носила, как известно, название Хвайризем, что означает «солнечная земля», или «страна солнца» («хвар» — солнце, «зем» — земля). Вечным огнем и священной водой клялся перед Дарием вышеупомянутый сак Ширак. У среднеазиатских народов богиня земли, воды, плодородия, любви носила имя Анахит.

Культ солнца — начала мужского, и земли-воды — начала женского в образах Митры и Анахит, древнейших местных богов, — продолжал существовать в Средней Азии не только вплоть до арабского завоевания, но и дальше, в некоторых пережитках вплоть до недавнего времени, как это устанавливается данными этнографии и фольклора. При Артаксерксе II, как известно, среднеазиатские боги—Митра и Анахит—были приняты в пантеон иранских божеств; в надписях они упоминаются наравне с Ахурамаздой.

Одновременно с этим существовал и культ первородного человека Гавомарда, то есть быко-человека, олицетворявшего первоначально космическую силу, давшую начало и животному, и растительному миру, и металлам, а затем ставшего своего рода титаном, научившим людей строить дома и города и пользоваться металлами. Образ быко-человека специфичен не только для Средней Азии; Гильгамеш и Энкиду — раздвоение того же образа на территории Месопотамии. Мы не ставим себе задачей перечисление всех существовавших на территории Средней Азии религиозных культов и верований. Однако нельзя не упомянуть о древнем, еще дозороастрийском, домаздеитском культе Зрвана (впоследст-

вии — бога времени), который считался отцом Ахурамазды и Ахримана и с которым Ахурамазда потом вел борьбу, подобно тому, как это делал Зевс, боровшийся со своим отцом, тоже богом времени — Хроносом (Кроносом). Зрванизм, по словам Евдема Родосского (IV в. до н. э.), ученика Аристотеля, был распространенным среди народов Ирана и Средней Азии учением.

В изучаемый период на территории Средней Азии существовали различные культы: 1) культ Анахит, слившийся с культом Митры; 2) зороастризм, 3) зрванизм и 4) религия Ахеменидов, знавшая только Ахурамазду и обожествленных предков.

Одновременно с развитыми религиозными представлениями у некоторых народов Средней Азии продолжали существовать пережитки более древних первобытных культов, носившие в это время формы шаманизма. Геродот рассказывает о массагетах, что они «плоды определенных деревьев собирают кучами в одном месте, потом зажигают костры, садятся вокруг них и бросают плоды в огонь; нюхая брошенные в огонь горящие плоды, они пьянеют от их запаха так, как эллины от вина, пьянеют все сильнее по мере того, как подбрасывают больше и больше плодов. Наконец, пускаются в пляску и начинают петь». В этих словах Геродота дано описание древнейшей формы дервишского радения.

Памятники искусства. В культуре Средней Азии VI—IV вв. до н. э., которая известна по сравнительно небольшому числу памятников, ясно ощутимы два наиболее важных направления. Первое, связанное преимущественно с кочевой средой, получило в литературе название «звериного стиля». Стилизованные изображения различных животных украшали рукояти кинжалов, конскую сбрую и другие предметы кочевого быта.

Другое направление, связанное преимущественно с оседлым населением, полнее всего представлено знаменитым амударьинским кладом, который был обнаружен в 1877 г. на городище Тахти-Кувад в устье Вахша. Его составляют художественные изделия главным образом V—VI вв. до н. э., часть которых могла быть изготовлена в Средней Азии. Золотые пластины с изображением саков, статуэтки жрецов из золота и серебра, золотая модель колесницы, многочисленные фигурки животных — все это дает наглядное представление о высоком художественном уровне мастеров.

К предметам искусства можно отнести и большие жаровни-алтари на четырех ножках, с ручками и с крылатыми львами по борту; малые жаровни на высокой ножке, украшенные по тому же принципу, найденные на территории Семи-

речья, а также громадный бронзовый котел на трех ножках, с четырьмя ручками и четырьмя фигурами горных козлов по борту, обнаруженный во время работ на Большом Ферганском канале.

Интересна найденная на Афрасиабе каменная печать с изображением воина (царя), представляющая собой местное подражание аналогичным ахеменидским печатям.

Если по памятникам Джанбас-Кала можно судить об архитектурных формах более раннего периода, то раскопки в Хорезме дают возможность говорить об определенном типе храма огня или «дома огня» (Бируни), хотя вопрос о культовых постройках (храмах) еще недостаточно изучен.

При решении вопроса о месте, которое в истории СССР и в истории всеобщей занимает древний период истории народов Средней Азии, следует обратить внимание на вклад народов Узбекистана и Средней Азии в целом в культуру народов СССР и в мировую культуру. Рассмотренный нами этап развития народов Средней Азии характеризуется следующими данными.

К середине I тысячелетия до н. э. народы Средней Азии имели развитое оседло-земледельческое хозяйство. Его становление сопровождалось распадом родовых общин, образованием деспотических государств, расширением рабовладения и углублением классовых противоречий.

В оазисах создается широкая сеть искусственного орошения, процветают построенные местным населением города, как Мараканда, Кирешата (Кирополь), Мерв и т. д., которые вместе с окружающими их земледельческими оазисами стали очагами рабовладельческого строя. Это новое социальное явление привело к созданию политических конфедераций городов, земледельческих областей и кочевых и полукочевых племен, которые вели борьбу с мидийским и ахеменидским царствами, закончившуюся при Дарии I подчинением народов Средней Азии власти Ахеменидов.

Используя в своей армии народы Средней Азии — Бактрии, Хорезма, Парфии, Согдианы и заречных саков — Ахемениды смогли одержать победу над Мидией и образовать большую империю.

Несмотря на все усилия, персидским царям не удалось подавить борьбу народов Средней Азии за свое объединение и освобождение. Один из важнейших экономических и культурных центров Средней Азии — Хорезм — в IV в. до н. э. сумел освободиться от ахеменидского владычества.

Население земледельческих оазисов и кочевники степей создали свои культурные традиции; эти традиции, однако в

результате усиливающейся связи между оазисом и степью, а также в ходе совместной борьбы их против персов все теснее переплетались друг с другом.

Народы Средней Азии, наряду с персами, заимствовали арамейскую письменность. Вместе с тем созданное народами Средней Азии учение Заратуштры, а также крупнейший литературный памятник — Авеста — получили широкое распространение в государстве Ахеменидов.

На территории Средней Азии, в том числе Узбекистана, в VI—V вв. до н. э. сложились эпические сказания, отраженные в исторических трудах Геродота, Ктесия, Страбона и Полиена, а затем легшие в основу великого эпоса «Шахнамэ». Это творение Фердоуси, собравшего в X в. существовавшие в народе предания, войдя в мировую сокровищницу эпической литературы, и поныне живет в среде народов Востока, в том числе и узбеков.

ГЛАВА II

БОРЬБА СОГДА ПРОТИВ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО (329—327 гг. до н. э.)

Походы Александра Македонского на Восток, приведшие к завоеванию Ирана, Средней Азии и Индии, являлись продолжением и завершением борьбы, которая началась еще при Дарии I, на рубеже VI и V вв. до н. э., когда ахеменидский Иран и Греция оспаривали друг у друга экономическое и политическое первенство в Малой Азии.

Сведения о походах Александра на Восток почерпнуты из сочинений пяти историков, живших 300—400 лет спустя, но имевших возможность пользоваться трудами и записями современников Александра, не дошедшими до нас. В походах Александра сопровождали писатели и историки, целью которых было сохранить для потомков подробности всех событий. Вели записи также участники похода, полководцы Аристовул и Птолемей Лаг. Их сведения отражены в дошедших до нас текстах историков более поздних времен (Страбон, Арриан и др.). Описание отдельных эпизодов оставили участники похода — знаменитый мореплаватель Неарх и другие сподвижники и придворные Александра.

Описание похода в Среднюю Азию сохранилось только у греческого историка Арриана (II в. н. э.) и римского писателя Квинта Курция Руфа (I в. н. э.). Плутарх (I—II вв. н. э.) и Юстин (II в. н. э.) приводят много интересных данных о деяниях Александра на Востоке, но почти не упоминают о среднеазиатских походах. Главы из XVII книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (I в.

до н. э.), в которых описывался поход Александра на Амударью, к сожалению, не сохранились и известны только по оглавлению.

Труд Арриана, писателя-воина, служившего в Азии, автора трактата о военном искусстве заслуженно считается достоверным отображением событий, происходивших в Средней Азии. Арриан пользовался записками современников Александра, полководцев Аристовула и Птолемея Лага, порой он их просто переписывал. Пропуски в труде Арриана лишь в небольшой мере восполняются рассказами, которые можно найти у других историков.

В историографической традиции распространено скептическое отношение к сочинению Квинта Курция Руфа, которого принято считать философствующим ритором, восполняющим своей фантазией пробелы повествования. Оценка эта не вполне заслужена, так как достоверность большинства сведений о среднеазиатском походе Александра не вызывает сомнений.

Еще отец Александра, Филипп, при котором Македония стала мощным и передовым в военном отношении государством, ставил себе задачей завоевание Азии.

В 336 г. до н. э. авангард македонской армии перешел Геллеспонт (Дарданеллы), но не успел еще начать военных действий на территории Азии, как в результате заговора, поддержанного, видимо, персами, Филипп был убит. Начатый Филиппом поход в Азию продолжил его сын Александр, выступивший в 334 г. до н. э. с 30 000 человек пехоты и с 5 000 конных воинов; 150 кораблей сопровождали армию вдоль побережья Малой Азии. Со своей армией Александр в течение десяти лет подчинил себе Малую Азию, Сирию, Финикию, Египет, Иран, страны Средней Азии и Индию.

Перейдя в труднейших условиях горный хребет Гиндукуш, Александр весною 329 г. появился на территории Средней Азии.

Разбив в трех решающих сражениях персидского царя Дария III, Александр включил в состав своей империи основные области мощной ахеменидской державы. После перехода через Гиндукуш он присоединил к новой империи и Бактрию, одну из самых цветущих ахеменидских сатрапий, славившуюся своей древней культурой.

Бактрия была завоевана Александром, видимо, без особого труда. Сатрап Бактрии и Согда Бесс, перс из рода Ахеменидов, участвовал в убийстве бежавшего на Восток царя Дария III, своего родственника, и принял затем сам

царский титул и имя Артаксеркса. Узнав о приближении Александра, Бесс поспешил уйти за Амударью на территорию Согда. Первое время его поддерживала согдийская конница во главе с согдийцем Спитаменом (греческая передача имени «Спитама»), а затем и «пришедшие к нему кочевые дахи, по эту сторону Танаиса (Сырдарьи) живущие».

Вместе с Бессом бежали от Александра еще несколько местных князей, в том числе бактриец Оксиарт (греческая передача имени «Вахшунварта») и перс Датафарн. Перейдя Амударью, Бесс сжег суда и ушел в область Наутака в долине Кашкадарьи, отдельными исследователями отождествляемую с районом Шахрисабза или Гузара.

После того, как ему сдались главнейшие города южной Бактрии, Александр поспешил к Амударье, намереваясь, очевидно, быстрее обезвредить Бесса, который мог возглавить сопротивление среднеазиатских сатрапий. Дойдя до Амударьи, Александр убедился в полном отсутствии мостов, судов, а также деревьев, из которых можно было бы соорудить плоты для переправы. Он попытался переправиться через Окс, — говорит Арриан, но «это оказалось совершенно невозможным, так как ширина реки была около 6 стадий, а глубина ее не соответствовала ширине; она была очень глубокой и песчаной, а течение ее столь быстрое, что она легко выворачивала из земли все, что укрепляли в ней; кроме того, в песке нельзя было ничего прочно утвердить». Существует несколько точек зрения по вопросу о месте, где Александр собирался переправиться через Амударью. Среди других возможных пунктов называют Термез и Келиф, от которых шли пути на Мараканду, столицу Согда.

Отпустив домой больных и ослабевших воинов, Александр в течение пяти дней перебросил свою армию на правый берег Амударьи, использовав в качестве плотов превращенные в мешки наметы палаток, крепко сшитые и набитые соломой.

Бесс не мог помешать переправе Александра через Амударью. Он вскоре был лишен свободы своими недавними сторонниками — Спитаменом и Датафарном, приславшими к Александру гонцов с предложением выслать отряд для захвата Бесса. Что произошло в Наутаке между недавними союзниками — неизвестно, но, по-видимому, разрыв между ними был вызван тем, что Бесс, сначала возглавивший борьбу против Ахеменидов, после убийства Дария надел тиару, принял имя Артаксеркса и объявил себя ца-

рем. Спитамен, Оксиарт и другие представители местной знати, бежавшие с Бессом через Амударью, видимо, решили избавиться от нового царя, выдав его Александру, в котором они пока еще видели борца против ненавистного персидского ига.

Александр послал к Спитамену своего полководца Птолемея Лага, рассчитывавшего, вероятно, на торжественную выдачу ему Бесса, но в указанном месте лагеря не оказалось, так как Спитамен еще накануне ушел в глубь страны. Бесса Спитамен оставил под охраной в одном из укрепленных селений, жители которого и выдали пленного Птолемею.

1. БОРЬБА НА СЫРДАРЬЕ С «ПРИРЕЧНЫМИ ВАРВАРАМИ» И «АЗИАТСКИМИ СКИФАМИ»

Оставив гарнизон в Мараканде, об условиях занятия которой источники ничего не сообщают, Александр сразу же направился дальше к Сырдарье, к берегам которой он вышел, вероятно, в районе нынешнего Ленинабада. По дороге македонцам впервые пришлось встретить сильное сопротивление со стороны местного населения — горцев Усрушаны (область между Самаркандом и Ленинабадом), перебивших нескольких заблудившихся македонских фуражиров и затем пытавшихся остановить Александра в скалистых горах, через которые шел его путь. Несмотря на временную неудачу (Александр был при этом тяжело ранен), он все же взял возвышенность, где укрепились горцы; часть их была изрублена на месте, а многие сами бросились со скал и разбились: из 30 000 «варваров» спаслось, как говорит Арриан, не более 8 000 человек.

На берегу Сырдарьи к Александру явились с дружественными целями послы от скифов-абиев (греческая передача названия «апасака» — «водные саки», сака-тиай-тарадарайя) и от скифов, живших за Танаисом. Александр отправил за Танаис одного из своих приближенных, поручив ему ознакомиться со страной, обычаями жителей и не допускать перехода их войска через реку. Упоминание реки Танаис заставило Арриана (хотя он знал, что существуют две реки с этим названием) усмотреть в послах скифов заморских, европейских, принимая Сырдарью — Танаис за Дон — Танаис. Явились же к Александру послы от скифов, живших за Сырдарьей (то есть, вероятно, саки-гигрохауда), и их-то Александр пытался удержать от перехода через Танаис — Сырдарью, опасаясь, что в случае восстания согдийцев, саки им окажут поддержку. В это время до него

дошла весть о начавшемся в тылу восстании: «приречные варвары» перебили македонские гарнизоны в городах и начали укрепляться. Одновременно и, видимо, не случайно восстали и согдийцы, побуждаемые к этому, как говорит Арриан, теми, кто схватил Бесса, то есть Спитаменом и его сторонниками. К согдийцам примкнули и бактрийцы.

Чтобы понять эти события, надо допустить, что Александр занял на левом берегу Сырдарьи какие-то города «приречных варваров», оставив в них гарнизоны. Городами здесь, надо думать, названы укрепленные земледельческие поселения, а «приречными варварами» были, по всей вероятности, родственные согдийцам по крови и языку жители Усрушаны.

Здесь впервые Спитамен упоминается как вдохновитель и предводитель восстания оседлого населения Согда. Курций Руф рассказывает, что Александр рассчитывал с помощью Спитамена, как в случае с Бессом, остановить вспыхнувшее восстание, но ошибся — на этот раз Спитамен открыто выступил против Александра, призывая население к оружию.

Жестокая расправа с горцами Усрушаны (так же как и полное разрушение небольшого города в Согде, сопровождавшееся истреблением всех его жителей — потомков выходцев из Милета) открыла глаза не только населению, но и Спитамену и его сподвижникам на то, что молодой македонский царь принес им не только освобождение от персидского ига, но и новые формы угнетения.

В 329 г., вступая на территорию Бактрии и Согда, Александр был твердо уверен в том, что в Азии он имеет дело только с рабами. Согдийцы теперь это поняли. «Спитамен и его друзья, будучи сами возбудителями того, что им предлагали остановить, — говорит Курций Руф, — распустили слух, что царь потребует к себе всех бактрийских всадников, чтобы их убить». Восстанию предшествовало приказание Александра собрать на съезд в город Зариаспу (в Бактрии) эпархов, то есть правителей отдельных областей или городов Бактрии. Каковы были действительные цели Александра и состоялся ли тогда съезд,— нам неизвестно, но он послужил сигналом к восстанию, так как эпархи, вероятно, предвидели, что съезд должен был содействовать укреплению македонской власти.

Анализ отдельных событий в ходе борьбы народов Средней Азии за свою независимость дает основание различать три этапа; каждый из них носит свой особый характер и имеет свою специфику, в основе которой лежат те или иные движущие силы.

Действительно, при первом беглом знакомстве с походами Александра получается впечатление какого-то нагромождe-

ния осад, засад, сражений, бегств, тогда как внимательный анализ вскрывает несколько четко разграниченных периодов в развитии событий. Факт этот, между прочим, был усмотрен одним из древних историков Александра — Диодором (I в. до н. э.). В оглавлении не сохранившейся части XVII книги Диодор лаконично перечисляет: «Александр покоряет восставших согдийцев и умерщвляет более 120 тыс. человек. Он наказывает бактрийцев и вторично подчиняет себе согдийцев, и строит в нужных местах города, чтобы держать восставших в повиновении. Третье восстание согдийцев и пленение тех, кто бежал в горный замок». Эти скупые строки следует расшифровать.

«Приречные варвары» (свободное оседлое местное население) укрепились в семи крепостях на Сырдарье, и Александр немедленно вступил с ними в борьбу. Пять поселений (сохранилось название только одного из них — Газа), обнесенных высокими глиняными стенами, Александр занял в течение двух дней с помощью приставляемых к стенам штурмовых лестниц и в результате согласованных действий пращников, стрелков и метателей стрел из машин. В одном из пяти случаев Александр приказал окопать город (по-видимому, более значительный) рвом, насыпать вал и соорудить осадные машины. Большое сопротивление оказали две крепости: город Кирешата, или Кирополь, по преданию основанный Киром, и город, в котором сидел «сильный род мамакенов». Эти города были взяты Александром после более продолжительной осады при помощи осадной техники и военной хитрости: в первом случае Александр с группой воинов проник в город по высохшему руслу дождевого потока, уходившему под стену, во втором случае — с помощью подкопа под стеной.

Восстали против Александра и широкие массы оседлого земледельческого населения, которым он нес разорение и смерть. Земледельцы не соглашались признать в нем преемника Ахеменидов и своего государя. Противостояла ему местная знать в лице Спитамена и его друзей. Следует напомнить, что большинство народов, с которыми столкнулся Александр на территории Согда, находилось еще, как и при Ахеменидах, на разных ступенях общественного развития, но преимущественно на стадии разложения родового строя и становления классового общества; родовая структура поселений или городов подтверждается археологическими и письменными данными. С ярко выраженным родовым поселением Александр встретился при осаде на Сырдарье вышеуказанной крепости «сильного рода мамакенов».

Военная обстановка становилась для Александра все более сложной. На высоком скалистом правом берегу Сырдарьи собрались саки; гонцы принесли весть, что Спитамен открыто восстал и осадил македонский гарнизон Мараканды. Александр был ранен, армия его с двух сторон была сжата врагом; кроме того, по сообщению Курция Руфа, «бактрийцы отпали, скифы совершали набеги».

Александр быстро принимает решение, против Спитамена он посылает отряд под командованием некоего Фарнуха, знавшего язык местного населения, а с заречными саками он решает справиться сам. Предварительно он строит задуманную оборонительную крепость где-то на Сырдарье, возможно, в районе между современным Ленинабадом и Бекабадом. Постройка идет чрезвычайно ускоренными темпами; солдаты обносят стеной лагерь Александра на берегу реки; одновременно строятся здания.

На семнадцатый день все дома в крепости были уже подведены под крыши. Это укрепление Александр заселил греческими наемниками, а также непригодными больше к войне македонянами и местными жителями — пленниками. Город этот был назван «Александрия Эсхата», то есть «Крайняя», «Дальняя». «Скифский царь, владевший землями за Танаисом — говорил Курции Руф, — понимал, что город, который македоняне строили на противоположном берегу, будет (ярмом) на его шее»; поэтому он «отправил брата своего с большим отрядом конницы разрушить крепость и оттеснить от реки македонские войска».

2. ПОХОД ЗА СЫРДАРЬЮ. ВЫСТУПЛЕНИЕ СПИТАМЕНА

Александр решил первым напасть на саков. Конницу, машины с прислугой и фаланги он посадил на плоты, а легко вооруженных — на кожаные меха. Выбрасывая тучи стрел из метательных машин, войско во главе с Александром под звуки труб переплыло Сырдарью. Происходило это, по всей вероятности, в самом узком месте реки, около селения Беговат.

Используя все виды своего войска, Александр напал на саков, которые сначала выдержали удар, но затем все же бежали, оставив тысячу убитых и полтораста пленных. Потери Александра тоже были немалыми; к тому же, преследуя неприятеля, он слишком углубился в безводную степь. Отступление саков могло быть скифским тактическим приемом (заманивание противника с последующим окружением), о котором греки были, судя по источникам, достаточно осведомлены уже со времен Геродота. Начавшиеся желудочные заболева-

ния среди воинов побудили Александра спешно повернуть назад — впервые за все время своих походов.

Послы от заречных саков, явившиеся вскоре к Александру с извинениями, указывали, что в нападении на него участвовали самовольно отряды, собравшиеся произвести грабеж, и что действия их не являются выражением воли всего народа. Послы были приняты благосклонно, и с ними без выкупа были возвращены сто пятьдесят пленников. Проявлением великодушия Александр надеялся наладить мирные отношения с саками. К этому его побуждали поступавшие из Согда тревожные вести о происходивших там событиях.

В Согде к Спитамену и его коннице примкнуло население; это заставило Александра перебросить часть войска из-под Кирополя к осажденной Мараканде. Тогда Спитамен снял осаду и ушел на запад, в Басилейи, то есть «царский город» (видимо, в районе Бухары). Македоняне, с Фарнухом во главе, преследовали Спитамена до самой границы степи.

Некоторое время Спитамен всячески беспокоил силы македонян: то обстреливал их с флангов, то, притворяясь бегущим, завлекал их в степь. Среди македонского командования тем временем начались разногласия. Фарнух требовал, чтобы его освободили от командования, ссылаясь на то, что он не является воином и не может руководить в столь сложной обстановке. Во время этих споров один из начальников, Каран, перешел с конницей реку Зарафшан, не согласовав своих действий с пехотой, которая последовала за конницей в поисках тени и отдыха в лес, на другом берегу, где и натолкнулась на засаду. Спитамен загнал македонян на островок и здесь перебил их. Развивая успех и не теряя времени, Спитамен вернулся вместе с дахами и, опираясь по-прежнему на помощь местного населения, подошел к Мараканде и снова осадил македонский гарнизон.

3. ПОКОРЕНИЕ СОГДА И ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ

Все эти обстоятельства заставили Александра спешно закончить переговоры с саками. Он оставил гарнизон в «Александрии Дальней» и, быстро продвигаясь двойными дневными переходами, на четвертый день появился под Маракандой. Спитамен немедленно снял осаду и скрылся — сначала, вероятно, в районе Бухары, а затем — на западе, в пустыне. Александр преследовал Спитамена и по дороге похоронил с воинскими почестями трупы своих воинов, павших на берегах Зарафшана. Преследуя согдийцев, Александр, по словам Ар-

риана, «прошел всю область, орошаемую рекой Политиметом (Зарафшан); где вода теряется, там начинается уже пустыня в этой стране, а исчезает река в песке, хотя и очень обильна водой». В пески за Спитаменом Александр не последовал, а, повернув назад, начал жечь поселения, где укрывалось восставшее местное население, опустошать поля и сады и перебил, по данным письменных источников, более 120 тысяч местных жителей.

Оставив в Согде отряд в три тысячи человек пехоты под командованием Певколая, Александр отправился зимовать в Бактрию (по данным Курция — в Бактру, по данным Арриана — в Зариаспу).

Так закончился первый этап борьбы народов Согда за свою независимость, причем все эти многочисленные события произошли, начиная со времени переправы Александра через Амударью и кончая карательным походом его по долине Зарафшана, то есть с весны по осень 329 г. до н. э.

События эти ярко охарактеризованы в следующих словах В. В. Григорьева: «Если Дарий не умел отстоять от Александра своего царства, если презренным трусом оказался Бесс, зато здесь, в Туране, нашлись сердца, которые не могли примириться с чувством покорности чужеземцам, нашлись руки, которые взялись за дело народной мести незванным пришельцам. Историки Александра не называют вспыхнувшего в Согдиане восстания иначе, как «бунтом», «изменою», но это чересчур прусский взгляд на дело. Нахлынула волна на человека — он нагнулся, волна перекатилась — он не захлебнулся и опять поднял голову, значит — бунтовщик, он обязан был утонуть».

События, относимые нами к первому периоду, заканчиваются, как говорится у Диодора, тем, что «Александр покоряет восставших согдийцев и умерщвляет более 120 000 человек».

Инициатива восстания исходит главным образом от оседлого местного населения независимо от принадлежности к той или иной народности: это и согдийцы, и бактрийцы, и жители Усрушаны, которым стараются помочь и заречные саки. Возглавляет движение — Спитамен. На помощь его воинам приходят отдельные отряды кочевников, например, дахи.

Несколько иначе сложились обстоятельства на втором этапе этой борьбы. Зима 329—328 гг. до н. э., проведенная Александром в Зариаспе, была полна событиями, здесь состоялся съезд бактрийских эпархов, на котором судили Бесса. Здесь же, на съезде в Зариаспе, был принят, видимо, ряд решений, связанных с организацией управления вновь завое-

ванными областями. Обстановка благоприятствовала этому. С запада получено подкрепление — греческие наемники во главе с Неархом; прибыли послы от европейских скифов, привезшие драгоценные дары и предлагавшие Александру дружбу, военный союз и руку скифской царевны. Прибыло посольство от хорезмского царя Фарасмана с отрядом из 1500 всадников. Посольство передало Александру предложение царя Хорезма о дружбе и о союзе. Хорезмийцы сказали Александру, что их владения граничат с колхами и амазонками, живущими недалеко от побережья Черного моря. Хорезмийский царь изъявил свою готовность помочь Александру провиантом и проводниками, если он хочет воевать с этими причерноморскими народами.

Александр, богато одарив послов, тем и другим ответил, что готовится к походу в Индию и воспользуется их предложениями, вернувшись владыкой всей Азии.

По словам Арриана, Александр «Фарасмана отдал на попечение персу Артабазу, которому поручил управлений Бактрией». Из этого можно заключить, что встреча Александра с послами Фарасмана произошла на территории Бактрии.

В организации внутреннего управление Александр сохранил институт сатрапов. На эту должность сначала назначались персы, а потом главным образом македоняне. Сатрапы Александра не имели права чеканить монету и иметь наемников в войске. При сатрапах находился «эпископ» (надзирающий) из македонян, командовавший войском; иногда военная власть была разделена между несколькими лицами. Финансовое управление было тоже выделено в ведение особого лица.

4. СОПРОТИВЛЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ ВО ГЛАВЕ СО СПИТАМЕНОМ

Весной 328 г. Александр опять направился в Согд, где, несмотря на произведенное им в 329 г. повальное избиение населения, ему не удалось подавить восстание. Арриан сообщает, что «многие из согдийцев укрылись в замках, отказываясь повиноваться поставленному над ними Александром сатрапу».

Говоря об укрывшихся в укрепленных местах согдийцах, Арриан имеет в виду тех уцелевших оседлых земледельцев, которые сыграли столь активную роль в 329 г., в первый период борьбы Согда за свою независимость. Теперь они пере-

шли, видимо, к форме пассивного сопротивления, что, тем не менее, крайне встревожило Александра.

Разделив войско на пять отрядов, действовавших одновременно в разных районах Согда, он, во главе одного из них, принял участие в карательном походе против согдийцев, причем одних,— говорит Арриан,— укрывшихся в замках, захватывали силой, других уговорами склоняли к добровольной сдаче. По окончании карательной экспедиции колонны сошлись в Мараканде, где Александр дал Гефестиону (начальнику одного из отрядов и своему другу) поручение заселить города Согда. Имелось ли в виду основание новых поселений на месте разрушенных или же только заселение опустевших деревень и городов — неизвестно, но, возможно, что в связи с этими фактами находятся сведения Страбона об основании Александром восьми городов в Согде и Бактрии и сведения Юстина об основании им двенадцати городов. Во всяком случае эти справки свидетельствуют о том, что некогда густо населенный Согд должен был сильно обезлюдеть в результате военных мероприятий Александра.

Получив известие, что Спитамен скрывается на севере у массагетов (по Курцию — у дахов), Александр направил против кочевников двух полководцев, но Спитамену удалось во главе отряда в 600 всадников неожиданно появиться в Бактрии и начать нападение на гарнизоны крепостей, между прочим, и на Зариаспу. Узнав о приближении македонян во главе с Кратером, Спитамен бежал в пустыню. Преследуемый Кратером, он должен был принять бой, в котором, кроме его отряда, участвовал еще отряд массагетских всадников в 1000 человек. Разбитые македонянами кочевники опять укрылись в пустыне, куда за ними враг никогда не решался следовать.

Собравшись с силами, Спитамен вскоре вышел из пустыни к согдийскому укреплению Бага, на границе с владениями массагетов, и, как говорит Арриан, «с легкостью уговорил около трех тысяч скифских всадников сделать вместе с ним набег на Согдиану». Арриан поясняет: «Эти скифы живут в большой бедности и, так как они не имели ни городов, ни определенных жилищ, чтобы бояться за самое дорогое для них, то их вообще легко склонить к тому или другому походу». Вскоре состоялось сражение с поджидавшими Спитамена македонянами, в котором Спитамен был опять разбит и потерял 800 всадников. Немногие согдийцы и бактрийцы, еще находившиеся при Спитамене, покинули его после этого боя, сдались врагу, а массагеты, разграбив обозы этих недавних сво-

их союзников, «убежали со Спитаменом в пустыню». Ушел ли он сам с ними и на этот раз в качестве их предводителя или же массагеты увели его в качестве своего пленника — неизвестно, но когда дошла до них весть, что в пустыню намеревается проникнуть сам Александр, они «отрубили Спитамену голову и послали ее Александру, чтобы этим отвратить его от себя». Существует и другая версия рассказа о смерти Спитамена, передаваемая Курцием Руфом, а именно, что он погиб *от руки своей любимой жены, лично отнесшей голову* мужа в лагерь Александра.

Обобщающей характеристики Спитамена как человека, воина и политика в дошедших до нас трудах Арриана, Курция Руфа, Страбона, Диодора и других — нет. Но самое изложение его деяний, у одних сухое и отрывочное, у других красочное и более пространное, дает возможность воссоздать яркий образ народного героя, боровшегося за независимость и свободу своей страны.

Гибелью Спитамена заканчивается второй этап борьбы Согда, носивший, как мы видим, совсем иной характер, чем события 329 г. Местное оседлое население, хотя и обескровленное и разоренное, все же отказывалось от подчинения сатрапу, поставленному Александром, но в активных действиях Спитамена участия не принимало. Попытка отсидеться в своих укрепленных поселениях согдийским земледельцам не удалась: карательные отряды Александра еще раз вдоль и поперек прошли по Согду, отмечая свой путь пожарищами и потоками крови.

У Диодора этот второй период охарактеризован так: «Он (Александр) наказывает бактрийцев и вторично подчиняет согдийцев, и строит в нужных местах города, чтобы держать восставших в повиновении». В 328 г. одной из основных мер Александра в борьбе с непокоренными согдийцами и бактрийцами явилось, видимо, уничтожение укрепленных мест, в которых пыталось спастись от него местное население, а также постройка новых городов в стратегически наиболее подходящих местах. Их он заселял непригодными для дальнейшего участия в войне греками и македонянами, а также местными жителями, которые выражали свою покорность завоевателю.

В оставленном завещании Александр предписывал основывать в Азии города и производить массовые переселения из *Азии в Европу и из Европы в Азию, чтобы переплавить* население в единую массу; созданием новых городов Александр, помимо военных, преследовал и цели увековечения своих завоеваний в странах Азии.

5. ЗАХВАТ АЛЕКСАНДРОМ СОГДИЙСКИХ ЗАМКОВ

Третий этап борьбы согдийцев с армией Александра носит уже иной характер: широкие круги земледельческого населения в массе своей активно не выступают: о выступлении кочевников против македонян после смерти Спитамена сведений не имеется, но известно, что противодействие Александру не было ликвидировано.

328 г. знаменателен тем, что он явился переломным в отношении Александра к народам Азии: Александр начинает вводить некоторые местные обычаи при своем дворе, включает «варваров» в армию, приближает их к себе и ко двору и в какой-то мере сам усваивает местные восточные нравы. Плутарх отмечает, что он все более старался приблизиться к образу жизни местного населения, а также познакомить согдийцев с обычаями македонян, так как полагал, что дружественное общение с высшими кругами покоренных народов будет способствовать сохранению власти над ними.

Политика сближения с «варварами», появление их при дворе Александра и введение некоторых «варварских» обычаев вызвали недовольство свиты царя и главарей войска, опасавшихся потери своего влияния. В результате открытого протеста против этой политики погиб один из лучших полководцев Клит, он был убит царем во время ночной пирушки. Против обычая земного поклона царю выразил протест и Каллисфен, придворный историк, обвиненный в участии в заговоре против Александра. Его казнили. Те же причины, несомненно, вызвали заговор знатных македонских юношей, в причастности к которому обвиняли Каллисфена. Заговор был раскрыт, а участники его побиты камнями.

Часть местной знати, стремясь сохранить свои владения, стала переходить на сторону Александра, другая часть оставалась враждебной ему.

Против особо сильных и влиятельных представителей оппозиции, против владетелей, засевших в своих неприступных горных твердынях с родичами, войском, общей численностью иногда до 15 тысяч человек,— и была направлена в третий период военная активность Александра.

Диодор охарактеризовал этот период как «третье восстание согдийцев и пленение тех, кто бежал в горный замок».

Зиму 328—327 гг. Александр провел в Наутаке, а весною «подступил к «согдийской скале», куда, по полученному известию, бежало много жителей Согдианы». Скалою (греческое «петра») античные историки называли крепости и замки на вершинах гор, защищенные самой природой. На этой «скале

согдийской» спасались жена и дети Оксиарта со времени вступления в Согд Александра, то есть с 329 г.

В письменных источниках (Арриан, Курций и Страбон) упоминаются четыре «скалы»: согдийская, Сизимитра, Аримаза и Хориена, но при анализе текстов и сопоставлении описаний и деталей выясняется, что речь идет всего лишь о двух крепостях. Первая крепость — «согдийская скала», расположенная где-то близ Наутаки на крутом утесе (вероятно, в горах Гиссарского хребта), которую глубокий снег делал еще более неприступной, была взята Александром в короткий срок. Раздраженный насмешливым предложением осажденных поискать крылатых воинов, которые заняли бы для него скалу, Александр за ночь отправил на вершину возвышавшейся над крепостью горы триста солдат, привыкших к горным кручам своей родины. С помощью гвоздей, употреблявшихся обычно для крепления палаток, которые в данном случае втыкались в снег, и привязанных к ним льняных веревок 300 человек, подсаживая друг друга (погибло при этом 30 человек), поднялись к утру на гору. Таким образом, чтобы занять этот очаг упорного сопротивления, Александру пришлось пустить в ход все средства, вплоть до военной хитрости.

В замке находилась жена Оксиарта с детьми и среди них красавица Роксана (греческая передача местного имени «Рохшанак», то есть сияющая, светлая). Воины Александра говорили, что она после супруги Дария показалась им «самой красивой женщиной в Азии». Арриан рассказывает далее, что Александр при первом же взгляде полюбил ее и, хотя она была его пленницей, счел достойной того, чтобы жениться на ней — поступок, за который Арриан хвалит, а Курций порицает Александра. Независимо от того, что перевесило — романтика или дипломатия, взятие крепости и последовавший затем брак Александра с Роксаной привели к тому, что самый сильный из еще уцелевших врагов Александра, отец Роксаны, Оксиарт, пользовавшийся в Согде, по-видимому, большим авторитетом и влиянием, «ободрился», как сообщает Арриан, «явился к Александру и был у него в почете».

Вторая крепость — «скала Хориена» — в Паретаке (горная местность, поросшая лесом; расположение ее точно установить пока не удается) была на горе с крутыми склонами; вверх вела, видимо, искусно замаскированная узкая тропинка. Со скалы низвергался быстрый горный поток; крепость была окружена глубоким рвом. Здесь скрывалось от Александра «немалое число князей» (эпархов), среди них Хориен, по имени которого названа была «скала». Неожиданно для осажденных македоняне в короткий срок перекрыли ров на-

стилом из срубленных «сосен» (арча), скрепленных гвоздями. Это мероприятие привело Хориена к сдаче, причем его якобы побудил к этому перешедший на сторону Александра Оксиарт. Александр милостиво принял Хориена и оставил в его ведении крепость; «он пользовался уважением Александра тем более,— говорит Арриан,— что передал ему свою крепость не по принуждению, а по доброй воле».

Поставив царем Согда некоего Оропия (может быть одного из представителей перешедшей на его сторону согдийской знати), Александр закончил покорение Средней Азии, и перейдя обратно через Амударью, тем же летом 327 г. перевалил через Гиндукуш и начал свой знаменитый индийский поход.

Трехлетнее сопротивление Согда, сопровождавшееся жестокой расправой над мирным населением и разрушением плодородных оазисов, неоднократные восстания населения и деятельность талантливого предводителя и горячего патриота Спитамена не дали положительных результатов потому, что все эти действия носили разрозненный, местный характер: в одном случае активную роль играли земледельческие круги населения, в другом — кочевые орды под водительством Спитамена, в третьем — князья, сидевшие в своих горных орлиных гнездах. Порознь над каждой из этих групп Александр и одерживал свои, нелегко ему дававшиеся, победы. Но успеха в борьбе Александр добился лишь тогда, когда пошел на значительные уступки, чтобы склонить на свою сторону местную знать. «Тем из варваров.— пишет Квинт Курций Руф,— которые покорились, он (Александр) велел отдавать города и земли тех, кто упорствовал в неподчинении».

6. СОГД И БАКТРИЯ ПРИ «НАСЛЕДНИКАХ» АЛЕКСАНДРА

Греко-македонские завоевания в Средней Азии, доставшиеся такой дорогой ценой, оказались очень непрочными. Изолированные поселения иноземцев-поработителей оставались крошечными островками, которые были окружены поселками местных жителей, помнивших жестокость Александра. Видимо, сказывалось и соперничество с местной знатью, положение которой с уходом Александра в Индию должно было упрочиться.

Диодор и Курций Руф сообщают, что смерть Александра Македонского вызвала на территории Согда немедленную реакцию. Повторились события 325 г., когда разнесся ложный слух о смерти Александра в Индии и три тысячи греко-македонских повстанцев сумели привлечь на свою сторону местное население, захватить город Бактры и, выбрав из своей

среды царя (некоего Афинодора), попытались вернуться в Грецию. Движение было подавлено после того, как с донесением об этом событии к Александру в Индию явился его тесть, согдиец Оксиарт.

В 323 г., когда до Средней Азии дошла весть о действительной смерти Александра, греческие поселенцы в Согде и Бактрии опять собрали отряд, но уже из 20 тысяч пехотинцев и трех тысяч всадников, намеревавшихся вернуться на родину. Их уход ставил под удар самое существование греко-македонской власти в Средней Азии. Наперерез повстанцам был послан полководец Пердикки, сподвижник Александра, с отборным войском. Ему удалось разоружить, а затем перебить беглецов, а их имущество поделить между своими воинами. Показательно, что за этими событиями последовало смещение сатрапа Согда, одного из местных вельмож, видимо, сочувственно относившегося к уходу греков. Его сменил македонянин по имени Филипп, совмещавший некоторое время управление двумя сатрапиями — Согдом и Бактрией.

Эти события, а также все возрастающие противоречия (ослабевшие в последние годы жизни Александра) между греками и македонянами, с одной стороны, и местной знатью,— с другой, побудили полководцев Александра ввести некоторые изменения в формы управления страной. После 315 г. все назначенные Александром сатрапы из местной знати были заменены греками и македонянами. Исключение было сделано только для согдийца Оксиарта и иранца Атропата, тестя Пердикки. Такой же отказ от политики сближения с местной знатью наблюдается и в действиях Птолемея в Египте, где туземная аристократия, возглавлявшая при Александре местное управление, за единичными исключениями была отстранена и заменена греками и македонянами.

В 312 г. одному из талантливейших полководцев Александра Селевку досталась Вавилония, он сумел вскоре расширить границы своих владений до Сырдарьи и Инда, положив начало селевкидской державе, просуществовавшей с 312 г. по 64 г. до н. э. и непосредственно связанной с народами Средней Азии до 250 г. до н. э. Сын Селевка Антиох I Сотер владел уже большей частью азиатских территорий Александра, за исключением Индии и Малой Азии.

Расширение государственных границ на востоке и на западе, перенесение столицы из Вавилона в Антиохию на Оронте (в Сирии) и отдаление ее таким образом от территории Средней Азии, недавние восстания греческих гарнизонов в Бактрии и Согде — все это заставило Селевка искать пути упрочения

власти для сохранения своих владений. Мерами к этому явилось, с одной стороны назначение сатрапов и других видных должностных лиц из греков и македонян (занимавших привилегированное положение) и, с другой — такое распределение народов по сатрапиям, при котором в одну административную и податную единицу соединялись различные в географическом и этническом отношении области.

При Селевке и его сыне Антиохе I на территории Средней Азии имелась только одна сатрапия; в состав ее входили Согдиана и Бактриана с Маргианой (их греческие наименования). Хорезм не был подчинен Диадохам и Селевкидам, так как еще при последних Ахеменидах при Александре он представлял собой, независимое государство.

Селевк I и сын его Антиох I, которому отец при перенесении своей столицы на запад передал в 293 г. до н. э. «верхние» сатрапии, в том числе и Согд с Бактрией, уделяли странам Средней Азии много внимания. Стремясь обеспечить сохранность северо-восточных областей, они основывали укрепленные колонии и заселяли их преимущественно греками, называя города своими именами (Селевкия, Антиохия и др.). Историческая традиция приписывает Селевку основание 75 новых городов. Эти города были прежде всего пограничными крепостями; их заселяли греческими колонистами из боязни перед восстаниями населения оазисов и вторжением саков, живших по соседству.

К числу самых отдаленных новых городов, основанных селевкидами, относится город «Антиохия за Яксартом», построенный по сообщению Плиния (I в. н. э.), полководцем Демодамом Милетским. Где находился этот город, мы точно не знаем, но есть предположение, что он располагался в области современного Ташкента или в Ферганской долине.

На средневековой географической карте (карта Пейтингера), основанной на карте I в. до н. э. (карта Агриппы), северо-восточная дорога из Рага в Мидию (современный Рей) заканчивается на востоке двумя станциями — Александрией и Антиохией. Возле Александрии показаны два алтаря и имеется пометка: «Место, до которого доходил Александр» (вероятно, Александрия Эсхата около Ленинабада). Плиний поясняет, что алтари эти были посвящены Аполлону Дидимейскому, покровителю рода Селевкидов; соорудил их, видимо, Демодам во время своего пребывания с войском за Сырдарьей, на территории Чача (или Ферганы). Вторая станция Антиохия — это, вероятно, «Антиохия за Яксартом».

Об Антиохии, построенной в Маргиане, сохранились некоторые данные у Страбона. Она была основана на месте горо-

да, построенного Александром и разрушенного кочевниками. Для защиты Мервского оазиса от кочевников, Антиох, «изумленный его плодородием», приказал соорудить стену в 1500 стадий, т. е. более 235 *км* в окружности. Ее остатки были исследованы археологами. Развалины самой Антиохии находятся около города Байрам-Али в Туркменистане.

Постройка крепостей и оборонительных стен и другие меры, принимавшиеся Селевкидами для сохранения своих владений в Средней Азии, были вызваны все усиливающимся напором саков, дахов, согдийцев, бактрийцев и др. Военные и политические события на западе селевкидского государства часто отвлекали внимание и силы правителей, ослабляя позиции на востоке в среднеазиатских владениях. По-видимому, на протяжении первой половины III в. до н. э. бывали моменты, когда селевкидское господство в Средней Азии оставалось номинальным.

О внутренней жизни народов Средней Азии под властью Селевкидов, так же как об их культуре, мы знаем мало. Согдийцы и бактрийцы оставались верны своим древним религиозным культам.

Александр усвоил от персидских царей обычай вести счет событиям по годам правления; на этой основе возникло новое летоисчисление — эра Селевкидов, начинавшаяся с года завоевания Вавилонии Селевком (1 окт. 312 г. до н. э.).

До 60-х годов III в. до н. э. в Бактрах существовал селевкидский монетный двор, выпускавший золотую и серебряную монету, преимущественно крупных номиналов. Однако, как и в период вхождения Средней Азии в состав ахеменидского государства, Бактрия, Согд и другие среднеазиатские области жили своей экономической жизнью, значительно отличавшейся от жизни западных областей царства Селевкидов. Несмотря на разрушения, вызванные набегами завоевателей, в Средней Азии продолжался естественный процесс экономического развития: расширялась ирригационная сеть, увеличивалось число городов и поселений в земледельческих оазисах, возрастал удельный вес ремесла, рассчитанного на выпуск товаров для широкого обмена. Однако развитие товарных отношений еще не достигло того уровня, когда возникают условия денежного обращения и потребность в нем. Во всяком случае находки монет, относящихся ко времени до второй половины III в. до н. э., к северу от Амударьи по существу не известны. Социально-экономические отношения в Бактрии, Согде, Хорезме и других среднеазиатских областях этого времени, видимо, определялись дальнейшим развитием общины (значение которой часто недооценивается) в сочета-

нии с углублением рабовладельческих отношений, как уклада, и усилением государственной власти — опоры родовой и военной аристократии в условиях роста классовых противоречий. По-прежнему важную роль должно было играть и исторически сложившееся равновесие в экономическом взаимодействии кочевого и оседлого населения.

Поход Александра в Бактрию и Согдиану и его кровавая расправа со свободолюбивыми народами этих стран, покоренными лишь после тяжелой трехлетней кампании, до и то в основном в результате предательства местной знати, явились катастрофой для бактрийского и согдийского населения. Ахеменидское иго сменилось гораздо более тяжелым игом греко-македонских завоевателей. Потребовалось около полутораста лет, а для Бактрии — свыше ста восьмидесяти лет, чтобы народы областей Средней Азии, вошедших в Македонскую империю, свергли ненавистных завоевателей.

Буржуазная историография переоценивает культурное значение завоеваний Александра. Нет спора, Греция в IV в. в культурном отношении стояла выше среднеазиатских областей, однако «распространение культуры» путем истребления десятков и даже сотен тысяч людей никак не может быть признано прогрессивным явлением. Не надо при этом забывать, что в окружении Александра Македонского ведущую роль играли македонцы, только в ничтожной мере приобщившиеся к греческой цивилизации.

Полтораста лет господства греко-македонской военщины в Бактрии и Согде незначительно способствовали обогащению культуры местного населения. Характерно, что от этого периода до нас дошло ничтожно малое количество памятников, позволяющих говорить о сколько-нибудь широком распространении греческого влияния в Средней Азии. Лишь позднее, когда греко-македонское иго было свергнуто и открылась возможность свободного культурного обмена между эллинским миром и Востоком, в памятниках материальной культуры становятся заметными признаки творческого освоения народами Средней Азии греческой культуры.

Время господства греко-македонских завоевателей — это слабо освещенный период истории Средней Азии (если не считать историю походов Александра). Бесспорным является факт отказа Селевкидов от политики компромисса между местной и греко-македонской аристократией и постепенный переход среднеазиатских народов в наступление против завоевателей. Благодаря этому к середине III в. до н. э. от царства Селевкидов — эллинистической империи Азии — отпали «верхние сатрапии» — сперва Парфия, а затем Бактрия.

ГЛАВА III

ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО

Из письменных источников известна только внешняя сторона событий, которые привели к отложению среднеазиатских владений Селевкидов. В середине III в. до н. э., в разгар борьбы сыновей Антиоха II — будущего Селевка II и его брата Антиоха-Хиеракса, — оспаривавших друг у друга власть, наместник Бактрии Диодот провозгласил себя царем. При этом восстали кочевые племена дахов, передвигавшиеся с севера и обосновавшиеся в Бактрии и Парфии. По словам Юстина, «от Македонии отделились народы всего Востока». Попытки Селевкидов вернуть себе отпавшие области сопровождались лишь временными успехами. Утратив восточные владения, во II в. до н. э. Селевкиды из наследников восточных завоеваний Александра превратились в одну из восточно-эллинистических династий, господство которой ограничивалось Сирией. В 64 г. до н. э. мощные удары Рима привели к окончательному падению селевкидской державы.

Ослабление мощи селевкидского царства, наметившееся в первой половине III в. до н. э., было результатом взаимодействия многих факторов. Лучше освещены в источниках события на западе государства Селевкидов: неудачные войны с Египтом, отпадение ряда городов на финикийском и малоазиатском побережьях и др. Как причину упадка обычно отмечают и отсутствие объединяющей силы, которая могла бы сплотить разные народы, входившие в состав государства.

Но нельзя недооценивать и ту роль, которую сыграли на-

роды Средней Азии в ослаблении государства Селевкидов. Нападения кочевников на оазисы (например на Мургаб) являлись по существу партизанской формой борьбы, начатой населением среднеазиатских степей против иноземных поработителей — греков и македонян. Менее ясна (прежде всего из-за отсутствия сведений в письменных источниках) роль в этой борьбе оседлого населения Средней Азии, но вряд ли без его участия и поддержки оказалось бы возможным создание мощных и независимых рабовладельческих государств — Греко-бактрийского и Парфянского царств.

Скудные и отрывочные письменные сведения об этом периоде истории Средней Азии позволяют воссоздать лишь примерную канву важнейших событий. Наиболее важны извлечения из сочинений Аполлодора (II в. до н. э.), приводимые Страбоном (начало I в. н. э.), и извлечения из труда Трога Помпея (I в. до н. э.), сохранившиеся у Юстина (II в. н. э.). Некоторые события нашли отражение у Полибия (II в. до н. э.) и в биографиях Красса и Антония («Жизнеописания» Плутарха, I в. н. э.). Ценные данные о внутренней жизни этого периода могли бы быть почерпнуты из написанного на санскритском языке сочинения «Милиндапаньха», главное действующее лицо которого отождествляют с греко-индийским царем Менандром (II в. до н. э.). Не исключено однако, что «Милиндапаньха» — сочинение кушанского периода, а Менандр фигурирует в нем не как историческое лицо, а как собирательный легендарный персонаж. Сохранились сведения и китайских источников: отчет Чжан Цяня о посещении им Бактрии-Дахя и Ферганы, включенный в «Исторические записки» Сы Ма-цяня (II—I вв. до н. э.), и «История старшей династии Хань» Бань Гу (I в. до н. э.).

Важным дополнением к данным письменных источников являются археологические и нумизматические материалы. Монеты греко-бактрийских царей значительно расширяют наши знания о политической, экономической и культурной жизни периода, так как содержат большое число имен правителей, не упоминаемых письменными источниками, многочисленные изображения божеств, образцы письма. С точки зрения медальерного искусства монеты Греко-бактрийского царства — одна из наиболее интересных страниц в истории художественной культуры этой эпохи. Широкое использование нумизматических данных как исторического источника невозможно без преодоления целого ряда серьезных препятствий. Опыт таких исследований, как труд английского историка В. Тарна «Греки в Бактрии и Индии», показывает, что самые остроумные догадки и соблазнительные исторические

концепции-гипотезы, если они основаны на случайных и тенденциозно подобранных нумизматических фактах, не выдерживают проверки новыми материалами и рушатся. Использованию греко-бактрийских монет в качестве исторического источника должен предшествовать их тщательный историографический анализ.

1. ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Существует несколько точек зрения на характер отпадения Бактрийской эпархии, включавшей в себя при Селевкидах и Согдиану, и Маргиану, а, может быть, и часть Ферганы и Чача. По одной версии, это было открытое восстание, сопровождавшееся боевыми столкновениями, по другой — отпадение носило более мирный характер и не вызвало немедленной реакции со стороны ослабленных к этому времени Селевкидов. Диодот, во всяком случае, соблюдал на первых порах видимость подчинения, и, помещая на выпускавшихся им монетах свой портрет, сохранял на них имя Антиоха.

Сведения источников противоречивы и не позволяют установить точную дату образования независимого Греко-бактрийского царства. По-видимому, к 250 г. до н. э. отпадение Бактрии от Селевкидов завершилось, и Диодот начинает выпускать монеты, на которых открыто именует себя царем.

Более подробно Страбон и Юстин сообщают об отпадении Парфии. По словам Страбона, «Аршак, родом скиф, вождь одного из народов даха, называвшихся парнами и кочевавших по берегам Оха (Теджена), вторгся в Парфию и подчинил ее себе». Дахи, один из древнейших народов Средней Азии, возможно, ранее входили в сако-массагетскую конфедерацию племен, кочуя в степях к востоку от Каспия и в других областях Средней Азии. По другой версии, приводимой Страбоном, Аршака некоторые считали бактрийцем, который «желая избежать возраставшего могущества Диодота, побудил Парфию отложиться». По Арриану, против сатрапа Парфии восстали два брата — парфяне Аршак и Тиридат, в связи с насилием, учиненным над одним из них. Какие бы мотивы ни приписывались античными историками происшедшему далеко на Востоке событию, весь его ход свидетельствует о начале великого освободительного движения народов Средней Азии.

Когда сатрап Андрагор в Парфии был низложен восставшими, Селевк II *двинул против них большое войско, но не* смог остановить восставших. В отделившейся Парфии образовалась мощная держава, объединившая значительную

часть селевкидских владений и неоднократно наносившая впоследствии тяжелые удары даже Риму, против которого не сумели устоять Селевкиды.

Восстания в Парфии и Бактрии различались по своему характеру. Первое возглавил представитель местной военной аристократии, а второе — греческий наместник, выступивший против центральной власти. Возможно, широкие слои населения Бактрии и Согда поддерживали его, так как надеялись освободиться таким образом от тягот, налагавшихся на них сидевшими в далекой Сирии и ничем с Бактрией не связанными Селевкидами. Однако, если судить по кратким упоминаниям в источниках, соотношение и расстановка сил в Бактрии оказались довольно сложными. Можно предполагать, что и греко-македонская верхушка и тем более местная знать не представляли единства в политическом отношении и образовывали группировки, о существовании и борьбе которых до нас дошли лишь слабые отголоски. Так, уже отделившийся от Селевкидов Диодот собирался выступить с войском против Аршака, в поддержку карательной экспедиции Селевка II, но внезапная смерть основателя Греко-бактрийского царства помешала осуществлению этого похода и привела к существенным политическим перестановкам. К власти пришел сын Диодота Диодот II, который не только не выступил в поддержку Селевкидов, но и поспешил заключить союз с Аршаком-Тиридатом.

После Диодота II власть в Греко-Бактрии перешла к Евтидему — греку, родом из малоазиатского города Магнесии — положившему начало династии Евтидемидов и, видимо, принадлежавшего к другой группировке проселевкидской ориентации, что не помешало ему, впрочем, оказать серьезное сопротивление Антиоху III. События происходили следующим образом.

Антиох III предпринял попытку вернуть себе «верхние» (среднеазиатские) сатрапии и выступил против Бактрии, где у власти находился Евтидем. В низовьях р. Ох (Теджен), на территории Маргианы, ему удалось в 208 г. до н. э. разбить конницу Евтидема, а затем осадить город Зариаспу. Эта «историческая осада», как ее называет Полибий, продолжалась два года. Упорство Антиоха III было сломлено угрозой Евтидема призвать на помощь кочевников, появление которых «погрузит страну в варварство». В ходе переговоров Евтидем старался показать, что отпадение Бактрии — не его вина и, более того, в качестве своей заслуги перед Селевкидами называл истребление «рода мятежников» (т. е. видимо, Диодота). Весьма вероятно, что проселевкидские настроения части

греко-македонской верхушки объясняются страхом, который внушало им возможное выступление местного населения против иноземцев. Евтидем боялся среднеазиатских кочевников не меньше, чем Антиох III, но его проселевкидские настроения не были настолько сильны, чтобы признать над собой власть Антиоха III. Прав был Трог Помпей, подчеркивая, что скифские (сакские) племена Средней Азии сами создали Бактрийское (Греко-бактрийское) царство. Бактрийская оппозиция македонян при отделении от Селевкидов опиралась на коренные свободолюбивые силы Бактрии. Оторвавшейся от эллинистического мира кучке македонян невозможно было бы иначе удержаться у власти.

По нумизматическим материалам мы знаем еще о нескольких греко-бактрийских царях конца III — начала II в. до н. э., которые совершенно не упоминаются в письменных источниках, но, видимо, были современниками Евтидема или его сына Деметрия. Общая картина политической жизни Средней Азии этого времени очень сложна. Антимах, носивший на монетах титул царя с пышным эпитетом «Теос» (бог), видимо, вышел из-под власти правителя Бактрии (вероятно, Деметрия). Находка его монет в долине Зарафшана породила предположение о том, что Антимах был греко-согдийским царем. Во второй четверти II в. до н. э. в борьбу с Деметрием вступает новый претендент на бактрийский трон — царь Евкратид, о начале политической карьеры которого мы ничего не знаем. Английский историк В. Тарн без достаточных оснований объявил его одним из полководцев Антиоха III, но более вероятно, что Евкратид был представителем греко-македонской знати в Средней Азии.

Сложная политическая борьба иноземцев за власть над Бактрией, Согдом, Маргианой и другими областями, в которой одерживала верх то одна, то другая группировка, была бы невозможна без участия местного кочевого и оседлого населения. По кратким и отрывочным сообщениям Юстина и других авторов очень трудно представить все подробности этой борьбы. Еще более сложной оказывается задача воссоздания границ между владениями соперничавших правителей, так как эти границы часто насильственно перекраивались. Неоднократно предпринимавшиеся попытки расшифровать монограммы на греко-бактрийских монетах, сокращенные обозначения городов, в которых осуществлялась их чеканка, оказались безрезультатными. Остается надеяться, что ответить на этот вопрос поможет дальнейшее накопление сведений о местах находок монет разных правителей.

С начала II в. до н. э. происходит расширение Греко-бактрийского царства на юг. И Деметрий, и Евкратид совершают походы в Индию, расширяя границы своих владений. В первой четверти II в. до н. э. в состав Бактрийского царства были включены Ария и Арахосия (Гератская и Кандагарская области современного Афганистана), Дрангиана (область у оз. Хамун в восточном Иране), Паропамисады (южные склоны Гиндукуша), а также Северо-Западная Индия, включая Синд. По данным Страбона, бактрийцы расширили свои границы до стран серов (китайцев) и фаунов (хуннов). Эти слова Страбона некоторые исследователи рассматривают как указание на то, что греко-бактрийские цари налаживали политические и экономические связи с городами Восточного Туркестана, где сталкивались в то время интересы китайцев и хуннов.

Со второй половины II в. до н. э. греко-македонская верхушка в Средней Азии постепенно вытесняется на юг. Важную роль в этом процессе сыграли кочевые среднеазиатские племена, надвигавшиеся с севера. На это же время приходится выступление против Бактрии парфянского царя Митридата I, отторгнувшего Маргиану и другие области. Ощутимой потерей стало и отпадение от Бактрии Согда, происшедшее довольно рано. По словам Трога Помпея, «бактрийцы, ведя непрерывно то одну, то другую войну, потеряли не только царство, но и свободу; измученные войнами с согдийцами, арахосцами, дрангианцами, ареями и индами, они, в конце концов, как бы обескровленные, были покорены более слабыми парфянами». Вряд ли в этих скупых словах отразились все стороны распрей между разными представителями иноземной правящей верхушки, и, тем более, выступления замученного войнами и поборами местного населения против их власти.

К началу последней четверти II в. до н. э. вся территория к северу от Амударьи уже была освобождена от греческих правителей. Около 100 г. до н. э. происходит их вытеснение из южных районов Бактрии. Изгнанные из Средней Азии, греко-бактрийские владетели продолжают господствовать в Кабулистане, Южном Афганистане и в северо-западных областях Индии.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Территория входивших в состав Греко-бактрийского царства Бактрии, Согдианы, Маргианы, а, может быть, и Ферганы, состояла, как и в наше время, из пустынных степей и

плодородных оазисов. Курций Руф, говоря о Бактрии, отмечал разнообразие ее природы: «В одних местах она производит различные деревья и виноградные лозы с крупными сочными плодами; жирную землю орошают многие источники; плодородные земли засеваются пшеницей, другие предоставляются в качестве пастбища стадам. Но большую часть этой земли составляют безлюдные пески; вследствие своей безводности, унылые области не заселены человеком и не приносят плодов».

Плодородие зависело от искусственного орошения, от системы арыков. Древние следы их видны во многих районах. Несмотря на пустынность и засушливость многих районов, древняя Бактрия, так же как Согд и Мерв, славилась своим плодородием. По словам Феофраста (начало III в. до н. э.), в Бактрии делались попытки сеять пшеницу и в безводных районах, причем произрастание ее на сухой почве зависело «от росы», и местами зерна достигали якобы величины косточки маслины (?!). Китайские источники сообщают нам о выращивании риса, пшеницы, винограда и люцерны на территории Ферганы, что должно в равной мере относиться к Согду и к Бактрии. В тех же источниках говорится, что в Фергане и в «соседних странах» (т. е. в Согде и Бактрии) население употребляло вино («Они любят свое вино, как кони их любят люцерну»), причем богатые выдерживали вино в погребах до десяти лет. Греческие источники сообщают о виноградарстве и виноделии в Маргиане.

Есть основание полагать, что коневодство было распространено и имело большое значение в Согде, Фергане и в Бактрии. Об этом можно судить хотя бы по тому, что слово конь (асп) входит в состав имен героев Авесты (Виштаспа, Аурватаспа); часто встречается конь и в изображениях на памятниках искусства.

Население занималось добычей полезных ископаемых в Фергане, Кызылкумах, в горах, прилегающих к верхнему течению Амударьи.

История сохранила за Бактрией славу «страны 1000 городов (Страбон и Юстин), в число которых включались, видимо, города не только самой Бактрии, но и входивших в ее состав Согда, Маргианы, может быть Ферганы и Северной Индии, а также различного рода поселения — древние города типа Бактры и Мараканды, крепости и военные колонии, основанные Александром и его преемниками и самими греко-бактрийскими царями. Основную массу составляли, должно быть, укрепленные поселения того типа, с которым Александр встретился и в Согде, и на Сырдарье. Многочисленные раз-

валины таких поселений были выявлены исследованиями С. П. Толстова в Хорезме.

Страбон и Птолемей приводят перечень основных городов на территории Бактрии. Страбон, кроме Бактры-Зариаспы (отождествляется с городищем древнего Балха), называет еще Драпсаку (другие варианты — Дарапса, Адраспа; возможно, городище Ай-Ханум близ Кундуза), Страбон и Птолемей упоминают на территории Бактрии также город Евкратидею (не локализован). На территории Согда продолжала существовать Мараканда — древний Самарканд, а в правобережной Бактрии большую роль, очевидно, играл город Термез. Продолжали, видимо, существовать «Александрия Эсхата» (в районе Ходжента — Ленинабада), «Александрия на Оксе», упоминается у Птолемея, и «Антиохия за Яксартом».

Трудно себе представить колонизационную деятельность и основание большого количества новых городов без одновременной прокладки новых дорог, соединяющих эти города с другими поселениями, а также без поддержки старых путей, в особенности караванных.

Относительно Согда (или Согдианы) и Бактрии таких прямых указаний в письменных источниках нет, но о Фергане в китайских летописях сказано, что она была соединена с Согдом почтовыми дорогами, которые были проложены либо еще при Ахеменидах, когда создавались знаменитая «царская дорога» и, очевидно, дороги, соединяющие Иран с восточными сатрапиями, либо при Селевкидах или в период Греко-бактрийского царства. Первое предположение кажется более вероятным, так как вопрос о вхождении Ферганы в состав Греко-бактрийского царства пока остается под сомнением. В этот период продолжалось развитие торговых сношений Согда и Бактрии с Ираном, Индией и Китаем (еще до установления великого «шелкового пути»).

Путь в Восточный Туркестан шел вверх по долине Вахша, через Каратегин и Алайскую долину на Кашгар. Пути на запад шли в двух направлениях: один, караванный, через Парфию на Экбатану и оттуда в Сирию, другой, описанный у Страбона — вниз по Амударье, по которой перевозилось большое количество индийских товаров. Товары эти из долины Кабула доставлялись в Бактру и к Амударье за семь дней, говорит Плиний, ссылаясь на Варрона (I в. до н. э.). «Золотой путь» в Сибирь шел, вероятно, мимо Иссык-Куля. Из Индии в Среднюю Азию вывозили пряности, благовония и ткани в обмен на товары среднеазиатского происхождения, из Восточного Туркестана — шелк, никель и меха.

О важных переменах в экономической жизни Средней Азии свидетельствуют нумизматические материалы. Только после сложения таких мощных независимых среднеазиатских государств как Греко-бактрийское и Парфянское царства начинается развитие товарно-денежных отношений. Чеканка монеты была предпринята в первую очередь для удовлетворения нужд греко-македонской правящей верхушки, но осуществлялась по аттической весовой системе с широким привлечением западных мастеров и содержала лишь греческие надписи и изображения божеств. Именно к греко-бактрийскому периоду относятся первые шаги среднеазиатского денежного обращения, ранний этап его развития. Об этом свидетельствуют находки греко-бактрийских монет, зарегистрированные на территории Узбекистана и сопредельных

Монета Евтидема.

областей. Особенно часто монеты встречаются на территории древнего Согда — в Шахрисабзе, близ Китаба, в Бухарском оазисе и по всей Зарафшанской долине, а также к югу от Гиссарского хребта — в долинах Амударьи и ее притоков. В Хорезме находки греко-бактрийских монет остаются единичными, в Фергане и Чаче они пока не известны, если не считать более поздних подражаний (I в. до н. э.) монетам Гелиокла.

Большинство монет второй половины III в. до н э.. (Диодот, Евтидем) чеканилось из серебра (преимущественно тетрадрахмы). Очень редки золотые греко-бактрийские монеты Диодота и Евтидема (не более тридцати в коллекциях всего мира). При этих царях не получила широкого распростране-

ния и чеканка мелкой серебряной и особенно медной монеты. Такой состав монетных выпусков — свидетельство ограниченности денежного обращения. Положение существенно изменилось в первой половине II в. до н. э., когда наряду с монетами крупных номиналов увеличился выпуск мелких серебряных монет (оболы Деметрия, Антимаха, Евкратида и др.) и монет из меди, рассчитанных на самые широкие сферы обращения. Постепенное проникновение товарно-денежных отношений в среднеазиатскую экономику явилось результатом естественного развития хозяйства и производственных отношений. Его не смогли приостановить ни длительные междоусобицы многочисленных правителей, неизбежно сопровождавшиеся поборами с населения и нарушениями нормальной хозяйственной жизни, ни нахлынувшие с севера кочевники, находившиеся на иной стадии экономического развития. Произошло только некоторое замедление темпов развития товарно-денежных отношений. С приходом юечжей-тохаров и других кочевых народов в Средней Азии стали выпускать многочисленные серии подражаний греко-бактрийским монетам — монеты, находившиеся в обращении вплоть до первых веков нашей эры.

Подробных сведений о социально-экономическом строе на протяжении всего греко-бактрийского периода источники не сохранили. В распоряжении исследователей имеются только косвенные свидетельства (в первую очередь археологические данные). По-видимому, классовое расслоение на рабовладельческую аристократию, свободных общинников-земледельцев и различные категории зависимых людей и рабов, принимает в это время более четкие формы, а удельный вес пережитков первобытнообщинного строя резко уменьшается. Этому способствовал продолжавшийся рост числа городов, расширение старых политических и экономических центров, *быстрое развитие и дифференциация ремесел. Вероятно*, основная масса ремесленников оставалась свободной, если не считать ремесленников из военнопленных.

Социально-экономическая жизнь греко-бактрийского периода в некоторой степени освещена в «Милиндапаньха», но уверенно опираться на этот источник мы не можем. Особенно важны те строки, где говорится о «высокородных воинах, для которых война удовольствие, и о «воинах, рожденных от рабов в знатных домах». Там уже упоминается «владыка деревни», который созывает сельчан через глашатаев; на его зов приходит только глава дома или семьи, но не являются «рабыни, рабы, слуги, землепашцы, больные, быки, буйволы, овцы,

козы и собаки, которые все в счет не идут». Это подтверждает высказывание Трога Помпея о парфянском обществе.

Несмотря на имеющиеся данные о существенном увеличении контингента рабов и рабынь у богачей-рабовладельцев, все же пока трудно судить о соотношении в Средней Азии рабовладельческого и общинного укладов, составлявших основу так называемого «азиатского способа производства». Вряд ли можно предполагать, что общины земледельческих оазисов с экстенсивным и самодовлеющим хозяйством претерпевают в этот период существенную трансформацию, хотя развитие товарных отношений и расширение сферы денежного обращения должны были сказаться и на их экономическом положении. Постепенное превращение родовых общин в территориальные — очень сложный и трудно уловимый по дошедшим до нас источникам социально-экономический процесс.

3. КУЛЬТУРА

Население Согда (Согдианы) и Бактрии и в этот период продолжало говорить на различных иранских наречиях. «От Давани до Парфии (Аньси) люди друг друга понимали» — говорится у Сы Ма-цяня. Сходство в языке жителей Бактрии, Согда, Персии и Индии отмечает и Страбон. Однако едва ли можно говорить о существовании единого языка во всех этих областях. Источники свидетельствуют только о родственном характере языков населения Средней Азии. Двор бактрийских царей пользовался греческим языком. Имеются сведения и о языке, образовавшемся из смешения греческого и одного из местных (видимо, древнесогдийского), но сведения эти относятся к IV в. до н. э. и неизвестно, получил этот язык к III—II вв. до н. э. дальнейшее развитие или исчез.

К III в. до н. э. исследователи относят древнейшие образцы среднеазиатской письменности — надписи арамейским письмом, обнаруженные при раскопках в Хорезме (городище Кой-Крылган-Кала). Видимо, широкое распространение получило и греческое письмо, употреблявшееся на монетах. К сожалению, памятники греческого письма из Средней Азии пока единичны. Со II в. до н. э. на монетах греко-бактрийских царей появляются наряду с греческой легендой надписи письмом карошти, видимо, рассчитанные на население Кабулистана и индийских владений греко-бактрийских правителей. Такие двуязычные монеты встречаются и на территории Средней Азии, но письмо карошти проникает на север от

Амударьи значительно позднее, в первых веках н. э. в связи с распространением буддизма.

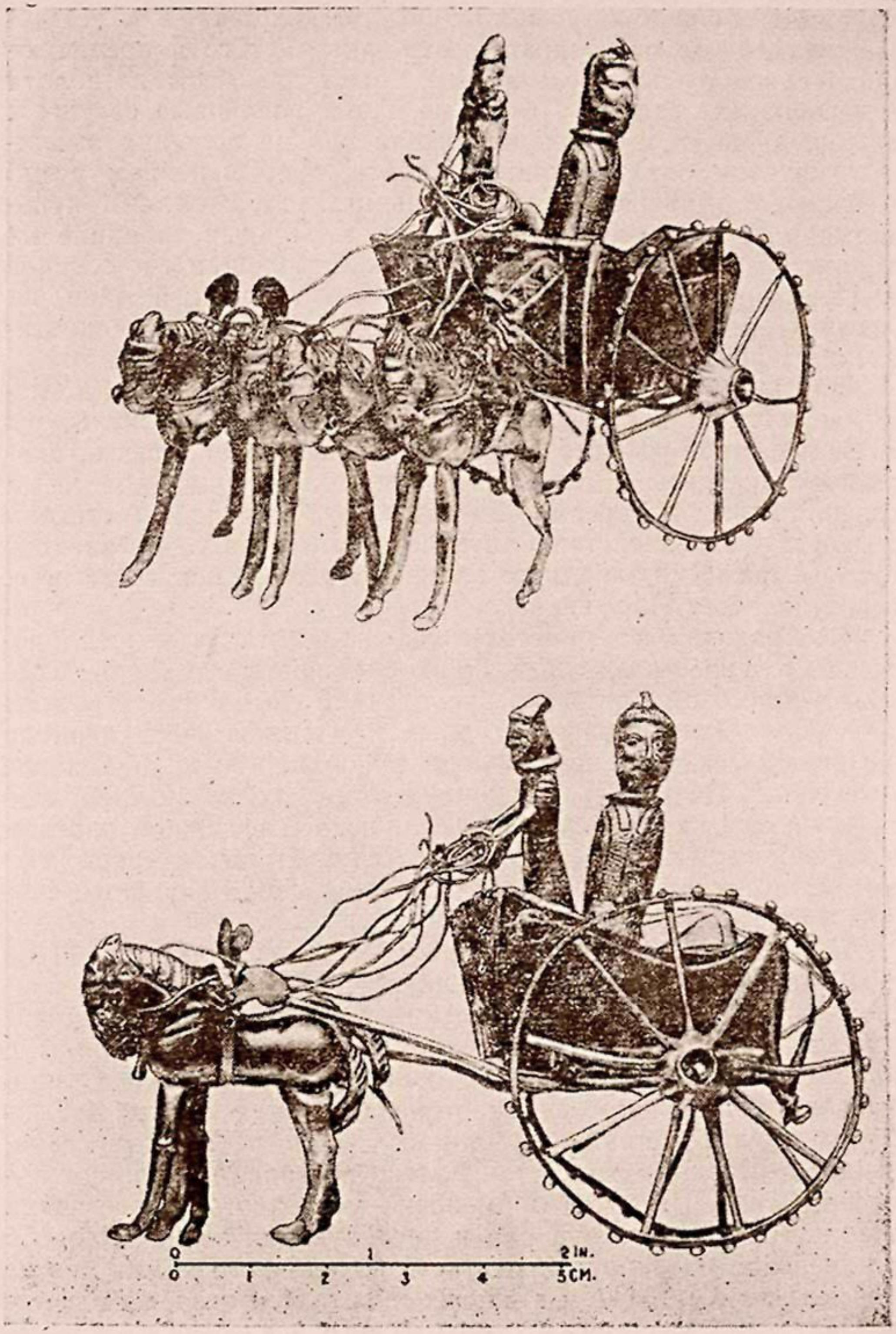
Летоисчисление в Греко-бактрийском царстве, видимо, велось по селевкидской эре, а счет месяцев — по македонскому календарю. Среди местного населения по-прежнему был в употреблении зороастрийский (младоавестийский) календарь. В этот период местные астрономы уточнили названия главных планет и, если судить по названиям созвездий, системы Зодиака. Астрономы (астрологи) при царском дворе играли большую роль, составляя гороскопы и указывая по звездам на благоприятные дни для принятия тех или иных решений; они были одновременно физиками, математиками и философами.

Исследование греческих надписей на двух греко-бактрийских (золотой и серебряной) тарелках дало возможность установить, что в Согде и Бактрии, наряду со счетом десятками, применялся и счет двадцатками.

Если судить по памятникам искусства и письменным источникам, музыка в Согде и Бактрии, как и вообще на Востоке, играла большую роль в придворном церемониале и в быту. Из музыкальных инструментов в употреблении были флейта, лютня, барабан, арфа, смычковый инструмент и труба в виде изогнутого рога.

Памятники искусства, данные, полученные при анализе текстов Авесты, а также археологические раскопки выявляют картину существования на территории Согда и Бактрии различных систем верований и культовых представлений. Среди них ведущее место занимала религия огнепоклонников. Местные культы (богиня Анахит, бог Митра и многие др.), эллинские боги (Зевс, Афина, Посейдон, Аполлон, Артемида и другие), индийские божества, воспетые в гимнах Ригведы,— все это нашло отражение в текстах и памятниках изобразительного искусства. Переплетение древних местных культов с религиозными представлениями народов смежных восточных стран и образами античной мифологии, а также самое сосуществование различных верований должно было вызвать к жизни новые религиозные образы и учения.

Важные сдвиги в развитии художественной культуры Бактрии и Согда отразились на монетах этого периода. На лицевой стороне греко-бактрийских монет чаще всего вычеканен *портрет царя, а на обороте — бог, покровитель царя*, внешний облик которого воспроизведен по широко известному в эллинистическом мире статуарному прототипу работы Лисиппа (IV в. до н. э.). Распространение лучших достижений эллинистического портретного искусства и искусства че-



Изображение боевой колесницы из Амударьинского клада.
Золото.

канки вообще должно было серьезно повлиять на развитие художественной культуры среднеазиатских народов. Из дошедших до нас памятников греко-бактрийского и последующих периодов большое значение имеют предметы из золота и серебра (культовые и бытовые чаши, различные сосуды и фалары — части конских украшений в виде больших выпуклых круглых блях) чеканной работы с применением резца и пунсонов, украшенные рельефными изображениями культовых и бытовых сцен и фигур богов. Лучшее собрание их хранится в Государственном Эрмитаже; большинство сосудов и фаларов найдено в составе кладов вне Средней Азии, на древних трассах караванных дорог, соединявших среднеазиатские территории со смежными и отдаленными странами.

Для культуры и искусства этого периода характерно смешение местной и греческой культур с элементами культуры смежных стран (Индия и Иран). Своеобразие Хорезма сказывается и здесь. Вследствие значительной удаленности на север, культура Хорезма, по-видимому, в меньшей степени подвергалась воздействию античного искусства, здесь знакомство с образцами западного эллинистического искусства шло, вероятно, через Парфию.

Изображения на монетах позволили высказать предположение о существовании в Греко-бактрийском царстве храмов и храмовой скульптуры, созданной по эллинистическим образцам. Однако архитектурные памятники этого периода археологически еще не выявлены в Средней Азии. В Таксиле (Северный Пакистан) раскопан храм греко-бактрийского времени. Этот храм типа Парфенона, но с восточной плоской крышей, вместо двускатной, и с башней, характерной для месопотамского зиккурата, представляет собой типичный гибрид в архитектуре.

Раскопки на территории правобережной Бактрии (Термез) выявили греко-бактрийский слой города, существовавшего, видимо, уже в ахеменидский период, а также ряд архитектурных фрагментов античного типа. Базы, колонны с классической профилировкой, капители коринфского типа, найденные в Южном Узбекистане (Орлиная горка, Хатын-Рабат и др.), а также в долинах Южного Таджикистана, свидетельствуют о том, что и здесь возводились здания античного типа. Широкое применение мергелистого известняка в архитектуре этого периода и последующих было связано с интенсивной разработкой местного поделочного камня (выше Термеза по Амударье и в других пунктах) и освоением среднеазиатскими мастерами каменотесного искусства.

Культура Греко-бактрийского царства нашла отражение не только в памятниках искусства и материальной культуре того времени. Ее следы отчетливо видны также в художественных произведениях всех последующих периодов истории Средней Азии вплоть до арабского нашествия, но там они уже неотделимы от местных культурных традиций, сосуществуя в органическом единстве с ними.

Греко-бактрийское царство так же, как Парфянское, сыграло положительную роль в развитии государственности и производительных сил (в рамках рабовладельчества) других государств запада, юга и востока. Следы этого влияния наблюдаются в памятниках Парфии и Тохаристана, стран Причерноморья, Индии и др.

ГЛАВА IV

КАНГХА. ФЕРГАНА. БАКТРИЯ (II в. до н. э. — I в. н. э.)

Сложные политические события, происходившие в III в. до н. э. у северо-западных границ Китая, были связаны с усилением больших групп некитайских кочевых скотоводческих племен. В результате борьбы между хуннскими, сако-усуньскими и юе-чжийскими племенами, как их называют китайские источники, прослежено несколько волн передвижения кочевников, сопровождавшихся перераспределением власти на огромных территориях и неизбежными при этом переменами политического характера.

Первая волна, сакская, слабо освещена археологическими данными и письменными источниками. Известно, однако, что сакские племена зашли далеко на юг, в Индии создали несколько небольших самостоятельных индо-сакских владений. Второй этап продвижения враждовавших с Китаем кочевых народов Центральной Азии на запад связан с юе-чжийским объединением племен и начинается в конце III, II вв. до н. э. Наконец, третьей волной было движение хуннских племен.

Все эти события непосредственно сыграли очень важную роль в историческом развитии Средней Азии от экономической жизни до сложных процессов этногенеза. Политическим выражением происшедших перемен было образование на территории Средней Азии нескольких государственных объединений, во главе которых стояла кочевая аристократия.

1. ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Сведения античных авторов о событиях, вызвавших и сопровождавших падение Греко-бактрийского царства, очень скудны и крайне запутаны. Страбон (начало I в. н. э.) сообщает, что Бактриану у эллинов отняли кочевые народы — асии, пасианы, тохары и сакараулы (сакаравака), которые пришли из страны саков, что по ту сторону Яксарта. Юстин (II в. н. э.), ссылаясь на Трога Помпея (I в. до н. э.), говорит *о тех же событиях, но называет только два «скифских племени* — сараваков (искаженное «сакаравака») и асианов (асии), но дальше упоминает и тохаров, «которые покорили Бактрию и страну согдов». Об этих же событиях, то есть о разгроме Бактрии какими-то народами, сообщается также в двух китайских источниках: в «Исторических записках» Сы Ма-цяня (II—I вв. до н. э.) и у Бань Гу (I в. до н. э.), автора «Истории первой Ханьской династии».

В III в. до н. э. большое и сильное племенное объединение, обитавшее в Восточном Туркестане и Северо-Восточном Тибете в китайских источниках названо «да юе-чжи» (большие юе-чжи). Да юе-чжи по происхождению не были связаны с народами Китая и постоянно угрожали своим соседям, в том числе Китаю. В том же столетии усиливается хуннское племенное объединение, сложившееся у северных границ древнего Китая. Хунны находились в постоянной вражде с *Большой юе-чжи, а также постоянно вторгались в пределы* Китая. Великая Китайская стена была возведена с целью преграждения пути хуннам.

Во II в. до н. э. произошло столкновение между двумя противниками Китая — хуннами и Большой юе-чжи, которое окончилось победой хуннов и вытеснением Большой юе-чжи за пределы Восточного Туркестана и Северо-Восточного Тибета.

Эти авторы сообщают нам, что юе-чжи («великие юе-чжи») под натиском хуннов ушли из Восточного Туркестана, «удалились на запад, пройдя через Фергану, напали на Бактрию и покорили это государство. Столицу основали на северной стороне Гуйшуй (Амударья)». До этого юе-чжи на западе разбили и оттеснили саков, которые ушли на юг и заняли Гибинь (долина Кабула).

Эти краткие сообщения китайских летописей дают возможность *предполагать, что юе-чжи, будучи разбиты хуннами* (в 165 г. до н. э.), двинулись на запад и, проходя по Фергане и через Сырдарью, согнали какие-то сакские племена с мест их кочевий и стоянок, заняли Согд и, напав на Бактрию,

положили конец Греко-бактрийскому царству. Возможно, что сдвинутые на юг сакские племена принимали участие в низвержении Греко-бактрийского царства, затем часть их заняла долину Кабула (Гибинь), а часть осела на территории древней Дрангианы (бассейн реки Хильменд), которая с этого времени стала называться Сакастаном (Сеистан).

Заключительное слово в решении многих вопросов, связанных с перемещениями кочевых народов Средней Азии в первых веках до н. э., видимо, будет сказано археологией. На это позволяют надеяться в первую очередь активно развернувшиеся в последние годы исследования курганных могильников на территории Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Казахстана. Исследованы сотни курганов, погребальный инвентарь которых дает серии предметов вооружения, керамики, украшений, позволяющие по-новому взглянуть на историю материальной культуры того периода, пересмотреть сложившиеся историко-культурные представления. Трудно переоценить и значение антропологических данных, полученных в результате этих раскопок. Уточненная датировка курганных комплексов и целых могильников в разных частях Средней Азии — единственный путь для решения общеисторических проблем, которые были поставлены еще в XIX в.

В ахеменидский период все племена и народности Средней Азии говорили на языках индо-европейского семейства, преимущественно на языках иранской группы этого семейства. Во II в. до н. э. на границах Средней Азии впервые в письменных источниках упоминаются хунны — большой союз племен, сложившийся в степях Центральной Азии на северо-западных границах Китая. По мнению большинства исследователей, хунны говорили на языках тюркской группы алтайского семейства, хотя не исключено, что в состав хуннского союза входили и племена, относящиеся к другим языковым группам того же семейства (монгольской, тунгусской). Хунны уже во II—I вв. до н. э. проникают в Семиречье и Присырдарьинские степи и начинают смешиваться с местными индо-европейскими — скифо-массагетскими племенами. Об этом свидетельствуют не только данные китайских хроник, но и результаты раскопок могильных памятников, указывающие на появление монголоидного антропологического типа, принесенного в Среднюю Азию пришельцами с границ Китая. Таким образом, именно II—I веками до н. э. нужно датировать начало длительного процесса проникновения на территорию Средней Азии, в частности Узбекистана, тюркоязычных центральноазиатских этнических элементов, который много

веков спустя закончился победой тюркских племенных языков, легших впоследствии в основу узбекского и других тюркских языков Средней Азии.

2. КАНГХА — КАНГЮЙ

Китайский историк Сы Ма-цянь, использовавший в своей хронике отчет китайского посла и путешественника Чжан Цяня, побывавшего в Средней Азии в последней четверти II в. до н. э., сообщает, между прочим, о кочевом государстве Кангюй, или Кандзюй, «где обычаи сходны с юе-чжи». У античных авторов о государстве Кангха не упоминается, но о нем говорится в Авесте, а также в Махабхарате (индийский эпос на санскритском языке, сложившийся во II тысячелетии до н. э. и оформленный в период между IV в. до н. э. и IV в. н. э.), где наряду с саками и тохарами упоминаются и канки.

По более поздним данным китайских хроник, Кангхе были подчинены все страны к северу от Амударьи: Бухара, Шахрисабз, район Каттакургана, Ташкентский оазис и северная часть Хорезма. В поздних пехлевийских текстах (VI—IX вв.) воспоминания об этом периоде нашли отражение в виде сообщения о крепости Кангдиз. Кангдиз, по преданию, была основана Сиявушем в области Бахар (вероятно, позднейшая Бухара), где, по данным Наршахи, находилась могила Сиявуша. Упоминается крепость Канг (Кангдиз) и в «Шах-намэ» (X в.), где приводится описание семи стен разной расцветки, опоясывавших столицу туранского царя Афрасиаба (повторение геродотовского легендарного описания Экбатаны). Южным соседом Кангюя-Кангхи, по сообщению китайских источников, было государство Аньси-Парфия.

Название Кангха было лишь политическим термином для обозначения этого громадного государственного объединения. Происхождение этого термина остается неясным. Во всяком случае, китайские источники сообщают, что правители в государстве Кангюй (как и в Согде) носили название «Чао-ву». Вероятно, «джабгу» так звучит в китайской транскрипции.

По данным источников и археологическим материалам, накопленным за последние годы, политическое главенство в государстве Кангюй принадлежало кочевникам, жившим по среднему течению Сырдарьи, а Хорезм входил в это объединение в качестве одной из подчиненных областей.

Вторая половина II в. до н. э. — I в. н. э. были временами наибольшего подъема могущества государства Кангха. Наиболее подробные сведения об этом периоде содержатся

в китайских письменных источниках, в частности, в записках китайского посла Чжан Цяня, который в 138 г. до н. э. был направлен императором Ву-Ди к среднеазиатским народам за помощью в военных действиях против хуннов.

Чжан Цянь был захвачен хуннами в Восточном Туркестане и находился у них в плену в течение десяти лет, затем бежал и продолжал свое путешествие через Кашгар в Фергану, краткое описание которой он составил. Там ему дали проводников, и он дошел до области Кангюй и далее в область юе-чжи. Свою миссию Чжан Цянь выполнить не смог: юе-чжи отказали ему в помощи, пояснив, что устали воевать и желали бы отдохнуть в занятой плодородной стране. Чжан Цянь отправился в обратный путь (через Бадахшан и Памир). В Восточном Туркестане он снова провел в плену один год, а затем в 126 г. вернулся в Китай. Через одиннадцать лет, получив вторично назначение в Среднюю Азию, Чжан Цянь отправился к усуням в район Иссык-Куля и оттуда послал в западные страны разведчиков, которые дошли до Парфии и доставили ему различные сведения. В это время в южных окраинах государства Кангюй, как сообщает Чжан Цань, гегемония принадлежала юе-чжи (владевшим Бактрией), а в северо-восточных — хуннам. Эти обстоятельства были, очевидно, вызваны временным кризисом. В конце I в. до н. э. Кангха снова переживает подъем: в это время ослабело царство юе-чжи в Бактрии, распавшееся на пять отдельных княжеств, а среднеазиатские хунны, угрожавшие с северо-востока, вели неудачную для них войну с Китаем. Кангха была втянута в их борьбу. Об этом свидетельствует донесение китайского посла императорскому двору: «Кангюй горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками; чиновников, посылаемых к нему от наместника, сажает ниже усуньских послов».

Ко II—I вв. до н. э. относятся попытки государства Кангюй наладить чеканку собственной монеты и денежное обращение. Отсутствие традиций монетной чеканки среди кочевников, главенствовавших в Кангюе, определяет одну из характерных особенностей монетного дела этого периода, засвидетельствованную и в других областях Средней Азии,— подражательность. Как правило, в качестве образца избирались монетные типы и номиналы, получившие распространение среди населения в период существования Греко-бактрийского царства.

Выпуск монеты был вызван, в первую очередь экономической необходимостью, что свидетельствует о дальнейшем развитии товарно-денежных отношений среди местного населе-

ния. Политическое значение выпуска монеты, по-видимому, менее отчетливо ощущалось кангюйскими правителями, сохранившими, на первых порах, не только греко-бактрийские изображения на своей чеканке, но и греческие надписи (например, с именем и титулом Евкратида).

Ранний этап кангюйской нумизматики представлен пока единичными экземплярами монеты, что затрудняет более развернутые выводы о политической и экономической истории этого государства. Следующая стадия развития чеканки на территории Кангюя известна по монетам так называемого хорезмийского «безымянного царя», а также — через монеты раннего этапа, восходящие к греко-бактрийским прототипам. Местная принадлежность этих выпусков уже отмечена не только тамгой, но и существенными переменами в изображениях на лицевой и оборотной стороне. На лицевой стороне изображен не Евкратид, а местный правитель (хотя о степени физической портретности нам трудно судить), а на обороте не греческие диоскуры, а «хорезмийский всадник», как его называет С. П. Толстов.

О дальнейших политических судьбах государства Кангха известно очень мало. Мы не знаем было ли оно включено в состав Кушанского царства. Согласно китайским источникам, и после начала нашей эры Кангюй сохраняет известную самостоятельность, подчиняя себе яньцай (аорсы-аланы) и другие племена.

Социально-экономические процессы, происходившие на территории Кангюя во II—I вв. до н. э., должны были определяться не только естественным продолжением развития ремесла и городов, поддержания старых и строительства новых ирригационных систем, дальнейшими переменами в общинном и рабовладельческом укладах, но и теми новыми чертами, которые неизбежно привносились в социально-экономическую жизнь большинства среднеазиатских областей в результате резкого усиления политической роли кочевых народов.

Наглядное представление об уровне материальной культуры этого периода дают раскопки археологических памятников на территории Хорезма, входившего в Кангюйское государственное объединение и, в частности, крепости Джанбас-Кала в правобережном Хорезме, производившиеся Хорезмской экспедицией в 1938 и 1939 гг. Крепость эта, прямоугольная в плане, размером 200 × 170 *м*, обнесена двойными стенами из сырцового кирпича высотой 10 — 11 *м*, толщиной 1 — 1,30 *м*. Внешние стены, снабженные сплошным рядом узких бойниц, не имеют башен. От ворот внутрь

идет широкая улица, как бы делящая город на два квартала, в каждом из которых по 200 сообщающихся между собой комнат. С. П. Толстов усматривает в этом указание на дуальную организацию родовой общины и существование двух экзогенных фратрий. В конце улицы вскрыты остатки здания — общинного святилища огня с овальным возвышением для металлического жертвенника и толстым слоем уплотненной золы. При храме, если судить по найденным здесь останкам костей, находилось помещение для трапез, в чем С. П. Толстов усматривает следы упоминаемых Бируни коллективных трапез в домах огня.

Не менее богатый материал для характеристики культуры и быта хорезмийцев этого периода дают результаты раскопок своеобразного круглого укрепленного здания Кой-Крылган-Кала, *раскопанного С. П. Толстовым в 1950—1954 гг.* Памятник датируется III в. до н. э.—I в. н. э. Уцелевшая часть центральной круглой башни здания имеет высоту около 8 *м*. Прекрасно сохранились сырцовые своды помещений нижнего этажа, освещение которых осуществлялось при помощи окон, расположенных в щипцовых стенах. Глубина оконных ниш достигает 7 *м* — такова толщина мощной стены, окружающей башню, общий диаметр которой равняется 42 *м*. Снаружи на расстоянии 15 *м* центральное сооружение обнесено циркулярной оборонительной стеной с девятью башнями. Пространство между этой стеной и центральной башней сплошь застроено многочисленными комнатами — жилыми помещениями, складами, мастерскими. В основу внешнего кольца застройки положен радиальный принцип. Характерно, что культурные наслоения в центральной башне содержат материал, относящийся только к периоду постройки крепости (III в. до н. э.), в то время, как в помещениях внешнего кольца жизнь продолжалась по крайней мере 200 лет после прекращения ее в центральной башне.

В кангюйский период, как и в предшествующие времена, бытовали различные религиозные верования: зороастризм, зародившийся, как полагают, на территории древней Средней Азии, что подтверждается храмом огня в Джанбас-Кала; культ Анахит (найдено большое количество фигурок, изображающих богиню); культ Митры, воплощенного в образе коня, множество глиняных изображений которого также найдено в Хорезме.

Одним из больших достижений этого времени в области военной техники на территории Средней Азии является, как пишет С. П. Толстов, связываемый с культурой Кангхи новый тактический прием, получивший потом широкое распро-

странение: применение в бою сомкнутого строя одетых в тяжелые панцыри всадников на защищенных броней конях. Вооружение всадников состояло из лука, копья и длинного меча.

Материальная культура Кангхи еще недостаточно изучена, но все же археологическими изысканиями выявлены отдельные памятники, в совокупности дающие некоторое представление о характере ее крепостной архитектуры, о керамике, монетах и пр.

Поселения и погребения, относящиеся к тому же времени, вскрыты на территории древнего Чача. К кангюйскому периоду относят и поселения Каунчитепа в Янгиюльском районе (раскопки Г. В. Григорьева, 1934—1937 гг.).

В целом следует признать, что археологические материалы, накопленные в настоящее время, географически неравномерно освещают территорию государства Кангха. Более детально исследованы памятники Хорезма, но совершенно недостаточны материалы о степени развития экономики и культуры кангюйского периода по среднему течению Сырдарьи, т. е. в районах, являвшихся политическим центром государства, а также в более южных районах, которые длительное время были подчинены Кангюю.

3. ФЕРГАНА

Фергана (Паркан) представляла собой отдельное государственное объединение, которое в китайских источниках носит название «Давань».

Политические границы его в это время были, вероятно, шире географических.

Возможно, западная часть Ферганской долины была подчинена в какое-то время Кангхе-Кангюю.

Ценным дополнением к рассказу Чжан Цяня о посещении им Ферганы и другим отрывочным упоминаниям в китайских источниках являются археологические материалы, полученные в результате исследований, проведенных советскими археологами. Несмотря на большие трудности, возникающие при датировке материалов II—I вв. до н. э., а также в связи с тем, что более ранние слои здесь, как правило, перекрыты позднейшими напластованиями, можно составить представление о быте и культуре населения Ферганской долины в этот период. Особый интерес представляют ранние слои древних столиц Ферганы — Ахсыкета и Кувы и некоторых других памятников (городище Шурабашат), в том числе и в западной части Ферганской долины.

В период 104—101 гг. до н. э. китайские войска в два приема вторгаются в Фергану. Первый поход закончился разгромом китайских войск, которым оказалось не под силу сломить сопротивление укрепленных поселений. Выступив во второй поход с силами в 60000 человек, китайцы в 101 г. осадили город Эрши (сопоставляется с городищем Мархамат около селения Араван). Так как им никак не удавалось взять цитадель, они отвели воду от города, но защитники цитадели стали набирать воду из вырытых ими колодцев. Наконец, жители Эрши пригрозили китайцам, что призовут на помощь кангюйцев. Угроза подействовала. Китайцы согласились уйти, если им будет выдано некоторое количество славившихся своими качествами «небесных» и иных коней. Ферганцы убили правителя (который, видимо, противился выдаче коней) и выполнили требование китайцев, предоставив им несколько десятков «небесных» коней и 3 000 других лошадей. Тогда китайцы прекратили войну, однако не могли вступить в город и пошли в обратный путь».

Из этого рассказа видно, что в Эрши имелся правитель, но возглавлял он всю Фергану или являлся местным князем — неизвестно; слова Чжан Цяня о том, что Фергана и Дахя (Тохаристан) во всем схожи, дают основание полагать, что и в Фергане каждый город имел своего князя.

Чжань Цянь, говоря о своих впечатлениях от страны Ферганы и Дахя, ставит между ними знак равенства в смысле общности культурного уровня, нравов и обычаев. В Фергане он застал оседлое население, земледельческие достижения которого его поразили.

Земледельческое население занималось разведением различных культур — ячменя, риса, люцерны, винограда, — умело сохранять вино в больших глиняных хумах на протяжении многих лет. «В даваньском владении везде делают виноградное вино. Богатые дома запасают его в больших количествах, и оно несколько десятков лет хранится без порчи». Археологические данные подтверждают это письменное свидетельство.

После посещения Ферганы Чжан Цянь ознакомил Китай с культурой люцерны и винограда, китайские историки с его именем связывают также появление в Китае культуры граната. сгурца, грецкого ореха, фигового дерева и пр.

Упоминая различные культурные достижения, Чжан Цянь отмечает ряд черт, говорящих об известной технической и политической отсталости населения Ферганы, а именно о его неумении выделывать предметы из железа и отсутствии монет местного чекана.

По китайским данным, народонаселение Ферганы состояло якобы из 60 000 семейств (всего 300 000 душ), а войско — из 60 000 человек, вооруженных луками и копьями и искусных в стрельбе с коня.

Китайские авторы говорят, что в Фергане имелось около 70 больших и малых городов, что владетель сидел в городе Гушан («Ю-чен» китайских источников, возможно селевкидская «Антиохия в Скифии», нынешний Узген). Упоминается в китайских источниках и город Эрши, отождествление которого с городищем Мархамат (А. Н. Бернштам) вызывает сомнение.

4. БАКТРИЯ

Третье среднеазиатское государство этого периода включало в себя территорию южного Узбекистана, значительную часть современного Таджикистана, а также северные районы Афганистана. Оно было создано, по свидетельству китайских источников, юе-чжами, которых отождествляют с тохарами античных авторов. Это отождествление подтверждается и позднейшим названием этих областей — Тохаристан (Ту-хо-ло у китайских авторов). Для II—I вв. до н. э. китайские источники сохраняют название «Дахя»-Бактрия, т. е. название страны, употреблявшееся до прихода сюда юе-чжей.

После победы над греко-бактрийскими правителями юе-чжи поселились на правом берегу Амударьи. «Юе-чжи утвердили свое местопребывание на северной стороне Гуйшуй» (Амударьи) — говорится у китайского историка. Птолемей, основываясь, вероятно, на данных Трога Помпея (начало I в. н. э.) тоже сообщает, что в северной части Амударьи Бактрию заселяет среди прочих народов «большое племя тохаров».

В последнее время высказываются предположения о развитии в Средней Азии шелкоткачества, а, возможно, и шелководства. Вещественной иллюстрацией к словам греческого автора III в. до н. э. Феофраста о разведении в Средней Азии хлопка могут служить обуглившиеся остатки семян хлопчатника, найденные при раскопках близ Кувы.

Стремлению установить торговые сношения с соседними странами должно было содействовать отличное состояние дорог, по которым ехал Чжан Цянь, особо отметивший их в своем отчете.

Чжан Цянь следующим образом определяет место пребывания юе-чжи: «Большой Юе-чжи лежит почти в 3 000 ли от Давани на запад, от реки Гуйшуй (Амударья) на север.

От него на юг лежит Дахя, на запад Аньси (Парфия), на север Кангюй». Таким образом, четко обрисовываются границы, включающие в себя территорию нынешней Сурхандарьинской области Узбекистана, Кобадиан (Южный Кафирниган) и Хутталян Таджикистана.

Чжан Цянь продолжает называть общим именем «великие юе-чжи» тохаристанские племена, поставившие свой княжеский двор на правом берегу Амударьи. Эти племена отказали Китаю в помощи против хуннов, за которой приезжал Чжан Цянь. Едва ли он ездил за помощью в левобережную Бактрию, ослабленную длительными войнами; обращение его могло относиться только к недавним соседям китайцев — племенам юе-чжи. Чжан Цянь отмечает также, что первоначально они были кочевниками и частично продолжали ими оставаться. На основании его же рассказа можно приблизительно составить представление о политическом строе Дахя. Источники свидетельствуют, что «Дахя не имеет верховного главы, каждый город управляется своим князем» и «в Дахя имеется пять княжеских домов».

У Чжан Цяня нет никаких указаний, на основании которых можно было бы сделать заключение о социально-экономическом строе государства юе-чжи. Есть основание полагать, что здесь продолжались, медленно видоизменяясь, отношения, которые существовали в это время в Кангхе и в Фергане. О параллельности, однохарактерности процессов в социально-экономической жизни среднеазиатских государственных образований этого периода, свидетельствует, в частности, примерно одинаковое состояние монетного хозяйства. Уровень развития товарно-денежных отношений, который застали в Северной Бактрии юе-чжи, требовал пополнения рынка новой монетой. Кочевые владетели Бактрии, не имевшие собственных традиций и опыта монетной чеканки (как и правители Кангха) прибегают к наиболее простой мере — начинают выпуск монеты по образцу той, что уже находилась в обращении на этой территории (с неизбежными из-за неумелости юе-чжийских мастеров искажениями в изображениях и надписях). Постепенно монеты отходят очень далеко от первоначальных прототипов. На территории Северной Бактрии зарегистрировано большое количество юе-чжийских подражаний монетам Гелиокла. Юе-чжийские владетели, взяв за образец серебряные тетрадрахмы Гелиокла, чеканили свои подражания из меди, сохраняя размер и форму прототипа. Не исключено, что медная основа этих монет подвергалась серебрению. Другой разновидностью монет юе-чжийской Бактрии были мел-

кие серебряные монеты, выпускавшиеся по образцу оболов Евкратида.

О занятиях и обычаях населения китайские авторы сообщают следующее: «В Дахя (т. е. на территории Бактрии) ведут оседлую жизнь, имеют города и дома, в обычаях сходствуют с ферганцами; войска их слабы, робки в сражениях (бактрийцы к тому времени были ослаблены войнами, которые продолжались более ста лет). Жители искусны в торговле. Народонаселение в Дахя доходит до одного миллиона. Столица называется Ланьши. В этом городе есть базар с различными товарами».

Интересно, что в Северной Монголии в могильнике Ноин-Ула найдены замечательные шерстяные вышивки (завесы) с изображением процессии всадников. Завесы эти, если судить по этническому типу персонажей и их костюмам, а также по эллинистическим орнаментальным полосам, могли быть изготовлены на территории Тохаристана во II—I вв. до н. э.

В Северной Бактрии (южные районы современных Узбекистана и Таджикистана) исследовано большое количество археологических памятников, относящихся к юе-чжийскому периоду. В Сурхандарьинской области слои II—I вв. до н. э. обнаружены на городищах древнего Термеза, Зартепа, Дальверзина и др. Особый интерес для характеристики художественной культуры этой области (и юе-чжийского периода в целом) представляет открытие около Денау дворца одного из юе-чжийских владетелей в Халчаяне. Г. А. Пугаченкова, исследовавшая этот памятник, относит его сооружение к II—I вв. до н. э. Айван и главный зал этого дворца украшены глиняной скульптурой и стенными росписями. Центром сложной многофигурной композиции главного зала были два персонажа, сидящие на тронах и, видимо, изображающие царственную чету в окружении приближенных. Скульптуры всадников на конях, музыкантов, гирляндоносцев, обнаруженных при раскопках, являются ценным материалом при изучении культуры и искусства Бактрии.

Из памятников этого периода на территории Южного Таджикистана с тохаро-юе-чжийской проблемой тесно связаны могильники Тулхар, Караджар и Аруктау в Бишкентской долине, а также грунтовый могильник Тупхона близ Гиссара.

Слои, относящиеся к юе-чжийскому периоду, исследованы здесь на городищах Кей-Кобад-шах, Калаи-Мир и др.

* * *

Есть основание полагать, что в рассматриваемый период рабовладельческие отношения у народов Средней Азии продолжали развиваться.

II и I вв. до н. э. были ознаменованы для народов Средней Азии установлением более оживленных политических и торговых отношений с соседними народами.

ГЛАВА V

КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО (I—IV вв.)

Кушанский период в истории народов Узбекистана и остальной части Средней Азии получил название по могущественному среднеазиатско-индийскому государству, во главе которого стоял один из пяти юе-чжийских родов — Гуйшуан (Кушан). Китайские летописи сообщают, что племена юе-чжи в Дахя-Бактрии разделились на пять княжеских домов: Хюми, Шуанми, Хисе, Думи и Гуйшуан. По прошествии ста лет с небольшим князь Гуйшуана (т. е. кушанский князь) по имени Киоцзюкю (Кадфиз) объявил себя государем гуйшуанским (кушанским). Он начал воевать с Аньси (Парфия), уничтожил Пуду (Арахосия) и Гибинь (область Кабула) и «овладел землями их».

Кроме приведенного выше сообщения китайской династийной хроники «Хоу-Хань-шу», не сохранилось почти никаких сведений о Кушанском царстве, поэтому источником первостепенной важности служат многочисленные надписи кушанского периода (которые выполнены кушано-бактрийским письмом, а также индийскими алфавитами брахми и карошти) и монеты кушанских царей, изображения и надписи на которых дают возможность установить некоторые сложные явления в жизни Кушанского царства. Большие археологические работы, проведенные на территории Узбекистана и других республик Средней Азии, а также в Афганистане, Пакистане и Индии, дали ценные материалы по истории материальной культуры и искусства этого периода.

I. ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Наиболее сложной проблемой, в решение которой упирается сейчас большинство вопросов истории Кушанского царства, остается проблема кушанской абсолютной хронологии.

Последовательность и продолжительность правления большинства кушанских царей твердо установлена по эпиграфическим и нумизматическим данным. Политическая деятельность основателя Кушанского царства Куджулы Кадфиза продолжалась 50—60 лет, так как, по сведениям китайской летописи, он прожил более 80 лет. Его сын и преемник Вима Кадфиз находился у власти приблизительно 30 лет. Затем кушанский трон был занят царем Канишкой I, царствовавшим 23 года и, возможно, принадлежавшим к другой династийной ветви. После четырехлетнего правления его сына Васишки-Ваджешки, к власти пришел царь Хувишка, занимавший трон более тридцати двух лет. Возможно, существовало два царя, носивших это имя и правивших один после другого (после короткого перерыва, занятого царствованием Канишки II). После Хувишки воцарился Васудева, правивший 34 года. Видимо, при нем произошел раздел Кушанского царства, так как монетами засвидетельствовано одновременное существование другого кушанского царя — Канишки III. Таким образом, относительная хронология почти двухвекового периода существования Кушанского царства сравнительно хорошо разработана. Но надежных данных, которые позволили бы привести ее в соответствие с нашим летоисчислением, пока нет.

Трудно связать с каким-либо из кушанских царей такой важный внешнеполитический акт, как отправка посольства в Рим, хотя из письменных источников мы знаем о прибытии в 99 г. н. э. в Рим «послов из Бактрии». Сведения письменных источников о связях с Римом подтверждаются также изображением жителей Средней Азии на рельефах, украшающих знаменитую колонну Трояна (начало II в.), и находками на территории Кушанского царства большого количества римских монет, а также привозных изделий римского времени.

Состояние проблемы кушанской абсолютной хронологии сейчас таково, что мы можем установить с уверенностью только крайние хронологические рубежи, до и после которых Кушанское царство не могло существовать. О возникновении государства Кушан сообщается в династийной хронике «Хоу-Хань-шу», охватившей события с 25 по 265 г. н. э.

В более ранней летописи «Цянь-Хань-шу», доведенной до 25 г. н. э., еще нет сведений об объединении пяти юе-чжийских родов под главенством Киоцзюкю-Куджулы Кадфиза. Это позволяет считать, что образование Кушанского царства произошло после 25 г. н. э. Дата, после которой Кушанское царство существовать не могло, определяется двумя событиями 70—80-х годов IV в.: завоеванием западной части Кушанского царства Сасанидами и включением кушанских владений в Северной Индии в состав Гуптского государства. Именно в этих пределах — с 29 г. н. э. по последнюю четверть IV в. н. э. — протекала двухсотлетняя история Кушанского царства.

Куджула Кадфиз вел большие войны, завершившиеся созданием территориального ядра Кушанского царства. При нем была подчинена власти Кушан почти вся территория Афганистана и, возможно, часть западного Пакистана. Существует точка зрения, согласно которой походы далеко на юг и заботы по укреплению власти во вновь присоединенных областях привели к ослаблению связей со среднеазиатскими владениями Кушан. Во всяком случае, находки монет Куджулы Кадфиза к северу от Амударьи остаются единичными.

Для монет, выпускавшихся основателем Кушанского царства, еще характерна подражательность. Чекан Куджулы Кадфиза был рассчитан на обращение во вновь присоединенных областях; образцами для него послужили монеты, уже находившиеся в обращении на этих территориях. Известны только медные монеты этого царя, а также очень редкие серебряные, предположительно приписываемые Куджуле Кадфизу.

Вима Кадфиз — преемник Кадфиза I — продолжил расширение границ Кушанского царства, начатое Куджулой. По сообщению китайской летописи, при Виме Кадфизе в состав Кушанского царства была включена часть Индии. Видимо, при нем (или несколько позднее) происходит полное восстановление власти Кушан в Средней Азии.

С именем Вимы Кадфиза связано проведение важных мероприятий, направленных на укрепление внутренней структуры Кушанского царства. Наиболее полное представление об этом дает монетная реформа, проведенная при этом царе. Монеты Вимы Кадфиза (и всех последующих кушанских царей) чеканились из золота и меди. Золотые монеты, рассчитанные на крупные денежные операции (в том числе и расчеты при внешней торговле), выпускались достоинством в динар (около 8 *г*), 2 динара, 1/4 динара и,

возможно, в 1/2 динара. Золото (если не считать очень редкие выпуски первых греко-бактрийских царей) до этой реформы никогда не играло существенной роли в денежном обращении на территориях, вошедших в состав государства Кушан. Примерное соответствие веса кушанских динаров и римской золотой монеты («денариус ауреус») вызвало предположение о преимущественной ориентации Кушанского царства во внешней торговле на Рим и о полной зависимости новой монетной системы от римского монетного дела. Вряд ли столь односторонняя оценка реформы Вимы Кадфиза справедлива. Достаточно напомнить, например, что двойные динары и монеты в 1/4 динара были неизвестны в римском монетном деле.

Важные изменения, видимо, внес Вима Кадфиз и в область внутреннего устройства государства. Огромная протяженность царства потребовала создания сложного административного аппарата, который обеспечивал бы подчинение всей территории центральной власти. К сожалению, административная структура Кушанского государства плохо освещена источниками. Однако, по-видимому, отдельными областями управляли сатрапы («кшатрапа»), наделенные достаточно широкими полномочиями (вплоть до выпуска монеты со своим именем). Надписи сохранили названия и других чинов должностной иерархии, существовавшей в Кушанском царстве.

Местонахождение столицы Кушанского царства при Куджуле Кадфизе не установлено. При Виме Кадфизе она, видимо, располагалась в окрестностях Пешавара. Трудно судить и о том, какой язык можно считать государственным в Кушанском царстве при Кадфизе I и II. Их монеты (в полном соответствии с традициями индо-греческих, индо-сакских и индо-парфянских монетных чеканов) на лицевой стороне содержат греческую легенду, а на оборотной — индийскую (письмом карошти). На оборотной стороне монет Вимы Кадфиза изображалось только одно божество — индийский бог Шива. В связи с этим высказывалось мнение о том, что уже при Виме Кадфизе произошла некоторая *индианизация кушанской верхушки.*

Некоторые перемены во внутренней жизни происходят при следующем царе Канишке I, с которым связывают наивысший расцвет государства Кушан.

Важной реформой Канишки было принятие в Кушанском царстве кушано-бактрийского языка в качестве государственного, что засвидетельствовано монетами. Как реакцию на индианизацию кушанского двора, наметившуюся

при Виме Кадфизе можно рассматривать и религиозные реформы, предпринятые Канишкой. Одним из проявлений этих реформ было резкое увеличение числа божеств, изображавшихся на монетах. Большая веротерпимость — важная черта внутренней политики Канишки, тесно связанная

Айртам. Скульптура музыканта.

с другой стороной его деятельности — широким покровительством буддизму.

Правда, источники, из которых мы знаем об отношении Канишки к буддизму, отличаются некоторой тенденциозностью и односторонним освещением событий, характерных для буддийской легендарной традиции. С именем Канишки

связывают не только устройство буддийских монастырей и строительство ступ, но и такое важное событие в истории этой религии, как созыв собора, на котором произошло оформление нового толка буддизма — Махаяны, придание буддизму той гибкой формы, которая способствовала его широчайшему распространению в странах Азии и превращению в одну из мировых религий с миллионами приверженцев.

Преемники Канишки продолжали его политику, резкий перелом в которой происходит только при последнем кушанском царе Васудеве, когда проходит новая волна индианизации кушанского двора. Теперь на монетах изображается только бог Шива. Наряду с кушано-бактрийской легендой, которая заметно схематизируется, на монетах появляются сначала отдельные знаки индийского алфавита «деванагари», а затем и целые надписи.

По-видимому, при Васудеве Кушанское царство делится на две части, так как известны монеты Канишки III, отчеканенные одновременно с монетами Васудевы. Показательно, что и на монетах Канишки III изображается только одно божество — богиня плодородия Ардохш, сидящая на троне, как бы противопоставляемая индийскому Шиве на монетах Васудевы. На территории Средней Азии зарегестрированы находки монет Васудева и Канишки III. Это затрудняет решение вопроса о том, в какую часть государства вошли области, расположенные к северу от Амударьи.

Нет полной ясности и в вопросе о северных границах владения кушанских царей в Средней Азии в разные периоды. Гипотеза С. П. Толстова о вхождении Хорезма в состав Кушанского царства пока еще не подтверждена накопленными материалами. Спорным остается вопрос о вхождении в состав Кушанского царства Согда и Чача. Находки кушанских монет в Согде и Чаче единичны. Нет сомнения, что в состав Кушанского царства входило правобережье Амударьи к югу от Гиссарского хребта (современные южные районы Узбекистана и Таджикистана). Здесь в последние годы найдено большое количество кушанских монет, начиная с Вимы Кадфиза и безымянного «царя царей», великого спасителя. Ввиду спорности вопроса о политических границах Кушанского царства в Средней Азии и наличия общих черт в материальной культуре этого времени, лучше говорить не о Средней Азии в составе Кушанского царства, а о кушанском периоде в истории народов Узбекистана и других среднеазиатских республик.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Основным источником наших знаний о социально-экономическом строе Средней Азии в кушанский период являются памятники материальной культуры, исследованные археологами. В жизни среднеазиатских народов в кушанский период должны были произойти крупные сдвиги, вызванные образованием огромного объединенного государства, частыми и длительными войнами, в результате которых увеличивался приток военнопленных рабов, ростом городов и международной торговлей.

Когда часть Средней Азии вошла в состав Кушанского царства, были созданы благоприятные условия для дальнейшего развития торговли с Китаем, начатой еще в конце II в. до н. э. по «великому шелковому пути». Возможные направления торговых связей определялись составом стран, образовавших эту державу: на востоке — с Китаем, через присоединенные города-оазисы Восточного Туркестана, на юге — с Индией, северная часть которой была подчинена Кушанами; на западе — морским путем через Египет или по суше через Иран со странами средиземноморского бассейна, подчиненными Риму; на севере — через Хорезм и Приуралье — с Восточной Европой.

Письменные источники и вещественные находки полнее освещают торговлю кушанского периода в южном и западном направлениях. Древнейший маршрут торгового пути, соединявшего Запад с Центральной Азией, описан у Птолемея (со ссылкой на Марина Тирского — географа II в. н. э. и македонского купца Маэса Тициана). Путь этот «от Евфрата до Каменной башни» шел через Месопотамию, а оттуда к Экбатану в Мидии, Гекатомпилы в Парфии, Антиохию в Маргиане (Мерв), Бактру в Тохаристане, а дальше на север через Комедские горы к Каменной башне и оттуда в страны Дальнего Востока.

Большинство исследователей отождествляют Комедские горы с Каратегином, а Каменную башню — с Ташкурганом в Восточном Туркестане. По этому пути везли главным образом шелк, причем торговля здесь велась, видимо, в больших масштабах и давала значительную прибыль. Посредниками в торговле шелком стремились стать парфяне, на эту же роль претендовали и согдийцы, что приводило к серьезным осложнениям во взаимоотношениях между ними.

Со странами римского мира Кушанское царство было связано также морским путем, через южные районы Индии. Видимо, морским путем проникали в Индию и Кушанское

царство многочисленные римские монеты. Путь из Средней Азии в Индию, как во времена Страбона, шел через Бактру и Ортоспану (район Кабула?); в качестве торгового пути использовалась и Амударья, причем из долины Кабула до Амударьи товары можно было доставить в семь дней (Плиний).

О торговле Кушанского царства с северными и восточными соседями мы знаем значительно меньше. После столкновений Кушан с Китаем в Восточном Туркестане (конец I — начало II в. н. э.) политическая ситуация осложнилась, а затем началось резкое ослабление связей китайского царя со странами Средней Азии. Вторая половина II в., III в. н. э. были временем, когда в Китай не поступало почти никаких известий об этих странах. Вряд ли была проторенной в это время и «северная шелковая дорога» — через Кашгар на Фергану — Кангюй-Яньцай и Янь, т. е. через Фергану и Чач в страну аланов и южное Приуралье. Однако торговые связи Средней Азии с Китаем продолжались, о чем свидетельствуют поселения-колонии выходцев из Средней Азии, уже появившиеся в это время на торговых путях.

Археологически кушанский период представлен большим числом памятников почти во всех частях Средней Азии. Значительные перемены в социально-экономическом строе проявились в расширении ирригационной сети, в создании крупных городских центров, в широком распространении сельских укрепленных поселений — «замков». Ремесленное производство достигло очень высокого уровня развития, а его продукция стала массовой и единообразной для больших районов. Внутренние экономические процессы, подготовившие этот расцвет, должны были активизироваться в условиях политической стабильности, возникшей с образованием Кушанского царства. Прекратились междоусобицы мелких правителей, пагубно отражавшиеся на экономическом состоянии страны. Вряд ли в этот период области Средней Азии, вошедшие в состав государства Кушан, служили ареной крупных военных действий.

Остатки древней ирригационной сети, изученные в Южном Узбекистане (канал Занг и др.), в долинах Южного Таджикистана (Кобадианский оазис, Вахшская и Гиссарская долины) и в Согде (канал Даргом, каналы Бухарского оазиса), показывают, что именно в кушанский период сооружались (или обновлялись после длительного запустения) крупные магистральные каналы. Наибольшей протяженности и разветвленности достигают в это время и отводы от них. Особенно яркую картину динамики ирригационной се-

Халчаян. Скульптура.

ти дали исследования в Хорезме, где часть земель древнего орошения была затем надолго (вплоть до наших дней) заброшена и превратилась в своеобразный археологический заповедник. Культурное освоение новых больших площадей в кушанский период сопровождалось строительством укрепленных поселений на вновь орошаемых землях.

Как показывают новейшие археологические исследования, значительных размеров достигают в это время старые городские центры — древний Самарканд (городище Афрасиаб), Термез. К числу крупных городищ в Северном Тохаристане относятся также городища Дальверзин, Шахринаусское, Кей-Кобад-шах, Яванское и др. Крупные памятники кушанского времени обнаружены в Кашкадарьинской области в районе Китаба, около города Карши (замок Захаки-Морон), городище Еркурган. Большое количество памятников этого времени исследовано и в Хорезме (Топрак-Кала, Базар-Кала, Гяур-Кала и др.). Для крупных городов кушанского периода характерна правильная систематическая застройка, четкая планировка. О социальной структуре города мы можем судить по наличию планировочно выделенной цитадели, где располагались постройки дворцового характера. Ремесленники в таком городе, вероятно, занимали особые кварталы. Можно надеяться, что раскопки городов кушанского времени на больших площадях позволят уточнить многие вопросы социально-экономического характера.

Не меньший интерес с этой точки зрения представляет изучение сельских укрепленных усадеб типа поселений, которые были особенно широко распространены в позднекушанское время. Несколько таких «замков» исследовано в южных районах Узбекистана и Таджикистана, в Каршинском оазисе, а также в окрестностях Самарканда. Классическим примером среднеазиатских укрепленных усадеб служит хорезмийская Аяз-Кала́ и другие «замки». Социальная природа появления усадеб-замков, видимо, связана с уменьшением роли общинного уклада.

4. КУЛЬТУРА

В Кушанском царстве, в состав которого вошло разноязычное население географически далеких областей с разными традициями и представлениями, не была выработана единая для разных его частей культура, хотя объединение и способствовало широкому культурному обмену.

Сосуществование различных по происхождению религиозных систем и культов засвидетельствовано монетами

кушанских царей, на оборотной стороне которых изображались различные божества. При Канишке и Хувишке на монетах встречаются такие божества кушано-бактрийского пантеона, как Михр-Митра (бог Солнца), Мах (мужское божество Луны), Атеш (бог огня), Фарр (бог удачи и изобилия) и парное ему женское божество плодородия — богиня Ардохш, а также второстепенные божества — Друваспо — покровитель коней, Вахш — мужское божество Амударьи. Индийский пантеон представлен на монетах богом Шивой в разных ипостасях, видимо, связанных с различными толками шиваизма, а также божествами-воителями шиваистского круга (Сканда Кумара, Махасена и др.). Сложные изменения претерпевает переднеазиатская богиня Нанайя-Нана, слившаяся в кушанском пантеоне с образом богини Парвати — супруги Шивы. При Канишке чеканились монеты с изображением Будды. Отдельную группу составляют божества западного происхождения, получившие широкое распространение во всем эллинистическом мире — Серапис, Геракл. Имена Гелиоса, Селены и Гефеста выводились на монетах как перевод на греческий язык местных названий божеств (на самых ранних монетах Канишки).

Археологически исследованы десятки культовых сооружений кушанского времени. Многолетними раскопками в Северном Афганистане открыт целый комплекс храмовых сооружений в Сурх-Котале, а также большое число буддийских святилищ, монастырей и ступа. На правом берегу Амударьи, в Айртаме в окрестностях Термеза раскапывалось здание культового назначения, здесь обнаружен каменный фриз с изображением музыкантов и гирляндоносцев. Большой интерес представляют раскопки буддийского пещерного монастыря Каратепа на городище древнего Термеза, откуда происходит коллекция надписей на керамике, выполненных кушано-бактрийским алфавитом, а также индийскими алфавитами брахми и кароштн. Сохранились (хотя и не поддаются пока чтению) надписи и на стенах кара-тепинских пещер, сделанные более поздней разновидностью кушано-бактрийского письма — кушанским курсивным письмом.

О широком распространении письменности в Средней Азии в этот период свидетельствуют и другие находки. Наиболее важная из них — остатки архива, обнаруженные при раскопках цитадели городища Топрак-Кала. Здесь найдено свыше ста документов на коже и дереве, которые успешно расшифровываются С. П. Толстовым и В. А. Лившицем. По-видимому, в кушанское время широкое распространение получило и согдийское письмо.

В этот период высокого уровня развития достигает художественная культура народов Средней Азии. Ее главная особенность — наличие устойчивой антропоморфной иконографии для галереи божеств, — отразилась на развитии мелкой глиняной пластики. Терракотовые фигурки богов из обожженной глины, происходящие из разных областей Средней Азии, дают представление не только о культовой иконографии этого периода, но и о костюме, музыкальных инструментах, вооружении и других реалиях. О широких связях с западными областями эллинистического мира свидетельствует интенсивное проникновение в искусство кушанского периода образов греко-римского происхождения.

* *
*

Кушанский период знаменует расцвет мощного и независимого государства, находящегося в оживленных политических и торговых отношениях со всеми восточными и западными культурными странами того времени, но представляющего собою конгломерат различных народов, живших в обстановке наибольшего развития рабовладельческих отношений. В ту пору, однако, появились предпосылки упадка и распада рабовладельческого строя.

Мы не располагаем для истории Средней Азии такими богатыми данными исторических источников, как для стран Средиземноморья эпохи расцвета Римской империи, однако археологические памятники и косвенные исторические данные позволяют считать, что для народов Узбекистана (и Кушанской империи в целом) характерны социально-экономические процессы, во многом сходные с теми, которые протекали в эти времена в Римской империи, а также в Парфии, для истории которой мы располагаем более богатым материалом.

Образование Кушанской империи является результатом крайнего обострения классовых противоречий, связанного с распадом общины, обнищанием свободных общинников и концентрацией богатств в руках незначительной прослойки рабовладельческой аристократии.

«В азиатской и классической древности, — пишет Ф. Энгельс, — преобладающей формой классового угнетения было рабство, т. е. не столько экспроприация земли у масс, сколько присвоение их личностей. Когда во время упадка Римской республики у свободных италийских крестьян были экспроприированы их наделы, они образовали класс таких же «белых бедняков», какие были в южных рабовладельческих штатах до 1861 г.; так, при наличии рабов и «бе-

лых бедняков» — двух классов, одинаково неспособных освободить себя, — произошел распад древнего мира»[1].

Сам факт образования огромной Индо-Среднеазиатской Кушанской империи может быть понят только в свете, несомненно, сопровождавшего развитие процесса крайнего обострения классовой борьбы. Господствующий класс различных народностей и племен, из которых сложилась империя, мог выйти победителем из этой борьбы только за счет отказа от государственного суверенитета в пользу верховной имперской власти, которая одна была в состоянии на некоторое время подавить народные движения и сдержать натиск окружающих кочевых племен.

Кушанская культура, выросшая на основе сложившихся в предшествующее время местных традиций, под воздействием *новых факторов, новых людей, новых представлений*, проникавших в Среднюю Азию с возвращавшимися из Китая, Индии и Рима посольствами и караванами, являлась преемницей культуры Греко-бактрийского царства и культуры кангюйского периода.

Кушанское искусство, в котором местная культура органически слилась с тем, что дало знакомство с искусством смежных народов, в свою очередь оставило глубокий след на культуре Индии (памятники Таксилы и Мадуры), Восточного Туркестана (фрески и скульптура Кучи и Карашара) и Восточной Европы (через аланскую среду).

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии, М., Госполитиздат, 1953, стр. 10.

ГЛАВА VI

ЭФТАЛИТСКОЕ ГОСУДАРСТВО (V—VI вв.)

Грань, отделяющая кушанский период от последующего периода истории Средней Азии, который может быть назван по имени народа, играющего в это время ведущую роль, периодом эфталитским, не может быть установлена на данном этапе исследования.

В IV в. в Средней Азии ведущая роль временно переходит к представителям другого племенного объединения — хонов или хионитов. К середине V в. завершается сложение нового мощного государства на территории Средней Азии — Эфталитского. При внешнем сходстве с Кушанской империей (армянские источники продолжают называть царство эфталитов — Кушанским) внутренний строй этого государства уже существенно отличен. В нем резко выступают некоторые черты, только наметившиеся в кушанскую эпоху.

Основными источниками по эфталитскому периоду являются труды римского историка Аммиана Марцеллина (IV в.), сообщения византийских историков Приска Панийского (V в.), Прокопия Кесарийского (VI в.) и Феофана Византийского (VI в.) на греческом языке, а также сирийская хроника Иешу Стилита (начало VI в.). Важные сведения сохранились в трудах армянских историков Фавста Бузанда (IV в.), Моисея Хоренского и Елише (V в.), Лазаря Парбского (V—VI вв.) и Себеоса (VII в.). Много интересного сообщают китайские хроники «Вей-шу» и «Тан-шу», а также труды арабского историка Табари (IX—X вв.).

Упоминаются эфталиты в индийских источниках, в поздних частях Авесты, в некоторых пехлевийских текстах и в «Шах-намэ» Фердоуси.

Ценным, хотя и не в полной мере использованным, источником являются эпиграфические памятники-надписи, сделанные так называемым кушано-эфталитским курсивным письмом. Использование монет эфталитских правителей в качестве исторического источника затруднено тем, что источниковедческая работа над ними еще не завершена.

Археологические памятники эфталитского периода, исследованные в Средней Азии и Афганистане, созданы главным образом оседлым населением. Наряду с ними известны погребальные памятники кочевого населения этого времени. Особенно важен для характеристики культуры эфталитской эпохи замок Балалыктепа в Сурхандарьинской области, а также многочисленные остатки поселений и усадеб, обнаруженные в долинах Зарафшана и Кашкадарьи.

1. ЭФТАЛИТЫ, ХИОНИТЫ, КИДАРИТЫ

Единая точка зрения по вопросу об этнической принадлежности эфталитов еще не установлена, не выяснен окончательно вопрос о взаимосвязанности белых хуннов, хионитов, кидаритов и эфталитов, но все же, можно полагать, все эти названия относятся к родственным между собой племенам.

Эфталиты упоминаются в источниках под различными именами («йе-да», «и-да», «хептал», «хеттал», «тетал», «хайтал», «абдел»), но какой из этих вариантов отражает их самоназвание — неизвестно.

По поводу этнической принадлежности эфталитов было высказано много противоречивых гипотез. П. И. Лерх и Н. И. Веселовский отождествляли их с юе-чжами. В. В. Бартольд считал эфталитов ираноязычными, отличая их от хионитов. По мнению С. П. Толстова, рассматривавшего эти вопросы в связи с хорезмскими материалами, эфталиты — потомки приаральских сако-массагетских племен, которые между I в. до н. э. и IV в. н. э. смешались с проникшими сюда из Семиречья и более восточных районов хуннами и восприняли от хуннских племен тюркский язык. В последних работах зарубежных исследователей наибольшее распространение получило предположение об ираноязычности эфталитов, хотя для окончательного решения этого вопроса данных недостаточно.

В китайской летописи «Тан-шу» (X в.) говорится о том, что «царство И-да (Эфталитское) происходит от больших юе-чжи времени Хань». Кроме этого очень определенного указания, имеются и другие данные, пока очень слабо использованные исторической наукой, — это сведения, которыми располагали современники эфталитов, писатели Армении V—VII вв., непосредственно соприкасавшиеся с народами Средней Азии во время походов в страну кушанов.

Самое название «эфталиты» появляется в армянских источниках во второй половине V в. в форме «хептал» — heptal—у армянского историка Лазаря Парбского (V—VII вв.). Феофан Византийский (VI в. н. э.) сообщает, что царь эфталитов (с правления которого начинается история эфталитов) носил имя Вахшунвара, звался Эфталаном, и что по этому названию племя его получило наименование «эфталитское». Китайская летопись «Тан-шу» подтверждает это: «Йе-да было родовым именем царя; впоследствии преемники его этим родовым именем стали называть государство». Иначе освещает этот вопрос С. П. Толстов, который усматривает в названии племени эфталитов основу «гета», соответствующую корню имени массагетов, и окончание «эль» + + «и», выводимое из тюркского «эль» — «народ», «племя» с тюркским же притяжательным суффиксом.

Наряду с названием «эфталиты» в источниках встречается другое этническое обозначение — хоны (армянские источники), или хиониты (византийские авторы).

Армянский историк Елише в V в. тоже не различает их, говоря, что сасанидский царь Иездигерд II «напал на земли хонов, которых называют также кушанами». Отождествляет кушанов с хионитами и Лазарь Парбский. Само название хионитов заставляет предполагать, что какая-то связь между ними и хуннами должна существовать, чем объясняется возникновение гипотезы об их хунно-тюркском происхождении. Своего физического и культурного облика хиониты не утратили: западные писатели называют их «белыми гуннами», отмечая белый цвет их кожи, оседлость и культурность по сравнению с кочевыми хуннами (Аммиан Марцеллин и Прокопий Кесарийский).

Впервые хиониты упоминаются в истории в рассказе Аммиана Марцеллина о том, как в 356 г. хионитский князь Грумбат вместе со своим сыном появляется в качестве союзника в свите сасанидского царя Шапура II (309—379 гг.) во время осады города Амиды (Сирия).

Сасанидский царь Варахран V (420—438 гг.) вел борьбу с этими народами, занявшими земли по Амударье и про-

являвшими стремление к расширению экспансии. Одержав над ними блестящую победу в районе Мерва, Варахран установил границу у Таликана, где построил пограничную каменную башню. Острая необходимость в обороне северо-восточных границ от хионитов заставила сасанидского царя Иездигерда (438—457 гг.) вести с ними многолетнюю борьбу, которая шла с переменным успехом.

В начале V в. на исторической арене появляется еще одна этническая (или политическая) группировка, называемая в источниках «кидаритами», которая, видимо, и была основным противником сасанидских царей на востоке вплоть до 60-х годов V в. Нумизматические материалы, относимые к царю Кидаре и кидаритам, связаны с территориями к югу от Амударьи.

Что касается взаимосвязи между хионитами и эфталитами, то она носила, по всей видимости, такой же характер, как и связь между кушанами и хионитами, и этим объясняется то, что в сирийской хронике Иешу Стилита (конец V—начало VI вв.) хонами названы представители того народа, который у Прокопия Кесарийского (конец VI в.) носит наименование эфталитов, причем хиониты не упоминаются. У армянского историка Себеоса (VII в.) наблюдается такое же отождествление эфталитов, но не с хионитами, а с кушанами.

2. ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ ИСТОРИИ ЭФТАЛИТОВ

В письменных источниках сообщаются сведения об эфталитах, начиная с 457 г., когда царь их Вахшунвар подчинил себе Чаганиан, Тохаристан и Бадахшан.

Источники дают яркую, но противоречивую характеристику войн Пероза, причем нелегко отличить, какие события связаны с кидаритами, а какие относятся к эфталитам.

Сасанидский царь Пероз, опасаясь все растущей экспансии со стороны эфталитов, выступил против них. В результате неудачного похода Пероз попал в плен и обратился за помощью к Византии, указывая, как это делал до него Евтидем Бактрийский, на то, что нашествие кочевников явится угрозой и для Византии. Освобожденный из плена за предоставленный византийским императором Зеноном выкуп, Пероз обязался отдать эфталитам пограничный город Талкан и не переступать отмеченную еще Варахраном V границу, но договор не выполнил и предпринял второй поход, в котором его сопровождал византийский посол Евсевий (видимо, в связи с тем, что Византия предоставила Ирану золо-

то для ведения этой войны). Чтобы избежать обвинение в нарушении им договора, Пероз, как говорит предание, велел поставленную у Талкана пограничную башню передвигать перед собой с помощью слонов. Второй поход также закончился неудачей Пероза. Попав вторично в плен, Пероз, как говорят сирийские источники, обязался предоставить эфталитам 30 мулов, нагруженных мешками с серебряными дирхемами. Не будучи в состоянии набрать более двадцати, Пероз вынужден был оставить заложником своего малолетнего сына Кавада и в течение двух лет выплачивал эфталитам большую дань, обложив население тяжелой подушной податью. В связи с этим армянский историк Лазарь Парбский с горечью отмечает, что Пероз предал Иран эфталитам (хепталам), и что от этого рабства он никогда не освободится. Закончив выплату дани, Пероз, стремясь создать видимость дружбы с эфталитами, предложил Вахшунвару в жены одну из своих сестер, но обманул его, прислав другую девушку. На это Вахшунвар ответил тем, что часть прибывших из Ирана по просьбе эфталитов военных инструкторов велел убить, а остальных — искалечить.

В 484 г. Пероз, якобы с помощью Византии, выступил в третий поход. Переступив границу эфталитов, он попал вместе с войском в специально приготовленные для них волчьи ямы и погиб. Эфталиты, разбив Пероза, наложили тяжелую дань на Иран и заняли Мерв.

Затем эфталиты заняли долину Кабула и Пенджаб и завоевали Карашар, Кучу, Кашгар и Хотан.

Таким образом, они на некоторое время объединили в единую державу Среднюю Азию, области восточного Ирана, северную часть Индии и Восточный Туркестан.

При сыне Пероза, Каваде, Иран продолжал выплачивать дань эфталитам, но отношения между ними приняли более мирные формы, возможно благодаря тем отношениям, которые установились с эфталитами у Кавада, выросшего в их среде.

В 502 г. Кавад в союзе с эфталитами предпринял поход против Византии. Эфталиты участвовали в осаде Харрана (древние Карры), и когда их предводитель попал в плен, то освободили его за богатый выкуп. В 503 г. через Кавказские горы напали гунны, видимо, не без участия Византии; это несколько осложнило и задержало ход войны, но тем не менее в 506 г. мир был заключен, и эфталиты получили свою часть византийского золота.

Сын Кавада, Хосров I Ануширван, стремился жить в мире с эфталитами, тем более, что ему первое время при-

ходилось еще выплачивать им ежегодно определенную сумму серебром. Тем не менее, воспользовавшись натиском тюрков на эфталитов в 554 г., он отнял у них Тохаристан, а в 563—567 гг. тюркский каган Силсивул в союзе с Ираном разрушил царство эфталитов и привел его в вассальную зависимость.

Однако в конце VI в., с согласия тюрков, эфталиты выступили против Ирана и вскоре, воспользовавшись начавшейся в Иране гражданской войной, освободились от сасанидской зависимости, но будучи к тому времени уже втянутыми в орбиту западнотюркского каганата, не смогли вернуть себе былой самостоятельности.

По словам византийского историка Прокопия (VI в.), эфталиты «управляются одним царем, имеют законную государственность *и соблюдают между собой и соседями* справедливость ничуть не хуже ромеев (византийцев) и персов». Других сведений о государственном устройстве эфталитов у нас нет.

Указания на городскую культуру эфталитов имеются у византийских историков-современников Феофана Византийского и Менандра Протектора (VI в.), который приводит диалог между тюркским послом и византийским императором Юстином II; на вопрос последнего: «В городах ли или в селениях живут эфталиты?», — тюркский посол ответил: «Они — городское племя, господин».

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Главная особенность социально-экономических отношений эфталитского периода — появление предпосылок для возникновения феодальных отношений. Существенные перемены, которые, по археологическим данным, происходят и в хозяйстве, и в городской жизни сопровождаются процессами политического распада и государственной децентрализации.

Наряду с этим, как показывают письменные источники, в быту эфталитов все еще продолжают сохраняться пережитки первобытнообщинного строя (полиандрия). Китайский источник отмечает также у аристократии обычай многоженства, т. е. переход к семье патриархального типа, причем муж проводит у каждой из жен по месяцу, объезжая по очереди их отстоящие на некотором расстоянии друг от друга жилища.

Постоянная вражда эфталитского государства с Ираном *на западе и тюркским каганатом на востоке, отрицательно*

повлияла на торговые отношения с Восточной и Западной Азией.

Крупные родовитые землевладельцы-дехканы забросили службу и торговые дела, занялись строительством загородных замков, создавали свои дворы, свою личную гвардию из чакиров. Пышный двор дехканов и личная гвардия содержались за счет доходов, поступавших от эксплуатации подвластных им общинников и рабов, посаженных на земли.

Как отмечалось выше, в период расцвета кушанского царства ирригация достигла наивысшего уровня. Здесь стало развиваться хлопководство. Были изобретены водяная мельница и водоподъемный механизм (чигир). Землевладельцы научились искусственно удобрять земли, приобрели большой опыт обработки ее, стали получать высокие урожаи. Все это вызвало серьезный сдвиг в развитии производительных сил.

Верховное правительство шло навстречу интересам дехканства, оно способствовало привлечению общинников на работы по проведению оросительных каналов. Постепенно орошаемые земли перешли в руки дехканской аристократии, а масса крестьян-общинников, сидевших на этих землях оказалась в подчинении у дехканства.

Историк Табари (X в.), останавливаясь на вопросе о происхождении дехканства, отмечает, что этот класс зародился в древности, когда легендарный царь Манучехр издал указ о передаче селений под власть дехканов и о повиновении крестьянства этим дехканам. Это безусловно ссылка на предание. В действительности же дехканство как класс, имеет свою длительную историю. Можно предположить, что в конце кушанского — начале эфталитского периода процесс развития дехканства происходил наиболее интенсивно.

Падение Кушанской империи повлекло за собой цепь «варварских» вторжений, завершившихся образованием «полуварварского» эфталитского государства, представляющего собой своеобразный компромисс между феодализирующейся рабовладельческой аристократией оазисов и родовой аристократией полукочевых и кочевых племен, также постепенно вступавшей на путь феодализации.

Основная масса населения занималась земледелием, но часть его продолжала вести кочевой образ жизни. К этой части населения, видимо, относятся слова из китайских хроник о том, что эти кочевники «не имеют городов и живут в местах, привольных травою, в войлочных кибитках». В китайских хрониках, впрочем, применяются эти слова каждый раз, когда говорится о кочевой части любого народа.

Заслуживает внимания обычай аристократии, поразивший Прокопия. «Самые богатые, — говорил он, — приобретают себе друзей человек до двадцати и более: друзья всегда обедают с ними, разделяя их достаток, имея на него общие с ними права. Когда же тот, кто приобрел друзей, умрет, то по закону и они должны быть положены в гроб, вместе с ним, живые». Действительно ли соблюдался когда-нибудь у эфталитов этот жестокий обычай погребения живых людей — мы не знаем. По сообщению Аммиана Марцеллина (IV в.) во время похорон павшего под Амидой хионитского царевича, сына царя Грумбата, труп его был предан сожжению в окружении возлежавших вокруг него на ложах искусно изготовленных фигур его друзей (дружины), которые, таким образом, как бы сопровождали его в загробный мир. Широкими слоями населения этот обычай ни в той, ни в другой форме, конечно, не соблюдался. Трупы рядовых эфталитов спускали в земляные могилы, в то время как богатых хоронили в специально изготовленных каменных склепах.

В связи с переменами в экономике и социальном строе общества, в этот период наблюдается упадок многих старых городов, а также увеличение числа отдельных укрепленных усадеб — замков с двором. Это явление достаточно хорошо прослежено при раскопках в Хорезме, а также на территории Бухарской, Самаркандской, Кашкадарьинской и Ташкентской областей. Кроме того, начинает складываться новый тип городов, вырастающих из посадов при замках-усадьбах. В. В. Бартольд полагал, что столица эфталитов находилась в Бадахшане.

Благодаря раскопкам на городище Варахша выяснилось, что в эфталитский период (вероятно, в конце его) происходили значительные работы, приведшие к коренной реконструкции города. В частности, там был возведен дворец правителей Бухары. Строительство новых сооружений, «замков» и укрепленных селений, на месте более ранних поселений, установлено в оазисах Средней Азии.

Интересным памятником эфталитского времени является раскопанный в 1953—1954 гг. замок Балалыктепа в Сурхандарьинской области, представляющий собой массивное здание на высоком стилобате. Внутри здания обнаружен зал со стенами, покрытыми сюжетными росписями.

Хозяева «шелкового пути», эфталиты принимали деятельное участие в международной торговле. Они торговали с Ираном, Византией, Индией, Китаем. Как и в предыдущий период, посредниками в торговле между Китаем и Ви-

зантией были преимущественно согдийцы; на роль посредника в этой торговле претендовал и сасанидский Иран.

Согдийцы в тот период продолжали начатую еще при Кушанах колонизацию Семиречья и Восточного Туркестана. По данным византийских, сирийских и китайских источников, главными предметами торговли между Китаем и Византией были шелк, стекло, пряности, драгоценные камни, краски и пр.

Эфталиты, участвуя в мировой торговле, вероятно, нуждались в большом количестве денег и выпускали свою монету. В эфталитский период на территории Средней Азии в обращении было очень большое количество сасанидских монет V в. (главным образом Варахрана V и особенно Пероза) и, кроме того, монет местного чекана, являвшихся подражанием монетам Варахрана V. Важная особенность эфталитского периода — появление самостоятельных чеканов небольших владетелей (например, Нахшебский чекан). Это явление можно рассматривать как проявление процесса децентрализации, сопутствовавшего сложению феодальных отношений.

Совокупность имеющихся данных не позволяет нам судить о том, как далеко зашел в эфталитский период процесс феодализации среднеазиатского общества. Многие исследователи именно к V—VI вв. возводят истоки таких феодальных институтов, как кедиверство.

Дехканы, крупные наследственные землевладельцы-рабовладельцы, противопоставили себя массе общинников и рабов. Значительные сдвиги в развитии производительных сил в Кушанском царстве привели к внеэкономическому порабощению общинников и превращению их из свободных кешаверзов в зависимых от дехканов кедиверов.

Так создавалась социальная и экономическая основа зародившегося феодального строя. Общинники признавали власть дехканства лишь после длительных кровопролитных боев. Города пришли в упадок, дехканство устраивалось в укрепленных замках, расположенных в сельских местностях. К сожалению, эта длительная борьба эксплуатируемых масс отражена в источниках очень слабо.

Как отмечалось выше, дехканов громил Маздак. Он призывал своих сторонников отобрать земли и имущество у дехканов, изгнать их из имений, ограничить их правовые привилегии и т. п. Маздак создал еретическое учение против догм, пропагандируемых жрецами в пользу дехканства.

Спустя около 50 лет подобное большое вооруженное восстание крестьян произошло в Бухаре. Восставшие под

предводительством Абруя громили дехканов, которые спасались бегством во владении западных турков. По словам Наршахи, эти дехканы были потомственными владельцами основной массы земель в окрестностях Бухары и пользовались большой властью.

Когда они убежали, восставшие, по-видимому, стали громить вновь образовавшийся слой феодалов из неродовитых служилых людей, так называемых всадников. Оставшись в Бухаре, всадники обратились за помощью к беглым дехканам. По словам Наршахи, беглые дехканы с помощью западно-тюркского кагана вернулись в Бухару. Тюркские войска, пришедшие вместе с дехканами, победили восставших, казнили Абруя и добились установления в Бухаре номинальной верховной власти Тюркского каганата. Восставшие снова стали кедиверами и слугами дехканов. Так во второй половине VI в. н. э. установилась власть раннефеодального дехканства над массой кедиверов. Именитый дехкан из их среды стал правителем Бухары под титулом бухар-худат.

В это время в Мавераннахре и Хорезме реальная власть находилась в руках дехканства, каждый дехкан имел большое имение, замок, свою военную дружину (чакеры). В крупных городских округах сидели самостоятельные правители, поддерживаемые дехканами. Каждый такой правитель имел свою титулатуру, например, в Хорезме — хорезмшах, в Бухаре — бухар-худат, в Варданзи — вардан-худат, в Мианкале — дабусшах, в Самарканде — ихшид, в Кеше (Шахрисабз) — ихшид, в Термезе — термиз-шах, в Усрушане (район Уратепа) — афшин, в Шаше (Ташк.) — тудан, в Илаке (долина Ахангарана) — дехкан, в Фергане — ихшид. В городах Таджикистана тоже сидели свои царьки, титулатура которых неизвестна. Они номинально подчинялись западно-тюркскому кагану, ездили к нему с богатыми дарами, пользовались покровительством кагана и активно участвовали в его международной транзитной торговле. Военную силу каждого из этих царьков составляли дружины дехканов и ополченцы — по одному воину из каждого дома. Эти царьки чеканили свою монету и владели письменностью, составленной на базе древнего арамейского письма.

4. КУЛЬТУРА

Письменные источники почти ничего не сообщают о быте эфталитов, кроме беглого указания на смелость и жестокость этого воинственного народа, применявшего в бою

преимущественно палицы (для персов характерны были стрелы, для арабов — копья). О духовной культуре эфталитов известно также немногое; преемница кушанской культуры, она должна была сохранить некоторые черты, характерные для народов, входивших в состав Кушанского царства.

Как уже отмечалось выше, вопрос о языке эфталитов остается пока дискуссионным, что в значительной степени вызвано скудностью материала. У оседлого населения эфталитского государства продолжали сохраняться и развиваться древние местные языки иранской группы, главным образом согдийский язык. Следы его проникновения до оазисов Восточного Туркестана и Китайской стены сохранили найденные там согдийские документы. Кроме согдийского письма и его бухарского варианта, было распространено также хорезмийское и кушано-эфталитское курсивное письмо. В смежных с Ираном областях был распространен пехлеви (раннесредневековое персидское письмо, восходящее к арамейскому).

В отношении эпического творчества времени эфталитов перед литературоведами стоит задача по выявлению в «Шах-намэ» напластований, относящихся к эфталитскому времени. В. В. Бартольд указал, что Фердоуси сам ссылается на использование им эпических материалов, собранных для него дехканом из Чача. Народные предания и песни сохранили, вероятно, отдельные героические эпизоды из жизни эфталитского народа, главным образом периода борьбы Вахшунвара с Перозом. К ним относится, например, древнее предание о Зопире (соответствует образу Ширака в сакском эпосе), обрекшем себя на гибель ради победы над врагом своей родины, затем эпизод с подставной невестой и, наконец, поразивший народное воображение эпизод с перемещением пограничной башни, которую Пероз велел передвигать перед войском с помощью 50 слонов и 300 воинов.

В эпических преданиях отразилась также борьба эфталитского народа с чужеземными захватчиками, например, эпизод с гибелью в волчьих ямах Пероза и его войска, сохранившийся в «Шах-намэ» в рассказе о царе Нодыре. В «Шах-намэ» отражена также борьба эфталитов с тюрками в рассказе об эфталитском царе Гатфере; В. В. Бартольд предполагает возможным видеть в лице Гатфера исторического Катульфа из византийских источников—эфталита, который из мести за обиду, нанесенную царем его жене, бежал в Иран, предав свою страну тюркам.

Эфталиты политически объединяли большое число народов. В этот период, как при кушанах, должно было существовать довольно много религиозных систем и культов. Продолжал существовать и зороастризм, имевший несколько иные формы, чем в Иране. В среднеазиатском зороастризме наблюдается переплетение его с местными культами, например с культами Анахит, Сиявуша, Митры (Михр).

В день Науруза (Нового года) зороастрийцы рано утром приносили петуха в жертву Сиявушу на его могиле в Бухаре.

Наряду с древними местными культами можно с уверенностью говорить о сравнительно широком распространении в Средней Азии буддизма и о существовании в некоторых центрах буддийских монастырей.

В это время продолжало распространяться манихейство, а также учение Маздака (после истребления его последователей в Иране). В городах, вероятно, существовали общины христиан-несториан и еврейские общины.

В эфталитское время развивается и усложняется антропоморфная культовая иконография, засвидетельствованная главным образом мелкой пластикой. Изготовление глиняных скульптурных изображений божеств (как правило, небольшого размера) приобретает в V—VI вв. особенно широкое распространение. Терракотовые фигурки этого периода отличаются большим разнообразием и массовостью.

Некоторое представление о быте этого периода можно составить по письменным источникам. Интересен рассказ буддийского паломника, посетившего эфталитов в VI в. Его поразил внешний облик женщин из окружения князя, одетых в роскошные платья из дорогих тканей со шлейфами ь три и более футов, которые несли за ними специальные люди. Реальное представление об этих одеждах из богато орнаментированных тканей дает нам стенная живопись храмового помещения Балалыктепа, где изображены сидящие мужчины и женщины с кубками в руках. Позади роскошно одетых людей видны фигуры слуг.

Из архитектурных памятников в V—VI вв. лучше всего изучены «замки» (Балалыктепа) и отдельные усадьбы (раскопки Аултепа в Кашкадарьинской области и Кафыр-Кала около Самарканда). Постройки этого времени известны и по другим памятникам (Афрасиаб, Тали-Барзу, нижние слои Пянджикента, городище Кафыр-Кала в Вахшской долине и др.).

Бируни так характеризует замок Фир близ Кята, построенный, по его словам, в начале IV в. хорезмшахом Афри-

Варахша. Стенная роспись.

гом: у него «...три стены из глины и сырцового кирпича, одна внутри другой, следуют друг за другом по высоте, а все их превосходит замок царей». В целом памятники материальной культуры послекушанского времени изучены еще недостаточно.

Несмотря на некоторый упадок, ремесленное производство остается на высоком уровне. В частности, к эфталитскому периоду относится расцвет производства цветного стекла, вывозившегося из Средней Азии в Китай. Китайские историки занесли в летопись следующую запись, датируемую 424 годом: «Жители владений юе-чжи, производившие торговлю в столице (Китая), объявили, что они умеют из камня плавить разные цветные стекла, почему руду добыли в горах и в столице произвели опыт отливания; опыт удался, стекло блеском своим даже превосходило стекла, привозимые из западных стран, почему государь приказал ввести сии стекла в тронных (залах или дворцах); около ста человек обучались отливанию; стекла были блестящих красок и прозрачны; все, смотря на них, приходили в изумление и считали божественными произведениями».

* *
*

Несмотря на отрывочность наших знаний об эфталитском периоде, особенно в социально-экономических переменах этого времени, можно с уверенностью говорить о зарождении в V—VI вв. феодальных отношений в среднеазиатском обществе.

Ослабление центральной власти и соперничество между собой мелких владетелей (как прямое следствие децентрализации и феодализации) сопровождалось лишь частичным сокращением ирригационной сети. Новые формы землевладения, видимо, способствовали некоторому хозяйственному подъему.

Как рабовладение не приобрело в Средней Азии классических форм, характерных для Греции и Рима, так и переход от рабовладельческого способа производства к отношениям феодальным не принял катастрофических форм хозяйственного упадка и разрухи, сопровождавших падение Римской империи под ударами «варваров».

ЧАСТЬ III

ФЕОДАЛИЗМ

РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО (VI—X ВВ.)

ГЛАВА I

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРИ ТЮРКСКОМ КАГАНАТЕ (VI—VII вв.)

К середине VI в. из объединения различных племен и народов Алтая, Семиречья и Центральной Азии сложилось большое государство кочевников — тюркский каганат, распространивший свою власть на страны Средней и Центральной Азии.

Для периода тюркского каганата мы располагаем несколько большим количеством письменных источников, чем для предыдущих периодов. Но все они представляют собой разрозненные сведения, порою противоречивые, которые могут быть использованы лишь после соответствующей проверки и критики.

Для VII—VIII вв. большое значение имеют памятники тюркской эпиграфики, так называемые рунические надписи, особенно памятник Кюль-Тегина.

Ценные сведения содержат также китайские письменные источники, главным образом Тан-шу — «История дома Тан» (VII—IX вв.) и документы с горы Муг близ Самарканда.

Сведения об этом периоде мы находим в византийских источниках Менандра Протектора и Феофана Византийского, живших в конце VI в., а также у Феофилакта Симоката (VII в.), из числа сирийских источников — у Иоанна Эфесского (VI в.), очевидца описываемых событий. Об этом периоде повествует также армянский историк Себеос (VII в.). События изучаемого периода отражены у Табари (IX—X вв.) и Наршахи (X в.).

В. В. Бартольд в свое время писал, что слово «тюрк» не является этническим термином. В орхонских надписях и позднее оно служило для обозначения политического объединения разнородных племен. Эту точку зрения разделяли А. Ю. Якубовский, А. А. Бернштам и С. П. Толстов. По мнению других историков, это племя возглавляло каганат. В Средней Азии до настоящего времени живет большое племя тюрк, занимающееся скотоводством.

В VI—VIII вв. в результате происходившей ассимиляции различных этнических элементов, входивших в тюркское политическое объединение, образовалась группа племен, говоривших на близких языках и наречиях, получившая общее наименование «тюрков» и сыгравшая впоследствии важную роль в этногенезе узбекского и других тюркоязычных народов Средней Азии.

1. ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ

Тюркские племена Алтая, объединившись с соседними племенами, создали на территории Центральной Азии новое обширное государственное образование полуварварского типа, возглавленное двумя братьями, Тумынем и Истеми (он же — Дизавул по византийским источникам). В середине VI в. Тумынь принял титул жужанского властителя — «каган». В образовавшийся тюркский каганат влились несколько племен и народов. Алтай оставался центром каганата, названного В. В. Бартольдом «самой могущественной из всех кочевых империй домонгольского периода». Тюркский каганат достиг своего наибольшего расцвета в 60—70-х годах VI в. От предыдущих больших полукочевых объединений каганат отличался тем, что тюрки, подчинив себе культурные области Средней Азии и Восточного Туркестана, сами продолжали оставаться в степях.

Пока Тумынь расширял свои владения в восточной части каганата, его брат Истеми был занят в западной части объединением племен Семиречья и смежных районов Восточного Туркестана.

Экспансия западной части каганата привела его в соприкосновение со смежными владениями эфталитского государства. К этому времени обширная Эфталитская держава простирала свое владычество на западе до Каспийского моря, а на востоке включала Восточный Туркестан и Северную Индию. Будучи не в силах сплотить на длительное время входившие в ее объединение народы, она не смогла выдержать натиска тюрков. После поражений, нанесенных тюрк-

ским каганатом в 563—567 гг., Эфталитское царство окончательно распалось.

Разгромив Эфталитскую державу, тюрки столкнулись на Амударье с новым соседом — могущественным сасанидским Ираном, возглавлявшимся в тот период шаханшахом Хосровом Ануширваном, также стремившимся к экспансии своих владений за счет распавшегося Эфталитского царства. На первых порах, пока эфталиты являлись общим врагом и для Ирана, и для тюркского каганата, отношения между этими двумя сильнейшими государствами Передней и Средней Азии оставались дружественными (Хосров женился на тюркской царевне). Когда же тюрки разгромили Эфталитов, между ними и Хосровом начался постепенно нараставший антагонизм.

Причиной охлаждения, а затем и вражды было стремление Ирана, с одной стороны, присоединить ряд эфталитских областей, а с другой стороны, этому способствовало стремление тюркского каганата к овладению важнейшими торговыми путями между Дальним Востоком и странами Средиземноморья. Кроме того, правители Ирана старались всячески помешать купцам Согда (который, сохраняя известную автономность, в то время уже признавал верховенство тюрков) вести с Византией торговлю шелком. Получив разрешение Истеми, согдийцы для урегулирования этих вопросов направили в Иран посольство во главе с неким Маниахом, знатным согдийским купцом, Хосров долго не давал окончательного ответа согдийцам и, побуждаемый одним из своих приближенных, Эфталитом Катульфом, демонстративно сжег привезенные согдийцами образцы шелка. Катульф, предавший свою страну, естественно, должен был опасаться связей Ирана с эфталитским Согдом, а Хосров к тому же не был уверен в том, следует ли дружбу с тюрками предпочесть торговле с Византией. Члены второго посольства, направленного каганом Истеми ко двору Хосрова, были им отравлены.

После этих неудачных посольств тюрки решили начать в союзе с Византией борьбу с Ираном. В 568—569 гг. в Константинополь ко двору Юстина II было направлено посольство от тюрков во главе с тем же согдийским купцом Маниахом. Ему было поручено добиваться установления непосредственных торговых сношений с Византией, минуя Иран. Маниах, везя дары и письма от Истеми, на этот раз держал путь, избегая подчиненных Ирану стран. Миновав северное побережье Каспийского моря, он перевалил через

Кавказский хребет. Посольство, видимо, удачно выполнило возложенную на него задачу.

В далекую страну тюрков из Византии вместе с возвращавшимся Маниахом отправилось ответное посольство во главе с киликийцем Земархом. Маршрут посольства, видимо, шел через Кавказ, Волгу, Урал, мимо северных берегов Каспийского моря и через Хорезм — вдоль Сырдарьи. Описание этого посольства сохранилось у Менандра, который сообщает ряд интересных деталей. Он рассказывает о том, как послы должны были выполнить в ставке кагана очистительную процедуру, пройдя между огнями, а также дает описание завешенного шелками шатра в ставке Дизавула, где все — и шатер, и повозки с серебряной посудой, и золотой трон на колесах — говорило о кочевом образе жизни.

Переговоры тюркского властителя с Земархом касались вопросов о непосредственной торговле шелком и о совместных действиях против Ирана.

В 70-х годах VI в. для тюркского каганата сложилась весьма благоприятная международная обстановка на западе. Взаимная борьба двух могущественных соседних держав — Византии и Ирана — отвлекла их внимание от бурного роста молодого полукочевого государства тюрков. Процветанию каганата в известной степени способствовало усиление смут в Китае, в связи с чем ослабевала бдительность Срединного царства в отношении государства Истеми-Дизавула.

Тюркское государство, военные силы которого в этот период находились и на Тихом океане, и на Черном море, совершило ряд набегов на территорию Китая, в результате чего Китаю, ослабленному внутренними смутами, предъявлено было требование выплачивать ежегодную дань в размере 1000 кусков шелка.

В 588 г. Кара-Чурин, правитель тюрков начал с помощью хазар и Византии борьбу против Ирана, но был разбит и убит знаменитым сасанидским полководцем Бахрам-Чубином. Это поражение послужило толчком к еще большему упадку каганата и распаду его в 80-х годах VI в. на восточную и западную части.

В начале VII в. в жизни западного каганата вновь намечается подъем, совпавший с прекращением суйской династии в Китае. При воцарившейся танской династии (618—907 гг.), вновь устанавливаются оживленные сношения между Китаем и Средней Азией; из ряда городов (Бухара, Самарканд, Иштихан, Кушания и др.) в 627—641 гг. направляются в Китай дипломатические посольства.

В это время усилилось оседание кочевых племен Семиречья и заселенных согдийцами оазисов Восточного Туркестана.

Путешественник Сюань Цзян отмечает большое количество городов, возросшее значение в них знати и упоминает город Су-е (Суяб) в долине реки Чу, куда ежегодно на большие ярмарки съезжались купцы из всех соседних стран и где они обсуждали свои торговые дела, продавали и покупали товары.

В 630 г. западная часть тюркского каганата снова переживала период подъема. Ее границы доходили, как и при Эфталитах, до берегов Инда. Этот подъем, вызванный ростом городов, привел к дальнейшему оживлению торговых сношений с Китаем и Ираном. Караваны в тот период держались маршрута: Мерв — Чарджуй — Бухара — Самарканд — Чач — Исфирджаб — Талас — Суяб и дальше — к оазисам Восточного Туркестана. На всем этом пути, вплоть до Лоб-Нора, караваны встречали согдийские колонии, которые в известной мере содействовали быстрейшему продвижению торговых караванов.

Но китайцы, недавние союзники тюрков, поддерживавшие с ними оживленные торговые сношения, около 630 г. вновь наносят поражение тюркам.

В конце VII в. с запада надвигается новый враг — арабы, подчинившие своей власти Среднюю Азию после длительной и упорной борьбы ее народов за свою независимость.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Западнотюркский каганат никогда не был настоящим централизованным государством.

Касаясь административного управления каганатом, Менандр рассказывает о письме Истеми-Дизавула к Юстину II, в котором он сообщает, что страна его разделена на несколько частей, но верховную власть осуществляет он, хакан (каган).

Из китайских летописей VI—VIII вв., а также из работ Абурайхана Бируни и из других источников мы узнали, что в начале VIII в. в Средней Азии было около 15 самостоятельных владений, каждое из которых состояло из города и земледельческой округи. Возглавлявшие их царьки принадлежали к династии Кан, старшим среди них был владетель Самарканда. Канский царь, по словам китайско-

го летописца, «происходит из дома юе-чжи», а члены канского дома, возглавляющие отдельные владения, носят титул чао-ву (джабгу). Из этого следует, что княжества Согда, как установила О. И. Смирнова, возглавлялись представителями местных династий из тюрок, ведших свой род из дома юе-чжи. Эти согдийские князья, а также владетели Чача и Хорезма, сохраняя автономность, возможно, входили в состав большого политического объединения (своего рода союз).

Согд в этот период занимал небольшую территорию от Пянджикента до Кермине с включением иногда долины Кеша (Шахрисабза) и Нахшеба (около Карши). Будучи полуавтономной областью, Согд выплачивал кагану дань, он сохранял некоторую свободу во внутреннем самоуправлении. Письменные источники, особенно сведения Сюань Цзяна, относящиеся ко времени около 630 г., результаты археологических наблюдений и данные топонимики позволяют говорить о том, что княжества по Зарафшану в VI—VII вв. мало изменились по сравнению с V в.

Бухарская область в этот период представляла собою самостоятельный союз мелких владений, возглавляемых бухар-худатом, владыкой Бухары. Между Самаркандом и Ходжентом находилась область Усрушана, а на средней Сырдарье — область Чач с городом Бинкетом (Ташкент). Фергана в объединение Кан не входила: она управлялась своим ихшидом и в VI—VII вв. находилась в каких-то взаимосвязях с народами Тянь-Шаня. Тохаристан также не входил в канский союз и управлялся своими князьями.

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Социальный строй народов, объединенных тюркским каганатом, находился на различных стадиях развития. Народы каганата в VI—VII вв. распадались на оседлое (земледельческое) и кочевое (скотоводческое) население. Передовой и ведущей в культурном отношении частью общества были оседлые земледельческие народы.

Местное земледельческое население в Согде, Хорезме и Тохаристане в значительной своей массе превратилось в зависимых кедиверов. Существовала большая патриархальная семья, в состав которой входили иногда и домашние рабы.

Кедивер, экономически и, отчасти, лично зависел от богатого землевладельца — дехкана и даже от сохранившего

хозяйственную самостоятельность земледельца. В этот период численно возросшие кедиверы представляли собой основную силу в феодальном обществе Средней Азии.

Большую роль, особенно в Согде, в тот период играли купцы. Выходили они, по преимуществу, из среды той же дехканской знати, с которой были тесно связаны всем бытовым укладом своей жизни.

Общество тюрков — кочевников-скотоводов уже вышло из стадии первобытной общины. Основной ячейкой родоплеменной организации являлась большесемейная патриархальная община. Внутри нее зрел процесс сложения классовых отношений на основе все увеличивавшегося числа рабов, которых добывали главным образом военными набегами. Основная свободная масса населения носила название «будун» или «кара-будун». Представители родоплеменной знати (главы отдельных племен и их родственники) носили титул «бек».

Во главе объединенного государства стоял «каган». (Оседлые и породнившиеся с населением Согда тюрки пользовались согдийскими терминами). Выходцы из Согда играли большую роль в общественной жизни тюркских государств.

4. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ. ГОРОДА

Ирригационная система по сравнению с эфталитским периодом в это время в одних районах несколько увеличилась, в других (Хорезм) — сократилась. Население продолжало возделывать землю под те же зерновые культуры (пшеница, ячмень, рис, просо), занималось виноградарством и садоводством, много внимания уделяя культуре хлопчатника, люцерны, тутового дерева и разведению домашнего скота.

Рудные разработки имелись в Фергане и Согде (золото, киноварь, медь и железо), в Илаке (свинец, серебро, золото), и в районе Шахрисабза (красная соль).

В VI—VII вв. начинает преобладать новый тип поселения — укрепленные большесемейные усадьбы-замки. Пока эти крупные усадьбы-замки знати выявлены и изучены на территории Хорезма, но с таким же типом строений историки-археологи встречаются и в Согде.

Что касается свободного земледельческого населения, то оно жило в мелких укрепленных усадьбах; большое число таких усадеб обнаружено в районе Беркут-Кала, в правобережном Хорезме; девяносто шесть усадеб расположены

здесь на расстоянии около 200 *м* друг от друга и занимают небольшую площадь в 34 кв. *км* (полосой в 17 и 2 *км* вдоль древнего канала, по трассе которого теперь проложен новый канал Кырк-Кыз). *Каждая усадьба обнесена стеною, в центре* ее находится башня — «кешк», служившая жильем и укрытием от врага.

Характер поселения свободных земледельцев Согда и Ферганы пока с такой четкостью не выявлен.

В. В. Бартольд указывал, что города Средней Азии, несмотря на значительный размах торговой деятельности в VII в., не отличались большими размерами. «Городище Афрасиаб, соответствующее Самарканду VII в., главному городу всей страны, занимает пространство несколько меньше 2 квадратных верст; в Бухаре городом тогда была только возвышенная площадь к востоку от цитадели... Длина стен старого Пайкенда — 678 сажен в окружности. Главный город области Чач, соответствовавший нынешнему Ташкентскому району, имел, по китайским сведениям, всего 10 ли (ли — тогда одна треть версты) в окружности; главный город Ферганы Касан — всего 4 ли».

Археологические исследования последних лет позволяют говорить о Самарканде, как о городе, имевшем в окружности 3,5 *км*. Что касается стен Пайкенда, то они, как показали обследования В. А. Шишкина и М. М. Дьяконова, а также раскопки под руководством А. Ю. Якубовского в 1939 г., тянулись на протяжении 1,8 *км*. Обследованный А. Н. Бернштамом древний Касан в Фергане действительно имел в окружности 2 *км* (что приближается к 4 ли китайских источников). Что же касается Бинкета (главный город Чача), то он детальному обследованию еще не подвергался.

Многолетние раскопки Пянджикента (Согд) показали, что города в VII—VIII вв. были центрами ремесла и торговли. Массовое распространение медной монеты в VIII—VIII вв. свидетельствует о расширении товарных отношений.

Внутренняя и международная торговля в период тюркского каганата составляла одно из важных занятий населения. Как уже указывалось, торговые пути в этот период передвинулись с юга на север, что было вызвано переходом роли торговых посредников к согдийцам (они вели и морскую торговлю через Каспийское море). Особенно интенсивная торговая деятельность была сосредоточена в Бухарской области: один из городов ее, Пайкенд, назывался «городом купцов».

В период с 627 до 647 г. из Самарканда в Китай было

направлено девять торговых посольств. Посольства направлялись и от отдельных владетелей Канского царства: из Усрушаны, Бухары и др. Известны случаи, когда несколько владетелей сообща посылали караван, как, например, явившееся в Китай в 627 г. посольство от Бухары, Самарканда, *Иштихана, Харканы и Усрушаны. Торговые караваны шли в* Китай через Бухару—Самарканд—Чач—Тараз (Джумбул)—Кулан (Луговая)—Мерке—Суяб—южный берег Иссык-Куля — оазисы Восточного Туркестана.

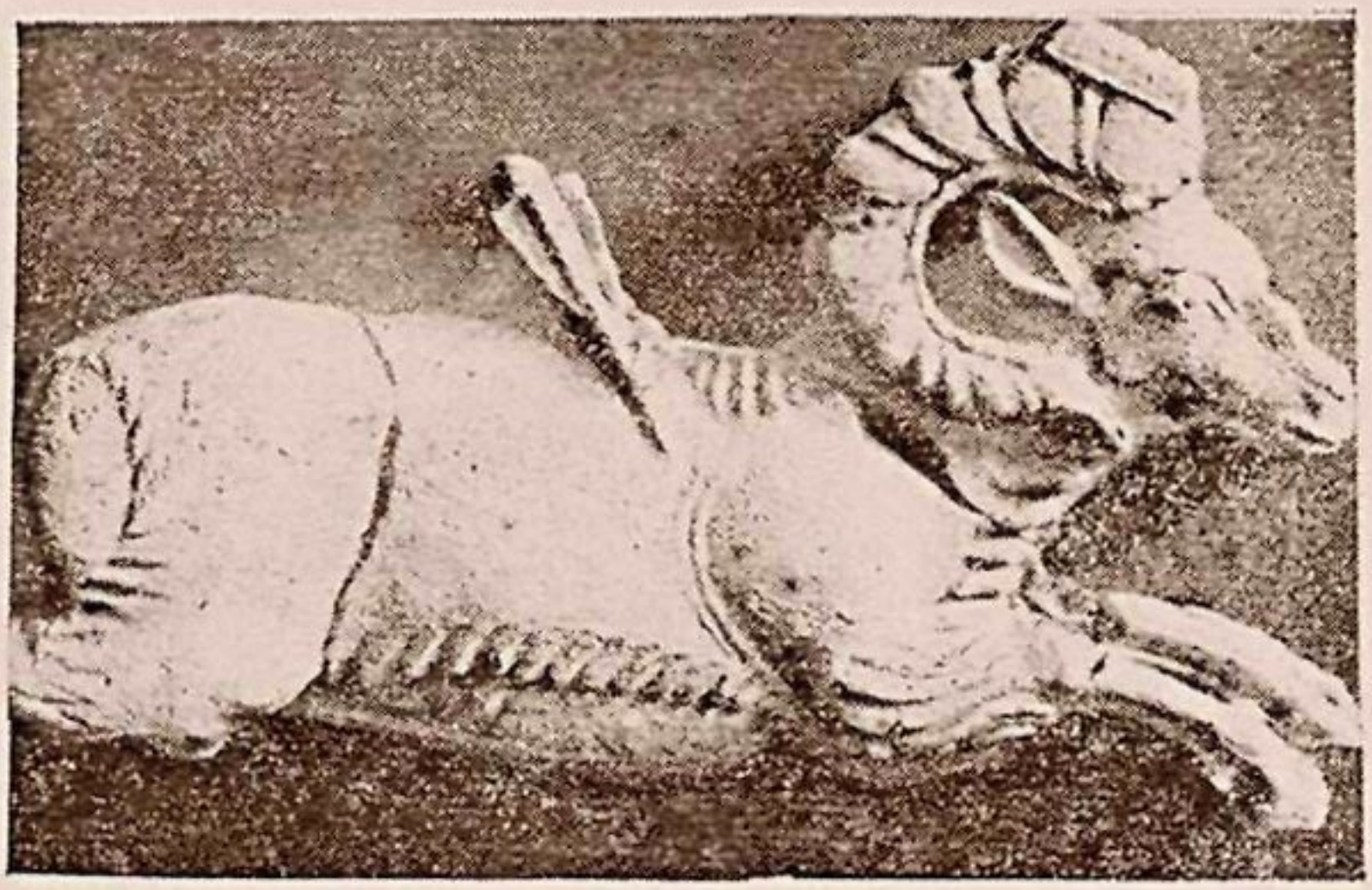
Варахша. Фрагмент алебастрового декора. Женская голова.

Интенсивная деятельность торговых караванов содействовала развитию колонизационной деятельности согдийцев, направленной в сторону Семиречья и на области по торговому пути из Чимкента до Китая. Особенно много согдийских колоний появилось в долине Таласа и по левобережью р. Чу.

Отдельные владения, расположенные на территории Средней Азии, общего войска не имели. В каждом княжестве были свои небольшие военные отряды, численностью от нескольких сот человек (Маймург, Андхой) до тысячи (Кеш, Кушания, Бухара и пр.), и несколько тысяч воинов. Во время военных действий их пополняли дружины (чакири) многочисленных дехкан.

В организации войска сказываются и четкое классовое расслоение, и нарастающий процесс феодализации. Конница состояла из представителей родовой знати — дехкан, которые выступали в поход в чешуйчатых панцирях, вооруженные луком, палицей, мечом и кинжалом. Личная дружина князя, состоявшая из конницы и пехоты, набиралась из наемников и рабов; гвардейцы носили название «чакир».

Что касается быта жителей Канского царства в долине Зарафшана, то о них Сюань Цзян сообщает, что они носят одежду из хлопчатобумажных тканей, шерсти и кожи. Мужчины носят кафтаны и стригут волосы, женщины «складывают волосы на голове и накрывают черным покрывалом с золотыми цветами»; владетель Канского царства заплетает волосы, носит золотой венец с семью дорогими камнями, одевается в шелковые ткани и полотно.



Варахша. Фрагменты алебастрового декора.

Археологические материалы, найденные при раскопках Топрак-Кала в Хорезме, Кувинского храма в Фергане, Храмов и жилищ в Пянджикенте, в Балалыктепа, на Варахше и, наконец, на Афрасиабе свидетельствуют о высокой культуре. Китайские авторы упоминают также золотые троны во дворцах правителей: у владетеля Кушании был трон в виде барана, у владетеля Бухары — в виде верблюда.

Праздники, обычаи и обряды, связанные с глубокой древностью, продолжали бытовать и в период господства тюркского каганата: например, празднование Науруза (Нового года) в Средней Азии сопровождалось тогда ритуальным единоборством.

Жители Согда любили музыку, причем в их обиходе имелись и струнные, и ударные, и духовые инструменты.

5. КУЛЬТУРА

Письменность. Менандр, как указывалось выше, сохранил нам сведения о том, что согдийский посол Маниах доставил в Константинополь письмо кагана Истеми, написанное *«скифскими буквами». Имеем ли мы тут дело с широ*ко распространенным согдийским письмом или же с руни-ческим письмом тюрков, пока сказать трудно.

Древнейшие датированные памятники тюркской письменности сохранились на территории Монголии в виде вырезанных на камне надписей каганов VIII в., но имеются и недатированные надписи. Следует назвать также рунические надписи в Киргизии VII—VIII вв., близкие к енисейским надписям того же времени. Как показали исследования, сходство, существующее между древнейшим письмом тюркским и письмом согдийским, может быть объяснено общим их источником—письмом арамейским. Имеются также рунические надписи из Ферганы.

Сюань Цзян указывает на то, что на всем протяжении от реки Чу и до Амударьи (страна Сулик, т. е. Согд) он наблюдал общность культуры, выразившуюся в сходстве одежды, обычаев, письма. О письме согдийском он сообщает, что строки идут слева направо и что в алфавите имеется всего 25 знаков. У Бируни сохранились сведения о согдийском календаре, причем сообщаемые им названия месяцев и лингвистические формы совпадают с теми данными, которые были установлены А. А. Фрейманом при изучении им текста согдийской рукописи, найденной на горе Муг в Таджикистане и являющейся документом астрономического содержания (календарь). Как уже говорилось выше, в Восточном Туркестане были найдены памятники религиозной (буддийской, христианской и манихейской) литературы VII в. на согдийском языке. Среди согдийских текстов VII в. удалось установить и отрывки песни о Рустаме, что подтверждает бытование местных эпических сказаний на всем протяжении истории народов Средней Азии, начиная с ахеменидского периода и кончая X в., когда они влились в «Шахнамэ».

Согдийские документы начала VIII в., найденные на горе Муг (верховья Зарафшана) дают важные сведения по политической истории, праву, экономике, идеологии Согда. Надписи на стенных росписях Афрасиаба сообщают много

ценного о политической и культурной жизни Средней Азии в VII в.

Параллельно с согдийским, существовало, как и в предшествующее время, отличное от согдийского, хорезмийское письмо, зафиксированное в документах архива в Топрак-Кала, написанных на коже и дереве, а также на монетах, печатях и металлических предметах. Особенно интересны надписи на оссуариях VII—VIII вв.

В этот период было в ходу и сирийское письмо, занесенное в Среднюю Азию манихейцами. В определенных кругах были в употреблении индийский алфавит буддистов и особое сирийское письмо христиан — эстрангело.

Продолжала существовать и поздняя форма кушано-эфталитского курсивного письма, но основу письменности составляла согдийская и хорезмская письменность.

В отличие от Ирана, где грамотность в это время была явлением редким и являлась достоянием главным образом жрецов и дебиров (служащих в канцеляриях, секретарей), в Средней Азии, напротив, письменность была распространена более широко. По рассказу китайского историка, мальчики, достигшие пятилетнего возраста, обучались письму и счету, чтобы затем, когда им исполнится 20 лет, отправиться в чужие страны для изучения торгового дела.

К сожалению, почти все памятники письменности богатой и разнообразной культуры народов Узбекистана в древности погибли под беспощадными ударами ислама. Бируни сообщает, что в VIII в. Кутейбой в Иране, Согде и Хорезме *были истреблены жрецы — носители культуры, а также* хранившиеся ими книги.

Религиозные верования. Есть основание полагать, что в VII—VIII вв. большая часть населения исповедовала зороастризм в его среднеазиатских вариантах. Упоминая о живущих под Самаркандом 200 семействах, один из китайских источников рассказывает о погребении ими умерших следующее: они построили в пустынном месте ограду, в которой содержат собак, и в эту ограду собакам бросают трупы умерших, а затем собирают кости и закапывают их. В этом рассказе отразились те же обычаи, которые для более раннего времени были зафиксированы и Страбоном, и Юстином, — это погребальный обряд зороастрийцев, с той лишь разницей, что у правоверных зороастрийцев собранные кости хоронили в специальном глиняном гробике — астадане (оссуарии).

О существовании в то время на территории Средней Азии зороастризма говорит большое количество астаданов,

обнаруживаемых в различных районах и в значительной части своей относящихся к изучаемому периоду, — кладбища астаданов VI—VII вв. в Согде, Чаче и Хорезме.

Начиная с кушанского периода широкое распространение в южных областях Средней Азии начал получать буддизм, главным образом в городах, в среде купцов. Еще в 30-х годах VII в. Сюань Цзян видел в Самарканде два опустевших буддийских монастыря.

Но если в Согде в начале VII в. буддизм пошел на убыль, то памятники буддизма засвидетельствованы в других районах — в Фергане и в Тохаристане.

Продолжало в Средней Азии распространяться, хотя слабо и случайно, христианство несторианского толка. Интересный рассказ сохранился у Феофилакта Симокатты и у Феофана Византийского о знаках в виде креста на лбу у некоторых тюрков, входивших в отряды Бахрам-Чубина. Знаки эти были нанесены им на лбы в раннем детстве матерями, которые якобы надеялись уберечь этим детей от болезней.

В согдийских и хорезмских текстах сохранились некоторые термины и религиозные формулы среднеазиатских зороастрийцев. Стенные росписи Согда, памятники Хорезма позволяют судить о местной религиозной иконографии.

Существовали в этот период и манихейские общины.

Вещественные памятники. В Средней Азии раскопаны уже десятки памятников раннего средневековья, давших разнообразные материалы, характеризующие быт этой эпохи.

К VI—VIII вв. относятся исследованные на территории Хорезма укрепленные усадьбы-замки Беркут-Кала и особенно Тешик-Кала.

Характерным для этого периода является расположение донжона (жилой башни) на массивном цоколе, высотою в 4—8 *м*. Донжон этот расположен на углу или в середине одной из стен, и стены его украшены «гофрировкой» — полуколоннами с ложными бойницами (иногда бойницы отсутствуют).

Особый интерес представляет хорошо сохранившаяся усадьба-замок Тешик-Кала, верхний слой которой, по найденным здесь монетам, относится к VII—VIII вв. Усадьба занимает площадь в один гектар. Она обнесена глинобитной стеною с овальными башнями по углам и с узкими бойницами; по верху ее шел парапет с зубцами. Войти в жилую башню можно было только через подъемный мост.

В комнатах имеются широкие лежанки, стены украшены рельефным глиняным фризом из чередующихся розеток и пальметок; на полу найдены обрывки ковра, вытканного в «паласной» технике.

Раскопки в Пянджикенте позволили восстановить облик согдийского города VI—VIII вв. с его узкими улицами, окаймленными двухэтажными домами, с цитаделью на отдельном холме и пригородными усадьбами, разбросанными среди полей.

Из дошедших до нас памятников VII—VIII вв. особенно большое значение имеет дворец самаркандского правителя (ихшида) VII в., открытый в 1965 г. на городище Афрасиаб. Раскопками вскрыта пока лишь небольшая часть дворца. Стены зала сверху донизу покрыты монументальной живописью. По всей вероятности, изображена сцена свадебного шествия во главе с невестой — принцессой Чаганиана на белом слоне; ее сопровождают во дворец самаркандского царя ближайшие подруги, почтенные сановники на верблюдах и лошадях. Поодаль большая, в сравнении с другими, фигура всадника, по всей вероятности, самого жениха — правителя Самарканда. На лицах, руках и особенно на одеждах изображенных персонажей имеются надписи согдийским письмом. Обнаружена зала с деревянной отделкой, декорированная прекрасными деревянными скульптурами. Они обуглились в пламени пожара и потому сохранились. В других помещениях дворца найдены барельефы пейзажного характера.

Не менее значителен дворец правителя Бухары на городище Варахша в 60 *км* к востоку от Самарканда (вверх по Зарафшану), раскопанный в 1938—1953 гг., и здания на городище Пянджикента, изучение которых производится с 1946 г. Во дворце на Варахше при одной из его перестроек стены некоторых помещений были покрыты живописью клеевыми красками по глиняной штукатурке. В одном из этих помещений были изображены воины, сидящие на белых слонах, вооруженные копьями, мечами и арканами. Воины сражаются со зверями и крылатыми чудовищами. Полуобнаженные фигуры воинов и слоны покрыты разнообразными украшениями из золота и драгоценных камней. В другом зале на одной стене представлен торжественный прием царем своих приближенных. Царь сидит на троне, украшенном двумя изображениями крылатых верблюдов. По обе стороны от трона сидят богато одетые мужчины с мечами, кинжалами и чашами в руках. Рядом с троном изображена курильница (или жертвенник) с горящим в ней огнем. На

другой стене в том же зале уцелела часть картины, изображавшей, видимо, битву; сохранились изображения закованных в тяжелые доспехи конных воинов.

Позднее, уже после завоевания страны арабами, дворец подвергся новой капитальной перестройке. Новые его помещения были декорированы резьбой по алебастровой штукатурке и алебастровыми же скульптурными рельефами, в которых, наряду с исключительно разнообразным и богатым растительным и геометрическим орнаментом, были изображены на фоне пейзажа с деревьями и водоемами сцены, в которых участвовали различные птицы, люди, звери и фантастические сказочные чудовища.

Разнообразной по сюжетам и манере изображения живописью покрыты стены многих помещений в двух храмах и жилых домах, раскопанных в Пянджикенте. Здесь изображены сцена погребения, сцены, в которых участвуют конные и пешие персонажи, арфистка, какая-то игра, напоминающая нард, и т. п. Варахшские и Пянджикентские росписи дают наглядное представление о костюмах, вооружении и утвари, которыми пользовались правящие круги согдийского общества того времени, и являются выдающимся памятником живописи, ярким отражением высокой древней культуры народов Средней Азии.

Живописцы Средней Азии заимствовали свои сюжеты из истории, мифологии, героического эпоса, сказок и басен, поэтому их работы являются первоклассным источником по истории культуры. О высоком уровне культуры свидетельствует широкое распространение росписей, украшающих не только дворцы и храмы, но и многочисленные дома знати.

Остатки буддийской храмовой архитектуры обнаружены и раскопаны В. А. Булатовой на территории домусульманской Кувы в Фергане. Храм состоял из двух помещений с отдельным входом в каждое из них. У входа в айван стояли гигантские фигуры лошадей и бородатого божества с *изображением человеческого черепа на лбу*. В помещениях храма обнаружены также раскрашенные глиняные статуи божеств буддийского пантеона.

В городе Кушания (около Каттакургана), если судить по китайским источникам, в VII в. имелось некое культовое здание, в котором владыка города по утрам совершал какие-то обряды; «на северной стене этого здания были нарисованы *красками китайские императоры, на восточной*— владетели, тюркские и индийские, на западной — персидские и римские». Описание это, в дополнение к росписям дворцов в Варахше и Топрак-Кала, говорит о широко рас-

пространенном в то время декоративном приеме — украшении стен зданий росписью.

Согласно китайским источникам, в Согде тогда имелись большие золотые статуи в храмах (в Иштихане), но каким богам они были посвящены—неизвестно. Скульптура имела, по-видимому, большое распространение. Те же китайские летописи сообщают о тронах в виде животных, на которых восседали цари в Унаге́ (Бухарский оазис), Хе (Кушания) и Бахани (Фергана).

Кува. Скульптура из Буддийского храма.

К VI—VII вв. относится многочисленная группа памятников — большое количество обломков и целых глиняных астаданов (оссуариев), находимых на территории Средней Азии, преимущественно в Хорезме, Согде и Шаше. Одна группа астаданов, найденных в Хорезме, имеет вид прямоугольного удлиненного ящика (иногда на ножках) с плоской или четырехскатной крышкой; другая группа представляет собою овальный или круглый в разрезе ящик с конусообразной крышкой, завершающейся лепным изображением человеческой головы.

На хорезмских оссуариях из Ток-Кала имеются росписи, передающие сцену оплакивания. В этой связи интересны найденные на Афрасиабе глиняные статуэтки, относящиеся

к этому времени, изображающие плачущего человека, который раздирает себе щеки. Не связан ли этот обряд оплакивания со сходным обычаем, описанным Менандром: византийскому послу Валентину и его спутникам, присутствовавшим при погребении кагана Истеми-Дизавула в 572 г., *пришлось соблюсти местный обычай и в знак траура поре*зать себе щеки, рискуя в противном случае навлечь на себя гнев нового кагана. Этот обычай известен и в согдийской среде: в пянджикентской росписи, изображающей оплакивание, мы наблюдаем тот же своеобразный обряд.

Прикладное искусство Средней Азии VII—VIII вв. также представлено ценными памятниками. Развивалось шелкоткачество, стеклоделие, гончарное дело. Примером своеобразия прикладного искусства Согда может служить керамика Кафыр-Калы (близ Самарканда), где в VII в. изготовляли любопытные изделия, по форме близкие к серебряным сасанидским сосудам (блюда, кувшины, кружки, чаши). Эта керамика посыпана слюдой, придававшей ей металлический блеск, и украшена рельефными изображениями (человеческие лица, козлы, плоды, розетки). Возможно, эта группа сосудов имитировала в дешевом материале дорогостоящие предметы из серебра.

О бытовой обстановке и вооружении согдийцев в период, предшествующий арабскому завоеванию, прекрасное пред*ставление дают находки, сделанные в замке на горе* Муг (к востоку от Пянджикента, на месте слияния р. Кум с Зарафшаном), где благодаря природным условиям, кроме глиняной посуды и изделий из металла, сохранилась деревянная посуда, плетеные корзины, хлопчатобумажные и шелковые ткани, стрелы с трехперыми железными наконечниками и обтянутый кожей деревянный щит с отлично сохранившимся изображением всадника, одетого в панцирь, с мечом, кинжалом и налучьем.

Памятников тюркской материальной культуры сохранилось мало — это каменные фигуры, изображающие покойного, чаще всего с чашей, а иногда с оружием в руках. Они весьма примитивны в отношении техники и стиля.

Но в это же время византийский историк Менандр, описывая путешествие Земарха в ставку Истеми-Дизавула, оставил нам перечень золотых предметов (трон, ложе, вазы, кувшины), виденных послом в шатрах кагана; видел он и повозки, наполненные серебряной посудой и предметами в виде животных, которые якобы не уступали тому, что изготовлялось в Византии. В одном из шатров византийцы любовались колоннами из дерева, покрытыми золотом, и золо-

тым ложем на ножках в виде золотых павлинов. Это множество золотых предметов, по словам Феофилакта Симокатта, тюрки изготовляли из золота. Не исключено, конечно, что среди серебряной посуды и золотых предметов могли находиться и изделия народов Средней Азии, Ирана и других стран, попавшие в ставку кагана в качестве даров или военной добычи.

* * *

Тюркский каганат сыграл роль катализатора, ускорившего процесс феодализации общественного строя, начавшийся уже в эфталитский период.

Большая международная торговля между Византией и Китаем, в которую были втянуты народы Средней Азии, широкий диапазон политических и культурных связей (от Византии на западе до Кореи на востоке), — все это усилило экономические, политические и культурные связи с соседними народами и наложило свой отпечаток как на культуру населявших Среднюю Азию народов, так и на культуру смежных стран — Китая, Ирана, степных народов, в свою очередь испытавших на себе воздействие народов Средней Азии в период господства тюркского каганата.

На протяжении длительного периода своей древней истории народы, населявшие территорию Узбекистана, и смежные народы, в ходе мировой истории создавали и развивали в теснейшей взаимосвязи свою собственную разностороннюю и богатую культуру.

Будучи соучастниками создания ахеменидской культуры Ирана и Греко-бактрийского царства, а также создателями культуры Кушанского царства, народы Средней Азии подняли свою древнюю культуру на еще большую высоту при эфталитском и тюрском объединениях. Такова была экономическая, социально-политическая и культурная жизнь Узбекистана накануне вторжения в Среднюю Азию арабов.

В рассматриваемый период тюркоязычные племена проникли в Среднюю Азию как серьезный этнический компонент. Северные области Средней Азии обрели заметную этническую пестроту. Тюрки приходили сюда то в качестве военных союзников, то как наемники для пополнения дехканских дружин или царской гвардии (гулямы). Делали свое дело и смешанные браки народов Средней Азии с тюркоязычными племенами. Так постепенно слагались предпосылки формирования узбекского народного языка на известной части территории Средней Азии.

ГЛАВА II

ЗАВОЕВАНИЕ АРАБАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Арабы в первой половине VII в. к моменту их выступления на исторической арене в качестве завоевателей представляли собой весьма разнородную в социальном и культурном отношении народность; основная масса их кочевала со стадами скота по Аравийской пустыне и на периферии оазисов. Арабы представляли собой классовое общество, в котором, наряду с рабовладельческими отношениями, уже появились первые признаки феодальной эксплуатации, хотя основная масса бедуинов (кочевников) еще оставалась свободной. Родоплеменные отношения среди арабов еще не были изжиты и сохраняли в степи свое сильное влияние на общественную жизнь кочевников.

В небольших оазисах, оторванных друг от друга, велось орошаемое земледелие, имелись малоразвитые города, населенные главным образом купцами, занимавшимися торговлей с кочевой массой пустынь, и ремесленниками. Основными объектами эксплуатации рабовладельческого класса торговых городов Аравийского полуострова были эти скотоводческие племена и городские ремесленники.

Страна была раздроблена на ряд мелких политических единиц, опиравшихся на города — центры в отдельных оазисах. Население земледельческих оазисов, как ведущих центров хозяйственного развития арабского общества, находилось в то время на самом раннем этапе сложения феодализ-

ма, *сопровождавшемся усиленным процессом разложения* рабовладельческого общества.

В VII в. после ожесточенных межплеменных войн небольшой город Медина стал центром нового политического объединения всех арабских племен. Идеологией этого движения сделался ислам. Правящим группам Медины удалось быстро сплотить вокруг себя воинственных вождей кочевых племен и, направив силы против соседних городов и оазисов, одержать одну победу за другой над своими соседями. Будучи сами кровно заинтересованы в богатой военной добыче, они сумели небольшими подачками заинтересовать в ней и следовавшие за ними широкие массы кочевников.

Арабы быстро захватили Сирию, Палестину, Иран. В 651 г. они подошли уже к Мерву, богатому и культурному городу, и взяли его без боя.

Победы арабов объясняются не столько их силой, сколько внутренней слабостью и политико-экономической раздробленностью захваченных арабами стран.

В рассматриваемый период арабское общество в культурном отношении стояло на более низком уровне, чем покоренные им народы Египта, Византии, Средней Азии, Сирии, Ирана.

Уходя в походы, разбившись на отряды по своим племенным подразделениям, арабы приносили с собой и свои племенные традиции, в том числе и межплеменную вражду.

Арабское войско состояло из легкой и тяжелой конницы и пехоты. Под тяжелой конницей нужно понимать небольшие, иногда в несколько десятков единиц, конные отряды, где не только всадники, но и кони были одеты в панцири и другое защитное снаряжение. В ряды тяжелой конницы шли главным образом представители арабской кочевой аристократии. Соотношение пеших и конных воинов было почти одинаковым. Конница в большей своей части составлялась из арабов, а пехота — из особой категории людей — «мавали» (единственное число «маула»). Мавали, то есть клиенты, вербовались или из тех же арабов, или из представителей покоренных народов, перешедших в ислам, которые становились под покровительство какого-либо арабского племени, выполняли определенные обязательства и, прежде всего, несли военную службу.

Было бы однако неправильным считать, что из мавали набирались только пехотинцы и изредка конники; в ряде случаев они поднимались до очень высокого положения. Например, Хаян ан-Набати, один из наиболее выдающихся маула, был главой иранского отряда в составе арабского войска.

Арабы не остановились на захвате Мерва. Их взоры были обращены на всю Среднюю Азию, особенно на богатые земли. Согда, Тохаристана, Чаганиана (владение в бассейне Сурхандарьи) и Хорезма.

Вначале завоевание арабами Средней Азии носило грабительский характер. Набеги свои они совершали из Хорасана, причем штабквартирой их военачальника был Мерв — местопребывание хорасанского наместника, непосредственно подчиненного наместнику восточной части халифата, сидевшему в Куфе.

В Среднюю Азию арабов влекла, прежде всего, богатая добыча, причем к таким именно действиям поощряла арабских воинов одна из глав («сур») корана — «сура о добыче» («сура ал-ганимат»), по которой эта добыча распределялась. Факты, характеризующие распределение добычи, говорят о том, что в арабском войске не было равенства и ярко выделялись классовые различия.

В первые десятилетия после смерти Мухаммеда, то есть при первых четырех «правоверных халифах», в распределение войску шла вся добыча, включая золото и другие драгоценности. Однако с приходом к власти Омейядов картина резко изменилась. Якуб, историк и географ IX в., рассказывает что халиф Муавия (661—680 гг.) потребовал, чтобы в Хорасане не давали в раздел войску золото и драгоценности, а, собрав все это, отсылали ему в Дамаск.

Традиция приписывает халифу Омару I слова, приведенные у Абуюсуфа Якуба в его «Китаб-ал-харадж», сочинении, написанном в конце VII в.: «Мусульмане едят их (покоренных), пока они живы; когда мы и они умрем, наши дети будут есть их детей, пока они живы».

В полном соответствии с этим взглядом халифа Омара находится следующий факт, который сообщает нам Белазури. Когда Абдулла ибн Хазим был назначен наместником Хорасана (683—691 гг.), то «собралась большая толпа из (племени) Бакра ибн Ваиля и других, стала говорить: «почему эти пожирают Хорасан без нас?» Случай этот настолько выразителен, что не нуждается в комментариях.

Один из первых арабских военачальников, воевавших в Тохаристане, в районе Балха, Ахнаф, возвратился однажды в Балх и здесь стал производить сбор дани; люди принесли ему дары: сосуды из золота и серебра, золотую и серебряную монету, разные товары, в том числе одежду. При этом они заявили, что дары они принесли ему как правителю, согласно обычаю, в день Михраджана, староиранского праздника осеннего равноденствия. Таким образом, арабы в первые годы

завоеваний получила не только добычу, но и дань и даже большие дары, которые, конечно, не носили добровольного характера.

1. ПЕРВЫЙ ЭТАП ЗАВОЕВАНИЯ АРАБАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ. ПРИЧИНЫ УСПЕХА АРАБОВ

По-видимому, первым перешел Амударью Убейдулла ибн Зияд, посланный сюда халифом Муавией в 674 г. Он осадил и взял Пайкенд, подошел затем к Бухаре и одержал победу над бухарской царицей, имя которой в источниках не сохранилось и которая вошла в историю как «мать Тахшады» (Тахшада — владетель Бухары, правивший в период арабского завоевания). Убейдулла вывез из Бухары и Пайкенда большую добычу — оружие, одежду, золото, серебро и множество пленных.

В Бухаре, согласно источникам, правила еще мать Тахшады. Она сначала испугалась и запросила мира, но когда к ней на помощь пришли войска владетелей Согда, Кеша, Несефа, она решила дать бой арабам. По рассказу Наршахи, арабское войско произвело на согдийцев столь устрашающее впечатление, что они ушли с поля битвы, оставив Бухару на произвол судьбы. Царице пришлось заключить мир, выплатив большую дань и выдав 80 заложников из числа «царских потомков» и дехканской знати.

Захватив Бухару, Саид ибн Осман отправился в Согд, в Самарканд, где в то время царь отсутствовал; поход этот был также удачен. Саид вывез из Бухары в Медину, кроме захваченных ценностей, 30 тысяч пленных, где они были использованы на тяжелых сельскохозяйственных работах. По словам арабского историка IX в. Белазури, бухарские заложники были обращены в рабов и использованы на работах по искусственному орошению. Свободолюбивые и воинственные бухарцы не хотели мириться с таким унижением. Согласно Наршахи, они вошли во дворец Саида ибн Османа, набросились на него и убили, после чего и сами покончили с собой.

До 704 г., то есть начала VIII в., когда наместником Хорасана был назначен Кутейба ибн Муслим, поставивший своей задачей систематическое и прочное завоевание Мавераннахра, то есть Заречья — областей, лежащих на правой стороне Амударьи, — арабские военачальники ограничивались лишь грабительскими набегами.

На первый взгляд даже трудно понять, почему согдийцы, народ независимый и воинственный, люди, отважные в бою, хорошо владевшие оружием, в единоборстве часто выходившие победителями, вынуждены были, однако, сдавать города

арабам. Объясняется это лишь тем, что в Согде, так же как в бухарском владении и других местах Средней Азии, не было тогда единой власти. К моменту прихода арабов в Согде имелось множество мелких владений, каждое из которых представляло собой, как мы видели выше, укрепленный город с небольшой округой. Между правителями, то есть местными царьками, хотя часто и связанными узами родства, происходили ссоры, разгоралась вражда, что не давало им возможности объединиться для борьбы против арабов. Кроме того, не все слои согдийского населения отстаивали свою независимость: были группы, которые даже помогали арабам в их набегах. Историк Табари рассказывает, что Умейя ибн Абдулла, наместник Хорасана (692—697 гг.), сделал перед походом на Мавераннахр заем у согдийских купцов и жителей Согда. Этот факт, мимо которого нельзя пройти, несомненно подчеркивает, что купцам Согда (среди них, конечно, были и несогдийцы) выгодное вложение денег, даже на войну против собственного народа, было дороже независимости их страны. В том же отрывке Табари указывается, что некоторые военачальники брали на себя подряды на поставку лошадей и оружия для того или другого похода.

Но тем не менее в Согде, Хорезме и других областях Средней Азии, в частности на территории Мавераннахра, были попытки создать единый фронт против арабов. Табари писал также, что арабские наместники Хорасана совершали свои походы на Мавераннахр весной, а к зиме возвращались домой в Мерв. Зимой же, когда они покидали северный берег Амударьи, среднеазиатские царьки собирались вблизи Хорезма в одном из городов Средней Азии. Здесь они не раз брали на себя договорные обязательства не нападать друг на друга, а мирно договариваться о своих общих делах. Однако события, связанные с арабским завоеванием, показывают, что из этих совещаний и договоров ничего реального не получалось и что арабские военачальники хорошо умели пользоваться политической раздробленностью страны и постоянной враждой среди местных правителей.

На территории Мавераннахра, Хорасана и соседних с ними областей в VII в., как говорилось выше, жили, наряду с оседлым населением, и кочевники-тюрки. По соседству с Чачем (Ташкентский район), а также в самом Чаче, в Семиречье, по долине Таласа и Чу с середины VII в. кочевали тюргеши, ранее обитавшие в бассейне р. Или и на запад от Иртыша. В Фергане и Тохаристане с начала VIII в. жили карлуки. Тохаристанские тюрки в эпоху арабского завоевания являлись крупной силой. Значительное количество тюрков

жило в долине Зарафшана, на правом берегу, в районе между Бухарой и Самаркандом.

Белазури, описывая арабские походы 80-х годов VII столетия, говорит, что во время междоусобиц арабских племен тюрки в своих набегах доходили до Нишапура.

Тот же арабский историк рассказывает, что Абдулла ибн Хазим (683—691 гг.) рассеял большое количество тюрков в Хорасане. Согдийские владетели, как выше было сказано, поддерживали постоянные отношения с западнотюркскими ханами, женили своих сыновей на их дочерях или выдавали своих дочерей замуж за их сыновей. Среди согдийской знати были распространены тюркские титулы. Достаточно вспомнить согдийского царя Тархуна; едва ли можно сомневаться, что имя Тархун происходит непосредственно от тюркского титула «тархан».

Западные тюрки, вследствие поражения, которое им нанесли китайские войска между 645 и 658 гг., потеряли все свое прежнее значение.

Западнотюркский каганат прекратил свое существование в 704 г., когда власть в Семиречье перешла в руки упомянутых выше тюргешей. Последние разделялись на две группы — черных и желтых тюргешей. Центром черных тюргешей (кара-тюргешей) был, по-видимому, город Тараз (около Джамбула). Во главе кара-тюргешей с 717 по 738 г. находился хан Сулу, не раз помогавший согдийцам в их борьбе с арабами.

Со времени первых арабских набегов на Мавераннахр тюрки призывались на помощь согдийскими и другими царями и принимали самое активное участие в борьбе против арабов. Для тюрков участие в этой борьбе имело огромное значение. Победа арабов сулила в лучшем случае потерю тюрками политического влияния на дела Согда и других владений, а в худшем — даже прямое подчинение арабам. Вот почему на протяжении почти всего VIII в. всякий раз, когда население Мавераннахра вело или возобновляло в той или иной форме борьбу с арабами, тюрки принимали в ней активное участие.

Выше было отмечено, что вначале арабское завоевание носило характер грабительских набегов, хотя у хорасанских наместников уже тогда намечалась тенденция прочно захватить Мавераннахр и включить его, как и Хорасан, в состав халифата. Однако политика эта сорвалась, и период систематического закрепления завоевания был отодвинут на несколько десятилетий. Причиной явилось не только то энергичное сопротивление, которое оказывали арабам народы Средней

Азии, но и межплеменная вражда в среде арабов, которая была отражением глубокого кризиса, охватившего халифат в первую половину царствования Абдулмелика (685—705 гг.). Глубокие классовые противоречия, а также противоречия между завоевателями — арабами — и покоренными народами, привели к ряду серьезных восстаний, как, например, движение Мухтара в Ираке (684—685 гг.) или мардаитов в Сирии.

Огромное значение имела и борьба между халифом и антихалифом, в качестве которого выступил в Аравии (Медина и Мекка) Абдулла ибн Зубейр. Если единство среди северных и южных арабских племен не было нарушено расхождениями по вопросу об отношении к народным движениям в Ираке и Сирии, в подавлении которых эти племена принимали самое деятельное участие, то борьба Абдулмелика и Абдуллы ибн Зубейра внесла раскол в их среду. Среди арабских племен в Хорасане начались такие распри, которые не могли не пошатнуть арабского авторитета на Востоке. В Хорасане в связи с этим появляются наместники не только малонадежные, но и опасные для центральной власти. Таким был, например, Абдулла ибн Хазим, глава хорасанских кайситов, правитель Хорасана с 683 по 691 г. Когда на престол вступил Абдулмелик, он потребовал от Абдуллы ибн Хазима отречения от верности Абдулле ибн Зубейру, но Абдулла ибн Хазим отказался сделать это и начал чеканить золотую монету, что было прерогативой лишь верховной, то есть халифской власти. По приказанию Абдулмелика мятежный хорасанский наместник вскоре был убит.

В конце царствования халифа Абдулмелика дела омейядской династии значительно улучшились. В халифате установлен был порядок, причем большую роль в этом сыграл суровый наместник Ирака Хаджадж и межплеменные распри.

Теперь арабский халифат встал на путь прочного и окончательного завоевания Средней Азии. С этой целью в 705 г. наместник Хорасана Кутейба направился на завоевание Ахаруна и Шумана[1]. Поход этот был неудачен и вызвал недовольство со стороны Хаджаджа.

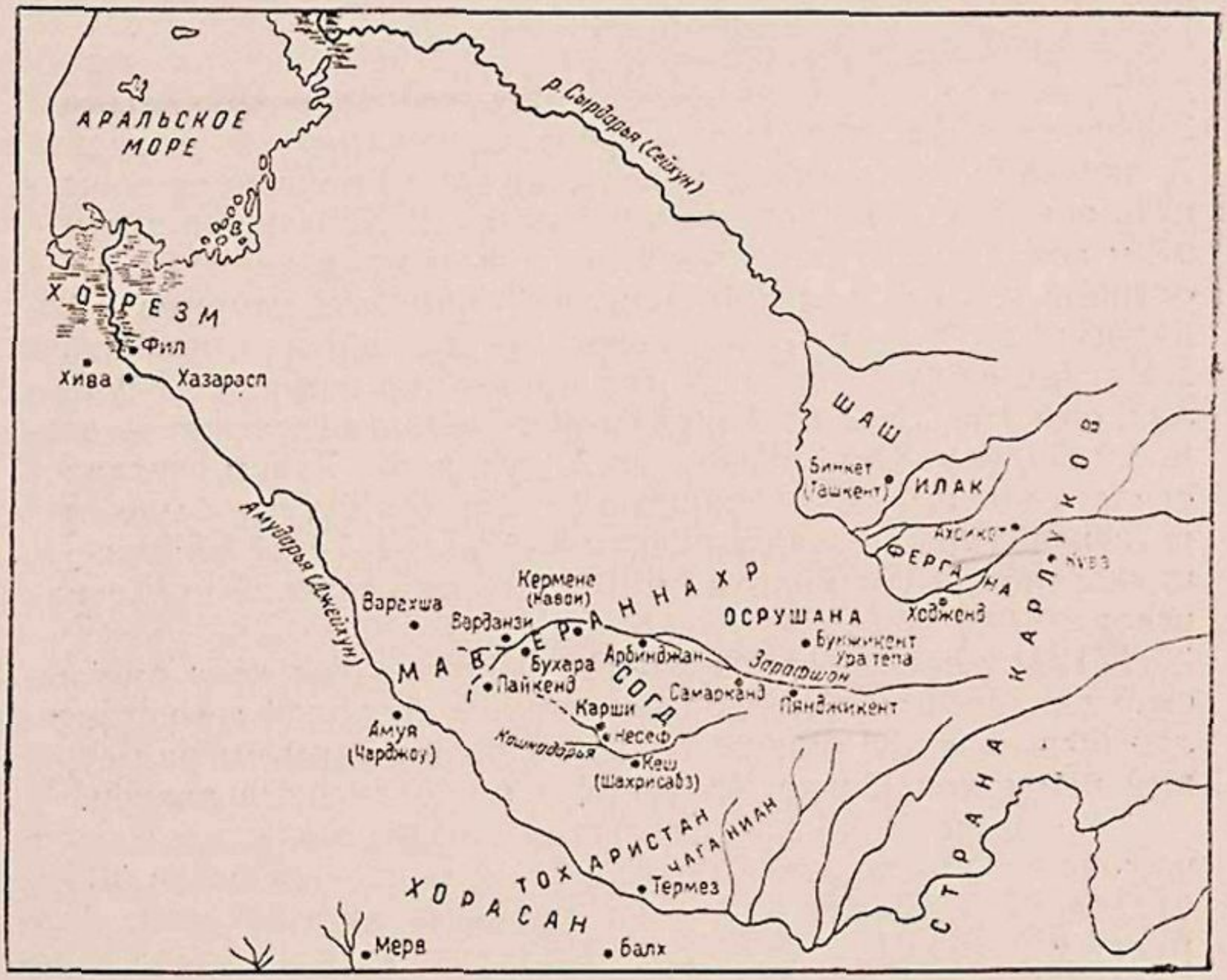
Через год после неудачного похода, в 706 г., Кутейба отправился в долину реки Зарафшан, причем маршрут его представляет определенный интерес. Он вышел из Мерва на Мерварруд, потом пришел в Амуль, отсюда достиг Замма (Керки), перешел здесь Амударью и взял путь на Пайкенд. Наря-

---

[1] Владения по рр. Сурхан и Кафирниган, вошедшие потом в состав Чиганиана, — земли, находящиеся ныне в составе Узбекистана и Таджикистана.

ду с Самаркандом, это был один из старейших городов Мавераннахра. Арабские и персидские источники называют его «городом купцов», а иногда «медным городом». Действительно, это был богатый торговый город, имевший хорошо укрепленые стены и башни. Пайкендские купцы принимали активное участие в караванной торговле и ездили как в Китай, так и к Средиземному морю.

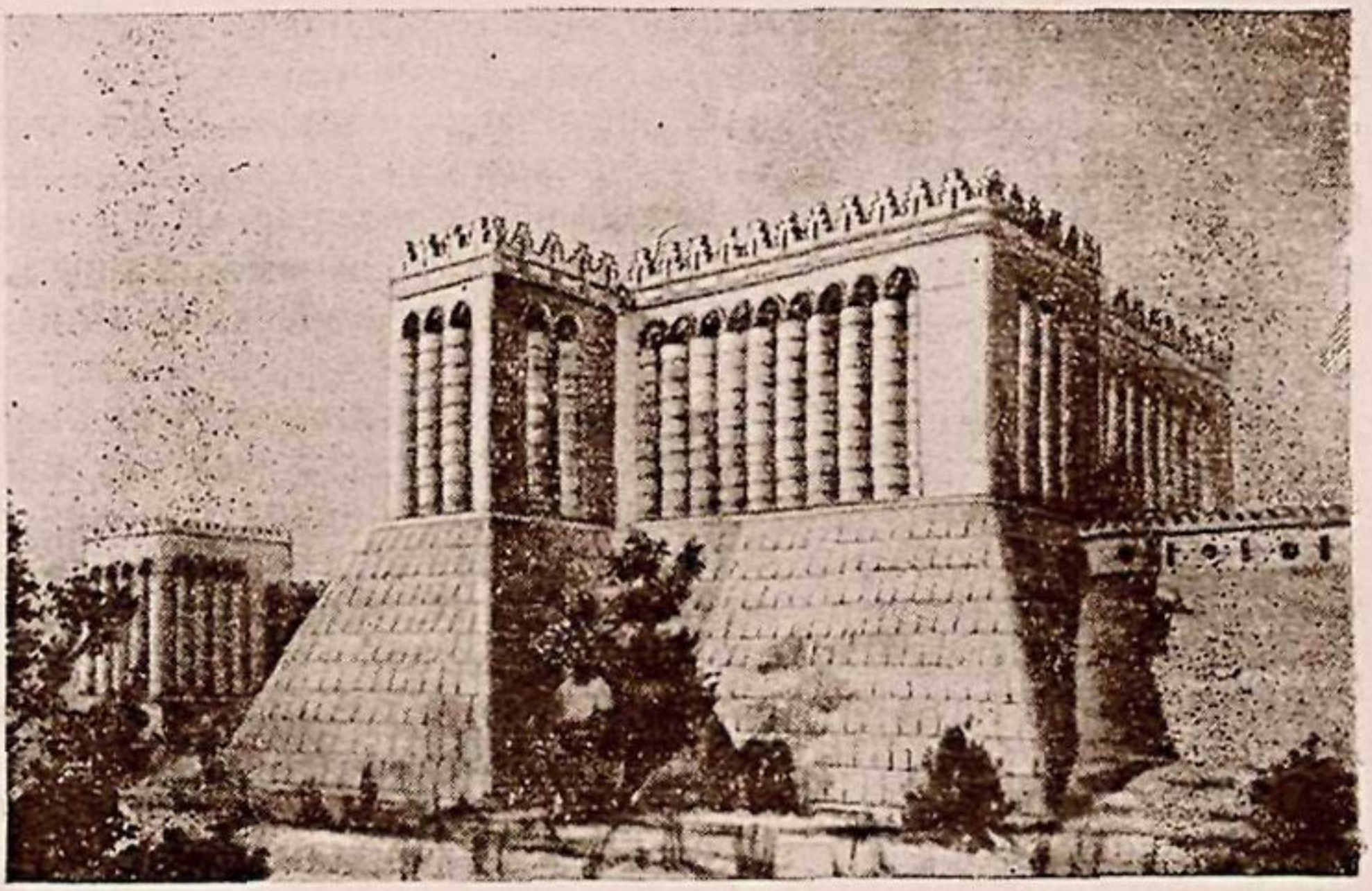
Когда пайкендцы узнали, что к ним движется арабское войско, они обратились в Согд и в другие места за помощью. Несмотря на то, что к Пайкенду подошли значительные отряды союзников, его жители, с целью выиграть время, запроси-



Территория Узбекистана в VIII в.

ли у арабов мира. Кутейба подписал мирный договор. взял дань и ушел по направлению к Амударье. В Пайкенде он оставил начальником гарнизона человека из того же племени бахила, к которому принадлежал и сам. Но не успел Кутейба подойти к Амударье, как ему принесли весть о том, что в Пайкенде вспыхнуло восстание, и что небольшой гарнизон, находившийся там, весь был перебит во главе с начальником. Кутейба вернулся, осадил восставший город и после месячной

осады взял его. Арабы, избалованные богатой добычей, которую они обыкновенно увозили из Средней Азии, были потрясены богатством хорошо укрепленного, хотя и небольшого города. Табари рассказывает, что Кутейба назначил специально двух лиц для заведывания добычей и распределения ее среди войска. Под присмотром этих лиц арабы расплавили громадное количество золотых и серебряных сосудов, идолов и других предметов, причем сплавленный металл весил сто пятьдесят тысяч мискалей, то есть золотников (приблизительно, конечно). В состав добычи, кроме золота и серебра, вошло много других дорогих предметов и, в особенности, хорошего вооружения.



Варахша. Цитадель (Реконструкция В. А. Нильсена).

Интересна переписка Кутейбы с Ходжаджем по этому поводу. Согласно установившемуся порядку, наместник должен был переслать Хаджаджу в Куфу вместе с золотом и серебром и захваченное оружие. Кутейба в письме испросил разрешение оставить оружие для раздачи своим воинам. Вооружение арабов в это время еще было плохим, и раздача оружия явилась настоящим событием для войска. Табари рассказывает, что арабские воины, получившие хорошее оружие, соперничали между собой, хвастаясь друг перед другом его качеством и красотой.

В 707 г. Кутейба снова отправился в Мавераннахр и занял без боя один из древнейших городов Бухарской области — Рамитан. Пойти дальше вглубь страны, чтобы закрепить за собою победу, он не смог, так как его стали теснить объединенные силы тюрков, согдийцев и ферганцев.

В 708 г. Хаджадж предписал Кутейбе вернуться в Бухарскую область и подчинить себе вардан-худата, которого Табари называет меликом Бухары. В те годы вардан-худат, владетель Варданы, был наиболее сильным царем в нижней части Зарафшанской долины. Кутейба не смог его победить и ушел в Мерв без каких-либо серьезных успехов. Хаджадж высказал Кутейбе свое недовольство и отправил его на завоевание Кеша и Несефа — городов, лежавших в долине Кашкадарьи, с тем, чтобы после этого он все-таки покорил Вардану, Бухару и их мелика.

В 709 г. Кутейба отправился, наконец, с большим отрядом на завоевание богатой и хорошо укрепленной Бухары. Вардан-худат, наиболее сильный владетель в той области, обратился за помощью к тюркам и согдийцам. Однако помощи они не прислали, и Кутейба без большого труда взял Бухару. Событие это произвело сильное впечатление на соседних правителей, даже на самого крупного из них — согдийского ихшида Тархуна (ихшид — титул владетеля), имевшего местопребывание в Самарканде. Тархун решил избежать столкновения и пойти на мир с арабами. Он остановился со своими людьми вблизи военного лагеря Кутейбы и отправил посланца с предложением заключить мирный договор, выражая согласие систематически уплачивать арабам дань. Кутейба согласился на мир, но потребовал заложников.

Поведение Тархуна произвело отрицательное впечатление на согдийцев. Когда брат Кутейбы, Абдуррахман ибн Муслим, получал в 710 г. очередную дань, согдийцы не выдержали и низложили Тархуна. На его место был поставлен Гурек. Он царствовал с 710 по 737 г., проведя немалую часть этого времени в энергичной борьбе с арабами. Избрание Гурека царем Согда оказалось крупным событием в истории борьбы согдийцев с арабами.

В 710 г. Кутейба совершил поход для покорения Шумана, а также Кеша и Несефа. Казалось бы, что все было подготовлено для генерального наступления арабов на сердце Согда— Самарканд, однако дела в Хорезме отвлекли Кутейбу почти на два года. В 711 г. хорезмшах, который, согласно одному из источников, носил имя Чаган, опасаясь брата своего Хурзада, стоявшего во главе восставшего против него народа, обратился за помощью к Кутейбе и прислал ему золотые ключи от

своих городов. Кутейба, считая вмешательство в дела Хорезма весьма полезным для намеченного завоевания Средней Азии, дал свое согласие и пришел в 712 г. с отрядом в Хорезм — эту древнюю и богатую страну.

Хорезмшах тогда находился в Филе (также Фир), как называлась цитадель Кята — столицы Хорезма, хотя название это прилагалось и ко всему городу Кяту, являясь его наиболее древним именем. Кутейба помог хорезмшаху разбить Хурзада, захватил его и убил. Хорезмшах, предавший арабам свою родину, ничего не выиграл, так как должен был уплатить Кутейбе дань, и лишился прежней независимости. Как мы увидим ниже, отряды хорезмшаха не раз принимали участие в походах арабов против других среднеазиатских владетелей.

В том же 712 г., начав поход на Самарканд, Кутейба отправил во главе авангарда своего брата Абдуррахмана с 20-тысячным отрядом, а сам выступил с главным войском, в состав которого, кроме арабов, входили хорезмийцы и бухарцы. Когда Кутейба подошел к Самарканду и осадил его, согдийцы отправили послов к царю Чача (Шаша) и ферганскому владетелю с просьбой о помощи. Владетели последних отправили на помощь самаркандцам отборный отряд, но Кутейба, узнавший об этом от своих разведчиков, принял меры, и отряд был разгромлен.

После этой победы Кутейба, в том же 712 г., начал военные действия против Самарканда. Согласно некоторым источникам, Гурек вступил в бой с арабами еще до Самарканда. Однако превосходные силы арабов заставили его отступить в Самарканд, где Гурек дал главное сражение арабам. Арабами были поставлены «манджаники» — осадные орудия, которые метали в город, на его стены и башни, тяжелые камни. Источники, особенно Табари, не раз упоминают о тяжелых машинах как метательных, так и стенобитных[1], которыми обладало осаждающее арабское войско. Поощряя храбрых арабских воинов, наказывая трусов, Кутейба после упорного боя взял город. Гуреку ничего не оставалось, как заключить мир на тяжелых условиях.

Табари приводит две версии мирного договора. Согласно одной, Гурек должен был выплачивать ежегодно 2 200 000 дирхемов (драхм) и, кроме того, обязывался выдать 30 000 здоровых людей[2], по-видимому, в качестве воинов, причем, в это число не могли входить ни мальчики, ни старики. Кроме

---

[1] В письме Гурека определенно говорится, что против стен Самарканда в 712 г. было выставлено 300 стенобитных машин.

[2] Цифры, конечно, преувеличены.

того, жители Самарканда должны были освободить медину, то есть внутренний город, совсем вывести своих воинов из города и не мешать арабам построить мечеть, где бы они могли молиться. Когда по этому договору медина Самарканда была сдана, Кутейба выстроил там мечеть и поставил минбар.

Согласно другой версии, согдийцы обязаны были выдать 100 тысяч здоровых людей и, кроме того, свезти в указанное место все ценности из храмов огня (буйут ан-найран), а также золотые и серебряные украшения идолов (хильят ал-аснам). Когда все ценности, в золоте и серебре, были сложены в кучу, которая, по выражению Табари, была равна по величине замку, Кутейба приказал зажечь огонь, чтобы расплавить все золото и серебро. Согдийцы во главе с Гуреком протестовали и умоляли не делать этого, уверяя, что их боги (идолы) накажут арабов за святотатство. В ответ Кутейба сам будто бы взял головню и бросил в кучу дров. Когда золото и серебро были расплавлены, то, по словам Табари, получилось 50 тысяч мискалей, то есть золотников.

Кутейба продолжал свои походы и после взятия Самарканда в 712 г. В один из таких походов, в 713 г., он потребовал, чтобы Бухара, Кеш, Несеф и Хорезм поставили ему 20 тысяч воинов.

Кутейба воевал в Фергане, Шаше и доходил даже до Кашгара. Он всюду брал дань и оставлял арабских наместников.

В процессе завоевания он заводил новые порядки, стараясь всюду, где только это было возможно, усиливать арабские гарнизоны или просто поселять арабов-скотоводов и даже земледельцев. Однако согдийцы не хотели с этим мириться и не считали страну покоренной.

Кутейба целиком зависел от межплеменных распрей. Когда на халифский престол после смерти Валида (705—715 гг.) вступил Сулейман (715—717 гг.), первым его делом было преследование всех сподвижников Хаджаджа, которого он ненавидел, в том числе и Кутейбы. Последний, узнав об этом решил не подчиняться власти халифата, но был убит в Фергане в 715 г. восставшими арабскими воинами.

Походы Кутейбы сыграли в истории завоевания Средней Азии, и в частности Мавераннахра, огромную роль.

2. КОЛОНИЗАЦИОННАЯ И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА АРАБОВ. НАЧАЛО БОРЬБЫ ПРОТИВ ВЛАСТИ АРАБОВ

Колонизация арабами Средней Азии, в том числе Мавераннахра, началась очень рано. По словам Белазури, в 671 г. Зияд ибн Абусуфьян назначил наместником в Хорасан Раби ибн

Зияда Хариса. Вместе с ним он послал 50 тысяч арабов, жителей Басры, Куфы и их окрестностей. Все они были переправлены на северный берег Амударьи, то есть в Мавераннахр. Едва ли можно сомневаться в том, что переселенцы эти входили в состав арабского войска, однако самый факт отправления их с семьями указывает на то, что их намеревались использовать как колонизаторов Средней Азии.

Кутейба широко проводил применявшуюся арабами и до него практику насильственного захвата большей части домов и имущества местного населения в пользу завоевателей.

Наршахи рассказывает, что, когда Кутейба взял Бухару, он потребовал, чтобы половина домов была передана арабам, жители же ближайших окрестностей должны были поставлять арабам дрова, клевер и другие припасы. По словам Табари, арабы из войска Кутейбы после взятия Самарканда в 712 г. точно так же захватили дома и имущество жителей.

По-видимому, ко времени арабского завоевания необходимо отнести и колонизацию арабами некоторых самаркандских рустаков (сельских округов.). Во всяком случае, еще в X в. арабские географы отмечают, что среди сельского населения в районе Самарканда были и арабы. Так, Истахри и Ибн Хаукаль говорят, что арабы из племени Бакра ибн Ваиля владели большей частью селений рустака Ведар.

Большое внимание обращал Кутейба и на распространение ислама в полупокоренной стране, ибо он прекрасно понимал огромное значение идеологии ислама в деле подчинения согдийцев арабам. Тогда в Согде слова «арабы» и «мусульмане» *в сущности обозначали одно и то же, а распространение ислама* среди покоренного населения закрепляло позиции арабов. Вначале арабы, чтобы привлечь население к исламу, временно проводили политику предоставления новообращенным всяких льгот. Согласно мусульманскому праву лица, принявшие ислам, прежде всего освобождались от хараджа. В связи с этим с первых же дней арабского завоевания был установлен порядок: не брать джизьи и хараджа с принявшего ислам покоренного населения. Однако твердости в проведении этого порядка арабские наместники не проявляли, ибо, как показала практика, освобождение от податей приводило к уменьшению доходов не только халифа, но и его наместников, поскольку последние оставляли себе часть дани и всяких иных сборов.

В источниках встречаются три термина: «вазифа» (множественное число «вазаиф»), «джизья» и «харадж». Первый термин чаще всего употребляется для обозначения дани, хотя во множественном числе «вазаиф» обозначает иногда подати

вообще. Что же касается терминов «джизья» и «харадж», то и тогда, как и в течение почти всей омейядской эпохи, ими обозначали в одинаковой мере «подушную подать» и «поземельный налог». Однако встречаются случаи, когда под словом «джизья» понимали подушный налог, а под словом «харадж» — поземельный, как это установилось уже во время Аббасидов.

Вопрос о харадже впервые встал со всей резкостью в царствование халифа Омара II (717—720 гг.), который придерживался политики примирения с покоренными народами. Политику примирения Омар II видел в том, чтобы с лиц, принявших ислам, государственная власть не взимала хараджа. Такого именно курса он и потребовал от своего наместника в Хорасане Джарраха ибн Абдулла, отправленного туда в конце 717 г.

Джаррах, продолжая политику Кутейбы, считал, что управлять покоренной страной можно только мечом и кнутом, о чем он специально написал халифу. По его представлениям, население покоренной страны, независимо от того, приняло ли ислам или нет, должно было платить джизью.

Население Мавераннахра было очень недовольно политикой Джарраха и отправило к Омару II депутацию с жалобой на него. Халиф потребовал, чтобы наместник освобождал принявших ислам от джизьи. Джаррах формально подчинился, но обусловил принятие ислама предварительным обрезанием вновь обращенного. Все это только усилило недовольство. В апреле 719 г. Омар II переместил Джарраха на должность правителя в Азербайджане и Армении. Наместником Хорасана он назначил Абдуррахмана ибн Нуайма и поручил ему перевезти семьи мусульман из Мавераннахра, так как удержать власть ему казалось невозможным.

Назначение Абдуррахмана наместником Хорасана не изменило положения в стране. Подобно своему предшественнику Джарраху Абдуррахман проводил суровую хараджную политику. Он не выполнил указания Омара II относительно освобождения мавали от джизьи.

Царь Самарканда Гурек, не желавший делить собранный харадж с наместником Хорасана, объединил для борьбы с арабами войска Согда, Шаша, Бухары и др.

Возглавив мелких и средних дехканов вместе с крестьянами, при поддержке тюрков (тюргешей) Гурек перешел в наступление. Если до 719 г. жители покоренных стран оказывали завоевателям пассивное сопротивление (отказ от уплаты хараджа), то с этого момента начинается активная борьба,

целью которой было освобождение страны от арабов и местных феодалов, находившихся у них на службе.

При изучении истории борьбы народов Мавераннахра против арабов-завоевателей, вспоминаются слова Ф. Энгельса, который писал: «Однако крестьян, хотя и обозленных страшным гнетом, все же трудно было поднять на восстание... К тому же крестьяне одни не в состоянии были произвести революцию, пока им противостояла объединенная и сплоченная организованная сила князей, дворянства и городов. Некоторые шансы на победу мог им дать только союз с другими сословиями; но как могли они заключить союз с другими сословиями, если каждое из них без исключения являлось эксплуататором крестьян?»[1].

Борьба Гурека и дехкан против арабов, требовавших с жителей увеличенные нормы джизьи и хараджа, отвечала интересам широких народных масс, страдавших под гнетом арабского халифата, поэтому освободительное движение охватило весь Мавераннахр.

Наместник Хорасана Саид по совету высшего дехканства сместил Шу'бу и назначил наместником Мавераннахра Усмана ибн Абдуллу, а его помощником стал мавали Сулейман иби Абус-Сария, который одновременно был ответственным за сбор хараджа. Дивашти — правитель Абаргара (близ Самарканда), убедившись в том, что Саид не в состоянии подавить восстание Гурека, перешел на сторону последнего и с этого момента посвятил себя борьбе против господства арабов и местных дехканов. находившихся на службе у арабов.

Из документов выясняется, что Дивашти в борьбе с арабами заручился поддержкой ферганского царя и хакана тюрок. Эти документы дополняют короткие, не совсем ясные сведения Табари о том, что тюрки, услышав о Дивашти и о неспособности Саида оказать сопротивление, вступили на территорию Согда и начали упорную борьбу с войсками арабов. Хакан тюрок направил на помощь Гуреку царевича Кур-Суля, который вместе с местными дехканами и Гуреком окружил замок Бахилия (в окрестностях Самарканда).

Как рассказывает Табари, Саид ибн Абдулазиз трижды организовывал поход против восставшего Согда.

Саиду удалось соединиться с осажденным гарнизоном. Этим, видимо, ограничился весь его успех. По словам Табари, он отправил ночью небольшой отряд в верховья арыка Даргом, где была плотина Варагсар, чтобы, овладев ею, лишить

---

[1] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, 1956, стр. 357.

Самарканд и его окрестности воды. Однако согдийцы стойко защищали плотину, и воины Саида вернулись из похода лишь с небольшой добычей.

В 721 г. наместником Хорасана был назначен Саид ал-Хараши, *известный своей жестокостью, проявленной при* подавлении народного восстания в Ираке. Готовясь к походу против Мавераннахра, он отправил своих послов в Согд с письмом, в котором призывал согдийцев к покорности и возвращению к исламу.

Группа согдийских феодалов во главе с царем Гуреком перешла на сторону арабов и обязалась не только платить харадж арабам, но и выступить в качестве их союзников против восставших, численность которых, по Белазури, составляла 10 тыс. чел.

Другая группа согдийских феодалов (400 купцов, вернувшихся из других стран и дехканы) во главе с Карзананджем решила покинуть Согд и поселиться на территории Ферганского царства. Эти феодалы хотели занять с согласия царя Тара какой-либо город или деревню на основе аренды (иджара) и, заручившись его поддержкой, начать переговоры с Саидом ал-Хараши.

Гурек предложил группе, во главе которой стоял Карзанандж, перейти на сторону арабов. Обращаясь к согдийцам, он говорил: «Не уезжайте из Согда, заплатите свой харадж за прошлый год и дайте обещание, что уплатите за новый год и обещайте обрабатывать свои земельные владения. Если потребует Саид ал-Хараши участвовать с ним в «священной войне», то дайте свое согласие, попросите прощения за свои грехи и передайте ему заложников». Однако согдийцы не приняли предложение Гурека.

Третья группа дехканов во главе с царем Абгара Дивашти, считая данный момент не подходящим для сражения, укрылась в горной крепости. Когда наместнику Ирака Омару Хубейру стало известно о намерении Дивашти продолжать борьбу, он отправил послов в Согд с поручением предотвратить войну между согдийцами и Саидом ал-Хараши. Омар ибн Хубейра, *некогда назначивший Саида ал-Хараши наместни*ком Хорасана, обещал согдийцам отозвать его и назначить наместником того, кого они сами пожелают. Однако, согласно Мадаини, согдийцы не поверили Ибн Хубейре. После перехода Гурека на сторону арабов, Дивашти объявил себя царем Согда. Таким образом, в 721—722 г. в Согде правили независимо друг от друга два царя — Гурек и Дивашти. Согд разделился на две части: Согд арабский и Согд независимый.

Весной 721 г. Саид ал-Хараши отправился на подавление

восстания. Тар, узнав, что согдийцев преследует ал-Хараши, решил не оказывать поддержку согдийцам. Правда, он отправил в Ходжент послов для переговоров с согдийцами, которые передали, что якобы царь предлагает им занять горную крепость Шу'баи Асам и обещает им свое покровительство через 20 или 40 дней после того, как они поселятся в горной крепости. Одновременно Тар отправил к Саиду ал-Хараши своего двоюродного брата Нилана (Билаза), наследника престола и правителя Исфары, в которой находилась крепость Шу'баи Асам, чтобы сообщить ему о том, что согдийцы находятся на пути к крепости. Он советовал Саиду ал-Хараши окружить их пока не вошел в силу его договор с согдийцами и они не укрепились в горной крепости. Саид ал-Хараши отправил вместе с Ниланом Абдуррахмана и его сына Зияда с большим отрядом.

Соединившись со своим авангардом, Саид ал-Хараши начал подготовку к решающему сражению.

Согдийцы дали бой арабам, но, потерпев поражение, были вынуждены отступить и укрыться за городскими стенами Ходжента. Преданные ферганским царем, они запросили у Саида ал-Хараши мир. Согдийцы были вынуждены принять условия договора, предложенные Саидом ал-Хараши: вернуть всех арабских пленных (женщин и детей), полностью уплатить харадж, возвратиться в Согд, не оставив ни одного человека в Ходженте.

Жестоко расправившись с согдийцами, Саид ал-Хараши приказал арабам навешивать печать на шею земледельцев (харрасин) Ходжента. Земледельцев, которые проявляли непокорность, убивали. По сведениям Табари, было перебито 300 чел., по другим данным — 700 чел. После безжалостной расправы с согдийцами арабы, выделив часть добычи халифу, разделили между собой имущество, воинов, детей и жен согдийских дехканов.

Междоусобные распри в Мавераннахре в этот период помогли Саиду ал-Хараши подавить восстание народов Согда. Следует отметить, что большую роль в этом сыграл мавали Сулейман ибн Абус-Сария, который объединил под своим командованием хорезмшаха Шавкара Хумейка (Джамук) и владетеля Ахаруна и Шумана. Сулейман отправил на борьбу против Дивашти авангард под командованием араба Мусайяба ибн Башира Рияхи. Недалеко от селения Кум, где горная речка Кум впадает в р. Зарафшан, произошло сражение между Мусайябом и Дивашти, последний, потерпев поражение, вынужден был скрыться за стенами своего замка на горе Муг.

Крепость Дивашти на горе Муг была окружена с трех сто-

рон обрывистыми берегами р. Кум и Зарафшан, поэтому неприятель с большим войском не мог напасть на крепость. Только путем продолжительной осады можно было вынудить к сдаче укрывшихся в замке.

По поручению Саида ал-Хараши Сулейман обещал Дивашти, что он, его соратники и их семьи будут неприкосновенны. Дивашти, поверив Саиду ал-Хараши, сдался. Согласно заключенному договору сто семей получили свободу, остальным лишь была сохранена жизнь. Так пал недоступный замок на горе Муг.

Саид ал-Хараши продолжал свой карательный поход по городам и селениям Мавераннахра. Однако после трагического поражения Дивашти, объявившего себя царем всего Согда, владетели других областей даже не пытались оказать сопротивление арабам. Они согласились в качестве дани отправить Саиду ал-Хараши подарки. Согласно Табари, Саид ал-Хараши направил посла к владетелю Кеша, чтобы тот в качестве дани прислал тысячу голов скота, а владетель Кеша ответил, что готов отправить ему шесть тысяч голов, если он *откажется от нападения на Кеш. Саид ал-Хараши согласился,* предпочитая получить добычу без боя. Он направился к Рабинджану (район за Каттакурганом) в резиденцию Гурека, взяв с собой Дивашти, чтобы передать его в руки группе дехканов, которые во главе с Гуреком приняли покровительство арабов и считали Дивашти царем-самозванцем, поднявшим часть согдийцев не только против арабов, но и против их законного царя Гурека, перешедшего на сторону мусульман. Очевидно, опираясь на дехкан Согда, Саид ал-Хараши решил отвергнуть приказ своего начальника — наместника Ирака Омара ибн Хубейра — о помиловании Дивашти. Дивашти был казнен в Рабинджане.

Табари приводит стихи Сабита Кутны ал-Атаки, который описывая убийство вождей восставших согдийцев, называет их царями тюрок. Таким образом, упомянутые вожди были представителями тюркских племен Согда. Следует отметить, что еще Вельхаузен считал их тюрками, а имя Карзанандж предлагал читать «Кара-занги». Исследование О. И. Смирновой согдийских монет из Пянджикента убедительно доказывает, что многие представители царствовавшей в Согде династии были из тюркских племен.

Причиной поражения восстания народов Мавераннахра явились разногласия между его участниками, еще более обострившиеся после назначения Саида ал-Хараши эмиром Хорасана.

Положение в Хорасане и Мавераннахре было тяжелым.

Несмотря на то, что Саид ал-Хараши подавил сопротивление свободолюбивых согдийцев и других народов, власть арабов в Средней Азии оставалась непрочной, борьба против них продолжалась.

Зимой 723 г. Саид ал-Хараши был смещен, и на его место назначен Муслим ибн Абусаид (723—724). Как подчеркивает Табари, одной из причин смещения Саида ал-Хараши было обвинение в нарушении договора о сохранении жизни Дивашти.

Начиная с 723 г. главную роль в борьбе против арабского господства играет ферганский царь Тар (или Тарабанд), который несмотря на то, что предал своих бывших союзников-согдийцев, по требованию Саида ал-Хараши должен был платить дань. Получив дань от ферганского царя, Саид аль-Хараши направился в Самарканд. Но ферганский царь вместе с 50 тыс. карлуков ночью внезапно напал на обоз арабов и разграбил его. Захватив большую добычу, ферганцы вернулись в свои укрепления. Омар ибн Хубейра приказал Муслиму ибн Абусаиду организовать поход против Ферганы. Когда арабское войско перешло на ферганские земли, Муслим через лазутчиков получил известие о том, что на помощь ферганцам идут тюрки во главе с Хаканом. Попытка Муслима избежать сражения с Хаканом, получившим от арабов прозвище Абумузаххим (отец бодающих), не удалась. В долине Суббах Хакан напал на аръергард Муслима и захватил большую добычу. Арабам с большим трудом удалось переправиться на другой берег, где их ожидали воины Ферганы, Шаша и Несефа во главе с Хаканом. Как красочно описывает Табари, когда вражеское войско бросилось в атаку, будто «весь мир наполнился блеском мечей». Беспорядочно отступающих арабов преследовало 20-тысячное тюркское и согдийское войско, во главе которого стоял один из сыновей Хакана. Оно продолжало преследовать Муслима на всем протяжении пути от Ходжента до Самарканда. Халиф, узнав о тяжелом положении арабских войск, назначил наместником Хорасана Асада ибн Абдулла (724—727), который с большим войском отправился на помощь Муслиму ибн Абусаиду в Самарканд.

Однако испехбад Несефа и Кеша Ашкенд, будучи союзником ферганского царя и Хакана, старался не допустить переправу арабов через Амударью. Все-таки Асаду с большим трудом удалось переправиться через реку и добраться до Самарканда.

Балами, дополняя сведения Табари, сообщает, что Асад трижды предпринимал походы против Согда, однако без-

успешно. Хорасанская знать доказывала иракскому наместнику, что в неудаче виновен сам Асад ибн Абдулла. Вместо него на должность наместника Хорасана был назначен Ашрас ибн Абдулла Сулами (727—729). Однако ни замена правителя, ни смена военачальников не повлияли на положение в Мавераннахре.

После ряда неудач (с большими трудностями) арабам удалось организовать походы против непокорных жителей Мавераннахра. Арабские гарнизоны в Мавераннахре утратили прежнюю силу, ослабли и местные владетели, разбитые арабами и признавшие их господство. Надо полагать, что многие крупные непокорные феодалы перешли на сторону Хакана и уехали вместе с ним из Согда в Суяб (Семиречье).

Согдийский царь Гурек еще в 723 г. вынужден был признать над собой власть арабов, но свободолюбивый согдийский народ неустанно продолжал борьбу за свободу и независимость и не признавал ни главенства Гурека, ни власти арабов.

Вновь назначенный наместник Хорасана Ашрас по совету вельмож Хорасана, чтобы укрепить в Мавераннахре власть арабов и умиротворить согдийцев, решил согдийцев, принявших ислам, уравнять в правах с арабами, т. е. не взимать с них харадж и джизью. Это привело к тому, что большое число дехканов со своими чакирами и экономически закрепощенными крестьянами объявило себя мусульманами. По существовавшему в то время обычаю принявшие мусульманство выходили из своих общин, вступали в родоплеменную организацию арабов и зачислялись в арабскую армию. Таким образом пополнился арабский гарнизон и укрепилось положение арабского наместника в Согде. Однако с уходом большого числа дехканов из общин сумма хараджа, взимаемая с селений, не уменьшилась. Оставшиеся в сельской общине члены, не принявшие мусульманство, не в состоянии были уплатить весь харадж, наложенный по договору на эти общины. Это привело к тому, что казна местных арабских правителей, а также самого Ашраса опустела и начался финансовый кризис.

Царь Согда Гурек поставил в известность Ашраса, что «харадж уничтожен», т. е. Согд отказывается платить харадж. Этим он предупреждал Ашраса, что обязательство, взятое им по договору, не может быть выполнено. Дехканы из Бухары заявили Ашрасу, что впредь платить харадж не будут, так как «все стали арабами (мусульманами) и даже строят мечети». Тогда Ашрас приказал проверить, могут ли новообращенные мусульмане прочесть суру из Корана, совершают ли

обрезание. Только в случае исполнения всех предписаний ислама с них не должны были взимать джизью и харадж.

Начальник сборщиков, убедившись, что согдийцы действительно приняли ислам и даже построили много мечетей, написал об этом Ашрасу, подчеркивая, что сбор хараджа уже невозможен. Ашрас велел продолжать взимание хараджа с тех, с кого взимали раньше, т. е. не только с населения, которое не приняло мусульманство, но и с новообращенных мусульман.

Начальник сборщиков, основываясь на этом указании, приказал взимать харадж со всего населения. Но 7000 новообращенных мусульман Самарканда, среди которых были и дехканы, отказались от уплаты налога. Они оставили город и укрепились в местности, находящейся в семи фарсахах (около 45 *км*) от Самарканда. Вместе с согдийцами покинули город Абусаида, известный вельможа Хорасана, прибывший в Самарканд в 728 г., его друзья Сабит ибн Умран Тамими, Касим Шейбани, Абуфатима Азди, Башир ибн Джурмуз, Халид ибн Абдулла Нахви, Башир ибн Занбур Азди, Башир Ходжанди и другие высокопоставленные арабские военачальники. Во главе с Абусаидой они укрепились в этой местности, чтобы оказать сопротивление сборщикам податей.

Самаркандский правитель пригласил к себе для переговоров Абусаиду и его приближенных. Когда Абусаида приехал к нему вместе с Сабитом Кутна, их схватили и под стражей отправили в Мерв к наместнику Ашрасу, который посадил их в тюрьму. Восставших возглавил Абуфатима, приступивший к подготовке сражения с арабами. Большинство воинов самаркандского гарнизона, являвшегося главной опорой арабов, сочувствовало восставшим, считая требования их справедливыми, поэтому Ашрас решил пойти на уступки. Желая расколоть единство восставших, он приказал правителю Самарканда освободить от хараджа только знатных людей Согда и *предоставить им необходимые привилегии и льготы.*

Политика Ашраса дала свои результаты: Абуфатима вернулся с воинами гарнизона в Самарканд, и восставшие остались без руководства. Ашрас приступил к сбору хараджа со всего населения Согда, предоставляя некоторые льготы вельможам — неарабам (аджам).

Изучение хода этой борьбы показывает, что весь Мавераннахр, кроме Самарканда и Дабусии, перешел в руки восставших, на помощь которым пришел хакан тюрков Абумузаххим. Ашрас объявил газават против «неверных» Согда и организовал поход против них. Однако он не сумел переправиться через Амударью и был вынужден остановиться в г. Амуле.

В течение трех месяцев Ашрас готовился к предстоящему походу. В связи с этим он учредил тяжелую конницу, называемую рабита.

На подступах к Бухаре произошло решающее сражение. Ашрас, теснимый Хаканом и владетелями Ферганы и Шаша, поддерживаемыми народными массами, был вынужден отступить. Отступая, он захватил Пайкенд, однако овладение этой крепостью не принесло ему пользы: это была ловушка, организованная защитниками Бухары. Восставшие прервали подачу воды в крепость, вследствие чего, как пишет Табари, 700 чел. умерло от жажды и жары, основная часть армии Ашраса потеряла боеспособность.

Благодаря Харису ибн Сурейджу и Катану ибн Кутейбе арабам удалось захватить головное сооружение канала, снабжавшего водой Пайкенд. Напоив свое войско, Ашрас еще раз попытался захватить Бухару. Когда он приблизился к замку бухар-худата на расстояние одной мили, более тысячи конных тюрок окружили рабиту Ашраса. Гурек перешел на сторону Хакана. Поход мусульман (газават), организованный Ашрасом, кончился полным провалом. В то время весь Мавераннахр был в руках восставших. Как отмечает Табари, даже далекий Хорезм откликнулся на голос своих соотечественников и восстал. Халиф Хишам (724—743) отстранил Ашраса и назначил наместником Хорасана Джунейда ибн Абдуррахмана (729—734), который дважды организовал священные походы (газават) против восставших Мавераннахра, окончившиеся победой. Однако победа была достигнута ценой огромных потерь, и арабы стали опасаться, что им не удастся удержать власть в Мавераннахре.

3. ДВИЖЕНИЕ ХАРИСА ИБН СУРЕЙДЖА

Постоянные войны, сопровождавшиеся разрушениями оросительных сооружений, грабежами и насилием, разорялихозяйство земледельцев. В конце правления Джунейда в Хорасане и Мавераннахре (734—735 гг.) наступил голод, возросло недовольство народных масс. По мнению Джунейда, причиной голода в Хорасане был переход областей Мавераннахра, из которых Мерв получал продовольствие, «в руки неверных».

Известный в Мавераннахре арабский военачальник Харис ибн Сурейдж, перейдя на сторону дехканов, возглавил борьбу против династии Омейядов. Он принял покровительство Хакана Абумузаххима и в 30-х годах VIII в. объединил сподвижников Абусаиды в Самарканде и Дабусии. Абуфатима Азди,

ставший после Абусаиды главой мавераннахрских хариджитов, был помощником и военным советником Хариса. Таким образом, Харис стал продолжателем дела Абусаиды в Мавераннахре.

Историк XI в. Гардизи приводит подробные сведения о политической программе Хариса. Обличая Омейядов, Харис ибн Сурейдж осуждал их за то, что они не соблюдают предписаний Корана и не поступают согласно сунне пророка; Харис обещал соблюдать договор, заключенный с зиммиями и не взимать харадж с мусульман (в том числе и с новообращенных), но до сих пор Омейяды собирают его.

Пропаганда Хариса ибн Сурейджа имела большой успех. Под его командованием объединились новообращенные мусульмане покоренных стран, страдавшие от налогов и в том числе значительная часть дехканов. Харис, склонив на свою сторону мусульманские гарнизоны, находившиеся в Мавераннахре, еще при жизни Джунейда перешел Амударью и укрепился (в северо-восточных районах современного Афганистана) в крепости Табушкан в Тохаристане. Выбрав момент, Харис ибн Сурейдж напал на Северный Хорасан. Джунейд, не имея сплоченного войска, не смог остановить победоносного шествия Хариса, который, завоевав Фарьяб, Балх, Таликан и Джурджан, намеревался захватить Мерв.

В 734 г. Джунейд умер, Новый наместник Хорасана Умейр ибн Хурейм, очевидно, разделял мнение Хариса ибн Сурейджа об освобождении новообращенных мусульман от хараджа. Вероятно, именно этим объясняется утверждение Балами о том, что Хорасаном правил Харис ибн Сурейдж.

Победоносное шествие Хариса обусловливалось двумя факторами. Во-первых, он пользовался помощью Хакана и дехканов Мавераннахра; вместе с Харисом против Хорасана выступили некоторые из вассалов Хакана: Сабил, — царевич Хутталяна, и Джабгу — царь карлуков. На берегах Джейхуна большую помощь оказывал Харису Ашкенд. Во-вторых, Харис, требуя от наместника Омейядов отмены хараджа для мусульман и новообращенных мусульман Мавераннахра и Хорасана, сумел привлечь на свою сторону большинство крупных дехканов, принявших ислам, и мелких земельных собственников — плательщиков хараджа.

Харису удалось разбить армию противника, которая по численности в два—три раза превосходила его армию.

Между войсками Хариса ибн Сурейджа и Асима произошло кровопролитное сражение, закончившееся победой Асима. Харис обратился в бегство. Асим не стал преследовать Хариса

и пообещал ему свободу, если тот покинет Хорасан, но Харис *не согласился.*

В письме к халифу Асим предупредил, что если халиф не примет требований Хариса об освобождении новообращенных мусульман от хараджа и джизьи, то он вместе с Харисом ибн Сурейджем выступит против него.

Халиф Хишам сместил Асима с должности наместника Хорасана и назначил на его место Асада ибн Абдуллу (735—739).

Весной 735 г. Асад начал походы против хариджитов. Харис, потерпев поражение, удалился в Самарканд.

В 736 г. Асад перенес столицу наместничества из Мерва в Балх, чтобы отсюда вести борьбу против Хариса и его покровителя Хакана Абумузаххима и дехканов Мавераннахра. Кроме того, он рассчитывал на поддержку Бармакидов, имевших влияние на царей Мавераннахра, которые, несмотря на заверения о принятии ислама, на деле придерживались религии своих отцов.

Весной 736 г., снарядив войско, Асад отправился на Самарканд, преследуя сторонников Хариса. Он остановился в Бухаре и бухар-худат Тахшада признал его власть. Тахшада обратился к Асаду с жалобой на то, что многие приняли ислам только с целью освобождения от уплаты хараджа и джизьи. Асад поддержал бухар-худата и приказал своему сборщику податей Шарику ибн Харису схватить всех этих людей и передать на расправу владетелю Бухары. Бухар-худат жестоко расправился с ними. Он вошел в мечеть в то время, когда новообращенные мусульмане молились, и уничтожил 400 чел.; остальные по приказу Асада ибн Абдуллы были взяты в плен и отправлены в Хорасан. По-видимому, бухар-худат арестовал также некоторых мусульман-арабов, отправленных Абусаидой в Бухару с целью убедить народ в необходимости принятия ислама.

Получив дань от Бухары, Асад отправился в поход против Самарканда, но не сумев овладеть им силой, решил лишить население города воды, перекрыв плотину Варагсар на Даргоме. Однако это ему не удалось, и не достигнув своей цели, он вернулся в Мерв.

В это время усилилась пропаганда против Омейядов за представителя дома Аббаса, дяди пророка Мухаммеда. В Мерве аббасидский эмиссар Омар ибн Йезид, известный под прозвищем Хидаш, под предлогом агитации за дом Аббаса, пропагандировал религию хуррамия. Когда наместнику Хорасана стало известно о пропаганде Хидаша, он приказал *схватить его, отрезать язык, выколоть глаза, а затем уже*

распять его. Расправившись с Хидашем, он намеревался завоевать область Хутталян. Хутталянцы поддерживали Хариса, и это послужило предлогом для завоевательного похода. На самом деле этот поход был один из многих грабительских походов, которые предпринимали наместники Хорасана против Мавераннахра. Владетель Хутталяна Саиджи не решился на сражение с Асадом и попросил помощи у Хакана Абумузаххима.

Асад потерпел поражение и ему пришлось вернуться в Балх. Зимой 737 г. Хакан вместе с царями Маверраннахра вновь напал на Хорасан, но был разбит и бежал в страну Джабгуя. Позже, вернувшись в Суяб, он снарядил войско из 5 тыс. человек во главе с Харисом и в 738 г. отправил их на защиту Самарканда. Стремясь привлечь на свою сторону тюркских военачальников, потерпевших большие убытки в войне с Асадом, он раздал им лошадей. Однако часть представителей тюркской военно-феодальной родовой знати, враждовавшая с Хаканом и соперничавшая с царствующим домом, считала этот момент удобным для захвата власти. Во главе их стоял двоюродный брат Хакана Кур-Суль, в 738 г. он убил Хакана.

При Кур-Суле часть согдийцев, пользовавшихся покровительством Хакана, вернулась в Шаш, так как не надеялась на помощь Кур-Суля в борьбе с наместником Хорасана. Свыше половины столетия согдийцы и тюрки вели с арабами энергичную борьбу за свою независимость. Арабы считали Мавераннахр «садом эмира правоверных» (халифа), однако не всегда они могли свободно распоряжаться этим «садом». До тех пор пока в Согде и других областях Средней Азии существовал единый фронт населения против арабов, последние не могли считать себя полными хозяевами страны. Не раз арабские военачальники должны были вновь завоевать земли, которые, казалось, давно уже были в руках халифа. Положение резко изменилось после того, как единый фронт, о котором говорилось выше, дал трещину, и господствующий класс согдийского общества, то есть крупное дехканство, стал переходить на сторону арабов. Вспомним согдийского ихшида Гурека, который процарствовал в условиях военного времени 27 лет (с 710 по 737 г.). Вначале ярый сторонник борьбы против арабов за независимость страны, он потом повел политику колебания: то мирился с арабами, то вдруг, вновь уверовав в силы сопротивления, становился в ряды восставших.

Раскол антиарабской коалиции был на руку наместнику Хорасана Асаду. Однако предпринять поход в Мавераннахр

против Хариса ибн Сурейджа Асад не осмелился. Наместником Хорасана был назначен Джудей ибн Али Кермани. В период наместничества Кермани в Хорасане и Мавераннахре еще более обострились классовая борьба, династические и межплеменные распри. В Хорасане усилилось влияние аббасидской шийи (партии), возглавляемой Абдуррахманом, известным под прозвищем Абумуслим. Халиф назначил наместником Хорасана Насра ибн Сейяра — главу племени мудар.

4. КУРС НАСР ИБН СЕЙЯРА НА СОЮЗ С ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ СОГДИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИЕЙ

В 739 г. Наср, закрепив свое положение в Хорасане, совершил *поход из Балха в Мавераннахр против Хариса ибн Сурейджа*, но без особого успеха вернулся в Мерв.

Убедившись в том, что большая часть покоренных народов Мавераннахра и Хорасана приняла ислам в надежде освободиться от уплаты хараджа и джизьи, Наср, вернувшись из мавераннахрского похода решил изменить налоговую систему. В соборной мечети в Мерве в 739 г. он выступил перед жителями города с обещанием провести реформу налоговой системы и взимать налоги лишь с немусульман. Тогда к Мансуру ибн Омару Абулхарка, которого Наср ибн Сейяр назначил сборщиком податей в Мерве, обратилось 30 тыс. мусульман, требуя освободить их от уплаты джизьи. При этом они сообщили Мансуру, что в Мерве проживают 80 тыс. немусульман, которые не платят джизью. Мансур перенес джизью на немусульман и снял ее с мусульман. Таким образом вся тяжесть налоговой подати джизьи пала на немусульман, так называемых мушрикан (многобожников). В дальнейшем общий размер джизьи все более сокращался по мере принятия немусульманами ислама. Наср, освободив новообращенных мусульман от джизьи, уравнял в правах всех мусульман. Мавали, подобно мусульманам-арабам, были освобождены от уплаты джизьи. Однако харадж должны были платить те, кто владел землей.

Наср определил размеры хараджа для всех областей Мавераннахра и Хорасана. Уловка Насра, выразившаяся в финансовой реформе, согласно Вельхаузену, явилась новшеством во всем халифате. При Насре арабам легче стало проводить политику взимания хараджа и других податей и повинностей, чем при его предшественниках. Сохранились сведения о том, что Наср уменьшил харадж, улучшил сбор налогов и Хорасан при нем достиг наивысшего расцвета. Однако это не означает, что в стране не было народных выступлений.

После проведения реформы Наср ибн Сейяр, рассчитывая на поддержку новообращенных мусульман Мавераннахра, предпринял в 739 г. новый поход против Самарканда, где находился Харис ибн Сурейдж.

Подобно ибн Абдулле, Наср пытался лишить город воды и вынудить его сдаться. Хариджитам, возглавляемым Харисом ибн Сурейджем, пришлось удалиться в Шаш. Правителем Самарканда Наср назначил Мансура ибн Омара, приказав ему освободить мусульман от джизьи. Согласно Табари, Наср хотел вернуться в Мерв, но иракский наместник Юсуф ибн Омар настаивал на том, чтобы он выступил в том же 739 г. против владетеля Шаша, который дал убежище Харису ибн Сурейджу.

На стороне Насра было 20 тыс. местных мусульман из Мавераннахра, Несефа, Кеша, Бухары, Самарканда, Усрушаны. Владетеля Шаша Кадир ибн Бадра и Харис ибн Сурейджа поддержал Кур-Суль, ставший во главе 15-тысячной наемной армии. Он преградил путь Насру у реки Сырдарьи (Шаш) и стал совершать ночные нападения на лагерь мусульман. Во время одного из таких набегов Кур-Суль был взят в плен арабами и сожжен.

Тюрки снялись с лагеря и уехали. Наср не преследовал их. Харис ибн Сурейдж бежал вместе с шашским владетелем в крепость Шаш. Ибн ал-Асир пишет, что Наср сначала напал на ферганцев и взял 30 тыс. пленных, затем получив приказ от наместника Ирака Юсуфа ибн Омара покончить с Харисом, перешел р. Шаш и напал на него. На стороне Насра воевали темимиты — племя, из которого происходил сам Харис, поэтому Харис уклонился от войны с темимитами. Владетель Шаша Кадр предложил Насру мир. Наср потребовал, в качестве условия договора, ухода Хариса из Шаша. Владетель Шаша согласился на это, и Харис удалился в селение Фарьяб. Наср оставил в Шаше своего наместника Низака ибн Салиха, а сам отправился в поход на Фергану. После нескольких сражений между войсками Насра и наследника ферганского царя в районе г. Кува ферганцы предложили заключить мирный договор.

Наср сумел внести раскол в ряды дехканской знати и многих из дехканов привлечь на сторону арабов. Он твердо проводил политику сохранения всех социально-экономических привилегий за перешедшими на сторону халифата крупными дехканами, всячески покровительствовал установлению родственных отношений между высшими арабскими военачальниками и дехканской знатью, при этом сам подавал пример.

Он решил мирным путем склонить на свою сторону непокорных согдийцев. Зная о стремлении согдийцев, удалившихся в период правления Хакана Абумузаххима, вернуться в Согд, он предложил им заключить мирный договор. Согдийцы приняли предложение Насра, однако заявили, что подпишут договор только в том случае, если будут учтены их требования. Во-первых, они требовали не подвергать наказанию тех местных мусульман, которые отреклись от ислама и вернулись к своей прежней религии; во-вторых, чтобы не взимали несправедливо числившиеся за ними долги; в-третьих, они добивались признания за ними права владеть пленными мусульманами и соглашались вернуть пленных только по решению судьи, основанному на показаниях правомочных свидетелей.

Несмотря на то, что многие военачальники считали эти условия неприемлемыми, Наср заключил мирный договор с согдийцами, ушедшими за Харисом, опасаясь их внезапного нападения (в союзе с тюрками) на Мавераннахр. Борьба народов Мавераннахра и Хорасана за свою независимость заставила халифа Хашима подписать договор на таких тяжелых для него условиях. В 741 г. согласно договору, согдийцы вернулись в Согд.

Наср и его сподвижники сумели найти поддержку в господствующем классе Согда, перетянув на свою сторону его влиятельные группы. В результате этого возник союз местных феодалов с арабами, что в дальнейшем затруднило борьбу трудящегося населения Согда против сплотившихся местных и иноземных эксплуататоров и ухудшило их экономическое положение.

ГЛАВА III

МАВЕРАННАХР В БОРЬБЕ ПРОТИВ ВЛАСТИ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА В VIII—IX вв.

1. ПОЛОЖЕНИЕ В МАВЕРАННАХРЕ В СЕРЕДИНЕ VIII в.

Земледельцы Мавераннахра жили в укрепленных поселениях. В Хорезме земледельцы не знали селений и располагались в отдельных укрепленных усадьбах большими патриархальными семьями. В состав богатой семьи, кроме ближайших родственников, входили рабы и рабыни, которые работали в хозяйстве. Земледельцы-кедиверы жили в хижинах среди посевов. Классовое расслоение прежде всего коснулось патриархальной семьи внутри сельской общины, в которой появилось разделение на господствующих, с одной стороны, зависимых (кедивары) и рабов — с другой. При этом возрастала категория кедиверов.

В процессе расслоения свободной части сельской патриархальной семьи все большее количество населения попадало в разряд зависимых людей. В результате длительной борьбы арабам удалось расположить к себе высшие слои дехканства и сделать их своими верными слугами, сохранив за ними земли и другие богатства. До прихода арабов господствующим классом были согдийские дехканы, а после завоевания страны арабами они стали второстепенными совладельцами на земле арабского халифата. Уцелевшая часть дехканов согласно мирному договору обязалась собирать харадж и джизью с покоренных и вносить в казну наместников халифа.

Таким образом, сбор земельной ренты (харадж) с непосредственного производителя оставался в руках дехканов.

По свидетельству Табари, арабы, приобретавшие земель-

ные владения в Хорасане на территории сельской общины, находившейся под властью дехканов, платили им харадж.

В руках большинства дехканов находились ирригационные сооружения, роль которых на Востоке очень велика, ибо земледелие в оазисах без искусственного орошения немыслимо.

На создание и сохранение крупных ирригационных сооружений на больших реках по существующему обычаю мобилизовывалось все сельское население страны или области, а мелкие каналы, которые вели воду в селения, должны были рыть и чистить жители этого селения. Организаторами этой работы были местные правители — наместники. Иногда инициаторами сооружения больших каналов становились феодалы, стремившиеся приобрести крупные земельные владения. До завоевания арабов зять бухар-худата Шапур облюбовал местность около нынешней Бухары и попросил тестя отдать ему в качестве икта эту мертвую землю. Наршахи рассказывает, что, овладев землей, Шапур велел вырыть большой канал, который впоследствии стал называться его именем — Шапур-кам. Так, крупные земельные владения и сооружения сосредоточивались в руках феодалов-иктадаров.

Большинство историков-востоковедов считает икта наиболее ранней формой феодального института, однако распространение его в Средней Азии относится к IX—X вв.

Абуабдулла Хорезми, объясняя институт икта, писал: «Икта — то, что султан наделяет какого-нибудь человека землей, земля переходит к нему во владение и называется эта земля «катаи» (единственное число «катиа»).

Следует отметить, что халифы отдавали государственные земли в качестве икта некоторым своим военачальникам и гражданским чиновникам не только пожизненно, но и в наследственное владение. Однако халифы уступали владельцам икта только часть своих прав и в основном оставались главными верховными собственниками земли, так как владетели икта часто платили ушр (1/10 часть урожая). Халифы считались по мусульманскому закону собственниками всех земель, находящихся во владении мусульман, и собирали с них государственные поземельные налоги, однако они имели право раздавать в качестве икта только государственные земли. Налог с государственных земель называли савафи.

Сбор налогов с этих земель после раздачи в качестве икта осуществлялся в весьма разнообразных формах. По этому поводу Абуюсуф написал обстоятельное объяснение халифу Харун ар-Рашиду: «Относительно отданных во владение частным лицам государственных земель (катаи) установился такой порядок, что с них взимался ушр, так как они находятся

на положении земель, с которых взимается садака (подаяние). Во всяком случае решение этого вопроса зависит от имама» (т. е. халифа). Проф. А. Ю. Якубовский справедливо заметил: «Характерно, что крупные имения, как правило, хараджем не облагались, а были большей частью землями ушр (плательщиками только десятины), а то и совсем освобождались от налогов».

В источниках часто упоминается, что крупные чиновники и военачальники халифа получали в качестве икта земли «мават» (мертвые земли).

Среди земель, пожалованных в качестве икта, были и такие, с которых взимался харадж. Об этом имеются ценные сведения у Белазури и у Абуюсуфа.

В Мавераннахре Халиф Мутамед (870—892) отдал в качестве икта Мухаммеду ибн Тахиру (862—873) доходы с иштиханских базаров и некотроых селений.

На протяжении VIII в. повсеместно совершался переход земель от крупных дехканских родов к военно-феодальной правящей арабской верхушке, которая вместе с Насром ибн Сейяром нашла общий язык с частью местных крупных землевладельцев — дехканов и совместно с ними эксплуатировала трудящиеся массы страны. Пользуясь враждой местных крупных дехканов, они старались прибрать к рукам земельные владения завоеванной страны. Наршахи подчеркивает, что бухар-худат Тахшада отдал Насру в жены свою дочь и земли в Хунбуне, которые впоследствии получили название «посевы Алидов». Стремление к приобретению крупных земельных владений было характерно для правителей на местах. Например, эмир Бухары Васл ибн Амр, пользуясь своей властью и враждой бухар-худатов с его родственниками, отнял их имения. Наршахи рассказывает о том, как дехканы пришли к Насру ибн Сейяру с жалобой на Тахшаду. Они говорили: «Бухар-худат и эмир действуют заодно и отбирают у владельцев имения (дийа)».

В результате военных действий в первой половине VIII в. погибли многие местные родовитые семьи; их земельные владения по существующему правилу перешли как добыча мусульман в пользу халифа.

Буниад ибн Тахшада также был убит за участие в «движении людей в белых одеждах». После этого, как подчеркивает Наршахи, наследственные имения бухар-худатов были взяты в пользу государства; халиф передал их потомкам Буниада на арендных началах. Таким образом, в конце VIII в. потомки бухар-худатов, потеряв право собственности на мильковые земли своих предков, стали владеть ими в порядке условного

землевладения. Чтобы укрепить власть арабов, Наср ибн Сейяр вынудил часть ферганцев переселиться в другие места и уступить арабам свои дома и посевные земли.

На грани VIII—IX вв. доходы от крупных землевладений или областей на завоеванных территориях получали заслуженные военачальники. Такое пожалование было пожизненным и называлось ту'ма. Абуабдулла Хорезми, объясняя этот термин, писал: «Ат-ту'ма (кормление) заключается в том, что имение дается какому-нибудь человеку, чтобы он обрабатывал его и платил с него ушр. Принадлежало оно ему в течение всей жизни. Когда он умирал, оно (имение) отбиралось у его наследников, а кати'а в противоположность институту ат-ту'ма принадлежал его наследникам после его смерти».

В источниках часто встречается этот термин в указанном значении. Балами отмечает, что Хакан Абумузаххум отдал Харису ибн Сурейджу харадж с города Фарьяба на кормление (ту'ма).

На рубеже VIII—IX вв. во всех странах, подвластных арабскому халифату, процесс феодализации ускорился. Богатые феодалы не желали делить с государством свои доходы, старались разными путями избавиться от необходимости платить налоги, сделать землю своей полной нераздельной собственностью.

Существовало феодальное пожалование, которое называлось по-арабски тасвиг. Абуабдулла Хорезми, объясняя этот термин, писал: «Ат-тасвиг (обеление) заключается в том, что человеку дается какое-нибудь облегчение от его хараджа на год или на два или больше». Несомненно, каждый феодал, имевший такое пожалование, старался подольше или повторно пользоваться этими правами.

Практиковалось пожалование права—иммунитет, по-арабски — «игар». У Абуабдулла Хорезми, читаем: «Игар (иммунитет) заключается в том, что имения или селения объявляются под запретом и налогосборщик (амиль) не может (туда) войти. На них налагается какая-нибудь сумма, которая должна уплачиваться ежегодно в казну (халифа) или (казну) какой-нибудь области». Феодалы, обладавшие иммунитетом, очень скоро усилились и стали полными хозяевами пожалованных им областей.

Термин игар часто встречается в арабских источниках IX—X в. Так, Кудами замечает, что института «игар» в Персии раньше не было. Он сообщает, что сподвижник Абумуслима Яктин ибн Муса ал-Куфи получил грамоту от халифа с пожалованием ему права игар (угар) на множество имений в Иране в области Тасасидж.

Укрепление феодального землевладения позволяло феодалам (иктадарам) притеснять малоземельных крестьян. Крупные землевладельцы расширяли свои владения за счет земель бедняков, попавших к ним в кабалу.

Захват земель, грабежи арабской и местной знати и кочевников, притеснения сборщиков податей, развитие товарного производства в сельских местностях — все это вызвало расслоение крестьянской массы.

Исторические источники содержат скудные сведения о жизни крестьян — мелких собственинков. В VIII—IX вв. в Мавераннахре и Хорасане крестьяне были разделены на разряды.

Существовали свободные крестьяне — члены сельской общины. Они, как владельцы земли, не знали тяжелой издольной системы и платили лишь харадж. После завоевания арабами Мавераннахра и Хорасана свободные крестьяне были вынуждены платить еще подушную подать — джизью. Для обозначения этой группы крестьян Мавераннахра Табари употребляет термин *харрас*. В 723 г. во время подавления восстания согдийцев арабы в окрестностях Ходжента обязывали крестьян-общинников платить харадж и джизью. На шею крестьян (харрасин) арабские чиновники вешали особые свинцовые печати (хаватим), на которых отмечалось, что данное лицо из такого-то рустака и селения должно заплатить такой-то налог. Практика навешивания печатей оскорбляла население покоренных стран и низводила его до положения клейменных рабов.

До прихода арабов в Хорасан крестьяне-общинники находились в зависимости от местных феодалов-дехканов. Это видно из письма арабского военачальника ал-Ахнафа, посланного марзибану Мерварруда Базану: «Мы соглашаемся на то, что ты просишь и предлагаешь мне, что будешь уплачивать за твоих издольщиков (аккаров) и крестьян (феллахов) и земли *60 тыс. дирхемов мне и правителю после меня из мусульманских эмиров*».

Из этого письма ясно, во-первых, что под феллахами подразумеваются крестьяне сельской территориальной общины; а с другой — видно, что уцелевшие местные феодалы — дехканы и при арабах продолжали эксплуатировать издольщиков и крестьян. Аналогичную картину можно видеть в феодально зависимой сельской общине Мавераннахра.

Сельская община, феодально-зависимая или подневольная, все-таки заставляла государство или феодала считаться со старыми обычаями и в этом отношении выступала защитником интересов крестьян. Например, Абуюсуф предупреж-

дает халифа, что «если какой-нибудь канал принадлежит сельской общине, то необходимо считаться с волей общины». В большинстве областей халифата каналы, а также луга для выгона скота считались собственностью сельской общины.

Абуюсуф писал: «Такую большую реку (т. е. Тигр и Евфрат), находящуюся в общем пользовании мусульман, нельзя равнять с каналом, принадлежащим какой-нибудь отдельной группе людей, к которой никто против их воли не может примкнуть; разве ты не видишь, что владельцам этого канала принадлежит право «шафи», и если кто-нибудь из них продаст свой участок земли, то они первые будут препятствовать тому, чтобы кто-нибудь из (купивших землю) посторонних орошал из их канала свою землю или свои пальмовые или древесные насаждения: Евфрат и Тигр находятся в ином положении».

Положение крестьянина-издольщика было крайне тяжелым. В арабских источниках крестьяне-издольщики названы «аккарами, амирами, шариками, мунасифами или просто ал-музараунами — возделывателями, а в персидских источниках — барзигарами.

Исследователи понимали под термином кедивер крестьянина-общинника, постепенно закрепощавшегося феодалами; они связывали появление кедиверства с эпохой становления феодальных отношений в Средней Азии. Переход крестьянской земли в руки феодалов и закрепощение крестьянских масс на территории Мавераннахра и Хорасана происходили в течение длительного времени.

Налоги, непрерывная военная служба, грабежи разоряли свободное крестьянство. Обращаясь за помощью к крупным землевладельцам, крестьяне превращались в зависимых людей. Нередко они были вынуждены полностью переходить под «покровительство» феодала, так как иначе беззащитному человеку невозможно было существовать из-за притеснения государственных чиновников в условиях беспрерывных феодальных войн и разбойничьих набегов кочевников. В таких случаях земельные участки переходили к феодалам и крестьяне могли лишь сохранить за собой право на эти участки на условиях выполнения различных повинностей в пользу феодалов. Подобные отношения известны в истории Среднего Востока под названием «ильджа» или «ат-тальджи'а». Судя по арабоязычным источникам, широкое распространение социального института ильджа или тальджи'а относится к периоду VIII—IX вв. По словам Абуабдуллы Хорезми, «ат-тальджи'а (означает), что слабый вручает свое имение сильному, чтобы он защищал его. Но только сильный оказывает защиту тогда, когда тот передает ему свое имение».

В сочинении Белазури приведены вполне определенные данные об отношениях между крестьянами и их покровителями. Они относятся ко времени правления халифа Харун ар-Рашида. «Касим, сын повелителя правоверных ар-Рашида, был правителем Джурджана, Табаристана и Казвина. Жители Зинджана отдали ему (коммендировались Касиму) под защиту свои земельные владения (дийа), желая укрепиться благодаря его покровительству, защититься от вредных действий «босяков» (са'алика) и притеснений сборщиков налогов (уммал). Они (жители) написали купчие на эти земли и стали издольщиками (музараин) ее (этой земли). Теперь эти земли принадлежат к категории ад-дийа».

Белазури отмечает, что кроме государственных налогов, с подобных земель взималась еще и рента в пользу покровителей. «Какизан принадлежал к ушровым землям, потому что жители его приняли ислам на условиях владения им и оживили его (после принятия ислама). Они коммендировались Касиму на том условии, что устанавливали для него (Касима) второй ушр, кроме ушра, уплачиваемого в казну». Так эти земли превратились в ад-дий'а, пишет Белазури.

Из этого отрывка видно, что жители Какизана отдали свои земли Касиму с условием, что они будут платить обычную долю казне и второй ушр — ему, чтобы он оказывал им покровительство (ильджа). Если раньше они платили 1/10, то теперь должны были платить 1/5 часть своего дохода. Следовательно, с появлением института ильджа растет земельная рента, усиливается феодальная эксплуатация. Это приводит к закабалению непосредственного производителя. Развитие института ильджа сопровождалось ростом землевладений крупных феодалов. Феодалы получали право на взимание феодальной ренты с непосредственного производителя наравне с государством. Они становились как бы совладельцами государственных земель. По этому поводу И. П. Петрушевский писал: «Одна и та же земля имела над собой двух или нескольких владельцев, связанных между собой соподчинением в иерархическом порядке».

С усилением процесса феодализации росло число крестьян-издольщиков. Издольная аренда занимала большое место в экономической жизни халифата. Недаром Харун ар-Рашид обратился к судье города Багдада Абуюсуфу, чтобы он обстоятельно описал виды договорных дел с издольщиками, права издольщика и арендатора. Абуюсуф посвящает этому вопросу целую главу в своей книге «Китаб ал-харадж», в которой описывает основные виды издольных аренд, существо-

вавшие в его время на территории стран, подвластных халифу.

Абуюсуф считал вполне законной сдачу на обработку (музара'а) возделанных и невозделанных земель за половину или треть урожая, а также сдачу на обработку (орошение — ал-мускат) пальм и плодовых деревьев. По Абуюсуфу, передача земли издольщику имеет в основном пять видов.

Как предполагал А. Ю. Якубовский, «издольщиком мог быть... кедивер, получивший свободу раб, а то просто раб, посаженный на землю». Несмотря на то, что в источниках изучаемого периода нет прямых сведений об использовании рабов в качестве издольщиков, есть основания предполагать, что в Средней Азии до арабского завоевания и после него часть издольщиков была из рабов. Эта гипотеза подтверждается не только аналогией с Ираном и Ираком, но и всей последующей историей феодальной Средней Азии. Для установления степени распространения рабства в VII—VIII вв. характерны факты вывоза огромного количества рабов из покоренного Мавераннахра в качестве дани. Из одного только Согда Гурек должен был отправлять ежегодно 30 000 молодых здоровых мужчин, ценою в 200 дирхемов каждый. Дань рабами была столь же обычной, как денежная. Это свидетельствует о том, что в халифате рабовладельческий уклад был еще силен и побуждал арабов к поискам рабов.

Поставка рабов в качестве дани продолжалась до IX в., но целью ее являлось не пополнение рабочей силы, а комплектование гвардии халифов. Правда, и раньше в армии широко использовались рабы. Табари, упоминая о походе Асада ибн Абдалла на Хутталь, отмечает, что в войске Асада имелись рабы, которые ездили лишь на ослах.

Положение рабов было крайне унизительным и тяжелым. Автор арабского анонима XI в. отмечает, что рабы в Мерве присоединились к движению Абумуслима, который обещал им равные права с участниками движения.

Приходу к власти Аббасидов помогло и участие рабов в движении, руководимом Абумуслимом. Однако приход Аббасидов к власти, естественно, не улучшил положения рабов. По этому поводу Абуюсуф писал: «О, повелитель верующих, ты спрашиваешь меня, как быть с теми рабами и рабынями, которых приводят к наместникам всех областей, которыми во всех больших и малых городах переполнены тюрьмы и возврата которых никто не требует». Этот отрывок свидетельствует о том, что в начале IX в. рабы потеряли свое прежнее значение в общественной жизни халифата. Использование труда рабов на основе издольной аренды преследовало цель

повысить их заинтересованность в работе на феодала, которая при таких условиях сулила им определенные выгоды.

По мнению Абуюсуфа, халиф должен придерживаться существующей практики по издольной аренде. Причем, Абуюсуф в интересах крупного землевладения защищал самые крайние формы эксплуатации издольщика.

В Мавераннахре и Хорасане в VIII в. крупное феодальное водное хозяйство было неотъемлемой частью землевладельческого хозяйства. Государь или феодал, чтобы наказать крестьян, которые не платили харадж или подняли восстание, мог закрыть плотину и лишить их воды. Когда восстали согдийцы, не желая платить харадж, наместник Хорасана Саид Хузейна (720—721 гг.) попытался закрыть плотину Варагсара, чтобы лишить воды жителей Самарканда и его окрестностей. Так же поступили наместники Хорасана Асад ибн Абдулла (734—736) и Наср ибн Сейяр.

Основная часть крестьян Мавераннахра владела небольшими земельными угодьями, возделывая их собственными орудиями труда, но вынуждена была пользоваться водой из канала, являющегося собственностью государства, феодала или сельской общины.

В зависимости от способов орошения определялись размеры ренты. По-видимому, в Мавераннахре и Хорасане, как и в других областях халифата, наряду с другими более высокими формами феодальных рент, сохранилась отработочная рента, которую требовали от всех, кто пользовался водой для орошения, так как создание и сохранение ирригационных сооружений, находящихся в собственности феодала (правительства), требовало огромных затрат труда.

В изучаемый период в Мавераннахре обезземеленные крестьяне собирались в больших городах и увеличивали число городской бедноты, часть которой пополняла ряды газиев — борцов за веру с «неверными и еретиками». В источниках, кроме термина «гази», встречается «мутавви'а» или «мутатави'а», буквально — добровольцы.

Феодальная рента в Мавераннахре и Хорасане взималась в трех формах; каванин (мукати'а), мукасама, мисаха.

Каванин (более распространенное название этой формы — мукати'а) поступал в казну халифа из удельных владений в качестве дани. Сумма мукати'а определялась мирным договором.

Мукасама—определенная часть урожая. Абуюсуф пытался установить размер мукасама с учетом вида орошения и выращиваемой культуры и рекомендовал халифу взимать харадж именно в этой форме.

Мисаха — налог, определявшийся размером участка, независимо от того, обрабатывается он или нет. Исторические источники свидетельствуют о том, что между законоведами были серьезные разногласия относительно таких вопросов, как сбор хараджа с участков, которые дают урожай несколько раз в год, о взимании хараджа с необрабатываемых участков и т. д. По мнению некоторых законоведов, размер мисаха не должен увеличиваться, если с данного участка собирают урожай несколько раз в год, по мнению других, должен увеличиваться. Как отмечал К. Маркс, «различные формы ренты могут сочетаться, искажаться и сливаться»[1].

Отработочную ренту как часть земельной ренты в виде бегара и хашара крестьянство Мавераннахра несло в водном хозяйстве феодала или государя сезонно. В урожайные годы правительство требовало уплаты ренты деньгами, а в неурожайные — натурой. Иногда крестьянам приходилось отдавать весь урожай или даже покупать для султана требуемый продукт. Это разоряло крестьян и не давало ему возможность расширить воспроизводство.

По замечанию Абуюсуфа, можно судить о том, что он был близок к пониманию того, что злоупотребления феодалов в налогово-податной системе были присущи данному строю: «Ведь какой бы из этих двух видов (мисаха или мукасама) ни применить, более сильный одолеет более слабого и использует его исключительно в свою пользу, переложив (всю тяжесть) хараджа на тех, кому она непосильна и против его желания...». Халиф и его наместники хорошо знали, как увеличить размер взимаемой ренты и применяли разные хитрости. Такую политику проводил Харун ар-Рашид, назначивший наместником в Хорасан Мусейяба ибн Зубейра, с именем которого связан выпуск низкопробных дирхемов «мусейяби». Вскоре Мусейяб был отозван из Хорасана и на его место назначен Гитриф ибн Ата. По словам Наршахи, Гитриф чеканил низкопробные медные монеты и заставлял народ принимать их. Население Бухары шесть дирхемов гитрифи считало равными одному дирхему серебра, так как в составе этого дирхема была всего 1/6 доля серебра. Правительство принимало поземельные и другие налоги этими монетами. В связи с взиманием налогов только этими деньгами цены низкопробного дирхема настолько поднялись, что стоимость их превзошла стоимость серебряных дирхемов. Согласно Наршахи, 220 серебряных дирхемов стоили только 85 дирхемов гитрифи.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III; К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 359.

Здесь невольно вспоминаются слова К. Маркса о роли денег как средстве платежа: «Вместо того, чтобы прямо давать плебеям необходимые для них товары — хлеб, лошадей, крупный рогатый скот — они ссужали им эту бесполезную для них самих медь и пользовались своим положением для того, чтобы выжимать громадные ростовщические проценты, при помощи которых они превращали плебеев в своих должников-рабов. При Карле Великом франкские крестьяне также были разорены войнами, так что им не оставалось ничего другого, как из должников превратиться в крепостных»[1].

Переход к денежной форме ренты усилил процесс феодализации. При Харун ар-Рашиде арабская власть требовала от жителей Бухары харадж в шестикратном размере дирхемами гитрифи, несмотря на то, что стоимость гитрифи уже равнялась серебряному дирхему.

В книге Абуюсуфа приводятся факты притеснения народа сборщиками податей: «Нельзя взимать с дирхемов, вносимых плательщиками в уплату хараджа, добавочный налог, который они называют «ривадж ад-дирхаму», т. е. налог, находящийся в обращении дирхема. Мне приходилось слышать, — пишет Абуюсуф, — что приносит человек дирхемы, чтобы уплатить ими лежащий на нем харадж, а сборщик удерживает еще и для себя некоторую часть, причем говорит, что это в возмещение изношенности дирхемов, разницы в их фактическом достоинстве». Критикуя злоупотребления сборщиков налогов и беспорядки при обложении и взимании хараджа и других налогов, Абуюсуф показывает тяжелое положение издольщиков и крестьян, мелких земельных собственников, закабаляемых феодалами.

Таким образом, Абуюсуф, сын своего класса, заботился только о том, чтобы сбор хараджа не пришел в расстройство из-за гибели подданных. Сам того не желая, он объективно показал тяжелое положение населения стран, подвластных халифам.

Так на грани VIII—IX вв., с одной стороны, накапливалось богатство в руках крупных феодалов — дехканов, с другой — разорялись мелкоземельные собственники, в основном общинники, превращаясь в обезземеленных зависимых крестьян-издольщиков. Этот процесс классовой дифференциации, усилившийся в связи с введением тяжелой формы эксплуатации трудящихся Мавераннахра арабским халифатом сопровождался упорной классовой борьбой против арабского вла-

---

[1] К. Маркс. Сочинения, Капитал, т. I, ч. II, стр. 147.

дычества и против религии ислам, связанной со всей системой арабской эксплуатации.

Поэтому завоеватели прежде всего старались насильственно распространить свою религию — ислам. Вместе с военными отрядами шли в походы и проповедники ислама. В исламе арабские завоеватели видели силу, объединявшую их единым с покоренным населением Мавераннахра мировоззрением, которая устанавливала правила их поведения в мирное и военное время, узаконивала военные грабежи под видом законной добычи, нормы распределения которой в виде «суры о добыче» заключались в Коране. Вместе с пропагандой ислама шло распространение арабского языка; арабизация охватывала если не широкие массы, то, во всяком случае, правящие круги, так как арабский язык становился языком государственных канцелярий, языком науки и литературы.

Большое значение арабские военачальники придавали постройке в завоеванных городах мусульманских мечетей. В ряде случаев арабы даже не строили для мечетей новых зданий, а приспосабливали под них городские зороастрийские или христианские (в большинстве своем несторианские) храмы, ограничиваясь теми или иными переделками в них. Так было в Бухаре, Самарканде, Мерве и других городах — во всей Средней Азии в целом.

Распространение ислама было нелегким для арабов делом. Легче было установить ислам в городах, особенно в больших административных и торговых центрах, как Бухара и Самарканд, хотя и там имелись круги, активно противодействовавшие исламистской пропаганде.

Даже после прекращения борьбы с арабами большинство землевладельческой дехканской аристократии медленно и туго воспринимало новую религию. Больше успеха ислам имел среди купцов. Однако, несмотря на вытекающие отсюда выгоды, в среде купцов были группы, энергично противившиеся принятию ислама. Широко известен классический пример с бухарскими купцами — каш-кушанами. Согласно Наршахи, они не ходили на пятничную молитву в соборную мечеть, а придерживались зороастризма, молясь в своих кешках (замках), стоявших изолированно от остального города. Однажды мусульмане подошли к воротам замков и стали убеждать обитателей пойти на пятничный намаз. В ответ с крыш замков полетели камни. Собралась огромная толпа мусульман и началось настоящее сражение, в результате которого много замков было разрушено и разграблено.

При насаждении новой религии арабы прибегали к самым разнообразным приемам. Наршахи рассказывает, что Кутейба

ибн Муслим приказал, чтобы все население Бухары посещало пятничное моление в соборной мечети. Устанавливалась даже награда пришедшим: каждому выдавалось по два дирхема. Некоторых бедняков можно было привлечь этой наградой, на что и рассчитывали арабы, вводя такое мероприятие. Принимали ислам и многие ремесленники в городах. Однако новая религия встретила противодействие и с их стороны, особенно в среде манихейских общин, очень стойких в своих религиозных убеждениях.

И все-таки города Мавераннахра, так или иначе, медленно, но верно, шли по линии исламизации, хотя во многих слоях городского населения господство новой религии было только внешним.

Значительно сложнее обстояло дело с распространением ислама за пределами городов как в среде дехканов, так и простых земледельцев. Если богатых дехканов еще можно было перетянуть на свою сторону разными подачками вроде сохранения социальных привилегий, то с земледельцами было много труднее. Они решительно не хотели принимать и не принимали новой религии, которую тесно связывали со всей системой арабской эксплуатации. Ответом на арабизацию и пропаганду ислама были широкие народные движения. События в Мавераннахре VIII в. не могут быть поняты вне изучения этих движений, которые являются главными фактами его истории.

2. УЧАСТИЕ НАРОДОВ МАВЕРАННАХРА В БОРЬБЕ ПРОТИВ ОМЕЙЯДСКОГО ХАЛИФАТА В СЕРЕДИНЕ VIII в. (АББАСИДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ)

В середине VIII в. династия Омейядов прекратила свое существование в результате широчайшего народного движения. В халифате установилась власть новой династии—Аббасидов. Обстоятельства, приведшие к этой перемене, были весьма важны, а последствия перемены для всего халифата и, в частности, для Средней Азии, весьма значительны.

Среди покоренных народов, находившихся в подчинении у обширного арабского государства—халифата, не было кругов, за исключением чисто арабской прослойки, со стороны которых Омейяды встретили бы поддержку. Выше мы имели возможность убедиться, насколько непопулярна была в Средней Азии арабская власть. Почти то же наблюдалось в Иране, Ираке, Закавказье и далеком Египте.

Весьма характерно, что ненависть к арабской власти и возглавившей ее династии Омейядов питали уже не только трудящиеся народные массы покоренных стран, вошедших в со-

став халифата, но даже господствующие классы. Если земледельцы и ремесленники страдали от хараджа, а также ряда других налогов и натуральных повинностей, то господствующие классы населения покоренных стран — персидские феодалы-землевладельцы, знатные согдийские и другие соседние феодалы-дехканы, крупные земельные собственники, сирийские, персидские, согдийские купцы и т. д. — были весьма ущемлены тем, что арабы не только не допускали их к участию в управлении, но что они не сохранили за собой также и прежних доходов с крестьянского труда и не получили полного гражданского равноправия с арабским населением.

В течение всего периода нахождения Омейядов у власти постоянно то там, то тут в халифате вспыхивало недовольство, а то и восстание против них, к которому примыкали представители местных правящих династий.

В 30-х годах VIII в. у Омейядов оказались умные и деятельные соперники в лице Аббасидов, потомков Аббаса — дяди пророка Мухаммеда. Основателем аббасидской шии, то есть партии, был Мухаммед ибн Али, правнук Аббаса. Он прекрасно учел, что в Иране, Средней Азии и других областях халифата покоренные народы ненавидят Омейядов и что этой ненавистью необходимо воспользоваться, свалив Омейядов и заняв их место, тем более, что по мнению членов дома Аббаса, они, как прямые родственники Мухаммеда, имели больше прав на престол, чем Омейяды, не находившиеся в родстве с пророком. Мухаммед ибн Али был, несомненно, умным и энергичным человеком. Он сумел найти и привлечь к себе сторонников и направить наиболее верных и активных из них на пропаганду аббасидского дела в Ирак и Хорасан, где обстановка более благоприятствовала восстанию против Омейядов.

По словам Абуханифы ад-Динавери, в Мерве, Бухаре, Самарканде, Кеше, Несефе, Чаганиане, Хутталяне, Мерверуде, Герате, Талкане, Бушендже и Сеистане еще в 30-х годах VIII в. началась пропаганда аббасидского движения. Аббасидские эмиссары разжигали ненависть к Омейядам, как к главным виновникам арабского засилья, обещали иранской и согдийской земледельческой аристократии участие в делах высшего управления халифатом, народу же сулили снижение хараджа и уменьшение ряда натуральных повинностей. Последнее обещание, как мы увидим ниже, было лишь временным демагогическим лозунгом с целью привлечения масс для борьбы против Омейядов.

В Хорасан в качестве главы аббасидского движения был отправлен Букейр. В то время как пропаганда аббасидских идей достигла в Хорасане и Мавераннахре больших успехов,

Афрасиаб. Стенная респись.

в самой арабской среде в связи с назначением на пост наместника Хорасана вместо главы южноарабского племени азд Джудей ибн Али Кермани Насра ибн Сейяра (738—748 гг.) из мударитов усилилась межплеменная вражда. Наср назначал на должность сборщиков податей только своих мударитов. Это вызвало недовольство хорасанской знати, требовавшей, чтобы Хорасаном управлял совет (шура) эмиров, в который входят местные дехканы. Кермани решил использовать недовольство местных дехканов для захвата власти в Хорасане. Наср в качестве союзника пригласил из Суяба Хариса ибн Сурейджа, помилованного халифом. Но Харис, прибыв в Хорасан, выступил против Насра, и Кермани с его помощью победил Насра. Однако захватив власть, Кермани не согласился с предложением Хариса передать управление Хорасаном в руки совета (шура) эмиров. На этой почве между ними началась война, кончившаяся в 746 г. гибелью Хариса.

Хариджитское движение значительно ослабло с тех пор, как требование не взимать хараджа с мусульман и новообращенных мусульман перестало быть его главным лозунгом. Союз Хариса, возглавлявшего движение хариджитов, с господствующей феодальной верхушкой оттолкнул от него широкие массы, страдавшие под гнетом наместников Хорасана. Однако идеология хариджитов не потеряла своего значения. Их лозунги, первоначально направленные против господствующей династии, и требования, выражавшие чаяния покоренных народов, поддерживали широкие народные массы. После гибели Хариса Наср возобновил войну с Кермани. Положение Насра было ненадежным.

В 746 г. для руководства аббасидской пропагандой был отправлен в Хорасан Абумуслим, сделавший исключительно много для успеха всего движения.

По поводу происхождения Абумуслима в источниках имеются противоречивые сведения. Согласно Табари, Абумуслим был родом из Кутарнии в куфийском Саваде и находился в богатом доме в качестве управляющего; по данным Балами и автора «Анонима», он был шорником.

По словам же Абуханифы ад-Динавери, Абумуслим в юности был рабом в одном из селений в окрестностях Исфагана. Лидеры аббасидского движения, убедившись в политических и военных талантах Абумуслима, решили использовать его для дела Аббасидов.

Более подробный рассказ о дальнейшей деятельности Абумуслима имеется у Табари.

Своей резиденцией Абумуслим избрал укрепленное селение Сафизандж на канале Харкан, в 3 фарсахах на запад от

Мерва. Здесь, в Сафизандже, согласно источникам, в том числе и данным Табари, Абумуслим вместе со своими сподвижниками окрасил свои одежды в черный цвет, ставший эмблемой Аббасидов. До Абумуслима свои одежды окрашивали в черный цвет последователи Хариса ибн Сурейджа. Это указывает на то, что хариджиты выступали не только с экономической, но и с политической программой.

В борьбе против Омейядов Абумуслим использовал лозунги хариджитов, призывал к соблюдению книги Аллаха и сунны — (деяния и сказания) его пророка и к повиновению избраннику семьи Мухаммеда. Этим он рассчитывал привлечь на свою сторону последователей Хариса ибн Сурейджа, которые боролись против Омейядов, Абумуслима поддержали сначала потомки Али, а также местные и арабские феодалы, которые еще при наместнике Асаде организовали партию Аббасидов.

По словам Табари, Абумуслим послал людей в Тохаристан и Мерверруд, где находилась большая часть членов партии Аббасидов, чтобы известить их о том, что 25 рамазана 129 г. х., т. е. 9 июня 747 г. начнется восстание. По приказу Абумуслима все сторонники партии Аббасидов оделись в черные одежды.

Абумуслим приказал развести костер в селении Сафизандж. Это было сигналом для начала восстания. Наср, войска которого были утомлены войной с Харисом и Кермани, даже не решился выступить против восставших.

Абумуслим широко пропагандировал идеи единства местных и арабских мусульман, изображал представителей дома Аббасидов справедливыми, обвинял Омейядов в несправедливости и т. д. Он призывал к присяге избранникам из семьи пророка, тогда как хариджиты требовали, чтобы халиф был избран из среды мусульманской общины.

Движение, возглавляемое Абумуслимом, было сильно тем, что его поддерживала единая партия Аббасидов.

Абумуслиму подчинялись накибы и другие члены партии. В каждой области Хорасана вожди избирались из числа тех, кто поддерживал движение Абумуслима.

Начались дни величайшего успеха аббасидской пропаганды. По словам Табари, у Абумуслима в один из дней собрались люди из 60 деревень и заявили о своем согласии поддержать его дело. Табари приводит данные о численности пришедших к Абумуслиму крестьянских отрядов из окрестных с Мервом селений. Так, жители селения Сакадима привели отряд из 900 пехотинцев и 4 всадников; другой отряд, из селения Хурмузфара, имел в своем составе 1300 пеших и 16 всадников.

С каждым днем росло число становившихся под черные знамена Абумуслима. Ненависть к Омейядам и арабской власти временно объединила людей, классово-враждебных друг другу, — крупных землевладельцев и крестьян, купцов и бедных ремесленников, свободных и рабов, хотя объединение происходило очень болезненно, что мы и увидим ниже. Наряду с указаниями об участии народных масс, мы встречаем в источниках упоминания о купцах, как об активных участниках движения; отметим деятельность аббасидского эмиссара Букейра, нажившего большое состояние в Синде. Среди известных нам военачальников Абумуслима был Абдавейхи ал-Джардамиз из Герата, пригонявший на базар в Мерв для продажи мелкий рогатый скот. Из числа местной землевладельческой знати мы видим таких людей, как Халид ибн Бармак, детям и внукам которого пришлось во второй половине VIII в. сыграть крупную роль при аббасидском дворе в Багдаде.

В Сафизандже Абумуслим прожил всего 42 дня. Хотя и хорошо было укреплено это селение, но оно не могло вместить главных сил Абумуслима. Поэтому в том же году он переехал в укрепленное селение Махан, или Махуван (ныне город Мары, Туркменской ССР). Абумуслим приказал окружить это селение рвом и валом с двумя укрепленными воротами.

Перейдя к открытому выступлению против Омейядов и их представителей на местах, Абумуслим старался создать себе несколько укрепленных позиций. Так, из Махана он отдал распоряжение, чтобы один из его соратников, Мухриз ибн Ибрахим, устроил укрепленный лагерь в Гиренге (в арабском произношении Джирендж). Так как это место находилось выше Мерва на Мургабе, то Мухризу было дано задание отрезать подвоз провианта Насру ибн Сейяру из Балха, Мерверуда и Тохаристана.

Характерно, что в Махане Абумуслим устроил настоящий правительственный центр. Здесь был свой диван (управление) войска, казий, начальники — полиции (харас) и личной охраны (шурта). Здесь же составлялись сводные списки всех вступивших в войско Абумуслима, причем записывалось имя вступившего, имя его отца, место, откуда он был родом, и т. д. Согласно этим спискам, воинам выдавалось жалованье сначала по 3, а потом по 5 дирхемов.

В Махане к Абумуслиму явились представители от рабов и предложили использовать их в борьбе с Омейядами. Сведения об этом мы имеем не только у Табари, но и в сочинении безымянного автора IX в. по истории халифата «Барахин ал-араб». Согласно этим данным, Абумуслим, после совещания со свои-

ми военачальниками, решил принять предложение рабов, но не разрешил им влиться в общий состав войска.

Автор «Арабского анонима» замечает, что соратники Абумуслима стремились переманить на свою сторону рабов из лагеря противника. В Мерве была сосредоточена арабская военная знать. Большая часть войск состояла из рабов. Поэтому Абумуслим объявил: «И какой бы раб не пришел к нам, желая нашего дела, мы примем его, и он будет иметь равные права и нести те же обязанности, что и мы... И разнеслась молва об этом и стали говорить об этом в Мерве и в лагере Насра. И стали приходить к Абумуслиму рабы, и он отвел им место и поставил военачальником над ними Дауда ибн Гурраза».

В Махане Абумуслим также прожил недолго — всего 4 месяца. Причиной ухода его оттуда была боязнь, что Наср ибн Сейяр может отрезать подачу в селение воды, так как верхним течением реки Абумуслим еще не владел. В этом отношении было более удобно селение Алин, куда он и переехал временно со своим лагерем.

Убийство вождя аздитов Кермани породило жажду мести Насру ибн Сейяру как в семье Кермани, так и среди именитов. И действительно, вскоре после казни Кермани сын его Али ибн Джудей Кермани явился к Абумуслиму и обещал ему поддержку; с его помощью Абумуслим в начале 748 г. захватил Мерв, что явилось для него решающим успехом.

В дальнейшем обстановка все более складывалась в пользу Абумуслима, и число его сторонников продолжало расти. Он обладал уже большим войском, пусть хуже вооруженным, чем у Насра ибн Сейяра, зато пользующимся искренними симпатиями и широкой поддержкой народных масс.

В то время как в начале 748 г. Абумуслим достиг больших успехов, силы Насра ибн Сейяра уменьшались весьма быстро. Оставленный южно-арабскими племенами, испытав несколько поражений, он решился на последний шаг—бегство из Хорасана. Осенью того же 748 г. он умер в Иране. Хорасан захвачен был войсками Абумуслима.

В короткие сроки был совершен поход на Ирак и ал-Джезиру, причем в качестве военачальников в этих походах выдвинулись араб Кахтаба ибн Шабиб и хорасанец Халид ибн Бармак. Войско халифа Мервана II было разбито, и с 749 г., власть в халифате перешла в руки Аббасидов.

Новая династия в лице двух первых халифов — Саффаха (749—754 гг.) и Мансура (754—775 гг.) не выполнила ни одного из обещаний, которые давали народным массам аббасидские эмиссары в Ираке, Хорасане и Мавераннахре в подгото-

вительный, точнее, пропагандистский период их деятельности. Земледельческое население не получило ни уменьшения хараджа и других налогов, ни снижения натуральных повинностей.

С первых же дней прихода Аббасидов к власти стало совершенно ясно, что все эти обещания были даны ими лишь для того, чтобы использовать силу народного гнева против Омейядов. Как мы увидим ниже, аббасидская династия со своим богатым и пышным двором, ведшая бесплодные войны против Византии, обходилась народам халифата еще дороже, чем Омейяды. Порвав с народными массами, Аббасиды тем решительнее связали себя с землевладельческой персидской, согдийской и хорезмийской аристократией, зато высшие правители хорасанских феодалов в лице Бармакидов стали активно участвовать в управлении делами халифата.

Аббасиды вынуждены были руководствоваться политикой, направленной на привлечение аристократии восточных областей халифата к государственным делам, потому что, с одной стороны, необходимо было заручиться их поддержкой для усмирения покоренных народов, а с другой стороны, использовать многовековые культурные традиции и их навыки в деле государственного управления. Уже первые Аббасиды выдвинули на высокие посты Халида ибн Бармака, крупнейшего земельного собственника из Балха, где его предки были главными священнослужителями находившегося здесь когда-то буддийского храма. Саффах и Мансур всячески подчеркивали свою связь с персидской, согдийской, хорезмийской аристократией, выдвигая ее представителей, наряду с арабами, на высшие государственные должности в халифате, чего не было раньше. С этой именно политикой, а также с ненавистью к памяти Омейядов, связано перенесение столицы на новое место— в Багдад. Место это не случайно оказалось рядом с развалинами знаменитой столицы Сасанидов — Ктесифона.

Таким образом, хотя в основе движения Абумуслима было недовольство народных масс омейядской властью, однако Аббасиды использовали движение в интересах установления своего господства. В этом свете Абумуслим, являвшийся крупным политическим деятелем и полководцем своей эпохи, сумевший объединить народные массы, а также использовать их недовольство в интересах новой арабской династии и класса местных феодалов, выглядит как личность противоречивая. Нельзя рассматривать Абумуслима как народного вождя, защищавшего интересы народных масс.

Он прежде всего был выразителем идеи освобождения от ига халифата в пользу местных феодалов. Несомненно, его

цель была известна Аббасидам, поэтому аббасидский халиф Саффах и его преемник Мансур питали к Абумуслиму жгучую ненависть, смешанную со страхом. Эти халифы прекрасно видели, что не они, а Абумуслим является подлинным вождем движения, которое привело их к власти. Они боялись популярности Абумуслима в широких кругах Ирана и Мавераннахра, относились с большой подозрительностью к каждому его шагу.

Несмотря на то, что Абумуслим был удален из Ирака и оставлен в качестве наместника лишь в Хорасане и Мавераннахре, Аббасиды боялись, что он питает честолюбивые замыслы, и, возможно, готовит переворот в свою пользу.

3. АНТИАББАСИДСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ХОРАСАНЕ И МАВЕРАННАХРЕ ДО 70-х ГОДОВ VIII в.

Сторонники потомков Али—зятя пророка—во главе с арабом Шариком ибн Шайх ал-Махри в 750 г. подняли восстание в Бухаре под лозунгом, смысл которого сводился к следующему: «не для того мы проливали кровь в борьбе против Омейядов, чтобы подчиняться Аббасидам. Власть в халифате должна принадлежать не Аббасидам, а потомкам Али, так как они являются прямыми потомками пророка».

Горожане совершенно не разбирались в тонкостях преимущественного права потомков Али на халифский престол, примкнули же они к Шарику потому, что он был против обманувших их своими лживыми обещаниями Аббасидов, к тому же и сами шииты были тогда силой, сплотившей вокруг себя недовольных существующими порядками.

Учение этих шиитов имело много последователей среди арабов. Согласно Наршахи, Шарика поддержали арабы — эмир Бухары Абдулджаббар—сын Шуйаба, эмир Хорезма Абдулмалик—сын Харсами и др. Весной 750 г. последователи Шарика начали открыто проповедовать свое учение и решили объявить войну тем, кто выступал против него. Абумуслим послал Зияда ибн Салиха во главе десятитысячного войска для борьбы против Шарика. Он приказал ему остановиться, дойдя до Амударьи, и послать лазутчиков, чтобы узнать о положении мятежника Шарика, а затем осторожно двигаться к Бухаре. Абумуслим обещал Зияду ибн Салиху поддержку в случае необходимости и расположился лагерем на расстоянии одного фарсаха от Амударьи, чтобы в любой момент оказать ему помощь.

В восстании приняло участие согдийское и арабское население Бухары. Местная землевладельческая знать, купцы, каш-кушаны были враждебно настроены к движению, во вся-

ком случае, воздержались от участия в нем. Что же касается бухар-худата Кутейбы ибн Тахшады, то он объявил себя ярым врагом восстания, и, собрав 10 тысяч воинов, стал на сторону Абумуслима.

Зияд ибн Салих перешел Амударью и подошел к Бухаре, расположив свое большое войско почти у самых ворот города.

Шарик, по-видимому, хорошо был осведомлен о намерениях Абумуслима и силах правительственных войск, почему и успел хорошо подготовиться к борьбе. Опираясь на полное сочувствие бухарского населения, Шарик вышел со своим войском за городские стены и расположился у ворот Бухары. В течение 37 дней шел бой между воинами Шарика и Зияда ибн Салиха, и всякий раз победа оставалась на стороне восставших бухарцев. Только прибегнув к хитрости, один из военачальников Зияда смог нанести большой урон восставшим; однако и это не снизило высокого боевого духа последних. Резкий поворот в пользу аббасидского войска наступил с переходом бухар-худата Кутейбы на сторону Абумуслима. Он пришел с 10-тысячным отрядом, в состав которого входили главным образом дехканы с их военными слугами—чакирами.

Наршахи, хотя и подробно описывает борьбу войска Шарика с его более многочисленным противником, однако не дает ясной картины передвижения войска восставших. В скором времени стесненный в продовольственном отношении Шарик отошел к селению Науканд, лежавшему на пути к Бухаре.

В разгоревшемся затем бою погибло много сторонников Шарика, в том числе и он сам. Смерть вождя и понесенное поражение имели решающее значение для судьбы всего движения. Восставшая Бухара осталась без войска и руководителя. Зияд ибн Салих стал хозяином положения.

Эмир Бухары Абдулджаббар ибн Шуйаб, несмотря на поражение отказался сдать город. В течение 37 дней не прекращались сражения. Отчаявшись взять Бухару, Зияд приказал поджечь город. Так как Бухара того времени имела по преимуществу каркасные постройки, а дворцы и замки (кешки) заключали в себе немало деревянных частей, то пожар быстро охватил шахристан, и большая часть города сгорела в три дня. Зияд вновь прибегнул к оружию; последнее сражение произошло у ворот Аттарон, в южной части города. В этом бою погибло большинство жителей Бухары. Зияд овладел городом. Расправа аббасидского военачальника с оставшимися в живых была очень жестока: он приказал вешать на городских воротах всякого пойманного из уцелевших участников движения.

Восстание Шарика имело некоторый отклик и в Самар-

канде. Во всяком случае, Зияд ибн Салих тотчас же после расправы с Шариком выступил против Самарканда, где разбил остальных врагов Аббасидов.

Назначение наместником Хорасана и Мавераннахра нeараба Абумуслима стало первым политическим событием в истории арабского халифата, встревожившим арабских завоевателей, утвердившихся в городах Мавераннахра.

Укрепление политического положения Абумуслима в Хорасане и Средней Азии заставило халифа искать пути удаления его от власти. В 753 г. Зияд ибн Салих, назначенный Абумуслимом наместником Мавераннахра, выступил против него по приказу халифа Абуджафара. Абумуслим отправился в Самарканд на подавление этого мятежа. Его поддержали правители Бухары, не признававшие власти Зияда, как и землевладельческая аристократия. Зияд скрылся в окрестностях Самарканда у одного дехкана в селении Баркаса, но тот убил его и его голову преподнес Абумуслиму. Таким образом, выступление Зияда было подавлено с помощью местных дехканов. В Мавераннахре стало известно о тайных замыслах халифа и его вероломстве по отношению к Абумуслиму.

Успехи Абумуслима еще более встревожили халифа, который начал искать новые пути удаления его от власти.

Все свободолюбивые народы Мавераннахра и Хорасана, питавшие ненависть к завоевателям-арабам, проявили готовность поддержать Абумуслима в борьбе с общим врагом.

Абумуслим, став наместником Хорасана, направил свою политическую и экономическую деятельность не в пользу аббасидского халифата, а в поддержку сторонников патриотических сил, что подняло его авторитет и послужило причиной сплочения политических сил вокруг него. Халиф Абуджафар, обеспокоенный неминуемым отделением всего востока халифата, решил убрать Абумуслима, он организовал мятеж, направленный против него, а позже пытался тайно отравить его в Хорасане. Однако каждый раз дело оборачивалось в пользу Абумуслима. Тогда халиф пошел на вероломство. Когда Абумуслим, совершая паломничество в Мекку, по пути навестил халифа, тот приказал впустить Абумуслима без сопровождавших его людей и оружия, в присутствии халифа и его свиты Абумуслим был разрублен на куски.

Разочарование народных масс в аббасидском движении и вероломное убийство Абумуслима привело к усилению деятельности последователей разнообразнейших неомаздакитских течений на востоке и северо-востоке халифата. Если народы Средней Азии играли активную роль в аббасидском перевороте, то теперь серьезные политические разочарования приве-

ли к отрицанию всего арабского, пропаганде еретических толков и к политическому самоопределению народов Хорасана и Мавераннахра.

Предательское убийство Абумуслима было использовано радикальными кругами на северо-востоке халифата. В 755 г. в Рее вспыхнуло восстание Сунбада против Аббасидов. Хотя движение произошло за пределами Средней Азии, оно не могло не повлиять на умы недовольных аббасидским режимом оппозиционных элементов в Согде и других областях Мавераннахра. Об этом движении имеются сведения нескольких авторов, однако заслуживает внимания лишь рассказ Табари и Низамульмулька. Наиболее достоверен рассказ Табари, особенно в отношении сообщаемых дат и мест. Сообщение Низамульмулька составлено в основном из фольклорного материала XI в., поэтому к нему нужно подходить с особой осторожностью.

Согласно Табари, Сунбад был родом из селения Ахан в окрестностях Нишапура. По своим воззрениям зороастриец, он выступил, мстя Мансуру и аббасидской власти за коварное убийство Абумуслима. Сунбад занял Нишапур, Кумис и Рей. Он захватил казну Абумуслима, которую тот оставил в Рее, отправляясь в трагически закончившийся хадж. Халиф Мансур отправил для подавления восстания 10-тысячный отряд, который на краю пустыни между Хамадомом и Реем разбил войско Сунбада, Сунбад потерял до шести тысяч человек. Вскоре и сам он был убит. Движение Сунбада продолжалось 70 дней.

Табари отмечает только формальные моменты, перечисляет руководящих действующих лиц, место, время действия и его результаты. Однако из рассказа мы не узнаем о самом главном — о характере движения. Низамульмульк как раз восполняет этот пробел.

Согласно Низамульмульку, Сунбад обратился за поддержкой к зороастрийцам, хурремитам и рафизитам. Он стремился примирить между собой эти разные и во многом враждебные друг другу течения и объединить их в общей ненависти к Аббасидам. С этой же целью он уверял, что Маздак был шиитом.

У Низамульмулька, по-видимому, приведены недостоверные сведения о 100-тысячном войске Сунбада и семилетней продолжительности восстания. Табари, как мы видели выше, говорит о 70 днях.

Согласно рассказу Низамульмулька, Мансур намеревался убить Абумуслима, но тот с помощью высших сил обратился в белого голубя и улетел. И Сунбад поучал, что теперь Абумуслим живет вместе с Махди и Маздаком в далеком и высоком замке. В этом представлении о превращении Абумуслима в

голубя проявляется весьма характерная для большинства сект того времени вера в переселение душ.

Движение Сунбада имело огромное значение — оно со всей очевидностью вскрыло антинародный характер аббасидского халифата.

Чрезвычайно характерно, что одновременно с восстанием Сунбада аналогичное выступление против Аббасидов происходило и в Мавераннахре. Оно было меньше по размерам, во главе его стоял некий Исхак, горячий последователь Абумуслима, человек неграмотный, который стал известен после своей поездки в качестве посла Абумуслима к тюркам под именем «Исхака-тюрка». Исхак считал себя зороастрийцем. Движение Исхака было подавлено, однако его сторонники еще долго выступали в качестве активной антиаббасидской и антимусульманской политической силы.

Новый наместник Хорасана и Мавераннахра Абдулджаббар ибн Абдуррахман (757—759 гг.) сделал своим везирем Хашима ибн Хакима (Муканну).

Большинство источников сходится на том, что Муканна был родом из селения Каза, лежавшего близ города Мерва. Самое слово Муканна обозначает «закрытый покрывалом». Настоящее имя его было Хашим ибн Хаким — так его называют Наршахи и Бируни.

Табари определенно говорит, что Муканна проповедовал учение о переселении душ. О том же сообщает и Бар Еврей.

Якуби называет его Хаким Алаваром (одноглазым). Наршахи пишет, что Муканна в молодые годы занимался прачечным ремеслом, хотя и не указывает, был ли он мастером в каком-нибудь специальном прачечном заведении или владельцем последнего. Согласно Ибн Халликану, собственное имя Муканны — Ата, по профессии он был валяльщиком. Муканна много читал, знал, по-видимому, пехлеви, арабский и другие языки. Наршахи, типичный феодальный историк, ненавидевший Муканну, склонный верить всякой клевете на него, сам поносивший его и даже клеветавший на него, должен был признать его образованность. Он говорит, что Муканна занимался наукой и изучал способы обманывать людей, знал разные фокусы и т. д.

Отец Муканны Хаким был сархангом (офицером) эмира Хорасана во время правления халифа Мансура. Свою политическую деятельность Муканна начал при жизни отца. Может показаться странным, что сын офицера занимался прачечным ремеслом, но здесь нет никакой неувязки. Под сархангом чаще всего в то время подразумевали, если судить по контекстам

того же Наршахи, военачальника мелкого масштаба, например десятника. По-видимому, Хаким был человеком из народа и выдвинулся во время движения Абумуслима. По словам Наршахи, Муканна, как и его отец, был сархангом при Абумуслиме. Таким образом, отец и сын находились на государственной службе одновременно. Вероятно, при Абдулджаббаре Муканна выдавал себя в Мерве за пророка, чтобы привлечь на свою сторону верующих и свергнуть с их помощью иноземное иго. Возможно, Абдулджаббар стал единомышленником Муканны, позволив ему пропагандировать свои взгляды. Более того, Абдулджаббар выступил против Аббасидов под белым знаменем, являвшимся символом борющихся против аббасидского халифата.

К сожалению, характер восстания Абдулджаббара и точная дата начала его выступления еще не уточнены.

Восстание было хорошо подготовлено и приняло большие размеры. Халиф Абуджафар, напуганный размахом восстания, отправил в Хорасан своего сына Махди с большим войском, а затем сам приехал, чтобы непосредственно руководить военными действиями в Хорасане.

Местные феодалы, напуганные многочисленностью войска халифа, предали восставших. Халиф подавил восстание и жестоко расправился с его руководителями. Абдулджаббар вместе с другими предводителями был распят. Муканна, по свидетельству Наршахи, был заключен в багдадскую темницу.

В 768 г. х. Махди по просьбе отца уехал из Хорасана, назначив своим заместителем Асида ибн Абдуллы. Отъезд Махди и поддержавшей его феодальной знати из Мерва изменил соотношение сил в Хорасане и Мавераннахре.

4. ВОССТАНИЕ МУКАННЫ И «ЛЮДЕЙ В БЕЛЫХ ОДЕЖДАХ»

Хозяйничание арабов угнетало в правовом и политическом отношениях не только массу подданных, но некоторых местных феодалов. Чиновники грабили народ, не останавливаясь в своем стремлении к наживе. Злоупотребления правителей и наместников не имели предела.

Восстания народа, изнывающего под бременем налогов, свидетельствовали о необходимости изменения государственной системы Аббасидов. К сожалению, Табари почти ничего не сообщает о событиях во второй половине VIII в., кроме перечисления дат о назначении и низложении наместников и правителей в Хорасане и Мавераннахре. В 769 г. наместником был назначен Хумейд ибн Кахтаба.

В том же 769 г. Муканна, которому удалось бежать из

тюрьмы, вернулся в Мерв и начал готовиться к новому выступлению. Сначала он руководил восстанием, находясь в Мерве, а затем, когда его стали преследовать, решил переправиться через Амударью и возглавить восстание в Мавераннахре. Развивая свою кипучую пропагандистскую деятельность, Муканна направил, по словам Наршахи, несколько посланий—писем в разные области, главным образом в Мавераннахр. К сожалению, имена лиц, которым были адресованы эти послания, у Наршахи не сохранились. Во всяком случае, самый факт существования этих адресатов говорит о том, что в Мавераннахре были люди, сочувствовавшие учению Муканны, готовые его поддержать и хорошо ему известные. Муканна, участвовавший в движении Абдумуслима, знал, как вести нелегальную подготовку к восстанию.

По словам Наршахи, среди сподвижников Муканны был некий Абдулла ибн Амр, по происхождению араб. Его дочь была женой Муканны. По приказу Муканны Абдулла переправился через Амударью раньше его, появился в долине Кашкадарьи, в городах Нахшеб (около Карши) и Кеш (Шахрисабз) и стал призывать людей к поддержке Муканны.

Пользуясь поддержкой «людей в белых одеждах» и части населения, придерживавшейся разных еретических толков, Муканна быстро овладел Мавераннахром и Ферганой. На этот раз восстание охватило самое сердце Мавераннахра — территорию Согда, то есть всю долину Зарафшана и Кашкадарьи, причем отголоски движения были и в долине Илака (Ангрена) и в Шаше.

Движение Муканны по своему размаху и значению представляло грандиозное общенародное восстание, в котором участвовали различные слои феодального общества, каждый из которых преследовал свои цели. «Князья, дворяне, прелаты, патриции, бюргеры, плебеи и крестьяне составляли чрезвычайно хаотическую массу с весьма разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными»[1]. Характеристика восстаний в Европе в период средневековья, данная К. Марксом и Ф. Энгельсом, вполне применима к восстанию Муканны. Общим для этих восстаний было только стремление освободить страну от завоевателей-арабов и создать самостоятельное государство. За Муканной пошли угнетенные массы, страдавшие от власти арабских эмиров и

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Сочинения, т. 7, стр. 357—358.

местных дехканов. Его поддержала и большая часть местных феодалов-владетелей, которые стремились освободиться от власти арабов, чтобы править самостоятельно. Муканна, как и все предводители народных движений в средние века, облекал свои требования и призывы в религиозную форму.

Если верить Наршахи, Муканна обратился к народу со следующей проповедью: «Уверуйте Вы в меня и знайте — царство принадлежит мне, и мне принадлежит великое достоинство создателя, и кроме меня нет другого бога. Рай — удел всех, кто уверует, а ад — всех, кто в меня не уверует». Чтобы привлечь на свою сторону угнетенные народы Мавераннахра и соседних тюрков, Муканна соблюдал их обычаи и обряды. Признав пророчество Мухаммеда и объявив пророком Абумуслима, он стремился привлечь на свою сторону население Мавераннахра и Хорасана.

Пропаганда Муканны имела большой успех, так как он объявил себя преемником Абумуслима. Первыми открыто объявили о своем присоединении к Муканне жители селения Субах (в окрестностях Кеша) во главе со своими михтарами. На сторону Муканны перешли также города и селения в долинах Кашкадарьи и Зарафшана.

Один из крупнейших центров движения образовался в окрестностях Бухары. Здесь Муканну поддерживал сам бухархудат Буниат ибн Тахшады, отказавшийся от ислама и принявший участие в восстании из ненависти к арабской власти и из желания восстановить бухарское владение и его независимость.

Наршахи писал: «В области Согда большая часть населения перешла на сторону Муканны. Селения Бухары стали неверными. Смута приняла обширные размеры, и для мусульман настало время жестокого испытания; караваны грабили, а людей убивали. Молва о Муканне широко распространилась и в Хорасане».

В горах Санам на Хисарском хребте имелась большая, хорошо укрепленная крепость с проточной водой, с деревьями и возделанными полями. Там же, внутри нее, была еще более неприступная крепость, которую Муканна приказал укрепить и сделать в ней запасы продуктов и имущества.

Несмотря на то, что народ и часть местных феодалов-дехканов была на стороне Муканны, в больших городах удерживали власть арабские гарнизоны, находившиеся в укрепленных кухиндизах. Муканна приказал своим последователям, чтобы они с помощью тюркского хакана начали борьбу с арабскими гарнизонами в Нахшебе, Самарканде и Бухаре.

Арабские гарнизоны скрылись за стенами крепостей боль-

ших городов. Многие арабские вельможи бежали в Багдад. По-видимому, в это время напуганный халиф Абуджафар вызвал из Азербайджана военачальника Джабраила ибн Яхью, который был назначен наместником Самарканда (775—776 гг.) и отправлен туда, по словам Балами, «для борьбы с меликом Согда и Ферганы Муканной — хаканом тюрков».

Из слов Балами видно, что в Согде, Бухаре и Фергане признавали власть Муканны, а не хорасанского наместника.

На пути в Самарканд Джабраил с большой армией остановился в Бухаре. Часть жителей, изнемогая от «грабежей тюрков», говорит Балами, обрадовалась приходу Джабраила. Однако тот, собрав харадж, продолжил свой путь в Самарканд. Восставшие во главе с Килом (Филом), братом хакана тюрков, не пустили его в город. Балами пишет, что жители города разделились на две группы. Одна группа с воинами самаркандского гарнизона помогла Джабраилу войти в город. У ворот Самарканда произошло большое сражение между Джабраилом и Филом. Восставшие отступили, потеряв убитыми 300 чел. Джабраил, потеряв большую часть своего войска, сумел соединиться с самаркандским гарнизоном, однако он не надеялся на успешное продолжение войны с людьми в «белых одеждах» (сторонниками Муканны), которым помогал хакан тюрков. Муканна вновь направил против Джабраила десятитысячное войско во главе с Гарича. Джабраил послал гонца за помощью к наместнику Хорасана Абдулмелику. Абдулмелик отправил 10 тыс. мусульман во главе с Укабой ибн Салимом, но на них напали восставшие, сторонники Муканны. На пути от Кеша к Самарканду они нанесли Укабе большой урон. Затем восставшие легко обманули Укабу, подсунув ему ложное письмо, в результате чего он вернулся в Балх. Оттуда он написал наместнику Абдулмелику о том, что не смог пробиться через кольцо восставших и присоединиться к Джабраилу.

По призыву Абдулмелика в Балхе собралось четырнадцатитысячное войско, которое во главе с Укабой вновь было отправлено на помощь Джабраилу. Узнав об этом, Муканна послал на помощь своим сторонникам еще большее войско во главе с военачальниками Сархама и Кийаки Гузи.

По данным Балами, войско Сархама, насчитывавшее 30 000 чел. и войско Кийаки Гузи, состоявшее из 10 000 чел., стали грабить Самарканд и его окрестности. Джабраилу пришлось выйти из крепости и начать борьбу, не дожидаясь войск, посланных наместником. Сражение было жестоким, много мусульман было убито, а Джабраил с оставшимся войском скрылся за стенами недоступной крепости. Сархама и Га-

рича оставили Самарканд и направились к берегам Амударьи навстречу войскам мусульман, идущим на помощь Джабраилу.

Восставшие, заняв Термез, подготовили все для сокрушительного удара по мусульманскому войску на переправе из Хорасана в Мавераннахр. Произошло кровопролитное сражение, в котором были убиты сотни людей. Мусульмане потерпели поражение и обратились в бегство.

После победы над объединенными мусульманскими войсками на берегах Амударьи, Муканна отдал приказ захватить Сагониян (долина Сурхандарьи), чтобы отомстить Сагануду, участвовавшему в борьбе на стороне арабов. Восставшие во главе с братом Муканны Джамхуром завладели городом Нахшебом (около Карши).

По словам Балами, жители Нахшеба без боя присоединились к Джамхуру. Дехканы, собрав имущество, пытались бежать из города, но восставшие преградили им путь. За стенами города началось жестокое сражение.

Таким образом, восстание Муканны было направлено не только против завоевателей-мусульман, но и против правящей феодальной знати, вставшей на сторону арабов. По данным Балами, феодалы выступали против восставших. Богатый дехкан Ахмед Муди с большим войском напал на Нахшеб и учинил жестокую расправу над восставшими. Джамхур и другие предводители восстания были повешены. Это вызвало еще большую ненависть к местным феодалам.

Муканна сделал еще одну попытку освободить Самарканд от арабских войск. Согласно сведениям Балами, он пошел на хитрость. Дехкан Джахдан (Хиджуан) по требованию Муканны написал письмо Джабраилу с просьбой взять его под свою защиту. Джабраил, не зная о том, что Джахдан перешел на сторону Муканны, послал ему на помощь конные отряды во главе с Йезидом ибн Яхией и Насром ибн Лайси. Тюркские воины вместе с войсками Муканны напали на них из засады. В этом сражении был убит Йезид — брат Джабраила.

В 159 (775) г. х. умер халиф Абуджафар Даванаки и на престол вступил его сын Махди (775—785 гг.), который видел в учении зиндиков (дахриён) большую опасность для мусульман.

Махди низложил наместника Хорасана Абдулмелика и на его место опять назначил Хумейда ибн Кахтабу.

Последователям Муканны не удалось овладеть Бухарой, хотя в их руках была почти вся страна. Наиболее укрепленным пунктом восставших было селение Наршах, где находился большой гарнизон людей в «белых одеждах».

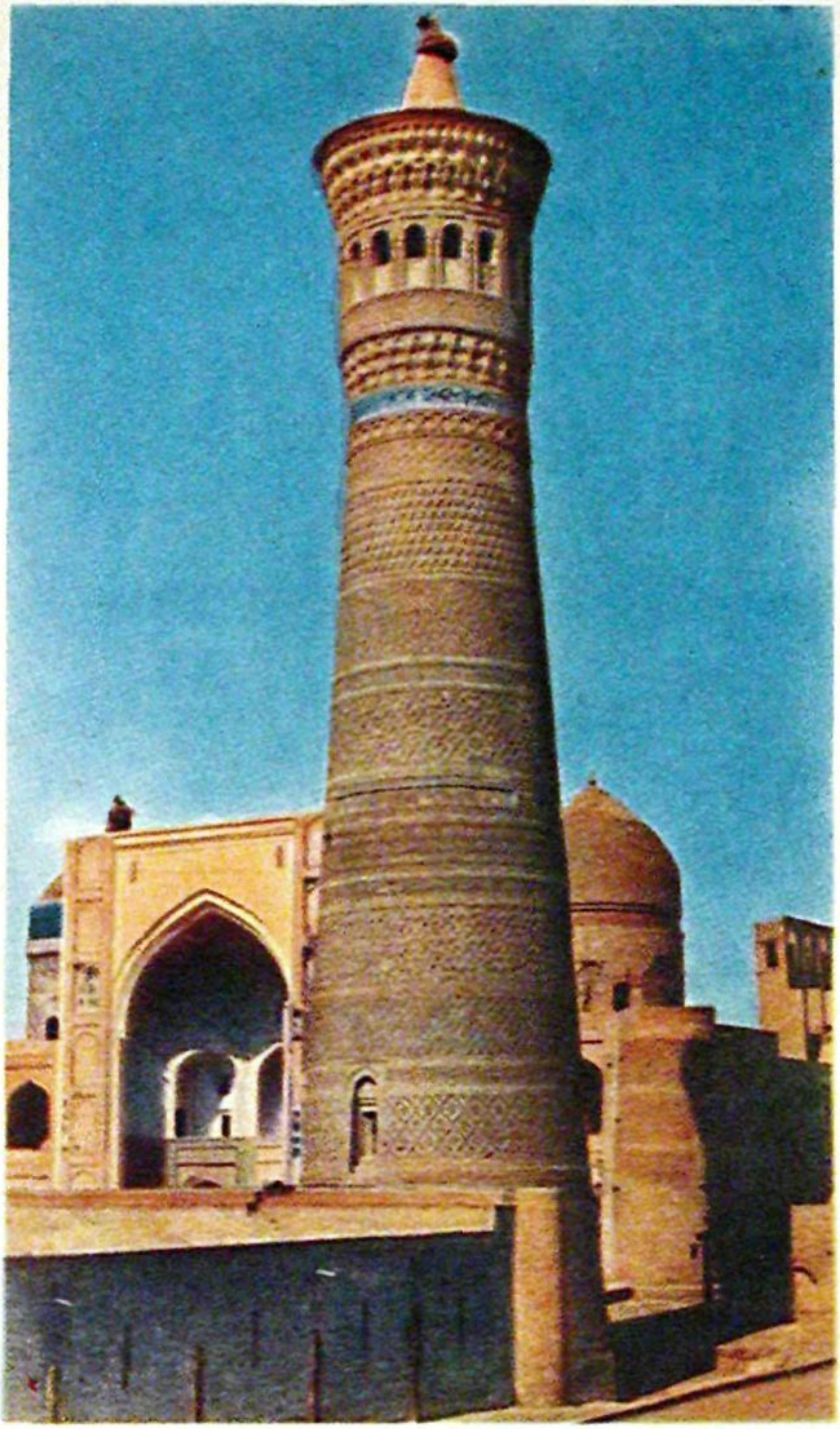
В апреле 776 г. эмир Бухары Хусейн ибн Мааз с большим войском подошел к Наршаху. По предложению казия была сделана попытка убедить восставших в необходимости исповедовать ислам, но восставшие отвергли предложение. После долгого сражения они были разбиты, потеряв при этом 700 чел. Им пришлось заключить мир на условиях, предложенных победителями. В соответствии с договором, восставшие должны были разойтись по деревням, подчиниться эмирам. Но не успели войска мусульман вернуться в Бухару, как вновь вспыхнуло восстание.

Махди, обеспокоенный ходом восстания, приказал Джабраилу выступить против Муканны. По свидетельству Наршахи, Хусейн ибн Мааз попросил Джабраила помочь ему в борьбе с людьми в «белых одеждах» в Бухарском оазисе, а затем совместными усилиями покончить и с самим Муканной.

Местные дехканы объединялись с арабами-завоевателями против повстанцев Бухарской области. Джабраил вместе с Хусейном осадил крепость Наршах. «Они сражались, — пишет Наршахи, — непрерывно четыре месяца, утром и вечером. Не было дня, когда бы люди в «белых одеждах» не оставались победителями, а мусульмане не находились в беспомощном положении». Однако после долгой и упорной борьбы крепость Наршах пала. Мир был заключен на прежних условиях. Последователи Муканны должны были сложить оружие, разойтись по своим селениям и подчиниться эмирам-мусульманам, а победители — прекратить преследование повстанцев.

Арабы не сдержали своего слова. Вождь повстанцев Хаким ибн Ахмед был схвачен и убит Аббасом — сыном Джабраила. Это вызвало возмущение народа. С новой силой разгорелась борьба. Однако и на этот раз восставшие потерпели поражение. Многие были убиты, а спасшиеся, в том числе сарханг Гирдак, один из соратников Хакима ибн Ахмеда, бежал к Муканне. Головы убитых военачальников Джабраил привез в Согд для устрашения сочувствующих Муканне.

В годы правления Мааза ибн Муслима, наместника Хорасана, началось восстание Юсуфа ибн Ибрахима, известного под прозвищем Юсуф ал-Барм. Согласно сообщению В. В. Бартольда, около 160 (776—777) г. х. хариджит Юсуф ал-Барм, клиент племени сакафидов, поднял в Бухаре восстание во имя предписаний ислама. Однако сведения источников по этому вопросу несколько противоречат заключению В. В. Бартольда. Ясность в изучение характера этого



Минарет Калян XII в.

движения вносит Ибн ал-Асир, который характеризовал Юсуфа ал-Барма как хариджита. Ему, вероятно, были известны и другие источники, согласно которым Юсуф ал-Барм был хуррамдином. Сравнивая отрывочные и противоречивые сведения Табари, Якуби, Гардизи, Ибн Русте и Ибн ал-Асира, можно прийти к заключению, что восстание Юсуфа ал-Барма прошло два этапа. По-видимому, Юсуф ал-Барм восстал сначала, как писал Ибн ал-Асир, в Сеистане и проповедовал в Бушендже хариджитскую идеологию. Но вскоре он был разбит воинами владетеля Бушенджа Мус'аба ибн Разика — одного из предков Тахиридов.

Ибн ал-Асир не сообщает, куда бежал Юсуф ал-Барм. Надо полагать, что он скрылся в районе Мавераннахра, подобно хариджиту Харису ибн Сурейджу, надеясь найти там поддержку для продолжения борьбы. Очевидно, это произошло во время усиления последователей Муканны в Бухаре. Возможно, Юсуф ал-Барм принял участие в восстании Муканны. На это намекает Якуби: «В Хорасане началось брожение, когда усилилось движение в Согде, Фергане и восстал Юсуф ал-Барм в Бухаре, а он человек из клиентов (мавали) — племени сакафидов. Он призывал совершать одобряемое и запрещал отрицаемое, и последовали за ним многие из людей враждующих (сражающихся) с властью». Из слов Якуби можно понять, что к Юсуфу ал-Барму присоединились восставшие, «сражающиеся с властью», т. е. в 776—777 гг., когда восстал Юсуф ал-Барм, в областях Бухары произошло восстание последователей Муканны. Наршахи называет их сафид-джамаганами (людьми в белых одеждах).

Юсуф ал-Барм перешел Амударью, чтобы продолжить борьбу с правителями Хорасана. Очевидно, поэтому Ибн ал-Асир говорит, что Юсуф опять восстал и победил уже в Мерверруде, Таликане и Джузджане.

Табари считал Юсуфа ал-Барму «мункиром» (непризнающим)[1]. Из этого можно заключить, что Юсуф, находясь в Бухаре, очевидно, под влиянием бухарских сафид джамаганов, изменил свои взгляды и отказался от хариджитства.

Якуби особо подчеркивает, что Юсуф ал-Барм сражался с Йезидом ибн Мазидом под красным знаменем. А. Ю. Яку-

---

[1] Термины — мункир (не признающий предписаний ислама), батиниты (скрытые), ма'аттилан (не признающий создателя вселенной), дахриен (атеисты), зиндик, маздакиен и сафид-джамаган — обозначают группу (секту) людей, религиозные убеждения которых в основном восходят к маздакизму.

бовский, изучая народные движения VIII в., отметил: «Едва ли это не первый случай упоминания в мировой истории в столь раннее время красного цвета и даже красного знамени, как символа народного восстания, участники которого были готовы ради освобождения пролить свою кровь».

В начале 161 (777—778) г. х. Йезид ибн Мазид выступил из Сеистана и стал преследовать Юсуфа ал-Барму. После нескольких сражений он взял в плен Юсуфа и многих его сподвижников и отправил их в Багдад к халифу Махди. Там Юсуф ал-Барм был казнен.

В 776 г. в Мавераннахр для борьбы с Муканной прибыло многочисленное войско Мааза ибн Муслима. По приказу Муканны под Самаркандом собрались для отражения удара Халк Хакан, его брат Фил и Кийаки Гузи, Гарича, Найра (Найза) с четырнадцатитысячным войском.

Сражение началось единоборством. Со стороны восставших выступил Фил, а со стороны арабов — Наср ибн Лейс, клиент Махди. Фил был убит, выступил Найза и тоже был убит. Пока внимание арабов было занято происходившим, отдельные отряды повстанцев проломили городскую стену и ворвались в город. Они грабили не только арабов, но и местных дехканов-мусульман. С трудом отразив нападение тюрков, союзников Муканны, Мааз возвратился в Мерв. В 777 г. халиф Махди приказал Маазу снова отправиться с войском в Мавераннахр, а сам халиф прибыл в Нишапур. Многие местные крупные землевладельцы, понесшие материальный ущерб во время восстания, поспешили помочь молодому халифу, так же как и Маазу ибн Муслиму, когда тот прибыл в Мерв.

Халиф приказал правителю Герата Саиду ал-Хараши принять участие в священном походе против Муканны. Собрав большое войско, Мааз двинулся в Бухару. Дехканы поспешили помочь ему, выбрав из жителей города способных носить оружие, таких набралось несколько тысяч человек. К сожалению, Наршахи очень мало говорит о поведении бухар-худата Буниата. Однако и то, что он рассказывает о нем, дает нам право считать, что Буниат оказывал восставшим деятельную поддержку. Так, по крайней мере, бухарский сахиб-берид (заведующий государственной почтой) тайно доносил халифу Махди. Мааз ибн Муслим снабдил 3 тыс. мастеровых необходимым оружием, а также камнеметными стенобитными машинами. С отлично вооруженным войском он двинулся в Согд, находившийся в руках восставших. Если в районе Бухары войска, сражавшиеся с Муканной, состояли в основном из арабов, то в Согде

картина была иная. «Люди в белых одеждах» деятельно готовились к обороне. Их союзники, тюрки, энергичными набегами мешали подвозить провиант в лагерь Мааза ибн Муслима. Недалеко от Самарканда между тюркским военачальником Кийаки Гузи и войском Мааза произошло столкновение. Кийаки Гузи, потеряв около 300 чел. убитыми, был вынужден бежать. В дальнейшем объединение войска Мааза и Саида ал-Хараши потерпело поражение от восставших. Мааз ушел в отставку. Наконец, Саиду ал-Хараши после двухлетних усилий удалось захватить Самарканд.

В начале 780 г. халиф назначил наместником Хорасана Мусейаба ибн Зухейра, который весной отправился в новый поход на Мавераннахр. В это время в Мавераннахре усилилось движение людей в «белых одеждах». Особенно энергично помогал им тюркский военачальник Кулартегин, *имевший хорошо вооруженный конный отряд. Мусейабу* ибн Зухейру пришлось выдержать с ним немало сражений в Бухаре. Мусейаб приказал Саиду выступить против Муканны. Оставив правителем в Самарканде Джабраила ибн Яхью, Саид направился в область Кеш, являвшуюся центром восстания. Вслед за ним прибыл и Мусейаб ибн *Зухейр из Бухары. Началась борьба с восставшими в доли*не Кашкадарьи. Арабы и местные феодалы осадили крепость Муканны в горах Санам. Когда настала зима, Мусейаб вернулся в Мерв, передав войско Саиду ал-Харани. Продолжительная осада разлагающе действовала на войска Муканны, в то время как силы арабов увеличились за счет войск Дауда ибн Дауда, подошедшего из Хорасана. Брат Муканны Кабзам с трехтысячным войском сдался Саиду ал-Хараши и принял ислам. Саид предложил Муканне сдаться, но тот отказался и передал командование крепостью Сархаме, однако Сархама с 3300 воинами перешел на сторону арабов. Внешняя крепость оказалась в руках арабов, положение восставших стало безвыходным.

Согласно сведениям Табари, Муканна, поняв неизбежность гибели, принял яд. Ворвавшись в крепость, мусульмане нашли его труп, отрубили голову и доставили халифу Махди, который в это время был в Халебе. Наршахи же пишет, что Муканна сжег себя в печи. Бар Еврей (Абулфарадж) так же, как и Наршахи сообщает, что Муканна, убедившись в безвыходности положения, заставил всех своих близких — мужчин и женщин принять яд, а сам сжег себя в печи. Бируни в своем сочинении «Хронология» приводит две противоречивые версии относительно смерти Муканны: по одной Муканна был убит, по другой он сжег себя. Нар-

шахи приводит две даты смерти Муканны: 782 г. и 783 г., а Бируни — 785 г. Более вероятно, что Муканна был убит в 783 г., ибо после этого стали преследовать всех зиндиков.

Если дата Бируни верна, то Муканна умер не при Мусейабе ибн Зухейре, так как он был отстранен от наместничества еще в 783 г., при следующем наместнике Фазле ибн Сулеймане Ат-Туси. Бар Еврей приводит интересную деталь: Муканна будто бы говорил, что в случае гибели примет образ седого человека на сером коне, явится к своим последователям и завладеет землей. Со взятием укрепленной резиденции Муканны и с его смертью движение не было окончательно разгромлено. Смелые «люди в белых одеждах» то там, то тут поднимали восстание. Бар Еврей пишет, что после смерти Муканны последователи продолжали ждать его возвращения.

Бируни, отмечая, что восстание Муканны продолжалось 14 лет, сообщает: «Он (Муканна) рассеял войска Махди и правил 14 лет», — как бы желая этим подчеркнуть, что в годы движения «людей в белых одеждах» (т. е. с 769 г. до 783 г.) не арабы, а Муканна правил Мавераннахром.

«Люди в белых одеждах» еще долгое время, вплоть до XII в. вели пропаганду в селениях Кешского (Шахрисабзского) и Нахшебского (Каршинского) вилайетов.

Восстание Муканны, несмотря на то, что оно закончилось поражением, показало Аббасидам силу народа, его ненависть к завоевателям. К этому антифеодальному, антиисламскому движению примкнули знатные представители сходящих со сцен дофеодальных династий: бухар-худат, ихшиды и хаканы тюркских кочевых племен, оседлые земледельцы-общинники во главе с дехканами.

В результате упорной борьбы крестьяне-общинники добились аннулирования закона, согласно которому арабы клеймили своих подданных. Халиф Харун ар-Рашид, опираясь на растущую феодальную аристократию, узаконил взимание феодальных рент и повинностей и право феодального государства на земли покоренных стран.

5. ВОССТАНИЯ ХАМЗЫ АЛ-ХАРИДЖИ И РАФИ ИБН ЛЕЙСА

Большое вооруженное движение в Мавераннахре, длившееся 14 лет, не могло не иметь серьезных политических последствий; халиф стал искать пути привлечения на свою сторону высшего слоя общества восточной части халифата, а также пути изоляции непокорных масс Мавераннахра от соседних тюркских племен, всегда готовых помочь восстав-

шим в Мавераннахре. Ради достижения этой цели арабский наместник в Хорасане приказал воздвигнуть вокруг бухарского оазиса 350-километровую оборонительную стену «канпирак», остатки которой сохранились до настоящего времени. Эта стена шириной около 20 *м* в основании была снабжена хорошо укрепленными воротами на главных дорогах и фортификационными сооружениями на опасных участках. Жители всего бухарского оазиса 49 лет (783—831 гг.) трудились, чтобы возвести такую стену («канпир деворы»), которые в том же VIII в. сооружались почти вокруг всех оазисов Средней Азии. Сейчас эти стены обследованы и нанесены на карты. Эти сооружения должны были преградить путь тюркской коннице. Трудно сказать, помогло ли это арабам. Вероятно нет, так как внутренние союзники тюрков-кочевников обладали достаточной силой для благополучного вторжения их в оазисы и ухода в степь. Ни в одной исторической работе не встречается указание на то, что «канпир девор» служил препятствием при вторжении кочевников.

После подавления движения «людей в белых одеждах» (сафидджамаган) и Муканны ненависть к правителям халифата у трудящихся масс и других слоев в Мавераннахре не рассеялась, а, наоборот, усилилась и они были готовы выступить с новой силой. Выступления отдельных локальных групп против учения ислама и халифата продолжались почти без перерыва.

Противоречия особенно обострились, когда халиф Харун ар-Рашид, борясь с усилением влияния хорасанской знати, истребил семью Бармакидов, отстранил от власти хорасанских дехкан и назначил наместником Хорасана представителя арабской аристократии Али ибн Ису ибн Махана, который, как заметил Балами, своей жестокостью и алчностью возбудил ненависть всех народов Мавераннахра и Хорасана против господства арабского халифата. Недовольная местная аристократия искала поддержку среди основной массы крестьянства Средней Азии, жившей в условиях сельской общины. Государство взимало с этих крестьян от 2/5 до 1/3 всего производимого сельскохозяйственного продукта. Когда Али ибн Иса приехал в Хорасан, он стал притеснять людей, совершать насилие над ними и грабить их имущество. Часть награбленного он отправил Харуну в качестве подарка (лошадей, рабов, одежду, мускус и деньги). Как отметил В. В. Бартольд, «Али ибн Иса ибн Махан, один из самых корыстолюбивых наместников, мог сохранить свою должность в течение более десяти лет (с 796 г.), так как он делился своей добычей с халифом Харуном». Но Али притеснял не только

народ, но и местных феодалов. Как сообщает Ибн ал-Асир, старейшины из благородных написали Халифу письмо, жалуясь на его (Али ибн Исы) дурное отношение, притеснения, на пренебрежение к ним и на то, что он захватил их имущество; также они сообщали, что Али ибн Иса решил выступить против него. Он (халиф) вызвал Али ибн Ису, «чтобы узнать, верен ли он ему». Али ибн Иса явился к халифу Харуну с большими подарками, Харун обрадовался и вернул его опять в Хорасан.

В годы правления Али ибн Исы ибн Махана некоторые районы провинции стали центром народных движений. Начиная с 797 г. Сеистан стал центром народного восстания против господства халифата. Один из представителей иранской аристократии Хамза ибн Атрак, возмущенный харадж-ной политикой правителя, в 179 (795—796) г. х. возглавил восстание. Правитель решил избавиться от Хамзы. Во время одной из стычек восставших с войсками арабов правитель был убит.

Хамза объявил жителям селений: «Не давайте ни одного дирхема хараджа и других вещей султану, ибо он не может заботиться о Вас, а я от Вас ничего не хочу и ничего не собираюсь взимать, так как я не буду сидеть на одном месте». Надеясь на возможность содержать войско за счет добычи, захваченной в войне с правителями халифа, Хамза обещал, что не будет взимать с населения никаких податей. Правителем Сеистана в это время был Иса — сын наместника Хорасана Али ибн Исы ибн Махана.

Осенью 182 г. х. (798) Иса отправился в поход против Хамзы ал-Хариджи. Восставшим хариджитам удалось разбить войско правителя и обратить в бегство Ису.

Наместник Хорасана вновь снарядил своего побежденного сына и отправил против Хамзы, который находился в окрестностях Нишапура. На этот раз Хамза проиграл сражение, потеряв убитыми, по свидетельству Ибн ал-Асира, 10 тыс. человек и бежал в Кухистан с оставшимися 40 приверженцами.

Иса, преследуя хариджитов, достиг Кабула, Забулистана и Кандахара. Он перебил тогда около 30 тыс. человек и вернулся в 183 (804) г. х. в Зерендж. Однако Хамза с помощью хариджитов Сеистана заставил Ису бежать в Хорасан. Преследуя Ису, он захватил несколько селений — Нишапур, Керман, Фарс. По этому поводу Али ибн Иса ибн Махан написал письмо Харун ар-Рашиду, в котором осведомил его, что один из сеистанских хариджитов восстал, постоянно нападает на Хорасан и убил всех сборщиков податей этих обла-

стей, доходы прекратились и ни один дирхем, ни одна полушка (хабба) не поступают.

Призывы Хамзы к расправе со сборщиками хараджа подняли на борьбу народные массы отдельных областей Хорасана. В 183 (799—800) г. х. в Несе восстал Абул-Хасиб, который в 801 г. захватил Тус, Нишапур и даже осадил Мерв — центр Хорасанского наместничества, — но, потерпев поражение, отступил в Серахс. Он продолжал борьбу вплоть до 802 г., когда был схвачен и казнен.

В 806 г. в Согде вспыхнуло восстание крестьян во главе с Рафи ибн Лейсом, которое проходило под теми же лозунгами, и восставшие выдвигали те же требования, что и Муканна, поскольку социально-экономические и политические причины, вызвавшие восстание, не были устранены. Волнения охватили долину Зарафшана и Кашкадарьи, к восставшим присоединились жители Шаша и карлуки. Повстанцы, отвергая ислам, религию завоевателей, призывали народ к борьбе против султана и мусульман. К крестьянам присоединилась городская беднота и часть дехканства, которая стремилась использовать народное восстание в борьбе за власть и сохранение былого экономического и политического положения, т. е. в своих классовых интересах.

Вождь восстания Рафи ибн Лейс — арабский военачальник — захватил Самарканд, откуда руководил военными действиями. По свидетельству Табари и Якуби, он был внуком известного омейядского наместника Насра ибн Сейяра мударита, женатого на дочери бухар-худата Тахшады, очень могущественного и воинственного. Но к описываемому времени его род уже не играл такой значительной роли в жизни Хорасана и Мавераннахра, как при омейядских халифах. По словам Балами, перед началом восстания Рафи ибн Лейс был одним из самых энергичных михтаров султанского войска. Выступление его (араба), занимавшего столь важный пост против арабов и ислама, принесло ему большую популярность среди народов Хорасана и Мавераннахра. Даже, если Рафи ибн Лейс выступил против Али ибн Исы по личным мотивам, как сообщается в источниках, сам факт этого выступления имел большое историческое значение, так как Рафи ибн Лейс возглавил борьбу народа, недовольного политикой арабского наместника. Чтобы привлечь на свою сторону народные массы покоренного Мавераннахра, он выступил также против шариата. Бросая вызов мусульманам, Рафи ибн Лейс вступил в брак с женщиной, не разведенной по закону шариата.

О требованиях повстанцев известно из косвенных указаний. Источники единогласно утверждают, что арабы были вынуждены уменьшить размер хараджа, поэтому можно предполагать, что восстание в Мавераннахре было вызвано увеличением хараджа и носило не только антиисламский, но и антифеодальный характер.

Восставшие обратились к жителям Шаша, Ферганы, Ходжента, Усрушаны, Саганиана, Бухары, Хутталяна, Балха и Тохаристана, прося у них помощи в борьбе «против султана и мусульман».

По словам Наршахи, жители селений Несефа, Кеша, Бухары, насильно принявшие ислам и ожидавшие возвращения Муканны, открыто проповедовали его учение и призывали народ к войне против арабов.

Долины Кашкадарьи и Зарафшана превратились в очаг восстания. Селение за селением отказывались повиноваться правителям халифа и присоединялись к восставшим. К сожалению, в источниках нет последовательного изложения хода восстания. Приводятся лишь отрывочные сведения о событиях в тех или иных районах Мавераннахра.

Восстание в Бухаре возглавил Башир ибн Лейс, брат Рафи ибн Лейса, а в Иштихане — Уджайф ибн Анбас.

По свидетельству Ибн ал-Асира, жители Несефа, узнав о приближении Исы, обратились за помощью к Рафи ибн Лейсу. Рафи ибн Лейс направил против Исы большой отряд во главе с владетелем Шаша. В сентябре 807 г., окружив отряд Исы, повстанцы разгромили его, а самогоИсу убили. Его отец Али ибн Иса, отправляясь в Мерв для формирования нового войска, послал в Багдад к Харуну ар-Рашиду гонца с просьбой о помощи, без которой он был совершенно бессилен в борьбе с восставшими.

Из сообщений хорасанского сахиб-берида (начальника почты) о положении в Хорасанском наместничестве и действиях наместника, халифу стало ясно, что присоединение местных феодалов к восстанию вызвано действиями Али ибн Исы, злоупотреблявшего своей властью.

Халиф решил низложить Али ибнИсу, но открыто сделать это он боялся. Халиф выдал Харсаме диплом на управление Хорасаном, но просил держать это в секрете.

В 807 г. халиф якобы для помощи Али ибн Исе послал в Хорасан Харсаму ибн Айан с трехсоттысячным войском. Прибыв в Мерв, тот арестовал Али ибнИсу и конфисковал его имущество.

Тем временем восстание в Мавераннахре приняло еще больший размах. Харсама перешел Амударью и попытался

подчинить себе жителей этой области, однако попытка закончилась неудачей. Из письма Харсамы халифу видно, что к восстанию примкнули жители всех селений Мавераннахра, Тохаристана и окрестностей Балха. Как и во время восстания Муканны к повстанцам присоединились селения и области во главе со своими владетелями. Так, правитель Шаша участвовал в борьбе с арабским войском в долине Кашкадарьи.

Не сумев подавить восстание своими силами, Харсама сообщил халифу, что восстание принимает угрожающие размеры.

Халиф сам приехал в Тус для руководства военными действиями, так как боялся, что восстание Рафи ибн Лейса может распространиться на Хорасан. Опасение его объяснялось тем, что после разгрома восставшими войск наместника в Мавераннахре жители Балха также восстали. Назначив своего сына Мамуна наместником Хорасана, халиф послал его с большой армией в Мерв. Мамун отправил Харсаму с новыми войсками в Мавераннахр. Рафи решил собрать большое войско и вновь призвал к борьбе против халифа и мусульман жителей Шаша, Ферганы, Ходжента, Усрушаны, Саганиана, Бухары, Хорезма, Хутталяна, а также жителей Балха и Тохаристана, просил помощи у тюрков, карлуков, токузогузов, у правителей Тибета и других областей.

Приезд халифа в Тус и назначение Мамуна наместником Хорасана напугало участников восстания. В конце 808 г. вожаки восстания Уджайфа ибн Анбаса и Ахвас ибн Мухаджира сдались Харсаме, который выступил из Мерва и через Амуль (ныне Чарджоу) направился к Бухаре, по пути жестоко расправляясь с повстанцами. В Бухаре повстанцами руководил энергичный полководец Башир ибн Лейс.

Восставшие упорно защищали город, но в 809 г. Харсаме все-таки удалось взять Бухару. Захваченного в плен Башира ибн Лейса Харсама отправил к Харун ар-Рашиду в Тус. По приказу халифа Башир ибн Лейс был зверски убит. Харсама после взятия Бухары подошел к Самарканду и окружил его. По словам Якуби, к Рафи ибн Лейсу пришли на помощь карлуки во главе с Джабгу. Харсама зная, что Джабгу, признав власть халифа, стал его вассалом, полагал, что Джабгу пришел к нему на помощь, но его надежды не оправдались и Харсама, оказался между двумя враждебными армиями.

После прибытия Харсама со своим войском в Мавераннахр восстание в Хорасане приняло еще больший размах. По словам Ибн ал-Асира, в то время дела в Хорасане сложились в пользу Хамзы ал-Хариджи. Халиф Харун ар-Ра-

шид из-за недостатка войск не мог вести войну на всех фронтах народных восстаний. В надежде переманить главу восставших, Хамзу, на свою сторону, в 193 (808) г. он приказал своему секретарю Исмаилу ибн Субейху написать письмо на имя Хамзы ал-Хариджи.

Хамза. несмотря на уговоры халифа прекратить борьбу, продолжал разоблачать халифов, обвиняя их всех, начиная с Османа и кончая Харун ар-Рашидом в том, что они незаконно собирают налоги. Через послов он передал свое письмо халифу и стал готовиться к походу против него.

В 809 г. скончался Харун ар-Рашид, на престол вступил его сын Амин, ревностно поддерживаемый арабской знатью центрального и западного районов халифата.

Согласно сведениям Ибн ал-Асира, в 809 г. Хамза, вторгшись на территорию Хорасана около Нишапура столкнулся с Абдурахманом Нисабури, который разбил его. Арабские и местные феодалы не смогли подавить народное восстание. Они были вынуждены частично удовлетворить требования народа. По совету везира Фадла ибн Сахла, Ма'мун снизил на одну четверть харадж, взимаемый с Хорасана[1]. Этой уступкой Мамуну удалось обмануть повстанцев. Везир Мамуна Фадл ибн Сахл, решивший посеять рознь между братьями Амином и Мамуном, тайно послал в Багдад к везиру нового халифа Амина письмо от имени хорасанских вельмож, будто бы требовавших назначения Али ибн Исы наместником Хорасана, который якобы сможет подавить восстание крестьян. Амин назначил Али ибн Ису (сына) наместником Хорасана и отправил его с десятитысячным войском против отстраненного Мамуна. Весть об этом назначении вызвала недовольство населения Хорасана и Мавераннахра.

Крестьяне, считавшие снижение хараджа не последней милостью, поддержали Мамуна, который подвергался гонениям арабской знати. На его стороне были и местные феодалы, враждовавшие с Али ибн Исой и желавшие иметь на престоле своего ставленника Мамуна. По настоянию землевладельческой знати Мамун в 809—810 гг. приказал вычеркнуть имя халифа из хутбы (проповеди), арестовать его сахиб ал-беридов (начальников почты) и запретить чеканить его имя на монетах.

В этот период начинается спад народного движения. Мамун послал войско во главе с Тахиром ибн Хусейном в Самарканд — единственный очаг восстания. Приход Тахира

---

[1] Балами утверждает, что Мамун полностью освободил от хараджа жителей Хорасана и Мавераннахра на один год.

изменил положение дел в пользу Харсамы. Когда Тахир ибн Хусейн приблизился к Самарканду, карлуки, боясь остаться между войсками Харсамы и Тахира, оставили восставших на произвол судьбы и покинули Самарканд. Осажденные самаркандцы оказались в тяжелом положении. По словам Наршахи, сыновьям Асада, служившим под начальством Тахира, удалось уговорить Рафи ибн Лейса и его сторонников сдаться. Они сумели убедить руководителей восстания, боровшихся против несправедливых правителей, в «справедливости» Мамуна, снизившего харадж. Самарканд сдался Мамуну в октябре 809 г.

Восстание было окончательно подавлено в 810 г. В том же году убиты Рафи ибн Лейс и другие активные участники восстания.

Изучение социально-экономической и политической жизни народов Мавераннахра IX в. показывает, что восстание Рафи ибн Лейса, вызванное увеличением хараджа в своей основе носило антифеодальный характер. Арабским властям пришлось уменьшить харадж на 25%. Это была большая, хотя и временная победа восставших.

Следует отметить, что это восстание, подобно восстанию Муканны, было направлено против иноземного ига и одновременно носило антиисламский характер.

После подавления восстания Мамун при поддержке дехканства стал готовиться к войне против халифа Амина.

В годы наместничества Мамуна хариджитское движение в Сеистане приняло еще больший размах. Хамза с 809 до 815 г. продолжал воевать со сборщиками хараджа в сопредельных с Сеистаном областях Хорасана. Во время отсутствия Хамзы оставленные им в селениях отряды охраняли мирных хариджитов. Благодаря этому многие местные феодалы, в том числе законовед Хасан ибн Амр, ученый Абу-Исхак Ибрагим ибн Амир ал Джайшан и другие стали сторонниками Хамзы ал-Хариджи.

Лейс ибн Фадл оставался правителем Сеистана длительное время, по-видимому, благодаря тому, что возникшая междоусобная война Амина с Мамуном мешала установлению твердой власти в халифате.

В 813 г. военачальник Мамуна Тахир ибн Хусейн наголову разбил Али ибн Ису. Вскоре он завладел Багдадом и казнил халифа Амина. Мамун, отправившись в 817 г. в Багдад, оставил наместником в Хорасане Раджа ибн Абу-Даххака, а в 819 г. заменил его Гассаном ибн Аббасом (819—821 гг.).

Согласно Наршахи, Гассан, укрепляя свою власть в Мавераннахре, опирался на сыновей Саманида Асада, прини-

мавших активное участие в подавлении восстания Рафи ибн Лейса. Они были назначены наместниками отдельных городов и областей Мавераннахра.

Такие образом, вопреки сообщениям Якуби, в Хорасане не был наведен порядок, которому мог бы радоваться Мамун. В 820 г. собиравшиеся около Нишапура добровольцы под предводительством Абдурахмана ал-Мутатавви без ведома наместника Хорасана Гассана ибн Аббаса вели войну за «веру». Усрушанские цари («афшины»), признав власть Харун ар-Рашида, не признавали власти его сына Мамуна.

В 821 г. Тахир ибн Хусейн стал наместником Хорасана. Так, восстание 806—810 гг. ускорило начавшийся процесс политического распада арабского халифата. Уже в конце первой четверти IX в. власть в Хорасане и в Мавераннахре перешла в руки местной землевладельческой знати. В результате многолетней упорной борьбы народов Мавераннахра и Хорасана против арабского ига в восточной части халифата были созданы предпосылки для образования самостоятельного государства во главе с местной династией. Это положило начало освобождению восточных областей от власти арабского халифата.

6. ИДЕОЛОГИЯ ВОССТАНИЙ

Нельзя правильно понять политические события, происходившие в Мавераннахре и Хорасане VIII в., не зная идеологии наиболее активных элементов народного движения этого периода. В этом движении огромную роль играли неомаздакиты, известные под именами хурремидинов, хуррамитов[1], мухаммиреев, сурхалемов и «людей в белых одеждах». Неомаздакитская ересь, не признававшая неравенства в обществе, отрицала основные предписания ислама, пропагандировала преданность вероучениям далеких предков.

Во второй половине VIII в., когда ислам стал государственной религией на обширной территории арабского халифата, куда входила и Средняя Азия, не так просто было легально оставаться последователем Маздака. Но все-таки идеология Маздака была широко распространена среди широких народных масс.

Во второй половине VIII в. установилась власть не только арабской, но и местной аристократии Хорасана и Мавераннахра, и, когда трудовое крестьянство увидело своих непосредственных угнетателей в союзе с арабами, дея-

---

[1] Арабизированная форма этого термина — ал-хуррамия.

тельность маздакитов оживилась. В зависимости от условий времени и окружающей среды они выступали против гнета, скрывая свои социально-экономические и политические цели под видом принятия ислама. В наших источниках приводятся данные о том, что они хотя и объявляют себя мусульманами, но ничего общего не имеют с исламом и их относят к последователям доисламистской местной религии — зороастризма и маздакизма.

Абурайхан Бируни уже в XI в. писал: «Из тех, кто последовал за Маздаком, осталась лишь небольшая горсточка (людей), которых относят к нему, называя их «маздакитами», и «хуррамдинитами» в связи с их религией и вероучением, а также «зиндиками» в связи с толкованием (учения), ибо «зенд», по-ихнему толкование внешней стороны текста, тогда как «пазенд», — толкование его внутреннего смысла, а Маздак утверждал, будто ему принадлежит толкование Авесты и изъяснение ее внутреннего смысла. К этому имени возводят и манихеев (говоря) метафорически, в переносном смысле. Батынитов в исламе тоже относят к маздакитам, так как они приписывают своему первому (имаму) качество творца — слава ему! — и вследствие сходства их родословных в толковании священных книг».

Значит в источниках, если речь идет о восставших и авторы акцентируют внимание на их вероучении и религиозных обрядах, то их называют маздакитами или хуррамдинцами, а если речь идет о толковании учения священных книг (Авеста или Коран) — зиндиками. Зиндиков называют еще «дахриен» (атеистами), «муаттилан» (не признающими создателя вселенной), «мункир» (отрицающими религиозные обязанности), батынитами (скрывающими свои взгляды). Кроме того, учитывая эмблемы цвета, знамени или одежды восставших, их называют «сафид-джамаган» (люди в белых одеяниях), а также «сурхалам» (краснознаменщики), «ал-мухаммире» (*люди, окрасившие свои одежды и знамена в красный* цвет).

Изучая идеологию хорасанских и мавераннахрских хуррамдинов и зиндиков VIII — и начала IX вв., мы убедились, что они внешне считают себя мусульманами, согласны с законами шариата и указаниями Корана, но истолковывают Коран по своему и аллегорически. Согласно Ибн ал-Асиру, в 736 г. в Мерве аббасидский эмиссар Омар ибн Иезид, прозванный Хидашем, под предлогом агитации за дом Аббасидов, пропагандировал идеологию хуррамдинов, говоря о том, что не обязательно мусульманам молиться, совершать хадж, держать пост в рамадане. По его мнению, и,

якобы, согласно Корану, держать пост — это значит удержать себя от упоминания имени имама (при этом разрешается упоминать его имя только во время совершения молитвы).

Таким образом, если Маздак утверждал, будто ему принадлежит толкование священной книги зороастрийцев, т. е Авесты, и объяснение его внутреннего смысла, то Хидаш, восстанавливая народ против основ ислама и пропагандируя религию хуррамдинцев, по-новому объяснял смысл Корана. Табари считает, что Хидаш этим разодрал основу религии мусульман, даже прозвище Хидаш дано Омару ибн Йезиду «за то, что он разодрал (хадаша) религию». В источниках мусульманской эпохи подробное хуррамидинское толкование всех сур Корана не сохранилось, кроме вышеотмеченного краткого сообщения Ибн ал-Асира, так как мусульманское духовенство и феодальные власти считали крайне опасным хуррамдинское толкование Корана, которое могло привести к уничтожению ислама. Согласно Мутаххару, секта хуррамия разделялась на несколько групп, но несмотря на это, все хуррамиты утверждали, что умершие воскреснут в день воскресенья. Все хуррамиты, подобно манихиям и маздакитам, считали несправедливым проливать кровь и делать зло людям, которые не поднимают против хуррамитов оружия, а также не пытаются унизить их достоинство. Но для защиты своей секты и самих себя они готовы были проливать кровь и совершать насилия. Мутаххар заметил, что хуррамиты почитают Абумуслима и восхваляют его за заслуги. Шахристани разделяет хуррамитов на четыре секты: абумуслимия, гудакия, сафид-джамакия и махания.

При жизни Абумуслима образовалась секта абумуслимия, которая признавала его имамом (халифом). После его смерти секта разделилась на две части. Одна группа не признавала смерти Абумуслима и считала, что он жив. Например, Сунбад и его последователи проповедовали, что халиф Абуджафар хотел убить Абумуслима, но он превратился в белого голубя и улетел. По-видимому, эта группа называлась впоследствии абумуслимия. Другая группа, мирясь с фактом смерти Абумуслима, проклиная убийцу, признала имамом его внука Махди, называя его мудрым ребенком (Гудаком). Этот факт проливает свет на название секты — гудакия. Шахристани отмечает, что взгляды секты гудакия получили большое распространение в Ахвазе и Фарсе, в Согде, Самарканде, Шаше и Илаке. Как справедливо заметил Шахристани, группу хуррамитов называли также «ас-сафидджамакия» (люди в «белых одеждах»).

Сам термин хуррамдин состоит из двух слов — «хуррам» (веселье) и «дин» (религия).

Балами пишет: «все, что мусульмане, евреи, христиане делают по религиозному обряду, они (т. е. зиндики-хуррамдины) считают ложным и в душе говорят, что это ложь, их цель отрицать существование бога и всех пророков и (считать) все это напрасным».

Хуррамдинцы, приспособившись к условиям времени, внешне приняли ислам: проявляли любовь к семейству пророка, чтобы привлечь народ, — т. е. в религиозной оболочке мусульман продолжали пропагандировать социальную идею Маздака.

Все хуррамдинцы утверждали, что обряды, предписания и религия всех пророков разные, но они (пророки) все действуют под властью единого вечного духа (бога-аллаха), и поэтому возможно появление нового пророка.

Более стройное и законченное оформление эти идеи получили в учении Муканны, на которое оказали большое влияние местные культы. Муканна в первом своем выступлении *выдавал себя за пророка и подобно Мухаммеду признавал* всех пророков, которых считал посланниками аллаха, а их последователей называл вероотступниками. Он утверждал, что послан к ним аллахом для призвания их к истинной вере. Муканна также признавал Мухаммеда посланцем аллаха, но указывал на ошибки его последователей в понимании Корана и законов шариата, за что и был арестован.

При халифе ал-Мансуре в Багдаде среди придворных, большинство которых состояло из хорасанских вельмож, находящихся на службе у халифа, было распространено учение зиндиков (хуррамдинцев). По-видимому, хорасанцы-зиндики помогли Муканне избавиться от заточения и снова вернуться в Мерв. На этот раз Муканна выбрал для борьбы против Аббасидов более отдаленную провинцию арабского халифата — Мавераннахр, который после убийства Абумуслима стал цитаделью сектантства.

Учение Муканны ярко отражало дух эпохи и удовлетворяло социальные, экономические и политические потребности той социальной среды, в которой он действовал, стремясь установить свои законы. Поэтому Муканна мог привлечь на свою сторону не только местных мусульман, но и часть арабов, осевших на земле и испытавших жестокость и несправедливость Аббасидов и их чиновников. Не удивительно, как отмечает Наршахи, что Муканна после побега из багдадской тюрьмы нашел убежище в доме араба Абдуллы ибн Амра в

Мерве и с его помощью готовился к предстоящему восстанию против Аббасидов. Первоначально Муканна, чтобы привлечь народ, объявил не только себя, но и Абумуслима преемником Мухаммеда, и подобно его потомкам, называл себя «саид-и саидан», подражал Мухаммеду в его поступках. Позже, когда у него стало много последователей, он, очевидно, стремясь уничтожить мусульманский закон, разделял воззрения Маздака (хурамдинцев и зиндиков). Не следует забывать, что Муканна, находясь в Багдаде, попал под влияние зиндиков, игравших значительную роль в политической истории халифата на грани VIII — IX вв. Он заимствовал у них идею о торжестве человеческого разума. Зиндики, например Ибн ал-Мукаффа и его друзья утверждали, что Коран представляет собой слова пророка Мухаммеда. Тем самым они отрицали мнение реакционного духовенства, утверждавшего, что это «слова аллаха» (калом аллах), и пытались доказать, что может появиться «мудрый человек», подобный Мухаммеду, и высказать мысли более мудрые, чем суры Корана и тогда непременно за ним последует народ.

Выступление Муканны со следующей проповедью являлось как бы подтверждением этих высказываний зиндиков: «Я Ваш владыка (худованд) и владыка всего мира... я называю себя именем, которым пожелаю, я есть тот, кто явился к народу в обличии Адама, а затем в обличии Ибрахима (Авраама), а затем в обличии Мусы и снова в обличии Исы (Исуса), затем в обличии Мухаммеда, потом — Абумуслима и снова в обличии, в котором Вы видите». Он выдавал себя за воплощение божественного духа, способного избавить человечество от зла, насилия и т. д. Таким образом, Муканна утверждал, подобно Мани, что вечно существующая премудрость и добрые дела воплотились в человеке, в нем, Муканне, и он, благодаря этому разуму является всемогущим господином, уничтожившим имущественное неравенство и связанную с ним несправедливость, безрассудность и гнет.

Бируни иронически заметил, что на этот раз «Муканна притязал на божественное достоинство и (говорил), что он воплотился по той причине, что никому не дано видеть (божество) прежде воплощения».

Муканна, как отмечал Бируни, установил те законы, которые принес Маздак. Из восточных средневековых авторов благожелательно писал о законах Маздака только Фирдоуси, во всяком случае, объективно, ибо он воспринял образ вождя из устного народного предания.

Равны вельможи, знатный и бедняк.
. . . . . .
Да будет уравнен с богатым нищий,
Получит он жену, добро, жилище.
. . . . . .
Излишки одного давал другому —
Дивились мудрецы вождю такому.

Из стихов Фирдоуси видно, что Маздак призывал людей претворить в жизнь социальное и экономическое равенство среди всех членов общества. От имени Зороастра он объявил своим последователям, что все знатные и бедняки имеют равное право в пользовании священным огнем и во владении имуществом, золотом (зар), женщиной (зан), землей (замин) и властью (правом, — зур). За эти идеи активно боролись его последователи, в том числе Муканна.

Современник Фирдоуси Абурайхан Бируни под влиянием враждебной оценки социальной программы Маздака, содержащейся в официальной сасанидской хронике «Хватай-намак» («Книга владык»), а также с позиции имущего класса недружелюбно отзывался о Муканне и его религиозной доктрине. «Муканна дозволил им (брать чужое) имущество и женщин и убивать тех, кто им противоречит и установил все те законы, которые принес с собой Маздак».

Абурайхан Бируни, сын своего класса, не мог понять исторических событий, происходивших в VIII — IX вв. в Мавераннахре во времена Муканны. Надо полагать, что Муканна, устанавливая законы Маздака, дозволил своим последователям брать излишки имущества у богатых, чтобы раздавать неимущим, дабы уничтожить имущественное неравенство, которое он считал основной несправедливостью.

Большинство мусульманских историков искажали историческую действительность. Например, Наршахи писал: «Их секта такова, что они не молятся, не держат пост в месяце рамазане... но никому не причиняют вреда, а все свои обычаи хранят в тайне от мусульман и притворяются мусульманами». «Весьма характерно, — писал А. Ю. Якубовский, — что с зиндиками сближал Макдиси и людей в «белых одеждах», которые ....в огромном большинстве своем были маздакитами».

Балами отмечает, что чтецы Корана (ахликалом) называют зиндиков «батилон» (лжецами) или «дихриён» (атеистами). Дахриён их называют потому, что секта зиндиков, как писал Балами, «хуже всех религиозных сект, ибо она не признает ни бога, ни пророка. Они говорят — этот мир (бытие?) был и будет, люди подобно растениям прибывают и убывают.

Они считают, что неправильно лгать, притеснять, делать зло (людям), насилие в глазах благоразумных. Это их правило!». Здесь, конечно, автор искажает нравы и обычаи зиндиков.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что маздакиты в изучаемый период приспосабливались к новой исторической обстановке, учитывая местные традиции и народные обычаи, стараясь внешне ничем не отличаться от мусульман. Низамульмульк отмечает, что в восстаниях хуррамдинов батыниты были с ними заодно, помогали им, так как корень обеих вер один. Так, в 776—777 гг. в Гуркане восстали батыниты, которых называли мухаммире, что означает «красные знамена», и хуррамдины.

Абурайхан Бируни в своей хронологии отметил, что в Согде с Муканной объединились «люди, носящие белое», *которые пропагандировали законы Маздака. Из этого сообщения* ясно, во-первых, что «люди, носящие белое» были в Согде до прихода Муканны. Во-вторых, эти «люди, носящие белое» далеко не малочисленны и едва ли можно считать их только избранниками секты манихеев. Можно полагать, что они, выполняя священный долг, оделись в белое и вступили в священную войну за свою веру против иноверцев-поработителей. В рукописи Балами мы находим прямое указание о том, что группа тюрков называется сафид-джамаганами. В связи с этим следует отметить, что «люди, носящие белое» были лишь частью последователей Муканны. Это видно из того факта, что брат Муканны — Кабзам, желая сдаться на милость арабского военачальника Саида ал-Хараши, вероломно убил всех «людей, носящих белое», которые были среди его войска. Значит он и его воины не носили белые одежды. Однако и секта «людей, носящих белое» относится к секте ал-хуррамия.

Сообщения Балами убеждают нас в том, что во время восстания Муканны в Багдаде в придворных кругах усилилась деятельность зиндиков, а в 783 г., очевидно после разгрома восстания Муканны халиф Магди устроил диспут в Багдаде среди духовенства и ученых зиндиков о строении вселенной. Одновременно Магди поручил Амр ал-Келвази выявить во время диспута наиболее активных зиндиков, чтобы затем уничтожить их. По словам Табари, в 783 г. после диспута по приказу Магди зиндиков истребляли везде, где находили. Однако идеология зиндиков в течение всего средневековья оставалась на вооружении у крестьянства в их борьбе против эксплуататоров — феодалов.

ГЛАВА IV

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД В МАВЕРАННАХРЕ В VII—VIII вв.

1. ШАХРИСТАНЫ, КУХЕНДИЗЫ, РАБАДЫ

Городская жизнь в Средней Азии, в частности, в Мавераннахре, имеет очень древние традиции, как это видно из предшествующих глав. Бактрия, Согд и Хорезм уже при рабовладельческом строе и раннем феодализме были странами с большим количеством городов. С этим фактом и встретились арабы, когда начали свое наступление на Среднюю Азию.

В. В. Бартольд не раз в своих трудах отмечал, что арабоязычная географическая литература IX—X вв. выработала для обозначения городов Ирана и Средней Азии специальную терминологию:

1. «Кухендиз» — «старая крепость» — термин иранского происхождения; наряду с ним употребляется слово «кала» — термин арабского происхождения.

2. «Медина» — термин арабский; его иранский эквивалент — «шахристан». Словами этими обозначали «внутренний город» — наиболее древнюю часть города, большей частью доарабского происхождения.

3. «Рабад» — термин арабского происхождения, означающий пригороды, окружающие с нескольких или со всех сторон «внутренний город», то есть «медину», или «шахристан». Иногда термином «рабад» обозначали стену, окружавшую как внутренний город, так и его пригороды.

4. «Балад» — термин, которым обозначали город в целом, то есть собственно «внутренний город» плюс его пригороды.

Советские археологи и историки сделали очень многое

для изучения среднеазиатских городов в древний и средневековый периоды их существования. Широко известны раскопки, произведенные в Мерве, на Афрасиабе, в Термезе, Бухаре, Таразе, Пайкенде, Баласагуне, Ургенче, в античных городах Хорезма и др.

Наиболее систематическому и всестороннему археологическому изучению подвергся Термез, исследовавшийся Термезской археологической комплексной экспедицией в 1936—1938 гг. под руководством проф. М. Е. Массона.

Один из прочных выводов экспедиции заключается в том, что город Термез, расцветший при Кушанах, пришел в упадок в V—VI вв. В VII в., судя по данным исследований ТАКЭ, город вновь возродился, став центром небольшого владения термезшахов. Ясна теперь также картина развития и роста Термеза при арабской власти, Саманидах, Караханидах и современных им Сельджукидах. Большое значение для истории городов Средней Азии имеют археологические работы С. П. Толстова в Хорезме, отраженные в его книгах «Древний Хорезм» и «По следам древнехорезмийской цивилизации».

В начале своих завоевательных операций арабы застали в Мавераннахре немалое количество городов. Почти всюду городами были шахристаны, окруженные укрепленной стеной, внутри которой большей частью находились кухендизы. У большинства городов, особенно богатых, рядом с шахристаном, сейчас же за его стеной, имелся рабад — пригород, который окружал его с нескольких или со всех сторон. Главный центр городской жизни в эту эпоху находился на территории шахристана. Мерв, Термез, Бухара, Самарканд, Арбинджан, Тававис, Бинкет (Ташкент), Тараз и другие города Средней Азии, в частности Мавераннахра, были расположены в конце VII и начале VIII вв. на территориях шахристанов. По площади и по протяженности своих стен они были невелики. Большой интерес могут представить сведения по этому вопросу, приводимые китайским путешественником Сюань Цзяном, проехавшим через Мавераннахр в 630 г., а также данные археологических исследований развалин среднеазиатских городов.

Самарканд, по словам Сюань Цзяна, имел в окружности 20 ли. Тоже приблизительно 20 ли имел в окружности и Термез. Если считать «ли» за 0,3 км, как это указано выше, то получится значительная цифра — ок. 7 км. Цифра несколько преувеличена, так как площадь Афрасиаба (городище домонгольского Самарканда) равна, согласно плану 1885 г., 1 кв. версте 96 десятинам и 430 кв. саж. (примерно

2 кв. км). Однако не исключена возможность, что Сюань Цзян вымерил окружность не шахристана, а внешней стены города. Главный город владения Шаш, носящий то же имя (он же Бинкет), имел по Сюань Цзяну, в окружности 10 ли, то есть 3 км. Окружность Тараза (Джамбула) была 8—9 ли, то есть 2,4—2,7 км. Касан, главный город Ферганы, имел в окружности 4 ли; окружность шахристана Пайкенда, по данным археологической экспедиции 1939 г., — 2 км, с площадью 20 га. Площадь шахристана Бухары, по данным, приводимым В. А. Шишкиным, равна 30—35 га. Окружность шахристана Пянджикента — 1750 м.

Таковы размеры некоторых шахристанов Согда и соседних с ним областей Средней Азии. Этих фактов достаточно, чтобы стало ясно, как невелики были по площади города того времени.

Приведенные цифры характерны не только для шахристанов, но и для кухендизов, поскольку в подавляющем количестве случаев последние находились на территориях шахристанов, точнее, внутри окружающих шахристаны стен.

В Согде мы встречаем немало исключений из этого правила. Таковы, например, кухендизы (арк) Бухары, Бинкета (Ташкента), Пянджикента, стоящие вне стены шахристана. Известно, что города с их специфической городской жизнью полностью отражают в себе тот общественный строй, в условиях которого протекает их жизнь. В соответствии с этим шахристаны Средней Азии в период арабского завоевания были уже городами раннефеодальными, в корне отличающимися от городов рабовладельческого времени.

Шахристан был центром небольшого феодального владения, в состав которого входил, кроме самого города, еще небольшой земледельческий район. Политическим центром такого шахристана являлся кухендиз (или арк) — местопребывание владетеля шахристана и его округа.

По мере возникновения и развития местных самостоятельных государств и, в особенности, по мере образования мощного саманидского государства с централизованной властью в IX — X вв., с усилением борьбы против дехканской раздробленности, теряют свое былое значение местные мелкие владения, в результате чего в некоторых местах отмирают кухендизы, ослабляются шахристаны — центры земельных владений (Наршахи). Вместе с тем широко развиваются крупные города.

Однако шахристаны не исчезают полностью. Они во многих случаях продолжают существовать до периода позднего феодализма, а в отдельных случаях даже составляют основ-

ную часть городов нового времени, например, в Хиве, Бухаре, Хазараспе и др.

В IX—X вв., когда были написаны главные произведения средневековой географии, кухендизы в большинстве лежали в развалинах, что и получило отражение в самом термине, так как «кухендиз» в переводе значит — «старая крепость»[1]. Да и сами шахристаны заключали в себе ряд признаков, говорящих о том, что они — наиболее старая часть города, так как в это время города включали в свою площадь шахристаны и рабады (пригороды), причем в большинстве случаев площадь шахристана была значительно меньше новой части города — рабада. В период арабского завоевания кухендизы (арки) были еще обитаемы. Что они представляли собой в то время, лучше всего можно представить себе на основе описания Наршахи древнего бухарского арка, то есть кухендиза.

2. БУХАРСКИЙ АРК

Бухара была столицей бухарского владения, правитель которого носил титул бухар-худата. Наршахи, ссылаясь на более ранний источник, а именно на труд Абулхасана Нишапури «Хазаин ал-улум» — «Сокровищница знаний» — пишет, что крепость эта была древнего происхождения, и относит ее сооружение к легендарным временам Сиавуша и Афрасиаба.

Наршахи приводит даже легенду о том, что Сиавуш похоронен внутри кухендиза у восточных ворот. Бухарские зороастрийцы почитали это место. В день Науруза (Нового года) каждый мужчина закалывал здесь петуха, а относительно убиения Сиавуша жители Бухары сложили песни, которые назывались «плачем мугов».

В течение долгого времени крепость, по словам Наршахи, лежала в развалинах; только в VII в н. э., незадолго до прихода арабов, она была вновь отстроена. Бухар-худат Бидун восстановил здесь стены и выстроил большой дворец (ках). Бидун приказал вырезать имя строителя на железной доске и прикрепил ее к воротам дворца. Согласно той же легенде, дворец скоро рухнул и сколько ни возобновляли постройку, возвести здание никак не удавалось. Тогда Бидун будто бы собрал ученых и по их совету выстроил заново дворец (ках) в плане Большой медведицы, на 7 каменных столбах. На этот раз постройка оказалась прочной и стояла долго.

---

[1] Термин «кухендиз» может быть истолкован и как «крепость на высоком месте».

Кухендиз имел двое ворот. Восточные назывались Гуриан, западные — Ригистан, по имени площади, на которую они выходили. Впоследствии они назывались еще «ворота продавцов сена». Между воротами пролегала широкая улица.

Согласно плану Бухары, площадь арка, как он дошел до нашего времени, равна 34675 кв. м. Длина окружности — 780 м. Уже эти цифры говорят, что перед нами — большая укрепленная усадьба бывшего владетеля Бухары.

Накануне арабского завоевания бухарский арк (кухендиз) был резиденцией юного бухар-худата Тахшады и его матери. Из рассказа Наршахи о том, как управляла бухарская царица — мать Тахшады, следует, что арк — резиденция бухар-худатов — представлял собой центр их земельных владений. Бухар-худаты были крупнейшими земельными собственниками. По словам Наршахи, «среди дехкан был некий большой человек, и этого дехкана называли бухар-худатом по причине того, что он был древнего рода и большая часть земель (имений) принадлежала ему, и большинство тех людей были его кедиверами или слугами».

В источниках сохранилось мало данных для освещения внутренней жизни кухендизов, причем о бухарском арке у нас имеется больше сведений, чем о кухендизах других городов. Как царское жилище, кухендиз представлял собой сложный комплекс. Кроме дворца владетеля, здесь находились разного рода службы: казна, амбары, кладовые и мастерские. Наршахи пишет, что в бухарском кухендизе в древности, то есть до ислама, помещались царские диваны и казна. В кухендизе, кроме самого владетеля, жили его родственники, а вместе с ними и те, кто составлял его двор. Во дворе кухендиза размещалась царская стража — военные слуги владетеля. У Табари и Наршахи часто встречается термин «шакир» или «чакир». В первом случае мы имеем арабизированную форму местного термина «чакир».

В. В. Бартольд высказал взгляд, что под чакирами надо понимать военную силу, которой располагали князья и вельможи: из чакиров состояло в домусульманскую эпоху войско самого могущественного ихшида. Источники не позволяют нам уточнить классовый состав чакиров, однако можно сказать, что наряду с наемными воинами в число чакиров входили и рабы, положение которых, как и позднейших гулямов, фактически было лучше, чем некоторых групп свободных людей.

Среднеазиатские владетели в доисламское время сохраняли еще следы своих прежних сакральных функций. В письменных источниках имеется немало сведений о местах куль-

та в укрепленных резиденциях владетелей (каковыми были когда-то кухендизы). Внутри бухарского арка в домусульманское время находился храм идолов — бутхана. Трудно сказать, нужно ли здесь понимать под бутханой буддийский или зороастрийский храм. Кроме бутханы, в бухарском арке было также место, где осуществлялся местный культ, связанный с легендарным строителем кухендиза — Сиавушем, о чем уже говорилось выше.

Итак, *кухендизы — это укрепленные резиденции местных* владетелей. Отсюда и шло управление городом-владением. Наршахи рисует яркую картину, как управляла мать Тахшады, которая в течение 16 лет была правительницей Бухары. «Каждый день,—пишет Наршахи,—царица выезжала на лошади за пределы бухарского кухендиза, останавливаясь у ворот Ригистана,—которые теперь называются «воротами продавцов сена» — и садилась на трон. Около нее собирались гулямы и придворные, то есть слуги и знатные. Царица установила правило, согласно которому к ней на службу приходили от жителей селения около 200 юношей из числа дехканов и царевичей, опоясанных золотыми кушаками, с подвешенными через плечо саблями. Царица выходила к ним, все ей прислуживали и выстраивались в два ряда. Она с ними советовалась о делах царства, давала распоряжения и кого хотела — одаряла, а кого желала — наказывала. Так она сидела здесь с утра до завтрака, потом возвращалась в крепость и посылала оттуда угощение и пищу своим приближенным. Когда подходил вечер, она тем же порядком выезжала из кухендиза и садилась на трон.

Дехканы и царевичи снова выстраивались в два ряда и несли службу. Когда солнце заходило, она вставала, садилась на лошадь и ехала во дворец (ках). Дехканы же и царевичи возвращались к себе домой, в свои селения. На другой день приходил другой каум и в том же порядке выполнял службу. Так продолжалось до тех пор, пока очередь не возвращалась к первому кауму. Каждый год каждому кауму приходилось нести службу 4 раза».

Вышеприведенное место в смысле исторического толкования столь же интересно, сколь и трудно. Прежде всего затрудняют сами термины X в. Кто такие эти 200 юношей из дехканов и царевичей (меликзадеган) и как надо понимать термин «каум»?

Правильно истолковать в данном контексте термины «дехкан» и «меликзадеган» можно лишь при точном понимании термина «каум».

Анализ всех соответствующих контекстов Наршахи дал

нам право понимать в данном случае под словом «каум» сельскую общину, в которой имелись еще сильные в тот период слои родовой общинной знати. К ее молодежи и применяется термин «меликзадеган». Что касается термина «дехкан», то им обозначалась какая-то часть землевладельческой аристократии. Нарисованная так ярко картина управления бухарской царицы носит на себе все черты патриархальных отношений, что и дало В. В. Бартольду, в одной из его ранних работ, право сказать, что среднеазиатские владетели VII в. «более напоминают греческих базилевсов, чем азиатских деспотов».

Сказанное о внутренней жизни бухарского кухендиза можно отнести и к кухендизам Самарканда (городище Афрасиаб), Мерва (городище Гяур-Кала) и других городов-владений как больших, так и малых. Кухендизы имелись не только в шахристанах (мединах), но и в тех поселениях, к которым арабские авторы IX—X вв. применяли термин «карья» (персидский «дех»). Таковы, например, Вардана, Зандана. Варахша, Афшана, Рамитан и многие другие. Впрочем, арабские географы путаются в применении своих терминов. Например, Макдиси к поселениям Зандана и Вардана применяет термин «медина». являющийся арабским эквивалентом для персидского «шахристан».

У некоторых из этих селений кухендизы были весьма внушительными укрепленными усадьбами, которые входили в систему стен и башен поселений и представляли собою солидное крепостное сооружение. Приведем один пример.

По словам Наршахи, Рамитан имеет большую крепость. Селение это укрепленное. Оно древнее Бухары; в некоторых сочинениях его называют Бухарой. В древности здесь было местопребывание владетелей.

От укрепленных резиденций, какими являлись цитадели (диз, кухендиз, арк), нельзя оторвать и самый шахристан. Вместе они составляют одно целое — недаром они окружены общей стеной. Однако нам известно немало случаев, когда цитадель лежала вне стен шахристана, например в Бухаре, Ташкенте, Пянджикенте. Выше уже указывалось, что географическая литература X в. при описании среднеазиатских городов терминами «медина» и «шахристан» отмечала так называемый «внутренний город».

3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА

Что же представлял собой шахристан как определенный тип поселения, какова его социальная структура? Благодаря

Наршахи и его книге «История Бухары», мы в отношении шахристана Бухары имеем возможность с достаточной ясностью ответить на этот вопрос. Картина, нарисованная Наршахи, настолько выразительна и вместе с тем типична, что, привлекая сведения, имеющиеся о шахристанах других городов, мы получаем все основания их обобщить и сделать, в основном, применимыми к любому шахристану Средней Азии и, в особенности, Мавераннахра.

Наршахи в главе «Рассказ о людях каш-кушан», описывая выселение последних из города арабами во время завоевания ими Бухары, отмечает, что «город (Бухара) по величине своей равнялся шахристану», то есть 30—35 га, как и указывалось выше. К словам Наршахи надо добавить его собственные поправки. На юг от шахристана была расположена большая часть базара, а на запад — здания одного из дворцов бухар-худата и, по-видимому, другие постройки. В шахристане было 7 ворот, которые уже в IX в. почти все изменили свои доисламские названия.

Бухарский шахристан был лишь частью Бухары в том ее виде, как она сложилась к IX в. Наршахи подробно описывает общий его облик при завоевании арабами. «Когда войдешь ты в шахристан, — пишет он, — то налево будет первая улица, которую называют улицей Риндан. Рядом с ней была христианская церковь, на этом месте теперь стоит мечеть, именуемая Бану Ханзаль. Когда ты войдешь в шахристан, то направо будет улица, называемая улицей везира Ибн Аюба ибн Хасана, и эту улицу называют также улицей Каха (дворца)». Несколько ниже Наршахи пишет: «Был некий дехкан, звали его Хына, после прихода ислама стали его звать Ахмед; вся эта улица Каха принадлежала ему и на ней же был его ках. Эмиры Бухары постоянно жили в том же кахе (дворце-усадьбе), однако впоследствии владение этим кахом вышло из рук хозяина (то есть Хына)». В 767 г. наследники Хына затеяли тяжбу, причем суду халифа Абуджафара Даванаки (Мансура) был предъявлен документ с точным перечислением границ их владения. Из документа видно, пишет Наршахи, что «все в целом составляет один квартал, который занимает 1/4 часть шахристана». Продолжая свое описание, Наршахи говорит, что «Хасан ибн Ала Согди был богатым человеком, ему принадлежал в шахристане высокий кешк, каким не владели и цари; он (Хасан) выстроил также улицу Ала у ворот Ала».

В шахристане находились кешки (усадебного типа укрепленные постройки) купцов каш-кушанов. Жили они в шахристане и, по-видимому, за его пределами, пока не пришли

арабы. Не желая делиться с ними своими кешками, каш-кушаны решили выселиться из шахристана и заняли земли на северо-запад от него. Впоследствии этот район вошел в черту рабада Бухары. Здесь они выстроили для себя 700 кешков (цифра явно преувеличена).

Что собой представляли эти кешки, видно из отрывка, где Наршахи описывает их отстроенными на новом месте. «Каждый из каш-кушанов построил вокруг своего кешка дома для своих чакиров и приверженцев, а у ворот своего кешка разбил бустан и сахрау (сад и поле). В эти кешки они и переехали. Теперь кешки разрушены, место, которое они занимали, в большей своей части, стало городом; сохранились только два — три кешка, которые называются «кешками мугов». В них жили муги; в этой области было много храмов огня мугов. У ворот этих кешков, принадлежавших мугам, были расположены приятные цветущие сады, поместья мугов стоили очень дорого».

По словам Наршахи, каш-кушаны не принадлежали к дехканам, были людьми иноземного происхождения и занимались торговлей, причем были очень богаты и влиятельны. Если судить по ряду мест «Истории Бухары», каш-кушаны мало чем отличались в быту своем от дехканов, что мы видим на примере их кешков.

Несколько слов о терминах «кешк» и «ках». Кешк отличался от каха только величиной (ках больше кешка), но оба термина обозначают укрепленные усадьбы. Однако под «кешком» иногда нужно понимать наиболее укрепленную часть каха.

По словам В. В. Бартольда, «собственник «каха» иногда владел целым рустаком, то есть группой селений. Чаще живший в замке представитель земледельческой аристократии владел только одним селением». Текст Наршахи интересен как раз тем, что автор не только применяет эти термины к постройкам шахристана, но и описывает их так, что перед глазами встает картина типичной укрепленной дехканской усадьбы, ничем не отличающейся от обычных внегородских укрепленных дворцов-усадеб. В этом отношении очень характерны следующие слова Наршахи: «В шахре[1] были кешки, и некоторые кварталы далеко отстояли друг от друга, подобно селениям».

Эти слова следует особо подчеркнуть, так как они помогают сделать напрашивающийся вывод о социальной сущ-

---

[1] В источниках нет разницы в словах «шахр» и «шахристан»; если же допустить, что у Наршахи такое различие имелось, то под «шахром» нужно понимать всю Бухару, т. е. шахристан плюс непосредственно то, что лежало за его стенами.

ности бухарского шахристана в начале VIII в. Господствующий класс, являющийся хозяином шахристана, выступает с достаточной ясностью. Это прежде всего дехканская аристократия, владевшая значительными участками земли, состоящая в какой-то связи с местным владетелем-царем. Жила эта аристократия в укрепленных усадьбах и в случае нападения могла укрыться за стенами шахристана и соседнего арка бухар-худата.

Большую роль в шахристане играли купцы. Образ и классовая природа купца этого времени чрезвычайно своеобразны. Бухарским купцам, каш-кушанам, Наршахи посвятил целую главу. Жили они в вышеупомянутых замках подобно дехканам и подобно им были воинственны. В. В. Бартольд имел все основания сказать: «Они (согдийские купцы) владели обширной недвижимостью, жили в замках и по своему положению мало чем отличались от дехканов». Итак, мы здесь имеем дело с отдельными богачами, интересы которых были тождественны с интересами аристократии, а не с многочисленным торгово-промышленным сословием, как в мусульманский период». Насколько каш-кушаны были воинственны, можно судить не только по самому строю их жизни (укрепленные кешки, в которых они жили, чакиры, гулямы, которыми они себя окружали), но и по следующему рассказу Наршахи. Когда в одну из пятниц арабы предложили им пойти на молитву в соборную мечеть, каш-кушаны отказались. Мусульмане настаивали, и завязался бой. Каш-кушаны оказали решительное сопротивление.

Ни о каком другом городе Средней Азии типа шахристана мы не имеем и малой доли тех сведений, которые оставил нам Наршахи о шахристане Бухары, и встречающиеся в источниках фрагментарные сведения о других городах только подтверждают сказаное Наршахи. Вот, в частности, два указания на социально-экономическую структуру ранне-мусульманского Мерва.

По словам Якуби, географа и историка IX в., «жители его (Мерва) — знатные (люди) из числа дехкан». Автор «Худуд ал-Алем» отметил: «В Мерве есть кухендиз, построил его Тахмурас, внутри его (шахра) находится много кешков, а он был местопребыванием царей».

Оба приведенных отрывка имеют в виду шахристан Мерва, остатки которого известны нам под именем городища Гяур-Кала, описанного и исследованного В. А. Жуковским.

В полном соответствии с шахристаном Бухары мы видим в мервском шахристане кешки и живущих в них дехканов.

Характерно, что это отмечается авторами IX и X вв.,

когда центром городской жизни был не только шахристан, но и рабад (городище Султан-Кала), в социальной и топографической структуре которого произошли значительные изменения.

Весьма интересными для изучения социальной структуры раннефеодального города Мавераннахра являются развалины древнего Пянджикента[1], лежащие вблизи современного районного центра Пянджикента (ТаджССР) в 1,5 км от него по дороге в селение Коштепа. Характерной чертой этого городища, состоящего из окруженного стеной шахристана, а также кухендиза, лежавшего сейчас же на запад вне шахристана, является полное отсутствие следов городской жизни позже VIII в.

Городище древнего Пянджикента с точки зрения археологического рельефа его поверхности представляет однородную картину; оно сплошь покрыто руинами построек с одинаково оплывшими контурами; это явно говорит о том, что город не замирал постепенно, а прекратил существование сразу, что произошло какое-то бедствие, решившее его судьбу.

Археологический рельеф шахристана Пянджикента целиком подтверждает ту картину, которую рисует нам Наршахи при описании бухарского шахристана.

Такова же, по сути дела, была социальная структура Самарканда, Термеза, Кеша, Несефа, Пайкенда, Арбинджана, Дабусии, Пянджикента, Бинкета, Ходжента и других больших и малых городов Средней Азии и в особенности Мавераннахра. Чтобы правильнее понять социально-экономическую жизнь шахристанов, следует остановиться, хотя бы вкратце, на их торговле и ремеслах.

4. ТОРГОВЛЯ И РЕМЕСЛА

Вэй Цзе, посол китайского императора Ян-ди (605—617 гг.), видевший Самарканд в начале VII в., пишет о занятиях его жителей следующее: «Люди царства Кан (Самарканд) — ловкие торговцы. Когда мальчик достигает пятилетнего возраста, его начинают обучать грамоте; когда он научится разбираться в книгах, его посылают изучать торговое дело; получать барыши считалось большинством жителей отличным делом». Слова Вэй Цзе, как бы они ни были преувеличены, говорят о наличии значительного в господствующем классе слоя купцов, которых в Самарканде и

[1] По данным Согдийско-таджикской археологической экспедиции.

Бухаре трудно было отделить по классовой их сущности от дехканской аристократии. О значении караванной торговли в жизни Самарканда того времени говорит и тот факт, что восточные ворота Самарканда уже в доарабское время назывались Китайскими (Син). Якуби рассказывает, что Кутейба ибн Муслим, взяв Самарканд, вошел через Кешские ворота, а вышел через Китайские.

У Табари имеется интересное упоминание о прибытии в 103 (721—722) г. 400 согдийских купцов с богатыми товарами из Китая. В знак протеста против политики насилия, проводимой Саидом ибн Амром ал-Хараши, они вместе с самаркандской знатью покинули Самарканд и переселились, как выше говорилось, в Фергану, где вследствие предательства царя почти все были перебиты.

Арабские и китайские источники согласно отмечают значительную роль торговли в жизни среднеазиатских городов, особенно в Мавераннахре и Семиречье. В этом отношении интересны сведения арабов о Пайкенде. Ибн ал-Факих и Табари (X в.) говорят о нем, как о «городе купцов». Якуби (IX в.) пишет: «Пайкенд — город известный, в нем смесь людей (народов)». По словам Наршахи, «жители Пайкенда были все купцами, вели торговлю с Китаем, а также морскую, и были чрезвычайно богаты». Город Пайкенд был прекрасно укреплен и назывался «Шахристан-и-руин», то есть «Медный город». Проведенные в 1913, 1914, 1939 и 1940 гг. археологические работы на территории его развалин дали богатый материал и подтвердили сведения о крепости его стен.

Табари, рассказывающий о взятии Кутейбой Пайкенда в 706 г., говорит об исключительно богатой добыче, захваченной там. В Пайкенде Кутейба взял огромное количество золотых и серебряных сосудов и идолов. После того, как их расплавили, получилось, по словам Табари, 150 тысяч мискалей (золотников); в другом варианте он называет цифру — 50 тысяч мискалей. Цифра эта, даже во втором варианте, возможно, преувеличена.

Как велики были размеры согдийской торговли с китайцами, а также каково было культурное влияние Китая на быт богатых классов городского населения, можно заключить из следующего свидетельства Табари. Когда Абудавуд Халид ибн Ибрахим по приказу Абумуслима в 752 г. захватил г. Кеш (Шахрисабз) и убил кешского правителя и его приближенных, он якобы захватил у них большое имущество — китайские сосуды, разукрашенные золотом, подобных которым он никогда не видел, китайские седла, разнообраз-

ные китайские шелковые ткани и другие товары. Все это *Абудавуд отправил в большом количестве Абумуслиму в Са*марканд.

Ту же картину богатства Табари рисует и в Самарканде при описании взятия Кутейбой этого города в 712 г., когда захваченное арабами золото и серебро составило в слитках 50 тысяч мискалей.

Арабов очень сильно поразили богатства самаркандских капищ. Здесь было много золотых и серебряных идолов, украшенных драгоценными каменьями. Один из арабских военачальников, упомянутый выше Саид ибн Абдулазиз, прозванный Хузейна, стал взимать харадж в жемчужных, золотых и *других драгоценных украшениях.*

В шахристанах Средней Азии того времени, особенно Согда, было развито искусство изготовления из золота и серебра изображений зверей, а также сосудов с изображениями. Так, в шахристане Бухары в доарабское время на базаре мастеров был человек, который из золота сделал двух серн и из серебра — зайца.

В 743 г. наместник Хорасана Наср ибн Сейяр (738—748 гг.) собрал дань для отправки халифу Валиду. Дань состояла из золотых и серебряных кувшинов, фигур газелей, львиных голов и других предметов.

В шахристанах и кухендизах (арк) той эпохи были сосредоточены большие сокровища, принадлежавшие дехканам и местным владетелям, а также и купцам. Сокровища эти стекались в руки представителей господствующего класса разными путями — в результате эксплуатации непосредственного производителя, грабительских набегов и войн, наконец, благодаря торговле. Нельзя, конечно, преувеличивать значения этой торговли. Чтобы понять ее подлинную роль, надо вникнуть в слова К. Маркса о том, что чем менее развито производство, тем больше денежное имущество концентрируется в руках купцов или тем более оно является специфической формой купеческого имущества[1].

Шахристаны, как мы видели выше, вели по преимуществу караванную торговлю, а также принимали участие в обмене между земледельческой полосой и кочевой степью. Что касается торгового обмена между шахристаном и сельской округой, то едва ли он в то время был велик.

Кто же занимался ремеслом в шахристанах? С глубокой древности большую роль в жизни восточных городов играли ремесленники. В классовом отношении они представляли

---

[1] К. *Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XIX. ч. I, стр. 298.

большую пестроту. Здесь были и свободные, и зависимые люди, и в значительном количестве рабы. Традиция выделки хлопчатобумажных и шелковых тканей в Бухаре, Самарканде и других городах Согда очень стара. В этом отношении весьма ценны ткани, вернее, их фрагменты, найденные среди других памятников материальной культуры в 1933 г. во время раскопок в замке на горе Муг, а также письменные документы на коже, бумаге и палках конца VII и начала VIII вв. Изучение тканей показывает, что часть их относится к китайским, а другая часть, по-видимому, местного происхождения. Об изготовлении изделий из золота и серебра уже говорилось выше. По-видимому, во многих шахристанах ремесленников-ювелиров было немало, и ювелирные изделия того времени отличались большой тонкостью работы.

О наличии гончарных мастерских в домусульманский период говорят находки гончарных печей и керамического брака в ряде шахристанов Средней Азии, в том числе и на Афрасиабе. Как, однако, ни были значительны успехи ремесел в Средней Азии, в частности в Согде, все же они не *занимали в хозяйственной жизни шахристана того центрального* места, какое им принадлежало в период дальнейшего развития и окончательного формирования в Средней Азии феодального города, когда ремесла наложили свой отпечаток даже на его топографическую структуру. Первоначальные раннефеодальные города — шахристаны, отличавшиеся небольшими размерами, не могли поместить внутри себя ремесленное производство; только при дальнейшем расширении феодальных городов, за счет окрестных рабадов, ремесленное производство занимает виднейшее место в топографической структуре собственно феодального города, что наблюдается, начиная с IX—X вв. и в течение всего последующего периода существования феодализма.

Наршахи, описывая шахристан Бухары, ничего не говорит о том, что внутри его стен, близко к центру, были базарные лавки или кварталы ремесленников. Он упоминает о базарах и соответствующих видах ремесел лишь на окраинах шахристана, не только внутри стен, но и сейчас же за его стенами. Намечая границы квартала, принадлежащего *дехкану Хына, Наршахи называет базар, где были* «Чуба-и-бакалан» (деревянные бакалейные лавки), и базар «Пистешиканан» (раскалыватели фисташек). Оба эти базарные квартала, как видно из текста Наршахи, находились у самой стены шахристана. В южной стене, среди этих базаров, как указывает Наршахи, находились «ворота базара», впоследствии названные «воротами аттаран». Название «ворота

базара» они получили потому, что базар тянулся на юг и доходил до места, где в доарабское время продавали идолов. Ту же картину можно проследить и в других среднеазиатских шахристанах, например, в Мерве.

«Что касается базаров, — пишет о Мерве Истахри, — то в древности они были у ворот медины (шахристана), сбоку от старой мечети, а в дни правления Абумуслима перенесены на канал Маджан». Это сообщение Истахри, подтвержденное и другими источниками, ясно указывает на то, что мервский базар помещался внутри и снаружи западной стены шахристана (городище Гяур-Кала), то есть на краю города, у ворот шахристана, доходя, по другим данным, до канала Разик. Характерно истолкование первоначального смысла слова «базар». Как указывает В. В. Бартольд, слово это обозначает «дело у ворот».

В условиях средневековья, от первых этапов развития феодализма и до его распада, базар был местом, где не только торговали, но и производили ремесленные изделия. Самый факт существования базара на окраине шахристана в шахристанский, то есть раннефеодальный, период городской жизни в Мавераннахре говорит о малом развитии ремесла, о малой степени отделения города от деревни.

* * *

Подведем некоторые итоги тому, что собой представляли города Согда в период, когда там были шахристаны. Вместе с цитаделью (кухендиз, арк) шахристан — прежде всего укрепленная резиденция местного владетеля. Среднеазиатские владения в доарабский период были невелики, поэтому даже наиболее сильные и богатые владетели считали для себя удобным иметь свой укрепленный дворец внутри стен шахристана, под их защитой.

Первоначальное значение иранского термина «шахристан» — «место, где находится власть», а арабского «медина» — «место, где творится суд», — целиком подтверждает характеристику самой важной черты шахристана, как поселения раннего типа в новом феодальном обществе. Будучи укрепленным политическим центром, шахристан вместе с тем был и торгово-ремесленным центром, однако отделение города от деревни было еще не настолько велико, чтобы ремесленно-промышленная деятельность полностью сделалась производственной основой существования среднеазиатских городов. Арабы, как мы видели выше, застали шахристан в

тот период его развития, когда указанная ремесленно-промышленная деятельность в основном находила себе место за его стенами. Повсюду вырастали особые предместья — пригороды, охватывая иногда шахристан кольцом, но чаще располагаясь, с трех или двух его сторон. Арабская географическая литература применяла к этим ремесленно-торговым предместьям термин «рабад». Эти рабады были тесно связаны, с одной стороны, с жизнью окрестных земледельческих поселений и с кочевой периферией, с другой стороны, они были неотделимы от внутреннего города. Прочные стены шахристана и арка, как будто изолирующие ремесленно-производственные поместья — рабады от внутренней жизни шахристана, возводились с целью защиты от нападений в период феодальных войн и антифеодальных движений.

ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА (IX—XIX ВВ.)

ГЛАВА V

ФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА IX—X вв.

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ТАХИРИДОВ И САМАНИДОВ

Беспрерывные народные движения, потрясавшие основу самого халифата, ослабили его и создали необходимые условия для участия местной феодальной аристократии в высших органах государственной власти. Местная знать постепенно захватывает в свои руки власть не только в среднеазиатских и хорасанских провинциях, но и играет все большую роль в центральном управлении. Еще в первые десятилетия правления Аббасидов, почти на протяжении пятидесяти лет, в государственном управлении видные посты *были заняты Бармакидами, вышедшими из Балха.* Вынужденные допустить местную аристократию к государственному управлению, аббасидские халифы в то же время боялись активной ее роли. Поэтому халиф Харун ар-Рашид (786—809 гг.) наносит сокрушительный удар семейству Бармакидов, перебив даже самых близких себе людей. Однако на место изгнанных Бармакидов к власти приходят Тахириды. Последние принадлежали к крупной землевладельческой знати Хорасана. Ближайшие предки Тахира ибн Хусейна, основателя тахиридской династии, были родом из Бушенга, города Гератской области. Во время борьбы Мамуна с Амином (сыновья Харуна ар-Рашида), происходившей в 809—813 гг., Тахир встал на сторону Мамуна и помог ему в захвате как Багдада, так и халифского престола.

Вот почему, когда Мамун в 813 г. стал халифом, Тахир ибн Хусейн пошел быстро в гору и сделался одним из самых

могущественных людей халифата. Он стал не только наместником Джезиры (северной части Месопотамской долины), но также военачальником Багдада и начальником ведомства по управлению всеми натуральными повинностями в Ираке (южной части Месопотамии). В 821 г. он был назначен наместником Хорасана, причем в состав хорасанского наместничества, согласно установившейся традиции, входил и Мавераннахр.

Своей резиденцией Тахир ибн Хусейн вскоре избрал Нишапур, с чем был связан быстрый рост этого города.

Тахир ибн Хусейн явно хотел превратить свое обширное наместничество в самостоятельное государство. Не прошло и года после его назначения, как могущественный наместник предложил исключить из хутбы во время пятничной молитвы в соборной мечети упоминание имени халифа, что было равносильно прокламированию открытого мятежа. Вскоре, *однако, Тахир ибн Хусейн неожиданно умер, причем стали* говорить, что он был тайно отравлен халифом, не доверявшим своему могущественному помощнику и следившим за каждым его шагом. Таким образом, задуманное Тахиром в 822 г. отпадение Хорасана и Мавераннахра не произошло. Мамун не последовал, однако, примеру своего отца Харуна ар-Рашида, разгромившего всю семью Бармакидов, не тронул остальных Тахиридов и передал наместничество Абуль-аббасу Абдулле — сыну Тахира ибн Хусейна, положив этим начало как бы наследственному праву тахиридского дома на хорасанское наместничество.

Абдуллу, номинально числившегося наместником Хорасана, фактически замещал его брат Тальха; благодаря деятельности Тальхи (822—828 гг.), и особенно самого Абдуллы, занимавшего эту должность в 830 г. до своей смерти в 844 г., хорасанское наместничество фактически превратилось в вассальное халифу, но почти независимое государство. Этому способствовали непрерывные народные восстания в Хорасане и Средней Азии, расшатывавшие власть арабов. Халифат начал искать надежных лиц из среды местной знати, — опытных в политическом управлении, — на которых можно было бы опереться и вручить им власть над восточными областями. Такую именно власть и получили Тахириды, а затем Саманиды, проявившие при подавлении восстания соотечественников свою верность халифату.

Абдулла ибн Тахир, не чуждый попыткам оградить крестьян от злоупотреблений алчных чиновников, с целью нормального получения от них налогов в казну, не ослаблял ни налогов, ни повинностей, взимавшихся с крестьян. Более

того, как доказал В. В. Бартольд в своей статье «Из истории крестьянских движений в Персии», он активно подавлял крестьянские движения, направленные против крупных землевладельцев.

Саманиды, в качестве наместников, подчиненных Тахиридам, выдвинулись еще при основателе тахиридской династии Тахире ибн Хусейне. Саман, предок Саманидов, таджикский феодал из области Балха[1] обратил на себя внимание Мамуна еще в Мерве, где тот был тогда наместником. Саман под влиянием Мамуна расстался с зороастризмом и принял ислам. Тогда же выдвинулся и сын Самана Асад, к которому Мамун также благоволил. У Асада было четыре сына — Нух, Ахмед, Яхья и Ильяс. По указаниям Мамуна Саманиды были назначены на должность наместника в отдельные города и области Мавераннахра. Нуху он отдал Самарканд, Ахмеду — Фергану, Яхье — Шаш и Усрушану. По данным Ибн ал-Асира, назначение состоялось в 820 г. В 821 г. на должность хорасанского наместника был назначен Тахир ибн Хусейн.

Тахир хорошо знал и поддерживал сыновей Асада, и одним из первых его действий в качестве хорасанского наместника было подтверждение пожалования Саманидам наместничеств в Самарканде, Фергане и Шаше.

Одно время положение братьев, особенно Ахмеда ибн Асада, пошатнулось. В Фергане и Усрушане произошло восстание против халифата, причем Ахмеду пришлось даже покинуть свое наместничество. Лишь после подавления восстания сыном Тахира — Тальхой — он вернулся в Фергану на свой пост, на этот раз прочно и надолго. Правили братья Нух — в Самарканде с 819/820 г. по 841/842 г.; Ахмед — в Фергане с 819/820 г. по 864/865 г.; Яхья — в Шаше и Усрушане с 819/820 г. по 855/856 г.

Назначение на пост наместника области рассматривалось тогда как пожалование. На полученные в управление области уже первые Саманиды смотрели как на свои владения.

Саманиды, как наместники второго ранга, имели право чеканить только медную монету (фельсы), в то время как Тахириды чеканили серебряную монету (дирхемы). Насколько богаты были области, попавшие в управление Саманидам, видно из характеристики налогового обложения, которую дает известный арабский географ IX в. Ибн Хордадбех. Область (амал) Нуха ибн Асада составляла лишь часть Согда, правда, очень значительную. В целом Согд выплачивал

[1] По некоторым данным — из крупных феодалов в окрестностях Самарканда.

в казну халифа через Тахиридов 326 тысяч мухаммедийских дирхемов. Фергана через Ахмеда ибн Асада вносила в казну халифата 280 тысяч дирхемов, также мухаммедийских. Что же касается владений Яхьи ибн Асада, то Шаш выплачивал 607 тысяч мусейябских дирхемов, а Усрушана — 50 тысяч дирхемов, из них 48 тысяч мухаммедийских и 2 тысячи мусейябских[1]. Такие крупные налоги могли вносить, конечно, лишь очень богатые области. Экономическому состоянию соответствовал и политический авторитет Мавераннахра, а также его военный потенциал. В качестве иллюстрации приводим весьма показательную переписку между халифом Мутасимом (833—842 гг.), Абдулла ибн Тахиром и Нухом ибн Асадом.

Мутасим написал однажды, как рассказывают Истахри и Ибн Хаукаль, весьма резкое, угрожающее письмо Абдулла ибн Тахиру, ставя тому на вид его независимую политику. Абдулла переслал это письмо самаркандскому наместнику. Нух ибн Асад прислал ему ответ, в котором указывал, что в Мавераннахре имеется 300 000 селений, и что каждое может поставить по одному конному и по одному пешему воину. Этим подчеркивалось, что Абдулла ибн Тахиру нечего бояться Мутасима, так как один только Мавераннахр сможет поставить 600 000 всадников и пехотинцев (цифра, конечно, преувеличена).

Северные пограничные области современного Узбекистана в то время были населены кочевыми в основном тюркскими племенами, которые постепенно просачивались в оазисы Мавераннахра и жили общей жизнью с согдийцами, хорезмийцами, ферганцами и др. Большинство этих степных скотоводов было связано с оазисами Южного Казахстана и имело свои города на среднем и нижнем течении Сырдарьи.

В первой половине IX в. тюркская кочевая степь весьма сильно напирала на оседлое население культурных областей Средней Азии. Поэтому в 30-х годах IX в. Абдулла ибн Тахир вынужден был выстроить для обороны против тюрков-огузов укрепленные рабаты — Фараву (вблизи современного Кызыл-Арвата) и Дихистан (Мешхед-и-Мисриян). Тогда же Абдулла ибн Тахир отправил в поход против тюрков-огузов своего сына Тахира.

В то время еще действовала против тюрков-кочевников

---

[1] Дирхемы мухамеди, мусеяби, гитрифи — различные виды монет, чеканившихся по типу монет бухар-худатов и находившихся в обращении до XIII в. включительно.

хорошо укрепленная система стен, окружавших богатый и культурный бухарский оазис, включавший в себя немало городов и селений[1]. Система стен представляла собой сложный комплекс укреплений, в который входили, кроме самой стены, еще и рабаты, укрепленные, в свою очередь, стенами и башнями, целые города-крепости, например, город Тававис, укрепления, защищавшие головы арыков, бравших воду из Зарафшана и орошавших селения и города Бухарского вилайета.

Защитой против кочевников служила и огромная стена (также представлявшая целый комплекс укреплений), окружавшая Самарканд и его окрестности[2]. Грандиозные оборонительные стены защищали с севера область Усрушаны, заграждали с запада проход в Ферганскую долину, окружали оседлые оазисы Чирчика и Ангрена.

Тюрки-кочевники особенно наседали в первой половине IX в. в районе Шаша (Чач), который, как мы видели выше, был передан Яхье ибн Асаду. Не без просьбы со стороны последнего и не без его участия Нух ибн Асад организовал в 840 г. большой поход против тюркского владетеля Исфиджаба. Поход кончился победой Нуха. По словам Белазури, Нух ибн Асад приказал тогда же выстроить в Исфиджабе большую укрепленную стену, которая охраняла бы поля, виноградники, сады, селения и города от набегов кочевников. В стене этой нуждался сам Яхья ибн Асад, так как границы его владений (Шаш) близко подходили к Исфиджабу.

Нух ибн Асад умер в 841 г., вскоре после своего победоносного похода против исфиджабского владетеля. По распоряжению Абдулла ибн Тахира, Самаркандским вилайетом одно время управляли совместно братья Ахмед и Яхья. Источники не оставили нам точных данных, как долго продолжалось их совместное управление Самаркандом и его областью. Во всяком случае, еще до смерти Яхьи ибн Асада, то есть до 856 г., наместником Самарканда стал сын Ахмеда — Наср. *Влияние дома Ахмеда сразу возросло в Мавераннахре.* Теперь он, в качестве отца правителя, получил широкую возможность вмешиваться в дела Согда. Когда в 856 г. умер Яхья ибн Асад, Ахмед прибрал к рукам также и его наместничество — Шаш и Усрушану, передав эти области своему сыну Якубу.

Таким образом, в середине IX в. главные области Маве-

---

[1] Остатки этой стены сохранились до настоящего времени и известны в народе под именем Канпыр-Девор.

[2] Остатки ее известны и в настоящее время под именем Дивари-Кыямат, т. е. стены Страшного суда.

раннахра, за исключением Бухарского вилайета, долин Кашкадарьи и Чаганруда (ныне Сурхандарья), вошли в сферу влияния Ахмеда и его сыновей. Этому частичному объединению не мешал Тахир ибн Абдулла (844—862 гг.), который, с одной стороны, не понимал, к чему оно может привести, а с другой, и не имел такой большой власти над Саманидами, какую имели его отец и дед.

Падение тахиридской династии, уничтоженной в 873 г. *основателем династии Саффаридов Якубом ибн Лайсом*, резко изменило положение Саманидов в выгодную для них сторону. Распространить свою власть на Мавераннахр Саффаридам не удалось. Поэтому после 873 г. фактически предоставленные самим себе Саманиды решили использовать этот удобный момент для объединения Мавераннахра в единое прочное государство. Объединению содействовало и явное сочувствие этому делу со стороны горожан и крестьян, видевших в создании единого государства возможность организации такой военной силы, которая смогла бы устоять против внешних врагов, и, прежде всего, оказать более решительное сопротивление опустошительным набегам кочевников, чем оборонительные укрепленные стены, так дорого обходившиеся населению. Стены и укрепления необходимо было содержать в полном боевом порядке, причем все это делалось за счет натуральных повинностей земледельцев. Кроме того, отсутствие единой центральной власти способствовало внутренним смутам в среде господствующего землевладельческого класса, о чем ниже еще придется говорить.

После смерти Ахмеда в 865 г. место главы Саманидов занял его сын Наср (865—892 гг.). Перед ним стояли две большие задачи. Прежде всего надо было ослабить нажим кочевников. Для этой цели Наср организовал поход в Шавгар, город, находившийся вблизи современного Туркестана, и сам повел свое большое войско против тюрков-кочевников. Еще более важной стоявшей перед Насром задачей являлась борьба за Бухарский вилайет и область городов Нахшеба и Кеша (долина Кашкадарьи).

В 874 г. Бухарой овладел Хусейн ибн Тахир, брат последнего хорасанского правителя Мухаммеда ибн Тахира. Хусейн появился в Бухаре во главе хорезмийского отряда, грабившего и убивавшего мирное население. Да и сам Хусейн оказался не лучше своих воинов. Объявив себя бухарским правителем, он, однако, чувствовал, что его власть недолговечна, и торопился скорее собрать всю подать с Бухары и ее области. Получив подать в имевшей тогда хождение неполноцен-

ной монете, так называемых дирхемах гитрифи, Хусейн заставил жителей Бухары обменять собранные деньги на настоящие серебряные дирхемы, чем и вызвал в населении бурю недовольства. И без того уже возмущенный бесчинствами войск Хусейна, народ восстал против алчного правителя, захватил ночью его дворец и разграбил его. Верхние слои городского общества поспешили направить депутацию к Насру ибн Ахмеду в Самарканд с просьбой прислать правителя из саманидского дома. Такое предложение не могло не обрадовать Насра, так как оно без особого труда решало вопрос о полном объединении Мавераннахра под властью Саманидов. В качестве наместника Наср направил в Бухару своего младшего брата — Исмаила ибн Ахмеда. Окрестные крестьяне видели до сих пор со стороны наместников столько злоупотреблений и насилий, что ничего хорошего не ждали и от Исмаила (874—907 гг.). Когда Исмаил во второй свой приезд, по-видимому, в 875 г., подъезжал к Бухаре, он имел возможность убедиться, насколько было неспокойно в окрестных селениях. По словам Наршахи, который, как типичный феодальный историк, резко порицал народ за его выступления против землевладельческой аристократии, между Баркетом и Рамитаном собралось 4 тысячи восставших крестьян, так что одним из первых мероприятий Исмаила, как правителя, была борьба с крестьянским восстанием. Наршахи не скрывает, что Исмаил для подавления народного движения должен был искать помощи у землевладельческой знати и военачальников. Только благодаря их содействию он смог силой покончить с недовольством крестьян, видевших, что от него они не получат облегчения ни налогового бремени, ни тех натуральных повинностей, которые они несли.

Наср ибн Ахмед рассматривал себя в эти годы как главу всего Мавераннахра, в связи с чем и начал чеканить серебряные дирхемы, что прежде было прерогативой лишь Тахиридов. Наиболее ранним из саманидских дирхемов считается дирхем, битый в 887 г. в Самарканде, образец которого хранится в Музее истории в Ташкенте. Был ли это первый дирхем с именем Насра ибн Ахмеда, или Наср это право осуществлял уже и раньше, — сказать сейчас, за отсутствием данных, нельзя.

Наср рассматривал Исмаила ибн Ахмеда лишь как своего наместника, которого мог в любой момент сместить. Он не предвидел в брате энергичного, честолюбивого соперника, обладающего не только талантом правителя, но и умением обращаться с людьми.

Исмаил явно не желал подчиняться Насру и стремился к максимальной независимости. Это нашло выражение, прежде всего, в том, что он под разными предлогами уклонялся от выплаты Самарканду, в казну Насра, налогов и податей. Между братьями началась вражда, которая привели к битве 888 г. Войско Насра было разбито, и с этого года начинается фактическая власть Исмаила над всем Мавераннахром.

Наср последние 4 года своей жизни провел в Самарканде, считался главой саманидского дома, пользовался почетом, но власти не имел. Умер он в 893 г.

Выше мы видели, что первые Саманиды уделяли большое внимание северо-востоку, степям кочевников: укрепляли стены, ходили против кочевников в походы. В 893 г. отправился в поход на кочевников и Исмаил. Он овладел Таразом и захватил в плен тюркского хана вместе с 10 тысячами его воинов и слуг. Добыча Исмаила была настолько велика, что доля всадника равнялась 10 тысячам дирхемов. Тогда же Исмаил обратил христианский храм в Таразе в мечеть. Это был последний большой поход при Саманидах против кочевой степи. В Иране в 90-х годах IX в. произошли события, которые круто изменили всю внешнюю политику Исмаила, ориентируя ее вместо севера на юго-запад.

Современником Исмаила был Саффарид Амр ибн Лайс (879—900 гг.), брат Якуба ибн Лайса, правивший в Хорасане. О нем известно, что это был энергичный и сильный правитель, которого халиф боялся и всячески стремился ослабить, если не силой, так излюбленными в Багдаде средствами вероломной политики. Халиф стремился столкнуть Амра ибн Лайса с Исмаилом Самани, рассчитывая сыграть на их соперничестве и на явном честолюбии второго. Военное столкновение произошло в 900 г. и закончилось победой Исмаила. Но халиф просчитался, предполагая, что враги взаимно себя ослабят, а он выиграет в качестве третьей силы. На самом же деле саманидское государство в результате столкновения выросло и окрепло, причем Исмаил прибрал к своим рукам все наследство, оставленное Саффаридами; таким образом, он значительно расширил свои владения, присоединив к ним огромные области, отошедшие от Восточного Ирана.

К началу X в. Исмаил уже имел возможность заняться в своем, теперь уже обширном государстве организацией центрального аппарата власти и созданием большого и хорошо вооруженного войска. Особое внимание он уделил организации гвардии из тюркских гулямов.

Укрепление центральной власти и организация могуще-

ственного войска привели его к решению прекратить не только постройку укрепленных стен против кочевников, но и заботу о поддержании существующих. По свидетельству Наршахи, Исмаил будто бы сказал: «Я — стена Бухары», имея в виду свое сильное войско. Саманидам кочевники теперь не были страшны. Известно, что ни при Исмаиле, ни при его преемниках, вплоть до 90-х годов X в., кочевники не тревожили саманидского государства. Исмаил Самани и его преемники получили теперь возможность все свое внимание сосредоточить на внутренних делах своих обширных владений в Мавераннахре и Иране.

Как государственный деятель Исмаил отличался большими способностями. На свою сторону он привлек основную часть феодальной знати и те круги, которые стояли за создание крупного феодального государства. С их помощью он создал государство, которое являлось одним из крупнейших государств тогдашнего Востока. Исмаил и его первые преемники, как отметил В. В. Бартольд, имели «стройную государственную организацию». Однако Саманиды, и в том числе сам Исмаил, не могли ликвидировать социальных противоречий, которые подтачивали самую основу этого, на первый взгляд могущественного, государства. Суровая эксплуатация феодалами крестьян и ремесленников вызывала постоянное недовольство и являлась причиной открытых восстаний. Политика Саманидов в области централизации власти наталкивалась на противодействия местных правителей и феодалов. Несмотря на ожесточенную борьбу, Саманиды не смогли распространить полностью свою власть на феодальные владения в окраинных частях государства (на территории современного Афганистана, в горных районах Таджикистана, в Хорезме и т. д.). Правители этих областей, хотя и признавали номинально центральную власть, однако правили своими областями почти самостоятельно. Они взимали с населения областей подати в свою пользу, а в столицу Саманидов отправляли только подарки. Глава местных дехканов в Тункете (Илакской области) при Саманидах не обладал политической властью, однако благодаря обширным земельным владениям он имел сильное влияние на дела государства. Макдиси называет его «сильным дехканом». Ненадежна была и тюркская гвардия Саманидов.

Государственная система Саманидов просуществовала около ста лет, хотя, как правильно отмечает академик В. В. Бартольд, «среди представителей династии после Исмаила не было ни одного, в котором мы по историческим известиям должны бы были признать выдающиеся дарования».

Главная причина успеха Исмаила заключалась в том, что он опирался на те круги, которые искали пути освобождения страны от иноземного ига и вели борьбу за интересы местных феодалов. Уже первый преемник Исмаила, его сын Ахмед (907—914 гг.), способствовавший восстановлению арабского языка в государственном аппарате, покровительствовавший чиновникам, знающим арабский язык, вызвал недовольство среди придворных кругов и, прежде всего, среди тюркской гвардии; он был убит своими гулямами. На престол был возведен восьмилетний сын Ахмеда Наср II (914—943 гг.), фактическое же руководство государством взял на себя везир Абуабдулла Мухаммед ибн Ахмед Джайхани, на что имелось согласие дергаха (двора).

Еще со времени правления Ахмеда ибн Исмаила во многих областях саманидского государства вспыхивали мятежи, которые особенно усилились в связи с убийством Ахмеда. Так, в Самарканде, еще при Ахмеде, брат Исмаила Исхак ибн Ахмед поднял восстание, которое было жестоко подавлено. Ахмеду пришлось подавить мятеж правителей Рея и Сеистана. Хотя Джайхани старался установить в стране порядок, однако, он не смог устранить недовольство народных масс и умиротворить мятежно настроенных феодалов. Ему пришлось подавить восстание Абусалиха Мансура ибн Исхака в Самарканде. Восстание вспыхнуло в конце 914 г. Еще более крупный мятеж возник в южных областях государства. Во главе этого движения находился Хусейн ибн Али Мервези (по другим данным, Мерверуди), являвшийся крупным и верным военачальником при Ахмеде ибн Исмаиле. Мервези, по-видимому, широко использовал недовольство народных масс, что отмечено было еще В. В. Бартольдом в его работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Это движение принимает форму карматской ереси. На принадлежность Мервези к этому течению указывает и Низамульмульк. Против восставших были посланы войска во главе с крупным дехканом Ахмедом ибн Сахлем; в 918 г. Мервези был взят в плен.

Подавление этого движения не могло ликвидировать опасности для саманидского государства. На путь Хусейна Мервези стал крупнейший феодал Ахмед, только что выступавший в защиту центрального государства. Восстание Ахмеда, не имевшее, по-видимому, серьезного успеха, было подавлено в конце 919 г. Восточные области саманидского государства были также неспокойными. В 922 г. был поднят мятеж, во главе которого стоял Ильяс ибн Исхак. Хотя Саманидам удалось быстро подавить это движение, однако

Ильяс еще долго вел борьбу с ними сначала с помощью Шаша, а затем с помощью правителя Кашгара.

Карматство — социальное движение, принявшее оболочку религиозной секты, — возникло в IX в. на почве антифеодального движения крестьян и кочевников Месопотамии. Учение карматов, пропагандировавшее возрождение традиций прошлого против усиливавшейся феодализации и направленное против ортодоксального ислама, распространилось и в других странах халифата. К нему примкнули как народные массы, среди которых, вероятно, была популярна идея восстановления сельской общины, так и некоторые круги образованной части городского общества. Учение карматов не было, однако, последовательным: карматы мирились с рабством, считая его нормальным явлением. Движение распалось в конце X — начале XI в.

Большую роль в карматском движении играли тайные агенты египетских Фатимидов, пробравшиеся в пределы государства Саманидов и пытавшиеся использовать борьбу народных масс в своих интересах. При Насре II в Хорасане и в Мавераннахре карматская пропаганда распространяется еще сильнее. Дело дошло до того, что карматскими идеями были охвачены наиболее видные чиновники саманидского государства, даже сам Наср II принял карматское учение. Это видно из того факта, что Наср II в конце своего правления по просьбе руководителя карматского движения в Мавераннахре, Мухаммеда ибн Ахмеда Нахшаби (Насафи) согласился уплатить фатимидскому халифу Каиму (934—946 гг.) 119 тысяч динаров в качестве возмездия за смерть погибшего в бухарской тюрьме предшественника Мухаммеда, крупного руководителя карматского движения в Хорасане Хусейна ибн Али Мервези, действовавшего по указанию Фатимидов.

Действия саманидского эмира в пользу карматов вызвали серьезное недовольство среди официального мусульманского духовенства и верхушки тюркской гвардии. Ими был подготовлен заговор против эмира. Хотя этот заговор был раскрыт, однако Наср II вынужден был отречься от престола в пользу своего сына Нуха. Последний вел решительную борьбу с карматством. Он приказал заковать своего отца Насра II и посадить в крепость. Нахшаби был повешен на площади в Бухаре. В стране началось избиение последователей карматского учения и конфискация их имущества. Однако Нух не мог уничтожить карматство, оно еще существовало долго как в Мавераннахре, так и в Хорасане.

Со времени правления Нуха ибн Насра (943—954 гг.)

появляются явные признаки упадка саманидского государства. Еще в 942 г. казна саманидского государства была основательно разграблена. В государстве создается тяжелое финансовое положение. Опора государства — гвардия — не получала долгое время жалованья, что вызвало серьезное недовольство. Вследствие тяжелого финансового положения, в период правления Нуха увеличиваются подати и налоги. Саманидское правительство прибегает к разным мерам преждевременного сбора податей и налогов с населения. *Академик В. В. Бартольд приводит рассказ Макдиси о том,* что «в царствование Нуха однажды были взяты подати вперед за год в виде займа, который никогда не был уплачен правительством». В исторической литературе указывается на недовольство населения по поводу действий финансовых чиновников, которые требовали от населения недоимки, тогда как оно не в состоянии было уплачивать текущие налоги.

Нух, стоявший на стороне мусульманского духовенства, назначил на пост везира представителя реакционного духовенства Абулфазла Мухаммеда ибн Мухаммеда ас-Сулами, который занимался только религиозными делами и совершенно не интересовался управлением государства. Недовольство широких слоев трудового населения, вызванное увеличением налогов и варварскими методами их взимания, тяжелое финансовое положение государства, недовольство среди войск и неспособность правительства облегчить создавшееся положение привели государство в состояние упадка. В стране с новой силой поднимаются мятежи. Дело дошло до того, что в 947 г. прибывший из Месопотамии дядя Нуха Ибрагим ибн Ахмед, с помощью восставшего против Нуха хорасанского наместника Абу Али Чагани захватил, хотя не надолго, бухарский престол. Нух, оставленный недовольным войском, вынужден был удалиться в Самарканд. Только после ухода Абу Али из Бухары Нуху удалось вернуться на трон и наказать мятежных родственников. Но борьба между центральной властью и Абу Али Чагани продолжается не только до смерти Нуха в 954 г., но и при его преемнике и сыне Абдулмелике (954—961 гг.), хотя на протяжении этого времени между Нухом и Абу Али состоялось *соглашение о мире (причем Нух вынужден был пойти* на уступки).

Следует отметить, что во время правления Абдулмелика сильно возрастает роль тюркских военачальников. Управление государством переходит в руки представителей тюркской гвардии. Абдулмелик, власть которого была почти номинальной, пытается отстранить назначенного им

самим на должность великого ходжиба тюркского военачальника Алп-тегина. Однако эта попытка принесла ему мало пользы.

Еще более усиливается борьба за престол Саманидов после смерти Абдулмелика. Происходит восстание населения Бухары, причем восставшие разграбили и подожгли дворец эмира. В ходе борьбы за трон значительно было ослаблено влияние Алп-тегина. Это видно из того факта, что возведенный на эмирский трон, по настоянию Алп-тегина, сын покойного Абдулмелика Наср III через день был низложен. Вследствие этой борьбы Алп-тегин вынужден был удалиться в Газну, где он основал самостоятельное государство. После смерти Алп-тегина в 963 г. власть Саманидов в Газне была восстановлена, однако она носила номинальный характер.

В последующие десятилетия правления Саманидов сила государственной власти еще более ослабевает, усиливается дворцовая борьба, нарастает сопротивление непокорных *правителей в областях. Многие области саманидского госу*дарства, особенно на юге от Амударьи, превращаются в самостоятельные владения. Доходы центрального государства все более сокращаются. Академик В. В. Бартольд привел характерные данные. «Последние везиры, по словам Утби, уже не могли восстановить порядка. Области большей частью находились во власти мятежников, доходы правительства сократились, воины осмеливались притеснять население; господство перешло в руки тюрков, и решения везиров потеряли силу». И действительно, при таком положении государство Саманидов уже не могло противостоять нападениям извне.

2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛЯ В МАВЕРАННАХРЕ В IX—X вв.

При Тахиридах, и особенно при Саманидах, основные вилайеты Мавераннахра, в первую очередь долина Зарафшана, принадлежали в хозяйственном отношении к передовым для своего времени областям не только Средней, но и Передней Азии. Все усиливающийся товарооборот между городом и деревней, с одной стороны, между сельскими земледельческими районами и кочевой степью — с другой, а также рост караванной торговли стимулировали развитие сельского хозяйства, горного дела и ремесел. Среди других мусульманских феодальных стран Мавераннахр в экономическом отношении стоял на одном из самых первых мест.

В IX в. Мавераннахр в целом являлся страной сельско-

хозяйственной. Ремесленное производство тоже было развито, но ремесленники, даже в городах, по-видимому, еще не совсем порвали с работой в поле и, во всяком случае, — в саду, на огороде и бахче.

Географическая литература IX—X вв. содержит в себе почти исчерпывающие данные о сельскохозяйственных культурах, которые выращивались в Мавераннахре. В долинах Зарафшана, Кашкадарьи, в Фергане, Илаке, Шаше, Хорезме — повсюду, где сельское хозяйство велось на базе искусственного орошения, земледельцы возделывали пшеницу, ячмень, рис, просо, хлопок и др. Кроме поливных земель, в хозяйстве немалое место занимали богарные земли. В этом отношении очень интересен рустак Абгар около Самарканда. По словам Ибн Хаукаля, «что касается Абгара, то земли в нем орошаются дождем, селения его (Абгара) более цветущи и многочисленны населением, чем у остальных рустаков Самарканда. Богатство его жителей — в скоте и зерне. Дошло до меня, что одна мера зерна приносит сто мер и больше». У географов часто упоминаются бобовые растения — адас (чечевица), нухуд (горох) и мульк (род мелкого маша).

Значительное место в сельском хозяйстве в ряде районов, в том числе и на Зарафшане, занимал хлопок. Сорта хлопчатника тогда, по-видимому, были другие; некоторые из них отличались очень тонким волокном. Как и теперь, много засевали люцерны. Знали согдийцы, по словам арабских географов, и культуру льна, конопли и пеньки.

Из семян льна и конопли делали масло. В Хорезме широко была распространена, как и теперь, культура сезама, или кунжута, из семян которого также делали масло. Упоминание географами большого количества плодов и плодовых деревьев свидетельствует о высоком уровне садоводства в X в. Широко распространены были персики, урюк, груши, яблоки, гранаты, инжир, айва, вишня и слива, а также виноград, которого насчитывали несколько десятков сортов. Отличались Мавераннахр и Хорезм также обилием овощей и дынь, которые считались лучшими во всем тогдашнем мире. Приведенный перечень не исчерпывает всего того, что возделывалось в Мавераннахре при Саманидах, однако и перечисленного достаточно, чтобы представить себе в главных чертах специфику сельского хозяйства, базирующегося на искусственном орошении. Истахри, описывая долину Зарафшана, восторгается ее плодородием. Особенно он поражен был сплошным ковром зелени, которым покрыта долина реки в Бухарской области.

Макдиси упоминает также о бухарском мясе и об особенном сорте бухарских дынь, которые славятся и до наших дней.

Кроме земледелия и садоводства, в хозяйственной деятельности населения Мавераннахра большое место занимали ремесла. В ремесленном производстве занято было большое количество людей не только в городах, но и во многих селениях. Так, в селении Зандана выделывали бумажную ткань, которая пользовалась широкой популярностью далеко за пределами Мавераннахра. По словам Наршахи, «материю эту вывозят во все вилайеты: Иран, Фарс, Хиндустан и другие». В селении Искиджкет жители наряду с земледелием в значительной мере занимались также ремеслами и торговлей. Из Искиджкета вывозились в большом количестве хлопчатобумажные ткани. Та же картина наблюдалась и в других селениях Бухарской области.

Макдиси в своем труде приводит списки товаров, вывозимых из разных городов Средней Азии и Ирана. Перечень товаров, вывозимых из Мавераннахра и Хорезма, наряду с теми данными, которые можно извлечь из соответствующих памятников материальной культуры и искусства, *позволяет составить ясное представление о характере* ремесел и торговли в главных городах и селениях в X в.

По словам Макдиси, из Бухары вывозились овечья шерсть, жир, масло для смазывания волос, мягкие ткани, молитвенные коврики, ковры, ткани для застилки полов в гостиницах, ушмуиские ткани, конские седла и табаристанские материи. Уже один этот перечень указывает, что в торговле на бухарских рынках большую роль играли произведения ткацкой промышленности как хлопчатобумажной, так и шерстяной. Ниже мы встретимся с описанием большой ткацкой мастерской, находившейся у ворот цитадели и выделывавшей в X в. замечательные хлопчатобумажные ткани, которые высоко ценились в западных областях халифата.

Под «ушмунскими тканями», по-видимому, следует понимать один из видов тканей, изготовляемых в Бухаре, а не привозимых из египетского города Ушмунейна. Труднее сказать, что собой представляли «табаристанские материи» — привозились ли они в Бухару из Табаристана или же также были лишь определенным видом материи, выделывавшейся в Бухаре.

Крупным ремесленно-торговым центром был Самарканд. По словам того же географа, из Самарканда вывозились

«самаркандские ткани», ткани симгин (серебристые), парча, которую отправляли к тюркам, красные ткани, называемые мамараджиль, ткани синизи, разные шелковые ткани, кроме того, платки, стремена, удила, ремни, большие медные котлы, орехи и т. д.

Самарканд славился также бумагой, которая вывозилась в западные области халифата и вытеснила применявшиеся раньше для письма папирус, кожу и пергамент. Позднее, заимствованные из Самарканда способы изготовления этого дешевого и доступного материала распространились в странах восточного Средиземноморья и Европы, что имело огромное культурно-историческое значение.

В двух фарсахах от Самарканда лежало селение Ведар. Здесь выделывалась, по словам Ибн Хаукаля, прекрасная ведарийская хлопчатобумажная ткань. Ткань эта была очень красивая, с желтоватым оттенком, мягкая, и вместе с тем плотная, и пользовалась широким спросом в богатых слоях общества. В Хорасане сшитую из нее одежду носили эмиры, везиры, казии и др. Платье из нее стоило от двух до десяти динаров. Макдиси говорит, что один из султанов в Багдаде называл ведарийскую ткань хорасанской парчой. Ведарийская ткань выделывалась также и в Дабусии.

Из Арбинджана, или Рабинджана, вывозились зимние плащи из красной шерсти, кожи, оловянные сосуды, конопля, сера. Из Дизака (Джизака) — прекрасная шерсть и одежда. Из Бенакета — туркестанские ткани.

Область Шаша, или Чача, славилась в ту эпоху выделкой кож и кожаных изделий, что обусловливалось прежде всего соседством с кочевой степью. Из Шаша вывозились высокие седла из лошадиной кожи, колчаны, палатки и невыделанные кожи, доставляемые кочевниками, кроме того, плащи, молитвенные коврики, наплечники, хлебное зерно, прекрасные луки, иголки низшего качества, хлопчатая бумага, идущая к тюркам, и ножницы.

Значительную роль в хозяйственной жизни Мавераннахра в саманидское время играл Хорезм. Макдиси дает следующий перечень вывозимых из Хорезма товаров: «Из Хорезма— меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, зайцев и коз, также свечи, стрелы, кора белого тополя, высокие шапки, рыбий клей, рыбьи зубы, касторовое масло, амбра, выделанные лошадиные кожи, мед, лущеные орехи, соколы, панцири, березовая кора, славянские рабы, бараны и коровы — все это (получалось) от болгар». Кроме того, в Хорезме можно было закупить сушеные фрукты, сласти, полосатое сукно, ковры, парчу для подношений, покрывала из

ткани мульхам, замки, ткань арандж, луки, натянуть которые могут только сильные люди, рахбин (род сыра), сыворотку, рыбу, лодки (последние вывозятся также из Термеза). Из характера приведенного списка товаров ясно, что в Хорезме большую роль играла транзитная торговля, которая при Саманидах связывала Среднюю Азию с Булгаром и хазарами. Игнорировать местное производство, конечно, также нельзя: Макдиси специально упоминает хорезмские луки, лодки, не говоря уже о большом количестве рыбы, которая вылавливалась в низовьях Амударьи и в соленом виде вывозилась в другие области страны.

К области Шаша арабские географы относили округ Илак, иногда же рассматривали последний как самостоятельный округ и помещали его между Шашем и Ферганой. В округ Илака входила почти вся долина реки Ангрен и отчасти левобережье Чирчика. Илакский дехкан в X в. считался одним из наиболее могущественных феодалов в саманидском государстве. В X в. Илакский округ был центром разработки серебро-свинцовых руд. Илакские серебро-свинцовые месторождения лишь немногим уступали знаменитым Пянджхирским разработкам в Афганистане, которые подробно описаны Самани — автором арабского географического словаря XII в.

Следы древних илакских рудников находятся в Карамазарском районе. Наиболее известным тогда рудником был Кухисим. Добыча серебро-свинцовых руд была настолько высока, что в Илаке был открыт третий в Мавераннахре монетный двор (один находился в Самарканде, другой — в Бухаре). Наиболее ранний чекан с пометкой «рудник Шаша» (так именовался чекан Илака) относится еще ко времени аббасидского халифа Харун ар-Рашида (786—809 гг.). На одном из дирхемов, чеканенном от имени Мамуна ибн Харун ар-Рашида, тогда хорасанского наместника, значится: «*бито в руднике Шаша в 189 (805) г.*», *на другом — в* 190 (805/806) г.

Чтобы понять, какое огромное значение имели серебро-свинцовые рудники в Илаке, достаточно только вспомнить, что Восточная Европа, крупнейший потребитель серебра, совсем не имела тогда своих серебро-рудных разработок. Она пользовалась главным образом серебром из Средней Азии— из разных районов саманидского государства, — откуда серебро поступало почти целиком в монете, в широко известных саманидских дирхемах.

Как показали недавние геологические и археологические исследования, кроме серебра и свинца, в горах Карамазар-

ского района добывали золото, медь, железо и самоцветы (бирюза).

Разработки полезных ископаемых вели как в открытых карьерах, так и глубоких, достигавших 300 *м* от поверхности, подземных рудниках, где была уже создана система креплений, вентиляции и водоотводов. Для подъема руды на поверхность использовались вороты. Вблизи рудников находились пункты обработки руды и выплавки из нее металла, располагались поселки рудокопов и металлургов.

Несмотря на многие усовершенствования и высокий для того времени уровень техники горного дела, работа рудокопов, значительную часть которых составляли рабы, была чрезвычайно тяжелой и опасной.

Большое хозяйственное значение имела в Мавераннахре выработка железа. Ибн Хаукаль указывает два места в Усрушане — Минк и Марсманда, — в окрестностях которых в большом количестве добывалась железная руда. Часть руды плавилась и обрабатывалась на месте, другая же часть вывозилась в Фергану, где имелся ряд центров металлического ремесленного производства. Различные металлические изделия, изготовленные в Минке и Марсманде, широко распространялись в Хорасане и доходили до Багдада и Ирана. В Марсманде, по словам Ибн Хаукаля, в начале каждого месяца открывалась однодневная ярмарка, пользовавшаяся широкой известностью, на которую съезжались даже из отдаленных мест. О марсмандских ярмарках упоминает и автор «Худуд ал-Алем», но он говорит, что она происходила раз в год и длилась один день. Несмотря на это, обороты ее доходили до ста тысяч динаров.

Макдиси указывает, что из Ферганы вывозились предметы вооружения и разные другие изделия из меди и железа, добытые, по-видимому, из указанных выше месторождений. В Исфаре (Асбаре) добывали каменный уголь. «В Асбаре, — пишет Истахри, — находится гора черного камня, который горит, как древесный уголь; его продают три ослиных ноши (авкар) за дирхем; пепел его (каменного угля) идет на беление одежд». К сожалению, имеющиеся в источниках факты недостаточны для суждений о размерах добычи и характере использования каменного угля.

Еще меньше сведений мы имеет о добыче нефти, на существование которой в Фергане указывает тот же Истахри. Между тем, в X в., как и в предшествующее время, когда Средней Азией владел аббасидский халифат, нефть широко использовалась в военном деле. Нефтью наполнялись особые глиняные сосуды (нефтяные бомбы), которые во время

осады городов выбрасывались особыми метательными машинами. Из Средней Азии техника метания горящей нефти для зажигания осажденного города перешла даже к кочевникам. Известно, что половцы в XII в. применяли ее в битвах с русскими, главным образом, при осаде городов, что отражено между прочим, в замечательном произведении древнерусской литературы «Слово о полку Игореве».

Развитая межобластная и местная торговля требовала большого количества монеты. Средством обмена в местной торговле служила преимущественно медная монета — фельс, — выпускавшаяся как центральным правительством, так и некоторыми вассальными правителями из членов династии, и даже другими крупными феодалами (Исфиджаб, Шаш, Ахсикет, Насрабад). Для межобластной и в особенности международной торговли применялась серебряная монета, чеканившаяся только от имени главы государства на нескольких монетных дворах (Мерв, Самарканд, Бухара, Шаш). В незначительном количестве, главным образом для подарков, выпускалась золотая монета — динар. Наряду с этим на внутреннем рынке обращалось много низкопробных монет, битых по типу старых монет бухархудатов, чеканившихся еще в доарабское время, носивших название гитрифи, мусейяби, мухаммади, отличавшихся, по мнению Е. А. Давидович, качеством металла. Большое количество этих монет обращалось на рынке по принудительному курсу, что подтверждается как частыми их находками в виде кладов и отдельных экземпляров, так и сообщением средневековых авторов, что именно этими монетами выплачивались государственные подати.

Все перечисленное с достаточной ясностью рисует картину развитой сельскохозяйственной и ремесленно-производственной жизни Мавераннахра при Саманидах.

3. КАРАВАННАЯ ТОРГОВЛЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В IX—X в.

Караванная торговля связывала Юго-Восточную Европу через Среднюю Азию, а также Иран и Кавказ с Монголией и Китаем. Средневековые географы дают подробные маршруты путей этой торговли с перечнем проходимых городов, с точным указанием, сколько фарсахов отделяет один город или селение от другого, с описанием их исторической топографии и перечислением вывозимых из них товаров.

Если в древности и при аббасидских халифах VII—IX вв. караванная торговля основана была исключительно на перевозке товаров, представлявших собой предметы

роскоши, например, лучшие сорта шелковых и хлопчатобумажных тканей, серебряная и бронзовая посуда, стекло, ювелирные изделия из золота, серебра и драгоценных камней, лучшие сорта оружия и т. п., то при Тахиридах, и особенно при Саманидах (IX—X вв.), в списках товаров все чаще встречаются предметы первой необходимости — *как продукты питания, так и необходимое для ремесленного* производства сырье. Например, в перечне вывозимых из Булгара товаров имеются такие предметы, как кожи, березовая кора, бараны, коровы и т. д., которые никак уже не подходят под понятие предметов роскоши.

Наиболее оживленной была караванная дорога, соединявшая Переднюю Азию с Монголией и Китаем. Эта магистраль, как и при аббасидских халифах, шла от Багдада на Хамадан, Нишапур, Мерв, Амуль (Чарджоу), Бухару, Самарканд, Шаш (Ташкент), Тараз (Джамбул), Кулан (ст. Луговая), Мерке, Баласагун, Суяб, южный берег Иссык-Куля и дальше, через Восточный Туркестан в Китай.

Большое значение имел путь из Средней Азии в Юго-Восточную Европу, подробный маршрут которого оставил нам в своей записке Ибн Фадлан, участник и секретарь посольства и торгового каравана (922 г.) от халифа Муктадира (908—932 гг.) к булгарскому царю. Путь этот был несколько необычен. Караванный путь из Багдада и других городов Ирана и Ирака в Булгар шел обычно через Кавказ и Хазарское царство. Однако в это время отношения с хазарами у халифата и булгар стали весьма враждебными, и караваны пришлось направлять через Мерв, Бухару и Хорезм, то есть по среднеазиатской дороге. Ибн Фадлан отмечает, что из Бухары они отправились к Джейхуну (Амударье), далее — по реке до Хорезма (Кята) — столицы Южного Хорезма, затем до Ургенча (Джурджании), оттуда на Замджан, который считался воротами в страну тюрков, потом переехали реки Эмбу, Яик (Урал), Самару, Кинель, Черемшан и дошли до Булгар. Таким образом, дорога проходила в обход Хазарского царства по левому берегу Волги, на достаточно большом расстоянии от реки. Дорога через Хазарское царство, впрочем, не всегда была закрыта.

Что касается самого Хорезма, то он при Саманидах находился в постоянных торговых сношениях и имел прочные культурные связи с Итилем и другими пунктами Хазарского царства. На основании обследования, произведенного экспедицией под руководством проф. С. П. Толстова в 1946 г., дорога в Итиль в X в. проходила через развалины

Белеули на нижнюю Эмбу, Урал и Волгу. Этот путь, по которому в начале X в. ехал Ибн Фадлан, еще в конце того же столетия и в начале следующего был оборудован великолепными караван-сараями из тесаного камня и колодцами, облицованными камнем, на расстоянии друг от друга примерно 25 км. — нормальный переход каравана. По сравнению с началом X в., дорога из Хорезма в Хазарское царство, в Итиль, изменилась к лучшему, стала, с точки зрения представлений того времени, благоустроенной.

Как же была организована караванная торговля, каковы были ее размеры, в чьих руках она находилась? Прежде всего необходимо помнить, что в средние века купцов на Востоке редко различали по их принадлежности к тому или иному народу. Мы не всегда можем сказать какие именно купцы — тюрки, арабы, персы, таджики или хорезмийцы — выступали в тех или иных торговых сделках. Чаще всего купцы именуются в источниках «мусульманскими купцами».

Купцы, конечно, не могли вести караванную торговлю в индивидуальном порядке, так как издержки на отправку даже самого небольшого каравана были непосильны и для самого богатого купца. Как и в предшествующие времена, купцы были объединены в определенные торговые компании, ставившие себе целью ведение торговых операций караванным путем.

В торговых операциях в X в. в большом употреблении были чеки. Тогда незачем было возить с собой большие суммы денег. Можно было дать деньги в каком-либо городе кому-нибудь из достойных коммерческого доверия саррафов (менял), взять от него соответствующий документ — чек и, по предъявлении его в назначенном месте, получить полностью сданную сумму. Даже и самое слово «чек», заимствовано из персидского языка, в котором оно и употреблялось тогда в указанном нами смысле. Один из арабских историков сельджукской эпохи (XI в.) Абушуджа, писавший о времени Саманидов, говорит о богатых купцах, занимавшихся караванной торговлей, что чеки, выданные ими на западном конце мусульманского мира, учитывались на его восточном конце с большей быстротой, чем шло поступление хараджа в казну самых сильных правителей.

Караванная торговля в X в. большей частью велась меновая; деньги служили лишь единицей счета. Купцы оценивали свой товар в определенную сумму и меняли его на чужой товар, также оцененный. При расчетах старались товаром же покрыть и разницу в цене. Впрочем, характер

взаиморасчетов зависел от места, где происходила купля-продажа. В Китае, например, где от мусульманских купцов не принимали серебряных денег, торговля между ними и китайцами носила меновой характер. И не случайно поэтому, что в Китае и близлежащих среднеазиатских областях совсем не попадаются в археологических находках дирхемы Саманидов и их предшественников. Совсем другая картина наблюдалась в Восточной Европе. Здесь дирхемы выступали и как деньги, и как товар.

Расширившаяся караванная торговля требовала сложного обслуживания. В городах и селениях, через которые проходили караваны, находились караван-сараи. В них имелись худжры для купцов и обслуживающего караван персонала, помещения для верблюдов, лошадей, мулов и ослов, необходимый фураж и провиант.

Караван-сараи, особенно на бойких промежуточных станциях, являлись местом, где можно было продать и купить оптом интересный для купца товар, а главное, узнать последние коммерческие новости и, прежде всего, цены на товары. Содержание караван-сараев было выгодным для владельцев предприятием. Вот почему иметь караван-сарай стремились не только купцы, но и крупные землевладельцы-феодалы.

Специальные купцы или даже компании, брали на себя перевозку товаров, то есть организацию транспорта. Вьючных животных (верблюдов, лошадей) обслуживала приставленная к ним прислуга, в том числе и проводники. По данным письменных источников, караваны имели при себе специальную вооруженную стражу.

Когда упомянутый выше караван Ибн Фадлана переходил реку Яганда, вытекающую из южной части Мугоджарских гор, то сначала, по его словам, «переправился отряд бойцов, имевших при себе оружие, прежде чем переправить что-либо из каравана. Они — авангард для людей (следующих) за ними, для защиты (от башкир) на случай, чтобы они (то есть башкиры) не захватили их, когда они будут переправляться».

При караванах часто держали и переводчиков, которые были необходимы в странах, где население говорило на другом языке и придерживалось других верований и обычаев. Ибн Хордадбех, описывая маршрут купцов руссов, говорил, что они садятся в столице хазар на корабли, пересекают по длине Джурджанское (Каспийское) море и направляются в Джурджан. «Часто, — продолжает Ибн Хордадбех, — они перевозят на верблюдах свои товары из

Джурджана в Багдад; толмачами у них являются их слуги из славян».

Не по всем направлениям и не на всех путях, однако, можно было найти нужных вьючных животных для каравана, проводников, лиц, обслуживающих караван, оборудованные остановки и т. д. Гардизи, автор XI в., отражающий во многом в своих записях и порядки предшествующего X в., описывая путь из Ургенча в страну печенегов, пишет: «Дороги в стране печенегов очень трудны и неприятны. Кто хочет отправиться оттуда в какую-либо страну, должен купить лошадей, так как ни с какой стороны нельзя выехать из их земли иначе, как верхом, вследствие дурного состояния дорог. Купцы на пути туда не придерживаются никаких дорог, так как все пути заросли лесом; они узнают дорогу по положению звезд».

Размеры караванов колебались от нескольких десятков и до нескольких тысяч вьючных единиц. Наибольшим из известных нам торговых караванов был упомянутый выше караван, направленный в 922 г. от халифа Муктадира к царю булгар. В нем находилось 3 тысячи вьючных единиц — лошадей и верблюдов — и 5 тысяч человек. Это, конечно, не обычный факт. Такие караваны являлись не только крупным торговым, но и политическим событием. Обыкновенно караваны дальнего следования составлялись из двухсот-трехсот верблюдов или лошадей и приблизительно такого же количества людей. Было бы неправильно рассматривать караван только как торговую организацию. В состав каравана, везущего товары, входили не только купцы, стража и обслуживающий персонал, но еще и ремесленники, которые переезжали на новое место по предписанию правителя или добровольно, по приглашению, а также ученые, мастера-художники, путешественники, дипломатические миссии, причем купцам часто поручались и дипломатические задания.

Так, караван, с которым в 922 г. ездил Ибн Фадлан, был отправлен не только с торговыми целями, но выполнял также и дипломатические, военно-технические и религиозные поручения. Это было целое посольство от халифа Муктадира к булгарскому царю. Послом халифа был направлен некий Сусан ар-Расси. В составе посольства были также Такин ат-Тюрки, Барис ас-Саклаби, то есть славянин, и в качестве секретаря посольства — Ахмед ибн Фадлан, оставивший упомянутые записки о своем путешествии.

Что же привозили купцы из Китая в Среднюю и Переднюю Азию и что они вывозили оттуда? Как и в прежнее

время, путь этот в основном оставался «шелковым». Шелка были главным предметом китайского экспорта. Гардизи рассказывает, что «одежда их (токкузгузских, то есть уйгурских царей) из китайской парчи и шелка; одежда народа — из шелка и бумажной ткани». Это, конечно, можно истолковать только в том смысле, что простые сорта шелковых тканей стоили не дороже хлопчатобумажных. Сортов китайских тканей, вывозимых караванным путем из Китая, было много — от дешевых до шитой золотом и серебром парчи.

Высоко ценились также китайские изделия из фарфора.

В обмен на шелк, как и прежде, из Средней Азии в X в. шло стекло, очень ценимое в Китае благодаря высокому качеству своей выделки. В музеях СССР и за рубежом имеется немало образцов замечательного самаркандского стекла, которые дают возможность судить о стеклодувной *технике того времени. Стекло в древности и раннем средневековье* стоило на Востоке много дороже, чем в более позднее время, и рассматривалось как предмет роскоши. Шелк и стекло были хотя и главными, но не единственными предметами товарообмена. Достаточно только напомнить, что из Средней Азии в Китай, как и в предшествующие времена, продавали лошадей, что продолжалось вплоть до эпохи Тимуридов, в частности до Улугбека.

Значительное место в товарообороте саманидского государства занимала караванная торговля с Восточной Европой. Благодаря географической литературе IX—X вв. мы имеем о ней достаточно точные сведения. Наибольшее участие в этой торговле из областей Средней Азии принимал Хорезм. Торговля эта шла, с одной стороны, с хазарами, а с другой, — с булгарами. В Поволжье было тогда два крупных рынка — две столицы: Итиль и Булгар. Итиль в X в. был большим торговым городом. По словам Ибн Хаукаля, *он в длину и ширину имел по фарсаху (6—7 км)*. Итиль раскинулся на обоих берегах одного из рукавов Волги[1], а также на острове между ними. Город состоял из двух частей: западная носила имя Итиля и являлась административным центром государства, восточная называлась Хазаран и представляла собой торговый центр. На острове помещался, по словам Мас'уди, двор хазарского хакана. Обе части города были окружены стеной. Большую часть населения Хазарана составляли мусульмане, преимущественно хорезмийцы. Среди них были купцы, ремесленники

[1] Местоположение Итиля до сих пор не установлено.

и различные категории чернорабочего люда. По словам Ибн Хаукаля, в Хазаране проживало 10 тысяч мусульман и было 30 мечетей[1].

Хорезмийцы в столице Хазарского царства играли огромную роль. По словам Мас'уди, основное ядро войска хакана составляли хорезмийцы. Ибн Хаукаль говорит, что их было в хазарском войске 12 тысяч человек. Хорезмийцы поселились в Хазаране по договору, получили право строить себе мечети и училища, выговорили себе везират, то есть право участия в правительстве хазарского хана. По словам Мас'уди, в его время (первая половина X в.) везиром в Итиле был хорезмиец Ибн Кувайя.

Большое значение в торговле Поволжья со Средней Азией и, в частности с Хорезмом, имел, наряду с Итилем-Хазараном, и Булгар. На северо-востоке Европы он служил главным складским пунктом таких товаров, как меха, воск, мед, а также и невольничьим рынком. На булгарских базарах обращалось большое количество серебряных дирхемов, привозимых мусульманскими купцами из разных мест саманидского государства, главным образом из Средней Азии. По словам арабского географа начала X в. Ибн Русте, «белые круглые дирхемы приходят к ним из стран мусульманских, путем мены на их товары». Персидский историк XI в. Гардизи, использовавший текст Ибн Русте, рассказывая о торговле с Северо-Восточной Европой, пишет: «они (мусульманские купцы) те дирхемы отдают русам и славянам, так как те люди не продают товары иначе, как за чеканенные дирхемы».

Что же служило предметом товарообмена саманидского государства с Восточной Европой?

Выше мы привели список товаров, вывозившихся из Восточной Европы в Хорезм. Это были, прежде всего меха пушных зверей — соболей и др. Вывозилось большое количество кож, коры для дубления кожи, скота и, наконец, рабов. Булгар и Итиль были настоящими невольничьими рынками. Здесь можно было купить или обменять славянских и тюркских пленников.

Что же шло из Средней Азии в Итиль и Булгар? По словам Ибн Хаукаля, «пища у них (хазар), по преимуществу, состоит из риса и рыбы». Риса своего в Поволжье не было и его возили главным образом из Средней Азии. В большом количестве в Итиль и Булгар отправляли сушеные

---

[1] Соборная мечеть в Итиле была одна; под 30 мечетями нужно подразумевать типичные для средневековья квартальные мечети.

фрукты. Значительное место в торговле с Восточной Европой занимали среднеазиатские хлопчатобумажные, шерстяные и даже шелковые ткани. Но, пожалуй, самым ходким товаром были серебряные дирхемы, о которых упоминают почти все географы X в. Они встречаются в кладах не только в Восточной Европе, но в Скандинавии и даже в Англии.

4. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ МАВЕРАННАХРА В IX—X в.

Господствующим классом в Мавераннахре были крупные землевладельцы, сосредоточившие в своих руках большие земельные владения. К ним принадлежали прежде всего саманидские эмиры и их родственники, члены династии, получившие в порядке условного пожалования отдельные области для управления, и присваивавшие полностью или частично налоги и повинности. С ними соперничали владевшие огромными землями представители старой дехканской знати. Часть крупнейших феодалов выдвинулась из числа тюркских гулямов, сделавших карьеру и занявших высшие посты в придворной гвардии. Значительный слой феодалов составляло высшее мусульманское духовенство.

Необходимо отметить, что, начиная с арабского завоевания, дехканская собственность на землю подвергается значительному ограничению. Известно, что часть дехканов, оказавшая сопротивление завоевателям, была разгромлена и лишена своего имущества. Значительный земельный фонд как в Иране, так и в Средней Азии перешел в личное владение халифов; доход от него под названием «сафи», или «саваф», поступает в личную казну халифов. До отпадения Средней Азии от халифата харадж поступал в казну халифа. Это не могло не ослабить экономическую мощь местных дехкан. С образованием местных государств Тахиридов и, особенно, Саманидов, все доходы страны остаются в распоряжении последних, что, безусловно, укрепляет их экономику и политический авторитет. Отпадение Средней Азии от халифата не привело к усилению прежнего дехканства; наоборот, централизаторская политика Саманидов наносит ему новый удар. Имеются прямые факты, указывающие на то, что Саманиды ведут упорную борьбу против дехканов, отнимают у них земли, выступают против их децентрализаторских стремлений. Однако Саманидам не удалось ликвидировать дехканство. Они боролись против той его части, которая была оппозиционно настроена против них и хотела получать доходы с крестьян только в свою

пользу, как это было еще в период до арабского завоевания.

Макдиси для своего времени, то есть для 985 г., когда написан был его труд в первой редакции, приводит в качестве примера могущественного дехкана — владетеля города Тункета, который, хотя уже и не имел политической власти, был, однако экономически очень влиятельным человеком в долине Илака. Потомки бухар-худата Буниата до царствования Исмаила Самани оставались наиболее богатыми земельными собственниками. Последним, кто владел этими богатыми землями, был, по словам Наршахи, Абуисхак, правнук Буниата.

Крупные земельные владения и другие виды недвижимости сосредоточились также в руках «новых людей», какими оказались высшие представители тюркской гвардии, выходцы из гулямов. Об одном из них, Алп-тегине, фигуре весьма колоритной для своей среды и своего времени, Низамульмульк писал: «В пределах Хорасана и Мавераннахра ему, на началах частной собственности (мильк), принадлежало 500 деревень; не было города, в котором ему не принадлежал бы дворец, фруктовый сад, караван-сарай, баня и много недвижимой собственности, приносящей доходы (мустагалл). У него были тысячи баранов, лошадей, мулов и верблюдов. Все это находилось во владениях Саманидов».

Алп-тегин не был исключением, он даже не являлся наиболее яркой в этом отношении фигурой. Вспомним Абу Али Симджури, потомка тюркского гуляма. Он настолько разбогател и достиг таких успехов, что был принят в среду высшей землевладельческой аристократии и стал наследственным владетелем Кухистана (в Мавераннахре). К крупнейшим земельным собственникам принадлежал и Фаик, один из самых видных представителей тюркской гвардии, соперник упомянутого выше Абу Али Симджури.

При Саманидах выросло значение и высшего мусульманского духовенства. Столица Саманидов — Бухара стала на Востоке одним из авторитетнейших центров мусульманского богословия, которое в эту эпоху еще не было, кстати сказать, средоточием наиболее реакционных направлений религиозной мысли, как это произошло впоследствии. Параллельно с ростом авторитета высшего мусульманского духовенства, увеличивалось и его материальное благосостояние. Начиная уже с Исмаила Самани значительно выросло вакфное имущество мечетей, ханака и других духовных учреждений.

По словам Наршахи, земли селения Афшаны, расположенные вблизи Бухары, как культурные, так и невозделанные, были переданы Исмаилом Самани в вакф местного медресе. Афшана была богатым селением, и ее земли приносили большой доход.

В другом месте, при описании местности Даштак в Бухаре, Наршахи говорит, что она приносила 100 тысяч дирхемов дохода от одного только камыша. Купив эту местность, Исмаил Самани передал землю в вакф соборной мечети. Подобных примеров можно было бы привести немало, но и сказанного достаточно, чтобы понять, какими путями собиралась крупная земельная собственность мусульманскими религиозными учреждениями. Фактически эта земля и доходы от ее эксплуатации находились в руках высших представителей мусульманского духовенства.

К господствующему классу феодалов в качестве очень влиятельного слоя, мы должны отнести и купцов, которые держали в своих руках всю местную и караванную торговлю. При Саманидах они не только покупали и продавали товары оптом и в розницу, но и владели в городах недвижимостью — лавками на базарах, караван-сараями, жилыми домами, мельницами, а также земельными участками — садами, полями, бахчами и т. п.

Макдиси говорит, что хорезмийцы захватили почти всю земельную собственность в городе Несе. Это были, в первую очередь, хорезмийские купцы, которые всюду проникали со своими товарами и везде старались пустить корни, покупая недвижимое имущество в городах и земельную собственность за их пределами.

Значение крупного землевладения в Средней Азии, в частности в Мавераннахре, было велико. Крупные земельные фонды, сосредоточенные у разных категорий земельных собственников, были не однородны по типу и характеру прежде всего самого владения землей. Источники позволяют для времени Саманидов, то есть для конца IX в. и всего X в., установить несколько видов земельных владений. Классификацию последних целесообразнее всего провести по признакам: 1) принадлежности земли и 2) ее государственного обложения.

Рассматривая земли по признаку принадлежности, их *можно разбить на три категории:*

1. «Мильки султани», или «мамлаке-и-султани», — земли, принадлежавшие султану. Ввиду того, что при феодальном строе на Востоке трудно было отделить, что принадлежало государству, от того, что принадлежало султа-

ну, — к султанским землям применяли иногда определение — «земли государственные». Впоследствии они именовались «мильки дивани». По-видимому, такое название они получили вследствие того, что эти земли держали под своим контролем чиновники дивана, ведя учет всем поступлениям, которые должны были идти и фактически шли с них в доход государственной казны.

Относившиеся к этой категории земельные фонды были чрезвычайно велики. Сюда входили главным образом земли основной массы крестьянства, жившего в условиях сельской общины.

2. «Мильки» — земли частновладельческие. В эту категорию входили земли, принадлежавшие лично отдельным членам правящей династии, древней дехканской знати, просто богатым дехканам, сеидам, высшим представителям духовенства, некоторым выходцам из тюркской гвардии, купцам и др., а также разные виды привилегированных (в смысле государственного обложения) земель. Возможно, существовало и мелкое землевладение.

3. Вакфные земли. К этой категории относились все земли, переданные во временное или вечное пользование разным мусульманским религиозным учреждениям — мечетям, медресе, ханакам, мавзолеям и др.

Перейдем теперь к классификации земель по принципу их государственного обложения.

1. «Мильки харадж» — земли хараджные, то есть те, с которых собирали харадж. К ним, прежде всего, относили земли из категории «мильки султани» или «мамлаке-и-султани», то есть султанские или государственные земли, на которых сидело крестьянство, жившее в условиях сельской общины.

К хараджным землям принадлежали и мильки, то есть частновладельческие земли, хотя некоторая, по-видимому, значительная их часть была частично или даже целиком от харадж освобождена. К хараджным принадлежало и большинство вакфных земель.

2. Земли, частично или полностью освобожденные от обложения налогами. Собственниками их были разные категории высшего мусульманского духовенства и прежде всего сеиды — потомки (действительные или мнимые) дома пророка Мухаммеда.

В сочинении «Кандия Малая» Насафи ас-Самарканди[1].

[1] Упомянутый труд представляет собою дошедшую до нас краткую редакцию труда Насафи ас-Самарканди (умер в 1142 г.), который назывался «ал-канд фи тарихи Самарканд».

составленном на таджикском языке, имеется весьма интересная мотивировка освобождения ряда земель от налогов, главным образом от хараджа. «Знай, что упадок царства от беспокойства «людей сердца». Благородные и чернь не равны. Да, сердца благородных надлежит хранить обращенными к богу — это служит причиною доброго имени царя и подданных в этом и том мире. При царе с славным именем и подданные имеют славное имя, потому что заботится об ученых и сеидах и освобождает их от повинностей».

Приведенные Насафи факты не только рисуют размеры и отчасти характер сельского хозяйства в ближайших к Самарканду окрестностях, но и показывают группы населения из числа господствующего класса феодалов, которые были полностью или частично освобождены от поземельного обложения.

В саманидское время распространяется институт условного феодального пожалования (икта) областей и районов в качестве вознаграждения за службу наместникам эмира, видным сановникам и военачальникам. Такое пожалование давало право получившим его (иктадарам) удерживать в своем распоряжении частично, а иногда и полностью, доходы с пожалованных земель. Широкое развитие икта относится, по-видимому, к XI—XII вв.

В период аббасидского халифата, как мы видели выше, на крестьянстве лежало выполнение ряда натуральных повинностей, что ставило их в очень тяжелое положение.

С прекращением власти халифата над Хорасаном и Мавераннахром и установлением фактической независимости тахизидского и саманидского государства в условиях относительной централизации власти произошли некоторые перемены и в положении крестьянства. Историки не упоминают уже больше о фактах «печатания» земледельческого согдийского, хорезмийского и прочего населения.

На земледельческом населении Бухары и ее округа лежала до времени правления Исмаила Самани тяжелая повинность по содержанию в порядке укрепленных стен вокруг культурного Бухарского оазиса. При Саманидах были несколько облегчены, по-видимому, и эти натуральные повинности, но все же трудящимся массам приходилось работать на многочисленных постройках новых дворцов, мечетей, мавзолеев и т. д.

Гардизи пишет, что самый могущественный из Тахиридов Абулаббас Абдулла (830—844 гг.) очень заботился о земледельцах. — Например, он требовал от чиновников

защиты интересов земледельцев (барзигаров), мотивируя это тем, что «бог их руками нас кормит, их устами нас приветствует и обижать их воспрещает». Говоря так, Гардизи явно идеализирует политику Абдуллы. Не надо забывать, что тот же Абдулла (на что уже указывалось в другом месте) точно так же подавлял крестьянские восстания, как до него это делали аббасидские халифы. В этом отношении весьма показательно, что Абулаббас Абдулла активно встал на сторону землевладельцев из числа табаристанской знати, против которых поднято было народное восстание табаристанских крестьян в 839 г., поддержанное местным князем Мазьяром.

Уже один только факт, что крестьяне убили 260 знатных «владетелей поместий», говорит о том, как решительно крестьяне были настроены против своих феодалов и поддерживающего их Тахирида.

В 864 г. против Тахиридов в том же Табаристане вспыхнуло новое крестьянское восстание, на этот раз вследствие того, что один из Тахиридов захватил обширные земли, не находившиеся в чьем-либо частном владении.

Характерной особенностью крупного землевладения в Средней Азии и Иране той эпохи являлось то, что землевладельцы не вели на своих участках крупного хозяйства и не обрабатывали своих полей трудом крепостных крестьян. В известных нам источниках не приведено ни одного факта, говорившего о ведении такого крупного хозяйства. Крупные землевладельцы, да и не только они одни, имели обыкновение дробить свои земли на мелкие участки и сдавать их на началах издольной аренды всем, кто в том нуждался. Издольщиками-барзигарами были большей частью малоземельные крестьяне близлежащих селений (сельских общин). Для них обработка земли на основе издольных аренд служила дополнительным источником существования. Наряду с этим видом арендаторов, имелись еще издольщики из числа безземельных (обезземеленных) крестьян. Стоит ли специально доказывать, как много гнездилось в кабальных формах издольных аренд возможностей для потери земледельцами своей независимости и для установления крепостнических отношений.

В источнике XII в., юридическом сочинении ханифитского толка «Хидая», составленном ферганцем Бурхануддином Маргинани, указаны тщательно разработанные нормы кабальных сделок между землевладельцами и издольщиками.

«Хидая» является не только отражением общественных отношений своего времени; в приводимых в этой книге нормах заключены, с одной стороны, юридические традиции, восходящие еще к классическому сочинению «Китаб ал-харадж» Абуюсуфа Якуба (автора конца VIII в.), а с другой стороны, отражена практика издольных аренд в Мавераннахре в течение последних нескольких веков.

По-арабски издольщики назывались шериками и аккарами; по-персидски, как выше отмечалось, — барзигарами. Их доля при обработке чужой земли определялась прежде всего тем, получал ли издольщик от владельца тягловый скот, семена и орудия производства. Если он получал от владельца семена, быка и омач (соху), то его доля могла упасть до 1/10 и даже 1/12 урожая. Чаще же всего доля земледельца определялась в 1/3, 1/4 и 1/5 урожая, так как издольщики обычно имели свой живой и мертвый инвентарь, а часто и семена.

Как же шла уплата хараджа с земель, сданных издольщикам? Согласно юридическим нормам, по-видимому, нарушавшимся на практике, харадж распределялся в зависимости от доли урожая обеих сторон. Если, например, земледелец получал 1/4, то и харадж взимался только с 1/4 урожая. Землевладелец, получавший 3/4 урожая, с них и должен был платить харадж. Одним словом, государство при всех обстоятельствах, при любом распределении долей урожая, получало все, что ему причиталось.

Прекращение навешивания печатей на крестьян устранило только одну из тяжелых форм унижения человеческого достоинства, однако не освободило земледельцев от тягот феодальной зависимости. Вспомним, как много продуктов своего труда отдавало крестьянство в виде хараджа, как много падало на него повинностей по очистке и проведению каналов, дорог, постройке и починке мостов, городских стен и т. д.

Источники не сообщают о больших народных движениях в Средней Азии в IX—X вв., подобных восстанию Муканны в 70--80-х годах VIII в. Однако было бы неправильным считать, что против Саманидов не возникало никаких движений. Известно, что в 874/875 г. Исмаилу Самани — вновь назначенному эмиру Бухары — пришлось столкнуться с крестьянским движением, охватившим окрестности Бухары. Согласно Наршахи, один из восставших собрал около себя четыре тысячи человек из крестьянской бедноты и захватил земли в районе между Рамитаном и Баркетом. Только опираясь на богатую родовую и чиновную знать Бухары,

Исмаил сумел подавить это движение. Эксплуатируемые народные массы продолжали вести борьбу; часто она принимала характер открытого восстания против господствующего класса. Вспомним восстание Абубекра, происходившее при Насре II, или бухарское движение 961 г., когда восставшие разграбили и сожгли дворец саманидского эмира.

Борьба, разыгравшаяся в феодальном лагере к концу саманидского периода и вовлекшая в круг мятежей против саманидских эмиров даже высших тюркских военачальников, дорого обходилась крестьянству. Иногда целые районы превращались в арену военных действий, причем воины топтали поля, уничтожали сады, опустошали селения и небольшие города. Усиление повинностей, и особенно налогов, в связи с феодальной междоусобицей приводило к росту народного недовольства, что выразилось, как мы увидим ниже, в равнодушии, с которым не только крестьянство, но и трудящиеся городов отнеслись к падению саманидской династии.

Ибн Хаукаль, бывший в Самарканде в 60-х годах X в. в царствование эмира Мансура (961—976 гг.), отмечает, что постоянные волнения в Самарканде внушали Саманидам такие опасения, что они даже приказали уничтожить ворота в стене самаркандского рабада, так как трудящиеся города не раз использовали их в своей борьбе с саманидской властью. Особенно опасным элементом, с точки зрения феодальной власти, были отряды газиев («борцов за веру»), которых можно было нанять почти для любого военного предприятия на базаре каждого значительного города Мавераннахра и Хорасана. Характерно, что в Самарканде в X в. было много газиев и что они принимали деятельное участие во всех движениях трудящихся масс города против феодальной власти.

5. ФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД В МАВЕРАННАХРЕ IX—X вв.

Арабское завоевание оказалось для Средней Азии весьма болезненным процессом. VIII в. был для Мавераннахра и других областей Средней Азии периодом значительного хозяйственного упадка, который оставил определенный отпечаток в городской жизни.

Выше мы уже отмечали, что арабы, завоевывая города, захватывали в них в качестве добычи часть домов и имущества жителей и селились в городах целыми группами. Для Мавераннахра этот процесс лучше всего можно проследить на истории городской жизни в Бухаре.

Когда Кутейба в 709 г. завоевал этот город, арабы захватили там половину домов и полей. Часть шахристана от ворот базарных, или Аттаран (в южной части города), до ворот Нур (которые находились в его северной части) была отдана арабским племенам из группы раби'а и мудар. Много арабских домов находилось у ворот кухендиза, так как это было самое укрепленное место шахристана. Среди арабских племен, поселившихся в Бухаре в источниках упоминаются племена бану-асад и бану са'д (так назывались и двое ворот в шахристане Бухары в первой половине VIII в.).

Ту же картину насильственного проникновения арабского элемента в состав городского населения мы наблюдаем в Самарканде и в некоторых других городах. Внедряясь в шахристаны, арабы представляли в них не только новый господствующий слой, но и новый этнический элемент. Вместе с арабским завоеванием шло и перемещение некоторой части населения Хорасана в Согд и в другие области Средней Азии. В составе арабского войска, завоевавшего Мавераннахр, было, как уже упоминалось, немало мавали (клиентов) из числа хорасанцев. Часть этих хорасанцев по окончании походов оседала в шахристанах Средней Азии.

Народы Средней Азии испытали тяжелый гнет в связи с нашествием арабов. Вместе с тем арабское завоевание объективно сыграло и некоторую положительную роль в дальнейшем развитии производительных сил завоеванной страны. Войдя в состав халифата, Средняя Азия теснейшим образом связалась с Передней Азией, с ее хозяйственной и торговой жизнью. Немалую роль в этом сыграла караванная торговля. Кроме усиления торговли с Передней Азией, возрос обмен между земледельческими областями Средней Азии и кочевой степью. Этот обмен захватывал многие города и селения и способствовал их росту и богатству. Увеличился также обмен между городским и сельским населением, что в свою очередь содействовало дальнейшему отделению города от деревни, превращению его в главный центр ремесленного производства и торговой деятельности.

В источниках, особенно в географической литературе, а также у Наршахи в его «Истории Бухары», сохранилось немало сведений, на основе которых можно конкретно представить себе, как изменялись шахристаны Средней Азии, как расширялась их площадь, какие изменения произошли в составе населения, как росло богатое ремесленное произ-

водство, — одним словом, как окончательно формировался типичный восточный феодальный город на территории шахристана и рабадов.

Дальнейшее развитие раннефеодальных городов (шахристанов), распространение экономической и политической жизни за пределами их стен, характеризуется ростом городской жизни, увеличением их политического значения, развитием ремесла и торговли. Все это изменяет также и топографический облик городов.

В Самарканде вместе с ростом пригородов ремесленно-торговая жизнь постепенно развивалась в южном рабаде, но территория шахристана (городище Афрасиаб) еще надолго, до завоевания монголами Средней Азии в XIII в., оставалась административным центром и жилой частью города.

В Мерве перемещение центра городской жизни шло из шахристана (городище Гуяр-Кала) в западный район, на территории которого уже в VIII в. начал складываться новый город, который постепенно оформился как город феодальный (городище Султан-Кала). Что касается мервского шахристана, то жизнь в нем постепенно угасала; ко времени монгольского нашествия он был почти совсем покинут, а если и сохранял признаки жизни, то лишь как городская окраина.

Шахристан в Бухаре не был покинут, и жизнь в нем никогда не прерывалась. Шахристан постепенно превратился в одну из частей нового феодального города. На его территории разместилась часть базара, ряд торгово-ремесленных кварталов (гузар), мечети, караван-сараи и частные дома наиболее богатых людей города. Арабская географическая литература определяет его как внутреннюю и наиболее старую часть города.

Исторически сложение феодального города на территории бухарского шахристана и рабада происходило следующим образом.

Главная часть бухарского базара в начале VIII в. находилась в пригороде — рабаде, на юг от «ворот Аттаран», или «ворот базара». Наршахи говорит, что при халифе Мансуре (754—775 гг.) на одном из участков базара имелась тысяча лавок (цифра, конечно, преувеличена). Наршахи пишет, что в домусульманское время базар доходил даже до места, где в его время находилась мечеть Мох, то есть до места, где теперь находится мечеть Магоки-Аттари, недалеко от купола Саррафан. В IX в. рабад постепенно становился центром, где бился пульс городской жизни, расширяясь во все стороны, за исключением севера.

Развитие базарной жизни с ее ремесленно-торговыми рядами и кварталами шло в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях от шахристана. На запад от шахристана, или точнее, на запад от арка, на площади, которая в период Саманидов (а по-видимому, и раньше) называлась Ригистаном, находились царские дворцы. В первые же годы арабского завоевания каш-кушаны — купцы-зороастрийцы — выселились из шахристана, а также из прилегающих к нему мест и построили себе 700 замков в северо-западном направлении от шахристана и арка, заняв довольно большую площадь, которая впоследствии была обнесена городской стеной.

Наршахи, описывая борьбу Шарика в 750—751 гг., говорит, что в кешках мугов было больше жителей, чем в самом шахристане. Память об этом большом городском участке, принадлежавшем зороастрийцам, сохранилась в названии ворот — «сиккат мугон», находившихся внутри первой, наиболее древней стены рабада.

К середине VIII в. Бухара настолько разрослась, что понадобилась новая стена, которая охватила шахристан, к тому времени ставший уже внутренним городом, и его рабады. Прямых указаний о времени постройки первой стены рабада в источниках не имеется. Однако некоторые топографические детали из истории борьбы Зияда ибн Салиха с Шариком в 750 г. указывают, что стены рабада в это время уже существовали. Так, Наршахи говорит, что Зияд ибн Салих после разгрома войска Шарика, подошел к Бухаре со стороны ворот Мох, которых, как известно, в числе ворот шахристана не существует, но зато о них, как о наиболее старых воротах внутри рабада, упоминают Истахри и Максиди.

Место этих ворот находилось, вероятно, около сохранившейся в настоящее время мечети Мох (современное *название Магоки-Аттари), на северном берегу проходяще*го через весь город с востока на запад канала Руди-Зар (теперь Шахруд).

Вернемся однако к вопросу о распределении отдельных классов бухарского общества по различным его районам.

На запад от арка, еще с домусульманского времени, высились дворцы; на Ригистане, например, был дворец бухар-худата, а в юго-западной части находился дворец Абухашима ал-Кинани. Все вышесказанное о западной части Бухары позволяет заключить, что почти вся она, особенно ее центр и северная половина, представляла собою район, где находились богатые аристократические

кварталы Бухары, хозяевами которых были чиновные и нечиновные землевладельцы-феодалы.

Положение это требует некоторых оговорок. Так, в северо-западной части находился базар Харкан, расположенный, согласно Наршахи, между улицей мугов и улицей дехканов. Одним из важных пунктов города, существовавшим еще до Тахиридов, то есть до 20—30-х годов IX в., нужно отметить также и большую ткацкую мастерскую (каргах, или, как она названа у Наршахи, бейт-ат-тираз), находившуюся между шахристаном и кухендизом. Эта мастерская выделывала замечательные ткани, известные в халифате далеко за пределами Мавераннахра.

При Аббасидах тканями, вырабатываемыми в этой мастерской, по словам Наршахи, уплачивали подать Бухары. Наршахи, к сожалению, не указывает, кому она принадлежала, и не упоминает, как был организован в ней труд. Если судить о ней по известным нам мастерским в Иране, то можно думать, что бухарская «каргах» принадлежала бухар-худатам или наместникам халифа, от имени которого они здесь управляли. В данном случае таковыми были Тахириды.

Завоеватели, частично заселив Бухару арабами, устроили в ней областной центр арабской власти. Первоначально местопребывание бухарского эмира было в кухендизе, по-видимому, во дворце бухар-худатов. Вскоре эмиры, согласно Наршахи, перешли в шахристан, где и жили в хорошо укрепленном кахе дехкана Хына. Впоследствии это место было ими покинуто, и они вновь и надолго переехали в кухендиз.

В кухендизе Кутейбой была построена первая мечеть. Для этого была приспособлена бутхана (храм идолов). Уже при халифе Мансуре в 770 г. мечеть эту перенесли на участок между кухендизом и шахристаном. Что же касается бутханы-мечети, то здание это, пришедшее уже в ветхость, было приспособлено под диван ал-харадж (налоговое управление). Кроме этой мечети, имелась также мечеть и в шахристане, для чего была использована упомянутая выше христианская церковь. Мечеть эта носила имя Бану-Ханзаль и, по-видимому, обслуживала потребности живших здесь арабов, в первую очередь, из племени бану-ханзаль. В северной части Бухары сосредоточивались места, связанные с мусульманскими святынями. Недалеко от ворот «Нур» в шахристане, расположенных в северо-западной части города, находилось немало мечетей и обителей. Более всего была известна здесь мечеть арабского племени курейшитов.

Сказанного достаточно, чтобы наметить те изменения, которые произошли в Бухаре в течение VIII и IX вв. К середине

IX в. Бухара настолько выросла, что в 849/850 г. вокруг города, включая его рабады, вновь была возведена стена с 11 воротами, названия которых приведены в географической литературе того времени.

Социально-политический уклад жизни шахристана и его топографический характер постепенно ломались. Медленно, но неуклонно сходит на нет влиятельный слой богатых дехканов. Сохранив в значительной мере свои земли и другие виды недвижимости, дехканы бухарского шахристана теряли свое прежнее политическое значение. Бухара перестала быть центром маленького владения и стала областным городским центром большого государства — халифата, а затем и столицей самостоятельного большого государства Саманидов.

В источниках сохранилось очень мало названий улиц и кварталов саманидской Бухары, что заставляет нас ограничиться лишь общей топографической характеристикой и замечаниями.

Центральная часть Бухары этой эпохи была занята базарами. Для феодального средневекового города — и на Западе и на Востоке — характерна одна общая черта: базары являлись местом не только торговли, но и ремесленного производства. Базары Бухары и других городов Средней Азии и Ирана состояли из сети рядов (раста). Каждый ряд объединял торговцев или ремесленников определенной специальности. Вне базара, в значительной части городов Средней Азии, располагались ремесленные кварталы (махалла), где сосредоточивались домашние мастерские, в которых производились те или иные ремесленные изделия. Средневековые города Средней Азии и Хорасана весьма сходны друг с другом по своей топографической структуре, по облику улиц и рынков, по типу своих построек. Каждый из них представляет собою лишь вариант одного и того же типа феодального поселения.

Указанное обстоятельство дает право пользоваться аналогиями, особенно в области типологической характеристики. Расположение базаров Нишапура и их структура были описаны арабскими географами X в. подробнее Бухары, Самарканда и даже Мерва. Это дает возможность использовать богатый нишапурский материал и для городов Средней Азии. Выше отмечалось, что кухендиз в Нишапуре, так же как и в Бухаре, находился рядом с шахристаном, но вне его стены. Истахри, описывая Нишапур, говорит, что базары его находились в рабаде вне медины, то есть шахристана, причем из базаров особо выделяет два — Большую Мураб'а и Малую Мураб'а. Рынки Нишапура также отличались большими размерами, что можно заключить на основании описания их границ.

Весьма ценное дополнение к словам Истахри имеется у Ибн Хаукаля, который говорит, что среди рынков Нишапура имеются «ханы и караван-сараи, в которых живут торговцы с товарами (предназначенными) для продажи в них. Некоторые караван-сараи принадлежали богатым торговцам; другие рынки и караван-сараи были заняты ремесленными мастерскими, располагаясь рядами по виду производства.

Из этого описания Ибн Хаукаля ясно, что в его время, то есть во второй половине X в., части хорасанских и среднеазиатских городов, заключавшие в себе базары, оформились в целую сеть торговых и ремесленных рядов (раста), причем ряды богатых купцов, их фанадики, то есть караван-сараи, стояли отдельно от базаров и фанадиков разных мелких ремесленников, которых Ибн Хаукаль причисляет к небогатым горожанам.

По словам Истахри, в Мерве ремесленники разных специальностей жили более обособленно, чем в других городах Хорасана. Сопоставляя эти слова Истахри с приведенными выше словами Ибн Хаукаля, можно сделать вывод, что уже в X в. окончательно сложился не только социально-экономически, но и топографически, тот тип феодального города, который в Иране и Средней Азии продержался в наиболее характерных своих чертах до XIX в. Ибн Хаукаль пишет: «Каждый караван-сарай походит на рынок какого-нибудь другого города». Это замечание человека, собственными глазами видевшего большинство крупных городов Ирана и Средней Азии, дает нам право перенести многое из описания Нишапура и на города Мавераннахра, тем более, что при Саманидах в Бухаре, Самарканде и других городах Мавераннахра городская жизнь развивалась более интенсивно, чем в Хорасане.

В источниках часто встречаются характерные упоминания о джуйбар-каваририйн (проток стекольщиков), базаре саррафов (менял), тиме(пассаж, крытый базар), где продавались кожаные калоши, базаре материй, книжном базаре, о котором упоминает в своей автобиографии Абу Али ибн Сина и др. Важной частью базаров являлись ряды саррафов. В некоторых городах XI в., как отмечают современники, их было очень много. По словам Насир-и Хосроу (XI в.), в Исфагане насчитывалось 200 саррафов.

Бухара X в. была одним из самых передовых городов Среднего и Ближнего Востока как в экономическом, так и в культурном отношениях. Ее топографическое членение выступает так же четко, как в Мерве и Нишапуре.

Огромную часть города занимали улицы, где располагались дворцы эмира, его приближенных, военачальников, фео-

дальной знати, правительственные учреждения и другие здания, так или иначе связанные с осуществлением феодальной власти. Такого рода постройки, как и в предшествующее время (VIII в.), находились в IX—X вв. преимущественно в западной и северо-западной частях города.

Небезынтересно, что именно в западной части Бухары находилась «улица дехканов». Сейчас же на запад от бухарской цитадели лежала большая площадь Ригистана. Еще в доисламское время на этой площади находились дворцы бухархудатов. В царствование Саманида Насра ибн Ахмеда (914—943 гг.) на Ригистане был выстроен большой эмирский дворец, а рядом с ним возведены здания десяти саманидских диванов — центральных ведомств по управлению государством. Таким образом, Ригистан был центром правительственной жизни феодальной столицы.

К середине X в. от замков (кешков), расположенных на северо-запад от цитадели, принадлежавших купцам кашкушанам, осталось, по словам Наршахи, не больше двух-трех. Большая часть площади, занятой ими, давно уже вошла в черту города под именем Кешк-и-муган. Воспоминание о бывших здесь замках сохранилось также в названии «улицы мугов». При Саманидах это место считалось аристократической частью города, и стоимость земли здесь, по словам Наршахи, была очень высока.

Бухарская землевладельческая знать во главе со своими эмирами строила дворцы не только в самом городе, но и за пределами его. Наршахи отмечает два таких места — Джуи Мулиан и Карак-и-Алавиан, причем особенно восхищается местностью Джуи Мулиан, лежавшей на север от цитадели и Ригистана.

Мусульманское духовенство пользовалось в феодальном городе Средней Азии огромным влиянием. Высшие слои духовенства (муфтии, казии и другие) прямо или косвенно управляли большим вакфным имуществом и владениями. В Бухаре при Саманидах было немало мечетей, мавзолеев и ханака. Будучи не только столицей саманидского государства, но и крупнейшим центром мусульманского богословия, Бухара имела и соответствующие духовные школы. Наиболее раннее упоминание в источниках имеется, как это установил В. В. Бартольд, о «медресе Фарджек» в Бухаре: о нем Наршахи рассказывает под 937 г.

По словам Утби Манини, медресе в Бухаре обладало прекрасной библиотекой, в которой было много рукописей. В медресе читались лекции по вопросам мусульманского богосло-

вия. Таким образом, при Саманидах в Бухаре имелось медресе уже в первой половине X в.

Наршахи приводит интересные сведения о том, как постепенно перемещалась соборная мечеть в Бухаре. На грани IX—X вв. она находилась между цитаделью и шахристаном.

В нашем распоряжении нет данных, детально освещающих процесс постепенного развития раннефеодального Самарканда и его окончательного оформления, как средневекового феодального города; можно наметить лишь самые общие линии этого развития.

Как и в других городах Средней Азии, рабады Самарканда окружали его с нескольких сторон, но наиболее жизнеспособным оказался рабад с южной стороны, почему туда и переместился пульс городской жизни.

Истахри и Ибн Хаукаль приводят немало интересных фактов о Самарканде своего времени. Однако в описании топографии Самарканда, сделанном Истахри и повторенном Ибн Хаукалем, не все ясно. Город Самарканд состоял, по словам вышеупомянутых арабских авторов, из «внутреннего города (шахристана), торгово-ремесленных предместий (рабадов) и пригородных мест, в число которых входили «кусур ва басатин» (дворцы и сады).

Шахристан Самарканда занимал территорию современного городища Афрасиаб. В северной его части возвышалась цитадель, в которой, по словам Истахри, находились «дом правления» и тюрьма. Впрочем Ибн Хаукаль, посетивший Самарканд несколько позднее, застал «дом правления», представлявший собой, видимо, резиденцию правителя города или его канцелярию, уже в развалинах, хотя тюрьма была вновь отстроена во времена Ибн Хаукаля.

Рядом с цитаделью по другую сторону дороги располагалась соборная мечеть. Местоположение ее археологически еще не установлено, возможно, она находилась на том же месте, где была построена мечеть на рубеже XII—XIII вв., раскопанная в 1905 г. В. Л. Вяткиным.

В шахристане в квартале Исфизар были расположены дворцы Саманидов. Остатками этих дворцовых сооружений, возможно, являются развалины большого здания, богато украшенного резными алебастровыми панелями и стенной росписью, раскопанные В. Л. Вяткиным и М. Е. Массоном в западной части городища.

Наряду с этими дворцами в шахристане располагались жилые кварталы с узкими улицами, мощеными рваным камнем. Как показали археологические исследования, здесь находилось немало небогатых домов ремесленников и мастерских.

Приблизительно в топографическом центре городища располагался большой квартал гончаров с обжигательными печами, где делали великолепную поливную глиняную посуду.

Шахристан имел цитадель и был окружен мощной стеной с четырьмя воротами, капитально восстановленной в IX в. Стены раннесредневекового происхождения делили город на несколько обособленных участков. При Саманидах эти стены, по-видимому, уже потеряли свое оборонительное значение и местами разрушались.

Был ли окружен стеной рабад, располагавшийся на территории позднейшего послемонгольского Самарканда (в местности Рас-ат-Так, Джакардиза и др.), мы не знаем. Однако известно, что в то время еще существовала упомянутая выше линия мощных укреплений длиной около 40 *км*, включавшая рабады и селения, примыкавшие к городу. Остатки этих укреплений, сохранившиеся кое-где на северной, западной и южной сторонах, известны под названием Дивари кыямат (стена судного дня).

В саманидское время основные жизненные центры города перемещаются на юг, в рабад. Наиболее оживленной частью Самарканда становится базар в местности Рас ат-Так, располагавшийся за Кешскими воротами, к югу от шахристана. Здесь, в центре базара тянулись, как сообщает Истахри, ряды саррафов — менял и ростовщиков. Поблизости находился ряд медников, от центра базара расходились и другие ряды ремесленников и торговцев. Рынки имелись и в самом шахристане, и в других обширных самаркандских рабадах.

Местность Рас ат-Так получила свое название, вероятно, по «свинцовому водопроводу» (Джуи арзиз) — обложенному свинцом желобу, который, проходил по кирпичной аркаде, возвышавшейся над крышами базара». Этот водопровод, переброшенный через пониженное место перед стенами шахристана, входил в него около современной мечети Хазрат Хызр и делился на три магистральные ветви, одна из которых перерезала центр шахристана и направлялась к цитадели, две другие орошали западную и восточную части шахристана. От магистралей отходила мелкая распределительная сеть в виде открытых каналов или водопроводов из керамических трубкубуров.

При Саманидах (начиная с Исмаила) Самарканд утратил значение столицы, но остался крупнейшим торговым и ремесленным центром Мавераннахра.

При Тахиридах, Саманидах и особенно при Караханидах и современных им Сельджукидах, то есть в IX—XII вв., Термез переживал период своего нового подъема.

В IX—X вв. территория города значительно увеличилась за счет расширения в сторону севера и северо-востока. Именно здесь и выросли рабады Термеза. По словам В. А. Шишкина, развитие города в указанном направлении обусловливалось «течением снабжавших его водой каналов». По словам того же исследователя, «в процессе этого роста менялись не только величина города и его положение, но и самый внешний его облик, характер застройки, бытовая обстановка жителей. Преобладающее экономическое значение переходит к новым частям города, где сосредоточиваются крупные здания, базары и ремесленно-производственные кварталы».

Наибольшего расцвета Термез достиг в XI—XII вв. Согласно данным М. Е. Массона, полученным при раскопках, проведенных в рабаде в 1938 г., открыт целый квартал металлистов, «занимавший почти 5 га. Здесь, на вскрытой площадке (около 200 кв. м.) обнаружены остатки небольших лавочек-мастерских, непосредственно связанных с жилыми помещениями мелких кустарей-ремесленников».

Подводя некоторые итоги, приходится особо подчеркнуть огромную роль базара с его разнообразным ремесленным производством и торговлей в жизни города. Не случайно и то обстоятельство, что в составе упомянутых выше десяти саманидских диванов был диван мухтасиба, основные функции которого сводились к всесторонней инспекции ремесленно-производственной и торговой жизни города. К этому времени уже сложилось широко бытовавшее представление, что городом может быть только то поселение, жители которого занимаются, по крайней мере, 32 видами ремесел.

В отдельных кварталах или торговых рядах (раста), как мы уже видели, концентрировались те или иные виды ремесел. Как бы скупо ни рассказывали источники о внутренней (цеховой) организации того или иного ремесла, об отношении одного вида ремесла к другому, о положении ремесленников в среднеазиатском феодальном городе, мы все же можем составить обо всем этом некоторые, довольно точные, представления. Ремесленники IX—X вв. были в основной массе относительно свободными. Поэтому среди сообщений источников совершенно обособленное место занимают слова Наршахи о жителях Искиджкета — большого селения около Бухары, занимавшихся преимущественно ткачеством на рынок, — которые ежегодно выплачивали собственнику селения Сахлю ибн Ахмеду Дагуни 10 тысяч дирхемов, раскладывая эту сумму по количеству домов. В царствование Исмаила после долгой тяжбы с Сахлем, жители Искиджкета выкупили селение и освободились от ежегодной подати.

В ремесленном производстве этой эпохи были заняты не только мужчины, но и женщины. Упоминания о женском труде встречаются в источниках довольно часто. Женщина почти монополизировала прядильное ремесло и отчасти ткачество. В «Тарих-и-Байхаки», сочинении, составленном в середине XI в. и отражающем факты и события его первой половины, имеются указания на большую роль женщины в ремеслах. Подобные указания имеются и в биографии Абусаида Мейхенейского, жившего в ту же эпоху. Сочинения эти — ценный источник всяких сведений о ремесленниках того времени.

Выше не раз отмечалось, что ремесленное производство в городах IX—X вв. было сосредоточено на базарах. Ремесленники работали в отдельном помещении, именуемом в источниках дукан. Работал и сам мастер-ремесленник «устад», и его ученики — «шагирды». Низамульмульк в своем замечательном сочинении «Сиасет-намэ», в котором отражено много фактов X—XI вв., приводит несколько интересных сведений об этих ремесленных дуканах. Так, он рассказывает, что в дукане одного портного сидят два мальчика и всегда что-нибудь шьют. К этим мальчикам-ученикам Низамульмульк применяет термин «шагирд» (например, «шагирд такого-то портного»). Сам портной именует себя «устад».

В биографии шейха Абусаида Мейхенейского имеется рассказ, рисующий взаимоотношения между устадом и шагирдом и вскрывающий обязанности первого по отношению ко второму. На Востоке, как и в европейском средневековом ремесле, положение ученика было очень тяжелым. Даже в поэзии отражено «бедственное состояние юности, отданной познавать горе при обучении ремеслу».

От X в. не сохранилось прямых указаний на существование ремесленных организаций, называющихся в феодальной Европе цехами. Однако вся последующая история ремесленных цехов в средневековом Мавераннахре говорит о том, что цехи эти, как определенная форма организации ремесленников, существовали и в изучаемое нами время. В этом нас убеждают указания источников на наличие квартальных шейхов (глав кварталов) в ряде городов того времени. Едва ли ошибочным будет предположение, что шейхи махалла являлись одновременно главами того ремесла, которым занимались жители данной махалла, и что занимавшиеся ремеслом были объединены в свой цех.

О степени развития ремесленной деятельности в Средней Азии уже в IX в. говорит Якуби. При описании рабадов, охватывавших центральную часть города Багдада, созданного по приказу халифа Мансура во второй половине VIII в., Якуби

указывает, что на рынках его есть «люди из Балха, Мерва, Хутталяна, Исфиджаба, Иштихана, люди Кабулшаха, люди Хорезма, и у каждой группы людей имеются свои казии и раисы». Из контекста ясно, что здесь под «людьми» подразумеваются не купцы, а ремесленники.

Таким образом, начавшийся еще до арабского завоевания процесс формирования феодальных городов в Средней Азии в IX—X вв. был закончен. Крупные города Средней Азии в рассматриваемый период занимали большие площади и охватывали все административно-общественные и религиозные учреждения, а также ремесленно-торговые предприятия. В городе наряду с административным центром расположены были сотни кварталов, вмещавших в себя как городскую феодальную знать, так и непосредственных производителей материальных благ. В сформировавшемся феодальном городе наряду с пышными роскошными дворцами богачей (в центре города) имелись многочисленные предместья ремесленников и неимущей части горожан. Население крупных городов Узбекистана исчислялось десятками тысяч. Основная структура города IX—X вв. сохраняется вплоть до XX в.

6. ЦЕНТРАЛЬНОЕ И ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРИ САМАНИДАХ В МАВЕРАННАХРЕ В IX—X вв.

С именем Исмаила Самани связана организация центрального и областного управления в саманидском государстве.

Аббасиды такого государства не признавали и правителя его они рассматривали лишь как своего наместника. Фактически же саманидское государство было для своего времени крупнейшим на Востоке, превышавшим по своей территории и богатству тогдашний халифат.

Саманиды именовали себя всегда эмирами, никогда не претендуя на титул «эмира правоверных», который носили халифы. Однако некоторые восточные авторы, например Ауфи, *титулуют так представителей династии* Саманидов, в том числе и Исмаила Самани.

Во времена Аббасидов, в период царствования халифов Мансура. (754—775 гг.), Махди (775—785 гг.), Харун ар-Рашида (786—809 гг.), Мамуна (813—833 гг.) — в халифате сложилась более или менее стройная система центральных ведомств (диванов) по управлению государством. Система эта, оформившаяся не без влияния персидских традиций сасанидской эпохи, имела немало недочетов, но в условиях малоразвитых феодальных отношений вполне удовлетворяла по-

требностям государственного управления обширными территориями халифата.

Проводя свои реформы, стремясь к установлению твердой центральной власти, Исмаил Самани построил государственный аппарат в духе упомянутой выше системы центральных диванов, внеся в нее некоторое упрощение и усовершенствование.

По словам В. В. Бартольда, «через всю систему восточно-мусульманской политической организации красной нитью проходит деление всех органов управления на две большие категории: на дергах (дворец) и диван (канцелярию)».

В условиях феодального общества деление это, однако, носило во многом формальный характер, так как должностные лица дергаха вмешивались во многие стороны политической жизни.

Большую политическую власть осуществлял сахиб харас, или эмири харас, который был исполнителем всех приговоров саманидского эмира. Функции этого должностного придворного лица выходили далеко за пределы двора. В распоряжении сахиб хараса, согласно Низамульмульку, должно было быть 50 чубдаров (ликторов) — 20 с золотыми палицами, 20 — с серебряными и 10 — с деревянными.

Как и при дворах других феодальных государств Востока, а также и Запада, у Саманидов были стольники, кравчие, конюшие и др.

Очень важным и влиятельным лицом при дворе был векиль — заведующий всем хозяйством дергаха.

Центральное управление состояло из 10 диванов. Наршахи приводит нам их названия при описании площади Ригистана, вокруг которой при Насре II (914—943 гг.) для них специально было выстроено десять зданий.

Главным из диванов был диван везира, или ходжа-и-бузурга. Он возглавлял все центральное управление государством, и ему были подчинены начальники остальных диванов. В условиях феодального общества при Саманидах право занимать должность везира фактически закрепилось за тремя домами-династиями: Джейхани, Балами и Утби. По установившейся практике, в случае отстранения везира, его преемник приглашался из другой фамилии.

Видное место в системе центрального управления занимал диван мустауфи — высшего финансового чиновника, ведавшего доходами и расходами государства. В распоряжении мустауфи, или, как его иначе именовали, хазинадар, состоял штат особых счетчиков, которые приводили в систему и ясность доходы и расходы государства.

Большим влиянием пользовался диван ар-расаил, или диван инша, называемый также диван амид-аль-мульк. Это было специальное центральное ведомство по составлению официальных документов. Через него проходили все важные государственные бумаги. Кроме того, диван ведал и дипломатическими сношениями с другими государствами. Не только при Саманидах, но впоследствии и при Газневидах, диван ар-расаил играл весьма существенную роль в политической жизни.

Немалое значение в системе управления, по-видимому, имел диван шурат, возглавляемый сахиб шуратом. Это было ведомство по управлению саманидской гвардией. При скудности имеющихся у нас письменных известий затруднительно выяснить его отношение к хаджиб-и-бузургу, который, ведая дергахом, состоял при дворе и в какой-то мере являлся главой всей тюркской гвардии. Помощник сахиб шурата по хозяйственной части — ариз — производил выплату саманидскому войску жалования, которое выдавалось четыре раза в год, через каждые три месяца. Однако ариз не только ведал войсковой казной, но и следил за состоянием войсковой дисциплины, снаряжением, провиантом и фуражом. При аризе работала специальная канцелярия — диван-и-арз. Ее значение особенно возросло при Газневидах.

Диван берид — почта — при Саманидах обслуживал правительственные государственные нужды. В распоряжении сахиб берида, то есть главы почтового ведомства, в отдельных городах находились местные почтовые чиновники с целым штатом гонцов и большим количеством почтовых лошадей. Почтовые чиновники на местах не подчинялись местным властям — хакимам, а целиком зависели от своего центрального ведомства. В обязанности чиновников берида входила не только быстрая доставка правительственных сообщений и известий, но и отправка их личных секретных донесений о поведении того или иного представителя местной власти.

На жизнь городов при Саманидах особенно существенное влияние оказывал диван мухтасиба. В обязанности его входило, прежде всего, наблюдение за весами и гирями торговцев. Кроме того, мухтасиб и его помощники должны были наблюдать за точным выполнением норм продукции, выпускаемой городскими ремесленниками. Мухтасиб имел право протестовать против выпуска товаров пониженного качества, мог также запретить продавать по повышенной цене мясо, хлеб и другие продукты первой необходимости.

В дальнейшем установилась практика, согласно которой мухтасибы получили право следить за общественной нрав-

ственностью горожан, наблюдать, чтобы они посещали мечети, не пили вина и т. д.

Должность мухтасиба была широко распространена на мусульманском феодальном Востоке; она имелась в каждом, даже небольшом городе. Мухтасибов с одними и теми же функциями мы встречаем одинаково и на отдаленном западе мусульманского мира — в Севилье и Малаге, и на отдаленном востоке халифата — в Самарканде и Бинкете (Ташкенте).

Общий контроль и главным образом контроль над расходованием казны в саманидском государстве осуществлял диван мушрифов, то есть наблюдателей. Ввиду того, что в условиях феодального общества трудно было отделить казну государя от казны государства, причем больше всего поглощал денег и других средств дергах, — наблюдение мушрифов касалось главным образом расходования сумм, идущих на содержание двора правителя.

Меньшее значение имели диван аз-зия, то есть, государевых поместий, диван казия, возглавляемый главным казием, и диван вакфов, то есть дарственных и других имуществ мусульманских учреждений.

Система центральных диванов находилась в тесной связи с местным управлением. В областных центрах, которые в арабской географической литературе носят название касаба, имелись если не все, то во всяком случае большинство из перечисленных диванов. Областные диваны подчинялись, с одной стороны, местному хакиму, иногда именуемому везиром, а с другой стороны, — центральным диванам соответствующих ведомств.

Наряду с хакимом, который иногда назывался староиранским термином кедхуда[1], управлением города ведал раис. Впоследствии, например в XVIII в., этим термином обозначали мухтасибов; при Саманидах же раис был главой города, назначаемым непосредственно самим правителем, но из среды местной знати или, чаще, из местного высшего мусульманского духовенства.

Мусульманское духовенство пользовалось в X в. в саманидском государстве особенно большим влиянием. В Средней Азии был широко распространен ханифитский толк, один из двух наиболее ортодоксальных в мусульманском мире. Только в Хорезме при Саманидах, и даже позже, значительное

---

[1] В ту эпоху термин «кедхуда» имел несколько узких значений: он употреблялся и в значении «хорошего хозяина», каковым должен был быть хаким в своей области.

распространение получило мутазилитское направление[1] — культурное наследие лучших времен аббасидского халифата первой половины IX в. В Бухаре и Самарканде, однако, мутазилиты имели очень мало сторонников и влияния на политическую жизнь не оказывали.

Глубокий след в Бухаре оставило более радикальное учение — карматское, одно время имевшее последователей даже в правительственных и придворных кругах. В общем же, в религиозной жизни при Саманидах господствовали ханифиты, занимавшие все высшие духовные должности. Главою местного духовенства при Саманидах в Бухаре являлось лицо, носившее титул «устад» (учитель); впоследствии это наименование было вытеснено другим — «шейхулислам». Самани приводит имя одного из устадов, занимавшего эту должность еще при Исмаиле.

Второй по значению после устада (шейхулислама) в среде высшего мусульманского духовенства была должность хатиба — официального лица, имевшего право произносить хутбу (проповедовать) во время пятничной молитвы в соборной мечети.

Поступить на службу в какой-нибудь диван и особенно сделаться ответственным чиновником было нелегко. Требовались не только принадлежность к среде дехканов или духовенства, не только связи, но и определенные знания. В X в. в больших городах имелось довольно много людей, которых современники называли «ахл-ал-калам», то есть люди пера. Они обычно не только владели арабским, таджикским и персидским языками, хорошо знали Коран, основные нормы шариата, но были начитаны в литературе и даже имели кое-какие сведения в разных науках. Только с такой подготовкой и обязательно из среды людей «благородного» происхождения вербовались чиновники на разные должности в правительственных диванах и других учреждениях. Это была своеобразная феодально-чиновничья культура, которая на Переднем и Среднеазиатском Востоке имела давние традиции, более всего обогащенные опытом сасанидского государства.

При Аббасидах эти традиции развились и окрепли, а при дворе и в диванах Саманидов достигли своего высшего расцвета. В таджикском языке того времени широко распространен был термин дабир, который в широком понимании этого

---

[1] Это рационалистическое направление в исламе стремилось связать философию с мусульманским богословием и хотело рационалистически осмыслить то, что ортодоксальные толки требовали принять на веру, без всякого объяснения.

слова обозначал личного секретаря, а в узком (в XI в.) — финансового чиновника. Из дабиров, если понимать это слово в его широком значении, и набирались высшие кадры саманидского чиновничества.

В книге «Чахар-Макала», написанной на таджикском языке в XII в. Арузи ас-Самарканди, имеются главы о дабирах. По его словам, профессия дабира основывается, прежде всего, на умении обращаться с людьми. Дабир должен в совершенстве владеть искусством похвалы, осуждения, дипломатии и даже тонкой провокации. Во всякой обстановке он должен быстро найти наилучший способ выразить нужное в письменном виде.

Более всего дабир должен заботиться о чести своего господина, которым мог быть начальник центрального или местного дивана, правитель какого-нибудь вилайета или просто знатный дехкан, живущий в своем замке. Главная обязанность дабира — вести переписку своего господина.

Саманидское чиновничество, как и чиновничество аббасидского государства, отличаясь знанием канцелярского дела, обладало и характерными пороками — процветали взяточничество и незаконные поборы в личную пользу, которые тяжело отражались на положении народа.

Большую роль в жизни саманидского правителя, дергаха и государства играла гвардия из тюркских гулямов. Хотя Туркестан и Мавераннахр были давними и постоянными поставщиками тюркской, вышколенной в военном отношении молодежи, однако только Саманиды привлекли ее впервые ко двору в качестве личной гвардии.

Низамульмульк в своем замечательном сочинении «Сиасет-намэ» — «Книге об управлении» — подробно рассказывает о дворцовой гвардии Саманидов. Купленный на рынке гулям (отрок), по большей части из гузов (туркмен), попадая в гвардейский отряд при саманидском дворе, проходил первый год службы пешим, не имея права, под страхом наказания, даже сесть на лошадь. Носил он в то время простое платье из хлопчатобумажной ткани зандани. На второй год гулям получал лошадь с простой сбруей; на третий — на нем в качестве отличительного признака его состояния уже появлялся пояс-карачур, на пятый год гулям получал лучшую одежду и уздечку со звездами, а на седьмой — в случае, если за ним не было никаких проступков, — чин висак-баши, то есть «начальника палатки», команда которой состояла вместе с ним из четырех человек. В качестве знака своего чина гулям носил высокую черную войлочную шапку, шитую серебром, и дорогую гянджийскую обувь.

Наиболее способные и заслуженные из гулямов могли достигнуть должности хайль-баши — начальника конного отряда, а затем и хаджиба.

В халифате термином «хаджиб» обозначали важный придворный чин, нечто вроде камергера. По-видимому, впоследствии этот чин стали давать и начальникам из тюркской гвардии, поскольку последние несли в самом дворце, кроме функций охраны, еще и обязанности хаджибов. При Саманидах и вслед за ними при Газневидах, Караханидах и Сельджуках термин «хаджиб» прочно установился за придворным «военачальником» над тюркскими гулямами. Главный среди хаджибов носил арабский титул «хаджиб ул худжаб» (хаджиб хаджибов) или персидский — «хаджиб-и-бузург» (великий хаджиб). Это был один из самых высших придворных чинов саманидского государства.

Нечего и говорить, какое огромное влияние при дворе имели хаджибы, особенно хаджиб-и-бузург. Начав свою карьеру с низов, такой тюркский гулям в какой-то момент своей военной карьеры переходил на положение вольноотпущенного и становился в ряды привилегированных подданных.

Основной задачей тюркских гулямов была охрана власти правителя и его дома внутри самого феодального государства. Однако гвардии приходилось участвовать и в военных действиях против внешних врагов.

Наряду с гвардией, существовал другой род войск. По словам Ибн Хаукаля, это войско составлялось «из свободных дехкан (из тех), кто знает свой дом (дар), свое место, свою семью и своих соседей». Из этих слов ясно, что речь идет об ополчении, которое приводили с собой местные владетели, сохранившиеся еще во многих областях Мавераннахра. Ибн Хаукаль подчеркивает боевые качества этого ополчения, так как оно, по его мнению, состояло не из черни (салики) и не из случайных людей.

Во время несения военной службы, пишет Ибн Хаукаль, ополчение получало хорошее довольствие и чувствовало заботу о себе со стороны правительства. Ополчение созывалось в случае грозившей стране военной опасности или предпринимаемого похода, причем, как говорит Ибн Хаукаль, кроме получаемого ополченцами правительственного снабжения, они содержались в какой-то мере и на свои собственные средства. Макдиси, описывая большую полунезависимую область саманидского государства — Чаганиан, говорит, что «она поставляла около 10 тысяч воинов на своем содержании и на своих лошадях». По-видимому, все зависело от конкретной обстановки: в одних областях доля местного снабжения была

больше, в других — меньше. В походе же, надо думать, снабжение шло главным образом за счет государства.

Такова в кратких чертах система центрального и областного управления в Мавераннахре при Саманидах. Нельзя забывать, что централизация власти происходила в обстановке феодального общества и государства, в состав которого входил ряд полунезависимых владений. Макдиси пишет: «В том климате (здесь: в той стране) все подчинены дому Саманидов и платят (ему) харадж, за исключением эмира Седжестана (Сеистана), Хорезма, Гардж аш-Шара (Гарчистана), Джузджана, Реста (Решта), Газны и Хутталяна». Если к этому прибавить, *что харадж не платили также владетели Чаганиана* и Исфиджаба и что какая-то часть доходов приходилась на долю областных правителей из дома Саманидов; то получится большая группа областей, числившихся в составе саманидского государства, но фактически в весьма малой степени зависевших от его правительства. Это обстоятельство очень подрывало авторитет центральной власти и часто осложняло положение и в других городах и областях. Разные местные владетели хотели видеть себя полными хозяевами своей земли. Центробежные тенденции в конце концов оказались настолько значительными, что подорвали, как мы увидим ниже, политическую мощь саманидского государства. Это произошло как раз в тот период, когда военачальники тюркской гвардии, сами ставшие к середине X в. крупными земельными собственниками, перестали быть надежной опорой саманидской династии и начали принимать активное участие в мятежах, направленных против нее.

ГЛАВА VI

КУЛЬТУРА В IX—X вв. (ОБЩИЙ ОБЗОР)

С правлением Саманидов связан большой подъем культурной жизни в Хорасане и в Мавераннахре, когда Мерв, Бухара, Самарканд, Ургенч все более приобретали славу культурнейших центров своего времени.

Выше мы видели, что арабское завоевание и насильственная исламизация Средней Азии привели к победе совершенно чуждого местному населению арабского языка в мусульманском богословии, в официально-чиновничьем мире и в среде персидской, согдийской и хорезмийской аристократии. В аббасидское время в городах почти все население вынуждено было считать себя мусульманами[1]. Арабский язык применялся не только в проповеди и в молитве, — на нем написана была вся богословская и юридическая литература (фикх), поскольку последняя была неразрывно связана с богословием. В канцеляриях безраздельно господствовал арабский язык.

Арабский язык по настоянию завоевателей-арабов применялся в культурной жизни и научной работе; на нем писались научные труды. Широкому употреблению арабского языка в литературе и науке способствовало то, что он, как язык завоевателей и язык ислама, распространился на огромной территории — в Западной и Средней Азии, в Северной Африке и,

---

[1] В городах Мавераннахра имелись и представители других религий— общины христиан манихеев и зороастрийцев, однако они составляли незначительное меньшинство населения.

частично, в Южной Европе — среди народов старой культуры и сделался для них как бы языком международным.

Это положение изменилось после отпадения восточных областей халифата от Багдада и Аббасидов с приходом к власти сначала Тахиридов, а потом Саманидов. Если в IX и в начале X в. ираноязычное население Мавераннахра не писало на своем родном языке, то уже в середине X в. положение меняется, и таджикский литературный язык, дошедший в малоизмененном виде и до нашего времени, начинает все больше завоевывать права гражданства в литературе, особенно в поэзии.

Таджикский язык начал отвоевывать себе позиции в литературе, как выше было отмечено, только в X в. Истахри, составивший в 30-х годах X в. свое географическое сочинение, упоминает, что в Бухаре, наряду с согдийским языком, был еще язык «дари», под которым и нужно понимать литературный язык саманидского времени.

Таджикский литературный язык перенял свой алфавит от арабской письменности, порвав с почти изжитой в этому времени согдийской и пехлевийской письменностью.

Многие представители саманидской династии покровительствовали литературе, поэзии, наукам, изобразительным искусствам и архитектуре.

Наиболее оживленным в культурном отношении городом при Саманидах была Бухара. Благодаря тому, что здесь находился двор и центральное управление государством, в городе жило значительное число людей умственного труда. Абу Али ибн Сина (Авиценна), детство и юность которого прошли в Бухаре, говорит, что в Бухаре был прекрасный книжный базар. Сам Ибн Сина именно здесь, в одной из книжных лавок, нашел нужное ему сочинение Фараби, которое помогло ему получить ясное представление об учении Аристотеля. Продавцы рукописных книг и сами иногда были культурными людьми. В их книжных лавках можно было встретиться с поэтом, философом, врачом, математиком, астрономом, историком и провести с ними время в приятной беседе.

Славилась саманидская Бухара и своей библиотекой, находившейся в эмирском дворце. Ибн Сина имел возможность работать в этой библиотеке, получив на то разрешение от эмира Нуха ибн Мансура (976—997 гг.). В своей автобиографии Ибн Сина дает ее краткое описание. Библиотека занимала ряд комнат. В каждой комнате хранились рукописные книги по какой-нибудь специальной отрасли: в одной комнате — по мусульманскому праву, в другой — произведения поэтов и т. д. Хранились рукописные книги в сундуках. Бухарская библиотека имела в то время в Передней Азии только одну соперни-

цу — библиотеку во дворце буидского правителя Адуд ад-Даула (949—983 гг.) в Ширазе, описанную арабским географом Макдиси.

Одно только перечисление имен писателей и ученых, так или иначе связанных с Бухарой, может выявить культурное лицо саманидской столицы. Здесь слагали чудесные стихи таджики Рудаки и Дакики. Здесь, несомненно, бывал Фердоуси, завершивший в конце своей жизни замечательное творение — «Шах-намэ». В Бухаре, как уже сказано выше, провел свои молодые годы знаменитый естествоиспытатель, медик, философ и поэт Абу Али ибн Сина (Авиценна). Здесь при эмире Мансуре ибн Нухе (961—967 гг.) высококультурный везир Балами сделал сокращенный перевод на таджикский язык труда Табари. В Бухаре же написал свою ценнейшую книгу по истории Бухары Наршахи. Наряду с этими крупнейшими личностями в Бухаре имелось много и других культурных и образованных людей — писателей, ученых, которые, хотя и не создали ничего особенно выдающегося, однако все вместе составляли культурную среду, которая содействовала распространению просвещения.

1. ЛИТЕРАТУРА В БУХАРЕ X в.

Особенного расцвета при Саманидах достигла поэзия.

Придворная поэзия на таджикском языке, развивавшаяся в Бухаре при Саманидах, в основном выросла из народной литературной традиции и фольклора. Наряду с фольклором и традиционной литературой широко развивалась такая форма поэтического произведения как касыда — хвалебная ода в честь своего покровителя. Это была как бы оплата за получаемое от него поэтом постоянное содержание или просто поддержку.

Сущность придворной касыды в основном сводилась к идеализации воспеваемого лица. Эмир в изображении автора касыды — необыкновенный человек, наделенный высшими качествами — храбростью, мудростью, добротой и т. д.

Наряду с касыдами в саманидское время создавались на таджикском (персидском) языке и другие жанры поэзии: поэмы, элегии, лирические четверостишия (рубаи) и т. д.

Поэты жили не только в столице Саманидов, Бухаре, но и при дворах других крупных феодалов в больших городских центрах — в Самарканде, Мерве, Нишапуре. Источники сохранили имена около 30 поэтов саманидского времени, однако произведения их дошли до нас только в отрывках, включенных в старые антологии.

Выдающимся поэтом X в. был «адам поэтов» Абдулла Джафар Рудаки, происходивший из горного селения Пяндж Рудак в 60 *км* к востоку от Пянджикента. Год его рождения неизвестен. Скончался он в 940—941 г. и был погребен в родном селении.

Рудаки происходил, по-видимому, из бедной семьи. Рано научился он играть на руде и петь. Слава о нем дошла до Бухары, и саманидский эмир Наср ибн Ахмед (914—943 гг.) пригласил его к себе в число придворных музыкантов и поэтов. По одним сведениям, Рудаки был слепым от рождения, по другим, более вероятным (Утби-Манини), лишен зрения в преклонном возрасте.

Рудаки был несравненным мастером касыды и автором нескольких поэм — «Калила и Димна» (стихотворная обработка распространенного животного эпоса), «Синдбад-намэ» (на тему — Синдбад и коварство женщины), «Араис ан-нафаис» («Редкостные ростки»), «Даурани афтаб» («Вращение солнца») и др. Часть его произведений дошла до нашего времени в незначительных отрывках, другие не сохранились совсем. Однако даже те незначительные остатки огромного поэтического наследия Рудаки, которыми мы ныне располагаем, свидетельствуют о сильном и ярком таланте, выразительности поэтического языка, живости запечатленных им образов.

Среди замечательных известных нам произведений Рудаки следует отметить касыду «Мать вина», воспевающую вино и веселье, насыщенную искрящейся жизнерадостностью. Другие настроения, одолевавшие его к концу жизни, мы встречаем в его «Оде к старости», полной глубокого раздумья, где дряхлеющий поэт высказывает мысли об изменчивости природы, вечном ее обновлении: «Мир всегда был таков: вечно вращается он вокруг, и с тех пор, как он существует, ему свойственно постоянное вращение. Лекарством становится то, что некогда было болезнью, и снова болезнью делается то, что было сначала лекарством. Старым он делает с течением времен то, что было новым, а новым со временем становится то, что было старым».

Поэт-мыслитель воспевает в своих стихах разум и знания. Не чужды ему и темы протеста против социальной несправедливости:

Как много одних, у которых на столе
и баранина, и миндальный пирог,
Как много других, которые не едят досыта
и ячменной лепешки.

Рудаки был знаменит не только как поэт, слагавший стихи, но и как замечательный певец, исполнявший свои произведения под аккомпанемент руда — струнного инструмента. О силе воздействия его стихов и пения на современников дает представление рассказ о составленной им знаменитой касыде, посвященной Бухаре.

Однажды Наср ибн Ахмед проводил время в Мерве. Придворным надоело жить в чужом городе, их тянуло домой, а эмир не собирался возвращаться. Тогда придворные надоумили поэта написать касыду в честь Бухары, дабы вызвать у эмира желание скорей возвратиться в столицу. Приводим фрагмент касыды:

Аромат от струй Мулиана доходит,
Вспоминается нежный друг.
Песок Аму как бы не был шершав
Под ногами подобен шелку.
Воды Джейхуна при всей его ширине,
Достанут только до груди коня.
О, Бухара! Радуйся и весело живи
Словно гость шах подходит к тебе.
Эмир — луна, Бухара — небосвод;
Вот луна восходит на небосвод.
Эмир — кипарис, Бухара — сад;
Кипарис возвращается в свой сад.

Наср ибн Ахмед, услышав это стихотворение будто бы *так загорелся желанием вернуться в столицу, что потребовал* коня и поскакал, в чем был, в Бухару.

Характерной чертой творчества Рудаки было совершенство его языка, который он стремился очистить от всяких элементов арабизма. Рудаки принято называть отцом таджикской поэзии.

Гениальный Рудаки не был одиноким в свое время. В Бухаре при дворе эмира, в городах Мавераннахра и Хорасана творила целая плеяда талантливых поэтов, таких как Шахид Балхи, «Нищий поэт» Абузарраа и многие другие. Поэтесса Рабиа, жившая в Балхе, писала стихи, которые, по замечанию Е. Э. Бертельса, «проникнуты теплотой и искренностью, отличающими их от традиционной любовной лирики».

Талантливым учеником Рудаки был Шахид Балхи, умерший раньше своего великого учителя. Жизнь его сложилась далеко не так благоприятно, как у Рудаки. При дворе он не смог закрепить своего положения, отчего в материальном отношении оно было далеко не блестящим. И не случайно в некоторых лирических его произведениях слышатся жалобы поэта на свое тяжелое положение. Несколько таких стихотворений-жалоб представляют собою весьма ценные докумен-

ты эпохи, характеризующие положение весьма незаурядного поэта того времени. Приводим два отрывка в переводе Е. Э. Бертельса. Первый из них гласит:

«Ученость и богатство — нарцис и роза — вместе никогда они не распускаются. У кого есть ученость — нет богатства, у кого есть богатство — учености мало».

Во втором отрывке поэт говорит:

«О знание, как мне отказаться от тебя? Ты лишено цены, и вся цена от тебя. Пусть не будет у меня сокровищ без тебя, пусть лучше такая же жалкая жизнь, но с тобой.

Для образованного человека достаточная свита — его образованность, а неуч со свитой в тысячу человек — одинок».

Среди замечательных, несомненно, гениальных поэтов, писавших на таджикском языке, был Дакики. Если Рудаки и другие поэты в своем творчестве отчасти еще зависели от традиций арабоязычной придворной поэзии, достигшей высшего расцвета при дворе аббасидских халифов, то Дакики начал новое поэтическое направление, опиравшееся, в основном, на народные предания, на фольклор, оформленный народными сказителями в виде поэтического рассказа. Дакики, писавший в конце X в., в царствование Нуха ибн Мансура (976—997 гг.), положил начало составлению «Шах-намэ» («книги царей»), где должна была найти отражение эпическая история Ирана и Средней Азии до арабского завоевания. Дакики умер слишком рано, и ему не удалось даже развернуть, как следует, своей работы. Но дело Дакики не умерло, и то, что не удалось сделать ему, завершил великий Фердоуси.

Написанные Дакики 1008 двустиший были включены в его поэму «Шах-намэ».

Плеяда замечательных поэтов X в. создала таджикско-персидскую поэзию, выдвинувшую в последующие столетия таких могучих гениев стиха как Фердоуси, Саади, Хафиз, которые в основных чертах определили на многие века направление поэзии стран так называемого мусульманского Востока.

2. НАУКА ПРИ САМАНИДАХ В IX—X вв.

Наука при Саманидах также достигла большого расцвета. Ислам, насильственно насажденный среди большей части покоренных арабами народов, вплоть до конца саманидской эпохи не смог преодолеть научных традиций, корнями своими уходивших в античность и в древнюю культуру Средней Азии, особенно Хорезма, а также Вавилона, Ирана и Индии.

В течение IX и X вв., сначала в обстановке аббасидского халифата, а потом государств Тахиридов, Саманидов и Буидов сосуществовало два мира — официальный мир мусульманского богословия со все растущими тенденциями мракобесия и мир научного познания, большинство представителей которого старалось не вступать ни в какие конфликты с исламом, считая, что ученые — не богословы и должны заниматься делом, совершенно посторонним религии.

Едва ли случаен тот факт, что лучшие ученые IX—XI вв., писавшие на арабском языке, вышли из Средней Азии. Вспомним таких выдающихся математиков, как Абуджафар Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми и Ахмед ал-Фергани, из которых, как показывают их имена, один был выходцем из Хорезма, другой — из Ферганы.

С именем Хорезми связана большая научная работа в обсерватории халифа Мамуна (813—833 гг.), находившейся в квартале Шамасийя в Багдаде.

Ал-Хорезми (795—857) — основоположник алгебры. Название этого раздела математики взято из его труда «Китаб ал-джабр ва мукабала» (книга восстановления и противопоставлений), в которой вводятся правила действий с алгебраическими величинами, дается способ решения уравнений 1-й и 2-й степени. Самое имя ал-Хорезми сохранилось в математике в виде термина «алгоритм» (определенный метод решения задачи). Труды Хорезми «Астрономические таблицы», «Трактат о солнечных часах» и другие, переведенные на латинский язык, оказали плодотворное влияние на развитие средневековой научной мысли в странах Востока и Запада.

Время Саманидов породило таких гигантов мысли, как Фараби, Абу Али ибн Сина и Бируни.

С именем Абунасра ал-Фараби (873—950 гг.), среднеазиатского тюрка по происхождению, связаны высшие достижения восточной философии, одной из заслуг которой перед историей науки считается сохранение и воссоздание философского наследия древности. Заслуга Фараби заключается в том, что он более, чем кто-либо другой, содействовал выделению аристотелевых элементов из философских сочинений неоплатонического и неопифагорейского круга. Его перу принадлежит, в частности, комментарий на «Метафизику» Аристотеля.

Фараби (873—950) учился в Бухаре, затем в Багдаде. В совершенстве овладев лучшими достижениями современной ему мировой культуры, он в своих произведениях выступает как прогрессивный и оригинальный мыслитель, снискавший славу универсально образованного человека своей эпохи, ученого-энциклопедиста.

Вопреки исламу, Фараби доказывает объективное существование материального мира и возможность познания его человеком. Например, в противовес идеалистически-мистическому учению Платона о врожденных идеях Фараби объясняет возникновение математических понятий с позиций материалистической философии.

Разделяя науки на теоретические — логику, естествознание, математику — и на практические — этику, политику, Фараби, как убежденный просветитель доказывает, что чувственное познание человека, рождающееся и развивающееся на основе данных мира вещей, составляет основу внешней стороны познания человека. Но, помимо нее, утверждает Фараби, познание имеет внутреннюю сторону, т. е. воображение, иллюзию, догадку — эту сторону познания он связывает с деятельностью разума, обусловливаемого действием вечного, абсолютно чистого, священного духа. Нетрудно увидеть здесь во взглядах Фараби на познание, наряду с ясно выраженными материалистическими тенденциями и идеалистические утверждения. Но несмотря на непоследовательность и историческую ограниченность учение Фараби о познании человеком мира вещей имело в то время громадное значение для разработки естественно-научных воззрений прогрессивных мыслителей Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока и для критики религиозно-идеалистических и мистических взглядов исламской ортодоксии. Элементы материалистических тенденций в учении Фараби о природе противоречиво сочетались с идеалистическими положениями.

Признавая бога как первопричину бытия, Фараби в целом не сумел выйти из рамок идеалистической философии. Но недаром реакция видела в нем своего опасного врага. За высказанную в «Книге воззрений жителей идеального города» мысль о зависимости души от тела Фараби подвергся преследованиям со стороны духовенства, обвинившего его в безбожии и отрицании бессмертия души.

Классифицируя живые, одушевленные тела, автор замечает, что растительный мир, мир животных и мир людей существенно отличаются друг от друга. В книге «Об основных идеях философии» Фараби дает своеобразную интерпретацию известному положению Аристотеля о человеке, как общественном животном. Главное в человеке то, что он говорящее существо. По мнению Фараби, у всех людей единая натура; общее у них то, что они вместе образуют человеческое общество. Фараби видел и различия в характере людей подобно тому, как имеется, по его словам, различие между льдом и кипятком, между черным и белым платьями.

Естественнонаучные, философские и социологические воззрения Фараби, гуманные и прогрессивные в своей основе, сыграли важную роль в развитии мировой науки.

Прогрессивные воззрения Фараби составили один из важнейших источников мировоззрения другого великого ученого-энциклопедиста эпохи средневековья Абу Али ибн Сины (980—1037).

Первоначальное образование Ибн Сина получил в своем родном городе Бухаре. Усердно занимаясь различными отраслями науки, он к семнадцати годам стал уже авторитетным врачом и ученым. Успешно вылечив заболевшего эмира Нуха ибн Мансура, Ибн Сина получает доступ в знаменитое книгохранилище Саманидов в Бухаре, что дает ему возможность углубить свои медицинские и философские познания.

Приступив к изучению сочинения об основах аристотелевской метафизики, Ибн Сина, как рассказывает он об этом в автобиографии, убедился, что он его не понимает. Прочтя это сочинение до 40 раз, зная его почти наизусть, он вместе с тем ни на шаг не продвинулся в его понимании. Однажды вечером, проходя по книжному базару в Бухаре, как он имел обыкновение делать это весьма часто, Ибн Сина за три дирхема купил книгу Абунасра ал-Фараби — комментарии к «Метафизике» Аристотеля. Для Ибн Сины это явилось целым откровением. По его собственному признанию, Фараби открыл ему глаза на Аристотеля.

В основных произведениях Ибн Сины «Канон фит-тиб» («Канон врачебной науки»), «Китаб аш-шифо» («Книга исцеления»), посвященных вопросам логики и написанных на арабском языке, «Даниш-намэ» («Книга знания»), написанной на языке дари (таджикском), изложены его естественнонаучные и философские взгляды.

Нападение на государство Саманидов со стороны Караханидов с севера и султана Махмуда Газневи с юга вынудило ученых покинуть Бухару. В 1000 г. Ибн Сина прибыл в Ургенч, столицу объединенного Хорезма, правителем которого в то время был Абулаббас Мамун (999—1016). Установив тесную связь с образованными людьми Хорезма, особенно с Абурайханом Бируни, Ибн Сина прожил здесь более 12 лет и начал писать выдающиеся произведения «Канон врачебной науки» и «Книгу исцеления».

Ургенч — в то время столица объединенного Хорезма — был богатым и культурным городом. Хорезмшах Абулаббас Мамун (999—1016 гг.), человек образованный, окружил себя замечательными людьми: учеными, поэтами, художниками.

Арузи ас-Самарканди приводит имена философа Абусахла

Масихи, крупного медика Абулхайр ал-Хаммара, выдающегося математика Абунаср Аррана, а также Абурайхана ал-Бируни, впоследствии ставшего самым крупным ученым XI в. Несомненно, пребывание в Ургенче было благотворно для Ибн Сины.

Но и над Хорезмом нависла опасность; султан Махмуд Газневи потребовал от правителя Хорезма направить Ибн Сину в его распоряжение. Ибн Сина, не желая служить мракобесу Махмуду, ушел из Хорезма и до конца жизни скитался в городах Ирана, часто подвергаясь преследованиям со стороны феодальной реакции.

Передовые философские и естественнонаучные взгляды Ибн Сины свидетельствуют о материалистическом понимании явлений природы. Уточняя и развивая идею вечности и несотворенности реального мира, Ибн Сина отмечает, что материя как сущность всех конкретных вещей, существует вечно и проявляется в многообразных формах. Она содержит причину и следствие. Тела и их формы неотделимы: как нет телесной формы без материи, так и нет материи без телесной формы. С помощью органов чувств, человек, по словам Ибн Сины, воспринимает воздействия внешних реально существующих тел и закрепляет результаты этого воздействия в своей памяти.

Решительно отвергая индетерминизм — идеалистическое учение, отрицающее причинную обусловленность явлений, Ибн Сина писал: «Познание всякой вещи, если оно возникает, достигается и бывает совершенным через познание ее причин...».

С этой точки зрения, интересно данное им определение предмета медицины: «Когда говорят, что в медицине есть нечто теоретическое и нечто практическое, то не следует думать, как воображают многие исследователи данного вопроса, будто этим хотят сказать, что одна часть медицины — познание, а другая — действие. Напротив, тебе нужно знать, что при этом подразумевается другое. А именно: каждая из двух частей медицины — не что иное, как наука, но одна из них — это наука об основах медицины, а другая — наука о том, как ее применять... Медицина рассматривает тело человека, поскольку оно здорово или утрачивает здоровье». В медицине следует знать причины болезни и соответственно этому определять метод лечения, чтобы сохранить здоровье человека, а если оно утрачено, восстановить его. Это главное, по мнению Ибн Сины.

В противовес магии и религиозно-идеалистическим воззрениям на биологические явления Ибн Сина, изучая объектив-

ные условия, порождающие болезни, классифицирует их и разрабатывает базирующийся на эмпирических наблюдениях и знаниях метод лечения исследованных им недугов.

Внимательно наблюдая жизнь живых существ, вскрывая причины и симптомы их болезней, Ибн Сина установил особое значение пульса и свойств мочи при диагностике. Выдвинутая им смелая догадка о распространении некоторых болезней

Ибн Сина.

через воду, в которой содержатся невидимые «мельчайшие животные», предвосхитила на восемь с лишним веков учение Пастера о роли микробов как возбудителей инфекционных заболеваний.

Ибн Сина описывает многочисленные препараты, в том числе приготовленные им самим из лекарственных растений, отмечает зависимость действия всех препаратов не только от

организма данного человека и его состояния, но и от климатических условий и времени года. Он специально исследовал отдельные детские болезни, придавая большое значение диететике, говорил о профилактических мероприятиях. Конкретный подход к природным явлениям в зависимости от их условий, времени и места характеризует особенности научного метода Ибн Сины.

Материалистические взгляды ибн Сины на природу несовместимы с исламом, ибо мусульманская религия, как всякая иная, коренным образом противоположна науке. Вот почему обвинение Ибн Сины в атеизме не случайно. Резким и острым был сарказм Ибн Сины в адрес мусульманских реакционеров, обвинявших его в ереси. Ученый писал: «За безбожие свое перед собой один я в ответе».

Меткая, убийственная критика Ибн Сины направлена против реакционного духовенства, идеологии феодалов безжалостно угнетавших трудовой народ. Однако передовые материалистические элементы мировоззрения Ибн Сины, его атеистические высказывания были заглушены давлением не только господствующей в то время в стране реакционной идеологией, но и влиянием идеалистических взглядов самого мыслителя (признание бога, вера в бессмертие души и др.). В этом сказалась историческая и классовая ограниченность и противоречивость учения этого выдающегося философа и медика, сумевшего в условиях средневекового Востока стать передовым ученым, оказавшим глубокое влияние на развитие прогрессивной мысли узбекского, таджикского и других народов и обогатившим мировую культуру ценными научными открытиями.

При дворе Саманидов большое внимание уделялось истории и географии. В Мавераннахре наблюдался значительный интерес к многочисленным сочинениям по истории и географии.

Мадаини, Белазури, Табари, Ибн Мискавейх, Мухаммад Наршахи и другие были популярными историками той эпохи. Неслучайно при дворе хорезмшаха Абуаббаса Мамуна (999—1016 гг.), когда там находился Ибн Сина, среди замечательных людей можно было встретить на царском меджлисе и Ибн Мискавейха, продолжателя Табари. Какой популярностью среди культурных людей Мавераннахра пользовался свод истории Табари видно из того факта, что Балами, известный везир двух саманидских эмиров — Абдулмалика (954—961 гг.) и Мансура (961—976 гг.) — сделал сокращенный перевод Табари на таджикский язык. Сделанный по другому, утраченному, варианту текста, а не по тому, который вышел в

издании де Гуе, он содержит ряд известий, не имеющихся в изданном последнем арабском тексте. Во многих странах до настоящего времени знакомятся с сочинениями Табари по переводу Балами. Любопытно, что перевод этот, не утративший своего значения и в наши дни, в свою очередь переведен на языки турецкий, французский и даже арабский.

Упоминания заслуживает также классическое сочинение по географии — «Худуд ал-алем», написанном в конце X в. на таджикском языке и не уступающее лучшим произведениям арабской географии. Сочинение «Худуд ал-алем» («Области мира»), ввиду того, что имя автора не сохранилось, вошло в науку под названием «рукописи Туманского». В этом ценнейшем историко-географическом источнике подробно описывается экономическая жизнь саманидского государства второй половины X в.

3. АРХИТЕКТУРА И ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

До нашего времени сохранились лишь немногие архитектурные памятники IX—X вв. Однако и те, что сохранились, свидетельствуют о большом развитии строительной техники и блестящем расцвете архитектурного искусства. В этот период в строительстве начинают применять высококачественный обожженный кирпич и алебастровый раствор. Разрабатываются новые, не применявшиеся прежде, конструкции перекрытий — своды и купола, стрельчатые арки. Здания возводятся на углубленных в землю фундаментах, почти не применявшихся в сырцовом строительстве.

Следует отметить, что сырцовый кирпич сохранил еще свое значение при возведении жилых построек вплоть до эмирских дворцов и даже значительной части общественных зданий. Жженый кирпич применялся главным образом при возведении отдельных уникальных сооружений, таких, как мавзолей над могилами видных представителей саманидской династии, а в жилых постройках — для настила полов, устройства, канализационных сооружений и т. п.

Значительную роль в постройках X в. играло дерево, использовавшееся для столбов-колонн, на которые опирались деревянные балочные кровли. В это же время распространяются каркасные конструкции зданий из деревянных стоек, пространство между которыми заполняется сырцовым кирпичом или особо приготовленными комьями глины (гувалак). Этот тип жилого дома получил большое распространение и сохранился до нашего времени.

Развитие математических знаний, особенно геометрии,

вооружило наиболее опытных и знающих мастеров-строителей методами предварительного проектирования зданий, расчета его пропорций на основе математических соотношений. Проверенные опытом и точным взглядом художника-строителя, эти соотношения обеспечили ту чарующую глаз гармонию целого и его частей, которую мы наблюдаем, например, в мавзолее Саманидов в Бухаре.

Архитектурное творчество народов Средней Азии, сложившееся на основе местных многовековых традиций, развивалось в условиях оживленных связей стран арабского халифата, в архитектуре которых на обширных пространствах от Гибралтара до Ферганы появляются некоторые общие черты. В значительной степени это явление было обусловлено назначением больших зданий — мечетей с их планировкой, михрабами, мимбарами, минаретами, куполами над главной частью, повсеместно распространившейся стрельчатой аркой. Но общность черт не дает права считать единой архитектуру стран, принявших ислам, говорить о мусульманской или арабской архитектуре. В зависимости от исторических культурных традиций и местных природных условий, каждая из стран халифата создавала свою архитектуру, свою школу зодчества.

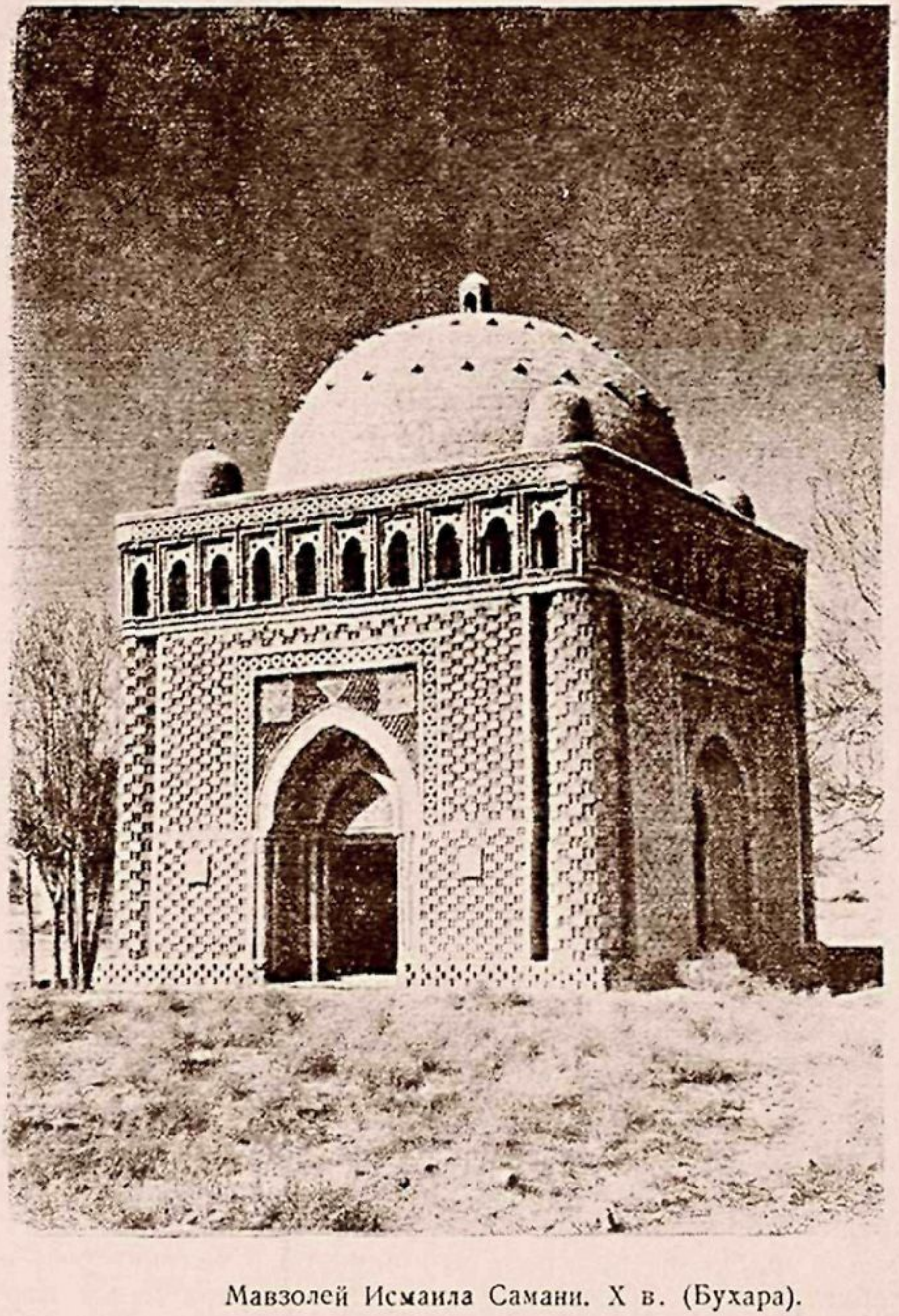
Среднеазиатская архитектура выделяется ясно и определенно своими, только ей присущими особенностями. Она представляет собою творчество народных мастеров, неразрывно связанных со своим народом, с его идеями и вкусами.

О высоком мастерстве и глубоком художественном чутье строителей саманидского времени свидетельствует прежде *всего мавзолей Саманидов, построенный на рубеже IX—X вв.* По преданию, он был возведен Исмаилом Самани для своего отца Ахмеда ибн Асада. Позднее мавзолей стал фамильной усыпальницей Саманидов: в нем был погребен сам Исмаил, умерший в 907 г., а позднее, согласно надписи над входом и Наср ибн Ахмад — внук Исмаила, — правивший с 914 по 943 г.

Здание сохранилось до нашего времени и находится в прекрасном состоянии. Мавзолей Саманидов может по праву считаться одним из совершеннейших произведений мировой архитектуры, одинаково замечательным пропорциональностью частей, простым, но прекрасным декором и инженерным мастерством строителей, применивших сложную конструкцию купольного перекрытия, выдержавшую испытание веков.

Композиция мавзолея предельно проста: это почти кубическое здание, перекрытое куполом. Переход от квадрата помещения к восьмиграннику основания купола осуществлен

с помощью восьми стрельчатых арок, четыре из которых переброшены через углы помещения. Позади арок по верху



Мавзолей Исмаила Самани. X в. (Бухара).

здания проходит световая галерея, открывающаяся с наружной стороны аркадой из небольших стрельчатых окон. Это придает легкость и упругость конструкции и создает внутри мавзолея своеобразное освещение.

Все четыре фасада здания одинаковы. Середина каждой стороны прорезана большой стрельчатой аркой, углы фланкируются мощными трехчетвертными кирпичными колоннами. Стены здания внутри и снаружи обработаны узорной кладкой из кирпича, создающей богатую светотенью фактуру стен, как бы уничтожающую ее гладь и придающую зданию легкость. Кое-где в декоре здания использованы вставки резного алабастра.

Мавзолей Саманидов неразрывно связан с традициями доарабского времени, в чем убеждает общая композиция и многие элементы архитектурного декора. Архаичные по форме декоративные колонки в углах восьмигранника, цепочки «перлов», проходящих по верхнему карнизу здания, и многие другие элементы позволяют считать мавзолей памятником, как бы завершающим собой развитие старой согдийской архитектуры, где местная традиция в конструкциях и декоре доведена до совершенства. В то же время в мавзолее ярко сказываются и прогрессивные начала, определившие дальнейшее развитие среднеазиатского архитектурного стиля, поиски новых форм и новых решений.

Дальнейшее развитие среднеазиатского зодчества в X в. можно проследить на примере другого мавзолея, называемого мазаром Араб-ата в селении Тим. По сохранившимся на нем остаткам надписи видно, что он построен над могилой одного из членов саманидской династии. Прочтенная в надписи дата — месяц раби 1 367 г. (октябрь-ноябрь 977 г.), относящаяся, вероятно, к смерти погребенного, показывает, что разница между временем возведения бухарского мавзолея Саманидов и мавзолея в Тиме составляет семь—восемь десятилетий. В этом мавзолее можно усмотреть немало старых традиционных элементов в конструкции и декоре, но он все-таки стоит на пороге нового этапа развития архитектуры, оформившегося в XI—XII вв. В отличие от бухарского в Тимском мавзолее архитектурно обработан только один фасад, возвышающийся в виде высокого портала с большой аркой над входом в здание. Идея «карликовых арочек, венчающих здание мавзолея Саманидов, нашла здесь отражение только в трех декоративных арках в верхней части портала. Весь портал обрамлен широкой рамой, по которой проходит полоса арабской надписи, выполненной в технике резьбы по алебастру. Это пример самого раннего украшения портала большой надписью. Эпиграфический орнамент стал обычным для всей последующей культовой монументальной гражданской архитектуры. Новые явления в архитектуре — появление

портала, эпиграфического и некоторых других видов декора— получили дальнейшую разработку в последующий период.

Раскопками выявлены также остатки некоторых других культовых сооружений IX—X вв., в том числе мечетей Чор-Сутун в развалинах древнего Термеза и Магоки-Аттари в Бухаре. Обе мечети сходны по плану, купольное перекрытие в них опирается на круглые кирпичные столбы-колонны. Отражением старых доарабских архитектурных традиций в обоих зданиях остается прием декора сомкнутыми полуколоннами — гофрами, распространенный в строительстве дехканских замков. В первом случае гофрами украшен михраб мечети, во втором — пилоны портала.

Из сооружений гражданской архитектуры известно относимое обычно к IX в. замечательное здание из сырцового кирпича, усадьба-дворец Кырк-кыз («Сорок дев») в окрестностях Термеза. Огромное, четко спланированное, квадратное в плане сооружение замечательно разнообразием примененных в нем сводчатых конструкций из сырцового кирпича, достаточно хорошо сохранившихся. К тому же или несколько более раннему периоду относятся развалины двухэтажного здания в Термезе, расположенного рядом с мечетью Чор-Сутун, которое состоит из ряда сводчатых комнат, расположенных по обе стороны коридора, проходящего через все здание.

Из сельских сооружений в окрестностях развалин Пайкенда обнаружен небольшой замок-усадьба Бадасия, возведенный, подобно замкам феодалов доарабского времени на высокой глиняной платформе — стилобате.

Остатки жилых построек изучались на городищах Афрасиаб, Варахша, Пайкенд и некоторых других. Большой интерес представляет большое здание (или вернее комплекс зданий) в западной части городища Афрасиаб, определяемое как один из дворцов Саманидов. Здание построено из сырцового кирпича, стены его были украшены алебастровыми резными панелями. В этом же здании обнаружен фрагмент росписи клеевыми красками по алебастровой штукатурке, с остатками изображения трех человеческих фигур. К сожалению, роспись разложилась на воздухе и сохранилась только акварельная зарисовка.

Рядом с развалинами предполагаемого саманидского дворца экспедицией Академии наук УзССР раскопан в 1960—1964 гг. большой комплекс многократно переделывавшихся и изменявших свое назначение помещений с массивными сырцовыми стенами. Здесь много комнат, переходов и двориков. Обильно представлены фрагменты архитектурного декора помещений в виде резьбы по алебастру и глиняной штукатур-

ке и стенных росписей с цветочным растительным узором. Полы настланы из жженых кирпичных плиток, часто выложенных в узор, или покрыты по кирпичному настилу алебастровой штукатуркой, что наводит на мысль о застилавших их некогда коврах и циновках. Для окон иногда применялось разноцветное стекло, вставлявшееся в ячейки алебастровых решеток (панджара). Несомненно, в украшении домов феодалов, как и общественных зданий, продолжало играть роль резное дерево тонкой работы (колонны, балки перекрытия). О распространенности этого декора свидетельствует новое открытие на Афрасиабе; там в постройке VII в. обнаружено перекрытие из балок с тонкой сплошной резьбой. Представление о резьбе можно получить и по образцам, сохранившимся в мечетях в верховьях Зарафшана на территории Таджикистана (михраб из мечети в селении Искодар, колонны в селениях Аббурдан и Курут).

Жилища среднего слоя городского населения, остатки которых найдены на городищах Варахша и Афрасиаб, значительно скромнее, но зачастую стены оштукатурены ганчем и богато декорированы резьбой (по ганчу).

Изобразительное и декоративное искусство претерпело к этому времени значительные изменения. Вместо прежних живописных композиций с участием людей и животных, мастера разрабатывают сложные растительно-геометрические и цветочные орнаменты. В этом направлении декоративного искусства большую роль сыграл суннитский ислам, запрещавший изображать живые существа, особенно человека. Однако традиции старого доисламского искусства в какой-то мере сохранились. Кроме упомянутого уже фрагмента росписи с изображением людей, можно сослаться на сообщение Ибн Хаукаля, который видел во второй половине X в. на площадях Самарканда изображения животных, вырезанных из дерева «лошадей, быков, верблюдов и диких коз; они стоят один против другого, пишет Ибн Хаукаль, будто осматривают друг друга и хотят вступить в бой или состязаться». С этой записью перекликается сообщение Наршахи об «идолах», которые в середине X в. продавались на базаре Мах в Бухаре. Изображения живых существ, обычно фантастических птиц, рыб, козерогов, а иногда и людей помещались нередко на бытовых предметах, в частности, на керамических изделиях.

Орнаментальное искусство, традиции которого в Средней Азии сложились в доисламское время, достигает теперь большого расцвета и изощренности, чаруя глаз сложными переплетениями лент, образующих разнообразные геометрические фигуры и их сочетания, геометризованными растительными

мотивами. Большую роль в декоре архитектурных сооружений и бытовых предметов занимает эпиграфический орнамент — надписи, выполненные строго разработанными разновидностями арабского «куфического» письма.

Общий подъем искусства способствовал развитию художественного ремесла, в частности, керамического. На городищах Узбекистана, в особенности на Афрасиабе, собрано огромное количество поливной глиняной посуды (чаши, блюда, светильники, кувшины), замечательные образцы которой представлены во многих музеях Советского Союза и за рубежом.

Поливную керамическую посуду здесь, видимо, стали делать еще до арабского завоевания, но по-настоящему ее производство развилось только в IX—X вв. Вначале изготовлялись относительно грубые и тяжелые плоские чаши, покрытые мутноватой светлой поливой, на которую наносился бирюзово-голубой или зеленый расплывчатый орнамент. В X в. широко применяется при изготовлении посуды, стекловидная свинцовая глазурь, которая покрывает тонким прозрачным слоем предварительно нанесенную на посуду роспись оливково-зеленой, красно-коричневой, черной красками, приобретающими сочность и яркость. Орнаментация сосудов чрезвычайно разнообразна. Большую роль в ней играют арабские надписи — пословицы, афоризмы, благопожелания владельцу посуды, выполненные тщательно с большим пониманием декоративных качеств арабского шрифта куфи.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В XI—XII вв.

1. ТЮРКИ В МАВЕРАННАХРЕ И СОСЕДНИХ ОБЛАСТЯХ В X в.

Было бы неправильным, как это не раз делалось в историографии Средней Азии, противопоставлять Мавераннахр, как мир согдийско-оседлый — Семиречью, как миру тюркско-кочевому. В предшествующих главах мы имели возможность убедиться, что в Мавераннахре и до XI в. жило немало тюрков, больше — в Шаше и Фергане, меньше — в долинах рек Зарафшан и Кашкадарья. В VIII—IX вв. тюркские элементы особенно интенсивно проникали на территорию Ферганы и Шаша, отчего население сельских местностей этих областей и было раньше тюркизировано в языковом отношении, по сравнению с населением на территории Согда. В Согде, как мы видели выше, уже в VI в. отмечалось значительное оседание тюркских элементов.

Если в Фергане с VIII в. были сильны карлукские элементы, то в Шаше доминирующую роль играли огузские. По словам Ибн Хаукаля, арабского географа второй половины X в., около тысячи семейств тюрков, принявших ислам, перешли с востока в район между Фарабом, Кенджидой и Шашем, то есть к юго-западу от современного Чимкента. По-видимому, этими тюрками были огузы из числа проживающих по правому берегу Сырдарьи. Насколько в Шаше сильны были огузские элементы, отражено, между прочим, и в узбекском фольклоре, согласно которому огузы упоминаются в числе предков современного узбекского народа.

В конце X в. часть огузов стала именоваться туркменами. У Тахира Мервези, автора, жившего в первой половине XII в.,

имеется по этому вопросу ценное указание. По его словам, «после того, как гузы сделались соседями областей ислама, часть их приняла ислам и стала называться туркменами. Между ними и теми гузами, которые не приняли ислама, началась вражда. Число мусульман среди гузов умножилось и положение ислама у них улучшилось. Мусульмане взяли верх над неверными, вытеснили их из Хорезма в сторону поселений (кочевий) печенегов».

Говоря об исламизации огузов, Мервези, конечно, имеет в виду тех из них, которые жили на нижней Сырдарье, в районе Дженда, и в самом конце X в. перешли в долину Зарафшана, где с разрешения Саманидов стали кочевать по правому берегу этой реки, в районе Нур-Ата. Это и были те туркмены, которые известны под именем Сельджукидов. Наряду с огузскими элементами, в тюркизации сельских местностей Шаша в предшествующее время сыграли роль не раз уже упоминавшиеся выше тюргеши.

Основная масса тюркских племен в X в. находилась еще в Семиречье, однако во многих местах, особенно в городах, имелись еще и значительные остатки согдийского населения, осевшего здесь в связи с согдийской колонизацией V—VII вв. Согласно археологическим исследованиям А. Н. Бернштама, памятники согдийской материальной культуры и искусства встречаются в долине р. Талас. В Чуйской долине их находили на левом берегу реки вплоть до Токмака и в одном месте на правом берегу реки Чу. Начинались согдийские колонии западнее, у Чимкента, и тянулись на восток вплоть до китайской стены.

Согдийцы владели высокой техникой земледелия и ремесла, проявляли активность в караванной торговле на знаменитом «шелковом пути» из Передней Азии в Китай. Оказали свое влияние согдийцы и на окружающие их тюркские народы, сначала на остатки тюргешей — племена аргу и тухси, а потом на карлуков. Это влияние сказалось главным образом на тех группах тюрков, которые, по целому ряду причин, переходили на оседлое положение, поселяясь в сельских местностях и даже в городах. Входя в непосредственное соприкосновение с ними, согдийцы передавали им свой богатый культурный опыт в разных областях деятельности.

Однако, воздействуя на тюрков, согдийцы в свою очередь подпадали под их встречное влияние. Будучи небольшими земледельческими островками в огромном тюркском кочевом море, согдийские колонии постепенно теряли свою этническую обособленность, так как согдийцы вступали в брак с

дочерьми тюрков или, наоборот, выдавали замуж за тюрков своих дочерей. Утрачивали согдийцы постепенно и свой язык, заменяя его тюркским.

Махмуд Кашгари, караханидский тюрк, ученый-лингвист, составивший в XI в. на арабском языке «Девону луготит-турк», то есть «Диван тюркских диалектов», тонко подметил процесс постепенной победы тюркской речи над согдийской в среде согдийских колонистов. По свидетельству Махмуда Кашгари, в его время (жил он во второй половине XI в.) «были люди, которые говорили по-тюркски и согдийски, были люди, которые говорили только по-тюркски, но не было людей, которые говорили только по-согдийски». К концу XI в. согдийский язык, таким образом, в местах бывших согдийских колоний все более изживал себя. Вместе с тем и сами согдийцы теряли свою обособленность самостоятельной этнической единицы. Физически они, конечно, не вымерли, но их потомки смешались с тюрками и, в известной мере, ассимилировали с ними. Махмуд Кашгари застал конец этого процесса.

Географы X в. и автор XI в. Махмуд Кашгари одинаково отмечают, что в то время у тюрков в Семиречье и на Сырдарье имелись города, в известной части согдийского происхождения, пережившие отмеченный выше процесс активной тюркизации. Какие же тюркские народности и племена жили в Семиречье и по Сырдарье в пограничных с Шашем районах?

Макдиси указывает, что Берукет и Баладж — два города, находившиеся недалеко от Исфиджаба, к западу от него, — являлись крепостями против огузов. Это был самый восточный район расселения туркмен-огузов в X в. Основная же масса их жила, как и прежде, на нижней Сырдарье. И лишь после 894 г., когда печенеги вытеснили огузов из районов севернее Эмбы, мы видим переход части их народа на территорию собственно Туркмении, где в ряде мест, в том числе, по-видимому, в районе Феравы (близ современного Кызыл-Арвата) уме имелись их кочевья. Последнее обстоятельство подтверждается Белазури, который рассказывает, что тахиридский правитель Абдулла ибн Тахир (830—844 гг.) отправил своего сына Тахира в поход против огузов.

Наиболее значительным племенем Семиречья в X в. были карлуки, кочевья которых тянулись на огромном расстоянии — от долины Таласа до реки Тарим в Восточном Туркестане. Кочевья эти во многих местах шли вдоль караванного пути и с юга обходили Иссык-Куль. Требовалось 30 дней,

чтобы пройти караванным путем от западных границ карлукских владений до восточных.

Карлуки были хозяевами в Семиречье еще с 766 г., когда после разгрома тюргешей, они захватили власть в стране.

Наиболее содержательную характеристику карлуков конца X в. дает безымянный автор «Худуд-ал-алема». Как сообщает этот автор, карлуки владели наиболее цветущей страной из всех, которые принадлежали тюркским народам. В стране этой имелись текучие воды и был умеренный климат. Жители ее, карлуки, были достаточно культурны. В их стране находились не только селения, но и города. Среди карлуков уже произошло расслоение на общественные классы; различались они и по роду хозяйственной деятельности: одни занимались звероловством, другие — кочевым скотоводством, третьи — земледелием.

Из карлукских городов надо прежде всего отметить Кулан и Мерке. На месте первого находится теперь ж.-д. станция Луговая, на месте второго — станция Мерке.

Вторым крупным тюркским племенем были чигили. Они жили главным образом на северо-востоке от озера Иссык-Куль, хотя селились и в районе Тараза. Гардизи указывает более широкие границы распространения чигилей. По его словам, «все окрестности Иссык-Куля заняты чигилями». Согласно «Худуд-ал-алему», чигили жили в шатрах, носили войлочные шапки, владели большими стадами коров, быков, баранов, лошадей, поклонялись солнцу и звездам. Так же, как и карлуки, они имели города и селения, были народом богатым, хотя и менее культурным. Махмуд Кашгари считает, что слово чигиль — «имя трех групп тюрков. Первая из них живет в Куясе за Барсаганом, а этот на юг от озера Иссык-Куль, вторая — близ Тараза, где и находится их город Чигиль». Места проживания третьей группы Махмуд Кашгари не указывает.

Третьим большим тюркским племенем, частично захватившим Семиречье, были ягма. Жили они на юг от озера Иссык-Куль, по направлению к городу Кашгару, причем большая часть их кочевий находилась в Восточном Туркестане. Автор «Худуд-ал-алема» описывает племена ягма, как наименее культурные из тюркских племен. Среди ягма слабо развито было земледелие, но зато среди них было много звероловов, которые охотились за дичью и добывали пушнину. Главное их богатство заключалось в стадах лошадей и баранов. Ягма были известны как наиболее воинственные среди других тюркских племен.

В юго-западной части Семиречья в X в. еще проживали

остатки тюргешей, известные как племена тухси и аргу — наиболее культурная часть семиреченских тюрков, более всех подвергавшаяся воздействию со стороны согдийцев. Многие из них уже перешли на оседлый труд и жили в городах. Махмуд Кашгари причисляет к области расселения аргу культурные земли вокруг Исфиджаба, Тараза и Баласагуна. *Насколько сильно было культурное влияние согдийцев* на эту группу тюрков, видно из того факта, что Махмуд Кашгари считает их тюркский язык смешанным с согдийским.

В X в. многоплеменный и обширный тюркский мир Семиречья переживал один из наиболее важных периодов своей исторической жизни. При внимательном изучении социально-экономической обстановки в том виде, как она сложилась до образования в Семиречье и Кашгаре караханидского государства, совершенно определенно можно выделить два фактора, которые имели в социальной жизни семиреченских тюрков огромное значение.

Первым из этих факторов является переход части трудового слоя кочевников на оседлый земледельческий труд. Переход этот наблюдался и раньше, но в X в. он принял весьма значительные размеры. Вызван был этот процесс главным образом причинами, лежавшими внутри самого кочевого общества. В обстановке соседства кочевников с оседлыми районами и богатыми городами, между кочевниками и оседлыми жителями усиливался товарообмен. Кочевники привозили из степи рабов, кожу, шерсть, мясо, скот, конское поголовье в обмен на ткани, просо, пшеницу, изделия из металла и другую продукцию ремесленной промышленности, *получаемую ими от горожан и земледельцев.* Макдиси сохранил нам в своем труде даже цены в Средней Азии конца X в. на различные продукты, в том числе на мясо (в небольшом городе Исфиджабского района Дех Нуджикасе, находившемся недалеко от современного Чимкента).

Торговля в известной степени стимулировала давно начинавшийся процесс классового расслоения кочевого общества. Основная масса кочевников была лично свободной, однако постепенно беднела под давлением эксплуатации со стороны богатой верхушки, группировавшейся большей частью вокруг племенной знати.

Заинтересованная в выгодах от торговли с оседлыми районами и городами кочевая скотоводческая верхушка, в целях увеличения товарной продукции своего хозяйства, захватывала лучшие земли. Бедняку становилось все труднее *жить в степи. Отсюда шла все растущая в среде беднейшей*

части кочевников потребность к переходу на оседлый земледельческий труд.

Вторым крупным фактором в жизни семиреченских тюрков X в. являлся переход их к ранним формам феодальных отношений, во-первых, в силу внутренних процессов и, во-вторых, под прямым воздействием феодального земледельческого мира, центром которого были богатые торгово-ремесленные города, лежавшие на линии караванных путей из Средней Азии в Китай. К сожалению, в письменных источниках нет сведений, которые дали бы нам возможность хотя бы в общих чертах представить себе характер феодальной эксплуатации в кочевом тюркском обществе накануне образования караханидского государства. Одно можно сказать с уверенностью, что формы эти только зарождались, и основная масса кочевников осталась лично свободной.

2. ОБРАЗОВАНИЕ КАРАХАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА В СЕМИРЕЧЬЕ И КАШГАРЕ

На территории Семиречья в конце X в., накануне образования караханидского государства, единой власти не было. В разных районах власть находилась в руках вождей различных тюркских племен — карлуков, чигилей, аргу, ягма. В источниках мы имеем точные указания, кому из тюркских племен принадлежал тот или иной город.

Семиречье не входило в состав саманидского государства, хотя саманидские правители несколько раз предпринимали походы в Семиречье и покоряли здесь города. Известно, что, когда Саманиды только еще начали выдвигаться в качестве властителей в Средней Азии, Нух ибн Асад в 840 г. завоевал Исфиджаб и построил большую укрепленную стену, защищавшую весь этот культурный земледельческий район от набегов кочевников.

При Насре ибн Ахмеде (864—892 гг.) самаркандские войска доходили до города Шавгар. В 893 г. Исмаил (874—907 гг.) овладел г. Таразом и перестроил там главную христианскую церковь в мечеть.

В конце X в. один из крупнейших саманидских военачальников тюрк Фаик, по словам Макдиси выстроил в Мерке, вне городской стены, рабат.

Вот почти все наиболее важные факты, говорящие о взаимоотношениях между Семиречьем и саманидским государством. Если принять во внимание, что в Семиречье не чеканилась саманидская монета и что там не было саманидских хакимов и других поставленных ими чиновников,

можно сделать определенный вывод о том, что Семиречье не подчинялось Саманидам. Единственный район Семиречья, который входил в государство Саманидов, — соседний с Шашем Исфиджаб, но и это вхождение было лишь номинальным, так как исфиджабский владетель не вносил хараджа в казну Саманидов — иначе говоря, им не подчинялся.

Но, будучи фактически независимым от саманидской власти, Семиречье подвергалось значительному культурному влиянию со стороны Мавераннахра. Это влияние шло по линии материальной и духовной культуры. Ислам долго не мог подчинить себе кочевников-тюрков, среди которых другие религии — буддизм, христианство и манихейство — имели больше успеха, чем ислам. Об этом свидетельствует факт, что до нашего времени на тюркском языке сохранились образцы манихейской, буддийской и христианской религиозной литературы, написанной значительно раньше произведений исламской литературы. Если первые восходят еще к VIII в., то вторые датируются не ранее, чем IX в.

Не подлежит также сомнению, что ислам стал распространяться среди семиреченских тюрков в тот исторически важный период их жизни, когда значительные группы их начали переходить в Семиречье к оседлой жизни. Наиболее ранним известием о распространении ислама среди тюрков Семиречья и Восточного Туркестана является сообщение Ибн ал-Асира о том, что в 960 г. «ислам был принят многочисленным народом (200 тысяч шатров)». По всей вероятности, здесь речь идет о карлуках, которые к тому времени уже вели в оазисах Восточного Туркестана оседлый образ жизни, играли в караханидском государстве значительную роль и шли в поход на Саманидов уже мусульманами.

Мы не располагаем точными сведениями о том, как, при каких условиях образовалось новое большое тюркское объединение, в которое входили племена Семиречья и Кашгара. Родоначальником династии, вставшей во главе объединения, по имеющимся данным, был Сатук (умер в 955—956 гг.), носивший также мусульманское имя Абдулкарим. Вскоре, уже при ближайших преемниках Сатука, государство Караханидов разделилось на две части, объединенные между собою тем, что во главе обеих стоял номинальный верховный правитель — старший в роде хакан, столица которого находилась в Баласагуне. Другой частью государства правил младший хакан со столицей сначала в Таразе, а затем в Кашгаре. Остальные представители правящего рода, с титу-

лами илек или тегин владели областями, подчиняясь друг другу в сложной иерархии старшинства в роде.

Нет прямых указаний в источниках и о том, какие из тюркских племен Семиречья составляли основную массу населения караханидского государства. Судя по тому, что впоследствии карлуки и чигили занимали в государственном аппарате и войске важные места, можно сделать заключение о той огромной роли, которую они сыграли в образовании караханидского государства. Однако ханская власть вышла не из среды карлуков и чигилей, а из среды ягма, хотя и менее культурной, но зато наиболее воинственной тюркской народности. Автор сочинения «Муджмаль ат-таварих» («Сокращенный свод истории») определенно указывает, что «падишаха ягма называют богра-ханом». Это указание помещено автором в перечне титулов различных среднеазиатских владетелей. Характерно, что этот титул носил и первый государь вновь образованного государства, имевшего два центра: в Кашгаре и Баласагуне. До нас не дошло тюркское имя этого хана, и мы знаем его или под титулом богра-хана, или под его арабско-тюркским именем Харуна ибн Мусы ибн Сатука.

3. ЗАВОЕВАНИЕ КАРАХАНИДАМИ МАВЕРАННАХРА И ПАДЕНИЕ САМАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Малоизвестные нам события, происшедшие в Семиречье и Кашгаре и приведшие к образованию государства Караханидов, оказались роковыми для династии Саманидов и возглавляемого ими огромного государстна. Богра-хан, как мы будем теперь именовать упомянутого караханидского хана, возглавил мощное завоевательное движение карлуков, чигилей, ягма и других тюрков Семиречья и Кашгара в другие области Средней Азии — Шаш, Фергану и земли древнего Согда.

Движение Караханидов на запад Средней Азии, как в свое время движение арабов в Сирию и Ирак, в основном, преследовало цели не только грабежа, но и переброски части населения на новые места.

Как и всякое завоевательное вторжение, и в особенности кочевников, в оседлые земледельческие районы, — караханидское движение сопровождалось насилиями и грабежом. Однако все это происходило в менее значительных размерах, чем при арабском и особенно при монгольском завоеваниях.

Выше мы уже говорили о тех внутренних осложнениях,

которые переживало саманидское государство. Крестьянство все больше проникалось недовольством, так как саманидские чиновники с каждым годом усиливали налоговый гнет.

Частые смуты в государстве не только сопровождались постоянными передвижениями различных войсковых отрядов, отчего страдали селения, гибли поля и сады, но неизбежно влекли за собою увеличение хараджа и натуральных повинностей. Саманидская власть постепенно теряла в глазах земледельческого населения всякую популярность. Не встречали Саманиды поддержки и у значительной части господствующего класса. Старая дехканская аристократия, в особенности та ее часть, которая оставалась во главе прежних своих владений, как бы малы они ни были, не хотела мириться с централизаторскими тенденциями эмирской власти, относилась к ней враждебно и ничего так не желала, как падения саманидской династии. Как мы увидим ниже, поведение дехканов в самые тяжелые для жизни саманидского государства дни явно способствовало успехам Караханидов. Даже тюркская гвардия (гулямы) оказалась малонадежным войском.

Вторая половина X в. прошла под знаком напряженной борьбы с разного рода мятежами, в которых деятельное участие против Саманидов принимали и крупные военачальники из тюркских гулямов. Обе группы господствующего класса — дехканы и тюркские «генералы» — в самый критический момент жизни саманидского государства оказались предателями и изменниками. Если дехканы встали на путь открытого приглашения в Мавераннахр Богра-хана, внука Сатука, то верхи гвардии тайно договорились с ним о будущем разделе еще не покоренного им государства.

Позицию предателя заняло и ортодоксальное мусульманское духовенство. Бухара при Саманидах все больше становилась центром мусульманского богословия ханифитского толка. Все определеннее выявлялась и реакционная сущность деятельности бухарского духовенства. Сосредоточив в своих руках исключительные богатства благодаря все увеличивавшимся вакфам, оно оказывало сильное влияние на широкие круги городского и сельского населения. Большую опору оно нашло и в тюркской гвардии, которая поддерживала все его мероприятия. С Саманидами у высших кругов мусульманского духовенства не всегда были дружественные отношения: вспомним хотя бы карматские симпатии Насра ибн Ахмеда (914—943 гг.). Особенно отрицательно относилось

духовенство к деятельности ученых в области философии и точных наук. Ближайшие события показали, что духовенство одним из первых оставило Саманидов и перешло на сторону завоевателей.

В сохранившихся источниках мы не находим ни описания маршрута победоносного похода Богра-хана в 992 г. из Семиречья на Мавераннахр, ни данных о численности и устройстве его войска. Но зато нам известно, что непосредственно перед походом один из самых влиятельных людей в саманидском государстве — Абу Али Симджури — энергичный и честолюбивый тюркский военачальник, тайно от Нуха ибн Мансура (976—997 гг.) вел переговоры с Богра-ханом о разделе саманидского государства. Согласно этим переговорам, Мавераннахр должен был отойти к Богра-хану, а земли на юг от Амударьи — к Абу Али. Переговоры с Богра-ханом вели и некоторые из влиятельных дехканов. Они рассчитывали получить при перемене власти не только политическую независимость в своих владениях, но и значительно расширить их территориально.

На саманидском престоле в это время был Нух II ибн Мансур, человек энергичный и твердый. Однако при создавшейся обстановке ему, как мы указывали выше, не на кого было опереться. Посланный навстречу Богра-хану тюркский военачальник Аяч был разбит и взят в плен. Нух решился тогда обратиться к одному из наиболее талантливых, но явно ненадежных своих «генералов» — к Фаику. Последний во главе значительного войска дал сражение Богра-хану при Хардженге, вблизи Рабат-и-Мелика. Битва умышленно была им проиграна, и Бухара осталась беззащитной. Измену Фаика в первую очередь подтверждает тот факт, что он вскоре был назначен Богра-ханом на пост наместника Термеза и Балха.

Поражение при Хардженге заставило Нуха ибн Мансура покинуть столицу, и Бухара без боя была занята Богра-ханом (в 992 г.). Своим местопребыванием караханидский хан избрал прекрасный дворец в Джуи Мулиане. Однако Богра-хан недолго оставался в Бухаре. Болезнь заставила его покинуть столицу Саманидов и направиться в лучший из городов Мавераннахра — Самарканд. Нух воспользовался этим случаем и быстро повернул со своим отрядом к Бухаре, найдя военную поддержку у Абу Али. Ранее Абу Али поднял мятеж против Нуха, а затем стал в оппозицию к Богра-хану, отношения с которым к этому времени у него сильно испортились.

Временному упрочению положения Нуха содействовала

также все усиливающаяся болезнь Богра-хана, вынужденного поэтому даже покинуть Самарканд и направиться к себе на родину, в Кашгар, по дороге куда он и умер.

Казалось бы, что для Нуха обстановка начинала складываться более благоприятно и что он должен был бы использовать смерть энергичного хана, фактически руководившего всем караханидским движением. Однако Нух не смог найти среди своих приближенных ни одного надежного и способного военачальника. Кроме того, в тылу у него также было неспокойно. Хорасан находился в руках Абу Али и Фаика — временно объединившихся врагов. Что же касается областей Газны и Герата, то они были в руках фактически независимого от Саманидов их наместника Себук-тегина, весьма быстро сделавшего карьеру от простого гуляма до могущественного правителя. В 977 г. он стал, вопреки воле Нуха ибн Мансура, правителем Газны, и с тех пор отношения между ним и саманидским эмиром сделались весьма напряженными. И все-таки обстоятельства вынудили Нуха обратиться к его помощи.

В 996 г. тюрки возобновили наступление на Бухару. Фактически главой караханидского движения на Мавераннахр после смерти Богра-хана сделался Наср, человек не менее энергичный и решительный, чем его предшественник.

Себук-тегин выступил на помощь Нуху с большим войском. В Балхе к нему присоединились отряды владетелей Чаганиана, Гузгана и Хутталяна. Когда Себук-тегин стал лагерем в районе Кеша, он потребовал, чтобы к нему присоединился со своим отрядом и Нух. Это звучало прямым вызовом суверенным правам саманидского эмира. Тот, конечно, отказался и послал Себук-тегину предписание самому явиться в Бухару. В ответ на это Себук-тегин послал вместо себя 20-тысячный отряд, который и установил его фактическую власть в Бухаре. После этого Себук-тегин начал от своего имени переговоры с Насром о разделе сфер влияния. Порешили на том, что весь бассейн Сырдарьи перейдет в руки Караханидов. Характерно, что своим наместником в Самарканде Наср назначил Фаика, окончательно перешедшего на его сторону.

Согласно договору, Себук-тегин сделался полновластным хозяином земель, лежащих на юг от Амударьи и, в первую очередь, Хорасана. Таким образом, Саманидам фактически оставлена была лишь центральная часть Мавераннахра. Все эти решения были приняты помимо Нуха ибн Мансура, который потерял всякое значение и недолго жил после этих столь неблагоприятных для него событий.

На престол вступил Мансур ибн Нух (997—999 гг.). Обстоятельства, однако, продолжали неблагоприятно складываться для Саманидов, и Мансур не мог направить события в желательную для себя сторону. Положение Мансура осложнялось все усиливавшейся враждой между ним и его военачальниками, которые интриговали не только друг против друга, но и против самого эмира. Наиболее деятельное участие в этих интригах принимал Фаик, который был подлинным ставленником Насра при дворе Мансура в Бухаре.

В феврале 999 г. Фаик, опираясь на тюркских гулямов, схватил Мансура и, ослепив, низложил его с престола. Это был удар в спину ослабленной саманидской династии. Фактически Мавераннахр не имел ни средств для сопротивления, ни человека, который мог бы возглавить борьбу, да и народные массы совершенно равнодушно взирали на происходившие события.

О падении Бухары и въезде в нее Насра в октябре 999 г. имеется весьма интересный рассказ одного купца, очевидца события, записанный Хилалем ас-Саби, историком первой половины XI в. Согласно этому рассказу, когда Наср подступал к Бухаре, оставшиеся члены саманидской династии поручили своим проповедникам обратиться к народу за поддержкой. Проповедники действительно обратились с кафедр соборных мечетей к населению столицы с призывом выступить в защиту саманидской власти. Представители народа запросили по этому поводу своих факихов, и те будто бы ответили: «Если бы Ханиды (тюрки) препирались (с Саманидами) из-за религии, то сражаться с ними было бы обязательным. Но когда борьба идет из-за благ сего мира, то не позволено мусульманам губить себя и предоставлять себя для убиения».

Занятие Бухары Насром в 999 г. решило вопрос о захвате Караханидами власти в Мавераннахре, хотя некоторое время Саманиды продолжали еще делать попытки вернуть Бухару и Самарканд. Эти попытки продолжались до 1005 г. Возглавлял борьбу военачальник Саманид Абуибрахим Исмаил, носивший лакаб (прозвище) Мунтасир. Мунтасира энергично поддерживали туркмены (огузы), союзники храбрые, но ненадежные, кочевавшие в это время на правобережье Зарафшана в районе Нура (Нур-Ата). Борьба против Караханидов принимала иногда настолько благоприятный для Саманидов характер, что появлялась надежда на изгнание Караханидов из Мавераннахра. В 1000 г. полководцу Исмаила хаджибу Арслану-Балу удалось разбить караханидское войско. Исмаил занял Бухару и приступил к выпу-

ску своей монеты. Однако отдельные удачи не могли изменить хода событий. Уже весной 1001 г. Исмаил был вынужден оставить Бухару и уйти в Хорезм. Попытки его закрепиться в одном из крупных городов встретили противодействия Махмуда Газневи, выступавшего против Исмаила в союзе с Караханидами. В 1005 г., когда был убит Мунтасир, сопротивление Караханидам прекратилось совсем.

4. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАРАХАНИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО В НАЧАЛЕ XI в.

Еще в X в., в годы наибольшего политического могущества Саманидов, город Газна стал привлекать к себе внимание мятежных элементов среди тюркских военачальников. Отдаленность Газны от центра саманидского государства, близость к богатым районам и городам северной Индии, куда можно было делать грабительские набеги под флагом священной войны против неверных, ставили назначенного Саманидами правителя в положение почти самостоятельного владетеля, предпринимавшего походы в области северной Индии по собственной инициативе. Первая попытка организовать в Газне независимое княжество, как отмечено выше, связана еще с именем саманидского военачальника из тюркских гулямов Алп-тегина, который низложил здесь местного владетеля (в 962 г.) и установил свою власть в области, правда, на короткий срок. Вторая попытка захватить власть в Газне (на этот раз удачная) была сделана в 977 г. упомянутым выше Себук-тегином, бывшим гулямом Алп-тегина. С тех пор власть в Газне оставалась в руках Себук-тегина и его потомков.

В дни захвата Насром Бухары эмиром в Газне был Махмуд, сын Себук-тегина, известный в истории под именем Махмуда Газневи, основатель могущества Газневидов. Махмуд начал свое правление в весьма выгодный для него момент. В том же самом 999 г., когда Наср овладел Бухарой, Махмуд получил от багдадского халифа Кадыра (991—1031 гг.) и диплом на управление Хорасаном. В ответ на это Махмуд стал провозглашать на хутбе имя халифа Кадыра, что являлось признанием его суверенитета. В 1001 г. Махмуд договорился с Насром об установлении границ между караханидским государством и его владениями. Главной пограничной линией сделалась река Амударья. На месте саманидского государства образовалось два новых государства: одно — караханидское, тянувшееся от Кашгара до Амударьи и включавшее в себя часть Восточного Туркеста-

на, Семиречье, Шаш, Фергану и территорию древнего Согда; другое — газневидское, простиравшееся от границ северной Индии почти до южных берегов Каспийского моря, включавшее области нынешнего Афганистана и северо-восточный Иран.

С первых же дней своего существования газневидское государство стало играть в судьбах Ирана и Средней Азии, в частности Мавераннахра, большую роль. В основу своей политики Махмуд Газневи положил создание сильного и хорошо вооруженного войска, организованного для беспрерывных грабительских походов в северную Индию, которые велись под лозунгом священной войны против неверных (газават). За время своего царствования (998—1030 гг.) Махмуд Газневи совершил семнадцать грабительских походов на Пенджаб, Кашмир и другие области северной Индии.

Не намереваясь прочно захватить эти богатые и культурные области, ни тем более включить их в свое государство, Махмуд не церемонился с захваченными городами и селениями. Его отряды грабили имущество, сжигая дома целыми кварталами, вывозили золото, серебро в виде статуй и сосудов, захваченных в храмах, а также ткани, оружие, слонов, скот и многое другое. Обозы длинными караванами возвращались в Газну и другие города газневидского государства, нагруженные добычей. В один из походов Махмуд вывез из города Канауджа 20 миллионов дирхемов, 57 тыс. рабов и 350 слонов. Семнадцать индийских походов Махмуда разорили области северной Индии настолько, что нужны были долгие годы напряженного труда, чтобы хотя бы частично возродить былое богатство. Награбленное добро, обогащая казну газневидского эмира, давало ему возможность непрестанно увеличивать войско, возводить прекрасные постройки — дворцы, мечети, медресе. Жестокому грабежу подвергалось также население государства, обремененное непомерно большими налогами, что привело к сильному обнищанию Хорасана.

Походы в Индию сделали Махмуда сильнейшим государем своего времени. С его именем считались все его соседи и даже сам караханидский хан, сидевший в отдаленном Кашгаре, с которым, в свою очередь, вынужден был считаться и Махмуд Газневи, и потому он стремился к установлению мирных, добрососедских отношений с Караханидами. Это было ему необходимо прежде всего для того, чтобы во время индийских походов оставаться спокойным за свой глубокий тыл. Однако установить мирные отношения

было не так-то легко, ибо в первые годы после завоевания Мавераннахра караханидские ханы не оставляли мысли захватить Хорасан.

Известны два караханидских похода на Хорасан — в 1006 г. и 1008 г. Первый из этих походов был предпринят в то время, когда Махмуд Газневи находился в северной Индии. Караханидским войскам удалось захватить Балх, Тус и Нишапур. Интересно отметить, что хорасанская земле-владельческая аристократия в лице наиболее влиятельных дехканов, находясь в резкой оппозиции к Махмуду, активно поддерживала тюрков, то есть вела себя точно так же, как держало себя во время походов Богра-хана и Насра на Бухару мавераннахрское дехканство. Впрочем, успех Караханидов продолжался недолго: Махмуд вернулся из Индии и прогнал их.

Тем же закончился второй из указанных походов. На этот раз в битве участвовал сам Махмуд, в войске которого находилось 500 слонов. Тюркское войско было разбито и бежало. Движение Караханидов за Амударью было, таким образом, прекращено.

Все усиливавшаяся борьба сепаратистски настроенных феодалов с центральной властью явилась основной причиной гибели государства Саманидов. Не меньшая феодальная раздробленность была и при Караханидах (система уделов). Государство считалось как бы собственностью всей правящей династии, со сложной иерархией старшинства в роде и постоянной борьбой между членами династии за лучший удел. Одним из таких уделов был Мавераннахр, который неоднократно переходил от одной ветви караханидской династии к другой. В этих сменах властей трудно разобраться, так как источники не всегда сообщают о происхождении ханов, да и в целом генеалогия караханидской династии выяснена недостаточно.

Удельным князем Мавераннахра, включая Самарканд, Бухару и долину Кашкадарьи, через некоторое время после правления Насра ибн Али сделался Али-тегин сын Хасана (или Хусейна), правивший этой областью как самостоятельный независимый правитель до 1034 г.

Среди караханидских удельных ханов сразу же начались смуты. Особенно враждебные отношения установились между илек-ханом Мавераннахра Али-тегином и великим ханом (тамгач-ханом) Кадыром, сидевшем в Кашгаре. Махмуду Газневи эта вражда, принимавшая иногда активные формы, была чрезвычайно выгодна. Особенно он был заинтересован в том, чтобы как-нибудь ослабить своего соседа — караха-

нидского илек-хана Али-тегина. В известной мере того же хотел и Кадыр-хан.

На этой почве произошло в 1025 г. в окрестностях Самарканда личное свидание двух могущественных государей своего времени — Махмуда Газневи и тамгач-хана Кадыра.

Гардизи, персидский ученый XI в., в своем труде «Зейн ал-ахбар» («Украшение известий») красочно рассказывает об этом свидании, состоявшемся к югу от Самарканда. Махмуд Газневи решил поразить воображение Кадыр-хана роскошью и богатством своей ставки и гостеприимством своего дома. Он дал распоряжение поставить для Кадыр-хана большую палатку из затканной золотом парчи, украсить ее снаружи и изнутри, а главное, приготовить разнообразное и обильное угощение и дорогие подарки. Когда Кадыр-хан увидел все это богатство, вернувшись в свою ставку, он отдал приказ собрать все лучшее, что у него имелось, чтобы не ударить в грязь лицом перед могущественным государем, так богато его одарившим. Собрав огромное количество денег, дивных коней с золотой сбруей, тюркских гулямов с золотыми поясами, меха соболей, горностаев, черных лисиц и т. д., он отослал все это Махмуду Газневи.

В результате свидания было решено отобрать у Али-тегина Мавераннахр и передать его Йиган-тегину, сыну Кадыр-хана. Али-тегин вынужден был временно покинуть Мавераннахр и уйти к своим союзникам — туркменам, кочевавшим на правом берегу Зарафшана в районе Нур-Ата, где в это время большую роль играли внуки Сельджука — Исраил, Тогрул и Давуд. Махмуд отдал приказ найти этих Сельджукидов и разбить их. Во время битвы удалось взять в плен Исраила, который в качестве заложника и пленника был отправлен в одну из индийских крепостей, где вскоре и умер.

Совсем изгнать Али-тегина, однако, не удалось, да, впрочем, это и не входило в подлинные намерения Махмуда Газневи. Он хотел только ослабить Али-тегина, видеть же на его месте сына Кадыр-хана ему не хотелось, ибо это означало бы иметь своим соседом самого Кадыр-хана, что не сулило ничего иного, кроме столкновений на берегу Амударьи.

5. ХОРЕЗМ В X И XI вв.

Нам уже приходилось говорить, что Хорезм в составе саманидского государства оставался полунезависимым владением.

В годы катастрофы, когда караханидское завоевание привело к падению династии Саманидов и распадению огромной территории саманидского государства, Хорезм, благодаря своему окраинному положению, не вошел ни в караханидское, ни в газневидское государство. Предоставленный самому себе, Хорезм оказался в весьма благоприятных условиях для своего дальнейшего роста, так как находился на перекрестке торговых путей из Поволжья через Среднюю Азию в Монголию и Китай, с одной стороны, и в Иран — с другой. Кроме того, Хорезм вел торговлю с кочевой гуз-ской степью, которая поставляла на пограничные хорезмские рынки скот, мясо, шерсть. Вследствие этого страна богатела, в особенности города.

Географы X в. описывали Хорезм, как страну, богатую разнообразными земледельческими культурами. По словам Макдиси, «это область известная, обширная, со множеством городов.... не прерываются (там) жилища и сады, (в ней) множество винограда, давилен, пашен, деревьев, фруктов и других материальных благ, (она) прибыльна для людей торговли». Несколько ниже Макдиси еще раз возвращается к общей характеристике Хорезма и говорит: Хорезм по площади равен «восемьдесят на восемьдесят (фарсахов), в нём не прерываются жилища, обильные водой каналы, огромные запасы рыбы и баранов, это место торговли с гузами и тюрками». Отмечает Макдиси и высокий культурный уровень жителей Хорезма: «Они — люди понимания науки, фикха, способностей и литературного образования; я редко встречал имама в фикхе, в литературе и Коране, чтобы он (имам) не имел бы ученика-хорезмийца, который бы уже не преуспевал (в знании)».

Во второй половине X в. выдвинулся северный Хорезм и его столица Ургенч (Гургендж). Известно, что до 996 г. Хорезм разделялся на две части — Южный и Северный Хорезм. Столицей Южного Хорезма был древний город Кят, где сидел правитель с титулом хорезмшаха; столицей Северного Хорезма был упомянутый выше Ургенч, который являлся местопребыванием эмира.

В 996 г. правитель Северного Хорезма Манун ибн Мухаммед объединил эту небольшую, но богатую и культурную страну в единое государство, принял титул хорезмшаха и столицей страны сделал Ургенч.

Мамун ибн Мухаммед (995—997 гг.) и его сын Али ибн Мамун (997—999 гг.) взяли курс на усиление независимости и военного могущества Хорезма.

Махмуд Газневи прекрасно понимал возможности Хорез-

ма, учитывал его богатства, культурные силы и потому стремился превратить его государя в покорного себе вассала. Вот почему он выдал замуж за хорезмшаха Али ибн Мамуна и его брата Мамуна ибн Мамуна своих сестер, рассчитывая, что в качестве близких родственников они будут сговорчивее в политических вопросах.

После смерти Али ибн Мамуна престол хорезмшаха занял его брат Мамун ибн Мамун (999—1017 гг.). Это был умный, культурный человек, стремившийся сделать свою страну сильным и независимым государством, однако излишне осторожный и недостаточно смелый. Мамун ибн Мамун продолжал строительную деятельность своих предшественников. Еще при его отце и брате в Ургенче было построено два прекрасных дворца. По словам Макдиси, у одного из них, стоявшего у ворот Хаджаджа, были ворота, равных которым не было во всем Хорасане и которые отличались редкой красотой. Другой дворец построен был на площади Ригистана, которая похожа была на одноименную площадь в Бухаре. В Хорезме в конце X и начале XI вв., как и в саманидской Бухаре, имелись прекрасные образцы архитектурных сооружений. Нельзя, конечно, утверждать, что хорезмшахи подражали Саманидам, так как в Хорезме были свои богатые традиции строительного дела. Но во всяком случае они стремились не отставать от Саманидов в украшении и благоустройстве своей столицы.

С именем Мамуна ибн Мамуна, как мы уже видели при изложении биографии Ибн Сины, связано создание при дворе в Ургенче крупного культурного центра; на придворных меджлисах собирались лучшие научные силы начала XI в. Вспомним, что здесь выступали такие великие люди, как Ибн Сина, Бируни и другие ученые. Махмуд Газневи с завистью смотрел на это замечательное окружение хорезмшаха Мамуна ибн Мамуна и, как мы увидим ниже, сделал все, чтобы ослабить культурное значение Ургенча и перетянуть *находившихся там ученых к себе.*

Багдадский халиф Кадыр (991—1031 гг.), внимательно следивший за событиями в Хорасане и Средней Азии, стремился повсюду внести разлад между отдельными владетелями, видя в этом лучшее средство ослабления их могущества. Учитывая растущую силу Хорезма, халиф Кадыр послал хорезмшаху Мамуну ибн Мамуну через особого посла почетную одежду, а также диплом с пожалованием ему титула «айн-ад-даула ва зайн ал-милла», то есть «око государства и украшение религиозной общины». Кадыр прекрасно сознавал, что пожалование хорезмшаху всех этих знаков

почета и внимания будет крайне неприятно султану Махмуду Газневи. Понимал это и сам хорезмшах. Вот почему он отправил Бируни, выполнявшего иногда некоторые ответственные политические поручения государя, навстречу послу с тем, чтобы вручение подарков и знаков почета состоялось не во дворце на государевом приеме, а в скромной обстановке, в глуши.

Конечно, Махмуд Газневи, у которого давно созрело намерение ликвидировать самостоятельность хорезмшаха, очень скоро узнал о происшедшем. Это утвердило его в решении последовать совету своего везира Абулкасима Майменди — испытать верность хорезмшаха через находившегося в Ургенче своего посла. И вот однажды, в 1014 г., посол Махмуда Газневи в Хорезме в очень деликатной форме предложил хорезмшаху прочесть хутбу на имя султана Махмуда Газневи, уверяя, что он предлагает это по собственной инициативе. Мамун, понимая, кто являлся истинным инициатором этого предложения, медлил с ответом. Посол повторил тогда предложение в более категорической форме. Мамун не решился взять на себя ответственность и дать ответ и предпочел поэтому созвать к себе на совет представителей хорезмской знати, в том числе наиболее влиятельных военачальников. Последние, узнав в чем дело, и заподозрив хорезмшаха в намерении пойти на уступки и выполнить требование Махмуда, обнажили оружие и стали угрожать Мамуну смертью. Положение Мамуна было чрезвычайно тяжелым. Хотя он считал сопротивление безнадежным, однако выполнить предписание Махмуда, равносильное отказу от независимости Хорезма, не решился, боясь восстания собственного народа. Положение осложнялось еще и тем, что Караханиды, в лице мавераннахрского илек-хана, явно стремились вмешаться в назревавший конфликт.

Бейхаки сохранил нам замечательное письмо султана Махмуда Газневи к хорезмшаху по поводу создавшегося в Хорезме напряженного положения. Письмо это, как и ряд других ценных сведений о конфликте с Махмудом Газневи и последних днях независимости Хорезма, Бейхаки извлек из недошедшего до нас сочинения Бируни, который был не только современником и свидетелем, но и активным участником событий, приведших Хорезм к полной потере политической независимости.

Письмо султана Махмуда Газневи является образцом дипломатической переписки того времени, свидетельствующим о давней и высокой культурной традиции в этой области. Приведем небольшой отрывок из этого письма в переводе

В. В. Бартольда: «Известно, на каких условиях был между нами заключен договор и союз и насколько он, хорезмшах, обязан нам. В этом вопросе о хутбе он оказал повиновение нашей воле, зная, чем для него может кончиться это дело; но его люди не позволили. Я не употребляю выражения «гвардия и подданные», так как тех нельзя назвать гвардией и подданными, которые в состоянии говорить царю: делай это, не делай того! В этом видны слабость и бессилие власти, так оно и есть. На этих людей я разгневался, долгое время пробыл здесь в Балхе и собрал 100 тысяч всадников и пехотинцев и 500 слонов для этого дела, чтобы наказать мятежников, оказывающих сопротивление воле государя, и поставить их на истинный путь. В то же время мы разбудим эмира, нашего брата и зятя, и покажем ему, как надо управлять государством; слабый эмир не годится для дела». Дальше в письме указывается, что Махмуд Газневи мог бы удовлетвориться и вернуться домой в Газну лишь при исполнении одного из следующих условий:

1) хорезмшах прочтет хутбу на имя султана Махмуда Газневи, или

2) пришлет достойные его, Махмуда, подарки и деньги, которые потом тайно будут отосланы обратно хорезмшаху, так как он, Махмуд, настолько богат, что в них не нуждается, или

3) хорезмшах вышлет к Махмуду лучших вельмож, факихов и имамов с просьбой о милости, чтобы люди Махмуда видели степень покорности Хорезма и его правителя.

Получив это письмо, хорезмшах попал в еще более затруднительное положение. Продолжая держаться своей нерешительной политики, он никак не мог отважиться на тот или иной шаг, который четко выявил бы его линию поведения.

Прекрасно понимая, что Махмуд Газневи требует от него полного повиновения, он приказал читать хутбу на имя последнего, но лишь в Нисе и Фераве, которые только недавно вошли в состав Хорезма, и в ряде других городов, не имевших политического веса в стране. В Кяте же и в Ургенче он это мероприятие провести не решился, опасаясь восстания народа, который не желал расставаться со своей независимостью.

Половинчатая политика, однако не спасла ни страну, ни тем более хорезмшаха. В войске его, стоявшем в Хазараспе, созрел заговор против Мамуна. Весной 1017 г. войско пошло на столицу, воины убили везира и нескольких крупных чиновников, подожгли дворец, в котором заперся хорезмшах, ворвались к нему и убили его.

На престол был возведен племянник Мамуна Абулхарис Мухаммед ибн Али, но царствование его продолжалось очень недолго. Узнав о событиях, Махмуд немедля собрал огромное войско и двинулся на Хорезм. Силы были неравны, и, хотя хорезмийцы дрались храбро и умело, они были разбиты под Хазараспом. В июле 1017 г. была решена судьба Хорезма. Он перестал существовать как самостоятельное государство и вошел в состав газневидского государства. Правителем в Хорезм, с сохранением титула хорезмшаха, был назначен Алтунташ, тюрк по происхождению, служивший у Махмуда в должности главного хаджиба.

Завоевание Хорезма было большим дипломатическим и военным успехом Махмуда Газневи. Если до 1017 г. Караханиды и могли считать себя сильными соперниками газневидского государства, то теперь соотношение сил явно склонилось в пользу последнего.

6. СЕЛЬДЖУКИДЫ В 20—30-х ГОДАХ XI в. И ПАДЕНИЕ ГАЗНЕВИДОВ

Сельджукидское движение первой половины XI в. происходило за пределами Мавераннахра, хотя возникло отчасти и на его территории. Связанные с ним события имели огромный резонанс на всем Переднем и Среднеазиатском Востоке.

Во главе сельджукидского движения стояли братья Тогрул-бек и Чагры-бек Давуд, внуки Седьджука, и дядя их Муса Ябгу, сын Сельджука. Происходили они из старейшего туркменского племени кынык. Стояли братья Сельджукиды во главе группы туркмен-кочевников, в состав которой, по-видимому, входило несколько родов и племен, находившихся в родственных связях и с другими туркменскими родоплеменными объединениями. Первоначально туркмены кочевали в районе нижней Сырдарьи у Дженда, но из-за ссоры с правителем последнего, Шах-Меликом, вынуждены были уйти на правый берег Зарафшана, где Саманиды предоставили им кочевья у Нура (Нур-Ата). Жили Саманиды с Сельджукидами в ладу, что, между прочим, проявилось в той, правда, не всегда надежной помощи, которую туркмены оказывали им во время борьбы с Караханидами.

Положение туркмен-сельджукидов в первой половине XI в. резко ухудшилось. Дело в том, что вместе с Караханидами в Мавераннахр, в частности, в Зарафшанскую долину, пришло немало тюрков-чигилей, карлуков, ягма и других. Им всем нужны были места для кочевий, в том числе и пра-

вобережье Зарафшана, от Нура по направлению к Самарканду, где уже обитали туркмены.

Пока хозяином Мавераннахра был илек-хан Али-тегин (ум. в 1034 г.), туркмен мало беспокоили; после же его смерти, когда всеми делами из-за малолетства сыновей Али-тегина фактически управлял Тунуш, положение их сильно ухудшилось. Обстоятельства вынудили их в конце концов покинуть долину Зарафшана. Хорезмшах Харун в 1034 г. предоставил им земли в районе Рабат-и Машэ, Шурахана и Гаухорэ, однако на них напал владетель Дженда и перебил 8 тысяч человек. Предводители туркмен — упомянутые выше Тогрул-бек, Чагры-бек Давуд и Муса Ябгу, решили уйти оттуда и просить земель у Масуда, сына Махмуда Газневи, правившего с 1030 по 1041 г.

Сельджукиды направили послов к газневидскому правителю Хорасана с просьбой предоставить им кочевья в районе Серахса, Мерва, Абиверда, Несы и Феравы. Эти места представляли собой хорошие кочевья, а некоторые из них, например, районы Серахса и Абиверда, изобиловали к тому же богарными полями, что также очень ценилось кочевниками.

Газневидское правительство уже и раньше пускало на эти земли туркмен и имело в этом отношении горький опыт. Поселив в 1025 г. с разрешения Махмуда Газневи группу туркмен в 4 тысячи шатров в районе Абиверда, Несы и Феравы, газневидские власти допустили большую ошибку. Вымогательства газневидских чиновников, требовавших взяток в виде поставки в их личное пользование баранов, озлобили туркмен, и они в ответ начали творить насилия над мирным оседлым населением. Между туркменами и соседними селениями создались явно враждебные отношения.

Махмуд Газневи был вынужден прибегнуть к военной силе, чтобы привести туркмен к повиновению. Газневидское войско нанесло поражение главным силам кочевников, и последние вынуждены были покинуть отведенные им земли. Одна часть туркмен ушла в район Балханских гор, другая — в район Дихистана. Большая же часть их перекочевала на запад — в Ирак Персидский, а оттуда — в Армению и Азербайджан.

Все происшедшее с туркменами при Махмуде в 1025 г. оставило настолько сильное впечатление, что хорасанский наместник повел переговоры с представителями Тогрул-бека в явно недружелюбном тоне. Туркмены, однако, были весьма настойчивы, и, в конце концов, если не полностью, то частично, добились своего. В 1035 г. по договору в Ниша-

пуре *они получили земли в районе Несы, Феравы и Дихи*стана, но и на этот раз, как и десять лет назад, не сумели наладить мирных отношений с земледельческим населением.

Не прошло и несколько месяцев, как положение стало совершенно невыносимым. Сельджукидские предводители только на словах склонны были идти на установление с оседлым населением мирных отношений. На деле же они настойчиво продолжали требовать у газневидского правительства новых земель, особенно в районе Мерва и Серахса. Масуду, сыну и преемнику Махмуда не осталось другого выхода, как вновь обратиться к силе оружия. Обстановка, однако, сложилась для Газневидов неблагоприятная. В Хорасане у них не оказалось надежной базы, так как ни Газневиды, ни их наместники не пользовались в этой огромной и богатой стране популярностью. Последнего газневидского наместника Абулфазла Сури население Хорасана явно ненавидело за вымогательство, взятки и другие злоупотребления.

Особенно страдало население Хорасана от военных постоев и насилий, творимых газневидскими войсками. Бейхаки, персидский историк XI в., наиболее полно освещающий эти события, бывший сам свидетелем многих из них рассказывает, что Хорасан во время появления здесь туркмен находился в состоянии полной анархии.

В такой обстановке борьба Газневидов с Сельджукидами приняла невыгодный для султана Масуда оборот. Посланное им против туркмен войско потерпело поражение под Серахсом, что открыло туркменам дорогу к главному городу Хорасана — Нишапуру. В 1038 г. Тогрул-бек с отрядом в 3 тысячи человек занял Нишапур, не встретив никакого сопротивления. Характерно, что представители высшего нишапурского духовенства и купечества высказались за безусловную сдачу города.

Однако занятие Нишапура не решало еще судьбы Хорасана. Борьба продолжалась. Одно время военное счастье, казалось, вновь повернулось в сторону Газневидов. Так, Масуд одержал большую победу в том же 1038 г. под Серахсом. Газневидский государь, однако, переоценил значение этой победы и отводом своих войск из района военных действий предоставил Сельджукидам возможность окрепнуть и собрать новые силы.

В 1040 г., при Данданакане, между Серахсом и Мервом, произошло последнее, на этот раз решающее, сражение. Большая армия Газневидов, пройдя безводную пустыню, обессиленная жаждой и усталостью, потерявшая всякое

чувство дисциплины, потерпела полное поражение. От армии Масуда Газневи не осталось ничего, а сам он с небольшим отрядом спасся бегством. Битва в 1040 г. положила конец могуществу Газневидов, превратив их государство в небольшое княжество местного значения.

На развалинах газневидского государства образовалась новая держава — государство великих Сельджукидов, историческая жизнь которого протекала за пределами современного Узбекистана. Захваченные у Газневидов земли были розданы отдельным членам сельджукидского дома в качестве уделов: Тогрул-беку была выделена большая часть северных и северо-западных областей Ирана, Чагры-беку Давуду — Мерв и большая часть Хорасана, Мусе Ябгу — области Туса, Герата и Сеистана.

Главою сельджукидского государства стал Тогрул-бек (1038—1063 гг.), который, продолжая завоевания, покорил Ирак Аджем (Ирак Персидский), Азербайджан, Курдистан и Кухистан. В 1055 г. Тогрул-бек вступил со своими войсками в Багдад и принудил халифа ввести в хутбу свое имя. За аббасидским халифом осталась духовная власть, светская же передавалась Тогрул-беку с титулом султана. Столицей нового государства Тогрул-бек избрал город Рей. Взоры его целиком были устремлены на запад. Собственный удел мало его интересовал, а с Караханидами, которые были сильнее его, Тогрул-бек искал только мира. Однако мир этот был не очень прочен и долог. Выявились спорные вопросы, которые привели обе тюркские династии к столкновениям.

7. КАРАХАНИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII вв.

В то время как Сельджукиды успешно укрепляли свое положение в Иране и усиливали завоевательные действия на западе, Мавераннахр по-прежнему находился под властью Караханидов.

Караханиды для упрочения своей власти продолжали политику, направленную на усиление связи с влиятельным мусульманским духовенством. Следует отметить, что о внутренней жизни Мавераннахра этого времени мы имеем мало сведений.

В середине XI в. Караханид Ибрахим ибн Наср, принявший титул тамгач-хана, перенес столицу западной части караханидского государства из Узгена в Самарканд (правил в Самарканде с 1040 до 1068 г.). В его царствование сложились враждебные отношения с Сельджукидами. Яб-

локом раздора стали территории по обоим берегам Амударьи, в районе двух важных городов — Термеза и Балха, которые попали к Сельджукидам после того, как их вынуждены были оставить Газневиды .

Внешнеполитические интересы сельджукидского государства при Алп-Арслане (1063—1072 гг.) в значительной степени были обращены на восток. С его именем связаны походы на Хутталян и Чаганиан, а также на Дженд и Сауран, предпринятые со стороны Хорезма, что не могло не обеспокоить тамгач-хана Ибрахима.

В связи с переходом власти в Мавераннахре в 1068 г. от тамгач-хана к его сыну Шемсульмульку, в Бухаре и Самарканде разгорается кровопролитная междоусобная борьба между сыновьями отказавшегося от престола тамгач-хана, из которой победителем вышел Шемсульмульк.

Из источников известно, что во второй половине XI в. ханы из караханидского дома, в особенности Шемсульмульк, еще не совсем порвали с традициями и привычками кочевого быта, жили со своими дворами в степи и лишь зиму проводили в загородном дворце, находившемся в окрестностях Бухары. Шемсульмульк Наср внимательно следил за тем, чтобы его тюркские воины не оставались на ночь в Бухаре, так как опасался за их поведение. С именем Шемсульмулька связано крупное строительство в Мавераннахре, особенно в Бухаре, так ярко описанное Наршахи.

Начавшиеся еще при тамгач-хане Ибрахиме столкновения с сельджукским государством усилились. Происходили они главным образом из-за Термеза и Балха. Сельджукский султан Алп-Арслан предпринял грандиозный поход против Караханидов. Однако в связи с его убийством поход был отменен.

Убийство Алп-Арслана в 1072 г. окрылило караханидского хана Шемсульмулька Насра, и он, пользуясь временной слабостью Сельджукидов, перешел в наступление, занял Термез, а потом и Балх. Однако этот успех был кратковременным, так как преемник Алп-Арслана Мелик-шах вскоре вернул оба указанных города. С этих пор инициатива в области внешней и внутренней политики целиком переходит к Сельджукидам, в руки Мелик-шаха (1072—1092 гг.).

Положение Шемсульмулька осложнилось тем, что тамгач-хан Кадыр Юсуф и его сыновья повели с ним борьбу, в результате которой земли на север от Сырдарьи, а также Фергана, отошли от владений Насра. Ослабленный внутренними неурядицами в караханидском государстве, Шемсуль-

мульк не только не мог думать о наступательной политике на юго-западе, но имел все основания опасаться активных действий со стороны Мелик-шаха.

После смерти Шемсульмулька в 1080 г. внутреннее положение Мавераннахра еще более ухудшилось.

Еще тамгач-хан Ибрахим, который в источниках характеризуется как благочестивый правитель, заботившийся о своих подданных и ярый противник ереси (он казнил в 1048/45 г. руководителей секты исмаилитов, которых поддерживали фатимидские халифы), вступил в конфликт с высшим духовенством, казнив видного самаркандского богослова. Конфликт этот продолжался и при Шемсульмульке. Еще более усилилась вражда между высшим мусульманским духовенством и тюркскими военачальниками при хане Ахмеде, царствовавшем в последней четверти XI в., что отрицательно отразилось на внутреннем положении страны. Мелик-шах счел момент для похода на Мавераннахр подходящим и в 1089 г. с огромным войском переправился через Амударью.

В том же 1089 г. Мелик-шах взял Бухару и Самарканд, последний — после упорного сопротивления, которое ему оказали жители города. Караханидский хан Ахмед попал в плен. Однако Мелик-шах, по-видимому, после переговоров с ним вернул ему престол, и Ахмед возвратился в Самарканд. Но серьезное недовольство духовенства и военачальников поднялось с новой силой, и Ахмед был убит в 1095 г.

После смерти Мелик-шаха в сельджукидском государстве начались смуты, которые закончились лишь в 1118 г., когда к власти пришел последний из «великих Сельджукидов» — султан Санджар (1118—1157 гг.). При нем Сельджукиды добились максимального влияния на дела караханидского государства в Мавераннахре. Это время фактически было периодом политического упадка Караханидов, хотя в первую половину царствования Арслан-хана (1102—1130 гг.) им еще делались попытки вести политику большого, независимого государства. В лучшие годы своего правления Арслан-хан много строил, пожалуй, больше, чем кто-либо из Караханидов. С именем Арслан-хана связана и попытка восстановить Пайкенд — город, игравший, как мы видели выше, крупную роль в древности и в раннем средневековье. Попытка эта, однако, не дала желаемых результатов.

Если раньше у Арслан-хана бывали столкновения с верхушкой мусульманского духовенства и военного командования, то теперь эти разногласия усилились, и представите-

ли мракобесия начали протягивать руки к делам управления государством. Когда Арслан-хан, ввиду своей болезни, назначил соправителем своего сына Насра, духовенство составило заговор, и Наср был убит. Тогда Арслан-хан призвал на помощь султана Санджара из Мерва. И хотя Ахмед, второй сын Арслан-хана, сам восстановил порядок в Самарканде и предал казни мятежников, султан Санджар двинулся с войском в Мавераннахр. Помощь дружественного соседа, каким считался султан Санджар, вылилась в завоевательный поход. Султан Санджар осадил Самарканд и взял его в 1130 г. Арслан-хан был вынесен из осажденного города на носилках и отправлен в Балх, где вскоре умер.

Хотя после 1130 г. в Самарканде правили ханы из караханидского дома, однако они уже утратили свою самостоятельность и в основном подчинялись воле султана Санджара, который в это время был на вершине своего могущества.

8. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МАВЕРАННАХРЕ ПРИ КАРАХАНИДАХ В XI—XII вв.

Падение саманидского государства и приход к власти Караханидов в Мавераннахре нельзя рассматривать только как смену одной династии другой. Изменения, которые произошли в Средней Азии, были более глубокими и захватили все стороны политической и социальной жизни. Прежде всего рухнула система единолично управляемого эмиром, относительно централизованного государства, укрепить которое стремились наиболее яркие представители династии Саманидов на протяжении целого столетия.

Все земли от Кашгара до Амударьи считались собственностью караханидского дома, глава которого — великий хан — сидел чаще в Кашгаре, реже — в Баласагуне. Глава ханского дома носил титул «хана ханов», или «султана султанов», наподобие иранского верховного титула «царя царей». В источниках глава караханидского ханского дома часто именуется «тамгач-хан» или «табгач-хан». Этим титулом тюрки называли и китайского императора.

Караханидское государство делилось на отдельные части — уделы, во главе которых стояли члены караханидского дома, носившие титул илек-ханов.

Связь между илек-ханами и ханом ханов не была прочной. Удельные князья — илек-ханы жили между собой в постоянной вражде, стремились к самостоятельности и по-

тому чаще всего были в плохих отношениях с главой караханидского дома, к тому же обычно сидевшим в отдаленном от Мавераннахра Кашгаре.

До падения саманидского государства столицей Караханидов был Баласагун. В XI в. тамгач-ханы жили большей частью в Кашгаре. Одно время, во всяком случае, ранее 1072 г., столицей караханидского государства сделался Узген[1] (ныне небольшой город Киргизской ССР в восточной части Ферганской долины). Впоследствии, в конце XI в., Узген стал центром Ферганского удела Караханидов.

Наибольшее значение из караханидских удельных князей имел илек-хан Мавераннахра, обычно сидевший в Самарканде.

Ханы, владевшие Мавераннахром — обширным и богатым уделом с высокой земледельческой культурой и большими городами, — были фактически самостоятельными и независимыми правителями.

В источниках мало отразилась организация управления в уделах. После завоевания караханидским илек-ханам помогали в управлении те же самые люди, которые раньше служили гражданскими чиновниками при Саманидах, а затем перешли на службу к новой династии, тем более, что Караханиды их почти не преследовали.

Хотя сама система управления в уделах и не повторяла полностью порядков при Саманидах, однако многие должности сохранили прежнее значение. При илек-ханах состояли везиры, сахиб-бериды, мустауфи и другие. В городах сохранились знакомые нам по саманидской эпохе должностные лица: хакимы, раисы, мухтасибы и т. д. В еще меньшей мере претерпела изменения иерархическая структура мусульманского духовенства, с которым караханиды сразу же установили самые тесные, дружественные отношения. В этом вопросе илек-ханы и тюркская военная знать продолжали традицию союза, который был заключен тюркской гвардией еще при Саманидах с самой реакционной частью мусульманского духовенства. При Караханидах авторитет имамов, сейидов, шейхов, садров стоял высоко, как никогда.

В исторических и географических сочинениях X—XIII вв. имеется весьма скудный материал относительно общественного строя караханидского государства, особенно о раннем

---

[1] Махмуд Кашгари в своем труде называет Узген столицей ферганских илек-ханов, Труд Махмуда Кашгари написан между 1072 и 1074 гг.

периоде его существования (конец X и первая половина XI вв.). Выше мы видели, что караханидское государство простиралось от Кашгара до Амударьи. Хотя Семиречье и лежит за пределами средневекового Мавераннахра, однако было бы неправильным совсем обойти молчанием эту игравшую чрезвычайно важную роль в истории караханидского государства территорию. В первой половине XI в. в Семиречье имело не только огромное политическое и культурное значение; его общественные порядки не могли не оказать влияния на общественную жизнь во всех остальных областях караханидского государства, в частности, и в Мавераннахре. Нигде в караханидском государстве соседство культурной земледельческой полосы с кочевой степью не играло такой роли, как в Семиречье.

Караханидские ханы понимали культурное значение земледельческой полосы, особенно городов, и если не переходили к оседлой жизни, то все-таки старались связать себя с городами, делая некоторые из них своими столицами (Кашгар, Баласагун, Тараз, Узген, Самарканд, Бухара и др.). Здесь они строили дворцы и иногда проводили в них зимние месяцы.

Такой же политики по отношению к оседлой полосе караханидские ханы придерживались в Мавераннахре. Однако они не могли принять целиком тех порядков, которые там застали, а лишь приспособили их к интересам как своим, так и той военно-кочевой аристократии, которую возглавляли и представляли.

Выше отмечалось, что при Саманидах велась длительная борьба против господствующей роли дехканства в социально-экономической и политической жизни страны. Однако Саманиды не могли полностью ликвидировать дехканство. Крайне недовольная политикой саманидского государства, оставшаяся еще весьма сильная часть дехканства, естественно, быстро и решительно перешла на сторону новых завоевателей в надежде на восстановление своего общественно-политического положения.

Дехканство рассчитывало с помощью Караханидов свалить ненавистную саманидскую династию; кроме того, оно, по-видимому, было уверенно, что Караханиды власти не удержат. Жизнь показала, что они жестоко ошиблись. Караханиды прекрасно понимали истинные намерения дехканов. Конкретных фактов об отношениях, которые сложились между Караханидами и старой земельной аристократией — дехканами — в источниках нет. Однако можно сказать опре-

деленно, что в новых исторических условиях дехканы потеряли и политическое влияние, и земельные владения.

В. В. Бартольд в своих работах не раз отмечает, что ко времени монгольского завоевания, то есть к началу XIII в., источники почти совсем прекратили упоминать о дехканах, как о крупных землевладельцах. Процесс постепенного уничтожения дехканства протекал весьма болезненно, что видно из следующего рассказа переводчика книги Наршахи «История Бухары» Ахмеда ибн Мухаммеда ибн Насра. Говоря о весьма высоких ценах на землю в Бухаре и ее ближайших окрестностях во времена Наршахи, он заявляет, что в его время земли в местности Кушк-и муган были настолько обесценены, что их отдавали даром, но никто не хотел их брать. Если кто и покупал землю, она у него оставалась пустой, вследствие насилий и жестокостей, какие приходилось переносить подданным.

Этот факт дает основание предполагать, что по отношению к влиятельной землевладельческой знати принимались и насильственные меры. Однако неизвестно, в чем они выражались и в какой период караханидского господства дехканство утрачивает значение влиятельной общественной силы.

Ахмед ибн Мухаммед ибн Наср, по его собственным словам, перевел книгу Наршахи в 522 (1128) г. Таким образом, он жил через 100 лет после упрочения власти Караханидов. Говоря о полном обесценении земельной собственности вследствие творимых насилий и жестокостей, он, конечно, имел в виду прежде всего крупное землевладение в лице собственников-дехканов.

Если дехканство, как институт крупных землевладельцев, окончательно сошло с исторической сцены в результате борьбы с ними Саманидов и решительной политики Караханидов, то самый термин не исчез, но существенно изменил свое значение. Им обозначали теперь лишь мелких земледельцев, то есть крестьянство. Вместе с дехканством сошел с исторической сцены и определенный тип крупных землевладельцев, которые не несли никакой службы, связанной с владением землей.

После завоевания Караханидами Средней Азии, а Сельджукидами — Ирана, в XI в. усиливается распространение условного землевладения, известного на мусульманском Востоке под именем икта. Под ним тогда, прежде всего, подразумевали особый тип земельного пожалования, с которым связано было систематическое получение определенных доходов. В юридической литературе XI—XIII вв., со-

ставленной преимущественно на арабском языке, а также в сочинении «Сиасет-намэ» («Книга об управлении»), написанном Низамульмульком, везиром сельджукидского султана Мелик-шаха (1072—1092 гг.), икта рассматривалось как пожалование, с которым связано временное, но систематическое получение доли определенных государственных поступлений, в первую очередь, с хараджа.

У Низамульмулька в «Сиасет-намэ» имеется целая глава, посвященная икта и держателям икта, которых называли «мукта» («мукта» — арабская форма; «иктадар» — персидская форма для обозначения того же держателя икта). Приведем главное место из этой главы, в котором Низамульмульк определяет, что такое икта и каковы права мукта. «Мукта, — пишет Низамульмульк, — то есть те, кто держит икта, должны знать, что они не могут взимать с крестьян ничего другого, кроме предоставленной им законной подати, которую они с них могут брать только хорошим способом. И когда они (мукта) ее, законную подать, взимают, то крестьяне должны быть спокойны за свою жизнь, имущество, жен и детей, а также орудия и земельные участки, так как у мукта (иктадаров) на все это права нет. Если крестьяне пожелают придти ко двору и довести до сведения правителя о своем положении, то они (мукта) не могут их от этого удерживать, и всякого мукта, кто иначе поступит, укротят, икта отберут, а его накажут, чтобы другим это послужило назидательным примером....».

Из приведенного текста видно, что мукта имеет право взимать с крестьян данного селения или группы селений только определенную специальным постановлением подать, то есть харадж и другие налоги, в тех размерах, в которых крестьяне вносили их в казну до пожалования икта. Мукта при этом имеет право не на самую землю, а только на долю продукта крестьянского труда в виде подати или налога. Более того, мукта не имеет права распоряжаться имуществом и личностью сидящих на земле крестьян; иначе говоря, Низамульмульк отрицает юридически оформленное прикрепление крестьян к владельцу икта. Однако указание Низамульмулька о том, что мукта, поступающие иначе, то есть налагающие руки на имущество и личность сидящих на земле крестьян, подлежат ответственности, говорит о том, что многие мукта фактически проводили в жизнь это прикрепление уже во времена Низамульмулька, то есть в конце XI в. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется данных о том, располагали ли крестьяне в XI в. в Средней Азии и Иране свободой передвижения или же были

лишены такой свободы. В икта жаловались не только земли с сидящими на ней крестьянами; государственная власть могла передавать в икта налоги или доходы и с других объектов обложения, например, с мельниц, с лавок на базарах и т. д.

На мусульманском Востоке икта, в указанном смысле, то есть в смысле пожалования права взимать в свою пользу на определенный срок, частично или полностью, определенные доходы, теснейшим образом связано было со всей системой взимания государственной казной хараджа. Выше мы не раз имели возможность видеть, как богата была в халифате или саманидском государстве казна, основным доходом которой являлись хараджные поступления в деньгах и натуре. Этот грандиозный материальный фонд и служил тем источником, из которого халиф и его правительство *брали средства на содержание чиновничества и войска.*

Очень рано в практике халифата, как нам это известно на основании ряда фактов, относящихся к VIII—IX вв., наметилась тенденция выдавать правителям, военачальникам и другим лицам, состоявшим на службе халифата, пожалования в форме икта. До завоевания Караханидов и Сельджукидов, то есть до XI в., икта имело распространение в X в. в Ираке и западном Иране. Имеются факты, указывающие на существование икта и в саманидском государстве.

Таким образом, икта как определенный феодальный институт не было созданием лишь завоевавших Мавераннахр и Иран тюрков.

Однако, каково бы ни было происхождение икта, необходимо подчеркнуть, что наиболее широкое распространение этот институт получил только в XI в., благодаря тому, что сельджукидские и караханидские правители находили выгодным для себя награждать такими пожалованиями лиц, находившихся у них на военной и гражданской службе.

Вместе с караханидским и сельджукидским завоеваниями в Мавераннахр и Иран пришло немалое количество тюрков. В большинстве своем тюрки эти находились в составе войска, но затем в некоторых районах они стали оседать на землю и переходить к оседлому труду. Верхушка же караханидского войска, типичные представители военно-кочевой знати, пришедшие на новые места, не имела никаких оснований к переходу на оседлый быт. Им было хорошо и в степи, поскольку они владели большими стадами и захватили хорошие пастбища в завоеванной стране. В города они наезжали только на короткое время лишь в те периоды, когда там находился двор илек-ханов, где им в каче-

стве военачальников тогда надлежало присутствовать. Стараясь выжать из покоренной страны как можно больше доходов, сельджукидские и караханидские правители нашли наиболее удобную форму получения доходов от земледельческого населения в икта, которое, как мы отметили выше, существовало и прежде. Икта обеспечивало получение верных систематических доходов и не требовало от иктадара постоянного присутствия в своем поместье. Кочевник-иктадар мог спокойно продолжать свой кочевой образ жизни и аккуратно получать с какого-нибудь селения, или группы селений, верный доход в виде пшеницы, хлопка, винограда, сухих фруктов, тканей и некоторого количества денег, доставляемых ему в определенные сроки несколько раз в год.

Икта жаловалось не только тюркской военной знати. Иктадарами становились и крупные чиновники из таджиков, состоявшие раньше на службе у Саманидов, а также крупные чиновники, выросшие на службе у Караханидов и Сельджукидов в Хорасане. Так, Низамульмульк, упомянутый выше везир Мелик-шаха (1072—1092 гг.), получил в 1073 г. от своего государя в икта город Тус с ближайшей округой. Тот же автор сообщает, что Мелик-шах, завоевав Балх и Тохаристан, передал их в икта своему брату Текешу. Оба вышеприведенных факта указывают, что в икта давались не только доходы с отдельных селений, но и с целых областей и больших городов. Насколько рано Караханиды использовали форму пожалований типа икта в Мавераннахре, видно из того факта, что икта раздавал уже владетель Бухары и Самарканда илек-хан Али-тегин.

Икта, однако, не представляло собой закостенелой формы и переживало такую же эволюцию, как и другие формы землевладения. Повсюду институт икта проявлял тенденцию из временного пожалования превратиться в пожизненное, из пожизненного — в наследственное. Более того, уже практика XI в. показала, что держатели или владетели икта стремились наложить руку не только на имущество и личность крестьян, сидевших на пожалованной земле, но и на землю, на которой сидели крестьяне.Хотя в источниках нет прямого указания на факты прикрепления крестьян к земле на Переднем и Среднеазиатском Востоке, однако самые формы землевладения говорят о наличии такой практики. Отсутствие сведений в исторических источниках вызвано правовыми нормами шариата, запрещающего юридическое оформление прикрепления.

Таким образом, в государстве Саманидов, наряду с остатками старой формы феодальной земельной собственно-

сти, появляется и быстро развивается новая форма феодального землевладения.

Источники сохранили очень мало сведений о распространении икта на территории Мавераннахра. Приведенные выше данные, заимствованные преимущественно из практики сельджукидского Ирана, могут не соответствовать порядкам, сложившимся в Мавераннахре. В значительной роли икта в хозяйственной и политической жизни караханидского Мавераннахра едва ли можно сомневаться. Однако наряду с этим, несомненно, существовали и другие формы крупного землевладения, эксплуатация крестьянского населения осуществлялась не только посредством икта. В распоряжении караханидских владетелей были большие земельные фонды («султанские земли»), служившие источником налоговых поступлений в казну и фондом для условных временных земельных пожалований. Они представляли собой конфискованные земли врагов караханидской династии и иногда оформлялись в виде покупки. Вакфные земли не только продолжали существовать, но значительно увеличились, чем определялось все возраставшее экономическое могущество и политическое влияние мусульманского духовенства. Возможно, существовало и мелкое частное землевладение.

Нельзя, однако, забывать и другой стороны завоевания. Вместе с Караханидами в Мавераннахр пришло со своими стадами некоторое количество кочевников, что имело последствием известные опустошения в земледельческих районах страны. В связи с этим, по-видимому, значительная часть земель — пастбищ и превращенных в пастбища посевных земель — оказалась во владении кочевых тюркских племен, являвшихся опорой караханидской династии. В начале XI в. в Мавераннахре, особенно в долине Зарафшана, погибло немало полей, бахчей и садов.

Основная масса крестьянства по-прежнему продолжала жить в условиях сельской общины. Как и прежде, значительное место занимал издольщик, в отношении которого исторические источники XI в. употребляют термин «барзигар».

Для понимания этого термина в указанном смысле весьма ценен следующий рассказ из «Сиасет-намэ» Низамульмулька. В главе, специально посвященной мукта и икта, Низамульмульк упоминает о некоей старушке из числа асльзаде (благороднорожденный), которая, потеряв мужа и детей и оставшись одна на наследственно принадлежавшем ей участке земли, обрабатывать который сама не могла, сдала эту землю барзигару. Полученный урожай она делила на

три части. Одну часть (долю) она отдавала государству, другую — барзигару, третью же оставляла себе. В том же значении издольщика термин барзигар выступает и в персидском переводе арабского юридического сочинения XI в. Мервези. Как и в прежние времена, в издольщики шли не только малоземельные крестьяне, но и совершенно обезземеленные люди.

Хотя при Караханидах в XI—XII вв. феодальный строй в Средней Азии повсеместно уже господствовал, тем не менее, в домашней жизни военной знати, крупных землевладельцев и богатого купечества по-прежнему продолжало существовать рабство как пережиток прежних общественных отношений.

9. ФОРМИРОВАНИЕ УЗБЕКСКОЙ НАРОДНОСТИ

В XI—XII вв. в основном завершается процесс формирования тюркоязычной народности, получившей впоследствии название узбеков.

Накануне арабского завоевания на территории Шаша, Ферганы, в долинах Зарафшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи, в Хорезме и даже на левобережье Амударьи в общественно-культурной жизни Средней Азии большое место занимало население тюркоязычное, которое состояло из принявших тюркский язык коренных жителей и переселившихся сюда с Востока многих тюркских племен и родов.

К моменту утверждения и развития феодальных отношений в Мавераннахре формируются две народности — узбекская и таджикская. Их формирование протекало в обстановке единого исторического процесса расширения и углубления экономических и этнических связей. Проникновение тюркоязычных племен в пределы Хорасана и Мавераннахра началось за несколько веков до нашей эры в связи с передвижениями союзов юе-чжийских и гуннских племен. В течение тысячелетия шел беспрерывный процесс тюркизации ирано-язычного населения северных районов Средней Азии и иранизации тюркоязычных племен и родов в южных районах Средней Азии. В результате к X—XII вв. на территории Мавераннахра и Хорезма образовалась тюркоязычная народность, получившая впоследствии название узбеков, а также ираноязычная народность, называвшаяся таджикской.

Переходя к оседлой жизни, карлуки, гузы, чигили, ягма и другие племена и роды становились преемниками опыта и традиций древней цивилизации оседлых народов. Это был многовековой процесс переформирования огромных

масс населения, который коснулся не только пришлых тюркских племен и родов, но и древнего коренного населения как ираноязычного, так и тюркоязычного.

Тюркоязычное население уже в XI—XII вв. в рамках среднеазиатского удела караханидского государства было основным населением на территории современного Узбекистана, имело общий язык, хотя еще сильны были внутри этого языка родо-племенные диалекты. Слабая изученность истории языков тюркских племен, родов и народностей крайне затрудняет освещение этого вопроса. Однако совокупность исторических явлений того периода, изучение одного из ценнейших источников истории тюркских языков «Девону луготит турк» Махмуда Кашгари дают основание считать, что в XI—XII вв. процесс формирования узбекского, туркменского и других тюркских языков уже значительно углубился.

Узбекский язык в то время назывался иначе и отличался от языков других тюркских народностей. Несомненно он уже имел значительно развитый основной словарный фонд и грамматический строй. Об этом свидетельствует язык узбекских писателей XV в. — Навои, Бабура и Мухаммед Салиха. Нельзя допустить, чтобы такой богатый литературный язык, как язык Навои, мог сформироваться в течение одного столетия. Подтверждением этого являются сохранившиеся образцы староузбекского языка Бобо Мачи, Гариби и Рабгузи, Хайдара Хорезми, Дурбека, Кутби, Саккаки, Лютфи и других писателей.

Таким образом, период, предшествовавший XI—XII вв., характеризуется усилением процесса формирования узбекской народности.

В это же время происходит формирование таджикской народности. На стыке Согда, Тохаристана и Хорасана складывается язык «дари», который составляет основу современного таджикского языка.

На основе народного языка «дари» возникает литературный язык таджикского народа.

ГЛАВА VIII

УГЛУБЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ В МАВЕРАННАХРЕ И ВОЗВЫШЕНИЕ ХОРЕЗМА В XII И НАЧАЛЕ XIII вв.

1. ЗАВОЕВАНИЕ КАРАКИТАЯМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И НАЧАЛО ВОЗВЫШЕНИЯ ХОРЕЗМА В XII в.

Упадок караханидской власти в Мавераннахре был обусловлен главным образом борьбой с караханидскими ханами наиболее реакционных феодальных сил, в лице упомянутой уже коалиции высшего мусульманского духовенства и тюркских военачальников, а также вмешательством Сельджукидов во внутренние дела Мавераннахра. Этот упадок выражался прежде всего в стремлении отдельных городов и областей оторваться от полного подчинения караханидским ханам. В этом отношении особенно характерной является Бухара в XII в.

Как выше отмечено, представители ортодоксальных религиозных толков (преимущественно ханифитского) в Самарканде и особенно в Бухаре славились своими познаниями в Коране, в фикхе и т. д. Бухарские медресе, наиболее старые в мусульманском мире, представляли собою высшие школы, из которых выходили наиболее знающие и авторитетные ортодоксы-богословы для всего среднеазиатского и огромной части переднеазиатского мусульманского мира. Этот все возраставший авторитет бухарского духовенства сопровождался неизменным сосредоточением в его руках огромных материальных ценностей. Вакфное имущество бухарских мечетей, медресе, ханака и других мусульманских учреждений выросло настолько, что представители высшего бухарского духовенства в Мавераннахре превратились в крупнейших земельных собственников-феодалов.

После падения власти Караханидов в Бухаре зародилась своеобразная династия феодалов-садров, бывших одновременно руководителями бухарской религиозной общины и раисами города Бухары. Садры держали в своих руках не только духовную власть в Бухаре и ее вилайетах, но и светскую. Они были крупнейшими земельными собственниками, обладателями лучших поместий в окрестностях Бухары[1], владели в городе ценнейшей недвижимостью — лавками на базарах, караван-сараями, банями, мельницами и т. д. Своими вкладами они участвовали в караванной торговле и имели связи с саррафами Бухары, а также других городов, и пользовались среди них влиянием. Всем этим садры обладали в порядке личного владения; кроме того, они могли распоряжаться огромным вакфным имуществом мечетей, медресе и ханака. В большой зависимости от садров находились также и ремесленники города.

Основателем династии садров и вместе с тем наследственных раисов Бухары считался Абдулазиз ибн Омар ал-Маза из дома Бурхануддина, умерший еще до 1141 г. При садре Абдулазизе Бухара вела настолько независимую политику, что могла считаться — да и считала себя — почти независимым княжеством в системе караханидского государства в Мавераннахре.

Другим крупным фактом в жизни Средней Азии, и в частности Мавераннахра, также являвшимся косвенным последствием падения Караханидов, было возвышение Хорезма. В XI в. и в первой половине XII в. Хорезм входил в состав государства Сельджукидов и мог возвыситься лишь в борьбе с сельджукидским государством. Однако возвышение Хорезма не могло бы произойти если бы в то время караханидское государство уже не находилось в упадке, так как в противном случае ему пришлось бы иметь дело не с одним сильным противником, а с двумя: две такие могущественные династии, как Сельджукиды и Караханиды, никогда не допустили бы возвышения Хорезма и образования в Средней Азии нового крупного государственного объединения. Правда, одной только благоприятной общей политической обстановкой в Средней Азии также нельзя объяснить возвышение Хорезма, так как возвыситься в борьбе с сельджукидским государством Хорезм мог, лишь опираясь на свои собственные внутренние ресурсы как материальные, так и духовные.

---

[1] По словам автора «Китаб-и-Муллазадэ», ежегодный доход садра Омара ибн Абдулазиза выражался цифрой 100 тысяч динаров.

Выше нам уже приходилось говорить о богатстве и высокой культуре Хорезма в древности и в X в. В XI в. материальные ресурсы Хорезма продолжали расти благодаря все увеличивавшемуся развитию ремесел и росту торговли со степью и дальними странами, в которой хорезмским купцам принадлежало ведущее положение как по размерам вложенных в торговлю капиталов, так и по их торговым навыкам. Неизменно подымалось благосостояние земледельческих хозяйств, находившихся в руках свободных земледельцев, живших, как и прежде, в укрепленных домах-усадьбах. Этими ресурсами, географическим положением Хорезма, а также его связями с другими областями пользовались хорезмшахи из тюркской династии, восходившей к Ануштегину — в прошлом сановнику сельджукидского эмира.

Об Ануше-тегине известно, что он сделал блестящую карьеру при дворе Мелик-шаха (1072—1092 гг.), где стоял во главе ведомства султанских «умывальников». В компетенцию этого ведомства входило тогда и управление Хорезмом — черта, весьма ярко характеризующая усиление феодальных отношений в сельджукидском государстве. Еще в X и даже в XI вв. отдельным областями управляли специальные наместники, назначаемые из центра и подчиненные одному из центральных диванов. Теперь, то есть при Сельджукидах, управление отдельными областями шло в порядке приказов, исходивших от придворного ведомства. Мелик-шах пожелал, чтобы Ануш-тегин управлял Хорезмом; и тот, продолжая ведать султанскими «умывальниками», стал управлять Хорезмом из недр своей канцелярии[1].

Первый, кто проявил явную тенденцию к превращению Хорезма в независимое государство, был внук Ануш-тегина — Атсыз, уже носивший вновь возрожденный титул хорезмшаха. Его заслуга перед Хорезмом заключается в том, что он успешно вел борьбу с таким могущественным правителем, каким был сельджукидский султан Санджар. Хорезмшах Атсыз (1127—1156 гг.) умел использовать любую слабость своего сюзерена и вместе с тем противника. Заканчивался ли неудачей поход Санджара против кого-нибудь из его соседей или в его государстве начинались какие-либо

---

[1] На это обстоятельство обратил особое внимание и Джувейни. По его словам, некий гулям из тюрков, Ануш-тегин состоял у Сельджукидов в должности ташдара, т. е. заведующего умывальным приказом, и в его ведении находился тогда и Хорезм. Сообщая об этом, Джувейни тут же добавляет, что при Сельджукидах подобные факты встречались часто: так, Хузистан при Сельджукидах находился в ведении приказа, ведавшего одеждой государя (джамэ-хана).

внутренние осложнения, — Атсыз уже извлекал из этого пользу для укрепления независимости и могущества Хорезма.

Сочетая в себе черты хитрого дипломата и решительного военачальника, Атсыз начал вести самостоятельную внешнюю политику. Так, для увеличения своего влияния и территории он начал войну с кипчаками и туркменами, не испросив на это разрешение султана Санджара. На северо-востоке он захватил город Дженд, а на западе — полуостров Мангышлак. Султан Санджар усмотрел в поведении Атсыза открытое выступление против его власти и решил силой привести непокорного вассала к повиновению. В 1138 г. он в труднейших условиях совершил поход на Хорезм и нанес Атсызу серьезное поражение. Последний вынужден был бежать, а Хорезм был занят войсками султана Санджара. Однако сила дипломатического таланта Атсыза была так велика, что мы через год вновь видим его во главе Хорезма.

Средняя Азия довольно дорого поплатилась за свою феодальную раздробленность. В начале XII в. с востока пришли новые завоеватели — кочевники каракитаи. До сих пор в науке нет единства во взглядах на их этническое происхождение: по мнению одних ученых, они были тунгусского происхождения, по мнению других — монгольского. Было каракитаев около 40 тыс. шатров, то есть от 150 до 200 тысяч человек. Сначала они поселились в районе Чугучака, а потом перешли дальше, на юго-запад, и заняли караханидскую столицу Баласагун, на территории Семиречья. Они сделали Баласагун главным городом каракитайского государства, во главе которого стоял правитель, носивший титул гурхана.

Отсюда каракитаи и совершали свои набеги на запад — в Шаш, Фергану, долины Зарафшана и Кашкадарьи. В 1138 г. каракитайский гурхан нанес под Ходжентом крупное поражение самаркандскому караханидскому хану Махмуду, ближайшему родственнику султана Санджара. Хотя поражение было серьезным, однако каракитаи не пошли вглубь страны, а ограничившись данью, ушли к себе домой. Мир, однако, не был долгим. В 1141 г. каракитаи вновь появились в Мавераннахре. На этот раз отстаивать целостность караханидского государства пришел султан Санджар.

Соединенное войско Махмуда и Санджара стояло в Катванской степи, вблизи Самарканда. Главные силы были сконцентрированы в руках султана Санджара, так как Мах-

муд не доверял своему войску из карлуков, которые могли предать его в любой момент. Битва под Самаркандом закончилась полным поражением Санджара. Одних убитых было около 30 тысяч человек. По словам Хамдаллаха Казвини, в войске Санджара произошло восстание, что решило исход сражения. Санджар и Махмуд бежали в Термез, ханская же ставка вместе с женой Санджара — Туркан-хатун попала в руки гурхана. Каракитаи захватили сначала Самарканд, а потом Бухару, — по-видимому, после недолгого сопротивления, во время которого был убит садр Хисамуддин Омар, сын упомянутого выше Абдулазиза.

Поражение Санджара в Катванской степи нашло своеобразный отзвук в Сирии, где крестоносцы в то время осаждали мусульманские города. Среди крестоносцев широко распространился слух о том, что на Востоке якобы появился какой-то христианский священник Иоанн, который и разбил величайшего из мусульманских государей. Появления «священника Иоанна» с нетерпением ожидали крестоносцы в Сирии и Палестине. Так, в виде овеянной фантазией легенды, дошло на Запад известие о победе каракитайского гургана над войсками султана Санджара и Махмуд-хана.

Характерно, что каракитаи не закрепили за собой захваченной территории, не включили ее в состав своего государства. Они интересовались лишь данью, которую собирали в порядке китайской системы обложения, то есть по динару (5 рублей) с каждого двора. Они всячески поощряли феодальную раздробленность ханства, смотрели на самаркандского хана и бухарского садра, как на независимых друг от друга правителей. В. В. Бартольд правильно подметил, что каракитаи предвосхитили будущий порядок взимания монголами дани с русских удельных княжеств. В одних областях имелись постоянные представители власти гурхана, которые и собирали дань; в других эти представители только временно наезжали со специальной целью забрать дань, заготовленную для них местными властями; в третьих — сами местные феодальные власти — светские и духовные князья — возили дань в ставку гурхана в город Баласагун. Из местных князей в Мавераннахре особенно выиграли бухарские садры. Каракитайские гурханы специально поддерживали их, сочувствуя росту их могущества и видя в них силу, ослаблявшую караханидских ханов, сидящих в Самарканде.

Победа каракитаев отразилась и на положении государства великих Сельджукидов и, в частности, самого султана Санджара; но более всего извлек пользы из создав-

шейся ситуации энергичный хорезмшах Атсыз. Зимой того же 1141 г. он захватил и разграбил Мерв, в 1142 г. уже приблизился к Нишапуру, жители которого со страху готовы были признать его своим правителем, как в свое время они сделали это при появлении небольшого отряда туркмен во главе с Тогрул-беком.

Но силы все еще были неравные, и Атсыз вскоре должен был вновь подчиниться Санджару. Однако сколько ни пытался сельджукидский султан поднять военный авторитет своего государства, по-настоящему вернуть его к дням былого могущества ему не удалось. Государство Сельджукидов медленно, но верно шло к упадку, пока катастрофа 1153 г. окончательно не погубила его.

В 1153 г., после крупной ссоры с правителем Балха, гузы, кочевавшие в районе Балха и Хутталяна, наголову разбили войско султана Санджара, а его самого взяли в плен. Победа гузов на этот раз, в противоположность их победе в XI в., принесла смерть и разорение населению деревень и городов Хорасана. Особенно пострадали Мерв и Нишапур, которые, по словам персидского историка Равенди, были дочиста разграблены и сожжены.

В годы трагических бедствий государства Сельджукидов и личных несчастий султана Санджара непокорный вассал, хорезмшах Атсыз, не только не воспользовался выгодной ситуацией, чтобы расширить территорию хорезмского государства, но выступил активным заступником перед гузами за своего сюзерена. Сохранилось письмо Атсыза к одному из вождей балхских гузов, где он предлагает взять на себя роль посредника между гузами и их законным государем султаном Санджаром. В 1156 г. султану Санджару удалось бежать из плена, а в 1157 г. он умер, не сумев вернуть сельджукидскому государству даже тени былого могущества. За год до смерти султана Санджара, в 1156 г., умер и его счастливый соперник, хорезмшах Атсыз.

2. ХОРЕЗМСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XII И НАЧАЛЕ XIII вв.

Атсыз не напрасно приложил так много трудов для создания независимости Хорезма. Присоединив к своим владениям Дженд и Мангышлак, он подчинил своему влиянию соседних кочевников — кипчаков и туркмен. Особенно энергично он работал над созданием хорезмского войска, основу которого составляли наемники из числа кипчаков и, отчасти, туркмен.

Под конец своей жизни Атсыз имел право сказать, что он не только решил проблему независимости Хорезма, но и положил начало новому сильному государству на востоке мусульманского мира. Продолжателем его дела был Иль-Арслан (1156—1172 гг.), действовавший в значительно более благоприятной обстановке, чем его отец.

Государство Сельджукидов после смерти султана Санджара фактически перестало существовать: там продолжали еще бесчинствовать гузы. Караханидское государство в Мавераннахре стало мифом, и вместо него возникли мелкие феодальные владения, причем караханидский хан фактически не мог претендовать даже на первое место среди них. Крупной силой были лишь каракитаи, с которыми ему и пришлось выдержать большую борьбу.

Иль-Арслан не сумел использовать выгодной обстановки в Хорасане и ограничился лишь приобретением Дихистана и его района, владетель которого признал хорезмшаха своим сюзереном. Не успел он достичь значительных успехов и в Мавераннахре: слишком много сил отнимала борьба с каракитаями. Во время каракитайского похода на Хорезм в 1172 г. Иль-Арслан умер.

Преемником стал его сын Текеш (1172—1200 гг.), с именем которого связаны наиболее значительные успехи Хорезма в области создания большого государственного объединения. С первых же дней царствования Текешу пришлось столкнуться с большими трудностями. У него оказался соперник, который, объективно говоря, имел больше шансов на роль создателя большого государства на Переднем и Среднем Востоке, чем хорезмшах. Это был гуридский султан Гиясуддин Мухаммед, таджик по происхождению, владетель горной области Гур, лежавшей на восток от Герата. Пользуясь полным ослаблением Сельджукидов, он захватил в 1175 г. город Герат, распространяя оттуда свое влияние и на другие районы Хорасана. У Гуридов было то преимущество перед хорезмшахами, что они в это время ни от кого не находились в вассальной зависимости, держали себя как самостоятельные государи, опираясь на свое пре-

красное войско из горцев-таджиков и тюркских наемников. Хорезмшахи же, как известно, были вассалами каракитаев, борьба с которыми отнимала у них немало сил и времени.

Текеш ясно видел преимущества Гуридов в предстоящей борьбе за первенствующую роль на востоке мусульманского мира, однако не испугался трудностей и энергично продолжал политику отца и особенно деда Атсыза по созданию большого независимого хорезмского государства. Его похо-

ды на Мавераннахр и, в частности, осада Бухары, успеха не имели, так как каракитаи не давали ему возможности сосредоточить силы там, где бы он хотел. Поворот в пользу Текеша наступил только в 80-х годах XII в., когда в Хорасане вновь начались неурядицы, которыми он сумел воспользоваться.

В 1187 г. Текеш захватил Нишапур, в 1192 г. — Рей, в 1193 г. — Мерв, а в 1194 г. нанес решительное поражение султану западных Сельджукидов Тогрулу II, который и погиб в бою. Вся восточная полоса Ирана перешла в руки хорезмшаха Текеша. Хорезмское государство сразу более чем в два раза увеличилось территориально и стало непосредственным соседом, с одной стороны, Гуридов, а с другой — аббасидского халифата. Последний, как светское государство, территориально в это время был чрезвычайно невелик, обладая лишь Ираком и смежными с ним землями. Несмотря на это, аббасидский халиф пользовался огромным авторитетом во всем мусульманском мире, как духовный глава ислама, и был чрезвычайно богат.

Аббасидский халиф проявил такое же стремление использовать полное ослабление Сельджукидов для расширения территории своего халифата, как Гуриды и хорезмшахи. Однако энергичный Текеш опередил халифа Насира и в 1195 г. нанес войскам халифа большое поражение. Хорезмские войска вошли в Ирак как полновластные хозяева, но своим безобразным поведением (ограбление и убийство мирного населения) вызвали в Ираке народное восстание; значительная часть хорезмских воинов была перебита, и лишь немногие спаслись. Произошло это сразу же после получения известия о смерти Текеша в 1200 г.

Хорезмшаха Текеша нужно признать наиболее талантливым правителем Хорезма, сумевшим в трудных условиях создать могущественное феодальное государство в Передней и Средней Азии. Слабым местом его политики было покровительство, оказываемое им кипчакской военной аристократии, которая, пользуясь исключительными симпатиями со стороны жены Текеша, Туркан-хатун, стремилась оказывать максимальное влияние на дела государственного управления. Как мы увидим ниже, это своевольное вмешательство в государственные дела тюркских «генералов», к каким бы племенам они ни принадлежали, так много зла принесшее и караханидским ханам Мавераннахра, впоследствии в значительной мере способствовало падению хорезмского государства при сыне Текеша, хорезмшахе Мухаммеде.

Редко перед султанами феодального государства откры-

вались такие обширные перспективы, как перед хорезмшахом Мухаммедом (1200—1220 гг.) при вступлении его на престол. Он был обладателем сильнейшего войска на мусульманском Востоке; Гуриды, его соседи по Хорасану, не были уже теми соперниками, какими они были по отношению к Текешу в начале его царствования. Халиф Насир, хотя и ненавидел хорезмшаха, был опасен ему не столько своей военной силой, сколько духовным авторитетом в мусульманском мире. Чтобы считать создание нового могущественного государства в мусульманском феодальном мире завершенным, оставалось разбить каракитаев и подчинить себе Мавераннахр.

У хорезмшаха Мухаммеда имелись все предпосылки для того, чтобы сыграть прогрессивную роль освободителя населения Мавераннахра от тяжелого ига каракитаев, которые безжалостно собирали с трудового населения сел и городов дань в натуре и деньгах. От хорезмшаха Мухаммеда повсюду ожидали, что он принесет им долгожданное освобождение. Надежды народов Мавераннахра, однако, не оправдались. Хорезмшах Мухаммед хотел разгрома каракитаев, но лишь для того, чтобы их насилие заменить своим. Что это было именно так, лучше всего прослеживается из истории подавления восстания ремесленников в Бухаре в 1206 г. и на событиях 1212 г. в Самарканде.

Восстание ремесленников в Бухаре произошло в 1206 г. при садре Мухаммеде ибн Ахмеде ибн Абдулазизе. В этом человеке сконцентрировалось все худшее, что так или иначе характеризовало бухарских садров. Как правитель, он с жестокостью собирал огромные подати и налоги; как духовный глава бухарской мусульманской общины, он благодаря светскому образу жизни, любви к охоте и пирам, давно утратил всякий авторитет, как человек, он был заносчив и презирал народ. Он так вызывающе вел себя во время своего хаджа в Мекке, куда прибыл с пышным караваном, что возбудил всеобщее недовольство. По словам В. В. Бартольда, народная молва превратила его титул «столп мира» (садр-и джехан) в прозвище «столп ада» (садр-и джеханнам).

Будучи исключительно богатым человеком, садр Мухаммед ибн Ахмед содержал на свои средства 600 факихов, стараясь через них влиять на народ. Однако даже это *средство не помогало и, вместо популярности, его окружала* всеобщая ненависть.

К сожалению, источники не оставили нам фактов, по которым мы могли, хотя бы в самых общих чертах, наметить главные этапы восстания ремесленников в 1206 г. Все,

что мы знаем, может быть сведено к следующему: во главе движения, которое не вышло за пределы города Бухары и не захватило крестьян, стоял сын ремесленника по выделке щитов, известный со времени захвата им власти в Бухаре под именем Мелика Санджара.

Движение развивалось весьма успешно. Ремесленники выгнали садра и его семью из Бухары, захватили его поместья, отвели от них воду и тем привели их в запустение. Садр бежал за помощью к своему политическому покровителю, каракитайскому гурхану, однако, кроме диплома на управление Бухарой, ничего от него не получил. Мелик Санджар тем временем успел уже выстроить дворец, который впоследствии, по словам Джувейни, получил название «дворца Мелика Санджара», откуда он, по-видимому, и проводил какие-то мероприятия, направленные против богатых и именитых людей города, о чем также говорит Джувейни. Но не дремал и хорезмшах Мухаммед. Узнав о событиях он решил силою подавить народное движение и прибрать Бухару к своим рукам. Не откладывая исполнение своего решения, он быстро двинул войско к Бухаре, в 1207 г. взял город и тем положил конец деятельности нового правителя, выдвинутого народом.

Войдя в город, хорезмшах сразу же ликвидировал там власть ремесленников, включил Бухару в состав хорезмского государства, чем и положил начало присоединению Мавераннахра к Хорезму. Что же касается Мелика Санджара, то он был увезен в Ургенч, где некоторое время жил при дворе хорезмшаха и даже принимал участие в торжественных церемониях.

Поведение хорезмшаха Мухаммеда не одинаково было встречено различными общественными группами Бухары. Феодальная верхушка радовалась, что Мухаммед подавил движение ремесленников, и была довольна, что Бухара вошла в состав хорезмского государства. Иначе смотрели на дело народные массы; они видели, что власть хорезмшаха несет с собой те же налоги, подати и повинности, которые взимали с них и местные садры.

Взяв Бухару, Мухаммед-хорезмшах, по словам источника, прежде всего восстановил внутренние и наружные стены города. Из Бухары он хотел сделать первый укрепленный пункт, на который он мог бы опереться в своем наступлении на каракитаев с целью освобождения от каракитайского ига остальных областей Мавераннахра, в первую очередь Самарканда. Обстоятельства в этом отношении сложились для него весьма благоприятно. Найманский предводи-

тель Кучлук, уйдя из Монголии от преследований со стороны Чингиз-хана, незадолго перед тем выдвинувшегося монгольского хана, в 1210 г. нанес войскам гурхана в союзе с карлуками большое поражение и даже захватил его казну в Узгене. Учитывая это выгодное обстоятельство, Мухаммед-хорезмшах, в союзе с самаркандским ханом из Караханидов Османом, двинулся в Семиречье. Пока войска союзников подходили к долине р. Талас, положение гурхана улучшилось, и в новой битве с Кучлуком он оказался победителем.

Обрушившись на войска гурхана в долине р. Талас, Мухаммед-хорезмшах решительного исхода все же не достиг. Однако ввиду того, что хорезмшаху удалось взять в плен командующего каракитайским войском Таянгу, он счел битву выигранной. Битва эта, происшедшая в 1210 г., пробудила много надежд у новых подданных Мухаммеда. За поражение, нанесенное им каракитаям, хорезмшаху тогда готовы были простить многое. Сам хорезмшах придавал этому сражению большое значение, но успехи свои он явно преувеличивал и в официальных документах стал именовать себя «вторым Александром», хотя больше любил применять к себе титул «султана Санджара». Характерно, что на перстне своем он вырезал формулу: «султан — тень Аллаха на земле» — один из главных титулов сельджукидских государей, принятый ими в конце XI — начале XII вв.

Ликование и празднества по случаю победы прошли очень быстро, и в Мавераннахре скоро наступили тяжелые дни. Хан Осман, после одержанной Мухаммедом в 1210 г. победы над каракитаями, прибыл ко двору Мухаммеда-хорезмшаха в качестве благородного вассала. Мухаммед-хорезмшах оказал ему очень хороший прием и выдал за него замуж свою дочь. В 1211 г. большим свадебным караваном, в сопровождении большого хорезмийского отряда, молодые отправились в Самарканд. Хорезмийский отряд из кипчаков, однако, творил в Самарканде такие же бесчинства, какие лет 11—12 назад позволил себе хорезмийский отряд в завоеванном Ираке.

Чаша терпения самаркандцев, наконец, переполнилась. В городе в 1212 г. произошло восстание против хорезмшаха, в котором деятельное участие принял и хан Осман. Большинство хорезмийцев было убито. Осман с трудом вымолил пощаду для своей жены, хорезмийской царевны.

Получив известие о восстании в Самарканде, хорезмшах немедленно выступил для наказания его непокорных жителей. Город не мог оказать ему серьезного сопротивления.

Мухаммед отдал его своему войску на трехдневное разграбление. В эти дни в Самарканде, согласно Джувейни, было убито 10 тысяч человек. Хорезмшах не пощадил даже своего зятя хана Османа, хотя тот и спас жизнь хорезмийской царевне — дочери Мухаммеда. Говорили, передает Джувейни, что на смерти Османа настаивала сама царевна, его жена.

Дальнейшие события развивались уже под прямым воздействием новой политической силы — монголов Чингиз-хана.

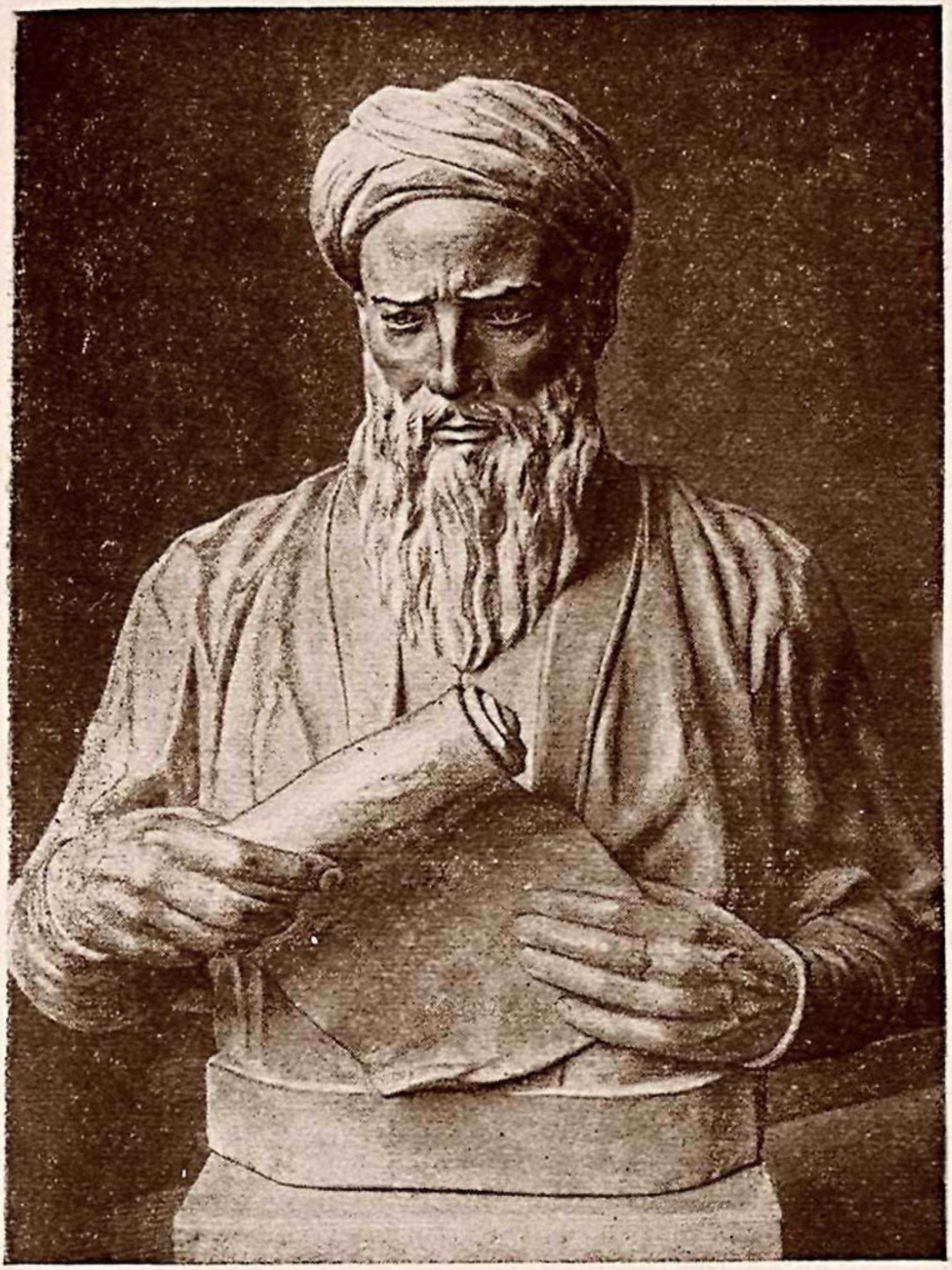
ГЛАВА IX

НАУКА И КУЛЬТУРА В XI—XII вв.

1. НАУКА В XI—XII вв.

Военно-политические события X—XI вв. не способствовали развитию научной мысли в Мавераннахре. Замечательные ученые-мыслители такие, как Ибн Сина, Бируни и некоторые другие, мировоззрение которых сложилось еще в X в., нашли себе убежище при дворе хорезмшаха Абулаббаса Мамуна ибн Мамуна. Столица Хорезма Ургенч стала средоточием крупнейших ученых Востока. Кроме Ибн Сины, эмигрировавшего из Бухары и хорезмийского ученого Бируни, здесь собрались историк Ибн Мискавейх, математик Абунаср Аррак, философ Абусахл Масихи, врач Ибн ал-Хуммар и др. Образовалась своего рода «академия», где под покровительством хорезмшаха Мамуна проходили собрания ученых, диспуты, обсуждались вопросы философии, математики, врачебной науки и т. п. Однако совместная научная деятельность этих ученых продолжалась недолго. Махмуд Газневи потребовал, чтобы виднейшие ученые, собравшиеся в Хорезме, прибыли к нему в Газну. Весной 1017 г. погиб хорезмшах Мамун, а вскоре его столица была захвачена Махмудом. Ибн Сина, не желая попадать под тираническую власть Махмуда, эмигрировал в Иран. Бируни был вынужден отправиться ко двору Махмуда, где и находился до конца своей жизни.

Абурайхан Бируни родился в 973 г. в предместье («бируни») города Кята (ныне район имени Бируни в составе Каракалпакской АССР), а по другим данным, в махалле г. Ургенча, отсюда и его нисба Бируни — выходец из «би-



Бируни.

руна». Замечательный ученый, поражающий многообразием своих научных интересов и смелостью мысли; он является автором многих (около 150) трудов по истории, астрономии, минералогии.

Свои научные труды Бируни писал по-арабски. Оценивая по достоинству арабский язык, который стал языком науки в арабском халифате, он вместе с тем смело критикует арабский алфавит. Наличие в этом алфавите многих букв, сходных по форме, необходимость различения их при помощи точек и признаков флексии он считал великим несчастьем арабской письменности. В «Памятниках минувших поколений» Бируни сообщает ценнейшие, собранные им путем изучения письменных источников, устного народного творчества и личных наблюдений, исторические сведения об обычаях, верованиях, математических и географических понятиях греков, римлян, персов, согдийцев, хорезмийцев, христиан, евреев, доисламских арабов.

Важнейшим произведением Бируни, принесшим ему широкую известность в науке, является его книга «Индия», в которой он описывает, в частности, реки, плодородные земли, климат Индии и приводит данные о ее народах, подвергая серьезной критике мифологические представления брахманов. Перу Бируни принадлежит также несколько оригинальных работ по астрономии, в которых он излагает свои наблюдения за движением небесных светил, подвергает сомнению религиозные представления о неподвижности Земли, высказывает догадки о возможности вращения ее вокруг Солнца и о земном тяготении.

Весьма оригинален Абурайхан Бируни в своих суждениях о познании: «Наша цель — избавить читателя от докуки. Ведь долгое изучение одного и того же вопроса вызывает скуку и нетерпение: если же (читатель) переходит от вопроса к вопросу, он как будто гуляет по различным садам — не успевает пройти одного сада, как уже начинается другой. И человек жаждет (увидеть) их (все) и желает посмотреть на них; ведь говорят же: «Все новое доставляет наслаждение»[1].

Мысль неутомимого наблюдателя явлений природы была обращена и на изучение минералов и металлов, что нашло свое отражение в «Минералогии». В противовес идеалистически-мистическим воззрениям, приписывающим минералам и металлам магические свойства, Бируни занимал-

[1] Абурайхан Бируни. Избранные произведения, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 89.

ся эмпирическими исследованиями природных свойств минералов и стремился выяснить истинные причины их происхождения.

Бируни был осведомлен о местонахождении и добыче в Средней Азии лазурита, горного хрусталя, железа, меди, серебра, золота, нефти и др. Его сообщение о производстве мечей «русами» указывает на торговые связи государств Средней Азии со славянами еще в то время.

Упор на опытное, эмпирическое изучение определил стихийно-материалистический характер его воззрений на явления природы. Признавая существование природы независимо от сознания человека, Бируни возвышал разум человека, поскольку он обладает способностью познать явления и закономерности реального мира. С этих позиций Бируни критиковал различные суеверия и религиозные верования. Доказывая необходимость знаний, основанных на опыте, он критиковал мусульманских схоластов, ссылавшихся при объяснении физических явлений на «всемогущего аллаха».

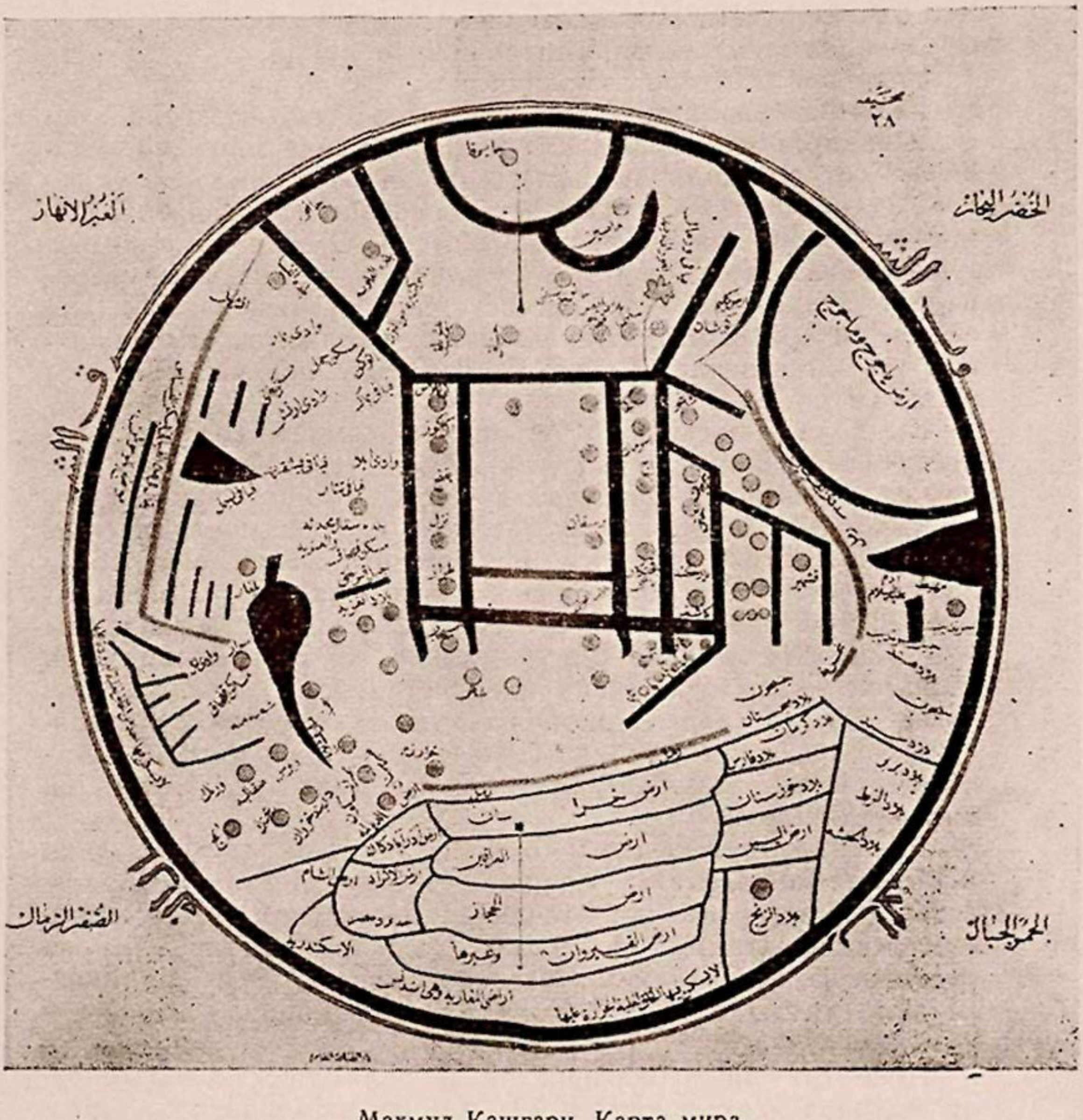
Высмеивая суеверия о «градовом камне», Бируни говорил: «Такие попытки спастись от нее (грозовой тучи) так же, как вызывание дождевых туч при помощи заклинания— это жалкое убежище для тех, кто не понимает действительных причин явлений». В этом отношении еще более примечательно его заявление о книге Утарида «Польза от камне»: «Он включил в нее и заклинания и заговоры и тем ее обесценил». Однако Бируни, как и его современник Ибн Сина, не избежал влияния идеалистической философии ислама. Это обусловило историческую ограниченность взглядов Бируни, но не умалило его заслуг по разработке естественнонаучных стихийно-материалистических воззрений на явления природы.

Основные произведения Бируни такие, как «Памятники минувших поколений», «Индия», «Минералогия», «Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами», «Геодезия» изданы и переведены на русский язык советскими исследователями. Эти монументальные труды вошли в фонд истории мировой науки и культуры.

Несмотря на неблагоприятную политическую обстановку, научная деятельность в XI—XII вв. на территории Средней Азии продолжалась. В это время появляются крупные исторические произведения, такие как «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») Гардизи, тридцатитомный исторический труд Байхаки, «Тарихи мульки Туркестан» («Исто-

рия Туркестана») Маджидуддина Адмана, переводятся на таджикский язык книги Мухаммеда Наршахи и т. д.

В этот же период в трудах Махмуда Кашгари «Девону луготит турк» («Книга о тюркском языке»), Замахшари «Асос ал-балагат» («Основы красноречия»), Джурджани



Махмуд Кашгари. Карта мира.

«Асрар ал-балагат» («Тайны красноречия») и др. разрабатываются вопросы тюркской и таджикской филологии. Особое место среди этих произведений занимает книга о

тюркском языке («Девону луготит турк»), написанная великим поэтом Баласагуна (в 462 г. х.) Махмудом ибн аль-Хусейном ибн Мухаммедом аль-Кашгари. Труд этот представлял собой выдающееся исследование, в котором были собраны фактические данные о значении отдельных слов на языках разных племен. «Девону луготит турк» повлиял на творчество многих писателей, он способствовал систематизации языков и их дальнейшему развитию. Автор приводит материал о языках огузской, кипчакской группы и группы чигилей, данные о местожительстве чигилей и т. д.

В «Девону луготит турк» Махмуд Кашгари стремился охватить политические, общественные и экономические вопросы. Чувствуется стремление автора показать, какими должны быть государственные деятели и само государство с точки зрения требований того времени, отразить роль новых слоев населения, появившихся в период господства Караханидов. Автор указывает пути восстановления экономики страны.

Произведение это явилось плодом многолетнего труда Махмуда Кашгари, результатом его многолетних путешествий по стране, сбора этнографического и исторического материала.

Произведения Махмуда Кашгари имеют большое значение и для изучения истории узбекского народа, его литературы и языка.

2. РЕЛИГИЯ. СУФИЗМ

В период господства Караханидов ислам и его богословско-философская основа «калам» — еще более укрепляют свое влияние. Усиление эксплуатации крестьян, ремесленников и скотоводов феодалами обусловливало господство религиозного фанатизма. «Религия, — писал В. И. Ленин, — есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»[1].

Все большую силу и влияние приобретает в этот период мусульманское духовенство, активно выступавшее про-

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 12, стр. 142.

тив проявлений свободной научной мысли. В противовес рационалистическим воззрениям философов и передовых мыслителей своего времени, клерикальные круги выдвигают своих ученых-богословов, видевших источник знания только в «божественном откровении» в состоянии экстаза, преклонении и мистическом слиянии с божеством.

Крупнейшим представителем мусульманской богословской философии был Мухаммад Газали (1058—1112), прозванный «возродителем религии». Сначала Газали выступал как последователь Ибн Сины и поклонник Аристотеля, но затем обратился к положениям ортодоксального ислама, к мистике, суфизму, к отказу от научного познания, отрицанию всякой науки. Влияние сочинений Газали было огромно в странах мусульманского Востока, в том числе и в Средней Азии.

В этот период в Мавераннахре стал распространяться суфизм — тасаввуф. Как философское учение, он первоначально возник в VIII в. н. э., а в Мавераннахр проник через Иран и приобрел здесь большое влияние в XI—XII вв. Но здесь суфизм имел специфический характер, который нельзя игнорировать.

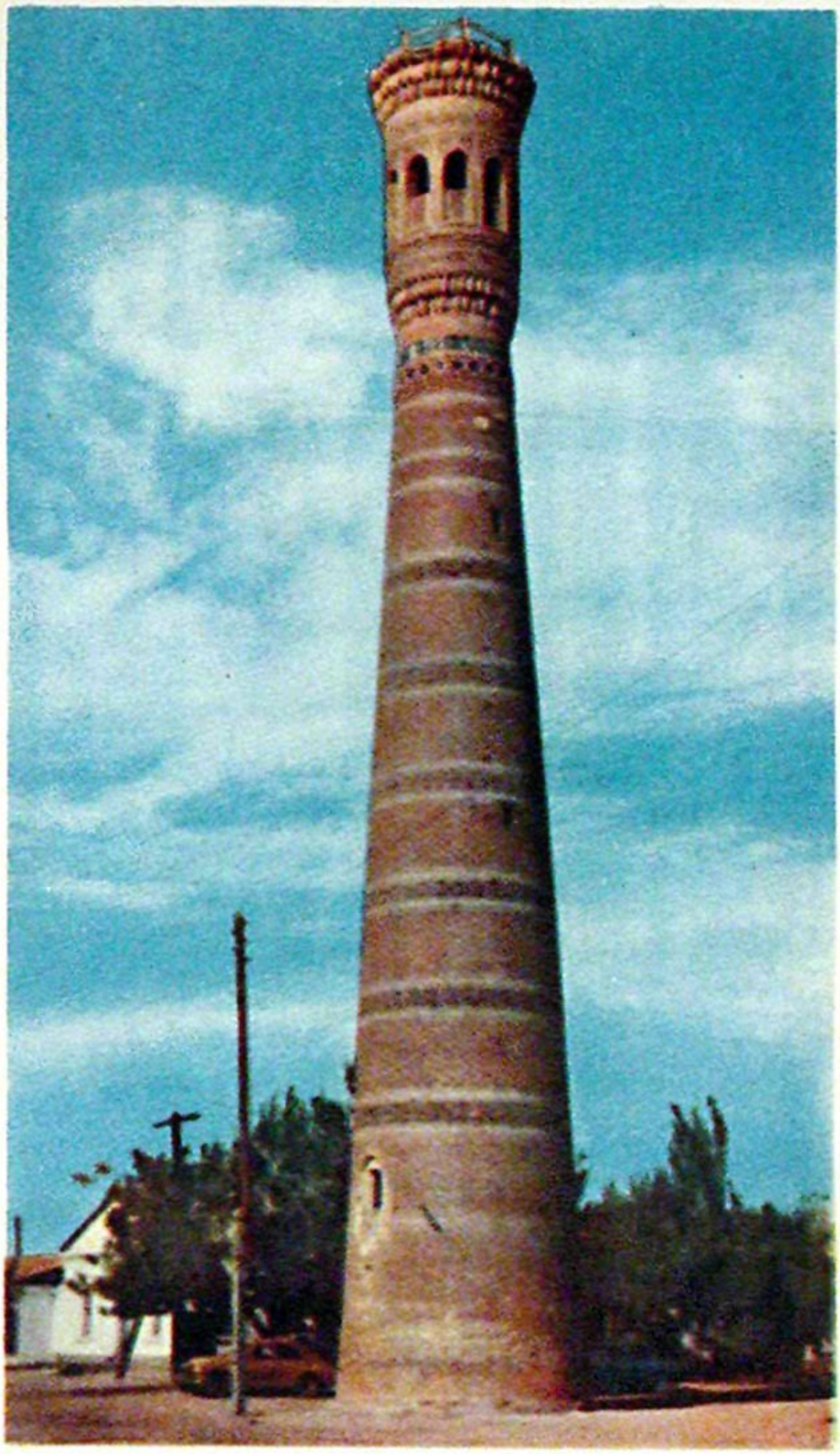
В. В. Бартольд в «Истории культурной жизни Туркестана»[1] указывает, что самое распространенное течение суфизма в Мавераннахре получило свое начало от школы Юсуфа Хамадани, богослова и мистика XII в. н. э. Юсуф Хамадани был по профессии сапожником, он принимал непосредственное участие в защите Бухары и Самарканда от нападения врагов.

Школа Юсуфа Хамадани была неоднородна, в ней имелись различные течения. Наиболее крупные из них связаны с именами пошедших разными путями учеников Хамадани — Ходжи Абдулхалика Гиждувани и Ходжи Ахмеда Ясеви.

Первое течение зародилось и распространилось главным образом в городах и пригородах, т. е. в экономически развитых районах; *оно было неразрывно связано с жизнью*, и его последователи призывали к труду, овладению ремеслом и, тем самым это течение до известной степени отвечало потребностям масс, искавших в суфизме выход из своего тяжелого социального и экономического положения. Основные положения учения Юсуфа Хамадани сводятся к следующему:

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., Изд-во АН СССР, 1927.



Минарет Вабкента XII в.

Сознание в каждом дыхании,
Внимание на каждом шагу,
Путешествие по родине,
Уединение в обществе[1].

Это течение нельзя отождествлять с крайне мистическим направлением суфизма. Оно в свое время сыграло некоторую прогрессивную роль в развитии литературы и общественной мысли.

Другое крайне мистическое течение суфизма в Средней Азии, как указывалось выше, было представлено школой Ахмеда Ясеви и его учеников Сулеймана Бакиргани и Сеид-Ата.

Мировоззрение Ахмеда Ясеви изложено в его знаменитом, написанном в форме стихов «Хикмате» («премудрость»). Это философское произведение, известное нам в своей поздней редакции, написано на легко доступном читателю староузбекском языке. «Хикмат» является важным памятником узбекской литературы и свидетельствует о том, что его автор был большим знатоком не только ислама, философии калома, суфизма, но и общественных порядков, быта и жизни земледельцев, скотоводов, ремесленников той эпохи. Благодаря столь обширным познаниям Ясеви сумел создать это крупное идеалистическое произведение. В «Хикмате» Ахмед Ясеви излагает основы суфизма. С точки зрения Ахмеда Ясеви «...суфий, который ищет мирских благ, не есть суфий; суфий тот, кто с молитвой и плачем переносит несчастья и горести. «Старчество» есть средство борьбы со своими страстями».

Субъективизм учения Ясеви сочетался с объективным идеализмом, стремлением укрепить в народе влияние религии. Суфии из школы Ахмеда Ясеви, пытаясь завоевать симпатии народных масс, критиковали притеснителей, взяточников, чиновников, шейхов-суфиев. Утешая угнетенные массы, они старались как можно соблазнительнее обрисовать загробную жизнь, доказать, что мир вещей преходящий, мнимый и жизнь в нем недействительна и мрачна, поэтому человек должен смиренно терпеть все притеснения и угнетения в этом мире. Ясевисты своим идеалистическо-мистическим учением отвлекали трудящихся от классовой борьбы. Они усиленно внедряли в узбекскую литературу элементы религиозного фанатизма и мистицизма. С именем Ахмеда

---

[1] Али Хусейн Вози Кошифи. Рашахот. Написано в 1504 г. Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 3381, литографское издание, 1895, стр. 20.

Ясеви связано развитие дервишского движения в Средней Азии. Ясевизм оказал отрицательное влияние на мобилизацию сил народов Мавераннахра в период нашествия Чингиз-хана. Таким образом, Ахмед Ясеви и его школа сыграли в истории Средней Азии сугубо реакционную роль.

3. ЛИТЕРАТУРА

Литературное творчество, достигшее блестящего расцвета в X в., продолжало развиваться в XI в. В начале XI в. была завершена гениальная поэма Абдулкасима Фердоуси, по праву считающаяся одним из важнейших памятников литературы.

Мировоззрение Фердоуси полностью сложилось в саманидский период. Продолжив труд, начатый талантливым поэтом Дакики (стихи Дакики включены в поэму Фердоуси), Фердоуси задался целью изложить в поэтической форме героическую историю Средней Азии и Ирана, начиная с легендарной древности и кончая захватом арабами сасанидского государства. Работая над «Шах-намэ», он использовал не только сохранившиеся официальные исторические хроники, составленные в сасанидское время, и различные исторические повествования, но и богатейший фольклорный материал, хранившийся в памяти народа, к которому постоянно обращалась его творческая фантазия. Произведение Фердоуси отличается звучным чеканным стихом, почти свободным от элементов арабизма.

Большая группа придворных поэтов во главе с «царем поэтов» Унсури собралась при дворе Махмуда Газневи и его сына Масуда. Кроме Унсури, здесь создавали свои произведения поэты Фаррух, Минучехри и еще десятки других. В их обязанности входило составление пышных касыд — трескучих, напыщенных и льстивых од, носхваляющих властелинов.

В Мавераннахре при дворе Караханидов также творили придворные поэты, среди них наиболее выдающимися были эмир Амаки Бухари, Рашиди Самарканди, Сузани Самарканди и др., писавшие касыды, сатиры и лирические стихи.

Дошли до нас написанные в этот период прозаические произведения: «Четыре беседы» Низами Арузи Самарканди, трактующие роль и обязанности дабиров (секретарей), поэтов, астрономов и врачей, иллюстрированные множеством рассказов, частью анекдотического характера. Захири Самарканди составлял политические сборники. Он же дал но-

вую обработку повести «Синдбад-намэ», восходящей к индийскому оригиналу, переводившейся на языки — среднеперсидский, арабский и таджикский, и изложенной за два столетия до того в стихах Рудаки. Бухарский поэт Джаухари по прозвищу Заргар (ювелир) наряду с касыдами, отличающимися высокой техникой стихосложения, написал роман о певице Махсити и эмире Ахмаде.

Все эти произведения были написаны на таджикском языке, постепенно утратившем чистоту языка Рудаки и Фердоуси за счет введения большого числа арабских слов.

Особо следует отметить появление в этот период литературных произведений на среднеазиатских тюркских языках. Первое место здесь принадлежит замечательному памятнику XI в. «Кутадку билик» («Наука о том, как быть счастливым») — произведению Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагуни, написанному в 1069 г. Сочинение это носит дидактический характер и отражает взгляды господствующих слоев общества, к которым принадлежал сам автор. Свое произведение Юсуф Хас-Хаджиб посвятил одному из караханидских тамгач-ханов.

Хаджиб Юсуф Баласагуни жил в восточных областях караханидского государства и особенно хорошо знал города Баласагун и Кашгар, где не раз имел возможность ознакомиться с придворной средой ханского дома. Не случайно поэтому он посвятил свое произведение одному из караханидских тамгач-ханов.

«Кудатку билик» часто использовался как ценнейший памятник тюркского языка XI в. для решения лингвистических и филологических вопросов и как важный исторический источник.

Хаджиб Юсуф Баласагуни, по происхождению караханидский тюрк, был типичным городским жителем и отличался большой образованностью. Он принадлежал к наиболее прогрессивным слоям общества. Баласагуни не колебался в выборе между кочевым и оседлым порядками общественной жизни. Земледельцев и ремесленников он считал более полезными для общества людьми, чем кочевники-скотоводы.

В своем дидактическом произведении он излагал мнение о том, как должна относиться власть к разным классам общества. «Земледельцы (тарыкчилар), как видишь, составляют еще один род людей, — пишет Хаджиб Юсуф Баласагуни, — они необходимые люди, это ясно. С ними ты общайся и обходись. Они защита глотки, живи без забот. Пользу их испытывают все живые существа. Все получают от них для употребления пищу».

Особенно восхвалял Хаджиб Юсуф ремесленников и купцов. Иное отношение у него к кочевникам-скотоводам. Признавая их полезность, он в то же время подчеркивает, что «мудрости они не имеют». У них нет законов, потому «говори им хорошие слова, но не называй их друзьями»[1].

Дидактическая поэма Юсуфа Баласагуни написана на старом уйгурском языке, который несомненно оказал влияние на среднеазиатский тюркский литературный язык.

Из других поэтов, писавших на среднеазиатском тюркском языке, предшественнике современного узбекского языка, значительную роль сыграл Ахмад Югнаки. Его поэма «Хибат ал-хакаик» («Подарки истин») посвящена вопросам нравственности и воспитания, прославлению науки и знания. «Знание открывает путь к благополучию: овладев знанием, ты найдешь дорогу к счастью», — писал Ахмад Югнаки.

Большую популярность в суфийской среде приобрел сборник мистических стихов Ахмада Ясави «Хикмат» («Премудрость»), он дошел до нас во множестве поздних списков, в которые, несомненно, попали также стихи других авторов, принадлежавших к его школе тасаввуфа. Эти произведения представляют большой интерес с точки зрения формирования среднеазиатского тюркского языка и тюркской литературы.

4. ГОРОДА. АРХИТЕКТУРА. ИСКУССТВО

Караханидское завоевание сыграло важную роль в объединении культуры народов, населяющих оазисы Средней Азии. В орбиту регулярных экономических и культурных связей между оазисами и городами втянулось и население обширной степи. В эту эпоху отмечается интенсивный рост городов. Еще во времена Саманидов такие города, как Самарканд, Бухара, Термез уже не вмещались в границы старых шахристанов и стали обрастать торгово-ремесленными предместьями — рабадами. Этот процесс продолжался и в XI—XII вв. Бухара, Самарканд, Ташкент, Термез, Мерв, Ургенч и другие города увеличились по площади и населению. Здесь продолжало развиваться ремесло, удовлетворяющее потребности возраставшего населения городов, сельских местностей и кочевой степи. Оживленными были и торговые

---

[1] При чтении его сочинения нельзя пройти мимо обильно приводимой им тюркской социальной терминологии из области земледелия и ремесел, что свидетельствует об их весьма развитых формах.

сношения, охватывавшие обширные районы с оседлым и кочевым населением.

В этот период широкое распространение получила монументальная архитектура. Исходя из тех форм, которые сложились в X в., зодчие караханидского времени совершенствуют строительную технику, разрабатывают новые принципы планировки и композиции отдельных зданий и архитектурных ансамблей, новые формы купольных перекрытий и приемы архитектурного декора.

Строительная деятельность караханидских правителей начала интенсивно развиваться особенно со времени Шемсульмулька (1069—1079), построившего дворец в окрестностях Бухары и несколько монументальных зданий в различных местах своих владений.

До нашего времени сохранилось довольно значительное число зданий из жженого кирпича, возведенных в XI—XII в. Среди них такое замечательное произведение древних зодчих, как мечеть Деггарон в селении Хазара (Бухарская область). Характерной особенностью этого здания является выдержавшее испытание многих столетий перекрытие из девяти легких кирпичных куполов, опирающихся на сырцовые стены и четыре массивных круглых кирпичных столба внутри здания.

Неподалеку от мечети Деггарон, в степи, уцелели незначительне остатки монументального рабата (караван-сарая). известного под названием Рабат-и Малик. Постройку его приписывают караханидскому правителю Шемсульмульку (1069—1079 гг.).

В Бухаре и сейчас возвышается прекрасно сохранившийся минарет при соборной мечети (Мачити-Калян), построенный при Караханиде Арслан-хане в 1127 г. Он представляет собой круглый столб с арочным «фонарем» наверху. Поверхность минарета выполнена узорной кладкой из жженого кирпича.

Стройный минарет более позднего времени, построенный по распоряжению садра Абдулазиза II в 1198—1199 гг,. находится в Вабкенте, в 25 *км* от Бухары.

К XII в. относится здание бухарской Намазгах, перестроенное позднее, но сохранившее в своей древней части узорчатую выкладку и резьбу по алебастру, а также мечеть Магоки-Аттари с богато украшенным южным порталом. Незаурядным памятником архитектуры караханидского времени является минарет в Джаркургане (Сурхандарьинская область) с его «гофрированным» столбом, исключительно точно и тщательно сложенным. Надпись на минарете свидетельствует о том, что он построен в 1108—1109 гг.

В Самарканде сохранились фрагменты древнейших сооружений ансамбля этого периода, возникшего у могилы Кусама ибн Аббаса, получившего название Шахи-Зинда, — остатки древнего, перестроенного в XIV в. здания мазара с надписью, вырезанной на деревянной балке небольшого минарета, и несколько древних мавзолеев.

При раскопках на городище Афрасиаб найдены остатки здания, украшенного прекрасной резной терракотой, частично покрытой бирюзовой глазурью. Здание предположительно определяется как мавзолей караханидского правителя Ибрахима ибн Хусейна (умер в 1201). На этом же городище исследована соборная мечеть, построенная при хорезмшахе Мухаммаде. Она состояла из обширного двора, окруженного галереями на деревянных столбах, на которые опирались балки, орнаментированные резным узором.

Большое количество памятников XI — начала XIII вв. сохранилось в Хорезме: многочисленные замки и усадьбы из сырцового кирпича и глины (Буран-Кала, Наиб-Кала, усадьбы комплекса Кават-Кала и др.), караван-сараи на путях из Хорезма к Поволжью и пр. Среди замечательных произведений монументальной архитектуры Ургенча сохранился чудесный мавзолей Фахруддина Рази и мавзолей, называемый мазаром Шейха Шерефа, который отдельные исследователи считают мавзолеем над прахом хорезмшаха Текеша (1172—1200).

О дворцовых постройках дает нам представление (раскопки 1927—1938 гг.) дворец термезских правителей, особенно аудиенц-зал, со стенами, покрытыми замечательной резьбой по алебастру. Наряду с разнообразным растительно-геометрическим орнаментом и арабскими надписями, мы встречаем здесь панно с геральдическими изображениями фантастических животных — дань старой традиции. Кроме алебастрового декора, были найдены фрагменты орнаментальных стенных росписей.

На городище Варахша были исследованы дома рядовых горожан, построенные из глины. Их стены, по-видимому, не имели никакой декоративной обработки. Помещения группировались вокруг небольшого дворика. Важно отметить, что признаков выделения особой женской половины, связанной с затворничеством женщины, в этих домах нет. Также просты жилища ремесленников на городище Афрасиаб.

Здания XI—XII вв. сохранились в Туркмении, Киргизии и других республиках Средней Азии.

Сохранившиеся архитектурные памятники свидетельствуют о высоком развитии архитектурного искусства, в част-

ности, декора. Здесь применяется фигурная кладка из кирпичей, разнообразящая гладь стен, и резьба по алебастру. Впервые появляются вставки поливной майолики бирюзового цвета. Широко развивается резьба по дереву, дошедшая до нас лишь в немногих образцах. Начавшийся еще в X в. процесс вытеснения изобразительного искусства орнаментальным продолжается и в этот период усиливающегося влияния ортодоксального ислама. Однако было немало исключений, таких как изображения фантастических зверей во дворце термезских правителей. Из письменных источников известно, что картинами и изображениями различных сцен украшались дворцы Газневидов. Фигуры сказочных животных, из которых особенно излюбленной была фантастическая птица с женской головой, вкомпановывались в гравированный орнамент на медных предметах домашней утвари — блюдах, чашах, котелках, светильниках, подставках.

Интересна эволюция в изготовлении художественной поливной глиняной посуды. Сосуды тех типов, которые изготовлялись в X в., становятся постепенно к концу XII в. более грубыми. Примитивнее делается и их орнаментация. Но наряду с этим появляются новые разновидности посуды типа фаянса с голубой непрозрачной поливой, а к концу периода появляются тонко сделанные фаянсовые чаши с четким и изящным узором, прорисованным черными линиями.

ГЛАВА X

МАВЕРАННАХР И ХОРЕЗМ ПОД МОНГОЛЬСКИМ ИГОМ В XIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

1. ХОРЕЗМСКОЕ ГОСУДАРСТВО НАКАНУНЕ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ В НАЧАЛЕ XIII в.

В то время как хорезмшах проводил «собирание» земель Мавераннахра и одну за другой включал его области в состав хорезмского государства, в далекой Монголии происходили события, получившие через несколько лет отзвук во всем мире.

В Монголии, в конце XII и начале XIII вв., в среде постоянно враждовавших между собой племен (татар, найманов, кереитов, меркитов и др.) происходил процесс сложения государства в интересах нойонства — монгольской кочевой феодальной аристократии, сопровождавшийся жестокой классовой борьбой. Монголы представляли собою уже классовое общество феодального типа с чертами патриархальных родоплеменных отношений. Дальнейшее сложение феодализма происходило у монголов в связи с завоеванием оседлых земледельческих стран с феодальным строем — Китая, Средней Азии и др.

Имя «монгол» имело скорее политический, чем этнический характер. Сам народ называл себя татарами по имени наиболее многочисленного и влиятельного среди них племени — татар. Под этим названием монголы и известны были у большинства народов завоеванных ими стран, в том числе и у русских.

Объединителем монгольских племен и создателем монгольского государства полукочевого типа был Темучин, получивший после 1206 г. имя Чингиз-хана. Больше всего

внимания уделял он созданию многочисленного, хорошо вооруженного, организованного и дисциплинированного монгольского войска.

Как сообщает Джувейни, все свободное население, в мирное время занимавшееся разведением скота, в военное время обращалось в войско, разделенное, согласно практиковавшейся у кочевников десятичной системе счета, на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч — тумены (тьмы). Каждый воин должен был заблаговременно заготовить все, что ему полагалось иметь при себе в походе: оружие — луки, стрелы, сабли; верховых и вьючных животных — лошадей, верблюдов, ослов; разное снаряжение — веревки, котел, иголки, топор и другие необходимые предметы. Во главе войска, то есть на местах военачальников, возглавлявших сотни, тысячи и тьмы (тумены), стояли представители военной монгольской аристократии — бахадуры, мергены, сечены, нойоны. Во главе туменов часто можно было видеть царевичей. Монгольское войско отличалось не только исключительной дисциплинированностью, но и большой подвижностью, выносливостью в походах и храбростью в бою.

Кроме основного войска, Чингиз-хан имел в своем распоряжении еще и личную гвардию — «кешик». Эта гвардия редко пускалась в ход Чингиз-ханом и держалась им на случай какой-нибудь большой внешней или внутренней опасности.

Объединив монголов, победив всех своих врагов, убив одних, других изгнав из пределов их родной страны и положив начало большому монгольскому государству, Чингиз-хан задумал поход на Китай. В своей монографии «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» В. В. Бартольд правильно отмечает, что «объединение кочевых народов, населявших Монголию, всегда имело следствием нападение на Китай».

Но прежде чем начать поход на северную часть Китая, Чингиз-хан в 1209 г. сделал небольшой набег на страну Тангут, лежащую на северо-восток от Китая. Из этого набега монголы вывезли богатую добычу и людей, которые прекрасно знали северный Китай, находившийся тогда под властью династии Цинь, и дороги туда.

Поход на северный Китай был объявлен в 1211 г. Чингиз-хан пошел туда с огромным войском. Вместе с Чингиз-ханом были его сыновья — Джучи, Чагатай, Угэдэй и Тули, а также два его выдающихся полководца—Джебе и Субэдэй (Субэдай). Пройдя китайскую стену, Чингиз-хан столкнулся с

циньской армией и совершенно разгромил ее. Перед ним открылась дорога в цветущие районы страны. Захватив три города, в том числе Фу-Чжоу, но не тронув столицу — Пекин, Чингиз-хан в 1214 г. с огромной добычей отправился в обратный путь.

В 1215 г. вновь появился Чингиз-хан в северном Китае. На этот раз он взял Пекин, свергнув циньскую династию, и присоединил северный Китай к монгольскому государству.

Из этого похода Чингиз-хан вывез еще большую добычу, чем раньше, — золотые и серебряные сосуды, шелковые ткани, рабов, рабынь и т. д. Однако едва ли не самым важным псоледствием похода Чингиз-хана на Китай, обеспечившим успех его дальнейших походов, было то, что он познакомился с высокой военной техникой китайцев по осаде городов. Он не только вывез большое количество китайского вооружения, особенно осадных машин, но и людей, умевших их изготовлять и ими управлять. Благодаря этому Чингиз-хан смог вскоре оснастить свою армию лучшим вооружением своего времени.

Закрепив достигнутые в северном Китае успехи, Чингиз-хан обратил свои взоры на запад, в сторону Семиречья, где сидел его заклятый враг, глава племени найман, Кучлук, который сумел использовать выгодную политическую ситуацию, создавшуюся в связи с захватом Мавераннахра хорезмшахом Мухаммедом.

Кучлук образовал на развалинах каракитайской державы из областей Хотана, Яркенда, Кашгара, Семиречья и Ферганы довольно большое, но непрочное государство. Однако глава найманов не сумел наладить нормальных отношений с мусульманской частью населения в своем государстве и возбудил неприязнь к себе. Когда же Кучлук перешел к политике открытых гонений против мусульман, неприязнь эта перешла в ненависть, которая впоследствии сыграла немаловажную роль в его судьбе; мусульмане, увидев, что монголы Чингиз-хана, начавшего свой поход на запад, не преследуют людей за их религиозные верования, в частности, за исповедание ислама, сразу перешли на их сторону и не оказали помощи Кучлуку.

Заканчивая завоевание Мавераннахра, хорезмшах мечтал совершить поход на Китай. Осуществить его можно было лишь при условии полного разгрома войск Кучлука, государство которого лежало на пути в Китай. Однако в 1215 г. до Мухаммеда дошли слухи о том, что Чингиз-хан опередил его и взял столицу северного Китая Пекин; хо-

резмшах слышал об исключительной силе его многочисленного войска и дарованиях Чингиз-хана как правителя. Чтобы проверить эти сведения, он отправил к Чингиз-хану послов во главе с Бехауддином Рази.

Послы прибыли сначала в Монголию, но, не застав там Чингиз-хана, отправились дальше в Китай, где встретились с ним вскоре после взятия им Пекина. В это время Чингиз-хан хорошо относился к мусульманам и видел большую пользу в торговле с ними. Он хорошо принял послов и просил передать хорезмшаху Мухаммеду, что считает его владыкой Запада, а себя полновластным царем Востока. Через некоторое время из Хорезма было отправлено новое посольство. На этот раз оно пошло северным путем и, минуя государство Кучлука, явилось к Чингиз-хану с большим торговым караваном. В ответ на это посольство Чингиз-хан отправил в Хорезм своих послов с товарами и подарками. Во главе их был поставлен богатый купец, хорезмиец Махмуд, впоследствии известный под именем Махмуда Ялавача (посла).

Хорезмшах Мухаммед принял их торжественно и внимательно выслушал послание монгольского хана. В нем говорилось, что Чингиз-хан знает хорезмшаха как могущественного государя и желает заключить с ним мирный договор, почитая его наравне с лучшими из своих сыновей. Последняя «любезность» на языке восточной дипломатии означала, что Чингиз-хан намерен относиться к хорезмшаху, как к своему вассалу. Такая перспектива не могла понравиться государю, который считал себя вторым Александром и вторым султаном Санджаром.

Ночью хорезмшах тайно призвал к себе Махмуда и объявил, что он как хорезмиец должен служить ему, шаху Хорезма, а не Чингиз-хану, и потребовал, чтобы тот не только рассказал о силах монгольского хана, его завоеваниях и дальнейших намерениях, но и стал его шпионом в стане врага. Как рассказывает Несеви (XIII в.), Махмуд Ялавач принял это предложение.

Хорезмшах отпустил послов, обещав им подписать договор с Чингиз-ханом. Последний остался доволен результатами посольства, так как Махмуд Ялавач, по-видимому, больше рассказал ему о хорезмском государстве и его правителе, чем хорезмшаху о монголах. Чтобы выразить хорезмшаху свое удовлетворение и вместе с тем заключить договор между двумя великими соседями, Чингиз-хан в 1218 г. снарядил огромный торговый и посольский караван из 450 человек и 500 верблюдов. Караван вез огромные цен-

ности и подарки. Во главе каравана Чингиз-хана, как и в предшествующий раз, стояли мусульманские купцы. Караван направлялся в столицу Хорезма — Ургенч, где в то время находился хорезмшах, однако не попал туда, так как был задержан в пограничном городе Отраре, где стоял хорезмский гарнизон.

Источники не сохранили нам ясной картины происшедших в Отраре событий. Известно, что Иналчик — комендант крепости Отрара, — по-видимому, с ведома хорезмшаха Мухаммеда, отдал распоряжение в 1218 г. разграбить караван, а весь состав его перебить. Спасся один только человек — погонщик верблюдов. Ему удалось добраться до ставки Чингиз-хана и рассказать о трагической судьбе каравана.

Что побудило хорезмшаха Мухаммеда на такой безумный шаг? Чингиз-хан был крайне оскорблен вероломным поведением хорезмийских властей, однако сдержал свой гнев и отправил к хорезмшаху послом Ибн Кефрадж Богру в сопровождении двух верных ему лиц с требованием наказать виновных и выдать ему Иналчика. Хорезмшах в ответ на это требование приказал посла убить, а товарищей его отпустить, предварительно обрезав у них бороды.

Все происшедшее обозначало полный разрыв торговых и дипломатических отношений между двумя действительно крупнейшими тогда государями мира. Предстояла война. Однако никто из современников, особенно в Средней и Передней Азии, не мог предугадать и десятой доли тех бедствий, которые впоследствии обрушились на культурнейшие народы Азии и Восточной Европы, так как никто по-настоящему не предгавлял себе реального соотношения сил между государством хорезмшаха и монгольской державой.

Чтобы разобраться во всем этом, рассмотрим, хотя бы в общих чертах, главные особенности Хорезма в XIII в., как типичного феодального государственного объединения. В Хорезме было, конечно, крупное чиновничество — везир, мустауфи, казий, векиль двора и другие должностные лица. Однако подавляющее большинство этих должностных лиц принадлежало к местной земельной аристократии. Будучи феодалами, должностные лица в критический для государства момент могли оставить свои посты и повести себя самостоятельно, выказав непослушание государю. Многие должности, как это обычно происходило в условиях феодального общества, передавались по наследству. Это сковывало государственную власть, лишая ее свободы выбора наиболее

достойных кандидатов для замещения государственных постов.

Должности в государстве тесным образом были связаны с получением икта. Вышеупомянутый историк Несеви, писавший в первой половине XIII в., хорошо знавший порядки в хорезмском государстве, рассказывает, что когда Зияуль-мулька назначили везиром в Несу (около современного Ашхабада), он получил в икта целую область с доходами в десять тысяч динаров, не считая других доходов и кормления, которые полагались ему по должности. Икта увеличивали экономическую самостоятельность хакимов, везиров и др. и поощряли их оппозиционные настроения. Дома в поместьях земельной аристократии были окружены стенами и рвами. В некоторых из таких поместий были даже мечети. Владетели этих поместий, подчас обладавшие очень большими землями, крупного хозяйства на них не вели, а сдавали мелкие участки для обработки соседним малоземельным крестьянам или совсем обезземеленным людям. Как это уже не раз указывалось, не только государство в лице ханской или султанской власти, но и крупные землевладельцы—обладатели икта,—могли требовать с райатов[1] (земледельцев) выполнения определенных натуральных повинностей. К тому времени в персидском языке уже встречался термин «сухра гирифтан», употреблявшийся в значении права иктадара требовать выполнения определенной работы в порядке барщины, что совпадало со значением таджикского и узбекского термина «бегар». Несеви рассказывает, что везир Захируддин Масуд ибн ал-Мунаввар аш-Шаи так возвел укрепление Несы.

Картина социального расслоения во второй половине XII—начале XIII вв. была очень четкой и нашла яркую, несколько анекдотическую характеристику в словах султана Санджара, приписываемых ему в книге Самарканди (XII в.).

«Ограждение сильных от обиды со стороны слабых еще более необходимо, чем защита слабых от произвола сильных; оскорбление слабых сильными — только несправедливость, тогда как оскорбление сильных слабыми — и несправедливость, и позор. Если народные массы выйдут из повиновения, то произойдет полный беспорядок: малые будут исполнять дела великих, а великие не смогут исполнять дела малых». Положение народных масс ухудшалось с каждым годом, особенно во времена хорезмшаха Мухаммеда. Последний вел непрерывные войны, требовал все время уплаты налогов в увеличенном размере, собирал иногда, как мы увидим ниже,

---

[1] Слово «райат» употреблялось также и в значении «подданный».

при описании организации обороны Самарканда от нападения монголов, харадж по три раза в год и почти непрерывно созывал ополчение в дополнение к своему наемному войску, состоявшему, как при Атсызе, из тюрко-кипчаков (канглы), отчасти туркмен и т. д. Для крестьянства фактически уже существовала крепостная зависимость.

Не было единства среди феодалов, что также ослабляло государство. Кипчакская знать, составлявшая верховное командование войска, была связана родоплеменными узами с матерью хорезмшаха Туркан-хатун, которая возглавляла все дворцовые интриги, направленные на возвышение ее племени.

Борьба хорезмшаха против кипчакской знати была неравной, так как его врагов поддерживало враждебное ему реакционное духовенство с благословения главы всех мусульман Халифа Насира (1180—1225 гг.).

Чингиз-хан был осведомлен о состоянии дел в государстве хорезмшаха, он знал, что этот незадачливый правитель в грозный час войны не найдет поддержки ни у народа, ни у войска.

2. ВОЙНА С МОНГОЛАМИ В МАВЕРАННАХРЕ В 1219—1221 гг.

Разгром каравана в Отраре и убийство хорезмшахом посла Чингиз-хана Ибн Кефрадж Богры возымели свое действие, ускорив то, к чему Чингиз-хан все равно приступил бы несколько позже, а именно поход на юго-запад, на культурные земли Мавераннахра.

Чингиз-хан в соответствии со своей наступательной стратегией отдал распоряжение Джебе-нойону выступить с сильным отрядом в Восточный Туркестан и Семиречье и покончить с государством Кучлука, что и было выполнено им в 1219 г. Таким образом, перед Чингиз-ханом открылась дорога к берегам Сырдарьи и дальше, в Мавераннахр и Хорезм.

Начатые Чингиз-ханом военные действия в Семиречье не могли не вызвать в хорезмском государстве военного оживления. Необходимо было немедленно готовиться к ответным действиям. Перед хорезмшахом, как главнокомандующим всеми войсками, встал вопрос, какой тактики ему следует придерживаться. Хорезмское государство было богато, оно обладало многочисленной тюркской гвардией, многочисленным и хорошо вооруженным ополчением. В стране имелось много осадных орудий и соответственно обученных кадров по управлению ими. Фуража и провианта было достаточно даже для затяжной войны.

На военном совете решено было придерживаться оборонительной тактики, причем сразу же наметились расхождения по вопросу о методах обороны. Шихабуддин Хиваки, состоявший векилем при хорезмском дворе, высказал на совете единственно правильную мысль о необходимости сосредоточения в одном месте огромной армии, которая, держа в своих руках инициативу выбора времени и удобного для себя места, сразилась бы с главными силами Чингиз-хана, разбила бы их и прогнала врага за пределы страны.

Хорезмшах не принял, однако, его совета и выдвинул план рассредоточения армии для обороны страны по отдельным городам, опираясь на их укрепления и гарнизоны. Этот гибельный план был вызван полным недоверием к высшим военачальникам-кипчакам, опасением, что они, воспользовавшись моментом, свергнут его с престола.

Мухаммед отдал приказ укреплять города. Он предполагал, что главный удар монголов примет на себя Самарканд, имеющий большой, хорошо вооруженный гарнизон. Хорезмшах отдал распоряжение перестроить городские укрепления, непригодные для целей обороны. С населения Самарканда трижды в течение одного года собрали харадж для укрепления стен. Собранные деньги были растрачены, а к укреплению стен так и не приступили. Укрепили, да и то плохо, лишь самаркандскую цитадель.

В 1219 г. Чингиз-хан с огромной армией двинулся в сторону Отрара — большой и сильной крепости. Его войско, основное ядро которого составляла конница, было хорошо подготовлено к войне. Значительную часть его составляла артиллерия — различные стенобитные и метательные машины; в большом количестве имелись машины типа самострелов, выбрасывающие сосуды с горящей нефтью. Монгольское войско возглавлял Чингиз-хан, царевичи и испытанные в боях полководцы. В лагере монголов находилось немало перебежчиков из Средней Азии, изменнически перешедших на службу к Чингиз-хану и сообщавших ему необходимые сведения о дорогах, мостах через реки, горных перевалах, районах, где было много фуража и продовольствия.

В Среднюю Азию Чингиз-хан принес испытанную в прежних походах безжалостную тактику грабежей, поджогов, массового уничтожения мирного населения. Эта система пришла в действие с момента появления первых монгольских отрядов на территории Средней Азии.

В сентябре 1219 г. Чингиз-хан приступил к осаде Отрара. *Защитники города храбро сражались и были покорены только* через шесть месяцев, когда у них не осталось средств к

сопротивлению. Разделив свои силы на несколько частей, Чингиз-хан оставил одну часть для осады Отрара, а другую, во главе со своим старшим сыном Джучи, направил вниз по Сырдарье, приказав захватить Сыгнак, Узген, Барчылыгкент, Дженд, Янгикент и другие города. После этого отряд должен был направиться в сторону Ургенча, взятие которого являлось одной из важнейших боевых задач, поставленных Чингиз-ханом. В ставке Джучи находились также сыновья Чингиз-хана Чагатай и Угэдэй. Небольшой отряд в пять тысяч человек Чингиз-хан послал вверх по Сырдарье, на города Бенакет и Ходжент.

Сам Чингиз-хан с главными силами кратчайшей дорогой через безводную степь направился к Бухаре. На пути без боя он взял крепость Зернук и город Нур (Нур-Ата). Нур был разграблен и обложен контрибуцией в тысячу пятьсот динаров. Недалеко от Нура находилась Бухара, к которой монголы подошли в феврале 1220 г. Как сообщает историк Джузджани (XIII в.), сравнительно небольшой гарнизон города составлял всего лишь 12 тыс. воинов (по словам Джувейни[1], 20 тыс.) и был плохо подготовлен к обороне.

Население города героически сопротивлялось, но предательство духовенства и пассивность военачальников способствовали его падению.

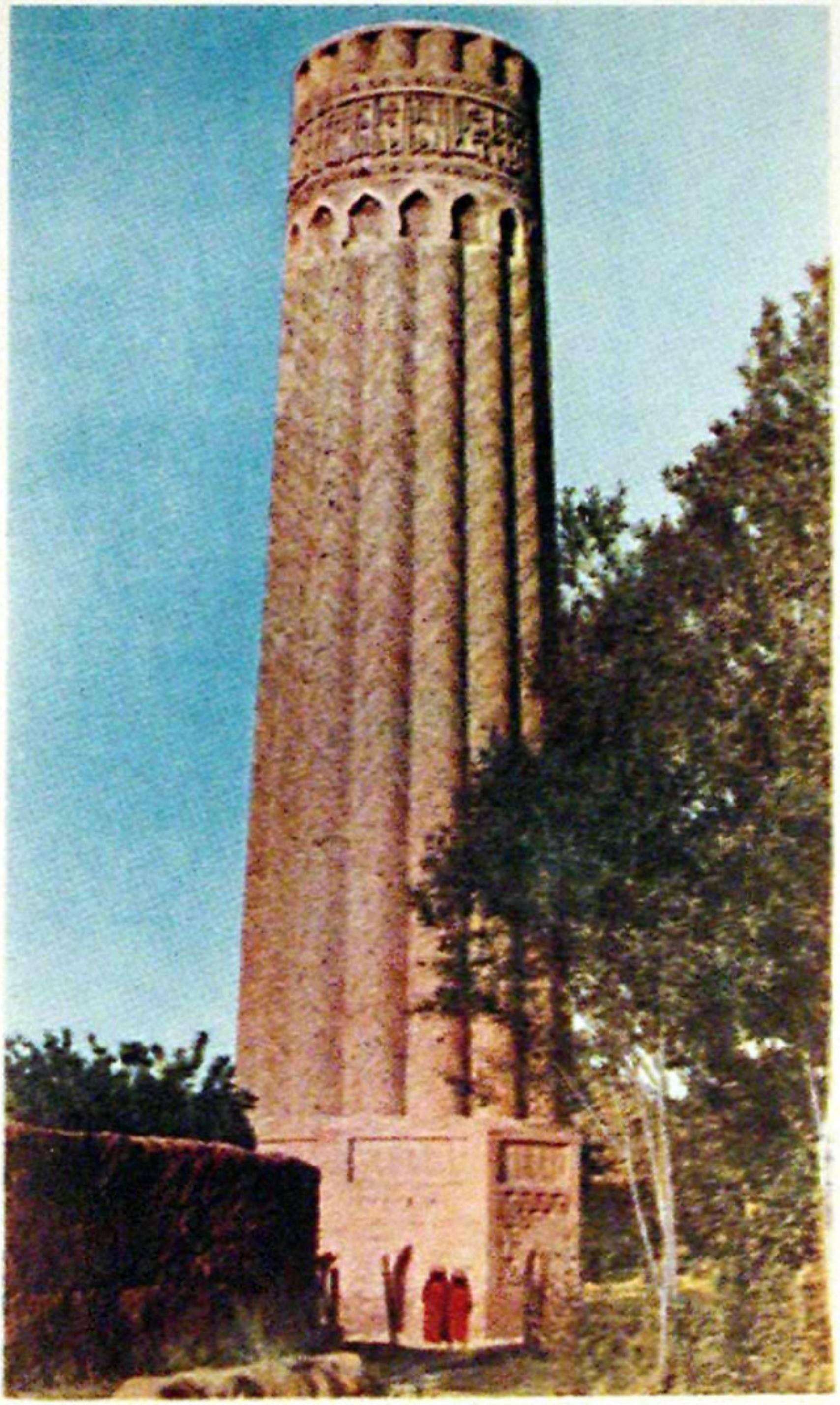
Повторяя Джувейни, Рашидуддин красочно описывает въезд Чингиз-хана и его сына Тули в Бухару, один из прославленных городов феодального Востока: «Чингиз-хан подъехал к соборной мечети на коне и потребовал к себе именитых людей города. Монголы открыли городские амбары и достали зерновой хлеб. Сундуки со списками Корана сделали колодами для лошадей, меха с вином разложили в мечети, привели певцов города, чтобы они плясали и танцевали. Монголы распевали по правилам своего пения; знать, муриды, улемы и шейхи стояли у конюшен вместо конюхов для охранения лошадей и занимались исполнением приказаний тех племен». Однако не все были сломлены. Группа патриотов в 400 человек в течение 12 дней вела героическую борьбу в осажденном арке.

Когда весь город оказался в полном распоряжении монголов, Чингиз-хан, по словам Джувейни, вызвал к себе наиболее богатых и именитых лиц, в том числе и старшин города[2]. Он

---

[1] По-видимому, Джувейни, кроме кадрового тюркского гарнизона, считает еще и местное ополчение.

[2] Ибн ал-Асир, отмечая этот факт, также выделяет специальных старшин, от которых Чингиз-хан потребовал списки ценностей и в первую очередь серебра.



Джаркурганский минарет XII в.

потребовал от них сдачи их имущества, а также сведений об имуществе других состоятельных людей. Когда таким образом были собраны большие ценности, Чингиз-хан отдал город на разграбление своим воинам. В результате начавшегося безудержного грабежа грандиозный пожар охватил Бухару, и большая часть ее сгорела. Уцелели только соборная мечеть и некоторые дворцы, построенные из кирпича.

Весть о занятии Бухары, о страшной судьбе города и его жителей быстро распространилась по Мавераннахру среди земледельческого населения и жителей городов: одни находились в страхе и панике, другие (и они составляли большинство), полные негодования, были готовы отдать свои жизни за независимость страны, чтобы спасти ее от порабощения. Однако героические усилия неорганизованного населения не дали положительных результатов, потому что военачальники были бездарны и трусливы, а светская и духовная знать — предательски настроена. Глава государства, хорезмшах Мухаммед, гордо именовавший себя вторым Александром, трусливо бездействовал и готов был бежать, оставив на произвол судьбы народ, который его хотя и не любил, но первое время, верил в его военные дарования и знания.

В Бухаре завоеватели захватили огромное количество пленных. Среди них преобладали ремесленники. Монголы ценили их рабочую силу, которая могла обеспечить их в порядке повинности ремесленными изделиями. Большое число здоровых и физически крепких пленных вошло в хашар, то есть в отряды, использовавшиеся на тяжелых работах при осаде Самарканда, Дабусии и др.

Самые опасные мероприятия — подвоз стенобитных машин, установка лестниц, по которым можно было подняться на стены, прием первых ударов со стороны осажденных — выполнялись пленными горожанами и земледельцами. Мэн Хун, современник Чингиз-хана, пишет: «Всякий раз, когда они хотят взять большой город, то сначала нападают на малые места, берут в плен тамошних жителей и гонят их на осаду. Для этого они отдают повеление, чтобы каждый конный солдат захватил десятерых человек. Когда это число вполне набрано, то всяким человеком берется известное количество травы, дров, земли, камней; их гонят день и ночь, убивая отставших; пригнав, немедленно заравнивают рвы вокруг городских стен (принесенными с собой материалами)». Таких пленных под Самаркандом было очень много; кроме захваченных Чингиз-ханом под Бухарой, в лагере находились пленные, которых привели из-под Отрара Чагатай и Угэдэй. По словам Ибн ал-Асира, эти пленные шли пешком за еду-

щими «конно и оружно» монголами, изнывая от голода и холода и измученные падали, чтобы уже никогда больше не встать.

Из Бухары монголы направились в Самарканд — главный центр сопротивления монгольскому нашествию. В основной своей массе монголы, по-видимому, шли левым берегом Зарафшана по самаркандской дороге. Сопротивление монголам оказал только город-крепость Дабусия.

К Самарканду, где жители успели лишь укрепить стену и наполнить ров водой, монголы подошли в марте 1220 г. В городе был гарнизон численностью в 110 тыс. (60 тыс. войска и 50 тыс. ополчения, по Джувейни)[1]. Кроме конного и пешего войска, в Самарканде имелось еще 20 боевых слонов.

Главным начальником самаркандского гарнизона был тюрк-канглы Тугай-хан, брат матери хорезмшаха Туркан-хатун. В самом городе не было единства. Народные массы — ремесленники, мелкие торговцы, чернорабочий люд и широкие круги молодежи, полагаясь на мощь гарнизона, большие запасы продовольствия и своевременную помощь хорезмшаха, верили в возможность успешного сопротивления. Представители гражданского чиновничества и высшего духовенства — сам шейх ул-ислам, имамы, улемы и шейхи — притаились и ждали случая для измены и предательства.

Чингиз-хан руководил осадой из загородного дворца Кок-сарай.

Первая вылазка по настоянию народных масс была совершена на третий день осады. По словам Ибн Асира, регулярные тюркские войска самаркандского гарнизона не приняли участия в вылазке, в основном в ней участвовало городское народное ополчение. Монголы устроили самаркандцам ловушку и, пользуясь бездарностью и трусостью военачальников хорезмшаха, истребили несколько десятков тысяч человек. Поражение самаркандцев было на руку шейх ул-исламу, имаму, казиям, начальнику гарнизона Самарканда Тугай-хану. Стремясь спасти свою жизнь и имущество, они направили к монголам депутацию с предложением сдать город и открыть ворота Намазгах, находившиеся в северо-западной части шахристана (ныне городище Афрасиаб).

Монголы, овладев городом, разрушили укрепления, чтобы какие-нибудь смельчаки не возобновили сопротивления, жителям приказали покинуть город, и Самарканд был отдан на полное разграбление войску. Духовенство ценою предатель-

---

[1] Самую малую цифру 40 тыс. приводит Несеви, имея в виду только тюркское наемное войско.

ства купило себе жизнь и, как сообщают источники, вывело из города около 50 тыс. своих близких и родственников (цифра, возможно, преувеличена).

Тугай-хан, предлагая монголам сдать город, рассчитывал перейти со своим войском на службу к Чингиз-хану. Однако монголы только сделали вид, что приняли его предложение. Через некоторое время войско Тугай-хана было окружено и перебито.

Некоторое время в Самарканде еще оказывала сопротивление древняя цитадель; монголам пришлось брать ее штурмом, причем, чтобы оставить город без воды, они разрушили описанный в X в. арабскими географами «свинцовый водопровод». Последним их убежищем стала соборная мечеть, в ней укрылось около тысячи человек. Взяв мечеть, монголы убили защитников, а здание сожгли.

В результате предательства в Самарканде погибла большая часть населения; 30 тыс. пленных ремесленников были розданы царевичам. По словам китайского монаха Чан Чуня, приехавшего к Чингиз-хану, в городе осталось 2 тыс. семейств — четверть прежнего населения. Следовательно, до нашествия монголов здесь жили 100 тыс. семейств, т. е. свыше 400 тыс. человек.

Вернемся однако к событиям, связанным с монгольским походом вниз и вверх по Сырдарье, в долине которой в начале XIII в. ключом кипела жизнь.

Первым населенным пунктом на пути монголов был хорошо укрепленный и богатый торговый город Сыгнак, когда-то принадлежавший огузам, а в XII в. — кипчакам.

Джучи, командующий сырдарьинской группой монголов, послал в Сыгнак купца Хасан-ходжу с предложением сдать город. Жители Сыгнака предложения не приняли, а Хасан-ходжу убили. Взбешенный Джучи отдал приказ взять город силой, а сыгнакцев перебить. Семь дней продолжалась героическая оборона небольшого города; на восьмой день Сыгнак пал. Город монголы разграбили, а жителей перебили. Затем довольно быстро были захвачены города Узген и Барчылыгкент. В апреле того же 1220 г., приблизительно через месяц после падения Самарканда, монголы взяли Дженд, не встретив сопротивления его жителей и остались в нем до похода на Ургенч. Большой отряд был направлен Чингиз-ханом вверх по Сырдарье. По словам Джувейни и Рашидуддина, в отряде было 20 тыс. монголов и 50 тыс. хашара из пленных. Через три дня они взяли Бенакет и направились к Ходженду. Правителем города и одним из местных владетелей (иктадаров) был Тимур-Мелик, тюрк по происхождению, лично известный

хорезмшаху Мухаммеду и его сыну Джелалуддину. Абсолютный перевес монгольских войск вынудил Тимур-Мелика покинуть город. С тысячным отрядом отборных воинов он занял один из укрепленных островов на Сырдарье. Стрелы и камнеметные машины были бессильны против защитников острова. Монголы приказали пленным насыпать дамбу. Но Тимур-Мелик, подъезжая ночью на лодках, уничтожал то, что создавалось за день. Джувейни рассказывает, что по распоряжению Тимур-Мелика для 12 лодок сделали крыши из сырого войлока и обмазали их глиной, пропитанной уксусом, благодаря чему люди были неуязвимы для стрел и зажигательных снарядов противника.

Но силы были неравны, и Тимур-Мелик, приготовив 70 судов, приказал перенести на них остатки провианта и разных припасов, в том числе боевых. Ночью при свете факелов Тимур-Мелик отплыл вниз по реке. По обеим сторонам реки шли конные монголы, забрасывая храбрецов стрелами и сосудами с горящей нефтью. Так, неся потери в непрерывном бою, преодолевая лишения и трудности, героический отряд добрался до города Дженда. Здесь Тимур-Мелику удалось высадиться и, продолжая бои с монголами, ценой больших потерь дойти, наконец, до Ургенча[1].

Еще до наступления лета 1220 г. восточная и центральная части территории современного Узбекистана перешли в руки монголов. В эти критические для страны дни хорезмшах Мухаммед бездействовал. Его войска стояли лагерем вблизи Амударьи в районе Келифа и Андхуда, где он предполагал задержать монголов. Однако напуганный неудачами хорезмшах под предлогом набора нового контингента для продолжения борьбы с Чингиз-ханом снялся с лагеря и ушел в глубь

---

[1] Дальнейшая биография Тимур-Мелика выходит за пределы главы. Согласно рассказу Джувейни, этот замечательный военачальник и патриот не покорился монголам до конца жизни. Он принимал участие в защите Хорезма (Ургенч), потом отправился в Хорасан, где принял участие в организации сопротивления монголам. Некоторое время мы видим его в одежде суфия в Сирии. Много лет спустя, во времена Батыя, он после долгих скитаний стариком вернулся в родной Ходженд, который прославил героической защитой. Здесь он нашел своего сына, который был на службе у Батыя и получил от него в порядке пожалования земли и имущество отца. Жители Ходженда, узнав, что к ним явился Тимур-Мелик, из страха, что монголы накажут их, отказались его принять под предлогом, что не узнали его. Тимур-Мелик покинул город и направился к Кода-Каану, сыну великого хана Угэдэя. Хотя Джувейни и говорит, что Тимур-Мелик собирался поступить к монголам на службу, однако все его дальнейшее поведение свидетельствует о другом: не желая покориться победителям и не находя себе места в Монгольской империи, Тимур-Мелик решил достойно умереть. Он сознательно наговорил дерзостей монголам и был ими убит.

Ирана. Старший сын хорезмшаха Джелалуддин убеждал его остаться, указывая отцу на гибельные для династии последствия этого шага. Народ будет говорить, доказывал он, что султан только собирал подати, а защитить страну в минуту опасности не смог. Охваченный паническим страхом хорезмшах остался глух к словам сына и двинулся в сторону Нишапура.

Чингиз-хан отдал приказ Джебе и Субэдэю двинуться с отрядом в 30 тыс. человек по следам малодушного хорезмшаха, разбить его отряд, а самого взять в плен.

Путь спасавшегося бегством хорезмшаха закончился у южного побережья Каспийского моря, где он и скрылся на небольшом острове. Напуганный, окончательно потерявший веру в себя и свои силы, лишенный какого-либо сознания ответственности перед народом, оставленный всеми, хорезмшах вскоре умер от воспаления легких на острове, в изгнании, на которое сам себя осудил.

Отряд Джебе и Субэдэя получил приказ не осаждать городов, не грабить их, не обижать крестьян, а лишь преследовать хорезмшаха. Первое время монголы еще выполняли приказ, однако после того, как хорезмшаху удалось скрыться, монголы прибегли к обычным своим приемам ведения войны — грабежу, поджогам и почти поголовному истреблению населения при проявлении им малейших признаков сопротивления.

Дальнейшая судьба этого монгольского отряда выходит за пределы истории Мавераннахра, почему мы ограничимся лишь несколькими словами о его пути. Не найдя хорезмшаха Мухаммеда и узнав о его смерти, Джебе и Субэйдэй через Кавказ двинулись в южнорусские степи, где в 1224 г. на р. Калке произошла знаменитая битва с половцами и русскими князьями.

Осенью 1220 г. Чингиз-хан осадил Термез и взял его штурмом. Город был разграблен и разрушен. На очереди стоял Ургенч, один из богатейших и культурнейших городов мусульманского Востока. Как столица хорезмского государства и центр управления страной Ургенч был особенно соблазнительным объектом для захвата.

Летом 1220 г. после героического похода по Сырдарье в Ургенч явился Тимур-Мелик, который на короткое время возглавил хорезмское войско и народное ополчение, успешно сражался с отрядом Джучи и даже отнял у него Янгикент в нижнем течении Сырдарьи.

Зимой 1221 г. в Ургенч вернулись с того острова, где

укрылся и умер хорезмшах, его сыновья — Джелалуддин, Озлаг-шах и Ак-шах.

В Ургенче царевичи обнародовали заявление, что хорезмшах Мухаммед завещал престол старшему сыну Джелалуддину, ввиду больших его военных дарований. Этим актом недовольны были кипчакские военачальники. Они ненавидели Джелалуддина и вместе с Озлаг-шахом начали против нового хорезмшаха интриги. Вскоре раскрыт был даже заговор, имевший целью убить его. Убедившись в полной невозможности в такой обстановке наладить оборону Ургенча, Джелалуддин вместе с Тимур-Меликом и небольшим отрядом тайно ушли из Ургенча в Хорасан. Вскоре бежал из Ургенча и Озлаг-шаг с братом. Ургенч попал в руки бездарного трусливого эмира Хумар-тегина, который объявил себя султаном и торжественно обещал отстоять столицу от монголов.

Пока происходили все эти события, к Ургенчу подошли значительные монгольские силы. С севера явился Джучи со своим отрядом, со стороны Бухары пришли войска Чагатая и Угэдея. Зимой, в начале 1221 г., началась осада Ургенча. Ургенч был первым из больших городов, который оказал решительное сопротивление монголам.

Городское население самоотверженно готовилось к осаде. Но Хумар-тегин струсил, открыл ворота и отдался в руки монголов. Монголы ворвались в ворота города и овладели некоторыми кварталами. Началась битва. Народ отстаивал каждую пядь земли своего родного города, показывая пример храбрости и самоотверженности. Несмотря на это, после пятимесячной осады город был сдан. Озлобленные монголы ограбили, опустошили и совершенно разрушили город. Ремесленники, юноши и девушки были обращены в рабство, женщины, старики и дети перебиты. Как указывают источники, каждый воин получал 24 пленных, а в осаде Ургенча принимало участие не менее 50 тыс. воинов[1]. Ибн ал-Асир так описывает гибель Ургенча: «Потом они (монголы) открыли плотину, вода вошла и затопила весь город, все постройки были разрушены... Не спасся из жителей города никто... Все пришло в состояние разрушения».

Еще до падения Ургенча, весной 1221 г. Чингиз-ханом был взят Балх, а затем, после большой битвы и долгой осады, город Мерв.

В 1221 г. на территории Средней Азии уже не было другой власти, кроме монгольской. Никто здесь не оказывал больше сопротивления Чингиз-хану. Борьба, однако, продол-

---

[1] Цифры явно преувеличены.

жалась на другой территории, на западе — в Иране и на востоке — в Индии. Уходя в Хорасан и другие области Ирана, Джелалуддин предполагал, что там он найдет сторонников для продолжения борьбы против монголов. Он должен был объехать Несу, Нишапур, Герат, Газну и другие города Ирана и Афганистана. Чингиз-хан приказал своим отрядам сторожить все дороги, ведущие к хорасанским городам. Около Несы постоянно дежурил отряд монголов в 700 человек, с которым Джелалуддин вступил в сражение. Битва окончилась полным поражением монголов. Затем Джелалуддин направился к Газне, куда прибыл с войском в 30 тыс. человек, столько же он нашел и в самом городе. В составе его войска были эмиры — предводители афганцев и карлуков.

Отряды были хорошо вооружены и имели опытных военачальников, однако не составляли еще сплоченного войска; между отдельными военачальниками (они же кочевые и оседлые феодалы) существовали внутриродовые и племенные противоречия, которые вели к распрям и затрудняли управление войсками. Джелалуддин, преодолевая внутренние противоречия в феодальном войске, сумел все же сплотить эту пеструю массу в грозную для монголов силу. Зная, что монгольское войско следует за ним по пятам, Джелалуддин спешно готовился к большому сражению. Битва произошла при Перване в долине Пянджшира и закончилась полным поражением монгольского войска, во главе которого стоял испытанный военачальник Шики-Хутуху. К Чингиз-хану вернулись лишь жалкие остатки. Эта победа показала населению, что при единстве усилий и воле к победе можно справиться и с таким сильным врагом, как монголы.

Чингиз-хан хорошо понимал, что он встретил достойного соперника и делал все, чтобы помешать Джелалуддину собрать большие силы. Тем временем между военачальниками Джелалуддина началась грызня из-за большой добычи, полученной после победы над монголами. Она окончилась отъездом непокорных военачальников в свои уделы. Изменение контингента войск в значительной мере повлияло на исход дальнейшей борьбы.

Чингиз-хан пошел прямо на Газну, а Джелалуддин, отступая без боя, подошел к берегам Инда, где в ноябре 1221 г. произошла решительная битва. Исход сражения решил 10-тысячный отряд отборных монгольских воинов, спрятанный в засаде.

Не желая сдаваться в плен и отдавать свою семью на поругание, хорезмшах сбросил с крутого берега жену, мать и детей, а сам на коне переплыл Инд и скрылся на другом

берегу. Пораженный благородством и смелостью врага, Чингиз-хан даже отказался от преследования. Вместе с Джелалуддином спаслось около 4 тыс. человек из его войска. В последние семь лет своей жизни Джелалуддин пытался создать сильное государство в Закавказье, чтобы продолжать борьбу с монголами. Но и здесь ему мешали феодальные усобицы. Владетели Малой Азии, Сирии и других областей в 1227 г. создали союз, направленный против Джелалуддина. Его враждебные действия в отношении христианских владетелей Грузии и Армении вызвали к жизни коалицию этих народов против него. Таким образом его престиж в Закавказье был подорван и борьба с монголами оказалась бесперспективной.

В 1231 г. Джелалуддин погиб в горах Курдистана, оставленный наиболее близкими своими сподвижниками.

Джелалуддин не искал опоры в народных массах. Если его действия на территории Хорезма были направлены против монгольского завоевания ради сохранения государства хорезмшахов, то все его дальнейшие поступки явились авантюрой. Чингиз-хан, разгромив Джелалуддина, без труда покорил восточный и западный Афганистан. Дальнейшее продвижение его на запад прервала смерть, наступившая в 1227 г.

3. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАВЕРАННАХРА В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Большие бедствия испытали народы Мавераннахра в период нашествия монголов. Многие города лежали в развалинах, особенно пострадали Самарканд, Мерв, и Ургенч. Была разрушена ирригационная система мервского оазиса, обезлюдели его умирающие селения; там, где недавно радовала глаз густая зелень садов и полей, слоями оседали пыль и песок надвигающейся пустыни. Лежал в развалинах Ургенч. Оросительная система была разрушена, многие районы правобережья Амударьи пришли в упадок. Земледельческое хозяйство Хорезма и Мавераннахра сократилось вследствие недостатка рабочих рук.

Бухара восстанавливалась медленно. Развалины зданий и следы разрушений были видны и в 30-е годы XIV в.[1]. Многие

[1] По словам Ибн Бабуты, в Бухаре в 1333 г. большинство мечетей, медресе и рынков лежало в развалинах. Бухара дважды подвергалась разгрому: в 1220 г. во время взятия ее Чингиз-ханом и в 1273 г. во время хулагидского нападения. После 1238 г. при Масудбеке в Бухаре началось строительство, но оно не уничтожило следов чингизова погрома.

небольшие города и селения по берегам Зарафшана постепенно пришли в упадок. Самарканд еще не оправился, жители покинули Афрасиаб, город постепенно стал строиться южнее Афрасиаба.

Завоеванные земли Чингиз-хан еще при жизни разделил между своими сыновьями. Среднюю Азию от Алмалыка до Амударьи он отдал своему второму сыну Чагатаю. Его удел на Востоке включал Кульджу и страну уйгуров, граничил с уделом третьего сына великого хана Угэдэя. На западе Амударья отделяла владения Чагатая от Улуса Джучи, старшего сына Чингиз-хана, в состав владений которого входили и северные районы Хорезма.

При жизни Чингиз-хана в созданной им удельной системе проявлений сепаратистских наклонностей еще не намечалось. По словам Б. Я. Владимирцова, «культурные области с оседлым населением, входившие в уделы царевичей, были первоначально подчинены хану-императору, который правил ими через назначенных губернаторов (даруга); царевичи же пользовались только доходами с этих земель, причем не имели права сами производить сбора податей». Монголы не имели опыта и чиновничьего аппарата для управления завоеванными областями Средней Азии.

Для организации регулярного поступления доходов и управления завоеванными областями Средней Азии монголы воспользовались помощью Махмуда Ялавача — хорезмийского купца.

Махмуд Ялавач был настолько богат, что мог выплатить хану авансом подати со всего Мавераннахра. Сам он не без выгоды для себя получил право собирать с населения подати и натуральные повинности. Махмуд Ялавач стал монгольским наместником в Мавераннахре. Он опирался на монгольские войска, находившиеся в его распоряжении.

Резиденцией своей Махмуд Ялавач избрал Ходженд, откуда следил за всей жизнью Мавераннахра. Чагатай не входил в подробности управления своим уделом, довольствуясь получением с него доходов. Махмуд Ялавач, кроме введения должности баскаков (военный правитель) не вносил никаких изменений в систему управления вилайетами. Местная аристократия (садры, мелики) осталась на своих местах и продолжала играть в местном управлении ту же роль, что и до завоевания.

Крупная феодальная аристократия пошла в услужение к завоевателям, стараясь ценой любых политических уступок сохранить свою собственность и социальные привилегии.

Монголы поддерживали мусульманское духовенство, рас-

считывая на пропаганду идей полной покорности монгольским ханам. Они покровительствовали и мусульманским купцам. Монгольские ханы сами участвовали в торговле в качестве компаньонов. Согласно Рашидуддину, великий хан Угэдэй внес в качестве пая в торговое предприятие одного купца 200 золотых балишей — сумму огромную по тому времени.

Монгольские даруги, баскаки и местная феодальная знать двойной петлей душили порабощенный и угнетенный народ.

При Чингиз-хане и его преемниках—ханах Угэдэе (1229—1241 гг.) и Гуюке (1246—1248 гг.) — на всей территории монгольской империи широкое применение, по словам Рашидуддина, нашла следующая практика: члены чингизова дома бесконтрольно давали феодалам и купцам ярлыки и пайцзы[1], дававшие право требовать от населения (крестьян и ремесленников) выполнения разных повинностей. Ярлык Мангу-хана (Мунке, 1251—1259 гг.) раскрывает смысл многих злоупотреблений и свидетельствует о тяжелом положении крестьян.

«Приказал Мангу-хан: чтобы впредь царевичи не писали и не давали бы никаких приказов в каком-нибудь деле, которое имеет отношение к управлению вилайетами, не запросив мнения наместника ханского величества, чтобы главные ильчи (посланцы), когда они едут от яма к яму, не брали более четырнадцати почтовых (лошадей) и чтобы они не забирали у населения животных. Во времена (великого) хана было договорено, чтобы купцы в областях Моголистана разъезжали на почтовых; отвергая это, (Мангу-хан) приказал, чтобы торговые люди, которые стараются ради собственной прибыли, ездили бы на собственных животных, ибо какой расчет государству предоставлять им пользоваться почтовыми. Приказал он также, чтобы ильчи без дела ни в какой город или деревню не заезжали и не забирали бы (у населения) фуража и провианта сверх положенного им. Так как дела насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно были доведены до крайности земледельцы от множества всякого рода тягот, взысканий и обременений чрезвычайными налогами, так что польза, получаемая ими, не равнялась половине взысканий (в виде повинностей), то он (Мангу-хан) приказал, чтобы лица простого и благородного происхожде-

---

[1] Пайцза — золотая, серебряная, бронзовая, а иногда даже деревянная пластина, выдавалась для того, чтобы местное население кормило ее предъявителя, предоставляло ему фураж, помещение и другие удобства для путешествия.

ния из числа купцов и деловых людей поступали по отношению к зависящим от них людям снисходительно и сострадательно».

Земледельцы, кроме земельного налога — хараджа, несли много других повинностей. Все эти тяготы усугублялись откупной системой.

В тяжелых условиях жили и городские ремесленники. Количество их в городах сильно сократилось. Плано Карпини, приехавший в ставку монгольского хана в 1246 г., пишет: «В земле сарацинов (мусульман) и других, в среде которых они (монголы) являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют к своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего ремесла. Каждому (ремесленнику) они (монголы) дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю и они делают это только для тех ремесленников, которые прибывают в городах».

Многочисленные сведения Рашидуддина (XIII в.) о положении иранских ремесленников при монголах можно распространить и на Мавераннахр. По его словам, монголы в первую очередь забирали в плен ремесленников, выделывавших оружие (луки, стрелы, колчаны, сабли и др.). Принуждая их работать в порядке натуральной повинности, монгольские власти вначале выдавали им содержание продуктами, однако оно в большой части расходилось по рукам разных чиновников, а ремесленники влачили полуголодное существование.

4. ВОССТАНИЕ МАХМУДА ТАРАБИ В БУХАРЕ В 1238 г.

Народные массы, доведенные до полной нищеты, встали перед необходимостью активной борьбы. По рассказу Джувейни, восстание в Бухаре и ее округе началось в 1238 г. В трех фарсахах от Бухары в селении Тараб жил и работал специалист по выделке сит Махмуд Тараби. Земледельцы и ремесленники этого селения собирались на особые «еретические» собрания, где обсуждали свою тяжелую жизнь и выступали с речами против ортодоксального ислама. Более всех на этих собраниях выделялся Махмуд Тараби, который приобрел большой авторитет и доверие народа.

С каждым днем число сторонников Махмуда Тараби увеличивалось. Народ ожидал сигнала к выступлению. Монгольские власти решили принять меры к прекращению смуты и прежде всего обезглавить начавшееся движение. Они прибег-

ли к хитрости, пытаясь выманить и убить Тараби, но безуспешно. Тогда они попросили о помощи Махмуда Ялавача. Махмуд Тараби поехал из Тараба в Бухару, где жили его наиболее активные сторонники и Шамсуддин Махбуби — ученый-богослов, поддерживавший его идеи. С ними он решил начать восстание до прихода войск от Ялавача. В окрестностях Бухары Махмуд Тараби собрал большой отряд преданных делу людей, пусть плохо вооруженных, но готовых отдать жизнь за освобождение родного города и селений от монголов и их приспешников — местных феодалов. Махмуд Тараби вновь вошел в Бухару, где остановился во дворце Раби'а, пригласив туда садров и именитых людей Бухары. Понимая необходимость узаконения своей власти в Бухаре и ее вилайете, он заставил их провозгласить себя халифом. Став законным духовным и светским правителем, Махмуд Тараби провел ряд репрессий против промонгольской феодальной клики. «Большую часть вельмож и людей именитых подверг он оскорблению, обесчестил, некоторых он убил, другая же часть бежала. Простому народу и бродягам он, наоборот, выказал расположение», — пишет Джувейни.

Мухмуд Тараби усиленно готовился к вооруженной борьбе с монгольскими отрядами, которые должны были подойти к Бухаре. Эмиры и баскаки, бежавшие из Бухары в Кермине, собрали из ближайших районов всех монголов и с большим войском направились к Бухаре. Махмуд вышел навстречу вражескому войску с «базарными людьми».

В битве победили сторонники Махмуда Тараби. Разбитые монголы бежали к Кермине. К восставшим присоединялись новые отряды из ближайших селений. «Население окрестных рустаков вышло из своих деревень и, забрав с собой лопаты и топоры, присоединилось к последователям Махмуда, и всякого, кого удавалось настичь, особенно сборщиков податей и богатых людей, они хватали и раскраивали им топором голову. Так, в погоне они дошли до Кермине. Было убито около 10 тысяч человек».

Эта победа была высшей точкой, до которой поднялось движение Махмуда Тараби. Во время восстания погибли его руководители Махмуд Тараби и Шемсуддин Махбуби. На место убитых восставшие выдвинули братьев Махмуда — Мухаммеда и Али, которые не имели ни организаторских способностей, ни авторитета, что выявилось при новом столкновении с монголами. Не прошло и недели, как появились новые отряды монголов, возглавленные Ильдизом Нойоном и Чеканом Курчи. В схватке сторонники Махмуда Тараби были совершенно разбиты и потеряли убитыми около 20 тыс.

человек. Монголы вошли в Бухару и начали избивать и грабить население города с такой жестокостью, что даже безжалостный Махмуд Ялавач потребовал прекращения бессмысленных избиений, так как являясь откупщиком он не хотел, чтобы город и окрестности пришли в запустение.

Движение Махмуда Тараби, направленное против монгольского ига с его непосильными для народа поборами, не посягало на основу феодальных порядков. Стремление Махмуда Тараби придать законность своей власти доказывает это.

Восстание Тараби показало монголам, что народ ненавидит режим насилия и злоупотреблений и таит в себе достаточно силы для решительной борьбы против всей системы.

Монголы и местные феодалы, напуганные восстанием, сделали попытку урегулировать систему налогов. Они заменили бесчисленные поборы подушной податью. Так, ярлык Мангу-хана вводил ограничения против произвола военных и гражданских властей, но это не могло существенно изменить крайне тяжелое положение народов Средней Азии.

5. МАВЕРАННАХР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

В 1238 г. Махмуд Ялавач был отстранен от своего поста и удален Чагатаем из Мавераннахра. Предлогом отстранения были послабления в мятежных районах, допущенные Ялавачем при подавлении восстания и продиктованные не милосердием, а желанием сохранить платежеспособность населения.

Махмуд Ялавач уехал в Каракорум к великому хану Угэдэю, который назначил его губернатором Пекина. Откупщиком и наместником в чагатайский улус был назначен сын Махмуда Ялавача Масудбек, пробывший в этой должности вплоть до своей смерти в 1289 г. Чагатай умер в 1242 г., и его улус попал в зависимость от Каракорума.

Общеполитическая обстановка монгольской империи была сложной. В этот период завоевания монголов распространились на Восточную Европу. В 1236—1241 гг. Батый создал Золотую орду. После смерти Гуюк-хана (1248 г.) в монгольской империи началась смута. Как старший среди чингизидов Батый должен был созвать курултай для избрания всемонгольского великого хана (каана). Однако претендентов было много и переговоры длились полтора года. В 1251 г. на курултае в Каракоруме великим ханом был избран Мункэ (1251—1259 гг.) — старший сын Тули-хана.

Приход к власти Мункэ стоил жизни многим чингизидам,

которые пытались силой захватить власть. Новый великий хан, обязанный своим избранием Батыю и его брату Берке, не мог не считаться с интересами и желаниями дома Джучи. Мункэ и Батый решили ликвидировать улус Чагатая, как отдельное владение. При его разделе Мункэ расширил свои владения на юго-запад — вплоть до Сырдарьи, а Батый захватил весь Мавераннахр.

Мункэ-хан (каан) оказался энергичным и решительным правителем. Прежде всего он позаботился об организации центрального аппарата власти. Своим главным секретарем он назначил Булга-агу, который писал указы и снимал копии с них. Два лица занимались раздачей пайцза. В аппарате были оценщики, мастера по изготовлению печатей и пайцз, управляющий арсеналом, лица, ведавшие делами религии и писцы. Как и прежде, восточными странами монгольской империи управлял Махмуд Ялавач, а землями Туркестана и Мавераннахра — его сын Масудбек. Иран и прилегающие к нему области по-прежнему были в ведении великого хана. Мункэ назначил правителем Хорасана, Мазандерана, Азербайджана, Грузии, Армении, Ирака, Фарса, Кермана, Лура, Аррана и других областей Аргун-агу, который правил здесь еще при Гуюк-хане. Выше мы уже излагали причины, вызвавшие к жизни указ-ярлык Мункэ-хана. Практического применения этот ярлык ни в Хорасане, ни в Мавераннахре не нашел. Войны и продолжавшиеся феодальные смуты помешали этому. По мнению Мункэ-хана, могли бы предотвратить восстание покоренных монголами народов следующие меры: все население империи (оседлое и кочевое) должно быть обложено ежегодными налогами и податями пропорционально доходам и богатству, за исключением духовенства (мусульман, христиан и идолопоклонников) и стариков, не способных к труду. Размеры налога были не одинаковы. В областях Северного Китая и в Мавераннахре богатый платил в год 10 динаров, а бедный — 1 динар, в Хорасане богатый платил 7 динаров, а бедный — 1 динар. Налог со скота, «копчур», взимался по одной голове с каждой сотни; стадо меньше сотни налогом не облагалось. В 1256 г. брат Мункэ-хана Хулагу вторгся в Хорасан для нового завоевания Передней Азии.

Алгу-хану, внуку Чагатая в 60-х годах удалось восстановить чагатайский улус. Опираясь на 15-тысячное войско, он изгнал из Мавераннахра всех, кто служил Джучидам в годы изгнания Чагатаидов. Вновь было восстановлено правление откупщика Масудбека, который беспощадно обирал население городов и настолько обогатил Алгу-хана, что тот мог содержать большое и хорошо вооруженное войско.

В 60-х годах XIII в., вскоре после смерти Алгу-хана, внутри чагатайского дома начались разногласия. Чагатай и его монгольское окружение враждебно относились к оседлой культуре оазиса. Однако его преемники Мубарек-шах и Борак-хан были склонны изменить образ жизни и их ставка была перенесена в Мавераннахр (долина р. Ангрен), где в 1266 г. происходила церемония возведения на чагатайский престол Мубарек-шаха. Тогда же в Мавераннахр перешли и некоторые монгольские роды, в том числе джалаиры и барласы. Первые стали кочевать в долине Ангрена, вторые — в долине Кашкадарьи. На новых местах процесс тюркизации, начавшийся еще в Семиречье, ускорился; джалаиры и барласы вошли в состав тюркских племен. Под влиянием оппозиционно настроенный кочевой монгольской аристократии чагатайский хан Кайду собрал в 1269 г. в Таласской долине курултай монгольских царевичей и нойонов, где восторжествовала позиция кочевой знати. Участники курултая, по словам Рашидуддина, решили, «что они впредь будут жить на горах и в степях, не будут держаться вокруг городов, не будут пускать скот на засеянные поля и делать необоснованные взыскания с подданных (райа)». Однако это решение ничего не изменило. Ханы все больше сочувствовали переходу к городской жизни и стремились взять непосредственно в свои руки власть над богатым культурным Мавераннахром. Различия между монголами Семиречья и осевшими в Мавераннахре джалаирами и барласами становились все значительнее. Чагатаи, оставшиеся в Семиречье, смотрели с презрением на чагатаев, которые с переселением в Мавераннахр утратили чистоту кочевнических традиций и пренебрежительно именовали их караунасами, т. е. чернью. Последние, в свою очередь, чагатаев Семиречья считали варварами и называли их «джете» (разбойники). Постепенный распад чагатайского улуса на две части: Мавераннахр и Могулистан (Семиречье и Кашгар) — окончательно оформился только в XIV в.

В 1272 г. войска Хулагу-хана, монгольского правителя Ирана, вторглись в соседний Мавераннахр. Они ограбили Кеш и Нахшеб, а затем осадили Бухару. Войско Хулагидов вошло в город 22 января 1273 г. Началась резня и грабеж, во время которых сгорело медресе Масудбека «Масудийе» и большая библиотека. Целую неделю лилась кровь. Наконец, пришло известие, что Чолай и Капан — сыновья Алгу с 10 тысячами чагатайских монголов (всадников) двинулись «на помощь» Бухаре. Войска Акбека тотчас покинули Бухару с огромной добычей (разное имущество, скот, рабы и пленные). Чолай вошел в Бухару и продолжал грабежи и убийства.

Стычки Акбека, Чолая и Капана продолжались три года. В результате Бухара и ее округ были опустошены и разрушены. В течение семи лет здесь не было жизни.

Бухара, как центр торговли, ремесла и культуры, на некоторое время перестала существовать. А ведь еще недавно братья Поло, жившие в Бухаре в 1262—1265 гг., считали ее одним из лучших городов Средней Азии и Ирана.

Только в конце XIII в. торговля и промышленность в Бухарской области вновь оживились. Как видно из найденного недавно бухарского вакфного документа 1299 г., стали возникать новые центры ремесла. Основывались новые деревни, где строились ткацкие мастерские, мельницы, жилища для работников (коранде), помещения для скота, сеновалы и прочие хозяйственные постройки. В сельских местностях, например, в Рометанском районе, выращивались новые виноградники и сады. Поля засевались пшеницей, ячменем и, по-видимому, хлопком, поскольку для ткацких мастерских требовалось сырье. Однако наряду с обработанными землями в документе упоминается и о запустевших, незасеянных, но вполне пригодных для земледелия орошенных землях. Вакфные документы 1326 г. дают основание утверждать, что в первой четверти XIV в. обширные сады и виноградники все еще находились в запущенном состоянии на всем протяжении юго-восточных, и отчасти северных, окрестностей Бухары.

В XIV в. противоречия между чагатайскими ханами, стремившимися к установлению прочных связей с культурными районами, и военно-кочевой аристократией, желавшей продолжать кочевнические традиции, обострились до крайности. Ярким выразителем первого направления был чагатайский хан Кебек (1318—1326 гг.), выстроивший себе в двух фарсахах (12—14 *км*) от Несефа дворец (Карши). Впоследствии около этого дворца вырос целый город, также принявший имя Карши, куда переместилась вся деловая жизнь из пришедшего в упадок Несефа. Ко времени Кебек-хана откупная система управления Мавераннахром совершенно изжила себя. Сельское и городское население, недовольное сложившимися порядками, готово было энергично поддержать чагатайских ханов в их стремлении взять управление страной в свои руки. Кроме того, Мавераннахр страдал из-за отсутствия единой с соседними мусульманскими странами денежной системы. Учитывая все это, Кебек-хан приступил к проведению важных реформ, денежной и, как можно предполагать, административной.

В начале XIV в. в Мавераннахре наблюдалась та же путаница в денежном обращении, те же злоупотребления чинов-

ников и спекулянтов, наживавшихся на разнице в курсах, что и в Иране при Хулагидах. Кебек решил прекратить анархию в денежном обращении путем введения единой монетной системы. При разработке были учтены денежные системы государства Хулагидов и Золотой орды, а за образец приняты серебряные динары и дирхемы, как в Иране и Золотой орде. Один динар весил 2 мискаля, а один дирхем, соответственно, 1/3 мискаля[1].

Есть основание предполагать, что при Кебек-хане или незадолго до его правления было проведено деление Мавераннахра на военно-административные округа — тумены (десятитысячные).

Во второй половине XIII в. управление Мавераннахром шло как бы по двум линиям. С одной стороны, в городах уцелели местные правители: в Шаше, Ходженде, Отраре, Таразе — мелики; в Бухаре — садры, в Термезе — сейиды, «худовандзадэ»; с другой стороны, правителем страны был откупщик Масудбек с даругами, баскаками и монгольскими военными отрядами. Такая система двойного управления порождала огромное количество злоупотреблений.

Реформы не уничтожили феодальных княжеств с их владетелями, а приспособились к ним; владения были превращены в административные единицы — тумены, а прежние владетели в наместников туменов. В условиях феодального общества наместники были наследными. Административная система, введенная Кебеком, не могла преодолеть феодальных тенденций. Однако, невзирая на недостатки, реформа сыграла положительную роль в развитии феодальной государственности в Мавераннахре.

Реформы Кебека нашли самый сочувственный отклик в оседлом населении Мавераннахра. Иначе к ним относилась военнокочевая аристократия, которая после смерти Кебека пыталась вернуть его преемников к политике Кайду и решениям таласского курултая 1269 г.

Казан-хан — последний чингизид — настойчиво и умело продолжал политику Кебека, что вызывало ярую ненависть со стороны кочевой знати, возглавляемой эмиром Казаганом. В междоусобном сражении Казан-хан был убит, власть в Мавераннахре перешла в руки Казагана, который ограничился титулом эмира. Для придания законности своим действиям он возвел на престол «подставного хана» — Чингизида. Вначале это был Данишмендча, потом Баянкули-хан. Монеты чеканились от имени подставного хана. Правление Казагана

---

[1] Столько же весили серебряные динары и дирхемы в Золотой Орде.

(1346—1358 гг.) было ярким выражением воззрений и интересов кочевой военной аристократии, которая более всего была заинтересована в организации грабительских походов. Первой жертвой стал Герат и его область, находившиеся под властью династии Куртов. Казаган захватил огромную добычу в окрестностях Герата, но город взять не смог и отступил. В 1358 г. Казаган был убит нойоном моголистанского хана Тоглук-Тимура.

После смерти эмира Казагана в Мавераннахре не было сильного правителя. Страна находилась в состоянии полной феодальной раздробленности. Шахрисабз (Кеш) с областью подчинялся Хаджи-Барласу, Ходженд с вилайетом главе джалаиров — Баязеду, Балх и часть его вилайета — эмиру Хусейну, внуку Казагана. Шабурган захватил Мухаммед-ходжа Аперди. В горах Бадахшана своевольничали местные шахи. Хутталяном владел Кейхосрау и т. д.

Низамуддин Шами замечает, что каждый из владетелей держал себя по отношению к другим владетелям высокомерно, вследствие чего в стране не прекращались раздоры и смуты, а дела государства пришли в полное расстройство. Более всего от этих смут страдало крестьянство.

С каждым годом положение Мавераннахра ухудшалось. Об отсутствии там сильной власти было известно за пределами страны. Это обстоятельство учел хан Могулистана Тоглук-Тимур. Полуторавековое господство монголов-завоевателей *причинило неисчислимые бедствия населению Мавераннахра* и других покоренных областей. На протяжении длительного периода страна не могла до конца залечить тяжелые раны, нанесенные ей трагическими событиями XIII в. Разрушение торговых и ремесленных центров, ирригационных систем нанесло тяжелый удар производительным силам страны. Ни ремесленное производство, ни земледелие, ни торговля в 60-х годах XIV в. не достигли уровня XII и начала XIII вв.

ГЛАВА XI

ГОСУДАРСТВО ТИМУРА

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В МАВЕРАННАХРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в. И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ТИМУРА

Как было отмечено выше, в 50—60-х годах XIV в. политическое положение в стране характеризовалось, с одной стороны, раздроблением страны на мелкие непрочные феодальные владения, постоянно враждовавшие между собой, а с другой, — все усиливающимся стремлением каждого могольского хана захватить весь Мавераннахр. В такой обстановке началась деятельность Тимура, сумевшего в скором времени образовать обширную мировую империю.

Тимур, сын барласского бека, эмира Тарагая, родился в селении Ходжа Ильгар (недалеко от г. Шахрисабза). С юных лет Тимур был хорошо знаком с военным делом и принимал участие в междоусобных распрях.

По-видимому, личная храбрость и ярко выраженные качества вожака создали Тимуру широкую популярность в кругу воинственной молодежи. Вокруг него собрался хорошо вооруженный отряд, который совершал набеги на земли соседей и грабил купеческие караваны.

Тимур хорошо знал среду кочевников-скотоводов, оседлых земледельцев и горожан. Он выдвинулся в период нападения на Мавераннахр моголистанского хана Тоглук-Тимура, который дважды — в 1360 и 1361 гг. — пытался подчинить себе эту богатую страну и, не встретив сопротивления, дошел до Кашкадарьи, правитель которой Хаджи-барлас бежал в Хорасан. Тимур поступил на службу к Тоглук-Тимуру, который, отправляясь домой в Моголистан, передал ему управление Кешским вилайетом. Так, в 25 лет Тимур стал владетелем

небольшого, но богатого тумена вместо бежавшего дяди Хаджи-барласа.

Тимур недолго был на службе у моголистанского хана. Когда последний направил правителем в Мавераннахр своего сына Ильяс-ходжу, Тимур не пожелал служить ему, порвал с ним и стал самостоятельным владетелем. Не исключена возможность, что этот разрыв произошел благодаря поддержке Хусейна — внука влиятельного тюркского эмира Казагана, с которым Тимур вступил в союз в 1361 г.

Годы 1361—1365 являются периодом наибольшей близости между двумя эмирами, которые вступили в родственные отношения: сестра Хусейна Улджай Туркан-ага стала женой Тимура. Союз эмиров представлял собой значительную силу в Мавераннахре, однако он использовался главным образом в их личных интересах для грабительских набегов. Во время военных походов (на Сеистан) Тимур получил тяжелые ранения в правую руку и правую ногу. Рука впоследствии почти высохла, а на правую ногу Тимур хромал всю жизнь, почему и получил прозвище «Тимурленг» — Тимур-хромец, в европейском произношении — Тамерлан.

После смерти Тоглук-Тимура изгнанный из Мавераннахра Ильяс-ходжа не хотел примириться со своим положением и в 1365 г. с большим войском выступил в поход на Мавераннахр. Хусейн и Тимур подготовились к сражению. Битва, вошедшая в историю под названием «Джанг-и-лой» («Битва в болотистой местности»), произошла между нынешним Чиназом и Ташкентом. Во время сражения начался ливень; образовалась липкая скользкая грязь, всадники теряли устойчивость и падали. Из-за несогласованности действий Тимур и Хусейн потерпели поражение. В самый разгар сражения, когда войско Тимура добилось серьезного успеха, Хусейн не поддержал его, и это решило исход битвы. Оба эмира покинули поле боя и с остатками войска ушли сначала в сторону Самарканда, а потом на юг, к Амударье, переправившись через которую, укрылись в Балхской области.

Уход Хусейна и Тимура открывал врагу дорогу на Самарканд, оставленный без гарнизона и военачальников. Таким образом, население было брошено на произвол судьбы. К счастью для жителей, в городе в это время находилась значительная группа сарбадаров.

Сарбадарство как социальное движение возникло в Хорасане в первой половине XIV в. и было направлено против захватнической политики монголов и их порядков, которые тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся масс — крестьян, ремесленников, мелких торговцев, представителей

интеллигенции и даже средних землевладельцев. Именно в этих кругах сарбадарство получило широкое распространение. К крестьянам и ремесленникам присоединилось значительное число рабов, которые, как известно, и в прошлом поддерживали движения, носившие демократический характер.

Небезынтересно самое название участников движения («сарбадары» значит висельники), которое они дали сами себе. Они говорили, что в случае успеха они освободят народ от насилий монголов и их чиновников, если же это им не удастся, то они готовы пойти на виселицу, так как долее терпеть угнетение невозможно.

Движение сарбадаров, таким образом, было направлено против самой эксплуататорской власти монголов. Сарбадары прекрасно видели, что монгольская власть порождает такую систему злоупотреблений, при которой страна не может развиваться, и у народных масс нет иной перспективы, кроме голода и угнетения. Вместе с тем сарбадары хорошо понимали, что монгольские династии опираются не только на свои военные силы, состоявшие главным образом из кочевников, но и на верхние слои местного господствующего феодального класса — крупных землевладельцев, высших представителей мусульманского духовенства и богатых купцов. Эта феодальная верхушка не только поддерживала монголов, но и сама, при помощи административного аппарата, принимала активное участие в беззастенчивой эксплуатации народа. Вот почему сарбадары выступили не только с целью изгнания монголов, — их задачей было политическое и экономическое ослабление указанных верхних слоев феодалов.

Сарбадарам удалось создать в Хорасане, с центром в Себзеваре, самостоятельное государство, просуществовавшее с 1337 по 1381 г., то есть в течение почти 45 лет. Большую роль в создании этого государства сыграл сарбадар ходжа Яхья.

Внутренняя политика сарбадаров мало освещена источниками, и мы плохо знаем, какие внутренние реформы ими были проведены. У сарбадарского государства была своя монета, свои войска. Им удалось ввести твердые порядки. Налоги, взимаемые с населения, были понижены, отменена, например, незаконная, с точки зрения мусульманского права, джизья[1], которую повсюду взимали с населения монгольские наместники. Положительной особенностью сарбадарского государства было то, что оно не создало своей правящей династии.

---

[1] По представлению мусульман, «джизью» (подушную подать) можно было взимать только с немусульман.

После смерти правителя сарбадары, правда, не без значительной внутренней борьбы, сами ставили себе нового правителя, какого считали лучшим. Отличительной особенностью государства сарбадаров нужно признать и более мягкое отношение к рабам, хотя ни о каком освобождении их они не думали. Рабов они охотно принимали в свои войска и даже проводили их на командные места, что, вероятно, означало личную свободу.

Нам известно также, что сарбадарское движение не избежало, однако, классовых противоречий; в нем были левые и правые группы. Много осложнений создавали сарбадарскому государству сторонники примиренческого течения, возглавлявшегося шейхами, среди которых наиболее авторитетным был шейх Хасан. Внутренняя борьба ослабляла движение сарбадаров и приводила ко все большему территориальному сокращению их государства. Официальные историографы XV в. (Низамуддин Шами и Шарафуддин Али Иезди), отражающие мнение феодальной знати, упоминают о «насилиях» сарбадаров в Самарканде. Очевидно, это можно понимать в смысле ущемления интересов знати. Самаркандские сарбадары, как это видно из речи Маулана-задэ (см. ниже), возможно отменили джизью, незаконно взимавшуюся с мусульман.

В середине и во второй половине XIV в. сарбадарство пользовалось большими симпатиями в широких прогрессивных кругах Мавераннахра, среди крестьян, ремесленников, людей интеллигентного труда, особенно молодежи. Было много сарбадарских элементов и в самом Самарканде.

Вернемся, однако, к событиям, связанным с поражением Тимура и Хусейна.

Когда весть о приближении моголов Ильяс-ходжи дошла до жителей Самарканда, среди них началось большое возбуждение. Сарбадары призывали народ оказать сопротивление могольскому войску. Среди самаркандских сарбадаров выдвинулись Маулана-задэ, учащийся самаркандского медресе, Абубекр Келеви, бывший, по словам Низамуддина Шами, трепальщиком хлопка, по другим же источникам, — даже старостой квартала трепальщиков хлопка, — и Хурдек-и-Бухари, «хороший стрелок из лука». Когда в соборной мечети собралось около 10 тыс. человек из среды знатных горожан и простого народа, Маулана-задэ, опоясанный мечом, обратился к ним с пламенной речью. Он говорил о том, что правитель, взимавший незаконную подушную подать, помимо пошлин и хараджи, в часы опасности бросил население города на произвол судьбы, указывал собравшимся, что жители города не спасут себя даже самым большим выкупом, подчеркивал, что

спасение — только в сопротивлении, в борьбе. Заканчивая свою речь, Маулана-задэ обратился к народу с вопросом, кто возьмет на себя защиту ислама, кто возьмет ответственность за нее перед знатью и простыми людьми? Знатные люди хранили молчание. Тогда Маулана-задэ обратился с вопросом к простому народу, поможет ли он ему, если он сам примет эту ответственность на себя? Простой народ обещал отдать себя в полное распоряжение Маулана-задэ.

Получив согласие народа, сарбадары под руководством Маулана-задэ и Абубекра Келеви, который имел большие связи в среде самаркандских ремесленников, начали энергичную подготовку к обороне родного города. Задача эта была очень трудной: ведь в Самарканде не было стен, и цитадель не была еще восстановлена после разгрома города Чингиз-ханом. Маулана-задэ составил списки годных для военной службы людей и привлек к работам по укреплению города самые широкие слои населения. Сарбадары оставили свободной только одну главную улицу, все подступы к ней забаррикадировали. В наиболее важных и выгодных для обороны пунктах были расставлены лучники. Все было рассчитано на то, чтобы впустить конных моголов в свободный проход, а с флангов, со стороны забаррикадированных узких улиц, нанести им решительный удар.

Моголы не подозревали, какая встреча ожидает их в Самарканде, и рассчитывали легко овладеть городом. Однако они ошиблись в расчете, и когда передовые отряды их прошли в устроенную им западню, Маулана-задэ подал сигнал, и на врага посыпались стрелы, камни и палки. Моголам пришлось поспешно уйти, потеряв, по одним данным, тысячу, а по другим, — две тысячи человек и огромное количество лошадей.

Ильяс-ходжа вынужден был покинуть сначала окрестности Самарканда, а потом и Мавераннахр. Город ликовал. Самаркандская оборона показала, как много может сделать народ, когда руководство им попадает в энергичные и верные руки.

Источники дают скупые сведения о мероприятиях сарбадаров в области реформирования внутренней жизни Самарканда. У историков XV в. можно встретить лишь несколько замечаний на этот счет. Так, например, Шарафуддин приводит стихи «О боже, да не будет того, чтобы нищий стал почтенным человеком». Этих слов мы не встречаем у Низамуддина Шами, предшественника Шарафуддина Али Иезди. Однако и Низамуддин Шами упоминает о насилиях, якобы творившихся сарбадарами по отношению к населению Самарканда, под которым он, видимо, понимает господствующие феодальные

круги. Эти слова говорят о том, что самаркандские сарбадары провели там какие-то демократические мероприятия. Вспомним, что в речи Маулана-задэ, как мы уже отметили, упоминалось о незаконном взимании Хусейном с мусульман джизьи, которая, по-видимому, была отменена сарбадарами.

Весть о победе сарбадаров над Ильяс-ходжой дошла до эмиров — Хусейна и Тимура. Зиму Тимур проводил в Карши, а Хусейн — на берегу Амударьи. Весной они встретились и вместе двинулись к Самарканду. Остановились они у самого города, в местности Кан-и Гиль. Оба эмира дали знать сарбадарам, что одобряют их действия и хотели бы с ними встретиться. Сарбадары поверили «добрым» намерениям эмиров, на приеме у которых им действительно было оказано много знаков внимания. Однако, когда на следующий день они вновь появились в ставке Хусейна и Тимура, их вероломно схватили, связали и казнили всех, за исключением Маулана-задэ, которого своим заступничеством перед Хусейном спас Тимур. Что руководило Тимуром в его отношении к Маулана-задэ? По-видимому, между Хусейном и Тимуром существовали разногласия по вопросу об отношении к сарбадарам. Есть основания думать, что Тимур имел с некоторыми из них старые связи, особенно с сарбадарами из среды знати.

Покончив с сарбадарами и их вождями, Хусейн и Тимур весной 1366 г. вновь подчинили себе Самарканд.

Отношения между Тимуром и Хусейном изо дня в день ухудшались. Оба эмира втягивали в свои распри других мавераннахрских владетелей. Однако феодальная анархия в стране не могла продолжаться бесконечно. Наряду с сепаратистскими стремлениями в феодальном обществе накапливались силы, заинтересованные в объединении и сложении прочной государственности. Объединения хотели купцы, ремесленники, мусульманское духовенство и земледельцы.

Тимур лучше, чем Хусейн, понимал требования времени и группировал вокруг себя духовенство и городское население, сочувственно относившееся к его политической линии.

В конце 60-х годов Хусейн стал укреплять принадлежавший ему Балх, перестроил в нем цитадель Хиндуван и восстановил городские стены. Туда он перевез все свое имущество и много оружия. Прекрасно понимания, на что направлены действия Хусейна, Тимур решил предупредить его. В 1370 г., собрав хорошо вооруженное войско, он осадил Балх и после значительных усилий и больших потерь овладел городом. По его приказу была разрушена цитадель и город отдан на разграбление воинам. В цитадели Тимур захватил казну. Хусейн был убит союзником Тимура, правителем Хутталяна Кей-

хосрау. По словам летописцев, еще в самом начале похода на Балх Сейид Береке, родом из Мекки, предсказал Тимуру великое будущее и вручил ему символы власти — барабан и знамя.

2. ЗАХВАТНИЧЕСКИЕ ПОХОДЫ ТИМУРА (1370—1405 гг.)

Взятие Балха и смерть Хусейна явились решающими событиями в жизни Тимура. На курултае начальников войска (командиров туменов и тысяч) Тимур был провозглашен единым государем. Он называл себя эмиром курагани, так как женился на вдове Чингизида эмира Хусейна. Чувствуя пиетет к величию империи Чингиза, он назначил подставным ханом Чингизида Суюргатмыша. Влияние и авторитет Тимура были безграничны. Термезские шейхи, братья Абулмаали и Али-Акбар, носившие титул худованд-задэ (владыка) первыми поняли это, их свидание с Тимуром в Балхе положило начало прочной связи с духовенством, которая не нарушалась в течение всего правления Тимура.

Из Балха Тимур направился в свой родной город Кеш (Шахрисабз), где занялся устройством внутренних дел своего государства. Основной его задачей было преодоление раздробленности и объединение отдельных владений в прочное и сильное государство. Эмира Давуда, одного из своих сподвижников, он назначил эмиром дивана, то есть везиром. Сохранив прежнее административное деление Мавераннахра на тумены, сделанное Кебек-ханом (1318—1326 гг.), Тимур назначил на должности начальников туменов и тысячников новых лиц.

В 1370 г. Тимур переехал в Самарканд, где приступил к вооружению городских стен, цитадели и дворца. Это были первые постройки после разгрома города монголами[1]. Тимуру необходима была хорошо укрепленная столица — надежный оплот против оппозиционных владетелей, со стороны которых он мог ожидать вооруженного выступления против себя.

Тимур знал, что стране нужна твердая власть, которая могла бы, подавив феодальные распри, обеспечить бесперебойную торговлю и процветание городов и селений. Тимура поддерживали зажиточные ремесленники, купцы, земледельцы и представители мусульманского духовенства. Тимур привлек и подчинил себе мелких владетелей Мавераннахра, орга-

---

[1] Стены Самарканда были уничтожены в 1220 г. после взятия города Чингиз-ханом.

низовав несколько грабительских набегов на соседние страны.

Тимур хорошо разбирался в настроениях большинства владетелей Мавераннахра. Свою среду он знал очень хорошо с ранней юности, знал, как стремятся мавераннахрские владетели совершить поход с целью получения добычи — он и сам стремился к таким же походам. Большой государственный ум сочетался у Тимура с привычками феодала-владетеля, который не упустил бы случая захватить у соседа добро, если бы для этого в данный момент у него имелись достаточные военные силы.

Уже первые годы правления Тимура показали, что он стал сочетать государственную деятельность по объединению Мавераннахра с организацией походов, не связанных с объединением государства, а носивших чисто грабительский характер.

Объединить и подчинить земли между Амударьей и Сырдарьей, а также Фергану и Шашскую область Тимуру не представляло особого труда. Здесь не было такого владетеля, который мог бы противопоставить Тимуру свою волю. Иначе обстояло дело с Хорезмом — древней культурной областью, которая исстари, еще в домонгольскую эпоху, была тесно связана с Мавераннахром общими экономическими, политическими и культурными интересами. При монголах Хорезм был разделен на две части: Северный Хорезм с г. Ургенчем вошел в состав Золотой орды, а Южный — с г. Кятом — в улус Чагатая. В начале 60-х годов, в смутное время, наступившее в Золотой орде после смерти хана Бердибека (1359 г.), из племени кунграт выдвинулась самостоятельная династия Суфи (наиболее ранняя из дошедших до нас монет этой династии относится к 1361 г.). Хусейн Суфи начал объединение Северного и Южного Хорезма и захватил два города: Кят (тогда крепость) и Хиву. Тимур, претендовавший на все наследие улуса Чагатая, считал этот акт незаконным и в 1372 г. отправил к Хусейну Суфи посла с требованием вернуть захваченные города. Хусейн отказался выполнить это требование. Тимур немедленно двинул против него свое войско. Путь к Ургенчу лежал через Кят, который был взят после недолгого сопротивления. Потеря Кята произвела на Хусейна Суфи сильное впечатление; он готов был пойти на примирение и выполнить требование Тимура. Однако владетель Хуталяна — Кейхосрау, один из военачальников Тимура, недовольный его быстрым возвышением, уговорил Хусейна не покоряться Тимуру, обещая оказать ему поддержку. Хусейн, доверившись Кейхосрау, выступил против Тимура, но был им разбит. После этого Хусейн укрылся в цитадели Ургенча, где

вскоре умер. Это произошло в том же 1372 г. Место Хусейна занял его брат Юсуф Суфи (1373—1380). Тимур предложил ему мир, одним из условий которого было требование выдать за своего сына Джехангира Хан-задэ дочь Хусейна — внучку Узбек-хана. Юсуф Суфи согласился. Мятежный Кейхосрау был предан казни. Это был первый случай решительных действий сильного феодального владетеля против мятежного феодала-военачальника.

После ухода Тимура Юсуф Суфи не выполнил условий мира и вновь захватил Кят. Своими действиями он вызвал второй поход Тимура в Хорезм (1373—1374 гг.), но до военного столкновения дело не дошло, так как Юсуф принес повинную, обещая немедленно выполнить все условия мира.

В результате Южный Хорезм вошел в состав государства Тимура, однако успех оказался временным. Юсуф Суфи, воспользовавшись отсутствием Тимура (воевавшего с Урус-ханом), в 1375 г. вновь овладел Южным Хорезмом. Взаимные стычки и обиды продолжались до 1379 г., когда Тимур после трехмесячной осады овладел Ургенчем, и Южный Хорезм окончательно вошел в состав империи Тимура. В 1388 г. Тимур совершил последний поход на Хорезм, который был вызван великодержавной политикой Золотой орды и борьбой Тимура с Тохтамышем.

Существовала еще сильная Золотая орда, которая так же как и Белая орда, угрожала могуществу Тимура. С первых лет своего правления Тимур внимательно следил за тем, что происходило в улусе Джучи, в состав которого входили Золотая и Белая орды. Постепенно Белая орда обособилась и ввела своих собственных ханов. После смерти Бердибека в Золотой орде начались феодальные смуты. Некоторые эмиры, наместники отдельных городов и областей, они же начальники туменов и тысяч, вели себя как самостоятельные правители, выступали против хана, ссорились друг с другом, чем ослабляли орду. За двадцать лет (с 1360 по 1380 г.) в Золотой орде сменилось около 25 ханов, не считая временщика эмира Мамая, владевшего все это время правобережной частью Золотой орды. Ханы, сидевшие на престоле в Сарае иногда менее года, были выходцами из присырдарьинских областей Белой орды (Хизр, Темир-ходжа, Мурад и Кельди-бек).

Вмешательство Белой орды в золотоордынские дела шло параллельно с ростом экономического и политического могущества этой прежде отсталой части улуса Джучи. Особенно решительные шаги в этом направлении предпринял Урус-хан, правивший в Белой орде до 1375 г.; он задумал объединить обе части улуса Джучи под своей властью. Тимур, опасаясь

этого объединения и его возможных последствий для своего государства, искал повода для вмешательства. Удобный случай представился. Один из узбекских эмиров Белой орды, правитель Мангышлака Туйходжа-оглан был убит Урус-ханом за то, что не выступил с ним в поход против Золотой орды. Сын Туйходжи-оглана Тохтамыш бежал из Белой орды и явился в 1376 г. к Тимуру, предлагая свои услуги. Учитывая общую обстановку в орде и считая чрезвычайно выгодным для себя иметь в Белой орде своего ставленника, Тимур предложил Тохтамышу военную поддержку, тут же снарядил войско и отправил его в Белую орду отвоевывать у Урус-хана белоордынский престол. В двух походах (1376 г.) Тохтамыш был разбит. Тогда Тимур, несмотря на зимнее время, направился с войсками против Белой орды, но из-за сильных морозов поход был прерван. Только в 1379 г. Тимуру удалось посадить Тохтамыша на престол Белой орды.

Тохтамыш не оправдал надежд Тимура. Став ханом в Белой орде, он пошел по стопам Урус-хана и начал борьбу за объединение и усиление Золотой орды. Победа над Мамаем в 1380 г. дала возможность Тохтамышу захватить верховную власть в Золотой орде и вновь объединить обе части улуса Джучи.

Стремясь возродить Золотую орду и расширить ее пределы, Тохтамыш предпринял несколько походов в Закавказье и Азербайджан. В 1385 г. он направил многочисленное войско для захвата Тебриза.

Великодержавная политика Тохтамыша была неприемлема для усиливавшегося государства Тимура в Мавераннахре. Тохтамыш не только сковывал деятельность Тимура, но вместе с тем представлял интересы государства, которые по своей сущности были прямо противоположны интересам государства Тимура в Мавераннахре. Золотая орда была искусственным государственным объединением. Она поддерживала власть над культурным населением Крыма, Поволжья, Хорезма при помощи грубейшего насилия. Государственная власть в Золотой орде, находившаяся в руках монгольской кочевой знати из династии Джучидов, опираясь на военную силу, эксплуатировала богатые земледельческие области и культурные города Поволжья, Булгара, Крыма и Северного Кавказа. Население этих областей мечтало о падении монголов и о полном своем освобождении от этого ига. В Мавераннахре же население земледельческих областей и городов жаждало объединения в большое государство, так как только такое объединение могло вывести страну из феодальной разрухи.

В конце 80-х годов Тохтамыш явно искал случая для столкновения с Тимуром, стремясь отвлечь его от иранских походов. В 1387—1388 гг., воспользовавшись отсутствием Тимура, он напал на Мавераннахр. Сулейман Суфи восстал против Тимура и Тимур совершил последний поход на Хорезм (1388 г.). Заняв Ургенч, Тимур уничтожил династию Суфи, а жителей Ургенча переселил в Самарканд. В течение десяти дней войска Тимура грабили прекрасный богатый город. Ургенч, один из центров торговли между восточной Европой и Средней Азией, был уничтожен. Только в 1391 г. Тимур приказал восстановить город[1]. Так прекратило самостоятельное существование небольшое, но богатое и культурное Хорезмское государство. Хорезм вошел в состав державы Тимура, а позже государства Тимуридов. Таким образом, все земли Средней Азии, за исключением Семиречья и низовьев Сырдарьи, оказались в руках Тимура.

Тимур, ведя войны с Тохтамышем, стремился полностью ослабить улус Джучи, так как видел в самом существовании могущественной Золотой орды постоянную угрозу своему государству. Он провел три больших похода против Тохтамыша (в 1389, 1391 и 1394—1395 гг.). Особого внимания заслуживают два последних похода. В 1391 г. Тимур выступил из Самарканда, зиму провел в Ташкенте и с 200-тысячным войском направился в степи нынешнего Казахстана. Об этом походе гласит надпись, высеченная на скале в горах Улу-Тау.

После долгих переходов огромное войско Тимура встретилось с войском противника в местности Кундузча, между нынешним г. Куйбышевом и Чистополем. Здесь 18 июня 1391 г. произошла жаркая битва, закончившаяся полным поражением Тохтамыша.

Однако военные ресурсы Золотой орды были еще велики, поэтому, выиграв сражение и захватив огромную добычу, Тимур окончательно не сломил еще мощи золотоордынского государства. Борьба между ними продолжалась. В 1395 г. произошло новое сражение между Тимуром и Тохтамышем на Северном Кавказе, в долине р. Терек. Здесь Тохтамыш также потерпел поражение. На этот раз силы Тохтамыша были настолько ослаблены, что Тимуру открылась свободная дорога в Поволжье, к самому сердцу Золотой орды — ее столице г. Сараю Берке. Большой и богатый город был захвачен, разграблен и сожжен, причем из него была вывезена огромная добыча, в состав которой, кроме разнообразных мате-

---

[1] По словам Шарафуддина Али Йезди, Тимур восстановил один квартал города.

риальных ценностей, входило большое количество пленных — мужчин, женщин и детей, обращенных победителями в рабство. Пострадало не только Нижнее Поволжье с его главными городами — Сараем Берке и Хаджи Тарханом (Астрахань), но и Крым с его приморскими городами (например, Кафа), а также Азак (Азов) и Северный Кавказ. Тимур стремился подорвать хозяйственную, особенно торговую, жизнь наиболее культурных областей, входивших в состав Золотой орды. Известно, что опустошения и разрушения здесь были настолько велики, что все эти места долго не могли экономически возродиться[1].

Если борьба Тимура с Хорезмом и Золотой ордой была вызвана интересами объединения Средней Азии в сильное государство, то походы в Иран, Закавказье и Индию носили завоевательный и грабительский характер.

Иран во второй половине XIV в. не представлял собой единого государства. После падения хулагидского государства (1256—1336 гг.) страна распалась на несколько владений. Среди них прежде всего нужно отметить государство Джалаиридов (1336—1411 гг.) в Азербайджане и государство сарбадаров в одной из больших областей Хорасана — в Себзеваре, просуществовавшее с 1337 по 1381 г. Владение же Куртов с центром в Герате существовало после падения Хулагидов, как самостоятельное владение, всего несколько десятилетий — также до 1381 г. Сложившиеся к этому времени политические условия не давали возможности объединения мелких владений в одно государство, почему в Иране и не было сильной власти, которая могла бы противостоять огромной армии Тимура. Походы Тимура в Иран с первых же лет носили завоевательный характер. Таков был и поход его в 1381 г. на Герат, которым владел в то время Гиясуддин Пир-Али из династии Куртов.

Несмотря на прекрасные укрепления Герата (внешние и внутренние стены) и неприступность знаменитой цитадели Ихтияруддин, Гиясуддин не сумел воодушевить гератцев на борьбу, и жители не оказали упорного сопротивления Тимуру, так как поверили его обещаниям гарантировать им жизнь и

---

[1] Последствия этого разрушения видны были еще в XV в. Венецианский путешественник Иосафат Барбаро посетил в 1435 и в последующих годах степи между Таном (Азовом) и Цитраханом (Астраханью). Барбаро указывает, что в его время Астрахань еще не оправилась от разрушений, причиненных войском Тамерлана, и совершенно потеряла свое значение в торговле между Европой и Азией, которое перешло к Сирии. То же свидетельство об Астрахани мы находим и у другого венецианца — Амброзио Контарини, пребывавшего в Астрахани в 1476 г.

неприкосновенность имущества, если они останутся в домах и не примут участия в защите города.

Понятно, что в такой обстановке Тимуру легко было взять один из наиболее укрепленных городов Хорасана. Наложив на жителей огромную дань, Тимур приказал наиболее именитым жителям Герата (улемам, имамам и др.) покинуть город и отправиться в Шахрисабз, который Тимур в то время всячески старался возвеличить и украсить. Тогда же сняты были и отправлены в Шахрисабз (Кеш) знаменитые городские ворота Герата (точнее, створки ворот), украшенные железными полосами, покрытыми резными надписями. Ворота эти находились в Шахрисабзе еще в момент составления Шарафуддином Иезди своего сочинения, то есть в 1425 г.

Опасаясь возможного восстания жителей Герата, Тимур приказал срыть укрепления города (городские стены с башнями), снять ворота и т. д. Не тронута была только цитадель Ихтияруддин. Предположения Тимура оправдались: в 1383 г., то есть через два года после взятия города, гератцы восстали, однако победить не сумели; восстание было жестоко подавлено. На этот раз они заплатили значительно большую дань. В том же 1383 г. династия Куртов, с 1381 г. вассалов Тимура, была окончательно низложена, а еще через шесть лет, в 1338 г., сын Тимура Мираншах, коварно убил на пиру ее последнего представителя.

Почти одновременно с падением Герата, в 1381 г., прекратило самостоятельное существование и государство сарбадаров. Последний сарбадарский государь Али Муайад добровольно, по собственной инициативе, передал земли и власть Тимуру. Этот факт сам по себе говорит о том, что у Тимура были какие-то весьма дружественные связи с хорасанскими сарбадарами. Два года спустя Тимур силой захватил Сеистан, также включив его в состав своего государства. К середине 80-х годов XIV в. весь Хорасан уже принадлежал Тимуру. На этом его движение вглубь Ирана не остановилось. Тимур совершил еще три длительных похода в Иран: сначала «трехлетний» (с 1386 г.), затем «пятилетний» (с 1392 г.) и, наконец, «семилетний» (с 1399 г.). Походы эти были успешны и завершились покорением всего Ирана. Целью этих походов было завоевание чужих территорий и получение богатой добычи; они не могут быть оправданы никакими соображениями объединительной политики Тимура в Средней Азии. В этих походах и военачальники Тимура, и простые воины его были жестоки и безжалостны к населению, у которого они отнимали имущество, свободу, а часто и самую жизнь.

Особенной жестокостью Тимур отличился в 1387 г. в

походе на области Фарса и Исфахана, которыми владели Музаффариды (1313—1393). После захвата Исфахана он приказал жителям выкупить свою жизнь и право на имущество. Для сбора выкупа кварталы города были поделены между эмирами войска Тимура. Однако исфаханцы не желали платить дань и подняли восстание против оставленного в городе гарнизона. Почти все чиновники Тимура, которым поручили собирать дань, были перебиты. Узнав об этом, Тимур приказал войскам вновь захватить город. Началось массовое убийство населения. Каждый воин должен был доставить Тимуру определенное количество голов. Шарафуддин Али Иезди при всем своем пристрастии к Тимуру вынужден был признать, что не все воины решились убить такое большое количество мирных мусульман и предпочли уплатить за голову по двадцать кебекских динаров[1]. В исфаханском побоище было собрано 70 тыс. голов, из которых по приказу Тимура в «назидание» другим были сложены высокие башни.

Не раз ходил Тимур с большим войском в Азербайджан, но покорил его лишь в 1397 г.[2] Армению и Грузию он подчинил себе в 1392 г., оставив в памяти народа воспоминание о себе, как об одном из жесточайших завоевателей.

В индийском походе (1398—1399 гг.) Тимур ограбил огромную страну, безжалостно перебив 100 тысяч безоружных индийских пленных, заподозренных им в организации восстания в его тылу во время битвы с султаном Насируддин Махмудом Дехлийским. Тимур, разбив войска дехлийского султана и захватив прославленный г. Дехли (Дели) и близлежащие области, вывез огромную добычу.

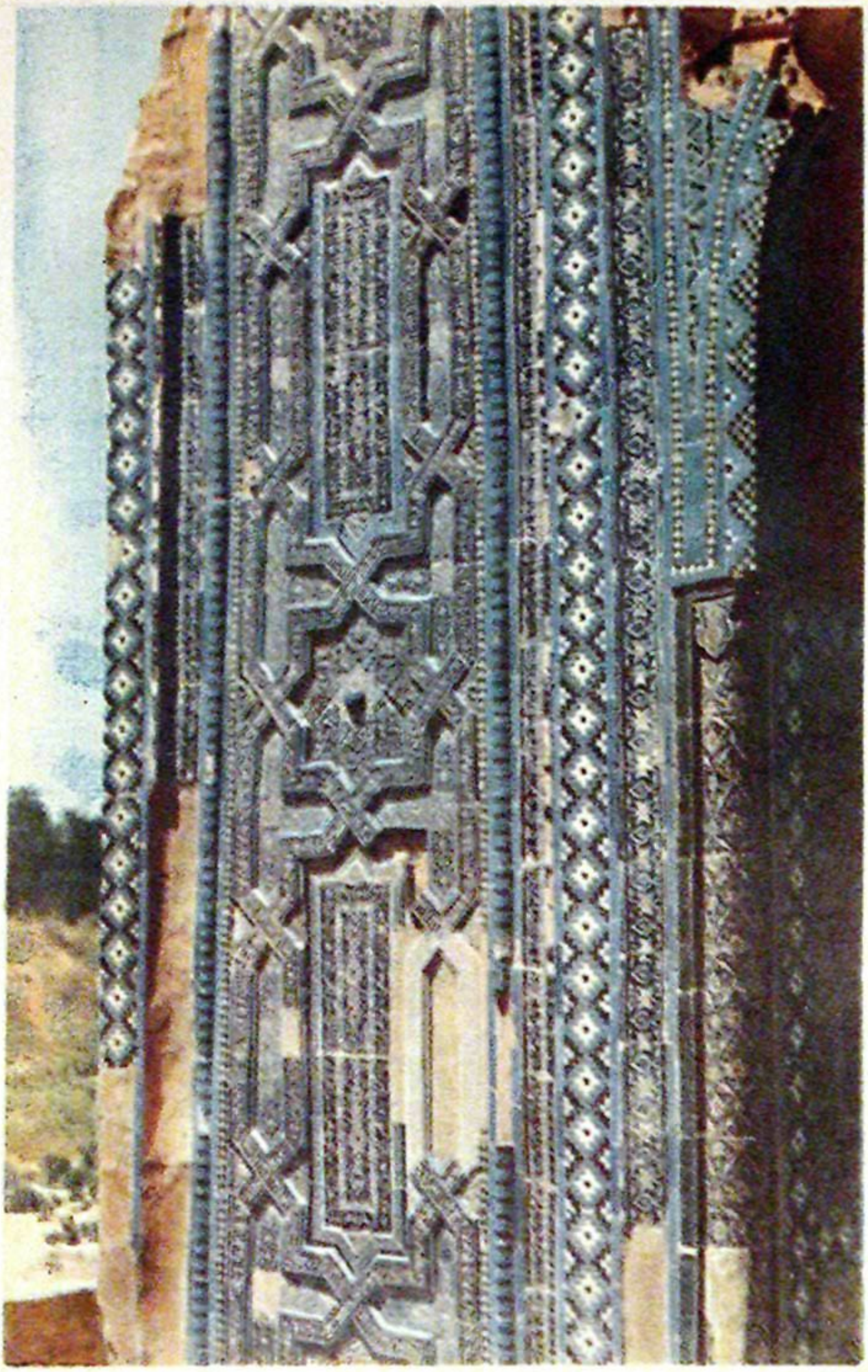
В 1400 г. Тимур вступил в борьбу с турецким султаном Баязедом I и египетским султаном Фараджем, захватил Сивас в Малой Азии и Халеб (Алеппо) в Сирии. В 1402 г. при Анкаре Тимур столкнулся с Баязедом в решающем сражении. В каждой армии насчитывалось более 200 тыс. воинов. В этой битве могущественный османский султан Баязед был наголову разбит и взят в плен. Победа при Анкаре в 1402 г. почти на 50 лет отсрочила завоевание Константинополя турками-османами.

В течение нескольких лет Тимур тщательно готовился к походу на Китай и начал его в конце 1404 г., выступив с 200-тысячным войском. Смерть Тимура, последовавшая 18 февраля 1405 г. в Отраре, прервала поход.

---

[1] Кебекский динар содержал два мискаля серебра.

[2] В Азербайджане в то время правил Ахмед Джалаирид (1382—1410 гг.), а в Ширване — Ибрахим Дербенди (1382—1417 гг.).



Шахи-Зинда XIV в. Деталь.

Завоевательные войны Тимура объясняются более глубокими причинами, чем стремление к захвату богатой добычи. Тимур ставил себе цель — добиться господства над путями мировой караванной торговли (стран Европы и Передней Азии с Дальним Востоком). Он стремился уничтожить северную торговую магистраль, проходившую по территории Золотой орды, и направить торговлю по старому пути через Среднюю Азию. Именно этими соображениями он руководствовался, когда в 1395 г. почти полностью разрушил торговые золотоордынские города (Азов, Сарай, Ургенч и др.), игравшие важную роль в караванной торговле. Лишь смерть Тимура и дальнейшие политические осложнения помешали полному осуществлению этого плана.

3. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ В ГОСУДАРСТВЕ ТИМУРА

Тимур, отличавшийся большим военным и государственным талантом, был сыном своей эпохи. Живя в условиях вполне сложившихся феодальных отношений, он стал их активным проводником. Объединяя феодальные владения в Средней Азии и захватив соседние страны, Тимур стремился создать большую державу, которая простиралась бы от Средиземноморья до Тихого океана. Он жестоко разорял завоеванные земли, зачастую истреблял население. В Самарканд текли несметные богатства. Сюда же Тимур привозил специалистов-ремесленников, художников, архитекторов.

Огромным государством Тимур управлял через своих сыновей, внуков и приближенных, назначив их правителями. При этом он широко использовал систему суюргала (вознаграждение со стороны правителя). Лица, получившие суюргальные владения, управляли ими как вассальные правители. Иногда эти владения с санкции верховного правителя переходили по наследству. Владетель полностью или частично *распоряжался доходами с суюргальных земель.* Так, завоевав крепость-владение Ахлат, Тимур вернул ее уже в порядке суюргала прежнему владетелю Адилю Джузу, крепость Айдан — ее бывшему хакиму Баязеду, крепость Каракуль — эмиру Али, владевшему ею ранее. После подавления восстания гератцев в 1383 г. Тимур ликвидировал династию Куртов, образовал гератское владение, в которое включил земли Балха, Кундуза, Бадахшана, Хуталяна, Хисара, и передал их в суюргал своему сыну Мираншаху. На той же основе суюргала Мираншаху в 1393 г. был пожалован «престол Хулагу-хана» — бывшие владения

Хулагидов (Иран и Ирак). В 1393—1394 гг. второму сыну, Омар-Шейху, Тимур передал на основе суюргального пожалования Фарс. За год до этого в 1392 г. Тимур передал Пирмухаммеду, сыну Джехангира, в суюргал «престол Газневидов» — земли, когда-то составлявшие газневидское государство (в сокращенных размерах, которые оно приняло после образования государства Сельджукидов). После Мираншаха «престол Хулагу-хана» был передан Тимуром *сначала Мухаммед-Султану, а после его смерти в 1400 г.* — сыну Мираншаха Омару. На таком же основании Рустам, брат другого Пирмухаммеда (сына Омар-Шейха) владел Исфаханом, а Абубекр, сын Мираншаха, — Багдадом.

Только сила и страх держали в узде вассалов Тимура. В 1375 г. Тимур казнил непокорного главу племени джалаир, а джалаиров распределил по разным округам, уничтожив таким образом целое кочевое владение в районе Ходженда. Согласно рассказу Ибн Арабшаха, в 1388 г. Тимур коварно перебил в Самарканде некоторых эмиров, выразивших недовольство. Он отнял Фарс с городом Ширазом у сына Омар-Шейха Пирмухаммеда, который не выступил в поход по его приказу. Впрочем, в 1403 г. он снова вернул Пирмухаммеду его суюргал. Мавераннахр, за исключением Ферганы, Тимур не дробил и держал в своих руках. Система суюргала содействовала, однако, усилению феодалов, способных в критический момент нарушить целостность государства, что и произошло тотчас же после смерти Тимура.

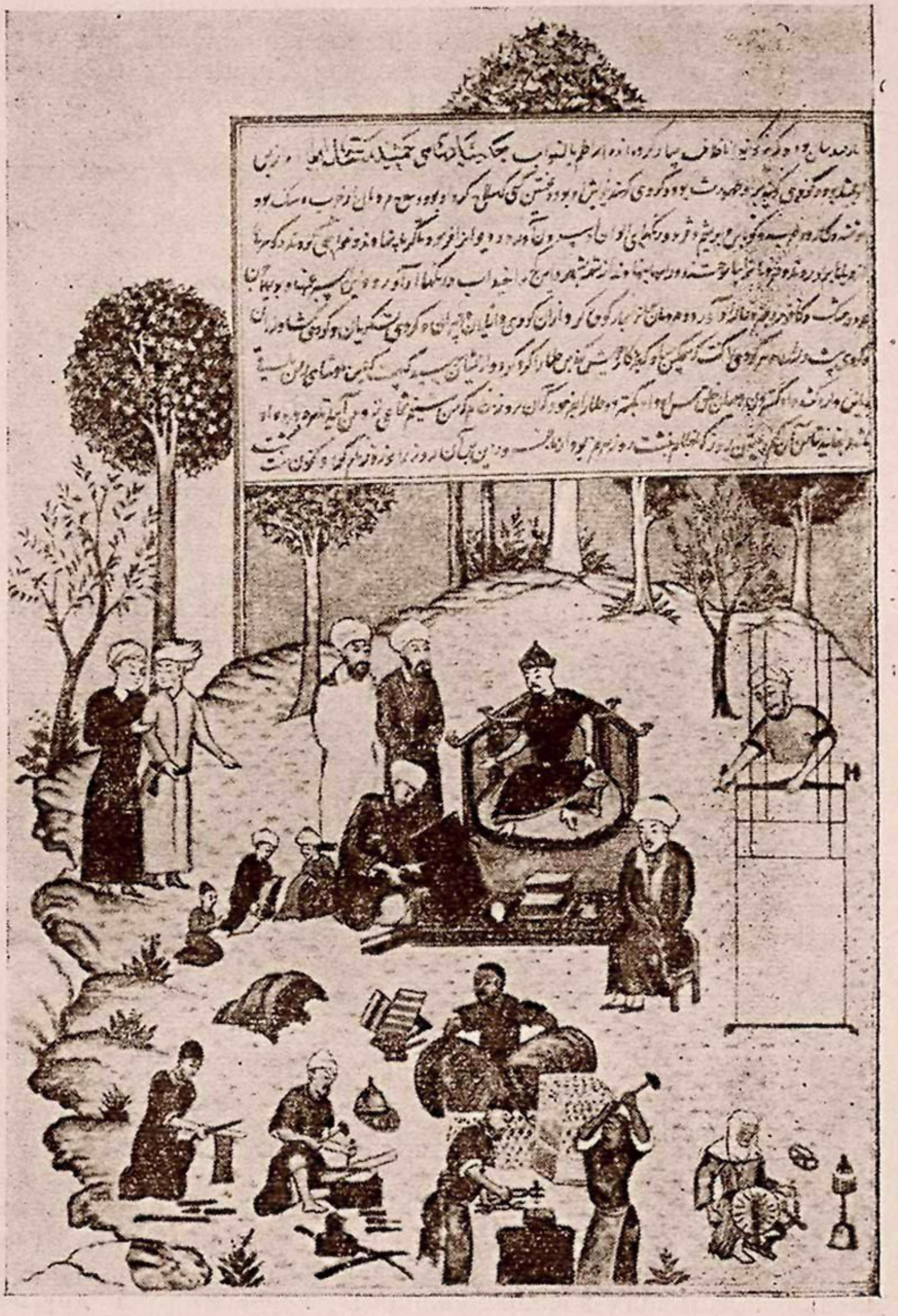
Сохранил ли Тимур введенную Кебек-ханом административную систему деления на тумены? К сожалению, в источниках об этом содержится слишком мало фактического материала. Однако и имеющиеся сведения свидетельствуют о том, что в Мавераннахре и при Тимуре эти административные единицы (тумены) сохранились до конца его правления.

Социально-экономические отношения в Мавераннахре времени Тимура в исторической литературе разработаны недостаточно.

Для монгольской эпохи характерно резкое ухудшение положения крестьян и ремесленников, за определенными категориями которых постепенно закреплялись определенные налоги и повинности. С крестьян взимали земельный налог (под разными названиями: мал, харадж), подушную подать (джизью), которая, как это было отмечено выше, до монголов, согласно мусульманскому праву, взималась только с неверных. На крестьян были возложены также

повинность по поставке ездовых животных (улаг), барщинные работы (бегар) и некоторые чрезвычайные налоги (аваризат). Если же принять во внимание, что все эти налоги взимались в Мавераннахре при Тимуридах Абусаиде (1451—1469 гг.) и Султан-Ахмеде (1469—1494 гг.), то с уверенностью можно сказать, что они взимались и при Тимуре, тем более, что упоминания о них имеются кое-где и в источниках.

И. П. Петрушевский в статье «О прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества» (Вопросы истории, 1947, № 4) убедительно показал, что уже в ясе Чингиз-хана имелись данные о запрещении перехода с места на место военных из числа сотников, тысячников, десятитысячников. И. П. Петрушевский приводит следующее место ясы в изложении Джувейни: «И другой закон (яса) таков, что никакой человек из тысячи, сотни и десятка, который там причислен, не может уйти в какое-нибудь другое место и обрести убежище у кого-нибудь другого, и никто того человека к себе пустить не может. И если в противность этому повелению кто-нибудь приступит к такому делу, то того человека, который совершил бы переход, в присутствии людей убьют, а того человека, который его к себе пустил бы, подвергнут наказанию и мучению (пытке). И по этой причине никакая тварь никого другого к себе пустить не может». В связи с этим И. П. Петрушевский пишет: «Приведенный закон в первую очередь относился к военным людям, как монгольским и тюрским кочевникам, так и оседлым тадзикам (таджикам), причисленным к подразделениям (тысячи, сотни, десятки) феодального ополчения, начальники которых (эмиры тысяч, сотен и десятков) были чаще всего наследственными господами этих людей». Фактически так было и Мавераннахре, однако данных о юридическом выражении этого прикрепления раньше XVI в. мы пока не имеем. В своей статье «К истории среднеазиатских арабов» (Труды второй сессии ассоциации арабистов, М.—Л., 1941) С. Л. Волин привел образец одной из грамот, выданной в XVI в. мирхазару (тысячнику) арабов Кемалуддину Максуду. Для нас представляет особый интерес конец этой грамоты: «Где бы в вилайетах и туменах ни были крестьяне (райия) и издольщики (шарик), да придут они под управление упомянутого в свой юрт и становище и занимаются спокойно законным промыслом; пусть никто не укрывает (химаят нашавад) и не препятствует». Речь идет здесь о юридическом, а не только фактическом запрещении крестьянам-военнослужащим перехода на другие



Миниатюра.: Ремесло в феодальном государстве.

места. При сопоставлении данных грамоты с тем, что говорится в ясе Чингиз-хана по вопросу о невозможности перехода людей с одних земель на другие, гипотеза о том, что и в Мавераннахре запрещение существовало начиная со времени монгольской власти, приобретает известную убедительность.

Ухудшение положения ремесленников при монголах характеризуется переводом их на полурабское положение, что в 1264 г. с особой яркостью отразил в своих записках Плано Карпини.

При Тимуре не произошло существенного изменения в тяжелом положении ремесленников. Ремесленники по-прежнему несли феодальные повинности. Пленные ремесленники, переселенные Тимуром в Самарканд и Шахрисабз, находились на полурабском положении и подвергались жестокой эксплуатации.

Так, Клавихо, рассказывая о дворце Тимура в самаркандской цитадели, говорит: «В этом же замке царь держал около 1000 пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы и круглый год работали на него». Здесь определенно говорится о типичной «кархана» (большая эмирская или султанская мастерская), в которой работали пленные и которая весьма характерна для монгольской эпохи.

Военная история называет Тимура в числе крупнейших полководцев средневековой Азии. Его военное дарование раскрылось в двух направлениях: как реорганизатора войска и как полководца.

Войско Тимура по своей организационной структуре продолжало традиции Чингиз-хана. Во-первых, оно было ополчением, во-вторых, строилось по десятичной системе, то есть делилось на тумены, тысячи, сотни, десятки. Различие состояло в том, что при Чингиз-хане основу войска составляли кочевники и значительно меньшую роль играло оседлое население завоеванных стран, привлекаемое в принудительном порядке в хашар. При Тимуре же оседлое население, хотя и не составляло основу войска, однако входило в него весьма существенной, а быть может и равной с кочевниками, частью. Оседлые области поставляли пехоту, а также отряды артиллерии того времени — воинов, обслуживавших камнеметные, стенобитные, огнестрельные машины (радандоз), самострелы и др. Когда Тимуру нужно было призвать определенные контингенты конницы и пехоты, он направлял тавачиев (лица, выполнявшие особо важные поручения государя) в ту или иную область своего

государства с предписанием собрать определенное количество туменов, причем им на руки выдавался список (сан) с указанием, сколько именно туменов надлежало выставить. Тавачии собирали воинов — пеших и конных, оседлых и кочевников, тюрков (узбеков) и таджиков. Согласно описаниям Абдурразака Самарканди, автора XV в., каждый воин ополчения должен был взять с собой провиант на один год, оружие — лук с 30 стрелами, колчан, налучье и щит. У каждых двух воинов-конников должна была быть третья запасная лошадь, на каждые 10 человек — одна палатка, 2 заступа, 1 мотыга, 1 серп, 1 топор, 1 шило, 100 иголок, полмана амбарного веса веревок, 1 крепкая шкура, 1 котел. Каждая область (она же суюргальное владение) поставляла основной контингент (асль) и дополнительный (изафе). При десятичной системе членения войска важную роль играли кошуны, составлявшие, как правило, отряд в несколько сот человек. Вообще в то время под старыми названиями — тумен, тысяча, кошун, сотня — числились отряды, имевшие фактически иное число воинов. В туменах было меньше 10 тысяч, а в кошунах — больше 100 человек.

В походе всегда соблюдался строгий порядок. Эмир каждого подразделения — тумена, кошуна — хорошо знал свое место и строго его придерживался.

В походе впереди главных сил шел авангард (манглай), состоявший иногда даже из нескольких туменов. От манглая надо отличать караул (сторожевое охранение), который шел впереди авангарда. Особое место занимала разведка (хабаргири), высылавшаяся любой значительной частью войска. Для разведки отбирались исключительно храбрые воины. В походе особо важную роль играли «проводники» (качарчи), которых Тимур обыкновенно сам распределял между отдельными частями войска.

Во время похода приходилось делать остановки. Если стан разбивали вблизи врага, то окапывали его рвом, ставили защитные орудия — туры (по-видимому, передвижные башни) и большие окопные щиты. Хотя в нашу задачу совершенно не входит освещение вопроса о вооружении войска Тимура, мы все же считаем необходимым отметить, что именно в его эпоху на Ближнем Востоке впервые появилось огнестрельное оружие.

Так, при описании войска султана Махмуда Дехлевийского перед битвой с Тимуром у Дели в 1399 г. Низамуддин Шами упоминает о наличии у индийского войска радов, огнестрельных «громбросающих» орудий, нечто вроде при-

митивных пушек. Тот же автор упоминает о таких орудиях, (рад) при описании осады Тимуром Дамаска в 1400—1401 гг.[1]

Большой интерес представляет порядок, в котором войско Тимура располагалось перед сражением. Низамуддин Шами, и Шарафуддин Али Иезди приписывают Тимуру новаторство в этом отношении. Чтобы понять, что именно нового внес Тимур в военное искусство, необходимо представить себе, каким обычно было боевое расположение войска во времена, когда Тимур только начинал свою военную карьеру. В этом отношении большой интерес представляет битва Тимура с войсками Ильяс-ходжи в 1365 г. Боевой строй войска Тимура состоял тогда из центра, правого и левого крыла (барангар и джавангар); при каждом из них находились дополнительные войсковые соединения — фланговое охранение, так называемый «канбул», и авангард. Боевой порядок, таким образом, состоял из семи частей, из которых три имели более или менее самостоятельное значение, а четыре (два авангарда и два канбула) — подчиненное. Характерной чертой такого боевого строя являлась слабость его центра по сравнению с крыльями: центр не имел ни авангарда, ни резерва.

В 1391 г. в знаменитом сражении с Тохтамышем при Кундузча войско Тимура имело уже значительно более усовершенствованный боевой строй. Шарафуддин Али Иезди рассказывает, что Тимур первым ввел членение войска на семь кулов — корпусов. Это были уже самостоятельные и ответственные лишь перед командующим войсковые соединения.

В боевом строю 1391 г. мы видим иное отношение также и к центру. Крыльям, как и в старом боевом порядке, по-прежнему придается весьма важное значение, что видно хотя бы из того, какое большое внимание обращается на боковое охранение флангов (канбул); но особенно укрепляется центр. Он получает авангард, и, кроме того, позади него устраивается ставка командующего; там же находятся резервы, которые в большинстве случаев и решают исход сражения.

Если центр был охраной резервов и ставки командующего, а резервы направлялись в то место сражения, где в них была нужда, то канбулы имели целью предохранить крылья

---

[1] А. М. Беленицкий указывает, что огнестрельные орудия имелись в войске Тимура еще в 1379 г. при осаде Ургенча. Упоминание об этом А. М. Беленицкий встретил в рукописи Муинуддина Натанзи.

от прорыва и не допустить обходного движения врага, который мог ударить в тыл, обойдя правое или левое крыло с флангов. Канбулы составлялись из наиболее храбрых и опытных в бою кошунов, находившихся под командой авторитетных военачальников.

Войско имело, как указывалось выше, не только конные, но и пехотные части. Последние в боевом расположении стояли впереди конников и, в случае нападения врага, особенно при атаке, укрываясь за свои окопные щиты и туры, первыми принимали бой. Пехотинцы играли исключительную роль на том участке боевого расположения, где бой носил оборонительный характер. Шарафуддин Али Иезди, описывая битву Тимура с Тохтамышем в 1391 г., определенно указывает, что эмиры туменов, тысяч и кошунов левого и правого крыльев тимурова войска выстроили в боевой порядок пехотинцев и всадников. Та же картина наблюдалась и в битве Тимура с Тохтамышем в 1395 г. Гиясуддин Али, описывая индийский поход Тимура 1398—1399 гг., не раз говорит об участии пехотинцев в сражении. Так, упоминая битву на берегу Гуля (Джул), он замечает, что левое крыло имело в авангарде кул (корпус) Султан-Али тавачи, в котором были пешие отряды хорасанцев. Примеров подобного рода можно привести немало, однако картина и так ясна. Войско Тимура, пополняемое из числа не только кочевых народов, но и населения земледельческих областей, не могло в своих ополчениях не иметь пеших воинов.

Свои войны Тимур вел с исключительной жестокостью, бесчеловечностью, которая ничем не могла быть оправдана. Чем можно оправдать постройку башни из 2 тысяч живых людей, переслоенных битым кирпичом и глиной при взятии Исфизара (город в Афганистане) или сооружение в восставшем Исфагане башен из 70 тысяч голов, о чем *говорилось выше, или, наконец, погребение заживо 4 тысяч* людей после взятия города Сиваса в Малой Азии?

Тимур не принадлежал к Чингизидам, поэтому никогда не именовал себя ханом. Как и все люди того времени; он относился к титулу «хан» с большим пиететом и, несмотря на свое честолюбие и властолюбие, вынужден был носить титул эмира, присоединив к нему титул «курагана» (зятя; в данном случае ханский зять). Право на титул курагана он приобрел после женитьбы на Сарай Мульк-ханым, которую он взял из гарема эмира Хусейна в 1370 г. и которая была дочерью Чингизида Казан-хана, последнего хана Мавераннахра из дома Чагатаев. Следуя традиции, уста-

новленной еще эмиром Казаганом, Тимур держал при себе подставных ханов — Суюргатмыша (1370—1388 гг.) и потом его сына Султан-Махмуд-хана (1388—1402 гг.). После смерти последнего он больше подставного хана не держал и чеканил монеты от имени умершего. Оба подставных хана не играли политической роли и в распоряжения Тимура не вмешивались.

Тимур, по словам Хафизи Абру, имел познания в истории тюрков, арабов, иранцев, он ценил всякие знания, особенно, если они могли принести практическую пользу. Он был прежде всего политиком и, стараясь из всего извлечь пользу для государственного дела, сохранял самые дружеские связи с представителями мусульманского духовенства, создавшими ему популярность среди феодальной верхушки и воинов. Как тогда было принято, он держал при себе духовника — шейха Береке, — который «молитвой старался подкрепить то, что делал Тимур мечом». Однако политический расчет Тимур ставил выше споров между отдельными правоверными толками. По словам В. В. Бартольда, «тот же Тимур, который в Сирии выступил защитником Алия и его потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шиитом, в Хорасане восстановил суннитское правоверие, в Мазандеране наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников пророка».

В Мавераннахр, центр своего обширного царства, Тимур ввозил не только различные материальные ценности, но главным образом пленных специалистов-ремесленников, художников, архитекторов, ученых. В Самарканде можно было увидеть мастеров Хорезма, Исфагана, Шираза, Халеба и других городов Востока. Их технические знания и творческое вдохновение использовались при строительстве дворцов, мечетей, медресе, мавзолеев, загородных садов. Испанский посол Клавихо, посетивший Самарканд в 1403—1404 гг., был поражен размахом строительных работ Тимура. Многие страницы своего дневника он посвятил описанию того, что было сделано и делалось Тимуром в Самарканде.

Самарканд при Тимуре был особым привилегированным городом. Клавихо в своем дневнике отмечает, что на северный берег Амударьи, то есть в Мавераннахр, пропускали всякого, кто хотел. Однако покинуть Мавераннахр и переехать на южный берег Амударьи никто без разрешения не мог — так сильно боялся Тимур потерять хотя бы одного человека, способного к ремеслу.

Самарканд — столица огромного государства Тимура —

по величине и красоте должен был превосходить самые крупные города мира. Ибн Арабшах рассказывает, что Тимур устроил вокруг Самарканда ряд селений, назвав их именами прославленных городов мира — Миср (Каир), Димишк (Дамаск), Багдад, Султания и Шираз, из которых три были столицами: Дамаск — омейядского, Багдад — аббасидского, Миср — фатимидского халифатов. В то, что селения получили названия знаменитых городов, была вложена определенная политическая идея: перед Самаркандом все они меркнут так же, как меркнет простое селение перед богатым и великим городом.

Самарканд был украшен новыми величественными зданиями, благоустроенными базарами, пополнен кварталами (махалла) ремесленников, самых разнообразных специальностей. Часть замечательных построек Тимура дошла и до нас. Среди них нужно отметить чудесные мавзолеи в группе Шахи-Зинда, соборную мечеть, известную сейчас под именем Биби-ханым, усыпальницу Гур- Эмир, где похоронены Тимур и некоторые члены его дома.

В Шахрисабзе сохранились до наших дней развалины портала прекрасного дворца Ак-Сарай и других зданий. Замечательным памятником строительной деятельности этой эпохи является мечеть ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане.

Вокруг Самарканда Тимур построил прекрасные загородные дворцы-сады: Баги-Чинар, Баги-Дилькуша, Баги-Бихишт, Баги-Баланд и др. Здесь, среди тенистых деревьев и цветников, проводил он те немногие дни, когда был свободен *от военных походов.*

Тимур умер в Отраре во время последнего, только что начатого похода в Китай, 18 февраля 1405 г. Приближенные старались скрыть от членов династии смерть Тимура, тем не менее весть о ней быстро распространилась. Всем было ясно, что в стране вновь начнутся неспокойные дни, возобновятся смуты, борьба царевичей и эмиров друг с другом.

И действительно, Пирмухаммеда, сына Джехангира, которого Тимур назначил своим наследником, никто из царевичей и сильных правителей феодального мира не признал. Те же самые царевичи, которые при жизни Тимура знали свои места в войске и государстве и стремились превзойти друг друга в быстроте исполнения приказаний великого эмира, подняли голову, и, не признавая ничьего авторитета, начали друг с другом войну за «тимуров престол». События 1405—1409 г. наглядно показали, как непрочны были нити,

Шахи-Зинда XIV в.

которыми Тимур соединил отдельные части своего государства в обширную империю.

Феодализирующие силы, зажатые в деспотический кулак правителя и полководца, со смертью последнего были выпущены на свободу. Наступил новый этап смут.

Тимур — фигура глубоко противоречивая. Его деятельность в Средней Азии, как мы могли убедиться выше, имела немало положительного. Так, он стремился ликвидировать феодальные смуты и феодальную раздробленность, вел большую строительную работу. И не случайно К. Маркс в своих «Хронологических выписках», говоря о Тимуре, как бы подчеркивает это противоречие. «Он (Тамерлан) дал своему новому царству государственное устройство и законы, представляющие большой контраст с теми зверствами и дикими разрушениями, которые по его приказам совершали татарские орды»[1].

---

[1] К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, том VI, стр. 184.

ГЛАВА XII

МАВЕРАННАХР И ХОРАСАН ПРИ ТИМУРИДАХ (XV в.)

1. РАСПАД ИМПЕРИИ ТИМУРА И ОБРАЗОВАНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ХОРАСАНЕ

После смерти Тимура в течение пяти лет (с 1404 по 1409 г.) в Мавераннахре беспрерывно шла междоусобная и династическая борьба. Обширное государство, созданное непрерывными войнами, даже после прекращения борьбы за наследство не сохранило своего единства. Хотя Шахрух (1409—1447 гг.) и считался номинально главой единой тимуровой державы, однако фактически она состояла из двух государств: одного — с центром в Герате, столице Хорасана, другого — с центром в Самарканде, столице государства Тимура. Когда Шахрух водворил своего сына Улугбека правителем Самарканда, он рассматривал его как своего наместника, а не как независимого государя. Однако Улугбек вскоре сделался независимым правителем и оставался им до самой своей смерти (1449 г.). Но и эти два государства в действительности представляли собой, каждое в отдельности, объединения мелких феодальных владений, во главе которых стояли Тимуриды.

Уже и при Тимуре отдельные области государства розданы были его сыновьям: Джехангиру, Омар-Шейху, Миран-шаху, Шахруху и их потомкам — Мухаммед-Султану, Пир-мухаммеду, Ибрахиму, Улугбеку и др. Однако при жизни Тимура отдельные члены династии чувствовали себя в большей мере наместниками областей, чем вассальными владетелями, хотя попытки к некоторой непокорности с их стороны и тогда уже наблюдались.

После же его смерти царевичи, управлявшие уделами, смотрели на себя, как на владетельных государей, которые обязаны были подчиняться главе династии, Шахруху, сидевшему в Герате, только в порядке вассальных отношений. Шахрух, со своей стороны, видя в царевичах надежных для себя правителей, старался переменить их состав, стремясь всюду заменить их своими сыновьями в расчете на то, что последние будут лучше повиноваться ему, чем племянники или другие родственники. Началась борьба Шахруха с потомством его братьев Джехангира, Омар-Шейха и Мираншаха. Своеобразным отражением этого соперничества между Шахрухом и его племянниками явился поход Улугбека в 1413 г. против Ахмеда, сына Омар-Шейха, владевшего Ферганой.

К началу 20-х годов XV в. почти все тимурово наследство было сосредоточено в руках Шахруха и его семьи. Улугбек с 1409 г. правил в Самарканде, Ибрахим-Султан с 1414 г. — в Ширазе, Суюргатмыш с 1418 г. — в Кабуле, Газне и Кандахаре. Однако Шахрух ошибся в своих расчетах. Сыновья и внуки оказались немногим надежнее племянников, в чем Шахрух имел возможность убедиться на примере поведения внука своего Султан-Мухаммеда (сына Байсункура). Прибыв к месту назначения в Иран, Султан-Мухаммед не захотел более рассматривать себя как шахрухова наместника и стремился расширить свои владения. В 1446 г. Шахрух во главе большого войска лично отправился против непокорного вассала для водворения порядка, и Султан-Мухаммеду так и не удалось присоединить к своим владениям западные области Ирана. Да и после смерти Шахруха (1447 г.) Тимуриды не сумели удержать эти области в своих руках. В 1453 г. Джеханшах, глава туркменской династии Кара-Коюнлу, тогдашний владетель Азербайджана, силой присоединил западный Иран к Азербайджану (правил в 1436—1467 гг.), создав таким образом, наряду с тимуридским, новое огромное государство. Все это могло произойти лишь вследствие упадка государственной власти, наступившего в восточном Иране и Средней Азии.

Не создал политической устойчивости в своем государстве и Улугбек. У него хватило сил только на то, чтобы отстоять перед отцом свою фактическую независимость.

В. В. Бартольд, в своей книге «Улугбек и его время» собрал почти все, что можно найти в источниках о детстве, юности и зрелых годах Улугбека, и оставил подробное описание событий внешней и внутренней жизни его государства за время его сорокалетнего царствования.

Улугбек (подлинное его имя Мухаммед Тарагай) родился 22 марта 1394 г. в городе Султания во время похода Тимура на Ирак и Азербайджан. Он был старшим сыном Шахруха и его жены Гаухар Шад. Опекуншей Улугбека Тимур назначил свою старшую жену Сарай Мульк-ханым.

В детские годы Улугбек вместе с матерью и опекуншей часто следовал за дедом в составе «угрука», то есть государева обоза. Вот почему он много путешествовал, находясь то где-нибудь в Хузаре, то на Амударье, то в Кабуле, встречая или провожая Тимура в поход, а то и живя с ним на зимовках в Карабаге или приезжая к нему на короткий срок в Самарканд. Источники, к сожалению, не оставили нам сведений о воспитании и обучении Улугбека; мы знаем только имя шейха Арифа Азари, замечательного сказителя, поэта и ученого, назначенного в 1397 г. воспитателем трехлетнего царевича.

Когда Улугбеку исполнилось 10 лет, его женили на дочери Мухаммед-Султана, по имени Огэ Бегум, происходившей по материнской линии от золотоордынского хана Узбека (1312—1342 гг.). Это дало Улугбеку право принять титул курагани, который носил и Тимур.

Улугбек стал владетелем Самарканда в 1409 г., то есть в возрасте 15 лет. Естественно, что самостоятельно править он еще не мог. Шахрух приставил к нему в качестве опекуна и фактического правителя своего верного сановника Шах-Мелика. С 1411 г. Улугбек выступает уже в качестве самостоятельного правителя.

Границы государства Улугбека почти совпадают с современными границами Узбекистана; кроме того, в состав его входила часть бассейна Сырдарьи от Отрара и почти до города Сыгнака, развалины которого лежат вблизи современной ж.-д. станции Тюмень-Арык.

В первые годы царствования Улугбека на границах его государства со стороны Дашти-Кипчака появились кочевые узбеки, которые проникали сюда по Амударье и Сырдарье. Они совершали набеги и на Хорезм, откуда были выбиты Шах-Меликом.

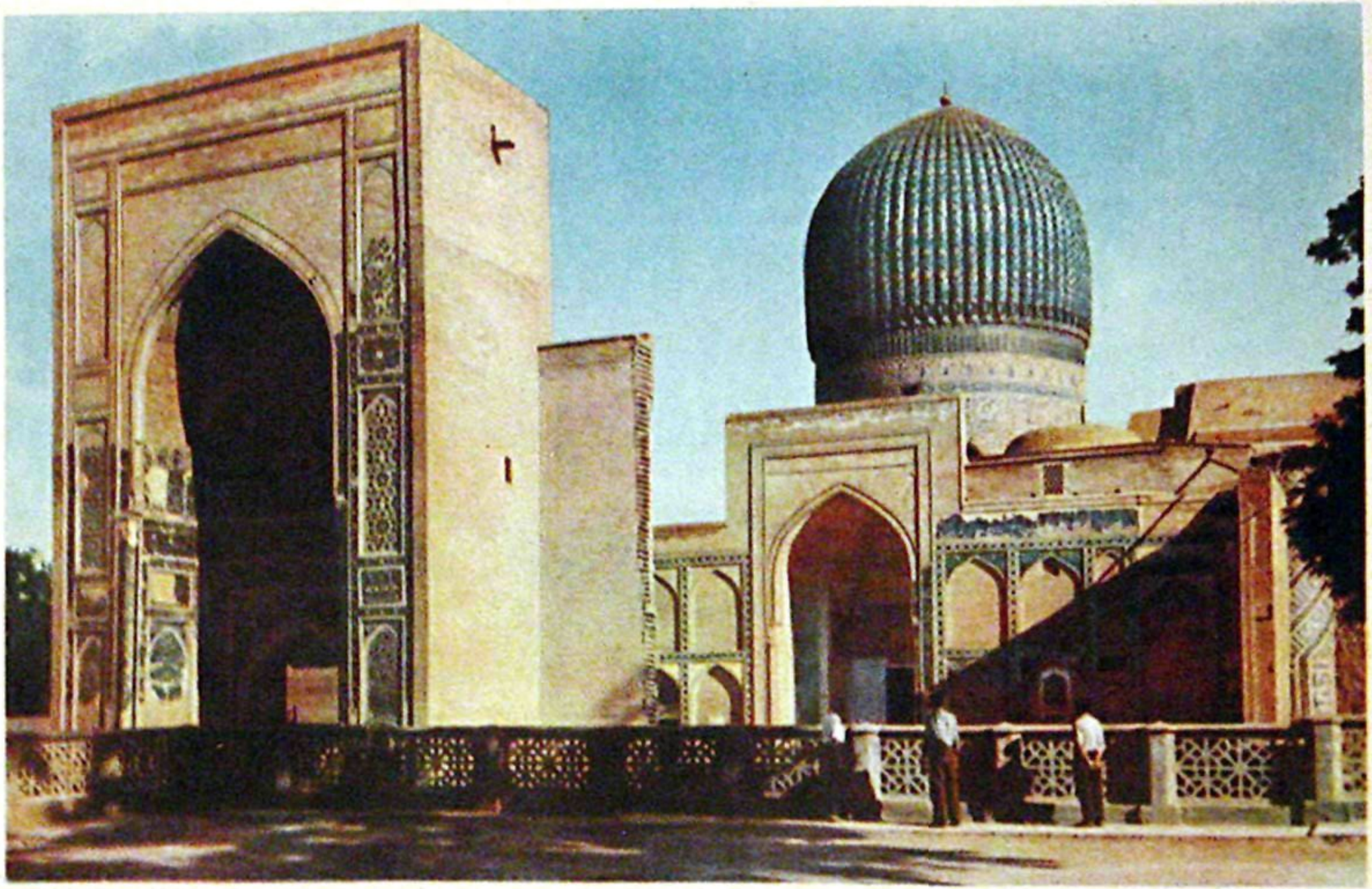
Правитель подвластной Улугбеку Ферганы Ахмед, сын Омар-Шейха и двоюродный брат Улугбека, вел самостоятельную политику. Улугбеку пришлось выступить с войском, чтобы подчинить себе эту область.

Улугбек зорко следил за событиями на нижней Сырдарье. В 1419 г. к нему явился внук Урус-хана — царевич Барак-оглан, с просьбой о помощи против Мухаммед-хана, потомка Туга-Тимура, от которого раньше потерпел пора-

жение. Считая выгодным иметь в узбекской кочевой степи своего ставленника, Улугбек вместе с Бараком отправился в поход на Сырдарью. Противник, не приняв боя, ушел в степь. Улугбек вернулся в Самарканд. Царевич Барак пос-

Улугбек.

ле некоторой борьбы в 1425 г. стал ханом в улусе кочевых узбеков, затем захватил столицу Золотой Орды. Улугбек рассчитывал проводить свою политику в степи через Барака. Опасаясь усиления ханской власти и в Моголистане, он разжигал там пожар феодальных усобиц. После долгих распрей победы, не без помощи Улугбека, добился хан Ширмухаммед. Улугбек надеялся, что ханы Барак и Шир-



Гур-Эмир XV в.

мухаммед будут вести себя как его ставленники. Но они, по словам В. В. Бартольда, столь же мало оправдали надежды Улугбека, как Тохтамыш — надежды Тимура.

Вскоре Улугбеку пришлось выступить в большой поход на Моголистан против Ширмухаммеда, который пытался вмешаться в дела Мавераннахра. Вопреки советам своего отца Шахруха, в ноябре 1424 г. Улугбек выступил с огромным войском, растянувшимся на очень большое расстояние. Центр его находился на Сырдарье у Шахрухии, правое крыло — в Фергане, левое — у Отрара. Весной 1425 г. главные силы Улугбека уже переправились через р. Чу и встретились с войском Ширмухаммеда в горах у Кетменьтепа. Битва закончилась победой Улугбека. Чтобы окончательно ослабить моголов, Улугбек перебил пленных, захватил стада и имущество, ограбил главную летнюю ставку могольского хана и 27 июня 1425 г. с большой добычей вернулся в Самарканд. Среди захваченных ценностей было два огромных куска нефрита. Для их перевозки пришлось изготовить специальную повозку. Впоследствии из этого нефрита Улугбек сделал замечательное надгробие над могилой Тимура в мавзолее Гур-Эмир.

В память о победоносном походе 1425 г. Улугбек приказал высечь надпись на скале в Джиланутинском ущелье вблизи Джизака, сохранившуюся до нашего времени.

Вскоре у Улугбека испортились отношения с ханом Бараком, который стремился к полной самостоятельности, а главное, предъявлял претензии на землю по Сырдарье, вокруг Сыгнака, тогда важного торгового города. В первой половине XV в. земли по нижней Сырдарье орошались каналами, выведенными из этой реки. Свои претензии на город Сыгнак Барак-хан обосновывал, главным образом, тем, что город этот принадлежал еще его деду Урус-хану, им же благоустроен.

В ответ Улугбек объявил поход на Сырдарью против кочевых узбеков. Шел он во главе большого войска, в состав которого входил также отряд его брата Джуки. Поход состоялся летом 1427 г. и закончился полным разгромом Улугбека, которому вместе с его братом удалось спастись бегством. Поражение едва не стоило ему престола Самарканда и власти над Мавераннахром. Когда он с позором возвращался в столицу, в городе усиленно действовали враги Улугбека, подстрекаемые реакционным духовенством, которое требовало, чтобы перед ним были закрыты ворота города. Поражение это так подействовало на Улугбека, что он в течение всего остального своего правления, во всяком

случае до 1447 г., то есть до смерти Шахруха, не предпринимал походов даже тогда, когда кочевые узбеки или моголы совершали со стороны Сырдарьи или Моголистана набеги на границы его государства.

Только в последние годы царствования, уже после смерти Шахруха (1447 г.), Улугбеку снова пришлось браться за оружие.

Тотчас же после смерти Шахруха в Хорасане и Средней Азии начались смуты. Жена Шахруха Гаухар Шад более всего желала видеть на тимуридском престоле своего внука Алауддавла, сына Байсункура, однако не решалась открыто об этом объявить, так как все законные права имел старший сын Шахруха, Улугбек, который к тому же не скрывал своих намерений захватить престол в Хорасане. Момент был весьма ответственный, и Гаухар Шад, чтобы не вызвать спора и столкновений с Улугбеком, передала командование войском сыну Улугбека, Абдуллатифу. Избежать столкновения все же не удалось, ибо Алауддавла и Абулкасим Бабур (также сын Байсункура) начали каждый со своей стороны военные действия против Улугбека, причем первый захватил район Мешхеда, второй — Мазандерана.

Весной того же 1447 г. Алауддавла разбил войско Абдуллатифа, взял его в плен и запер в крепости Ихтияруддин в Герате. Улугбек, не желая жертвовать своим сыном, предложил мир. Алауддавла принял мирные предложения, так как боялся, что Абулкасим Бабур, вышедший из повиновения, может захватить Герат. Согласно заключенному соглашению Абдуллатиф был отпущен в Самарканд, а Улугбек отказался от претензий на Герат и Хорасан.

В 1448 г. Улугбек вместе с Абдуллатифом вновь начали военные действия, придравшись к каким-то нарушениям договора. В 14 фарсахах от Герата, у Тарнаба, войско Алауддавла было разбито, и Улугбек с сыном вступили в Герат. Завоеванию Хорасана помешал бунт хорасанских эмиров и вторжение кочевых узбеков в Мавераннахр во главе с ханом Абулхайром в 1448 г.

2. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В САМАРКАНДЕ ПРИ УЛУГБЕКЕ

В распоряжение Улугбека, вступившего на престол в 1409 г., поступили сокровища, накопленные дедом, благоустроенные города, мало пострадавшие во время смут. Блистательный Самарканд сохранил свою горделивую красоту. Здесь была целая армия ученых, художников, строи-

телей и ремесленников, готовых продолжать свою созидательную и культурную работу.

Улугбек не отличался талантом государственного деятеля или полководца. Заслуга его в огромной культурной работе, организатором которой он был, а также в его научных трудах.

В Самарканде первой половины XV в., как и во всякой другой столице, основной тон жизни задавал двор правителя. Свое время Улугбек, если только он не был в походе, делил между делами управления, соколиной охотой, научными занятиями, которым он отдавал много времени, активно участвовал в ученых диспутах, часто устраивал пиры, так как любил повеселиться. Двору Улугбека подражала и окружавшая его феодальная знать. На развлечения тратились огромные средства. В городе было много музыкантов, певцов и танцовщиц, слава о которых была так велика, что их приглашали к себе вельможи, беки и просто богатые люди из разных областей Мавераннахра.

При Улугбеке Самарканд продолжает благоустраиваться. Строятся новые монументальные здания, производится оформление новыми постройками крупных архитектурных ансамблей, как, например в некрополе «Шахи-Зинда», «Гур-Эмире» и на Ригистане, где появляются крупная ханака, медресе, а также мечеть и большая баня южнее Ригистана и т. д. Дальнейшее развитие получают ремесленное производство и торговля, особенно внутренняя.

При Улугбеке должность шейхулислама занимал некий Исамуддин, потомок автора известнейшего в Средней Азии богословско-юридического сочинения «Хидая», человек весьма образованный, близко стоявший к Улугбеку и поддерживавший его культурные начинания. Исамуддин, несмотря на занимаемый им высший в стране духовный пост, считал не только возможным самому участвовать в праздничествах и пирах Улугбека, но и устраивать их у себя. В труде В. В. Бартольда «Улугбек и его время» приводится интересный рассказ. «Шейхулислам, однажды, празднуя окончание им постройки новых бань, устроил пир, на который явились и женщины-певицы. Мухтасиб Саид Ашик, назначенный на эту должность Улугбеком, обратился к шейхулисламу с резким упреком: «Шейхулислам без ислама, по какому мазбаху (толку) дозволяется мужчинам и женщинам сидеть вместе и петь?».

Веселая, непринужденная атмосфера, царившая при дворе и в нравах знати, встречала резкую оппозицию в кругах реакционного духовенства как в самом Самарканде,

так и в Бухаре, где большое влияние имел суфийский дервишский орден накшбендиев.

Суфизм в средние века был широко распространен на Востоке. В Мавераннахре XIV—XV вв. официальный суфизм полностью приспособился к государственному строю и ортодоксальному исламу. Руководители суфизма призывали народ к благочестию и покорности властям. В недрах суфизма можно различить два направления: одно, отвечавшее требованиям трудового населения, связано с именем ходжи Абдулхалика Гиждувани, другое, мистическое, — с школой Ахмеда Ясави и его учеников.

Первое направление сыграло прогрессивную роль в развитии литературы и общественной мысли. Оно явилось почвой, питавшей оппозицию к реакционной феодальной власти и мусульманской ортодоксии.

В Мавераннахре XV в. возникает новое идеалистическое течение суфизма — накшбендизм, который в дальнейшем стал действенным орудием крупных феодалов и реакционного духовенства. Орден суфиев-накшбенди возглавлял ходжа Убайдулла Ахрар. Наиболее крупными шейхами времени Улугбека были Мухаммед Парса в Бухаре, Хасан Аттар[1] в Самарканде, Якуб Чархи в Бадахшане и Чаганиане. Последние два считались учителями ходжи Убайдуллы Ахрара, сыгравшего реакционную роль в культурной жизни Средней Азии и Самарканда после смерти Улугбека и в годы царствования Абусаида (1451—1469 гг.) и его сына Султан-Ахмеда (1469—1494 гг.).

Реакционные суфии и мусульманское духовенство всемерно препятствовали культурному развитию общества, вели беспощадную борьбу против научного познания мира, и всякого свободомыслия. Представители реакционного духовенства, дервишские шейхи, особенно из приверженцев накшбендиев играли доминирующую роль не только в духовной, но нередко и в политической жизни страны. Призывая к народолюбию и простоте жизни, они проповедовали не только ненависть к культуре и светоким знаниям (астрономии, математике, медицине, истории), но и пренебрежение к богословским «наукам», поскольку последние связаны с книгой. С первых дней правления Улугбека в Бухаре зрела реакционная оппозиция всем его культурным и научным начинаниям. В самом Самарканде также имелись оппозиционные круги, недовольные политикой государя-ученого.

---

[1] Хасан Аттар предпочел уйти от Улугбека в Герат, к Шахруху, а потом в Шираз.

После трагического убийства Улугбека реакционные силы в Мавераннахре окончательно победили.

Годы правления Улугбека стали временем расцвета науки и искусства. В конце XIV — начале XV вв. определился стиль эпохи Улугбека в живописи, архитектуре и прикладном искусстве. Традиции зодчих и мастеров XIV в. достигают в XV в. еще большей законченности и глубины. В градостроительстве это выразилось в создании широко задуманных ансамблей и смелых планировочных решений, в архитектуре — в поисках новых форм, пропорций, конструктивных решений.

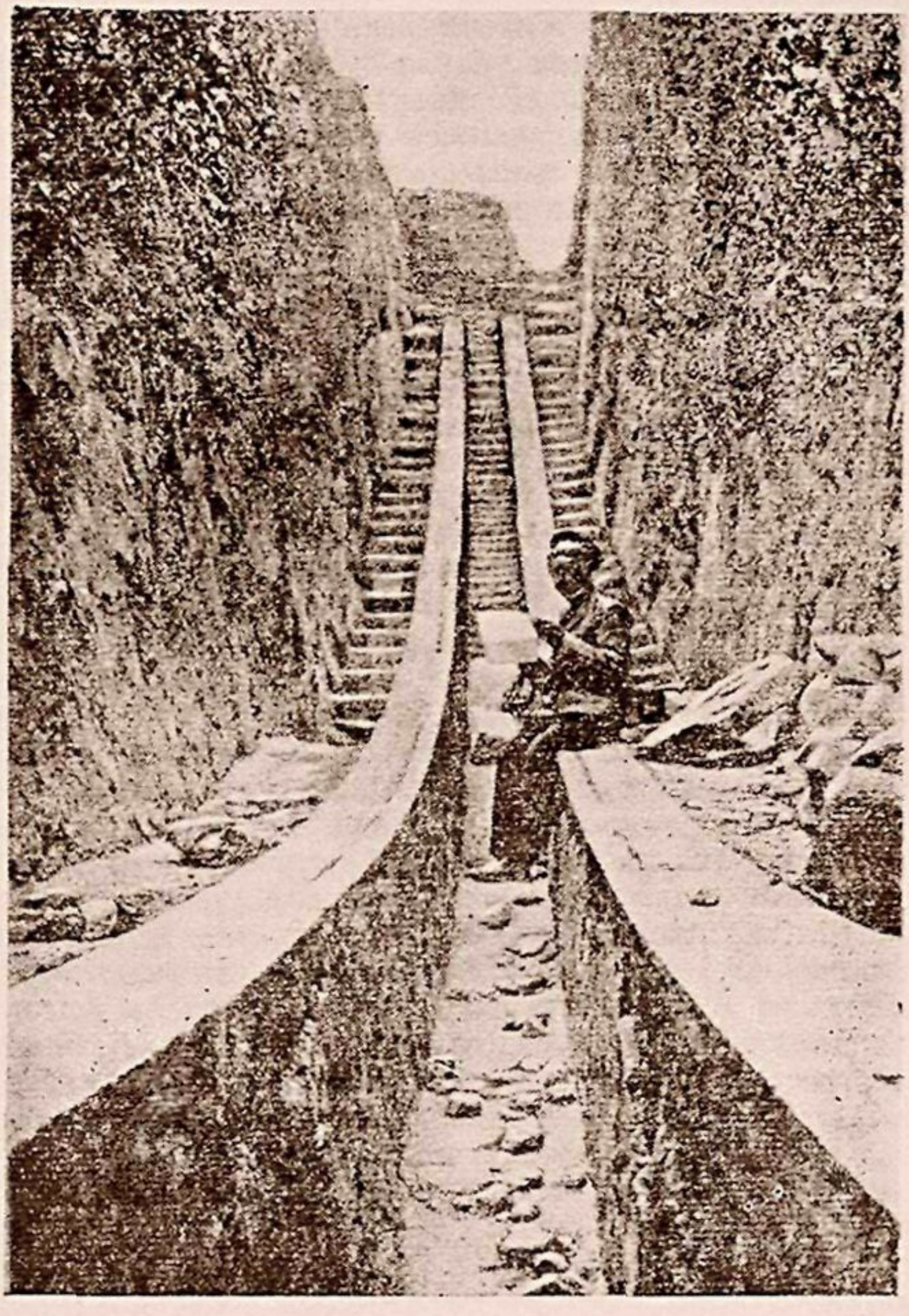
Расцвет архитектуры и градостроительства в этот период был подготовлен всем ходом развития экономики и культуры.

В архитектуре и искусстве нашли отражение успехи математических наук. Народы Средней Азии, как утверждает Б. Н. Засыпкин, «сделали большой вклад в создание стиля средневековой архитектуры, основанной на опыте векового строительства, народного творчества и традиций древних насельников страны». Исследования, проводившиеся в последние годы в Узбекистане, позволяют утверждать, что архитектурно-градостроительная практика в Средней Азии и сопредельных странах базировалась не только на многовековом опыте, но и на учении энциклопедистов Фараби, Бируни и Ибн Сины, которые в своих трудах затрагивали вопросы архитектурно-градостроительной теории.

На данном этапе исследований удалось выделить три аспекта архитектурно-строительной теории, связанных с выбором места для строительства, с гигиеной жилища и вопросами гармонии в природе и искусстве. Эти теоретические положения были хорошо известны не только на мусульманском Востоке, но и на Западе. Микель Анджело и Леонардо да Винчи в своих теоретических экскурсах ссылаются на авторитет Авиценны. «Тому, кто выбирает себе местожительство, — утверждает Ибн Сина, — следует знать, какова там почва, насколько земля возвышенна или низменна, открыта или закрыта, какова там субстанция воды, в какой степени она открыта и выходит наружу, находится ли она высоко или низко. Он должен знать, доступно ли данное место ветрам или находится в котловине и какие там ветры — здоровые ли они или холодные, также какие там по соседству моря, болота, горы и рудники... кладбища т. п.».

Историко-топографические наблюдения позволяют утверждать, что средневековые города Средней Азии, как прави-

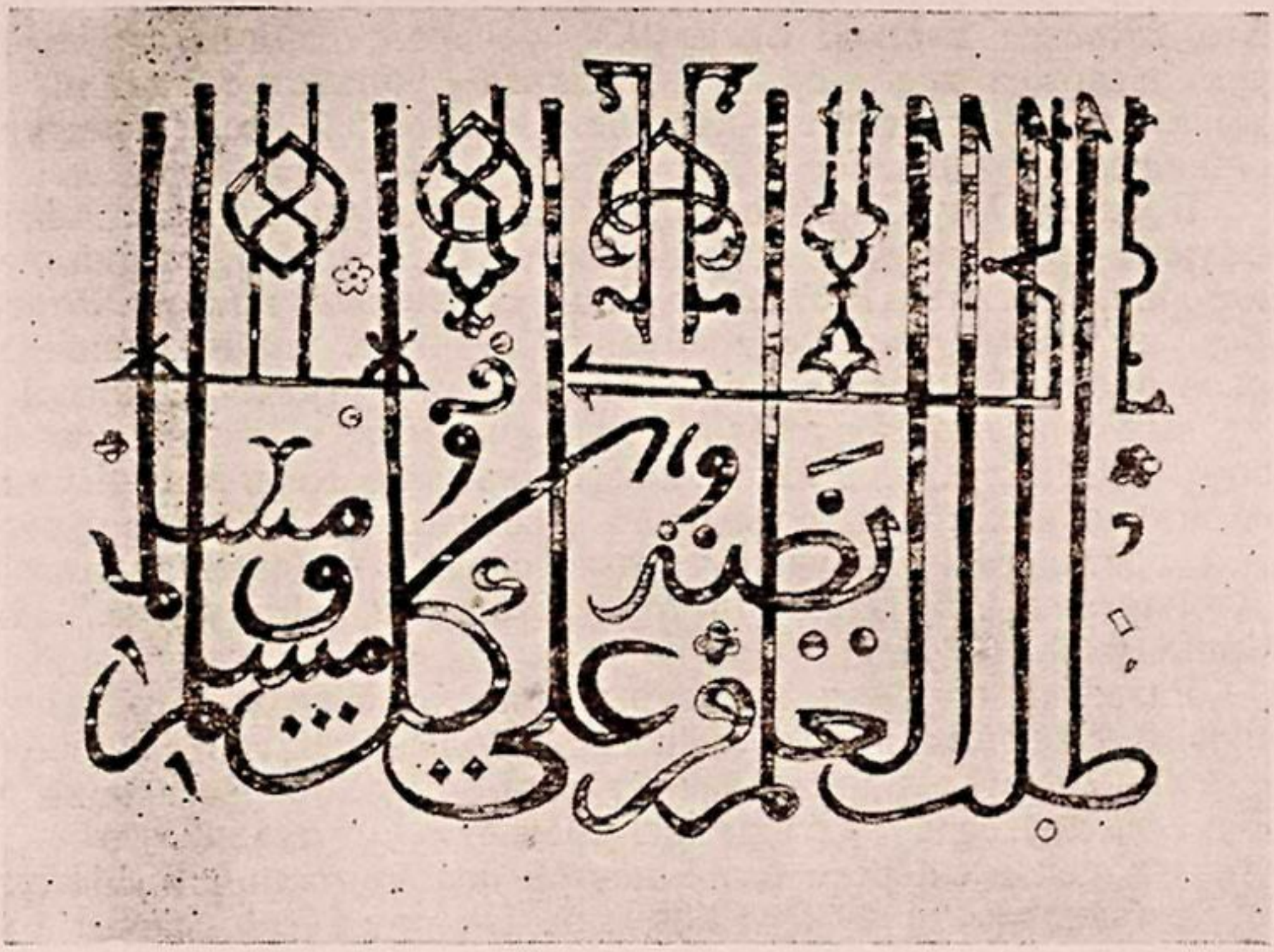
ло, территориально развивались ближе к истокам рек. Выбор местожительства рассматривается главным образом с



Обсерватория Улугбека XV в. Остатки секстанта.

позиции «человек и среда». Ибн Сина проявляет большую заботу и о гигиене жилища. Он считает обязательными инсоляцию и проветриваемость помещений. Окна и двери

должны выходить на восток и север, чтобы восточные ветры могли проникать в здание и солнце достигало любого места, так как именно оно оздоровляет воздух. В народном строительстве учитывались природно-климатические условия и к XVIII в. выработались типы жилищ Бухары, Самарканда, Хивы, Ферганы, отличные друг от друга. В каж-



Надпись на воротах медресе Улугбека.

дом из них применительно к особенностям местного климата отразились теоретические воззрения Ибн Сины. Архитектурная и градостроительная практика Средней Азии дает примеры поразительных совпадений с теоретическими положениями Ибн Сины.

Ученые-энциклопедисты Фараби, Бируни и Ибн Сина искали гармонию в природе и искусстве. Принципы уравновешенности, пропорциональности и гармонии, о которых пишет Ибн Сина, становятся основой зодчества, преломляясь в практике зодчих, широко использовавших математику.

Создаются замечательные архитектурные произведения, красивые и удобные жилища, отвечающие местным природ-

ным условиям Средней Азии. Зодчие украсили Самарканд такими ансамблями как некрополь Шахи-Зинда, площадь Ригистан, комплекс Абди-Дарун, монументальными зданиями медресе, мечетей.

Гиясуддин Каши (XV в.) в трактате «Ключ арифметики» говорит о пропорциях не только в математическом, но и в эстетическом аспекте. Пропорции как эстетическая категория пронизывают все области искусства. В архитектуре это касается планов, фасадов, пространственных структур интерьеров и всего орнаментального убранства зданий, в прикладном искусстве — книжной графики, каллиграфии, миниатюры.

В эпоху Улугбека большое внимание уделялось точным наукам (математика, астрономия), богословию, медицине, истории, поэтике. По мнению В. В. Бартольда, интерес Улугбека к точным наукам возбудили ученые, привезенные в свое время Тимуром из завоеванных им стран. Одним из первых учителей Улугбека можно назвать «Платона своей эпохи» Салахуддина Муса ибн Мухаммед Кази-задэ Руми. В источниках содержатся ценные сведения о том, что Улугбек обстоятельно изучил труды своих предшественников ал-Фаргани, Абу Джафар Муса Хорезми, Бируни и Ибн Сины.

Развитие науки и культуры привело Улугбека к решению о создании новой высшей школы — центра научной мысли. Улугбек приказал построить три медресе: одно в Бухаре, другое в Самарканде, третье в Гиждуване.

Бухарское медресе было построено Улугбеком в 1417 г. и сохранилось до нашего времени. На его дверях вырезаны следующие слова: «Стремление к знанию является обязанностью каждого мусульманина и мусульманки». Ценность этого изречения заключается в том, что стремление к знанию провозглашалось обязанностью не только мужчин, но и женщин.

Второе медресе (годы строительства 1417—1420) было построено в центре Самарканда на площади Ригистан. Оно представляло собой одну из лучших построек средневекового Востока. Первым мударрисом медресе, как сообщает Зайнуддин Васифи (XVI в.), был маулана Мухаммед Хавафи. В медресе читал астрономию Казы-задэ Руми. В. В. Бартольд отмечает, что по словам автора «Рашахат айн ал-хайят», молодой поэт Абдуррахман Джами прослушал несколько лекций этого астронома. Сохранилось предание о том, что лекции в медресе читал и сам Улугбек.

Почти одновременно возводилась в Самарканде обсерватория, постройка ее была закончена в 1428—1429 гг.

Обсерватория возвышалась на скалистом холме, на берегу арыка Абирахмат, в местности Накши Джахан, около городища Афрасиаб. По словам Бабура (XVI в.), она представляла собой трехэтажное здание. Астроном Али Кушчи, работавший вместе с Улугбеком и переселившийся впоследствии в Стамбул, сравнивал главную часть обсерватории — секстант Фахри — по высоте с храмом святой Софии[1].

Археолог В. Л. Вяткин, который в 1908 г. производил раскопки на месте обсерватории, обнаружил там подземную часть секстанта Фахри. Самаркандский секстант считался самым большим из известных до него на Востоке.

Археологическими раскопками 1948 г. выяснено, что обсерватория представляла собой высокое, круглое в плане здание, радиусом 40 *м* с лишним. Секстант Фахри и коридоры делят круг плана на четыре сектора, в которых заключены большие залы и несколько мелких помещений.

Фасад здания обсерватории был облицован поливными изразцами. Стены зала, как сообщает Абдурраззак Самарканди, были покрыты изображениями девяти небес, девяти небесных сфер с градусами, минутами, секундами, семи планет, неподвижных звезд, земного шара с горами, морями, пустынями.

Образованные современники считали обсерваторию Улугбека лучшей обсерваторией своего времени. В обсерватории сотрудничали с Улугбеком Казы-задэ Руми и Гиясуддин Джемшид (умер в 1429 г.), который еще в 1427 г. составил астрономические таблицы для султана Искандера, а также молодой астроном Алауддин Али ибн Мухаммед, прозванный Али Кушчи. Али Кушчи был личным другом и помощником Улугбека и настолько преуспел в астрономии, что его называли «Птолемеем своей эпохи».

По словам Бабура, «обсерватория послужила мирзе Улугбеку для составления «Гурганских астрономических таблиц», самых употребительных в настоящее время во всем мире». Свое любимое детище — астрономические таблицы — Улугбек закончил в 1437 г., однако до последнего года своей жизни (1449 г.) он вносил в них поправки и дополнения. Эти таблицы, лучшие из подобных таблиц того времени, отличаются высокой степенью точности.

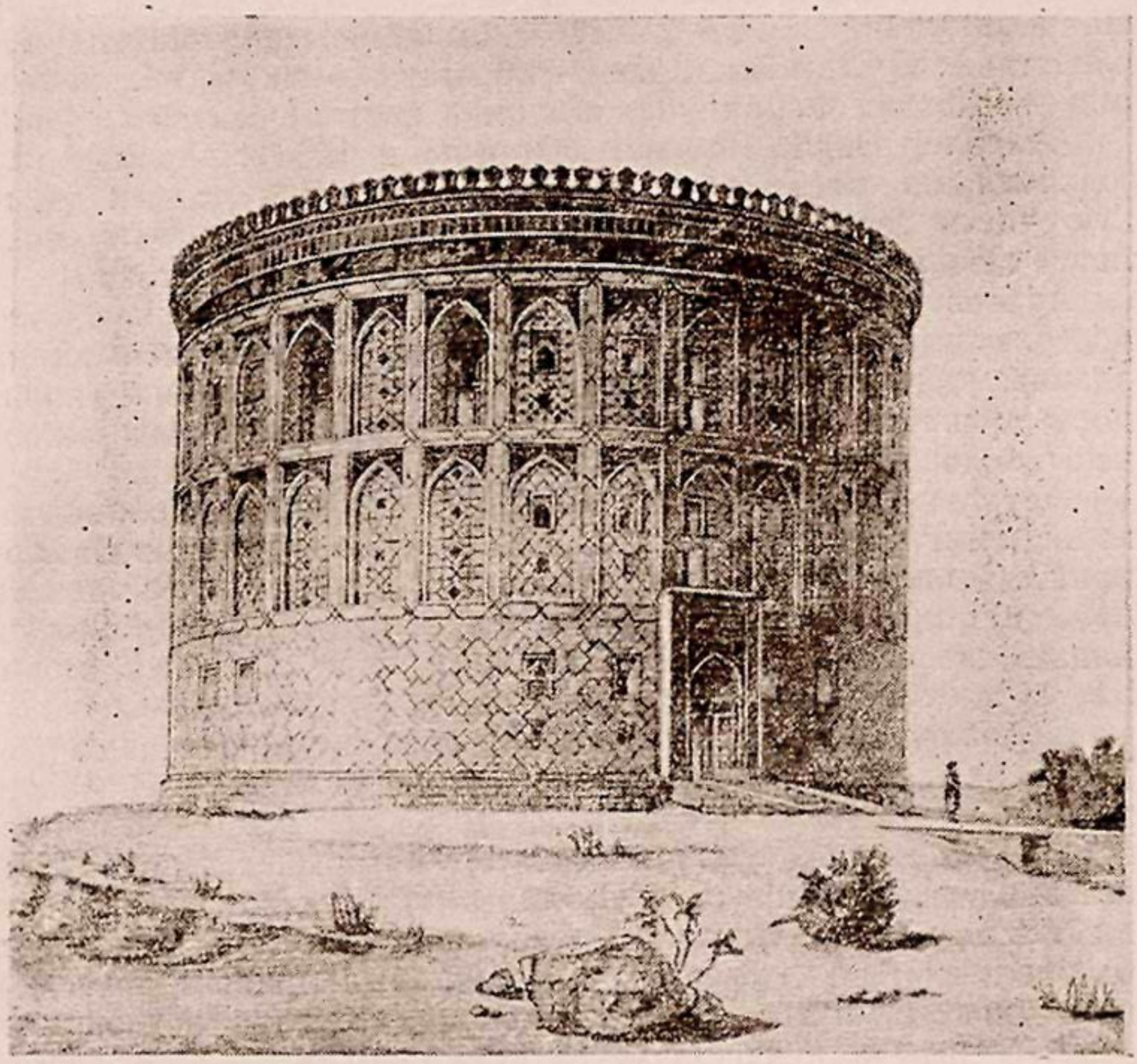
Советскими учеными (Т. Н. Кары-Ниязов и др.) уста-

---

[1] Этот секстант был изобретен в X в. ходжендским астрономом Абу Махмудом и служил для изучения движения солнца, луны и планет.

новлено большое влияние самаркандской астрономической школы Улугбека на развитие астрономии мусульманского Востока того периода.

Улугбек создал прекрасную библиотеку. В ней хранилось 15 000 томов книг, охватывавших почти все отрасли



Общий вид обсерватории Улугбека (Реконструкция В. А. Нильсена)·

науки. По мнению многих специалистов, эта богатая библиотека сразу же после гибели Улугбека была разграблена, а часть ее увезена в Константинополь.

Источники характеризуют Улугбека не только как большого ученого, но и как знатока поэзии, хотя литературный кружок его двора уступал гератскому. Великий астроном и математик находил время для участия в литературных вечерах (мушоира) и способствовал изучению памятников узбекской литературы.

В средневековой Средней Азии господствовало теологическое мировоззрение. «Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами»[1], — писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Церковь являлась наивысшим обобщением существующего феодального строя. Эти слова полностью определяют ту обстановку, в которой приходилось работать Улугбеку и его ученым. В основе астрономических работ Улугбека и его школы лежит геоцентрическая система мира, хотя есть основание предполагать, что ученые имели представление о гелиоцентризме. Свои высказывания на этот счет они (например, Мерием Челеби) из соображений маскировки выражали в форме осторожных намеков.

Громадную роль в политической и культурной жизни тимуридского государства играли дипломатические связи с другими странами. Еще при жизни Тимура были установлены связи с Францией и Англией, о чем свидетельствует сохранившаяся в архивах переписка Тимура и его сына Мираншаха с королями Франции и Англии. Из писем видно, что обе стороны стремились установить торговые отношения и сохранить политический союз против тюрков-османов, вернее против султана Баязеда I (1389—1402 гг.), который был опасен для Юго-Восточной Европы и западных владений Тимура.

Китай и Мавераннахр, начиная с 1407 по 1421 г. регулярно обменивались послами. Китай был заинтересован в торговле с Тимуридами. Объектами закупки в частности были среднеазиатские и хорасанские кони, интерес к которым китайские императоры проявляли еще во II в. до н. э.

При Шахрухе в 1441—1442 гг. было отправлено посольство в Индию ко двору государя Биджанагара во главе с историком Абдурраззаком Самарканди. Абдурраззак оставил интересное описание своего путешествия в Индию через Кирман, Ормуз и Персидский залив, включив его в свое историческое сочинение «Матла ас-садайин». Такие связи расширяли представления людей о географии, способствовали знакомству с народами других стран и их культурой.

3. НАЧАЛО НОВЫХ ФЕОДАЛЬНЫХ СМУТ В ТИМУРИДСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Хорасанский поход 1448 г. оказался переломным моментом в жизни Улугбека и положил начало его вражде с

---

[1] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, изд. 2, М., 1956, стр. 360.

крайне честолюбивым сыном Абдуллатифом. Как повествуется в источниках, во время битвы при Тарнабе Улугбек вопреки справедливости объявил победу не от имени заслуженно отличившегося Абдуллатифа, а от имени Абдулазиза. Кроме того, он наложил вето на ценности Абдуллатифа, находившиеся в цитадели Ихтияруддин. Абдуллатиф терпел унижения в том городе, где он в почете и славе жил при Шахрухе. Такие отношения между отцом и сыном сложились не без участия сил реакции. Оставив Абдуллатифа князем Герата, Улугбек хотел показать населению, что город и его область снова как и при Тимуре стали удельным княжеством. Все это привело к тому, что озлобленный Абдуллатиф вступил в тайный сговор с врагами своего отца.

Положение Улугбека осложнялось еще и тем, что ему приходилось вести борьбу с сыновьями Байсункура: Абдулкасымом Бабуром и Алауддавла, претендовавшими на тимуридский престол, и, кроме того, отражать набеги кочевых узбеков на Хорезм, Мазандеран и Шаш.

Абдуллатиф учитывал отцовские затруднения и выжидал только удобного момента, чтобы начать против отца настоящую кампанию. Придравшись к мнимым интригам отца против него, Абдуллатиф, по словам В. В. Бартольда, в 1449 г. отменил в своем уделе «тамгу», то есть торговые сборы. Улугбек всегда придавал большое значение этим сборам, в особенности в Балхе, через который шел торговый путь в Индию. Чтобы спасти единство государства, Улугбеку не оставалось ничего другого, как отправиться в поход против мятежного и коварного сына. В Самарканде в качестве наместника он оставил своего второго сына Абдулазиза. Это также было ошибкой, ибо административными злоупотреблениями против семей эмиров, находившихся в войске Улугбека, Абдулазиз вызвал в Самарканде большое недовольство.

Возмущенные эмиры хотели выдать Улугбека Абдуллатифу. Кроме того, столице государства Самарканду грозил захватом Абусаид — Тимурид, поддерживаемый реакционным духовенством Бухары.

Улугбек, стоявший лагерем на Амударье против войск Абдуллатифа вынужден был вернуться, чтобы навести порядок в Самарканде, после чего он снова выступил в поход, оставив наместником в Самарканде Мираншаха каучина. Тем временем Абдуллатиф перешел Амударью, захватил Термез и двинулся на Самарканд, заняв по дороге город Шахрисабз. В октябре 1449 г. недалеко от Самаркан-

да, близ селения Димишк произошло сражение, выигранное Абдуллатифом. Покинутый многими, лишенный возможности попасть в Самарканд, где его же эмир Мираншах запер перед ним ворота (его не пустили и в Шахрухию), Улугбек сдался на милость Абдуллатифа, который устроил тайный суд над отцом, внешне устранившись от участия в вынесенном им решении, фактически же организовал убийство отца, оно произошло 27 октября 1449 г.

О последних минутах Улугбека подробно рассказал Мирхонду хаджи Мухаммед-Хосрау, с которым Улугбек, согласно разрешению Абдуллатифа, отправился в Мекку.

«В сырой и холодный день, в конце октября 1449 г., Улугбек верхом выехал из Самарканда вместе с указанным хаджи, который был дан ему в спутники. Только несколько нукеров сопровождали недавно могущественного правителя. Не успели они утомить в первом перегоне своих лошадей, — пишет Мирхонд, — как их догнал какой-то чагатай и передал предписание — заехать в соседнее селение, где им надлежало получить нужное снаряжение, подобающее Улугбеку, дабы достойно отправиться в путь». Великому ученому не понравилось это предписание; он, по-видимому, почуял что-то неладное, однако вынужден был подчиниться. Приехав в селение, Улугбек и его спутники расположились в одном из домов. Был холодный вечер. Нукеры по приказанию Улугбека развели огонь, пламя которого зловеще прорезывало темноту. На огонь поставили котелок и приготовились варить мясо. Настроение Улугбека, по словам хаджи, было подавленное. Вдруг открылась дверь, и в помещение вошел Аббас, негодяй, лично известный Улугбеку. Улугбек сразу понял, в чем дело, встал, бросился на Аббаса и ударил его кулаком в грудь. Однако соучастник Аббаса помешал Улугбеку вторично нанести удар, схватил правителя и содрал с его плеч «алтайскую шубу». Через несколько минут Улугбек был связан. Гнусное убийство совершил Аббас, одним ударом меча отрубивший голову великому ученому. Спутники Улугбека, в том числе упомянутый хаджи, настолько струсили, что не оказали никакого сопротивления, «попрятались по углам и со страхом смотрели на совершаемое злодеяние»[1].

Организовав спустя несколько дней убийство своего

---

[1] Вскрытие погребения Улугбека, произведенное в 1941 г. правительственной комиссией, подтвердило данные письменных источников: череп Улугбека действительно отделен от туловища, и шейные позвонки носят следы косого среза острым орудием.

брата Абдулазиза и преданных Улугбеку эмиров, Абдуллатиф завладел престолом Тимуридов.

Феодальная борьба сделала сына злодеем и отцеубийцей, привела его в лагерь мракобесов, главную роль среди которых играли представители реакционной части среднеазиатского дервишизма. Полностью соответствовал этому и политический курс, взятый Абдуллатифом.

Реакционный дервишизм в дни короткого правления Абдуллатифа получил широкое поле для своей деятельности. Новое правительство нашло поддержку в среде этих дервишей, так же как и среди реакционной части официального мусульманского духовенства. В народе ненавидели правителя-отцеубийцу; ненавидела его и знать, что раздражало болезненно властолюбивого Абдуллатифа, который прибегал к жестоким карам при малейшем неповиновении. В среде придворной знати против Абдуллатифа зрел заговор, который привел к перевороту 8 мая 1450 г. Абдуллатиф был убит недалеко от сада Баг-и-нау, у городского рва на окраине Самарканда. Рассказ Мирхонда об обстановке убийства Абдуллатифа прямо указывает на то, что убийцы действовали открыто, не боясь ответственности. Более того, не скрываясь, они принесли отрубленную голову Абдуллатифа в Самарканд и выставили на Ригистане.

Власть была передана Тимуриду Абдулле, сыну Ибрахим-Султана. Абдулла с первых же дней своего царствования делал все от него зависящее, чтобы вернуть политическую и культурную жизнь Самарканда и Мавераннахра к дням правления Улугбека. Между прочим, Абдулла роздал большие денежные суммы войску в награду за оказанную при перевороте помощь. Тюркская знать энергично поддерживала Абдуллу, не без основания считая его своим правителем.

Абдулла, однако, недолго продержался на тимуридском престоле в Самарканде. Реакционные силы, убившие Улугбека, не дремали и делали все, чтобы свергнуть Абдуллу и взять власть в Мавераннахре в свои руки. Бухара вновь выдвинула своего претендента на место, которое занимал убитый Улугбек. На этот раз это был Тимурид Абусаид, энергичный предприимчивый, страстно искавший власти и рассчитывавший достигнуть ее с помощью реакционного мусульманского духовенства и кочевых узбеков, охотно ходивших в грабительские походы против земледельческого населения, в особенности против больших городов. В выдвижении и успехах Абусаида важную роль сыграл отъявленный реакционер, глава ордена Накшбендия, мистик ходжа

Ахрар. Абусаид обратился за помощью к узбекскому хану Абулхайру, который пошел на соглашение с ним, так как рассчитывал на большую добычу в случае победы над войсками Абдуллы. Сначала Абдулле удалось захватить город Ясы (Туркестан), пограничную крепость против кочевников в бассейне р. Сырдарьи. Главная битва произошла летом 1451 г. неподалеку от Самарканда, около селения Шираз. Победителями из этого сражения вышли кочевые узбеки Абулхайра. Войско Абдуллы было рассеяно, а сам Абдулла убит. Так, при содействии реакционного мусульманского духовенства и вооруженной поддержке кочевых узбеков во главе с самим ханом Абулхайром к власти над Самаркандом и Мавераннахром пришел Абусаид. Хорасаном Абусаиду тогда овладеть не удалось, так как гератский престол был захвачен внуком Шахруха Абулкасимом Бабуром (сыном Байсункура), который владел им до самой смерти, т. е. до 1457 г.

Отношения между двумя государствами были враждебными. В середине XV в. феодальная раздробленность в Хорасане достигла своего наивысшего развития. Абдурраззак Самарканди замечательно описывает картину этого феодального распада. «Самое удивительное, — пишет он, — что каждая из крепостей, которая находилась в этой стране, была во владении какого-нибудь главаря: маулана Ахмед Ясавул захватил крепость Ихтияруддин, ни на кого не обращая внимания; крепость Нерету досталась в руки Парка Монгола; крепость Серахса охранял эмир Абдулла Пирзад; крепостью Са'лук обладал Худайдад и крепостью Тебес владел эмир Увейс (сын эмира Ховенд-шаха), и никто из них никому не подчинялся — подобные обстоятельства редко случаются». Энергичными действиями Абулкасиму Бабуру если и не удалось полностью овладеть Хорасаном, то, во всяком случае, он ликвидировал независимость мелких феодалов. В его планы входил и захват Самарканда. Однако поход его в 1454 г. на Самарканд окончился неудачно. На защиту города поднялся народ. После сорокадневной осады Абулкасим Бабур был вынужден заключить мир, согласно которому границей между обоими владениями по-прежнему оставалась Амударья. После смерти Абулкасима Бабура в Мешхеде в 1457 г. положение резко изменилось. Ни в Хорасане, ни в Герате не нашлось человека, который смог бы взять в свои руки власть, — слишком уж много было претендентов, но ни один из них не имел большой военной силы; среди них Абусаид оказался наиболее могущественным и захватил гератский престол.

Таким образом, с 1457 г. тимуридское государство номинально может считаться вновь объединенным, однако объединение это не было прочным, сепаратистские силы продолжали действовать, и Абусаид не мог приостановить их ни жестокими мерами в отношении отдельных лиц, ни военными походами против своих соперников.

4. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ МАВЕРАННАХРА И ХОРАСАНА В XV в.

При Тимуридах было распространено феодальное земельное пожалование, носящее в источниках название суюргала. Пожалования этого типа широко практиковались еще при Тимуре. При Шахрухе. как сообщает Абдурраззак Самарканди, Хорезм был суюргалом Шахмалика, Ферганa — мирзы Ахмеда, Хорасан, включая Тус, Мешхед, Абиверд, Несу — Байсункура, области Кабул, Газна и Кандахар — мирзы Кайду бахадура. При пожаловании суюргала выдавались ярлыки, скрепленные печатями и подписями лиц, от имени которых они были выданы. Владетель суюргала имел право в пределах своего пожалования производить суд, назначать чиновников, взимать налоги и различные поборы. При малейшем неповиновении центральному правительству владетель суюргала терял на него право и верховный правитель отдавал его удел другому лицу. За неповиновение Шахрух лишил суюргала мирзу Искандера (1414 г.) и мирзу Байкара (1415 г.).

При Тимуридах были широко распространены и «тарханы». Под «тарханом» понимается освобождение (обеление) земли, имущества или предприятия, находящегося в руках какого-либо лица, от уплаты налогов, податей и повинностей, следуемых за них в государственную казну. Тарханная грамота не предполагает пожалования, она выдается лицу, уже владеющему имуществом, потому тархан и нельзя смешивать с суюргалом.

После выдачи тарханной грамоты ее владелец, а не казна получал с крестьян все налоги. Лицо, ставшее тарханом, получало давно уже установившееся право быть освобожденным от ответственности за девять проступков. Только начиная с десятой вины тархан привлекался к ответственности. Институт тарханов, видимо, древний; о нем часто упоминается в титулатуре древнетюркских вельмож. Он, безусловно, существовал при монголах и при Тимуре.

Тимуриды широко раздавали тарханные грамоты. Получали их эмиры, беки, простые военачальники, гражданские

чиновники, сейиды, представители высшего духовенства, различные придворные чины и другие лица из среды господствующего класса. До наших дней сохранилась тарханная грамота XV в., выданная ферганским правителем Омар-Шейхом маргиланскому вельможе Мир Сайид-Ахмеду, которая может служить образцом такого рода грамот. Она была выдана 28 числа месяца шавваля (11/V 1469 г.). Омар-Шейх предписывает в ней должностным лицам не взимать, как и прежде, с принадлежащего Мир Сайиду сада и двух кошлугов[1] земли никаких налогов, причем указывается и цель пожалования грамоты — она выдается для того, «чтобы получатель ее сам воспользовался своими доходами». Таким образом, грамота на имя Мир Сайида не носит характера пожалования новых доходов, а лишь подтверждает привилегии, данные прежде.

В источниках XV в. мы часто встречаемся с понятием тарханства, упоминаниями о тарханных грамотах, тарханах или лицах, носящих титул тархан. Упоминает о них и автор «Бабур-намэ» Захириддин Мухаммед Бабур. Вот несколько примеров.

В числе лиц, близко стоявших к Султан-Хусейну, был вельможа — Дервиш-Мухаммед тархан, дядя с материнской стороны Султан-Ахмеда (1469—1494 гг.). Дервиш-Мухаммед тархан был покровителем Алишера Навои в годы его учения в Самарканде (1466—1469 гг.). Это был исключительно богатый и влиятельный человек. Самый титул его говорит о том, что, по крайней мере, одна часть его земельных владений была освобождена от налогов и повинностей, которые сидевшее на его землях крестьянство вносило после получения им титула не в казну, а в его пользу. Титул тархана носил и его ближайший родственник Абдулали тархан. Ко времени Султан-Ахмеда он правил Бухарой и ее областью. В его руках были сосредоточены огромные земли в окрестностях Самарканда и Бухары. Захириддин Бабур описывает великолепие его двора, блестящие празднества, которые он устраивал, богатые подарки, которые он делал, — а вместе с тем рассказывает и о творимых им насилиях, о его пороках, и других отрицательных чертах. Его двор напоминал двор настоящего феодального правителя и состоял, включая сюда прежде всего военных слуг (нукеров), из 3 тысяч человек (цифра для того времени достаточно внушительная).

---

[1] Кошлуг равен джуфтигау, т. е. количеству земли, обрабатываемому в сезон парой быков.

К концу правления Тимуридов в руках тарханов была сосредоточена значительная часть государственных доходов, собираемых с крестьян и горожан целых вилайетов, например, Бухары, Самарканда, Шахрисабза и др. Тарханы пользовались в Мавераннахре исключительными политическими правами. Во время междоусобных войн поддержка со стороны тархана иногда играла решающую роль в определении судьбы того или другого удельного правителя.

В XV в. при Тимуридах особо крупных размеров достигали земельные владения не только светских, но и духовных феодалов. При Абусаиде в руках упомянутого выше ходжи Ахрара стала сосредоточиваться крупная, земельная собственность, достигшая огромных размеров при Султан-Ахмеде (1469—1494 гг.). Одна часть этих земель была ему подарена его почитателями, другие земли он скупал сам, третьи отбирал за долги, — в общем тем или иным путем, он сделался одним из самых богатых людей в тимуридском государстве.

Ас-Сафи, автор книги «Рашахат айн ал-хайят», рассказывает со слов великого таджикского поэта Абдуррахмана Джами, современника Навои, что у ходжи Ахрара было до 1300 земельных владений, причем некоторые из них равнялись 3000 джуфти гау. Со своих обширных имений ходжа Ахрар выплачивал в казну Султан-Ахмеда, одного только ушра (налог в размере одной десятой части урожая) 80 тысяч манов зерна по большой самаркандской мере[1].

Ходжа Ахрар достиг в 60—80-х годах XV в. исключительного влияния не только на духовенство и представителей власти, но и на некоторые слои народных масс, главным образом, на сельское население, ходатайствуя перед властью о мелких нуждах бедноты, раздавая из своей богатой казны некоторые средства на разные благотворительные дела.

Правители Мавераннахра всеми путями добивались благорасположения ходжи Ахрара, который часто вмешивался в ссоры между удельными правителями и обычно преуспевал благодаря большому числу своих приверженцев-агентов.

По данным «Манакиби ходжа Ахрар» (биография ходжи Ахрара), все его земли делились на участки и на каждый из них назначались управители, занимавшиеся сбором налогов и податей с крестьян, сидевших на этих землях. По словам автора «Манакиб», современника ходжи

---

[1] Ман этот был равен восьми пудам.

Ахрара, «...управление землями, принадлежащими ходже Ахрару в джизакском тумене, было поручено одному человеку, правдивому и честному, но лишенному способности наводить желательные ходже Ахрару порядки с помощью насилия. Ходжа Ахрар сместил этого человека и назначил на его место Худайдада калмыка. «Когда, — продолжает указанный автор, — я спросил, почему правдивого и честного человека удалили, а на его место назначили вора, ходжа Ахрар ответил: «Лучше вор, приносящий большой доход, нежели правдивый и честный человек, не дающий этого, ибо вор получает и для себя, и для меня».

Ходжа Ахрар прибрал к своим рукам также почти всю внутреннюю и внешнюю торговлю. Торговые отношения поддерживались с Восточным Туркестаном, Хорасаном и странами Ближнего Востока. Караваны ходжи Ахрара вывозили из Мавераннахра в Хорасан и в западные страны хлопок, кунжут, рис, бумагу, которая изготовлялась в его мастерских. Значительная часть доходов Мавераннахра принадлежала лично ходже Ахрару. За финансовой поддержкой к нему обращались иногда правители Мавераннахра, даже такого крупного масштаба, каким был Абусаид.

Сопоставляя скудные сведения исторических сочинений XV в. со свидетельствами документов, можно составить себе представление об основных налогах и податях, выплачиваемых крестьянами, и повинностях, которые они несли.

В XV в. в Хорасане и Мавераннахре различали четыре категории крестьян: 1) живущие на государственных землях; 2) сидящие на частновладельческих землях; 3) имеющие свою землю: 4) живущие на вакфных землях.

Феодалы, владевшие большими участками земли, дробили ее на мелкие участки и раздавали земледельцам на основе издольной аренды. Доля урожая земледельца-издольщика определялась в зависимости от того, какой инвентарь (семена, соха, бык) кроме земли, давал землевладелец. Независимо от того, на какой земле работал крестьянин, он платил налоги и нес повинности.

Основным налогом, как и в предшествующее время, был харадж, иногда называвшийся термином мал. Это был поземельный налог, взимаемый, в форме смешанной ренты (в натуре и деньгах) и, по-видимому, доходивший иногда до половины всего производимого налогоплательщиком продукта.

Наряду с поземельным налогом (харадж или мал) взималась еще подушная подать (сар-шумар), сведения о раз-

мерах которой до нас не дошли. Наконец, большую роль играли чрезвычайные налоги (аваризат). Тяжелы были и разные мелкие сборы в пользу отдельных правительственных чиновников, именовавшиеся по названиям должностей тех чиновников, в пользу которых они поступали. Так, в пользу мираба[1] взималась «мирабанэ», в пользу даруги[2] — «даруганэ» и т. п. В общей сложности источники перечисляют 10—11 видов налогов и поборов такого рода.

Наряду с хараджем (мал) весьма тяжелой повинностью являлась барщина, так называемый бегар. Султаны, эмиры, хакимы или просто светские и духовные феодалы в принудительном порядке посылали земледельческое население на работы по постройке городских стен и связанных с ними укреплений, крепостей, дворцов, мечетей, медресе, ханака и других зданий, имевших государственное значение, а также на проведение или починку каналов, дорог, сооружение мостов и т. д. Тяжесть бегара усугублялась тем, что население должно было приносить с собой весь нужный инструмент и провиант.

В источниках часто встречаются указания, что многие крупные постройки или перестройки были произведены тем или иным правителем в порядке бегара. Так, при Фахруддине Курте (1285—1317 гг.), по словам Хафизи Абру (историка Шахруха), в порядке бегара была построена, точнее, в значительной мере перестроена, известная цитадель Ихтиярруддин в Герате.

Право на бегар имели не только феодальные правители, но и крупные земельные собственники. Так, ходжа Ахрар с имения в 300 джуфтигау требовал посылки 3 тысяч человек на выполнение подсобных работ.

Кроме бегара, на земледельческом населении лежали еще и другие повинности. Здесь прежде всего необходимо отметить «улаг» — повинность, выражавшуюся в том, что крестьяне должны были представлять свои перевозочные средства и людей для транспортирования правительственного груза, а также лиц, ехавших «по казенной надобности».

В налоговой системе тимуридского времени в основном продолжалась практика, установленная монголами. При Тимуридах прибегали иногда к весьма тяжелой для крестьян практике взимания хараджа до уборки урожая, которая широко применялась монголами. Историк Раши-

---

[1] Мираб — чиновник, ведающий каналами и распределением воды.

[2] Даруга — правитель провинции или крепости, на обязанности которого был сбор хараджа.

дуддин свидетельствует эти факты для Ирана конца XIII—XIV вв.

В государственном строе тимуридской феодальной монархии нельзя разобраться не имея представления о политическом устройстве «уделов», из которых состояло государство.

Каждый из удельных владетелей имел свой двор, стремившийся во всем подражать дворам Герата и Самарканда. Царевичи, сидевшие в Балхе, Мерве, Астрабаде, Андижане и других городах, являвшихся столицами удельных владений, устраивали свои дворы, как настоящие государи.

Из рассказа Бабура о жизни двора Омар-Шейха можно составить представление о целой группе придворных должностей и их роли в политической жизни феодального удельного владетеля. Во главе дворца стояло определенное должностное лицо, аналогичное тому, которое при феодальных французских дворах носило титул maitre du palais (глава дворцового ведомства). Он начальствовал над другими придворными чинами, управлял всей дворцовой жизнью. В Андижане эту должность занимал сначала назначенный еще при жизни Абусаида Худайберды Тимур-Таш. Ему приходилось выступать не только в качестве администратора, но и военачальника.

Большую роль при дворе Омар-Шейха играл воспитатель его детей — атака. Во главе военной стражи и войска также стояло специальное лицо. При Омар-Шейхе эту должность одно время занимал Касимбек каучин. Как и при других дворах, при андижанском дворе во главе охоты владетеля поставлено было лицо, носившее титул кушчи.

Важную роль в дворцовой жизни играл конюший (мирахур) — лицо, заведовавшее конюшнями. Кроме перечисленных, были и другие второстепенные должности.

Служба владетелю не была обязательной для лица из земельной аристократии, живущего на территории его владения. Местный феодал мог служить, а мог и не служить владетелю Ферганы Омар-Шейху, но так как служба эта, конечно, давала некоторые выгоды, то представители местной знати обычно служили своим владетелям. Однако, когда происходили какие-либо конфликты, недовольные могли «отъезжать» от владетеля и переходить на службу к другому феодалу.

Когда начальник двора Омар-Шейха Хафиз Мухаммед Дулдай-бек поссорился с андижанскими беками, он оставил Омар-Шейха и ушел на службу к Султан-Ахмеду в Самарканд. Придворные отличались большим своеволием,

отсутствием верности своему слову и часто предавали своих господ, оставляя их в тяжелые минуты в полном одиночестве. Али-Мазид каучин, один из эмиров, находившихся на службе у Омар-Шейха, дважды поднимал мятеж против своего правителя, один раз в Ахси, другой — в Ташкенте.

Вот в самых общих чертах картина общественного устройства тимуридского государства. Все в нем основано было на феодальных отношениях, все держалось на феодальной эксплуатации крестьянства, с одной стороны, и феодальных привилегиях господствующих кругов, — с другой. Народные массы часто проявляли недовольство, иногда выливавшееся в серьезные восстания. К сожалению, источники весьма скупо освещают моменты классовой борьбы.

5. УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИИ В МАВЕРАННАХРЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ХОРАСАНЕ

Смерть Абулкасима Бабура (1457 г.) укрепила положение Абусаида, правившего большей частью Хорасана. Однако власть его не была прочной, так как он не смог преодолеть феодальную раздробленность и сепаратистские стремления феодалов.

Больше всего хлопот доставил Абусаиду молодой Тимурид, правнук Омар-Шейха Султан-Хусейн, который впоследствии стал правителем Хорасана. Султан-Хусейн в свое время входил в состав военной знати, группировавшейся вокруг Абулкасима Бабура. После его смерти Султан-Хусейн оказался в Хорезме и оттуда начал вооруженную борьбу за наследие Шахруха. В самом начале 60-х годов XV в. Султан-Хусейн появился в Хорасане во главе большого отряда. С переменным успехом (1461—1464 гг.) он действовал в районах Герата, Абиверда, Несы, Мешхеда и др.

Султан-Хусейн, видя, что ему трудно бороться с таким сильным правителем как Абусаид, в 1468 г. обратился за помощью к хану кочевых узбеков — Абулхайру, но тот отказал ему в помощи.

Абусаид вскоре погиб в Муганской степи в Азербайджане во время битвы с Узун-Хасаном (1453—1478 гг.) из туркменской династии Ак-коюнлу. Сыновья Абусаида отказались от борьбы с Султан-Хусейном и ушли в Мавераннахр. 24 марта 1469 г. Султан-Хусейн торжественно въехал в Герат в качестве его правителя.

В результате тимуридское государство вновь распалось на две самостоятельные части: Хорасанское владение, где утвердился в качестве правителя Султан-Хусейн, и Маве-

раннахр, в котором самостоятельными правителями остались сыновья Абусаида — сначала Султан-Ахмед (1469—1494 гг.), затем Султан-Махмуд и, наконец, сын последнего Султан-Али. Мавераннахр в это время фактически распался на множество почти независимых, враждовавших между собою владений, возглавляемых тимуридскими царевичами или могущественными сановниками-феодалами. Одновременно с этим усилилась роль реакционного, особенно дервишского духовенства, обладавшего большими богатствами и влиявшего своей религиозной пропагандой на широкие массы трудового населения. Мавераннахр в этот период характеризуется упадком экономической, политической и культурной жизни.

Такое же положение было и в государстве Султан-Хусейна. Однако, несмотря на почти не прекращавшиеся феодальные междоусобицы, раздиравшие гератское государство, своеволие феодалов и чиновников, грабивших население, хозяйственная жизнь страны имела более высокий уровень, чем в Мавераннахре. Меньшим здесь был разгул феодально-клерикальной реакции, которая душила культурную жизнь Мавераннахра.

Важным для характеристики политической жизни и классовой борьбы в тимуридском государстве является происшедшее в 1470 г. восстание жителей Герата, возмущенных произволом чиновников, оставленных в городе Султан-Хусейном, ушедшим в поход против восставшего царевича Мухаммед Ядгара. Чиновники обложили жителей произвольными поборами, чем вызвали справедливый протест.

По настоянию самого Алишера Навои Султан-Хусейн послал его в Герат, чтобы успокоить население и устранить несправедливости, творимые алчными чиновниками. Навои приказал в ближайшую пятницу прочесть с минбара султанский указ о наказании виновных, своими насилиями вызвавших народное недовольство.

Под влиянием Алишера Навои Султан-Хусейн опубликовал в Герате указ, согласно которому крестьяне, издольщики и ремесленники Герата и его района освобождались на два года от чрезвычайных налогов и взносов на содержание войска.

События в Герате и отношение Алишера Навои к народу создали ему популярность в столице и ее округе.

6. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ. АЛИШЕР НАВОИ.

Выше уже говорилось о торжестве феодальной и клерикальной реакции в Мавераннахре при Абусаиде. Последний в начале своего правления прочно связал себя с реакционными кругами и прежде всего с реакционным дервишизмом, во главе которого стоял ходжа Убайдулла Ахрар. Малокультурный человек, ненавидящий не только светскую науку, но и всякую книжность, даже богословскую, ходжа Ахрар был вместе с тем хитрым и волевым человеком. В результате его деятельности культурная жизнь в Самарканде угасает и сменяется засилием богословия. Представители побежденной «деревенским шейхом» городской культуры удалились в Герат к блестящему двору Султана-Хусейна.

Гонение со стороны ходжи Ахрара на представителей светских наук дошло до крайнего предела, и равнодушное отношение Абусаида к судьбе обсерватории Улугбека в значительной мере надлежит приписать влиянию ходжи Ахрара. По словам автора «Рашахат-айн-ал-хайят» однажды, когда Али Кушчи, знаменитый астроном и ученик Улугбека, в сопровождении девяти своих учеников явился к ходже Ахрару, последний, издали заметив его, многозначительно сказал присутствующим: «Вот идет ко мне собака с девятью щенками».

Али Кушчи покинул Самарканд и уехал сначала в Азербайджан, а затем в Стамбул. Он увез с собой немало рукописных материалов в подлинниках и копиях, в том числе и написанное Улугбеком «Предисловие» к астрономическим таблицам.

Обсерватория уже в первые годы царствования Абусаида совершенно прекратила свою работу, помещение ее было заброшено, а астрономические инструменты постепенно расхищены.

Тем не менее религиозная реакция не могла окончательно заглушить творческую деятельность в области изобразительного искусства и архитектуры. В Самарканде строится несколько медресе, а также мавзолей — усыпальница потомков Абусаида — и Ишрат-хона (XV в.) — великолепное мемориальное сооружение Среднего Востока. В конструкции и декоративной обработке этого здания имеются черты, свидетельствующие о новом направлении в архитектуре и орнаментальном искусстве. Все это говорит о наличии прочных традиций, о существовании талантливых зодчих, которые и в условиях суровой диктатуры ислама проявили творческую

индивидуальность, создавая памятники, вечные в своей красоте.

При Алишере Навои дальнейшее развитие получает экономическая и культурная жизнь в Герате. Захируддин Бабур писал в своих «Записках» о Герате: «Другого подобного города нет во всем населенном мире». По его словам, в то время блеск и красота Герата увеличились в десять и даже двадцать раз. К этим словам можно добавить еще одно замечание из тех же «Записок»: «Хорасан, и особенно Герат, были наполнены людьми выдающимися и несравненными; стремление и цель каждого, кто был занят каким-нибудь делом, были направлены к тому, чтобы довести это дело до совершенства». В этих словах нельзя не усмотреть значительного преувеличения, учитывая популярность в XV в. тимуридской столицы и явную склонность к ее идеализации; тем не менее, неоспоримым остается факт, что в ту эпоху Герат был не только культурнейшим, но и одним из самых красивых городов Передней и Средней Азии.

Благоустроенные базары с крытыми улицами, сады в самом городе и за его пределами, большие хаузы, полные проточной воды, прекрасные здания мечетей, медресе, дворцов, бань — все это производило сильное впечатление на приезжих из других городов и чужих стран.

Однако, наряду с блеском прекрасной гератской архитектуры, оживленными базарами, полными произведений разнообразных ремесел и товаров, веселыми праздниками, велики были грязь и нищета кварталов, в которых ютилась городская беднота.

Украшение Герата было неразрывно связано с именем Алишера Навои. Будучи весьма богатым человеком, занимая в течение ряда лет пост первого чиновника в государстве, он имел широкие возможности для интенсивной строительной деятельности. С памятью об Алишере Навои связана постройка не только прекрасных дворцов, мечетей, медресе, мавзолеев — изумительнейших памятников архитектуры, но и ряда общественно-полезных сооружений: бань, больниц, хаузов, мостов, рабатов на дорогах и т. д. Главные постройки Алишера Навои были осуществлены им еще до 1487 г., то есть до разрыва между ним и Султан-Хусейном.

Наиболее интересным комплексом построек Алишера Навои в Герате является группа зданий, возведенных им на канале Инджиль в северной части города. Здесь Алишер Навои возвел медресе, ханаку и другие здания. Вся эта группа носила название Халасийе или Ихласийе. Хондемир в своей

хвалебной биографии поэта («Макарим ал-ахлак») пишет, что за 20 лет, то есть за время между окончанием постройки и смертью Алишера Навои, в этих зданиях перебывало несколько тысяч человек, отдавших себя служению науке, литературе и искусству. В ханаке Халасийе, как писал Хондемир, ежегодно находили питание и приют свыше тысячи

Строительство канала. Миниатюра.

человек. Недалеко от ханаки Халасийе находилось другое здание — Шифахийе, строительство которого также связано с лечением больных под руководством известного врача того времени Гиясуддин Мухаммеда.

Во времена Навои достигли высшего расцвета архитектура, узбекская и таджикская литература, поэзия, историческая литература, живопись (миниатюра), каллиграфия, музыка. Во всей многосторонней культурной деятельности Алишер Навои принимал активное участие, если не как непосредственный творец, то как вдохновитель и руководитель многих выдающихся музыкантов, художников, каллиграфов.

Алишер Навои был великим узбекским поэтом. Впитав в себя самые лучшие традиции таджикской, персидской и азербайджанской литературы, владея в совершенстве персидским и арабским языками, он вместе с тем бесконечно

любил свой родной узбекский язык, который довел в своих произведениях до большого совершенства. Им были созданы такие классические творения узбекской литературы, как «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь планет» и др., а также несколько гениальных лирических диванов. В поэзии он был непревзойденным мастером меткого слова, изящного выражения и яркого образа. Будучи человеком феодальной эпохи, что наложило свою печать на всю его жизнь и на все его творения, он вместе с тем был намного выше своих современников, — даже наиболее выдающихся из них, был проникнут прогрессивными идеями.

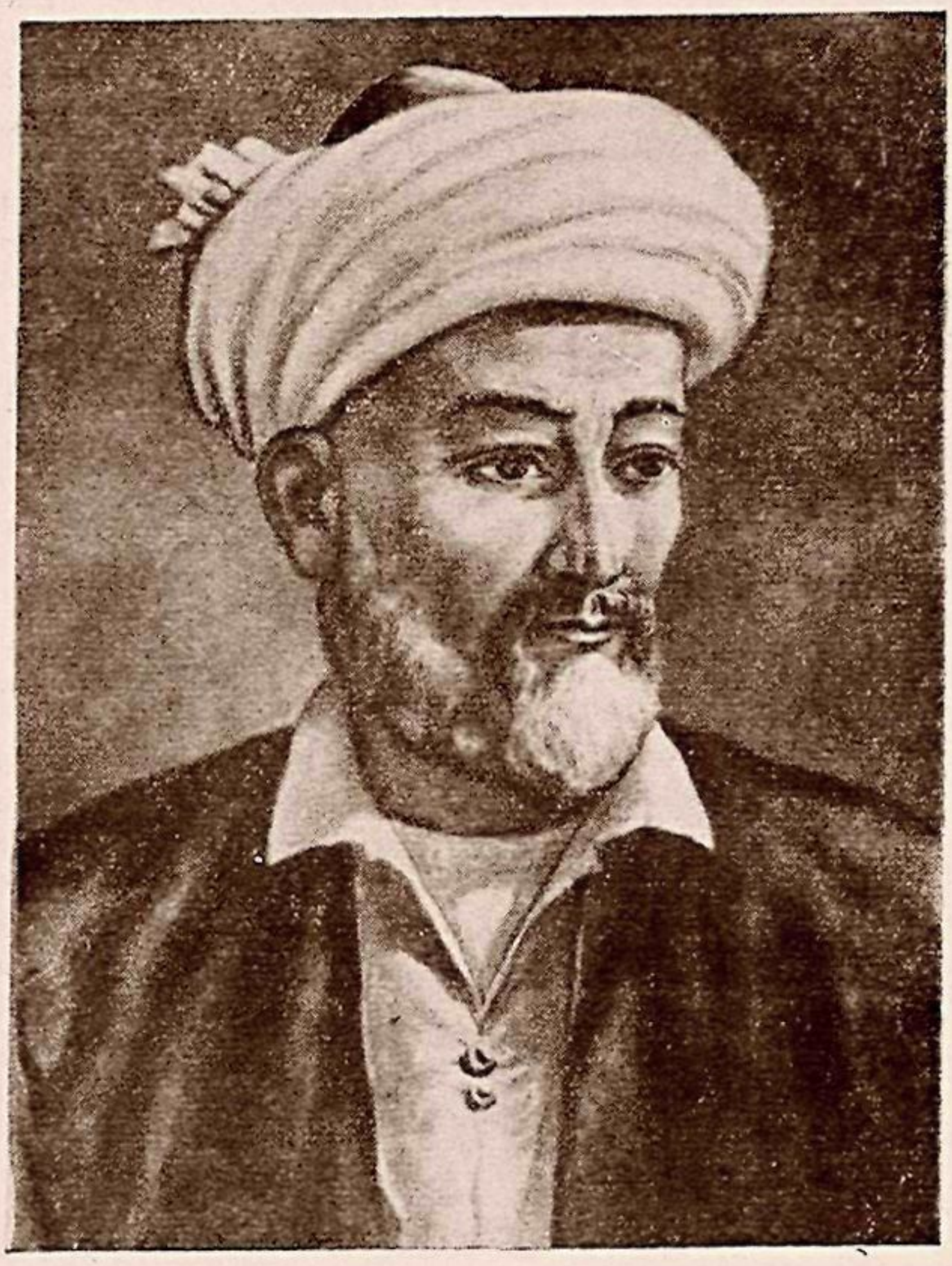
Алишер Навои родился в 1441 г. Отец и дед его, привилегированные барласские бахадуры, владели значительными земельными угодьями и другими видами имущества. Султан-Хусейн и Алишер были школьными товарищами. Еще мальчиками они пошли на службу к тогдашнему правителю Хорасана Абулкасиму Бабуру, после смерти которого в 1457 г. расстались на 12 лет. Для Алишера Навои это были годы учения сначала в Мешхеде, а потом в Герате, Для Хусейна же это были, по выражению его современников, годы «казачества». Уже тогда благодаря своему поэтическому таланту Навои приобрел большую популярность. Правитель Хорасана Абусаид был осведомлен о симпатиях Алишера к Султану-Хусейну—претенденту на престол Герата. Алишер Навои, чувствуя неприязнь Абусаида, вынужден был переселиться в Самарканд, где посвятил себя науке и поэзии. В 1469 г., овладев Гератом, Султан-Хусейн пригласил Навои и обеспечил ему положение при дворе сначала в должности «хранителя печати» (мухрдар), а позднее первого везиря, т. е. первого министра.

В первый период царствования Султан-Хусейна Алишер Навои играл большую роль в политической жизни страны, отстаивая, где он мог, справедливость и проявляя заботу о народе. Однако деятельность Навои вызывала недовольство придворной знати. При дворе и в центральных ведомствах начались интриги и доносы.

Неравная борьба с хищным чиновничеством привела к назначению Алишера Навои наместником в Астрабад, что должно было рассматриваться как почетная ссылка. Пробыв в Астрабаде немногим больше года, Алишер по собственной инициативе вернулся в Герат. Султан-Хусейн хорошо принял поэта, оставил его при дворе, но согласился с желанием Алишера не назначать его ни на какие должности по управлению страной.

Гератское государство раздирали междоусобные войны;

враждебные отношения установились между Султан-Хусейном и его старшим сыном Бадиуззаманом. Алишер Навои *употребил всю силу своего влияния на отца и сына, чтобы* избежать кровопролития, однако дальнейшие события показали, что семейные раздоры захватывали все больший круг царевичей.



Алишер Навои.

Тяжелые переживания последних лет сильно подорвали здоровье Алишера Навои. Умер он 3 января 1501 г. в возрасте 60 лет.

Как поэт-мыслитель Алишер Навои творчески переработал художественные приемы своих выдающихся предшествен-

ников и развил их идеи. Эти его заслуги высоко ценили старшие современники Лютфи и Джами. Сборник лирических стихов Навои «Чар диван» («Сборник диванов»), «Хамсэ» («Пять поэм»), «Махбуб ал-Кулуб» («Возлюбленная сердец»), «Мухакимат ал-Лугатайн» («Книга суждения о достоинствах двух — таджикского и узбекского — языков») и другие литературные произведения являются неоценимым вкладом в сокровищницу мировой культуры и замечательным памятником истории узбекского народа.

В основе миропонимания Навои лежал пантеизм, существенно отличающийся от крайнего суфийского пантеизма.

Ахмед Ясави и его последователи, в особенности самый реакционный суфий второй половины XV в., крупный феодал ходжа Ахрар и его ученики сами утопая в грязной и развратной жизни, проповедовали широким слоям трудового народа, что весь видимый предметный мир, не есть мир действительный. Это мир преходящий, ложный, мрачный. Отсюда вытекала проповедь аскетизма, отречения от всего мирского, земного, проповедь терпения и подчинения. Ясевизм и идеи ходжи Ахрара, пропагандировавшийся ими религиозный фанатизм сделались в руках реакционных сил — влиятельной части мусульманского духовенства и феодальных правителей — средством удержания трудящихся масс в рабстве.

В противовес крайним мистикам — суфиям — Навои рассматривал природу, как сокровищницу ценностей, изучение которой, по его убеждению, делает человека счастливым. Он с утонченной наблюдательностью следил за явлениями природы и широко отражал их в своих художественных произведениях. Изображая весеннее утро в поле, он писал: «капля утреннего дождя на цветочке желтом, точно жемчужина в блюдце золотом». Прекрасной ночью, под открытым небом происходит любовное свидание Лейли и Меджнуна. Поэт пишет:

Все крохотные твари в эту ночь
Стремились двум любовникам помочь.
Раскинул нитку длинную паук,
Закрыл их паутиною наук.
Чтобы влюбленных скрыть, на мир легло
Летучей мыши серое крыло,
Чтоб не тревожить их, комар замолк,
Глаза прикрыл мохнатым ухом волк.

Для Навои земная жизнь действительна; она не должна презираться человеком. «Хороша роза сада вселенной, но лучше всего роза жизни», — говорил Навои. Он вел в условиях XV в. борьбу против сил реакции за светские знания, за просвещение, за счастливую жизнь человека. «Среди людей,—

говорил он, — лучший тот, кто народу больше пользы приносит». Навои прославлял труд пахаря и каменщика, труд музыканта и художника, творчество поэта и ученого, приносящих пользу людям, обществу, стране.

Он посвятил крестьянству проникновенные строки: «Крестьянин сеет зерно, взрыхляя землю, открывает путь хлебу насущному.... Процветание мира от них, радость обитателей мира от них. Их труд доставляет пропитание и изобилие стране... .От них царская казна полна богатства».

Но взгляды Навои на историю были идеалистическими; он верил в чудотворную силу «справедливого царя», делающего, по его мнению, историю. Поэт был решительным противником раздробления государства и междоусобиц; он ратовал за создание объединенного крупного государства во главе со «справедливым царем».

Навои выступал против невежественных представителей мусульманского духовенства. Он писал: «в ладье жадности, среди лицемерия воли сотворил весло себе из железа ты, шейх. Сеть коварства и лжи готовишь народу ты».

В своих произведениях, в частности в поэме «Фархад и Ширин», Навои в высокохудожественной форме воспел честность, справедливость, разум и человечность. Он бичевал несправедливость, тиранию, обман, ложь и лицемерие. «Тот, кто не знает верности, — указывал он, — не знает и стыда».

Навои в совершенстве владел своим родным языком. В специальном труде он показал достоинства узбекского литературного языка; одновременно он продемонстрировал глубокое знание персидско-таджикского языка и свое полное к нему уважение. Навои создал на этом языке сборник лирических стихотворений под псевдонимом Фани.

Творчество и прогрессивная деятельность Навои оказали плодотворное влияние на дальнейшее развитие культуры узбекского народа.

Наряду с узбекской литературой в Хорасане развивалась и персидско-таджикская литература, крупнейшим представителем которой являлся Нуруддин Абдуррахман Джами (1414—1492 гг.).

Джами был не только великим поэтом своей эпохи, он имел хорошие знания в грамматике, логике, греческой и восточной философии, естествознании, математике, астрономии и т. д. По некоторым данным, перу Джами принадлежит 99 книг по самым различным вопросам науки и литературы. Среди них особое место занимает разработка всех художественных жанров, имевшая громадное значение для дальнейшего развития персидско-таджикской литературы.

Творчество Джами сложно. Многие его произведения проникнуты идеями гуманизма, и в них он, как прогрессивный поэт своей эпохи, выступает против феодального произвола.

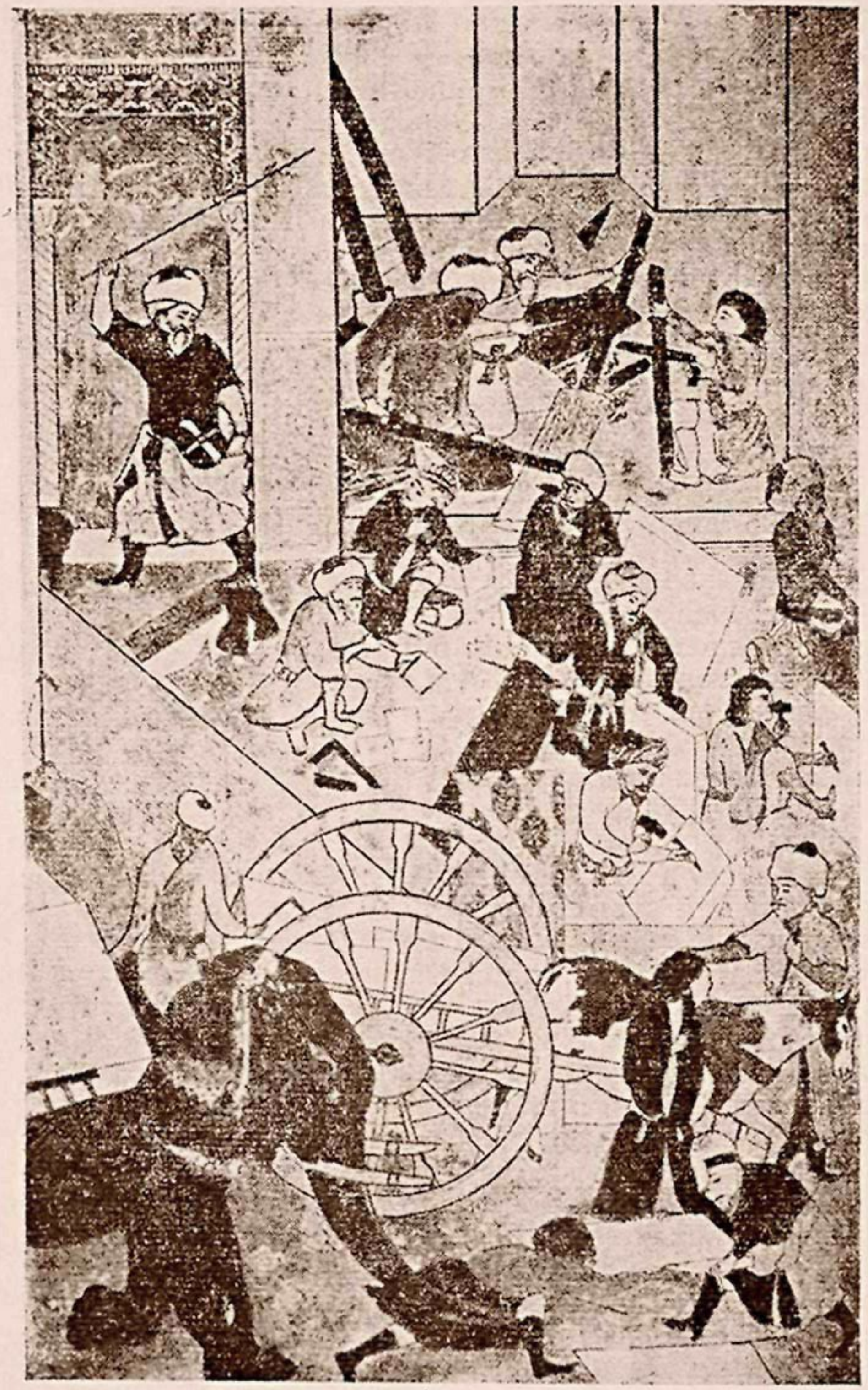
В своем произведении «Мудрости Искандера» Джами как глубокомыслящий социолог осуждает деспотизм, тиранию, алчность и скупость, воспевает трудолюбие, человеколюбие, равенство людей и мечтает о социальной справедливости, о взаимопомощи и сотрудничестве, о мире между людьми. Он повествует о стране счастливых людей, выражая в мечтах свои сокровенные мысли о свободе и справедливости:

То город был особенных людей,
Там не было ни шаха, ни князей,
Ни богачей, ни бедных. Все равны,
Как братья были люди той страны.
Был труд их легок, но всего у них
В достатке было от плодов земных.
Их нравы были чисты. И страна
Не ведала, что в мире есть война.

Значительное место в его творчестве занимают религиозно-философские идеи суфизма. Самым крупным и широко известным произведением Джами является «Хафт авранг» («Семь престолов»), состоящее из семи крупных поэм.

Неразрывная дружба между двумя крупнейшими представителями культуры узбекского и таджикского народов, Алишера Навои и Абдуррахмана Джами, поистине являлась выражением дружбы двух народов Средней Азии — узбеков и таджиков.

При Алишере Навои в Герате исключительного совершенства и расцвета достигло искусство украшения книг — прежде всего каллиграфия и миниатюра. Гением живописи (миниатюры) был гератский мастер, художник Камалуддин Бехзад. По изяществу рисунка, колориту его миниатюры занимают в живописи Востока совершенно особое место, и неслучайно Бехзада иногда называют Рафаэлем Востока. Творчество Бехзада отличается большим разнообразием сюжетов. Он рисовал не только прекрасные портреты, из которых особой славой пользуются портреты Алишера Навои, Султан-Хусейна и Шейбани-хана, не только сцены приемов при дворах феодальных правителей, но и сцены из жизни трудового народа, например, миниатюры с изображением постройки соборной мечети Тимура в Самарканде, развалины которой известны в наше время под именем «Биби-ханым». Ценность этих миниатюр заключается не только в мастерстве рисунка, но и в том, что художник запечатлел производственные процессы среднеазиатского строительного искусства, причем ему хорошо удалось показать правду подневольного труда.



Миниатюра Бехзада. Строительство здания XVI в.

Крупнейшими мастерами каллиграфии в Герате были Султан-Али Мешхеди и Мир-Али катиб. О первом из них упоминает в своих «Записках» Захируддин Бабур. Султан-Али Мешхеди переписал много книг для Султан-Хусейна и Алишера Навои. Его ученик — Мир Али катиб, известный также под именем Рафики, достиг особенно больших успехов.

Высока и музыкальная культура. Среди музыкантов особенно славился Кул Мухаммед. Сам Алишер Навои не только играл на некоторых инструментах, но и прекрасно знал теорию композиции. До нас дошло несколько его произведений, которые исполняются и сейчас.

Герат в XV в. был средоточием исторической мысли. Здесь жили и творили историки Хафизи Абру, Абдурраззак Самарканди, Мирхонд, Хондемир, Исфизари, Даулет-шах и многие другие. Их труды являются богатейшими источниками по истории тимуридского государства.

Хафизи Абру написал «Зубдат ат-таварих» («Сливки летописей»), где изложение заканчивается 1427 г. Абдурраззак Самарканди продолжил труд Хафизи Абру. Он в сочинении «Матла ас-са'дайн ва маджма ал-бахрайн» («Место восхода двух счастливых созвездий и место слияния двух морей») доводит историю до 1471 г. Часть своих сводных трудов Мирхонд («Раузат ас-сафи») и Хандемир («Хабиб-ас-сийяр») посвятили царствованию Султан-Хусейна. Муинуддин Исфизари написал историю Герата, а Даулет-шах посвятил свое сочинение «Тазкират аш-шуара» Алишеру Навои.

В большинстве своем историки того времени были прежде всего компиляторами, большую часть томов они отводили пересказу или даже простой переписке текстов своих предшественников. Наиболее ценны те части работ, в которых описаны современные автору события, однако именно они требуют критического отношения. Нельзя забывать, что придворные историографы смотрели на все события глазами своих государей-покровителей.

Блеск официального Герата с его великолепной архитектурой, пышными празднествами и учеными диспутами как чудовищный цветок расцвел на крови и слезах разоренного народа.

7. МАВЕРАННАХР И ДАШТИ-КИПЧАК

Одной из важных отличительных особенностей развития социально-экономических отношений в Средней Азии являлось сочетание оседлых землевладельческих и кочевых скотоводческих районов, тесно связанных между собою экономически и политически.

Легко объединявшиеся в большие и сильные орды, кочевники нередко совершали нападения на богатые оседлые районы. Отдельные группы, а иногда и более крупные объединения кочевников просачивались в оседлые оазисы и воспринимали культуру оседлого населения. Они входили в него новым этническим элементом, оказывая влияние на физический тип этого населения и внося свои кочевые степные обычаи. При этом иногда даже язык новых поселенцев становился «языком-победителем», вытеснявшим старые языки и диалекты. Факты такого оседания кочевников мы знаем в Семиречье, где осевшие в IX—XI вв. огузы, карлуки и другие тюркские племена отуречили по языку местное ираноязычное население. Тот же процесс происходил в Хорезме, где оседание кочевников — огузов и кипчаков, по данным В. В. Бартольда, «закончилось в XIII в. почти полным отуречением бывшего здесь хорезмийского языка».

Различие хозяйственной системы оседлых и кочевых хозяйственных районов содействовало также развитию интенсивных торговых отношений: оседлые жители нуждались в продуктах скотоводства, кочевники — в продуктах земледелия и произведениях городских ремесел. Поэтому набеги и войны сменялись мирным торговым общением. Соседство с Дашти-Кипчаком оказывало, таким образом, большое влияние на экономическую жизнь народов, населявших Среднюю Азию; большое значение имела также транзитная торговля через степи с западными и северными странами (Русь, Булгар, Сибирь).

Области к северу от Ташкента и Ферганы, охватывающие современные казахские степи, Семиречье и горные районы Тянь-Шаня, были населены в XV в. преимущественно тюрко-монгольскими племенами, основным занятием которых было скотоводство.

Однако наряду с кочевничеством отмечалась (в речных долинах, на берегах озер) и оседлость — земледелие и городская жизнь. В свое время К. Маркс указывал, что «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»[1]. Это указание Маркса подтверждено данными археологии, письменных памятников и наблюдениями современников. С развитием феодальных отношений мы наблюдали усиление земледельческого ядра узбекских племен Дашти-Кипчака,

---

[1] К. Маркс. Энгельсу в Манчестер, 2 июня 1853 г., К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 28, стр. 214.

обитавших непосредственно вдоль реки Сырдарьи, в оазисах Туркестана (Ясы), Сыгнака, Саурана, Аккургана, Узгена и других городов. Это земледельческое ядро к концу XV в. становится ведущим в улусе Шейбана.

Во второй половине XV в. узбекские племена, тяготевшие к земледельческому ядру и к городам, испытывали большую нужду в орошаемых землях. Оттеснив кочевые скотоводческие племена казахов, а частично и узбеков на восток Дашти-Кипчака, узбеки, возглавляемые Абулхайром, затем Шейбани-ханом, не могли избавиться от земельной тесноты, что заставило их обратить свои взоры на культурные оазисы Средней Азии.

Семиречье (Джетысу) входило в состав Моголистана — кочевого государства, образовавшегося после распада улуса Чагатая в 40-х годах XIV в. В 70-х годах XV в. в состав этого государства входил, кроме Семиречья, также и Восточный Туркестан. Правивший Моголистаном Юнус-хан (1462—1487 гг.), пользуясь междоусобными войнами Тимуридов, присоединил к своим владениям Ташкент, который сделался его главной резиденцией. Однако большая часть владений Юнус-хана, населенная кочевниками, отделилась от него, признав своим ханом Ахмеда, младшего сына Юнуса, тесно связанного с моголистанской кочевой аристократией. Вскоре была утрачена отделившаяся от Моголистана Кашгария. После смерти Юнуса номинальным главой государства сделался его старший сын Махмуд, деливший власть с Ахмедом.

Семиречье представляло в этот период, в основном, скотоводческую кочевую область. Существовавшие здесь раньше города и земледельческие селения были сметены еще в XIII в. монгольским нашествием. Известны неудачные попытки Тимура восстановить некоторые из разрушенных городов.

Кочевое население Моголистана называло себя моголами. Оно держалось еще многих монгольских обычаев, носило монгольскую одежду. Вместе с тем, ассимилировав исторически сложившиеся на территории Семиречья кочевые племена и народности, моголы ничем существенным от других кочевников Средней Азии не отличались. Среди моголов Семиречья сохранялись племенные и родовые деления, были сильны пережитки родового строя, но племена были объединены уже не по признаку общего происхождения: каждое племя состояло из осколков различных этнических групп, а патриархально-родовые обычаи служили только оболочкой феодальных отношений.

В пределах Моголистана, в горах южного берега Иссык-Куля, в середине XV в. впервые упоминаются киргизы, переселение которых в этот район с Енисея, по некоторым данным, началось еще в X в. Киргизы также постепенно слились на новом месте с коренными жителями Тянь-Шаня, передав им свое племенное имя. Они не имели в данный период своего государственного объединения, а управлялись племенными вождями, занимались скотоводством и значительно отличались по своему быту и культуре от окружающих народностей.

Обширные степные пространства от Днепра и северных берегов Черного моря до Иртыша и озера Балхаш, граничившие на юге с Хорезмом и низовьями Сырдарьи, носили, начиная с XI в., название Дашти-Кипчак (Кипчакская степь), по имени той племенной группы, которая была известна на Востоке под названием кипчаков, у русских — половцев, а в Византии — команов. Эта племенная группа, расселившаяся на огромном пространстве степей, объединила племена различного происхождения, сложившиеся здесь на протяжении многих столетий.

Монгольские кочевники, пришедшие в Дашти-Кипчак с сыновьями и внуками Чингиз-хана, ассимилировали с жившими здесь тюркскими кочевниками, приняв их язык и обычаи. Улус Шейбана, внука Чингиза, претерпел дальнейшие изменения в своем этническом составе. На протяжении длительного периода его существования в нем происходили непрерывно миграции кочевников, тем более, что смуты и в Золотой орде, и в зависящей от нее Белой орде, начавшиеся во второй половине XIII в., нередко побуждали входившие в их состав тюрко-монгольские группы откочевывать целыми аулами и племенами на юго-запад или на восток от Сарая и на север и северо-восток от Белой орды.

В XIV—XV вв. строгого разграничения между бывшим улусом Орды и улусом Шейбана, по-видимому, уже не существовало; к кочевому населению всей этой территории прилагался термин «узбеки».

Узбеки Дашти-Кипчака, так же как и моголы Моголистана, не были связаны единством происхождения от какого-либо одного древнего народа. Это объединение образовалось из многочисленных исторически сложившихся в степи этнических элементов, начиная с самых древних времен: сако-массагетских, гуннских, тюркских и монгольских. В результате образовалась большая тюркоязычная этническая группа, представлявшая собою объединение многочислен-

ных племен и родов, носивших то тюркские, то монгольские наименования.

Происхождение самого названия «узбек» окончательно не выяснено. Можно лишь с большей или меньшей долей уверенности сказать, что в конце XIV в. узбеками назывались тюркские и тюркизированные племена восточного Дашти-Кипчака, входившие в состав улусов Шейбана и Орды (в том числе и отдельные мангытские роды). Но, независимо от происхождения слова «узбек», значение его в XV—XVI вв. нельзя смешивать с тем, которое оно имеет в наше время.

В настоящее время название «узбеки» носит тот народ СССР, который исторически сложился, в основном, на территории, вошедшей впоследствии в состав Узбекской ССР.

Современная узбекская социалистическая нация, как и всякая другая нация, является категорией не племенной или расовой. В соответствии с марксистско-ленинским учением о нациях, элементы узбекской нации сложились на протяжении длительного периода на территории Средней Азии. Основу узбекской народности составляют не пришедшие сравнительно недавно из Дашти-Кипчака кочевые «узбеки» XV в., а древние жители Согда, Ферганы и Хорезма, которые с отдаленнейших времен вели оседлую жизнь и занимались земледелием, а также кочевые племена, жившие по соседству с оседлым населением оазисов.

С течением времени, благодаря общности территории и постоянным экономическим и культурным связям, все эти племена спаялись в одно этническое целое, на которое наслаивались новые племена, поселявшиеся на той же территории: гуннские, эфталитские, тюркские, монгольские и другие. Все они постепенно смешивались, ассимилировались с прежде жившим здесь населением, в результате чего образовалась новая тюркоязычная народность — основа для образования узбекской народности. Другая часть прежнего населения, в меньшей степени подвергшаяся ассимиляции с тюркскими племенами, сохранила свой язык; из нее образовалась таджикская народность.

О сложении узбекской народности и ее языка можно говорить, начиная с XI в. В XI—XII вв. эта народность носила имя «тюрк» — в отличие от своих западных и северных соседей — туркмен и кипчаков. В XV в. она именовалась «чагатайскими тюрками», по имени Чагатайского улуса, в который после монгольского завоевания входили основные области Средней Азии. Узбеки, как это показывают позднейшие исследования советских историков, переселившиеся в

XVI в. в относительно небольшом числе из Дашти-Кипчака, явились лишь последним слагаемым в образовании узбекского народа. Они слились с местным населением, осели на землю, перешли к занятию земледелием и восприняли обычаи этого местного населения, оказав, несомненно, также и свое влияние на тип населения, его язык и быт. С этого времени прежние названия сложившейся на территории Узбекистана туркоязычной народности стали постепенно вытесняться названием «узбек».

Убедительное доказательство именно такого образования узбекской народности, а затем и узбекской социалистической нации, дают проведенные советскими учеными антропологические исследования. Они показали чрезвычайно большую близость между современными узбекским и таджикским народами, принадлежавшими, в основном, к так называемой европеоидной расе среднеазиатского Междуречья, к которой принадлежали и указанные выше согдийские, хорезмийские и сако-массагетские племена. Различие между этими двумя народам заключается в том, что на европеоидную основу узбекского населения наслоились некоторые, небольшие в процентном отношении, элементы другой — монголоидной— расы, к которой принадлежали тюрки и монголы. Однако по своему физическому типу узбеки значительно ближе не к тюркоязычным народам с преобладающими монголоидными признаками, какими являются, например, казахи и киргизы, а к ираноязычным таджикам, история которых на протяжении тысячелетий тесно переплетается с историей современного узбекского народа.

Впервые об узбеках Дашти-Кипчака упоминают хорошо знавшие Среднюю Азию персидские историки XIV—XV в. В начале XV в. узбеки выступают уже как весьма значительная группа племен, говорящих на языке тюркской группы. О сложности племенного состава этого государственного объединения можно судить по списку узбекских «угланов» (царевичей) и знатных родовичей, которые способствовали возведению на ханский престол Абулхайра. В этом событии участвовали представители буркут, кият, кошчи, ийджан, кунграт, ушун (усун?), утаджи (утарчи), найман, джат, чимбай, карлук, кенегес, дурман, курлаут, тубай, мангыт, нукуз, тангут, уйгур, хитай, таймас, эчки, туман-минг. Впоследствии к ним присоединяются племена уйрат, маджар и кипчак.

Таким образом, в кочевом узбекском союзе в XV в. встречаются некоторые племена, кочевавшие раньше на западе, в приволжских и черноморских степях, и ряд племен, живших в Средней Азии еще во времена, предшествовавшие

образованию государства Абулхайра (хатаи, карлуки, уйгуры, найманы и др.).

Разгром Тимуром золотоордынского государства в 90-х годах XIV в. ускорил процесс его политического раздробления. По среднему и нижнему течению Волги к середине XV в. обособились ханства Казанское и Астраханское; южная часть Золотой орды — Хорезм — перешла к Тимуридам; на Крымском полуострове образовалось отдельное ханство, находившееся под властью Турции. В первой половине XV в. завершилось обособление обширных кочевых районов на восток от Волги до Западно-Сибирской низменности, составлявших в XIII—XIV вв. так называемую Белую орду.

В результате борьбы, происходившей между кочевыми племенами, Белая орда распалась на несколько враждебных друг другу улусов, из которых наиболее обширными в первой половине XV в. были ногайский (мангытский) и шейбанидский, с династией из рода Шейбана. Основной территорией ногайцев были степи между Волгой и Яиком (Уралом), в то время как узбеки бывшего улуса Шейбана занимали пространства далее на восток до низовьев р. Сырдарьи. Согласно Абулгази, в улус Шейбана входила обширная территория между предгорьем Урала и реками Тобол, Урал, Илек, Иргиз, Иртыш и бассейн Аральского моря и низовьев Сырдарьи. Однако точно разграничить их территории не представляется возможным, так как племена, входившие в эти объединения, вели в основном кочевой образ жизни. Летовья некоторых узбекских племен находились в верховьях Яика, Иртыша и Тобола, а зимовья—ближе к низовьям Сырдарьи. Мангыты, или ногайцы, кочевали от Урала до Тюмени. К северу от узбеков образовалось самостоятельное Сибирское (или Тюменское) царство, ханы которого также были из дома Шейбана.

Этнический состав мангытов, или ногайцев, и узбекского улуса был более или менее однороден. Все их роды и колена говорили на тюркских языках и мало различались между собой в хозяйственно-бытовом и культурном отношении. Отдельные части одного и того же племени входили в состав улусов и ногайцев и узбеков. Такими раздробившимися на части племенами были кипчаки, кунграты, кенгалы, уйгуры, кенегесы, найманы, уйшуны, мангыты и другие. Таким образом, вышеназванные улусы были не столько этническими образованиями, сколько феодальными владениями. При сохранении патриархально-родовых обычаев здесь имелись уже достаточно установившиеся феодальные отношения, основанные на захвате господствующей верхушкой

пастбищных угодий, на развитии феодальной собственности на землю, вернее на пастбища.

Родо-племенные пережитки придавали процессу развития феодальных отношений своеобразный характер. Во главе отдельных племен стояла наследственная знать — султаны из дома Чингиз-хана. По степному обычаю каждый из султанов имел в своем владении и распоряжении определенный район из общей территории степей, так называемый юрт. Каждое племя делилось на более мелкие подразделения — роды и колена, которые возглавлялись предводителями — биями и беками, составлявшими, вместе с султанами и наиболее зажиточной частью кочевников, ядро господствующего класса племени. Султаны отдельных племен иногда объединялись для общих предприятий, чаще же вступали во враждебные отношения, принимавшие нередко форму вооруженной борьбы. Скот и имущество побежденных племен обычно подвергались разграблению, что, наряду с другими причинами социального порядка, способствовало упадку одних племен и усилению других. Пленники продавались в рабство вне зависимости от племенных и родственных связей. Взаимоотношения племен принимали иногда как бы форму вассалитета. Старейший и наиболее уважаемый из султанов избирался огланами, султанами, при поддержке других влиятельных феодалов и духовенства, ханом. Обычно власть таких ханов была почти номинальной, фактически же правила верхушка племенной знати. В военных мероприятиях хан опирался на свою дружину. Обеспечив себя достаточной военной силой, хан вооруженной рукой распространял нередко свою власть на соседние племена и районы.

В XV в. в разных частях узбекского улуса появилось несколько соперничавших между собой ханов из различных враждовавших групп Чингизидов. Не находя поддержки у племенной знати, некоторые из ханов обращались за помощью к правителям соседних государств и при их содействии утверждались на ханском престоле. Так временно захватил власть в Дашти-Кипчаке родоначальник казахских ханов Барак-хан (1425—1428 гг.), воспользовавшийся помощью Улугбека.

В 20-х годах XV в. хан Абулхайр, происходивший из потомков Шейбана, подчинил себе обширную территорию от Сибири до Сырдарьи и удерживал ее под своей властью в течение сорока лет (1428—1468 гг.). Через два года после воцарения он отнял у тимуридских наместников северную часть Хорезма, однако, вскоре должен был уйти оттуда

вследствие следующих причин: 1) Согласно Абдурраззаку Самарканди, Шахрух направил на Хорезм многочисленное войско с целью очистить Хорезм от вторгнувшихся туда кочевых узбеков; 2) Мас'уд ибн Усман Кухистани, биограф Абулхайра, и арабский историк ал-Макризи ссылаются на «дурной климат» Хорезма и распространившуюся в том году «моровую язву» и засуху; 3) в это время Махмуд-хан и Ахмед-хан, сыновья Кичик-Мухаммеда, старые противники Абулхайра, кочевавшие тогда в приаральских степях и владевшие Хаджи Тарханом (Астраханью), собрав большие силы угрожали вторжением в улус Абулхайра.

Осенью 1446 г. в низовьях Сырдарьи Абулхайром были завоеваны небольшие города: Сыгнак, Аккурган, Аркук, Сузак и Узген, лежавшие на торговом пути между степными районами Дашти-Кипчака и городами Мавераннахра. Район, в котором были расположены эти города, представлял собой, кроме того, удобные места для зимовок кочевников и вместе с тем являлся весьма важным в стратегическом отношении, так как отсюда можно было организовывать набеги на центральные оседлые районы Средней Азии. Именно из низовий Сырдарьи впоследствии, при преемниках Абулхайра, узбекские султаны предприняли успешное завоевательное движение вглубь Средней Азии. Свои владения в низовьях Сырдарьи Абулхайру пришлось защищать не только от тимуридских наместников, державших в своих руках город Туркестан, но и от набегов кочевников, победа над которыми укрепила авторитет хана среди его соплеменников.

В 1448 г. Абулхайр, воспользовавшись отсутствием Улугбека и его основных сил в Мавераннахре, предпринял поход на Самарканд, но ограничился грабежом его окрестностей и прилегающих районов. Целью похода было не завоевание территории, для чего Абулхайр не располагал достаточными возможностями, а захват добычи, распределявшейся между ханом, его приближенными и воинами.

Поводом к новому вторжению Абулхайра во владения Тимуридов послужило обострение борьбы после убийства Улугбека в 1449 г. между претендентами на самаркандский престол. Абулхайр появился со своими войсками под Самаркандом в 1451 г. и помог Абусаиду занять престол, после чего с богатыми подарками и добычей возвратился в степь. Через три года Абулхайр помогал уже внуку Улугбека, Мухаммеду Джуки, добиваться самаркандского престола вместо возведенного им же самим на этот престол Абусаида.

Несмотря на энергию и жестокость, Абулхайру в его

борьбе за единовластие в узбекском улусе не удалось сломить сопротивления со стороны отдельных Чингизидов. Власть хана над отдельными племенами осуществлялась постольку, поскольку это не затрагивало интересов племенных вождей. Внутренняя жизнь по-прежнему протекала под руководством племенной знати, державшей в зависимости всю остальную массу кочевников. При таких условиях власть Абулхайра целиком зависела от того, в какой мере деятельность его отвечала интересам племенной знати и отчасти династическим интересам окружавших хана представителей различных ветвей дома Чингиза. Особенно упорную борьбу пришлось вести хану с теми потомками Чингиз-хана, которые происходили от хана Белой орды Уруса, деда Барак-хана. Представители этой ветви, ханы Махмуд и Ахмед, наиболее упорные противники Абулхайра, в конце концов *остались непобежденными.* Непобежденными остались также султан из ветви Шейбана Ибак-хан, впоследствии основатель Сибирского ханства, Бурке-султан и Мустафа-хан, основавший в середине 50-х годов XV в. новое ханство в северо-западном Хорезме, со столицей Вазир, построенной им же. В такой же мере враждебным являлось отношение Абулхайра к сыновьям его недавнего соперника Барак-хана — Гирею (Кираю) и Джанибеку.

Не имея возможности продолжать борьбу с ханом и с поддерживавшей его весьма значительной группой племенной знати, Гирей и Джанибек вынуждены были в 50-х годах XV в. уйти от Абулхайр-хана с небольшим числом людей в Моголистан, находившийся в то время под управлением одного из потомков Чагатая, Исан-буке (1447—1462 гг.), который предоставил им кочевье в долине р. Чу. Такого рода уход части кочевого населения из-под власти неугодного хана являлся у кочевников своеобразной формой протеста. На новом месте роды, покинувшие владения Абулхайра, образовали объединение, во главе которого стал Гирей.

В состав владений Гирея вошли выходцы из владений Абулхайра, называвшиеся узбеко-казахами, а затем и просто казахами. Впоследствии, после ухода Шейбанидов в Мавераннахр, они возвратились в приаральские степи и вместе с оставшимися там племенами и их подразделениями основали казахское государство, охватившее значительную часть степей. *Это событие по сообщению* Мухаммеда Хайдара (XVI в.) произошло в 1465 г.

Созданное Абулхайром кочевое государство, объединившее на некоторое время различные тюрко-монгольские племена Дашти-Кипчака, распалось. Позже (в 80-х годах

XV в.) из него выросли новые политические объединения — узбекское, во главе с Шейбани-ханом, и казахское, во главе с Бурундук-ханом.

Решающее значение при этом имели факторы экономического характера. Западная часть государства Абулхайра тяготела к низовьям Волги с центром в Астрахани, в то время, как восточная (начиная, примерно, с долины р. Эмбы) была связана экономически с оседлыми оазисами Средней Азии. В этом заключалась, по-видимому, одна из главных причин непрочности намечавшегося при Абулхайре политического объединения. Кроме того, отсутствие крупных городских центров на степной территории заранее обрекало на неудачу все попытки политического объединения.

Отсутствие экономической связи между отдельными племенами благоприятствовало усилению стремлений племенной знати к самостоятельности, развитию и росту династических распрей в среде самих Чингизидов. Все это и проявилось с полной силой после смерти Абулхайра.

8. СОСТОЯНИЕ ТИМУРИДСКИХ ГОСУДАРСТВ В КОНЦЕ XV в.

В Хорасане и Мавераннахре в конце XV в. экономические и политические основы государства Тимуридов были подточены острыми противоречиями между феодалами и народными массами. Бедствовавшее население страны не оставалось безразличным к назревающим политическим событиям. Династические распри с новой силой вспыхнули после смерти Абусаида.

В Самарканде, Ташкенте, Андижане, Хисаре сидели самостоятельные, враждующие между собой правители. Каждый из них обращался за военной поддержкой то к могольским, то к кочевым узбекским ханам и царевичам. В результате этих распрей ханы Моголистана окончательно утвердили свою власть в Ташкентской области и стремились овладеть Ферганой. Эта феодальная неурядица достигает своей наивысшей точки в самом конце XV в.; на историческую арену выступает привилегированное тарханство — многочисленные мелкие правители из дома Тимуридов, потомки крупнейшего феодала ходжи Ахрара, главаря ордена «Накшбендия». Кровопролитная война между ними определяла политическую обстановку этого периода. Политическая раздробленность страны и постоянные войны между мелкими владетелями привели к тому, что караванная торговля почти прекратилась. Лишь один ходжа Ахрар, поль-

зуясь своим духовным авторитетом, вел караванную торговлю, путем личного письменного обращения к тому или другому правителю добиваясь охраны для своих караванов при проходе их по подвластной им территории. Города переходили из рук в руки, причем новые владетели каждый раз облагали жителей контрибуцией в свою пользу. Земледельческое население насильно угонялось в военные ополчения, которые созывались по нескольку раз в течение года. Все это еще более расстраивало хозяйство земледельца, и без того уже страдавшего под тяжестью ничем не ограниченных поборов и повинностей. Кроме того, каждая побеждавшая сторона, как правило, грабила население сколько могла, облагая его вдобавок чрезвычайными податями.

В обстановке разрухи кочевым узбекам легко было взять в свои руки власть в Мавераннахре и в Хорасане и свергнуть ставшую ненавистной народу тимуридскую династию.

ГЛАВА XIII

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАВЕРАННАХРА В XVI в.

1. ЗАВОЕВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ ВОЙСКАМИ ШЕЙБАНИ-ХАНА. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В ШЕЙБАНИДСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Феодальная раздробленность и постоянные войны между многочисленными претендентами на власть ослабили политическую мощь тимуридского государства и подготовили почву для захвата страны войсками Шейбани-хана. Ослаблению государства способствовало также обострение внутренних противоречий между землевладельцами-феодалами и крестьянством, положение которого было крайне тяжелым. Даже крестьяне — владельцы мильковых участков земель, по словам Фазлуллаха ибн Рузбехана, из-за непосильной поземельной подати, государственных поставок продовольствия и султанских повинностей вынуждены были покинуть свои земли в Самаркандской области. Политическая и экономическая раздробленность привела к нарушению денежного обращения, что пагубно отразилось на торговле. Широкие слои городского населения, разоряемые постоянными феодальными войнами, не хотели поддерживать Тимуридов и их окружение. В отдельных местах народ выступал против представителей тимуридского дома, таково, например, выступление городских низов г. Ош в 1499 г., изгнавших феодальных правителей — могола Ахмеда Тенбеля и его ставленника малолетнего Тимурида Джехангира.

Наступление узбекских племен на Мавераннахр связано с именем внука Абулхайра, Шейбани-хана (род. в 1451 г.), который прежде чем приступить к завоеванию территории тимуридских государств прошел долгий путь борьбы со сво-

ими политическими противниками, пользуясь покровительством то астраханского хана, то тимуридских правителей, то могольского хана Махмуда, владевшего Ташкентом, в зависимости от обстоятельств вступая с ними в союз или открывая против них военные действия.

В конце XV в., когда усилились междоусобные войны Тимуридов, Шейбани-хан захватил пограничную крепость Отрар и хорошо укрепленные города Сауран и Ясы (ныне г. Туркестан). В результате он стал обладателем части обширной области, которая называлась тогда Туркестаном. Воспользовавшись распрями, начавшимися между Тимуридами после смерти самаркандского Султан-Ахмеда-мирзы, он обратился с воззванием ко всем своим приверженцам, когда-то состоявшим у него на службе с приглашением вернуться к нему. На это приглашение откликнулись его дяди и многие знатные кочевники.

Шейбани-хан двинулся на Самарканд, где в то время номинальным правителем был самый безвольный и слабый из Тимуридов Султан-Али-мирза (1498—1500 гг.), младший сын Султан-Махмуд-мирзы. Но самаркандцы сильно укрепили свой город и его окрестности. Это побудило Шейбани отказаться от осады Самарканда и направиться в Карши, откуда он прошел до Шахрисабза, разгромил оба города и с большой добычей вернулся в Дашти-Кипчак. Этот набег, носивший характер рекогносцировки, показал, что захват тимуридских владений вполне возможен. Получив в помощь от ташкентского правителя Махмуд-хана отряд моголов, Шейбани-хан снова направился к Самарканду и приступил к его осаде. Несмотря на временное объединение феодальных группировок в период нависшей над ними опасности и упорную защиту гарнизона и жителей, принимавших деятельное участие в вылазках, Самарканд был накануне падения, но известие о том, что на помощь осажденному городу спешит бухарский наместник эмир Мухаммед Баки-тархан с войсками, заставило Шейбани-хана снять осаду и двинуться навстречу бухарцам. В сражении у крепости Дабусия (теперь развалины близ ст. Зияуддин) Мухаммед Баки был разбит и укрылся за стенами крепости, а Шейбани-хан форсированным маршем направился на Бухару. После трехдневной осады бухарская знать решила сдать город. В ставку узбекского хана явилась депутация с подарками и изъявлением покорности. Шейбани-хан назначил в Бухару своего даругу (правителя).

Весть о взятии Бухары еще больше обострила противоречия среди правящей верхушки. Эмиры, враждебные Султан-

Али-мирзе, бежали из Самарканда и обратились за помощью к правившему в Андижане Бабуру и проживающему в Ташкенте брату Султан-Али-мирзы Увейс-мирзе. Оба тимуридских царевича поспешили в Самарканд. Феодалы этих областей не замедлили воспользоваться неурядицами и поддержали своих кандидатов в правители Самарканда, желая таким путем установить свою власть в столице Мавераннахра. Шейбани-хан, узнав об этом, спешно выступил с войсками из Бухары. Но в Таткенте (селение между Хатырчи и Каттакурганом) его нагнал курьер оставленного им в Бухаре правителя с донесением, что часть бухарской знати собирается сдать город бывшему тимуридскому наместнику Бухары Баки-тархану, который уже подходит к городу. Шейбани-хан немедленно повернул свою армию и неожиданно оказался под стенами Бухары. Его противник, стоявший в окрестностях города, не решился вступить в бой и отошел. Шейбани-хан жестоко расправился с бухарцами: одни были преданы смерти, другие — уведены в плен, имущество их было отдано на разграбление воинам, на горожан наложена тяжелая контрибуция, воинское снаряжение и оружие конфисковано, городские укрепления приказано было разрушить.

Упорное сопротивление Шейбани-хану оказали жители г. Каракуля, отданного в управление одному из его родственников, который остался там с небольшим гарнизоном. После ухода Шейбани-хана население города восстало против своих новых поработителей и убило несколько приближенных правителя. Сообщение современников о том, что правителем Каракуля был поставлен некий нищий («гадой»), позволяет полагать, что инициатива выступления против завоевателей принадлежала городской бедноте и движущей силой восстания были угнетенные слои населения. Восстание носило организованный характер.

Во главе большого войска Шейбани-хан направился против восставших и после некоторых усилий овладел крепостью. Местный правитель, назначенный восставшим населением, был убит. Управление Каракулем было отдано узбекскому султану Бубаю.

Спустя некоторое время после подавления восстания народ вновь восстал, но теперь уже обратился за помощью к одному из тимуридских правителей. На этом этапе восстания верх взяли феодальные элементы города, желавшие сохранить свое привилегированное положение. Объединенные войска во главе с братом Шейбани-хана Махмуд-султаном, сыном Мухаммед Тимуром и Суюнч-султаном окружили Каракуль.

Из города навстречу им выступила городская «чернь» (овбош), но несмотря на упорное сражение, она была перебита осаждающими. Каракуль вынужден был сдаться. Многие жители города были убиты, а головы их по приказу Шейбани-хана доставили в Бухару (единственный крупный город, который в это время остался в руках Шейбани-хана), и, для устрашения всему населению, из них на конном базаре была построена башня. Так феодальные правители расправились с восставшими в Каракуле.

Ожесточенная классовая борьба происходила в это время в Самарканде. Одновременно усилились междоусобия различных феодальных групп. В самом Самарканде сын ходжи Ахрара «великий ходжа» Мухаммед-Яхья, являвшийся фактическим правителем города в тот период, и почти вся знать поклялись поддержать Султан-Али-мирзу. Большинство тимуридских эмиров также заявило о своей преданности и ожидало призыва вступить в бой. Однако положение с хлебом стало затруднительным, настроение горожан было подавленное, в народе поднимался ропот и недовольство.

Тем временем из Ферганы в Шахрисабз прибыл девятнадцатилетний Тимурид Бабур. Ходжа Мухаммед-Яхья вступил с ним в тайные сношения. Узнав об измене, Султан-Али-мирза сам начал переговоры с Шейбани-ханом, а затем с небольшой свитой выехал из Самарканда к нему в ставку. Это обеспечило признание власти нового правителя самаркандскими феодалами, которые поспешили изъявить покорность хану. Ходжа Мухаммед-Яхья, узнав о случившемся, приказал укрепить городские ворота и стал убеждать население в необходимости обороны города. Однако население к этим призывам отнеслось пассивно, а эмиры и городская знать выехали к Шейбани-хану с подарками. Таким образом, Самарканд в 1500 г. без боя капитулировал перед Шейбани-ханом. Шейбани-хан назначил даругой города одного из узбекских эмиров, а имущество бежавших знатных лиц приказал взять в казну. Вскоре к Шейбани-хану поступили сведения о том, что в Самарканде готовится восстание. Шейбани предупредил этот замысел, приказав схватить Султан-Али-мирзу и предать его смерти. Некоторые из знатных самаркандцев были арестованы, в том числе и ходжа Мухаммед-Яхья. Шейбани был вынужден предложить ему отправиться на богомолье в Мекку. По пути ходжа был убит настигшими его узбеками.

Между тем, в Самарканде готовился заговор, имевший целью свергнуть владычество Шейбани-хана. Один из влиятельных самаркандских богословов ходжа Абулмакарим напи-

сал письмо Бабуру с призывом занять столицу, обещая открыть ему ворота. Бабур, перейдя через Зарафшанские горы, прибыл в Самарканд с небольшим отрядом и был впущен в город встретившим его Абулмакаримом и «всеми сановниками и великими людьми» города, отстраненными от власти Шейбани-ханом. Немногочисленный гарнизон из 600 человек был уничтожен, многие сторонники Шейбани-хана были убиты, а их дома разграблены.

Шейбани-хан, находившийся в это время в Кани Гиле, не имевший возможности отвоевать город, в тот же день ушел в Туркестан. Узбекские гарнизоны, находившиеся в разных крепостях, либо подверглись избиению, либо бежали. Через три-четыре месяца все самаркандские тумены, в том числе сильно укрепленные города Карши и Гузар признали власть Бабура.

Положение Бабура, однако, оказалось тяжелым. Весь хлеб населения и правительственные запасы продовольствия были съедены; наступил голод. Шейбани-хан, узнав об этом, выступил в поход во главе большой и хорошо снаряженной армии. Бабур получил небольшое подкрепление от соседних правителей и, наскоро собрав войско, вышел в апреле 1501 г. навстречу Шейбани-хану. На берегу Зарафшана, около селения Сари-Пуль, не дождавшись подходивших к нему на помощь моголов, Бабур дал сражение. Поспешность Бабура и военный опыт Шейбани, сумевшего охватить фланг и зайти в тыл войск Бабура, определил исход боя. Бабур был вынужден уйти с остатками своего войска в Самарканд.

Началась осада Самарканда, длившаяся четыре месяца. В обороне города приняли участие широкие массы городского населения, пострадавшие от войск Шейбани-хана при первом их вторжении в Самарканд. «Бродяги и бездельники», как их презрительно называет Бабур в своих воспоминаниях, мелкие ремесленники и другие производили по своей инициативе смелые вылазки, но нанести серьезное поражение войскам противника эта кучка смельчаков не могла.

Низы населения, остро ощущая тяжесть осадного положения, при нападении феодальных ополчений (особенно иноземных) выступали против осаждающих и отличались при этом, по признанию историков, смелостью и отвагой, но в целом борьба за власть между отдельными претендентами вообще мало интересовала их, поскольку не улучшала условий их существования.

В Самарканде все больше ощущался недостаток продовольствия, а затем наступил жестокий голод: осажденные ели собак и ослов. По образному выражению поэта Шади, оче-

видца событий, следы от ног верблюдов люди принимали за хлебные лепешки, подбегали к ним и умирали на том месте. Они жевали кожу, служившую для раскатывания теста, и вместо молитвы шептали: «хлеб». В городе не хватало воды. По ночам жители толпами выходили из города и собирали фрукты в окрестных садах, похищали лошадей и верблюдов у осаждающих. Последние жестоко расправлялись с ними: отрезали им носы и уши. Многие осажденные пухли от голода, в то же время амбары феодалов были полны продуктов. Пользуясь моментом, купцы невероятно повысили цены на хлеб. Все это привело к тому, что бедняки бросились грабить хлебные лавки феодалов, которые подняли цены на хлеб до небывалых до этого размеров, громили склады. «Люди приготовились для получения хлеба путем насилия... Каждый бросался на лавку. Их отгоняли от пищи палками, как мух», — *пишет Мулла Шади. Для защиты имущества зажиточных слоев населения от разграбления были выставлены* есаулы, которые палками избивали бедняков.

Нападение на имущие слои населения, по-видимому, явилось причиной изгнания из города всех бедных и нищих. Защита города возлагалась лишь на обеспеченных. По свидетельству Мухаммеда Салиха, шейхулислам города ходжа Абулмакарим, правитель Самарканда Захириддин Бабур и некоторые другие представители господствующего класса издали приказ, в котором говорилось: «Неимущие внутри города стали нищими... Пусть уходят несостоятельные, бедные и нищие». Бедняки в количестве около двухсот семей, еле передвигаясь от голода, вынуждены были оставить свои жилища. Шейбани-хан, который милостиво встречал беженцев из лагеря Тимуридов и старался привлечь на свою сторону зажиточные слои населения, не захотел поддержать изгнанных из города бедняков, являвшихся общим классовым врагом и осажденных, и осаждающих город феодалов.

Изгнание осажденными феодальными правителями обнищавшего населения не было единичным случаем и явилось одной из причин стремления массы населения к установлению более сильной и прочной центральной власти, которая могла бы облегчить их жизнь.

Бабур, видя безвыходность своего положения, во второй половине 1501 г. ночью покинул Самарканд и с небольшим отрядом направился в Ташкент к могольскому хану Махмуду. Шейбани-хан вторично, теперь уже беспрепятственно, овладел Самаркандом. Торжество победителя сопровождалось грабежами и убийствами.

В начале 1503 г. Шейбани-хан, двинувшись вверх по

Сырдарье, настиг объединенные силы моголов и их союзников калмыков во главе с Махмуд-ханом, Ахмед-ханом и Бабуром и, разбив их в кровопролитном бою у г. Архиан, захватил Ташкент и Шахрухию. Весной 1504 г. была завоевана Фергана.

Оставив Самарканд столицей, Шейбани-хан, назначил наместником Бухары своего брата Махмуд-султана, а Ташкент и присырдарьинские города передал двум своим дядьям — Кучкунчи-султану и Суюнч-ходжа-хану. Во все завоеванные области были назначены удельные правители из числа родственников хана или верхушки узбекских племен.

Укрепив свое положение в Мавераннахре, Шейбани-хан покорил Кундуз (1504 г.), где властвовал Хосрау-шах, а затем стал готовиться к захвату обширного государства Хусейна Байкары (1469—1506 гг.), султана Хорасана и Хорезма. Стремление к завоеванию Хорезма и Хорасана стимулировалось главным образом желанием овладеть торговыми путями, пролегавшими через города Хорезма к низовьям реки Волги и дальше на Русь, а через Хорасан, связанный с Мавераннахром тесными экономическими узами — в западную и юго-западную Персию и Индию. К тому же существование сильного хорасанского государства Тимуридов являлось угрозой для Шейбани-хана.

Владельцы Хисара, Хутталяна, Куляба, Бадахшана и других княжеств, номинально входивших в состав государства Тимуридов, увидев угрожающую им опасность, решили объединиться против Шейбани-хана.

К коалиции феодальных княжеств примкнул и Бабур, успевший за это время овладеть областью Кабула. Султан-Хусейн примирился с враждовавшим с ним старшим сыном Бадиуззаманом, который в июле 1504 г. собрал войска на Мургабе. Хосрау-шах двинулся на Кундуз, недавно захваченный Шейбани, но был разбит и попал в плен. Дальнейшее наступление союзников приостановилось из-за вновь начавшихся феодальных междоусобиц.

Зимой 1504 г. Шейбани-хан начал поход из Бухары на Хорезм. После упорной и ожесточенной десятимесячной осады в августе 1505 г. был взят Ургенч. Осенью того же года отряд Шейбани-хана вторгся в пределы Хорасана и дошел до Маймене и Фарьяба.

В январе 1506 г. Бадиуззаман выступил по направлению к Мургабу, вслед за ним двинулся с главными силами престарелый, больной Султан-Хусейн. Бадиуззаман ждал его у Сари-Пули-Табана, но получил известие о безнадежном состоянии его здоровья. 5 мая 1506 г. Султан-Хусейн скончался.

Находившиеся в его ставке эмиры решили разделить верховную власть между двумя его сыновьями — Бадиуззаманом и Музаффар-Хусейном. В начале июня 1506 г. в соборной мечети была провозглашена хутба на имя двух правителей. Между тем, Шейбани-хан приступил к осаде Балха. Только к осени 1506 г. Тимуридам удалось выступить с большими силами на выручку Балха; по пути к ним присоединился и прибывший из Кабула Бабур со своим войском, но, прежде чем войска Тимуридов успели дойти до Балха, город, доведенный голодом до изнеможения, сдался Шейбани-хану.

В начале мая 1507 г. Шейбани-хан направился к Герату. В ожесточенном бою гератские войска были разбиты. На следующий день, 20 мая, сейиды, духовенство и сановники, бывшие в городе, поднесли Шейбани-хану богатые подарки. Шейбани потребовал от города уплаты контрибуции в 100 тысяч и отдельно от знати и владельцев суюргалов — 20 тысяч таньгача. Город был подвергнут двухдневному грабежу. После кратковременного сопротивления сдалась и цитадель столицы Ихтияруддин. Позже Шейбани-хан захватил еще несколько городов Хорасана и разбил армию Тимуридов под г. Джамом. Весной следующего года он предпринял новый успешный поход на Хорасан, где в Астрабадской области укрылся Бадиуззаман, который вынужден был бежать в Азербайджан и кончил жизнь в Стамбуле.

Шейбани-хан стал владетелем обширной империи, простиравшейся от Сырдарьи до Центрального Афганистана.

В 1508—1509 гг. узбекские войска совершили успешный поход на казахов. Грабительский характер этого похода раскрывается в «Михман-намэ и Бухара» Ибн Рузбеханом, непосредственно участвовавшим в этом походе.

Дальнейшее движение Шейбани на юг было остановлено войсками иранского шаха Исмаила I, который создал армию, получившую общее название «кизилбашей» (красноголовых), так как эти воины в честь шиитских имамов носили чалму с двенадцатью пурпуровыми полосками. С этим войском Исмаил подчинил себе в 1502 г. Ширван, Азербайджан, персидский Ирак и принял титул шаха. В 1504 г. его владения на востоке соприкасались с территорией Тимуридов, а на западе граничили с районами Диарбекра и Багдада.

В 1510 г. шах Исмаил вступил в пределы Хорасана и стал быстро продвигаться вперед. Шейбани-хан, направлявшийся в Хорасан, поспешил со своим войском укрыться за стенами Мерва в ожидании подкрепления из Мавераннахра. Осадив Мерв, кизилбаши прибегли к военной хитрости: притворно отступив из-под стен Мерва, они заставили узбеков

выйти из города. Выступив из Мерва, Шейбани-хан бросился преследовать шаха, быстро уходившего вместе с войском, но оставшийся позади него мост на Мургабе был разрушен, и 17-тысячное войско Исмаила сомкнуло роковой для Шейбани-хана круг. Последовавшее затем кровопролитное сражение отличалось необыкновенным ожесточением; почти все узбекские эмиры пали, сам Шейбани-хан был убит. Изуродованный и обезглавленный труп его был отбит узбеками и похоронен в Самарканде в суфе, заложенной Шейбани-ханом для захоронения его брата Махмуд-султана (1504 г.). Как свидетельствуют историки, череп Шейбани-хана по приказу шаха Исмаила был отделан золотом и Исмаил пил из него вино на собраниях.

Весть о гибели Шейбани-хана вызвала большую растерянность в ханском доме. Между султанами Шейбанидами не было согласия, что объяснялось той удельной формой управления, которую сохранил Шейбани, раздававший завоеванные области своим сородичам и отнимавший их, когда они проявляли признаки неповиновения.

Главой династии был избран дядя Шейбани-хана, правитель Ташкента, Суюнч-ходжа, который возвратил Убайдулле и другим сородичам уделы, отнятые у них Шейбани-ханом. Но все это не восстановило согласия в семье узбекских султанов. В том же 1510 г. был избран новый хан — старший представитель ханского рода Кучкунчи-хан (1510—1530 гг.).

Шах Исмаил тем временем продолжал наступление на Хорасан. Высланный им авангард без боя занял Герат. Представители узбекского ханского дома во главе с сыном Шейбани Тимур-султаном покорились шаху и послали ему подарки с просьбой не вступать в Мавераннахр. Был заключен мир, согласно которому все районы по левому берегу Амударьи отошли к Ирану. Захват пограничных опорных пунктов Маймене, Фарьяб, Балх, Андхуд и др. закрепил за Исмаилом весь Хорасан. Между тем, Бабур, находившийся после потери Самарканда в районе Кабула, с согласия шаха в 1512 г. перешел Амударью и двинулся на Хисар. Узбекские султаны после ожесточенного сражения были разбиты. Этот успех обеспечил Бабуру овладение не только Хисаром, но и Кулябом, Кундузом и Бадахшаном. Получив подкрепление от шаха Исмаила, Бабур предпринял в 1512 г. поход на Самарканд и овладел им. Однако власть Бабура была непрочной. Его деятельность после утверждения на престоле не нашла поддержки со стороны местного населения. Одной из

причин этого были шиитские настроения и официальная помощь и поддержка, оказанные ему иранским шахом.

Узбекские султаны Убайдулла и Мухаммед Тимур, воспользовавшись благоприятным для них моментом, в начале 1513 г. вторглись в Мавераннахр. Бабур с пятитысячным войском выступил им навстречу, но потерпел поражение и бежал в Хисар. Узбеки вновь овладели Самаркандом, на этот раз окончательно. Для спасения своего союзника шах Исмаил послал в Мавераннахр войско во главе с одним из самых опытных полководцев, эмиром Ахмедом, по прозванию «Наджми-сани» (Вторая звезда). Иранская армия соединилась с Бабуром и двинулась на Карши. Обложив Карши, Наджми-сани на третий день взял город и приказал перебить поголовно все население, среди которого погибли талантливые поэты Бинои и Сайид Хасан Оглакчи. В это время Мухаммед Тимур, Убайдулла и другие султаны стояли под Бухарой, заняв выжидательную позицию. Наджми-сани беспрепятственно двинулся от Карши к Бухаре и начал осаду Гиждувана. Здесь он неожиданно подвергся нападению летучих узбекских отрядов, был наголову разбит и пал в сражении. Из многочисленной армии кизилбашей лишь небольшой части удалось вернуться назад. Союз между Бабуром и Исмаилом распался. Бабур снова удалился в Кабул. Отказавшись от дальнейшей борьбы с Шейбанидами, он в 1525 г. во главе своих чагатаев направился в Индию и занял Лахор. В следующем году Бабур разбил войско делийского султана, захватил столичные города Дели и Агру, подчинил своей власти северную часть Индостана (от р. Инд до Бенгалии) и положил начало империи «Великих моголов» (Бабуридов), просуществовавшей до XIX в.

После смерти Кучкунчи-хана и кратковременного правления его сына Абусаида (1530—1533 гг.) главой государства узбеков стал Убайдулла-хан (1533—1539 гг.), племянник Шейбани-хана, который еще задолго до восшествия на престол играл большую роль в государстве. Историки рисуют его суровым воином: он неоднократно громил иранцев, много раз совершал со своим войском опустошительные набеги на Хорасан. На некоторое время ему удалось овладеть почти всей областью Хорасана и Хорезмом, где в 1511 г. образовалось самостоятельное государство под властью узбекских ханов из другого дома, враждовавшего с Шейбани-ханом. При Убайдулле вассальные султаны не смели проявлять своих сепаративных стремлений. Однако преемники Убайдуллы-хана уже не могли предотвратить феодального распада державы. Начались длительные феодальные войны меж-

ду шейбанидскими удельными правителями. С одной стороны, выступали ханы, сидевшие в Самарканде, с другой — правители Бухары, образовавшие фактически независимое владение со своей собственной династией. Являясь прямыми потомками Шейбани-хана и его брата Махмуд-султана, они претендовали на ханскую власть над всем государством. Шестимесячное правление Абдулла-хана I (1539—1540 гг.), сына Кучкунчи, сменилось двоевластием: в Бухаре воцарился сын Убайдуллы Абдулазиз-хан (1540—1549 гг.), а в Самарканде на правах верховного хана узбеков стал править Абдуллатиф (1540—1551 гг.) — третий сын Кучкунчи-хана.

После смерти Абдуллатиф-хана (1551 г.) Барак-хан, ранее овладевший Ташкентом, занял Самарканд. Он правил им почти пять лет под именем Науруз Ахмед-хана. Его имя чеканилось на монетах и возглашалось в пятничной хутбе во многих городах Мавераннахра. Молодой и энергичный Абдулла-султан вступил в длительную борьбу с ним, опираясь на поддержку своего духовного наставника ходжи Ислама Джуйбари — крупного земельного магната, обладателя многочисленных торгово-ремесленных предприятий, караван-сараев, табунов лошадей, верблюдов и т. п., являвшегося фактическим правителем страны. Барак-хан умер в 1556 г. Верховным ханом при поддержке Абдуллы был провозглашен его дядя Пир-Мухаммед, самый старший из потомков Абулхайр-хана, управлявший Балхом.

В 1557 г. Абдулла-султан овладел Бухарой, которая стала при нем центром политической власти, а после провозглашения верховным ханом в 1561 г. его отца Искандера — столицей шейбанидского государства. В годы ханствования отца, не вмешивавшегося в государственные дела, Абдулла был фактическим верховным правителем.

С именем Абдулла-хана II (1557—1598 гг.) связана попытка создать единое сильное государство Шейбанидов. Все годы его правления прошли в борьбе за объединение узбекского государства в границах державы Шейбани-хана и за усиление в нем центральной власти.

Упорная борьба Абдулла-хана с коалицией сына Барак-хана — Баба-хана (1556—1582 гг.), захватившего власть в Дашти-Кипчаке, его брата Дарвиш-хана, правившего Ташкентом, хисарских правителей и самаркандских султанов потребовала нескольких лет почти непрерывных походов и сопровождалась частым переходом городов из одних рук в другие, разорением страны и уничтожением мирного населения. Война закончилась присоединением к владениям Абдулла-хана Шахрисабза, Карши, Хисара (1574 г.), Самаркан-

да и Ташкента (1582 г.). Тяжелый длительный поход Абдулла-хана в Дашти-Кипчак окончился в 1582 г. гибелью его последнего серьезного противника — Баба-хана и падением крепостей Шахрухия, Сайрам, Ахангаран и др. Еще раньше была подчинена Фергана, а после длительной осады в 1573 г. взят Балх.

Успешные войны Абдулла-хана II дали возможность объединить страну, и в 1583 г. Абдулла совершил формальный акт — провозгласил себя верховным правителем — ханом. Абдулла-хан II проявил много энергии в отношении внутригосударственных дел — упорядочил и централизовал чекан и обращение монет, нормализовал условия внутренней и внешней торговли, при нем были прорыты новые оросительные каналы. Абдулла-хану удалось подчинить центральной государственной власти удельных правителей областей, что также способствовало значительному укреплению экономического положения страны.

Укрепив экономику, Абдулла-хан задался целью присоединить к Мавераннахру Хорасан и Хорезм, как некогда поступил основатель династии Шейбани-хан, прекрасно понимавший экономическое и политическое значение этих областей для своего государства. К тому же военные походы, добыча и перспектива приобретения новых земель отвлекли бы феодалов от междоусобиц и обеспечили их верность Абдулла-хану.

В 1584 г. Абдулла-хан завоевал Бадахшан. В 1588 г. после десятимесячной осады был взят Герат, а затем и весь Хорасан, но удержать прочно Абдулла-хану удалось лишь восточную часть области.

В завоевательные планы Абдулла-хана входил и захват Кабула. Изучая события этого времени, К. Маркс писал, что «в 1585 г. (начались) волнения в Кабуле, вызванные страхом перед нашествием узбеков». Однако не менее агрессивно настроенный Бабурид Акбар, который «усмирил беспорядки, собрав крупное войско»[1], заставил Абдулла-хана приостановить дальнейшее движение на юг.

В последние годы своего правления Абдулла-хан сосредоточил все силы на завоевании Хорезма. Три раза ходил он на Хиву и в 1593—1594 гг. покорил Хорезм. После ухода

---

[1] К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.), ОГИЗ, 1947, стр. 29.

Абдуллы население выгнало из города его наместников и перебило бухарские гарнизоны. В 1595—1596 гг. Абдулла совершил новый поход в Хорезм и взял Хазарасп. Только после его смерти (1598 г.) Хорезм восстановил свою независимость.

Казахский правитель Сыгай (Шигай) со своим сыном Тевеккелем в 1581 г. явился на поклон к Абдулле, который пожаловал ему в удел город Ходжент. Со своей стороны казахи оказали услугу бухарскому хану в войне с Баба-ханом. После победы над ним Абдулла-хан наградил Тевеккеля подарками и уделом в долине Зарафшана. Однако после смерти отца, последовавшей в том же году, Тевеккель, не без влияния московского правительства, порвал вассальные отношения с Бухарой. Начались набеги казахов на пограничные области. В 1588 г. в их руки временно перешел Ташкент, где вспыхнуло восстание против Абдуллы и ханом был провозглашен один из казахских султанов. Вскоре власть Абдуллы в Ташкенте была восстановлена. Тевеккель в поисках союзников для борьбы с Бухарой обратился в 1594 г. в Москву к царю Федору Ивановичу с предложением вступить в союз с Ираном и «Казачьей ордой» для общих действий против Абдулла-хана, и в этих целях признал себя вассалом московского царя. Тем не менее он не порывал открыто с Бухарой и оставался «с бухарским царем.... в миру на время» до 1598 г., когда напал на бухарские владения и нанес сильный удар узбекским войскам.

Таким образом, к концу жизни Абдулла-хана II обозначились внешнеполитические неудачи: на севере его войска потерпели поражение от казахов, на юге иранцы стали вытеснять узбеков из Хорасана. Смерть Абдуллы послужила сигналом к окончательному отпадению Хорезма.

Внутри страны нарастала феодальная реакция. Правители уделов (в лице военно-феодальной знати узбекских племен), ощутив признаки слабости центральной власти, стали открыто проявлять сепаратистские стремления.

Преемник Абдулла-хана, его единственный сын Абдулмумин, пытался продолжать политику отца. Однако жестокость, с которой он расправлялся со своими вассалами и казнь по его приказу его двоюродных братьев, вызвали заговор против него. После шести месяцев правления Абдулмумин был убит. Он был последним отпрыском династии Шейбанидов, правившей Мавераннахром в течение почти ста лет.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ ШЕЙБАНИДОВ

Военные успехи Шейбанидов и захват ими власти привели к перераспределению земельного фонда в стране и постепенному обновлению феодального класса, ведущую роль в котором теперь стали играть члены новой династии и узбекской аристократии. К ним примкнула также незначительная часть прежней тимуридской знати и духовенство, вставшее на защиту интересов узбекских правителей. Новые феодалы приобретали земли, торгово-ремесленные мастерские, караван-сараи, мельницы, дома путем конфискации имущества побежденной знати, скупки (*под этим юридическим актом часто* скрывался захват), прямого захвата, присвоения в счет представленных в долг денег, а также за счет присоединения земель, покинутых владельцами в годы неурядиц. Реже они организовывали орошение и обработку земель, превращенных в пустоши в результате налогового гнета и войн.

Из местных землевладельцев в первые годы правления Шейбанидов сохранилась большая часть средних феодалов, но в последующие годы их постепенно вытеснили оседавшие завоеватели-кочевники. Тарханы, игравшие в конце XV в. значительную политическую и экономическую роль, в XVI в. сошли с политической арены, хотя тарханство как феодальный институт сохранялось и в последующие столетия. Начиная с середины XVI в. широкое политическое влияние на государственное управление оказывали джуйбарские шейхи, являвшиеся также главой мусульманского духовенства.

Смена династий и изменение состава класса феодалов сопровождались разорением трудящихся масс страны, испытавших на себе всю тяжесть военных походов, осады городов, уничтожения посевов и садов. Захват земледельческих областей султанами и племенной знатью не мог не повлиять на положение трудящихся. Переселившиеся племена узбеков были основной военной силой, которой распоряжался Шейбани-хан и другие султаны. Эти племена во главе со своими биями заняли в завоеванной стране привилегированное положение. Для управления и «кормления» они получили особые «юрты» — районы с проживающим в них оседлым населением. Кочевники-победители, естественно, стремились занять лучшие места. Основные массы их расположились около Ташкента, заняли территории в долине Зарафшана, в Кашкадарьинском и Сурхандарьинском районах. Значительная часть кочевников перешла на левый берег Амударьи, на территорию современного Северного Афганистана. Перераспределение земель, как и длительные военные действия, приве-

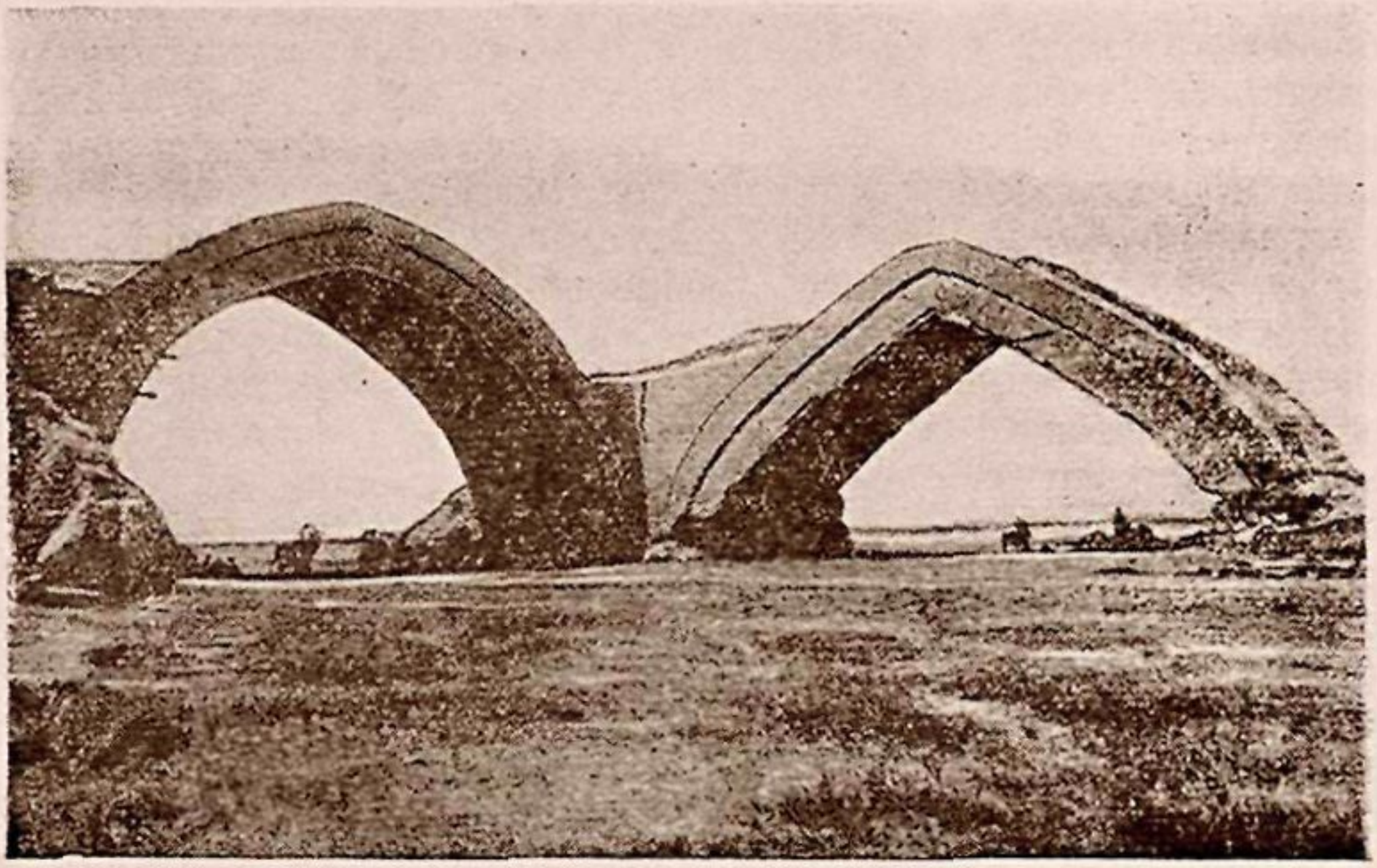
ли на первых порах после завоевания Средней Азии к некоторому упадку в экономической и хозяйственной жизни страны.

Однако не следует преувеличивать размеры разрушения сельского хозяйства в этот период: оно коснулось лишь отдельных районов. Следует также отметить, что даже кратковременное объединение государства и установление единой власти укрепляло экономику страны. Как свидетельствуют источники, в период междоусобиц особенно усиливался грабеж населения господствующим классом, так как каждый претендент на власть, захватив какую-либо область, стремился обеспечить своих приближенных и войско путем повторных незаконных обложений населения этой области налогами. Понимая, что злоупотребления чиновничьего аппарата нарушают нормальное поступление податей в казну, сторонники централизаторской политики, какими были Шейбани-хан и Абдулла-хан II, старались ограничить произвол чиновников.

Достигнув значительного укрепления власти, Шейбани-хан попытался нормализовать хозяйственную жизнь внутри страны. На совете законоведов во главе с Шейбани-ханом был рассмотрен вопрос об использовании земель, покинутых хозяевами в результате тяжелых поземельных повинностей и притеснений чиновников в предыдущие десятилетия. Было решено передать эти земли в распоряжение падишаха с тем, чтобы по возвращении хозяина государственная казна вернула ему владения и выдала определенную плату за пользование землей. Большое значение для хозяйственной жизни страны имела постройка в 1502 г. моста-вододелителя через р. Зарафшан. С целью упорядочения вакфного землевладения были обследованы дела вакфа (что проводилось позже и другими Шейбанидами). В 1507 г. была проведена денежная реформа: во всех крупных городах государства стали чеканить новые одинаковые серебряные монеты с твердо установленным весом. Были введены также новые медные деньги. Все эти мероприятия способствовали повышению налогоспособности земледельческого населения, увеличению фонда государственных и ханских владений, упорядочению и развитию торговли, укреплению власти и преследовали цель привлечь на сторону завоевателя широкие слои зажиточного оседлого населения.

Сельское хозяйство. Население государства Шейбанидов занималось главным образом земледелием. Здесь применялись такие сельскохозяйственные орудия, как соха (омач), кетмень, серп, железная и деревянная лопаты, вилы и др. Наиболее распространенной тягловой силой в земледелии

были волы. Земледельцы выращивали пшеницу (в XVI в. упоминается десять сортов пшеницы), ячмень, просо. Культивировались также рис, джугара, маш, горох, кукуруза, фасоль. Из технических культур сеяли хлопок. Размеры бумаготкацких ремесленных предприятий и вывоз бумажных тканей за границу свидетельствуют о том, что хлопок на территории Средней Азии производился в значительном количестве. В отдельных районах, например в Фергане, занимались шелководством.



Вододелитель на р. Зарафшан.

Широкое распространение имели овощные культуры (морковь, лук, чеснок, редька, репа и др.). Далеко за пределами страны славились высокосортные дыни Средней Азии. Производились тыквы разных сортов. Большие территории занимали посевы люцерны. Развито было садоводство. Автор книги, посвященной земледелию Гератского оазиса (1515 г.), Фазыл Хареви описывает различные виды деревьев, главным образом фруктовых. Основными районами садоводства являлись долины Зарафшана, Ферганы и Кашкадарьи. Самарканд был окружен садами, но в начале XVI в., при завоевании города войсками Шейбани-хана, часть их значительно пострадала.

Особое внимание уделялось виноградникам. Виноград шел на производство разных сортов вин (самыми крепкими

считались бухарские), уксуса, сиропа. В сушеном виде его вывозили в другие страны. Из нефруктовых деревьев ценились карагач и белый тополь, которые использовались в качестве строительного материала и для изготовления сельскохозяйственных орудий. Некоторые породы деревьев шли на выделку стрел, ручек ножей, клеток для птиц и т. д. По данным Фазыла Хареви, значительное внимание уделялось улучшению сортов и повышению плодоносности фруктовых деревьев и зерновых культур.

Одной из отраслей сельского хозяйства было скотоводство. Узбекская знать имела большие стада скота. Так, в личном владении (хасс) Шейбани-хана находились табуны лошадей, стада баранов. Джуйбарский шейх ходжа Ислам имел караваны верблюдов, множество лошадей, десятки тысяч баранов. Владельца скота, не имевшего грамоты на налоговый иммунитет, заносили в податные списки и облагали налогом.

Некоторую роль в хозяйстве играл и охотничий промысел. Пастбищными и охотничьими угодьями были богаты области Карши (в исторических источниках неоднократно упоминается выезд султанов и ханов в степи Карши), Ходжента, Афаринкентский тумен Самаркандской области, побережье нижней части Сырдарьи, где было множество птиц, оленей, бугумаралов, фазанов, зайцев. Разнообразные звери и птицы водились в бассейне среднего и нижнего течения р. Сырдарьи. Для населения, жившего вдоль рек, большим подспорьем было рыболовство. Однако земледелие оставалось основной отраслью хозяйства в государстве Шейбанидов.

Категории феодального землевладения. В XVI в. существовало несколько категорий феодального землевладения: государственное, мильковое, мильки хурри-холис и вакфное. Государственное землевладение характеризовалось тем, что государство являлось единственным собственником этих земель и через финансовый аппарат эксплуатировало непосредственных производителей. При Шейбанидах земли были поделены на уделы (юрты), управляемые членами ханского рода или узбекской племенной знатью. Уделы эти назывались также суюргалами. В рассматриваемый период термин «суюргал» мог означать не только особый вид ленного владения, условное держание доходов с определенного участка земли за службу государю, но и жалование или дар вообще. Существовали также тиул и танхо — пожалование военной знати ренты-налога с определенного участка государственной земли, лавок, караван-сараев и т. д. Земли, принадлежавшие

лично хану, известны под названием «хасс» (хассе) — «собственный», «личный». Доходы с этих земель шли на личные расходы хана, на пожертвование в вакф и т. п. В собственном владении ханов были также стада, лавки, ремесленные мастерские, мельницы. В частном владении царствующих и других высокопоставленных лиц могли находиться и пастбища.

Мильковые земли, как это доказали в своих работах И. П. Петрушевский и Е. А. Давидович, по праву владения делились на две группы: мильки феодалов, на которых право непосредственной эксплуатации принадлежало землевладельцу, и мильки крестьян-собственников, обрабатываемые самими крестьянами. Удельный вес мильков, принадлежащих непосредственным производителям, крестьянам, был невелик. Мильки крестьян — мелкие участки земли, юридически рассматривавшиеся как одна категория с мильками феодалов,— фактически представляли особую категорию земель.

В рассматриваемый период отмечается наличие крупного феодального землевладения. Таковы, например, мильковые владения Михр Султан-ханум, джуйбарских шейхов и карасканских феодалов.

Земли мильки хурри-холис в основном образовывались при передаче государству 2/3 мильковых земель. На оставшуюся 1/3 земель владелец получал право налогового иммунитета, рента с нее целиком поступала владельцу милька. В юридической практике XVI в. за этими землями утвердилось также название мильки хурр или мильки холис. Количество их в рассматриваемое время было невелико.

Вакфные земли образовывались путем передачи имений отдельными лицами в пользу религиозных и благотворительных учреждений и т. д. Значительная часть доходов вакфов шла в пользу мутаваллиев и мусульманских богословов. Распространены были личные вакфы, учрежденные для содержания потомков учредителя вакфа. С вакфных земель государство взимало налоги. Отдельные вакфные учреждения специальными грамотами освобождались от налогов государству. В некоторых из них, например в вакфной грамоте Хусейна Хорезми (1547 г.), оговаривалось освобождение земель от налогов. При этом рента целиком шла в пользу вакфного учреждения. Широко практиковалась сдача ренты с вакфных земель, как и имущества вообще, на откуп. Юридически вакфное имущество не подлежало отчуждению, однако в документах XVI в. отмечено несколько случаев продажи вакфных земель.

Трудовое население страны. По своему экономическому состоянию крестьянство было неоднородно.

Крестьяне-издольщики, составлявшие основную массу крестьянского населения страны, также делились на несколько групп. Условия аренды зависели от качества арендуемой земли, от того, кому принадлежали семена и орудия производства и т. д. Часть крестьян владела приусадебными участками и разными объектами, именовавшимися обычно «сукниет» (когда сама земля принадлежала другому владельцу). Были целые селения, все земли которых принадлежали землевладельцу в лице отдельного феодала, государства или вакфного учреждения. Крестьяне же являлись арендаторами господских земель. Феодалы, арендовавшие государственные, вакфные и другие земли, предоставляли земельные участки в субаренду крестьянам. Доля, получаемая крестьянином при такой двойной аренде, была ничтожной.

Лишь небольшая часть крестьян владела мильковыми землями. Крестьяне-милькдары сами обрабатывали их. В отношении других групп крестьян они занимали более привилегированное положение, но тоже подвергались тяжелой феодальной эксплуатации. Как показывают документы, мильки крестьян могли быть отняты крупными землевладельцами, концентрировавшими свои земли в одном месте. Взамен их крестьянину-милькдару мог быть выделен другой участок на новом месте. В периоды отсутствия реальной центральной власти крестьяне-милькдары отдельных местностей, доведенные до обнищания в результате непомерных поборов, вынуждены были бежать, покинув свои земли.

Основную часть трудового населения города составляли ремесленники, мелкие служащие, городские низы, которые в источниках именуются чернью — «овбош», «кизил оек» и др. Ряды городских низов пополнялись за счет разорившихся крестьян. Положение их было тяжелым.

В документах XVI в. отражено социальное расслоение ремесленников, делившихся на мастеров, старшин, подмастерьев, учеников. Мастера эксплуатировали подмастерьев и учеников, одновременно получая определенную плату за их обучение (размер ее зависел от специальности, квалификации мастера и т. д.). Некоторые зажиточные ремесленники владели мастерскими, другие работали в мастерских, принадлежащих феодалу. Большая часть ремесленников не имела своего сырья и получала его от купцов-ростовщиков в счет оплаты после изготовления изделий. При этом заключались кабальные договоры.

В городе, как и в селе, земли принадлежали в основном феодалам, которые владели также большинством лавок, караван-сараев и других построек, сдавая их в аренду.

Рабский труд применялся при сооружении и очистке оросительных каналов, на стройках, в сельском и домашнем хозяйстве, однако он не играл решающей роли в производстве.

По Абдулаббасу Мухаммеду Талибу, автору «Матлаб ат-талибин», джуйбарскому ходже Са'ду принадлежала тысяча рабов из калмыков, русских и индусов, которые были заняты на полевых работах, на постройке различных зданий или пасли стада и прислуживали в доме. По данным Васифи, при сооружении оросительной системы недалеко от Саурана было использовано 200 рабов. Как указывают современники, завоевания Шейбанидов сопровождались захватом в плен нескольких тысяч человек. Рабов приобретали также путем покупки. Цены на них в XVI в. колебались от 50 до 200 таньга.

Налоговая система и народные волнения. В государстве Шейбанидов существовала основанная еще при Тимуридах сложная система налогов, податей и повинностей, часть названий которых, вероятно, была введена с приходом завоевателей. В перечень податей и повинностей XVI—XVII вв., составленный на основании сборника султанских ярлыков, выданных на имя карасканских сейидов Ферганы, входит 90 названий. Однако этот обширный список еще не охватывает названий таких видов феодальных поборов, как закят, забитана, мадади лашкар, таваджихат и других, упоминающихся в других источниках XVI в.[1]

Основной частью ренты-налога, принадлежащего государству, в рассматриваемый период являлся «малуджихат» («мал ва джихат»), часто обозначающийся термином «мал». Сам термин «мал», как видно из документов, в рассматриваемое время часто употреблялся и в смысле сборов вообще. Синонимами термина «малуджихат» являлись «мали галлат» (или «мал ва галлат»), а также название предшествующих веков— «мал ва харадж» или просто «харадж». В документе, выданном в 953 г. х. (1546—1547 гг.) Мухаммед Дарвиш-султаном, как и в некоторых документах следующего столетия, основные государственные налоги также называются терминами «харадж» и «танабана». По расчетам исследователей, размер малуджихата в XVI в. составлял 30—40% урожая с пахотных государственных земель.

[1] Многочисленность названий различных поборов отчасти объясняется тем, что некоторые из них были синонимами, другие, близкие по своему содержанию и характеру, входили в определенную категорию и могли упоминаться в источниках как под частным названием, так и под общим. Кроме того, часть сборов носила специфический характер и относилась лишь к определенным группам населения.

Рентой-налогом, уплачиваемым населением в пользу государства, был также «ихраджат» (расходы, издержки). К категории «ихраджат» относились сборы на содержание государственного аппарата, войска и ханского двора. Собирательным названием части феодальной повинности было «ясак». Из сообщений историков видно, что в ясак включалась трудовая повинность по рытью каналов и крепостных рвов, устройству дорог, по сбору дров и соломы. Группа налоговых сборов, взимаемых с садов, огородов и посевов люцерны, называлась танабана. К этой категории, например, относился «мали багат» («мали баг»), собираемый с садов. Чрезвычайные сборы, производившиеся по усмотрению властей, особенно в связи с военными обстоятельствами и вообще в то время, когда государство особенно нуждалось в деньгах, известны были под названием «аваризат». К ним *относились такие налоги, как «такаббули», «тафавут» и «тавфири».*

На содержание административно-фискальных органов правительства, используемых для сбора податей и удержания в повиновении разных категорий феодально-зависимого населения, собирались разнообразные поборы. Это были в большинстве случев мелкие, но многочисленные специальные сборы в пользу отдельных чиновников — «мирабана», «мушрифана», «забитана», «кутвали», а также «оянда ва раванда», «джамарга», «коналга» и др. Тяжелым бременем ложилась на крестьян феодальная рента в форме трудовой повинности по возведению, восстановлению и ремонту городских стен, крепостей, дворцов, известная под названием «кала» (или «харджи кала»). Об отношении феодальных руководителей к трудовому населению, выполнявшему такого рода повинности, можно судить по сведениям Мухаммеда Юсуфа-мунши, относящимся к деятельности Шейбанида Абдулмумин-хана: если «рабочий ленился, то его по ханскому приказу вместо глины и кирпича закладывали в стену».

Обязанности по выполнению работ, связанных с ремонтом, проведением и очисткой оросительных систем в пользу отдельных феодалов, феодальных правителей и государства, в источниках XVI в., как и следующего столетия, упоминаются под названиями «казу», «мардикар» и др. Для их выполнения в условиях средневековой техники в отдельных случаях требовалось несколько тысяч крестьян. По сообщению современников, работы по проведению новой оросительной сети затягивались иногда на несколько лет. Так, по двум указам Абдулла-хана II от 987 г. х. (1579/80 гг.) и 993 г. х. (1585 г.) для проведения канала из р. Вахш правители Хиса-

ра, Кабадиана и Шахри Сафа должны были выделить 10 тыс. мардикаров. Работы эти продолжались шесть лет, и ежегодно названные области поставляли определенное число людей. Если семья не могла выставить мардикаров, она, видимо, рассчитывалась деньгами или натурой.

Чрезвычайно тяжелым бременем на окрестное население ложилась обязанность содержать в исправности оросительные каналы. По словам Мухаммеда Талиба, для ремонта плотины Хасанабадского канала, орошавшего поля джуйбарского ходжи Таджиддина, приводилось до 1000 мардикаров и до 10 тысяч ослиных вьюков хвороста. Устройством и ремонтом оросительной системы иногда занимались частные лица,

Феодал и крестьянин. По миниатюре XVI в.

причем их деятельность поощрялась отдельными правителями. Так, по грамоте Мухаммеда Хашима от 1578—1579 гг., лица, восстановившие часть канала в одном из селений Андижанской области, были освобождены от уплаты определенных налогов в пользу государства.

Во время беспрерывных военных походов феодально зависимому населению часто приходилось выполнять повинности по строительству временных переправ, мостов, снабжению проходящих войск продовольствием, арбами и лошадьми. Размеры этих сборов не были твердо установлены, в результате чего они сопровождались вымогательствами со стороны предводителей ополчений и мало отличались от простого грабежа.

Данные указа Шейбанида султана Абдулмалика Баходура (1566 г.) о проведении переписи объектов обложения свидетельствуют о существовании на территории Средней Азии в XVI в. подушной подати. Об этом же говорят действия Абдуллы-хана II в завоеванном им Хорезме. Захватив Ургенч, он каждого райата обложил 30 бухарскими таньга. С десяти — пятнадцати человек, питавшихся из одного котла, по его приказу брали подать отдельно с каждого.

Существовала подымная подать «дуд» (дуди), «тутун пули», взимавшаяся в деньгах, а также специальные налоги за пользование мельницей — «осие пули» и с толчей — «обджуаз пули», при этом в зависимости от того, кому принадлежала используемая вода и на чьей земле располагалась мельница, взимались дополнительные сборы.

С торговцев взимался закят и бадж. В государстве Шейбанидов бадж был не только средством монополии внешней торговли. Его собирали и внутри страны с товаров и имущества купцов и прочих лиц при переходе их из одной области в другую, из города в города, управляемые разными вассалами одного хана.

Часть феодальной ренты носила специфический характер и была связана с определенным занятием (например, «савсан», — налог с пушнины). Другие поборы являлись чрезвычайными налогами и взимались часто, но не регулярно. Отмена их в связи с особыми обстоятельствами оформлялась, как особая милость хана изданием громогласных фирманов и диктовалась обстоятельствами в основном политического характера. Так, Абдулазиз-хан, чтобы обеспечить себя поддержкой населения, в 1541 г. издал указ об отмене взимаемых с населения Бухары чрезвычайных налогов такаббули, тафавут и тавфири.

В случае нужды ханы прибегали к принудительным займам. Агличанин Дженкинсон, приезжавший в 1558 г. в Хиву и Бухару в качестве посла русского царя, сообщает: «Бухарский король не имеет ни большого имущества, ни богатства. Его доходы очень невелики. Содержится он главным образом за счет города..., когда у него не хватает денег он посылает своих чиновников по купеческим лавкам забирать товары для уплаты своих долгов и насильно требует, чтобы ему оказывали кредит».

Одной из важных статей дохода ханской казны, как это выяснилось при сопоставлении документов и нумизматических данных, был чекан монеты и спекуляция на денежном обращении. Каждый новый хан выпускал монету со своим именем, а курс ранее выпущенных монет понижался. «Ста-

рые» монеты принимались в государственные платежи по пониженному курсу. Их перечеканивали, и государство платило уже «новыми» монетами, выигрывая значительную сумму на разнице в курсе. Иногда нужда в деньгах заставляла казну приступать к «денежной реформе», заключавшейся в надчеканах на монетах (на них выбивался специальный маленький штамп); все монеты, не имевшие такого надчекана, объявлялись старыми, неполноценными.

Основную часть общей суммы государственного налога составляла феодальная земельная рента. Она взималась в натуральной, денежной и отработочной форме. С пахотных земель платили ренту в основном натурой. В деньгах собирали торговые налоги с лавок, базаров, караван-сараев и бань. В денежной форме взималась также часть сборов с садов, входящих в категорию танабана, с рудников. По свидетельству документов XVI в., выданных сейидам местности Караскан в Фергане, деньгами платили налог даругаги. На протяжении всего рассматриваемого периода сумма даругаги с этой местности ежегодно составляла 12 тыс. алтын динари. На основании указанных документов можно заключить, что в шейбанидском государстве даругаги собирали деньгами в твердо установленном с данной местности размере (независимо от урожая) в пользу государства или управителя — даруги. В виде особой милости верховного правителя право получения даругаги могло быть пожаловано в пользу владельца селения. Если судить по названиям, в деньгах собирали «пилла пули», «кукнар пули», «осиё пули», а также такие сборы с огородов и бахчей, как «савзи пули», «харбуза пули» и др.

Одни и те же налоговые сборы могли взиматься в пользу государства (верховного правителя), владельца селения или в пользу обоих в определенной пропорции.

О величине налогов и сборов, уплачивавшихся с земли, можно судить по имеющимся актам «обеления» земель путем передачи 2/3 их государству с тем, чтобы оставшаяся 1/3 земли была освобождена от всех налогов и повинностей. Такая сделка с государством была выгодна землевладельцу только в том случае, если доля урожая, причитавшаяся государству, составляла не менее 2/3 всего дохода с земли. Таким образом, землевладелец должен был из оставшейся одной трети извлечь доход для себя, следовательно, доля непосредственного производителя-крестьянина, обрабатывавшего его земли, была совершенно ничтожной.

В XVI в., как и раньше, практиковалось пожалование права налогового иммунитета, му'афи. По особым указам, за определенные заслуги, хан мог уступить в пользу владельца

селения всю сумму феодальной ренты-налога или часть ее. При этом нередко требовалось ежегодное подтверждение этих прав новыми указаниями правителя.

Практиковалась передача сбора феодальной ренты на откуп. Поскольку откупщик получал земли на определенный срок, обязываясь платить в казну причитавшиеся налоговые поступления, он старался получить с этих земель как можно больше дохода, безнаказанно обирая крестьян. Юридически свободное податное население порой вынуждено было искать покровительства у высокопоставленных лиц, пытаясь тем самым оградить себя от беззакония. Система покровительства была широко распространена на территории государства Шейбанидов. В грамоте 1566 г., изданной от имени султана Абдулмалика Баходура, предлагается уточнить число людей, домов, джарибов земли и тарханов, находящихся в одной из областей (хазара), а также те земли, владельцы которых находились под защитой и покровительством. Особым покровительством джуйбарского ходжи Таджиддина пользовалась группа кочевников, вероятно, кочевавшая на пастбищах, которыми он распоряжался. Лица, находившиеся под защитой и покровительством феодала, платили налоги в пользу покровителя. В документах эти сборы называются «химайат».

Сохранились материалы, сообщающие о проведении в фискальных целях описи земель и домов в отдельных областях государства Шейбанидов.

В ханских ярлыках XVI—XVII вв., опубликованных в последние годы Р. Н. Набиевым и А. Д. Джуванмардиевым, предписывается вернуть беглых крестьян высокопоставленным духовным лицам в районе восточной Ферганы, а сборщикам налогов предлагается воздержаться от взимания податей, пока крестьяне не вернутся на свои места и не приступят к работам. Этот факт показывает, что условия жизни не во всех районах были одинаковы.

Эксплуатация путем экономического и других видов принуждения нередко вызывала недовольство крестьян, проявлявшееся в форме пассивного сопротивления. Например, отказ производить посев как на господских, так и на крестьянских мильковых землях, документально засвидетельствован в районах Ферганы и Самарканда. Вероятно, подобных беглецов имеет в виду Хондемир, сообщая о лицах, которые по приказу Шейбани-хана не допускались в Самарканд, ибо, по мнению автора, их присутствие могло быть опасным для состоятельных слоев населения города. Кочевники в виде протеста порой уходили на новые земли, а жители труднодоступных

горных районов, как и население пограничных областей, платили налоги государству неполностью и нерегулярно. При отсутствии свободных пастбищ и возможности снабдить водой пустующие земли уход населения со своих прежних местожительств свидетельствовал об их крайней нужде. Карательные экспедиции против такой части населения нередко кончались неудачей и лишь при установлении сильной центральной власти их удавалось включить в податные списки. Так, Абдулла-хан II покорил жителей Ходжентских гор, которые до этого «никому не подчинялись».

Источники свидетельствуют о случаях отказа населения нести феодальные повинности. Даже такой сильный государь как Абдулла-хан II не мог заставить жителей своевременно доставлять фураж и продукты проходящим войсковым частям; ему неоднократно приходилось задерживаться в пути в ожидании снабжения, прибегать к вмешательству военных сил, посылке карательных отрядов.

Фактический материал о классовой борьбе и народных восстаниях в средневековье малочислен и разбросан. Однако отдельные высказывания придворных хронистов, современников описываемых событий, позволяют предполагать, что на территории Узбекистана в рассматриваемый период проходили активные народные выступления (например, восстание в Каракуле или бунты в Самарканде в начале XVI в.).

Нередко народные массы надеялись облегчить свое тяжелое положение посредством смены феодальных правителей. Они присоединялись к отдельным султанам и бекам, которые выступали против правящего феодала в корыстных интересах. Так было во второй половине XVI в. в Пскенте, а в 1587/1588 гг. — в Ташкенте.

Ремесло и внутренняя торговля. В государстве Шейбанидов, особенно в таких городах как Самарканд и Бухара, были развиты разнообразные ремесла. В «Казийских документах XVI века» упоминается свыше шестидесяти названий ремесел. Многочисленность названий объясняется наличием узкой специализации профессий и усилением разделения труда в некоторых отраслях ремесленного производства, например в ткачестве — ткачи материи, ткачи чалмы, ткачи платков, ткачи алачи и т. д.

К первой четверти XVI в. относится указание письменных источников о литье чугуна в Ташкентской области, о наличии чугонолитейщиков в Самарканде, о применении чугуна в быту (котлы). Таким образом, в рассматриваемый период из руды добывалось не только железо, но и чугун. Из металлических изделий особенно распространены были сосуды из бронзы и

меди: кувшины, чаши, поверхность которых покрывалась гравировкой и чеканкой с богатым, почти исключительно растительным орнаментом, в который вкомпановывались каллиграфически выполненные арабские и таджикские надписи. В мемуарах Васифи упоминается имя специалиста по тончайшей художественной отделке металлических сосудов Устада Камаля.

Особое место среди ремесел занимала чеканка монет.

Среднеазиатские ткани, бумажные (зандани, бязи, миткали, набойки и т. д.), шелковые и полушелковые, отличались высоким качеством выработки, яркой расцветкой. Наряду с текстильным производством, большое значение в ремесленной промышленности имело производство оружия. Славилось дорогое оружие бухарской работы: сабли, ножи, латы, щиты, шлемы, украшенные драгоценными камнями и насечкой из золота и серебра, а также бухарские луки (иногда тоже отделанные золотом), колчаны, «шитые шелком и золотом».

В XVI в. в Средней Азии пользовались ручным огнестрельным оружием и пушками. Однако количество их было невелико, поэтому одновременно применялись манджаныки (катапульты).

Высокого уровня достигла резьба по камню. В этом ремесле особенно отличались самаркандские мастера. Продолжала развиваться также художественная резьба по дереву и алебастру. Керамические изделия, белополивные, с синим и черным орнаментом, изображающим цветы, побеги и листья, отличались высоким качеством гончарной массы, блеском, чистотой лазури, яркостью красок. Они были сходны по способу выделки и художественному оформлению с изделиями тимуридского времени, но уступали им по совершенству технического исполнения.

О развитии техники свидетельствует большое количество мастерских по изготовлению писчей бумаги в окрестностях Самарканда. Высококачественная самаркандская бумага, известная под названиями «мирибрагими», «султани» и др., была известна далеко за пределами страны.

О развитии техники в XVI в. свидетельствует также обилие водяных мельниц и маслобоек. К этому времени относятся данные о работе мыловаренной мастерской в Самарканде.

Развитие ремесла способствовало расширению транзитной и внутренней торговли. В Самарканде и Бухаре XVI в. имелось большое количество специализированных базаров кузнецов, прядильщиков, продавцов веревок, войлока, корзинщиков, свечников, а также конных, овощных базаров, рядов, где продавались книги. В Бухаре до настоящего времени сохра-

нились построенные при Абдулла-хане II чорсу — купольные здания, возведенные на перекрестках базарных улиц. В них размещались продавцы головных уборов, ювелиры, менялы-ростовщики и др.

«Для каждого промысла отведен отдельный базар, и они не смешиваются друг с другом», — сообщает один из современников.

В меньших масштабах, чем в Самарканде и Бухаре ремесленное производство и торговля были развиты в Шахрисабзе, Карши, Ташкенте, Андижане, Уратепа, Ахсикенте, Ходженте, Маргилане. Значительная роль в ремесле и торговле принадлежала присырдарьинским городам Аркук, Сыгнак, Сауран, Ясы.

Оживленная торговля шла между пригородными сельскими районами и городом. Крестьяне привозили на базар овощи, фрукты, продукты скотоводства. В торговле участвовали даже отдаленные области страны. Так, Хорезм, не имевший достаточного количества хлеба, получал пшеницу и ячмень из Термеза. Торговые операции, связанные с большими расстояниями и многократными обложениями товаров налоговыми сборами при перевозке их через границы отдельных областей, переправе через реки были под силу лишь крупным феодалам.

В XVI в. в связи с усилением политической роли Бухары появляется необходимость в перестройке городских стен, обусловленная превращением окрестных селений в пригороды. Включение их в черту города стимулировало дальнейшее развитие в них ремесла и торговли. Основная масса населения Самарканда и Бухары в рассматриваемый период была тесно связана с товарным хозяйством. Решающей сферой экономики оставалось сельскохозяйственное производство.

Из ископаемых богатств в государстве Шейбанидов добывались железо и бирюза — в Ташкентской области (древний Илак), золото — в Ишкамыше, мрамор и строительный камень — в горах Ферганы, между Самаркандом и Шахрисабзом, а также сера. В источниках XVI в. указывается на наличие нефти; она находила широкое применение в военном деле.

Торговые и дипломатические сношения Средней Азии. В XVI в. Средняя Азия поддерживала торговые и дипломатические отношения со многими странами. По словам Дженкинсона, «в Бухаре бывает ежегодный съезд купцов, приезжающих большими караванами из прилегающих стран: Индии, Персии, Балха, России и разных других...». Основным предметом вывоза из Средней Азии были разнообразные текстильные изделия — миткаль, зандани разной расцветки, киндяки

и др. Вывозились также шелковые и полушелковые ткани, самаркандская бумага (особенно сорта «султани» и «мир-ибрагими»), ковры, бронзовые и медные сосуды, оружие (сабли, ножи, щиты, латы, бухарские луки), малиновый бархат, кони, сушеные фрукты (среди которых в странах Востока особенно ценились бухарские сливы), дыни, айва, грецкий орех, фисташки, миндаль.

В города Туркестана, по словам Ибн Рузбехана, в начале XVI в. ввозились красивые изящные товары: хорошие платяные и ковровые изделия, серебряные и золотые украшения. Из Астрахани доставляли шубы из соболиного и беличьего меха, тугие луки, стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие изделия, а также коней и верблюдов. В Сыгнак привозили товары купцы Туркестана и Хотана. Сейфи (1582 г.) сообщает о товарах, привозимых казахами. Их кафтаны, пишет он, «сделаны из овечьей шерсти; они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атласные кафтаны; их отправляют в Бухару и там их покупают по той же цене, как атласные, до того они красивы и тонки». В XVI в. через Туркестан еще велась торговля с Дальним Востоком, связи с Китаем из-за междоусобий в соседних областях были нерегулярны. Несмотря на враждебные отношения между Шейбанидами и Бабуром, продолжались торговые и дипломатические сношения с Индией. В 935 г. х. (1528—1529 гг.) к Захириддину Бабуру было отправлено посольство узбекского хана Кучкунчи, в его состав входили также представители от других Шейбанидов. Особенно усилились эти связи при Абдулла-хане, отправившем к Акбару в Индию несколько посольств с подарками и письмами. Сохранилось послание Абдулла-хана Акбару, отосланное через Назар-бия-дадхо. В свою очередь Акбар посылал ответные посольства с подарками и письмами. Эта взаимная поддержка дипломатических отношений объясняется главным образом стремлением обоих государей захватить территорию между государствами Шейбанидов и Великих моголов, а также совместно совершить поход на сефевидский Иран.

После того как португальцы овладели гаванями западного побережья Индии, заметно возросла торговля Индии со Средней Азией. Через Хорасан и Иран в этот период ежегодно проходило до 14 тыс. груженых верблюдов, тогда как раньше число их не превышало. 3 тыс. Как констатирует один из современников, из Самарканда в Индию вывозили особого сорта груши, яблоки, кишмиш, миндаль, лошадей, верблюдов, а также товары доставляемые из России — меха, охотничьих птиц. «В самые крайние земли Индии и Китая»

вывозили хорезмские дыни. Из Индии в Среднюю Азию ввозили кисею, парчу, краски, жемчуг, чай; из Афганистана— сахарный тростник, из Ирана — пестрые шелковые и платяные ткани, полотно. Однако следует отметить, что установление враждебных отношений между государствами Шейбанидов и сефевидским Ираном отразилось на внешней торговле между этими странами. Борьба узбекских ханов с Сефевидами находила отклик в Турции, которая прикрывала наступательные действия на Иран религиозной оболочкой борьбы суннитов с шиитами. В связи с этим в XVI в. отмечается оживленный обмен послами и переписка между узбекскими ханами (Шейбани, Убайдуллой и Науруз Ахмедом) и турецкими султанами (Баязедом I, Селимом и Сулейманом I).

Значительная торговля велась с сибирскими городами — Тобольск, Тюмень, Тара. Туда вывозили хлопчатобумажные ткани, шелк и другие товары, а из Сибири ввозили меха, ревень; через Сибирь в Среднюю Азию попадали также транзитные товары.

Давние торговые отношения существовали между Средней Азией и Казанским ханством. В Казани в период ее независимости упоминаются тезики (таджики) — среднеазиатские купцы; одно из урочищ в центре города называлось тезицким рвом, а в Средней Азии выделывался сорт кожи «булгари», получивший свое название от волжских булгар.

Присоединение Казанского и Астраханского ханств к Московскому государству открыло возможность непосредственных сношений государств Средней Азии с Россией. В 1557 г. из Хивы и Бухары было отправлено посольство в Москву с просьбой о разрешении свободной торговли в России. Для расширения торговли со Средней Азией в России была организована «Московская компания». В Бухару в 1558 г. в качестве посла Ивана IV прибыл англичанин Дженкинсон, который отмечал, что «Русские привозят в Бухару сырые кожи, овчины, шерстяные материи, деревянную посуду, уздечки, седла и т. п., а увозят отсюда разные изделия из хлопка, различные сорта шелка, материи и другие вещи».

Во второй половине XVI в. происходит оживленный обмен торговыми караванами-посольствами между Бухарой и Москвой, причем караваны снаряжались не только в Самарканде и Бухаре, но и в крупных вассальных городах — Ташкенте, Ургенче, Балхе и др. С 1583 г. по 1600 г. в Москве побывало пять бухарских и два хивинских посольства. Основной целью их было установление дипломатических отношений между Средней Азией и Московским государством, обмена товарами и свободной торговли в Астрахани, Казани и других городах.

Как явствует из грамот второй половины XVI в., из России вывозили, кроме товаров указанных выше, воск, мед, кожи, шубы, а из запрещенных для вывоза частным лицам товаров — золото, серебро, кречеты, кольчуги и панцири (джавшани фаранги), пленных. По свидетельству Дженкинсона, часть русских товаров из Бухары шла дальше в Индию и Персию. Среди товаров, отправленных в Астрахань Абдуллаханом II в 1585 г., было свыше 40 пудов красок, доставленных, видимо, из Индии. Через Московское государство в Среднюю Азию попадали товары европейского происхождения, например, сукно. «Ханская» и «царская» торговля, которая велась через посредство особых уполномоченных и доверенных купцов, в XVI в. была освобождена от пошлин и поборов.

3. КУЛЬТУРА В XVI в.

В Мавераннахре XVI в. продолжали развиваться литература, историческая наука, архитектура и изобразительное искусство.

Большого расцвета достигла поэзия. Свидетельством этого являются антологии среднеазиатской литературы «Музаккир ал-ахбаб» Хасана Бухари Нисари (1566 г.) и «Тазкирати шуара» Мутриби (1604—1605 г.). В них приводятся имена нескольких сотен деятелей литературы и науки, живших и творивших в Самарканде, Бухаре, Ташкенте и других городах Средней Азии. Сам факт составления антологии говорит о высоком культурном уровне населения в рассматриваемое время.

Развитие ремесла и торговли способствовало расширению социального круга писателей и поэтов. Зайниддин Васифи, будучи в 1512 г. в Самарканде, отметил участие на собраниях-пиршествах поэтов-ремесленников, торговцев и простых горожан. Некоторые из них прекрасно владели техникой стихосложения. Их произведения в свое время сыграли значительную роль в культурном развитии средних слоев населения.

В создании произведений устного народного творчества активное участие принимало трудовое население города и села. В них оно выражало протест против насилия и несправедливостей, царивших в феодальном обществе. Основным героем этих произведений являлся народ.

Для Мавераннахра первой половины XVI в. характерно появление литературных и исторических произведений на узбекском языке. Одним из ранних сочинений этого направления является «Таварихи гузида Нусрат-намэ», автор кото-

рого пока точно не установлен. На узбекском языке составлена и героическая поэма Мухаммеда Салиха «Шейбани-намэ». Оба эти произведения, хотя и написаны по заданию и при участии Шейбани-хана, все же включают интересный фактический материал по истории, этнографии и литературе народов Средней Азии. Мухаммед Салих писал и стихи. Его тонкая лирика была известна далеко за пределами Самарканда. По свидетельству современников, стихи Мухаммеда Салиха декламировали в литературных кругах Герата и Индии.

Выдающееся место среди произведений средневековья занимает замечательный исторический и литературный памятник на узбекском языке — «Бабур-намэ («Записки Бабура»). Захириддин Бабур был также автором лирических произведений. Во многих из них отразились мотивы любви к родине, с которой он был разлучен.

К первой четверти XVI в. относится исторический труд Абдуллы ибн Мухаммеда «Зубдат ал-асар». В нем раскрываются противоречия в лагере Шейбанидов, явившиеся одной из причин гибели Шейбани-хана.

На узбекский язык переводятся исторические произведения Рашидиддина и Шарафуддина Али Иезди. Упоминается также о переводе на узбекский язык «Мунтахаби джами ва таварихи шахи» — сочинения, посвященного Улугбеку. Все это свидетельствует о расширении сферы влияния узбекского языка, а также о преемственности творческих традиций Алишера Навои.

Сохранилось большое количество исторических трудов, составленных на таджикском языке. К ним относится стихотворная поэма Муллы Шади, в которой, несмотря на тон официальной преданности Шейбани-хану, звучат мотивы социальной тематики. В поэме изображен безжалостный завоеватель; в результате его действий «потоки крови вливались в реки». Автор подчеркивает, что трудящееся население не получало никакой поддержки от тимуридской знати», «в которую оно верило». «Куда ни приходили нищие, они ничего не получали».

В конце тридцатых годов XVI в. написаны мемуары Зайниддина Васифи «Бадаи-ал-вакаи», где описываются события, свидетелем которых он был во время пребывания при дворе Шейбанидов. Ценные мемуары «Михман-намэи Бухара» принадлежат Фазлуллаху ибн Рузбехани Исфахани, так же как и Васифи, в числе других деятелей культуры эмигрировавшему в Среднюю Азию. В обоих этих произведениях имеется богатый материал, характеризующий социально-бытовую жизнь народов Средней Азии и Казахстана.

Капитальный труд по истории периода Абдулла-хана II — «Шараф-намэи-шахи», более известный под названием «Абдулла-намэ», написал Хафиз Таныш Бухари. Посвященный описанию политических событий этот труд содержит интересные данные и по социально-экономической истории Средней Азии.

Наиболее крупным поэтом второй половины XVI в. был Мушфики, придворный поэт Абдулла-хана II. Ему принадлежат три сборника (дивана) лирических стихов, много эпиграмм и сатирических стихотворений. Остроумная сатира Мушфики имела широкое распространение. Среди народных масс Мушфики слыл вольнодумцем.

Некоторое участие в создании литературных произведений принимали отдельные шейбанидские правители. Сам Шейбани-хан был образован в духе своего времени. На привалах во время военных походов он любил устраивать ученые собрания, на которых обсуждались не только религиозные, но и научные вопросы. Перу Шейбани-хана принадлежат стихи на узбекском и таджикском языках, а также сочинение на узбекском языке «Бахр ал-худа». Любителем поэзии и меценатом был его брат Махмуд-султан и внук Пулат-султан. При Убайдулла-султане Бухара стала центром просвещения и высокой культуры и, как сообщает в «Тарихи Рашиди» Мухаммед Хайдар, достигла такого же блеска, как Герат при Султан-Хусейне. Покровителями поэтов, историков и литераторов были Абдулла-хан II и его приближенный Кулбаба Кукельташ. Однако любовь к поэзии и меценатство ханов и сановников сочетались с их жестокостью и эгоизмом. Придворных поэтов, писателей и строителей, не удовлетворявших их прихотей, они били палками (так поступил Шейбани-хан с музыкантом Хусейном Уди), убивали (по приказу Убайдулла-хана был казнен поэт Хилали), замуровывали в стены (чем отличился Абдулмумин-хан). О своем противнике Шейбани-хане Захириддин Бабур не без иронии сообщает: «взяв в руки перо, он исправлял писания и рисунки» знаменитого каллиграфа Султана-Али Мешхеди и блистательного художника Бехзада. Он приказывал вывешивать «свои бездарные стихи на чорсу и брал с народа подарки».

При завоевании новых областей ханы насильно вывозили выдающихся каллиграфов, художников, музыкантов, ремесленников. В Мавераннахр после захвата Хорезма были привезены талантливые люди из Саурана, Кята, Булдумсаза.

Особое место среди письменных памятников XVI в. принадлежит документальным материалам — ханским ярлыкам, поземельным купчим, закладным, арендным, вакфным и дру-

гим документам, часть которых дошла до нас в виде сборников (казийские документы, архив джуйбарских шейхов, ярлыки на имя ферганских сейидов и др.). Все они представляют собой большую ценность, так как содержат сведения о земельно-водных отношениях, торговле, ремесле, судопроизводстве и многих других сторонах экономической жизни рассматриваемого времени. Основная часть их написана на таджикском языке, но некоторые составлены на узбекском языке, например, грамоты Науруз Ахмед-хана, Мухаммед Хашим-султана, Мухаммед Мумин-султана и др.

Наука при Шейбанидах не получила широкого развития. К XVI в. относится появление «Трактата о способах счета» с объяснением умножения чисел. В 1593 г. Амин Ахмед Рази составил географическо-биографический словарь «Хафт иклим» («Семь климатов»). Приблизительно к этому же времени относится составление «Тазкирати шуара» Мутриби, к которой была приложена карта мира.

Более ощутимы были сдвиги в области медицины. В 1541 г. Мухаммед Хусейн ибн ал-Мирекн ас-Самарканди составил список медико-фармакологического трактата, снабдив его тонко исполненными рисунками в красках, изображающими лекарственные растения и сосуды для приготовления и хранения лекарств. Из казийских документов XVI в. мы узнаем, что в Самарканде вели частную практику врачи-табибы, глазные врачи, костоправы. При Науруз Ахмед-хане находился глазной врач Шах-Али ибн Сулейман. В Самарканде в правление Кучкунчи-хана практиковал «хорасанский врач» Султан-Али. Он написал «Руководство для врачевания», содержащее общее учение о болезнях и терапии.

В крупных городах имелись лечебницы (дар аш-шифа), однако попасть в них простому народу было невозможно. В XVI в. отмечено несколько эпидемий чумы, от которой, в силу экономического состояния, прежде всего погибала масса беднейшего населения.

Многие поэты, деятели науки были знатоками музыки. К первой половине XVI в. относится составление труда по музыке бухарцем Маулави Каукаби.

При Шейбанидах (Шейбани-хане и Кучкунчи-хане) проводилась значительная работа по переводу сочинений на узбекский язык, что свидетельствует об интересе к историческому прошлому. Интерес к книге способствовал расширению библиотек. В Бухаре была создана библиотека Абдулазиз-хана. В ней переписывали книги знаменитый каллиграф Мир Али Харави (умер в 1551 г.) и Ахмед ал-Хусейни. Широкой известностью пользовалась библиотека Абдулла-хана II, ко-

торую в течение многих лет возглавлял известный каллиграф Мир Хусейн ал-Хусейни, ученик Мир Али. При библиотеках работали также художники и переплетчики. Согласно «Вакфнамэ», при самаркандском медресе Шейбани-хана книги хранились в сундуках. Отмечается, что некоторые из книг были редкими.

Высокого уровня достигло в XVI в. искусство каллиграфии. Выдающимися мастерами художественного письма были Султан-Али Мешхеди, Мир Али Харави, Махмуд ибн Исхак аш-Шихаби и др. В 1586—1587 гг. Дервиш Мухаммед ибн Дуст Мухаммед Бухари составил труд по теории каллиграфического искусства.

Рукописи украшали миниатюрами. До нас дошло несколько рукописей исторического содержания, иллюстрированных миниатюрами, посвященными событиям и лицам, описанным в сочинении. Особо следует отметить «Фатх-намэ», «Тарихи Абулхайр-хани», список сочинений Алишера Навои, сделанный в 1521 г., и экземпляр «Таварихи гузида Нусрат-намэ», переписанный в 1562—1563 г. Миниатюры, иллюстрирующие эти произведения, отражают материальную культуру Средней Азии и отличаются стремлением художников реалистически отобразить действительность. В лицах, в деталях одежды и головных уборов, как во всей обстановке, эти миниатюры передают особенности этнического облика населения Средней Азии XVI в. Рисунки не всегда подписывались. Все же до нас дошли имена некоторых художников этого времени. Среди них Махмуд Музаххиб, расцвет творчества которого относится к середине XVI в. Одна из его миниатюр отражает социальные противоречия феодального общества: старая ткачиха, встретившись с султаном Санджаром, гневно упрекает его в разорении народа в результате многочисленных поборов.

Значительную роль в развитии живописи XVI в. сыграли другие художники, среди них Джалалиддин Юсуф, придворный живописец Кельди Мухаммеда. Он нарисовал меткую карикатуру на одного из вельмож. Оригинальные миниатюры создали Мухаммед Чагры Муассин, Абдулла, Мухаммед Мурад Самарканди. В них «формы и краски были... свои, особенные». Анализ творчества миниатюристов этого времени позволил говорить Г. А. Пугаченковой о возникновении в XVI в. особой среднеазиатской школы миниатюрной живописи.

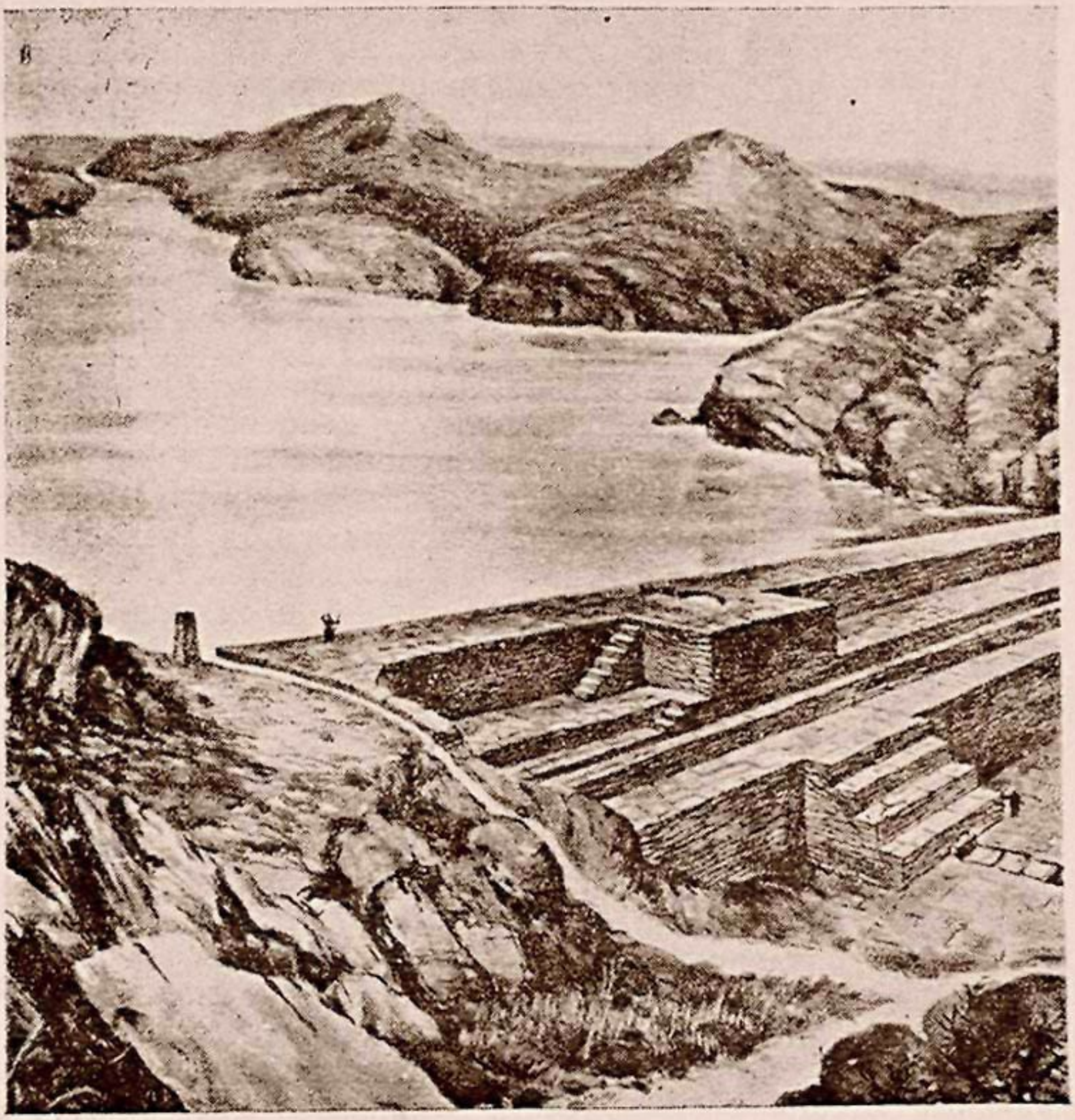
Культура Средней Азии не развивалась изолированно от других стран. В XVI в. существовали культурные связи с Кабулом, Кашгаром, Индией, Турцией и другими странами.

Особый интерес в этом отношении представляет сообщение о прибытии при Баязеде (1481—1512 гг.) из Средней Азии в Турцию мастера Баба-наккаша, считающегося учителем турецких живописцев. Художники Мухаммед Мурад и Мухаммед Надир были отправлены из Самарканда ко двору Великого могола Акбара (1556—1604 гг.). Некий Гулям Шади, «который сочинил столько накшей и саутов», был отослан Шейбани-ханом к казанскому хану Мухаммед Амину. Казанский поэт XVI в. Мухаммедьяр хорошо знал произведения Алишера Навои. Часть историков, поэтов, каллиграфов, врачей прибыла на территорию шейбанидского государства из Ирана. Некоторые из них бежали сюда, спасаясь от преследований приверженцев суннитского толка Исмаилом Сефеви, другие были уведены завоевателями, часть перешла к Шейбанидам вследствие упадка культуры в Герате. Известные писатели Фазлуллах ибн Рузбехан, Зайниддин Васифи, знаменитые каллиграфы ходжа Махмуд, Сайид Ахмед Мешхеди, оставив Иран, добровольно переехали в государство Тимуридов.

В результате созидательного труда ремесленников и активного участия в строительстве трудового населения страны в XVI в. были возведены многочисленные гражданские, культовые и инженерные сооружения различного назначения. Они свидетельствуют о высоком инженерно-техническом и художественном уровне зодчества Средней Азии этого столетия, о новом направлении в его развитии. К сожалению, имена народных мастеров, строивших караван-сараи, торговые купола, мечети, медресе и мосты, не дошли до нас. Исключения встречаются редко. Сохранилось, например, имя зодчего Гуляма Хусейна, строившего мавзолей Каффаля Шаши в 1541—1545 гг. Обычно возведение дворцов приписывается не народным зодчим, а могущественным феодальным правителям, имена которых закрепились за большинством архитектурных памятников. Среди них медресе Шейбани-хана в Самарканде, являвшееся по общему определению современников величественным зданием с золоченым кровом и многочисленными худжрами, медресе Абдурахима садра, выполненное знатным вельможей нецарского происхождения, суфа Шейбани-хана, представляющая собой возвышение из земли, облицованное каменными полированными плитами и брусьями из местного мрамора (обработанным таким образом камнем в Самарканде стали пользоваться лишь в XV—XVI вв.). В этом столетии также построена грандиозная соборная мечеть Мачити Калон, изысканно де-

корированное медресе Мири Араб, два больших медресе Абдулла-хана, медресе Кукельташа, Калобод и др.

Согласно данным письменных источников, при Шейбанидах был произведен ремонт некоторых зданий, построенных ранее.



Водохранилище XVI в.

В рассматриваемый период в Средней Азии развернулось строительство зданий гражданского назначения — всевозможных торговых построек, ирригационных сооружений, мостов. При Шейбанидах были построены новые караван-сараи (например, Гаукушан), являвшиеся одновременно гостиными дворами и торговыми пунктами. Крупным сооружением было Тими Калон в Бухаре — большой торговый ряд.

В чорсу (купольные здания на перекрестках улиц) располагались продавцы головных уборов («таки тильпак фурушан»), ювелиры («таки заргаран»), менялы и ростовщики («таки саррафан»). Существовало специальное чорсу для кузнецов.

Вдоль караванных путей ремонтировалось и строилось заново большое количество цистерн («сардоба»). Возводились мосты через реки (мост-вододелитель на Зарафшане), была построена водоудерживающая плотина «Абдулла-хан банди» — инженерное сооружение с водоспускным регулятором в Акчобе к востоку от Нур-Аты. Проведены были новые оросительные каналы недалеко от Саура на р. Вахш. О величине канала, выведенного из Вахша, можно судить по следующим данным: работы по его сооружению продолжались шесть лет и ежегодно здесь работала тысяча мардикаров. Множество оросительных каналов было проведено крестьянами под руководством джуйбарских шейхов.

Строились бани. По свидетельству Дженкинсона, в Бухаре «бани так искусно выстроены, что подобных им нет на свете». Разрушение городских стен при занятии Бухары Шейбани-ханом в 1500 г. и рост города заставили Абдулазиз-хана и Абдулла-хана II окружить город новой стеной, эта стена сохранилась без существенных изменений до начала XX в.

Большие здания строились и в других городах государства. Было сооружено «очень высокое здание» над могилой Абулхайр-хана в Сыгнаке, мечеть в Ясе, дворец на берегу реки около города Карши, медресе в Сауране, возведено множество построек в Сумитане, благоустроено селение Хасанабад.

В связи с развитием суфизма и образованием религиозных орденов среди культовых построек XVI в. становится особенно популярной ханака, представляющая собой сочетание мечети и жилых помещений, например, ханака с огромными куполами в селении Бахауддин, ханака Файзабад и др.

Постройки возводились по чертежам. Сохранился уникальный документ с чертежами бухарского мастера XVI в., на котором изображено крытое водохранилище («сардоба») и придорожная станция («рабат»), соединенные в единый комплекс, что свидетельствует о стремлении зодчего увязать отдельные сооружения в одно целое. Строительство большого количества сооружений различного назначения в условиях своеобразного климата стимулировало специализацию строительных материалов. Для сохранения сооружений, подвергающихся разрушению под воздействием сильно засоленных грунтовых вод, в Бухарской области создавались спе-

циальные гидроизоляционные устройства. Для нижних частей гражданских и культовых сооружений широко использовался гипс повышенной водоустойчивости.

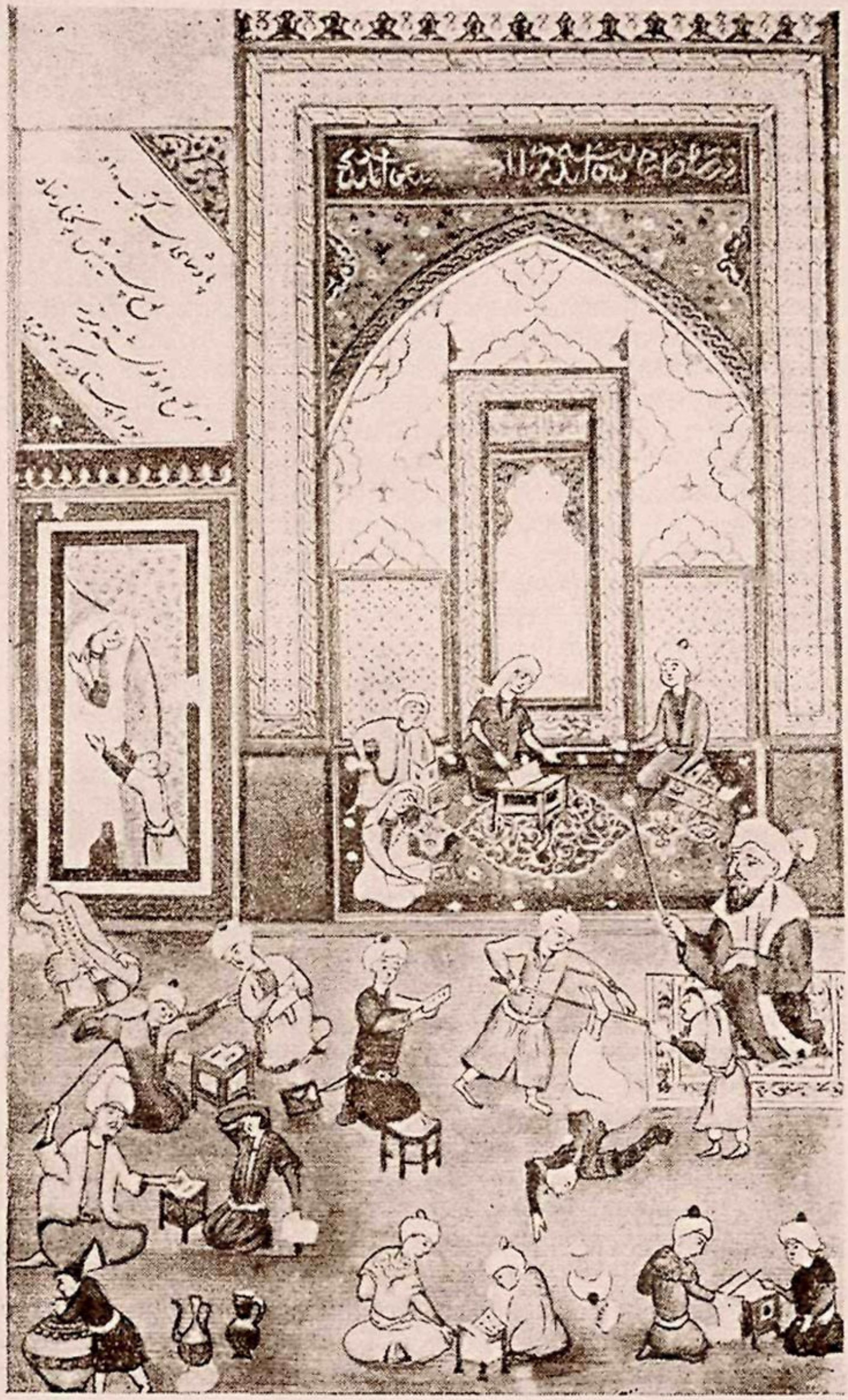
В декорировке зданий применялись расписные майоликовые плитки, покрытые мелким растительным орнаментом. Значительное распространение получили стенные росписи орнаментального характера, выполненные приемом, распространившимся, видимо, при поздних Тимуридах: узору придавали невысокий рельеф особой красноватой краской (кундаль), накладывавшейся толстым слоем. Рельефные части узора покрывали позолотой, на синий или зеленый фон наносили мелкие цветы и узоры. Все это создавало эффект накладных золотых узоров по «мелкотравчатому» орнаментированному полю. Значительные успехи в этот период были достигнуты в развитии сводчатой техники.

Таким образом, в строительстве в XVI в. наблюдается совершенствование технических и технологических приемов в производстве и использовании строительных материалов. Зодчие совершенствуют планировку зданий, уменьшают толщину стен и высоту помещений, что приводит к значительному экономическому эффекту и сокращению сроков строительства. Однако стремление к более экономичным конструкциям и приемам строительной техники явилось причиной непрочности многих построек абдуллахановского времени.

В архитектуре XVI в. широко применялись художественные решетки — «панджара». Среди них выделяются мозаичные решетки из поливных изразцов бухарских медресе Мири Араб, Абдулла-хана и Кукельташ, а также монументальные панджара из мрамора и мраморовидного известняка на склепах в Бахауддине.

На высоком художественном уровне стояло изготовление каменных надгробий, поверхность которых покрывают и изысканная растительная орнаментация и надписи, выполненные известными каллиграфами. Превосходными образцами являются надгробные камни дахмы (суфы) Шейбани-хана и надгробие Абусаид-хана из Чильдухтарана.

Городское и часть сельского (в основном зажиточные слои) населения получали школьное образование. Описывая события в Кундузе, Мухаммед Салих упоминает, что почти в каждом квартале Кундуза были мактабы (школы). В определенных кругах было распространено обучение с помощью домашних учителей. Васифи выступал в этой роли при узбекском царевиче Науруз Ахмеде в Ташкентском уделе. Ходжа Али ал-Хорезми, садр Шейбани-хана, в источниках 20-х го-



Средневековая школа. По миниатюре.

дов XVI в., назван учителем «султанов и хаканов». Обучение детей начиналось с шестилетнего возраста: они изучали арабский алфавит, начертания его отдельных знаков. Из мактаба учащиеся переходили в медресе, где их знакомили главным образом с основами богословия. Специальное дело, например, бухгалтерский учет, а также искусство стихосложения, музыка и каллиграфия изучались вне стен медресе.

Согласно вакфному документу 30-х годов XVI в., в медресе имелись три группы учащихся — низшая, средняя и высшая, соответственно которым определялась стипендия и паек. Обучение студентов каждой группы продолжалось в течение восьми лет, так что общий курс образования в медресе длился 24 года. На миниатюре XVI в. отображена одна из худжр медресе, где проводятся занятия студентов — уже бородатых мужчин. На другой миниатюре, где также показаны занятия в средневековой школе, мы видим, как наказывают «провинившихся» учеников.

Служба в медресе и посещение занятий в назначенные дни были обязательны. В случае пропуска без уважительной причины, студент мог быть лишен довольствия за пропущенные дни. Паек и деньги, выделяемые из доходов вакфного имущества на каждого учащегося, были недостаточными для пропитания, что безусловно являлось одной из причин, затруднявших поступление в медресе необеспеченной части населения страны. Учащиеся медресе могли жить и ночевать в худжрах медресе, за исключением тех случаев, когда все худжры нужны были для занятий. Последняя оговорка ставила в тяжелое положение студентов, не обеспеченных жильем.

По некоторым сведениям, мутавалли и преподаватели пользовались услугами студентов. Так, по сообщению Джани Махмуда, известный Камалиддин Хусейн Хорезми заставлял своих учеников заниматься строительными и другими работами. Алишер Навои приводит ряд эпизодов из жизни необеспеченных студентов, а в мемуарах Васифи описывается смерть от голода двух иногородних студентов в Самарканде в 1504 г. Были случаи, когда студенты, возмущенные тяжелыми условиями своего существования, выступали против отдельных особенно ненавистных им лиц из числа преподавателей и других представителей духовенства. Мухаммед Талиб упоминает о возмущениях учащихся в бухарских медресе и их расправах над некоторыми высокопоставленными лицами.

ГЛАВА XIV

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАВЕРАННАХРА ПРИ АШТАРХАНИДАХ В XVII—XVIII вв.

1. ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

После гибели Шейбанида Абдулмумина в стране усилились феодальные междоусобия. Иранцы усмотрели в этом благоприятный случай, чтобы завоевать обратно области, отнятые у них Шейбанидами. Шах Аббас взял Сабзевар и Мешхед, а позже — Герат. В Балхе, при содействии шаха, правителем стал его ставленник.

На севере, из района Ташкента, вторгся казахский султан Тевеккель. При помощи больших сил казахов, моголов и калмыков он завладел Самаркандом, но при попытке захватить Бухару потерпел поражение. Неудача этого похода не остановила бы Тевеккеля, если бы он не получил в битве между Самаркандом и Бухарой тяжелой раны, от которой умер в Ташкенте около 1599 г.

Эмиры шейбанидского государства решили избрать ханом проживавшего в Бухаре выходца из Астрахани, царевича Джанибек-султана, женатого на сестре Абдулла-хана и считавшегося поэтому в родстве с Шейбанидами. Джанибек отказался от предложенного ему престола. Тогда эмиры избрали старшего сына Джанибека, Дин-Мухаммеда, находившегося в Абиверде, осажденном иранцами. Но Дин-Мухаммед погиб по пути в Бухару. Затем бухарские эмиры избрали ханом его брата Баки-Мухаммеда, а третьего сына Джанибека — Вали-Мухаммеда объявили наследником и, согласно обычаю, отправили наместником в Балх. Так, с 1599 г. начала свое правление новая узбекская династия в Мавераннахре, получившая название аштарханидской, то есть астраханской,

другое название которой — «Джаниды» произошло от имени их родоначальника — Джанибека.

Развитие крупного землевладения главарей узбекских племен на базе их «юртов», пожалований и прямого захвата сделало их настолько сильными и самостоятельными, что ханы аштарханидской династии оказались в полной зависимости от своих вассалов. Даже самое избрание хана из семьи Джанибека объясняется тем, что вассальные эмиры стремились посадить на ханский трон людей, не связанных прочными узами с узбекскими племенами, составлявшими основную военную силу. В связи с этим ханы не имели возможности действовать самостоятельно без согласия и поддержки эмиров и высшего мусульманского духовенства, входившего в правящую группу феодалов.

После смерти в 1605 г. Баки-Мухаммеда на престол был возведен его брат, балхский наместник Вали-Мухаммед (1605—1611 гг.). Вскоре в Бухаре составился заговор против Вали-Мухаммеда, и бухарская знать решила посадить на его место Имамкули-хана (1611—1642 гг.).

Вали-Мухаммед-хан, узнав о заговоре, бежал с двумя своими сыновьями в Иран под защиту шаха Аббаса, который дал ему значительные военные силы для возврата утраченной власти. Приближение иранских войск вызвало в Бухаре растерянность. Однако узбеки разбили шахское войско, захватили в плен и убили Вали-Мухаммеда.

В борьбе с иранцами и Вали-Мухаммедом Имамкули-хану помогли казахи из Ташкентского района. Вскоре ему, однако, пришлось защищать свои владения от набегов недавних союзников. В 1613 г. Имамкули удалось разбить казахов, овладеть Ташкентом и посадить там наместником своего сына Искандера. Но едва Имамкули ушел из Ташкента, как жители, возмущенные поборами и притеснениями, восстали и убили царевича. В отмщение за смерть сына Имамкули поклялся, что по взятии Ташкента он не прекратит избиения горожан до тех пор, пока кровь не дойдет до стремени его коня. После месяца осады Ташкент был взят, и бухарцы произвели в нем такую резню населения, что даже начальники собственного войска Имамкули стали просить хана прекратить избиение ни в чем не повинных людей, но он заявил, что не может нарушить данной им клятвы. Тогда ташкентские законоведы предложили хану въехать на коне в водоем, где бы вода, окрашенная кровью убитых, доходила до стремени его коня. Тем самым хан выполнил свою клятву и приказал прекратить избиение горожан.

В правление Имамкули государству Аштарханидов приш-

лось иметь дело и с каракалпаками, по-видимому, особенно близко продвинувшимися к границам бухарских владений. При описании разгрома каракалпаков войсками Имамкули в Каратау историки упоминают, наряду с каракалпаками, и калмыков. Калмыки, или ойраты, — многочисленный народ тюрко-монгольского происхождения — обитали сначала на территории между Сибирью и Кашгаром и от Алтая до р. Или. Продвигаясь в XVI в. на запад, калмыки столкнулись с казахами, и вступили с ними в кровопролитные войны. В зиму 1603—1604 гг. калмыки совершили свое первое нападение на Хорезм. При Имамкули выступления калмыков против Мавераннахра усилились. Это был сильный кочевой народ, против которого хану пришлось совершить несколько походов.

Успешные войны с кочевниками укрепили положение Имамкули. Его продолжительное, более чем тридцатилетнее правление было временем сравнительного усиления ханской власти в Бухаре. Имамкули удавалось сдерживать враждебные выступления феодалов, однако укрепление государственной власти было только кажущимся. По мере развития феодального землевладения и сосредоточения обширных владений в руках эмиров, усиливалось и политическое значение узбекской феодально-родовой знати. Правителями областей стали назначаться по преимуществу эмиры тех племен, юрт которых составляла та или иная область. Благодаря этому росли центробежные силы, способствовавшие разложению и распаду государства, но при Имамкули-хане эти явления еще не получили полного развития.

Преемник Имамкули, его брат Надир-Мухаммед (1642—1645 гг.), человек весьма надменный и алчный, своими притеснениями вызвал общее недовольство. На третьем году его правления казахи в своем очередном набеге на Мавераннахр дошли до Ходжента. Надир-Мухаммед для изгнания их послал туда значительное войско под начальством своего сына Абдулазиза. Во время похода в Ходженте Абдулазиз был провозглашен ханом. Надир, узнав о происшедшем, поспешно отправился в Балх, а Абдулазиз выступил в Бухару, где его избрание было окончательно санкционировано знатью (правил с 1645 по 1680 г.). Надир обратился за помощью к Бабуриду (Династия, основанная Тимуридом Бабуром в Индии и правившая там в 1526—1858 гг., вошла в историю под названием «Великие моголы») Шах-Джехану (1627—1658 гг.). Последний, желая отомстить Надиру-Мухаммеду за систематические набеги на Кабул, во время которых было захвачено большое количество богатств и пленных и, в случае

удачи рассчитывая присоединить к своим владениям богатую Балхскую область, послал туда сильную армию под начальством своих сыновей — Мурад-бахша и Аурангзеба. Узнав, что сыновья Шах-Джехана вместо обещанной помощи имеют намерение захватить Балх, Надир выступил против него, потерпел поражение по пути в Меймене и бежал в западный Иран. Войска «великого могола» нанесли ему поражение в пути. Разбитый Надир нашел приют в Иране у шаха Аббаса II (1642—1667) и прожил там около двух с половиной лет.

Согласно автору «Муким-ханской истории», в 1647 г. потомки Шах-Джехана захватили Балх. Притеснения при них были так велики, что население области стало разбегаться. Переправляясь через Амударью, оно уходило в Мавераннахр. Хозяйничанье индостанцев в Балхе продолжалось два года (до тех пор, пока Абдулазиз-хан не выступил против них). Бои и стычки отдельных отрядов, тянувшиеся в течение четырех месяцев, обессилели войска Бабуридов, находившиеся далеко от своей основной базы, и перевес оказался на стороне узбеков. К этому присоединились голод в опустошенной стране и жестокая зима, гибельная для привыкших к теплому климату индостанцев. Шах-Джехан вынужден был отозвать свою армию в Индию, а Балх передал Надир-Мухаммеду, приглашенному из Ирана.

Восстановление Надир-Мухаммеда на престоле Балха встревожило его сыновей и заставило их объединиться. Абдулазиз-хан послал враждовавшего с ним перед этим брата Субханкули наместником в Балх. Местная знать города и гарнизон вошли с ним в соглашение и впустили его в город (в 1651 г.), а Надир-Мухаммед отправился в паломничество в Мекку и умер в пути. Вскоре между братьями опять возникла взаимная вражда. Абдулазиз отправил против Субханкули большое войско под начальством Мухаммед-султана с целью отнять у брата Балх. Во время сорокадневной осады города окрестности его были так опустошены, что по словам Мухаммед Юсуфа Мунши, «не осталось и следов населенных мест». Но решительного успеха Абдулазиз не добился и, заключив мир с братом, вынужден был признать его своим наследником и наместником Балха.

В 1655 г. Мавераннахр подвергся опустошительному нашествию хивинцев под предводительством Абулгази-хана (1645—1663 гг.), которые проникли в Бухарский оазис, разорили Каракуль и возвратились с богатой добычей. В этом же году хивинцы повторили набег на Каракуль и увели много пленных. Эти набеги, повторявшиеся и в последующие

годы, когда опустошению подвергся даже отдаленный Кермине, влекли за собой «всеобщий грабеж и разорение областей Мавераннахра и распыление всего его населения». Нападения хивинцев не имели завоевательных целей и предпринимались хивинскими ханами исключительно с целью грабежа. Как только бухарский хан собирал войско для их отражения, хивинцы немедленно отступали с той добычей, которую успели захватить.

В 1657 г., во время похода хивинского хана Абулгази на Кермине, Абдулазиз напал на него, когда тот с большой добычей возвращался в Хиву. Хивинские отряды были разбиты, сам Абулгази оказался в большой опасности и только помощь, оказанная ему его сыном Анушей, спасла его от плена. Но, несмотря на это поражение, грабительские военные экспедиции хивинцев продолжались: в 1658 г. был опустошен Варданзи, в 1662 г. они дошли до самой столицы — Бухары. Хивинцы стояли уже у бухарских ворот Намазгах, когда Абдулазиз заключил мир с Абулгази. После смерти Абулгази (в 1664 г.) его сын Ануша (1663—1687) продолжал производить набеги на бухарские области. В один из этих набегов Ануша дошел до предместья столицы — Джуйбара (местожительство джуйбарских ходжей) и разграбил его. Абдулазиз, находивший в то время в Кермине, поспешил на выручку Бухары. Он подошел к городу ночью, но нашел городские ворота уже в руках хивинцев. Прорвавшись в город, он с боем проложил себе путь в арк, бывший еще во власти бухарцев. По призыву Абдулазиза все жители Бухары и ее окрестностей вооружились и выступили против врагов. Хивинцы отступили. В дальнейшем набеги их на окрестности Бухары и Самарканда продолжались. По свидетельству Мухаммеда Юсуфа Мунши, они совершили восемнадцать набегов.

Длительные войны с Хивой очень сильно отразились на общем экономическом состоянии Мавераннахра и обострили внутренние противоречия в государстве Аштарханидов.

Неудачи в войне с хивинцами вызвали серьезный кризис власти в Бухаре. Престарелый и больной Абдулазиз был неспособен организовать оборону. Под давлением Субханкули, занявшего явно угрожающую по отношению к нему позицию, Абдулазиз отрекся от престола и направился в Мекку, где и умер. После удаления Абдулазиза, ханом сделался Субханкули (1680—1702 гг.).

Тяжелое положение, в котором оказалась Бухара во время очередного набега Ануша-хана, было осложнено феодальными неурядицами в Балхе и волнениями среди полунезави-

симых узбекских племен. Борьба между сыновьями Субханкули за балхское наместничество сопровождалась убийствами и переворотами, в ней принимали деятельное участие местные эмиры, опиравшиеся на свои племенные ополчения.

В один из своих набегов (1680 г.) хивинцы достигли окрестностей Бухары, опустошили округа Кермине и Варданзи и овладели Самаркандом, где знать города согласилась возглашать в хутбе имя Ануша-хана и чеканить монету с его именем, причем большая часть эмиров Бухары, недовольных Субханкули, удалилась в свои племена и подняла против него возмущение.

Только с помощью правителя Бадахшана, аталыка Махмуд-бия из племени катаган, Субханкули удалось прогнать хивинцев из Самарканда. Но после их ухода положение населения сильно опустошенных и разоренных областей оказалось едва ли не хуже, чем при них.

Субханкули беспощадно мстил самаркандцам, допустившим вторжение Ануша-хана в их область и провозгласившим его своим ханом.

Тем временем стали поступать доносы на сына Субханкули, наместника Балха Сиддик-Мухаммеда; его обвиняли в намерении восстать против отца. Субханкули в 1681 г. выступил походом на Балх. Мятежный сын встретил отцовские войска ружейным огнем и стрелами с крепостных стен и башен, но, получив от отца письменное заверение в помиловании, вышел из города ему навстречу; после свидания они оба вступили в Балх. Там Субханкули приказал арестовать сына и заковать в цепи, а его приближенных, способствовавших мятежным замыслам, предать мучительной казни. Погиб в тюрьме и Сиддик-Мухаммед, по-видимому, убитый по распоряжению отца.

Воспользовавшись пребыванием Субханкули в Балхе, хивинский хан Ануша опять вторгся в пределы Бухары, произвел сильное опустошение и удалился с большой добычей в Хиву. Вскоре после этого против Ануша составился заговор, по-видимому, не без участия Бухары. Ануша был схвачен своими приближенными и ослеплен в 1686 г. На его место посадили его сына Эренг Мухаммеда (1686—1688 гг.). Уверенный, по-видимому, в безопасности со стороны Хивы, Субханкули решил теперь осуществить поход на Хорасан, как ему предлагал Бабурид Аурангбез, присылавший к нему специальное посольство. Узбекам удалось овладеть крепостью Бала Мургаб (к северо-востоку от современной Кушки), но в это время Эренг вторгся во владения Субханкули, проник до столицы и осадил ее. Субханкули, отправивший все

войска в Хорасан, обратился к помощи аталыка Махмуд-бия, который, придя с войском, заставил хивинцев удалиться. По возвращении в Хиву Эренг был убит. Субханкули-хану было послано извещение, что с его именем провозглашена хутба и стала чеканиться монета. По просьбе хивинцев хан прислал для управления Хорезмом своего наместника. Таким образом, Хорезм снова был временно присоединен к Бухарскому ханству.

За свои заслуги перед ханом аталык Махмуд-бий был назначен наместником Балха и Бадахшана. Водворив в Балхе известное спокойствие, Махмуд-бий вступил в борьбу с Яр-беком, владевшим значительной частью Бадахшана. Предлогом к этой борьбе послужила посылка бухарских чиновников для эксплуатации в пользу бухарской казны знаменитых бадахшанских рубиновых копей; Яр-бек не пропустил их туда. Махмуд-бий выступил в 1692 г. в поход и осадил столицу Яр-бека г. Гузган (Файзабад), однако взять его не смог и, удовлетворившись получением за два года вперед доходов с рубиновых копей, заключил с Яр-беком мир и вернулся в Балх. Яр-бек остался полновластным правителем, сохранившим с Аштарханидами лишь известные вассальные отношения, которые он не всегда исправно соблюдал. Он управлял Бадахшаном пятьдесят лет (умер в 1706 или 1707 г.); от него повела свое происхождение династия бадахшанских миров, правившая до начала 80-х годов XIX в.

В Балхе Махмуд-бий занял совершенно независимое от Бухары положение. Его жестокое управление вызвало ряд восстаний среди окрестных узбекских племен. Главными зачинщиками мятежа были эмиры многочисленного племени курама. Желая укрепить свой авторитет, Махмуд-бий был вынужден обратиться к Субханкули с просьбой о присылке наместником в Балх его малолетнего внука Мухаммед Мукким-султана. Но знать Балха, поддерживаемая населением, провозгласила правителем Балха Салих-ходжу, происходившего из старинной дервишской семьи ходжи Мухаммеда Парса. Депутация кураминцев в Бухаре настойчиво предостерегала Субханкули-хана относительно сепаратистских стремлений аталыка. Субханкули, бессильный сам справиться с могущественным вассалом, стал возбуждать против него бадахшанского владетеля Яр-бека. Отряды воинственных горцев Бадахшана появились в Кундузе — юрте Махмуд-бия. Последний выступил с войском против неприятеля. В его отсутствие Субханкули с большим войском, усиленным отрядами казахов и каракалпаков, явился перед стенами Балха и начал осаду, сопровождаемую разорением и грабежом

окрестных районов. Салих-ходжа вызвал из похода Махмуд-бия, который призвал на помощь белуджей и арабов, живших в прилегающих к Балху районах. Субханкули вынужден был заключить мир. Наступившие затем феодальные усобицы, мятеж туркмен, восстание кунгратов в Термезе, враждебная позиция Бадахшана, грабежи на больших дорогах парализовали мирную жизнь некогда цветущей и богатой Балхской области.

2. УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ В МАВЕРАННАХРЕ

Последние годы правления Субханкули-хана ознаменовались всеобщей разрухой. На территории Балха шла ожесточенная борьба между отдельными узбекскими племенами. Племя минг, разгромленное кипчаками, обратилось за помощью к Ирану. Кизилбаши вторглись в Шибирган, бывший вместе с Меймене наследственным юртом племени минг. В Балхской области царила полная анархия. В это время Субханкули-хан умер (1702 г.), и на престол вступил его сын Убайдулла-хан. Воспользовавшись этим обстоятельством, племянник последнего Мухаммед-Муким провозгласил себя независимым ханом Балха и под давлением эмиров и знати города обратился к Махмуд-бию с просьбой взять на себя организацию вооруженных сил Балха.

Все сильнее обозначавшиеся упадок и разложение аштарханидского государства достигли своего апогея в начале XVIII в. Убайдулла II (1702—1711 гг.) проявлял стремление к абсолютизму, но в конечном итоге сам оказался игрушкой в руках эмиров и за время своего девятилетнего управления государством довел его до полного развала. В стремлении покончить с феодальной раздробленностью Убайдулла-хану пришлось столкнуться с сепаратистскими тенденциями, господствовавшими в Балхе, где Мухаммед-Муким объявил себя независимым от Бухары. За спиной Мукима стоял его властный аталык Махмуд-бий, опиравшийся на свое племя катаган, юртом которого был Кундуз. Позже, в 1706 г. Махмуд-бий убил Мухаммед-Мукима и провозгласил себя ханом Балха. Тогда Убайдулла выступил против Махмуд-бия, но подчинить себе мятежный Балх ему не удалось.

Все правление Убайдулла-хана прошло в непрерывных войнах с мятежными вассалами. Ему приходилось выступать походом то в Самарканд, где восставало племя юз, то посылать войска в Хисар против местных юзов, то в Термез, сдав-

шийся Махмуд-бию, и т. п. Поводом для этих походов служили нередко феодальные распри эмиров между собой и войны между отдельными узбекскими племенами. Так, в поход на Хисар Убайдуллу вовлек аталык Мухаммед-Рахим-бий. Этот поход, вызванный личной враждой аталыка к хисарским юзам и совершавшийся под его предводительством, закончился полной неудачей. Все население Хисара восстало против бухарцев, которые вынуждены были бежать, жители Хисара преследовали бухарцев и разграбили их лагерь. Сам Мухаммед-Рахим-бий бежал в Самарканд.

Поход на Термез был предпринят потому, что Убайдулла, по совету того же Мухаммед-Рахим-бия, сместил термезского наместника. Племя последнего (кунграт), юрт которого составляла область Термеза, возмутилось. Но новый наместник, по происхождению найман, имел сторонников среди найманов, значительное число которых жило в Термезской области. Они пригласили из-за Амударьи Махмуд-бия и сдали ему сильно укрепленный Термез. Пришедшие с Махмуд-бием кочевники бросились грабить и разорять села и деревни, а посланное против них в 1705 г. бухарское войско было наголову разбито Махмуд-бием.

В Шахрисабзе волновались племена кенегесов, мангытов, джуги[1], именуемые в источниках племенами правой и левой стороны, и др. Хан пытался привлечь их к совместным действиям против мятежного Махмуд-бия. Старшины, получив подарки, пообещали принять участие в походе на Термез. Но, несмотря на эти обещания, они не присоединились к ханскому войску.

Наконец, Убайдулла сам предпринял поход на Шахрисабз. Он собрал главарей мятежных племен и убедил часть их выступить с ним походом на Балх. Переправившись через Амударью, Убайдулла с войсками подошел к Балху и осадил его (1707 г.). Для того, чтобы отвлечь племя катаган от помощи Махмуд-бию, хан послал в набег на Кундуз (юрт этого племени) отряды узбеков Шахрисабза. Только после длительной осады Убайдулла-хану удалось овладеть Балхом. Махмуд-бий бежал, а для населения Балха наступило жестокое время грабежа и всевозможных притеснений. Наказать племена за измену Убайдулла-хан поручил назначенному им для управления областью Шахрисабза эмиру хитай-кипчаков, которому были даны полномочия овладеть Шахрисабзским юртом. Хитай-кипчаки выступили на Шахрисабз, но в решительном бою были разбиты.

---

[1] Джуги — совершенно особняком стоящее племя в Средней Азии, очень мало исследованное; некоторые причисляют его к цыганам.

Феодальные распри и междоусобная борьба узбекских племен осложнялись нападениями кочевников присырдарьинских степей, в свою очередь притесняемых калмыками, которые нанесли поражение казахам и киргизам и образовали сильное кочевое государство с центром в долине Или. Движение калмыков вызвало бегство казахов и каракалпаков главным образом под стены Ташкента — сильной крепости, которая в то время, как и Туркестан с его районом, по словам автора «Убайдулла-намэ», сообщающего, что «...казахи и племя каракалпаков из страха перед неисчислимым войском неверных калмыков покинули свой исконный юрт и положились на укрепления Ташкента», принадлежала казахам. В Самарканде и Бухаре возникли серьезные опасения, что калмыки могут появиться и в Самаркандском вилайете. В мае 1709 г. Убайдулла-хан выступил с войском в Самарканд. Полученное вскоре известие, что калмыки, разгромив казахские и каракалпакские аулы, вернулись в свои становища, делало бесполезным дальнейший поход.

В Самарканде произошли столкновения между узбекскими племенами найман и сарай, входившими в состав ханского войска. В это столкновение оказались вовлеченными эмиры — предводители племен. Сараи настойчиво требовали удаления эмира найманов Нематуллы додхи. Все прочие эмиры также были недовольны заносчивостью и высокомерием найманского эмира, которые они приписывали покровительству, оказываемому ему ханом. В ближайшую же пятницу эмиры в виде протеста демонстративно не явились к хану на обычный поклон (салам). В Самарканде начались волнения. Известие о самаркандских событиях послужило толчком для выступления трудовых слоев населения Бухары. «Такая смута и анархия настали среди обитателей Бухары, что как будто они переживали Страшный суд», — говорит современный историк. Движение было направлено против господствующих классов. Страх охватил всех состоятельных горожан. Городское начальство укрепило башни на стенах и поставило охрану в воротах. Благодаря принятым правительством мерам, движение было подавлено.

Когда Убайдулла-хан вернулся в Бухару, «вражда военных к хану уже ни для кого не была тайной». В Балхе снова вспыхнул открытый мятеж Махмуд-бия. Посланное для его усмирения ханское войско дошло лишь до Карши. Соперничество между собою эмиров, враждебное отношение их к хану, нежелание воевать с Махмудом, с которым их связывали общие интересы, заставили Убайдуллу помириться с

Махмуд-бием и тем, хотя бы внешне, сохранить в отношении Балха свои суверенные права.

Враждебные отношения феодалов к Убайдулле были вызваны его абсолютистскими стремлениями. Чтобы укрепить свою власть, он пытался отстранить племенную знать от управления и сосредоточить все дело в руках незнатных лиц, назначаемых им и от него зависимых. Особенное недовольство вызвало возведение в сан инака, назначение на должность верховного кушбеги и награждение званием парваначи Тюрякула-бия.

Попытка ограничить землевладение дервишских организаций привела к столкновению хана с влиятельными джуйбарскими ходжами, которых он хотел обложить налогами. Тем самым он утратил поддержку могущественной дервишской корпорации.

Против Убайдуллы составился заговор. В результате хан был убит в 1711 г., а его дворец подвергся разграблению. На престол был возведен брат Убайдуллы Абулфейз (1711—1747 гг.), который быстро стал игрушкой в руках эмиров. Власть сосредоточил в своих руках всесильный Джаушан-калмык, затем, когда он был убит, — верховный кушбеги Абдулла-бий ходжа, а в последние годы правления Абулфейза — Мухаммед-Хаким-бий аталык.

В начале XVIII в. нарушились и те слабые связи, которые в XVI в., при Абдулла-хане, объединяли Мавераннахр в единое политическое целое. Теперь распад государства обозначился совершенно определенно. Фергана еще в начале XVIII в. образовала обособленное владение. Власть захватили здесь представители дервишских братств в лице ходжей, живших в сел. Чадак (в 40 *км* к востоку от Чуста), где они были особенно многочисленны и сплочены. Около 1710 г. их власть была свергнута Шахрух-бием из узбекского племени минг, который считал себя потомком Чингиз-хана. Основанная им местная династия Минг овладела в XIX в. почти всем бассейном Сырдарьи и частью Семиречья. Столицей вновь образованного государства стал г. Коканд, построенный Шахрух-бием на месте селения Хоканд (Хуканд).

Балх тоже отпал от Бухары; впоследствии здесь управляли то потомки Аштарханида Надир-Мухаммеда, то разные узбекские царевичи. В Бадахшане утвердилась династия Яр-бека. Хорезм снова стал совершенно независимым от Бухары.

Мухаммед-Хаким-бий из племени мангыт, возведенный Абулфейзом в звании аталыка столицы, стал главою всех аталыков, властным временщиком при слабохарактерном

хане. Его господство вызвало всеобщее недовольство узбекской знати. Авторитет хана совершенно пал. Узбекские эмиры, недовольные Абулфейзом, даже составили против него заговор с целью убить его и возвести на бухарский престол хивинского хана Ширгази, но заговор был раскрыт и виновные казнены. Едва ли не по проискам того же Ширгази, правитель Шахрисабза, эмир племени кенегес Ибрагим-бий, желая вырвать власть из рук Мухаммед-Хаким-бия, провозгласил в 1722 г. в Самарканде ханом мужа своей дочери (по одной версии, двоюродного брата Ширгази) хивинского царевича Раджаба. Сам Ибрагим-бий стал при нем «эмиром над эмирами» (эмир-ал-умара).

Раджаб-хан, к которому присоединились многие эмиры, с большим войском выступил из Самарканда и двинулся на Бухару; при приближении его к Кермине к нему примкнули узбеки племени багрин и другие. Выступивший против Раджаб-хана Мухаммед-Хаким был разбит, так как, по словам Флорио Беневени, посланника Петра I, «никто из узбеков на драку выезжати не хотел».

Раджаб, которому все-таки не удалось взять Бухару, обратился за помощью к казахам, обещая кочевникам богатую добычу в завоеванных областях. Казахи в это время переживали тяжелые дни. Калмыцкий (джунгарский) хантайчжи Цеван Рабтан во главе сильного войска весною 1723 г. вторгся в казахские кочевья и разгромил их. Казахи бежали за Сырдарью, но голод и нищета подстерегали их здесь. В этом бедственном положении казахи охотно откликнулись на приглашение идти походом на богатые области Мавераннахра. Обнищавшие, голодные кочевники явились со всеми своими кибитками и скотом в Самаркандский вилайет, откуда разлились по всему Мианкалю до бухарских туменов. Раджаб-хан и примкнувшие к нему эмиры не знали, что предпринять. Мухаммед-Хаким и Абулфейз-хан отсиживались за стенами столицы.

В течение семи лет кочевники производили опустошения по всей Зарафшанской долине, не встречая никакого сопротивления. Их скот вытаптывал поля, сады и огороды оседлого населения. Цветущие местности превращались в пустыни. Сбор хлебов, овощей и фруктов сократился. Жители бежали в более безопасные местности, причем многие гибли в пути от голода или попадали в плен к кочевникам.

Наконец, близким к Абулфейзу лицам удалось уговорить хана удалить из Бухары Мухаммед-Хакима, и аталык выехал в Карши. Однако вместо одного временщика появилось несколько новых. Алчные сановники стремились захватить

базары и рынки и старались установить в свою пользу монополию на торговлю теми или иными товарами. По выражению историка того времени, «во всех концах г. Бухары и в ее туменах были открыты лавки насилия». Абулфейз с утра до вечера пьянствовал и развратничал в своем дворце. Правители областей и отдельных районов держались независимо, зная, что над ними по существу нет никакого контроля. Бенневени подчеркивает, что хан мог надеяться только на верность своей гвардии, составленной из рабов — калмыков и русских.

Тяжелым экономическим и политическим положением Бухары воспользовался иранский завоеватель Надир-шах (1736—1747 гг.), который нанес ей сокрушительный удар.

Обеспечив себе безопасность на западе победой над турками-османами, Надир распространил свое владычество и на восток, покорив Афганистан с Кабулом и Кандагаром (1737 г.). Дойдя до Лахора, он разбил армию «великих моголов» и в марте 1739 г. взял и разграбил их столицу Дели. Во время похода на Афганистан в 1736—1737 гг. старший сын Надир-шаха, Ризакули, занял Андхуд, Акча и Шибирган. Балх пытался защищаться, но и он был вынужден скоро сдаться. Своей победой войска Надира были обязаны в значительной степени организованной по-европейски артиллерии, а в некоторых случаях (например, в Андхуде) — активной помощи проживавших там соплеменников Надира, афшаров, которые при появлении иранских войск переходили на их сторону.

Овладев большинством бывших узбекских областей по левому берегу Амударьи, Ризакули по распоряжению своего отца переправился через реку и направился с двенадцатитысячным отрядом на Карши. Сидевший там Мухаммед-Хаким, услышав о приближении иранцев, ввел в город отряды мангытов и других племен и мобилизовал все население города и окрестностей для отражения удара неприятеля. Ризакули прежде всего распорядился послать отряды в прилегающие к Карши районы для изъятия у населения всех запасов хлеба, после чего приступил к осаде города. Перешедший на сторону иранцев наместник Хузара Баба-хан явился на подмогу Ризакули почти с трехтысячным отрядом узбеков и тем усилил его войско. Осажденные оказались в затруднительном положении, и Мухаммед-Хаким направил в Бухару к Абулфейз-хану просьбу о помощи. Абулфейз с войсками Бухары, Миankаля и Самаркандского вилайета двинулся в Карши и, соединившись с войском Мухаммед-Хакима, вышедшим из осажденного города, дал бой иранцам. Несмотря на то, что по численности войско Ризакули составляло лишь четвертую

часть бухарской армии; превосходство иранского ружейного огня и легкой фальконетной артиллерии решило исход боя в пользу иранцев. Бухарская армия обратилась в беспорядочное бегство: Абулфейз и аталык едва успели укрыться за стенами Карши. Ризакули блокировал крепость, установил осадные машины и баллисты, но после пятнадцатидневной осады, услышав о вступлении в предел Бухары с большим войском нового неприятеля — союзника бухарцев, хивинского хана Ильбарса, поспешил заключить мир с Абулфейзом и уйти за Амударью, чтобы присоединиться к армии своего отца. Абулфейз возвратился в свою столицу, оставив Мухаммед-Хакима в Карши, а Ильбарс, узнав о заключении его союзником мира с иранцами, вернулся в Хиву.

В начале 1740 г. Надир-шах решил предпринять новый поход на Мавераннахр. Сначала он выступил в Балх. Отправив приготовленный здесь по его распоряжению провиант и артиллерию на баржах вниз по Амударье, он сам в начале сентября 1740 г. переправился по понтонному мосту на бухарский берег Амударьи.

Молодой и крайне честолюбивый сын бухарского аталыка Мухаммед-Хакима, Мухаммед-Рахим, услышав о прибытии Надир-шаха в Балх, и, вероятно, действуя с ведома и одобрения отца, выехал из Карши и нагнал шахские войска у Керки; Мухаммед-Рахим был очень хорошо принят шахом и оставлен при его ставке. Перепуганный продвижением Надира, Абулфейз спешно вызвал из Карши своего опального аталыка и поручил ему ехать послом к Надир-шаху с тем, чтобы умилостивить его и не допустить разорения государства. Мухаммед-Хаким, прибыв в лагерь шаха, поднес Надиру богатые подарки. Во время аудиенции аталык на подробные вопросы шаха о состоянии ханства откровенно рассказал обо всем, что творилось в Бухаре; он описал в очень непривлекательных чертах правление пославшего его Абулфейз-хана, общий внутренний развал государства, недовольство населения и выразил со своей стороны полную готовность служить шаху, действуя в его интересах. Снабженный грамотой Надир-шаха, дававшей ему большие полномочия, Мухаммед-Хаким выехал в Бухару уже не в качестве посла Абулфейз-хана, а как представитель шаха.

Прибыв в столицу, аталык счел более безопасным не являться к хану и остановился в медресе Мир-Араб, поставив вокруг него вооруженные караулы. По всем базарам, улицам и мечетям через разосланных бирючей (джарчи) по его распоряжению было объявлено, что, если у кого-либо возникнут вопросы в отношении личной и имущественной безопасности,

связанные с приближением армии шаха, то пусть все идут к аталыку, у которого получат надлежащие разъяснения. Народ повалил в медресе Мир-Араб. Поведение аталыка, создавая ему популярность среди городского населения, вызвало раздражение в придворных кругах столицы и среди знати, обвинявшей его в предательстве. Была сделана попытка вызвать его к хану, чтобы затем общими силами, подняв народ, выступить против нечестивых «еретиков-шиитов». Но Мухаммед-Хаким не поехал на приглашение хана. Тогда было решено, что сам Абулфейз поедет к аталыку в медресе Мир-Араб и, когда Мухаммед-Хаким выйдет к нему навстречу для приветствий, схватить и убить его. Но аталык приказал своему конвою открыть ружейный огонь по подъезжавшему к медресе ханскому эскорту. В большом замешательстве Абулфейз вернулся во дворец; ему оставалось только капитулировать перед Надиром. Со свитою из сановников Абулфейз выехал навстречу шаху из ворот Талли-Пач, а вслед за ним через ворота Намазгах туда же выехал со своим конвоем и аталык, сопровождаемый представителями разных слоев населения. На середине пути он догнал ханский кортеж и присоединился к нему, причем при встрече хана с вероломным аталыком была соблюдена вся видимость вежливости и покорности, с одной стороны, и царственного внимания и милости,— с другой. Встреча с Надиром произошла под Бухарой, на урочище Чар-Бакр, на берегу Зарафшана; Надир благосклонно отнесся к Абулфейз-хану и признал за ним его права. После двенадцатидневного пребывания в ставке шаха хан вернулся в Бухару. Узы родства скрепили дом Аштарханидов с туркменом Надиром: на одной из дочерей Абулфейза женился сам шах, на другой — его племянник. Однако с администрацией и населением Бухары Надир сносился исключительно через Мухаммед-Хакима, которому он выказал полное доверие. Аталыку было поручено доставить для шахской армии 200 тысяч ослиных вьюков (харваров) пшеницы и прочего фуража за наличный расчет. Из бухарского войска было отобрано десять тысяч всадников для пополнения шахской армии; руководство же этим отрядом Надир вверил сыну аталыка Мухаммед-Рахиму. Брат аталыка Мухаммед-Даниял-бий стал правителем Кермине. Мухаммед-Хаким остался в Бухаре в качестве облеченного доверием Надира сановника на прежнем высшем посту в государстве; Абулфейз-хан оказался в полной от него зависимости.

Закрепив свою власть в Бухаре, Надир-шах выступил в поход на Хорезм.

Признание Абулфейз-ханом верховного покровительства

и суверенитета исконных врагов узбекского государства — шахов Ирана — явилось, в сущности, концом самостоятельного правления династии аштарханидских ханов. В сложившихся в начале XVIII в. социальных и политических условиях Аштарханиды уступили первенствующую роль новым властителям — представителям узбекской племенной аристократии, главарям племени мангытов, которые захватили в свои руки ханский трон.

После превращения Бухары в вассальное владение персидского шаха вся государственная власть фактически была сосредоточена в руках его ставленника аталыка Мухаммед-Хакима, титуловавшегося в последние годы на персидский манер великим эмиром (эмири-кабир). После смерти Мухаммед-Хакима, последовавшей в 1743 г., узбекские эмиры подняли мятежи в разных частях государства. Восстание Ибадуллы-хитая (из хитай-кипчаков) охватило весь Мианкаль и докатилось до стен столицы. В конце апреля 1745 г., когда бухарцы торжественно праздновали за городом, подле мазара шейха Бахауддина Накшбенда свой традиционный весенний праздник «красного цветка» (гули сурх) и десятки тысяч людей из города и его окрестностей собрались сюда со своими семьями на целый месяц, Ибадулла нагрянул на Бухару, захватил богатую добычу и увел множество людей в плен. Только после ожесточенного боя с мятежниками отряд одного из эмиров отбил большую часть их добычи и пленных.

Надир-шах дал отряд испытанных солдат сыну умершего аталыка Мухаммед-Рахиму и отправил его в 1745 г. (по другим данным весной 1747 г.) в Бухару. В Мерве к Мухаммед-Рахиму присоединился сын и наместник шаха Ризакули с отрядом кизилбашей и артиллерией, а в Чарджуе — туркмены. С этими войсками Мухаммед-Рахим прибыл в Бухару, где ему было присвоено звание «эмира эмиров» (эмир-ал-умара), и поселился возле самой столицы, в селении Газиабад, принадлежавшем его отцу. На высшие государственные должности были назначены родственники и сторонники Мухаммед-Рахима. Опираясь на них, Мухаммед-Рахим упрочил свое положение в столице ханства и при поддержке иранцев приступил к усмирению мятежников. После упорной борьбы Ибадулла-хитай был изгнан из Мианкаля, бежал на север, в Ташкент, где потом был убит. В Шахрисабзе был подавлен мятеж «племен правой и левой стороны». Ко времени смерти Надир-шаха (он был убит в 1747 г.) Мухаммед-Рахиму удалось уже создать собственное крепкое и послушное войско, командный состав которого был подобран из преданных ему людей. Те-

перь он еще в большей степени, чем его отец, стал полновластным распорядителем в государстве Аштарханидов.

Абулфейз был им убит вскоре после смерти Надира. После смерти Абулфейза от Бухары отпали и владения, расположенные по левому берегу Амударьи с центром в Балхе, а затем и Фергана, где к власти пришли родоначальники узбекского племени минг. Мухаммед-Рахим, заручившись поддержкой двора и «кизилбашей», посадил на трон девятилетнего сына Абулфейза — Абдулмумина, но тот стал «самовластно управлять (государством)». И через год, в 1748 г., тот же Мухаммед-Рахим «бросил (этого) угнетенного тюрю из рода Чингизов в колодец небытия и уничтожил (его)». Младенец Убайдулла, сын Абулфейза, объявленный после гибели Абдулмумина правителем Бухары, никакой роли в государстве не *играл, да и не мог играть* . Заручившись согласием знати и духовенства, Мухаммед-Рахим в 1753 г. вступил на бухарский трон с титулом эмира.

Так началось правление новой династии — мангытской, свергнутой лишь в 1920 г. в результате народной революции.

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ В ГОСУДАРСТВЕ АШТАРХАНИДОВ

При Аштарханидах страну разоряли постоянные феодальные войны. Феодальная раздробленность достигала временами таких размеров, что ханская власть становилась почти номинальной, фактически хозяевами страны были многочисленные феодалы. Обессилевшая центральная власть не проявляла достаточных забот о поддержании ирригационных систем. Что касается крупных феодалов, то они стремились благоустроить в известной мере только тот район, в котором были непосредственно заинтересованы. Крестьянские массы в условиях феодальной раздробленности и непрерывной борьбы между феодалами подвергались особенно усиленной эксплуатации и разорению. Показателем их обнищания был частый голод, охватывавший целые районы и области, о которых неоднократно сообщают источники.

Поливное земледелие оставалось основной отраслью хозяйства населения. В XVII в. и первой половине XVIII в. сеяли те же *культуры, что и раньше: пшеницу, джугару, ячмень,* а также коноплю и кунжут, из которых делали масло. Очень развито было огородничество и садоводство. Из промышленных культур разводили хлопчатник в очень значительном количестве. Шелководство было также распространено: в Хиве в XVII в. выделывали в год около 3000 пудов шелка; в Бухар-

ском ханстве шелководство было развито слабее, поэтому бухарцы ездили за шелком в Хиву.

Феодальная собственность на землю существовала в Мавераннахре, как и в предшествующие столетия в форме государственной (амлок), частновладельческой (мильк) и вакфной. Как показывают исследования П. П. Иванова, «владельцы крупных мильковых земель собственного хозяйства на них не вели» и управляли ими путем раздачи в аренду на издольных условиях. Преобладающей по размерам земельной площади была государственная форма. Государственные земли находились в пользовании крестьян, плативших поземельную ренту-налог в виде хараджа, эти же земли являлись фондом различных пожалований в виде юртов узбекских племен, суюргалов и танхо, передававшихся в пользование различным военным и гражданским лицам. При чрезвычайно большой распространенности этих пожалований, площадь земель, занятых крестьянским населением, непосредственно эксплуатируемым государством настолько уменьшилась, что поступление хараджа и других налогов в казну становилось все более незначительным.

Институт земельных пожалований получил в XVII в. дальнейшее развитие. В XVII в., как и в предыдущем XVI в., наряду с суюргалом, широкое распространение получает новый вид пожалований — танхо. Смысловое значение обоих терминов — условное земельное пожалование, однако сфера их распространения была неодинакова. Согласно одному ценному, но мало изученному источнику («Трактат об исследовании десятинных и хараджных земель», XVII в.), если земельное пожалование сделано царевичам, улемам и саидам, то оно называлось суюргалом, а если же военным, вернее военачальникам, то — танхо. Аналогичное указание мы находим и в «Абдулла-намэ» Хафизи Таныша Бухари (XVI—XVII вв.) в рассказе о событиях 959 (1552 гг. н. э.). Оба термина существовали в Средней Азии вплоть до XIX в. включительно. Танхо с XVII в. получает широкое распространение как своего рода бенефиций, земельное пожалование. Танходар не был собственником земли и власть его ограничивалась только правом взимания в свою пользу поземельной подати с крестьян, обрабатывающих данную землю. Таким образом, население, жившее на пожалованной земле, юридически оставалось независимым от танходара (владельца танхо) и не становилось по отношению к нему в крепостные отношения, но фактически, как правило, попадало в прямую и непосредственную от него зависимость.

Фактическая власть узбекской знати над крестьянским на-

селением возрастала по мере расширения феодального землевладения и связанного с этим ослабления центральной государственной власти.

Размеры земельных пожалований типа суюргал и танхо иногда были весьма значительными. Наиболее крупными держателями условного землевладения являлись представители ханского рода.

Наряду с условным пожалованием практиковалась также передача ханами земли в собственность отдельным лицам, имевшим особые заслуги перед правителями, а также крупным представителям духовенства. Пожалованная таким образом земля часто освобождалась от всяких налогов и становилась свободным от государственных повинностей землевладением (мильки-хурри-холис). Крестьяне, живущие на мильковых землях, не теряли личной свободы, но попадали в зависимость от землевладельца еще в большей степени, чем на землях танхо.

В XVII в. процесс сосредоточения больших земельных богатств в виде танхо и пожалований в собственность еще больше усилился, что дало повод Пазу́хину, послу царя Алексея Михайловича, написать, что в Бухарском ханстве «расписаны все деревни на жалованье ратным и всяких чинов людям», отчего, по его словам, сильно страдала ханская казна.

Земли все больше сосредоточиваются в руках узбекской родовой знати, владеющей как условными пожалованиями, так и огромными иногда владениями.

Для XVII и начала XVIII вв. характерно усиление частновладельческой феодальной собственности за счет государственной. Это видно из дошедших до нас поземельных документов, касающихся продажи ханами государственных земель частным лицам (особенно крупным феодалам, придворным сановникам государственного аппарата) и предоставления землевладельцам налогового иммунитета. Широко практиковалась также передача безвозмездно государству двух третей владения с тем, чтобы оставшаяся в распоряжении владельца треть земли была освобождена от всех налогов и повинностей. Вместе с землями в распоряжение землевладельца переходили воды и оросительные сооружения.

В результате захвата земли феодалами усилилась зависимость от них крестьянства. При продаже или иных переменах от владельца переходили в другие руки не только земли, но и сидевшие на землях крестьяне. Однако, если судить по документальным, нарративным и другим источникам, относящимся к исследуемому периоду, в отдельных случаях высшее духовенство и члены ханской семьи добивались у верховного

Сельское хозяйство. Миниатюра.

правителя насильственного возвращения беглых крестьян. Эмиры-землевладельцы распоряжались крестьянами как рабочей силой.

Выдающееся положение среди феодалов в государстве Шейбанидов и Аштарханидов заняли представители высшего мусульманского духовенства, а также суфийские шейхи (ишаны), возглавлявшие дервишские братства.

Дошедшие до нашего времени в большом числе завещательные распоряжения ханов, вельмож и прочих лиц в пользу различных религиозных учреждений (мечетей, медресе, мазаров, хонако и прочее) показывают, что в руки определенной категории служителей мусульманского культа переходили целые районы с десятками селений, пахотные угодья, мельницы, дома, караван-сараи, лавки и т. д. Кроме вакфных пожертвований и ханских пожалований, земельные богатства дервишских ишанов увеличивались также за счет широко практиковавшейся покупки земли.

Насколько велики были средства, сосредоточившиеся в руках отдельных наиболее влиятельных ишанов, показывает огромное хозяйство джуйбарских ходжей. Особенно значительными были владения сына и преемника ходжи Саъда ходжа Таджуддина (умер в 1645 г.). Согласно автору «Матлаб ат-Талибин», у ходжи было 1000 участков мильковых земель и 50 чарбагов и садов в районах Бухары, Самарканда, Ташкента, Андижана, Шахрисабза, Миankаля, Карши, Каракуля, Чарджуя, Хисара и Балха. Им было создано много новых поместий, самым крупным из них был Хасанабад в Бухарском билайете с доходом до 1000 манов зерна ежегодно. Ему же принадлежало и большое количество лошадей, баранов и верблюдов. В хозяйстве ходжи работало 500 гулямов (рабов).

Большая часть земель, как сказано выше, была отдана в юрт узбекским племенам, скотоводам, еще не знакомым ни с земледелием, ни с городской жизнью. По форме юрт представлял собой общинно-племенное владение, при котором собственником и распорядителем земли являлось не отдельное лицо или территориальная община, а племя в целом и его подразделение. Родоплеменные порядки владения землей были только внешней формой, прикрывающей эксплуатацию рядовых кочевников родовыми биями, действительными распорядителями земли юрта, захватывавшими лучшие пастбища для своих многочисленных стад. Однако процесс перехода родо-племенных узбеков к оседлому образу жизни проходил быстро. Процесс оседания принял массовые размеры, по-видимому, в конце XVII в. и в XVIII в., когда на всей территории современного Узбекистана возникает большое число селений, носивших

названия узбекских племен и родоплеменных групп: Кунграг, Мангыт, Найман, Дурман, Месит и др.

Предводители племен, бии и их дружинники в процессе оседания на землю становились землевладельцами, приобретавшими населенные и возделанные территории путем присвоения земель, принадлежавших раньше всему племени, а также тех земель, на которых издавна жило земледельческое население. Это осуществлялось посредством ханских пожалований, покупки у ханов или других собственников, или путем прямого захвата.

Процесс развития феодальных отношений, в которые были втянуты рядовые кочевники, еще больше усилился в XVIII в.

Развитие ремесла способствовало развитию торговых сношений, о чем свидетельствует строительство в XVII—XVIII вв. караван-сараев во многих городах. Этот период характеризуется расширением торговых связей Средней Азии с окружающими ее странами, хотя великие географические открытия оказали отрицательное влияние на экономическое положение Средней Азии. Бухарские и хивинские посольства вместе с торговыми караванами среднеазиатских купцов направлялись в Москву и в соседние восточные страны, в казахские степи, в Сибирь к ногаям и т. д. В Бухару прибывали ответные посольства.

Продолжалась оживленная торговля с Китаем и Индией. Из Китая вывозились преимущественно шелковые ткани (камки и другие), фарфоровая посуда, лекарства, чай; из Индии — драгоценные камни, жемчуг, кисея, затканная золотом парча, и другие ценные ткани, золотые нитки для шитья, краски, парфюмерия и т. п. Индийские купцы, приезжая в Бухару, иногда подолгу жили там. В XVII в. там был целый индийский квартал, управляющийся своим старшиной. Из Бухары китайские и индийские товары шли в Москву и дальше в Западную Европу. Решающее значение во внешней торговле Средней Азии, в XVII в. постепенно начинает играть Московское государство. По приблизительным подсчетам, общий оборот торговли между Средней Азией и Россией ежегодно составлял около 100 тыс. руб.

Разработка природных богатств в Узбекистане стояла в XVII—XVIII вв. на очень низком уровне. Имеются сведения о разработке олова в Улатау; довольно широко была поставлена добыча селитры и выделка из нее пороха. Драгоценные и полудрагоценные камни — благородная шпинель, бирюза и другие доставлялись в ханскую казну в качестве подати. Разработка известных рубиновых копей Бадахшана (в действи-

тельности добывались не рубины, а высший сорт благородной шпинели) составляла государственную монополию. Развитию горной промышленности препятствовали неразвитость производительных сил и производственных отношений, слабость экономических связей и, если верить русским наблюдателям первой половины XVIII в., характерные для феодального строя запретительные мероприятия ханов.

В Самарканде и Бухаре выделывалась писчая бумага высокого качества, изготовление которой достигло едва ли не предельного для Средней Азии совершенства в правление Абдулазиз-хана (1645—1680 гг.). Ремесло и торговля по-прежнему сосредоточивались главным образом в руках давно осевшего в городах коренного населения.

Городская ремесленная промышленность, в частности, изготовление различных дорогих предметов, потреблявшихся господствующими слоями общества, держалось на относительно высоком уровне. Однако по технике производства и художественным достоинствам изделия, за редким исключением, значительно уступали тем, которые изготовлялись среднеазиатскими мастерами в предшествующие столетия.

Государство считалось собственностью всего ханского рода, члены которого назывались султанами, а избиравшийся ими глава рода — ханом. Преимущественное право на ханский престол имел старший в роде, но это правило нередко нарушалось; ханский титул присваивали себе также и наиболее могущественные султаны, державшие себя независимо по отношению к своему сюзерену и враждовавшие с ним.

Государство было разделено на несколько крупных княжеств, нередко дробившихся на более мелкие уделы.

Узбекские племена, входившие в состав государства Аштарханидов, сохранили в значительной степени свою независимость от ханской власти. Главы племен получали от ханов титулы эмиров, т. е. князей (что совершенно точно соответствовало монгольскому «нойон»), и возводились в тот или иной чин. В последующие времена эти узбекские эмиры нередко играли бóльшую роль в государстве, чем сами царствовавшие ханы. Без согласия эмиров ханы фактически ничего не могли предпринять. Опираясь на крепкие родовые и племенные связи, эмиры были очень опасными для ханской власти, а удалившись в юрт своего племени, они становились почти недосягаемыми для наказания или расправы, ибо идти войной против целого племени решался не каждый хан. Нередко эмиры становились временщиками при сильных султанах и даже при ханах и забирали власть в свои руки. Узбекские султаны заискивали у наиболее влиятельных эмиров

и в своих сепаратистских стремлениях и активных выступлениях против ханской власти обычно опирались на них. Таким образом, хану приходилось даже в большей степени считаться с беспокойными эмирами узбекских племен, чем тому или иному тимуридскому властителю с его сородичами и вассалами.

Согласно порядку, сложившемуся еще до завоевания Мавераннахра, султаны и эмиры принимали участие в избрании хана. В зависимости от обстоятельств, их участие иногда имело решающее значение, порой же сводилось к фикции. По старинному монголо-тюркскому обычаю избрание оформлялось поднятием избираемого хана на белом войлоке. Обряд этот совершался ближайшими родственниками нового хана, наиболее знатными эмирами, а также представителями дервишских корпораций. В придворный обиход были внесены также некоторые обычаи, унаследованные из старого степного быта. Придворный церемониал при приемах и совещаниях отличался строгим местничеством не только сановников, но и старейших узбекских племен.

В Средней Азии степные обычаи столкнулись с формами гораздо более высокой государственности, которые по мере укрепления феодальных отношений в среде бывших кочевников прочно усваивались ими.

Развитие феодального землевладения и сосредоточение огромных земельных богатств в руках феодальной узбекской знати настолько увеличили ее значение, что ханская власть с начала XVII в. потеряла большую долю прежнего значения. Аштарханиды были удобны для узбекских феодалов, так как не будучи связаны с узбекскими племенами, они не имели достаточно надежной опоры среди населения Средней Азии. Это обстоятельство еще в большей степени снизило значение центральной власти и углубило феодальную раздробленность. Попытки некоторых ханов аштарханидской династии (например, Имамкули-хана) добиться централизации власти и подчинения некоторых феодалов в лучшем случае имели только частичный успех.

Непрерывные феодальные войны, потрясавшие страну, междоусобицы и борьба за власть между представителями правившей династии, особенно около середины XVII в., во время правления Надир-Мухаммеда, а также малоуспешная борьба с внешними врагами, в частности разорительный поход Надир-шаха,— все это привело к полному упадку авторитета власти бухарских ханов. В первой половине XVIII в. феодальная раздробленность дошла до своего апогея, хан сделался игрушкой в руках эмиров — главарей узбекских племен. Эми-

ры фактически стали почти независимыми правителями своих юртов. Они самостоятельно предпринимали войны и набеги против соседей, заключали с ними мирные договоры. Некоторые из этих эмиров-правителей, например, Ялангтуш-бий, управлявший в течение нескольких десятилетий Самаркандом, Махмуд-бий катаган, аталык Рахим-бий и другие, опираясь на военную силу возглавляемых ими племен, играли большую роль как в жизни всего государства, так и отдельных его областей. Деление на уделы между членами ханского рода сменилось теперь делением на уделы между отдельными племенами.

Бухарское ханство в конце аштарханидского времени фактически слагалось из ряда владений племен, которые были почти совершенно независимы от центральной власти.

В Бухарском ханстве существовал довольно сложный аппарат управления, унаследованный от Тимуридов и Шейбанидов, но подвергшийся некоторым изменениям. Первое место в чиновной иерархии занимал «ближний и первый человек», как его звали русские, аталык, то есть ханский дядька или воспитатель (дословно «заступающий место отца»). В документах XVII в. он выступал с чертами первого министра. Согласно табели о рангах, составленной в XVIII в., он же заведовал орошением страны: «ведал реку благородной Бухары (то есть Зарафшан) от Самарканда до Каракуля». Второе место после аталыка занимал диванбеги, то есть министр финансов, ведавший сбором дани (хараджа) и составлявший «дафтары», то есть податные списки; он же принимал у иностранных послов грамоты для вручения хану. На третьем месте стоял парваначи, на обязанности которого лежало вручение ярлыков пожалованным лицам, и на четвертом — дадхо, который принимал челобитные на имя хана и сообщал просителям принятые по их делу решения. Следующим по степени дворцовым сановником был кукельташ (буквально «молочный брат»), заведовавший политической полицией»; затем великий инак («ближний человек» по русской терминологии), назначавшийся из эмиров наиболее могущественных узбекских племен; кушбеги (начальник ставки хана), постепенно приобретший очень большое значение в центральном управлении; великий михтар, которого в русских источниках отождествляют с дворецким; дастарханчи (стольник), накрывавший ханский стол, и другие.

Далее числились такие чины, как топчи-боши (начальник войсковой артиллерии), кутвол (комендант крепости), эшик-ага-боши (церемониймейстер), мирахур (конюший), шейхул-ислам (глава мусульманского духовенства), кази (граждан-

ский судья), кази аскар (военный судья) и др. Суд и народное образование находились в руках духовенства. К шейхул-исламу как высшему духовному лицу восходили в порядке апелляции юридические решения. Консультантами по юридическим вопросам были муфтии, они составляли и фетвы, т. е. заключения по отдельным вопросам, основанным на постановлении шариата, но окончательно фетвы утверждались особым лицом, носившим титул ал'ам (ученейший).

Характерной чертой для феодальной администрации Бухары, так же как и в Западной Европе раннефеодального периода, и в удельной Руси, является смешение функций государственного управления с функциями дворцовой службы. Точно также сочетались эти функции и в обширном штате мелких придворных служителей, к числу которых принадлежали ясаулы (своего рода чиновники особых поручений или младшие церемониймейстеры), михтары, низшие придворные служащие, шутиры (скороходы) и другие. Однако уже в XVII в. образовалась довольно обширная бюрократия, сосредоточившая в своих руках все государственное делопроизводство: ее составляли разного рода канцелярские служащие, секретари, писцы (мирзы), финансовые чиновники (диваны), ведавшие под руководством диванбеги составлением кадастров, финансовой отчетности, материальной частью ханского дворца и др. Особо следует отметить личного секретаря хана (мунши), обычно человека образованного, которому поручалось иной раз и сочинить стихотворный панегирик в честь государя, и даже составить хронику его царствования. Сами ханы внимательно следили за делопроизводством. Особый библиотекарь назначался для хранения ханской библиотеки. При дворе имелись и астрологи, составлявшие гороскопы для новорожденных царевичей и гадавшие о «счастливом часе», считавшемся столь необходимым при походах, новых постройках и пр. Наконец, существовало особое лицо, которое постоянно наблюдало за ханскими постройками. Обязанность наблюдать за исполнением религиозных обрядов и за правильностью мер, весов и цен на рынке лежала на раисе (мухтасиб). Все эти должности предпочтительно замещались лицами сейидского достоинства, то есть принадлежавшими к действительному, а чаще мнимому потомству Мухаммеда.

Налаженность системы центрального управления не должна, однако, вводить в заблуждение. Система эта была унаследована в основном от тимуридской эпохи, но она подверглась значительным изменениям в соответствии с фактическими условиями, сложившимися в узбекских ханствах. На

бысшие государственные должности назначались главы наиболее могущественных узбекских племен; некоторые из этих должностей иногда были как бы собственностью отдельных племен. Это обстоятельство усиливало влияние и без того самостоятельных эмиров племен.

В Балхе, составлявшем фактически независимый удел, отдававшийся в управление наследнику престола или наиболее видным членам ханского дома, которые получали в этих случаях титул хана, аппарат управления был организован по образцу центра. Аталык к балхскому наместнику назначался бухарским ханом. На него возлагалась обязанность помогать балхскому наместнику в делах управления и в его военных действиях; он назначался из знати тех узбекских племен, юрты которых входили в состав Балхской области. Опираясь на свое племя, такой аталык мог достигнуть совершенно независимого положения и игнорировать как ханского наместника, так и самого бухарского хана.

Низовой аппарат административного управления в Бухаре был построен по той же системе, как и в других феодальных государствах: он существовал, с одной стороны, за счет широкого предоставления иммунитетов и кормлений, с другой,— за счет возложения содержания государственного управления полностью на податное население. Наблюдение за выполнением населением натуральных повинностей лежало на арбабе, которого московские посланники отождествляли с посадским или земским старостой. Арбаб снабжал послов кормом, собиравшимся с горожан, контролировал работы по орошению и т. д. Во главе областей и городов стояли военные вассалы ханов. Они тоже нередко назначались из лиц, имевших связи с местными феодалами. В Бухаре был особый правитель — даруга, а полицейские функции нес миршаб (буквально «начальник ночи»). Однако приемы управления этих государственных чиновников мало отличались от феодального кормления: правителя Бухары при Имамкули-хане даже обвиняли в том, что он в корыстных целях организовывал грабежи и убийства в городе. В основе финансовой системы лежал, как и на всем «мусульманском» Востоке, харадж или «мал» (поземельный налог — рента), взыскивавшийся в размере от 1/5 до 1/3 урожая, или ушр — «десятина», составлявшая 1/10 часть урожая. Со скота и товаров собирался закят, равнявшийся 1/40 скота или стоимости товаров. Сверх этих основных налогов существовало большое число разнообразных сборов и повинностей, которые упоминаются в документах того времени. К таким сборам относится целый ряд поборов в пользу правителей, сборщиков налогов и различных долж-

ностных лиц (даругаги, мири шикар, садрана, накибана, мирабана, кутвали и др.) денежный налог на сады и виноградники (кукнор пули, сабзи пули и др.), сбор на нужды войска (тагар, мададий, улуфа и др.) и т. п. Видное место занимали различные чрезвычайные налоги. Даже те, далеко не полные данные, которыми мы располагаем, рисуют картину тяжелого налогового бремени, лежавшего на трудовых массах, особенно на земледельческом населении.

Имеющиеся сведения не дают возможности определить, в какой форме — натуральной или денежной — взыскивались все эти налоги, но на основании данных некоторых источников, можно заключить, что в XVI—XVII вв. существовала смешанная рента — деньгами и натурой, включая и некоторые виды отработок, в частности обязанность строить и ремонтировать в порядке трудовой повинности стены городов, укреплений, и ремонт и строительство ирригационных сооружений (мардикар, калъа, хашар, бегар). К натуральным повинностям следует отнести обязательство предоставлять ночлег, перевозочные средства и продовольствие всякого рода проезжающим послам и чиновникам (куналга, иначе —«кара кунак»).

Широко практиковавшаяся раздача земель в танхо, предоставление крупным феодалам налогового иммунитета и различного рода льгот, так же как и распространение милькового землевладения, освобожденного от налога и государственных повинностей, крайне неблагоприятно сказывались на состоянии государственной казны, находившейся в распоряжении хана, так как большая часть налоговых поступлений попадала непосредственно в руки феодалов и представителей бюрократии, минуя ханскую казну.

В XVII в., по свидетельству московских послов, в ханскую казну поступала лишь незначительная часть государственных податей. На покрытие государственных расходов шли только доходы с монетного двора и торговые пошлины. По словам Пазухина, денег в их государствах (в Бухаре и Балхе) «в казне у царей» мало, потому что «расписаны все деревни на жалованье ратным и всяких чинов людям, и про царев обиход собирается казна из денежного двора и пошлина, а за обиходом денег за годом не остается». При таких условиях правительство прибегало к приемам искусственного повышения хараджного и милькового сборов и ко всевозможным натуральным поборам, в первую очередь, с торговцев и ремесленников. Так, посольские кормы послы получали у земских старост (арбабов). «А у них так повелось,— сообщали московские послы,— что тот корм дают торговые люди...

Иногда корм брали с деревень хлебом, маслом, овощами и мясом довольно...». Все ремесленники «каждый по своему таланту и вкусу» должны были преподносить в праздники хану свои изделия. В экстренных случаях ремесленники города облагались полавочным сбором.

Нередко в финансовой политике ханов, всегда нуждавшихся в деньгах, господствовал полный произвол.

Во второй половине XVII в. при Субханкули-хане во всех областях было принято за обычай взимать с населения ежегодные подати деньгами и натурою по бератам (особым документам на право досрочного сбора с населения податей, выдававшимся ханами) в семикратном размере. Например, селение по письменному долговому обязательству, или, вернее, по предъявлявшемуся ему правительством чеку, должно было заплатить 500 таньга (100 рублей серебром), а фактически с него взимали 3500 таньга (700 рублей серебром), да сверх этого в десятикратном размере взыскивалась сумма, отчислябшаяся в пользу чиновников по сбору и учету государственных поступлений и арбабов, ведавших сбором хараджа. Население, сидевшее на мильковых государственных землях (мильки-падишахи или мильки-шах), было обложено податью «милькана» в таких размерах, что землепашцы даром готовы были отдавать их любому, кто желал бы их взять.

В связи с упадком развитого некогда горного дела сказывается недостаток серебра, являвшегося основным валютным металлом. Отчасти для того, чтобы пополнить недостачу серебряных монет, отчасти с фискальной целью извлечения добавочной прибыли в XVII в. широко практиковалась «порча» монеты— ухудшение ее состава добавкой лигатуры и выпуск ее с принудительным курсом, по которому монета должна была обращаться на рынке. Таким образом, чеканка монеты являлась одним из способов эксплуатации трудящихся масс ханства, выжимания дополнительных доходов с населения. Постоянное обеднение ханской казны сказывалось и в том, что в XVII в. строительство в городе за счет ханской казны значительно сокращается, хотя во второй половине XVII в. мы видим еще в Бухаре такие значительные произведения среднеазиатской феодальной архитектуры, как здания возведенные Абдулазизом. Зато некоторые из могущественных феодалов обладали в XVII в. настолько крупными средствами, что имели возможность, например, Ялангтуш-бий, построивший в Самарканде огромные медресе Ширдор и Тилля-кори, производить капитальное строительство в городах в более крупных масштабах, чем сами ханы.

4. НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Тяжелая феодальная эксплуатация, бесконечные войны, как внешние, так и внутренние пагубно отразились на жизни трудящихся. Источники сохранили отрывочные сведения о том, что народные массы неоднократно поднимались против своих угнетателей.

В 1605 г. вспыхнуло восстание в Балхе. Причиной тому была тирания Шахбек-кукельташа из узбекского племени булачи, при котором за небольшие преступления людей подвергали невероятно тяжелым пыткам. Эмиры и назначенные в Балх молодые царевичи Имамкули-султан и Надир Мухаммед-султан не вняли голосу масс, не устранили узурпатора, тогда народ, как указывает Мухаммед Юсуф мунши, выступил против Шахбек-кукельташа. Последний бежал, скрылся в медресе Абдулла-хана, «забаррикадировал ворота и стал осыпать народ стрелами и пулями». Самоотверженная молодежь, *разрушив часть стены медресе, проникла туда и, схватив* Шахбека, поволокла к народу. Шахбек был казнен по воле взбунтовавшихся масс.

В первые годы правления Субханкули-хана поднялось восстание в Балхе против правителя области Салих-ходжи, потомка небезызвестного ходжи Мухаммада парса, при котором «большинство мест и городов подвергалось разграблению».

В 1681 г. произошло массовое выступление против феодальной эксплуатации в долине Зарафшана. В нем принимали участие и каракалпаки, переселившиеся из низовьев Сырдарьи. Восстание было подавлено, но отдельные его вспышки, как указывают современники, наблюдались в последующие годы.

Самые сильные волнения происходили в 1708 г. в Бухаре. Поводом к ним явилась неудачная «денежная реформа» Убайдулла-хана, направленная на укрепление финансового *положения государства. Беспрерывные войны, изо дня в день* увеличивающиеся дворцовые расходы, расточительство и казнокрадство, привели к обнищанию государственной казны. Правительство Убайдулла-хана первоначально попыталось покрыть бюджетный дефицит за счет займов, однако из-за отсутствия средств на покрытие долгов, эта мера еще более усугубила финансовое затруднение государства. Убайдулла-хан, посоветовавшись с видными чинами государства, особенно с михтаром Шафи, возглавившим финансовое ведомство, и попечителем казны ходжа Балту из узбекского племени сарай, в 1708 г. провел денежную реформу. Суть

этой реформы заключалась в изменении прежней одномискальной таньги: вес ее сохранялся тот же, а проба была снижена в четыре раза.

От этой реформы особенно пострадали беднейшие слои населения, так как купцы, ремесленники, хлебопеки и мелкие лавочники не хотели продавать на новые деньги свои товары и в знак протеста закрыли лавки и прекратили торговлю. Тысяча людей направилась в ханский дворец и, обложив его, начала «громить камнями ворота высокого арка и кричать оскорбления и ругательства». Хан под страхом смертной казни приказал торговцам открыть свои лавки, однако эта мера не могла успокоить всеобщее возмущение.

Восстание 1708 г. было подавлено, однако, как правильно указывает Е. А. Давидович, «движение в целом имело успех: правительство вынуждено было пойти на компромисс и изменить первоначальное содержание реформы, уменьшив вдвое принудительность курса на новые низкопробные монеты».

Восставшие в 1712 г. трудящиеся Самарканда изгнали из города правителя Султана-туксабу. Причиной восстания, согласно историку Абдурахману Тале, были жестокость и насилия над семьями мирных жителей, чинимые кенегесами, к которым принадлежал Султан-туксаба.

Большой интерес представляет и восстание в Балхе 1718 г. против правителя Мухаммед-хана, который «был жаден в накоплении богатства и весьма угнетал народ». Гнев народа был настолько сильным, что Мухаммед-хану вместе со своим аталыком Кутлук-кипчаком пришлось бежать в Ширбирган.

Выступления трудящихся масс в 20, 40-х годах XVIII в. проходили во многих областях Бухарского ханства — Кермине, Миankале, Шахрисабзе и др.

В силу объективных причин (разрозненность, отсутствие конкретной цели и др.) эти локальные стихийные выступления не имели успеха и зачастую использовались враждовавшими между собой представителями феодальной верхушки в своих интересах. Тем не менее они свидетельствовали о безнадежности существующего политического режима, расшатывали его и без того прогнившие устои.

5. КУЛЬТУРА МАВЕРАННАХРА В XVII—XVIII вв.

Культура Мавераннахра в XVII—XVIII вв. имеет черты, характерные для культуры всякого феодального общества. Наука, искусство и просвещение являлись в основном достоя-

нием феодальной верхушки. Несмотря на то, что значительные культурные ценности создавались в большей части гением народных масс, безвестных народных мастеров, задавленные феодальной эксплуатацией и разоряемые феодальными междоусобицами народные массы не имели к ним доступа. Среди трудового народа развивалась своя особая культура: народ создавал свои эпические поэмы, песни, сказки, пословицы и поговорки, украшал, как мог, употреблявшиеся им предметы быта. В этих песнях, поговорках и пословицах народные массы выражали свой протест против господствующего строя и феодальной эксплуатации. К сожалению, то, что дошло до наших дней из произведений устного народного творчества, переплетено с позднейшими наслоениями, отражающими обычно иную историческую обстановку; что касается материальных предметов культуры, то они почти не сохранились.

Духовная жизнь народа находилась прежде всего под гнетущим влиянием мусульманского духовенства, которое требовало безусловного подчинения религиозным догмам, своим духовным руководителям и всякого рода начальникам, следило за неукоснительным соблюдением различного рода обрядов, поддерживало всевозможные суеверия. Особенно широким влиянием среди населения как кочевого, так и оседлого пользовались многочисленные дервишские или суфийские ордена. Влиятельные шейхи этих орденов вербовали большое число «учеников»-мюридов. При этом мюрид, избравший себе наставника-шейха, должен был не только беспрекословно исполнять его прямые приказания, но и угадывать его желания, а также делать своему пиру различные приношения.

Однако даже и в это мрачное время феодального и религиозного гнета из народа выдвинулись такие замечательные поэты, как Сайида Несефи, Турды и многие другие, не принадлежавшие к кругам придворных поэтов-панегиристов и не порывавшие с народными массами, выражая их стремления и чаяния. Они не могли, конечно, вырваться из пут феодально-религиозной идеологии, но восставая против насилия, унижения и несправедливостей, которым подвергался простой народ, вносили в литературу прогрессивные элементы. Они клеймили придворную клику, жадных вельмож и богачей, стремились вызвать сочувствие к широким массам народа.

Культура правящих классов испытывала не менее мощное воздействие со стороны влиятельного мусульманского духовенства; при этом гнет наиболее реакционных представителей религиозной идеологии — шейхов дервишских орденов — все более усиливался. Особенно сильно сказалось это в области

науки. В XVI—XVII вв. мы уже не встречаем таких крупных ученых, как Улугбек и его сотрудники по Самаркандской обсерватории — Али Кушчи и др. Место настоящей «светской» науки прочно и монопольно заняло мусульманское богословие суннитского толка, одним из оплотов которого сделалась Бухара. К числу наиболее видных фигур, славившихся своею ученостью можно отнести несколько богословов: ахунд Мухаммед Шариф (умер в 1697 г.), являвшийся, по словам историка XVII в., «учителем и наставником всех бухарских ученых», ученый-мистик шейх Хабибулла (ум. 1698 г.) и многие другие.

Точные и естественные науки подвергались полному изгнанию. Место блестящей школы астрономов заняли мувакиты, обязанностью которых было следить за календарем, наступлением годовых праздников и составлять гороскопы по различным случаям дворцовой жизни. Математика, в развитии которой в прошлом народам Средней Азии принадлежало весьма почетное место, сводилась теперь к некоторым начаткам геометрии и главное применение находила при решении некоторых практических задач, главным образом при сложном по мусульманскому праву дележе наследства («фараиз»). В области естествознания господствовали фантастические представления о всевозможных диковинных сказочных животных и растениях.

Известный интерес, по практическим соображениям, проявлялся к медицине. Субханкули-хан построил в Бухаре специальную лечебницу (дару-ш-шифа), где лечились больные, изучалась медицина и имелась специальная медицинская библиотека. Сам Субханкули-хан обладал, по-видимому, большой и хорошо подобранной библиотекой. В Институте востоковедения Академии наук УзССР хранится несколько редких книг из библиотеки этого хана и ряд интересных медицинских трудов его времени, составленных им самим или посвященных ему.

Узбекские ханства объединяли тюркоязычное узбекское и *ираноязычное таджикское население. Поэтому и в быту, и в* литературе узбекский и таджикский языки использовались как равноправные. Наряду с этим, культурная традиция поддерживала авторитет таджикского и арабского литературных языков в науке, литературе и в школе, таджикский язык продолжал употребляться в канцелярском обиходе. Школа начальная (мактаб) и высшая (медресе) знакомили учащихся с основами богословских наук и литературой на арабском и таджикском языках, причем религиозный характер школьного образования не исключал распространения и влияния клас-

сической персидско-арабской литературы, тем более, что в ней были сильно выражены суфийские воззрения. В старых мактабах, например, изучали произведения Хафиза, Бедиля, Навои и классика азербайджанской литературы Фузули, который был весьма популярен, о чем свидетельствует неоднократное издание его произведений[1].

При изучении средневековой узбекской литературы следует учитывать характер литературных жанров и сюжетов. Так, историческое сочинение ученый часто рассматривал, как источник известного художественного наслаждения для читателей. Гиперболизация, художественные образы и сравнения в описаниях исторических событий, стихотворные вставки обычны для подобных произведений. Некоторые исторические сочинения написаны в стихах, в них соблюдены все правила стихотворной метрики. В стихах составлялись также первоначальные пособия для обучения чтению арабских текстов. Поэтические отступления допускались и в уставах (рисоля) ремесленников и т. д. Один поэт прославился своей касыдой, составленной без единой буквы с различительными точками, т. е. без так называемых изафетов.

Исторические сочинения в прозе и стихах, написанные придворными, отражали взгляды и идеологию правящего класса, хана и его окружения. Авторы, исполненные подобострастия к носителям верховной власти, излагали события своего времени чрезвычайно напыщенным и цветистым языком, полным чудовищных эпитетов, трескучего и вымученного панегиризма. Однако в некоторых из этих произведений видна попытка осмыслить описываемые исторические факты. К таким произведениям с полным основанием можно отнести «Бахр ал-Асрар» Махмуда ибн Вали, «Убайдулла-намэ» Мирмухаммед Амина ал-Бухари, «Тарих-и Абулфейз-хани» Абдуррахмана Тале, «Мухит ат-Таварих» Мухаммед Амин ибн Мухаммед Замана Бухари и др.

Источники сохранили имена таких выдающихся ученых как Юсуф Карабаги — поэт и философ, автор знаменитого «Трактата о сокрытом», крупный ученый-законовед Насриддин Бухари, художник каллиграф Мухаммед Амин, обладатель «золотого кашмирского пера» мавлана ходжа Ядгар и многие другие.

При Субханкули Мухаммед Беди Самарканди в 1692 г. была составлена антология поэзии, в которой обобщены био-

---

[1] В Институте востоковедения АН УзССР имеется около сорока изданий сборника стихов Фузули, выпущенного в дореволюционном Туркестане.

графические данные 200 литературных деятелей той эпохи. В это же время написаны стихотворная поэма придворного поэта Мухаммед Балхи «Субханкули-хан-намэ», состоящая из 5000 двустиший, «История Субханкули-хана» Мир-Мухаммед Амина Бухари.

В литературе в этот период проявила себя городская демократия с ее вкусами и требованиями. При Убайдулле-хане среди бухарских поэтов наиболее прославленными были Сайида Несефи — «князь на троне бухарских поэтов, по выражению автора «Убайдулла-намэ», поэт Касим-ходжа, самаркандец Фитрат, по профессии вышивальщик золотом и, наконец, — Мулла Мульхан, мастер по внутренней отделке зданий.

Автор исторического труда «Убайдулла-намэ», упоминая о них, с одобрением подчеркивает, например, что поэт Сайида «не домогался посещать дома эмиров и ханский дворец, довольствуясь куском хлеба, который приходился на его долю»; что мулла Фитрат «меньше всего добивался посещать дворец государя и дома эмиров». Говоря о поэте Мульхаме, мастере-строителе, историк снова подчеркивает, что Мульхам «не ищет службы у государя и эмиров; он не ведет образа жизни, свойственного поэту, и продажей своих стихов не занимается».

Видное место в литературной жизни народов Средней Азии XVII в. занимал Бабарахим Машраб, чьи стихи обличали произвол, лицемерие и ханжество представителей господствующего класса. В них ярко выражен протест против феодального гнета. Бабарахим Машраб писал:

Я видел, как у народа сердце дробится под мечом гнета,
Я видел, как у народа тело изнывает от мук и страдания,
Я видел беспокойные глаза народа, блуждающие подобно
утренней звезде,
Я видел народ, скитающийся в этом мире разрухи.

Творчество и устная пропаганда Машраба оказали большое влияние на поэзию сопредельных со Средней Азией стран Востока. Однако его идеи, большей частью мистические, отвлекали человека от действительности и активных действий. Он писал: «Если подвергаешься притеснению и угнетению, таскрой это от народа». Подобные проповеди, естественно, не содействовали росту политического сознания трудящихся масс. С другой стороны, антиклерикальный дух его творчества в известной мере имел прогрессивное значение, поскольку был направлен на критику основ религии и господства мусульманского духовенства.

Творчество этих поэтов своеобразно. Сайида Несефи (1687—1710 гг.) написал большое количество лирических

стихов, касыд и месневи, посвященных знаменитому основателю мистического ордена Накшбенди Бахауддин Мухаммеду, стихотворную историческую хронику походов аштарханидских ханов, несколько стихотворений о ремесленниках и городской жизни, басни, мухаммасы и др. Его произведения проникнуты народным духом и отличаются простотой языка и образностью. Значительная часть их посвящена трудовому народу — крестьянам и ремесленникам. Положение различных слоев современного ему общества Сайида Несефи показал в «Книге о животных», где под видом животных изображены представители различных классов и общественных групп. Особую симпатию у автора вызывает простой трудовой народ — трудолюбивые муравьи. В произведениях Сайида нашло отражение тяжелое положение народных масс, ограбленных и разоренных ханами, беками и богачами.

В это время создавал свои замечательные, глубоко социальные произведения поэт Турды (умер приблизительно в 1699 г.), писавший под псевдонимом Фараги. Турды с оружием в руках участвовал в антифеодальных восстаниях в Бухарском ханстве в 1686 и 1694 гг. В его стихах звучит гнев народа против произвола и насилия Субханкули-хана:

Поборoм, воровством и тысячами бед
Он разорил страну, затмил в ней солнца свет.
Есть деньги или нет, одет или раздет,
Плати ему налог вперед, за много лет...
Среди подлецов-вельмож один подлец такой.

В другом стихотворении он пишет:

Все блага богачам — власть им и почет,
До коих пор еще терпеть нам этот гнет?
Потоком льется пот, потоком кровь течет,
И пьет людскую кровь жестоких беков сброд.
Свобода уничтожит их праведной рукой!

Следует, однако оговориться, что Турды, сын своей эпохи и своего класса, не мог достаточно объективно разобраться в окружающей действительности. Причину всех несчастий он видит лишь в личных качествах хана, в жадности его приближенных, в том, что на важные должности выдвигаются недостойные люди, «вышедшие из нужды и нищеты», а не те, которые, по его мнению, от рождения призваны быть правителями. В одной из своих газелей он скорбит о забвении религии в государстве Субханкули-хана:

Не ищи (здесь) места ислама и мусульман, Фараги,
Это место — царство, в котором правит Субханкули-хан.

Влияние дервишской идеологии отразилось в творчестве реакционно-мистических поэтов XVII в., особенно Суфи Аллаяра, проповедовавшего отречение от суетного мира и попу-

ляризировавшего мистические истины суфийской идеологии. Его стихи и поэма «Путь праведных» широко распространялись духовенством.

Большой популярностью у народа пользовались произведения Мирзы Абдулкадира Бедиля (1644—1720 гг.). Его прогрессивные философские мысли оказали значительное влияние на формирование общественно-философской мысли в Средней Азии. Просветители XIX в. Мукими, Фуркат, Ахмед Дониш и другие брали их на вооружение в борьбе с философией крайнего мистицизма и мракобесия.

Бедил хорошо знал жизнь народа и в своем творчестве отражал протест угнетенных против феодального гнета и тирании. Прогрессивные философские взгляды Бедиля воплощены в его учении «вахдат-и-мавжуд» («единство сущего») — о вечности и несотворенности природы, о единстве материи и духа и растворении бога в этом мире. Бедил призывал к знанию и труду. В книге «Чор унсур» («Четыре элемента») Бедил писал, что первоосновой всего сущего является воздух, который в «Ифроне» именуется «творцом всех вещей» («мавжуду мавжуд»). Воздух он понимает как реальное, материальное объяснение возникновения природы из самой природы. В примитивной форме Бедил высказывал мысль о том, что вещи и явления взаимно связаны и в мире непрерывно происходят изменения. Благодаря различным сочетаниям четырех элементов (воздух, вода, земля, огонь) появился мир неорганический, затем из него возник органический мир: растения, животные и человек.

В рамках своей философии Бедил подверг критике усердно культивируемые исламом теории предопределения, неизбежно приводящие к фанатизму. Он писал: «Что и какую часть ты увидел в уповании на волю бога. Кроме застывания, что ты понял в нем?». Он призывал человека отбросить эту ложь: «Ты от тисков незримых освободись! Развернув крылья старания, от сетей освободись!». Утверждая решающее значение старания и созидательного труда в жизни человека, Бедил воспевал ремесло, земледелие, свободомыслие и разум. Он говорил о познаваемости мира, о роли ощущений и мышления, хотя его взгляды на познание были ограничены.

По Бедилю, источником познания является объективный мир; человек с помощью своих органов чувств воспринимает воздействие внешнего мира и мышлением своим постигает сущность вещей. С точки зрения Бедиля, знание истинно тогда, *когда оно соответствует действительности. В произведении* «Нукот» («Остроты») он писал: «Если (ты) имеешь сознание, то надо понимать: все то, что отражается в мыслях, в вообра-

жении (твоем) есть не что иное, как лучи конкретных вещей». Ратуя за развитие науки, Бедил говорил: «Кто свечи своей жизни наукой зажигал, тот приобрел жизнь навеки». Тем не менее, он не понимал роли и значения практики в познании мира.

Бедил был идеалистом в понимании общественных явлений, однако он пытался с реалистических позиций объяснить происхождение земледелия, ремесла, торговли, социального строя и государства. Он бичевал феодально-клерикальную знать, живущую за счет эксплуатации и разорения трудящихся масс. Несмотря на ограниченность своих взглядов, Бедил оказал большое влияние на развитие литературы и философской социологической мысли в Средней Азии и в Индии.

В первой половине XVIII в. в Бухаре были написаны исторические сочинения «Тарихи Муким-хани», «Убайдулла-намэ» и др. Особенно большое значение имеет книга Мир-Мухаммед Амина ал-Бухари «Убайдулла-намэ». Она выгодно отличается от многих исторических хроник того времени обилием фактов, касающихся не только политической, но и экономической жизни Бухарского ханства. Очень живо описаны в ней различные эпизоды классовой борьбы, народные восстания и т. п.

Несмотря на углублявшуюся феодальную раздробленность и намечающийся упадок в хозяйственной жизни в Мавераннахре XVII в. были созданы значительные памятники архитектуры, отличающиеся своими размерами и роскошью отделки. Техническое выполнение их (особенно декоративно-облицовочные работы), несомненно, ниже тех памятников, что создавались в предыдущую эпоху, но размах творческой мысли замечательных мастеров-архитекторов аштарханидского времени с особой силой сказался в грандиозности архитектурных замыслов, в создании больших ансамблей.

Именно к этому времени относится создание такого исключительно богатого оформления главной площади города, какое получил Ригистан в Самарканде. На средства эмира Ялангтуш-бия здесь было возведено медресе, передний портал которого украшают мозаичные изображения львов, за что и само медресе получило название Ширдор («Медресе со львами»). Медресе с определенным художественным расчетом поставлено точно против медресе Улугбека, на противоположной стороне площади, и повторяет его основные формы: высокий портал, ребристые купола по обе стороны этого портала, высокие, стройные минареты, завершающие углы здания, выходящие на площадь. Возведение этого медресе относится к 1613 г.

Третья сторона площади замкнута двухъярусной аркадой длинного фасада другого медресе, построенного тем же Ялангтуш-бием,— медресе Тилля-кари («Отделанное золотом»). Оно должно было выполнять также и роль соборной мечети. *Медресе замечательно стенной росписью и богатой позолотой* внутренних стен главного помещения мечети.

Влиятельным сановником Имамкули-хана, Надиром диван-беги, был построен замечательный архитектурный ансамбль в Бухаре, состоящий из расположенных по одной линии мечети, хауза (искусственного пруда) и медресе, задуманных и выполненных как единое архитектурное целое. Тем же Надиром диван-беги построены медресе у могилы ходжи Ахрара, в 4 *км* к югу от Самарканда, и намазгах (место праздничной молитвы).

Особенно выдающимися следует считать постройки Абдул-азиз-хана, возведенные им в Бухаре. Первая из них — медресе — построена против бухарского медресе Улугбека и составляет с ним единый ансамбль. По-видимому, строитель имел целью затмить роскошью нового здания более скромное по формам и украшениям медресе Улугбека. Очень большое по своим размерам, здание необычайно богато украшено; здесь *использованы и мраморные панели, одевающие нижние части* стен, и драгоценная резная изразцовая мозаика и майоликовые расписные плиты, и сложные лепные своды в виде так называемых «сталактитов», и, наконец, изумительная по тонкости и богатству роспись внутренних стен мечети, дарсханы (аудитории) и некоторых других помещений. В росписях мы встречаем и тот прием нанесения раззолоченных узоров, по «кундалю», который уже известен нам по росписям мечетей ходжи Зайниддина и Балянд, и узоры синей краской по белому фону, обнаруживающие несомненное влияние китайского искусства, хорошо известного в Бухаре по завозимым туда предметам из фарфора, и пейзажи с деревьями и какими-то фантастическими зданиями, напоминающими архитектуру Индии. Несмотря на всю роскошь декоративных отделок, они, однако, по мастерству исполнения значительно хуже тех, что украшают медресе Улугбека.

Выдающихся памятников изобразительного искусства и архитектуры первой половины XVIII в. до нас не дошло. Крупнейшим сооружением этого времени может считаться мечеть Боло-хауз, построенная в 1712 г. на западной стороне бухарского Ригистана, далеко уступающая по своим архитектурно-художественным качествам зданиям, возводившимся в XVII в.

На очень большой высоте в XVII вв. стояло оформление

рукописных книг. Города Узбекистана, в особенности Бухара, славились своими прекрасными каллиграфами, учениками блестящих каллиграфов тимуридского времени, когда искусство красивого и четкого письма было особенно развито, а самаркандская бумага была очень высокого качества. Каллиграф Абдулазиз-хана ходжа Ядгар был замечательнейшим мастером, не уступавшим прославленным гератским мастерам XV в.

Некоторое развитие в XVII в. получила музыкальная культура. Был составлен интересный трактат по истории и теории музыки. Среди известных музыкантов и певцов особенно выделялся маулана Калкаби, современник Субхан-кули-хана.

Художники бухарской школы продолжали выработанные в Герате в XV в. стилистические приемы и технику, отличаясь в то же время индивидуальным характером изображаемых несколько тяжеловатых фигур, простотой и ясностью композиции, яркими и свежими красками. Возникновение этой школы было, по-видимому, связано с переселением в Бухару нескольких гератских художников, но прекрасные мастера-живописцы были в Бухаре и раньше, например, известный уста (мастер) Джахангир, из школы которого вышел знаменитый Бехзад[1]. О высоком развитии живописи в Бухаре свидетельствует сообщаемый турецким писателем XVII в. Авлия-Челеби факт, что живопись Турции стала развиваться благодаря переселению в Турцию при султане Баязиде II (1481—1512 гг.) среднеазиатского мастера Баба-наккаша, ставшего учителем турецких живописцев.

Искусство миниатюрной живописи продолжало процветать в Самарканде и в Бухаре в XVII в., многие миниатюры этой эпохи поражают необычайной тонкостью и блеском исполнения. Чудесным образчиком этого служит великолепный список «Книги побед» Тимура («Зафар-намэ»), исполненный в Самарканде в 1621 г. В среднеазиатской миниатюре происходит значительное отклонение от традиций гератской школы, создается нечто свое, появляются элементы, более приближающие миниатюры XVII в., если не по гамме красок, то по чрезвычайно тонкой детализации черт лица, костюмов и прочих акцессуаров, к произведениям старых мастеров Палеха и Мстеры.

В целом в культуре Бухарского ханства в это время наблюдается значительный спад по сравнению с предыдущим периодом.

---

[1] Джахангир был учителем Пир-Саид-Ахмеда, который стал в свою очередь учителем Бехзада.

ГЛАВА XV

ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО (XVI—XVIII вв.)

Хорезмский оазис, отрезанный безводными степями от центра шейбанидского государства, был лишь слабо связан с ним экономически. Установившиеся еще в древности торговые пути направляли его интересы в сторону Поволжья и прикаспийских областей, благодаря чему в сношениях с восточно-европейскими рынками Бухара даже в какой-то мере зависела от хорезмского государства. Кочевавшие в соседстве с Хорезмом многочисленные туркменские племена представляли собой источник большой военной силы, которая могла быть всегда использована соседями, но которую бухарские Шейбаниды не могли подчинить себе из-за дальности расстояния и трудности похода в степи. Все это объясняет факт сравнительно раннего обособления Хорезма и образования в нем самостоятельного ханства.

В 1505 г. после 11-месячной осады Ургенча Шейбани-хан завоевал Хорезм, находившийся под властью династии Суфиев из племени кунграт и номинально зависимый от Тимурида Султан-Хуссейна; Чин-суфи, правитель Хорезма, был убит своими же приближенными. Туркменские племена, помогавшие защищать страну и город, были разгромлены.

В 1510 г., после гибели Шейбани, Хорезм перешел во власть шаха Исмаила, но господство кизилбашей продолжалось недолго. В 1512 г. страна стала самостоятельным государством под властью узбекских ханов, объединивших

по преимуществу те узбекские племена, которые выступили в свое время против Абулхайра и не пошли за Шейбани-ханом.

Против иранских завоевателей организовался заговор среди местного населения, которое призвало двух братьев, Ильбарса и Билбарса, сыновей Бурке-султана, из той же ветви Шейбана, (убитого Шейбани-ханом в 80-х гг. XV в.), находившегося в родовой вражде с семьей Абулхайра. Жители города Вазира открыли им ворота, перебили находившихся в городе кизилбашей и провозгласили Ильбарса ханом. Иное отношение к новому хану проявилось в Ургенче и Хиве, где, по-видимому, значительно сильнее было оседлое население, недоброжелательно настроенное по отношению к кочевникам. Жители Ургенча оказали кочевым султанам упорное сопротивление и сдались только после того, как в битве был убит наместник шаха. Вскоре иранскими гарнизонами были оставлены Хивак (Хива), Хазарасп и Кят. Прилив новых узбекских племен из степей Дашти-Кипчака, смерть шаха Исмаила (1524 г.) и возникшие после него династические смуты в Иране помогли узбекским султанам не только укрепиться в Хорезме, но и подчинить себе значительную территорию северного Хорасана (южная часть современной Туркменской ССР) до северной части Серахского района включительно и туркмен Балхана и Манышлака.

Государство, подобно государству Шейбанидов в Мавераннахре, разделилось на несколько плохо спаянных между собой феодальных владений. В захваченных областях правили члены ханского дома и были они почти независимы, что служило поводом к беспрестанным усобицам и частой смене ханов после смерти Ильбарса (1538 г.). Более того, попытки обложить регулярной данью свободолюбивых туркмен вызывали часто волнения и вооруженные столкновения их с узбеками.

В царствование Аванеша, пятого преемника Ильбарса, была сделана попытка завоевания Хорезма Шейбанидом Убайдулла-ханом (в 1537 г.). Хан Аванеш был настигнут и убит при отступлении. В Хорезм был посажен в качестве шейбанидского наместника сын Убайдуллы — Абдулазиз; многие узбекские племена Хорезма были переселены в Мавераннахр. Спасшиеся от шейбанидских узбеков родственники убитого хана Аванеша бежали в Дурун к представителю той же семьи Дин-Мухаммеду. Последний с помощью туркмен племени адак (адаклы) в 1538 г. вторгся в Хорезм, захватил Хиву и убил шейбанидского даругу (правителя)

с его помощниками. Абдулазиз бежал из Ургенча в Бухару. Войско, посланное Убайдуллой в Хорезм, было разбито Дин-Мухаммедом.

Междоусобицы не позволяли Дин-Мухаммеду объединить страну. Особенно преуспевали в этом царевичи из господствующего дома: Пулад-султан, Тимур-султан и др. Так, согласно Дженкинсону, лишь один Ургенч в течение семи лет четыре раза переходил из рук в руки. Ходжим-хану (1558—1602) *удалось положить конец междоусобицам и* упрочить политическое положение Хорезма. При нем были налажены политические (посольские) и торговые отношения страны с Ираном и Московским государством.

Попытки подчинить Хорезм были повторены Абдулла-ханом. В 1575 г. он напал на Ургенч в то время, когда правивший Хорезмом Ходжим-хан ушел в поход на Хорасан. Набег не имел серьезных последствий. Абдулла-хан при известии о возвращении Ходжим-хана заключил мир с его братьями и возвратился в Бухару.

1593 г. Абдулле удалось занять Хорезм и поставить в городах своих правителей и гарнизон. Ходжим-хан вместе со своими сыновьями и внуками был вынужден искать приюта у иранского шаха Аббаса. В 1595 г. хивинские султаны сделали попытку вернуть потерянные владения. С помощью туркменских племен и городских жителей, недовольных правлением бухарцев, им удалось овладеть главными городами ханства, что вызвало новый поход Абдуллы, который сам выступил во главе своего войска. Этот поход окончился взятием Хазараспа и казнью главарей восстания. Ходжим-хан снова удалился в Иран, и только смерть Абдуллы (1598 г.), вызвавшая смуты в государстве Шейбанидов, дала ему возможность возвратиться в Хорезм и утвердить его независимость от Бухары.

Страна, во главе которой стояла узбекская династия, *основанная Ильбарсом, включала* собственно Хорезм, расположенный в низовьях Амударьи, — древний земледельческий оазис с некогда высокой старинной культурой; находящиеся к западу и юго-западу от него кочевья туркмен на Мангышлаке, в районе Балханских гор, в Дихистане (Мешхеди-Мусриян) и по Узбою и, наконец, северную часть Хорасана, к северу от Копет-Дага и Кюрен-Дага, входящую в настоящее время в состав Туркменской ССР. Географически *Хорезм состоял, таким образом, из двух частей, разде*ленных между собой обширной песчаной пустыней: из области, орошенной Амударьей, носившей название Су-бою

(сторона реки), и предгорьев Копет-Дага в современной Туркмении, называвшихся Таг-бою (сторона гор).

Население ханства распадалось на три группы, резко отличавшиеся одна от другой как в этническом, так и в культурно-экономическом отношениях; на этой почве создавались противоречия, усиливавшиеся в условиях постоянных феодальных войн между ханами и главарями племен.

Население городов и земледельческих селений составляли потомки древних жителей Хорезма, впитавшие в себя многочисленные пришлые, главным образом, тюркские элементы и подвергшиеся уже к этому времени полной тюркизации по своему языку. Это были носители земледельческой и городской культуры. В их руках находились земледелие, ремесла. При широко практиковавшейся раздаче суюргалов племенной знати и крупным чиновникам, стремившимся выжать возможно большие доходы с отданных им земель, оседлые земледельцы попадали в зависимое положение. Кроме того, они должны были нести многочисленные натуральные повинности по ремонту оросительных сооружений, дорог, крепостных стен и т. д. На крестьянство и горожан падала также главная тяжесть налогового бремени.

Вторую значительную этническую группу составляли туркменские племена, расселенные к западу и югу от оседлых районов ханства, а частично и внутри их. Они занимались преимущественно скотоводством в сочетании с земледелием.

Распадаясь на многочисленные роды и колена, туркмены не выступали как единая сила, что и привело в XVI в. к подчинению их хивинскими ханами.

Ханы беспощадно эксплуатировали туркмен, которые платили налоги и с земельных угодий и со скота: племя адаклы-хызр должно было, кроме того, поставлять хану нукеров (слуг или гвардию). Дополнительно с туркмен взималась дань «на ханский котел», исчислявшаяся десятками тысяч баранов. Подати взимались в пользу не только хана, но и отдельных представителей ханского дома.

Туркмены нередко восставали против ханов. Такое восстание произошло, например, при Суфиян-хане (в первой половине XVI в.) среди племени эрсари, жившего у Балханских гор. Туркмены согласились сначала платить подать, но, доведенные до отчаяния непосильными поборами, перебили ханских сборщиков в числе 40 человек. Суфиян-хан предпринял поход против эрсари и примкнувших к ним хорасанских салоров. Туркмены искали убежища в недоступной безводной местности, но вскоре были вынуждены сдаться

и согласиться на уплату контрибуции по 1000 баранов за каждого убитого сборщика податей. Эта контрибуция в дальнейшем превратилась в постоянный налог, уплачивавшийся несколькими поколениями.

Воинственные и подвижные туркменские племена играли значительную роль как в междоусобных, так и во внешних войнах хивинских ханов, нередко оказывая решающее влияние на исход тех или иных событий, например, в войнах Ходжим-хана и его сыновей с Абдуллаханом.

Включение туркмен в сферу экономических и политических отношений соседних феодальных государств способствовало развитию феодальных отношений внутри туркменских племен, сохранявших еще родовые пережитки. Этот процесс усиливался постепенным переходом туркменской родовой знати на службу к хивинским ханам, что приводило к еще большему разъединению туркменских племен и укреплению власти над ними узбекских феодалов.

По мере развития феодальных отношений среди кочевников крепло влияние мусульманского духовенства и усиливалось распространение суфизма, который наложил свой отпечаток на всю духовную жизнь населения.

Кочевые узбеки, переселившиеся в Хорезм вместе с Ильбарсом, составили третью, наиболее влиятельную этническую группу и первоначально сохранили здесь кочевой образ жизни и деление на племена и роды. Кочевые узбекские племена Хорезма были разделены при Абулгази (в 1646 г.) на четыре группы: кият-кунграт, уйгур-найман, канглы-кипчак и нукуз-мангыт, составлявшие сложные, объединения из различных, как показывают их наименования, этнических элементов. В эти главные группы были влиты 14 мелких племен. Во главе каждого из этих объединений стояли инаки, которых было четыре, по числу главных упомянутых групп. В политической жизни страны, в особенности в последующие времена, инаки играли очень большую роль, соперничая зачастую с ханами, которые нередко были правителями только по имени.

Правящая верхушка узбекских родов составляла феодальную племенную знать. Значение этой господствующей верхушки определялось тем, что в ее руках на основе феодальных форм земельной собственности были сосредоточены значительные земельные владения с жившим на них земледельческим и кочевым населением. Большую роль в усилении экономического, а следовательно, и политического влияния узбекской аристократии играли крупные средства,

получаемые от военной добычи при грабительских набегах на Хорасан и территорию Бухарского ханства.

Сведения о внутреннем положении Хивинского ханства в XVI и начале XVII вв. весьма скудны и ограничены главным образом показаниями послов и торговцев, приезжавших в Хиву, которые отмечали значительный экономический и политический упадок в стране. Хивинцы, по их показаниям, «деньгами и хлебом зело убоги». Прибывавшие в Хиву послы жалуются на дороговизну продуктов: «В Хиве покупали хлеб и всякий харч самою дорогою ценою для того, что у них война и междоусобство великое».

Земледелие в Хивинском ханстве стояло на более низком уровне, чем в Бухарском.

Большую часть населения составляли кочевники-скотоводы, главным образом туркмены. По словам Абулгази-хана, автора известной книги «Родословное древо тюрков», кочевники «в зимнее время приходят к Хиве для снабжения себя хлебом, а весною все уходят в свои жилища для прокормления ягнят, потому что при Хиве нет кормовой травы, и они, когда покажется зелень, уходят в местность, где живет их племя». Даже земледельческое население вело полукочевой образ жизни: «Из города люди кочуют в летнее время по степи».

Сеяли преимущественно пшеницу и ячмень. Сравнительно высоко было развито шелководство: в XVII в. бухарские купцы даже приезжали в Хиву за шелком. Развито было садоводство. По данным, относящимся к середине XVIII в., пахали на волах, которых запрягали также и в арбы. Оросительная система была недостаточно развита, и некоторые очень населенные местности, как, например, окрестности Ургенча, страдали вследствие отсутствия воды.

Большое значение в жизни Хорезмского оазиса имело происшедшее в XVI в. изменение в структуре ирригационной сети. Один из важнейших дельтовых протоков Амударьи — Дарьялык, впадавший в озеро Сары-Камыш, перестал наполняться водой. Ряд важных центров, таких, как древняя столица Хорезма Ургенч, город Вазир, являвшийся также с середины XV в. в течение некоторого времени политическим центром страны, испытывали недостаток воды. Уже Дженкинсон, посланник Ивана Грозного, посетивший Вазир в 1558 г., предсказал скорую гибель города: «страна эта скоро превратится в пустыню и придет в запустение по недостатку воды, когда река Оксус (по-видимому, имелся в виду Дарьялык) прекратит свое существование». Предсказание Дженкинсона скоро исполнилось. Вазир и Ургенч в

XVII в. находились в упадке. Политический центр страны переместился в Хиву — крупнейший город Южного Хорезма. Окрестности Ургенча стали, по выражению Абулгази, «безводной степью», в связи с чем жители города должны были откочевывать на берега Амударьи. Наконец, Абулгази-хан вывел в середине XVII в. последних жителей из Вазира и Ургенча и поселил их во вновь основанном Новом Ургенче (ныне центр Хорезмской области).

Земли феодалов обрабатывались как зависимыми крестьянами, так и рабами.

Рабами были преимущественно иранцы и русские, захваченные в плен при грабительских набегах туркмен на Иран и ногайцев и калмыков на окраины Московского государства. Хорезм в XVI—XVII вв., как и позднее, являлся крупнейшим невольничьим рынком в Средней Азии; здесь был большой спрос на рабов. Хивинские купцы разъезжали по калмыцким кочевьям и даже жили там подолгу, скупая «русский полон», который потом большими партиями (человек по 200) отгоняли в Хиву и продавали «в иные земли». Использование рабского труда не оказывало большого влияния на феодальный характер производственных отношений в Хивинском ханстве, так как основную массу эксплуатируемых составляли мелкие производители — крестьяне. В этот разряд населения входила и значительная часть рабов, «которые от ясырства отработались», то есть окупили (с лихвой) потраченные на их приобретение деньги.

Городская жизнь в Хивинском ханстве была мало развита. «А в Юргенской-де земле всего четыре города живущих (населенных), — сообщал Хохлов, русский посол, посетивший Бухару и Хорезм в начале 20-х гг. XVII в., — а иные-де города пусты». Хивинская торговля была незначительна. Развитию торговли сильно препятствовали кочевники-туркмены, грабившие караваны, и в лучшем случае бравшие с них дань. Федотьев отмечает, что «бухарцы с товары в Хиву и Юргенч приезжают мало; а индейцы и балхинцы не приезжают и складов (общих торговых операций) юргенцы с индейцы в торгах не имеют». Сами хивинцы ездили, впрочем, в Московское государство, как и в Бухару. Хивинские ханы деятельно участвовали в торговле с Москвою.

Общий упадок экономики ханства вызвал застой и в ремесленном производстве. По всем данным, в Хиве и других городах продолжали выделываться только самые простые дешевые ткани. Более ценные текстильные изделия получали из Бухары.

При слабом развитии ремесла и торговли резкого отде-

ления города от деревни не существовало: жители города каждое лето «уходят в свои хуторы, у кого они есть, для земледельческих работ».

Экономический упадок Хорезма тяжело отразился на ханской казне. Однако при всей бедности казны, некоторые ханы производили в XVII в., довольно значительные расходы на сооружения, имевшие стратегическое или хозяйственное значение.

Ко времени правления Араб-Мухаммеда (1602—1623 гг.), отца Абулгази, относится строительство канала у крепости Тук, а Янги-арык и Ташлы-ярмыш связаны с именем Али-султана (1558—1567). При Ануша-хане был построен новый Кят и вырыт канал Ярмыш для орошения города и окрестностей. При нем же в 1681 г. был вырыт один из магистральных каналов Хивинского оазиса — Шахабадский и на нем построена крепость с тем же названием. Феодальная раздробленность в Хиве приняла особенно острые формы. В XVI в. во главе уделов стояли царевичи — члены правящей династии, и государство считалось, по крайней мере формально, собственностью единого ханского рода. С середины XVII в. место династической удельной системы заняла система вассальных владений, возглавлявшихся старшинами племен, фактически совершенно неограниченными владетелями, которые, опираясь на военную силу рода, могли диктовать свою волю ханскому правительству. Каждый бек, по словам Абулгази, «сделался правителем какой-нибудь области, начальником каких-либо деревень». Из этих же главарей выдвигались и наиболее важные сановники государства — инаки, аталыки и др. Они же оказывали решающее влияние на избрание ханов.

По-прежнему среди феодалов видное место занимало духовенство. Дервишские шейхи продолжали пользоваться в Хиве большим влиянием и не раз принимали участие в междоусобной борьбе ханов, с их вассалами и непокорными кочевниками. В XVI в. один из потомков почитавшегося в Хорезме шейха Сейид-ата побуждал население восстать против иранцев, занявших Хивинское ханство, и призвал в страну узбекских султанов; другой потомок того же шейха в 1622 г. поддерживал сыновей Араб-Мухаммед-хана в их борьбе с отцом.

Углубление феодальной раздробленности сопровождалось усилением эксплуатации народных масс. Недовольством трудящихся масс искусно пользовались феодалы в своих междоусобицах. Такие же корыстные цели преследовали демагогические выступления представителей духовен-

ства и дервишских орденов. «Кто из черни, — с досадой говорит Абулгази, — не поверит какому-нибудь белобородому сейиду, когда он каждодневно по сто раз клясться будет Кораном и уверять, что заботится о них?».

Особое положение в этой феодальной системе владений занимало владение Аральское, которое начало образовываться в низовьях Амударьи, у Аральского моря, во время правления Асфендияра (1623—1643 гг.). Впоследствии эта местность часто отделялась от Хивинского ханства (выбирались свои ханы) и становилась самостоятельным владением, игравшим значительную роль в политической жизни Хорезма. Аральцы приглашали к себе ханов то из ставленников Бухары, то из казахских султанов, то из каракалпаков. Эти ханы воевали с хивинцами и посягали, иногда не без успеха, на престол в Хиве. По некоторым известиям, аральский хан мог выставить до 5000 воинов.

Совершенно независимыми становились часто туркмены, готовые всегда отложиться от Хивы и принять участие во всякого рода политических неурядицах.

Феодальная раздробленность и независимое положение племенной знати отразились на административном устройстве Хивы того времени. Наряду с назначаемыми ханом *вазиром (или михтаром) и кушбеги, существовали племенные* старшины (5 человек), жившие в Хиве и являвшиеся ханскими советниками. Из племенной знати назначались аталыки и инаки, которых было при хане по два и более.

При ханском дворе имелся целый штат ясаулов, функции которых были приблизительно те же, что и в Бухаре: они, в частности, встречали послов и отводили им станы. Ханская казна находилась в ведении особых казначеев. Более мелкими чиновниками являлись тысячники и сотники (мингбаши и юзбаши). Широко практиковалась система кормлений. Так был организован сбор таможенных пошлин. Когда московский посол Иван Хохлов проезжал в 1621 г. с русскими купцами через Бовat, то за три версты до города «выехали к нему навстречу таможенники, которые с караванов собирают пошлины, человек с 60, и его-де, Ивана, и торговых людей остановили подле реки Дарьи и просили корму, 9 баранов, да две лошади, да 100 батманов ячменя», заявив, что берут пошлину с него, Ивана, «по указу государя своего, тем-де они пожалованы и с того служат». Несмотря на протесты посла, таможенники «учали юки развязывати сами, а иные обрезывати с ножи и обложили имать (брать) с юки по 33 зендени, и те все пошлины взяли, да сверх того взяли корму 5 рублев».

Как и в Бухаре, низовой административный аппарат составляла арбабы, т. е. «посадские земские старосты». В сельских округах некоторые государственные функции возлагались на землевладельцев; на них лежала, например, обязанность за счет подвластного им населения снабжать продовольствием проезжавших послов.

При наличии феодальной раздробленности каждый царевич в своем владении имел собственный аппарат управления — своих аталыков, казначеев, ясаулов, таможенников и т. д.

Хивинское ханство переживало период большого ослабления. Господствовавшая в стране феодальная раздробленность и непрерывные династические распри, осложнявшиеся вмешательством бухарских ханов, — все это делало хивинских ханов неспособными обеспечить безопасность своих владений.

В первой половине XVII в. Хивинское ханство неоднократно подвергалось нападениям со стороны соседей. Так, при преемнике Ходжим-хана Араб-Мухаммеде на его территорию вторгались калмыки и казахи. Последние безуспешно пытались низложить Араб-Мухаммеда и возвести на престол своего ставленника. В самом начале царствования того же хана на Хиву произвели нападение яицкие (уральские) казаки под предводительством атамана Нечая. Но на обратном пути все казаки были перебиты. Через некоторое время яицкие казаки произвели вторично нападение на Хивинское ханство под начальством атамана Шамая, но и этот набег кончился для них печально: Шамай был захвачен калмыками, а его казаки, застигнутые зимой у Аральского моря без съестных припасов, попали в плен к хивинцам.

Обороноспособность страны ослабляли феодальные междоусобицы, которые при Араб-Мухаммеде достигли в Хивинском ханстве своего апогея. Собственные сыновья его — Хабаш и Ильбарс — восстали против престарелого отца, захватили его в плен и варварски ослепили. Занявший ханский престол Ильбарс был, однако, вскоре свергнут при содействии туркмен другим сыном Араб-Мухаммеда — Асфендияром.

Непрекращавшиеся династические распри в ханской семье осложнялись вмешательством туркмен в хивинские дела и их столкновения с узбеками. Вовлекая туркмен в свои распри, претенденты на ханский престол и отдельные феодальные правители уделов натравливали их в своих целях на узбеков. Ханы, возведенные на престол туркменами или опиравшиеся на их военную силу, должны были всяче-

ски угождать им. Сев на трон с помощью туркмен, хан Асфендияр стал притеснять узбеков; особенно пострадали уйгуры и найманы, которых избивали по всему ханству, а у тех, которых не успели захватить, отнимали скот; «избивали стариков, юношей и новорожденных, которым было не больше месяца», — говорит хивинский историк. Другие узбекские племена искали спасения в бегстве из Хивы: одни тянулись в Мавераннахр, другие уходили на Мангышлак или в казахские степи. Года через три после этих событий беглецы стали возвращаться на родину и селиться около Аральского моря, близ устья Амударьи. Там собиралось более 300 кибиток. Тогда Асфенидияр перешел Амударью, напал на них и истребил.

В ханской семье распри не прекращались: братья Асфендияра то и дело восставали против него, стремясь свергнуть его с престола. Один из них, вышеупомянутый историк Абулгази, овладел после смерти Асфендияра Хивинским ханством. Но прошло много лет войн и усобиц, прежде чем он утвердился на престоле. В 1643 году он стал ханом лишь на небольшой части Хорезма — на Арале. Был даже момент, когда в 1643 г. бухарский хан Надир-Мухаммед пытался включить Хиву в состав своих владений и прислал своего наместника и других правителей, которые, впрочем, не вмешивались во внутреннюю жизнь ханства и даже сбор доходов оставили в руках туркмен, номинально признавших власть Бухары. Только после свержения Надир-Мухаммеда, когда смута охватила Бухару и бухарцы покинули Хиву, Абулгази выступил с войском из Арала, где он первоначально был провозглашен ханом, и прочно овладел ханством.

После десятилетнего периода преобладающего влияния туркменской феодальной знати, на которую в своей политике опирался Асфендияр, Абулгази, добившийся ханского престола в ожесточенной борьбе с туркменами, выдвинул на первое место узбекских феодалов. Туркмены подвергались жестоким репрессиям: они лишены были земли и воды, что крайне тяжело отразилось на беднейшей трудовой массе туркменского населения. Все земли, расположенные по каналам, выведенным из Амударьи, были разделены между упоминавшимися выше четырьмя группами узбекских племен, объединившими теперь все существовавшие раньше мелкие племена и их подразделения. Этим мероприятием Абулгази передал узбекской военно-феодальной знати право распоряжения доходами с земли. Перестроен был и аппарат управления. 360 человек из представителей узбекской знати

были назначены на различные государственные должности; наиболее видные лица из господствующей верхушки узбекских племен, в числе 32 человек, составили круг непосредственных советников и помощников хана. При этом, с целью прекращения существовавшей вражды между племенами, Абулгази стремился назначать на самые видные должности сразу по четыре человека — по одному от каждого племенного объединения.

Опираясь на узбекские племена, Абулгази предпринял несколько походов против туркмен и, действуя то военной силой, то вероломством, беспощадно расправлялся с ними, истребляя их, уводя в плен женщин и детей и разоряя аулы. Ему удалось оттеснить туркмен до пределов Южного Туркменистана. В то же время набеги калмыков на Хивинский оазис заставляли хана принимать меры к отражению нападения кочевников. Абулгази предпринял также ряд походов на Бухару, воспользовавшись враждой между Абдулазиз-ханом и его братом Субханкули. Последний, женатый на племяннице хивинского хана, втянул Абулгази в свои счеты с Абдулазизом. Абулгази охотно отозвался на этот призыв под предлогом мести за своих предков, истребленных Абдулла-ханом. Опустошительные набеги Абулгази совершал не только до Бухары, но и дальше, вглубь страны. Согласно источникам, Абулгази предпринял семь опустошительных набегов на Бухару и разорил ее северные и западные районы. Эти походы преследовали не только цель грабежа, но и ослабления некогда могущественного Бухарского ханства, державшего Хорезм под постоянной угрозой вторжения и закабаления.

Набеги, разорявшие Бухарский оазис, многократно повторялись и в последующие годы. Хивинские отряды опустошали и грабили Каракуль, Чарджуй, Варданзи и добирались до Кермине. Как только войска Бухары собирались дать отпор, хивинцы тотчас же уходили обратно, не вступая в длительную войну. Последний такой набег Абулгази совершил в 1662 г., после чего заключил мир с Абдулазиз-ханом. Вскоре после этого, в марте 1663 г., Абулгази умер, поручив еще при жизни управление страной своему сыну Ануше.

Набеги на Бухару продолжались и при Ануше (1663—1687 гг.), даже с большим успехом, чем раньше. Хивинские войска проникали опять до самой Бухары и даже грабили Джуйбар. Наиболее серьезным был набег хивинцев в 1685 г., когда им удалось захватить Самарканд, жители которого провозгласили Анушу своим ханом. Но бухарские войска

разбили хивинцев под Гиждуваном, и Ануша-хан вынужден был уйти из Самарканда.

Непрекращавшиеся опустошительные набеги хивинцев и невозможность остановить их военной силой побудили бухарского хана и его правительство бороться иными путями. Субханкули-хану удалось создать в самой Хиве партию, враждебную Ануша-хану, который был захвачен и ослеплен (1687 г.). В заговоре участвовал его сын Эренг, правивший, однако, очень недолго, так как он сам был отравлен после очередного хивинского набега на Бухару[1]. Бухарская партия в Хиве оказалась настолько сильной, что в 1688 г. к Субханкули-хану была направлена депутация, просившая принять Хиву в бухарское подданство. Субханкули назначил правителем Хивы Шах-Нияза в звании «ишик-ага», принявшего впоследствии титул хана[2].

В своем стремлении укрепить ханскую власть и освободиться от вассальной зависимости от Бухары Шах-Нияз сделал попытку найти сильного покровителя в лице русского царя. Еще в 1700 г. он втайне от Субханкули-хана отправил посла к Петру I с просьбой принять его со всем подвластным ему народом в подданство России. Грамотою от 30 июня того же года Петр изъявил на это свое согласие и подтвердил последнее в грамоте 1703 г. новому хивинскому хану, преемнику Шах-Нияза, Араб-Мухаммеду (1702—1714 гг.). Обращение Хивы за поддержкой к России привлекло внимание правительства Петра I к Средней Азии, однако реального осуществления этого подданства не состоялось.

Хивинское ханство переживало в первой половине XVIII в. острый политический кризис. Бесконечные войны между узбеками и туркменами способствовали углублению феодальной раздробленности и кризису ханской власти. Этот кризис в Хиве усиливался вмешательством в хивинские дела бухарских ханов и нападениями кочевников — казахов и калмыков.

Развал государственной власти в Хивинском ханстве сказался с особой силой при хане Ширгази (1715—1728 гг.). Внутреннее положение раздираемого феодальными смутами государства осложнялось, кроме того, вмешательством соседних государств.

С одной стороны, экспедиция Бековича в 1714—1717 гг.,

---

[1] Так, по бухарским источникам, хивинский историк Мунис говорит, что Эренг (вернее, самозванец, заменивший ранее убитого Эренга) погиб в борьбе с узбеками, собравшимися в Арале.

[2] Мунис говорит только об «установлении мира с Бухарой» при Шах-Ниязе.

организованная Петром I, была первой попыткой могущественного в то время Русского государства подчинить своему влиянию Хорезм, окончившейся трагически. Правящие круги Хивы истребили весь отряд Бековича, состоявший из шести с лишним тысяч солдат. После этого вероломного поступка Хива долгое время жила под страхом возможного нападения со стороны России. С другой стороны, бухарский хан Абулфейз поднял против Ширгази аральцев; аральцы пригласили к себе ханом царевича Тимур-султана, проживавшего в Бухаре; в Хиве началась междоусобная война, которая продолжалась с переменным успехом до смерти Ширгази. Тимур-султан оказался не в состоянии подчинить себе все ханство; ханом после Ширгази стал Ильбарс (1728—1740 гг.), по происхождению из казахских султанов-Чингизидов.

Пользуясь отсутствием Надир-шаха, который предпринял в это время поход на Афганистан и Индию, Ильбарс произвел несколько набегов на Хорасан и каждый раз возвращался с добычей и пленными.

Набеги хивинцев на Хорасан, выступление хивинских войск на стороне Бухары против войск Надир-шаха и категорический отказ хивинского хана признать зависимость от Ирана, побудили Надир-шаха после подчинения им Бухары предпринять поход на Хорезм. Под Хазараспом произошло сражение Ильбарса с иранцами. После ожесточенного боя хивинцы были разбиты и поспешили укрыться за стенами Хазараспа. Надир, не теряя времени на осаду этой крепости, двинулся по направлению к Ханка, откуда открывались пути во все стороны ханства. Туркмены и другие кочевники, примкнувшие к армии Ильбарс-хана, опасаясь за судьбы своих кочевий, стали с семьями уходить в степи. Ильбарс, узнав об этом, бросился со своими войсками по направлению к Ханка. Ему удалось опередить армию Надира и укрепиться в Ханка. Однако осажденный Надир-шахом Ильбарс, несмотря на отчаянное сопротивление, не мог удержать крепости. Ханка была взята, а сам хан убит. Пока Ильбарс сидел в осаде, хивинцы пригласили к себе ханом Абулхайра, хана Малого казахского жуза, принявшего лет за восемь до этого (в 1730—1732 гг.) русское подданство. Возведенный на хивинский престол Абулхайр-хан на другой же день послал к Надир-шаху письмо с предложением мира. Письмо в ставку Надира повез русский геодезист Муравин, присланный в это время в Хиву с грамотой Анны Ивановны (1730—1740 гг.). Муравин известил Надир-шаха, что Абулхайр-хан является подданным русской императрицы. Надир ответил

Абулхайру согласием на его мирное предложение, но просил, чтобы он лично прибыл в его ставку. Под предлогом поездки к Надиру, Абулхайр выехал из города Хивы вместе со всей свитой, но ушел в свои степи, проханствовав в Хиве всего дней шесть или семь. Причиной поспешного бегства Абулхайра были полученные им сведения, что знатные хивинцы, перешедшие на сторону Надира после взятия Ханка, склоняли жителей Хивы не сопротивляться шаху ввиду невозможности с пятью или десятью тысячами казахов оказать сопротивление грозному завоевателю, особенно принимая во внимание разрушительное действие его артиллерии, и советовали задержать Абулхайра в городе до прибытия шаха.

После четырехдневной осады Надир-шах взял столицу. Значительная часть хивинской армии была присоединена к войскам Надира. Все невольники, в том числе и русские, томившиеся в хивинском рабстве, были освобождены шахом и снабжены на дорогу лошадьми, деньгами и продовольствием.

Подобный шаг Надир-шаха отнюдь не следует объяснять человеколюбием грозного воителя. Бесчеловечное истребление им тысяч людей не только в Индии и Средней Азии, но в самом Иране доказано неоспоримыми историческими фактами. Надир-шах хотел предстать перед народом Хорезма не как завоеватель, а как освободитель. Освободив пленных (русских, калмыков и других), он пытался укрепить свое международное положение, по крайней мере отвести возможное нашествие русских, чьим вассалом был правивший в Хорезме до этого казахский хан Абулхайр. В Хиве был посажен наместник Надир-шаха с иранским гарнизоном, введено было иранское управление, с населения взят особый налог «за пощаду» (мали аман). В Иран Надир-шах возвратился через Чарджуй, куда он прибыл с армией в декабре 1740 г.

Власть поставленного Надиром наместника, родственника бухарского хана Абулфейза, не простиралась, однако, на северную часть Хивинского ханства, где среди так называемых аральцев утвердился сын Абулхайра Нурали. В 1741 г. хивинцы восстали против господства иранцев, причем в этом восстании большую роль играл Нурали. Хива была осаждена восставшими и взята, наместник и его гарнизон перебиты. Ханский престол занял Нурали. Надир-шах, бывший в это время в походе против лезгин Дагестана, услышав о восстании хивинцев и о гибели наместника, послал в Мерв приказ своему сыну Насрулла-мирзе выступить в Хорезм и

восстановить там иранское господство. Хивинские сановники, способствовавшие возведению Нурали на престол, поспешили в Мерв с повинною к Насрулла-мирзе; Надир по просьбе хивинцев назначил им ханом Абу-Мухаммеда, сына Ильбарс-хана, находившегося в Хорасане. По приказанию отца, Насрулла-мирза собрал и послал ему вспомогательный отряд из аральцев и хивинцев, а туркмен и йомудов выселил из Хорезма в Хорасан. Нурали бежал в степи. Но окончательно подчинить себе Хивинское ханство и установить в нем порядок Надиру так и не удалось. В 40-х годах XVIII в. здесь сменилось несколько ханов.

В 1746 г. тот же казахский хан Нурали был приглашен иранцами вновь занять хивинский престол, но Нурали, заподозрив в этом интригу, в Хиву не поехал. Ханом провозглашен был казахский султан Каип (Гаиб), сын Батыра, из враждебной Нурали семьи. Каип (1747—1757 гг.) сделал попытку восстановить авторитет ханской власти. Ему удалось устранить слишком влиятельного аталыка Хурузбека, возглавлявшего узбекскую племенную аристократию, перебить значительное число своих противников, но попытка его так и не имела успеха. Он вызвал всеобщее недовольство и восстание населения, непосредственной причиной которого явился введенный еще Нурали тяжелый чрезвычайный налог. Население перебило сборщиков подати; хан вынужден был бежать в степь. Ханом в Хиве сделался Абдулла, брат Каипа. Произошла смута, в которую вмешался бухарский эмир Мухаммед-Рахим, посадивший на престол своего ставленника Тимур-Гази-хана. С этого времени ханы, часто сменяемые, фактически не пользовались никакой властью в государстве и превратились в типичных «подставных» ханов, от имени которых в действительности правили начиная с 1763 г. всесильные инаки из узбекского племени кунграт. Происхождение этих подставных ханов не всегда ясно; преимущественно они избирались из казахских султанов, считавшихся потомками Чингиз-хана. Так завершилась типичная для Хивы XVIII в. «игра в ханы», как назвал постоянную смену их при отсутствии правильного престолонаследия бухарский историк Абдулкарим.

Характеристикой культурного уровня населения Хивинского ханства (вернее, его правящей бюрократической и клерикальной верхушки) служит свидетельство Абулгази-хана. Когда он решил написать историю своего народа, то оказалось, что у себя на родине он не имел предшественников, потому что в ту пору в Хиве не было ни ученых людей, ни лиц, занимающихся литературной деятельностью. «Так как

по недостатку покровительства (наукам) со стороны наших предков и родственников и по причине невежества народа хорезмского, — говорит Абулгази, — не было написано исторических сочинений о властителях нашего дома с того времени, как предки Абдулла-хана отделились от наших предков и до нашей поры, то я всеми мерами старался поручить кому-нибудь составить такую историю, но не нашедши человека, способного к этому, я последовал пословице тюркского народа: «сирота сам себя повивает» и решился сам составить летопись своей династии».

Приобщение к книжной культуре позволило Абулгази создать два замечательных исторических произведения: «Родословное древо тюрков и монголов» и «Родословное древо туркмен». Оба труда были написаны на узбекском языке, и в этом заключается большая заслуга Абулгази перед его народом. В предисловии к «Родословному древу тюрков и монголов» Абулгази-хан сделал специально оговорку: «Я так выражался по-тюркски, что поймет и пятилетнее дитя: чтобы было ясно, я не примешивал ни одного слова из чагатайско-тюркского, арабского и персидского языков». Надо полагать, что Абулгази имел в виду живое наречие узбекского языка, утвердившееся в Хорезме.

Труды Абулгази были продолжены при его сыне и преемнике Ануша-хане.

Искусство рассматриваемого периода в Хивинском ханстве так же, как и другие проявления хозяйственной и культурной жизни, находилось в глубоком упадке. Из архитектурных памятников, сохранившихся в Хиве, к этому времени относится медресе Араб-Мухаммеда, построенное в 1616 г.; с южной стороны к этому зданию примыкала мечеть, не сохранившаяся до нашего времени. Ануша-хан построил мечеть и бани, Ширгази — большое кирпичное двухэтажное медресе, представляющее собой по внешнему виду обычное медресе бухарского типа.

Все эти постройки не могут быть сопоставлены в какой-либо мере с теми пышными и великолепными зданиями, которые возводились при Аштарханидах в Бухаре и Самарканде; они бедны по своим художественным формам, не имеют богатой декоративной отделки, присущей архитектурным памятникам Бухарского ханства.

УЗБЕКИСТАН В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX вв.

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ В КОНЦЕ XVIII—НАЧАЛЕ XIX вв. И УСИЛЕНИЕ ИХ СВЯЗЕЙ С РОССИЕЙ

Территория и население. К середине XVIII в. среднеазиатские ханства не только распались на мелкие феодальные владения, но и потеряли (правда, ненадолго) свою национальную независимость и государственную самостоятельность, временно подпав под власть Надир-шаха Афшара.

Последний представитель бухарской династии Аштарханидов (Джанидов) Абулфайз-хан потерпел поражение в битве под Карши, несмотря на то, что его войско численно в несколько раз превосходило войско иранцев. В конце 1740 г., преданный собственным аталыком и другими феодалами, Абулфайз отдал Бухарское ханство Надир-шаху и сделался его вассалом.

Хивинский хан Ильбарс, в противоположность бухарскому хану, оказал энергичное сопротивление Надир-шаху, но и его войско оказалось бессильным против артиллерии персов. Надир-шах жестоко разгромил и ограбил Хивинское ханство, наложил на народ тяжелую контрибуцию, увел за собой в Иран много тысяч молодых воинов. Земледельцы и ремесленники Хорезма, так же как и кочевники-скотоводы окружающей степи, были совершенно разорены.

После смерти Надир-шаха (1747 г.) и распада его державы среднеазиатские ханства вновь обрели независимость и начали восстанавливать хозяйство. Это время можно считать началом нового периода в истории Средней Азии, когда, борясь против сепаратизма крупных феодалов и опираясь в большей или меньшей степени на торгово-ремеслен-

ное население городов, новые династии (Мангыты в Бухаре, Кунграты в Хиве и Минги в Коканде) достигли некоторой централизации государственной власти и экономического прогресса в рамках феодальной общественной формации. Важную роль в этом сыграло усиление экономических и политических связей среднеазиатских ханств с Россией.

Хозяйственное развитие в этот период выразилось в расширении ирригации, оседании кочевников, изменении характера поземельной собственности, развитии товарно-денежных отношений и усилении экономических связей с Россией.

В связи с возросшей ролью торгово-ремесленного населения борьба за политическую консолидацию внутри трех ханств достигла большой остроты. В этот период была частично преодолена феодальная раздробленность. Мы можем проследить этот процесс по изменению государственных границ, происходившему в течение XVIII — начала XIX вв.

Как известно, в первой половине XVIII в. бухарские ханы прочно владели лишь окружавшими Бухару туменами (Вабкент, Гиждуван, Варданзи, Каракуль и др.), Кашкадарьинской областью и долиной Миankаля. Самарканд, полузаброшенный в первой половине XVIII в., в 1722 г. фактически отделился от Бухары.

В Ферганской долине обособилось самостоятельное Кокандское ханство. Ходженд, Ташкент, Хисар, а временами также Хузар, Шахрисабз и Нурата не соблюдали вассальной зависимости по отношению к Бухарскому ханству, так же как и области по левому берегу Амударьи — Балх, Андхой, Меймене, Бадахшан и Шабурган.

До завоевания Хорезма Надиром хивинские ханы номинально владели всем оазисом Хорезма, но фактически в каждом городе сидел самостоятельный правитель, не всегда подчинявшийся им.

Иная картина наблюдалась в начале XIX в., когда Бухарскому ханству, кроме Зарафшанской долины и долины Кашкадарьи, принадлежали уже Сурхандарьинская область, некоторые населенные области на территории нынешнего Таджикистана, большая часть южного Туркестана, часть Туркмении до Мургаба включительно, а на севере — вся территория до г. Туркестана.

Хивинские инаки, а позднее — ханы из династии Кунгратов с 70-х годов XVIII в. стремились преодолеть феодальную раздробленность. Они вели упорную борьбу за подчинение центральному хивинскому правительству устья Аму-

дарьи и владений других независимых узбекских и туркменских родов.

В 1811 г. к Хиве было присоединено Аральское владение, чем завершилась длительная кровопролитная борьба Кунгратов за преобладание в Хорезме и политическое объединение этой страны. Однако объединение земель Хивинского ханства не было полным, поскольку туркменские племена, как и узбеки-аральцы, далеко не всегда подчинялись хану и при каждом удобном случае поднимали восстания.

Ташкентское и Кокандское владения в середине XVIII в. также пережили период крайней феодальной раздробленности. Столичный город Ташкент до 1784 г. был разделен на четыре части, которыми управляли четыре хакима, не зависевшие друг от друга и постоянно враждовавшие между собой. Некоторые жители Ташкента вынуждены были постоянно носить оружие: даже на базар и на полевые работы выходили в полном воинском снаряжении, так как ежедневно можно было ожидать нападения.

Только к концу XVIII столетия, главным образом благодаря неуклонному росту русско-среднеазиатской торговли, которая шла через Урал, Сибирь и Астрахань, Ташкент и Коканд значительно укрепились экономически и политически, а в XIX в. оба они уже входили в состав чрезвычайно усилившегося и расширившегося Кокандского ханства.

Кокандские ханы из династии Мингов в первой четверти XIX в. завоевали кроме Ташкента еще и Туркестан, распространили свою власть на часть Семиречья и кочевья казахов вдоль Сырдарьи. В завоеванных областях строились крепости и города, куда переселялись земледельцы, ремесленники и торговцы из Ферганы. Однако попытка кокандских ханов подчинить себе горные области Каратегин и Дарваз не имела успеха.

До присоединения к России между тремя ханствами — Бухарским, Хивинским и Кокандским шли ожесточенные войны за преобладание в Средней Азии. Такие богатые и густонаселенные области, как Ходженд, Уратепа, Мерв, Джизак и другие постоянно были ареной военных действий, что существенно подрывало их экономику.

Начиная со второй половины XVIII в. в связи с хозяйственным прогрессом в Средней Азии наблюдался некоторый рост численности населения. В Бухарском ханстве к началу XIX в. было около 2 млн. жителей, в Хивинском ханстве — более 300 тыс. чел., в Кокандском (включая Ташкент и Туркестан) — до одного миллиона жителей.

Большинство населения во всех трех ханствах составля-

ли узбеки. В некоторых городах и отдельных селениях жили таджики, в южных и западных районах Хивы и Бухары — туркмены, в северных — казахи и киргизы. Кроме того, во всех трех ханствах жили в незначительном числе персы, арабы, евреи, индийцы и цыгане. Каракалпаки занимали обособленные районы на побережье Аральского моря и в низовьях рек, а также на Зарафшане.

Оседлого населения в узбекских ханствах было больше, чем кочевого и полукочевого. Оседлые земледельцы большинства сельских местностей, так же как кочевые и полукочевые узбеки, говорили на узбекском языке. Горожане Ташкента и некоторых других городов тоже знали только узбекский язык. В Самарканде и Бухаре большинство населения в домашней жизни пользовалось таджикским языком, тогда как на базарах говорили и по-таджикски, и по-узбекски.

Ханские династии во всех ханствах были из узбеков-феодалов, феодальная знать и часть войска состояли тоже из узбеков, но канцелярская переписка велась в основном на персидско-таджикском языке.

Густота оседлого населения в орошаемых районах Самаркандской, Ташкентской областей и в Ферганской долине поражала русских путешественников. Это многочисленное население было сосредоточено на небольшом, сравнительно, пространстве орошаемой земли. Огромную часть территории занимали пустыни и горы. Обширные степи и предгорья использовались кочевниками и полукочевниками для выпаса скота. Пустыни служили отгонными пастбищами.

Кочевое население, составлявшее в XVI в. значительную часть узбекского народа, на протяжении XVII в. и особенно в конце XVIII — начале XIX вв. находилось в процессе постепенного оседания и перехода к земледелию. Это были, по большей части, узбеки, сохранявшие родоплеменное деление. К середине XIX в. большинство их стало уже земледельцами — оседлыми или полукочевыми.

Каракалпаки занимали земли на юг от Аральского моря. В 1820 г. их численность определялась приблизительно в 100 тыс. чел.

Казахи, кочевавшие в низовьях Амударьи, к 50-м годам XIX в., за исключением нескольких сотен семейств, перебрались в Казахстан.

Незначительную часть населения составляли потомки арабов (в районах Карши, Гурлена, Питняка, Шахабада, Кият-Кунграда и Нового Ургенча), жившие разбросанно, небольшими группами, в разных районах ханств.

Туркмены-кочевники и полукочевники жили рядом с узбеками и другими народностями ханства, не смешиваясь с ними. Так как ранее осевшие узбекские племена Хивинского ханства расположились на головных частях оросительных каналов, то туркменам приходилось расселяться в низовьях водных магистралей. При орошении полей к ним поступало слишком мало воды, когда же вода была не нужна, от ее избытка сильно заболачивались поля. Иногда это обостряло отношения между туркменами и узбеками.

Вплоть до присоединения к России, т. е. до 70-х годов XIX в. феодальная раздробленность Средней Азии не была преодолена полностью. Только в основных областях трех ханств удавалось (да и то не всегда) достичь некоторой степени централизации государственной власти.

Сельское хозяйство. Лишь незначительная часть территории среднеазиатских ханств была населена и обработана. Многие районы были заброшены вследствие разрушения оросительных систем, феодальных междоусобных войн и иноземных вторжений.

Основу хозяйства в среднеазиатских ханствах составляло поливное и богарное земледелие. Земледельцы и ремесленники обменивались продукцией не только между собой, но издавна поставляли хлеб и ткани кочевникам-скотоводам, получая взамен скот, кожи и шерсть. Такое разделение труда, возникшее в отдаленные времена, способствовало интенсификации всех отраслей хозяйства, развитию товарно-денежных отношений и образованию на территории нынешнего Узбекистана крупных городских поселений.

В конце XVIII — начале XIX вв. в среднеазиатских ханствах складываются более благоприятные условия для развития земледелия и обмена продуктами между отдельными районами. Присоединение Казахстана к России способствовало расширению караванной торговли, причем из Средней Азии в Россию вывозились не только ремесленные изделия, но и продукция земледелия, в особенности хлопководства. Это вело к дальнейшему расширению и интенсификации земледелия.

В некоторых оазисах обработанные поля и сады, тянувшиеся сплошной полосой вдоль каналов, давали высокие урожаи, немыслимые в условиях неполивного хозяйства. Частично была восстановлена ирригация и даже строились новые каналы, за счет этого увеличилась площадь орошаемых земель. Особенно заметно выросла ирригация Ферганы, где до XVIII в. для орошения использовались только мелкие речки (саи) и ручьи. Основные водные артерии Нарын и Кара-

дарья, образующие при слиянии крупнейшую реку Средней Азии — Сырдарью, стали использоваться для орошения лишь после постройки в XVIII—XIX вв. новых крупных каналов (Шарихансай, Янгиарык, Андижансай и другие). Их сооружение послужило основой значительного подъема хозяйства в Ферганской долине.

В 1822—1842 гг. в Ташкентской области был прорыт канал Ханарык. В 1868—1871 гг. в Фергане проведен магистральный канал Улугнар (правильнее: Улугнахр). Ежегодно на постройке этого канала работало более 4000 крестьян, которым Худояр-хан обещал дать в обработку земли, орошаемые из этого канала. Но после окончания строительства каналом пользовались только феодалы. До крестьянских земель вода не дошла.

Восстановление оросительной системы Зарафшана началось в 50-х годах XVIII в., когда была восстановлена плотина крупнейшего арыка Даргом, расчищены и частью прорыты вновь арыки около Пянджикента, в Ширазском тумене, возле Ургута, а также от Карадарьи и Акдарьи ниже Самарканда. В конце XVIII в. были восстановлены каналы Анхар, Нарпай, Камимич и проведено много новых арыков на север от Зарафшана.

В Хивинском ханстве в 60-х годах XVIII в. был проведен канал из Амударьи к селению Кенегес. В 70-х годах построены плотины на протоках, впадавших в озеро Даукара. Одновременно жители дельты Амударьи провели новые арыки и сбработали земли к западу от протоков Чуманай и Чанглы-Басу. В начале XIX в. из Амударьи вывели арык Лаузан, который в дальнейшем превратился в очень большой канал, оросивший местность между Парсу, Ходжейли и Куня Ургенчем. В 1815 г. построен магистральный канал Клыч Нияз-бай для орошения земель по правому берегу Дарьялыка. В 1831 г. из озера Лаузан проведен арык для орошения Куня Ургенча. В 1846 г., когда вода из озера проникла в старое русло Амударьи, здесь построили плотину и оросили земли к югу от Куня Ургенча. В 1847 г. каналы этой местности были расширены и удлинены.

Воды вновь вырытого большого канала Ханабад оросили много земельных участков в районе старого Вазира, крепости Гандум-Кала и урочища Уаз. В средней части Хивинского ханства были проведены арыки к северу от города Кят и орошен прежде пустынный район Шимамкента.

Расширение ирригационных систем стоило народу чрезвычайно больших трудов и лишений. Арыки копали вручную, кетменем, землю переносили на себе. Никакой платы за

эту работу крестьяне не получали и даже пищу они должны были приносить из дома. Головные и вододелительные сооружения, плотины строились из земли, бревен и хвороста. Часто они не выдерживали напора воды, и почти ежегодно их приходилось восстанавливать и ремонтировать. Много воды терялось вследствие технических недостатков ирригационных сооружений. Многовековой опыт крестьян по проведению арыков не был подкреплен научно-техническими расчетами. Нередко в прорытые с великим трудом арыки вода не шла вследствие неправильного расчета наклона русел, а в годы полноводия плотины рушились, наводнения причиняли ущерб посевам и жилищам. Такие стихийные бедствия тяжело отражались на положении народа.

Иногда ханы намеренно разрушали плотины или перегораживали воду, чтобы подчинить себе непокорное население. Так, бухарский хан Мухаммед Рахим мангыт при завоевании Шахрисабза оставил население без воды. Шах Мурад мангыт дважды разрушал мервскую плотину, причиняя тяжкие бедствия крестьянам долины Мургаба. Эмир Хайдар тоже неоднократно затоплял эту долину и запрещал проводить новые каналы в мервском оазисе из политических соображений.

Метод умышленной дезорганизации водного хозяйства неоднократно использовали хивинские ханы в борьбе за покорение туркмен и аральцев. Мухаммед Рахим-хан кунграт перегораживал протоки Амударьи, Чуманай и Чанглы-Басу. Сеид Мухаммед запрудил в 1857 г. канал Лаузан, что вызвало гибель посевов и настоящую трагедию для тысяч крестьян этого района.

Постройка и поддержание ирригационных систем, очистка арыков от ила, ремонт примитивных плотин и дамб ежегодно отвлекали много труда, особенно в Хорезме, где Амударья несет вместе с водой массу песка и ила, засоряющих ирригационную сеть. Орошение в Хорезме отличалось и тем, что вода там проходила в глубоких руслах; в большинстве случаев ее приходилось поднимать на поверхность полей с помощью примитивных водоподъемных колес — чигирей, приводимых в движение лошадьми, верблюдами или ослами.

Процесс сельскохозяйственного производства и орудия труда мало изменялись с течением веков. После весеннего полива землю несколько раз вспахивали вдоль и поперек и по диагоналям с известными промежутками. Пахали на волах, коровах и лошадях, иногда в паре с верблюдом; орудием пахоты была старинная деревянная соха (омач), которая не отворачивает, а только взрыхляет землю. Весь прогресс это-

го орудия в течение нескольких тысячелетий заключался в применении чугунного или железного сошника.

При огромной трате рабочей силы омач все же недостаточно рыхлит землю, почему и приходилось перепахивать поле иногда 6—9 раз перед посевом. Взрытую омачом землю разравнивали местной деревянной бороной (мала) или положенным на бок омачом и удобряли навозом в смеси с песком, землей развалившихся глинобитных стен, стеблями растений (под рис). Уборка урожая производилась вручную, серпами; даже коса крестьянам Средней Азии не была известна. Молотили хлеб на току, гоняя скот по снопам. Зерно мололи как на водяных мельницах, так и на мельницах, приводимых в движение скотом, а кое-где — даже на ручных мельницах.

В огородах, садах, на бахчах и хлопковых полях, а также при поливе и очистке арыков основным орудием служил кетмень, род мотыги с длинной рукояткой, при работе которым удачно используется тяжесть металлической части этого орудия в сочетании с силой удара при широком размахе. В Хорезме широко применялись лопаты «бель».

Крестьяне Средней Азии тщательно возделывали землю, выращивая хлопок, пшеницу, рис, джугару, просо, ячмень, люцерну. Современники в XVIII в. отмечали также широкое развитие садоводства и огородничества, разнообразие фруктов и овощей, прекрасные практические навыки и привязанность населения к земледельческому труду.

Разнообразные овощи, фрукты и бахчевые — лук, морковь, огурцы, тыквы, дыни, арбузы, яблоки, сливы, миндаль, инжир, вишни, груши, гранаты, персики, абрикосы, многочисленные прекрасные сорта винограда выращивались в ханствах с большим успехом, так же как и технические культуры — хлопок, табак, красильные растения. Повсеместно развивалось и шелководство. Хлопчатник возделывали для собственных потребностей и на продажу издавна и почти в каждом крестьянском хозяйстве. Основными районами хлопководства в середине XIX в. были Бухара, Фергана, Шахрисабз, Янги-Ургенч и Каттакурган. Главным районом разведения риса была Самаркандская область (долина Миankаля), табака— Карши и Каттакурган, марены и других красильных —Хивинское ханство, шелководства — Фергана, Бухара, Хазарасп и Каттакурган. Широкое распространение имела культура джугары, употреблявшейся на корм скоту и составлявшей главную пищу бедняков в городах и кишлаках.

В районах кочевого скотоводства в большом количестве разводили овец — курдючных и каракульских. У каракалпа-

ков преобладало разведение крупного рогатого скота, у туркмен — овец, верблюдов и лошадей. Продукты скотоводства (шерсть, кожи, мясо, молоко и др.) употреблялись в полунатуральном хозяйстве самих кочевников, а частью обменивались на хлеб и ткани. Женщины кочевых племен занимались переработкой шерсти на войлок, армячину, изготовляли валяные шляпы, веревки, паласы, искусно ткали ковры. Каракуль уже в XVIII в. в большом количестве вывозился за границу — в Персию, Россию, Западную Европу.

С давних времен в Средней Азии было развито производство многолетних трав (люцерны) на корм для скота, причем в иные годы получали по 4—5 урожаев трав за лето.

Вследствие недостатка поливных земель в предгорьях и некоторых долинах распахивали неорошаемую землю под богарные посевы, и она давала урожаи пшеницы сам-четверт—сам-пят, тогда как на поливных землях урожай был в несколько раз выше и нередко снимали два урожая: после жатвы пшеницы и ячменя сеяли кунжут, маш, просо или дыни. Однако это было возможно лишь в тех хозяйствах, которые имели в достатке воду и удобрения. Из-за недостатка скота и пастбищ большая часть крестьян имела слишком мало удобрений, а в отношении воды находилась в зависимости от феодалов, баев, ханских чиновников. К тому же не каждый год снеговые запасы в горах были так велики, чтобы летом в реках и каналах поддерживался необходимый уровень воды. Богарные посевы часто выгорали. Русские путешественники справедливо отмечали, что блестящие результаты хлебопашества даются населению нелегко.

Трудовые навыки, наблюдательность и уменье выращивать полевые, садовые и огородные культуры были высоко развиты у сельского населения Средней Азии, что отмечалось многими современниками. Так, Т. С. Бурнашев еще в 1795 г. отметил «беспримерное прилежание», с которым бухарцы возделывали землю. «В самой Германии не видал я такого рачения в обрабатывании полей, как в Хиве», — писал в 1820 г. Н. Н. Муравьев. Трудолюбивый обитатель Средней Азии «служит нам образцом беспримерной нетребовательности, любви к делу, неутомимого прилежания и работящей выносливости, рядом с большой живостью ума»,— писал А. Миддендорф.

К 50-м годам XIX в. Фергана шла впереди других областей в развитии сельского хозяйства. Хивинское ханство отставало не только от Ферганы, но и от Бухарского ханства.

Большинство земель во всех трех ханствах принадлежало феодальному государству. Государственные земли называ-

лись амляк, мамляка, мамлякаи-падшахи, падшалык. Они обрабатывались крестьянами, которые наследственно сидели на определенных участках и платили в казну налог-ренту. Нередко ханы раздавали населенные крестьянами государственные земли крупным феодалам в качестве вознаграждения за службу, уступая им частично или полностью полагающийся с крестьян налог-ренту. Таким образом, часть государственных земель и в XVIII—XIX вв. имела характер расчлененной собственности: распоряжалось землей и собирало налоги государство, ренту получали феодалы, а обрабатывали землю и наследственно владели ею мелкие крестьяне.

Уже с XVI в. феодалы проявляли стремление разграничить объекты собственности и получить в свое распоряжение некоторую часть земель безраздельно. Для этого они добивались от ханов совершения сделок по обелению земель, т. е. освобождению их от налогов за определенное возмещение частью земли или деньгами. В результате этих сделок в XVII—XVIII вв. крупные массивы земель перешли в полную собственность феодалов, причем последние фактически приобретали вместе с налоговым и административный иммунитет. Сделки совершались не волеизъявлением хана, а судебно-духовной властью казиев, причем ханы выступали в них как частные лица, имеющие право продавать государственные земли. Приобретенные таким путем обеленные имения не облагались податями, не могли быть отобраны в казну и назывались мильки-хурри-холис.

Многочисленные документы «васика» о купле-продаже и обелении крупных земельных участков, измеряемых десятками тысяч танабов, сохранились в архивах Узбекистана. Часть их издана отдельной книгой: «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв.» (Издание АН УзССР, Ташкент, 1954).

Превращение части государственных земель в частные обеленные имения приводило к усилению эксплуатации крестьян, росту крестьянской зависимости от крупных феодалов. О наличии в ханствах крепостничества и барщины свидетельствуют многие источники XVIII и XIX вв. Например, в бухарской хронике «Убайдулла-намэ» приводится рассказ о постройке ханского сада и дворца Ханабад около Бухары. На эту стройку было собрано много мастеров-строителей из всех областей ханства. Желая содействовать ускорению работы, крупные феодалы привели работников (мардикер) из своих собственных имений (милки хассаи худха). Из этого рассказа видно, что крестьяне были по существу крепостными своих

феодалов и обязаны были выполнять барщину по их указанию.

Живший в Бухаре в середине XVIII в. греческий купец Н. Григорьев имел несколько собственных кишлаков, населенных принадлежавшими ему крестьянами. Кишлаки эти были получены Григорьевым от крупных бухарских феодалов за долги. Рассказ Н. Григорьева опубликован в приложении к книге В. В. Вельяминова-Зернова «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хаир хана (1748—1765 гг.)».

Горные техники Поспелов и Бурнашев, посетившие Ташкент в 1800 г., рассказали, что ташкентские феодалы заставляют зависимых крестьян, которых они называют караказанами, обрабатывать свои поля и сады. В свободные от этой барщины дни караказаны трудились на своих землях. Показания Поспелова и Бурнашева изданы Я. Ханыковым в «Вестнике Русского географического общества» (ч. I, кн. 1, СПб, 1851).

А. Миддендорф, специально изучавший положение крестьян в Фергане, пришел к выводу, что барщина применялась в ханствах повсюду с незапамятных времен и что крестьяне, обрабатывавшие вакфные земли, были крепостными (Очерки Ферганской долины, СПб, 1882, стр. 191, 460).

В архиве хивинских ханов, описание которого опубликовано П. П. Ивановым, сохранились документы 1848 г., в которых предводители племен дают гарантию, что возглавляемые ими подразделения туркменских племен никуда не сбегут с низовьев канала Кушбеги, около Старого Ургенча.

Предводители кочевых и полукочевых узбекских племен присваивали себе земли, находившиеся раньше в общинно-племенной собственности; примером могут служить земли катаганов, китай-кипчаков в Бухарском ханстве, земли мангытов в Хорезме, земли кипчаков в Фергане и другие. Земли приобретались также и путем покупки, через заклад и задолженность мелких землевладельцев крупным.

Ханы старались лишить крупных феодалов их независимости и для этого совершали военные походы в стремившиеся к независимости области: бухарцы — в Ургут, Миankаль, Шахрисабз, Балх, Хисар; хивинцы — в Кунград, Мерв, области туркмен и каракалпаков; кокандцы — в Ходженд, Ура-Тюбе, Ташкент, Туркестан.

В результате походов, если они были удачны, крупные феодалы либо уничтожались физически со всеми родственниками и приближенными, либо превращались в служилых людей ханов. В последнем случае они наделялись поместь-

ями — танхо, как временными и условными феодальными землевладениями. По размерам танхо были меньше обеленных имений и кочевых юртов и, главное, они давались лишь на время, за службу, без права отчуждения пожалованной земли и без права наследования.

Разумеется, с течением времени танхо имели тенденцию превратиться в полную собственность. Эта тенденция могла осуществиться при слабости ханской власти, что особенно характерно было для Хивы и Коканда и в меньшей степени для Бухары. В начале XIX в. в Бухарском ханстве насчитывалось свыше 36 тыс. нукеров (служилых людей), наделенных землевладениями типа танхо из числа государственных земель. При эмире Хайдаре (1800—1826 гг.) были случаи, когда отдельные сановники получали от государства крупные земельные участки не в виде условного пожалования, а в полную собственность с одновременным обелением от налогов. Для времени наибольших централизаторских усилий мангытской династии, т. е. для второй половины XVIII в. и середины XIX в., мы не знаем ни одного факта образования обеленного имения.

В Хивинском и Кокандском ханствах централизаторская политика ханов имела еще меньше успеха, чем в Бухарском. Особенно многочисленные имения удалось сохранить за собой крупным феодалам в Хорезме. Там, как и в Фергане, в середине XIX в. продолжались еще пожалования в собственность и продажа земель феодалам.

Чтобы навечно сохранить земли за собой и своим потомством, феодалы нередко превращали их в потомственный вакф (вакфи аулад), т. е. в неотчуждаемые имения, нечто вроде майоратов.

Огромная часть орошенных и населенных земель (до 40% в Хивинском ханстве, одна треть в Зарафшанской долине и т. д.) находилась в распоряжении мусульманского духовенства в виде вакфов, доходы с которых были навсегда обращены на пользу религиозных учреждений. Вакфное землевладение отличалось особенно тяжелыми формами эксплуатации крестьян и элементами настоящего крепостничества. Например, в Хиве арендаторы были прикреплены к вакфным землям особыми письменными условиями, для изменения которых давалось только три дня в начале нового года (См. документы Института востоковедения Академии наук УзССР, № 120-а—130-а и др.).

Настоящая барщина существовала также в горных районах Каратегина и Хисара, где крестьяне обязаны были вы-

полнять для феодалов массу натуральных повинностей, вплоть до мелочных и подчас унизительных услуг.

Хотя юридически оформленной крепостной зависимости крестьян повсеместно в Средней Азии не существовало, фактически крестьяне были закрепощены вследствие перехода обрабатываемых ими земель в полную собственность крупных феодалов. Феодалы продавали друг другу и обращали в вакф земли вместе с усадьбами сидящих на этих землях крестьян.

Это видно, например, из купчей грамоты Аллаберди-бия от 1689 г. (ЦГА УзССР, ф. И-323, № 1073) и из вакфных документов, относящихся к более раннему времени (например, документа № 1429 того же фонда). Иногда продавались целые селения со всеми жителями, обработанными землями и определенными источниками оросительных вод. Так как землей и водой распоряжались феодалы, крестьяне были в полной от них зависимости.

Среди кочевников крепостничество поддерживалось пережитками родового строя и существованием родоплеменной организации, при которой подчинение кочевников родовым старейшинам и вождям давало им возможность беззастенчиво эксплуатировать трудящихся. Рядовые кочевники-скотоводы должны были пасти скот, принадлежавший родоплеменной знати, ухаживать за молодняком, обрабатывать продукты животноводства, отдавая весь доход собственникам огромных стад, распорядителям пастбищных угодий. В кочевых районах господствовала главным образом отработочная рента, в земледельческих — продуктовая. Ханы практиковали насильственное переселение целых племен, а иногда и оседлых земледельцев и ремесленников, нередко запрещая им самовольные переходы.

Вплоть до присоединения к России в среднеазиатских ханствах существовало рабство, купля и продажа невольников-иноземцев, использовавшихся феодалами главным образом для домашних услуг. Особенно много рабов было в Хивинском ханстве; менее всего рабский труд использовался в Фергане. По данным архива хивинских ханов и по свидетельству Н. Н. Муравьева, Г. И. Данилевского, Г. А. Вамбери, В. Пшеничникова и др., в Бухаре и Хиве рабы использовались не только для домашних услуг, но и на земледельческих работах. Иногда они могли выкупить себя из рабства. В Самаркандской области существовали целые деревни, заселенные вольноотпущенниками. Много рабов было у предводителей кочевых родов. При оседании племен нелегко было превратить кочевников в крепостных, и иногда предпочитали

в земледелии использовать труд захваченных на войне пленников.

Можно сделать вывод, что рабство в среднеазиатских ханствах существовало лишь как пережиток давно прошедшей общественной формации. Сохранение рабства, как и пережитков родового строя, играло глубоко реакционную роль, так как это задерживало переход к более прогрессивным формам хозяйства и способствовало эксплуатации трудящихся в самой грубой и тяжелой форме.

Ремесленное производство и города. Не только внутри ханств, но и в других странах Азии и даже в России в XVIII—XIX вв. имелся большой спрос на ткани, изготовлявшиеся среднеазиатскими ремесленниками. Это вызывало значительное развитие текстильных ремесел и рост городов Средней Азии с многочисленным ремесленным населением, работавшим главным образом на вывоз.

Приведем показания источников, из которых можно сделать некоторые заключения если не о размерах, то о повсеместном распространении и характере ремесленного производства в среднеазиатских ханствах.

Н. Григорьев, живший в Бухаре в середине XVIII в., говорит, что у бухарцев «шелк, також хлопчатая бумага родится и хотя мануфактурная фабрика там только одна, собственная помянутого Рахим-бека (первого бухарского хана из династии Мангытов — *Ред.*), да и та небольшая, в которой делают шелковые парчи и бархат, однако ж де оные и прочие жители у себя в домах своими руками прядут и платки, кисеи и другие шелковые, также и бумажные вещи из них ткут; других же фабрик и заводов никаких там нет».

Как видно, «мануфактурной фабрикой» Н. Григорьев назвал ханскую мастерскую при дворце, производившую вещи не для продажи, так что, по всей вероятности, это была мастерская чисто феодального типа:

В остальном показания Н. Григорьева подчеркивают отсутствие специальных производственных помещений и распространение ткачества и прядения в домах жителей.

Русский купец Д. Рукавкин в 1753 г. побывавший в Хиве и Бухаре, отметил обилие хлопковых посевов и отсутствие государственной регламентации ремесла: «Заводы всякий, кто пожелает, имеет беззапретно, не требуя к тому никакого дозволения».

Под заводами Д. Рукавкин подразумевал, конечно, мелкие предприятия ремесленников.

Ф. Ефремов, попавший в Бухаре в рабство в 70-х годах XVIII в., видел там и в Хиве «множество шелку, из коего

ткут парчи полосатые с золотыми и серебряными узорами, атласы, бархат, кутни с золотыми мелкими травками и всякие другие подобные ткани, но не самой высокой работы, — особливо же в великом количестве родится здесь хлопчатая бумага, из коей ткут чадры, широкий холст, с которого у нас делается полуситец, кисеи, пестреди, выбойки, фаты, бурмети, бязи и разные иные, кои отвозятся в другие земли».

Распространенность текстильного производства подчеркнул также Т. С. Бурнашев, ездивший в Бухару в 1795 г.: «Некоторые из сельских жителей, подобно городским, прядут бумагу и шелк и ткут материи; но те и другие не имеют для сих работ особенных зданий, а исправляют их в своих домах».

В 1800 г. Поспелов отмечал, что в Ташкентском районе довольно развито земледелие, но жителей, занимающихся ремеслами, гораздо больше, чем земледельцев. Поэтому больших запасов хлеба и сырья нет, хлопок и шелк покупают из соседних владений. «Покупное ж вместе со своим обрабатывают на разные ткани как для себя, так и на продажу посторонним, чем и занимается большая часть людей обоего пола. Дело сих тканей в Ташкенте, как и сами тамошние обитатели признаются, в чистоте уступает еще другим владениям».

В «Записках» Ф. Назарова, побывавшего в Коканде в 1813—1814 гг., указывается на многолюдность ферганских городов, широкое распространение хлопководства, шелководства и текстильных ремесел и вывоз тканей в другие страны.

Изготовлением пряжи из хлопка во второй половине XIX в. занимались не только оседлые, но и полукочевые народы; однако жители оседлых районов употребляли самопрялку (чарх), тогда как кочевники обходились веретеном и для хлопка, и для шерсти.

Процесс производства тканей был ручным. Ткацкие станки приводились в движение только мускульной силой человека. Ремизы опускали ножными педалями, челнок перебрасывали руками, рукой же продвигали тяжелую раму станка. Ткачество требовало особой ловкости и большой физической выносливости. Для снования пряжи, всех подготовительных и отделочных работ, как и для самого тканья требовались специальные знания и навыки, передававшиеся из поколения в поколение путем долголетнего обучения. Однако даже высококвалифицированные ремесленники при тяжелом ручном труде по 14—16 часов в день не могли заработать достаточных средств существования для своих семей.

Ткацкое производство было развито не только в городах, но и в селах. Конечно, крестьянское домашнее производство было более примитивным, здесь вырабатывались простые, грубые ткани, однако во многих селах ткачи специализировались на производстве одного — двух видов ткани и готовили их для продажи, при этом они иногда добивались высокой степени совершенства. Среднеазиатские ткани повсюду славились красотой и прочностью и вывозились в отдаленные страны.

В XVIII — начале XIX вв. во многих районах Средней Азии ремесло еще не вполне отделилось от земледелия. Многие ремесленники в летнее время обрабатывали землю и питались продуктами со своих огородов и полей. Как и в сельском хозяйстве, в ремесленном производстве Средней Азии господствовали кабальные формы найма. Свободной купли-продажи рабочей силы не существовало. Развитие товарного производства и обращения еще не достигло такой ступени, когда рабочая сила могла бы превратиться в товар. Об этом очень ясно свидетельствуют наблюдения А. Д. Гребенкина:

«Неизвестно вследствие чего в Средней Азии ввелось в обычай, что работники — ткачи, гончары, кузнецы, свечники и булочники — иначе не нанимаются, как получив первоначально от своих нанимателей известную сумму денег —бунак.

Величина бунака простирается от 4 руб. и до 40. Он зависит как от искусства работника, так и от рода работы. Бунак есть собственность рабочего до тех пор, пока он остается у нанимателя. Он может расходовать его, как ему угодно. Получив бунак, рабочий исправно получает от своего хозяина задельную, по уговору, плату по исполнении известного количества работы. Так, ткач получает плату за джюру сотканной материи, т. е. количество, потребное на один халат или одну рубашку, гончар — когда выработает (сделает и обожжет) одну печь посуды и проч. Переходя к другому хозяину или вообще отходя от нанимателя, рабочий обязан сполна выплатить полученный бунак. Происходит обыкновенно так: рабочий, сманенный другим предпринимателем, получает от последнего большой бунак, что дает ему возможность, уплатив прежнему своему хозяину, еще иметь собственные деньги. Туземцы рассказывают, что некоторые из рабочих, получив бунак в Самарканде, бегут в Бухару или другой город».

Это показывает, что крепостнические методы полностью господствовали не только в сельском хозяйстве, но и в ремесле.

Относительно разработки природных богатств в XVIII—XIX вв. имеются следующие сведения. Золото добывалось в Каратегине и Фергане, свинец и серебро в районах Ура-Тюбе, Андижана, а также в районе г. Бухары, в Шейхджелинских горах (Хорезм) и в долине р. Кугитангдарьи. Месторождения железа кустарным способом разрабатывались в Каратау, в долине р. Чирчик, в Фергане — около Ляльканa, в Хисаре и Байсуне. Медь в небольших количествах добывали в Каратау, Ангрене и в горах Шейхджели. Добыча селитры, нужной для изготовления пороха, велась во многих местах, особенно в юго-западной части Каршинского вилайета, в Куня Ургенче, Джума-Базаре, Ура-Тюбе и Чиназе. Разработки эти велись в очень малом объеме, крайне примитивно, хищническими методами. При таких мелких размерах и низкой технике добыча металлов обходилась дороже, чем привоз их из России, где существовали уже довольно крупные разработки и заводы на Урале. Поэтому в течение XIX в. горное дело в Средней Азии не развивалось, а наоборот, угасало. Поддерживалась только добыча свинца и селитры для изготовления пуль и пороха.

По свидетельству Поспелова (1800 г.), ташкентцы выплавляли довольно хороший чугун и делали из него посуду. Железную руду добывали в отрогах Алайского хребта, свинец—в Каратау. Это подтверждается и позднейшими сведениями. Неглубокие шахты рыли по направлению наиболее богатых и мягких руд. Затем на ослах перевозили руду к источнику воды, где она подвергалась самому грубому обогащению. Далее выжигали древесный уголь и переплавляли руду с углем в глиняных горнах, нагнетая воздух ручными мехами. При этом неизбежна была громадная потеря металла.

Нефть в Кокандском ханстве добывали в мизерном количестве—для изготовления лекарства от чесотки и для нужд обувной промышленности. В Бухарском ханстве добывали также каменную соль, нашатырь, квасцы и купорос. В Кокандском ханстве соль брали в ущелье между селениями Сашгар и Камыш-Курган. Серу добывали в Карши.

По преданию, первую пушку в Ташкенте отлили в 1780 г. из отобранной у населения медной посуды. В дальнейшем ташкентцы отливали пушки из металла, ввезенного из России.

По свидетельству Н. Григорьева (1752 г.), «серебро в рупиях, медь, железо и чугун в деле и не в деле получают они (бухарцы. — *Ред.*) торгом...., а из меди и железа посуду и всякие потребные домовые вещи, и недавно из чугуна пушки и из железа ружья.... также и порох.. делают уже у себя».

В 1795 г. Т. С. Бурнашев писал, что «бухарцы сами льют из меди пушки, из чугунного лома пушечные ядра. Из выплавляемого же ими свинца делают ружейные пули. Свинцовые руды находятся близ Бухары, которые плавят они в небольших горнах без всякого искусства и с большою потерею металла, также производят и литье... снарядов. Они сами делают и порох, но слабее российского».

*Н. Ханыков упоминает о чугунолитейном «заводе» в Бу*харе 1840 г. Были такие производства также и в Шахрисабзе, Каттакургане и других городах, но все это были, видимо, *кустарные мастерские, переливавшие на посуду чугунный* лом. В основном население снабжалось более дешевыми изделиями русских заводов.

Среднеазиатское городское ремесло, имея длительную историю развития, было чрезвычайно специализированным. Существовали специальности по выработке лишь какого-нибудь одного вида изделий и даже по одной только операции. Вместе с тем ремесло было тесно связано с торговлей — чаще всего ремесленник сам продавал свой товар. Только внешнеторговые операции были сосредоточены в руках купцов. Некоторые крупные села и города специализировались на выработке одного традиционного вида изделий (например, Ургут — на производстве бумажной алачи, Хазарасп — оружия, Чуст и Гиссар — ножей, Маргилан, Наманган и Бухара на выработке шелковых, полушелковых и хлопчатобумажных тканей.

*Среднеазиатские ремесленники имели свои цеховые орга*низации, регламентировавшие установленные формы производства и взаимоотношения в ремесле. Цехи представляли собой своеобразные самоуправляющиеся общины, иногда владевшие и земельным участком, который использовался в производстве. Цехи имели письменные статуты, бытовые и идеологические традиции. Стоявшие во главе цехов аксакалы избирались на цеховых собраниях самостоятельных мастеров и утверждались ханами. На этот пост выдвигались обычно богатые владельцы мастерских, они пользовались административной властью внутри цехов.

Каждый обучающийся определенному ремеслу должен был пройти многолетний стаж в качестве ученика (шагирд) прежде чем он допускался к самостоятельной работе. Ученики не получали никакой платы от мастера и по существу были их даровыми рабочими. Хозяева мастерских, заинте*ресованные в эксплуатации бесплатного труда учеников*, всячески задерживали их переход на самостоятельную работу. Этот переход оформлялся не только особыми испытаниями в

мастерстве, но и обязательными подарками и устройством угощения для всего цеха, для чего требовались значительные расходы. Чаще всего трудящиеся ремесленники не могли скопить денег для этого и потому десятки лет оставались на положении учеников, хотя давно освоили свою специальность. Те ремесленники, которым удавалось перейти из категории учеников в разряд мастеров «хальфа», нанимались работать за плату, но переход из одной мастерской в другую был затруднен кабальными условиями и ссудами «бунак». Переход хальфа в положение самостоятельного ремесленника возможен был лишь для тех, кто имел собственный дом и все оборудование для ремесла. Большинство хальфа не могли и мечтать об этом и на всю жизнь оставались закабаленными работниками, подвергаясь жестокой эксплуатации со стороны хозяев мастерских.

Города в Средней Азии существовали с древнейших времен. Однако экономическое развитие их происходило медленно и часто прерывалось разрушительными войнами, когда целые города стирались с лица земли и затем приходилось *восстанавливать их буквально на пустом месте.*

В Хорезме и некоторых других районах существовала хуторская система, так что сельское население было рассеяно по всей площади возделываемых земель, а при базарах вырастали поселки купцов, ремесленников и духовенства, окруженные полосой огородов и садов. На этих базарах осуществлялся обмен продуктами не только между городскими ремесленниками и оседлыми земледельцами, но в гораздо большей степени — между ними и массой окружающего оазисы кочевого населения степи.

В конце XVIII — начале XIX вв. в связи с развитием торговли, особенно торговли с Россией, в ханствах происходит рост городского населения, возникают новые города. Коканд и Наманган возникли и выросли в крупные города именно в XVIII — начале XIX в., как и Ширабад. Каттакурган и Чимкент. Карши превратился в самый крупный после Бухары город Бухарского ханства, тогда как прежде главную роль в долине Кашкадарьи играл г. Шахрисабз.

Из-за отсутствия точных статистических данных трудно судить о количестве городского населения, его составе и изменениях, происшедших в течение XVIII—XIX вв. Нет достаточных сведений о городских постройках.

В столице Бухарского ханства Бухаре в середине XVIII в. насчитывалось около 15 тыс. домов, т. е. около 70 тысяч жителей. Примерно эту же цифру называют путешественники середины XIX в. и первых лет после присоединения Сред-

ней Азии к России. В 1795 г. в Бухаре было девять двухэтажных караван-сараев, в них постоянно проживало много иностранных купцов. В 1848 г. в Бухаре было 38 караван-сараев, девять тимов (торговых пассажей), 16 городских бань, 45 базаров в городе и 22 в его окрестностях.

Недалеко от Бухары, в небольшом г. Гиждуване, находился крупнейший в Средней Азии рынок скота, куда пригоняли овец из Казахстана, даже из мест, непосредственно граничивших с Россией.

Относительно Самарканда данные расходятся. По мнению А. Мейендорфа, в Самарканде в 1820 г. было 50 тысяч жителей, Н. Ханыков в 1841 г. насчитывал 25—30 тысяч, А. П. Федченко в 1869 г.—30 тысяч, а В. В. Радлов в 1868 г.—не менее 10 тысяч жителей. В 13 *км* к северу от Самарканда, *в небольшом селении Дагбит*, был базар, обороты которого превышали торговые операции самаркандского рынка, так как туда съезжались два раза в неделю *из пяти окружающих районов. В самом Самарканде в* 1841 г. было только два каменных караван-сарая и три бани.

В г. Карши, по сведениям Бериса, насчитывалось 10 тысяч, по сведениям Вамбери (возможно, преувеличенным)—25 тысяч жителей. Он был окружен тремя рядами стен, охватывавших все больший и больший район, а за время с 1840 по 1870 гг. далеко разросся за пределы третьей стены. Здесь находился главный рынок окружающей кочевой степи, крупный транзитный пункт торговли с южными сопредельными странами. Карши имел, по Ханыкову,—3, по Вамбери,—10 караван-сараев. Текстильная ремесленная промышленность и табаководство составляли главные отрасли промыслов каршинцев; кроме того, здесь жило много крупных и мелких торговцев. «По всему видно, что Карши обязан существованием и развитием своим не административному, а исключительно торговому своему положению»,—*писал в 1875 г. Н. Маев.*

Шахрисабз и Китаб в 1870 г. тоже были торговыми городами, с 18—20 тысячами жителей, многочисленными базарами и караван-сараями. Ширабад был торговым центром кунградцев побережья Амударьи, где продавалось много скота, хлопка и других товаров. Сюда съезжались купцы из Южного Туркестана и Бухарского ханства.

В Каттакургане, выросшем особенно в XIX в., был огромный хлебный, скотский и фруктовый рынок. По описанию В. В. Радлова (1868 г.), в базарные дни тысячи покупателей и продавцов толпились на каттакурганском базаре.

Овец пригоняли сюда из Шахрисабза или из Карши, хлопок отсюда вывозили в Бухару. Соль и краски везли сюда из Карши, Бухары и Ура-Тюбе; фрукты, зерновой хлеб, рис, посуда продавались местные, материи шелковые привозились из Коканда, Кабула и Мешхеда, а хлопчатобумажные — частью производились на месте; готовые халаты привозили из Коканда и Бухары, чай — из Кашгара, ковры — из Туркмении, седла — из Самарканда.

Ташкент уже в начале XIX в. насчитывал до 3 тысяч домов, или 15—20 тысяч жителей. В 20-х годах XIX в., по данным «Записок» хорунжего Потанина, в Ташкенте было 2 тысячи домов с 10 тысячами только мужского населения. 50 мечетей, 5 караван-сараев, огромный гостинный двор и пять рынков.

В 50-х годах, по сведениям В. В. Вельяминова-Зернова, в Ташкенте было 11 тысяч домов, 50 тысяч жителей, 310 мечетей, 15 караван-сараев, 11 бань. Главная улица была вымощена каменными плитами от рынка до цитадели, где жил правитель, наместник кокандского хана.

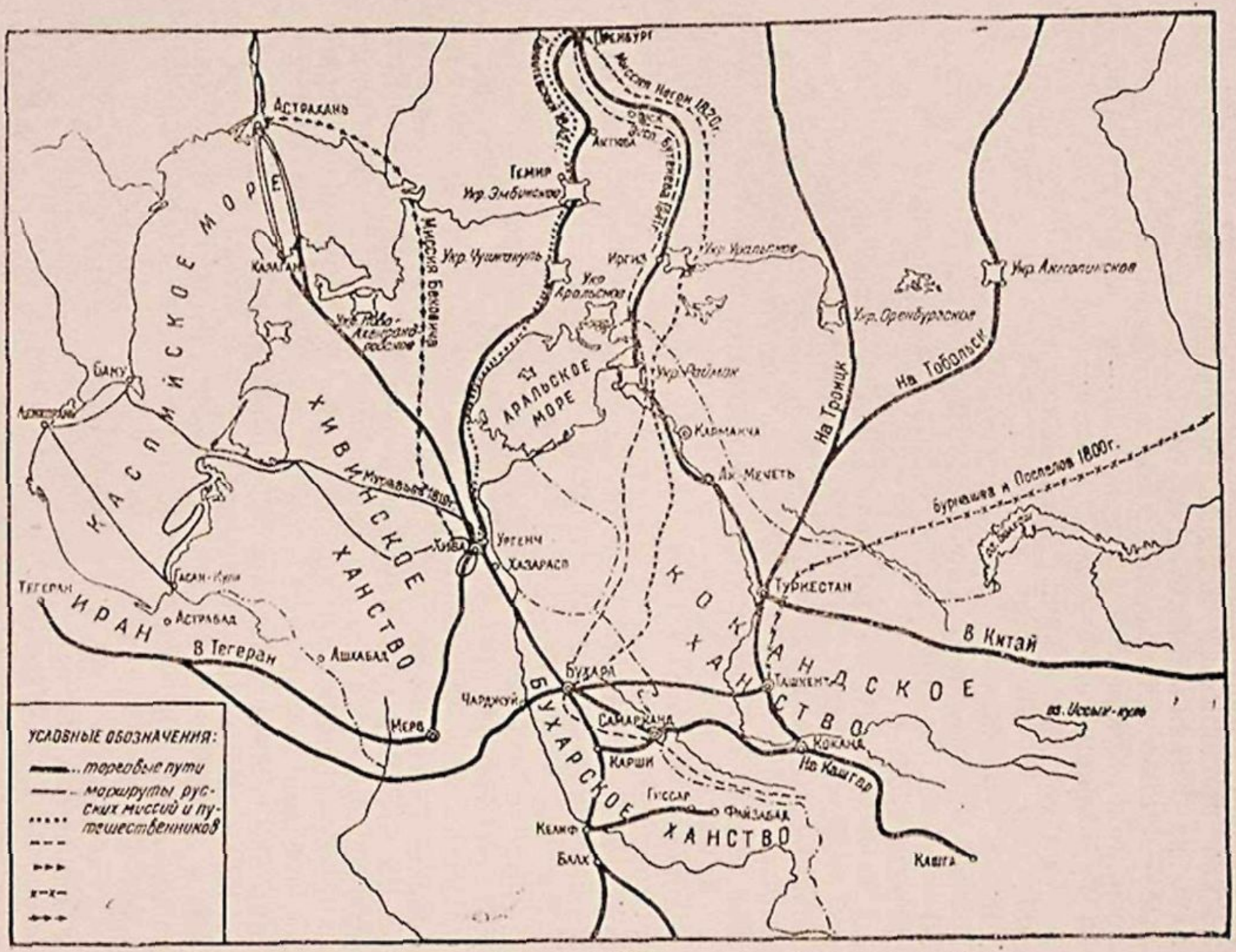
К моменту присоединения к России в Ташкенте насчитывалось до 80 тыс. жителей. Это был самый большой город в Средней Азии. Быстрый рост Ташкента, как и других городов Кокандского ханства, во второй половине XVIII в. и особенно в XIX в. был вызван усилением торговых связей с Россией.

Мы не имеем точных данных о населении г. Коканда. Хотя А. Вамбери и утверждает, что Коканд якобы был в 6 раз больше Хивы, в 3 раза больше Бухары и в 4 раза больше Тегерана, но едва ли можно верить его словам, тем *более, что сам он в Коканде не был. По показаниям* Потанина, в 20-х годах XIX в. в Коканде было около 3000 домов и шесть рынков. В 50-х годах В. В. Вельяминов-Зернов насчитывал в этом городе уже 8 тысяч домов, до 30 тысяч жителей, девять караван-сараев и шесть бань.

Кроме Коканда и Ташкента, в Кокандском ханстве было свыше десяти городов с значительным торгово-ремесленным населением: Андижан, Наманган, Маргилан, Ходженд, Чимкент, Хавас, Заамин, Ура-Тюбе и др.

Как уже было сказано, быстрый рост ферганских городов и Ташкента, подъем экономики и укрепление политической самостоятельности Кокандского ханства в XVIII и XIX вв. объясняются возросшими в то время торговыми отношениями с Россией.

В связи с добровольным присоединением Казахстана к России и прекращением феодальных войн между казахскими



Торговые пути Средней Азии в XVIII в.—первой половине XIX в.

феодалами улучшились условия караванной торговли Средней Азии с Сибирью, Уралом и Поволжьем. Этот факт имел большое значение для экономического развития всей Средней Азии, особенно Кокандского ханства.

Крайне неточны наши сведения о численности населения городов Хорезма. В 1820 г. Хива насчитывала, по сведениям Н. Н. Муравьева, до трех тысяч домов с 10 тысячами жителей. Н. Н. Муравьев отметил, что город Янги-Ургенч (Новый Ургенч) уже в то время был гораздо обширнее и многолюднее Хивы и являлся средоточием торговли всего Хивинского ханства. Большого развития достигли в Новом Ургенче шелководство и текстильное ремесло; широко славился род верхней одежды «ургенч-чапани», изготовлявшейся из полушерстяной ткани. По сведениям Г. И. Данилевского, в 40-х годах XIX в. в Новом Ургенче была сосредоточена оптовая торговля; здесь жили богатейшие хивинские торговцы. Иноземные купцы именно здесь закупали необходимые им товары, так как на этот базар свозились отовсюду хлопок, ткани, марена, халаты и др., и отсюда, а не из Хивы, отправлялись караваны в Россию и Бухару.

Города Хазарасп, Шахабад, Кунград, Ходжейли, Куня-Ургенч, Ташауз, Гурлен, Ханка и др. описываются путешественниками XIX в. тоже как торгово-ремесленные центры и рынки значительной торговли с кочевниками-туркменами, казахами и каракалпаками.

Все эти города были также пунктами транзитной торговли, откуда население окрестных оазисов и обширнейших кочевых степей получало русские товары, имевшие в XIX в. уже широкое распространение по всей Средней Азии.

Торговля. Усиление экономических связей с Россией. Внутренняя торговля в среднеазиатских ханствах базировалась главным образом на существовавшем здесь с древнейших времен разделении труда между кочевниками-скотоводами, оседлыми земледельцами и ремесленниками сел и городов. Следует, однако, учитывать, что вплоть до присоединения к России у всех трех групп населения основные насущные потребности удовлетворялись внутри собственных хозяйств, которые были в значительной степени натуральными. Беднейшие кочевники питались в основном продуктами своего скотоводческого хозяйства, одевались в домотканые шерстяные чапаны из армячины, сотканной на примитивных станках «урмак», сами делали себе обувь из невыделанной кожи и строили жилища. Земледельцы в случае необходимости также могли почти полностью обойтись продукцией своего натурального хозяйства. Городское и сельское специализирован-

ное ремесло вырабатывало главным образом высокосортные ткани и другие вещи для экспорта, а также для удовлетворения потребностей эксплуататорских классов в предметах роскоши. Многие ремесленники имели сады, огороды, а иногда и пашни, выращивая таким образом овощи, фрукты и зерновые для собственного потребления.

Вместе с тем, почти в каждом самостоятельном хозяйстве существовали и покупные предметы, например изделия из металла, праздничные одежды и т. д., которые передавались из поколения в поколение и представляли большую ценность. В городах существовала торговля продуктами и предметами первой необходимости.

Разруха первой половины XVIII в. привела к сокращению торговли и натурализации хозяйства. Лишь в конце XVIII—начале XIX вв. в связи с присоединением Казахстана к России и начавшейся некоторой консолидацией внутри среднеазиатских ханств произошел определенный рост внешней и внутренней торговли, стимулировавший дальнейшее расширение ремесленной промышленности. Но в этот период и *особенно в конце XIX в. изделия ремесла встречались на* рынке с более дешевыми фабричными изделиями из России и других стран. Это приводило постепенно к сокращению рынка сбыта местных изделий, снижению цен на эти изделия и, следовательно, к обнищанию и разорению ремесленников.

До присоединения Средней Азии к России и постройки железных дорог фабричная конкуренция не была еще особенно сильной. Однако некоторые отрасли, например добывающая промышленность, железорудное и другие металлургические производства, уже в начале XIX в. приходят в упадок ввиду того, что металл русских заводов, даже привозимый на верблюдах, обходился дешевле, чем добытый на месте.

Все возрастающую роль в экономике ханств играет торговля с Россией.

В 1758—1760 гг. из Средней Азии в Россию вывозили ежегодно товаров на сумму 250 тыс. руб. серебром, а из России в Среднюю Азию — на 288 тыс. руб.

В 1768—1772 гг. из Средней Азии в Россию ежегодно прибывало товаров на 275 тыс. руб. серебром, а обратно — на 245 тыс. руб. В 1792 г. было вывезено в Россию разных товаров более чем на 1 млн. 400 тыс. руб. серебром, а ввезено в Среднюю Азию на 1 млн. 130 тыс. руб.

В 30-х годах XIX в. стоимость ежегодного вывоза из Средней Азии в Россию превысила 2 млн. 500 тыс. руб., стоимость ввоза достигала 2 млн. руб., а в середине XIX в.

в Россию ежегодно вывозилось товаров на сумму около 4 млн. руб., ввоз из России составлял до 3 млн. руб. Как видно из этих цифр, рост торговых связей Средней Азии с Россией в XVIII—XIX вв. был весьма значительным; особенно сильный скачок отмечается в 80—90-х годах XVIII в.

Характер и объем русско-среднеазиатской торговли можно продемонстрировать на примере товарообмена России с Бухарой в 1801 г.

Из Бухары в Россию в 1801 г. было вывезено:

хлопчатобумажной пряжи	на 483,7 тыс. руб.
хлопчатобумажных тканей	на 42,5 тыс. руб.
хлопка-сырца	на 19,5 тыс. руб.
кожевенного сырья	на 101,7 тыс. руб.
каракулевых шкурок	на 45,8 тыс. руб.
ревеня	на 25,7 тыс. руб.

Из России же в Бухару в том же 1801 г. было ввезено:

золотых червонцев	на 217,7 тыс. руб.
сукон и других тканей	на 112,0 тыс. руб.
гвоздики и кошенили	на 83,0 тыс. руб.
мехов	на 76,0 тыс. руб.
юфти красной	на 16,0 тыс. руб.

Таким образом, хлопок и хлопчатобумажные изделия уже в начале XIX в. составляли 75% всего вывоза из Бухары в Россию. Очень большой удельный вес пряжи по сравнению с хлопком-сырцом объясняется отсутствием в этот период в России бумагопрядильных фабрик при наличии уже до полусотни бумаготкацких.

В дальнейшем, по мере развития русской бумагопрядильной промышленности, спрос на пряжу по сравнению со спросом на хлопок-сырец уменьшился, потому что прядение в фабричных условиях обходилось много дешевле, чем изготовление пряжи вручную кустарным способом, который применялся в Средней Азии. Зато вывоз хлопка-сырца рос в XIX в. чрезвычайно быстро. По неполным данным, за десятилетие 1840—1850 гг. узбекские ханства вывезли в Россию хлопка и хлопчатобумажных изделий на сумму около 7 млн. руб. серебром.

До начала XIX в. вывоз металлов из России в азиатские страны был запрещен. Только изредка, по просьбе среднеазиатских ханов, делались исключения. Так, в 1731 г. бухарскому эмиру было разрешено купить в России 3 000 пудов меди. С начала XIX в., после того как было дано разрешение на вывоз в Азию железа, меди, стали и чугуна, металлы стали занимать первое место в русско-среднеазиатской торговле. Из русской меди в Бухаре делали не только посуду,

но и чеканили монету, а из железа, стали, чугуна производили земледельческие орудия, оружие и другие необходимые предметы.

По сведениям П. И. Небольсина, за десятилетие 1840—1850 гг. только через Оренбургскую линию было ввезено из России в среднеазиатские ханства около 40 тыс. пудов меди, свыше 400 тыс. пудов железа, 75 тыс. пудов чугуна, 25 тыс. пудов стали и на полтора миллиона рублей золота и серебра в монете (не считая контрабанды).

Огромное значение русских товаров для среднеазиатского рынка видно, например, из того, что цены на необходимые предметы резко колебались в зависимости от русского экспорта и импорта. Так, в 1836 г. в Хиве вследствие перерыва в торговле с Россией цены на юфть, киноварь, ситец резко возросли, тогда как цены на хлопок-сырец снизились на 50%. Подобное явление наблюдалось в 1841—1842 гг. в Бухаре, где вздорожало железо, цинк и др.

Как мы уже указывали в разделе о ремесле, хлопчатобумажные ткани Средней Азии издавна в большом количестве вывозились в Казахстан, Поволжье, Урал и Сибирь.

Конечно, появление в XIX в. фабричных ситцев ограничивало расширение экспорта среднеазиатских тканей. Постепенно, по мере усовершенствования машин и увеличения продукции русских фабрик, кустарные ткани Средней Азии вытеснялись фабричными.

Однако этот процесс даже внутри России протекал еще очень медленно. Ввиду добротности среднеазиатских тканей и укоренившейся традиции многие жители восточных районов России и в середине XIX в. носили еще одежду из бязи, алачи, выбойки и других среднеазиатских тканей. По неполным данным таможен Оренбургской линии, за 10 лет с 1840 по 1850 г., из Средней Азии было вывезено в Россию хлопчатобумажных тканей и изделий из них более чем на 4 млн. руб. серебром, тогда как русских фабричных материй из России в Среднюю Азию за это время было ввезено только на полтора миллиона руб. Кроме того, огромное количество бухарских и кокандских тканей и готовой одежды развозилось среднеазиатскими купцами по степям Казахстана, в Сибирь и Поволжье, минуя таможенный учет. По мнению В. В. Вельяминова-Зернова, объем торговли Средней Азии с Россией через Сибирь в первой половине и в середине XIX в. был больше, чем через Оренбург.

Отсталый феодальный строй среднеазиатских ханств отрицательно сказывался на состоянии их внутренней и внешней торговли.

Не только при ввозе и вывозе товаров из ханств, но и при проезде через отдельные области и феодальные владения с купцов брались повторные пошлины в размере 2,5—10% стоимости товара, что крайне отрицательно влияло на развитие товарооборота. Местные купцы для торговли на рынках должны были предварительно покупать право на место в тиме, или торговом ряду, что стоило весьма дорого по сравнению с размерами торгового оборота купцов. Нередко ханы налагали на купцов временные или постоянные налоги (кроме обычного закята), что вынуждало их всячески скрывать размеры своего дохода.

Торговля с кочевниками в XVIII—первой половине XIX в. была еще в значительной мере меновой; бухарские, хивинские и кокандские торговцы привозили в степь хлопчатобумажные ткани, готовую одежду, мелкие металлические изделия и т. д. и выменивали их на баранов, шерсть, меха, кошмы, паласы и т. п. В городах, особенно в столицах ханств, торговля была денежная. Чеканка денег стала прерогативой независимых владетелей и в период феодальной раздробленности производилась почти во всех крупных городах Средней Азии (Бухаре, Хиве, Самарканде, Коканде, Ташкенте, Хисаре, Шахрисабзе, Карши и др.).

По мере консолидации трех ханств чеканка денег все больше и больше сосредоточивалась в их столицах, однако вплоть до присоединения к России сохранился чекан в некоторых второстепенных городах.

Чеканились золотые тилля, серебряные таньги и медные пули. Стоимость и курс денег различались не только между тремя ханствами, но и между разными областями одного и того же ханства, что указывает на отсутствие экономической консолидации и единого рынка. В ханствах происходил процесс расширения мелких местных рынков с тяготевшими к ним районами, но слияние всех их в единый национальный рынок до присоединения Средней Азии к России еще даже не начиналось.

В Бухаре в конце XVIII в. золотая тилля обменивалась на четыре русских серебряных рубля (или 13—14 руб. ассигнациями.— *Ред.*), серебряная таньга — на 30 копеек, а медный пул стоил полторы копейки.

Кокандская золотая тилля в середине XIX в. стоила около 13 руб. ассигнациями и равнялась 20—21 таньге, а таньга — 76 пул.

Хивинская тилля в это же время стоила 15 руб. ассигнациями. Танег было два вида: ак таньга (75 коп.) и кара таньга (50 коп.). Медный хивинский пул стоил 2 коп. До 1806 г. в

Хиве употреблялись серебряные и золотые деньги бухарского, а иногда персидского чекана. Это указывает, по-видимому, на отсталость Хивинского ханства. Курс денег постоянно колебался по причинам экономическим и политическим. Существовала денежная спекуляция, на которой наживались саррафы — менялы, банкиры феодального типа, занимавшиеся разменом денег на базарах и учитывавшие неожиданные повышения или понижения курса.

Денежное обращение часто дезорганизовывалось ханами, которые практиковали надчеканы, перегруппировки монет новых и старых с установлением для них разных курсов, выпуск неполноценных денег и применяли иногда принудительные меры, чтобы заставить население пользоваться новыми деньгами или запретить хождение других. Все это делалось с целью пополнения ханской казны, но в конечном счете нередко приводило к обратным результатам, так как это затрудняло торговлю и тормозило развитие хозяйства.

Большинство налогов с населения взималось в натуре. *Только после присоединения к России натуральные налоги* были заменены денежными. Часть налогов начали заменять денежными в начале XIX в., но это касалось лишь некоторых видов, составляющих в общей сложности незначительную часть всех налогов.

Налоговая система ханств и тяжелое положение обремененных налогами трудящихся будут подробно освещены ниже, в специальном разделе. Важно подчеркнуть, что налоговый гнет оказывал крайне отрицательное влияние на развитие всей экономики ханств; вследствие тяжелых натуральных налогов суживался внутренний рынок и тормозился процесс развития товарно-денежных отношений.

В итоге обзора экономического развития Узбекистана мы видим, что общественный строй в течение всего периода от середины XVIII в. до присоединения к России оставался феодальным. В степных районах весьма важным прогрессивным явлением был процесс оседания кочевников и переход их к земледелию, что привело к постепенному отмиранию родоплеменной системы. Элементы рабства, игравшие крайне реакционную роль, не имели все же определяющего влияния и были подчинены господствующим феодальным отношениям.

Орудия труда в сельском хозяйстве и ремесле в течение всего этого периода не претерпели существенных изменений и

оставались ручными орудиями и станками; паровые двигатели и другие машины были неизвестны; капиталистических фабрик и заводов не существовало.

Некоторый экономический прогресс в конце XVIII — начале XIX вв. был вызван развитием экономических связей с Россией, восстановлением и расширением ирригационных систем и оседанием кочевников, переходивших к земледелию. Эти процессы сопровождались значительным ростом городов, торговли и ремесла. Такое запоздалое развитие экономики в XIX в. было ограничено вследствие начавшейся уже в это время конкуренции фабрично-заводских изделий капиталистических стран. Раньше всего прекратились здесь добыча и плавка руд. Ремесленное производство хлопчатобумажных и шелковых тканей, имевшее здесь широкое развитие в течение нескольких тысячелетий, во второй половине XIX в. также начало испытывать конкуренцию фабричного производства.

Некоторый рост городов и товарного производства в первой половине XIX в. не привел к созданию основных предпосылок, необходимых для возникновения капитализма. Рабочая сила не выступала на рынке как товар, потому что для этого требовалась более высокая степень развития товарного производства. Среднеазиатские ремесленники, крестьяне и кочевники-скотоводы не были лишены орудий производства, они были привязаны к ним, закабалены феодальными повинностями, долгами и многовековыми традициями. Хотя разорившиеся крестьяне, например, горцы из Каратегина, приходили в Фергану наниматься в сезонные работники, но они не находили и здесь капиталистов, которые могли бы купить их рабочую силу для капиталистической эксплуатации, а вынуждены были наниматься к деревенским баям, предпочитавшим кабальные методы издольной аренды.

Феодальный общественный строй среднеазиатских ханств был настолько еще отставшим в своем развитии, что в нем вплоть до присоединения к России не наблюдалось созревания новых, капиталистических производственных отношений.

Ярким доказательством отсталости феодального строя в Средней Азии и отсутствия здесь условий для возникновения капиталистических отношений является тот факт, что даже в первые годы после присоединения к России система наемного труда в сельском хозяйстве и промышленности не могла применяться. Почти все промышленные и сельскохозяйственные предприятия, основанные в Туркестане русскими капиталистами в 70-х гг. XIX в., очень скоро потерпели крах и были ликвидированы с большими убытками для их основате-

лей, главным образом вследствие затруднений с рабочей силой и неблагоприятных общественных условий. Капиталистам, пытавшимся основать здесь хлопковые плантации, очень скоро пришлось ликвидировать собственную запашку и раздать землю мелкими участками в аренду и субаренду феодального типа, подчинившись, таким образом, господствовавшим в стране феодальным общественно-экономическим условиям.

Приведенные нами факты экономической жизни Узбекистана свидетельствуют о том, что до присоединения к России здесь господствовал феодальный строй и существовали только те формы капитала, которые Маркс называл «допотопными» — купеческий и ростовщический.

Государственный строй. Налоговая система. Государственный строй в среднеазиатских ханствах, так же как и общественный их строй, был феодальным. Формой государств в Бухаре, Хиве и Коканде были феодальные монархии, а в Ташкенте во второй половине XVIII в. — городское управление, в котором большую роль играли богатые и знатные горожане, ограничивавшие самовластие феодалов.

С давних времен в среднеазиатских ханствах велась борьба за преодоление феодальной раздробленности и создание централизованных феодальных монархий, но эта борьба и в XIX в. не увенчалась полным успехом. К моменту присоединения к России феодальная раздробленность ханств не была преодолена. Узбекский народ составлял большинство населения в трех независимых ханствах и в нескольких мелких феодальных владениях, правители которых постоянно воевали между собой. Внутри ханств была достигнута только провинциальная централизация на базе местных рынков. Междоусобные войны истощали силы народа, опустошая созданные его трудом поля и сады, разрушая города и ирригационные сооружения.

Главная функция феодального государства — подавление эксплуатируемого большинства населения — выполнялась в ханствах при помощи сложного аппарата управления. Во главе Бухарского ханства стоял эмир, во главе Хивинского и Кокандского — ханы. От имени эмира и ханов управляли чиновники, получавшие в вознаграждение за службу поместья и пополнявшие свои доходы произвольным увеличением налогов в свою пользу. Злоупотребления чиновников, многочисленные налоги и повинности тяжелым бременем лежали на трудящемся населении.

Высшая административная власть в Бухаре принадлежала кушбеги. Вторым по значению лицом после кушбеги был

так называемый в просторечии нижний кушбеги, который ведал финансовой частью ханства, главным образом поимущественным налогом. Этот сановник был начальником всех диванбеги, состоявших при правителях наиболее обширных областей — Чарджуйской, Кермининской и других. Начальник гарнизона г. Бухары, носивший звание топчибаши-и лашкар, т. е. начальник войсковой артиллерии, являлся вместе с тем начальником всех командиров воинских частей ханства.

Разнообразные служебные функции второстепенного характера исполнялись служащими разных чинов. Все служилое сословие (амальдары) состояло из светских и духовных лиц; первые принадлежали к военному сословию (сипахияи), вторые — к духовенству (улема); к последним относились богословы, законоведы и мударрисы высших конфессиональных школ (медресе). Шейхульисламы, судьи, муфтии, раисы и др. — назначались из этого сословия.

Если в прежнее время, приблизительно в XVI—XVII вв., административный аппарат Бухары был построен на соответствии звания с исполнявшимися обязанностями, иначе говоря, если прежде чин связывался с определенными функциями, то в первой половине XIX в. этого уже не было. Чины были только почетными званиями; представители духовенства возводились в особые установленные для них звания.

Так же в основном было организовано административное управление в Хивинском и Кокандском ханствах, где светские и духовные феодалы, чиновники, не получавшие определенного содержания, тоже «кормились» за счет управляемого населения.

Главным сановником Хивы в первой половине XIX в. был кушбеги, получавший распоряжения непосредственно от хана. Он заведовал оседлым населением всей южной половины ханства. За ним следовал михтар, которому подчинялось оседлое население северной части ханства. Чин инака, раньше имевший значение полномочного владетеля и считавшийся высшим званием после ханского достоинства, в XIX в. утратил свое значение так же, как в Бухаре прежний высший чин аталыка.

Главным сановником Кокандского ханства являлся мингбаши (тысяцкий), соответствовавший по своему значению кушбеги Бухарского ханства. Важную роль в административно-политическом отношении играл назначаемый непосредственно ханом правитель Ташкента, носивший титул бекляр-беги (бек беков).

На политическую жизнь всех трех ханств особенно большое реакционное влияние оказывало мусульманское духо-

венство. Существовало две категории духовных лиц. К первой принадлежало чиновное духовенство (шейхульисламы, казии, раисы, муфтии, мударрисы, имамы и т. д.). Мусульманская религия суннитского толка, которую с большой настойчивостью и нетерпимостью проповедовали ортодоксальные муллы, была главным орудием идеологического порабощения народа.

Ортодоксальный ислам был распространен среди народов Средней Азии, главным образом внешне, как официальная религия, и далеко не всегда достигал цели в смысле их духовного порабощения. Поэтому феодалы нередко поддерживали и другой разряд духовенства — дервишских шейхов-ишанов. Проповедуя показной аскетизм и наиболее отсталые, и потому самые реакционные, суфийско-анимистические представления, ишаны имели широко разветвленные, охватывающие все слои населения дервишско-мюридские организации и через них эксплуатировали массы. Бухарские эмиры и ханы поддерживали наиболее сильных ишанов, чтобы с их помощью упрочить свою власть над народом и получить их поддержку в борьбе за централизованную монархию, против чего выступали крупные феодалы.

Представители духовной знати могли занимать в узбекских ханствах не только высшие духовные или судебные, но и административные должности, выступая в качестве правителей областей и т. д. В Хивинском ханстве наиболее видные лица из высшего духовенства, подобно средневековым епископам, имели, как и светские феодалы, собственные дружины (нукеров). Ведя борьбу с представителями узбекской племенной знати, ханы охотно пользовались поддержкой духовенства и, в свою очередь, стремились усилить его удельный вес в местной общественной и политической жизни. С этой же целью в отдельных случаях ханы выдвигали на высшие государственные должности совершенно «безродных», но способных людей, иногда даже из вольноотпущенников.

Бухарское ханство в середине XIX в. состояло из нескольких областей (вилайетов), из которых Бухарская и Самаркандская делились, в свою очередь, на районы (тумены), а прочие — на поземельно-податные участки. Во главе каждой области стоял правитель, называвшийся по-арабски хаким, или мир, а по-узбекски — бек; в местах, наиболее отдаленных от областных центров, находились представители или заместители областных правителей (так называемые бекча). Амлякдары, ведавшие поземельно-податными участками, производили сбор государственных податей через подчиненных им лиц низшей администрации: аксакалов (сельских старост),

аминов (старшин), мирабов (районных или участковых водных надзирателей) и проч. Ответственным за исправное поступление податей являлся правитель области. Для выполнения обязанностей полицейского характера при областных правителях и амлякдарах состояли так называемые нукеры — иррегулярное войско, отбывавшее службу по очереди. В сельских местностях власть принадлежала амлякдарам, аминам, аксакалам и даругам. В каждом крупном селении или нескольких мелких был свой даруга.

Все бухарское чиновничество кормилось за счет населения при сборе с него податей и повинностей. Этому способствовало отсутствие приходо-расходных годовых росписей государственного бюджета. Так называемые «дафтарные записи», т. е. податные росписи по каждой области, составляли секрет эмира, кушбеги и диванбеги столицы и потому ни плательщики налогов, ни чиновники не знали точно, сколько первым нужно платить, а вторым — брать. Правитель знал только одно — сколько всего в год он должен представить эмиру податей по дафтарным записям своей области.

Местное управление Хивы было тесно связано с делением ханства на округа, в которых правили хакимы (правители), а иногда и судьи (казии). На территории ханства, лежавшей по правую сторону Амударьи, земли, прилегавшие к городам, были большей частью свободны от всяких налогов и управлялись самими феодалами, зачастую принадлежавшими к числу ханских родственников.

Управление городами Хивинского ханства находилось в руках хакимов, их помощников — сотников (юзбаши) и старост (кадхуда); в селениях всеми делами административно-полицейского порядка ведали аксакалы, которые также помогали ханским чиновникам при сборе податей и выполнении повинностей; за распределением воды для орошения следили особые смотрители, называвшиеся мирабами. Все эти лица также не получали никакого жалованья и жили за счет подведомственного населения.

Туркмены, казахи и каракалпаки не были подчинены хакимам, а управлялись своими родоплеменными старшинами; у туркмен они носили название беков и вакилей, у каракалпаков и казахов — биев. Бии управляли мелкими родовыми коленами; объединение нескольких таких колен подчинялось аталыку. Аталыки, в свою очередь, были подчинены особым ханским чиновникам, называвшимся беклярбеги.

Суд в Бухаре, как и в других ханствах, был орудием классового угнетения в руках эксплуататоров-феодалов. Во главе всех судей стоял верховный судья (кази-калян). Он назна-

чался эмиром и был главой всех остальных судей, которые также назначались эмиром. Судьи выполняли и нотариальные функции, скрепляя своими печатями акты имущественных сделок, разделов наследств и т. д. Они помогали феодалам и баям разорять беднейших крестьян, отбирать за долги их земли и имущество. Они же осуществляли надзор за вакфным имуществом и опеку по делам малолетних и неправоспособных наследников. Эти функции приносили им большой доход. Судьи должны были доносить эмиру о действиях местных властей. И наоборот, за действиями судей был организован шпионаж со стороны хакимов. Судьи не получали содержания от эмира, а жили на денежные сборы за совершение всевозможных юридических актов. Размер таких сборов определяли обычаем, достатком сторон, а чаще всего произволом самих казиев.

Судьи должны были решать дела по шариату, т. е. мусульманскому религиозному праву, основанному на Коране, преданиях о действиях и словах Мухаммеда, сборниках старых судейских решений и т. д.

Так как мусульманское право не было кодифицировано, судьи руководствовались множеством различных сборников судебных решений, часто противоречивших друг другу. Фактически они могли произвольно выносить решения по уголовным и гражданским делам, казуистически применяя шариатские нормы и лишь внешне соблюдая некоторую видимость законности.

Решение судьи обычно считалось окончательным, потому что законной апелляции не существовало. В затруднительных случаях судья сам мог передать дело на обсуждение ученых-богословов г. Бухары.

Самый процесс суда был весьма несложен: судья выслушивал заявления сторон и показания свидетелей (причем показания двух женщин приравнивались по шариату к показаниям одного мужчины) и тут же должен был произнести приговор, который немедленно приводился в исполнение. Наказанием могли быть штраф, заключение в тюрьму, избиение палками или отсечение кисти руки или ноги (за воровство) с последующим погружением искалеченного члена в кипящее масло для прекращения кровотечения. Не было ни предварительного следствия, ни защитников у сторон. На смертную казнь судья должен был испрашивать разрешения эмира. В уголовных делах суд в Бухаре отличался даже большей жестокостью, чем в других мусульманских странах. Были, например, случаи сбрасывания с минарета людей за воровство и т. д. Заключение в тюрьму или арестантскую

при полицейском участке являлось мерой не только судебного, но и административного порядка. Фактически в приговорах не определялся срок наказания: у кого были сильные и влиятельные родственники и друзья, тому нетрудно было опять получить свободу, а какой-нибудь бедняк мог провести годы в ужасной бухарской тюрьме, в лишенной света яме, полной клещей и т. д. Эти страшные бухарские тюрьмы, куда так легко было попасть при фанатизме и произволе властей, вызывали ужас даже у среднеазиатских соседей Бухары.

Большую роль в судопроизводстве играли муфтии, утверждавшиеся эмиром и избиравшиеся из законоведов; на их обязанности лежало составление так называемых фетва или ривоятов, т. е. основанных на шариате юридических заключений. Каждый такой ривоят изготовлялся за определенную плату муфтием по просьбе заинтересованной стороны, скреплялся его печатью или печатями нескольких муфтиев и затем предъявлялся судье, который на его основании выносил решение.

Таким образом, муфтии являлись своего рода экспертами в шариатских положениях и соперничали с казиями в обирании просителей и жалобщиков.

В Хивинском ханстве, как и в Бухаре, существовали по городам судьи (казии), находившиеся в подчинении у главного судьи столицы (кази-калян). Как и в Бухаре, судьи получали определенный процент с каждого дела.

У каракалпаков были свои казии, проживавшие в Чимбае. При возникновении какой-либо тяжбы между каракалпаками, кочевавшими совсем в другом месте, они всегда ездили для разбирательства судебных дел в Чимбай, и никто из ближайших к их кочевкам судей не имел права принимать к разбору их жалобы. По отношению к трудящимся наказания отличались не меньшей жестокостью, чем в Бухаре: били палками, резали уши, нос, рубили голову, вешали. Такой же характер имела организация суда в Кокандском ханстве.

Следующим лицом после верховного судьи по важности занимаемого положения во всех трех ханствах был так называемый раис (буквально, начальник), или мухтасиб (в Коканде), на обязанности которого лежали надзор за поведением жителей, выполнением ими постановлений шариата и торговая инспекция. Раисы посещали мечети и по спискам прихожан проверяли, кто не был на молитве; они останавливали прохожих на улицах и испытывали их в знании молитв, ездили по базарам и проверяли у купцов правильность употреблявшихся ими мер и весов. Виновных в нарушении пра-

вил шариата и злоупотреблениях в торговле (или просто в неподчинении власть имущим) тут же на улице наказывали особой плетью — дурра; у торговцев, сверх того, иногда отбирали товары. Раису г. Бухары подчинялись раисы всех других городов ханства.

Полицейская власть была сосредоточена в руках миршабов, или курбаши (в Кокандском ханстве). Эта полиция вступала в свои права только ночью, вернее, с вечера, когда закрывались базары и запирались городские ворота.

Войска среднеазиатских ханств в XVIII—XIX вв. были в основном конные, иррегулярные, состоявшие главным образом из нукеров — особого служилого сословия, освобожденного от налогов и обязанного в случае войны являться под предводительством областных правителей с полным вооружением и боевыми конями. Съестные припасы они возили на верблюдах. Павшие лошади нукеров заменялись другими за счет казны. Войско делилось на десятки, сотни и т. д. Командиры сотен и другие военачальники получали за службу земельные поместья — танхо, рядовые же и низшие командиры довольствовались ежегодными выдачами зерна (пшеницей и джугарой), одежды и небольших денежных сумм.

По свидетельству Ф. Ефремова, офицер, соответствующий ротному старшине, в 70-х годах XVIII в. в Бухаре получал, кроме земли (танхо), еще ежегодно халат, кушак и шапку; урядник—три с половиной червонца, шесть с половиной батманов пшеницы и столько же джугары, халат и шапку; подурядник — два с половиной червонца, четыре с половиной батмана пшеницы и столько же джугары и халат, а рядовой—по четыре батмана пшеницы и джугары, два червонца и шапку.

Всего войска, по наблюдению Ф. Ефремова, у Даниял-бия было до 10000. Только незначительная часть нукеров имела фитильные ружья, большинство же было вооружено пиками и саблями. Даже в начале XIX в. были еще широко распространены луки со стрелами. Некоторые нукеры одевали кольчуги и имели щиты, железные или кожаные. При Ефремове бухарское войско имело и артиллерию—пять девятифунтовых пушек на раскате, две пятифунтовые, восемь трехфунтовых и пять мортир.

Большие пушки возили на телегах, запряженных быками. Для стрельбы фитили привязывали к длинным шестам и, отойдя подальше, поджигали порох. При этом веревки, которыми пушки привязывались к телегам, часто рвались и пушки сваливались на землю. Из каждой пушки можно было выстрелить не более 5—6 раз в день.

В военное время для выполнения осадных и других работ собирали крестьянское вспомогательное ополчение (карачирик, караказан, кылкуйрук). Обычно крестьяне не имели оружия и шли на войну с кетменями и лопатами. Эта повинность была тяжелым бременем для крестьянства.

Положение нукеров резко отличалось от приниженного и тяжелого положения карачириков, за малейшую провинность подвергавшихся жестоким телесным наказаниям.

В начале XIX в. в Бухарском ханстве насчитывалось до 3600 нукеров. Часть их жила в Бухаре и состояла из профессиональных воинов, искусных в стрельбе и метании копий. Другие жили в различных областях ханства, в своих поместьях (танхо), пользуясь правом почти неограниченной эксплуатации крестьян тех земель, которые были отданы им в качестве танхо.

В случае войны они собирались по родовым подразделениям и во главе со своими беками присоединялись к войску эмира. Постоянной заботой эмиров и их ближайших сановников было поддержание дисциплины нукеров.

Регулярная пехота появилась в Бухаре только в 30-х годах XIX в. под названием войска сарбазов. Отряд численностью в 2000 чел. был одет в короткие красные форменные мундиры и вооружен ружьями со штыком, саблями и пистолетами. Сарбазов набирали из крестьян, ремесленников и пленных (рабов). Ежедневно их обучали маршировке и ружейным приемам. Вместе со своими семьями они жили в особой слободе за городом и в свободное от службы время занимались хозяйством.

Войско сарбазов и артиллерия, которая была увеличена в середине XIX в. до 80 пушек, сыграли определенную роль в войнах Насрулла-хана и охране крепостей. Это была главная сила эмира в борьбе за централизацию государственной власти в Бухарском ханстве. Однако ограниченные экономические ресурсы эмира не давали ему возможность увеличить пехоту и артиллерию и создать регулярную кавалерию. Последнему мероприятию препятствовали также многочисленные представители служилого сословия, желавшие сохранить устарелый иррегулярный тип войска и свои поместья.

В Кокандском ханстве небольшой отряд сарбазов появился только во второй половине XIX в. В качестве офицеров, обучавших кокандских сарбазов, упоминаются русский моряк Николай Аршинов и семь англичан.

Кокандское войско, по описанию хорунжего Потанина (1820 г.), состояло из иррегулярной конницы, собиравшейся

только в военное время. Конница эта не знала строя и не имела единообразия ни в вооружении, ни в одежде. Получая из ханской казны провиант (муку и рис) и по два халата в год, кокандские воины не имели определенного денежного жалования — ни высшие, ни низшие чины, но иногда они награждались за заслуги.

В 1851 г. кокандский юзбаши (сотник) получал в год 80 пудов пшеницы, 240 пудов джугары, халат, чалму, кушак и прочую одежду, двух баранов, чай и 1 тилля 4 таньги денежного жалования. Пятидесятники, десятники и рядовые получали соответственно меньшее содержание. Хан давал кавалеристам лошадей, некоторые получали и земельные поместья.

Войско Кокандского ханства до такой степени было децентрализовано, что хан мог положиться только на свой отряд, собиравшийся из жителей области г. Коканда. Остальной армии содержание платили не ханы, а правители городов, и потому эти войска подчинялись лишь своим кушбеги.

Вооружение кокандских войск было не лучше бухарского, только $^1/_7$ часть воинов имела фитильные ружья разных калибров. Во всем ханстве насчитывалось до сотни пушек, отлитых в Ташкенте и других местах. В 50-х годах XIX в. при взятии Коканда Насруллой было захвачено несколько десятков медных пушек, из них 8 на лафетах.

О численности кокандского иррегулярного войска дает представление то, что крупнейший отряд — Ташкентский — насчитывал в 1830 г. до 15000 всадников.

В Хивинском ханстве в XIX в. было не только конное, но и пешее войско, но конницы было в 8—9 раз больше, чем пехоты. Войску выдавали жалование натурой (зерном). В составе хивинского войска было до 8000 фальконетчиков; *артиллерии у Хивы было меньше, чем в Бухаре и Коканде.*

Конных нукеров, согласно Баяни, в Хивинском ханстве было более 13 тысяч. За свою службу нукеры получали орошенные земли и освобождались от налогов. Даже общую *трудовую повинность по очистке и ремонту ирригационных* каналов за них выполняли другие крестьяне.

В Бухаре из всех налогов самым значительным был харадж, потому что государственные земли и необеленные *мильки, с которых платилась эта подать, составляли в сово*купности большинство земель.

Харадж платили натурой, из доли урожая. Только в окрестностях крупных городов и в некоторых других местах в *XIX в. часть хараджа стали собирать деньгами.*

Количество подлежащего уплате хараджа определялось следующим образом: когда жатва поспевала, амлякдар выезжал со своими людьми на крестьянские поля, где определял «на глазок» сколько хараджа следует взять. Если земледельцы пытались сопротивляться произволу амлякдаров и вступали с ними в пререкания, ссылаясь на свидетельство старшин и своих соседей, на данные по уплате податей в прошлом году и т. п., то они в наказание за это могли быть совершенно разорены. Наспех записанные при объездах размеры намеченного хараджа являлись нередко фантастическими измышлениями амлякдаров. Через несколько дней после объезда амлякдар скреплял своей печатью раскладки налога и рассылал по селениям. Лишь после составления и получения таких списков крестьяне могли приступить к сбору урожая. А так как амлякдары сплошь и рядом запаздывали с выездом на поля, созревшие хлеба подвергались целому ряду опасностей (грозы с градом, саранча, осыпание зерна и пр.), и урожайность поля оказывалась гораздо меньшей, чем ожидалось. Тем не менее амлякдары взимали с крестьян все назначенное на них обложение.

К хараджу прибавлялся кафсан, особый налог на содержание амлякдаров; им облагались урожаи всех зерновых культур (в размере полпуда зерна с каждых десяти батманов) и хлопка (по 15 фунтов с того же количества). Затем шел кафсани даруга, такой же сбор в пользу даруги, и, наконец, подачка амину (старшине), аксакалу (старосте) и прочим лицам низшей администрации, принимавшим участие в наблюдении за сдачей хараджных продуктов. Каждому из них приходилось давать по 2—3 *кг* пшеницы и джугары с каждого хозяйства. В итоге нередко оказывалось, что зерна у дехкан едва оставалось на семена.

В тех случаях, когда урожай определялся не на корню, а после жатвы, специальные надсмотрщики опечатывали обмолоченный и ссыпанный в кучи на току хлеб глиняными печатями, чтобы крестьяне не могли взять хотя бы часть урожая до прихода сборщиков налога.

Таким образом, вся система взимания поземельной подати являлась произвольной и крайне разорительной для дехкан. К этому надо присоединить разные налоги и повинности с тех же дехкан в пользу духовенства, при объездах эмиром ханства, при передвижении войска и пр.

Из других налогов важнейшим был так называемый закят — государственный поимущественный налог в размере $^1/_{40}$ стоимости облагаемого предмета. Главную доходную статью в этих сборах составляло обложение товаров, а также

купеческих денег, привозившихся для закупки товаров, причем закят с товаров взимался по нескольку раз, в зависимости от того, сколько раз купец перевозил товары с одного места на другое. В этом случае закят превращался в своего рода внутренние пошлины, крайне стеснительные для торговцев, обременительные для потребителей товаров и служащие для сборщиков источником обогащения.

Закят со скота в скотоводческих районах взимался натурой (один баран или овца с 5 верблюдов; одна овца или коза с 40 овец и т. п.).

Сверх этого взимался еще один вид закятных сборов — «закят-чекана» в пользу местного правителя.

Много новых налогов было введено первым мангытским ханом Мухаммед-Рахимом в Бухаре, первыми ханами Кунгратами в Хиве, Мингами в Коканде.

В случае войны с населения, как правило, собирали чрезвычайный налог (джул). Эмир Музаффар ввел особый налог, обозначавшийся термином аминана, размером в 1,5% стоимости товаров и имущества. С течением времени он превратился в постоянный налог и, несмотря на протесты плательщиков, просуществовал до бухарской революции 1920 г. Иногда его сдавали на откуп особым откупщикам.

Помимо закята и аминана, к числу торговых сборов относились также маклерские сборы (даллали), специальные, пошлины (бадж) с товаров и вообще грузов, перевозившихся из одного вилайета в другой, что вместе с закятом вызывало значительное увеличение цен на товар по мере удаления его от того места, откуда он первоначально был вывезен. Сюда же надо отнести налог за перевозку товаров на каюках через реку (сув пули), за базарные места (пули тахта-джай) и т. д.

Сельское земледельческое население, помимо узаконенной поземельной подати, платило особый налог за каждый танаб земли под садом и огородом (танаб пули) и налог с клеверных полей (алаф пули): оба эти налога нередко назывались общим термином — потанабные сборы (танабана или, как выше, танаб пули). Размеры этих налогов были весьма различны, в зависимости от близости земель к базарным пунктам и пр. В конце 50-х годов XIX в., при эмире Насрулле (1827—1860 гг.), в этих налогах произошли изменения. Несколько крестьянских обществ по Зарафшану обратилось к эмиру с просьбой облегчить потанабное обложение удаленных от городов бахчей, так как обрабатывать их труднее, чем бахчи, расположенные вблизи жилищ. Эмир согласился на эту просьбу, и с огородов был установлен особый налог —

кош пули, исходя из каждой пары рабочего скота (кош), впрягаемой в плуг и могущей обработать в сезон определенную площадь земли. Позднее этот сбор был распространен на всех земледельцев дополнительно к другим налогам, независимо от того, занимались ли они разведением бахчей или не занимались. В середине XIX в. размеры кош пули в самаркандских туменах колебались от 1 руб. 20 коп. до 4 руб. серебром с каждой пары рабочего скота, в зависимости от орошения местности, ее экономического благосостояния, близости к базарным центрам и т. п.

Кроме этого, существовал особый сбор с рабочего скота (як сара), взимавшийся с каждой пары лошадей или быков, в размере одного батмана пшеницы; у кого была одна голова рабочего скота, тот платил половину этого количества (ним сара). Водяные мельницы и толчеи-крупорушки, пользовавшиеся водой из арыков, также облагались определенными денежными или натуральными сборами.

В Хивинском ханстве до XIX в. налогообложение крестьян не было полностью централизовано. Местные правители собирали натуральные налоги в разных размерах, в соответствии с местными обычаями и главным образом в свою пользу. После налоговой реформы Мухаммед-Рахим-хана (1806—1825) назначенные им чиновники стали собирать значительную часть налогов деньгами и все собранное обязаны были сдавать в общегосударственную казну.

Все земледельцы (милькдары) Хивинского ханства были разделены на три категории: милькдары, имевшие более 10 танабов земли (около 4 *га*) платили по три тилли (золотые монеты стоимостью по 3 р. 60 коп. русскими деньгами того времени); владельцы участков размером от 5 до 10 танабов— по 2 тилли; крестьяне, имевшие меньше 5 танабов — по 1 тилле в год. Не освобождались от ханского налога и безземельные крестьяне, обрабатывавшие ханские земли из доли урожая. Те, кто обрабатывал 15 танабов, платили 34 таньги (серебряные монеты, стоимостью 20 коп. русскими деньгами); обрабатывавшие 10 танабов, платили на 1/3 меньше, а обрабатывавшие 5 танабов — на 2/3 меньше первых. В некоторых районах издольщики пяти танабов земли платили столько же, сколько владельцы пяти танабов. Через каждые три года проводилось измерение земельных участков, не обходившееся без взяток и злоупотреблений.

Таким образом, налоговая система в Хивинском ханстве XIX в. была весьма выгодна для крупных землевладельцев: сколько бы ни имели они земли, с них взыскивалось в качестве государственного поземельного налога только 3 тилли,

т. е. не более того, что платил крестьянин, имевший 10 танабов. Беднейшие крестьяне и безземельные издольщики несли главную тяжесть налогового бремени. Феодалы и их служилые люди — нукеры — так же как и духовенство, были освобождены от налогов особыми ханскими указами — ярлыками.

Кроме денежного налога, крестьянское население несло много натуральных повинностей. Особенно трудными были работы по очистке оросительных каналов (казу), постройке дамб и плотин (качу). Трудовая повинность (бегар) требовалась от крестьян ежегодно для ремонта крупнейших магистральных каналов и сооружений, дорог, мостов, крепостных стен и т. п. Содержание администрации водного надзора также было обязанностью земледельческого населения.

Как и в Бухаре, закят платили владельцы скота и торговцы в размере 1/40 облагаемого предмета. Помимо этого, на правом берегу Амударьи существовал произвольный сбор с владельцев стад — тарчуб, налог за ощипывавшиеся животными листья с кустарников во время прохода стад по прибрежным зарослям (тугаям). С каждого стада за проход через туган взималось по одному барану.

В Кокандском ханстве налоговая система, в основе сходная с бухарской, отличалась особой изощренностью методов эксплуатации крестьянства. Харадж взимался с зерновых посевов, танабана — с земель, занятых виноградниками, садами, бахчами и техническими культурами, закят — со скота и с товаров. Налоги часто сдавались на откуп, что способствовало злоупотреблениям и беспощадности эксплуатации. Непахотные земли (покосы, камыш и кустарники, употреблявшиеся на топливо), ранее принадлежавшие всем крестьянам, кокандские ханы постепенно объявляли своими заповедниками «курук». Теперь крестьяне были вынуждены арендовать эти земли и платить ханам за право собирать топливо, резать камыш и пасти скот. Рыба в озерах тоже была объявлена ханской. Узурпация обширных земель и вырубка кустарников для ханских нужд привела к оголению земли и уничтожению ценных угодий: пески пустыни надвигались на оазис.

Кокандский хан Худояр отличался изобретательностью в обирании населения. Он ввел налог с нефруктовых деревьев и кустарников (даже если они росли на усадьбе крестьянина), с дикорастущих сорняков (верблюжья колючка), с сена, привозившегося в столицу, с угля, выжигавшегося в горных лесах. Наместник Худояр-хана повысил налог с кочевников и полукочевников Ташкентской области более чем в 2,5 раза.

К обычной тяжелой трудовой повинности по очистке и ремонту ирригационных систем в Кокандском ханстве после

резкого расширения коронных земель прибавилась обязанность заготавливать на этих землях топливо, камыш, сено и доставлять их в ханскую урду. Десятки тысяч крестьян со своими лошадьми и арбами отбывали ежегодно эту барщину. Те, кто не имел лошадей, должны были отрабатывать определенное число дней на хашаре. С тех селений, которые считались принадлежащими лично хану, взимался хаслык — налог, который платили непосредственно ханским слугам, или (по особому указу) «на кормление» тем или иным придворным.

Таким образом, налоговая система во всех среднеазиатских ханствах являлась орудием жестокой феодальной эксплуатации трудящихся, значительно усилившейся в конце XVIII и начале XIX вв.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XIX вв.

С середины XVIII в. в среднеазиатских ханствах начался процесс «собирания земель». Попытки преодоления феодальной раздробленности продолжались в конце XVIII — начале XIX вв.

Бухарское ханство. Уже первый хан мангытской династии Мухаммед-Рахим (1753—1758) правил Бухарским ханством самодержавно и в отличие от последнего Аштарханида Абулфайза не позволял крупным феодалам вмешиваться в дела государственного управления. Все источники подчеркивают централизаторскую политику Мухаммед-Рахима. Как отмечено В. В. Бартольдом, его возвели на ханский престол при участии бухарского духовенства и выдающихся людей из ремесленников и торговцев. Мухаммед-Рахим имел немалое войско, для содержания которого ввел несколько новых налогов, которые были отменены вследствие народного возмущения только в 80-х годах XVIII в.

По замечанию автора бухарской хроники «Гульшен алмулук», «Мухаммед-Рахим-хан старался все 92 узбекских рода подчинить своей власти, так чтобы у них не оставалось никакой возможности сопротивляться центральному правительству». Действительно, все годы своего правления Мухаммед-Рахим воевал против сепаратистов-феодалов, вождей узбекских племен и крупных землевладельцев, стремясь подчинить их центральной бухарской власти. Ему удалось подавить сепаратистское восстание правителя Нурата Тугай-Мурад буркута в Миankале — в одном из густо населенных центральных районов Бухарского ханства, в средней части

долины Зарафшана, между Самаркандом и Бухарой. Победив Тугай-Мурада, хан отобрал у него юрт Нурата, где этот феодал был наследственным владетелем. Автор «Тухфаи хани» Мухаммед Вафаи Керминеги рассказывает, что хан решил, «пока преданность Тугай-Мурада не будет доказана, отстранить его от управления родными ему местами, а взамен дать для прокормления имение и поместье в Бухарском тумене».

Крепости миankальских кипчаков Мухаммед-Рахим велел срыть, многих знатных узбеков казнил, а простых (фукара) переселил из этой области. В Миankаль были переселены карлуки из Несефа, а племена етти-уруг и бахрин передвинуты ближе к Бухаре.

В 1753 г. Мухаммед-Рахим предпринял поход против владетелей Ургута, затем покорил Шахрисабз, Хисар и Куляб. В последующие годы он присоединил к Бухарскому ханству Ходженд, Ташкент, Туркестан и другие области.

Централизаторская политика, настойчиво проводившаяся Мухаммед-Рахимом и другими мангытскими ханами, способствовала не только развитию торговли и ремесла, но и прогрессу сельского хозяйства. И наоборот, в тех местностях, где местные феодалы продолжали отстаивать свою независимость, где поднимались мятежи против Бухары и шли междоусобные войны, экономика сильно страдала.

«Степи, ранее переполненные стадами скота, за короткое время мятежа совершенно опустели» — говорится об одном из таких районов в хронике «Тадж ат-таварих», составленной в 1800 г. Мухаммед-Шарифом, сыном Мухаммеда Наки.

Местные феодалы яростно сопротивлялись завоеваниям мангытов, но народ, в особенности горожане — торговцы и ремесленники — не всегда поддерживали их. Несмотря на то, что бухарское правительство облагало завоеванные районы тяжелой данью и пополняло свои войска за счет молодежи местных племен, народные массы, особенно горожане, часто оказывали ему поддержку. Централизованная монархия более соответствовала интересам торговли и производства, тогда как феодальная раздробленность, междоусобные войны и набеги подрывали начинавшуюся консолидацию местных экономических районов.

В хронике «Тадж ат-таварих» так описывается столкновение феодальных дружин с торгово-ремесленным людом: «27-го рамазана 1171 г. (что соответствует 4 мая 1757 г.) в городе Денау, как обычно, собралось множество людей со всех концов вилайета для того, чтобы продавать и покупать (все, что им было нужно). Ничего не подозревая, они зани-

мались базарным торгом и были совершенно поглощены делом извлечения прибыли.

Между тем, восставшие дружинники местного мира (свергнутого бухарцами Мухаммед Амин-бия юза) по одиночке вошли через разные ворота внутрь города и неожиданно напали на переполненный народом, оживленно торгующий базар. Как небесная кара и как дикие львы набросились на мирных торговцев, разогнали базар, захватили товары и ценные вещи, а бухарских воинов, спустившихся из арка на базар по своим делам, тут же убили».

После того, как войска местного феодала овладели городом, все население Денау, как указывает тот же источник, «от фукара, до сипахи» помогало им в осаде цитадели, занятой бухарским гарнизоном. Этот вполне понятный результат победы местного феодала все же не может поколебать общего мнения о том, что отделение от Бухары было не в интересах народа.

Эмиры узбекских племен юз, кенегес, буркут, бахрин и сарай, насильственно переселенных Мухаммед-Рахимом в область Хисара, не смели проявлять свое недовольство при его жизни. Но в 1758 г., узнав о его смерти, они собрали до 10 тыс. вооруженных соплеменников и привели их в Бухару. У рядовых и бедных кочевников было много оснований для недовольства своим положением. Это недовольство использовали местные феодалы, направив племена против власти мангытов.

Собравшись во дворе большой соборной мечети, эмиры решили захватить власть в столице и свергнуть мангытскую династию. Однако старший представитель мангытов Даниял-бий аталык принял ряд мер, парализовавших силы заговорщиков. Усилив охрану арка, он послал ишана Исхак-ходжу, потомка Махдуми Азама, к эмирам с целью склонить их к примирению. На уговоры ишана откликнулся только Гайбулла-бий, вождь бахринов, остальные же начали открыто призывать к мятежу. Тогда Даниял-бий выслал против них войско, велел перегородить улицы, чтобы затруднить передвижение конницы и призвал горожан к защите ханской династии против наступавших племен.

Централизаторская политика мангытов явно соответствовала интересам торгово-ремесленного населения г. Бухары, и оно активно выступило против восставших. Конечно, основной силой горожан были бедняки города, которые стали разрушать находившиеся в Бухаре богатые дома вождей племен. Издавна накопившаяся ярость бедноты против угнетателей —

феодалов была использована сторонниками политической централизации.

Вот как описываются эти события в исторической хронике «Тадж ат-таварих» (соч. Мухаммед Шарифа): «Бедняки, нищие, бродяги и сироты ужасающей толпой бросились на знатных, стали творить насилия, грабить и бить гордых (эмиров). Ударами палок и камней они ранили и убивали мятежников, грабили их жилища, захватывали имущество и вещи, поджигали постройки — только пыль и дым поднялись от их богатых домов. Большинство заговорщиков было уничтожено, едва ли одна тысячная часть их выбежала из города живыми, потеряв своих жен, детей, имущество и достояние».

После разгрома заговорщиков в 1758 г. многие крупные феодалы, вожди узбекских племен были казнены, в том числе вышеупомянутый Тугай-Мурад-бий и его сын, но это не прекратило борьбы феодалов против Даниял-бия.

Вскоре Даниял-бий выступил против Фазил-бия юза, захватившего Самарканд, и на усмирение нового восстания в Мианкале. Жестоко разгромив это восстание, Даниял совершил вслед за тем два похода в Карши против Нарбуты-бия, к которому присоединились феодалы Хузара и Шахрисабза. После шестимесячной осады жители Карши убили своего феодала и сдали крепость Данияла.

Следующим этапом борьбы за консолидацию и централизацию Бухарского ханства было время правления Шах-Мурада (1785—1800 гг.). Этот представитель мангытской династии пришел к власти после крупного народного восстания в г. Бухаре (1785 г.). О широком размахе этого движения говорит уже то, что в ходе его было убито более тысячи человек.

Для подавления восстания Шах-Мураду пришлось пойти на уступки горожанам Бухары: он торжественно дал им тарханную грамоту (т. е. привилегию в налоговом и некоторых других отношениях).

Автор хроники «Фатх-намэи султани» Мухаммед Алим Бухари так описывает причины этого пожалования.

«Говорят, что положение жителей Бухары было очень тяжко и мучительно. Простой народ и бедняки во время правления Даниял-бия испытывали насилия и вымогательства со стороны служилых (сипахиян), собиравших разного рода налоги (олук ва солук). Поэтому (Шах-Мурад) указом освободил жителей города Бухары от налогов, выдав им тарханную грамоту».

Торжественное провозглашение тарханства и водружение указа об этом на айване соборной мечети не избавило, одна-

ко, бухарцев от уплаты тяжелого экстраординарного налога «джу'л», использовавшегося в военных целях.

Шах-Мураду приписывается проведение четырех реформ: финансовой, административной, судебной и военной. Он был вынужден провести их вследствие народных восстаний и продолжавшихся феодальных неурядиц в ханстве. Не уменьшая степени эксплуатации земледельцев и ремесленников, Шах-Мурад стремился навести известный порядок в денежном обращении, налоговом деле, суде и административном управлении, дать торговцам и ремесленникам некоторую гарантию от посягательств феодалов на их собственность и укрепить государственную власть.

Денежная реформа, проведенная Шах-Мурадом от имени подставного хана Абулгази в 1785 г., заключалась в выпуске полноценной серебряной монеты меньшего размера и веса и иного внешнего вида, чем прежние низкопробные таньги. Одновременно была введена система свободного чекана, при которой каждый мог принести на монетный двор свое серебро для перечеканки его в монеты. Определенный процент взимался в пользу казны. Эта реформа Шах-Мурада должна была воспрепятствовать спекуляции и порче монеты, подрывавшим денежное обращение в течение XVII и XVIII вв. При прежних ханах таньга имела принудительный курс, как серебряная, тогда как в действительности в ней было гораздо больше меди, чем серебра. При воцарении каждого нового хана, а иногда и в течение одного царствования курс таньги менялся, что сильно дезорганизовывало и тормозило развитие хозяйства. Введение чисто серебряной монеты и свободного чекана отвечало назревшей потребности торговли и всей развивавшейся экономики и способствовало стабилизации денежного обращения.

Шах-Мурад отменил несколько нешариатских налогов: яргу, бадж, тарх, тушмал, ясак, алук, и салук, а также практиковавшиеся прежними ханами ежедневные поборы с ремесленников и налагавшуюся на них бесплатную трудовую повинность. Однако сокращение доходов и необходимость содержать большое войско вынудили его часто налагать на все население тоже отнюдь не шариатский денежный налог «джу'л».

Нововведения административного характера Шах-Мурад начал с того, что собственноручно казнил высших бухарских сановников Давлата-кушбеги и Низамуддина кази-калана, которые стояли во главе государственного управления при его отце эмире Данияле и еще раньше, при Мухаммеде Рахим-хане. Затем были смещены областные правители и

казии, а на их места назначены единомышленники нового эмира. Новшеством было назначение казиев в тумены и крупные села (касаба).

В восточной части ханства, обезлюдевшей вследствие феодальных войн предшествующего периода, Шах-Мурад провел учет земель, пригодных для земледелия, измерил их с помощью танабчей (землемеров) и переселил туда много крестьян, заставив их восстановить ирригацию и обработку земель. Для осуществления ирригационных работ была введена система «мардивалиат» — трудовая повинность в виде особого наряда рабочих, мобилизуемых с каждого крестьянского хозяйства. Раньше каналы проводили местные феодалы, становившиеся затем владельцами вновь орошенных земель, так что государство не получало от этого почти никаких доходов. С введением новой системы все налоговые поступления с вновь орошаемых земель сосредоточивались в общегосударственной казне. Шах-Мурад ввел строжайшую экономию государственных средств и для примера другим сам довольствовался более чем скромной одеждой и пищей.

Шах-Мурад несколько демократизировал бухарское судопроизводство. В источниках утверждается, что каждый мусульманин, даже раб, якобы мог явиться в суд с жалобой и привлечь к ответственности своего хозяина, если тот поступал незаконно. Сорок ученых законоведов, составлявших высшую *судебную палату, имели в руках экземпляры юридического* трактата, сочиненного Шах-Мурадом, и руководствовались им при решении тяжб. Личное присутствие истца и ответчика при разборе дела требовалось неукоснительно, независимо от их положения и ранга, тем более, что во главе судебной палаты часто восседал сам эмир. Жестокие наказания за посягательство на частную собственность были введены в интересах землевладельцев, торговцев и хозяев ремесленных предприятий.

Большую власть получили раисы (мухтасибы), следившие за правильностью торговых весов и мер и за соблюдением жителями правил шариата.

Для аграрной политики Шах-Мурада характерно стремление восстановить доходные имения духовенства путем возобновления вакфных документов, утраченных в «смутное время» начала XVIII в.

Таким образом, Шах-Мурад ввел ряд преобразований, но делал все это под флагом «борьбы с новшествами» и отступлениями от шариата. Вступив на бухарский трон, он отказался от ханского титула и назвал себя эмиром Бухары.

В 1786 г. город и округ Кермине открыто перестали подчи-

няться бухарскому эмиру. Шах-Мураду пришлось несколько раз выступать в поход для подчинения Кермине. Вслед за этим он совершил успешные походы в Шахрисабз и Ходженд.

В том же 1786 г. Шах-Мурад начал серию походов на Мерв. Во время первого похода правитель Мерва Байрам-Али был убит, окрестности города разграблены, по заключенному мирному соглашению правителем Мерва был назначен один из сыновей Байрам-Али. В результате второго похода при содействии купцов Шах-Мурад овладел крепостью, охранявшей мургабскую плотину (головное сооружение оросительной системы Мервского оазиса) и приказал разрушить эту плотину. Через несколько часов Мерв остался без воды. Сыновья Байрам-Али вынуждены были сдаться и переехать в Бухару; с ними ушла и часть жителей Мерва. Правителем города был назначен брат Шах-Мурада Омар-бий. Однако вскоре и он вместе со своим братом Фазил-бием отложился от Бухары. Шах-Мурад вновь пошел с войском на Мерв, но не смог взять его до тех пор, пока не разрушил только что восстановленную плотину, вторично лишив воды город и поля его округа. Цветущий Мервский оазис был превращен в пустыню. Доведенные до крайности горожане Мерва восстали против Омар-бия и открыли ворота города Шах-Мураду. Мервская плотина была восстановлена в 1797 г., но последствия ее двухкратных разрушений были ликвидированы нескоро.

Шах-Мурад воевал с афганским правителем Тимур-Шахом и сумел сохранить за собой населенные узбеками и таджиками области Южного Туркестана.

Вступление эмира Хайдара (1800—1826 гг.) на бухарский престол сопровождалось массовыми восстаниями и феодальными распрями, обычными при сменах бухарских властителей. Некоторые правители областей поспешили объявить себя независимыми, другие вступили в войну со своими соседями. В 1800 г. восстали туркмены Мерва, доведенные до крайности притеснениями бухарских сборщиков закята; в следующем году произошло восстание туркмен в районе Керки, по Амударье; повстанцы повели упорную борьбу с высланными против них эмирскими войсками. Эмиру Хайдару пришлось также потратить немало энергии на усмирение восставших племен Миankаля, прежде чем он смог утвердиться на престоле.

Вскоре к внутренним усобицам присоединилась война с кокандским Алим-ханом из-за Ура-Тюбе, находившегося в вассальной зависимости от Бухары, и нападений кокандцев на Джизак, Заамин, Пешагир и Урмитан, носивших характер разорительных для мирного населения набегов. Бухаре

прошлось также отражать неприятеля на западе и на юге. В 1804 г. хан Хивы Ильтузар вторгся в пределы Бухары, разоряя лежащие на его пути города и селения. Однако хивинцы были разбиты в решительном сражении на берегу Амударьи.

Затем в Мерве отложился брат эмира Дин-Насыр-бек. Эмир Хайдар выслал против него Нияз-бека парваначи, который разрушил Султанбендскую плотину, вследствие чего в Мерве все посевы погибли от засухи; Дин-Насыр-бек бежал с семьей в Мешхед (1804 г.), с ним ушло туда около 1000 мервских семейств. Захватив город, эмир Хайдар переселил из Мерва в долину Зарафшана значительную часть его жителей, а в Мерве поселил 200 туркменских семей. В 1825 г. Мерв был снова захвачен Хивой. Попытки восстановить Султанбендскую плотину были, однако, неудачными: дважды сооружавшаяся плотина каждый раз разрушалась, и воды Мургаба текли по старому руслу.

Весной 1815 г. кокандский Омар-хан послал на г. Туркестан войска под начальством своего ташкентского наместника. Город был взят внезапным ночным нападением, а утром кокандские войска начали грабеж населения. Взятие кокандцами Туркестана усилило вражду между ханствами и вызвало ряд походов и набегов бухарцев на кокандские города, а кокандцев — на бухарские.

Постоянные войны, которые велись эмиром Хайдаром, пагубно отражались на экономике его государства. Разоряемое войнами население должно было платить подати и налоги в повышенном размере для покрытия военных расходов. По словам одного местного историка (Мухаммед Я'куба) доходы эмира Хайдара превосходили больше чем вдвое доходы его отца, но его расходы превосходили больше чем вдвое его доходы.

Тяжелое положение трудящихся масс в Бухарском ханстве вызывало массовые восстания, направленные против феодального гнета.

Большое восстание произошло в 1821—1825 гг. среди узбекских племен Миankаля. Не имея достаточного количества скота, чтобы вести скотоводческое хозяйство, и не располагая в то же время необходимыми землями для перехода к прочной оседлости, многие из племен Миankаля вели полукочевой образ жизни. Среди этих племен наиболее сплоченную и несколько обособленную племенную группу составляли китай-кипчаки. Непосредственным поводом к восстанию китай-кипчаков был набор в войска, предназначавшиеся для отправки в Мерв, и досрочный сбор с населения поземельной подати, сопровождавшийся вымогательствами и истязаниями.

К восстанию примкнули также местные каракалпаки, занимавшие территорию к востоку от китай-кипчаков и в хозяйственно-бытовом отношении мало чем от них отличавшиеся.

Восставшие перебили и выгнали эмирскую администрацию и захватили в свои руки укрепленные города Каттакурган, Чилек, Янгикурган и некоторые другие. В наиболее значительном из захваченных городов — Каттакургане — китай-кипчаки встретили активную поддержку со стороны беднейшей части городского населения, в то время как богатые горожане отнеслись к восставшим враждебно и призвали на помощь эмирские войска.

Эмир выслал в Каттакурган отряд, которому удалось овладеть городом и учинить здесь массовую расправу над восставшими. Другие повстанцы отсиживались в занятых ими крепостях, производя по временам вылазки. Эмир вынужден был уйти обратно, ограничившись уничтожением посевов. В следующем, 1822 г. эмир снова попытался овладеть крепостями китай-кипчаков, но также безрезультатно. Сражения носили, по словам современников, чрезвычайно кровопролитный характер, но решительных результатов не дали.

Одновременно с походами против китай-кипчаков эмиру пришлось защищаться от хивинцев, производивших, по-видимому, по согласованию с восставшими, набеги на северные и северо-восточные окраины ханства. Напряженность положения особенно усилилась после того, как предводители китай-кипчаков и каракалпаков призвали к себе на помощь войска кокандского хана и других враждебных эмиру соседних правителей, а также кенегесов Шахрисабза, совместно с которыми они пытались овладеть Самаркандом.

Однако вскоре среди союзников произошли разногласия, вследствие чего они сняли осаду с города; кокандский отряд вернулся в Фергану. Но даже против собственных сил повстанцев действия бухарских войск были неудачными, тем более, что бухарцам пришлось вести борьбу на два фронта, так как непрестанные вторжения хивинцев отвлекали силы эмира. Восставшие избрали себе эмиром двоюродного брата Хайдара, Исхак-бека, вторично осадили Самарканд и дошли до Кермине. Лишь с уходом хивинцев из Бухары, уже в конце своего правления, эмир Хайдар мог двинуть все силы против китай-кипчаков. Этот поход завершился подчинением эмиру восставших племен.

Весной 1825 г., когда силы китай-кипчаков были совершенно истощены и хозяйственное разорение районов восстания достигло крайних пределов, эмиру удалось захватить две главные крепости восставших — Янгикурган и Чилек. Однако

китай-кипчаки все еще представляли собой внушительную силу, и эмир вынужден был дать им официально письменные гарантии о личной неприкосновенности участников восстания. Лишь после этого китай-кипчаки сдали бухарцам остальные свои крепости.

В истории восстания 1821—1825 гг. заслуживает внимания стремление восставших китай-кипчаков привлечь на свою сторону крестьянство соседних районов и даже жителей окрестных городов. Однако отсутствие общего руководства и достаточно ясного понимания целей восстания не могло способствовать его успешному завершению. Значительную роль в поражении восстания сыграла также местная феодально-племенная знать, стремившаяся использовать это движение в своих классовых интересах.

Миankальское движение 1821—1825 гг. оказало очень большое влияние на политическую жизнь Бухарского ханства. Прекращение налоговых поступлений из Миankаля, одного из богатейших районов Бухарского ханства, заметно ослабило казну эмира. Большая часть вооруженных сил ханства была направлена на усмирение восстания, что не могло не отразиться на безопасности границ, подвергавшихся постоянным нападениям со стороны соседей.

Правление Насрулла-хана (1826—1860 гг.) ознаменовалось упорной борьбой за ликвидацию феодальной раздробленности в Бухарском ханстве. Насрулла отличался особой жестокостью и во время походов не раз уничтожал поголовно всех жителей непокорных городов и сел.

Опираясь на войско, о котором он чрезвычайно заботился, а также щадя интересы духовенства, Насрулла все свои усилия направил к обузданию узбекской феодальной знати, беспощадно истребляя ее представителей и не останавливаясь ни перед какими мерами.

Насрулла повел упорную борьбу за объединение всех областей, номинально входивших в состав Бухарского ханства. Самым могущественным из полунезависимых узбекских владений был Шахрисабз. При отце Насруллы отношения с Шахрисабзом были дружественные, но по вступлении на престол эмира Насруллы правители Шахрисабза объявили себя независимыми. Напуганные жестокостью нового эмира многие феодалы бежали из Бухары в Шахрисабз и возбуждали здесь население против Насруллы. Эмир неоднократно ходил походом на Шахрисабз против мятежных феодалов, но жители затопляли местность, и эмир вынужден был всякий раз заключать с ними мир, не добившись успеха; только в 1856 г. ему удалось покорить Шахрисабз и Китаб.

Жестоко подавляя внутри своего государства всякие проявления классовой борьбы и феодального сепаратизма, эмир Насрулла стремился вместе с тем усилить свое государство за счет соседних ханств — Коканда и Хивы.

Кокандское ханство. Хозяйственный подъем в Фергане конца XVIII — начала XIX в., достигнутый главным образом в результате усиления экономических связей с Россией, привел к известной политической консолидации в этой области. С начала XVIII в. здесь обособляется самостоятельное Кокандское ханство.

Коканд первоначально носил название «Кала — и Рахим бий», по имени его основателя Рахим-бия, сына Шахрух-бия минга. По преданию, Коканд был построен на месте четырех хуторов, купленных Рахим-бием вместе с прилегавшими к ним землями. Сюда Рахим-бий минг бежал от преследования своего тестя Акбута-бия, независимого правителя Ходженда. Убийством Акбуты и присоединением Ходженда Рахим-бий начал «собирание земель» Ферганской долины.

Рахим-бий утвердил свою власть в Маргилане и Андижане, совершил поход на Самарканд и Каттакурган. В завоеванных городах он оставил своих наместников.

Преемник Рахим-бия Абдулкарим переехал в Коканд и отстроил его.

После завоевания Кашгара китайцами и разгрома ими калмыцкого государства Джунгарии (1756—1760 гг.) часть кочевников-калмыков двинулась на запад и вторглась в Ферганскую долину. Абдулкарим дал отпор подступавшим к Коканду калмыкам. В Фергане нашли убежище бежавшие от китайцев кашгарские мусульмане. Население Кокандского ханства увеличилось также за счет переселения из Самаркандского вилайета. Рост экономических связей с Россией способствовал тому, что ферганские города, в особенности Коканд, Андижан, Наманган и Маргилан стали крупными торгово-ремесленными центрами. Постройка новых оросительных каналов давала простор для развития земледелия и садоводства, в том числе для увеличения посевов хлопка. Для дальнейшего развития производительных сил настоятельно необходимо было усиление центральной власти и прекращение произвола и разбоя со стороны феодалов.

С середины 70-х годов до конца XVIII в. Кокандским ханством правил Нарбута-бий минг, внук Абдулкарим-бия. Его воцарению предшествовало смутное время дворцовых заговоров и убийств. По преданию, Нарбута-бий долго отказывался от ханской власти, говоря что пользоваться ею в Фергане слишком опасно. Представители городской знати Коканда

торжественно поклялись в верности Нарбуте и обещали ему поддержку. Лишь после этого, якобы, Нарбута согласился стать правителем Ферганы.

С самого начала царствования Нарбута-бий подавил сепаратизм правителей Чуста и Намангана. Затем он одержал победу над восставшим правителем Ходженда и окончательно подчинил этот город, в то время как Ура-Тюбе оставался лишь в номинальном подчинении Бухаре.

Ташкент в XVIII в. был крупным торговым центром, быстро развивавшимся в связи с ростом караванной торговли среднеазиатских ханств с Россией и Казахстаном. Освободившись от власти Джунгар и от бухарской зависимости, ташкентцы создали особые формы управления городом и его областью, каких не существовало в соседних ханствах. Город был разделен на четыре части, и каждой из них правил независимый правитель. Богатые и знатные горожане сами выдвигали на все административные посты лиц, утверждавшихся иногда курултаем (съездом представителей от кочевых племен окружающей степи и от горожан). Части города поочередно выставляли войско для борьбы против внешних врагов, а наиболее важные вопросы решали сообща.

К 1784 г. междоусобные распри, возникшие между феодалами четырех частей Ташкента, закончились победой шейхантаурской части. После этого курултай утвердил общегородским правителем Юнус-ходжу — феодала, связанного с торговлей.

Еще в 1734 г. правители Ташкента посылали послов к русскому представителю в Казахстан. Их интересовал вопрос об условиях присоединения Казахстана к России. В 1792 г. Юнус-ходжа отправил письмо русской императрице Екатерине II, в котором сообщал о заключенном им союзе с казахами Большой орды, о прекращении грабежей на караванном пути из Ташкента в Россию. Он приглашал в Ташкент русских купцов и гарантировал им безопасность.

В конце XVIII в. Ташкенту подчинился Кураминский район, а также Сайрам, Чимкент и Туркестан. Предводители некоторых племен Большой орды взяли на себя охрану ташкентских караванов, отравлявшихся ежегодно в Россию.

В 1799 г. на Чирчике кокандское войско было разбито ташкентским правителем Юнус-ходжой. Узнав о поражении кокандцев под Ташкентом, бухарцы поспешили овладеть Ходжендом, но Алим-хану удалось отвоевать у бухарцев Ходженд и Ура-Тюбе, а затем разбить Юнус-ходжу. В Ташкенте в качестве наместника был оставлен сын Юнус-ходжи Хамид-ходжа. Однако вскоре после этого независимое пове-

дение Хамид-ходжи вызвало новый поход кокандцев на Ташкент, закончившийся взятием и разграблением города.

Таким образом, в начале XIX в. после длительной борьбы за овладение торговым путем в Россию ташкентцы вынуждены были уступить первенство Кокандскому ханству и, потерпев поражение, потеряли независимость. В дальнейшем они неоднократно поднимали восстания против кокандского владычества. Так, в 1847 г. в Ташкенте началось массовое народное движение, непосредственным поводом для которого послужило введение новых налогов. Восстание возглавил Мухаммед Юсуф-бай, владелец крупной шелкоткацкой мастерской. В некоторых источниках его называют аксакалом. Возможно, что он был главой ремесленного цеха шелкоткачей и потому имел влияние на население Ташкента.

Основную движущую силу восстания, как свидетельствуют письменные источники, составляли бедняки города. Трудящиеся Ташкента, изнуренные тяжелым налоговым бременем, особенно усилившимся в период правления временщика Мусульманкула, постоянно были готовы поднять восстание. Назначение еще одного денежного сбора послужило сигналом для всенародного возмущения и открытого восстания. Улицы города были перегорожены баррикадами, в течение нескольких недель происходили кровопролитные сражения между восставшими и войском правителя Азиза-парваначи.

Понеся некоторый урон на первом этапе восстания, ташкентцы призвали на помощь кураминского правителя Нор-Мухаммеда и вместе с его войском взяли инициативу в свои руки. Они осадили цитадель, в которой засел Азиз-парваначи. В результате этот ставленник Коканда был свергнут и казнен, а Нор-Мухаммед утвержден новым правителем Ташкента. Сила восстания была такова, что Мусульманкул был вынужден согласиться с требованием восставших и утвердить их избранника, которого они обязали править «по совету пятисотников и знатных людей Ташкента».

Борьба за преодоление феодальной раздробленности, начавшаяся в Фергане во второй половине XVIII в., продолжалась и в XIX в.

Алим-хану (1800—1809 гг.) удалось не только объединить под своей властью Фергану, но и подчинить себе Ташкент и Чимкент — важнейшие пункты на караванных путях в Россию. Благодаря своему экономическому и стратегическому положению Ташкент на протяжении предыдущих столетий был постоянным объектом борьбы между ханами Мавераннахра, казахами и калмыками.

Стремление Алим-хана к созданию сильного централизованного государства вызвало в среде кокандской знати крайнее недовольство. В результате заговора Алим-хан был убит, а на престол вступил его брат Омар, принимавший весьма близкое участие в заговоре.

Едва ли не первым актом государственной деятельности Омар-хана было заключение союза с бухарским эмиром Хайдаром. Но вскоре возобновилась борьба за овладение территорией, по которой проходили торговые пути в Россию, жизненно важные для обоих ханств. В 1815 г. Омар-хан выступил походом на г. Туркестан, принадлежавший тогда Бухаре, взял его приступом и произвел жестокий грабеж населения.

Взятие г. Туркестана повлекло за собой переход под власть Коканда прилегающих казахских степей почти до устья Сырдарьи. Там, на месте пересечения караванных путей из Ташкента, Бухары и Хивы на Оренбург, кокандцами было построено укрепление Ак-Мечеть. Это было нужно для охраны торговых караванов, направлявшихся в Россию.

В 1812 г. Омар-хан отправил в Россию посольство, а в 1813 г. в Коканд прибыл с императорской грамотой русский посол Ф. Назаров.

В 1821 г. вспыхнуло сильное восстание казахов против кокандского владычества. Восставшим временно удалось даже захватить Чимкент и Сайрам. Кокандские войска с большим трудом подавили это движение.

Усиление Кокандского ханства в начале XIX в. вызвало потребность и в юридическом оформлении власти хана как главы независимого государства. Одновременно с этим ряд лиц получил чины и звания, соответствовавшие бухарским, была установлена известная стройность административной системы, и Кокандское ханство, таким образом, внешне приобрело вид централизованного государства.

В 1829 г. кокандский хан Мухаммед-Али (1822—1842 гг.) совершил поход на Кашгар. Мусульманское население Кашгара с приходом кокандского хана поднялось против китайцев, но известие о приближении значительных китайских сил заставило кокандского хана уйти из Кашгара, причем он вывел оттуда в Фергану до 70 тысяч человек, которые были поселены в разных местах ханства; город Шахрихан, незадолго перед тем основанный Омар-ханом, и его окрестности были заселены почти исключительно кашгарскими выходцами. Мухаммед-Али раза два или три проникал в Кашгар. Когда наладились мирные отношения Коканда с Кашгаром, многие из кашгарских эмигрантов вернулись на родину.

Стремление кокандцев подчинить себе таджикские горные владения за южными склонами Алайского хребта было осуществлено, а подчинение Дарваза и более отдаленных владений — Шугнана, Рошана и Вахана — было номинальным и весьма непрочным; лишь Каратегин, ближе всего лежавший к ханству, оказался зависимым от кокандских владетелей.

Эти внешние успехи Мухаммед-Али-хана не упрочили, однако, его положения. К недовольству народа и светских феодалов присоединилось духовенство. Наиболее ярые противники хана, не решаясь открыто выступить против него, установили связь с эмиром Насруллой. Военные действия, оказавшиеся весьма неудачными для Мухаммед-Али, закончились тем, что Мухаммед-Али вынужден был признать себя вассалом бухарского эмира и уступить ему Ходженд. Через два года в Коканде вспыхнуло открытое восстание; собравшиеся у ханской урды (дворца) толпы народа заявили протест против жестокостей хана. Лишь с большим трудом удалось успокоить народное волнение. Эмир Насрулла, узнав о происшедшем, выступил в 1842 г. в новый поход против Коканда, разграбил лежавшие на его пути местности и, пользуясь общей паникой, занял Коканд и отдал его на разграбление своему войску. Мухаммед-Али и его ближайшие родственники были схвачены и убиты. Эмир на чрезвычайном совещании главных сановников обоих государств заявил, что он присоединяет Кокандское ханство к своим владениям. Вскоре бухарцами был занят и Ташкент. Оставив в Коканде своего наместника и разослав во все города ханства своих правителей, эмир вернулся в свою столицу.

Однако летом 1842 г., месяца через три после занятия эмиром Коканда, в завоеванной области вспыхнуло восстание, и власть эмира Насруллы пала. Причиной восстания были притеснения бухарского наместника, который принуждал население не только платить все налоги, установленные в Бухарском ханстве, но и сверх того еще вносить в казну четвертую часть урожая. Доведенные до отчаяния этими вымогательствами кокандцы вошли в сношения с кипчаками, кочевавшими в пределах Ферганы и с их помощью провозгласили ханом жившего на Таласе двоюродного брата Алим-хана, Ширали. Опираясь на значительные силы кипчаков и других узбекских племен, Ширали двинулся на Коканд. Бухарский наместник Коканда бежал в Бухару; бухарский гарнизон и те бухарские чиновники, которые не успели скрыться, были перебиты. Новый хан прежде всего занялся возведением вокруг Коканда оборонительных стен. Бухарский эмир, узнав о восстании, двинулся в Фергану со своими войсками, но его

передовые отряды потерпели поражение от кокандцев. Осада Коканда, руководимая самим эмиром, тоже окончилась неудачей. В обороне Коканда приняло участие и городское население. За сорок дней осады были с успехом отбиты девять штурмов бухарцев; терпя неудачу за неудачей, эмир Насрулла пытался вступить в переговоры с Ширали-ханом, но его парламентер не был принят, и Насрулла, получив в это время известие о нападении на Бухару хивинского хана Аллакули, вынужден был спешно удалиться обратно. Вскоре после этого добровольно подчинился Коканду Ходженд. Опираясь на сочувствие некоторых слоев населения, кокандцы взяли Ташкент. Таким образом, восстановлены были границы Кокандского ханства, существовавшие при Омар-хане.

Кипчаки, содействовавшие вступлению Ширали на престол и свержению власти бухарцев, естественно, заняли первенствующее положение. Их племенные вожди стремились получить высшие посты в ханстве. Но так как хан не хотел этого, то кипчаки подняли восстание, разбили в нескольких сражениях ханские войска и двинулись на Коканд. В столице совет кипчакских старшин постановил сохранить на престоле Ширали-хана, а главнокомандующим и первым министром (мингбаши) сделать главу кипчаков Мусульманкула.

Когда Насрулла узнал о восстании в Фергане, он поспешно двинулся туда с войсками, захватив с собой кокандских заложников. Мусульманкул вошел в доверие эмира и уговорил его разрешить ему поехать в Коканд, чтобы убедить население подчиниться эмиру. Попав в Коканд, Мусульманкул стал призывать народ к защите родины против бухарцев и проявил большую храбрость и распорядительность при обороне Коканда. Заняв теперь столь важную должность в ханстве, он сформировал кокандский гарнизон из кипчаков, заместил все важнейшие должности кипчаками и забрал всю власть в свои руки, так что, по существу, Ширали остался ханом лишь номинально. В 1845 г., когда Мусульманкул ушел за Ош подавлять мятеж киргизов, некоторые представители узбекской знати, недовольные им и Ширали-ханом, сговорившись с алайскими киргизами, вызвали из Ура-Тюбе сына Алим-хана, Мурада, и провозгласили его ханом. Есть сведения, что Мурада поддерживал бухарский эмир. Ширали был убит, его дворец разграблен, сыновья арестованы; знати было приказано собраться с подарками и приветствовать нового хана. Но широкие массы населения были недовольны переворотом, тем более, что новый хан признал себя наибом (наместником) ненавистного бухарского эмира. Против Мурад-хана составился заговор. Мусульманкул немедленно сообщил о кокандских

событиях по кипчакским кочевьям и со своим войском, подкрепленным собравшимися кипчаками, двинулся на Коканд. В пути он захватил тринадцатилетнего сына Ширали, Худояра, бывшего правителем в Намангане, кипчаки подняли его на белом войлоке и провозгласили ханом. Проникнув в Коканд и быстро покончив с небольшим киргизским отрядом Мурадхана, Мусульманкул овладел ханским дворцом и убил Мурада, правление которого продолжалось всего 7 дней. Худояр-хан был вторично поднят в столице на белом войлоке и окончательно утвержден на кокандском престоле.

Со вступлением Худояра на престол (первое правление с 1845 по 1858 г.) вся власть в ханстве перешла в руки Мусульманкула, кипчаки массами переселялись из своих аулов в Коканд, жителей изгоняли из своих домов, которые передавались кипчакам. Последние позволяли себе всевозможные насилия над населением. Оросительные каналы стали собственностью кипчаков, а горожане и оседлые сельские жители могли получать воду лишь по уплате дани кипчакам и т. п. Все это вызвало большое возмущение.

К этому присоединились еще и неудачные военные действия Мусульманкула против ташкентского, ура-тюбинского и ходженлского правителей. После поражения Мусульманкул даже не решился вернуться в столицу. Тогда Худояр-хан, опираясь на оседлое население края, решил покончить с Мусульманкулом и кипчаками.

Утром 9 октября 1852 г. ташкентские войска, заранее вызванные Худояр-ханом, начали избиение кипчаков; к ним присоединились вооруженные горожане. Избежавшие смерти помчались во все концы Ферганы, разнося повсюду весть о кокандской резне, но организовать сопротивление им не удалось. Мусульманкул был пойман, привезен в Коканд и казнен. Все земли кипчаков были конфискованы и пущены в продажу по половинной цене. Так как население боялось покупать эти земли из страха, что кипчаки опять войдут в силу, Худояр-хан отдал распоряжение о принудительной покупке этих земель.

Хивинское ханство. Ханом Хивы в 1747—1757 гг. был султан Каип, сын Батыра (из казахов). Так же как бухарские и кокандские ханы этого времени, он пытался сломить сепаратизм племенных вождей, но вынужден был бежать из Хивы, когда началось восстание населения, недовольного тяжелыми налогами. Основной движущей силой этого восстания были крестьяне, которые перебили налоговых сборщиков и требовали провозглашения другого хана, вместо Каипа, наивно полагая, что причиной невыносимого положения является

только жестокость и несправедливость Каипа. В действительности же экономика ханства больше всего страдала от феодальной раздробленности. Слабость центральной власти позволяла вождям племен, в том числе туркменских, безнаказанно грабить земледельческое население, и люди разбегались в соседние страны. Орошение пришло в упадок, многие поля оставались невозделанными. Вследствие произвола феодалов и голода даже в столице ханства Хиве резко сократилась численность населения.

Назревала необходимость создания централизованной феодальной монархии, которая могла бы прекратить распри племен. Между вождями узбекских племен происходила жестокая борьба за власть. В 60-х годах XVIII в. в Хиве выдвинулись инаки из узбекского племени кунграт, пользовавшиеся поддержкой состоятельных горожан и духовенства. Инак Мухаммед Амин (1763—1790 гг.) успешно отразил в 1770 г. нападение туркмен, а в 1782 г. — нападение бухарцев.

Мухаммед Амин, правивший от имени подставного хана Абулғази, вместе с кушбеги, михтаром и аталыком сосредоточил в своих руках всю власть и независимо от хана вел административные, финансовые и военные дела. С 1804 г. в Хиве не только фактически, но и формально воцарилась узбекская династия Кунгратов. Со времени победы хивинского инака Мухаммед-Амина над непокорными феодалами хозяйство и торговля в Хивинском ханстве стали налаживаться, страна вновь заселилась и в короткое время достигла более цветущего состояния, чем раньше.

Мухаммед-Рахим I (1806—1825 гг.) завершил борьбу за объединение Хивинского ханства, начатую Мухаммед-Амином и Ильтузаром, учредил верховный совет, провел налоговую реформу, увеличил государственные доходы путем регулярного взимания податей, завел таможни и монетный двор и стал чеканить золотую монету. Вместе с тем он стремился прекратить самоуправство феодалов и постепенно подчинил себе мелкие самостоятельные владения. Наиболее упорное сопротивление оказало Аральское владение, вокруг которого объединились враждебные Мухаммед-Рахиму феодальные группировки. После упорной борьбы, закончившейся в 1811 г. поражением аральцев, Аральское владение также вошло в состав ханства. Город Кунград был полностью разорен. Около этого времени Мухаммед-Рахим подчинил каракалпаков, составлявших в начале XIX в. самостоятельное владение на северо-восточных окраинах Хивинского ханства.

Собираясь в 1818 г. в поход на Хорасан, Мухаммед-Рахим пытался склонить к участию в нем туркменские племена теке

и гокленов. Поход оказался неудачным, так как туркмены не выступили ему на помощь. На обратном пути в Хиву Мухаммед-Рахим неожиданно напал на кочевья гокленов, разорил их и захватил множество пленных, а по возвращении в Хиву отправился в поход против туркмен-теке, отнял у них все пахотные земли, присоединив их к своим владениям. Оставшиеся туркмены укрылись в малодоступных местностях, нужда заставила их покупать хлеб по дорогой цене у своих победителей с уплатой тяжелой подати хану. Поэтому они вынуждены были просить Мухаммед-Рахима поселить их на землях Хивинского ханства. Для удержания в повиновении туркмен Мухаммед-Рахим сочетал военные действия с рядом экономических мероприятий. Туркменам-чоудорам, кочевавшим на Мангышлаке и враждебно настроенным к хивинцам, он предоставил льготы при покупке хивинского хлеба, и хивинские торговые караваны стали беспрепятственно ходить как на Мангышлак, так и через Мангышлак в Астрахань.

Подчинение Хиве присырдарьинских казахов дало повод в 1819 г. послать к ним сборщиков закята. Однако казахи, уже принявшие к тому времени русское подданство, захватили их и отправили в Оренбург; это вызвало поход Мухаммед-Рахима на Сырдарью.

Войны Хивы с Бухарой носили характер опустошительных грабительских набегов. Оба ханства оспаривали друг у друга Мерв: бухарцы, как и иранцы, стремились использовать хорасанских туркмен против хивинцев, а последние в свою очередь старались расположить этих туркмен в свою пользу. Подкупы туркменских старшин, широко практиковавшиеся соперничавшими сторонами, подарки им и всякие посулы вносили раскол в среду туркменских племен; нередко одна часть племени выступала на стороне хивинцев, а другая стояла за иранцев или бухарцев.

Хивинские торговые караваны свободно ходили в Афганистан и торговали там без всяких помех и притеснений. Мирными были и отношения России с Хивой. В 1819 г. командующий грузинским отдельным корпусом генерал Ермолов отправил посольство к Мухаммед-Рахиму. Во главе посольства стоял капитан Н. Муравьев, оставивший замечательное описание своего путешествия. Целью посольства было решить вопрос о подчинении прикаспийских туркмен и постройке крепости на восточном берегу Каспийского моря. Н. Муравьев предложил хивинскому хану вступить в тесную дружбу с Россией и направлять хивинские торговые караваны не на Мангышлак, а на красноводскую пристань. Первое предложение Н. Муравьева хан принял, а второе отклонил.

Вторая четверть XIX в. характеризовалась для Хивинского ханства обилием войн с внешними врагами и междоусобиц внутри страны. Объектом нападений ханов явился Хорасан. В это время в северной его части, в пределах современной Туркменской ССР, прочно утвердились полукочевые туркменские племена — теке, али-эли, сарыки, салоры и другие, среди которых, как оазисы в пустыне, оставались укрепленные города, вроде Несы, Абиверда, Дуруна, Анау (Аби-Нау), Меана и других. Опираясь на туркмен-иомудов, чоудоров и гокленов и придавая им в помощь казахов и каракалпаков с регулярными узбекскими войсками, хивинские ханы едва ли не каждый год ходили походами на Хорасан, то безуспешно осаждая города, то захватывая их и оставляя там свои гарнизоны.

Аллакули-хан (1825—1842 гг.) совершил пять больших походов на Хорасан, не считая ежегодных опустошительных набегов на пограничные хорасанские районы.

В 1826—1827 гг. мервские туркмены-сарыки, недовольные хивинскими ставленниками, восстали против Хивы и обратились за помощью в Бухару. К ним присоединились и другие туркменские племена. В 1828 г. против восставших выступил сам хивинский хан Аллакули. Сарыки потерпели поражение, их аулы жестоко разорялись хивинцами. Много людей было перебито, женщины и дети были уведены в плен, имущество разграблено. Сарыки вынуждены были смириться и подчиниться Хиве.

В начале 1842 г., воспользовавшись походом бухарского эмира на Коканд, Аллакули вторгся с войсками в пределы Чарджуя. Узнав об этом, Насрулла снял осаду с Коканда и поспешил в Бухару, но Аллакули, получив известие о вторжении казахов в его владения, тоже спешно возвратился в Хиву, где вскоре умер.

В 1843 г. при преемнике Аллакули, его сыне Рахимкул-хане, эмир Насрулла, воспользовавшись тем, что значительная часть хивинских войск ушла в Мерв с вновь назначенным туда наместником, вторгся в пределы ханства. Эмир осадил Хазарасп и дал несколько сражений хивинцам, которые для отвлечения сил эмира послали в набег на Бухару отряды джемшидов и иомудов. Насрулла был разбит под Хазараспом и должен был отступить в свои владения. При отступлении к нему явились туркмены и заявили о своей готовности подчиниться ему; Насрулла отправил в Мерв своего наместника. Рахимкул в отместку предпринял поход на Чарджуй, но не мог его взять и, разорив окрестности, вернулся в Хиву. В 1844 г. хивинский хан двинулся на отложившийся от него Мерв, но и этот поход окончился неудачно. Последующее время до самой

смерти Рахимкула (1845 г.) прошло во взаимных нападениях хивинцев на бухарские пределы и бухарцев — на хивинские, с неизбежными грабежами, убийствами, разорением и пленением мирного населения. В 1855 г. после длительной борьбы с туркменами хивинцам удалось вновь занять Мерв. Хан Мухаммед-Амин (1845—1855 гг.) совершил больше десяти походов на Хорасан и Мерв. Эти беспрерывные войны на территории, главным образом Северного Хорасана, превратили когда-то богатейшие и цветущие его области в сожженную солнцем степь с развалинами многочисленных городов и остатками заброшенных ирригационных систем.

Англо-русское соперничество в Средней Азии. В XIX в. положение в Средней Азии осложнилось: она стала ареной соперничества между Англией и царской Россией.

Еще в середине XVIII в. Англии удалось вытеснить из Индии всех своих соперников по колониальному грабежу — голландцев, испанцев, португальцев, а в результате семилетней войны 1756—1763 гг. — и французов.

Ост-Индская компания превратилась, по меткому определению К. Маркса, из силы торговой (коммерческой) в силу территориальную; господство в Индии с ее несметными материальными богатствами и людскими резервами сделалось основой политического могущества Британской империи.

Считая, что безопасность Индии с моря вполне обеспечивается огромным преимуществом британского флота, который был сильнее соединенных флотов остальных великих держав, Англия в то же время сознавала, что на суше она слабее этих государств. Поэтому обеспечение безопасности «подступов» к Индии стало основной заботой Великобритании. А «подступами к Индии» она готова была считать не только почти весь азиатский материк, где ее особенно беспокоило неуклонное, хотя и медленное движение России в юго-восточном направлении, но и чуть ли не все восточное Средиземноморье. Во всяком случае в понятие подступов к Индии Англия включала Константинополь и проливы Босфор и Дарданеллы.

Этой слабостью Англии на суше пыталась воспользоваться Франция в ее экономическом и политическом соперничестве с Англией.

Еще в 1791 г. Екатерине II был представлен разработанный во Франции проект военной экспедиции в Индию. Проект был отклонен, однако о нем стало известно в Англии. Инициатором военного похода Павла I в Индию был Наполеон; этот поход был прекращен сразу же после убийства Павла. Дважды — в июле 1807 г. в Тильзите и в конце сентября 1808 г. в Эрфурте — Наполеон вновь предлагал русскому царю план

совместного сухопутного военного похода в Индию, чтобы «поставить на колени» Англию. И, наконец, когда провалились все попытки Наполеона использовать Россию в борьбе против Англии, по указанию Наполеона перед походом на Москву в Париже была опубликована известная фальшивка — «Завещание Петра Великого»; в этом «документе» Петр I якобы наказывал своим потомкам завоевать Европу и Азию — в том числе, конечно, и Индию. На самом же деле русский царизм в то время был заинтересован в налаживании мирных торговых отношений со среднеазиатскими ханствами. Вооруженный захват и превращение Средней Азии в колонию царской России стали возможны только во второй половине XIX в.

В 1741 г. Д. Гладышев, осматривавший вместе с геодезистом Муравиным восточное побережье Аральского моря, чтобы выбрать место для постройки города в низовьях Сырдарьи (по просьбе присягнувшего России хана Младшего жуза Абулхайра), сообщал, что одновременно с ним западное побережье Аральского моря осматривали англичане Томсон и Гог, до того жившие в Хиве под видом купцов. Это наиболее раннее сообщение о проникновении английских агентов в среднеазиатские ханства.

Систематическое исследование агентами и разведчиками Ост-Индской компании Афганистана как колониального рынка сбыта для английских товаров и возможного плацдарма для дальнейшей агрессии против среднеазиатских ханств началось с миссии Эльфинстона в Пешавер (1809 г.). За ним последовал целый ряд более или менее крупных деятелей английской разведки — дипломатов, военных и прочих шпионов, проникавших в различные районы Передней и Средней Азии.

В 1821—1822 гг. Фрейзер посетил Хорасан, а в 1825 г. Муркрофт и Требек через Пенджаб, Кашмир и Афганистан пробрались в Бухару. В конце 20-х годов XIX в. Афганистан посетили Стирлинг, а также Чарльз Массон, который усердным шпионажем надеялся загладить свое дезертирство из рядов англо-индийской армии. В 1830—1833 гг. совершил свое известное плавание по Инду до Лахора, а оттуда сухопутное путешестие через Афганистан и Бухару дипломат-разведчик Александр Бернс; на пути из Бухары в Мешхед он в 1832 г. посетил низовья Мургаба. Политическое проникновение сопровождалось увеличением ввоза английских текстильных изделий в Афганистан, Персию, Закавказье и среднеазиатские ханства; английский текстиль появился даже в Хиве.

Русская буржуазия была весьма заинтересована в торговле с среднеазиатскими ханствами, откуда доставлялось сырье для растущей хлопчатобумажной промышленности России.

Кроме того, Средняя Азия являлась важным рынком сбыта продукции русских металлургических заводов и прочих мануфактур. Английская конкуренция была крайне нежелательной и опасной для русской торговли.

Стараясь вытеснить англичан из Средней Азии, русское правительство всячески поддерживало дипломатические отношения с ханствами, хорошо принимало бухарских, хивинских и кокандских послов и посылало ответные посольства.

Поскольку между Средней Азией и Россией издавна существовали постоянные экономические связи и ханства нуждались в привозе из России ряда необходимых товаров, русско-среднеазиатская торговля поддерживалась не только усилиями русских купцов, но — в гораздо большей степени — по инициативе среднеазиатских ханств, для которых сношения с Россией были очень выгодны. Посольства из Бухары и Хивы весьма часто, а в некоторые периоды даже ежегодно прибывали в Россию с просьбами о торговых льготах, об отмене запрета на вывоз в Среднюю Азию некоторых товаров (например, металла) и о помощи в транспортировании грузов через Каспийское море.

В 1750 г., узнав о прибытии в Оренбург посланника хивинского хана Каипа — Ширбека, коллегия иностранных дел дала указание губернатору Неплюеву передать через посла приветствия и подарки Каипу, требовать поощрения торговли и возможно большей посылки купцов в Оренбург. В 1753 г. в Хиве и Бухаре побывал с купеческим караваном Данило Рукавкин, оставивший свои записки.

В 1757, 1761 и 1763 гг. в Оренбург и Астрахань прибывали хивинские послы; последний из них просил о ежегодной присылке в апреле и августе русских судов на Мангышлак для перевозки хивинских товаров в Астрахань. В 1774 г. бухарский посол Ирназар Максутов получил разрешение беспошлинно торговать в районе Каспийского моря. Вскоре после этого *бухарцам было дозволено ездить в Мекку через Россию.*

В 1771 г. в Бухару было направлено посольство Мендияра Бекчурина, который составил записки и «словесное объявление» об «испытанных им во время бытности в Бухарии различных подробностях, о состоянии сего города» и т. д.

В 1783—1785 гг. в России находилось бухарское посольство, в 1783 г. — хивинское. В 1793 г. хивинские послы Аллабердиев и Достмуратов просили прислать в Хиву глазного врача для излечения слепого хана Фазил-бия. Посланный в Хиву врач, майор Бланкеннагель не мог помочь слепому и вернулся, составив интересные заметки о Хиве. Вместе с ним приехал новый хивинский посол с просьбой прислать глазного хирур-

га, уменьшить пошлины на товары, привозимые из Хивы в Астрахань, и разрешить вывезти из России в Хиву несколько тысяч пудов железа.

В 90-х годах ташкентский хан тоже обратился к Екатерине II с просьбой прислать к нему специалистов горного дела для помощи в освоении открытых близ Ташкента рудных приисков. Русское правительство направило в 1800 г. в Ташкент горных чиновников Бурнашева и Поспелова, записки которых цитированы нами выше.

29 июня 1803 г. в Бухару был отправлен из России торговый караван, который не смог переправиться через Сырдарью из-за противодействия хивинцев. Не смог добраться до Бухары и посланный туда в 1809 г. офицер Субханкулов. В 1818 г. он все же побывал в Хиве. А в 1819 г. состоялось посольство в Хиву Н. Муравьева. Книга Н. Муравьева о Хиве того времени и сейчас не потеряла значения важного исторического источника.

В 1820 г. в Бухару была отправлена миссия для заключения торгового договора в составе Негри, Мейендорфа, Эверсмана и др. Книги Мейендорфа и Эверсмана об этом посольстве содержат чрезвычайно ценные сведения о Бухарском ханстве. Дипломатические отношения России с Бухарой были в это время налажены несравненно лучше, чем с Хивой. Вследствие постоянных военных столкновений между ханствами хивинцы старались не пропускать русские караваны и посольства в Бухару. В 1825 г. они ограбили караван под начальством Циолковского. Кроме того, хивинцы захватывали и продавали в рабство русских рыбаков и жителей пограничной полосы. В хивинском рабстве томилось в это время немало русских крестьян, солдат и рыбаков. Бухарский хан в 1830 г. прислал в Россию посла с просьбой оказать воздействие на хивинцев, затрудняющих русско-бухарскую торговлю.

В 1834 г. в Бухару был послан ориенталист Демезон, который *добился обещания нейтралитета Бухары в случае военного* столкновения России с Хивой. В 1835 г. в Бухаре побывал прапорщик Виткевич, собиравший сведения о положении в ханстве.

Так как хивинцы продолжали враждебные действия, препятствовавшие русско-бухарской торговле, в 1836 г. были внезапно арестованы все хивинские купцы с их товарами, находившиеся в России. Хан Аллакули предложил Бухаре союз против России, но эмир Насрулла отверг это предложение и направил в Россию посольство с изъявлением дружбы и с просьбой о присылке горных инженеров для разработки естественных богатств страны. Эта просьба была удовлетворена:

30 октября 1839 г. в Бухару отправились горные офицеры Ковалевский и Гернгросс, но ввиду угрозы хивинских нападений не достигли цели.

В это время английское наступление на торговые интересы русских мануфактуристов обеспокоило царское правительство, которое, воспользовавшись обращением афганского эмира Дост-Мухаммеда к России за помощью против начавшейся английской агрессии, направило в Кабул и Кандагар миссию, возглавленную Виткевичем. Россия гарантировала было направленный против Англии союзный договор Афганистана с Персией, однако под давлением английской дипломатии, применившей испытанное средство — угрозу закрыть проливы для черноморского флота, — царское правительство дезавуировало заключенное Виткевичем соглашение с Афганистаном.

В 1839—1840 гг. оренбургский военный губернатор В. А. Перовский с разрешения царя Николая I предпринял поход на Хиву. Этому предшествовала постройка на Мангышлаке Ново-Александровского укрепления и укрепленной линии между Орском и Троицком.

В. А. Перовский отражал интересы той части русской буржуазии, которая была связана торговлей со Средней Азией и которая требовала от правительства более решительных действий в защиту интересов русской промышленности и торговли. По мнению царя Николая I, поход Перовского должен был «восстановить и утвердить значение России в Средней Азии».

Задуманный В. А. Перовским поход на Хиву был легкомысленным предприятием, за которое дорого расплатились русские солдаты. Поход был плохо подготовлен. Дороги в Хиву были еще необследованными, однако это не остановило самоуверенного Перовского от выполнения задуманного им плана.

Штаб Оренбургского военного округа выбрал для похода зимнее время, чтобы избежать летней жары и степного безводья. Экспедиционный отряд выступил из Оренбурга в конце ноября 1839 г. в количестве 5 тыс. человек пехоты с двумя орудиями и обозом в 10 тыс. верблюдов. Поход проходил в самых тяжелых условиях. Жестокий мороз, глубокий снег, отсутствие топлива, негодность обмундирования и обуви создавали непреодолимые препятствия. Сотнями падали верблюды; солдаты голодали, обмораживались и умирали. В отряде начались массовые заболевания; становилось очевидным, что дальнейшее движение угрожает гибелью всему отряду. Через два с половиной месяца Перовский вынужден был повернуть назад, потеряв почти пятую часть всего людского состава.

Тем временем в Афганистане началась вооруженная английская агрессия, известная как первая англо-афганская война (1838—1842 гг.), исходом которой для англичан был полный разгром, провал всех их планов.

В разгроме англичан приняло активное участие население узбекских княжеств левобережья Амударьи: Кундуза, объединявшего в то время собственно Кундуз, Хульм, Ханабад, Рустак и ряд других мелких владений, а также Андхоя, Мазари-Шерифа. Несмотря на враждебные отношения с притеснявшими их афганскими феодалами, узбеки левобережья приняли самое деятельное участие в освободительной войне афганского народа против английских захватчиков, хотя бухарский эмир отказал им в помощи. Именно узбеки, поддержанные кухистанскими таджиками, остановили и отбросили появившиеся было к северу от Гиндукуша английские войска.

Неудачный зимний поход Перовского в Хиву в 1839 г. рассматривался английской дипломатией как реакция царской России на англо-афганскую войну.

Сразу же после похода Перовского, летом 1840 г., Аллакули-хан возвратил в Россию 424 русских пленных и прислал в Петербург посла с обещанием дружбы. «Отныне никто не должен делать набеги на русское владение и покупать русских пленных» — писал Аллакули-хан в обнародованном по ханству указе 1840 г.

Из Бухары в 1840 г. тоже прибыло посольство, просившее русского царя о покровительстве бухарскому хану. В 1841 г. из России в Бухару был послан горный инженер Бутенев, а в Хиву — капитан Никифоров. В составе посольства Бутенева находился замечательный русский востоковед Н. Ханыков, книга которого «Описание Бухарского ханства» и поныне не потеряла научного значения.

Начатые Никифоровым переговоры о заключении мирного договора России с Хивой продолжил в 1842 г. подполковник Данилевский. В результате был заключен акт, по которому хивинский хан Рахимкул обязался не предпринимать враждебных действий против России, не потворствовать грабежам торговых караванов, не держать русских в рабстве и уменьшить пошлину с русских товаров до 5%. Составленное Г. И. Данилевским «Описание Хивинского ханства», как и записки сотрудника его посольства Т. Базинера, способствовало расширению знакомства с Хивой и не потеряли ценности до сих пор.

Явное предпочтение, которое оказывали среднеазиатские ханства России, и отпор с их стороны английским происками в Средней Азии объясняются многовековыми торговыми и куль-

турными отношениями с Россией, ставшими особенно тесными и необходимыми в XIX в.

Усиление влияния Англии не сулило народам Средней Азии никаких выгод и преимуществ по сравнению с укреплением экономических связей Средней Азии с Россией, в которой они видели привычного и очень выгодного торгового контрагента.

Среднеазиатские товары в России облагались пониженными пошлинами, в то время как русские товары в Средней Азии облагались обычным для инородцев закятом в размере 10% стоимости товара. Торговый баланс с Россией неизменно был активным в пользу ханств. Кроме того, торговля с Россией была меновая и в долгосрочный кредит, тогда как за английские товары надо было расплачиваться наличными; уже одно это обстоятельство, давало русской торговле — при любых других условиях — преимущество перед английской. В особенности эта торговля была выгодна Бухаре, так как она вывозила в Россию свою собственную продукцию; Хива и Коканд также получали значительные выгоды от торговых сношений с Россией, несмотря на то, что их торговля была в значительной мере транзитной — из Индии, частично Китая (через Кашгар) и Бухары.

Среднеазиатские ханства неоднократно и недвусмысленно давали отпор англичанам в Средней Азии и в то же время настоятельно просили русское правительство то о посылке к ним горных инженеров, то о разрешении беспошлинной торговли и вообще об усилении торговых и политических связей. Хивинское ханство еще в первой половине XVIII в. просило о принятии Хивы в русское подданство. Неоднократно обращались с подобной же просьбой и каракалпаки. Многочисленные, чуть ли не ежегодные посольства, прибывавшие из Средней Азии в Россию, свидетельствуют об определенном тяготении ханств и активном стремлении их к сближению с Россией.

3. КУЛЬТУРА

Культурная жизнь в узбекских ханствах XVIII — первой половины XIX вв. отличалась большой отсталостью и консервативностью. Господствующие классы старались держать народ в темноте и невежестве, насаждали религиозные предрассудки, чтобы легче было эксплуатировать трудящихся.

Во всех ханствах существовали только конфессиональные школы. Богословие, мусульманская догматика, схоластические споры и комментирование старых юридических

трактатов составляли все содержание занятий в бухарских медресе.

Передовые идеи и достижения науки весьма слабо проникали в ханства (главным образом из России). Представители зарождавшейся прогрессивной интеллигенции подвергались преследованиям. В исторической литературе узбекских ханств XIX в. господствовали антинаучные, религиозно-мистические представления. Причины исторических событий усматривались в божественных предначертаниях и т. п. Изложение истории преподносилось в крайне витиеватом стиле, загроможденном литературными украшениями, длиннейшими эпитетами и стихотворными вставками. Вместо освещения действительных причин народных восстаний авторы таких хроник видят причину восстания трудящихся, например, в том что «в головы их разума подул ветер тщеславия, они подняли ногу дерзости и раскрыли руки узурпации...». В другом сочинении падение государства Тимуридов объясняется тем, что «чаша власти их переполнилась и луна их величия, достигнув полноты, пошла на ущерб».

Подобные наивные побасенки и идеалистические толкования представляли официальную точку зрения, которую волей или неволей обязан был проводить каждый автор. При этом некоторые сочинения, впрочем, позволяют ясно представить если не экономическое, то хотя бы политическое положение ханств.

Во второй половине XVIII в. в Бухаре были написаны исторические сочинения Абдуррахмана Тали «История Абулфайз-хана» и Мухаммед Вафаи Керминеги «Тухфаи хани». Следует признать, что эти произведения далеко уступают составленной в начале XVIII в. книге Мир Мухаммед-Амина Бухари «Убайдулла-намэ» в оригинальности и самостоятельности суждений о явлениях социально-экономической жизни того времени. Однако они содержат обширный и зачастую подробный материал, без которого не обойдется историк, исследующий явления политической жизни и классовой борьбы в Средней Азии XVIII в.

В конце XVIII в. Мухаммед Шариф составил обширную историческую хронику «Тадж-ат-таварих». Изложение в ней начинается с истории Шейбанидов, но весь материал, касающийся XVI, XVII и частично XVIII вв., списан из сочинений других историков (Убайдулла-намэ, Тухфаи хани и др.). Только заключительная часть книги, в которой описываются события конца XVIII в., не является компиляцией. Наибольшую ценность представляют содержащиеся в этой рукописи описания народных восстаний конца XVIII в.

История первой половины XIX в. освещена в рукописи Мухаммед Мир Алима Бухари «Фатх-намэи султани». Здесь особенно интересны сведения о налоговых реформах, о восстании китай-кипчаков и о политических событиях 1826 г.

В первой четверти XIX в. историк и поэт Ширмухаммед Мунис приступил к составлению на узбекском языке истории Хивинского ханства. После его смерти прерванную работу продолжал племянник Мунисa Мухаммед-Риза, по прозвищу Агехи, который и довел этот труд до 1872 г. В этом сочинении год за годом описывается политическая история Хивы, походы в Хорасан и Бухару, восстания туркмен и каракалпаков.

Как установил еще академик В. В. Бартольд, «этот труд по подробности изложения и количеству фактического материала далеко оставляет за собой все дошедшие до нас труды по истории ханств Бухарского и Кокандского».

Исторические хроники Мунисa и Агехи являются, кроме всего прочего, художественными произведениями.

В первой половине XIX в. в Коканде составлен ряд интересных исторических сочинений, посвященных истории Кокандского ханства; среди них наиболее замечательными являются мемуары Хаким-хан-тюри, охватывающие первое сорокалетие XIX в. и являющиеся важным первоисточником по истории Ферганы.

Интересную хронику по истории Ташкента составил в 80-х годах XIX в. историк Мухаммед Салих, сын Кара-Ходжи. Этот мударрис, ярый противник присоединения Средней Азии к России, подробно изложил историю Ташкента XVIII—XIX вв. Только у него можно найти описание ташкентских восстаний 1847 и 1853 гг.

В Хиве XIX в. продолжалась работа по переводу на узбекский язык исторических сочинений. Были начаты переводы всеобщей истории Мирхонда и Хондемира, переведены мемуары Васифи и другие сочинения. Эта работа продолжалась и позднее, когда были переведены труды по всеобщей истории средневековых арабских историков ал-Масуди (X в. н. э.) и Ибн ал-Асира (XII—XIII вв.).

Из литературных произведений этого времени следует указать на диван (сборник стихов) узбекского историка и поэта Мунисa. Несколько позже бухарский поэт Мирза Садик мунши, автор «Дивана» в 15 тыс. стихов и большого числа месневи, составил в стихах «Историю мангытских государей» и переложил на стихи популярную в литературах Востока историю Иосифа.

В Хиве в царствование хана Мухаммед-Рахима II была составлена объемистая антология хивинской поэзии под пышным названием «Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Фирузу». Хивинская антология была составлена по поручению хана придворным врачом и поэтом Ахмед-табибом (под псевдонимом Тибиби), который не преминул заявить по адресу своих собратьев по перу: «Все они подражают Навои, но никто из них не талантлив, как Навои».

В этот же период поэты Фазли и Машраф составили антологию современной им кокандской поэзии под названием «Собрание поэтов» (Маджмуаи-шуара). Стихи придворных одописцев-льстецов отличались изысканностью формы, но были бедны по содержанию и глубоко реакционны по своему идейному направлению. Формалистические упражнения придворных поэтов, поощрявшиеся ханами, остались неизвестными и чуждыми народу.

Противоположное — демократическое — направление в литературе зародилось вне придворного круга, и только оно вошло в золотой фонд узбекской классической поэзии.

В Коканде в начале XIX в. выступил талантливый поэт-демократ Махмур. В своих сатирических произведениях Махмур выразил глубокое возмущение народных масс несправедливостями феодального строя. Он яростно бичевал пороки и корыстолюбие знати, обличал не только отдельных представителей господствующего класса, но и самую систему, при которой судьба всегда благоприятствовала лишь знатным и богатым. Такое философско-поэтическое обобщение сделано Махмуром, например, в стихотворении «Мухаммас»:

О небо, благосклонно ты к ничтожнейшим всегда.
К богатым милостиво ты, а к бедным никогда!
Служить невеждам мудрецов заставила нужда,
И стали совам соловьи покорны — вот беда!
Певцы с возвышенной душой затоптаны в пыли...
Твои деяния к добру людей не привели...
Доколе, небо, будешь ты невинных обижать?
Доколе будут нас в тюрьме разбойники держать?
Богатство ты даешь глупцам, лишь приносящим вред.
А мудрый голоден и нищ и в рубище одет...
От зарожденья бытия, от первозданных дней
Кривым путем вращалось ты и мучило людей!

Произведения Махмура полны горячего сочувствия к угнетенным. Его знаменитое стихотворение «Хапалак» вошло в сокровищницу классической узбекской литературы. *В нем Махмур описывает нищий кишлак* Ферганской *долины:*

Две землянки, в отдаленье три пещерки — вот кишлак!
Люди там, как луки, гнутся, еле ноги волокут, —
Каждый житель Хапалака и убог, и бос, и наг.
Хапалакцы голодая, в ступах корни трав толкут.
И едят их ежедневно, говоря: «Наш сумалак!» (пшеничный кисель).
Их наряд — пять тысяч дырок и еще сто семь прорех,
С колыбели до могилы в тех же тряпках ходит всяк,
Там безводная пустыня, умываются песком...

В конце этого стихотворения, проникнутого глубокой любовью к народу, Махмур лаконично и с большой силой описывает бегство жителей кишлака при известии о новом налоге:

Хапалак, вчера собравшись, упорхнул как мотылек:
Новой подати огромной не внести ему никак...

В стихах Махмура, конечно, нет призыва к свержению существующего строя, но он осмелился в условиях феодальной деспотии активно выступить в защиту бедняков от эксплуатации и произвола феодалов. Одно это уже говорит о его большом мужестве, преданности народу и несомненно демократическом направлении его творчества. Поэт сознавал глубокую противоположность интересов народа и правящей клики. В сатире на Фазли имеются такие строки:

Сочинителей растянутых стихов
Презирают, как придворных дураков.

Махмур четко противопоставляет взгляды трудящихся предрассудкам знати и заявляет себя приверженцем демократического, прогрессивного общественного мнения, презирающего аристократических тунеядцев.

Другой ферганский прогрессивный писатель демократического направления — Гульхани — в сатирических «Рассказах о сове» смело разоблачил и высмеял многочисленных представителей господствующего класса. В басенной форме, под видом птиц, Гульхани нарисовал портреты султана, вельможи, правителя, суфия, сейида, казначея и других придворных. Писатель из народа (он был истопником, затем солдатом) Мухаммед Шариф Гульхани описал представителей знати с точки зрения эксплуатируемых ими трудящихся, беспощадно бичуя их жадность и скупость, невежество и безжалостность к народу.

«Суфий, — пишет Гульхани, — глуп как баран. Днем и и ночью в руках у него четки; его молитвы — вздорная болтовня... берет, считая за девять, дает, считая за тридцать».

Гульхани писал и по-таджикски, и по-узбекски. Жил он в бедности. Его творчество, проникнутое любовью к трудовому народу и ненавистью к угнетателям, имело огромный успех в массах, но затиралось и высмеивалось в придворных кругах.

В Коканде конца XVIII — начала XIX вв. жил и творил замечательный поэт Гази, оставивший диван лирических стихов и много хронограмм. Он разоблачал феодалов, отвергал догматизм суфиев, высоко ценил человека и человеческое достоинство. Гази подвергался преследованиям именно за то, что имел «ясный ум в то темное время». Искренность и темпераментность стихов Гази, их демократическая направленность позволяют считать его выдающимся представителем узбекской поэзии.

Живая мысль, горячий протест против произвола и мрачных сторон действительности жестоко подавлялись в придворных кругах среднеазиатских ханств. Даровитый лирический поэт, выходец из Герата Хазик после смерти Омар-хана переехал в Бухару. Здесь он написал стихотворение, обличавшее жестокость правившего тогда эмира Насруллы. Стихотворение стало известно эмиру, и поэт был вынужден бежать в Шахрисабз, где его и настигла смерть от подосланного наемного убийцы. Поэт Муджрим, изгнанный из дворца Омар-хана за стихи, выражавшие симпатии к простому народу, бежал в Бухару, но и оттуда также был вынужден удалиться.

Однако все эти преследования не могли уничтожить творческих успехов литераторов демократического направления. Народное творчество особенно интенсивно развивалось в городской среде.

В 30-х годах XIX в. в Шахрисабзе поэт Хирами перевел популярные индийско-персидские сборники рассказов «Чар-дервиш» (Четыре дервиша) и «Тути-намэ» (Рассказы попугая). В узбекских ханствах распространялись также списки популярных народных романов «Юсуф и Зулейха», «Тахир и Зухра», «Баз-Оглан», «Юсуф и Ахмед», стихотворные переделки эпического сказания «Гор-оглы» и др. В сборники включались переводы популярных рассказов из цикла «Бахтиар-намэ» и оригинальные рассказы.

В середине XIX в. формировались взгляды замечательного среднеазиатского просветителя Ахмеда Дониша, родившегося в 1827 г. Однако начало широкой литературной и общественно-политической деятельности Ахмеда Дониша относится уже к 60—70-м годам (после поездки в Россию) и потому его творчество рассматривается в следующем томе.

Массовое народное творчество народов Узбекистана проявлялось в песнях, рассказах, сказаниях и в уличных театральных представлениях бродячих артистов. На площадях городов эти актеры без декораций и без специальных костюмов разыгрывали несложные бытовые пьесы, высмеивая ханжество и продажность духовенства, судей, администрации. В таком же сатирическом направлении давались представления кукольного театра, получившего широкое распространение по всей Средней Азии. Лучшими мистами, имитаторами и кукольщиками считались узбеки.

Из других видов народного искусства были распространены акробатика и показ фокусов. Театральные и акробатические представления устраивались главным образом во время праздников и на семейных торжествах.

Массовым искусством была также музыка. На музыкальных инструментах — духовых, струнных и ударных, музыканты исполняли своеобразные сложные мелодии. Пение обычно сопровождалось аккомпонементом. В театральных и трюковых представлениях также участвовали музыканты.

В архитектурном творчестве Средней Азии конца XVIII—начала XIX вв. первое место занимали народные мастера Хорезма.

В этот период в Хиве и других городах Хивинского ханства было возведено много зданий — дворцов, базарных помещений, медресе, мечетей, и мазаров; некоторые из них были весьма значительны по своим размерам. Среди сохранившихся памятников обращают на себя внимание дворцовые здания, например, дворец Рахманкул-инака в Хазараспе, кунинш-хана Ильтузар-Хана (начало XIX в.), Таш-хаули, построенная Аллакули-ханом в 1832 г. Стены этих зданий обильно облицованы майоликовыми плитками с зелеными и белыми переплетениями цветов и побегов по темносинему фону, выполненными в характерной манере, свойственной строительству Хорезма того времени. Колонны и двери покрыты затейливой и тонкой резьбой. Так же отделаны изразцами большие медресе Аллакули-хана (1832 г.) и Мухаммед-Амин-хана (1825—1853 гг.). Рядом с последним начата была оставшаяся незаконченной постройка огромного минарета, поверхность которого покрыта полосками цветных изразцов с преобладанием голубого и темно-зеленого тона. Самый факт попытки возведения минарета, который должен был стать самым высоким минаретом в Средней Азии, весьма показателен для широких размеров строительства этого времени.

Из гражданских построек значительный интерес представляют большой караван-сарай и базар Аллакули-хана (1835 г.) и ворота Палвандарваза, возведенные при Мухаммед-Рахим-хане I (1806 г.).

Все эти постройки, однако, не могут быть сопоставлены в какой-либо мере с теми пышными и великолепными зданиями, которые возводились в Бухаре и Самарканде до XVII в. Несмотря на довольно значительные размеры некоторых из них, они бедны по своим архитектурным формам.

С другой стороны, прекрасная своеобразная резьба по дереву и искусство изготовления изразцовой майолики, которое расцвело в Хорезме в конце XVIII в. и в XIX в., свидетельствуют о том, что традиции мастерства, создавшего в прошлом такие незабываемые шедевры, как памятники Ургенча, передавались от одного поколения мастеров к другому и ожидали только благоприятных условий для своего дальнейшего развития.

Не меньшей, пожалуй, интенсивностью отличалась строительная деятельность в Кокандском ханстве, где было возведено много капитальных зданий как в столице, так и в других крупных населенных пунктах ханства. Сравнение этих зданий с хивинскими обнаруживает весьма существенное различие между ними. В то время как памятники Хивы остаются традиционными произведениями старой среднеазитской феодальной архитектуры и представляют собой один из этапов ее развития, в памятниках Коканда, несмотря на то, что планы, а также общее расчленение здания остаются такими же традиционными, в архитектуру вносится нечто новое, еще слабо прослеживаемое, но свидетельствующее уже о внешних связях и заимствованиях. Декорировка зданий, в которой применяются цветные изразцы, раскраска потолков, резьба по алебастру, отличается по сравнению со старым среднеазиатским строительством большой пестротой и яркостью, иногда режущей глаз своими цветовыми диссонансами. Этим особенно отличается известный дворец Худояр-хана в Коканде.

В Намангане в конце XVIII в. был построен мавзолей, известный под именем «Ходжамны Кабры», незаурядный памятник, намного превосходящий уровень зодчества своего времени. Портал этого здания украшен резной и поливной терракотой необычной расцветки — сочных темнозеленых и оранжево-красных тонов. Строитель этого мавзолея Мухаммед Ибрагим, сын Абдураима, мастерски и со вкусом воспроизвел стилистические приемы древних памятников и создал произведение высоких художественных достоинств.

Среди зданий, построенных во второй половине XVIII в. в Бухаре, можно отметить хонако Шейх Джалял, построенное в 1753—1754 гг. недалеко от ворот того же имени. Это довольно крупная постройка, своеобразная по своему несимметричному плану и несколько хаотичному нагромождению отдельных частей. Значительные размеры имеет также медресе Дамулла Турсунджана, построенное в 1796—1797 гг. Значительная часть построек этого времени отличается сравнительно небольшой величиной, ухудшением строительной техники, почти полным отсутствием декоративной отделки. Из отдельных зданий некоторый художественный интерес представляет группа построек Халифа Худайдад, состоящая из мечети, медресе, мазара и сардоба (весь комплекс относится ко времени с 1777 по 1855 г.), очень живописная группа из четырех близко поставленных башен с голубыми куполами, возвышающаяся над входом в медресе Чарминар (Халифа Ниязкул, построено в 1807 г.) и стройное медресе Ирназар ильчи (1795 г.).

В массовом жилищном строительстве второй половины XVIII в. и первой половины XIX в. как в кишлаках, так и в городах преобладали постройки из битой глины, из высушенных комков глины или из сырцового кирпича квадратной и прямоугольной формы.

Жженый кирпич, обжигаемый в особых печах (хумдон), изготовлялся только квадратной формы и употреблялся почти исключительно в монументальном строительстве (медресе, бани). Даже квартальные мечети из него почти никогда не делались. В жилых домах жженый кирпич употреблялся только иногда на фундамент, а у наиболее богатых — на выстилку полов.

Лес был дефицитным и сравнительно дорогим строительным материалом, поэтому в массовом строительстве были широко распространены конструкции без леса, главным образом глинобитные и сырцовые; каркасные же постройки имели значительное применение только в местностях с засоленными почвами и высоким уровнем стояния грунтовых вод (напр., в городах Бухаре, Коканде), где постройки из глины под действием этих факторов быстро разрушались и угрожали внезапным обвалом.

Среди применявшихся в строительстве древесных пород большое место занимала арча, привозимая из горных лесов.

Беднейшее население жило в полуземлянках, врытых в землю на полметра и более, с толстыми глинобитными стенами. Благодаря малой теплопроводности лёсса в таких жилищах было тепло зимой и прохладно летом. Полузем-

лянки часто не имели оконных проемов и, кроме дверей, единственным источником света в них было особое отверстие в крыше, называемое «туйнук». Так как в полуземлянках обычно применялось отопление костром, то это отверстие служило также и для выхода дыма. В наиболее холодные зимние дни дверь жилища закрывалась, туйнук затыкался куском старого войлока или тряпки и в помещении становилось настолько темно, что приходилось и днем зажигать масляный светильник «чираг».

Окна в домах из-за отсутствия стекла закрывались деревянными ставнями. Дверные и оконные ставни зимой обычно бывали целый день открыты, и в тех местах, где жилые комнаты были ориентированы на юг, солнце играло существенную роль в обогревании дома. Способы отопления, применявшиеся в городах и кишлаках, были довольно разнообразны. В Бухаре, Самарканде, Ташкенте наиболее распространен был так называемый «сандал», или «сандали», бытующий во многих местах Средней Азии до настоящего времени. В Ферганской долине сандал употреблялся мало. Часть населения обогревалась камином (мури), представляющим устроенный у стены очаг с дымоходом над ним. В Бухаре и Самарканде камин применялся редко. Наряду с этими видами отопления всюду, особенно в сельских местностях Хорезма и Каракалпакии, в домах бедняков применялось курное отопление костром.

Нередко в бедных и даже средних по достатку домах жилая комната использовалась не только для жилья, но и как место хозяйственной деятельности (специальная кухня имелась редко), хранилище запасов продуктов и топлива и даже, частично, как хлев для содержания молодых ягнят и телят.

Богатые дома отличались от бедных главным образом внутренней отделкой. В бедных домах стены покрывались грубой глино-саманной штукатуркой, в богатых — алебастром или глиной с примесью тонкого тростникового пуха («тузгок»), допускавшей нанесение на нее резной и расписной орнаментации. Резьба по алебастровой штукатурке имела очень высокий рельеф и большей частью не окрашивалась. Игра светотени придавала узору большую выразительность. На стенах и на потолках применялась роспись. Полы (земляные или выстланные жженым кирпичом) покрывались у богатых коврами, у людей средней состоятельности — кошмами, а у бедняков — камышовыми цыновками.

Во всех трех ханствах были широко распространены искусная резьба по дереву и меди, изготовление глиняных

и фаянсовых изделий, оружия, разных тканей и проч.; эти изделия часто отличались высоким совершенством. Выдающимися образцами народного творчества являлись ковры с их своеобразным, но строгим орнаментом и расцветкой, таджикские и узбекские вышивки тканей — шелковые, бумажные, набойки, бархаты и т. д. Хивинские и кокандские резчики по дереву, бухарские, риштанские, хорезмские и другие мастера-керамисты, медники, покрывавшие свои изделия тонко выгравированным орнаментом, ювелиры, изготовлявшие украшения с камнями и эмалью, — создавали прекрасные художественные изделия. Многое из продукции художественного ремесла узбекских ханств было известно за их пределами.

Художественное оформление рукописей продолжало следовать старым традициям; лишь миниатюра почти исчезла из рукописного обихода.

* * *

Мы проследили в общих чертах социально-экономическое и политическое положение среднеазиатских ханств в конце XVIII — начале XIX вв., т. е. в период, непосредственно предшествовавший присоединению Средней Азии к России.

Насколько позволяют еще слабо изученные исторические источники, мы стремились выяснить не только состояние, но и процесс развития производительных сил и производственных отношений, классовой борьбы, торговли, государственных учреждений и культуры.

Основные выводы этого изучения сводятся к следующему.

Хотя относительный застой производительных сил и феодальных производственных отношений в Средней Азии по сравнению с Россией и Западной Европой не подлежит сомнению, однако этот застой в XVIII—XIX вв. не был, конечно, абсолютным: в недрах феодального строя происходил медленный рост товарно-денежных отношений, развивалось товарное производство как в сельском хозяйстве (особенно в хлопководстве), так и в ремесленной промышленности. В Ферганской долине, в Хорезме и других местах расширялась площадь орошаемых земель, строились новые и восстанавливались старые, ранее заброшенные ирригационные сооружения. Возникали новые города, росло торгово-ремесленное население многих старых городов, в особенности Ферганы и Ташкента.

Основа феодального строя — феодальная собственность на землю — за период XVI—XVIII вв. изменилась в сторону усиления частного феодального землевладения. Результатом этого изменения был заметный рост крестьянской зависимости от феодалов, переходящей в ряде мест в настоящее крепостничество. Это значительно ухудшило и без того тяжелое положение трудящихся земледельцев, скотоводов и ремесленников, которые подвергались все более ожесточенной феодальной эксплуатации. Нищенское и невероятно приниженное положение трудящихся Средней Азии нередко вынуждало их поднимать антифеодальные восстания.

Стихийные и неорганизованные по своему характеру, эти народные движения иногда использовались сепаратистски настроенными феодалами, племенными вождями или придворными группами, которые, став во главе этих восстаний, пытались использовать их для достижения своих классовых или групповых интересов.

Рост численности и общественно-политического значения городского населения, ремесленных корпораций и купцов был основой происшедшего в изучаемый период заметного изменения формы государственного строя: от полной феодальной раздробленности середины XVIII в. Средняя Азия сделала шаг к образованию нескольких более или менее централизованных феодальных монархий в XIX в. Однако вследствие слабого еще развития товарно-денежных отношений и общей отсталости хозяйства феодальная раздробленность Средней Азии не была преодолена; народы Средней Азии в середине XIX в. оставались разъединенными между несколькими феодальными ханствами, которые вели бесконечные войны между собой за политическое преобладание. Эти войны не приводили к объединению и бесплодно истощали силы народа, подрывая хозяйство и культуру.

Большое значение в экономике среднеазиатских ханств имели их торговые связи с Россией. Задолго до присоединения Средней Азии к России объективным ходом исторического развития были созданы экономические предпосылки для более тесного хозяйственного и политического сближения. Экономические связи с Россией стимулировали развитие сельского хозяйства в Средней Азии. Сильнейшим толчком в этом отношении явилось совершившееся позже присоединение к России, имевшее большое прогрессивное значение для народов Средней Азии.

КАРАКАЛПАКИ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

С конца XVI в. в среднеазиатских письменных источниках упоминаются как особая народность — каракалпаки. Наиболее ранние достоверные сведения о них содержатся в жалованной грамоте мавзолею Зияуддина в г. Сыгнаке, выданной в 1598 г. бухарским ханом Абдуллой. Грамота свидетельствует, что каракалпаки жили в это время на Сырдарье, в местности, прилегающей к г. Сыгнаку; они вместе с казахами причисляются к «аймакам», то есть к кочевому и полуоседлому населению.

По мнению большинства исследователей, каракалпаки сложились в народность в Приаралье и по своему происхождению близки многим тюркоязычным народам Средней Азии. Можно полагать, что наиболее ранними предками их были «массагеты болот и островов» греческих авторов, в том числе предшественники печенегов — апасиаки. Начиная с первых веков нашей эры в этническую среду Приаралья проникают с востока хуннские элементы, ассимилирующиеся с местными племенами; к IV в. население этой территории выступает в источниках как хионито-эфталитское, с VI в. в связи с образованием Западно-Тюркского каганата усиливается приток в Приаралье тюркских племен. Племена хионитов-эфталитов и тюрков, вероятно, оказали влияние на этногенез каракалпаков, однако формирование этой народности произошло позже в среде печенегов, огузов и главным образом кипчаков.

П. П. Иванов, анализируя одно из сообщений историка Абулфазла Байхаки о тюркской гвардии хорезмшахов, полагал, что этническое название «калпак» появилось в прилегающих к Хорезму областях еще в XI в.

В X—XI вв. печенежские племена разделились: часть (восточная или тюркская группа) осталась в Приаралье, часть передвинулась на запад и проникла в южную Русь. Вместе с печенегами и огузами (торки или узы русских летописей) некоторые группы средневековых предков каракалпаков оказались в южнорусских степях. Это отразилось в русских летописях, где появились упоминания народа «черные клобуки», соответствующего по своей семантике названию «каракалпак» («черная шапка»). «Черные клобуки» по договору с русскими князьями были поселены на притоке Днепра — реке Рось; за это им вменялась в обязанность защита русских границ. Они играли активную роль в политической жизни Киевской Руси. Постепенно накапливаются сведения о связи этнической истории каракалпаков с Приуральем, с племенами-предками башкир, а также с населением Северного Кавказа, Поволжья и более западных районов Восточной Европы. Эти западные связи, очевидно, были особенно сильны в период существования Хазарского каганата, в истории которого принимали деятельное участие печенеги и огузы. Можно полагать, что предки некоторых каракалпакских племен в составе печенегов, огузов, кипчаков в средние века проникали далеко на запад от Приаралья — до Придунавья и Карпат. Восточная группа печенежско-огузских племен, оставшаяся в Приаралье, в XII в. была завоевана кипчаками (кимаками), пришедшими с Иртыша, и вошла в состав кипчакского союза. У средневековых авторов (Нувейри) при перечислении племен, входивших в этот союз, называются и «караборкли» — «черные шапки», видимо, вариант названия каракалпаков. Живя вместе с кипчаками, предки каракалпаков восприняли их язык и многие элементы культуры. В XI—XIV вв. на главном этапе формирования каракалпакской народности влияние кипчакских этнических элементов было доминирующим. Этногенез каракалпаков завершается в послемонгольский период (XV в.) в составе ногайского союза. Часть их в это время, вероятно, вместе с ногайцами обитала в бассейне рек Урала и Волги, о чем есть свидетельства в исторических источниках, в эпосе и некоторых элементах культуры каракалпаков. Из тюркских языков кипчакской группы ближе всего к каракалпакскому ногайский, а затем — казахский языки.

Каракалпаки были народом полукочевым. Археологические и исторические данные, освещающие уклад предков каракалпаков — печенежских и огузских племен, говорят о комплексном типе их хозяйства, сочетающем скотоводство с земледелием и рыболовством. О давнем знакомстве с земледелием, основанном на использовании каирных земель и лиманном орошении, свидетельствует и каракалпакский фольклор, в частности «Кырк-кыз», где описываются пашни и сады, выращенные героями эпоса на острове. Первые описания русских наблюдателей, относящиеся к XVII в., подтверждают, что каракалпаки на Сырдарье занимались земледелием. «Живучи сообща» с казахами, — сообщают они,— каракалпаки «пашут пашни».

В XVI и в начале XVII вв. каракалпаки занимали нижнее течение Сырдарьи, приблизительно между Туркестаном и современным селением Мерке и горами Каратау. Этот район входил тогда в состав владений бухарских ханов, и каракалпаки участвовали в политической жизни Бухары, как жители окраин ханства.

По сведениям Мухаммед Юсуфа Мунши, в 1611 г. Имам-кули-хан выступил с карательной экспедицией на Сырдарью, в район города Туркестана и гор Каратау; войска его истребляли и забирали в плен восставших против Бухары «мятежников» — казахов, каракалпаков и калмыков. «Те из них, кому удалось спастись от гибели, скрылись в горах и глухих лесных зарослях, куда до сих пор не ступала нога человеческая».

Основным местожительством каракалпаков в XVII в. оставались оба берега нижнего течения Сырдарьи «от Туркестана к Хивинскому (то есть Аральскому) морю». Здесь они показаны и на карте Ремезова, составленной по указу Петра I в 1696 г. На этой территории находилось несколько городов с оседлым населением (например, Туркестан, Сыгнак, Узген и др.), с которого каракалпаки временами взимали дань.

На рубеже XVII и XVIII вв. сырдарьинские каракалпаки подчинялись казахским ханам. Кроме Сырдарьи, в этот период существовали и другие центры расселения каракалпаков. Значительная группа их жила у верховьев рр. Яика и Эмбы. В 70-х годах XVII в., во время восстания башкир, эти каракалпаки принимали участие в выступлениях башкир и поддерживали с ними тесную связь и дружбу. В свою очередь и башкиры перекочевывали к каракалпакам и жили «с ними во многих юртах заодно».

С конца XVII в. имеются сведения о каракалпаках, живших на среднем Зарафшане. Зарафшанские каракалпаки числились «бухарскими улусами», считались «подданными бухарскому царю» и участвовали в бухарских войсках как «самые надежные люди в бою». Однако зависимость каракалпаков от Бухары была очень непрочной. В 1681 г. они совместно с узбеками, жившими на Зарафшане, подняли восстание против Субханкули-хана. Свободолюбие и непокорство этого народа отмечаются во многих источниках.

В XVIII в. каракалпаки играли активную роль в событиях, происходивших в Хивинском ханстве, казахских жузах, в Приуралье и на Нижнем Поволжье. Значительное усиление связей каракалпаков с Россией в этот период нашло отражение в исторических источниках; некоторые «статейные списки», «реляции» и письма послов, дипломатическая переписка, материалы Оренбургской экспедиции и др. содержат ценные сведения о каракалпаках; наряду со среднеазиатскими источниками, эти документы освещают многие вопросы истории, хозяйственной и общественной жизни каракалпакского народа.

Основной территорией обитания каракалпаков в первой половине XVIII в. оставались присырдарьинские районы и дельта Сырдарьи. Здесь каракалпаки вели свое хозяйство, сочетая земледелие со скотоводством и рыболовством. Они умело использовали протоки, озера и временно затопляемые пространства обширной сырдарьинской дельты для искусственного орошения своих полей; до настоящего времени в низовьях Сырдарьи сохранились следы каракалпакских полей и остатки ирригационных сооружений XVIII в.

Земледелие у каракалпаков являлось ведущей отраслью хозяйства. Они сеяли пшеницу, просо, ячмень; пахали на быках. Хлеб производили не только для удовлетворения своих потребностей, но также на обмен и продажу. «Хлеб у них киргиз-кайсаки (казахи) на бараны и другой скот меняют». Казахские ханы брали с подвластных им каракалпаков дань по преимуществу хлебом.

Второй важнейшей отраслью их хозяйства являлось скотоводство, типичной чертой которого было разведение преимущественно крупного рогатого скота, а не овец и коз, преобладавших в стадах кочевников-казахов. Такой состав скота, непригодный для дальних перекочевок, объясняется большой ролью земледелия в хозяйстве каракалпаков и условиями их полуоседлого образа жизни; камышовые заросли в низовьях Сырдарьи представляли собой неистощимые ресурсы корма для коров и рабочих быков. Очевидцы

сообщали, что каракалпаки запасают на зиму «сено, косят камыш». Отдельные торговцы-баи имели большие стада мелкого рогатого скота; однако и в этих случаях перекочевки совершались на более близкие расстояния, чем у казахов; под пастбища использовались близлежащие степи. Кочевали на арбах, запряженных быками, реже на верблюдах. Большое место в хозяйственных занятиях каракалпаков занимало также рыболовство и различные промыслы. Добывая примитивными способами свинец, красную медь, селитру, они изготовляли «порох доброй и лили пули»; им были известны свинцовые месторождения в горах Каратау («Свинцовая гора» русских источников начала XVIII в.). Огнестрельное оружие получали из Бухары. Каракалпаки вели торговлю с Хивой, Бухарой, казахскими жузами и Россией. Русские источники 30-х годов XVIII в. характеризовали каракалпаков как мирный трудолюбивый народ и указывали, что они «обращаются в земледельстве и в рукоделье и торгу, от чего без воровства (т. е. без нападений на караваны и грабежей. — *Ред.*) довольство имеют и ищут себе покоя».

Хотя большинство каракалпаков по своему хозяйственно-бытовому укладу уже не было кочевниками, у них в качестве основного вида жилища сохранялась юрта; развитию оседлых форм поселений и жилищ препятствовали переселения, необходимость которых была обусловлена потребностям не только скотоводства, но и земледелия: неустойчивый водный режим дельты, частые разливы, затопления заставляли постоянно менять участки посевов.

Кроме юрт, у каракалпаков были и укрепления — кала — с глинобитными стенами, где они укрывались со всем своим имуществом и скотом во время вражеских нападений. Иногда в таких защищенных «городках» находились и резиденции каракалпакской знати — вождей родоплеменных объединений. По сравнению с населением древних земледельческих областей, их экономика отличалась более низким уровнем развития производительных сил и более отсталыми формами хозяйства.

В XVIII в. каракалпаки были вовлечены в феодальную систему казахских ханств (Младший жуз), а с начала XIX в. — Хивинского ханства. Их взаимоотношения с ханствами характеризовались типичными формами феодальной зависимости. За пользование отведенной им пахотной землей и пастбищами они обязаны были выплачивать подати своим сюзеренам, выполнять феодальные повинности, в том числе поставлять войско.

Так, в первой четверти XVIII в. зависимость сырдарьинских каракалпаков от казахских ханов выражалась в ежегодной уплате значительной дани. Каракалпаки участвовали в походах казахов.

Как свидетельствуют народные исторические предания, в случае невыполнения своих обязательств или неповиновения ханам последние изгоняли каракалпаков с занятых ими земель, отнимая пожалованные угодья.

Внутри каракалпакского общества существовало глубокое классовое расслоение.

Каракалпаки представляли собой сложившуюся народность, но все еще разделялись на различные по численности группы, сохранявшие традиционные названия племен и родов.

Источники XVIII в. перечисляют те же основные каракалпакские родоплеменные объединения, которые известны и по более поздним данным XIX — начала XX вв.: кунграт, кият, ктай, кипчак, кенегес, мангыт, митан, (муйтен). Во главе каждого племени или отдельного рода стоял бий; он управлял своим владением, собирал подати, судил, решал вопросы, связанные с хозяйственной жизнью общин, и представительствовал от своего рода или племени во внешних сношениях с соседними народами. Бии фактически распоряжались предоставленными в пользование каракалпакских крестьян общинными земельными — пахотными и пастбищными — угодьями. По существу это были феодалы; но, эксплуатируя зависимых от них сородичей, бии использовали устойчиво сохранявшиеся пережитки древних патриархально-родовых институтов: старинные обычаи родовой помощи, родовой солидарности, безусловного подчинения «старшим» в роде и др. Эти традиции феодально-родовая знать умело применяла в своих классовых интересах, маскируя ими феодальную эксплуатацию — отработочную и продуктовую ренту.

Таким образом, для общественного строя каракалпаков были характерны патриархально-феодальные отношения. Их военными предводителями были батыры. Исторические источники и народные предания свидетельствуют об отсутствии в каракалпакском обществе XVIII — начала XIX вв. ханской власти. Так называемые «каракалпакские ханы» и «султаны» были, как это установлено для большинства из них, казахскими; они лишь управляли периодически каракалпакским народом, подданным Младшего казахского жуза, и не составляли ханских династий. Иногда власть их не распространялась даже и на все племена и роды. Фак-

тически управляли своими сородичами бии: «И в означенных каракалпаках, хотя имеются ханы и султаны, а какие случаются дела, то отправляют... бии и старшины». Поэтому грамоты русского правительства направлялись не только к номинальным каракалпакским ханам, но и к «бекам, батырям и прочей старшине». С родоплеменной знатью было тесно связано мусульманское духовенство «ходжи, шейхи, ахуны и пр.). Императрица Анна Иоановна, перечисляя в грамоте «знатных людей» каракалпакского народа, называет среди них шейхов и ходжей. Муллы и шейхи встречаются в числе племенных старшин. Так, в 40-х годах XVIII в. упоминается Мурад-шейх, который почитался «у всех каракалпаков... за святого и знатного человека»; его сын Хильвет-шейх был старшиной.

Со второй половины XVIII в., когда утратилась зависимость каракалпаков от казахов, уже не встречается упоминаний о каракалпакских ханах.

В начале 20-х годов XVIII в. казахи и каракалпаки оказались перед лицом большой опасности со стороны джунгар, которые в 1723 г. захватили район среднего течения Сырдарьи, заняв Туркестан и другие присырдарьинские города. Джунгары вытеснили каракалпаков с их насиженных мест; часть их вынуждена был уйти в глубь Средней Азии или на северо-запад; отдельные группы проникли в 20-х годах в пределы России и вступили в борьбу за пастбища с подданными России калмыками, которых оттеснили с Урала и Эмбы на правый берег Волги. В дальнейшем эти группы, пришедшие с Сырдарьи, вероятно, остались жить в верховьях Урала и Эмбы, где и ранее, в XVII в., отмечались русскими источниками каракалпакские поселения.

Оставшиеся на Сырдарье каракалпаки после нашествия джунгар разделились на две части — «верхних» и «нижних»; «верхние» пытались уйти от завоевателей вверх по Сырдарье, к Ташкенту, но и здесь они оказались под властью джунгар. «Нижние» каракалпаки сконцентрировались в дельте Сырдарьи и у берегов Аральского моря, во владениях казахского хана Младшего жуза Абулхайра. Младший жуз не мог самостоятельно изгнать вторгшихся завоевателей и искал помощи в борьбе с ними у могущественной России, путем перехода в русское подданство.

Но хотя внешнеполитическая обстановка сыграла большую роль в присоединении к России казахов и каракалпаков, наибольшее значение в подготовке этого исторического события имели давние экономические и политические связи этих народов с Русским государством. Еще при Петре I, в

1722 г. каракалпаки впервые обратились с просьбой принять их в русское подданство. В 1731 г. в связи с принятием в подданство России казахского Младшего жуза, «нижние» каракалпаки также обратились с просьбой о подданстве к императрице Анне Иоановне и вместе с казахами принесли присягу на верность России. В докладе по этому вопросу обер-секретарь Сената И. Кириллов писал, что каракалпаки стремятся стать подданными России, «надеясь охранены быть от обид прочих соседей, а польза может быть от них такая, что живут они ближе Аральского озера по реке Сыр, где пристани быть надлежит для Российских купеческих караванов», идущих в Бухару, Бадахшан и Индию.

В 1733 г. из Петербурга была отправлена ответная царская грамота о готовности принять каракалпаков в российское подданство с гарантией свободной и безопасной торговли с Россией: «При торговых своих промыслах и хлебопашестве спокойно и безопасно всегда жить будете и повелеваем вам свободный торг с нашими подданными иметь».

Поскольку правивший Младшим жузом Абулхайр-хан всячески препятствовал сближению каракалпаков с Россией, опасаясь, что они уйдут из-под его власти, а часть каракалпакской знати поддерживала его, в 1741—1743 гг. «нижним» каракалпакам пришлось вторично оформлять подданство в Петербурге.

Подчинившись России, нижние сырдарьинские каракалпаки действительно отказались от уплаты податей Младшему жузу. Это вызвало враждебные действия со стороны хана Абулхайра. Он внезапно напал на каракалпаков и причинил им «великое разорение»: угнал скот и увел в плен «немалое число людей». Чтобы удержать каракалпаков в повиновении, Абулхайр не стал пропускать их в Оренбург.

Притеснения со стороны казахских ханов заставляли каракалпаков отходить все дальше на юго-запад, к хивинским границам. В 1750 г. на Сырдарье оставалось всего около 6 тысяч семейств. Главная масса каракалпаков обосновалась в низовьях ныне пересохшей Джаныдарьи, к востоку от амударьинской дельты. Этот район в XVIII и начале XIX вв. назывался Каракалпакским владением.

Каракалпаки стали быстро осваивать под земледелие новый район своего обитания; к концу XVIII в. здесь уже образовался крупный земледельческий оазис с ирригационными каналами, плотинами и другими сооружениями. До сих пор близ сухого русла Джаныдарьи сохранились развалины Орунбай-Калы — центра джаныдарьинских каракалпаков, где находилась резиденция правившего ими богатого

знатного бия Орунбая. Это укрепленная феодальная усадьба; высокие глинобитные стены окружают ее обширный двор, в котором во время набегов казахов и хивинцев укрывались жители.

В этот период обостряются взаимоотношения каракалпаков с Хивинским ханством. Правда, часть их во главе со своими биями после событий 1743 г. добровольно перешла в подданство Хивы и была поселена на бесплодных и заболоченных пространствах левобережной части дельты Амударьи. Но джаныдарьинские каракалпаки упорно отстаивали свою независимость от хивинских ханов. Став соседями отложившегося от Хивы Аральского владения, они оказывали помощь родственным им по происхождению узбекам-аральцам в их постоянной борьбе с Хивой. Хивинские ханы неоднократно предпринимали походы против аральцев и каракалпаков, сопровождавшиеся кровопролитиями и жестокими грабежами; но лишь в 1811 г. Мухаммед-Рахим-хану удалось одержать окончательную победу над каракалпаками, использовав предательство и переход на сторону Хивы их правителя Орунбай-бия. Хан насильственно переселил всех каракалпаков с Джаныдарьи к берегам моря и в бассейн протока Кегейли, берега которого тогда были еще безлюдны и не освоены.

Трудолюбивый каракалпакский народ, построив каналы и осушив заболоченные пространства, вскоре превратил и эту область в цветущий земледельческий оазис. Успехам его хозяйственной деятельности препятствовал, однако, политический и экономический гнет хивинских ханов, под деспотической властью которых оказались каракалпаки на долгий период своей последующей истории.

Оказавшись под властью Хивинского ханства, одного из крупнейших феодальных государств Средней Азии, каракалпаки постепенно были вовлечены в его экономическую и политическую систему, основанную на гнете и эксплуатации крестьян деспотами-ханами, правящей феодальной аристократией и многочисленным паразитарным чиновничеством, составлявшим громоздкий административный аппарат Хивы. Тяжелые условия существования каракалпаков усугублялись их положением только что покоренной «мятежной» народности, что облегчало произвол и насилия хивинских властей.

Однако и в этот наиболее мрачный период своей истории каракалпакский народ сохранял многовековые производственные навыки, трудолюбие и настойчивость в борьбе с природой, свое свободолюбие и единство в борьбе с угне-

тателями, свою глубокую народную культуру, истоки которой уходят в древнейшие времена.

Земли, отведенные каракалпакам в пустынной дельте Амударьи и освоенные ими путем большого труда и лишений, считались ханскими пожалованиями — мильками, за пользование ими приходилось выплачивать огромные налоги и выполнять многочисленные повинности. И все же каракалпаки продолжали обрабатывать их, успешно используя свой ирригационный и мелиоративный опыт, преодолевая все трудности местных природно-хозяйственных условий.

«Народ сей, — писал в 1820 г. Муравьев,— привязался к *землепашеству*». «*Главный и почти единственный промысел* этого народа — земледелие», — говорилось в одной газетной статье 1868 г.; «благодаря любви к труду, все каракалпакские земли орошены превосходно и нигде не чувствуется недостатка в воде, даже там, где приходится поднимать ее чигирем».

С развитием земледелия несколько уменьшилась роль скотоводства в хозяйстве. В середине XIX в. каракалпаки занимались «преимущественно земледелием и только для насущных потребностей — скотоводством». Поскольку районы перекочевок сократились, больше внимания стали уделять сенокошению, заготовкам клевера на сено.

На время земледельческих работ каракалпаки ставили свои юрты поблизости от пашен и бахчей, а зимой переносили их в огороженные места (кала) для обороны от частых нападений соседних туркменских и казахских кочевников, военные предводители которых стремились обогатиться путем грабежа мирного населения. Хивинские ханы не предпринимали мер к защите каракалпаков от этих набегов; наоборот, они часто поощряли туркменских вождей, искусственно разжигая национальную вражду и междоусобия.

Значительное место в хозяйстве некоторых групп каракалпаков занимало рыболовство. «Каракалпаки больше едят рыбу, иные ею, почитай, только и кормятся», — рассказывал в 1824 г. русский наблюдатель. На небольших лодках они выезжали для рыбной ловли в Аральское море. По протокам и озерам у них были целые рыболовецкие поселки с жилищами, построенными на плотах. Подсобным занятием служили перевозы местного населения и купеческих караванов на лодках через реки, протоки и озера.

Ремесленное производство было слабо развито. Даже во второй половине XIX в. вырабатывались преимущественно предметы домашнего обихода, и лишь небольшая избыточная часть их попадала на рынок. Каракалпаки ткали алачу

и другие бумажные материи, ковры, дорожки для обвязывания остовов юрт, сукно из верблюжьей шерсти, изготовляли деревянные предметы (остовы для кибиток, арбы, лодки), выделывали кожу, седла, уздечки, подпруги, цыновки и кошмы — простые и узорчатые. Высокого уровня достигло народное прикладное искусство каракалпаков — резьба по дереву на дверях юрт и других бытовых предметах, ковроткачество, вышивка, производство ювелирных изделий.

В середине XIX в. административный центр каракалпаков — Чимбай превратился в довольно значительный рынок. Городок возник вокруг усадьбы одного богатого каракалпака. Здесь, за исключением торговцев и духовенства, не было постоянного населения, большинство жителей приокочевывало лишь на время, для торговли. Благодаря выгодному географическому положению Чимбай, связанный водным путем с главнейшими пунктами Хивинского ханства и с российскими владениями (Сырдарьинская линия), превратился в центр оживленной торговли. Товары доставлялись по реке до Нового Ургенча и других мест. С другой стороны, здесь сходились и сухопутные дороги, соединявшие город со всеми каракалпакскими районами. В Чимбае было много лавок; около базара был устроен большой караван-сарай для приезжих купцов.

В первой половине XIX в. каракалпаки сохраняли еще в виде пережитков много черт патриархально-родового быта. Устойчиво сохранялось деление на племена и роды. Родовые группы, входившие в племена ктай, кипчак, мангыт и кенегес, составляли объединение (арыс), называвшееся «Онторт-уруг» (четырнадцать родов). Второй арыс — «Конграт» — делился на две части: шуллук и жаунгыр; к шуллук причисляли 8 племен: аманмайлы, колдаулы, костамгалы, балгалы, кандекли, кара-мойын, а также кият и мюйтен, считавшиеся иногда обособленными племенами. Жаунгыр был менее крупным объединением, но состоял из немногочисленных родовых групп.

Родоплеменное деление отражалось на землепользовании и водопользовании. Каракалпакская аульная община отличалась значительными архаическими пережитками древней родовой общины. Земли, закрепленные за племенами, распределялись между родами и их мелкими подразделениями (тире, коше). Оросительные каналы проводились силами рода и обычно носили его название (напр., Аралбай-жаб, Кият-жаб), скот находился в частной собственности, но клеймился общей для рода тамгой и пасся в урочищах, считавшихся общественными выпасами общины. Наконец,

расселение каракалпаков соответствовало родовому делению — жители каждого аула принадлежали к одному роду или родовому подразделению.

В семейном быту каракалпаков было тоже немало обычаев древнего происхождения. В брачных отношениях строго соблюдалась экзогамия — запрет браков внутри рода; в обрядах, связанных с семейными событиями (рождение ребенка, свадьба, похороны и поминки), принимал участие весь родовой аул, а иногда и сородичи из отдаленных аулов. Покойников хоронили только на родовых кладбищах, где обычно имелись мазары «святых» предков и покровителей рода.

Пережитки патриархального быта, сочетаясь с развивающимися феодальными отношениями, создавали почву для возникновения разнообразнейших форм патриархально-феодальной эксплуатации. Земля и вода принадлежали «родам» лишь номинально. Шел интенсивный процесс захвата общинных земель феодалами. Документы архива хивинских ханов XIX в. свидетельствуют о том, что поливные земли племен и родов были по площади намного меньше, чем земли отдельных частных владельцев — биев, юзбаши, мулл, ишанов и др. Захват земель у крестьян производился путем отбирания их за долги или прямого внеэкономического принуждения. Социальная дифференциация достигала большой остроты. Среди частных земельных владений встречались очень крупные — до 15 тысяч танабов. Размеры же поливных участков рядовых общинников обычно не превышали 1—2 танабов. Распределение скота среди каракалпаков, по данным 1871—1872 гг., было крайне неравномерным. Встречались бедняки, не имевшие скота, и отдельные богачи, владевшие 1000 голов крупного рогатого скота и одновременно 1500 баранов. Таким образом, «родовой» характер каракалпакских общин являлся только внешним их обликом. Это была территориальная, соседская община, внутри ее существовало неравенство, классовое расслоение.

Обезземеленные и малоземельные крестьяне попадали в кабалу феодально-родовой верхушки своего аула; под видом помощи сородичу, богатые члены общины давали землю беднякам на условиях испольщины — «жармши»; вступали с ними в отношения «егиншерик», получая дарового работника, выполнявшего все земледельческие работы за ничтожную долю урожая; принимали в дом так называемых «дехкан» — из числа совершенно разоренных, опутанных долгами крестьян, наиболее беспощадно эксплуатировавшихся и выполнявших не только полевые работы, но и все другие

работы по хозяйству. Богатые скотовладельцы эксплуатировали бедноту, используя обычаи «сауын» и «майына», т. е. отработки за пользование молочным и рабочим скотом.

Управление каракалпакскими племенами формально было оставлено в руках биев и старшин (аксакалов), но права и самостоятельность их были сильно ограничены. Ханы утверждали биев в должностях, выдавая им ярлыки на управление племенем (эль).

Усмотрению бия подлежало «наказание виновных и беспокойных и упорядочение дел подданных». Они управляли аулами, выполняли судебные функции, за маловажные преступления имели право применять телесные наказания, в их пользу шли судебные пошлины. Они же распределяли между сородичами денежные налоги и натуральные повинности. Власть биев сохраняла некоторые черты патриархальности. По существу их власть была властью феодальной, дававшей возможность эксплуатировать трудящиеся массы средствами внеэкономического принуждения. «Притеснение ими народа, — писал один очевидец в 1870 г., — часто несправедливость в решениях судебных исков бывают причиной непопулярности старшин в глазах народа».

Отдельным биям, сумевшим заслужить доверие хивинского правительства, предоставлялись широкие полномочия, так как ханы рассчитывали на их службу и содействие в удержании каракалпаков в повиновении. Так, еще при инаке Мухаммед-Амине «благодаря всемилостивой поддержке» Айдост-бий стал правителем (хакимом) не только кунградских каракалпаков, к которым принадлежал его род, но и всего каракалпакского народа. Айдост разбирал своей властью тяжбы и споры, возникавшие среди каракалпаков, и долгое время верой и правдой служил интересам хивинского двора. Айдост пользовался при дворе большим почетом и доверием, «на правах доверенного лица (махрам) докладывал непосредственно хану некоторые тайны, относящиеся к делам государства и к преуспеянию подданных». Хан, ценя услуги Айдоста, «исполнял все его слова».

Чтобы еще более приблизить к себе каракалпакскую знать, ханы широко применяли систему подкупов, щедро одаряя биев и старшин жалованием, халатами, дорогим оружием. Некоторым биям предоставлялось право держать отряды нукеров. При посещении биями Хивы их окружали внешним почетом. Когда Айдост «прибывал из степи в столицу, хан приглашал его на аудиенцию, при обращении называл его «бий-баба» (дедушка-бий) и отпускал его с пол-

ным почетом, одаряя одеждой и деньгами». Сыновья биев принимались на ханскую службу.

Ценой всех этих «благодеяний» ханы стремились превратить каракалпакскую знать в своих покорных чиновников. Бии должны были беспрекословно подчиняться приказаниям ханской администрации: «бежать, преследовать, ловить, освобождать, садиться на лошадь и слезать с лошади» и всегда оказывать чиновникам «надлежащий почет и покоряться им во всех отношениях».

Не полагаясь всецело на верноподданнические чувства каракалпакской знати, ханы сосредоточивали в своих руках важнейшие функции по управлению «Каракалпакским улусом». За податями к каракалпакам присылались из Хивы особые назначенные ханом лица. Во главе каракалпакских военных отрядов, наряду с местными биями, ставились хивинские юзбаши (сотники) из узбеков.

Поскольку в основу административного управления было положено родоплеменное деление каракалпаков, ханы стремились приспособить его к феодально-иерархической структуре своего административного аппарата. Для этого некоторые племена и роды группировались, объединялись, создавались промежуточные звенья, более крупные, чем племена и роды. Были введены должности аталыков и беглер-беги — не выборные, а назначаемые ханом. В середине XIX в. хан очень часто назначал особых чиновников (хакимов) для управления всем каракалпакским народом, обычно из числа крупных хивинских сановников, близких к правящей узбекской династии. Отдельные районы отдавались в управление ханским родичам, имевшим там земельные владения.

Особую группу среди феодальной каракалпакской знати XIX в. составляли духовенство и руководители дервишских орденов — ишаны. Под непосредственным воздействием хивинского правительства у каракалпаков был создан институт судей — казиев, судивших по шариату; этот суд конкурировал с судом биев, судивших по адату (обычаю). Духовенство состояло из крупных землевладельцев. Например, по данным архива хивинского хана, из 4900 танабов земли племени катаган в Сары-Чонгуле более 1000 танабов принадлежало духовным лицам. Представители духовенства и дервишизма являлись также крупными скотовладельцами. В 1872 г. среди каракалпаков самыми крупными скотовладельцами были один ходжа и один ишан; каждый из них имел по 1500 голов крупного рогатого скота и по 2000 баранов. Рост богатств у духовенства и ишанов в XIX в. укреплял политическое значение этой группы феодалов.

Духовенство внедряло в народ мусульманское мировоззрение и покорность ханской власти. Немногочисленные школы (мактабы) влачили жалкое существование. Высших духовных школ (медресе) было «самое ограниченное число». Только богатые люди, в виде исключения, давали образование своим детям в училищах Хивы; в 1858 г. среди учеников медресе Кутлуг-Мурада в Хиве числилось лишь два каракалпака. Даже каракалпакскими казиями были люди «бедные познанием и развитием», которые «плохо понимали шариат». Однако необразованные каракалпакские муллы не хуже «ученых» преподавателей бухарских и хивинских медресе проявляли свою реакционность. Они стремились задушить народное творчество каракалпаков, боролись с талантливыми поэтами и певцами, запрещая даже исполнение народных былин, воспевавших подвиги каракалпакских батыров. Среди каракалпаков были распространены сатирические произведения, остро высмеивавшие злобу, жадность, взяточничество духовенства.

Каракалпаки должны были вносить в хивинскую казну большие подати. По мусульманскому обычаю, они были обложены закятом, т. е. сороковиной со скота. В середине XIX в. зякат составлял 5 малых тиллей с 40 голов крупного скота, т. е. около 9 руб., и по 10 аббасов с 40 штук мелкого скота, т. е. 2 руб. 50 коп.; позже брали по 1 таньга с головы скота.

Кроме того, каракалпаки были обложены поземельным налогом — салгутом (каракалп. — салгыт). С узбекского населения ханства салгут взимали «потанапно», с каракалпаков же его взыскивали «огулом», так как вся земля считалась в общественном пользовании (так называемый салгут-кесме, или определенный окладной салгут). Так как часть каракалпаков вела полукочевой образ жизни, сумма салгута определялась ханскими чиновниками не по количеству обрабатываемой земли, а бралась с племени или рода; внутри рода она распределялась по аульным общинам и семьям. Это открывало широкий простор для злоупотреблений старшин, в результате чего малоземельные бедняки часто облагались выше богатых земледельцев. При разверстке налогов бии взимали с крестьян и свои расходы на подкупы ханской администрации, содержание сборщиков налога и т. д. Это считалось, по обычаю, «помощью», которую аул должен оказывать «своему» бию.

В случае военной опасности каракалпаки платили наряду с остальным тяглым населением ханства особую подать

«с котла», т. е. с хозяйства. Кроме того, взимался налог в пользу духовенства — усир.

Тяжелым бременем лежали на каракалпакском населении принудительные работы по ирригации. Для этих работ каждое хозяйство, платящее салгыт, должно было выделять на 12 дней по одному рабочему (казучи). Часть населения ханства (напр., туркмены и кочевые узбеки, которые поставляли воинов) была освобождена от этой повинности, и она возлагалась почти исключительно на каракалпаков и оседлых узбеков. Внутри общин вся тяжесть казу ложилась на рядовых общинников, а знатная верхушка аулов освобождалась от этой повинности за взятки и выкупы.

Помимо общих для всего населения ханства повинностей, правящая феодальная знать использовала навыки каракалпаков в ирригационном строительстве и постоянно привлекала их в порядке внеэкономического принуждения к постройке каналов в центральных районах ханства и в имениях крупных сановников. В некоторых ханских поместьях вся земля обрабатывалась рабами и каракалпаками, для чего каракалпакские крестьяне принудительно переселялись в ближайшие к поместью районы.

Одной из главных феодальных повинностей была также обязательная военная служба. В случае войны каракалпаки должны были поставлять от 1000 до 2000 нукеров (воинов) как пеших, так и конных. Им шло ничтожное жалование из ханской казны. Поставка воинов ложилась тяжелым бременем на каракалпаков, в середине XIX в. она всякий раз обходилась им от 100 до 140 тыс. тиллей, т. е., приблизительно, от 180 до 252 тыс. золотых руб. По отзыву самих хивинцев, на войне каракалпаки отличались храбростью.

Характеризуя тяжесть хивинского ига для населения ханства, русские путешественники отмечали в середине XIX в., что каракалпаки «более других подвластных ханству племен отягощены налогами, которые совершенно разоряли их. Эти несчастные, изнуренные трудом и недостатками, угнетенные чиновниками хивинских ханов, едва прикрытые лохмотьями своей ветхой одежды, представляли живую картину нищеты. Кибитки, покрытые клочками оборванной кошмы, почерневшей от продолжительной службы, едва ли могли служить им убежищем от зноя и стужи». «Эта бедность происходит большею частью от притеснения хивинских приставов, не щадивших каракалпаков». «Каракалпаки — самый несчастный народ в Хиве, — читаем в одной журнальной статье 1859 г., — благодаря возмутительному

насилию, с каким хивинское правительство угнетает этих несчастных тружеников».

Жестокая эксплуатация со стороны правящих классов Хивы вызывала частые восстания каракалпаков. В 1827—1828 гг. сильное восстание вспыхнуло в районе Ак-Якыша. Восстали, по выражению официальных историографов, «беспутные бродяги»; под этим презрительным названием подразумевалась беднота. Хивинский чиновник, собиравший закят, вынужден был бежать, изгнанный крестьянами. Во главе восставших встал Айдост-бий. Этот видный представитель каракалпакской знати задумал использовать народное движение в своих классовых целях.

Хан Аллакули послал против восставших сильное войско. Со своей стороны, Айдост собрал восставших на берегу Аральского моря и разослал по окрестным каракалпакским аулам гонцов с призывом идти к нему на помощь с семьями, скотом и имуществом. Собравшиеся вокруг Айдост-бия каракалпаки стали готовиться к битве, окопались рвами и огородились арбами. Однако, увидев преимущество хивинских войск и не надеясь на успех освободительной борьбы, Айдост сделал попытку увести восставших вместе со всем скотом и имуществом в Кокандское ханство; за эту услугу он рассчитывал получить возможность поправить свою карьеру — уже при Кокандском дворе.

Предательская политика Айдоста обрекала восстание на неудачу; народ стал отходить от него; войска Аллакули настигли Айдост-бия в укреплении Чирчик-Рабат и перебили оставшихся с ним повстанцев; Айдост был доставлен в Хиву и там казнен. Хан осыпал наградами тех старшин, которые не примкнули к восстанию.

Еще более сильное движение каракалпаков имело место в середине XIX в. Непрерывные войны Хивы с соседними государствами при хане Мухаммед-Амине (1845—1855 гг.) совершенно разорили население ханства. Начались волнения среди туркмен, а вслед за ними восстали каракалпаки, узбеки и казахи. Восстание охватило все народы Хивинского ханства. Во главе восставших стал один из каракалпакских биев, Ерназар, по прозвищу Алагоз. По словам официальных историков, он «в силу своего безрассудства и исключительной зловредности своей натуры... вступил на путь бессмысленного возмущения и вражды».

Ерназар принадлежал к враждебной хивинскому правительству прослойке феодально-родовой знати каракалпакского племени колдаулы. Он сумел привлечь к восстанию часть каракалпакских биев и старшин. Восставшие отложились от

Хивы и провозгласили своим ханом казахского тёре Зарлыка. Но когда в феврале 1856 г. ханская власть оказалась в руках Сеид-Мухаммеда, знать «четырнадцати родов» выдала хивинским властям своего хана, который и был казнен. «Верноподданные и преданные хану» каракалпакские старшины сами взялись за подавление движения. Они общими силами собрали войско из каракалпаков и аральцев и выступили против восставших. К ним присоединился отряд узбекских войск под начальством ясаулбаши Мухаммед-Нияза.

Ерназар, собрав вокруг себя несколько сотен сторонников, засел в построенной им у Казахдарьи крепости и отверг предательское предложение старшин и биев «четырнадцати родов» «стать на путь покорности». Тогда Мухаммед-Нияз приступил к осаде крепости. Среди осажденных начался раскол, многие «ради спасения своей жизни и имущества» хотели сдаться, но Ерназар сопротивлялся, пока его не застрелили сговорившиеся с Мухаммед-Ниязом предатели. После этого повстанцы сдались. Часть их ушла в бухарские владения, а некоторые бежали на Сырдарьинскую линию под защиту русских войск.

Приближение русских войск и образование Сырдарьинской линии все более усиливало стремление каракалпаков уйти от ненавистного хивинского ига под власть русского государства.

В 1857 г. было отмечено поступление двух писем от каракалпаков, живших в устье Амударьи, с просьбой принять их в подданство России.

Еще ярче проявилось это стремление в 1858—1859 гг., когда каракалпаки вновь восстали против Хивы, объединившись на этот раз с узбеками и казахами. Центром восстания был г. Кунград. Повстанцы открыто заявили о желании присоединиться к России, и русское правительство направило им на помощь вооруженное судно под командованием капитана Бутакова. Однако, находившиеся под влиянием Англии и вооруженные английским оружием, туркменские феодалы во главе с Атамурад-ханом захватили в свои руки Кунград и окружающие селения. Руководитель повстанцев Мухаммед-хан предал народ и сдался врагам. Бутаков вынужден был вернуться. Восстание было жестоко подавлено. Его участники были частью перебиты, частью обращены в рабство, их аулы разрушены, а посевы уничтожены. Трагическая гибель повстанцев запечатлена в известной поэме классика каракалпакской литературы Аджинияза — «Боз-Атау».

Весьма отрицательное влияние на ход каракалпакских восстаний середины XIX в. оказывали пережитки патриархально-родового быта, доверие к биям, которые в своих классовых или личных карьеристских целях изменяли восставшим и предавали их на кровавую расправу карательным войскам.

В то же время в связи с начавшимся преодолением родоплеменной разобщенности и ростом классового самосознания народных масс в XIX в. в народном творчестве каракалпаков появляется ряд глубоко демократичных по своему содержанию произведений, в которых народ бичует уже не только хивинских ханов и их администрацию, но и биев, ишанов и других представителей каракалпакской феодально-родовой знати.

УКАЗАТЕЛИ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ИВ АН УзССР — Институт востоковедения АН УзССР
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИРКОМ — Известия Русского комитета для изучения Восточной и Средней Азии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СВ — Советское востоковедение
СЭ — Советская этнография
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ТКЛА — Туркестанский кружок любителей археологии
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Узкомстарис — Узбекистанский комитет по охране и реставрации памятников материальной культуры
УзФАН — Узбекистанский филиал Академии Наук СССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Британское владычество в Индии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения[1], т. 9, стр. 130—136.

Маркс К. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, тт. 1—3, т. 23, стр. 907; т. 24, стр. 648; т. 25, ч. I, стр. 545.

Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 9, М., 1941, стр. 216.

Маркс К. Нищета философии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 65—185.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., Госполитиздат, 1940, 52 стр.

Маркс К. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 6, М., 1939, стр. 169—208.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 419—459.

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 4—544.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 5—326.

Энгельс Ф. Диалектика природы. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 345—626.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 343—437.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 23—178.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 486—499.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг., ПСС, т. 16, стр. 193—413.

Ленин В. И. Государство и революция, ПСС, т. 33, стр. 1—120.

Ленин В. И. О государстве, ПСС, 29, стр. 433—451.

---

[1] Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по второму изданию.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России, ПСС, т. 3, стр. 1—609.
Ленин В. И. Философские тетради, ПСС, т. 29, 782 стр.
Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, ПСС, т. 1, стр. 125—346.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Абд ал-Карим Бухари. Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand). Depuis les dernieres années du régne de Nadir Chah (1153) jusqu'en 1233 de L'Hegire (1740—1818) par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publ., trad. et annotée par Ch. Schefer T. I—II. Paris, E. Leroux, 1876. (Publ. de l'École des langues orientales vivantes), t. I. Texte persan, 111 p.; t. II, Traduction francaise VII, 306 p.

Абд ар-Раззақ Самарканди. Матла' ас-са'дайн ва маджма' бахрайн, та'ли-ф-и маулана Камал ад-дин 'Абд ар-Раззақ Самарқанди... ба тасҳиҳ-и Муҳаммад Шафи', Джилд-и 1—2, Лаҳур, 1941—1949.

Абдурраҳман-и Тали'. История Абулфейз-хана. Пер. с тадж., предисл., примеч. и указ. А. А. Семенова. Отв. ред. Р. Н. Набиев, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, 176 стр.

Абу Али Ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. Кн. 1—5, Ташкент, 1954—1960.

Абу Али Ибн Сина. Математические главы «Книги знания» (Донишнома), Душанбе, Изд-во «Ирфон», 1967, 180 стр.

Абу Джафар Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми. Das Kitab surat al-ard des Abu Ga'far Muhammad Ibn Musa al-Huwarizmi, Hrsg. nach dem handschriftlichen Unukum der Bibliothéque de l'Université et rêgionale in Strassburg (cod. 4247) von Hans v. Mzik, Leipzig, 1926.

Абу Дулаф. Вторая записка Абу Дулафа. Изд. текста, перев., введ. и коммент. П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., Изд-во восточной литературы, 1960, 188 стр.

Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Пер. и примеч. Г. С. Саблукова. Послесловие и примеч. Н. Ф. Катанова. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1905, XXI, 5—6, стр. I—XVI и 1—224; 1906, XXII, 6, стр. 225—336.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази-хана хивинского [Исследование. тексты, перевод], М.—Л., изд. АН СССР, (Ленинградское отделение), 1958, 193 стр.

Абу Тахир Ходжа. Самария. Сочинения Абу-Тахир-ходжи. СПб., изд. фак-та вост. яз. имп. С.-Петербургского ун-та. 1904, XII, 81 стр.

Абу Тахир ходжа. «Самария», описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Пер. В. Л. Вяткина, в кн.: Справочная книга Самаркандской области, вып. VI, Самарканд, 1899, стр. 153—259.

Абу Ханифа Динавери. Kitab al-Ahbâr at-Tiwal. Publie par V. Guirgass. Leide, E. J. Brill, 1888, 402 p.

Абу Юсуф Якуб. Китаб ал-харадж ли-л-имам сахиб Аби Ханифа ал-қади Аби Йусуф Йакуб ибн Ибрахим, Булак, 1302 (1884—1885).

Китаб ал-харадж ли-л-қади Аби Йусуф Йақуб ибн Ибраҳим сахиб ал-имам Аби Ханифа, Каир, 1326 (1927—1928).

Le Livre de L'import foncier. (Kitâb el-kharadj). Traduit et annoté par E. Fagnan. Paris, 1921, XVI, 352 p.

Авеста. The Zend-Avesta. Traduct. nouv. avec comment. histor. et philol. par J. Darmesteter. Pt. I—III, Oxford, 1880—1887.

Codices Avestici et Pahlavici Bibliothecae Universitatis Hafnien-

sis. Publ. in facs. by the University library of Copenhagen. Vol. VII—XII, Copenhagen, 1937—1944.

Али ибн Мухаммад ал-Хериви Бенаи. Шейбани-намэ. Рукопись ИВ АН УзССР, № 844.

Аноним Искандера. См. Натанзи Муин ад-дин.

Аппиан. Appian's Roman History. English transl. by H. White. Vol. I—II, London-New Yourk, 1912—1928.

Митридатовы войны. Сирийские дела. Пер. С. П. Кондратьева. ВДИ, 1946, № 4, стр. 229—324.

Арабский аноним XI века. Издание текста, перев., введ. в изучение памятников АН СССР. Ин-т востоковедения. Памятники литературы народов Востока, Тексты, большая серия, 6, М., Изд-во восточной литературы, 1960, 221, XI, 134 стр.

Арриан. Поход Александра. Перев. с древнегреч. М. Е. Сергеенко. [Вступ. статья О. О. Крюгера], М.—Л., изд. АН СССР, 1926, 340 стр.

Ауфи Мухаммед. Джавами ал-хикайат ва лавами ар-ривайат. Рукопись библиотеки Восточного факультета ЛГУ, инв. № 648.

Бабур Захириддин Мухаммед. Бабур-наме. Записки Бабура. *Отв. ред. и предисл. С. А. Азимджановой.* Пер. М. Салье. Иллюстр. В. Е. Кайдалова. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, 530 стр.

[Захириддин Бабур], Мубаййин, Ташкент, 1905.

Бобир З. М. Асарлар уч жилдлик, Тошкент, Бадий адабиёт нашриёти, 1965—1966, ж. I, Девон, нашрга тайерловчилар С. Азимжонова, А. Қаюмов, ред. Р. Комилов, 234 б. Ж. П—Ш, Бобирнома, нашрга тайерловчи П. Шамсиев, ред. Х. Пулатов, 294, 304 б.

Байҳақи, Абу-л-Фазл. The Ta'rikhi Baihaki, containing the life of Masaud, son of sultan Mahmud of Ghaznin. Being the 7th, 8th, 9th and part of the 6th and 10th Vols. of the Ta'rikhi Ali Saboktakeen. By Abu'l Fazl al-Baihaqi. Ed. by the late W. H. Morley and printed under the supervision of W. Nassau Lees, Calcutta, 1862.

Тарих-и Байҳақи, тасниф-и ходжа Абу-л-Фазл Муҳаммад б. Ҳусейн Байҳақи дабир, ба ихтимам-и доктор Ғани ва доктор Файяз (матн-и мусаҳиҳ ва камил ба ҳаваши ва та'ликат ва фиҳристҳа. Теҳран, 1324 (1945).

Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда (1030—1041). Вступит. статья, пер. [с перс.] и примеч. А. К. Арендса. Ташкент, изд. АН УзССР, 1962, 748 стр.

Байҳақи Абу-л-Ҳасан. Та'рих-и Байҳақ та'лиф-и Абу-л-Ҳасан 'Али б. Зайд Байҳақи ма'руф ба Ибн Фундуқ ба тасҳиҳ ва та'ликат-и Аҳмад Бахманйар, Теҳран, 1317 (1938).

Бакран Муҳаммад ибн Наджиб. Джахан-намэ (Книга о мире). Изд. текста. введ. и указ. Ю. А. Борщевского. Акад. наук СССР, Ин-т народов Азии, Памятники литературы народов Востока, Тексты, большая серия, 10, М., Изд-во восточной литературы, 1960.

Бал'ами. Тарих-и Табари, Литография, Лакнау, 1312 (1874).

Бар Еврей. Gregorii Barhebraei, Chronicon Syriacum e codd. MSS emendatum ac punctis vocalibus adnotationibusque locupletatum Bedjan Parisiis, 1890.

Белазури. Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Iahia ibn Djabir al-Beladsori, quem e codice Leidensi et codice Musei Brittannici ed. M.I. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866.

Беневи Ф. [Реляции из Бухары], В кн.: А. Н. Попов. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом, ЗРГО, Кн. IX, СПб., 1853, стр. 237—424.

Бируни Абу-Рейхан. Избранные произведения, т. 1—3, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1957—1966; (Акад. наук УзССР. Ин-т востокове-

дения им. Бируни), т. I, Памятники минувших поколений. Пер.. и примеч. М. А. Салье. Вступит. статья С. П. Толстова и В. П. Щеглова, 1957, 487 стр.; т. 2, Индия. Пер. А. Б. Халидова и Ю. Н. Завадовского. Вступит. статья и коммент. В. Г. Эрмана и А. Б. Халидова. Отв. ред. В. И. Беляев, 1963, 727 стр.; т. 3, Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами (Геодезия). Исследование, пер. и примеч. П. Г. Булгакова. Под ред. А. К. Арендса, 1966, 363 стр.

Абу-р-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия). Пер. А. М. Беленицкого. Под. ред. Г. Г. Леммлейна, К. Х. Баранова и А. А. Долининой. Статьи и примеч. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна, М., изд. АН СССР, 1963, 518 стр.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ред. текста, вступит. статья и коммент. А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера, т. I—III, М.—Л., изд. АН СССР, 1950—1953.

Бланкеннагель. Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг. С примечаниями В. В. Григорьева. Вестник рус. геогр. общества, ч. 22, 1858, стр. 87—116.

Бутаков А. И. Дневные записки плавания А. И. Бутакова на шхуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848—1849 гг. По рукописным материалам Узбекской и Украинской Государственных публичных библиотек подготовил к печати Е. К. Бетгер. Под ред. Н. А. Корженевского, 1953, 57 стр.

Васифи Зайн ад-дин. Бадай ал-вакаи. Критич. текст, введ. и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., Изд-во восточной литературы, 1961. (Ин-т народов Азии. Памятники литературы народов Востока, Тексты. Большая серия 5); т. I, 50, 682 стр. т. II, стр. 683—1377. «Вакф-намэ».

Вассаф, Абдаллах ибн Фазлаллах. Китаб-и таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-асар, Литогр. изд., Бомбей, 1269 [1852—1853].

Гардизи. Зайн ал-ахбар аз Абу Са'ид 'Абд ал-Ҳай б. Заҳҳак б. Маҳмуд Гардизи (ш'амил-и та'рих-и сасанийан ва сират-и русул-и акрам ва хулафа ва ахбар-и умара-и Хорасан та пайан-и давра-и сафари ба тасҳиҳ ва муқадима ва фихрист ва ҳаваши Са'ид Нафиси, Теҳран, 1333 (ш) (-1954).

Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко с его предисл. и указ., т. I—II, 1886—1888, 639 стр.

Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. Пер. с перс., предисл. и примеч. А. А. Семенова, М., Изд-во восточной литературы, 1958, 207 стр.

Гладышев и Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Издана с приобщением современной карты Миллерова пути от Орска до Зюнгорских владений и обратно Я. В. Ханыковым, СПб., 1851, 88 стр.; То же: Изв. Русск. геогр. общества, 1850, 2, стр. 519—599.

Гулбадан бегим. Ҳумаюн-нома. (Заҳириддин Бобирнинг ўғли, Ҳумоюн подшоҳнинг аҳволи) форс тилидан узбек тилига таржима қилувчи С. Азимжанова. Масъул мухаррир А. Қаюмов, Тошкент, ЎзССР Фанлар Акад. нашр, 1959, 112, 132 бет.

Дело 1714—1718 гг. об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитана поручика князя Александра Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву (Документы). Материалы военно-ученого архива Главного штаба, т. 1, СПб., 1871, стр. 197—506.

Джами Абдурахман. Трактат о музыке. Пер. с перс. А. Н. Болдырева. Ред. и коммент. В. М. Беляева. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, 111 стр.

Дженкинсон А. и др. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. Ю. В. Готье. Отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. Введ. Г. Новицкий, Л., 1937, 308 стр.

Джувейни. The Ta'rikh-i-Jahan-gusha of 'Ala'u'd-Din Malik-i-Iuwaini (composed in A. H. 658—A. D. 1260). Ed. with an introduction, notes and indices from several old MSS. by Mirza Muhammad ibn 'Abdu'l-Wahhab-i-Qazwini. Parts 1—3, 1912—1937, Leyden, E. I. Brill., London, Luzac and Co. (Gibb Memorial Series, XVI, pts 1—3). Pt. 1, Containing the history of Chingiz Khan and his successors, 1912; Pt. 2, Containing the history of the Khwarazmshah dynasty, 1916; Pt. 3, Containing the history of Mangu Qu'an, Hulagu and the Ismailis, 1937, XV, 563 pp.

The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, Vol. I—II, 1958, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press. (UNESCO collection of representative works, Persian series). Vol. I, XLV, 362 p., 4 pl.; Vol. II, VIII, p. 362—762, 1 pl.

Джузджани. The Tabaqat-i Nasiri of Aboo 'Omar Minhaj al-din 'Othman, ibn Siraj al-din al-Jawzjani. Ed. by W. Nassau Lees and Mawlawis Khadim Hosain and 'Abd al-Hai, Calcutta, 1864.
Manuscripts by H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881; Index, Calcutta, 1897 (Bibliotheca Indica, N. S. Vol. 272—273).

Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Вып. I. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, пер., введ. и примеч. О. Д. Чехович. Под ред. А. К. Арендса, Ташкент, 1954, 268 стр.

Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.—III в. н. э.). Хрестоматия. Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, Соцэкгиз, 1940, 171 стр.

Ибн ал-Факих. Compendium libri Kitab al-Boldan auctore ibn al-Fakih al-Hamadhani quod edidit indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni — Batavorum, 1885, LXVII, 365 p. (Bibliotheca geographorum arabicorum, V).

Ибн Араб-шах. Китаб аджа'иб ал-мақдур фи ахбари Тимур ли-л-фадили-л-адиби-л-камили-л-ариби ваҳиди асрихи ва фариди дахрихи ақда-л-қадат Шихаб-ад-дин Аҳмад б. Муҳаммад б. Абдаллах ад-Димишки ал-Ансари ал-ма'руф б-Ибн Араб-шах, Ал-Каҳира, 1305 [Каир, 1887—1888].

Ибн ал-Асир. Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C. J. Tornberg, Vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876; Vol. 1, 1867; vol. 2, 1868; vol. 3, 1869; vol. 4, 1870; vol. 5, 1871; vol. 6, 1871; vol. 7, 1865; vol. 8, 1862; vol. 9, 1863; vol. 10, 1864; vol. 11, 1851; Suppl. 1871; vol. 12, 1853; Suppl. 1871; vol. 13, 1874; vol. 14, 1876.

Та́рих-и камил (перевод Дамуллы Таджана Бакчали на старо-узбекский язык). Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР № 824—825.

Ибн Батута. Voyages d'ibn Batoutah, Texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et B. R. Sanguinetti. Tomes I—IV, Paris, 1853—1858; vol. 1, 1853; XLVI, 443 p.; vol. 2, XIV, 465 p. 1854; vol. 3, XXVI, 476 p. 1855; vol. 4, 479 p., 1858; (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique).

Ибн Мискавейх. Таджариб ал-умам. Рукопись Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, № 41.

Ибн Русте и ал-Якуби. Kitâb al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et Kitab al-boldan auctore Ahmed ibn Abi Yakub ibn Wadhih al-Katib al-Yakubi. Ed. M. J. de Goeje, 2-d ed. Lugduni Batavorum, 1892, 373 p. (Bibliotheca geographorum arabicorum, VII).

Ибн Фадлан. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Пер. и коммент. А. П. Ковалевского. Под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, 212 стр.

А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии, Харьков, 1956, 346 стр.

Ибн Халликан. Вафайат ал-'аййан ва анба'ибна' аз-заман ли Аби-л-'Аббас Шамсаддин Ахмад б. Мухаммад б. Аби Бакр б. Халликан ал-маулуд фи сана 608 ва ал-мутавафа фи сана 681 мин ал-хиджра, ҳаққакаху ва алака ҳавашиху ва сана'а фахарисаху Мухаммад Мухиддин Абд ал-Ҳамид, Каир, 1948.

Ибн Хаукал. Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae, Auctore Abu' l-Kasim ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873, XXI, 406 p. (Bibliotheka Geographorum arabicorum II).

Ибн Хордадбех. Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kasim Obaidallah ibn Abdallah ibn Khordadhbeh et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore Kodama ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje. Lugduni-Batavorum, 1889, XXIII, 216 p. and 308 p. (Bibliotheca Geographorum Arabicorum, VI).

Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. Исследов., тексты и перев. документов, М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, 379 стр.

Идриси. Edition critique du texte arabe, avec Facsimilés de tous les manuscrits connus, traduction, étude de la toponymie, apercu historique, cartes et gravures ainsi qu'un appendice donnant le texte de VII, 3 et de VII, 5 par O. J. Tallgren — Tuulio — A. M. Tallgren. Helsingforsiae, 1930 (Soc. Or. Fennica, Studia Orientalia, III).

Géographie d'Édrisi traduite de L'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagné de notes par Amedee Jaubert, vol. I—II, Paris, 1836—1840.

Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI в., т. I. [тексты]. Предисл. от ред. Е. Бертельса, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938, IX, 482 стр.

Истахри. Viae reghorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870, 348 p. (Bibliotheca Geographorum arabicorum, I).

Масалик ва мамалик, тарджима-и фарси масалик ал-мамалик аз қарн-и 5—6 хиджри Абу Исҳак Ибраҳим Истахри ба кушиш-и Иредж Афшар, Техран, 1340 (1962).

Казийские документы XVI века. Текст, пер., указ. встречающихся юридич. терминов и примеч. подготов. Р. Р. Фитрат и Б. С. Сергеев, Ташкент, изд. Комитета наук УзССР, 1937, 80 стр.

Кайдалов Е. Караван-записки во время похода в Бухарию российского каравана под воинским прикрытием в 1824 и 1825 годах, веденные начальником оного над купечеством Евграфом Кайдаловым, В трех частях, М., 1827—1828 гг.

Клавихо. Жизнь и деяния великого Тамерлана. Сочинение Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлин. текст с пер. и примеч. сост. под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881, VII, 455 стр. (Сборн. Отд. рус. яз. и словесности имп. Акад. наук, т. XXVIII, № 1).

Ксенофонт. Греческая история. Пер., вступ. статья и коммент. С. Лурье. Л. Соцэкгиз, 1939, XV, 379 стр.
Кудама. См.: Ибн Хордадбех.
Кудатку Билик. См. Юсуф хас-Хаджиб Баласагуни.
Курций Руф Квинт. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. [Под ред. В. С. Соколова]. М., изд. Моск. ун-та, 1963, 478 стр. с илл. и карт.; текст парал. на латин. и рус. яз.
Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вестник древней истории, М.—Л., 1947, № 1, стр. 253—316; № 2, стр. 247—332; № 3, стр. 235—315; № 4, стр. 171—289; 1948, № 1, стр. 221—315; № 2, стр. 213—318; № 3, стр. 215—330; № 4, стр. 223—298; 1949, № 1, стр. 187—293, № 2, стр. 269—356, № 3, стр. 203—308, № 4, стр. 225—230.
Маджма' ал-арқам. Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 2463.
Маджму'а-и мурасилат [переписка Алишера Навои и др.]. Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 2178.
Макдиси. Descriptio imperii moslemici auctore Schamso'ddin Abu Abdollah Nohammed ibn Ahmed ibn Abi Bekr al-Bannâ al-Basschäri al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1877, 2-d ed., 1906 (Bibliotheca Geographorum arabicorum III),
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., изд. АН СССР, 1951, 452 стр., 6л. факс.
Марварид, Абдаллах. Staatsschreiben der Timuridenzeit, Das Saraf-nama des 'Abdallah Marwarid in kritischer auswertung. Persischer Text in Faksimile (HS Istanbul Universitesi, F-87) von Hans Robert Roemer, Viesbaden, 1952.
Масуди. Maçoudi. Les Prairies d'or. Texte et trad. par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Tom I—IX, Paris, 1861—1877 (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique). Tome premier, 1861, XII, 408 p.; Tom deuxieme, 1863, V, 467 p.; Tom troisième. 1864, 464 p.; Tom quatrieme, 1865, XI, 480 p.; Tom cinquieme, 1869, VI, 515 p.; Tom sixieme, 1871, IX, 518 p.; Tom septieme, 1873, X, 438 p.; Tom huitième, 1874, X, 446p.; Tom neuvieme, 1877, VII, 376 p.
Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв., Л., изд. АН СССР, 1932, XVII. 504 стр., 4 л. табл. (АН СССР, Труды Историко-археологического ин-та и Ин-та востоковедения, т. 6, Материалы по истории народов СССР, вып. 3).
Материалы по истории Ура-Тюбе. Сборник актов XVII—XIX вв. Сост., пер. и примеч. А. Мухтарова. Под ред. А. А. Семенова и О. Д. Чехович, М., Изд-во вост. лит., 1963, 135 стр.
Маҳмуд ибн Вали. Баҳр ал-асрар фи манақиб ал-ахбар. Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 2372 и 1385.
Маҳмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк). Уч томлик (1960—1963). Тарж. ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Ташкент, 1 ж., 1960, 499 бет; 2 ж., 1961, 427 бет; 3 ж., 1963, 460 бет.
Маҳмуд ибн ал-Ҳусейн ал-Кашғари, Дивани лугат ат-турк, тт. 1—3, Стамбул, 1332—1335.
Марвази. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi: on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky (James G. Forlong Fund, Vol. XXII), London, 1942.
Мирза Абд ал-Азим Сами. Тарих-и Салатин-и мангитийа (История мангытских государей). Изд. текста, предисл., пер. и примеч. Л. М. Епифановой, М., Изд-во вост. лит., 1962, 179, 150 стр. (Ин-т народов

Азии. Памятники литературы народов Востока. Тексты, малая серия, 14, АН УзССР, Ин-т востоковедения).

Мирза-Шемс Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемс Бухари, издан. в тексте с пер. и примеч. В. В. Григорьевым, Казань, 1861, VI, 125 стр., 38 стр. перс. паг.

Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме, Перс. с тадж. с примеч. А. А. Семенова .Отв. ред. О. Д. Чехович, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, 326 стр.

Мирхонд. Китаб-и та'рих Раузат ас-Сафа та'лиф-и Мухаммад Хованд-шах муштамил бар хафт джилд ва тамоми дар як джилд муджаллад мунтазим гардиде, Бомбей, 1266 (1849).

Моисей Хоренский. Marquart J. Eranschahr nach der Géographie des Ps. Moses Xorenaci, Abhandlungen der Kon. Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen phil-hist. Klasse, Neue Folge, Band III, N 2, Berlin, 1901.

Мулла Ибадулла и **Мулла Мухаммад Шариф,** Тарих-и Амир Хайдар, Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 1836.

Мунис и Агехи см. Шир Мухаммад (Мунис).

Мухаммад-Алим Бухари. Фатхнаме-йи султани, Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 1838.

Мухаммад-Бадиъ ибн Мухаммед Шариф-и Самарканди Малихо, Музаккир ал-асхоб, Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 4770 и 1430.

Мухаммад Вафа-йи Керминеги. Тухфа-йи хани, Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 16.

Мухаммад-Казим. Наме-йи аламара-йи Надири (Мироукрашающая Надирова книга). Изд. текста, предисл. и общ. ред. Н. Д. Миклухо-Маклая, т. 1—3, М., Изд-во «Наука», 1960—1966.

Мухаммад Салих-ходжа ибн Кара-ходжа. Та'рих-и джадиде-йи Ташкент. Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 7791.

Мухаммед Салих. Шейбани-наме. Джагат. текст, изд. Л. М. Мелиоранского. Предисл. А. Н. Самойловича, СПб., 1908, XVIII, 14, 225 стр.

Мухаммед Хайдар. The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version edit. with comment., notes and map by N. Elias. The translat. by E. D. Ross, London, 1895.

Мухаммед-Шариф ибн Мухаммед-Нақи, Тадж-ат-Таварих. Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 2092.

Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Пер. с тадж., предисл., примеч. и указ. А .А. Семенова, Отв. ред. Д. Г. Вороновский, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, 300 стр.

Мухаммед-Якуб Бухари. Гульшен ал-мулук. Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 1507.

Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч в 1669 г. Изд. под ред. А. Н. Труворова. В кн.: Русская историческая библиотека, т. 15, СПб., 1894, стр. 1—91.

Наршахи Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар. Бухоро тарихи. Форс-тожик тилидан таржима А. Расулевники. Масъул муҳаррир А. Уринбоев, Тошкент, «Фан», 1966, 120 бет.

Насир-и Хусрау. Сафар-намэ (Книга путешествия). Рус. пер. и вступ. статья Е. Э. Бертельса, М.—Л., «Academia», 1933, 206 стр.

Ан-Насафи ас-Самарканди. Кандия Малая. Пер. и предисл., примеч. В. Л. Вяткина. В кн.: Справочная книжка Самаркандской области за 1906 г., вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 236—290.

Натанзи Му'ин ад-дин. Мунтахаб ат-таварих («Аноним Искандера»), изд. Ж. Обен, Техран, 1332 (1957).

Несеви. Histoire du sultan Djelal ed-Din Mancobirti prince du Kharezm par

Mohammed en-Nesawi par O. Haudas. Vol. I—II, Paris, E. Leroux, 1891—1895 (Publications de l'École des langues orientales vivantes. III ser., vol. IX—X). Vol. I, Texte arabe publie d'apres le manuscript de la Bibliotêque Nationale, 1891, 256 p. Vol. II, Traduit de l'arabe 1895, X, 484, 7 p., 1 pl.

Низамуддин Шами. Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama. V

Par Nizamuddin Sami. Avec des additions empruntées au Zubdatu-t-tawarih-i Bay. synguri de Hafiz-i Abru. Édit. critique par F. Tauer. T. I—II. Praha, Oriental institute. 1937, 1956 (Ceskoslovensky ustav orientalni v Praze. Monografie Archivu Orientalniho, Ed. by I. Rypka, vol. 5), t. I, Texte persan du Zafarnâma, 1937; t. II, Introduction, commentaire, index. 1956, XXIV, 320 p.

Сиасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Пер., «Введение в изучение памятника» и примеч. Б. Н. Заходера. Отв. ред. Е. Э. Бертельс, М.—Л., изд. АН СССР, 1949, 379 стр.

Siyar al-Muluk also known as Siyasat-nama of Nisam al-Mulk. Edited with critical notes and commentary by Hubert Darke. Tehran, 1962, VIII, 385 p. (Persian texts series, N 8).

Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или четыре беседы. Пер. с перс. С. И. Ворожейкиной. Предисл. А. Н. Болдырева, М., Изд-во вост. лит., 1963, 173 стр.

Нияз Мухаммед ибн Ашур Мухаммед. Тарихи Шахрухи. История владетелей Ферганы. Изд. Н. Н. Пантусова (на перс. языке), Казань, 1885.

Плано Карпини Джиованни. История Монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А. М. Малеина. Ред., вступ. статья и примеч. Н. П. Шастиной, М., Госиздат геогр. лит., 1957, 270 стр.

Плиний. Pliny. Natural History. with an English translat. Pref. and translat. by H. Rackham. Vol. I—IX. Cambridge, Massachusetts Harvard Univ. Press, London, William Heinemann Ltd., 1947—1958.

Равенди. The Rahat-us-Sudur wa Ayat-us-Surur, being a history of the Saljuqs by Muhammad ibn 'Ali ibn Sulayman ar-Rawandi. Ed. with notes, glossary and indices by Muhammad Iqbal, Leyden—London, 1921, XLII, 575 pp. (Gibb memorial New series, II).

Рашахат см. Фахриддин Али Ва'из Кашифи.

Рашид-ад-дин Фазлаллах. Джами' ат-таварих, т. I, ч. 1, Критич. текст А. А. Ромаскевича и др. [предисл. А. А. Али-Заде], М., «Наука», 1965, 588 стр.

Фазлуллах Рашид-ад-дин. Джами' ат-таварих, т. 3 (История государства Хулагидов. Текст и перевод). Сост. науч.-крит. текста на перс. яз. А. А. Али-Заде. Пер. с перс. А. К. Арендса, Баку, изд. АН АзССР, 1957, 361, 727 стр.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1—3, 1952—1960; т. I, кн. 1, Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, 222 стр., т. I, кн. 2. Пер. с перс. О. И. Смирновой. Ред. А. А. Семенов. Примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, 316 стр.; т. 2, Пер. с перс. Ю. П. Верховского. Примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. Ред. И. П. Петрушевский, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, 248 стр.; т. 3, Пер. с перс. А. К. Арендса. Под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946, 340 стр.

Ребрук см. Плано Карпини... Гильом де Рубрук.

Рукавкин Д. Описание пути из Оренбурга к Хиве и Бухарам с принадле-

жащими обстоятельствами бывшего при отправленном в 1753 г. из Оренбурга в те места купеческом караване Самарского купца Данилы Рукавкина; Новости литературы, кн. 5, 1823.

Руссов С. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 году, с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен до ныне. Журнал министерства внутренних дел, ч. 34, СПб., 1839.

Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов, М., «Наука», 1965, 656 стр.

Сам'ани. Абу Са'д Абд ал-Керим Мухаммед ас-Сам'ани, Китаб ал-ансаб. Рукопись Ин-та народов Азии, С 361 (543а).

The Kitab al-Ansab of Abd al-Karim ibn Muhammad al-Samani reproduced in facsimile from the manuscript in the British Museum add. 23, 355 with an introduction by D. S. Margoliouth, Leyden-London, 1912 (GMS, XX).

Самария см. Абу Тахир Ходжа.

Самойлович А. А. Сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX века о хивинско-каракалпакских отношениях. В кн.: Материалы по истории каракалпаков, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1935, стр. 91—134 (Труды Ин-та востоковедения АН СССР, т. 7).

Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях. I, Плано-Карпини, II, Асцелин, изд. Д. Языкова, СПб., 1825, XXI, 306 стр. Текст на рус. и латин. яз.

Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова (1620—1622). Сборник князя Хилкова, СПб., 1879.

Страбон. География. В 17 книгах. Пер. [с древнегреч.], статья и коммент. Г. А. Стратановского. Под общ. ред. С. Л. Утченко. Ред. пер. О. О. Крюгер, Л., «Наука», 1964, 943 стр.

Сюань Цзан. Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-thsang, et du chinois en francais, par S. Julien, t. I—II, Paris, 1857—1858 (Voyages de pélerins bouddhistes, II—III).

Табари. История пророков и царей [Пер., примеч. А. Э. Шмидта. Предисл. В. Беляева]. Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР, т. XVI, 1958, стр. 441—513.

Таварих-и гузида — Нусрат-наме. Исследование, крит. текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова, Ташкент, Изд-во «ФАН» УзССР, 1967, 126, 358 стр.

XIX аср Хива давлат хужжатлари. 2 том М. И. Йулдошев тахрири остида. Нашрга тайёрловчилар: М. И. Йулдошев, Т. Н. Негматов ва И. Е. Низаммиддинов, Тошкент, УзССР Ф. А. нашри, 1960, 403 бет.

Фазлаллах ибн Рузбехан (Ходжа Мухаммад Исфахани). Михман-наме-йи Бухара. Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 1414.

Фахриддин Али Ваъиз ал-Кашифи ас-Сафи. Рашахат айн ал-хайят, литогр. изд., Ташкент, 1329 (1911); Рашахат айн ал-хайят. литогр. изд. Лакнау, 1890.

Фирдаус ал-икбал см. Шир-Мухаммед (Мунис).

Фихрист. Kitab al-Fihrist. Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel, nach dessen Tode besorgt von J. Roediger und A. Müller, Bd. I—II, Leipzig, F. C. W. Vogel, 1871—1872; Bd. I, Den text enthaltend von J. Roediger, 1871, XXII, 403 S. Bd. II, Die anmerkungen und Indices enthaltend von A. Müller., 1872, 278 S.

Хафиз-и Абру. Chronique des Rois Mongols en Iran. Texte persan ed. et trad. par K. Bayani; I, Зайл-и Джами ат-таварих. Перс. текст, Техран, 1938; II, trad. et notes, Paris, 1936.

A persian Embassy to China; an extract from Zubdatu'l Tawarikh of Hafiz Abru, Lahore, 1934.

Хафиз-и Таныш Бухорий. Хофиз Таниш Ибн Мир Мухаммад. Абдулланo-

ма. Шарафномайи шохий (Масъул мухаррир Я. Г. Гуломов) 1 ж., Тошкент, «Фан», 1966, 400 бет.

Хамдаллах Казвини. The Geographical part of the Nuzhat-al-Qulub composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin in 740 (1340). Transl. and ed. by G. Le Strange, P. 1—2, Leyden, E. J. Brill, London, Luzac and Co., 1915—1919 (E. J. W. Gibb memorial series, XXIII, 1—2).

Хидая. Комментарии мусульманского права. Пер. с анг. под ред. Н. И. Гродекова, вып. I—IV, Ташкент, 1893, вып. 1, 513 стр.; вып. II, 462 стр.; вып. III, 243 стр.; вып. IV, 319 стр.

Хондемир Гиясаддин. Книга благородных качеств [Сокращ. пер. М. А. Салье]. В кн.: Родоначальник узбекской литературы, Ташкент, 1940, стр. 177—214; Предисл.: Салье М. А. «Книга благородных качеств» и её автор, стр. 170—176.

Хондемир. Макаримул ахлок (Книга благородных качеств). Нашрга тайёрловчи С. Муталлибов, Тошкент, 1941, 54 бет.

Хорезми Абу Абдаллах. Liber Mafatih al-olum explicans vocabula technica scientiarum tam arabum tam peregrinorum auctore Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusof al-Katib al-Khowarezmi. Ed., indices adjecit G. van Vloten, Lugduni-Batavorum, 1895.

Хоренский см. Моисей Хоренский.

Хронологическое обозрение политических сношений России с Бухариею. Дипломатические приложения, Сборник князя Хилкова, СПб., 1879.

Худуд ал-алем. Рукопись Туманского. Изд. с введ. и указ. В. В. Бартольда, Л., АН СССР, 1930.

Чан-Чунь. Си ю цзи или описание путешествия на Запад. Пер. с кит., с примеч. архимандрит Палладий, Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 269—436.

The Travels of an Alchemist. The Journey of the Taoist Ch'ang-ch'un from China to the Hindukush at the summons of Chingiz Khan. Recorder by His Disciple Li Chih-ch'ang. Transl. with an Introduct. by A. Waley, London, 1931 (The Broadway Travellers).

Шади. Фатх-наме. Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 5369.

Шахристани. Kitab al-milal wa an-nahl. Book of religions and philosophical sects, by Muhammad Al-Shahrastani. Now first edited from the collation of several MSS by W. Cureton, Pt. 1—2, London, 1842—1846;

Шереф ад-дин Али Езди. Зафар-наме, Тарих-и 'умуми муфассал-и Иран дардаура-и Тимурийан ли маулана Шараф ад-дин Али Езди аз ру-йи нусхи ке дар 'аср-и мусанниф навиште шуде бе тасҳиҳ ва иҳтимом Муҳаммад 'Аббаси, джилд-и 1—2, Техрон, 1336 (1957).

The Zafarnamah by Maulana Sharafuddin 'Ali of Yazd. Ed. by Maulawi Ilahdad, vol. I—II, Calcutta, 1887—1888.

Шер Мухаммед (Мунис), Мухаммед Риза (Агехи), Фирдаус ал-иқбал, Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 821.

Юсуф Хас-хаджиб Баласагуни. Kutadgu Bilig, Tipkibasim [факсим. изд.], Vol. I—III, Istanbul, 1942—1943. Vol. I, Viyana nüshasi, 1942; Vol. II, Fergana nüshasi, 1942, Vol. III. Misir nüshasi, 1943.

Якуби см. Ибн Русте и ал-Якуби, а также:

Якут. Yacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford. Hrsg. von F. Wustenfeld, Bd. I—IV, Leipzig, 1866—1873;

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОСОБИЯ

Абаев В. И. Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе. В кн.: Иранские языки, т. I, М.—Л., 1945, стр. 127—133.

Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в

XVI — первой половине XIX века, т. I, Ташкент, Изд-во «Фан», 1966, 369 стр.
Азимджанова С. А. К истории Ферганы второй половины XV в., Ташкент, 1957, 94 стр.
Айни Садриддин. Исъёни Муканиаъ, Душанбе, 1944, 75 бет.
Ал-Искандария. Сборник Туркестанского Восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, 167 стр.
Ал-Музафария. Сборник статей учеников В. Р. Розена, СПб., 1897, 363 стр.
Алишер Навои. Сборник статей под ред. А. К. Боровкова, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946, 235 стр.
Альбаум Л. И. Балалик-Тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана, 1960, 228 стр.
Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая старина, 1896, № 3—4.
Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков, М., Изд-во «Наука», 1965, 195 стр.
Байкова Н. Б. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях. (Первая половина XVI — вторая половина XVIII в.), Ташкент, Изд-во «Наука», 1964, 192 стр.
Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925, 317 стр.
Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. 2, ч. I, М., 1963, стр. 169—393.
Бартольд В. В. История Туркестана. В кн.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. 2, ч 1, М., 1963, стр. 109—163.
Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. 3, М., 1965, стр. 97—232.
Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. 2, ч. I, М., 1963, стр. 23—102.
Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 45—585.
Бартольд В. В. Улугбек и его время. В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения. т. 2, ч. 2, М., 1964, стр. 25—178.
Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. В кн.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. 2, ч. I, М., 1963, стр. 434—448.
Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века. Сочинения, т. III, 1965, стр. 13—94.
Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда (По материалам пянджикентских храмов). В кн.: Живопись древнего Пянджикента, М., 1954, стр. 25—82.
Беленицкий А. М. Из истории участия ремесленников в городских праздничествах в Средней Азии в XIV—XV вв., ТОВЭ, т. 2, 1940, стр. 189—201.
Беленицкий А. М. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (XIV—XV вв.). Образование института «Суюргал», Историк-марксист, 1941, № 4, стр. 43—58.
Беляев В. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье, М., Изд-во «Наука», 1965, 280 стр.
Беляев В. И. Материалы по истории, науке и культуре народов Средней Азии в арабских рукописях собрания Института востоковедения Академии наук СССР. Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г., Ташкент, 1958, стр. 921—927.

Березин И. П. Очерки внутреннего устройства улуса Джучиева, ТВОРАО, ч. 8, 1864, стр. 387—494.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, АН СССР, Материалы и исследования по археологии СССР, № 26, М.—Л., 1952, 347 стр.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов, Л., 1951, 256 стр.

Бертельс А. Е. Насир-и Хосров и исмаилизм, М., Изд-во восточной литературы, 1959, 289 стр.

Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература, Избр. труды, т. 3, М., Изд-во «Наука», 1965, 524 стр.

Бертельс Е. Э. Навои. Опыт творческой биографии, М.—Л., 1948, 272 стр.

Бируни — великий узбекский ученый средневековья. Под ред. В. Ю. Захидова, А. А. Семенова, Я. Г. Гулямова, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1950, 92 стр.

Бируни. Сборник статей под ред. С. П. Толстова, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, 139 стр.

Большаков О. Г. Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв., КСИИМК, АН СССР, вып. 61, стр. 17—23.

Брегель Ю. Э. Хорезмские туркмены в XIX веке, М., Изд-во восточной литературы, 1961, 442 стр.

Букинич Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства, Хлопковое дело, 1924, № 3—4, стр. 92—135.

Булатова-Левина В. А. Буддийский храм в Куве, СА, 1961, № 3, стр. 241—250.

Вамбери Армин-Герман. История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. По восточным обнародованным и необнародованным историческим источникам, Перевод А. И. Павловского, т. 1—2, СПб., 1873, 119 стр.

Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджитах и Монголо-татарах, Труды Восточного отд. Рус. археологическ. общества, ч. IV, 1859, стр. 1—235.

Веймарн Б. В. Искусство Средней Азии, М.—Л., Изд-во «Искусство», 1940, 189 стр.

Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худаяр-хана. Труды Восточного отд. Рус. археологического общества, ч. 2, 1856, стр. 326—370.

Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПб., 1877, 364 стр.

Веселовский Н. И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел. ЖМНП, 1884, № 7, стр. 68—105.

Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII — начале XX в. Сб. статей, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, 242 стр.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., Изд-во АН СССР, 1934, 223 стр.

Воронец М. Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950 г. Труды Музея истории АН УзССР, вып. 2, 1954, стр. 53—84. Библиогр.: 23 назв.

Вороновский Д. Г. Астрономы Средней Азии от Мухаммеда ал-Хаваразми до Улугбека и его школы (IX—XVI вв.). В кн.: Из истории эпохи Улугбека, Ташкент, 1965, стр. 100—172.

Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический

очерк, Ташкент, изд. Главнауки Наркомпроса УзССР, 1928, 65 стр.
Вяткин В. Л. Отчет о раскопках обсерватории Мирзы Улугбека в 1908 и 1909 гг., ИРКОМ, сер. 2, № 1, СПб., 1912, стр. 76—93.
Вяткин В. Л. Шейхи Джуйбари. В кн.: В. В. Бартольду, Туркестанские друзья, ученики и почитатели, Ташкент, 1927, стр. 3—19.
Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении, изд. 3, испр. и доп., т. I, С древнейших времен до великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., М., Госполитиздат, 1955, 476 стр.
Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. (Современный и ископаемый человек), М., Изд-во АН СССР, 1955, 585 стр.
Гинзбург В. В. Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза ее народов, Научные труды ТашГУ, вып. 235, Ист. науки, кн. 49, 1964, стр. 118—146.
Грек Т. В., Пчелина Е. Г. и Ставиский Б. Я. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. Основные итоги работ 1937, 1961—1962 гг. и индийские надписи на керамике, М., «Наука», 1964, 109 стр.
Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.—Л., изд. АН СССР, 1950, 479 стр.
Григорьев В. В. Греко-бактрийское царство, ЖМНП, ч. 136, 1867.
Григорьев В. В. Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии. ЖМНП, № 9, 1872, стр. 1—45.
Григорьев В. В. О скифском народе саках, СПб., 1871, 202 стр.
Григорьев Г. В. Каунчи-Тепа (раскопки 1935 г.), Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1940, 64 стр.
Григорьев Г. В. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда, КСИИМК, Вып. 13, 1946, стр. 150—153.
Грязнов М. П. Связи кочевников южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии (29 окт.— 4 ноябр. 1956 г.), М.—Л., 1959, стр. 136—142.
Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, М., 1957, 315 стр.
Гулямов Я. Г., Исламов У. и Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана, Ташкент, «Фан», 1966, 267 стр.
Гулямов Я. Г., Набиев Р. Н. ва Вахабов М. Г. Ўзбекистон ССР тарихи (Бир. томлик), Тошкент, 1958, 690 бет.
Гумилев Л. Н. Древние тюрки, М., 1961.
Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена, М., Изд-во восточной литературы, 1960, 291 стр.
Давидович Е. А. Денежная реформа Шейбани-хана (Из истории среднеазиатской экономики в XVI в.). Труды АН ТаджССР, т. 12, 1954, стр. 85—108.
Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. Нумизматика и эпиграфика, 1966, № 6, стр. 103—134.
Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов), Душанбе, Изд-во АН ТаджССР, 1964, 317 стр.
Давидович Е. А. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в. Известия отд. общественных наук АН ТаджССР, вып. 1 (24), 1961, стр. 25—44.
Давидович Е. А. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека. В кн.: Из истории эпохи Улугбека, Ташкент, 1965, стр. 274—299.

Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. Записки РГО, кн. 5. 1851, стр. 62—153.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. 4, М.—Л., 1948, 392 стр.

Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк, Ташкент, 1912, 520 стр.

Дьяконов М. М. Сложение классового общества в северной Бактрии, СА, т. 19, 1954, стр. 121—140.

Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) 1950—1951 гг. МИА, № 37, 1953, стр. 253—293.

Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков, Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. 9, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, 168 стр.

Жувонмардиев А. XVI—XIX асрларда Фаргонада ер-сув масалаларига доир, Тошкент, 1965, 182 бет.

Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. Древности Закаспийской области, Материалы по археологии России, вып. 18, СПб., 1894, 216 стр.

Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, Труды Общества русских ориенталистов, № 2, Пг., 1915, 214 стр.

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы, Материалы исследований по археологии СССР, № 118, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, 328 стр.

Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии, Проблемы исследования и реставрации. В кн.: Вопросы реставрации, т. 2, 1928, стр. 207—284.

Захидов П. Ш. Самаркандская школа зодчих. XIX — начало XX вв., Ташкент, Изд-во «Наука», 1965, 175 стр.

Зезенкова В. Я. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. В кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953, стр. 97—112.

Зограф А. Н. Монеты «Герая», Ташкент, 1937, 36 стр.

Зияев Х. З. Ўрта Осиё ва Сибирь (XVI—XIX асрлар), Тошкент, Ўзфанакаднашр, 1962, 342 бет.

Зияев Х. З. Ўрта Осиё ва Волга буйлари (XVI—XIX асрлар), Тошкент, 1965.

Ибн Сина. Материалы научной сессии Академии наук УзССР, посвященной 1000-летнему юбилею Ибн Сины, Ташкент, 1953.

Иванов П. П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг., АН СССР, Труды Ин-та востоковедения, т. 3—8, М.—Л., 1937, № 7, стр. 92—128.

Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство. (К истории их взаимоотношений в начале XIX в.), ЗИВ, М.—Л., 1939, № 7, стр. 92—128.

Иванов П. П. «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана Хивинского (1856—1865). В порядке постановки вопроса о так называемых ханских землях в Средней Азии. ЗИВ, М.—Л., 1937, № 6, стр. 27—59.

Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв. Сборник статей, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, 114 стр.

Иностранцев К. А. К истории домусульманской культуры Средней Азии. ЗВО, т. 24, 1917, стр. 133—144.

Иностранцев К. А. Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов), Л., 1926, 152 стр.

Исламов О. И. Из истории горного дела и геологических представлений у

народов Средней Азии с древнейших времен до XVIII в. В сб.: Очерки по истории геологических знаний, вып. 4, М., 1955, стр. 42—69.
История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Под ред. И. О. Омарова и А. М. Панкратовой. Изд. 2, испр. и доп., т. I, Алма-Ата, 1949, 452 стр.
История Киргизии, т. I, Фрунзе, 1963, 591 стр.
История монголов. От древнейших времен до Тамерлана. Перевод с персидского (В. В. Григорьева), СПб., 1834, 158 стр.
История народов Узбекистана, т. 1 (С древнейших времен до начала XVI века), Ташкент, 1950, 474 стр.
История народов Узбекистана, т. 2. (От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции), Ташкент, 1947, 512 стр.
История СССР. В 2-х сериях. Первая серия, т. I, М., 1966, 719 стр., т. 2, М., 1966, 631 стр.
История таджикского народа (С древнейших времен до V в. н. э.), т. 1, М., 1963, 596 стр.
История Туркменской ССР, т. I, (С древнейших времен до конца XVIII века), кн. I, Ашхабад, 1957, 295 стр.
История Узбекской ССР, т. I, кн. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, 543 стр.
История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, 497 стр.
Исследование палеолитической пещеры Тешикташ. Труды УзФАН СССР, сер. I, вып. 1, Ташкент, 1940, стр. 3—45.
Кадырова Т. К. Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане в VIII — начале IX в., Ташкент, Изд-во «Наука», 1965, 240 стр.
Камалов С. К. Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX в., ТХАЭЭ, III, Материалы и исследования по этнографии каракалпаков, М., 1958, стр. 133—206.
Кары-Ниязов Т. Н. Астрономическая школа Улугбека, М.—Л., 1950, 331 стр.
Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, 170 стр.
Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., Изд-во «Наука», 1964, 215 стр.
Кляшторный С. Г. Согдийцы в Центральной Азии (по руническим текстам). Эпиграфика Востока, т. 14, 1961, стр. 29—81.
Крачковский И. Ю. Арабские географы и путешественники. Известия Гос. геогр. общества, т. 69, 1937, вып. 5, стр. 738—765.
Латынин Б. А. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. 26, 1957, стр. 12—15.
Латынин Б. А. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии, СА, 1959, № 3, стр. 19—27.
Лев Д. Н. Древний палеолит в Аман-Кутане (Исследования 1953—1954 гг., Труды УзГУ, новая серия, № 61, Самарканд, 1956, 232 стр.
Лерх П. И. Монеты бухар-худатов, ТВОРАО, ч. 18, 1909, стр. 1—161.
Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, Ташкент, Изд-во «Наука», 1965, 408 стр.
Лэн-Пуль Стенли. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перевод с анг. с примеч. и доп. В. В. Бартольда, СПб., 1899, 344 стр.
Масальский В. И. Туркестанский край, СПб., 1913, X, 861 стр.

Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии, ч. 1—2, Ташкент, 1955—1956; ч. 1, 1715—1856, 82 стр.; ч. 2, 1856—1869, 100 стр.

Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, АН СССР, Ин-т истории материальной культуры, Материалы и исследования по археологии СССР, № 73, 1959, 216 стр.

Массон М. Е. Ахангеран, Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, 144 стр.

Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953, 75 стр.

Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 155—166.

Массон М. Е. План окрестностей Самарканда второй половины XV в. (Карта 1 л.), Труды САГУ, новая серия, вып. 49. Гуманитарные науки, кн. 6, 1953, стр. 206.

Массон М. Е. Прошлое Ташкента (Археолого-топографический очерк), Известия АН УзССР, 1954, № 2, стр. 105—132.

Материалы по истории каракалпаков. Сборник, Труды Ин-та востоковедения, т. 7, М.—Л., 1935, 299 стр.

Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. Сборник статей, Союз Сов. архитекторов УзССР, научная серия, вып. 1, т. I, II, М., 1950, 102 стр.

Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1955, 590 стр.

Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана, М., 1966, 172 стр.

Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв., Душанбе, Изд-во «Донищ», 1966, 129 стр.

Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. С приложением «Химических исследований почв и вод». К. Шмидта. Пер. с нем. В. И. Ковалевский, СПб., 1882, т. XII, 489, XLVI стр.

Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения, Л., АН СССР, 1928, 174 стр.

Мирзаев К. М. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, Ташкент, АН УзССР, 1954, 105 стр.

Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-намэ», Ташкент, Изд-во «Наука», 1966, 354 стр.

Муминов И. М. Абдуррахман Джами как ученый мыслитель. Объединенная научная сессия АН УзССР и СамГУ, посвященная 550-летию со дня рождения А. Джами. Общественные науки в Узбекистане, 1965, № 2, стр. 27—30.

Муминов И. М. К вопросам истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане (X — начало XX вв.), Труды УзГУ, новая серия, вып. 54, 1954, стр. 3—81.

Муминов И. М. Философские взгляды Мирзы Бедиля. Ташкент, АН УзССР, 1946, 110 стр.

Мунировв К. Мунис, Огахий ва Баёнийнинг тарихий асарлари, Тошкент, Узфан акаднашр, 1960, 171 бет.

Мухаммаджонов А. Р. ва Неъматов Т. Бухоро ва Хеванинг Россия билан муносабатлари тарихига доир баъзи манбалар. Я. Г. Гулямов тахрири остида, Тошкент, Узфанакаднашр, 1957, 223 бет.

Набиев Р. Н. Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки, Ташкент, «Фан», 1966, 80 стр.

Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, 215 стр.

Народы Средней Азии и Казахстана. Под ред. С. П. Толстова (и др.), М., АН СССР, 1962—1963, т. I, 1962, 768 стр.; т. 2, 1963, 779 стр.
Небольсин П. И. Очерки торговли России с странами Средней Азии, Хивой, Бухарой, и Кокандом (со стороны Оренбургской линии), ЗРГО, т. X, СПб., 1856,
Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.), Ташкент, Изд-во «Наука», 1966, 335 стр.
Очерки истории Каракалпакской АССР, т. 1, (с древнейших времен до 1917 г.), Ташкент, 1964, 429 стр.
Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, (в 3-х ч.), Ереван, 1957—1959 (САГУ, Труды, новая серия); ч. I, 1957, вып. 96, Ист. науки, кн. 16, 139 стр.; ч. 2, 1958, вып. 97, Ист. науки, кн. 17, 148 стр.; ч. 3, 1959, вып. 98, Ист. науки, кн. 18, 196 стр.
Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Курс лекций. Л., Изд-во ЛГУ, 1966, 400 стр.
Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.—Л., АН СССР, 1960, 492 стр.
Петрушевский И. П. Из истории Бухары в XIII веке. Ученые записки ЛГУ. Серия востоковед. наук, вып. I, 1949, стр. 103—118.
Петрушевский И. П. К истории института сойургала (XV—XVII вв.), СВ, т. 6, 1949, стр. 302—311.
Петрушевский И. П. Феодальное хозяйство Рашид-ад-дина (Иран. XIII—XIV вв.), ВИ, 1951, № 4, стр. 87—104.
Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии .Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. 22, М.—Л., АН СССР, 1959, 395 стр.
Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР, Труды Ин-та востоковедения, т. 41, М.—Л., 1941, 172 стр.
Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966, 287 стр.
Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, 292 стр.
Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в., М., «Искусство», 1965.
Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения, Ташкент, 1961, 606 стр.
Рогинский Я. Я. Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас, М., МГУ, 1949.
Розенберг Ф. А. О согдийцах. Записки Коллегии востоковедов, т. I, 1925, стр. 81—90.
Розенберг Ф. А. Согдийские «старые письма». К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии, Известия АН СССР, Отделение обществ. наук, 1932, № 5, стр. 459—460.
Рустамов Э. Р. Узбекская поэзия в первой половине XV века, М., Изд-во Восточной литературы, 1963, 367 стр.
Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Под ред. и с прим. П. М. Гутьяра, Оренбург, 1896, 95 стр.
Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, ч. 1—2, СПб., 1762; ч. I, 331 стр.; ч. 2, 263 стр.
Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, СВ, т. 5, 1948, стр. 137—153.
Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства, Труды САГУ, серия II, вып. I, Ташкент, 1929, 504 стр.

Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. 1856—1857, М., Географгиз, 1958, 277 стр.
«Сказания Прииска Панийского», пер. Г. С. Дестуниса, Ученые записки II отд. Императорской Академии наук, кн. 7, вып. I, СПб., 1861.
Смирнова О. И. Монеты древнего Пенджикента. Материалы и исследования по археологии СССР, № 66, 1958, стр. 216—280.
Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР, Л., 1934, 121 стр.
Соловьев М. М. Ученая экспедиция (К. Ф. Бутенева в Бухару в 1841—1842 гг.) при участии натуралиста Александра Лемана, М.—Л., АН СССР, 1936, 216 стр.
Сорокин Н. В. Природа и человек в Средней Азии, ИВ, 1887, № 10, стр. 5—47; 1883, № 7, стр. 116—123; 1889, № 6, стр. 562—596, и № 7, стр. 85—118.
Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., Изд-во «Наука», 1966, 290 стр.
Среднеазиатский этнографический сборник, вып. I, М., 1954, 514 стр.
Струве В. В. История Древнего Востока, Л., Госполитиздат, 1941, 482 стр.
Струве В. В. Родина зороастризма. В кн.: Материалы по истории таджиков и Таджикистана, Душанбе, 1945, стр. 3—55.
Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, 1958, 147 стр.
Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, Вопросы древней истории, 1947, № 4, стр. 127—135.
Тереножкин А. И. Согд и Чач. Автореферат канд. дисс. КСИИМК, вып. 33, 1950, стр. 152—160.
Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949, 184 стр.
Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археол. исследования, М., 1948, 352 стр.
Толстов С. П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956 гг.), СЭ, 1957, № 4, стр. 31—59.
Толстов С. П. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмский алфавит, Вестник древней истории, 1938, № 4, стр. 120—145.
Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии. Вестник древней истории, 1938, № 1, стр. 176—203.
Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., Изд-во Восточной литературы, 1962, 324 стр.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., АН СССР, 1948, 322 стр.
Тревер К. В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII веков. (К истории народов Средней Азии). СА, т. 21, М.—Л., 1954, стр. 131—147.
Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., АН СССР, 1940, 180 стр.
Толстов С. П. и Итина М. А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена), СА, 1966, № 2, стр. 151—175.
Толстов С. П. и Лившиц В. А. Датированные надписи на хорезмских оссуариях с городища Ток-кала, СЭ, 1964, № 2, стр. 50—69.
Трофимова Т. А. Материалы по палеонтологии Хорезма и сопредельных областей. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 639—701.
Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Под общ. ред. С. П. Толстова, т. 1—4, М., 1952—1959; т. 1, Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945—1948, 652 стр.; т. 2, Археологические и этнографические работы Хорезмской экспеди-

ции, 1949—1953, 811 стр.; т. 3, Материалы и исследования по этнографии каракалпаков, 413 стр.; т. 4, Керамика Хорезма, 398 стр.
Умняков И. И. Абдулла-намэ Хафизи Таныша и его исследователи, Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, т. 5, Л., 1930, стр. 307—328.
Умняков И. И. Международные отношения Средней Азии в начале XV века. Сношения Тимура с Византией и Францией, Труды УзГУ, новая серия, вып. 61, 1956, стр. 179—200.
Умняков И. И. Тохары и тохарский вопрос, Труды УзГУ, новая серия. № 31, вып. 1, 1946, стр. 14—22.
Фрейман А. А. К имени согдийского ихшида Гурека, ВДИ, 1938, № 3, стр. 147—148.
Фрейман А. А. Три согдийских документа с горы Муг. Проблемы востоковедения, 1959, № 1, стр. 120—134.
Фрейман А. А. Хорезмийский язык, Материалы и исследования, ч. I. М.—Л., АН СССР, 1951, 120 стр.
Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, VI, 279, IV стр.
Хасанов Х. Из географического наследия ученых Средней Азии. Изв. Узбекского филиала геогр. общества СССР, т. 7, Ташкент, 1963, стр. 107—111.
Чехович О. Д. Бухарские документы XIV в. (Критич. текст, перевод, введение, примечания и указатели), Ташкент, «Наука», 1965, 331 стр.
Чехович О. Д. Бухарские поземельные акты XVI—XIX вв. В кн.: Проблемы источниковедения (АН СССР, Институт истории), 4, 1955, стр. 223—245.
Шаниязов К. Узбеки — карлуки. (Историко-этногр. очерк), Ташкент, «Наука», 1964, 195 стр.
Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, «Фан», 1966, 35 стр.
Шишкин В. А. Варахша, М., АН СССР, 1963, 250 стр.
Шишкин В. А. Гури-мир, Научные труды ТашГУ, вып. 232, ист. науки, кн. 48, 1964, стр. 3—73.
Шишкин В. А. Обсерватория Улугбека и ее исследования, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 5, 1953, стр. 3—100.
Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX века, Ташкент, «Фан», 1966, 136 стр.
Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв., Ташкент, «Наука», 1964, 124 стр.
Йулдашев М. Ю. Хива хонлигида феодал ер эгалиги ва давлат тузулиши. Тошкент, Ўздавнашр, 1959, 363 бет.
Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.), КСИИМК, М.—Л., 1949, вып. 28, стр. 30—43.
Якубовский А. Ю. Восстание Муканны — движение людей в «Белых одеждах», СВ, 1948, т. 5, стр. 35—54.
Якубовский А. Ю. Восстание Тараби в 1238 г. (К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии). Труды Института востоковедения АН СССР, т. 17, 1936, стр. 101—135.
Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, УзФАН СССР, 1941, 19 стр.
Якубовский А. Ю. Тимур. (Опыт краткой политической характеристики), ВИ, 1946, № 8—9, стр. 42—74.
Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I, Л., 1932, стр. 1—60.
Deguignes M. Histoire générale des huns, des Turcs, des Mogols et des

autres tartares occidentaux avant et depuits, Yesus-Christ jusqu'a present, t. 1—4, Paris, Desaint Saillant. 1756—1758.
Diez E. Churasanische Baudenkmâler. B. I. Mit einem Beitrage von Max van Berchem. Mit 5 fabr. und 36 schweizen Lichtdrucktaf, sowie 40 Textbildern. Berlin, D. Reimer, 1918, XI, 116 S., 41 taf.
Debevoise N. C. A political history of Parthia. Chicago, The Univ, Chicago press, 1938, XLIII, 303 p.
Ghirshman R. Iran from the earliest times to the Islamic conquêst. London, 1954, 368 p.
Herzfeld E. Kushano-Sasanian coins. Memoirs of archeological survey of India, 1930, vol. 56, N 38.
Kennedi J. The secret of Kanishka,— Journal of the Royal Asiatic Society, 1912.
Klima O. Mazdak. Geschichte einer socialen Bewegung im sassanidischen Persien, Praga, Nakladatelstvi Ceskoslovenske Akad. ved. 1957, 3185, 1957.
Lerch P. Khiva oder Kharezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse (Mit einer Karte von Khiva), St.-Ptb., 1873, 1, 55 S.
Mac Dowall D. *The weight standarts of the gold and copper coinages of* the Kushana dynasty. Journal of the Numismatic Society of India, 1960, vol. XXII.
Marquart J. Eransahr nach der Geographie des Pseudo Moses Xorenac'l. Mit historischkritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen.— Abhandlungen der koniglichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Götlingen, Philologhistor. Klasse, Neue Folge, Berlin, 1901, Bd. III, N 2.
Meyendorf G. Voyage d'Orenbourg a Boukhara fait en 1820 a trevers les Steppes qui s'etendent a l'Est de la mer d'Aral et audelà de l'ancien Jaxartes. Revue par M. le Chevalier Amedee doubert. Paris, 1826, 508 p., I map.
D'Ohsson C. Histoire de Mongols depuis Tchinguizkhan jusqu'à Timour bey eu Tamerlan. I—IV, La Hayeet Amsterdam, 1834—1835.
Reichelt H. Die sogdhischen Handschriftenreste des Britischen Museum, Vol. II, Nicht-buddistischen texte, Heidelberg, 1931.
Shiratory K. A study of Sut'e or Sogdiana, «Memoirs of the research department of the Toyo Bunko», Tokyo, 1928, N 2.
Tarn W. W. The Greecks in Bactria and India. Cambridge, 1951.
Tomaschek W. Centralasiatische Studien, I, Sogdiana, Wien, 1877.
Trever C. Terracottas from Afrasiab, M.—L., state edit. Department social-economic section, 1934, 52, p.
Wellhausen J. Das arabische Reich und sein Sturz, Berlin, 1902.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ

Аббас (VII в.) 477
Аббас (XV в.) 206, 224
Аббас I, Сефевид 550, 551, 592
Аббас II, Сефевид 553
Аббас ибн Джебраил 240
Аббасиды 196, 218, 223—226, 228—230, 232—235, 243, 253, 255, 256, 258, 275, 311, 319, 327, 332, 701
Абдавейхи ал-Джардамиз 227
Абдуджаббар ибн Шуйаб 230, 231
Абдулаббас Мухаммед Талиб 528
Абдулазиз ибн Омар ал-Маза 383, 405
Абдулазиз I, Шейбанид 519, 531, 542, 546, 591, 592
Абдулазиз II, Аштарханид 552—554, 572, 578
Абдулазиз, сын Улугбека, Тимурид 476, 478
Абулазиз Сами 588, 600
Абдулали, тархан 481
Абдулджаббар ибн Абдуррахман 234, 235
Абдулкарим, бухарский историк 605
Абдулкарим, правитель Коканда 659
Абдулкарим Сатук 352, 354
Абдулла-бий ходжа 560
Абдулла Джафар Рудаки, см. Рудаки
Абдуллаев М. 7
Абдуллаев Ш. Ш. 7
Абдулла ибн Амр 236, 255
Абдулла ибн Батыр 605
Абдулла ибн Зубейр 189
Абдулла ибн Мухаммед 540
Абдулла ибн Тахир 276, 278, 279, 348
Абдулла ибн Хазим 185, 188, 189
Абдулла, миниатюрист (XV в.) 543
Абдулла Пирзад, эмир 479
Абдулла, сын Ибрахим-Султана, Тимурид 478, 479
Абдуллатиф, Тимурид 466, 476—478
Абдуллатиф, Шейбанид 519
Абдулла-хан I 519
Абдулла-хан II 519—521, 523, 529, 531, 534, 536—538, 541, 542, 546, 550, 560, 592, 594, 601, 687
Абдулмелик Баходур 531, 533
Абдулмелик ибн Харсама, эмир 230
Абдулмелик, наместник Хорасана 238, 239
Абдулмелик, Омейяд 189
Абдулмелик, Саманид 286, 287, 338
Абдулмумин, Аштарханид 566
Абдулмумин, Шейбанид 517, 529, 541, 550

Абдулхамидов А. А. 28
Абдурразак Самарканди 454, 473, 475, 480, 497, 505
Абдуррахман Джами, 472, 480, 493—495
Абдуррахман ибн Муслим, см. Абумуслим
Абдуррахман ибн Муслим 191, 193
Абдуррахман ибн Нуайма 196, 199
Абдуррахман Нисабури ал-Мутатавви 250, 252
Абдуррахман Тали 580, 583, 676
Абдухалик Гиждувани 400
Абруй 11, 158
Абуабдулла Мухаммед ибн Ахмед Джейхани, см. Джейхани
Абуабдулла Хорезми 212, 214, 216
Абу Али ибн Сина (Авиценна) см. Ибн Сина
Абу Али Симджури 301, 355, 356
Абуали Чагани 286
Абубекр (X в.) 307
Абубекр Келеви, сарбадар 438, 439
Абубекр Мирза, сын Мираншаха, Тимурид 450
Абудавуд Халид ибн Ибрахим 270, 271
Абуджафар Мансур (Даванаки) см. Мансур, Аббасид
Абуджафар Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми 333, 472
Абуджафар Мухаммед Наршахи, см. Наршахи
Абузарраа 331
Абу Ибрахим (Мунтасир) 357, 358
Абуисхак, бухар-худат 301
Абуисхак Ибрагим ибн Амир ал-Джайшан 251
Абулаббас Абдулла, сын Тахира ибн Хусейна 276, 304, 305
Абулаббас Мамун 335, 338, 394
Абулаббас Саффах 228, 229, 230
Абулгази, сын Араб-Мухаммеда 503, 553, 554, 595—598, 600, 601, 605, 606
Абулгази, хан Бухары, конец XVIII в. 653
Абулгази, хан Хивы, начало XIX в. 666
Абулкасим Бабур, Тимурид 466, 476, 479, 486, 491
Абулкасим Майменди 364
Абулкасим Фердоуси, см. Фердоуси
Абулмаали, худованд-задэ 441
Абулмакарим, ходжа 512—514
Абулфазл Бейхаки, см. Бейхаки
Абулфазл Мухаммед ибн Мухаммед ас-Сулами 286
Абулфазл Сури 368
Абулфейз-хан Аштарханид 560—564, 566, 603, 604, 607, 649
Абулхайр ал-Хаммар 336
Абулхайр-хан, Чингизид-Джучид 466, 479, 486, 499, 502—507, 519, 591, 603, 604, 617
Абулхайр-хан (хан Младшего казахского жуза), хан Хивы 693, 694
Абулхарис Мухаммед ибн Али 366
Абулхасан Нишапури 262
Абул-Хасиб 247
Абу Махмуд 473
Абумузаххим, см. Хакан (Абумузаххим)
Абумуслим 113, 192, 193, 218, 225—237, 254—256, 270, 271, 273
Абу-Мухаммед, сын Ильбарс-хана 605
Абунаср ал-Фараби, см. Фараби
Абунаср Аррак 336, 394
Абурайхан ал-Бируни, см. Бируни
Абусаида, вельможа Хорасана 203—206
Абусаид Мейхенейский 318
Абусаид, Тимурид 454, 468, 476, 478—480, 482, 483, 485—488, 491, 505, 507
Абусаид, Шейбанид 518, 547
Абусалих Мансур ибн Исхак 284
Абусахл Масихи 335—336, 394
Абуфатима Азди 203, 204
Абуханифа ад-Динавери 224
Абушуджа 295
Абуюсуф Якуб 185, 212, 213, 215—221, 306
Аванеш 591
Авиценна, см. Ибн Сина
Авлия-Челеби 589
Агехи, Мухаммед Риза 677
Агриппа 106
Адам 256

Аджинияз 705
Адил Джуз 449
Адуд ад-Даула, Буид 328.
Азизова Н. 9
Азиз-парваначи 661
Азимджанова С. А. 6, 10
Айдост-бий 699, 703
Акбар 520, 537, 544
Акбек 431, 432
Акбута-бий 659
Акилов К. А. 7
Ак-коюнлу 486
Ак-шах, сын хорезмшаха Мухаммеда 422
Алауддовла, сын Байсункара, Тимурид 466, 476
Алауддин Али ибн Мухаммед, см. Али Кушчи
Алауддинова З. 6
Алгу-хан 430, 431
Александр Македонский 60, 62, 73, 76, 83, 90—109, 115, 392, 411, 417
Алексей Михайлович 568
Али Акбар, худованд-задэ 411
Али ал-Хорезми 547
Али, брат Махмуда Тараби 428
Алиды 213
Али ибн Джудей Кермани 228
Али ибн Иса ибн Махан 245—248, 250
Али ибн Мамун 362, 363
Али-Кушчи 473, 488, 582
Али-Мезид Каучин 486
Али-Муайад 447
Алим-хан 655, 660—664
Али-султан (1558—1567) 597
Али-тегин, Караханид 360, 361, 367, 378
Али Хусейн Воиз Кашифи 401
Али, халиф 226, 230, 457
Али, эмир 449
Алишер Навои 381, 481, 482, 487—495, 497, 540, 543, 549, 583, 678
Аллаберди-бий 619
Аллабердиев 671
Аллакули 664, 667, 672, 674, 703
Алп-Арслан, Сельджукид 370
Алптегин 287, 301, 358
Алтунташ 366
Альбаум Л. И. 10, 74, 75
Амаки Бухари 402
Амброзио Контарини 446
Амин Ахмед Рази 542
Амин ибн Харун ар-Рашид, Аббасид 250, 251, 275
Аминова Р. Х. 7
Аммиан Марцеллин 149, 151, 156
Аморг, Сакский царь 70, 83
Амр ал-Келвази 258
Амр ибн Ляйс, Саффарид 282
Анахит 86, 87, 120, 130, 159
Ангромайнью (Ахриман) 85
Андрагор, сатрап 111
Анна Иоановна 603, 693, 694
Антимах (II в. до н. э.) 113, 118
Антиох I Сотер 105—107
Антиох II 109, 111
Антиох III Великий 112, 113
Антиох Хиеракс 109
Антоний 110
Ануша-хан 554, 555, 597, 601, 602, 606
Ануш-тегин 384
Аполлодор 110
Аполлон 120
Аполлон Дидимейский 106, 120
Араб Мухаммед, хан Хивы (1602—1623) 597, 599
Араб Мухаммед, хан Хивы (1702—1714) 602, 606
Аргун Ага 430
Ардохш 142, 146
Арипов Т. 7
Арипов Ф. А. 7
Аристотель 87, 328, 333—335, 400
Ариф Азари 463
Арифханова З. 7
Арриан 90, 91, 93, 94, 97—101, 103, 104, 111
Аристовул 90, 91
Арриан Флавий 62
Арслан Бал 355
Арслан-хан, Караханид 371, 372, 405
Артабаз 99
Артаксеркс I, Ахеменид (465—424 до н. э.) 73
Артаксеркс II, Ахеменид (405—361 до н. э.) 86, 92
Артемида 120
Арузи ас-Самарканди 323, 335, 402
Архангельский Н. П. 6
Аршак 111, 112
Аршинов Н. 643
Асад ибн Абдулла 201, 202, 206—209, 218, 219, 226, 251
Асад ибн Саман 251, 277

Асид ибн Абдулла 235
Асим ибн Абдулла ал-Хилали 205, 206
Аскаров А. 7, 50
Ас-Сафи 482
Асфендияр 598—600
Атамурад-хан 704
Атеш 146
Атропат 105
Атсыз 384, 385, 387, 388, 414
Аурангзеб, сын Шах-Джехана 553
Аурватаспа 115
Ауфи 319
Афина 120
Афинодор 105
Афрасиаб 262
Африг 160
Афшин 158, 252
Ахвас ибн Мухаджира 249
Ахемениды 61, 66, 70, 71, 73, 74, 77, 79, 84, 85—89, 91, 92, 95, 106, 116
Ахмед ал-Хусейни Мешхеди 542
Ахмед ибн Асад ал-Фаргани, см. Фаргани
Ахмед, Джалаирид 448
Ахмед Дониш 586, 680
Ахмед ибн Асад ал-Фаргани, см. Фаргани
Ахмед ибн Асад, Саманид 277—280, 340
Ахмед ибн Исмаил, Саманид 284
Ахмед ибн Мухаммед ибн Наср (Куббави) 375
Ахмед ибн Сахл 284
Ахмед, Караханид 371, 372
Ахмед-мирза, Тимурид 462, 463, 480
Ахмед Муди 239
Ахмедов Б. А. 6
Ахмед-табиб (Табиби) 678
Ахмед Тенбель 509
Ахмед-хан, сын Кичик-Мухаммед 505, 506
Ахмед-хан, сын Юнус-хана 499, 515
Ахмед, эмир 403
Ахмед (Наджми-сани) 518
Ахмед Югнаки 404
Ахмед Ясави, см. Ходжа Ахмед Ясави
Ахнаф 215
Ахриман 86, 87
Ахунова М. 7
Ахурамазда 84—87
Ашкенд 201, 205
Ашрас ибн Абдулла ас-Сулами 202—204
Аштарханиды (Джаниды) 550, 551, 554, 560, 564—566, 570, 572, 573, 606, 607, 649
Ашурбанипал 69
Аюпов М. Т. 7
Аяч 355
Баба-наккаш 544, 589
Баба-хан, Чингизид 519—521
Баба-хан, наместник Хузара 562
Бабарахим Машраб 584
Бабур, см. Захириддин Мухаммед Бабур
Бабуриды 518, 520, 552, 553, 555
Багдасаров В. Ш. 7
Бадиуззаман, сын Султан Хусейна, Тимурид 492, 515, 516
Базан 215
Базинер Т. 674
Байкара Мирза, см. Султан Хусейн
Байкова Н. Б. 6, 7
Байрам-Али 655
Байсункар, Тимурид 462, 466, 476, 479, 480
Баки-Мухаммед-хан, Аштарханид 550
Балами 201, 214, 225, 328, 239, 245, 247, 257, 258, 320, 329, 338, 339
Балту-и ходжа 579
Бану-Кечек, дочь Байбиджана 78
Бань Гу 110, 125
Барак-оглан, внук Урус-хана 463—465
Барак-хан, Чингизид 506
Барак-хан, см. Науруз-Ахмед-хан
Бардия 71
Бар-Еврей (Абулфарадж) 234, 243, 244
Барис ас-Саклаби 297
Бармакиды 206, 229, 245, 275, 276
Бартольд В. В. 8, 82—84, 150, 156, 159, 166, 172, 240, 245, 259, 263, 265, 267, 268, 273, 277, 283, 284, 286, 287, 314, 320, 365, 375, 386, 390, 400, 409, 457, 462, 465, 467, 672, 476, 498, 646, 677
Барчин 78
Батый 420, 429, 430
Батыр 605, 665
Бахауддин Мухаммед Накшбанди 585

Бахауддин Рази 411
Бахрам-Чубин 168, 177
Башир ибн Джурмуз 203
Башир ибн Занбур Азди 203
Башир ибн Лейс 248, 249
Башир Ходжанди 203
Баязед, Джалаир 434, 449
Баязед I 448, 475, 538
Баязед II 544, 588
Баяни 644
Баянкули-хан 433
Бедил 583, 586, 587
Бейрек 78
Бейхаки 364, 368, 397, 688
Бекович-Черкасский, Александр 602, 603
Белазури 185, 186, 188, 194, 198, 213, 217, 279, 338, 348
Беленицкий А. М. 455
Бенаи 518
Бердибек 442, 443
Береке 441, 457
Берке-хан 430
Бернс А. 626, 670
Бернштам А. Н. 67, 133, 166, 172, 347
Бертельс К. Э. 331, 332
Бесс 91—94, 98
Бехзад, см. Камалиддин Бехзад
Бидун, бухар-худат 262
Билаз, см. Нилан Билаз
Билбарс, сын Берке-султана 591
Бируни 88, 130, 160, 169, 175, 176, 234, 243, 244, 253, 256—258, 333, 335, 336, 363, 364, 394—397, 469, 471, 472
Бланкеннагель 671
Бобо Мачи 381
Богра-хан 353—356, 360
Борак-хан 431
Бубай-султан 511
Будда 146
Буиды (Бувейхиды) 333
Букейр ибн Махан 224, 227
Булатова В. А. 179
Булатов М. С. 6
Булга-ага 430
Буниат ибн Тахшада 213, 237, 242, 301
Бурке-султан 506, 591
Бурнашев Т. С. 615, 617, 621, 624, 672
Бурнашева Р. З. 13
Бурундук-хан 507
Бурхануддин Маргинани 305, 383
Бутаков А. И. 704
Бутенев К. Ф. 674
Бухар-худаты 158, 170, 206, 231, 242, 244, 247, 262, 263, 266, 268, 293, 301, 310, 311, 314
Валентин 181
Валид, Омейяд 194, 271
Вали Мухаммед 550
Вамбери Г. А. 619, 626, 627
Варахран V, Сасанид 151, 152, 157
Вардан-худат 158, 192
Варрон 116
Васифи 472, 528, 535, 539, 540, 544, 549, 677
Васл ибн Амр 213
Васишка-Ваджешка, сын Канишки I 138
Васудева 138, 142
Вахабов М. Г. 6, 7
Вахш 146
Вахшунвар (Эфталан) 151—153, 159
Вахшунварт 92
Великие Моголы 518, 537, 552, 563, 562
Вельхаузен 200, 208
Вельяминов—Зернов В. В. 19, 617, 627, 629, 632
Верещагин Н. К. 42
Веселовский Н. И. 8, 150
Вима Кадфиз 138—142
Виткевич 672, 673
Вишгаспа 115
Владимирцов Б. Я. 425
Волин С. Л. 451
Воронец М. Э. 6
Воскобойников Э. 7
Вызго Т. С. 7
Ву-Ди 128
Вэй Цзе 269
Вяткин В. Л. 9, 315, 473
Гавомард 86
Гази 680
Газневиды 321, 325, 366, 368—370, 407, 450
Гайбулла-бий 651
Гардизи 205, 241, 297—299, 304, 305, 349, 361, 397
Гариби 381
Гарича 238, 242
Гассан ибн Аббас 251, 252
Гатфер 159
Гаумата 71, 72
Гаухар-Шад 463, 466

Гелиокл 117, 134
Гелиос 146
Геракл 120, 146
Герасимов М. М. 10, 25, 26, 34
Гернгросс 673
Герман Р. 67
Геродот 61, 62, 66, 67, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 78, 79, 83, 87, 89, 96
Гефест 146
Гефестион 100
Гильгамеш 86
Гинзбург А. 7
Гирдак (Сарханг) 240
Гирей (Кирай) 506
Гитриф ибн Ата 220
Гиясуддин Али 456
Гиясуддин Джемшид 473
Гиясуддин Каши 472
Гиясуддин Мухаммед 490
Гиясуддин Мухаммед-султан, Гурид 388
Гиясуддин Пир Али, Курт 446
Гладышев Д. 670
Гог 670
Гражданкина Н. С. 6
Гребенкина А. Д. 622
Григорьев В. В. 9, 98
Григорьев Г. В. 131
Григорьев Н. 617, 620, 623
Грумбат 151, 156
Грязнов М. П. 40
Гулаим 83
Гулямова М. 7
Гулямов Х. 7
Гулямов Я. Г. 6, 10, 50, 67
Гулям Хусейн 544
Гулям Шади 544
Гурек, Ихшид 192—194, 196—198, 200, 202, 204, 207, 218
Гуриды 388—390
Гуштасп (Гистасп) 83—84
Гуюк-хан, Чингизид 426, 429, 430
Дабусшах 158
Давидович Е. А. 293, 526, 580
Давид Сасунский 84
Давлат-кушбеги 653
Давуд-бек, Сельджукид 361
Давуд 441
Дакики 305, 329, 402
Данилевский Г. И. 619, 629, 674
Данишмандча 433
Даниял-бий, Мангыт 564, 642, 651—653
Дарий I, Ахеменид 70—73, 77, 85, 86, 88, 90, 103
Дарий III, Ахеменид 73, 91, 92, 98
Датафарн 92
Дауд ибн Гурраз 228
Дауд ибн Дауд 243
Даулет-шах 497
Дворкина Е. А. 7
Деева Е. А. 7
Демезон 672
де Гуе 339
Деметрий 113, 114, 118
Демодам Милетский 106
Дервиш Мухаммед, тархан 481
Дервиш Мухаммед ибн Дуст Мухаммед Бухари 543
Дервиш-хан, правитель Ташкента (XVI в.) 519
Джабгу 205, 249
Джабраил ибн Яхья 238—240, 243
Джалаириды 446
Джалалова Р. 7
Джалалетдин Юсуф 543
Джамалов О. Б. 7
Джами, см. Абдуррахман Джами
Джамхур 239
Джанибек, сын Барак-хана 506
Джанибек-султан 550
Джаниды см. Аштарханиды
Джани Махмуд 549
Джаррах ибн Абдулла 196
Джаухари 403
Джаушан-калмык 560
Джахдан (Хиджуан) 239
Джебе-нойон 409, 414, 421
Джейхани 284, 320
Джелалуддин ибн Мухаммед 420—424
Дженкинсон 531, 536, 538, 539, 546, 592, 595
Джехангир, Тимурид 443, 450, 458, 461, 462, 509
Джехангир, уста (XVI в.) 589
Джеханшах, Кара-коюнлу 462
Джуванмардиев А. Д. 533
Джувейни 391, 393, 409, 416, 418—420, 427, 428, 451
Джудей ибн Али Кермани 208, 225, 226, 228
Джуки 465, 505
Джунейд ибн Абдуррахман 204, 205
Джураев Т. Д. 7

Джурджани 398, 416
Джучи, Чингизид 409, 416, 419, 421, 422, 425, 430, 444
Джучиды 430
Дивашти 197—201
Дин-Мухаммед, сын Джанибека 550, 591
Дин-Мухаммед 592
Дин-Насыр-бек 656
Диодор Сицилийский 69, 90, 95, 98, 101, 102, 104
Диодот I 109, 111, 112, 117
Диодот II 112
Диадохи 106
Достмуратов 671
Дост-Мухаммед 673
Досумов Я. М. 7
Друвасп 146
Дурбек 381
Дьяконов М. М. 172
Дьяченко В. П. 7
Евдем Родосский 87
Евкратид 113, 114, 118, 129, 135
Евсевий 152
Евтидем Бактрийский 152
Евтидем 112, 113, 117
Евтидемиды 112
Елише 149, 151
Екатерина II 660, 669, 672
Ермолов 667
Ерназар (Алагоз) 703, 704
Ефименко П. П. 34
Ефремов Ф. 620, 642
Житов К. Е. 6, 7
Жданко Т. А. 6
Жуков В. Д. 6
Жуковский В. А. 268
Зайниддин Васифи, см. Васифи
Замахшари 398
Заратуштра (Зороастра) 84—86, 89, 257
Зариадр 83
Зарина 69, 78, 83
Зарлык 704
Засыпкина Б. Н. 469
Захидов П. Ш. 6
Захириддин Масуд ибн ал-Мунаввар аш-Шаи 413
Захириддин Мухаммед Бабур 481, 473, 481, 485, 489, 497, 511—518, 529, 537, 540, 541, 552
Захири Самарканди 402
Зевелев А. И. 7
Зевс 87, 120
Земарх 168, 181
Зенон 152
Зияд ибн Абдуррахман 199
Зияд ибн Абусуфьян 194
Зияд ибн Салих 230—232, 310
Зияев Х. З. 10
Зияульмульк 413
Зопир 159
Зрван 86
Зуфаров А. 7
Ибак-хан 506
Ибадулла-хитай 565
Ибн Арабшах 450, 458
Ибн ал-Асир 209, 241, 246, 248, 249, 250, 253, 254, 277, 352, 416—418, 422, 677
Ибн Батута 424
Ибн Кефрадж Богра 412, 414
Ибн Кувайя 299
Ибн Мискавейх 338, 394
Ибн ал-Мукаффа 256, 516, 537
Ибн ал-Факих 270
Ибн ал-Хуммар 394
Ибн Рузбехан 488, 516, 539, 540 544
Ибн Русте 241, 299
Ибн Сина 313, 328, 329, 335—337, 363, 394, 397, 400, 469—472
Ибн Фадлан (Ахмед ибн Фадлан) 294—297
Ибн Халликан 234
Ибн Хаукаль 195, 278, 288, 290, 292, 298, 299, 307, 313, 315, 331, 344, 386
Ибн Хордадбех 277, 296
Ибрахим (Авраам) 256
Ибрагимова А. Ю. 7
Ибрагимова Н. Р. 7
Ибрагим ибн Ахмед 286
Ибрахим-бий 261
Ибрахим Дербенди 448
Ибрахим ибн Наср, Караханид 369—371
Ибрахим ибн Хусейн 406
Ибрахим-Султан, Тимурид, 461, 462, 478
Иван IV Васильевич Грозный 538, 595
Иванов П. П. 567, 617, 688
И-да 151
Иездигерд II 151, 152
Иешу Стилит 149, 152
Илек-ханы 360, 361, 364, 367, 372, 373, 377, 378
Иль Арслан 388

Ильбарс-хан (XVI в.) 591, 594, 595, 599
Ильбарс-хан (XVIII в.) 563, 592, 603, 605, 607
Ильдиз-нойон 428
Ильтузар-хан 656, 666, 681
Илья Муромец 84
Ильяс ибн Асад 277
Ильяс ибн Исхак 284, 285
Ильяс-Ходжа 436, 438—440, 455.
Имамкули-хан 551, 552, 573, 576, 579, 588, 689
Инальчик 412
Иноятов Х. Ш. 6, 7
Иоанн 386
Иоанн Эфесский 165
Иосафат Барбаро 446
Иосиф 677
Ирназар Максутов 671
Иса (Исус) 256
Иса, сын Али ибн Исы ибн Махана 246, 248
Исамуддин 467
Исан-бек 506
Искандер-султан, Тимурид 473, 480
Искандер, сын Имамкули-хана 551
Искандер, Шейбанид 519
Исламов У. 6, 50
Исмаил ибн Ахмед см. Исмаил Самани
Исмаил ибн Субейх 250
Исмаил Самани 281—283, 291, 301, 302, 304, 306, 307, 316, 317, 319, 320, 323, 340, 341, 351
Исмаил, Сефевид 516—518, 544, 590, 591
Исмаил-ходжиб 357, 358
Исраил-бек, Сельджукид 361
Истахри 195, 273, 278, 288, 292, 310, 312, 313, 315, 327
Истеми (Дизавул) 166—169, 175, 181
Исхак-бек 657
Исхак ибн Ахмед, Саманид 284
Исхак (Исхак-тюрк) 234
Исхак-ходжа 651
Ихшиды 158, 170, 178, 192, 207, 244, 263
Ишанов А. И. 6, 7
Йезид ибн Мазид 241, 242
Йезид ибн Яхья 239
Йиган-тегин, Караханид 361
Кабзам 243, 258
Кавад, Сасанид 153
Кадфиз I, Гуйшуан (Кушан) 137—140
Кадфиз II, Кушан 140
Кадыр ибн Бадра 209
Кадырова Т. 6, 10
Кадыр, Аббасид 358, 363
Кадыр-хан, Караханид 360, 361
Кадыр-Юсуф, Караханид 370
Казаган 433, 434, 436, 457
Казакова А. С. 7
Казан-хан 433, 456
Казы-заде Руми 472, 473
Каим, Фатимид 285
Каип (Гаиб) 605, 665, 666
Кайд-Бохадур мирза, Тимурид 480
Кайд-хан 431, 433
Калкаби 589
Калисфен 102
Камалиддин Хусейн Хорезми 549
Камалиддин Бехзад 495, 496, 541, 589
Камбис, Ахеменид 71
Кан 169, 170
Канишка I 138, 140—142, 146
Канишка II 138
Канишка III 138, 142
Капан, Чагатаид 431, 432
Кара-коюнлу 462
Караматов Ф. М. 7
Каран 97
Караханиды 12, 260, 316, 325, 335, 351—353, 356—358, 364, 366, 369, 371—375, 377—382, 385, 388, 392, 399, 402
Кара-Чурин 168
Карзанандж (Кара-Занги) 198, 200
Карл Великий 221
Кары-Ниязов Т. Н. 6, 473
Касим-бек Каучин 485
Касимбеков К. Ф. 6
Касим ибн Харун ар-Рашид 217
Касим-ходжа 584
Касим Шейбани 203
Касымов М. Р. 6, 10
Касымова М. 7
Катан ибн Кутейба 204
Катульф 159, 167
Кахтаба ибн Шабиб 228
Квинт Курций Руф 90, 91, 96, 98, 100, 101, 103, 104, 115
Кебек-хан 432, 433, 441, 450
Кейхосрау 434, 440—443

Кельди-бек 443
Кельди Мухаммед 543
Кемалиддин Максуд 451
Керешасп 82
Кермани, см. Джудей ибн Али Кермани
Киаксар 69
Кидар 152
Кийаки Гузи 238, 242, 243
Кил (Фил) 238, 242
Киоцзюкю, см. Кадфиз I
Кир, Ахеменид 70—72, 78, 80, 83, 95
Кириллов И. К. 694
Кичик Мухаммед 505
Клавихо Рюи-Гонзалес 453, 457
Клит 102
Ковалев П. А. 6
Ковалевский 673
Кода-каан 420
Косбергенов Р. 7
Кравец Л. Н. 7
Красс 110
Кратер 100
Ксенофонт 61, 70, 79
Ксеркс, Ахеменид 68, 72, 73, 85
Ктесий Книдский 67, 69, 70, 83, 89
Кудама 214
Кулбаба Кукельташ 541
Куджула-Кадфиз, см. Кадфиз I
Кулартегин 243
Кул Мухаммед 497
Кунграты 608, 609, 646, 666
Кур-Суль 197, 207, 209
Курты 434, 446, 447, 449
Курций Руф, см. Квинт Курций Руф
Кусам ибн Аббас 406
Кутби 381
Кутейба ибн Муслим 176, 186, 189—196, 222, 223, 270, 271, 308, 311
Кутейба ибн Тахшада 231
Кутлук-кипчак 580
Кутульф 159
Кучкунчи-хан 515, 517—519, 537, 542
Кучлук найман 391, 392, 410, 411, 414
Кушаны 129, 137—140, 142—149, 151, 152, 157, 158, 260
Лев Д. Н. 10, 25, 26, 34
Лейли 493
Лейс ибн Фадл 251
Ленин В. И. 5, 399
Леонардо да Винчи 469
Лерх П. И. 150
Лившиц В. А. 147
Лисипп 120
Лунин Б. В. 6, 120
Лютфи 381, 493
Мааз ибн Муслим 240, 242, 243
Мадаини 198, 338
Маджидуддин Адман 398
Маев Н. 626
Маздак 11, 85, 157, 160, 233, 252—258
Мазъяр 305
Макдиси 267, 265, 283, 286, 289, 290, 291, 301, 302, 310, 325, 326, 348, 350, 351, 362, 363
Маллаев Н. М. 6
Мамаджанов М. К. 6
Мамай 443, 444
Мамун ибн Мамун 363, 394
Мамун ибн Мухаммед 362
Мамун ибн Харун ар-Рашид 249—252, 275—277, 319, 333
Мангу-хан (Мункэ) 426, 429, 430
Мангыты 566, 608, 613, 620, 646, 649, 650—652
Мани 85, 256
Маниах 167, 168, 175
Мансур I ибн Нух 307, 329, 338
Мансур II ибн Нух 357
Мансур ибн Омар Абулхарк 208, 209
Мансур, Аббасид 228—230, 232—234, 238, 239, 254, 255, 266, 309, 311, 318, 319
Мардоний 73
Марин Тирский 143
Маркварт 83
Макризи 505
Маркс К. 19, 21, 59, 73, 148, 197, 220, 221, 236, 271, 460, 475, 498, 520, 669
Масиста 73
Массон М. Е. 76, 260, 315, 317
Массон Чарльз 670
Масуд-бек, сын Махмуда Ялавача 424, 429—431, 433
Масуди, 298, 299, 677
Масуд ибн Махмуд Газневи (Масуд Газневи) 367—369, 402
Масуд ибн Усман Кухистани 505
Маулана Каукаби 542
Маулана Ахмед Ясавул 479

Маулана-задэ 438—440
Маулана Калбаки 542
Маулана Мухаммед Хавафи 472
Маулана Нуриддин Абдуррахман Джами, см. Абдуррахман Джами.
Мах 146
Махасен 146
Махди ибн Абуджафар Даванаки (Магди) 233, 235, 239, 240, 242—244, 254, 258, 319
Махдуми Азам 651
Махмуд-бий 555—559, 574
Махмуд Газневи 335, 336, 358—360, 361, 363—366, 367, 368
Махмуд Дехлийский 448, 454
Махмуд ибн Вали 583
Махмуд иби Исхак аш-Шихаби 543
Махмуд Кашгари, 348—350, 373, 381, 398, 399
Махмуд Музаххиб 543
Махмуд-султан 511, 515, 517, 519, 541
Махмуд, сын Себук-тегина см. Махмуд Газневи
Махмуд, сын Юнус-хана 499
Махмуд Тараби 427, 428
Махмуд-хан, Чингизид 510, 514, 515
Махмуд-хан, Караханид 385, 386
Махмуд-хан, сын Кичик Мухаммеда 505, 506
Махмуд, ходжа 544
Махмуд Ялавач 411, 425, 428, 429, 430
Махмур 678, 679
Махсити 403
Машраф 678
Маэс Тициан 143
Меджнун 493
Мейендорф 626, 672
Мелик Санджар, см. Санджар
Мелик-шах, Сельджукид 370, 371, 376, 378, 384
Менандр 110
Менандр Протектор 154, 165, 168, 175, 181
Мендияр Бекчурин 671
Мерван II, Омейяд 228
Мервези, см. Тахир Мервези
Мерием Челеби 475
Миллендорф А. 615, 617
Микель Анджелло 469
Минг 560, 608, 609, 646
Минучехри 402
Мир Али (Рафики) 497
Мир Али Харави 542, 543
Мираншах Каучин 476, 477
Мираншах, сын Тимура 447, 449, 450, 461, 462, 475—477
Мирза Абдулкадыр Бедил, см. Бедил
Мирмухаммед-Амин Бухари 583—585, 587, 676
Мир-Сейид Ахмед 481
Мирхонд 477, 478, 497, 677
Мирхасилов С. 7
Мир Хусейн ал-Хусейни 543
Митра (Михр) 86, 87, 120, 130, 146, 159
Митридат I 114
Михр Султан-ханум 526
Моисей Хоренский 149
Морган Л. Г. 36
Муавия, Омейяд 185, 186
Мубарек-шах 431
Муджрим 680
Музаффариды 447
Музаффар-Хусейн, Тимурид 516
Музаффар, эмир 646
Муниддин Исфизари 497
Муниддин Натанзи 455
Муканна Мервези 85, 234—245, 247—249, 251, 255—258, 306
Мукими 586
Мукминова Р. Г. 6, 10
Муктадир, Аббасид 294, 297
Мулла Мульхам 584
Муминов И. М. 6, 7
Муминов К. 7
Мунис 602, 677
Мункэ-хан, см. Мангу-хан
Муравин 603, 670
Муравьев Н. 613, 619, 629, 667, 672, 696
Мурад 443
Мурад-Бахш, сын Шах-Джехана 553
Мурад-хан, сын Алим-хана 664, 665
Мурад-шейх 693
Муркрофт 670
Муса 256
Мусаев М. М. 7
Мус'аб ибн Разик 241
Муса Ябгу, сын Сельджука 366, 367, 369
Мусейяб ибн Башир Рияхи 199

Мусейяб ибн Зубейр 220, 243, 244
Муслим ибн Аму Саид 201
Мустафа-хан 506
Мусульманкул 661, 664, 665
Мутамед, Аббасид 213
Мутасим 278
Мутаххар 254
Мутриби 539, 542
Мухаммед-Али 662, 663
Мухаммед-Алим Бухари 652
Мухаммед-Амин (1845—1855) 669, 703
Мухаммед-Амин-хан (1825—1853)
Мухаммед-Амин, инак (1763—1790) 666, 699
Мухаммед-Амин, казанский хан 544
Мухаммед Амин, каллиграф 583
Мухаммед-Амин-бий, юз 651
Мухаммед Амин ибн Мухаммед Заман Бухари 583
Мухаммед Баки-тархан 510, 511
Мухаммед Балхи 584
Мухаммед Беди ас-Самарканди 583
Мухаммед, брат Тараби 428
Мухаммед Вафаи Керминеги 650, 676
Мухаммед Газали 400
Мухаммед Даниял-бий, см. Данял-бий Мангыт
Мухаммед Дарвиш-султан 528
Мухаммед Джуки, см. Джуки
Мухаммед ибн Али 224
Мухаммед ибн Ахмед Нахшаби (Насафи) 285
Мухаммед ибн Ахмед 390
Мухаммед ибн Тахир 213, 280
Мухаммед, Ибрахим, сын Абдураима 682
Мухаммед Мир Алим Бухари 676
Мухаммед Муким-султан 556, 557
Мухаммед Мумин-султан 542
Мухаммед Мурад Самарканди 543, 544
Мухаммед Надир 544
Мухаммед Наршахи, см. Наршахи
Мухаммед-Нияз, ясаул-баши 704
Мухаммед Парса, ходжа 468, 556, 579
Мухаммед, пророк 185, 226, 237, 255, 256, 303, 575, 640
Мухаммед Рахим-бий, аталык, см. Мухаммед Рахим-хан
Мухаммед Рахим II, Кунграт 613, 677
Мухаммед-Рахим I Кунграт 646, 647, 666, 667, 682, 695
Мухаммед-Рахим-хан, сын Мухаммед-Хакима, Мангыт 558, 563—566, 574, 605, 620, 613, 649, 651, 653
Мухаммед Салих 381, 514, 540, 547
Мухаммед Салих, сын Кара-ходжи 8, 677
Мухаммед-султан 553
Мухаммед-Султан, Тимурид 450, 461
Мухаммед Талиб 530, 549
Мухаммед Тимур-султан 511, 517, 518, 592
Мухаммед Хайдар 506, 541
Мухаммед Хаким-бий 560, 565
Мухаммед-хан, потомок Туга Тимура 463
Мухаммед-хан, правит. Балха 580
Мухаммед-хан каракалпак 704
Мухаммед Хашим-султан 530, 542
Мухаммед-ходжа Агерди 434
Мухаммед, Хорезмшах 389—393, 406, 410—413, 415, 417, 420, 421
Мухаммед-Хосрау 477
Мухаммед Хусейн ибн Мирехи ал-Самарканди 542
Мухаммед Чаглы Мухассин 543
Мухаммед Шариф Гульхани 676, 679
Мухаммед Шариф, сын Мухаммеда Наки 650, 652
Мухаммед Шериф 582
Мухамеджанов А. Р. 6, 7, 27, 28
Мухаммедьяр 544
Мухаммед Юсуф-бай 661
Мухаммед Юсуф Мунши 529, 553, 554, 579, 689
Мухаммед Ядгар, Тимурид 487
Мухаммед Я'куб 656
Мухаммед Яхья 512
Мухриз ибн Ибрахим 227
Мухтар 189
Мушфики 541
Мхер, сын Давида 84
Мэн Хун 417
Набиев Р. Н. 6, 12, 533

Навои, см. Алишер Навои
Надир, диван-беги 588
Надир Мухаммед султан, Аштарханид 552, 553, 560, 573, 579, 600
Надир Афшар 562—566, 573, 603, 607, 609
Назар-бий, далхо 537
Назаров М. Х. 7
Назаров Ф. 621, 662
Найра (Найза) 242
Нанайя (Нана) 146
Наполеон 669, 670
Нарбута-бий 652, 659, 660
Наршахи 127, 158, 165, 186, 195, 212, 213, 220, 222, 230, 231, 234—237, 240—243, 248, 251, 255, 257, 261—268, 270 272, 281, 283, 301, 302, 306, 308—311, 314, 315, 317, 320, 329, 338, 344, 370, 375, 398
Насафи ас-Самарканди 303, 304
Насир, Аббасид 389, 390, 414
Насир-и-Хосров 313
Насириддин Махмуд Дехлийский, см. Махмуд Дехлийский, султан
Наср ибн Али 360
Наср ибн Арслан-хан, Караханид 356—358, 360, 372
Наср ибн Ахмед, Саманид 279, 280, 281, 282, 340, 354
Наср II ибн Ахмед, Саманид 284, 285, 307, 314, 320, 330, 331
Наср III ибн Абдулмелик 287
Наср ибн Лейс 239, 242
Наср ибн Сейяр 208—210, 213, 214, 219, 227, 228, 247 271,
Насретдинов Х. Н. 28
Насриддин Бухари 583
Насрулла-мирза, сын Надир-шаха 604, 605
Насрулла, эмир 643, 644, 646, 658, 659, 663, 664, 667, 672, 680
Науруз Ахмед-хан 519, 538, 542, 547
Неарх 90, 99
Небольсин П. И. 632
Негри А. Ф. 672
Нематулла далхо 559
Неплюев И. И. 671
Непомнин В. Я. 6, 7
Несеви 411, 413, 418
Нечай 599
Низак ибн Салих 209
Низами Арузи ас-Самарканди, см Арузи ас-Самарканди
Низамуддин, кази-калон 653
Низамуддин Шами 434, 438, 439, 454, 455
Низамульмульк 233, 258, 284, 301, 314, 318, 320, 376, 378, 379
Никифоров 674
Николай I 673
Нилан Билаз 199
Нильсен В. А. 6, 474
Нияз-бек 656
Нодыр, герой «Шах-намэ» 159
Нор-Мухаммед, кураминский правитель 661
Нувейри 688
Нурали, сын Абулхайра 604, 605
Нуриддин Абдуррахман Джами см. Джами
Нуритдинов З. Р. 12
Нуруллин Р. А. 7
Нух ибн Асад, Саманид 277—279.
Нух II ибн Наср, Саманид 285, 286
Нух III ибн Мансур, Саманид 328, 332, 335, 355, 356
Оболдуева Т. Г. 50
Огэ-Бегум дочь Мухаммед-Султана 463
Одатида 83, 84
Озлаг-шах 422
Окладников А. П. 10, 24, 27
Оксиарт 92, 93, 103—105
Омар-бий 652, 654
Омарг 67, 83
Омар I, Омейяд 185
Омар II, Омейяд 196
Омар, сын Мираншаха, Тимурид 450
Омар ибн Абулазиз, садр Бухары 383
Омар ибн Йезид (Хидаш) 206, 207, 253, 254
Омар ибн Хубейр, 198, 200, 201
Омар-хан, кокандский 656, 662, 664, 680
Омар-шейх 450, 461—463, 481, 485, 486
Омейяды 185, 189, 204—206, 223, 224, 226, 227, 229, 230
Оропий 104
Орунбай-бий 695
Осман-хан 392, 393
Осман, халиф 250
Ошанин В. А. 10
Павел I 669

Павлов А. П. 26
Пазухин Б. А. 568, 577
Парбский Лазарь 149, 151, 153
Парвати 146
Парк-Монгол 479
Парфенон 122
Пастер Л. 337
Певколай 98
Пейтингер 106
Пердикка 105
Перовский В. А. 673, 674
Пероз, Сасанид 152, 153, 157, 159
Петр I 561, 602, 603, 670, 689, 693
Петрушевский И. П. 10, 217, 451, 526
Пирмухаммед, сын Джахангира, Тимурид 450, 458, 461
Пирмухаммед, сын Омар-шейха, Тимурид 450
Пирмухаммед, Шейбанид 519
Пир-Саид Ахмед 589
Плано Карпини 427, 453
Платон 334
Плиний 68, 76, 106, 116, 144
Плутарх 90, 102, 110
Полибий 61, 63, 68, 110, 112
Полиэн 72, 83, 89
Поло Марко 432
Посейдон 120
Поспелов 617, 621, 623, 672
Потанин Н. Г. 627, 643
Приск Панийский 149
Прокопий Кесарийский 149, 151, 152, 154, 156
Птолемей 61, 68, 133, 473
Птолемей Лаг 90, 91, 93, 105, 116, 143
Пугаченкова Г. А. 10, 135, 543
Пулад-султан, Шейбанид 541, 592
Пулатова М. 7
Пшеничников В. 619
Пясковский А. В. 6
Рабгузи 381
Рабиа, поэтесса 331
Раби ибн Зияд ал-Харис 194—195
Равенди 387
Радж ибн Абу-Даххак 251
Раджаб, хивинский 561
Радлов В. В. 9, 626
Рафаэль 495
Рафи ибн Лейс 244, 247—249, 251, 252
Рахимбабаева Т. 7
Рахим-бек, см. Мухаммед Рахим хан
Рахим-бий, аталык, см. Мухаммед Рахим-хан
Рахим-бий, сын Шахрух-бия 659
Рахимкул-хан 668, 669, 674
Рахманкул-инак 681
Рашидаддин 416, 419, 426, 427, 431, 484, 485, 540
Рашиди Самарканди 402
Рашидов Г. Р. 7
Ремезов 689
Ремпель Л. И. 10
Решетов В. В. 7
Ризаев Г. Р. 7
Ризакули, Афшар 562, 563, 565
Роксана (Рохшанак), дочь Окси-арта 103
Рудаки 329—332, 403
Рукавкин Д. 620, 671
Рустем 175
Рустем, сын Омар-шейха, Тимурид 450
Рыбник А. М. 6
Саади 332
Сабил 205
Сабит ибн Умран Тамими 203
Сабит Кутна ал-Атаки 200, 203
Саган-худат 239
Садик Мунши Мирза 677
Сазонов И. К. 47
Саиджи 207
Саид Ашик 467
Саид ибн Абдулазиз (Хузейна) 197, 219, 271
Саид ибн Амр ал-Хараши 197—201, 242, 243, 258, 270
Саид ибн Осман 186
Саидова К. Ф. 7
Саид Хузейна, см. Саид ибн Абдулазиз
Сайид Ахмед Мешхеди 544
Сайид Хасан Оглакчи 518
Сайид Несефи 581, 584, 585
Саккаки 381
Салахиддин Муса Мухаммед Кази-задэ Руми, см. Кази-задэ Руми
Салих-ходжа 556, 567, 579
Саман 277
Самани (XII в.), см. Исмаил Самани
Саманиды 12, 260, 275—277, 280—283, 285, 287, 288, 291, 293—296, 300—302, 304, 306, 307, 310, 312—316, 319—329, 332, 333, 335, 338, 340, 342, 347,

351—358, 362, 363, 366, 372—375, 377, 378, 404
Самарканди, катиб 413
Санджар, султан, Сельджукид 371, 372, 384—388, 391, 392, 411, 543
Сарай Мульк-ханым 456, 463
Сархама 238, 243
Сасаниды 139, 229
Сатук, см. Абдулкарим Сатук
Саффариды 280
Саффах, см. Абулаббас Саффах
Сахл ибн Ахмед Дагуни 317
Себеос 149, 152, 165
Себук-тегин 356, 358
Сейид-ата, шейх 401, 597
Сейид Мухаммед, хивинский хан 613, 704
Сейфи 537
Селевк I, Никатор 105—107
Селевк II, Калинник 109, 111, 112
Селевкиды 106—113, 116
Селен 146
Селим, турецкий султан 538
Сельджук 361, 366
Сельджукиды 260, 316, 325, 347, 361, 366, 368—371, 375—378, 382—384, 386—389, 350
Семенов А. А. 6, 9
Серапис 146
Сефевиды 538
Сиддик-Мухаммед, Аштарханид 555
Силсивул 154
Сиявуш 127, 159, 160, 262, 264
Сканда Кумара 146
Скунха 71, 72, 81
Смирнова О. И. 170, 200
Сокольник 84
Сохраб, сын Рустама 84
Спаретра 70, 78, 83
Спитамен 90—102, 104
Стирлинг 670
Страбон 61, 63, 66, 75, 76, 86, 89, 90, 100, 101, 103, 107, 110, 111, 113, 115, 116, 119, 125, 144, 176
Стриангий 83
Струве В. В. 10, 67, 85
Субханкули-хан 553—557, 578, 579, 582, 585, 589, 602, 682
Субханкулов 672
Субэдэй (Субэдай) 409, 421
Сузани Самарканди 402
Суйская династия 168
Сулейман ибн Абус-Сари 197, 199, 200
Сулейман Бакиргани 401
Сулейман Суфи 445
Сулейман I, турецкий султан 538
Сулейман, Омейяд 194
Султан-Али 542
Султан-Али Мешхеди 497, 541
Султан-Али-мирза, Тимурид 487, 510—512
Султан-Али Тавачи 456
Султан-Ахмед-мирза, Тимурид 451, 468, 481, 482, 485, 487, 510
Султан-Махмуд-мирза, Тимурид 487
Султан-Махмуд-хан, Чингизид 457
Султан-Мухаммед, сын Байсункара, Тимурид 462, 463
Султан-туксаба 580
Султан-Хусейн Мирза Байкара, Тимурид 480, 481, 486, 489, 491, 492, 495, 497, 515, 541, 590
Сулу-хан 188
Сунбад 233, 234, 254
Сусан ар-Раси 297
Суфи Аллаяр 585
Суфи 442, 445, 590
Суфиян-хан, Чингизид 592
Сухарева О. А. 6, 7
Суюнч-ходжа-хан 511, 515, 517
Суюргатмыш-хан 441, 457, 462
Сыгай (Шигай) 521
Сы-ма Цянь 110, 119, 125, 127
Сюань-Цзян 169, 170, 174, 175, 177, 260, 261
Табари 149, 155, 165, 187, 191—195, 199—200, 204, 209, 211, 215, 218, 225, 226, 227, 233, 234, 235, 241, 243, 247, 254, 258, 263, 270, 271, 329, 338, 339
Тайчжи Цеван Рабтан, хан см. Цеван Рабтан, хан Тайчжи
Такин ат-Тюрки 297
Такташ Р. Х. 7
Тальх ибн Тахир 276, 277
Тан 165, 168
Тар (Тарабанд) 198, 199, 201
Тарн В. 110, 113
Тархун, ихшид 188, 192
Тахир ибн Абдулла 280, 348

Тахир ибн Хусейн 250, 251, 275, 276
Тахириды 241, 275, 276, 277, 278, 280, 281, 287, 294, 300, 304, 305, 311, 316, 327, 333
Тахир Мервези 346, 380
Тахмурас 268
Тахшада, бухар-худат 206, 213, 247, 263, 264
«Тахшады мать» 186
Таянгу 392
Тевеккель 521, 550
Текеш 378, 388—390, 406
Темир-ходжа 443
Темучин, см. Чингиз-хан
Термезшах 158, 260
Тетенева Л. Г. 7
Тимур (Тимурленг, Тамерлан) 12, 435, 436, 440—450, 453—461, 472, 475, 476, 480, 495, 499, 503, 589
Тимур-Гази-хан 605
Тимуриды 12, 298, 445, 451, 461—462, 476—478, 480, 482, 499, 503, 507, 509, 510, 514—516, 522, 528, 544, 547, 552, 574, 590, 676
Тимур-Мелик 419—422
Тимур-султан, хан Арала, Аштарханид 603
Тимур-султан, см. Мухаммед Тимур-султан
Тимур-шах 655
Тиридат 111, 112
Тоглуг-Тимур 434—436
Тогрул-бек, Сельджукид 361, 366—368, 369, 387
Тогрул II, Сельджукид 389
Толстов С. П. 10, 39—41, 48, 49, 67, 115, 129, 130, 142, 147, 150, 151, 166, 260, 294
Томирис 70, 78, 83
Томсон 670
Тохтамыш 443—445, 455, 456, 465
Требек 670
Тревер К. В. 6, 67
Трог Помпей 11, 110, 113, 114, 119, 125, 133
Тугай-Мурад-бий 649, 650, 652
Тугай-хан, канглы 418, 419
Туг-Тимур 463
Тудан 158
Туйходжа-оглан 444
Тули, Чингизид 409, 416, 429
Туляганова М. 7
Тумынь 166
Тунуш, илек-хан 367
Турды (Фараги) 581, 585
Туркан-хатун, жена Текеша 386, 389, 414, 418
Туркан-хатун, жена Санджара 386
Турсунов Х. Т. 6, 7, 12
Тюрякул-бий, парваначи 560
Убайдулла-хан Шейбанид 517—519, 538, 541, 584, 591, 592
Убайдулла-хан Аштарханид 557—560, 566, 579
Убайдулла ибн Зияд 186
Убайдулла Ходжа Ахрар, см. Ходжа Ахрар
Увейс-мирза, Тимурид 511
Увейс, сын эмира Ховенд-шаха 479
Угэдэй, 409, 416, 417, 420, 422, 425, 426, 429
Уджайф ибн Анбас 248, 249
Узбек-хан 443, 463
Узун-Хасан 486
Укаб ибн Салим 238
Улугбек (Мухаммед Тарагай) 298, 461, 463—466, 467—478, 488, 505, 540, 582
Ульджай Туркан-ага 436
Умейр ибн Хурейм 205
Умейя ибн Абдулла 187
Унсури 402
Урус-хан 443, 444, 463, 465, 506
Усман ибн Абдулла 197
Усманова М. Ю. 6
Устад Камаль 535
Утарид 397
Утби Манини 287, 314, 320, 330
Фавст Бузанд 149
Фадл ибн Сахл 250
Фазил-бий, юз 652, 655
Фазил-бий 671
Фазл ибн Сулейман ат-Туси 244
Фазли 678, 679
Фазлуллах ибн Рузбехан Исфагани (см. Ибн Рузбехан)
Фазыл Хареви 524, 525
Фаик 301, 351, 355—357
Файзиева З. Ф. 7
Фани, см. Алишер Навои
Фараби 328, 333—335, 469, 471
Фарадж 448
Фарасман 99
Фаргани 333, 472
Фарнух 96, 97
Фарр 146
Фаррухи 402

Фатимиды 285
Фахритдинов Д. А. 7
Фахруддин Курт 484
Фахруддин Рази 406
Федор Иванович 521
Федотьев 596
Федченко А. П. 626
Феофан Византийский 149, 151, 154, 165, 177
Феофилакт Симокатта 165, 177, 182
Феофаст 115, 133
Фердоуси 83, 89, 150, 159, 256, 257, 329, 332, 402, 403
Фил, см. Кил
Филипп, отец Александра 91
Филипп 105
Фируз 677
Фитрат 584
Флорио Беневени 561, 562
Фрада 71, 72
Фрейзер 670
Фрейман А. А. 175
Фузули 583
Фуркат 586
Хабаш, сын Араб Мухаммеда 599
Хаджадж 189, 191, 192, 194
Хаджи Мухаммед Хосрау 477
Хаджи-Барлас 434—436
Хазик 680
Хайдар Хорезми 381
Хайдар, эмир 613, 618, 655—657, 662
Хакан Абумузаххим 203, 204—207, 210, 214
Хаким Алавар, см. Муканна
Хаким ибн Ахмед 240
Хакимова К. З. 7
Хаким Сарханг (отец Муканны) 234, 235
Хаким-хан-тюра 677
Халид ибн Абдулла Нахви 203
Халид ибн Бармак 227—229
Халк Хакан 242
Хамдаллах Казвини 386
Хамза ибн Атрак 246
Хамза ал-Хариджи 244, 246, 247, 249—251
Хамид-ходжа, сын Юнус-ходжи 660, 661
Хан-заде, дочь Хусейна 443
Хань 110, 151
Ханыков Н. 624, 626, 674
Ханыков Я. 617
Харес Митиленский 83
Харис ибн Сурейдж 204—210, 214, 225, 226, 241
Харсама ибн Айан 248, 249, 251
Харун-ар-Рашид, Аббасид, 212, 217, 220, 221, 244—246, 248, 249, 250, 252, 275, 276, 291, 319
Харун ибн Муса ибн Сатук, см. Богра-хан
Харун, хорезмшах 367
Хасан-Аттар 468
Хасан Бухари Нисари 539
Хасан ибн Ала Согди 266
Хасан ибн Амр 251
Хасан-ходжа 419
Хасан, шейх 438
Хафизи Абру 457, 484, 497
Хафиз 332, 583
Хафиз Мухаммед Дулдай-бек 485
Хафиз Таныш Бухари 541, 567
Хашим ибн Хаким, (Хаким ал-авар, Ата) см. Муканна
Хаян ан-Набати 184
Хидаш (Омар ибн Йезид) 206, 207, 253, 254
Хизр 443
Хилали 541
Хилаль ас-Саби 357
Хильвет-шейх, сын Мурад-шейха 693
Хирами 680
Хисамуддин Омар ибн Абдулазиз 386
Хишам, Омейяд 204, 206, 210
Ховенд-шах 479
Ходжа Абдухалик Гиждувани 400, 468
Ходжа Ахмед Ясави 400—402, 404, 468, 493
Ходжа Ахрар 468, 479, 482—484, 488, 493, 507, 512, 588
Ходжа Ислам 519, 525
Ходжа Саъд 528, 570
Ходжа Таджиддин 530, 533, 570
Ходжа Яхья, сарбадар 437
Ходжим-хан 599
Хондемир Гиясуддин 490, 497, 533, 677
Хорезми, см. Абуабдулла Хорезми
Хорезмшахи 158, 160, 192, 193, 362, 364—367, 384, 388—394, 406, 408, 410—412, 414, 415, 417, 418, 420—422, 424, 693
Хорнен 103, 104

Хосров I Ануширван, Сасанид 153, 167
Хосров-шах 515
Хохлов Иван 596, 598
Хронос (Кронос) 87
Хувишка, кушан 138, 146
Худайберды Тимур-Таш 485
Худайдад 479, 683
Худайдад Калмык 483
Худайкулов К. 7
Худояр-хан 648, 665, 682
Хулагиды 431, 433, 446, 450
Хулагу-хан 430, 431, 449, 450
Хумар-тегин 422
Хумейд ибн Кахтаба 235, 239
Хуразбек, аталык 605
Хурлек-и Бухари 438
Хурзад 192, 193
Хусейн Байкара см. Султан-Хусейн
Хусейн ибн Али Мервези (Мерверуди) 284, 285
Хусейн ибн Мааз 240
Хусейн ибн Тахир ибн Абдулла 280, 281
Хусейн Суфи 442, 443
Хусейн Уди 541
Хусейн Хорезми 526
Хусейн, эмир 434, 436, 440, 441, 456
Хына (Ахмед) 266, 272, 311
Цеван Рабтан, хан тайчжи 561
Цинь 409
Циолковский 672
Чаган, хорезмшах 192
Чагатай 416, 417, 422, 425, 429—431, 506
Чагатаиды 430, 456
Чагры-бек Давуд 366, 367, 369
Чан Чунь 419
Чекан Курчи, нойон 428
Чехович О. Д. 6, 10
Чжан Цянь 110, 127, 128, 131—133
Чингизиды 429, 433, 441, 456, 504, 506, 507, 603
Чингиз-хан (Темучин) 392, 393, 402, 408—412, 414—418, 419, 421—426, 439, 441, 451, 453, 500, 504, 506, 560, 605
Чин-суфи 590
Чолай, сын Алгу-хана 431, 432
Шавкар Хумейка, Джамук 199
Шади (Мулла Шади) 513, 514,540
Шалекенов У. 10
Шамай 599
Шамсуддин Махбуби 428
Шамурамат (Семирамида) 69
Шаниязов К. 7
Шаповаленко В. И. 7
Шапур 212
Шапур II, Сасанид 151
Шарафуддин Али Йезди 438, 439, 445, 447, 448, 455, 456, 540
Шарафханова О. 7
Шарик ибн Шайх ал-Махри 230—232, 310
Шарик ибн Харис 206
Шафи 579
Шах-Али ибн Сулейман 542
Шахбек-кукельташ 579
Шах Джехан, Великий могол 552, 553
Шахид Балхи 331
Шах-Мелик (XI в.) 366, 480
Шах-Мелик (XV в.) 463, 480
Шах-Мурад, Мангыт 613, 652—655
Шах-Нияз 602
Шахристани 254
Шахрух-бий, Минг 560
Шахрух, Тимурид 461—463, 465, 466, 468, 475, 476, 479, 480, 484, 486, 505
Шейбан 500, 503, 504, 506
Шейбаниды 506, 517—519, 521—523, 528, 529, 531, 533, 534, 536, 537, 540, 542, 544, 545, 550, 570, 574, 590—592, 676
Шейбани-хан Мухаммед 495, 499, 507, 509—517, 519, 520, 523—525, 533, 538, 540, 542, 544, 546, 590, 591
Шейх Хабибулла 582
Шейх Шериф 406
Шемсульмульк Наср 370, 371, 405
Шива 140, 142, 146
Шики-Хутуху 421
Ширак 72, 83, 85, 159
Ширали-хан 663, 664, 665
Ширбек 671
Ширгази-хан 561, 590, 602, 603, 606
Ширмухаммед-хан 464, 465
Ширмухаммед Мунис, см. Мунис
Шихабуддин Хиваки 415
Шишкин В. А. 6, 10, 172, 261, 317
Шубад 69
Шу'ба 197
Эверсман 672
Элиан 78
Эльфинстон 670

Энгельс Ф. 19, 24, 33, 36, 54, 63, 148, 197, 220, 236, 271, 475, 498
Энкиду 86
Эрван 86
Эренг Мухаммед-султан (Ирнак) 555, 556, 602
Эфор 69
Эфталан, см. Вахшунвар
Юе-Чжи 170
Юлдашев А. М. 6
Юнус-хан, Чингизид 499
Юнус-ходжа, правитель Ташкента 660
Юстин (II в. до н. э.) 90, 110, 125
Юстин II (365—374) 154, 167, 169
Юстин, историк 100, 109, 111, 113, 115, 176
Юсуф ал-Барм 240, 241, 242
Юсуф ибн Ибрахим, см. Юсуф ал-Барм
Юсуф ибн Омар 209
Юсуф Карабаги 283, 583
Юсуф Суфи 443
Юсуф Хамадани 400
Юсуф Хас-Хаджиб Баласагуни 403, 404
Ядгар, маулана, ходжа 583, 588
Яктин ибн Муса ал-Куфи 214
Якуб ибн Ахмед 279
Якуб ибн Лейс 280, 282
Якуб Чархи 468
Якуби 185, 234, 241, 247, 249, 252, 268, 270, 318
Якубовский А. Ю. 6, 166, 172, 212, 218, 241, 257
Ялангтуш-бий 574, 578, 587, 588
Ян-ди 269
Яр-бек 556, 560
Яхья ибн Асад 277
Яцышина А. Ф. 7.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абаргар (Абгар-рустак) 197, 198, 288
Аббурдан 344
Абди-Дарун 472
Абдулла-хан банди плотина 545, 546
Абдулла-хана медресе 545, 547, 579
Абдурахима садра медресе 544
Абиверд 367, 480, 486, 550, 668
Абирахмат 473
Абухашима ал-Кинани дворец 310
Агра 518
Азак (Азов, Тан) 446
Азербайджан 238, 367, 369, 430, 444, 446, 448, 462, 463, 486, 488, 516
Азия 17, 20, 21, 23, 69, 91, 99, 101—103, 108, 142, 412, 446, 453, 620
Азия Восточная 20, 155.
Азия Западная 155, 327
Азия Малая 72, 90, 91, 105, 424, 448, 456
Азия Передняя 24, 69, 76, 167, 287, 294, 297, 308, 347, 389, 412, 430, 449, 489, 670
Азия Средняя 8—12, 17, 18, 20, 22—25, 32, 34—36, 38, 43, 45, 49, 53, 55, 59, 60, 62—80, 82, 84—91, 94, 104—108, 110, 111, 113, 114, 116, 119, 122—124, 126—128, 130, 132, 136 — 139, 142 — 144, 147—151, 153, 156, 157, 159—161, 165—169, 171—176, 177, 179—189, 191, 193, 194, 212, 216, 218, 222——224, 232, 233, 245, 252, 259, 260, 263, 268, 269, 271, 272, 276, 278, 289, 291—294, 297—300, 302, 305—307, 309, 312 — 315, 318, 319, 322, 326, 327, 332 — 334, 340, 346, 347, 350, 351, 353, 359, 362, 363, 372, 375, 376, 380, 381, 383, 385, 389, 397, 400, 401, 402, 404, 406, 408, 412, 416, 422, 425, 429, 432, 445—447, 449, 460, 461, 467—469, 471, 472, 475, 489, 495, 497—499, 501, 502, 505, 507, 509, 523, 524, 531, 535 — 541, 543 — 545, 558, 567, 571—573, 582, 584, 586, 587, 596, 602, 604, 607, 609, 611, 612, 614, 615, 617, 619, 620, 622, 623, 625—629, 630—633, 635, 638, 669—671, 673—677, 681, 684—687, 693
Азов 449

Аирбаз мустьерск. стоянка 30
Айдан крепость 449
Айртам 141, 146
Акдарья 612
Ак-Курган 499, 505
Ак-Мечеть 662
Ак-Сарай в Шахрисабзе 458
Ак-Сарай в Самарканде 488
Ак-там (Фергана) 75
Актау 77
Акташ 35
Акча 562
Акчадарья 50
Акчоб 546
Ак-якиш 703
Ала (ворота и улица в Бухаре) 266
Алайская долина 114
Алайский хребет 29, 30, 623, 661
Александрия 106
Александрия на Оксе 116
Александрия Эсхата 96, 97, 106, 116
Алин, 228
Аллакули-хана базар 682
Аллакули-хана караван-сарай 682
Аллакули-хана медресе 681
Алмалык 76, 425
Алтай 66, 75—77, 165, 166, 552
Альпы 17
Аманкутан 12, 18, 24—26
Америка 17
Амида 151, 156
Амирабад 51
Амир-Темир, грот 25
Амударья, Джейхун, Аракс, Окс, Раха, Ранха, Аранха 18, 38, 40, 43, 44, 48—50, 54, 62—64, 67, 68, 71, 85, 91—93, 98, 102, 107, 114—118, 122, 127, 133, 134, 139, 142, 144, 146, 151, 152, 167, 175, 186, 187, 190, 230, 231, 236, 239, 241, 248, 287, 291, 294, 331, 355, 356, 358, 360, 361, 370—372, 374, 380, 420, 424, 425, 436, 440, 442, 457, 463, 476, 479, 517, 522, 553, 558, 562, 563, 566, 592, 595, 596, 598, 600, 608, 610, 612, 613, 626, 639, 655, 656, 674, 689, 695, 696, 698.
Амуй, Амуль (см. Чарджоу) 294
Анау 53, 668
Ангка, стоянка 50
Англия 20, 300, 475, 669, 670, 673, 675, 704
Ангрен 431, 622
Андижан 485, 507, 611, 536, 570, 623, 627, 659
Андижанская область 530
Андижансай 612
Андроново 51
Андхуд (Андхой) 173, 420, 517, 562, 608
Анкара 448
Антиохия 106, 107, 141
Антиохия на Ороите 105
Антиохия в Скифии (Узген) 133
Антиохия за Яксартом 106, 116
Анхор 612
Аньси (Парфия), 119, 127, 134, 135
Араб-ата, мазар 342
Аравийская пустыня 183
Аравия 189
Аракс, см. Амударья
Арал 600, 602
Аралбай-жаб 697
Аральское владение 666
Аральское море 503, 694
Аранха см. Амударья
Арахосия (Кандагарская обл.) 114
Арбинджан (Рабинджан) 260, 269, 290
Аримаза скала 103
Ария (Гератская обл.) 67, 114
Аркук 505, 536
Армения 151, 367, 424, 430, 448
Арран 430
Аруктау, могильник 135
Архиан 515
Архипелаг 72
Ассирия 69
Астрабад 485, 491
Астрабадская область 516
Астрахань 446, 505, 507, 537—539, 550, 609, 667, 671, 672
Астраханское ханство 503, 538
Атрек 67
Аттарон, ворота 231, 272, 308, 309
Аултепа 160
Афаринкентский тумен 525
Афганистан 114, 133, 137, 139, 146, 150, 283, 291, 359, 423, 424, 516, 522, 562, 603, 667, 670, 673, 674.
Афины 72
Афрасиаб, городище 74, 76, 83,

84, 88, 127, 145, 160, 172, 174, 175, 178, 180, 260, 265, 272, 309, 315, 343—345, 406, 418, 425, 473.
Африка 20, 21, 24
Африка Восточная 21
Африка Северная 327
Африка Южная 22
Афшана 265, 302
Ахан 233
Ахангаран 76, 158, 520
Ахарун 189, 199
Ахваз 254
Ахлат 449
Ахнаф 185
Ахси 486
Ахсикент (Ахсикет) 131, 293, 536
Ачинск 51
Ашкалтепа 52
Ашхабад 413
Аяз-Кала 145
Бага, согдийское укрепление 100
Багдад 217, 227, 229, 238, 242, 248, 250, 251, 255, 256, 258, 275, 276, 282, 290, 292, 294, 297, 318, 327, 333, 369, 450, 458, 516
Баги-Баланд 458
Баги-Бихишт 458
Баги-Дилькуша 458
Баги-нау 478
Баги-Чинар 458
Бадасия 343
Бадахшан 68, 77, 128, 152, 156, 449, 468, 515, 517, 520, 555—557, 560, 571, 608, 694
Базар-Кала 145
Байрам-Али 107
Байсун 623
Байсунтау 24
Бакиргансай 22
Бактриана 67, 106, 125
Бактрия (Дахя) 68, 69, 71, 73, 76, 77, 82, 84, 85, 88, 91, 94, 98, 104—116, 119, 120, 122, 124, 125, 128, 133—135, 138, 259
Бактры 98, 104, 107, 115—117, 143, 144
Баладж 348
Бала Мургаб 555
Балалык-тепа 151, 156, 160, 174
Баласагун 260, 294, 350, 352, 353, 372, 374, 385, 386, 399, 403
Балх 75, 115, 185, 227, 229, 238, 248, 249, 275, 277, 319, 331, 356, 360, 365, 370, 372, 378, 387, 422, 434, 440, 441, 449, 476, 485, 516, 517, 519, 520, 536, 538, 548, 552—560, 562, 563, 566, 570, 576, 577, 579, 580, 617, 668
Балхан 591
Балханские горы 367, 592, 593
Балхаш 500
Балхская обл. 436, 553, 576
Балянд, мечеть 588
Бану асад
Бану са'д
названия ворот в шахристане Бухары 308
Бану-Ханзаль, мечеть в Бухаре 266, 311
Баркас 232
Баркет 281, 306
Барсаган 349
Барчылыгкент 416, 419
Басилийи 97
Басра 195
Бахань (Фергана) 180
Бахар 127
Бахауддин, сел. 546, 547
Бахауддина-шейха мазар 565
Бахди (Бактрия) 84
Бахилия, замок 197
Бекабад 96
Белеули, рабат 295
Бельгия 20
Бенакет 290, 419
Бенгалия 518
Беркут-Кала 171, 177
Берукет 348
Бехистун 66, 71, 81
Бешбулак, стоянка 45
Биби-ханым 458, 495
Бинкет 170, 172, 260, 261, 269, 322
Бишкентская долина 135
Ближний Восток см. Восток Ближний
Боват 598
Бозсу 28, 29
Болгар см. Булгар
Боло-хауз, мечеть в Бухаре 588
Большой Ферганский канал (БФК) 88
Борикозган 22
Бостандык 28
Босфор 669
Британская империя 669
Бурчмулла 28
Букантау 76

Булгар 291, 298, 299, 444
Булдумсаз 541
Бульбульзарсай 25
Буран-Кала 406
Бухара 8, 97, 127, 146, 156—158, 160, 168—170, 172—174, 178, 186, 188, 192, 194, 212, 213, 220—224, 230—232, 237—243, 248, 249, 260—262, 268, 270—272, 280, 281, 285—287, 289, 291, 293, 294, 301—305, 309—311, 313—315, 317, 323, 326, 331, 333, 335, 340, 343, 344, 354, 360, 363, 370, 371, 374, 375, 378, 382, 383, 386, 389, 391, 394, 400, 404, 405, 416, 422, 424, 427, 429 431—433, 468, 471, 472, 476, 478, 481, 482, 510—512, 515, 518, 519, 521, 531, 534—537, 539, 541, 542, 550, 551, 554——557, 559, 562—566, 574——579, 582, 587—589, 592, 593, 598—603, 608, 610, 614, 616—627, 629, 631, 633, 637, 639—644, 646, 650—657, 660, 662, 663, 667, 668, 670—677, 680, 682—684, 689—691, 694
Бухарская область 22, 25, 27, 34, 44, 45, 156, 170, 172, 192, 240, 288, 289, 492
Бухарский вилайет 279, 280, 638, 670
Бухарский оазис 64, 75, 117, 144, 240, 245, 279, 304, 553
Бухарское ханство 556—568, 574, 580, 585, 587, 589, 595, 601, 606—609, 617, 618, 623, 625, 626, 636—638, 643, 649, 652, 658, 663, 672
Бушенг 275
Бушендж (Бушенг) 224, 241
Вабкент 405, 608
Вавилония 70, 71, 82, 105, 107, 332
Варагсар, плотина 197, 219
Варахша, городище 156, 173, 174, 178, 179, 190, 265, 343, 344, 406.
Вардан 192, 265
Варданзи, тумен 158, 554, 561, 608
Вауш, горы, сай 22, 27
Вахан 662
Вахш 22, 116, 529, 546
Вахшская долина 144, 160
Ведар 195, 290
Везир 591, 595, 612
Великобритания 609
Великая Китайская стена 125, 158
Византия 152, 153, 156, 157, 167, 168, 181, 182, 184, 229, 500
Волга 168, 294, 295, 298, 503, 507, 515, 688, 693
Восток 8, 55, 63, 68, 73, 89—91, 108, 109, 120, 189, 212, 283, 295, 298, 301, 302, 312, 318—320, 322, 332, 333, 338, 375, 380, 386
Восток Ближний 77, 454, 483.
Восток Ближний и Средний 31, 313, 335
Восток Дальний 143, 167, 449, 537
Восток Передний 388
Восток Средний 214, 388, 488
Восточный Туркестан 85
Гава, обл. в Согде 73
Гавгамелы 95
Газа 93
Газна 287, 326, 356, 358, 359, 365, 394, 423, 462, 480
Газнабад 565
Гандум-кала 612
Гардж аш-Шара (Гарчистан) 326
Гаукушан, караван-сарай в Бухаре 545
Гаухорэ 367
Гейдельберг 22
Гекатомпилы 143
Геллеспонт 91
Герат 224, 227, 242, 356, 369, 388, 423, 434, 446, 447, 561, 462, 466, 468, 476, 479, 484—491, 495, 497, 516, 520, 540 541, 544, 550, 589, 679
Гератская обл. 275, 524
Гератский оазис 524
Герируд, р. 67
Германия 20, 22, 615
Гибинь (долина Кабула) 123, 124, 135
Гибралтар 340
Гиждуван 472, 518, 602, 608, 626,
Гималай 17
Гиндукуш 91, 104, 674
Гиренг (Джирендж) 227
Гиркания 67, 77
Гиссарская долина, 135, 144, 624

Гиссарский хребет 68, 71, 103, 117, 142
Голодная степь 18
Греко-Бактрийское царство 109, 110, 111, 112, 113, 114, 116. 117, 120, 122, 123, 125, 126, 128, 148, 182
Греция 13, 59, 69, 72, 90, 105, 108, 161
Грузия 422, 430, 448
Гузар 92, 513.
Гузган 356
Гуджайли 50
Гуйшуан, княжество 137
Гуйшуй (Амударья) 125, 133
Гуль (Джул) 456
Гур 388
Гурген 67
Гуриан, ворота в Бухаре 263
Гуркан 258
Гурлен 610, 629
Гур-Эмир, усыпальница Тимуридов 458, 465, 467
Гушан (Ю-Чен) 133
Гытсай 29
Гяур-Кала, городище 74, 76, 81, 145, 265, 268, 273, 309
Дабусия 269, 300, 417, 418, 510
Давань (Фергана) 119, 131, 133
Дагбид 626
Дагестан 604
Дальверзин 10, 52, 53, 74, 135, 145
Дамаск 185, 455
Дам-дам Чашма 43
Дамулла Турсунджана медресе 683
Данги, ущелье 30
Данданакан 368
Дарбаза-кыр, стоянка 41—43
Дарваз 609, 663
Даргом 144, 197, 612
Дарданеллы 669
Дарьялык, р. 595
Даукара, озеро 612
Дахистан 53
Дахя 132, 134, 135, 137
Даштак 302
Деггарон, мечеть в сел. Хазара 405
Дели 448, 454, 518
Денау 135, 650, 651
Дех Нуджикас 350
Дешти-Кипчак 440, 463, 497—499, 501, 502, 504—506
Джакардиза, местность 316
Джам 516
Джанбас 38—40, 48
Джанбас-кала 88, 129, 130
Джанг-и-лой 436
Джаныдарья 694, 695
Джанкурган 405
Джармо, стоянка 43
Джарсай 29
Джебел, пещера 43
ал-Джезира 276
Джейтун, стоянка 43
Джейхун, см. Амударья
Дженд 347, 366, 367, 370, 385, 387, 416, 419, 420
Джетысу (Семиречье) 499
Джизак (Дизак) 300, 465, 655
Джиланутинское ущелье 465
Джузгун (файзабад) 556
Джузджан 241, 326
Джуи арзиз 316
Джуи Мулиан 314, 355
Джуйбар 554, 601
Джума Базар 623
Джунгария 659
Джурджан 217, 296, 297
Джурджанское (Каспийское) море 296
Джурджания, см. Ургенч
Диарбекр 516
Дивари Киямат 279, 316
Дивашти крепость 199
Димишк, сел. 458, 477
Дихистан (Мешхед-и Мисриян) 278, 367, 368, 388, 592
Днепр 500, 688
Дон 62, 93
Дрангиана 114, 126
Драпсаку (Драпса, Адраспа) 116
Думи 137
Дурун 591, 668
Евкратидея 116
Европа 17, 20, 21, 23, 101, 237, 290, 299, 318, 446, 449
Европа Восточная 143, 148, 291, 296, 298, 299, 300, 412, 429, 445, 688
Европа Западная 24, 156, 571, 575, 615, 685
Европа Юго-Восточная 66, 293, 294, 475
Европа Южная 327
Евфрат 62, 143, 216
Египет 62, 68, 69, 73, 82, 91, 105, 109, 143, 184, 223

Енисей 500
Еркурган, городище 145
Заамин 627, 655
Забулистан 246
Закавказье 20, 69, 223, 424, 444, 446, 670
Заман-Баба, озеро, поселение, 12, 40, 47, 48, 66
Замджан 294
Замм 189
Занг 144
Зандана 265, 289
Западно-Сибирская низменность 501
Зараут-Камар 37
Зараутсай 37
Зарафшан 12, 18, 22, 38, 40, 42, 44, 47, 49, 50, 54, 62—65, 67, 68, 76, 97, 98, 113, 150, 170, 174, 175, 178, 181, 189, 236, 237, 279, 287, 344, 346, 347, 357, 361, 366, 367, 379, 385, 418, 425, 513, 521, 523, 524, 546, 564, 574, 579, 610, 612, 618, 646, 650, 700
Зарафшанская долина 41, 117, 188, 192, 247, 248, 288, 366, 522, 656
Зарафшанские горы 513
Зариаспа (город в Бактрии) 94, 98, 100, 112, 115
Зартепа 135
Зауралье Южное 51
Заутолошсай 24
Захаки-Морон 145
Зереиджа 246
Зернук 416
Зинджан 217
Зияуддин, станция ж. д. 510
Зияуддина мавзолей 687
Золотая Орда 429, 433, 442—446, 449, 464, 500, 503
Золотой путь 116
Иджонт, кишлак 27
Илак (Ангрен) 158, 171, 236, 254, 288, 291, 301, 536
Илек 503
Или 187, 552, 559
Инд 105, 423, 518, 670
Инджил 489
Индия 68, 77, 90, 91, 99, 104, 105, 114, 116, 119, 122—124, 137, 139, 143, 144, 148, 153, 156, 332, 358, 359, 395, 423, 446, 475, 476, 515, 518, 536—540, 543, 552, 553, 571, 587. 603, 604, 669, 670, 675, 694
Индия Северная 68, 115, 139, 166, 359, 360
Индия Северо-Западная 114
Индостан, (см. Индия)
Ирак 189, 218, 223, 224, 228, 230, 276, 294, 311, 353, 359, 377, 389, 392, 430, 450, 463, 516
Ирак Персидский (Ирак Аджем) 367, 369
Иран 60, 66, 69, 70—72, 77, 83, 87, 90, 91, 116, 117, 112, 143, 152—154, 156, 157, 159, 160, 167, 176, 182, 184, 214, 218, 223, 224, 228, 230, 259, 282, 283, 289, 292—294, 300, 305, 312, 313, 332, 336, 362, 369, 375—377, 379, 394, 400, 402, 421, 423, 430—433, 446, 447, 450, 451, 462, 485, 515, 517, 521, 536—539, 544, 551, 553, 565, 591, 592, 596, 603, 604, 607, 615, 670, 673
Иран Восточный
Иранское плато 43
Иргиз 503
Ирназар ильчи, медресе 683
Иртыш 187, 500, 503, 688
Иската (Ишкузан, Скифия) 85
Искиджкет 289, 315
Искодар, сел 344
Исмаила Самани мавзолей 339
Испания 20
Иссык-Куль 75, 116, 127, 173, 294, 348, 349, 500
Исфайрам 22
Исфара (Асбар) 62, 65, 199, 292
Исфаринские горы 77
Исфахан 225, 313, 448, 450, 456, 457
Исфиджаб 169, 279, 293, 319, 326, 348, 350—352
Исфизар (Афганистан) 456
Исфизар, квартал в Самарканде 315
Итиль 294, 295, 298, 299
Ихтиярруддин, цитадель в Герате 446, 447, 466, 476, 479, 484, 516
Ишкамыш 536
Ишрат-хана, мавзолей 488
Иштихан 169, 173, 180, 248, 319
Кабадиан 75, 76, 81, 135, 530
Кабул 116, 143, 153, 246, 462,

463, 480, 515, 516, 517, 518, 520, 543, 553, 563, 627, 673
Кабулистан 115, 119
Кават-Кала 406
Кават, стоянка 50
Кавказ 17, 31, 35, 62, 168, 293, 295, 421
Кавказ Северный 445—446
Кавказский хребет 153, 168
Каза 234
Казань 538
Казанское ханство 503, 538
Казахдарья 704
Казахстан 18, 22, 23, 32, 51, 55, 66, 126, 445, 540, 610, 611, 626, 630, 632, 660
Казахстан Восточный 55
Казахстан Южный 22, 67, 278
Казвин 217
Кайрагач 22
Кайраккумы 22, 50
Какизан 217
Калаваш-Кызыл 27
Калаи-мир 75, 135
Калача, окрестность Ферганы 24
Кала-и Рахим бий 659
Калка 421
Калобод, медресе 545
Каменная башня 143
Камимич 612
Кампир-Девор 279
Камыш-Курган 623
Канаудж 359
Кангдиз 127
Кангдзюй (Кангюй) 127
Кангюй-Кангха 12, 124, 127, 129—131, 134
Кангха (см. Кангюй)
Кани-Гиль 440, 513
Кандахар 246, 462, 480, 562
Канское царство (Самарканд) 173, 174
Канпирак (Канпир деворы) 245
Каптарни-куми, стоянка 45
Капчигай, пещера 12, 30
Карабаг 463
Карабагсай 29
Карадарья, 611, 612
Караджар, могильник 135
Каракалпакия 12, 76, 684
Каракалпакская АССР 81
Каракал владение 694
Каракамыш, урочище 28
Кара-и-Алавиан 314
Каракорум 429
Каракуль (Бухарской обл.) 41, 449, 511, 512, 534, 553, 570, 574, 601, 608
Каракумы 12, 18, 45, 67
Карамазар 76, 291
Карамкуль 30
Караскан 532
Каратау 12, 22, 34, 76, 552, 623, 689, 691
Каратегин 116, 143, 609, 618, 623, 635, 663
Каратепа, городище 146
Карашар 148, 153
Карпаты 688
Карши-Шакир, стоянка 43
Карши 145, 432, 440, 510, 513, 518, 519, 525, 536, 546, 559, 561—563, 570, 607, 610, 623, 625, 627, 633, 652.
Каршинский вилайет 280, 623
Каршинский оазис 145
Касан 172, 261
Каспийское море 62, 70, 83, 167, 168, 172, 190, 359, 421, 666, 671
Катванская степь 385, 386
Каттакурган 127, 511, 614, 624, 625, 657, 659
Каунды, урочище 44
Каунчитепа 131
Кафа 446
Каффаля-Шаши, мавзолей 544
Кафыр-Кала (около Самарканда) 160, 181
Кафыр-Кала (в Вахшской долине) 160
Кафирниган Южный 134
Кафирниган 189
Ках, назв. улицы в Бухаре 266
Кашгар 116, 128, 144, 153, 194, 285, 349, 350, 351, 352, 353, 356, 358, 359, 360, 372, 373, 374, 403, 410, 431, 543, 552, 627, 659, 662, 675
Кашгария 499
Кашкадарьинская обл. 145, 156, 160, 608
Кашкадарья, р. 10, 18, 41, 50, 92, 150, 192, 236, 237, 243, 247, 346, 380, 385, 435
Кашкадарья, долина 248, 249, 280, 288, 360, 431, 524, 608, 625
Кашкадарьинский район 522
Кашмир 359, 670
Кегейли, проток 695

Кей-Кабад-шах, городище 135, 145
Келиф 92, 420
Келифский Узбой 18
Кенджид 346
Кенегес 612
Керигетау 76
Керки 563, 655
Керман 246
Кермине 170, 428, 430, 554, 561, 564, 580, 601, 654, 655.
Кермининская обл. 637
Кетменьтепа 465
Кеш (Шахрисабз) 158, 170, 173, 186, 192, 194, 224, 236, 238, 243, 248, 269, 270, 356, 431, 434, 441, 447
Кешский вилайет 244
Кешские ворота 270, 316
Кешк-и-муган 314
Киевская Русь 688
Кинель, р. 294
Кирман 475
Киргизская ССР 373
Киргизия 22, 126, 175, 406
Кирешата (Кирополь) 88, 95, 96
Китаб 117, 145, 626, 658
Китай 21, 116, 124, 125, 126, 128, 132, 134, 143, 144, 149, 156, 157, 161, 168, 169, 172, 173, 182, 140, 293, 294, 296, 297, 298, 347, 351, 362, 408, 409, 410, 411, 448, 475, 537, 571, 575
Китай Северный 430
Китай Северо-Западный 55
Китайская стена 159
Китайские (Син) ворота в Самарканде 270
Кият-жаб 697
Кият-Кунграт 610
Клыч Нияз-бай, канал 612
Кобадиан 144
Кой-Крылган-Кала, городище 119, 130
Коканд 560, 609, 618, 620, 625, 627, 633, 636, 644, 646, 659, 661, 662, 663, 664, 665, 668, 675, 677, 678, 680, 682, 683
Кокандское ханство 608, 609, 618, 623, 627, 629, 636, 637, 641—644, 648, 659, 661, 662, 663, 677, 682, 703
Кок-сарай 418
Коксу 28
Кокча 51
Комедские горы 143
Комимич 143
Константинополь 448, 474, 669
Копет-Даг 38, 64, 542, 593
Корея 182
Коронгы-шор 41
Коштепе 269
Красноводск 22
Красноводская пристань 666
Красное море
Крым 35, 444, 446, 503
Ктесифон 229
Кува 131, 174, 179, 180
Кувасай 29, 65
Кугитанг 37
Кугитангдарья 623
Куйбышев, 445
Кукельташ, медресе 545, 547
Кулан, (ст. Луговая) 173, 294, 349
Кульбулак, родник и стоянка в Чирчик-Ангренском оазисе 10, 24, 29, 34
Кульджа 425
Куляб 515, 517, 650
Кум, сел. 199
Кум, р. 180, 181, 199, 200
Кумис 233
Кунград. 617, 629, 666, 705
Кундуз 67, 449, 455, 515, 517, 547, 556, 557, 558, 674
Кундузча 445, 555
Куня-Ургенч 612, 617, 623, 629
Кураминский район 660
Курдистан 369, 424
Курут 344
Кутарния 225
Кутлуг-Мурад, медресе 701
Куфа 185, 191, 195
Кухинон 29
Кухисим 29, 291
Кухистан 246, 301, 369
Куча 148, 153
Кучук-тепа 53, 74, 75
Кушанское государство 60, 129, 137—140, 144—147, 149, 156, 158, 182
Кушания 169, 173, 174, 179
Кушбеги, канал 617
Кушка 555
Кушк-и муган 375
Куяс 349
Кызылалмасай 29
Кызыл-Арват 278, 348

Кызыл-Кала 22
Кызылкумы 18, 45, 76, 77, 115
Кырккыз, дворец 343
Кырккыз, канал 172
Кюзели-Гыр, городище 74, 76
Кюль-Тегин 165
Кюрен-Даг 592
Кят 8, 160, 193, 294, 362, 365, 394, 442, 443, 541, 591, 597, 612
Лавлякан, стоянка 45, 623
Ланьши 135
Лаузан 612, 613
Лахор 518, 562, 670
Ле-Мустье 20
Ленинабад 62, 93, 96, 106, 116
Лидия 77,
Лисак, мечеть в Бухаре
Лоб-Нор 169
Лур 430
Лялькан 623
Мавераннахр 158, 186—188, 190, 194, 212, 213, 215, 216, 218, 224, 228, 230, 232—237, 239, 241—245, 247—252, 255, 257, 259, 260, 266, 269, 270, 273, 276, 277, 278—282, 285, 287, 293, 300, 308, 311, 313, 316, 318, 319, 359—361, 366, 367, 369—374, 377, 379, 380, 382, 383, 385, 386, 388, 389, 391, 392, 394, 400, 402, 408, 410, 414, 417, 421, 424, 425. 427, 429—436, 438, 439, 441, 444, 445, 450, 451, 453, 456, 457, 461, 465—469, 475, 478—480, 482, 483, 486, 487—497, 505—509, 515—521, 539, 550, 552—554, 557, 560, 561, 563, 567, 573, 580, 587, 591, 600, 661
Магнесия 110
Магоки-Аттари, мечеть 309, 310, 343, 405
Маджан, канал 273
Мадура 149
Мазандеран 430, 457, 466, 476
Мазари-Шериф 674
Маймург 173
Македония 91, 108, 109
Малага 322
Малая Азия (см. Азия Малая)
Малик, степь 75
Мангышлак 76, 385, 387, 444, 591, 592, 600, 667, 671, 673
Мараканда 74, 76, 88, 92, 93, 96, 97, 100, 115, 116
Марг (Мерв) 71
Маргиана 66, 67, 82, 106, 111, 112, 113, 114, 115, 143
Маргилан 624, 627, 659
Марсманда 292
Мархамат, см. Эрши
Мары 265
Масудбека «Масудийе», медресе
Мах, базар в Бухаре 344
Махандарья 40, 41
Махуван 227, 228.
Мачай, Байсунского р-на пещера, грот 36
Мачит 276
Мачити Калон 405, 544
Меана 668
Медина 184, 186, 189
Междуречье, среднеазиатское 502
Меймене (Маймене) 515, 517, 553, 557, 608
Мекка 189, 232, 390, 441, 477, 553, 554, 671
Мелика Санджара, дворец 391
Мерв (Мары) 74—76, 88, 115, 143, 152, 153, 169, 184, 185, 187, 189, 192, 218, 222, 224, 226—228, 234—236, 242, 243, 247—249, 253, 255, 256, 260, 265, 268, 273, 277, 293, 294, 309, 312, 313, 319, 326, 329, 331, 367—369, 373, 387, 389, 404, 422, 424, 485, 516, 517, 656, 604, 605, 609, 617, 656, 667—669, 695
Мерверуд 189, 215, 224, 226, 227, 241
Мервский оазис 107, 655
Мерке 173, 294, 349, 391, 689
Месопотамия 62, 68, 86, 143, 276, 285, 286
Мешхед 466, 479, 480, 486, 491, 550, 627, 656, 670
Мешхед-и Мисриян 278, 592
Миankаль 146, 561, 562, 566, 570, 580, 608, 614, 617, 649, 650, 652, 655—658
Мидия 69, 70, 83, 84, 106, 143
Мидийское царство 69
Милет 94
Минк 292
Мири Араб, медресе в Бухаре 545, 547, 563, 564
Миср (Каир) 603, 670, 691—694

Моголистан 426, 431, 434, 435, 464—466, 499, 500, 506, 507.
Монголия 135, 175, 293, 294, 362, 391, 408, 409, 411
Моруру, Муру (Мерв) 84, 85
Москва 8, 521, 538, 571, 596, 670
Московское государство 538, 539, 596
Мох, мечеть 309, 310
Мох, ворота 310
Муг 165, 175, 181, 272
Муганская степь 486
Мугоджарские горы 296
Музрабат 53
Мулиан 331
Мультан
Мураб'а Большая, базары в Нишапуре 312
Мураб'а Малая
Мургаб, р. 67, 110, 227, 515, 517, 608, 612, 656, 670.
Мухаммед-Амин-хана, медресе 681
Наиб-Кала 406
Накши Джахан 473
Накш-и Рустем 66, 80
Намазгох, ворота 405, 418, 554
Наманган, 624, 625, 627, 659, 660, 665, 682
Намик. (Немахья, Зарафшан) 63
Нанай 18
Нарпай 612
Наршах 239, 240
Нарын 22, 611
Насрабад 293
Науканд 231
Наукат (Фергана) 76
Наутака 92, 102, 103
Нахшеб 157, 170, 236, 237, 239, 244, 280, 431
Нерету 479
Неса 247, 302, 365, 367, 368, 413, 423, 480, 486, 668
Несеф 186, 192, 194, 224, 248, 269, 432, 650.
Нил 62
Нильский остров 82
Нишапур 88, 233, 242, 247, 250, 276, 294, 312, 313, 329, 360, 367, 368, 387, 389, 421, 423
Ново-Александровское укрепление 673
Ноин-Ула, могильник 135
Нур (Нурата), город 76, 347, 357, 361, 366, 367, 416, 608, 649, 650
Нуратинские горы 77
Нуратинские ворота в Бухаре 308, 311
Нуратинский хребет 45, 64
Обирахмат 10, 18, 24, 27, 28
Окс (Дарьялык) 595
Оксус, см. Амударья
Онарча 22,
Орда улус 500, 501
Оренбург 662, 667, 671, 673, 694
Оренбургская линия 632
Орлиная горка 122
Ормуз 475
Орск 673
Орунбай-кала 694
Ортоспана 144
Отрар 412, 414, 415, 416, 433, 448, 458, 463, 465, 510
Ох (Теджен) 76, 111, 112
Ош 509, 664
Палвандарвоза 682
Пайкенд 41, 172, 186, 190, 260, 261, 269, 270, 343, 371
Пакистан 137, 139
Палестина 184, 386
Пальман 22
Пальтау, сай 27
Памир 17, 67, 75, 128
Паретак 103
Париж 670
Паропамисады 114
Парсу 612
Парфия 67, 88, 108—109, 110, 117, 123, 111, 112, 116, 119, 122, 123, 128, 143, 147
Пекин 410, 411, 429
Пенджаб 153, 359, 670
Перван 423
Персеполь 66, 80, 81.
Персидский залив 79, 475
Петербург 10, 674, 694
Пешавар 140, 670
Пешагир 655
Писте-шиканан 272
Питняк 610
Платэи 73
Поволжье 55, 298, 299, 362, 406, 444, 445, 590, 629, 632, 688
Поволжье Нижнее 446, 690
Политимет (Зарафшан) 63, 98
Поурута 84
Приаралье 46, 69, 687, 688
Приаральские степи 505, 506
Придунавье 688

Прикаспийские области 590
Присырдарьинские степи — 126.
Приуралье 55, 143, 144, 688, 690.
Причерноморье 123
Пскем, р. 28
Пскент, 534
Пуду (Арахосия) 137
Пянджикент 160, 170, 172, 174, 178, 179, 181, 261, 265, 269, 330, 612
Пяндж Рудак, сел. 330
Пянджшир, долина 423
Рабат-и Машэ 367
Рабат-и Мелик 355, 405
Раби'а, дворец 428
Рабинджан 200
Раг (см. Рей).
Разик 273
Рамитан 192, 265, 281, 306, 432
Рас-ат-так 316
Ранха, см. Амударья
Раха, см. Амударья
Рей 106, 233, 284, 369, 389
Решт (Рест) 326
Ригистан, ворота 263, 264
Ригистан, площадь 310, 314, 320, 363, 467, 472, 478, 587
Рим 11, 59, 109, 112, 138, 143, 148, 161
Римская империя 148, 149, 161
Риндан, улица в Бухаре 266
Россия 8, 10, 536—538, 571, 602, 603, 607—609, 615, 619, 620, 623, 625, 626, 627, 629—635, 659—662, 667, 669, 670—677, 680, 685, 686, 691, 693, 694, 700, 704
Рось 688
Рошан 663
Руди-Зар (Шахруд) 310
Русская равнина 35
Русское государство 603, 693
Русь 498, 515, 575, 688
Савад 225
Саганиан, см. Чаганиан
Сайрам 520, 660, 662
Сакадим, сел. 226
Сакастан (Сеистан) 126
Саксаульские стоянки 46
Са'лук, крепость 479
Самара, р. 294
Самарканд 8, 10, 11, 25, 74, 93, 145, 158, 160, 165, 168—170, 172, 173, 176—178, 186, 188, 190, 192—194, 219, 222, 231, 232, 237—239, 242, 243, 247, 249—251, 254, 260, 265, 269—772, 277, 279, 281, 282, 284, 286, 288—291, 293, 294, 304, 307—309, 312, 315, 316, 322, 323, 326, 329, 344, 355—357, 360, 361, 367, 369—374, 378, 382, 385, 386, 391—393, 400, 404, 406, 414—419, 424, 425, 436, 438, 439—441, 445, 449, 450, 453, 458, 461—463, 465—468, 471—473, 476—479, 481, 482, 485, 488, 491, 495, 505, 507, 510—515, 517, 518, 524, 532, 534, 535, 537—539, 542, 544, 549, 550, 554, 555, 557—559, 561, 570, 572, 574, 578, 580, 587—589, 601, 602, 606, 608, 610, 612, 622, 626, 627, 633, 650, 652, 657, 659, 682
Самаркандская область 25, 50, 51, 156, 509, 525, 610, 614, 619,
Самаркандская обсерватория 582
Самаркандский вилайет 638, 659
Санам, гора 237, 243
Сарай 443, 449, 500
Сарай Берке 445, 446
Сарды 77, 79
Сари-Пултабан 513, 515
Саррафан, купол в Бухаре 309
Сарыкамыш, озеро 595
Сарыкамышская впадина 18
Сарыкурган, кишл. 30
Сарысу 18
Сары-Чонгул 700
Сауран 370, 499, 510, 536, 541, 546
Сафизандж 225—226
Сашгар 623
Себзевар 437, 446, 550
Севилья 322
Седжестан 326
Сеистан 224, 241, 242, 246, 251, 284, 326, 369, 436, 447.
Селевкия 106
Семиречье 87—88, 126, 150, 157, 165, 166, 169, 173, 187, 188, 270, 346, 353, 355, 359, 374, 385, 392, 410, 414, 431, 445, 498, 499, 560, 609.
Сераж 247
Серахс 367, 368, 479
Серахский район 591
Сибирь 35, 51, 55, 75, 116, 498,

504, 538, 552, 571, 609, 629, 632,
Сибирское (Тюменское) царство 503, 506
Сивас 448, 456
Сизимитра, скала 103
Сиккат мугон, ворота 310
Силис (Сырдарья) 62
Синд 114, 227
Сирия 91, 109, 112, 116, 152, 184, 189, 353, 386, 420, 424, 446, 448, 457
Скандинавия 300
Советский Союз 345
Согд 67, 70, 76, 77, 84, 85, 90—92, 94, 95, 97, 98, 101, 103—107, 112, 114, 116, 117, 119, 120, 125, 127, 142, 144, 167, 170—172, 175—177, 180, 181, 185—188, 190, 192, 218, 233, 236, 238, 241, 242, 247, 254, 258, 259, 261, 271, 272, 277, 308, 346, 352, 359, 381, 501.
Согдиана 68, 69, 88, 98, 100, 102, 106, 108, 111, 114, 116, 119
Сох 24, 29, 30, 65
Средняя Азия см. Азия Средняя
Средиземноморье 147, 167, 290, 449, 669
Средний Восток см. Восток Средний
СССР 24, 66, 88, 298, 501
Стамбул 473, 488, 516
Субах 237
Су-бою 592
Сугда (Согд) 85
Су-е см. Суяб
Сузак 505
Сузы 77, 79
Сулиана 331
Сулик (Согд) 175
Султанбендская плотина 656
Султания 458, 463
Султан-Кала, городище 269, 309
Сумитан 546
Сурхан 189
Сурхандарья 53, 185, 380, 667
Сурхандарьинская обл. 24, 36, 37, 134, 135, 150, 156, 608
Сурхандарьинский район 522
Сурх-Котал 146
Суяб (Су-е) 169, 173, 294
Суярган 48
Сурх-Котал 147
Сыгнак 416, 419, 463, 465, 499, 505, 536, 537, 546, 687, 689
Сыр 694
Сырдарья 18, 54, 62, 63, 65, 67, 79, 85, 93—96, 105, 106, 115, 125, 127, 131, 168, 170, 278, 346—348, 356, 366, 370, 414, 416, 419—421, 430, 442, 445, 463—466, 479, 499, 500, 503—505, 515—516, 525, 560, 561, 579, 609, 612, 662, 670, 672, 687, 689, 690, 693, 694
Сырдарьинская линия 697, 704
Табаристан 217, 289, 305
Табушкан 205
Тававис 260, 279
Таг-бой 593
Таджиказган 44
Таджикистан 22, 74, 81, 122, 126, 133, 134, 135, 142, 144, 145, 158, 175, 182, 189, 283, 608
Таджикская ССР 269
Тайпаккуль 38
Такалыксай 26
Таксила (Северный Пакистан) 122, 148
Талас 169, 173, 187, 347, 348, 350, 392, 431
Тали-Барзу 160
Талкан г. 152, 153, 205, 224, 241
Талли-Пач, ворота в Бухаре 564
Тан (Азов) 446
Танаис (Сырдарья) 62, 83, 92, 93, 96
Танганьика 21
Тангут 409
Танирказган 22
Тара 538
Тараб 427, 428
Тараз (около Джамбула) 173, 188, 260, 261, 282, 294, 349, 351, 352, 374, 433
Тарим 348
Тарнаб 466, 476
Тасасидж 214
Тахтикувад (на Вахше) 87
Ташауз 629
Ташкент (Чач, Шаш), 8, 27, 62, 106, 111, 117, 131, 142, 144, 146, 158, 159, 169, 170, 172—173, 177, 180, 187, 193, 194, 236, 247—249, 254, 261, 265, 277—279, 281, 285, 288, 290, 291, 293, 294, 322, 346—348, 352, 353, 359, 380, 385, 404, 433, 436, 445, 476,

486, 498, 507, 510, 511, 514, 515, 519, 520, 522, 534, 536, 538, 539, 550, 551, 559, 565, 570, 608—610, 617, 621, 623, 627, 633, 636, 637, 643, 650, 660—664, 670, 677, 684, 685, 693
Ташкентская область 51, 67, 156, 507, 534, 536, 610, 612.
Ташкентский оазис 50, 127
Ташкентский район 172, 187, 551, 621
Ташкентский удел 547
Ташкурган 143
Таш-хаули 681
Ташлы-ярмыш 597
Тебес 479
Тебриз 444
Тегеран 405, 627
Тергаучи 52
Терек 445
Термез 8, 10, 53, 74, 92, 116, 122, 145, 146, 148, 239, 260, 269, 291, 316, 317, 343, 355, 370, 386, 404, 421, 476, 536, 557, 558
Тешик-Кала 177
Тешикташ 10, 18, 24—28
Тибет 17, 125, 249
Тигр 62, 216
Тилля-кори, медресе 578, 588
Тильзит 669
Тим 342
Тими Калон 545
Тихий океан 168, 449
Тобол 503
Тобольск 538
Тойтепа 34—35
Ток-Кала 180
Токмак 347
Топрак-Кала, городище 145—147, 174, 176, 179
Тохаристан (Ту-хо-ло) 123, 133, 135, 143, 145, 152, 154, 170, 177, 185, 187, 205, 226—227, 248—249, 378, 381
Триниль 21
Троицк 673
Тузкан 42—43
Тузкан Большой 40—42, 45
Тузкан Малый 40—42
Тук 597
Тулхар, могильник 135
Тункет (Илакской обл.) 283, 301
Тупхона, могильник 135
Туран 98
Туркестан 280, 324, 537, 583, 609, 635, 693
Туркестан, город 458, 505, 513, 559, 608, 617, 650, 656, 660, 662, 689
Туркестан Восточный 114, 116, 125, 128, 143, 144, 148, 153, 157, 158, 166—169, 173, 175, 294, 348, 349, 352, 358, 414, 483, 499
Туркестан Южный 601, 608, 626, 655
Туркменистан 44, 71, 107, 430
Туркменская ССР 22, 43, 53, 64, 74, 126; 227, 348, 406, 591—593, 608, 627, 668
Турция 503, 538, 543, 544, 589
Тус 247, 249, 360, 369, 378, 480
Тюмень 503, 538
Тюмень-Арык 463
Тюркский каганат 146, 165—170, 172, 174, 182
Тянь-Шань 17, 170, 498, 500
Уаз, урочище 612
Узбекистан 5, 7, 10, 12, 18, 19, 22, 24, 27, 29, 31, 32, 34—36, 38, 43—46, 49, 50, 53, 60, 61, 65, 67, 71, 76, 77, 80, 82, 88, 89, 117, 122, 126, 133—135, 137, 142—145, 147, 176, 182, 189, 278 319, 345, 369, 381, 420, 463, 469, 501—502, 534, 560, 571, 589, 607, 616, 634, 636.
Узбой Усть-Уртский 18, 62, 592
Узген 369, 373, 374, 392, 416, 419, 499, 505, 689
Узункуль 38
Улатау 571
Улугбека медресе 587—588
Улугнар (Улугнахр) 612
Улу-Таг 445
Унаг, Бухарский оазис 180
Унгуз 18
Урал 43, 168, 295, 503, 609, 623, 632, 693
Ура-Тюбе или Уратепа 158, 536, 609, 617, 623, 627, 629, 655, 660, 664, 688
Ургенч (Гургендж, Джурджания) 8, 260, 294, 297, 326, 335, 336, 362—371, 391, 394, 404, 406, 412, 416, 420—422,

442, 443, 449, 515—531, 538, 590, 595, 596, 682
Ургенч (новый) 596, 610, 614, 629, 697
Ургут 612, 617, 650
Урмитан 655
Усрушана 76, 93, 94, 98, 158, 170, 173, 248, 249, 277, 279, 292
Усть-Уртский Узбой (см. Узбой).
Учтут (Бухарской обл.) 22 ,24
Ушмунейн 289
Файзабад, ханака 546
Фарав, рабат 278, 348, 365, 367, 368
Фараб (Фарьяб) 205, 209, 346, 515, 517
Фарджек, медресе 314
Фарс 246, 254, 289, 430, 448, 450
Фахруддина Рази, мавзолей 406
Федченко ледник 18
Фергана (Паркан) 8, 29, 30, 38, 53, 64, 67, 75—77, 84, 85, 106, 110, 111, 114—117, 124, 125, 128, 131—134, 144, 158, 170—172, 174, 175, 177, 179, 187, 194, 209, 236, 241, 248, 249, 261, 270, 277, 288, 291, 292, 333, 340, 346, 353, 359, 370, 380, 385, 410, 442, 450, 462, 465, 471, 480, 485, 498, 501, 507, 512, 515, 520, 524, 528, 532, 536, 560, 566, 609, 612, 614, 615, 617, 618, 623, 657, 659—665, 677, 685
Ферганская долина 10, 22, 24, 27, 45, 50—52, 65, 67, 74, 106, 131, 198, 279, 373, 380, 608, 610, 612, 659, 678, 684, 685
Фермопилы 71
Фил (Фир), цитадель Кята 193
Финикия 91
Фир, замок близ Кята 160
Франция 20, 475, 669
Фу-Чжоу 410
Хавас 627
Хаджадж, ворота 363
Хаджи Тархан см. Астрахань
Хазар 405
Хазаран 298, 299, 313
Хазарасп 362, 265, 366, 521, 591, 592, 603, 614, 624, 629, 668, 681
Хазарское царство 294, 295
Хазрат Хызр, мечеть 316
Халасийе (Ихласийе), медресе в Герате 490
Халеб (Алеппо) 243, 448, 457
Халифа Ниязкула, медресе, см. Чарминар
Халифа Худайдад, комплекс построек в Бухаре 683
Халчаян 115, 135
Хамадан 233, 294
Ханабад, местность 674
Ханабад, канал 612
Ханабад, дворец 614
Ханарык 612
Ханка 603, 604, 629
Харджеиг 355
Харева (Ария) 85
Харкан, канал 225
Харкан, базар 311
Харкана 173
Харран (Карры) 153
Хасанабад 546, 570
Хасанабадский канал 530
Хатын-Рабат 122
Хатырчи 511
Хвайризем (Хорезм) 85, 86
Хе (Кушания) 180
Хива (Хивак) 262, 442, 471, 520, 521, 538, 555, 556, 566, 567, 591, 595, 596, 599, 602—606, 609, 610, 615, 618—620, 627, 629, 633, 636, 637, 639, 644, 646, 656, 659, 662, 666—668, 670—675, 677, 681, 682, 691, 695, 699—704.
Хивинский оазис 597, 601
Хивинское ханство 590, 595—600, 602, 604—607, 609, 611, 612, 614, 615, 618, 629, 636—639, 641, 643, 647, 665—668, 675, 677, 681, 690, 691, 695, 697, 703
Хивинское (Аральское) море 689
Хильменд 126
Хиндуван в Балхе 440
Хиндустан 289
Хисар 449, 507, 515, 517—519, 529, 530, 557, 558, 570, 608, 612, 623, 633, 650, 651
Хисарский хребет 237
Хисе 137
Ходжа Ахмеда Ясави, мечеть 458
Ходжа Ильгар, сел, 435
Ходжамны Кабры, мавзолей 682
Ходжахайр, кишл. 22
Ходжейли 612, 629

Ходженд 76, 116, 170, 199, 249, 385, 419, 420, 425, 433, 434, 450, 521, 525, 536, 552, 608, 609, 617, 627, 650, 655, 659, 660, 663, 664
Ходжентские горы 77, 534
Ходжикент 10, 18, 24, 27, 248, 269
Ходжи Зайнуддина мечеть 588
Холкинмайн, сай (Ходжахайр) 22, 30
Хоканд (Хуканд), сел. 560
Хорас 380
Хорасан 185—189, 194, 206—208, 212, 215, 219, 220, 224—226, 228, 232—235, 237—241, 243, 245—252, 271, 275, 276, 282, 285, 290, 292, 301, 304, 307, 308, 312, 326, 331, 356, 358, 360, 363, 367—369, 378, 381, 383—390, 406, 420, 422, 423, 430, 435—437, 446, 447, 457, 461, 466, 479, 481—483, 486, 489, 491, 494, 504, 507, 508, 515—517, 520, 521, 537, 555, 556, 591, 595, 603, 666, 668—670, 677
Хорезм 8, 38, 44, 48—51, 54, 64, 67, 74—77, 82, 84, 85, 88, 99, 106, 107, 115, 117, 119, 122, 127, 129, 131, 142, 143, 145, 156, 158, 168, 170, 171, 174, 176, 177, 180, 185, 187, 192—194, 211, 212, 216, 230, 249, 259, 260, 283, 288, 290, 291, 294, 295, 298, 299, 319—321, 326, 332, 333, 335, 336, 347, 358, 361—363, 370, 380, 382—385, 387—389, 391, 394, 406, 408, 411, 412, 420, 424, 425, 442—446, 457, 463, 476, 480, 486, 498, 500, 501, 503, 515, 520, 521, 531, 536, 541, 552, 556, 560, 564, 590—595, 597, 598, 600—609, 613, 614, 617, 618, 623, 629, 681, 682, 684, 685, 688
Хорезмский оазис 64, 67, 590, 595
Хорезм Северный 362, 442
Хорезм Южный 294, 362, 442, 443, 596
Хориена, скала в Паретаке 101
Хотан 153, 410, 537,
Хузар 463, 562, 608, 652
Хузистан 384
Хульм 674
Хунбун 213
Хурмузаффар 226
Хутталь 218
Хуттalян 134, 205, 207, 224, 248, 249, 319, 326, 356, 370, 387, 434, 440, 442, 449, 515
Хюми 137
Цитрахан (см. Астрахань)
Чаганиан 152, 178, 185, 224, 239, 248, 249, 325, 326, 370, 468
Чаганруд (ныне Сурхандарья) 280
Чадак 560
Чанглы-Босу 612, 613
Чар-Бакр 564
Чарджуй (Чарджоу), Амуй, Амуль 62, 169, 189, 249, 294, 565, 570, 601, 604, 663
Чарджуйская обл. 637
Чарминар, медресе 683
Чаткал 28, 29, 76
Чач (Шаш), см. Ташкент
Чебаркуль, стоянка 43
Черемшан, 294
Черное море 99, 168, 500
Чигиль 349
Чилек 657
Чильдухтаран 547
Чимбай 52, 641, 697
Чимкент 173, 346, 347, 350, 625, 627, 660—662
Чиназ 436, 623
Чирчик, р. 27, 28, 291, 623, 660
Чирчикско-Ангренский оазис 279
Чирчик-Рабат 703
Чистополь 445
Чонгар (Чунгар) 30
Чор-Сутун, мечеть 343
Чарминар в Бухаре 683
Чу 18, 169, 173, 175, 187, 347, 465, 506
Чуба-и Бакалан 272
Чугучак 385
Чуманай 612, 614
Чупан-Ата 34
Чуст 10, 52, 74, 560, 624, 660
Шабурган 434, 557, 562, 580, 606
Шавгар 280, 351
Шаимкуприк, урочище 28
Шамсийя, квартал в Багдаде 333
Шапур-кам 212
Шахабад 610, 629
Шахабадский канал 597

Шахи-Зинда, мавзолей 406, 458, 459, 467, 472
Шахринаус, городище 145
Шахрисабз 92, 117, 158, 171, 435, 447, 453, 458, 476, 482, 510, 512, 519, 536, 558, 561, 565, 570, 580, 608, 614, 617, 624—627, 633, 650, 655, 658, 680
Шахри Сафа 630
Шахрихан 662
Шахрихансай 612
Шахруд 310
Шахрухия 465, 477, 515, 520
Шаш (Чач) см. Ташкент
Шашская область 442
Шейбани-хана суфа 544, 547
Шейбани-хана медресе в Самарканде 544
Шейх Джалал, хонака 683
Шейхджелинские горы 623
Шейх Шереф, мазар 406
Шимамкент 612
Ширабад 37, 625, 626
Шираз 328, 450, 457, 458, 462, 468, 479
Ширазский тумен 612.
Ширван 448, 516
Ширдор, медресе 578, 587.
Шифахийе см. Герат
Шуанми 137
Шугнан 663
Шуман 189, 192
Шурабашат, городище 131
Шурали, сай 29
Шурахан 367
Шуркул 22
Эгейское море 79
Экбатаны 71, 75, 116, 127, 143
Элам 79
Элефантина 73, 82
Эмба 294, 295, 348, 507, 689, 693
Эран-ведж (Айриана-Ваэджа) 84
Эрши (Мархамат) 132, 133
Эрфурт 669
Эфес 79
Эчки-Кирон 41
Юргенч см. Ургенч
Ява 21
Яван, городище 145
Яганда 296
Яз, стоянка 53
Яз-депа 74.
Яик 294, 503, 689
Якка-Парсан 51
Яксарт см. Сырдарья
Янгиарык 597, 612
Янгикент 416, 421
Янгикурган 38, 657
Янгиюль 28, 131
Янь 144
Яньцай 144
Яркенд 410
Ярмыш 597
Ясы (Туркестан) 479, 490, 510, 536, 546

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Введение 8

ЧАСТЬ I

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ 15

Глава I

Первобытное стадо 17

1. Естественноисторические условия обитания первобытного человека 17
2. Ранний палеолит 19
3. Средний палеолит 23

Глава II

Родовое общество 32

1. Верхний палеолит 32
2. Мезолит 33
3. Неолит 35
4. Переход к металлу. Возникновение земледелия и скотоводства. 41
5. Освоение бронзы. Развитие земледелия и скотоводства. Переход к отцовскому роду 44

ЧАСТЬ II

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЙ СТРОЙ 57

Глава I

Экономика и культура в период зарождения рабовладельческого общества (VI—IV вв. до н. э.) 61

1. Развитие искусственного орошения и кочевого скотоводства. 62
2. Древнее население Средней Азии середины I тысячелетия до н. э. 66
3. Основные события по историческим источникам 68

765.

4. Хозяйственная жизнь 73
5. Общественно-политическая жизнь 77
6. Культура 81

Глава II

Борьба Согда против Александра Македонского (329—327 гг. до н. э.) 90

1. Борьба на Сырдарье с «приречными варварами» и «азиатскими скифами» 93
2. Поход на Сырдарью. Выступление Спитамена 96
3. Покорение Согда и организация внутреннего управления . . 97
4. Сопротивление кочевников во главе со Спитаменом . . . 99
5. Захват Александром согдийских замков 102
6. Согд и Бактрия при «наследниках» Александра 104

Глава III

Греко-Бактрийское царство 109

1. Основные исторические события 111
2. Социально-экономическая жизнь 114
3. Культура 119

Глава IV

Кангха. Фергана. Бактрия (II в. до н. э. — I в. н. э.) 124

1. Основные события по историческим источникам 125
2. Кангха-Кангюй 127
3. Фергана 131
4. Бактрия 133

Глава V

Кушанское царство (I—IV вв.) 137

1. Основные события по историческим источникам 138
2. Социально-экономическая жизнь 143
3. Народные движения за свержение дехканства 145
4. Культура . . . . . .

Глава VI

Эфталитское государство (V—VI вв.) 149

1. Эфталиты, хионthird, кидариты 150
2. Основные факты истории эфталитов 152
3. *Социально-экономическая жизнь* 154
4. Культура 158

ЧАСТЬ III

ФЕОДАЛИЗМ

РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО (VI—IX вв.) 165

Глава I

Народы Средней Азии при тюркском каганате (VI—VII вв.) 165

1. Основные факты внешней и внутренней истории 166
2. Организация государства 169
3. Социально-экономический строй 170
4. Занятия населения. Города 171
5. Культура 175

Глава II

Завоевание арабами Средней Азии 183

1. Первый этап завоевания арабами Средней Азии. Причины успеха арабов 186
2. Колонизационная и налоговая политика арабов. Начало борьбы против власти арабов 194
3. Движение Хариса ибн Сурейджа 204
4. Курс Наср ибн Сейяра на союз с землевладельческой согдийской аристократией 208

Глава III

Мавераннахр в борьбе против власти арабского халифата в VIII—IX вв. 211

1. Положение в Мавераннахре в середине VIII в. 211
2. Участие народов Мавераннахра в борьбе против омейядского халифата в середине VIII в. (Аббасидское движение) . . 223
3. Антиаббасидские движения в Хорасане и Мавераннахре до 70-х годов VIII в. 230
4. Восстание Муканны и «людей в белых одеждах» 235
5. Восстания Хамзы ал-Хариджи и Рафи ибн Лейса 244
6. Идеология восстаний 252

Глава IV

Раннефеодальный город в Мавераннахре в VII—VIII вв. 259

1. Шахристаны. Кухендизы. Рабады 259
2. Бухарский арк 262
3. Социальная структура раннефеодального города 265
4. Торговля и ремесла 269

ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА (IX—XIX вв.) 275

Глава V

Феодальные государства IX—X вв. 275

1. Политическая история государств Тахиридов и Саманидов . . 275
2. Сельское хозяйство, ремесла и торговля в Мавераннахре в IX—X вв. 287
3. Караванная торговля в Средней Азии в IX—X вв., . . . 293
4. Социальный строй Мавераннахра в IX—X вв. 300
5. Феодальный город в Мавераннахре в IX—X вв. . . . 307
6. Центральное и областное управление при Саманидах в Мавераннахре в IX—X вв. 319

Глава VI

Культура в IX—X вв. (общий обзор) 327

1. Литература в Бухаре X в. 329
2. Наука при Саманидах в IX—X вв. 332
3. Архитектура и декоративное искусство 339

Глава VII

Феодальные государства в XI—XII вв. 346

1. Тюрки в Мавераннахре и соседних областях в X в. . . 346
2. Образование караханидского государства в Семиречье и Кашгаре 351
3. Завоевание Караханидами Мавераннахра и падение саманидского государства 353
4. Средняя Азия и караханидское государство в начале XI в. . 358
5. Хорезм в X и XI вв. 361
6. Сельджукиды в 20—30-х годах XI в. и падение Газневидов . 366
7. Караханидское государство во второй половине XI и первой половине XII в. 369
8. Общественные отношения в Мавераннахре при Караханидах в XI—XII вв. 372
8. Формирование узбекской народности 380

Глава VIII

Углубление феодальной раздробленности в Мавераннахре и возвышение Хорезма в XII и начале XIII вв. 382

1. Завоевание каракитаями Средней Азии и начало возвышения Хорезма в XII в. 382
2. Хорезмское государство в конце XII и начале XIII вв. . . 387

Глава IX

Наука и культура в XI—XII вв. 394

1. Наука в XI—XII вв. 394
2. Религия. Суфизм 399
3. Литература 402
4. Города. Архитектура. Искусство 404

Глава X

Мавераннахр и Хорезм под монгольским игом в XIII — в первой половине XIV вв. 408

1. Хорезмское государство накануне монгольского нашествия в начале XIII в. 408
2. Война с монголами в Мавераннахре в 1219—1221 гг. . . 414
3. Хозяйственное и политическое положение Мавераннахра в первые десятилетия после монгольского завоевания . . . 424
4. Восстание Мухмуда Тараби в Бухаре в 1238 г. 427
5. Мавераннахр во второй половине XIII — первой половине XIV в. 429

Глава XI

Государство Тимура 435

1. Политическое положение в Мавераннахре во второй половине XIV в. и образование государства Тимура 435
2. Захватнические походы Тимура (1370—1405 гг.). . . . 441
3. Внутренняя жизнь в государстве Тимура 449

Глава XII

Мавераннахр и Хорасан при Тимуридах (XV в.) 461

1. Распад империи Тимура и образование самостоятельных государств в Средней Азии и Хорасане 461
2. Культурная жизнь в Самарканде при Улугбеке 466
3. Начало новых феодальных смут в тимуридском государстве . 475
4. Социальный строй Мавераннахра и Хорасана в XV в. . . 480
5. Усиление реакции в Мавераннахре и политическая обстановка в Хорасане 486
6. Культурная жизнь. Алишер Навои 488
7. Мавераннахр и Дашти-Кипчак 497
8. Состояние тимуридских государств в конце XV в. . . . 507

Глава XIII

Политическое и экономическое положение Мавераннахра в XVI в. 509

1. Завоевание Средней Азии войсками Шейбани-хана. Политические события в шейбанидском государстве 509
2. Социально-экономические отношения в государстве Шейбанидов. 522
3. Культура в XVI в. 539

Глава XIV

Политическое и экономическое положение Мавераннахра при Аштарханидах в XVII—XVIII вв. 550

1. Основные политические события 550
2. Усиление феодальной раздробленности в Мавераннахре . . 557
3. Социально-экономические отношения и политический строй в государстве Аштарханидов 566
4. Народные движения 579
5. Культура Мавераннахра в XVII — первой половине XVIII вв. 580

Глава XV

Хивинское ханство (XVI—XVIII вв.) 590

Глава XVI

Узбекистан в конце XVIII — начале XIX вв. 607

1. Экономическое и политическое положение среднеазиатских ханств в конце XVIII — начале XIX вв. и усиление их связей с Россией 607
2. Политическая история среднеазиатских ханств конца XVIII—начала XIX вв. 649
3. Культура 675

Глава XVII

Каракалпаки в XVI — первой половине XIX вв. 687

Указатели

Указатель литературы 710

Указатель имен собственных — исторических и мифологических . 731

Указатель географических и историко-топографических названий 749

История Узбекской ССР. Т. I. Т., «Фан», 1967. (Акад. наук УзССР. Ин-т истории и археологии).
Т. I. Т. 5000. 772 стр.

9(С52)

ИСТОРИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР, т. I

Редактор *Л. Ф. Хаймаханова*
Переплет художника *В. Тия*
Художественный редактор *А. Расулев*
Технический редактор *А. Шепельков*
Корректоры *Г. А. Кулманова и Л. Дурникина*

Р07828. Сдано в набор 28/VI—1967 г. Подписано к печати 27/VII—1967 г.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$=24,62 бум. л.—49,25 печ. л. (11 вкл.) Уч-изд. л. 47,6
Изд. № 2151. Тираж 5000. Цена 5 р. 70 к.

Типография Издательства „Фан" УзССР, Ташкент, ул. Черданцева, 21
Адрес Издательства: ул. Гоголя, 70. Заказ 202.